

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

3 2044 022 397 202

W

P Slow 460.5 ($\frac{1894}{4-6}$)

HARVARD
COLLEGE
LIBRARY

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

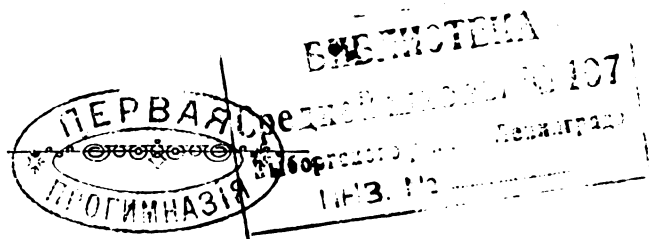
САМООБРАЗОВАНІЯ.

АПРѢЛЬ

1894 г.

1746

сн

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1894.

0.
P Slav 460.5 ($\frac{1894}{4-6}$)
✓

62 * 2

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 9 марта 1894 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. ~~ВЪЗЪ~~ НАЗВАНІЯ. Романъ. Часть вторая. (Продолженіе). Д. Мамина-Сибиряка	1
2. СТИХОТВОРЕНІЕ. ИЗЪ БИБЛІИ. Вл. Ладыженскаго	39
3. ПРОГРЕССЪ И РЕАКЦІЯ. (По поводу книги А. Шахова: «Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка»). Ив. Иванова.	40
4. ~~МАРІАНА~~ . Романъ Э. Альгрень. Переводъ со шведскаго. (Продолженіе). Пер. В. Ф.	63
5. ИЗЪ ИСТОРИИ ОДНОГО УЧИЛИЩА. (Письмо изъ деревни). Вл. Л—снаго.	85
6. БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ. Посвящается В—ѣ. К—ѣ. П—К. (Окончаніе). Проф. Ар. Ив. Якобія.	92
7. КРОВЬ. Изъ сказокъ Нинонѣ Эмиля Зола. Перев. А. Бородиной.	116
8. ПОДЪ СѢНЬЮ ТІАРЫ. Историческая повѣсть проф. Э. Жебара. (Продолженіе) пер. съ фр. В. Мосоловой.	127
9. ИЗЪ «ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ» Фабра. Перев. Е. Ш.	162
10. НОВЫЯ КНИГИ: С. Н. Южаковъ. «Доброволецъ Петербургъ» — дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». 1894 г. Ц. 1 р. 50 к. Э. — На добрую память изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. Составлена Л. П. Никифоровымъ. М. 1894 г. Ц. 1 р. 25 к. Съ благотворительною цѣлью. М.—Общественное призваніе дѣтей на началахъ самостоятельнаго ихъ существованія въ связи съ вопросомъ о сельскохозяйственномъ и кустарномъ образованіи. Н. Жеденовъ. Ц. 20 к. — Угасаніе инородческихъ племенъ Сѣвера. Проф. Ар. Ив. Якобія. Спб. Ц. 40 к. А.—Братскій словарь мнѳологіи и древностей.—Составлено по 6-му изд. «Handy Classical Dictionary» и др. источникамъ М. Корша. Изданіе А. С. Суворина. 1894 г. 233 стр. А.—Второй стѣнной календарь петербургской весны. Сост. Дм. Кайгородовъ. Спб. 1894 г. А.—Генрихъ Стендаль (Бейль). Красное и черное (романъ). Пер. В. Чуйко. Изд. М. М. Ледерле. W.	177
11. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	139
12. СМѢСЬ. Изъ русской жизни: Вопросы русской общественной жизни.—Менониты въ Туркестанѣ.—Долги крестьянъ и шансы на ихъ погашеніе въ Воронежскомъ уѣздѣ.—Крестьянскія постройки на сѣверѣ.—Крестьянскіе опыты удобренія фосфоритною мукою.—Дѣятельность Саратовскаго земства.—Изъ иностранной жизни: Рабочій вопросъ въ Австраліи.—Успѣхи женскаго движенія за 1893 годъ.—Газетный музей въ Аахенѣ.—Народный университетъ въ Германіи.—Изъ жизни швейцарскихъ ремесленниковъ.—Союзъ народныхъ учительницъ въ Берлинѣ.—Исторія одной рабочей ассоціаціи во Франціи	197
13. ИЗЪ МІРА НАУБЪ: Новая бѣда.—Шелкопрядъ монахъ.—Изученіе дѣтей въ первые періоды школьной жизни. — Новая гипотеза о строеніи земнаго шара.—Древность химіи, какъ науки.—Врачебныя науки въ средніе вѣка.—Фосфориты грота Минервы.—Электричество въ земледѣліи.—Эвкалиптусъ.—Выставка египетскихъ папирусовъ	218
14. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.	226
15. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) СВОБОДНОЕ ПОПРИЩЕ. Романъ Вернера. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Шелгуновой	97
2) НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ. Съ нѣмецкаго по Боелли, Неймайру и друг. подъ редакц. В. Агафонова.	89
16. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

БЕЗЪ НАЗВАНІЯ.

Романъ *).

(Продолженіе).

ЧАСТЬ ВТОРАЯ.

VI.

Пароходъ пришелъ утромъ, а поѣздъ Уральской желѣзной дороги отходилъ вечеромъ, такъ что въ распоряженіи экспедиціи оставался цѣлый день. Впрочемъ, интереснаго въ Перми рѣшительно ничего не было, какъ и въ большинствѣ русскихъ губернскихъ городовъ. Даже Потемкинъ не могъ найти темы для какого-нибудь новаго проекта. Результатомъ цѣлой дневки явился флаконъ одеколона, купленный Сережей.

— Ну, городъ...—повторялъ фельдшеръ Потаповъ, качая головой.

Экспедиція страшно скучала, сбившись на воезалѣ одной кучкой. Всѣхъ довольнѣе была маленькая Таня, обрадовавшаяся твердой землѣ. Дѣвочка бѣгала по залѣ и съ любопытствомъ разсматривала публику.

— Вѣдь это ужъ Сибирь, папа?—приставала она къ отцу.

— Почти Сибирь... — объяснялъ Иванъ Гаврилычъ. — Вотъ поднимемся на горы, а за горами уже начнется настоящая Сибирь.

— А тамъ страшно, папа?

---

*) См. «Миръ Вождя», № 3.

«Миръ Вождя», № 4. апрѣль.

— Ничего страшнаго нѣтъ... Такіе же люди живутъ, какъ и въ Москвѣ.

— Ну ужъ извините, Иванъ Гаврилычъ,—вступилась княжна, испытывавшая приступы глухой тоски по родинѣ.— Посмотрите на эти лица...

Относительно лицъ княжна была права. Дѣйствительно, начали попадаться типичныя сибирскія фізіономіи—скуластыя, широконосыя, узкоглазья. Окоемовъ про себя любовался этими квадратными лицами, окладистыми бородами, недовѣрчиво-упрямыми взглядами—все говорило о сибирскомъ упрямствѣ и промысловой хитрости. Это были отдаленныя потомки новгородскихъ землепроходцевъ. Сказывалась страшная боевая закваска, унаслѣдованная, можетъ быть, еще отъ разбойничьихъ шаекъ новгородской вольницы. Впрочемъ, Пермь являлась на великомъ восточномъ пути только передаточнымъ пунктомъ, и настоящіе сибиряки здѣсь являлись въ качествѣ проѣзжающихъ.

Всѣ вздохнули свободнѣе, когда поѣздъ отошелъ. Сережа даже принялъ воинственный видъ, какъ человѣкъ, который приготовился къ рѣшительному шагу. Его поразило въ публикѣ, собравшейся на вокзалѣ, почти полное отсутствіе военныхъ и, въ частности, дворянства. Начиналось какое-то мужицкое царство.

— Да, тутъ нужно держать ухо востро,—цѣдилъ Сережа сквозь зубы.—Какія-то разбойничьи фізіономіи...

Сережу еще съ Казани охватило какое-то недовѣрчивое чувство, и онъ подозрительно осматривалъ даже скамейку, на которой сидѣлъ. Вся экспедиція ѣхала въ третьемъ классѣ. Вагонъ былъ просторный, свѣтлый, и публики ѣхало, сравнительно, немного.

Послѣ мертвой Перми пріятное впечатлѣніе произвели на всѣхъ два бойкихъ пункта—казенный пушечный Мотовилихинскій заводъ и пристань Левшина. Послѣдняя красиво занимала уголь, образованный р. Чусовой при ея впаденіи въ Каму. Здѣсь чувствовалась жизнь, движеніе и бойкая работа.

Княжна имѣла самый жалкій видъ и молча сидѣла въ уголкѣ, какъ наказанный ребенокъ. Окоемову сдѣлалось ея жаль.

— Надѣюсь, вы здоровы, Варвара Петровна?—заговорилъ

Окоемовъ, подсаживаясь къ ней.—У васъ такой несчастный видъ...

— Чему же радоваться?... Уже завезли меня на край свѣта. Все чужое... Чужія лица... Миѣ даже страшно дѣлается.

— Ничего, привыкните помаленьку. Вы только посмотрите, какая здѣсь природа. Какъ легко дышется... Когда я уѣзжаю изъ Москвы, у меня является такое чувство, точно я снимаю съ себя какую-то тяжесть...

Окоемовъ, дѣйствительно, чувствовалъ себя прекрасно, какъ никогда. На его блѣдномъ лицѣ выступилъ даже блѣдный румянецъ. Онъ, чтобы развлечь приунывшую княжну, рассказывалъ ей исторію колонизаціи Сибири, причѣмъ Уралъ являлся роковымъ порогомъ, задерживавшимъ исонную тягу русскаго племени на востокъ. Въ короткихъ словахъ Окоемовъ рассказывалъ нѣсколько біографій знаменитыхъ сибирскихъ землепроходцевъ, проявившихъ изумительную энергію, хотя и направленную иногда не по надлежащему руслу. Вообще, Сибирь стоила русскому племени страшной затраты силъ, а результаты еще въ будущемъ.

— Вся Сибирь въ будущемъ,—говорилъ Окоемовъ, воодушевляясь.—И даже страшно подумать объ этомъ будущемъ, настолько оно грандіозно, начиная съ неисчерпаемыхъ сибирскихъ сокровищъ. Гдѣ теперь живутъ 5—6 милліоновъ населенія съ грѣхомъ пополамъ, будутъ жить сотни милліоновъ. Повѣрьте, что я не преувеличиваю... И мы съ вами являемся въ своемъ родѣ пионерами, хотя и съ очень скромной задачей. Грандіозныя дѣла и не дѣлаются вдругъ... Посмотрите, какой особенный здѣсь народъ, сравнительно съ коренной Россіей. Вообще, хорошо... По крайней мѣрѣ, я себя такъ чувствую.

— А я уже не понимаю...—грустно отвѣтила княжна.—Напротивъ, миѣ кажется, что я такая уже маленькая и никому ненужная.

— Ничего, скоро привыкнете...

Сереза вслушивался въ эту бесѣду и недовѣрчиво улыбался. Ему казалось, что и мелькавшія по сторонамъ дороги ели и пихты не настоящія, а что-то въ родѣ замаскированныхъ сибирскихъ разбойниковъ. Эхъ, что-то теперь дѣлается

*

тамъ, въ Москвѣ?.. Сережа даже закрывалъ глаза, стараясь вызвать дорогія картины бойкой столичной жизни. У него являлось даже малодушное желаніе просто бѣжать... И зачѣмъ онъ ѣдетъ въ самомъ дѣлѣ, и какой онъ главный управляющій золотыхъ промысловъ? Нѣтъ, положительно, было бы недурно улизнуть изъ этого прекраснаго далека... Окоемову хорошо: онъ привыкъ шататься по бѣлу-свѣту.

Спускались быстрые лѣтніе сумерки. Поѣздъ летѣлъ по слегка всхолмленной равнинѣ, ничего не говорившей о близости могучаго горнаго кряжа. Окоемовъ часто выходилъ на площадку вагона и любовался открывавшейся далью, хвойнымъ лѣсомъ, рѣдными деревушками, — чѣмъ-то спокойно-строгимъ вѣяло отъ этой картины уральскаго предгорья. Чувствовалась какая-то сила, о которой можно было догадываться.

— Хорошо... — шепталъ Окоемовъ, вдыхая чудный воздухъ.

Собственно горы начались только со станціи Чусовой, гдѣ желѣзная дорога легкимъ мостомъ перекинулась черезъ рѣку того же названія. Это было уже ночью. Окоемовъ видѣлъ рѣку, подернутую туманомъ, правый гористый берегъ, какой-то заводъ, дымившій десятками трубъ сейчасъ за мостомъ — вотъ начиналось то новое, о чемъ онъ мечталъ столько лѣтъ. Это былъ еще первый настоящій уральскій видъ, полный своеобразной дивой поэзіи.

Уральская желѣзная дорога дѣлала отъ Чусовой очень крутой подъемъ, взбираясь по гребню одного изъ отроговъ. Съ каждымъ шагомъ впередъ горная панорама дѣлалась все суровѣе. По сторонамъ высились каменные громады, чередуясь съ глубокими падами. Дорога извивалась лентой по горнымъ откосамъ, врѣзывалась въ толщи камней и забиралась смѣло все выше и выше. Смѣшанный лѣсъ остался далеко позади, около Чусовой, а теперь неслись мимо стройные ряды елей. Высота подъема чувствовалась даже на деревьяхъ — густозеленая, мохнатая ель смѣшалась тонкой, вытянутой, обросшей бородами лишайниками. Растительную жизнь здѣсь точно глушила какая-то невидимая рука. Исключеніе представляли только сибирскіе кедры — это могучее дерево стояло такое зеленое, пышное, красивое неувядающей красотой. И какая чудная, нетронутая глушь... Поѣздъ неся

по горной пустынь, оглашая вѣковой покой радостнымъ гуломъ, точно летѣлъ сказочный змѣй-горыничъ. Окоемовъ стоялъ, смотрѣлъ и не могъ оторвать глазъ. Очень ужъ хорошо... Кажется, еще нивогда онъ не чувствовалъ себя такъ хорошо. Его возмущало, что его спутники спали самымъ безсовѣстнымъ образомъ. Развѣ можно спать въ такую ночь, среди такихъ картинъ вѣчно-юной природы...

Одиночество Окоемова было нарушено какимъ-то старикомъ въ полушубкѣ и зимней шапкѣ. Онъ сѣлъ гдѣ-то на промежуточной станціи и тоже вышелъ на площадку.

— Хороши камешки,—проговорилъ старикъ съ мягкимъ уральскимъ акцентомъ.—Благодать...

— Почему ты въ шубѣ, дѣдко? Боленъ?

— Я-то? И то боленъ... На восьмой десятокъ давно перевалило, такъ своя-то кровь не грѣеть.

Они разговорились. Старикъ оказался старымъ присковымъ волкомъ и сейчасъ возвращался „съ сѣвера“, съ какихъ-то развѣдокъ на одномъ изъ притоковъ р. Вишеры.

— Лѣтъ съ пятьдесятъ окола этого самаго дѣла околачиваюсь,—объяснялъ онъ, улыбаясь.—Еще при казнѣ зарылся, да такъ и пошелъ...

— Что же, жить можно?

— Съ умомъ отчего не жить... Дѣло самое правильное.

— А Барышниковыхъ знаешь?

— Еще старика Барышникова помню... Какъ же!.. А послѣ него остались Яковъ Евсеичъ, онъ ужъ померъ, потомъ Прокопій Евсеичъ, Андрей Евсеичъ, Гаврило Евсеичъ—тоже померъ. Богатые люди были, т.-е. Яковъ-то Евсеичъ нажилъ, ну, а братья около него.

— А теперь какъ у нихъ дѣла?

— Кто ихъ знаетъ... Сказываютъ, на Москвѣ живутъ. У нихъ сейчасъ Маркъ Евсеичъ руководствуетъ всѣмъ... А денегъ не должно быть. Такъ, на прожитокъ развѣ что осталось...

— Говорятъ, у Якова дѣти остались?

— Какъ же, есть: парень Григорій, да дѣвушка Настасья... Какъ же, помню. Такъ, семья распалась, капиталъ раздѣлился, и все на нѣтъ сѣхало.

— А здѣшніе промыслы какъ?

— Да въ ренду сдають... Такъ, изъ-за хлѣба на квасъ. Хорошаго мало... Выработались промыслы-то еще при Яковѣ Евсеичѣ, а теперь крохи подбирають.

Какъ и подозрѣвалъ Окоемовъ, барышниковскіе капиталы оказывались легендой. Онъ даже былъ радъ этому и съ какой-то тоской подумалъ о чудной дѣвушкѣ-раскольницѣ, которая сейчасъ была для него вдвое дороже. Ему нравилось думать о ней среди этого диваго горнаго приволья, гдѣ все дышало еще нетронутой силой.

— У насъ завсегда такъ,—продолжалъ старикъ, передвигая шапку на головѣ:—Рѣдко богатство удержится... Родители наживуть, а дѣтки все спустятъ. Богатство, какъ вода, переливается съ рукъ на руки.

По своей золотопромышленной части старикъ оказался очень свѣдущимъ, и Окоемовъ долго его разспрашивалъ, удивляясь разумнымъ отвѣтамъ. Чувствовался промысловый сибирскій человѣкъ, далеко опередившій своего брата, разудалаго расейскаго мужика.

— Вотъ теперь мы какъ перевалимъ черезъ Камень, все другое пойдетъ, баринъ, — объяснилъ старикъ. — Точно въ другое царство прійдемъ... Тамъ бѣднота останется, къ Пермѣ, а здѣсь богатство разсыпалось. Што заводовъ, што промысловъ, рудниковъ, всякаго угодыя—не сосчитаешь, пожалуй. И все новое отерывается... И народъ другой. Насмотрѣлся я по промысламъ всячины. А вы-то дальній будете?

— Почему ты такъ думаешь?

— А слова не наши, разговоръ другой. Нашибаеть на московскаго купца...

— Около того.

— То-то я смотрю на васъ, што не здѣшній будете.

Окоемовъ простоялъ на площадкѣ до утренней зари, когда востокъ заалѣлся, и горы покрылись предразсвѣтной молочной мглой.

Онъ заснулъ хорошимъ, молодымъ, здоровымъ сномъ, какъ уже давно не спалъ. Его разбудилъ какой-то шумъ.

— Станція Кушвал!—кричалъ голосъ подъ окномъ.—Повъздъ стоитъ 17 минутъ... Станція Кушва...

На платформѣ происходила настоящая давка. Непроснув-

шійся хорошенько Окоемовъ не вдругъ могъ сообразить, гдѣ онъ, и что такое происходитъ.

— Здѣсь народъ, какъ вода въ котлѣ кипитъ,—объяснилъ ему проходившій мимо съ мѣшкомъ вчерашній старикъ.—До свиданья, баринъ...

Въ Кушвѣ въ первый разъ пахнуло тѣмъ промысловымъ духомъ, который былъ такъ дорогъ Окоемову. Какое движеніе, какія оригинальныя лица! Дѣйствительно, начиналось другое царство. Знаменитая гора Благодать, заключающая въ себѣ нѣсколько миллиардовъ пудовъ лучшей въ свѣтѣ желѣзной руды, виднѣлась только своей верхушкой. Сравнительно, это была даже не гора, а маленькая горка, но это не мѣшало ей быть рельефнымъ доказательствомъ несмѣтныхъ уральскихъ сокровищъ.

За Кушвой начались уже другія красоты. Суровый горный пейзажъ смѣнился болѣе мирными видами,—красивымъ бордюромъ выступалъ смѣшанный лѣсъ, зеленѣли покосы, попадались изрѣдка пашни. Природа здѣсь точно сразу отмякла.

— Да, недурно, — замѣтила княжна, любуясь горной цѣпью, продавленной линіей замыкавшей горизонтъ справа.

VII.

— Станція Тагиль... Поѣздъ стоитъ тридцать минутъ!

Тагиль, или Нижне-Тагильскій заводъ, съ вокзала кажется, по крайней мѣрѣ, вдвое больше Перми. Видимо, громадное селеніе растянулось по теченію какой-то рѣки или заводскаго пруда. Это самый большой заводъ на Уралѣ и по количеству жителей самый населенный пунктъ. Вмѣстѣ съ Выйскимъ заводомъ въ немъ насчитывается до сорока тысячъ жителей. Красиво вытянулись широкія улицы, бѣлѣютъ каменные дома, а на самыхъ высокихъ пунктахъ красуются церкви. Вообще, видъ совсѣмъ не заводскій, а городскій.

— Гдѣ же Высокая гора?—спрашивалъ Окоемовъ жандарма.—Это вонъ та, съ башенкой?

— Никакъ нѣтъ-съ, это Лисья, а Высокая подальше... Вонъ желтѣютъ отвалы, а наверху лѣсъ.

Высокая гора еще знаменитѣе Благодати, потому что въ ней, по приблизительнымъ вычисленіямъ, содержится до 35

миллиардовъ пудовъ прекраснаго магнитнаго желѣзняка. Окоемовъ такъ и впился глазами въ эту знаменитую гору, хотя издали она ничего особеннаго и не представляла и казалась совсѣмъ маленькой, по сравненію съ тѣми горами, которыя за ней тѣснились такими грузными синими валами.

— Да, это заводъ...—согласился даже Сережа, недоувѣрявшій уральской природѣ вообще.—Внушительный видъ.

На вокзалѣ самымъ интереснымъ была толпа рабочихъ. Это былъ совершенно особенный типъ заводскаго мастерового. Народъ все такой рослый и здоровый — настоящая рабочая гвардія. Рядомъ съ такими богатырями какой-нибудь московскій фабричный покажется несчастной мелюзгой. Окоемовъ все время любовался этой живой рабочей силой, сформировавшейся здѣсь цѣлымъ рядомъ поколѣній. Да и что могли дѣлать на тяжелой „огненной работѣ“ слабосильные и малорослые?

— Молодцы!—вслухъ похвалилъ Окоемовъ, когда всѣ садились въ вагоны.

Слѣдующимъ интереснымъ пунктомъ былъ Невьянскъ, самый старѣйшій заводъ на Уралѣ и колыбель всего заводскаго дѣла. Здѣсь жили первые Демидовы, прославившіеся какой-то неукротимой энергіей. Ихъ работа являлась дѣловымъ эхомъ могучей царской работы. Сейчасъ Невьянскъ, какъ желѣзный заводъ, не имѣетъ никакого значенія, и главная его дѣятельность сосредоточивается на добываніи золота. Еще когда поѣздъ подходилъ къ станціи, по сторонамъ дороги начали попадаться пробныя ямы, заброшенные шурфы, канавы, свалки: тамъ и сямъ видѣлись пестрыя кучки рабочихъ, копавшихъ землю, отвозившихъ ее на двухколесныхъ тачкахъ къ вошгердтамъ, гдѣ шла промывка золотоносныхъ песковъ ручнымъ способомъ.

— Мы теперь ѣдемъ по золоту,—объявилъ Окоемовъ.

— Какъ по золоту?—изумился Сережа.

— А вотъ золото моютъ рабочіе...

— Такъ это и есть пріискъ?..

— Да, въ маленькихъ размѣрахъ. Собственно то, что вы видите, такъ-называемые, отрядные рабочіе или кустари, если хотите. Имъ отводятся заводоуправленіемъ небольшія дѣляшки, они намываютъ золото и сдаютъ его за известную плату.

— Гдѣ же золото?—спрашивала княжна.

— Золото? Пріискъ считается очень богатымъ, если на сто пудовъ песку очистится 50—60 долей золота...

— Только-то? Да это не стоитъ того, чтобы перерыть столько земли...

Сидѣвшій недалеко господинъ купеческой складки за-смѣялся надъ этимъ наивнымъ восклицаніемъ ничего непонимавшей барыни и проговорилъ:

— Ежели бы, сударыня, Господь послалъ намъ съ вами такую нестоющую благодать, такъ мы не поѣхали бы въ третьемъ классѣ... да-съ. Совсѣмъ особенное-съ дѣло. Теперь мы по этому самому золоту вплоть до Екатеринбурга пока-тимъ, значить, цѣлыхъ сто верстъ. А здѣсь самый развалъ... Вездѣ золото. Въ Невьянскѣ въ огородахъ его добываютъ, улицы роютъ, со дна рѣчного ищутъ. Тутъ дальше будетъ заводъ Шурала, такъ тамъ даже заводскій прудъ спустили и, какъ есть, все дно перерыли. Большія тысячи народу тутъ бьются надъ золотомъ, и всѣ сыты, а вы изволили сказать: нестоющее дѣло-съ. Не изъ здѣшнихъ мѣстовъ?

— Да, я изъ Москвы...

— Такъ-съ... Бывали, какъ же. Всѣмъ городамъ городъ... А вы, смѣю спросить, по какой части?

На выручку смутившейся княжнѣ подоспѣлъ Сережа. Онъ посмотрѣлъ на купца злыми глазами и заявилъ:

— Она отъ монастыря на послушаніе послана... Должна собирать деньги.

— Такъ-съ,—согласился купецъ.—Что же, дѣло невре-дное-съ...

Весь вагонъ теперь наполняло одно слово: золото. О немъ говорили и громко, и тихо, и прямо шептались, передавая какіе-то секреты. Ѣхали все присковые люди, интересы которыхъ сосредоточивались на своемъ присковомъ дѣлѣ. Окое-мовъ не предполагалъ, что золото захватываетъ такую массу людей, и прислушивался съ большимъ интересомъ къ общему разговору. Да, это было другое царство и другіе люди, сравнивая даже не съ коренной Россіей, а просто съ Приуральемъ. Тамъ медленно катилась мирная жизнь, а здѣсь все кипѣло влuchомъ. Его захватывала висѣвшая въ воздухѣ золотая ли-хорадка.

— Какое нынче золото,—громко жаловался здоровенный мужчина съ овладистой рыжей бородой.—И по губамъ не помажетъ... Такъ, одно названіе осталось... Хорошія-то мѣста захвачены всѣ, а новыя еще поищи съ огнемъ. Только и свѣту въ окнѣ, что казенныя дачи. Вотъ платина—это другое дѣло. Харчъ, ежели кто съ умомъ...

— Я помню, какъ платину-то по десяти копейкѣ продавали золотникъ,—вмѣшался сѣденькій благообразный старецъ неопредѣленнаго типа.—Продавали, и никто не покупалъ...

— Это, значить, по четыреста рублей за пудъ? Х-ха... То-то дураки. Вы ужъ извините меня: прямо дураки. Помилуйте, сейчасъ платина стоитъ семь тысячъ рубликовъ пудъ... Вотъ вамъ бы тогда запасти пудиковъ десять на всякій случай, ну, а сейчасъ и получили бы за свои четыре тысячи всѣ семьдесятъ. Процентъ хорошій...

— А кто же его зналъ...—уныло отвѣтилъ старикъ и сокрушенно вздохнулъ.

— Что же, и сейчасъ можно покупать платину и выжидать цѣну,—вмѣшался въ разговоръ Окоемовъ.—Сейчасъ платина стодитъ, какъ вы говорите, семь тысячъ, золото—около двадцати, а будетъ такъ, что платина будетъ дороже золота, и тогда съ десяти пудовъ можно будетъ нажить около полоторыхъ сотъ тысячъ рублей.

Это заявленіе заставило всѣхъ оглянуться. Послышался недовѣрчивый шепотъ.

— А почему вы изволите такъ полагать, господинъ, извините, не знаю, какъ васъ назвать?

— По двумъ причинамъ: разъ, мѣсторожденіе платины во всемъ свѣтѣ только одно, именно, на Уралѣ, а второе—спросъ на нее будетъ подниматься съ каждымъ годомъ, потому что она вездѣ нужна. Эдиссонъ, знаменитый американскій изобрѣтатель, уже обращался въ Россію съ запросомъ относительно мѣсторожденій платины...

— Да-съ, это точно... Оно умственно,—согласился рыжебородый купецъ.—Это вы правильно, господинъ, а все-таки, кто его знаетъ. А вдругъ господа ученые изобрѣтутъ другой металлъ—вотъ и сядешь съ своей-то платиной.

Эти разговоры сблизили публику. Завязался оживленный

разговоръ, причемъ Потемкинъ изложилъ новый планъ добыванія золота и платины.

— Вмѣсто того, чтобы пески промывать и терять мелкое золото, снесенное водой,—говорилъ онъ убѣжденно:— вмѣсто этого нужно сначала просушивать эти пески и вѣять, какъ зерно. Золото и платина отвѣются чище и лучше, чѣмъ при промывкѣ. Затраты самыя небольшія: башню вышиной сажени въ три, можно деревянную, затѣмъ сверху будетъ падать струя песку, а ее будетъ разбивать струя воздуха. Все золото и падеть у самой башни, а песокъ отнесется дальше...

— Не годится эта музыка, баринъ,—сказалъ какой-то присковый человекъ въ суконномъ картузѣ.— Крупное золото, это точно, можетъ упасть у башни, а мелкое дальше песку воздухомъ унесетъ, потому она какъ пыль или въ родѣ листочковъ. Мелкое-то золото водяной пѣной иногда сноситъ... Нѣтъ, не годится. Да и сушить песокъ дорого обойдется, да еще его надо истомочъ въ пыль...

Окоемовъ опять любовался уральскимъ бойкимъ людомъ. Какія все смышленныя лица, какая смѣтка и какой, наконецъ, свободный разговоръ съ совершенно незнакомыми людьми. Только привольный богатый край могъ создать такое население. Простой рабочій выглядѣлъ здѣсь завтрашнимъ богачемъ, и это придавало ему совершенно особенную складку. Затѣмъ, всѣ эти штейгера, нарядчики, десятники и, вообще, причастный къ присковому дѣлу, людъ не походили ни на вунца, ни на барина, ни на мужика, а представляли собой совсѣмъ особенный классъ людей, жившихъ дѣйствительно своими средствами. Именно эта сфера выдвигала изъ себя смѣлыхъ предпринимателей, наживавшихъ изъ ничего миллионы и предупредившихъ задолго калифорнское золото. Съ такимъ народомъ можно будетъ работать. Вообще, чѣмъ дальше, тѣмъ больше нравился Окоемому этотъ благословенный уральскій край, и онъ чувствовалъ себя такъ легко и свободно, какъ въ дни далекой юности.

Остальные члены экспедиціи переживали какъ разъ обратное настроеніе, съ каждымъ шагомъ впередъ чувствуя себя все больше и больше чужими. Сережа совсѣмъ приунылъ и безучастно смотрѣлъ по сторонамъ, гдѣ мелькали новыя работы, какая-то непонятная присковая городьба, горы промы-

таго песку и залитыя водой ямы. Что тутъ хорошаго находятъ Окоемовъ? Просто мерзость... Изроютъ землю—и только, а потомъ все бросятъ. Даже съ точки зрѣнія политической экономіи отъ такой работы государству одинъ убытокъ: казна получить за испорченную навсегда десятину земли всего одинъ рубль казенной пошрины. Хорошо, что земли много—вотъ и портятъ ее безъ зазрѣнія совѣсти. По этому поводу Сережа припомнилъ гдѣ-то прочитанную имъ газетную замѣтку, именно, что въ Китаѣ воспрещено закономъ извлекать руды изъ земныхъ нѣдръ и мысленно согласился съ этимъ. Въ немъ смутно сказался бывший помѣщикъ, главное богатство котораго составляла земля, какъ производительница хлѣба. Сережа все это высказалъ бы открыто, если бы не стѣснялся Окоемова, подавлявшаго его своимъ фанатизмомъ.

— А пусть попробуетъ...—ворчалъ онъ, хмурия брови.

Дамы испытывали страшную усталость послѣ цѣлой недѣли путешествія. Ихъ нетерпѣніе возрастало еще отъ ожиданія близившагося конца,—въ Екатеринбургѣ предполагалась долгая стоянка. Столичные нервы давали себя чувствовать... Съ другой стороны, онѣ рѣшительно ничего не понимали въ происходившемъ около нихъ разговорѣ и начинали себя чувствовать совершенно чужими. Про себя, кажется, дамы начинали раскаиваться въ этой рискованной поѣздѣ и только стѣснялись откровенно высказать тяготившія ихъ сомнѣнія.

— Ахъ, какъ хорошо, какъ хорошо!—восхищался Окоемовъ, любясь все новыми и новыми работами, особенно обставленными на широкую ногу, гдѣ дымились паровыя машины, и промывка шла въ чанахъ Комарницеваго.

Какой неистощимо богатый край! Это была сказка, сонъ на яву... Поѣздъ продолжалъ мчаться по золотоносной почвѣ и даже балластъ желѣзнодорожнаго полотна былъ устроенъ изъ золотоносныхъ песковъ. Вообще, что-то невѣроятное, какъ сонъ. Это и не здѣсь только, а по всему восточному склону Урала, который въ буквальномъ смыслѣ насыщенъ золотомъ, этимъ величайшимъ изъ всѣхъ двигателей, какъ на него смотрѣлъ Окоемовъ съ своей точки зрѣнія. И это на разстояніи цѣлой тысячи верстъ... Остается къ этому прибавить другія совровища, какъ желѣзо, лѣса, двигательную

силу въ формѣ горныхъ рѣкъ, благодатную башкирскую степь, рыбныя озера и т. д., и т. д. Да, именно здѣсь можно было лучше всего приложить свои силы и добиться извѣстныхъ результатовъ. Природа все давала съ безумной щедростью, -- и оставалось только пользоваться ея дарами. Наконецъ-то, его завѣтные планы осуществляются и послужатъ живымъ примѣромъ для другихъ. Да, для этого стоило жить, работать, волноваться и еще разъ жить...

— Верхнейвинскъ... поѣздъ стоитъ десять минутъ!..

И тутъ промысла, и работа, и движеніе.

— Какая тутъ работа, — точно отвѣтилъ на его мысль рыжебородый купецъ. — Мы все время ѣдемъ по заводской землѣ: Демидовская, Яковлевская, Верхисетская. Заводчики лучшія росыпи сами обрабатываютъ, а другимъ только отдаютъ крохи. А вы посмотрите на казенныя дачи — тамъ настоящая работа будетъ, а особенно въ степи, гдѣ казачья земля. Что тамъ дѣлается...

Купецъ безнадежно только махнулъ рукой.

— Неужели и здѣсь есть лишніе люди? — думалъ Окоемовъ. — Вѣдь вотъ всѣ, которые ѣдутъ въ одномъ вагонѣ со мной — всѣ они на своихъ мѣстахъ, у всякаго какое-нибудь свое дѣло, и никто не чувствуетъ себя лишнимъ... Прибавьте къ этому еще то, что большинство этихъ предприимчивыхъ и энергичныхъ людей полуграмотны и не могутъ воспользоваться въ интересахъ своего дѣла никакими указаніями, почерпнутыми въ спеціальныхъ книгахъ. Между прочимъ, рыжебородый купецъ сообщилъ Окоемову интересный фактъ:

— На што намъ образованныхъ, когда мы и безъ нихъ управимся. Конечно, есть горные инженеры, которые понимающіе, а все-таки никто изъ нихъ своего дѣла еще не завелъ. Легче, вѣдь, готовое жалованье получать двадцатаго числа, а наше дѣло черное... Инженеръ-то въ бѣлыхъ перчаткахъ пріѣдетъ на принскъ, выкурить папиросу и сейчасъ домой чай пить. Вотъ и орудуемъ своимъ умомъ... Мы свое-то жалованье изъ своего же кармана получаемъ.

VIII.

Оставалось немного времени до послѣдней станціи. Вся экспедиція была нѣсколько взволнована. Что-то будетъ... Вотъ прогремѣлъ желѣзный мостъ черезъ р. Исеть. Лѣсъ перѣдѣлъ. Тамъ и сямъ показались полевныя дорожки. Все говорило о близости большого жилаго центра. Вотъ и послѣдній сосновый боръ, и поѣздъ съ побѣднымъ грохотомъ вылетѣлъ на открытую равнину, — вдали забрезжился громадный городъ съ бѣлыми шахматами каменныхъ построекъ, съ расплывавшимися зелеными пятнами садовъ и десятками красивыхъ церквей.

— Вотъ это такъ городъ: Москвы уголокъ! — режумировалъ общее впечатлѣніе неизвѣстный голосъ. — Наша уральская столица...

— Да, городъ...

Даже зараженный скептицизмомъ Сережа утвердительно кивнулъ головой и пожевалъ губами, предвкушая нѣкоторыя удобства специально городского существованія. Онъ чувствовалъ непреодолимое тяготѣніе къ большимъ центрамъ, и почему-то первая мысль Сережи была о биллиардѣ: есть ли нѣтъ биллиардъ въ Екатеринбургѣ? Можетъ быть, даже и сардинки найдутся, и даже сигары...

— Станція Екатеринбургъ!..

Окоемовъ въ окно видѣлъ только то, что на платформѣ слишкомъ много народа для уѣзднаго города. Затѣмъ ему показалось, что въ этой толпѣ мелькнуло знакомое женское лицо... Онъ даже протеръ глаза, точно хотѣлъ проснуться отъ какого-то сна на яву.

— Уже пріѣхали? — спрашивала княжна, потерявшая всякую вѣру, что когда-нибудь и куда-нибудь они пріѣдутъ.

— Да, Варвара Петровна, пріѣхали..

У Сережи опять произошелъ взрывъ энергіи, когда дѣло коснулось полученія багажа. Онъ бѣгалъ, суетился, разспрашивалъ и, вообще, проявилъ большія боевыя качества. Когда ему объявили, что придется подождать, Сережа даже упалъ духомъ и трагически заявилъ Окоемову:

— Что же мы будемъ дѣлать, Вася?

— Что дѣлать? А будемъ чай пить, голубчикъ... Торопиться некуда.

Этотъ простой отвѣтъ размѣшилъ Сережу и онъ проговорилъ съ добродушнѣйшей улыбкой:

— А знаешь, Вася, я открылъ въ себѣ талантъ, настоящій талантъ... Изъ меня вышелъ бы прекрасный деньщикъ.

Экспедиція размѣстилась за однимъ столомъ, куда былъ поданъ чай, сервированный по-московски. Пахнуло чѣмъ-то роднымъ... Дамы отнеслись къ этой подробности почти равнодушно и съ какой-то заботой смотрѣли на суетившуюся толпу, инстинктивно отыскивая знакомыя лица. Всѣхъ кто-нибудь ждалъ, всѣхъ кто-нибудь встрѣчалъ, и только до нихъ никому дѣла нѣтъ. А между тѣмъ, въ этой толпѣ можетъ быть уже есть и будущіе враги, и будущіе друзья... И публика какая-то особенная: не то интеллигенты, не то купцы. Не было только военныхъ, чиновниковъ и дворянскихъ красныхъ околышей. Однимъ словомъ, своя публика, жившая своими интересами и имѣвшая такъ мало общаго съ далекой коренной Россіей. Изъ дамъ только одна Таня чувствовала себя прекрасно и съ аппетитомъ ѣла пирожное.

Окоемовъ пилъ чай, изнодлобя поглядывая на быстро убывавшую толпу. Его вывелъ изъ этого настроенія Сережа, таинственно толкнувъ локтемъ.

— На два слова, Вася...

— Что такое случилось?..

Сережа питалъ нѣкоторую слабость къ таинственному, и поэтому Окоемовъ не обратилъ особеннаго вниманія на его „два слова“.

— Видишь ли, въ чемъ дѣло...—вполголоса заговорилъ Сережа, отводя Окоемова въ сторону и оглядываясь на буфетъ.—Я сейчасъ подходилъ къ буфету выпить рюмку водки... Только взялъ рюмку, а около меня какой-то купецъ прицѣлился вилкой въ селедку... Смотрю, что-то знакомое, т.-е. этакое знакомое въ рожѣ. Ба! да я его гдѣ-то видалъ... Вглядываюсь, ба! да это тотъ самый купецъ, который съ тобой тогда сидѣлъ въ ресторанѣ на Воробьевыхъ горахъ.

— Не можетъ быть!..

— Да вонъ онъ у буфета стоитъ и жуеъ бутербродъ...

Окоемовъ отправился прямо къ буфету. Купецъ стоялъ спиной, продолжая жевать, такъ что шевелились уши. Это былъ онъ, Маркъ Евсеичъ Барышниковъ.

— Позвольте мнѣ рюмку финь-шампань, — проговорилъ Окоемовъ, дѣлая видъ, что не замѣчаетъ купца.

Тотъ оглянулся, сѣзидилъ глаза и слащаво проговорилъ:

— Кого я вижу... Василій Тимофеевъ, голубчикъ! Вотъ неожиданность... Не даромъ говорится, что только гора съ горой не сходится.

— Ахъ, это вы, Маркъ Евсеичъ...

Они пожали другъ другу руки, какъ старыя пріятели.

— А я ужъ здѣсь недѣли полторы болтаюсь, — сообщалъ Барышниковъ. — Человѣкъ, рюмку англійской горькой. Да, полторы... Думаю на-дняхъ въ Москву удирать. Такъ, напрасно пріѣзжалъ... А вы своего намѣренія не оставили?

— Да, думаю сдѣлать попытку.

— Что же, дѣло невредное-съ... Все отъ счастья, Василій Тимофеевъ. А вы гдѣ думаете остановиться?..

— Право, не знаю... Да это рѣшительно все равно. Я не одинъ, а насъ цѣлая компанія пріѣхала.

— Такъ-съ... Знаете, а вамъ посовѣтую остановиться въ Американской гостинницѣ. Самая приличная... Я тамъ же остановился. Вѣдь я тоже не одинъ здѣсь... Кстати, вы, кажется, знакомы съ моей племянницей, Настасьей Яковлевной?

— Да...

— Она здѣсь...

— Гдѣ здѣсь?

— Да вонъ у столика сидитъ и чай пьетъ...

Барышниковъ пристально наблюдалъ, какое впечатлѣніе произведетъ на Окоемова эта неожиданная новость и, кажется, разочаровался. Лицо Окоемова осталось такимъ же, и онъ даже не взглянулъ въ ту сторону, куда ему указывалъ Барышниковъ. Это было своего рода испытаніе.

— Да что мы тутъ стоимъ? — торопливо заговорилъ Барышниковъ, вытирая губы рукой. — Вѣроятно, ждете багажа? Пока что, присядемте къ нашему столику, а то племянница уже соскучилась... Знакомыхъ нѣту, ну и сидитъ одна... Идемте...

Столикъ, за которымъ сидѣла Настасья Яковлевна, былъ по другую сторону залы, такъ что Окоемовъ не могъ его видѣть съ своего мѣста. Дѣвушка, дѣйствительно, сидѣла одна. Передъ ней стояла чашка чая. Одѣта она была въ про-

стенъкую лѣтнюю навидку и въ самое простое шерстяное платье. Широкая лѣтняя соломенная шляпа покрывала тѣнью верхнюю часть лица. Да, это было то самое лицо, которое давеча мелькнуло на платформѣ. Дѣвушка оглянулась на шумъ шаговъ и остановила на Окоемовѣ испуганно-вопросительный взглядъ.

— Вотъ, Настенька, нашъ родной москвичъ,—рекомендовалъ Барышниковъ, выдвигая впередъ Окоемова и зорко наблюдая за племянницей.—Онъ у насъ бывалъ въ домѣ... Еще помнишь, когда имъ сдѣлалось дурно.

— Да, да, помню...—отвѣтила дѣвушка и съ улыбкой протянула свою худенькую руку.

Окоемовъ только теперь понялъ, что Барышниковъ дѣлаетъ имъ очную ставку, и что дѣвушка выдержала этотъ экзамень съ полнымъ хладнокровіемъ. Онъ чувствовалъ, какъ у него захолонуло на душѣ, какъ пошли передъ глазами красные круги, и присѣлъ на ближайшій стулъ, стараясь принять равнодушный видъ. Настасья Яковлевна спокойно смотрѣла на него своими темными большими глазами, слегка раскачивая лѣвой рукой зонтикъ.

— Да, такъ вотъ-съ, я совѣтую, Настенька, совѣтую Василию Тимофеичу остановиться въ „Американской“. У насъ тамъ я видѣлъ и свободный номеръ... Гостинница чистенькая. Не правда ли, Настенька?

— Да, хорошая...—согласилась дѣвушка, опуская глаза.

— Мнѣ нужно, по крайней мѣрѣ, три номера или два большихъ,—проговорилъ Окоемовъ, собираясь съ силами.

— Большая семейка, значить... хе-хе! засмѣялся Барышниковъ по неизвѣстной причинѣ.—Что же, найдется и три, ежели будетъ нужно. Не выпьемъ ли мы чего-нибудь для встрѣчи?

— Нѣтъ, благодарю васъ, я не могу пить...—Усталъ съ дороги.

— Здѣсь поправитесь, Василій Тимофеичъ,—засмѣялся Барышниковъ.—Главная причина, воздухъ здѣсь чистый и всякое прочее... Настенька, что же ты молчишь? Занимай гостя, потому какъ ты должна отвѣчать за даму.

— Нѣтъ, пожалуйста, не безпокойтесь, Настасья Яковлевна.—Я сейчасъ ухожу. Меня ждуть мои компаньоны...

Протянувъ руку, Окоемовъ прибавилъ:

— Надѣюсь, мы съ вами еще встрѣтимся, Настасья Яковлевна?

Дѣвушка что-то хотѣла отвѣтить, но Барышниковъ ее перебилъ:

— Какъ же не встрѣтитесь—конечно, встрѣтитесь. Можетъ быть, на одномъ корридорѣ и жить придется...—Заверните какъ-нибудь, Василій Тимофенчъ, чайку попить, на сибирскій манеръ.

— Благодарю...

Дѣвушка проводила Окоемова своимъ спокойнымъ взглядомъ и принялась за остывшій чай.

— Я ихъ весьма уважаю, г. Окоемова,—бормоталъ Барышниковъ.—А что касается ихняго предпріятія, такъ это даже совсѣмъ пустое дѣло. Денегъ много, вотъ и тѣшутъ охотку...

Окоемовъ вернулся въ своимъ въ какомъ-то туманѣ. Княжна даже испугалась, увидѣвъ его поблѣднѣвшее лицо.

— Вамъ уже дурно?

— Нѣтъ, такъ... ничего...

Сережа уже не радъ былъ, что свелъ Окоемова съ москвичемъ—все было готово, багажъ полученъ, извозчики наняты, и онъ горѣлъ нетерпѣніемъ поскорѣе уѣхать съ вокзала, точно отъ этого зависѣло все. Окоемовъ, пошатываясь, вышелъ на подъездъ и молча помѣстился на одномъ извозчикѣ съ княжной.

— Нѣтъ, вы больны, Василій Тимофенчъ...—продолжала она тревожиться, заглядывая въ лицо Окоемову.

Когда экипажъ покатился, Окоемовъ точно проснулся, посмотрѣлъ назадъ и проговорилъ:

— Вы видѣли, Варвара Петровна, дѣвушку, съ которой я сейчасъ разговаривалъ? Въ соломенной шляпѣ...

— Да, издали видѣла...—Какіе-то ваши знакомые?

— Это та самая дѣвушка, про которую я вамъ говорилъ въ Москвѣ... Какая странная встрѣча, т.-е. собственно ничего нѣтъ страннаго, потому что я зналъ, что она уѣхала на Ураль.

— Неужели?—всполошилась княжна.—Вернемтесь... я уже хочу ее посмотреть.

— Вы ее увидите тамъ, въ гостинницѣ.

Предъ Окоемовымъ съ новой силой воскресало это чудное дѣвичье лицо, полное такой чарующей прелести. Да, онъ видѣлъ ее и еще чувствовалъ пожатіе маленькой тонкой руки. Какъ все въ ней просто и спокойно, какъ это бываетъ только у людей съ большимъ характеромъ. Что она думала? Была ли рада этой встрѣчѣ? Кстати, встрѣча, вѣроятно, была заранѣе подготовлена Барышниковымъ съ какой-нибудь дѣлью. Этотъ дурашливый купеческій вырôдокъ достаточно хитеръ, чтобы дѣлать что-нибудь даромъ.

— Послушайте, Василій Тимофеичъ, я уже боюсь...— жаловалась княжна, ухватившись одной рукой за поясъ извозчика.— Намъ попался какой-то совсѣмъ сумасшедшій извозчикъ... Тише ты, извозчикъ!

Княжна боялась лошадей и даже поблѣднѣла отъ волненія.

— Помилуйте, сударыня...— обидѣлся извозчикъ.

— Ничего, успокойтесь,— уговаривалъ Окоемовъ.— Посмотрите, вонъ и другіе такъ же скоро ѣдутъ.

Въ этотъ моментъ ихъ обогналъ Сережа. Онъ былъ счастливъ, что попался хорошій извозчикъ, и весело размахивалъ своимъ племомъ.

— Онъ уже разобьется!— искренне пожалѣла княжна и даже крикнула:— Сергѣй Ипполитычъ, у васъ тоже сумасшедшій извозчикъ...

— Здѣсь, всѣ извозчики сумасшедшіе, — шутилъ Окоемовъ.— Вы не бойтесь: сейчасъ пріѣдемъ...

Быстрая сибирская ѣзда очень нравилась Окоемому, а въ настоящій моментъ какъ нельзя больше соответствовала его настроенію,—ему хотѣлось летѣть впередъ и впередъ.

Они проѣхали предмѣстье и начали подниматься въ гору, вершину которой занималъ настоящій дворецъ съ громаднымъ садомъ.

— Это что такое?— ослѣдомился Окоемовъ.

— Какъ что? Харитоновскій домъ... Золотопромышленники Харитоновы были, ну, значить, ихній домъ.

Это палаццо оставалось памятникомъ бурной эпохи сороковыхъ и пятидесятихъ годовъ, когда въ Екатеринбургѣ хлынула волна сибирскаго таѣжнаго золота.

IX.

Видъ города на всѣхъ произвелъ самое благопріятное впечатлѣніе. Это былъ такой бойкій торгово-промышленный пунктъ уже сибирскаго склада. Широкія улицы, много хорошихъ домовъ, магазины, общій видъ довольства — все это бросалось въ глаза съ перваго раза. Сережу обрадовало больше всего то, что вездѣ было много извозчиковъ, а если есть извозчики, значитъ, есть и жизнь,—у него была на все своя мѣра.

„Американская гостинница“ уже по наружному виду внушала извѣстное довѣріе, которое вполнѣ оправдалось при болѣе близкомъ знакомствѣ. Чистые номера, вѣжливая прислуга, общій тонъ порядочности. Сережа понюхалъ воздухъ и тономъ знатока рѣшилъ:

— Ничего, можно жить... Даже есть бильярдъ.

Экспедиція размѣстилась въ трехъ номерахъ: одинъ номеръ занялъ Окоемовъ съ Сережей, другой—женщины, а въ третьемъ—остальные мужчины. На такое дѣленіе заявила протестъ одна Таня, непременно желавшая остаться вмѣстѣ съ отцомъ.

— Я не хочу съ бабами...—капризно повторяла она.

— Потерпи, дѣточка,—уговаривалъ Потемкинъ.—Потомъ мы вмѣстѣ будемъ жить...

— А если мнѣ надоѣло съ ними?..

Дѣвочка привыкла къ извѣстной самостоятельности, и ее стѣсняла невольная опека трехъ женщинъ.

— Мы здѣсь останемся дней пять, а можетъ быть, и цѣлую недѣлю,—объявилъ Окоемовъ.—Каждый можетъ дѣлать, что хочетъ. А тамъ я скажу, какъ и что будетъ...

У всѣхъ сразу появилось нѣсколько плановъ. Сережа въ тотъ же вечеръ попалъ на какое-то загородное гулянье и вернулся только къ утру, Калерія Михайловна отправилась въ женскій монастырь, студентъ Крестниковъ осматривалъ музей Уральскаго общества любителей естествознанія, фельдшеръ Потаповъ занялся составленіемъ походной аптечки, Анна Ѳедоровна принялась за реставрированіе гардероба Тани, а Потемкинъ, по обыкновенію, исчезъ неизвѣстно куда. Безъ дѣла оставалась одна княжна и страшно скучала. Ея ничто не интересовало.

— Уже совѣтъ напрасно я сюда пріѣхала...—съ грустью думала княжна, наблюдая, какъ умѣло и быстро работаетъ хохлуша.

Овоемовъ, какъ пріѣхалъ, такъ и пропалъ по своимъ дѣламъ, и княжна еще больше почувствовала свое одиночество. Она съ тоской прислушивалась къ отдаленному щелканью бильярдныхъ шаровъ, къ шуму шаговъ въ корридоръ, смотрѣла въ окно на улицу и рѣшительно не знала, что ей дѣлать, за что приняться, куда себя пристроить,—она походила на рыбу, выброшенную на сухой берегъ. Кончилось тѣмъ, что княжна легла на кровать и расплакалась, какъ ребенокъ.

— Вы это о чемъ, Варвара Петровна?—удивилась хохлуша.

— А такъ... скучно... Однимъ словомъ, нервы. Уже не обращайтесь на меня вниманія... Это со мной бываетъ.

Хохлушка оставила свою работу и прісѣла на кровать. Она взяла руку княжны и долго гладила ее своими большими руками, какъ дѣлаютъ съ больными дѣтьми. Это молчаливое участіе тронуло княжну. Какая добрая хохлушка и какая невозмутимая. Впрочемъ, при такомъ завидномъ здоровьѣ можно быть уравновѣшенной. А хохлушка сидѣла и говорила:

— Ничего, помаленьку устроимся... Если будетъ у насъ свой огородъ, свои коровы, куры, овечки, свиньи, лошади,—чего же больше? Вы любите свиное сало?..

Этотъ наивный вопросъ разсмѣшилъ княжну. Какое сало? Развѣ можно любить или ненавидѣть свиное сало?

— Ну, тогда, можетъ быть, вы любите сухое варенье?—спокойно продолжала хохлушка.—Я умѣю его дѣлать... Очень вкусно. И сохраняется отлично. О чемъ же горевать? не понимаю... Сытъ, одѣтъ, и слава Богу. Сколько есть людей голодныхъ... Ахъ, сколько! А я не могу видѣть голоднаго человѣка. Кажется, взяла бы да всѣхъ и навормила: всѣ ѣшьте и всѣ будьте сыты.

— Какая вы милая, Анна Федоровна,—неволью вырвадось у княжны.—И какая я кислятина рядомъ съ вами. Я уже себя ненавижу...

— Зачѣмъ ненавидѣть, т.-е. вообще напрасно беспокоить себя...

Маленькая Таня тоже взобралась на кровать, и, какъ котенокъ, прикурнула въ уголокѣ. Княжна гладила ея шелковистые волосы и начинала чувствовать, что у нихъ образуется одна семья, и что она начинаетъ всѣхъ любить, и что все это очень хорошо. Ей сдѣлалось стыдно за свои слезы, и она улыбалась виноватой улыбкой, какъ напроказившій ребенокъ.

— Вотъ вы считаете себя лишней и ненужной—продолжала хохлушка своимъ ровнымъ мягкимъ голосомъ, производившимъ необыкновенно успокоительное дѣйствіе на княжну уже однѣми интонаціями:—а безъ бабы тоже нельзя... Какъ ни хитри, какъ ни выворачивайся, а безъ нашей сестры тоже не обойдешься. Конечно, мужчины умнѣ насъ, потому что они получаютъ лучшее образованіе, они энергичнѣе, потому что это зависитъ отъ природы, но, не смотря ни на свой умъ, ни на образованіе, ни на энергію—они находятся въ полной зависимости отъ насъ, женщинъ. Достаточно уже того, что они принадлежатъ такъ или иначе намъ же... Тутъ и дѣлать нечего, а только каждый дѣлать бы свое дѣло. Да, безъ бабы невозможно, и Василій Тимоѣичъ это отлично понимаетъ...

— А если онъ ошибается, т.-е. можетъ быть неудачный выборъ—я говорю только о себѣ.

— Пустяки... Куда онъ безъ насъ дѣнется?.. Наконецъ, просто, у насъ вотъ есть эта дѣвчонка, которую нужно воспитывать.

Эта увѣренность хохлушки и ея философія окончательно успокоили княжну, такъ что, когда вечеромъ вернулся Окоемовъ, она встрѣтила его съ улыбающимся лицомъ. Окоемовъ тоже былъ въ хорошемъ расположеніи духа.

— Вотъ это отлично, что вы улыбаетесь,—говорилъ онъ, вѣриво пожимая руку княжны.—Я читалъ какой-то англійскій дѣтскій рассказъ... Въ немъ дѣти рѣшаютъ вопросъ, что такое папа. Одинъ говоритъ, что папа это игрушка, другой—сласти, а одна дѣвочка сказала, что папа это когда мама смѣется... Не правда ли, какъ это хорошо? Вообще, хорошо, когда женщины улыбаются... Мои, т.-е. наши дѣла обстоятъ отлично. Сейчасъ только отъ своего агента... Онъ устроилъ все, что было нужно. Да... А время больше, чѣмъ деньги.

— Значить, мы скоро уйдемъ отсюда?—спросила княжна.

— О, да... По возможности скорѣе. Нужно работать... Ахъ, какой край, Варвара Петровна, какой чудный край! Я его сейчасъ объѣздила... по картѣ, конечно. Нѣтъ, нужно быть безнадежно безсовѣстнымъ человѣкомъ, чтобы при такихъ условіяхъ не сдѣлаться милліонеромъ.

— У васъ уже всегда милліоны на умѣ, а я это уже не люблю...

— Да, вѣдь, я люблю не деньги, а заключающуюся въ нихъ страшную силу. Зачѣмъ не называть вещи своими именами?.. Русскіе хорошіе люди отъ того и безсильны, что не умѣютъ обращаться съ деньгами. Ну, да это вы увидите потомъ, что такое деньги... А гдѣ Сережа?..

Княжна только махнула рукой. Развѣ Сережа можетъ просидѣть дома хоть одинъ день?..

Окоемовъ былъ въ слишкомъ хорошемъ настроеніи, чтобы оставаться одному. А Сережа, какъ на грѣхъ, „закатился“ неизвѣстно куда. Было уже часовъ девять вечера, и на улицахъ сдѣлалось темно. Что дѣлать? Окоемовъ зашелъ въ номеръ своихъ компаньоновъ. Фельдшеръ Потановъ приводилъ въ порядокъ пріобрѣтенные медикаменты, студентъ Крестниковъ лежалъ на кровати съ книгой въ рукахъ.

— Ну, что новаго, господа?—спрашивалъ Окоемовъ, подсаживаясь къ студенту.

— А я былъ въ музеѣ...—Очень интересно,—сообщилъ Крестниковъ.—Я никакъ не ожидалъ встрѣтить въ провинціи что-нибудь подобное.

— Вотъ то-то и есть.

— Много интереснаго, такъ что я для перваго раза сдѣлалъ только бѣглый обзоръ. Есть прекрасная бібліотека... Вообще, работаетъ.

— Вотъ и вы учитесь. Будетъ свободное время, тогда будемъ заниматься ботаникой, минералогіей, геологіей, зоологіей... Нужно будетъ пристроиться къ этому Обществу. Мнѣ оно очень нравится. Да, будемъ знакомиться, учиться, работать.

Поговоривъ со студентомъ, Окоемовъ вышелъ въ корридоръ и долго шагаль съ одного конца на другой. Въ передней онъ видѣлъ доску съ фамиліями проѣзжающихъ и

замѣтилъ, что Барышниковъ занималъ пятый номеръ, который былъ въ томъ же корридорѣ, въ который выходили и ихъ номера. Значитъ, она была здѣсь, совсѣмъ близко... Эта мысль тревожила и волновала Окоемова. Навѣрно, она сейчасъ дома. Что-то она дѣлаетъ, о чемъ думаетъ?.. Окоемовъ опять почувствовалъ, что у него начинается кружиться голова и давить грудь, такъ что нечѣмъ было дышать. Онъ спустился во второй этажъ, гдѣ помѣщалась общая зала, буфетъ и бильярдная. Вездѣ было пусто, и только въ залѣ ужиналъ какой-то заѣзжій инженеръ.

— Отчего это у васъ такъ пусто?—спросилъ Окоемовъ старика маркера, дремавшего въ бильярдной.

— А у насъ всегда такъ, баринъ... Не Петербургъ. Здѣшняя публика не уважаетъ, чтобы зайти, напимѣрь, въ трактиръ и по просту выпить чайку. Такъ, проѣзжающіе больше, да иногда пьяные или на бильярдѣ играютъ по праздникамъ.

— А вы давно здѣсь служите?

— Да ужъ лѣтъ съ десять...

— Всѣхъ, вѣроятно, знаете?—Золотопромышленниковъ много останавливается?

— Бываютъ... Только какіе нынче золотопромышленники поѣдутъ въ гостиницу? Одно названіе, что золотопромышленники...

— А Барышниковъ?

— Маркъ - то Евсейчъ? Угорѣли немножко Барышниковы... Было да сплыло, а теперь только одна слава осталась. Маркъ-то Евсейчъ окончательно порѣшилъ свои промысла... Сказываютъ, за бездѣнокъ продалъ. Конечно, они ему не въ рукавъ: самъ проживаетъ въ Москвѣ, ну, какіе тамъ промысла.

Вернувшись въ номеръ, Окоемовъ чувствовалъ, что чего-то не достаетъ. Его тяготило собственное одиночество, и онъ мысленно обругалъ Серезу. Вотъ человѣкъ, который, кажется, ни о чемъ не въ состояніи позаботиться...

Укладываясь спать, Окоемовъ мысленно пожелалъ покойной ночи Настасьѣ Явовлевнѣ. Она тоже, вѣроятно, въ постели и, можетъ быть, вспомнила о сегодняшней встрѣчѣ. Милая дѣвушка, спи покойно, и дай тебѣ Богъ всего хоро-

шаго. Въ головѣ у Окоемова вертѣлись обрывки сценъ далекаго путешествія, сегодняшній разговоръ маркера и т. д. Онъ долго не могъ заснуть, и мысль упорно сосредоточивалась на *ней*. Нужно было воспользоваться случаемъ и окончательно выяснитъ дѣло. Все равно, какъ-нибудь да разрѣшить вопросъ. Вотъ если бы княжна догадалась сама познакомиться съ ней. Давеча у Окоемова вертѣлась на языкѣ предложить это княжнѣ, но онъ не рѣшался. Кто знаетъ, можетъ быть обстоятельства сложатся сами собой, какъ сегодняшняя встрѣча на вокзалѣ. Все можетъ быть. Счастье было такъ велико, что Окоемовъ въ этомъ случаѣ начиналъ думать о самомъ себѣ, какъ о постороннемъ человѣкѣ. Онъ зналъ только одно, что другой такой дѣвушки еще никогда не было, нѣтъ и не будетъ.

Онъ такъ и уснулъ съ мыслью о *ней*, счастливый тѣмъ, что она тутъ, совсѣмъ близко. Его разбудилъ на разсвѣтѣ Сережа, вернувшійся замѣтно на веселѣ.

— Я, вѣжета, тебя разбудилъ?..—шепелявилъ онъ прилипавшимъ языкомъ, дѣлая невѣрные шаги.

— Немножко...

Сережа остановился посрединѣ комнаты, улыбнулся блаженной улыбкой, а потомъ сѣлъ прямо на полъ.

— Вотъ подижь-ты, а?—удивлялся онъ, продолжая улыбаться.—Штука, братъ... т.-е. совсѣмъ не штука, а съ какимъ я инженеромъ познакомился. Мы съ нимъ выпили на „ты“. Только вотъ фамилію его я забылъ дорогой... Вообще, отличный человѣкъ. И все мнѣ разсказалъ. Потомъ двѣ какихъ-то барыни... одна ничего... гмъ... Потомъ докторъ... членъ окружного суда... Знаешь, Вася, положительно здѣсь можно жить.

— И бильярдъ есть, и сардинки?

— Нѣтъ, не то... да, не то. А я дальше не поѣду, вотъ и все... Нѣтъ, какой инженеръ... полицмейстеръ... А какъ зовутъ эту дамочку?

— Да гдѣ же ты былъ, безпутный человѣкъ?

— Гдѣ я былъ? Э, братъ, я былъ гдѣ-то за городомъ... Извозчикъ знаетъ. А инженеръ рубаха парень... Если бы такихъ людей побольше... хе-хе!..

— Вотъ что, Сережа, самое лучшее, что ты сейчасъ можешь сдѣлать—это лечь спать.

— А я здѣсь останусь... да!—сказалъ Сережа, начиная раздѣваться, сидя на полу.—Отлично, чортъ возьми... А дамочка... Музыка играла, публика... Никакъ не ожидалъ!

Сережа раздѣлся, легъ и сейчасъ же заснулъ, какъ убитый, а Окоемовъ продолжалъ лежать съ открытыми глазами и чувствовалъ, что больше не уснетъ. Было раннее лѣтнее утро. Въ окно изъ-за сторы пробивался первый солнечный лучъ. Гдѣ-то тихо и протяжно ворковали голуби, задорно чиликали воробьи, и слышался гулъ чыхъ-то шаговъ по каменному тротуару. Окоемовъ сѣлъ на постели и проговорилъ вслухъ:

— Что же это такое?.. Нужно дѣйствовать энергичнѣе... Нѣтъ, подождите, Маръ Евсеичъ, мы еще посмотримъ, чья возьметъ!.. Ни одному вашему слову не вѣрю... Да, не вѣрю.

При дневномъ свѣтѣ для него все было такъ ясно и просто. Ему даже хотѣлось крикнуть:

— Я здѣсь... Милая, ничего не бойся!.. Я тебя люблю...

Х.

Агентъ Окомова на весеннихъ торгахъ, которыя производятся ежегодно уральскимъ горнымъ правленіемъ, купилъ нѣсколько присковъ въ разныхъ дачахъ. Это одинъ изъ самыхъ оригинальныхъ аукціоновъ въ Россіи. Золотопромышленники дѣлаютъ массу заявокъ, которыя остаются не у дѣлъ и поступаютъ обратно въ казну, а казна пускаетъ ихъ съ вольныхъ торговъ, какъ выморочное имущество. Окоемовъ очутился сразу владѣльцемъ шести присковъ, которые въ общей сложности стоили около двухъ тысячъ рублей. Нужно замѣтить, что всѣ эти приски находились только въ казенныхъ дачахъ, отведенныхъ для эксплуатаціи частныхъ золотопромышленниковъ, а владѣльческія дачи сюда не входили.

Агентъ Окомова представлялъ собой типичнаго уральскаго промышленнаго человѣка, жившаго „своими средствами“. Это былъ среднихъ лѣтъ господинъ, приличный, умный, энергичный, но зараженный до мозга костей разными проектами, неизмѣнно влонившимися въ его обогащенію. По его словамъ,

онъ уже до десяти разъ былъ совсѣмъ близко у цѣли, но мѣшала какая-нибудь ничтожная подробность. Богатство было вотъ тутъ, совсѣмъ близко, и ускользало изъ рукъ, какъ шапка-невидимка. По своей сущности это былъ неизлѣчимо поврежденный человѣкъ, какъ изобрѣтатель Потемкинъ, хотя сфера дѣятельности была совсѣмъ другая. Окоемову нравились въ немъ его энергія и вѣра въ свою звѣзду. И фамилія у него была чисто сибирская: Утлыхъ, Илья Ѳеодорычъ. Проживалъ онъ въ собственномъ маленькомъ домикѣ, имѣлъ семью и бился, какъ рыба о ледь.

— Разъ у меня какой случай былъ,—разсказывалъ Утлыхъ, шагая по комнатѣ; онъ не могъ говорить сидя:— Да, случай... Былъ присѣкъ, и все я его собирался развѣдать... А тутъ подвернулись другія дѣла, я пропустилъ срокъ, и онъ ушелъ въ казну. Я уѣхалъ по дѣламъ, не поспѣлъ къ торгамъ, и присѣкъ ушелъ за 120 рублей. И представьте себѣ: за одно лѣто на немъ было намыто три пуда золота. Это по 20 тысячъ за пудъ получается всѣ 60 тысячъ, т.-е. чистыхъ любая половина. Да... Въ другой разъ меня подвелъ компаньонъ. Въ третій... И все изъ за пустяковъ, Василий Тимофеичъ. Конечно, я человѣкъ небогатый, и для меня сто рублей большія деньги. Вотъ изъ за этого и погибаю.

Кромѣ золота, Утлыхъ занимался и другими „предметами“: имѣлъ желѣзный рудникъ, нѣсколько заявокъ на азбестъ, скупалъ драгоценные камни, искалъ залежи виновари и оловянной руды и т. д. Каждый слѣдующій день могъ его обогатить навсегда, а только „сегодня“ давило и не давало хода. Однимъ словомъ, это былъ въ своемъ родѣ фанатикъ легкой наживы по специально-сибирской логикѣ, и Окоемовъ находилъ въ немъ родственныя черты.

— Я ужъ нѣсколько лѣтъ розыскивалъ киноваръ,—объяснялъ онъ:—вѣдь это почище золота... Она попадаетъ въ розсыпяхъ отдѣльными зернами. Дѣлалъ развѣдки, ѣздилъ, и вдругъ на югѣ Россіи открываютъ громадное мѣсторожденіе, въ Еватеринославской губерніи. Ртути больше не нужно, и мои труды пропали. Теперь ищу олово... Мѣдь стоитъ около 8 рублей пудъ, а олово 22 рубля. Представьте себѣ, что найду корейное мѣсторожденіе: вѣдь это милліоны. Да... Азбестъ, литографскій камень, марганецъ—вездѣ богатство.

Нѣтъ, съ марганцемъ мы опоздали: онъ открытъ уже на Кавказѣ. Наконецъ, фосфориты—вѣдь это послѣднее слово агрономіи, а гдѣ же быть фосфоритамъ, какъ не на Уралѣ. У меня есть одна горка на примѣтѣ... Да что тутъ говорить, поживете—сами увидите.

— И не достаетъ какихъ-нибудь пустяковъ, Илья Федорычъ?

— Даже смѣшно сказать... Ефимовы отъ кого пошли жить? Вѣдь я же имъ купилъ Надежный пріискъ съ торговъ, какъ вотъ вамъ. А Глазковы? Ивановы? Всѣ они теперь богачи, а я вотъ для другихъ долженъ хлопотать...

— Но, вѣдь, это все временно?

— Конечно, только пока... Говоря между нами, у меня есть на примѣтѣ такихъ два мѣсторожденія каменнаго угля, что отцу родному не уступлю. Только вотъ не хватаетъ средствъ для начала дѣла. А каменный уголь сейчасъ все... Есть даже нефть, т.-е. знаки. Я еще самъ сильно сомнѣваюсь, хотя она и должна быть на Уралѣ.

— Почему вы такъ думаете?

— Помилуйте, да какъ же иначе? У насъ рѣшительно есть все, кромѣ киновари, олова и нефти... И я ихъ ро-
зыщу.

Въ специально пріисковомъ дѣлѣ Утлыхъ, что называется, собаку съѣлъ и на перечетъ зналъ всѣхъ золотопромышленниковъ и всѣ пріиски, со всѣми мельчайшими подробностями.

— Вы за свои двѣ тысячи купили богатство, — объяснялъ онъ Окоемову, дѣлая увѣренный жестъ. — Помилуйте, за эти деньги вы приобрѣли площадь земли въ три тысячи десятинъ... Имѣете право ее разрыть вдоль и поперекъ, уплачивая за каждую десятину всего по 1 рублю казенной подати въ годъ. Я вамъ нарочно купилъ два пріиска на сѣверѣ, два въ среднемъ Уралѣ и два на югѣ — выбирайте изъ любыхъ. Вотъ съѣздимъ, посмотримъ и тогда рѣшимъ, съ чего начать.

— А по вашему мнѣнію, что лучше?

— По моему? Я взялъ бы разработку южныхъ промысловъ. Дѣло самое вѣрное...

Изъ этихъ бесѣдъ Окоемовъ вывелъ заключеніе, что Утлыхъ страдалъ одной слабостью, которая присуща провин-

ціальнымъ прожектерамъ—онъ искалъ богатства какъ можно дальше отъ своего Еватеринбурга, точно золоту не все равно было лежать, гдѣ угодно. Это напоминало больныхъ, которые ѣдутъ за здоровьемъ въ чужіе края. Въ общемъ этотъ уральскій американецъ очень нравился Окоемову, хотя онъ и смотрѣлъ на него, какъ на неисправимаго мечтателя. Они уговорились вмѣстѣ осмотрѣть цѣлый родъ промысловъ и свои купленные прииски.

Провинція вездѣ останется провинціей, и вѣсть объ Окоемовѣ, какъ новомъ золотопромышленникѣ, разошлась съ поразительной быстротой... Въ „Американскую гостинницу“ начали являться разные подозрительные субъекты и даже деревенскіе мужики съ самыми заманчивыми предложеніями. У каждаго было на примѣтѣ по нѣскольке самыхъ надежныхъ и вѣрныхъ мѣстъ. Приносили даже пробы песку и кварца. Все это были люди того же типа, какъ и Утлыхъ, хотя въ меньшемъ масштабѣ.

— Васъ спрашиваетъ какой-то мужикъ...—докладывалъ каждое утро Окоемову корридорный.

— Какой мужикъ?..

— А онъ съ раннего утра ждетъ... Еще вчера приходилъ.

— Позови...

Входилъ мужикъ, настоящій мужикъ. Крестился на образъ, кланялся, откашливался съ таинственнымъ видомъ и заводилъ стереотипный разговоръ:

— Наслышаны мы, што вы, значить, касаемы въ золоту, такъ оно тово... Есть вѣрные знаки. Ужъ такое мѣсто, такое мѣсто—вотъ какое спасибо послѣ скажете. Богачество...

Всѣ эти разговоры обыкновенно заканчивались просьбой относительно задатка. Сначала Окоемовъ имѣлъ неосторожность давать деньги, а потомъ бросилъ—это ни въ чему не вело. Окоемова интересовалъ самый типъ этого уральскаго промысловаго человѣка, зараженнаго несбыточными мечтами. Мысли о легкой наживѣ, казалось, витали въ самомъ воздухѣ.

Кромѣ „золотыхъ мужиковъ“, одолевали еще продавцы каменныхъ издѣлій и драгоцѣнныхъ камней. Это были мелкіе скупщики, торговавшіе кустарными произведеніями. Еватеринбургъ давно служитъ центромъ производства и торговли драгоцѣнными камнями. Окоемовъ прибрѣлъ нѣсколько ти-

пичныхъ образцовъ мѣстныхъ породъ, и очень удивился, что найти порядочную коллекцію уральскихъ камней въ Екатеринбургѣ такъ же трудно, какъ гдѣ-нибудь въ Сахарѣ кусокъ льда. Онъ нашель нѣсколько дрянныхъ коллекцій въ магазинахъ, но за нихъ запрашивали такія цѣны, что было даже неловко за продавцевъ. Ознакомившись съ цѣнами на каменное сырье, Окоемовъ замѣтилъ студенту Крестникову:

— Вотъ вамъ нашъ интеллигентный грѣхъ... Въ центрѣ камней вы не найдете порядочной коллекціи, а между тѣмъ здѣсь, навѣрно, есть много молодыхъ интеллигентныхъ людей, которые за 15 р. жалованья готовы корпѣть надъ перепиской съ утра до ночи. Это, наконецъ, возмутительно... Я подсчитывалъ и нахожу, что можно этимъ дѣломъ заняться серьезно и пустить въ оборотъ тысячи такихъ коллекцій по цѣнамъ въ сто разъ дешевле, чѣмъ онѣ сейчасъ продаются. Вы только сочтите, сколько у насъ среднихъ учебныхъ заведеній, сколько народныхъ школъ—спросъ громадный. И онъ будетъ все возрастать... Для народной школы, наприимѣръ, можно готовить коллекціи изъ пятидесяти типичныхъ экземпляровъ рубля за два. Вотъ вамъ прекрасная и крайне полезная работа, которая для своего начала не требуетъ большого капитала, а только нѣкоторыхъ специальныхъ знаній... Съ другой стороны, это предпріятіе дастъ возможность парализовать всѣхъ этихъ скупщиковъ - кулаковъ, которые держатъ сотни кустарей въ ежовыхъ рукавицахъ. И все у насъ такъ: будемъ у хлѣба сидѣть голодомъ...

Съ первыхъ же шаговъ для Окоемова все рѣзче и рѣзче начала выступать эта роковая русская черта неумѣнья пользоваться окружающими богатствами. Кажется, все дано людямъ, чтобы жили и благоденствовали, а они упорно не желаютъ. Получались вопіющія несообразности, возмущавшія Окоемова на каждомъ шагу до глубины души. Разъ онъ, отправившись вечеромъ пройтись съ внажной, зашелъ въ магазинъ купить варенья.

— Нѣтъ ли у васъ какого-нибудь здѣшняго варенья?— спрашивалъ Окоемовъ разбитного привазчика.

— Здѣшняго-съ? Ничаеъ-нѣтъ-съ... У насъ есть лучшіе сорта: Абрикосова-съ. Шестидесять копѣекъ фунтъ...

— Изъ Москвы?

— Точно такъ съ... У насъ все варенье изъ Москвы-съ. Лучшіе сорта...

Окоемовъ только пожалъ плечами.

— Это, просто, какое-то зѣрство!—ворчалъ онъ, возвращаясь съ покупкой домой.—Я иначе не умѣю назвать... Сѣверъ—страна всевозможныхъ ягодъ по преимуществу. И какихъ ягодъ... Мнѣ рассказывали, что въ Башкиріи продаютъ чудную степную клубнику прямо возами. Ведро стоитъ часто 10—15 копѣекъ. Что же будетъ стоить варенье? Даже смѣшно сказать: пятнадцать копѣекъ фунтъ, а мы заплатили шестьдесятъ. Мнѣ даже хочется просто побить кого-нибудь...

— Вы уже волнуетесь, Василій Тимофеичъ.

— Какъ же не волноваться, когда все такъ возмутительно... Ахъ, какъ все глупо!.. Вѣдь это же кусокъ хлѣба специально для женщинъ. На сто рублей можно заработать триста... Чего же вамъ больше?

— У васъ всѣ разговоры только на деньги сводятся...

— А какъ же иначе? Я уже говорилъ вамъ, что я купецъ, самый настоящій купецъ, и не могу видѣть, когда другіе не понимаютъ собственной пользы. Опять имѣю въ виду только интеллигентныхъ людей, въ частности—интеллигентныхъ женщинъ, которыхъ и здѣсь, навѣрно, непочатый уголь. Ищутъ работы, голодаютъ, а вѣрный кусокъ хлѣба лежитъ подъ носомъ...

— Но, вѣдь, нужны сто рублей, вы же сами говорите? А гдѣ бѣдная интеллигентная женщина ихъ найдетъ...

— Ага, вотъ въ этомъ и вся суть, т.-е. въ деньгахъ. Вы, напримѣръ, въ теченіи года службы у меня должны накопить вотъ эти самые сто рублей, и всѣ другіе служащіе тоже... Моя задача заставить васъ это сдѣлать. А разъ будутъ сто рублей, у человѣка уже почва подъ ногами. Сколько требуется вездѣ рабочихъ рукъ, труда, а мы только смотримъ, какъ лѣнливые рабы. Вотъ я съ вами толкую о вареньѣ и теряю время. Да... Я это чувствую. Помилуйте, такое прозаическое занятіе... „Чѣмъ вы занимаетесь?“ Вѣдь стыдно сказать: „я варю варенье“. Ахъ, какъ все это глупо и нелѣпо...

— Отчего вы сами этимъ не займетесь, если это вамъ нравится?

— По очень простой причинѣ: не хочу отбивать женскій хлѣбъ. Показать, какъ это дѣлается—это могу, но заниматься самому не стоитъ. Знаете, что бы я здѣсь сдѣлалъ: открылъ бы сахарный заводъ. Да... Земли здѣсь сколько угодно, топлива тоже, рабочихъ рукъ тоже, да еще въ выигрышѣ провозъ. Сахаръ—товаръ, который всегда въ модѣ и не имѣетъ обрѣзковъ. Да, если бы я хотѣлъ исключительно только наживать деньги, я такъ бы и сдѣлалъ.

Изъ-за варенья они чуть не поссорились. Княжна серьезно обидѣлась.

— Вы уже мнѣ не нравитесь, Василий Тимофеичъ... Только и слышишь: деньги, деньги, деньги!.. А если мнѣ уже ихъ не нужно, этихъ вашихъ денегъ? Вотъ ненужно, и все тутъ. И другимъ женщинамъ тоже... Всякій дѣлаетъ свое маленькое дѣло, и хорошо, что не думаетъ о деньгахъ. Это вы въ своей Америкѣ заразились деньгами...

— Вы меня считаете ненормальнымъ человѣкомъ?

— Да... У васъ есть пунетивъ, какъ говорятъ доктора.

— А мужики говорятъ про такихъ людей, что у нихъ заяцъ въ головѣ прыгаетъ? Что же, вы правы, Варвара Петровна... Есть заяцъ. Больше не буду говорить о деньгахъ...

Княжнѣ вдругъ сдѣлалось его жаль, и она посмотрѣла на него такими заискивающими глазами. Вѣдь она его такъ любила и такъ вѣрила въ него, если бы всего не отравляли эти проклятыя деньги...

— Ну, помиримтесь, милая Варвара Петровна,—добродушно просилъ Окоемовъ.

— И я уже не буду васъ бранить...

XI.

Знакомство княжны съ Настасьей Яковлевной состоялось само собой, благодаря маленькому приключенію съ Таней. Дѣвочкѣ наскучило сидѣть въ номерѣ, и она получила позволеніе гулять въ корридорѣ. Воспользовавшись этой относительной свободой, Таня пробралась сначала въ бильярдную и познакомилась съ старикомъ маркеромъ, потомъ ее нашли уже въ кухнѣ, гдѣ жила тоже маленькая дѣвочка. Однимъ словомъ, Таня ориентировалась въ гостинницѣ и чувствовала себя, какъ дома, что очень огорчало княжну. Разъ дѣвочка засидѣлась въ кухнѣ

дольше обыкновеннаго и, чувствуя за собой вину — ей было за-
прещено ходить туда — хотѣла наверстать время быстротой
возвращенія и пустилась по корридору во всю прыть. Но тутъ
и случилось происшествіе. Таня запнулась и полетѣла на полъ
съ разбѣга. Когда княжна выскочила на крикъ въ корридоръ,
она увидѣла, что Таню подымаетъ съ полу какая-то незнако-
мая дѣвушка.

— Ничего, мы немного разбились... — говорила незнакомка,
вытирая окровавленное личико Тани носовымъ платкомъ.

Княжна поблагодарила незнакомку и хотѣла увести Таню
къ себѣ въ номеръ, но дѣвочка заапризничала и, ухватив-
шись ручонками за платье незнакомки, не желала съ ней раз-
ставаться.

— Вы меня будете бранить... — повторяла она. — А теть
добрая...

— Ты уже опять была въ кухнѣ, негодная дѣвчонка?

Таня упорно молчала, крѣпко ухватившись за платье своей
защитницы. Незнакомка сдѣлала княжнѣ знакъ глазами и
пригласила ее къ себѣ въ номеръ. Княжна только теперъ взгля-
дѣлась въ нее и узнала въ ней ту самую дѣвушку, о которой
ей столько разъ говорилъ Окоемовъ. Это открытіе ее заин-
тересовало, и она молча пошла за ней.

— Посидите у меня, пока дѣвочка успокоится, — прого-
ворила незнакомка, когда онѣ вошли въ большой номеръ. —
Кстати, я совершенно одна...

— Если не ошибаюсь, я видѣла васъ на вокзалѣ, когда
мы пріѣхали? Мнѣ говорилъ о васъ Василій Тимофеичъ...

— Г. Окоемовъ? Да, я его встрѣчала нѣсколько разъ
въ Москвѣ... Я сейчасъ, только умою эту стрекозу.

Она увела дѣвочку къ умывальнику и помогла ей умыться,
а затѣмъ сама вытерла мокрое дѣтское личико полотенцомъ.

— Какая милая дѣвочка... Это ваша дочь?

— Нѣтъ, я не замужемъ... У нея нѣтъ матери. А васъ
какъ зовутъ?

— Настасья Яковлевна... Мы скоро уѣзжаемъ съ дядей
въ Москву.

— Я вамъ могу только позавидовать... Я тоже москов-
ская и очень скучаю по Москвѣ.

Онѣ разговорились. Княжнѣ очень понравилась эта ори-
«миръ вождй», № 4, апрѣль.

гинальная дѣвушка. У нея было совсѣмъ особенное лицо, одно изъ тѣхъ типичныхъ женскихъ русскихъ лицъ, которыя не забываются. Особенно шла въ ней гладкая прическа, открывавшая умный большой лобъ. Княжна чувствовала, что точно давно-давно знакома съ этой дѣвушкой.

— А я здѣсь пробуду до осени, — сообщила она. — Съ одной стороны, жалѣю, что пріѣхала сюда, а съ другой... Какъ жаль, что вы совсѣмъ не знаете Василя Тимофеича. Это совсѣмъ особенный человѣкъ...

Въ краткихъ словахъ княжна рассказала о цѣли своей экспедиціи и объ ея личномъ составѣ. Настасья Яковлевна внимательно ее выслушала и отвѣтила одной фразой:

— Да, я слышала... Мнѣ говорилъ дядя о г. Окоемовѣ.

Княжнѣ показалось, что дѣвушка говорить о г. Окоемовѣ слишкомъ равнодушно и про себя немного обидѣлась. Развѣ есть другой г. Окоемовъ? Очевидно, дѣвушка ничего не знала, или слышала что-нибудь не въ его пользу. Затѣмъ, какъ показалось княжнѣ, дѣвушка относилась въ ней съ нѣкоторымъ недоверіемъ.

— Вы опять въ Москву? — спрашивала княжна, поднимаясь.

— Да...

Съ этого началось случайное знакомство, о которомъ княжна почему-то не сказала Окоемову ни одного слова.

Въ слѣдующій разъ она встрѣтила Настасью Яковлевну въ корридорѣ и не узнала ее: дѣвушка шла въ шелковомъ сарафанѣ и въ шелковомъ платочкѣ на головѣ, что въ ней очень шло.

— Я уже не узнала васъ, Настасья Яковлевна. Какой странный костюмъ...

— Сегодня воскресенье, и я только-что вернулась изъ моленной. Мы, вѣдь, по старой вѣрѣ... старовѣры...

— А, вотъ что... Этотъ сарафанъ очень идетъ къ вамъ, какъ и всѣмъ женщинамъ вообще. Замѣчательно хорошій костюмъ, который идетъ ко всѣмъ возрастамъ и даже къ некрасивымъ женщинамъ. Наши платья ничего не стоятъ по сравненію... А вы просто красавица въ своемъ сарафанѣ.

Этотъ комплиментъ заставилъ Настасью Яковлевну раскраснѣться, а княжна стояла и любовалась красавицей. Да, у

Овоемова недурной вѣсѣ... И какое чудное лицо, такое молодое и такое серьезное. Княжна кончила тѣмъ, что обняла и разцѣловала раскольницу.

— Я не знаю уже, за что васъ полюбила... Какъ жаль, что вы скоро уѣзжаете!...

Настасья Яковлевна ничего не отвѣтила, а только тоже опустила глаза.

— Кстати, пойдите къ намъ чай пить, — предложила княжна. — Въ нашемъ номерѣ однѣ женщины.

Дѣвушка на одно мгновеніе поколебалась, а потомъ молча пошла за княжной. Ея появленіе въ номерѣ произвело нѣкоторую сенсацію. Таня смотрѣла на нее съ раскрытымъ ртомъ, — это не была просто добрая тетя, а что-то особенное, высшее, чего она еще никогда не видала. Настасья Яковлевна сняла свой платокъ, и Таня пришла въ окончательный восторгъ отъ ея туго заплетенной косы.

— И мнѣ такое же платьѣ... — проговорила она, оцупывая сарафанъ гостыи, сдѣланный изъ старинной тяжелой шелковой матеріи.

Хохлушка отнеслась къ этому праздничному наряду москалихи довольно презрительно, зато Калерія Михайловна ахнула отъ восторга.

— Вотъ это отлично: наше родное, русское... — повторяла она въ какомъ-то дѣтскомъ воодушевленіи. — Да, отлично...

— Еще бабушкинъ сарафанъ, — объяснила Настасья Яковлевна. — Видите, старинный позументъ съ висюльками... Такого уже нынче не дѣлаютъ. И пуговицы тоже старинныя..

Это торжество женскаго сѣвера задѣло хохлушку за живое, и она сдѣлала презрительную гримасу. То-ли дѣло, хохлацкія запаски и плахты, — что можетъ быть лучше? И чему обрадовались эти кацапки... Вотъ невидаль, что обшить сарафанъ разными цацами!.. То-ли дѣло, когда дѣвушка надѣнетъ на голову живые цвѣты... Кончилось тѣмъ, что хохлушка придралась по какому-то поводу къ Калеріи Михайловнѣ, и чуть не вспыхнула первая ссора за все время ихъ путешествія. Но въ этотъ критическій моментъ въ дверяхъ показался Ооемовъ. Онъ на мгновеніе остановился въ дверяхъ, посмотрѣлъ на Настасью Яковлевну прищуренными

глазами, какъ дѣлаютъ при неожиданно яркомъ свѣтѣ и только потомъ подошелъ поздороваться.

— Я васъ не узналъ, Настасья Яковлевна...

— А я васъ сразу узнала... —спокойно и просто проговорила дѣвушка. —Отчего вы къ намъ никогда не зайдете? Дядя васъ приглашалъ...

— Говоря откровенно, мнѣ очень хотѣлось быть у васъ, — въ томъ же тонѣ отвѣтилъ Окоемовъ:—но я просто не рѣшался... Нѣсколько разъ собирался и не могъ. Самъ не знаю, что меня удерживало. Боялся вамъ помѣшать, потому вуча своихъ дѣлъ... Вы, кажется, скоро уѣзжаете?

— Да, на-дняхъ.

— Опять въ Москву?

— Да...

Дѣвушка на скоро выпила свою чашку и начала прощаться. Протягивая руку Окоемову, она проговорила:

— А вы все-таки заходите къ намъ...

— Благодарю. Постараюсь быть.

Она вышла. Въ номерѣ водворилось неловкое молчаніе. Всѣ три женщины инстинктивно ревновали эту Настасью Яковлеву къ своему патрону. На ихъ глазахъ промелькнуло молодое счастье, напомнивъ о быломъ.

— Да, я пришелъ объявить вамъ, господа, что уѣзжаю на нѣсколько дней, —спохватился Окоемовъ.—Всего на нѣсколько дней... Мы ѣдемъ вмѣстѣ съ Утлыхъ посмотрѣть промыселъ.

— А если вы не вернетесь?—спросила княжна.

— Вернусь, вернусь...—успокоилъ Окоемовъ. — Тащить всѣхъ за собой неудобно, а мнѣ необходимо объѣхать до десятка промысловъ и осмотрѣть свои, чтобы сдѣлать окончательный выборъ.

И это не понравилось всѣмъ женщинамъ, которыя начинали смотрѣть на Окоемова съ чувствомъ собственности.

— Съ вами останутся Потаповъ, Крестниковъ и Потемкинъ,—объяснялъ Окоемовъ.

Вечеромъ этого же дня Окоемовъ неожиданно встрѣтилъ Настасью Яковлеву на улицѣ. Она была въ своемъ обыкновенномъ шерстяномъ платьѣ и въ соломенной шляпѣ.

— Здравствуйте, Настасья Яковлевна.

— Здравствуйте... А я сейчасъ изъ магазина, — точно оправдывалась дѣвушка, показывая небольшой свертокъ. — Скоро уѣзжаемъ, такъ нужно было кое-что купить...

— Въ Москву?—проговорилъ Окоемовъ, иди рядомъ.— Знаете, Настасья Яковлевна, я вамъ не вѣрю...

Дѣвушка съ удивленіемъ посмотрѣла на него своими темными глазами.

— Да, не вѣрю... — продолжалъ Окоемовъ еще болѣе рѣшительно.—Вы говорите то, что вамъ велятъ. Я васъ не обвиняю и понимаю, почему вы такъ дѣлаете... Не правда ли, я угадалъ.

Она ничего не отвѣтила, а только прибавила шагу, точно хотѣла убѣжать отъ какой-то удручавшей ее мысли.

— Я много думалъ о васъ...—говорилъ Окоемовъ, стараясь идти въ ногу.—Да, думалъ... И вы тоже думали, такъ, немножко. И знаете, что васъ смущало: вы думали, что я васъ считаю за богатую наслѣдницу, тогда какъ у васъ ничего нѣтъ. Да, сначала я такъ думалъ, а потомъ узналъ, что ошибаюсь и поэтому... поэтому рѣшился предложить вамъ слѣдующее: гдѣ бы вы ни были и что бы съ вами ни было, вы помните одно, что у васъ есть вѣрный другъ, который для васъ готовъ все сдѣлать. Да, все на свѣтѣ... Я знаю, что вы останетесь здѣсь, на Уралѣ, и, вѣроятно, васъ запрячутъ куда-нибудь подальше, а поэтому, если я вамъ понадобитсяъ, напишите мнѣ только свой адресъ, и я явлюсь. Мой адресъ: почтамтъ, до востребованія. А вотъ вамъ на всякій случай моя карточка...

• Дѣвушка ничего не отвѣтила, а только молча пожала руку Окоемова, взяла его карточку и сдѣлала глазами знакъ, чтобы онъ больше не провожалъ.

Онъ остался на тротуарѣ, а она быстро шла къ „Американской гостинницѣ“, до которой оставалось всего нѣсколько шаговъ. У него мелькнула совершенно дѣтская мысль: если она оглянется—да, не оглянется—нѣтъ... Настасья Яковлевна остановилась на подъѣздѣ, оглянулась и кивнула головой. О, милая, милая дѣвушка... Какъ онъ сейчасъ любилъ ее, именно любилъ, потому что даже не думалъ о самомъ себѣ и своемъ счастья, а только о ней. Милая дѣвушка, будь же счастлива, всегда, всегда счастлива... Да, съ ней уходилъ цѣлый міръ,

все счастье, все будущее, а Окоемовъ стоялъ на тротуарѣ, какъ очарованный, и не смѣлъ шевельнуться. Его растерянный видъ обратилъ вниманіе какого-то прохожаго, который съ участіемъ проговорилъ:

— Не обронили ли вы чего, господинъ?

— Нѣтъ, я нашель...—весело отвѣтилъ Окоемовъ, и засмѣялся.—Много нашель: цѣлое богатство.

Прохожій посмотрѣлъ на него и только пожалъ плечами, принявъ его за рехнувшагося человѣка. Долго ли повихнуться человѣку...

Окоемовъ нѣсколько времени не могъ придти въ себя и машинально пошелъ совсѣмъ не въ ту сторону, куда было нужно. Потомъ онъ вспомнилъ, что обѣщаль быть у Утлыхъ, и даже опоздалъ на цѣлыхъ полчаса, чего съ нимъ никогда не случалось, потому что авератность въ дѣлахъ онъ ставилъ одной изъ величайшихъ добродѣтелей.

Утлыхъ былъ не мало удивленъ, увидѣвъ Окоемовъ: онъ принялъ его за пьянаго. Окоемовъ старался быть внимательнымъ, слушалъ и отвѣчалъ совершенно невпопадъ.

— Да что съ вами случилось, Василій Тимофейчъ?

— Со мной? Рѣшительно ничего... А впрочемъ, все пустяки!

— Вы это про что? Какіе пустяки?

— Развѣ я это сказалъ?.. Виновать, я говорю совсѣмъ не то...

Окоемовъ вдругъ засмѣялся и даже обнялъ Утлыхъ. Уральскій американецъ могъ только удивляться.

— Вы, можетъ быть, забыли, что завтра мы выѣзжаемъ?—заговорилъ онъ.

— Куда? Ахъ, да... Все это пустяки и вздоръ!

— Какой же вздоръ? Помилуйте, Василій Тимофейчъ... Наконецъ, я васъ не понимаю. Такъ нельзя относиться къ дѣлу...

— Хорошо... Ѣдемъ, Илья Ѳедорычъ. Я что-то хотѣлъ сказать вамъ... Ахъ, все равно. Однимъ словомъ, Ѣдемъ...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ БИБЛІИ.

Се царь твой градеть тебѣ кротокъ.
Ев. Мате. 21, V.

Народный влизь, дѣтей молитвы
И старцевъ гордыя хвалы..
Ужель въ пылу кровавой битвы
Свлонились римскіе орлы?

Ужель свободна Іудея,
И царь, вождями окружень,
Идетъ возсѣсть на праздный тронъ,
Святымъ восторгомъ пламенѣя?

Но нѣтъ, мечтамъ синедріона
Смѣются римскіе полки:
Онъ нищъ и кротокъ — царь Сіона,
И съ нимъ простые рыбаки.

Греми жъ, хвалебное „осанна“,
Греми въ сердечной простотѣ,
Рѣшеньемъ злобы и обмана
Онъ будетъ распять на крестѣ.

Но и на немъ, томясь, страдая,
Онъ будетъ жить въ дали вѣковъ,
И въ міръ, любя и всепрощая,
Умчится слава рыбаковъ.

Вл. Ладыженскій.

ПРОГРЕССЪ И РЕАКЦІЯ.

(По поводу книги А. Шахова: «Очерки литературнаго движенія въ первую половину XIX вѣка»).

I.

Въ исторической литературѣ давно существуетъ въ высшей степени простая теорія развитія человѣчества. Съ точки зрѣнія этой теоріи весь родъ цивилизаціи представляется въ видѣ волнующагося моря. Предъ нами то поднимается гигантская гряда волнъ, то падаетъ, и—на мѣстѣ водяныхъ громадъ разстилается темная бездна...

Такъ будто живетъ и человѣчество. Эпохи умственнаго подъема, разносторонняго развитія духовныхъ силъ смѣняются періодами упадка, затишья, усталости. На нѣсколько лѣтъ культурные народы будто молодѣютъ. Въ сердцахъ лучшихъ людей просыпается восторженная вѣра въ прогрессъ, то тамъ, то здѣсь кипитъ самоотверженная дѣятельность, одушевленная стремленіями къ общему благу. Даже обыкновенные смертные вырастаютъ въ героевъ и идутъ мужественно во слѣдъ своимъ вождамъ. Все общество вдругъ охватываютъ чисто юношескія надежды на торжество разума и свѣта. Тогда современникъ, окидывая взоромъ окружающую дѣйствительность, видитъ осуществленіе своихъ завѣтныхъ мечтаній и съ вѣрой въ будущее восклицаетъ: «Науки процвѣтаютъ, умы исполнены энергіи,—какъ вольно живется въ такое время!»

Это—слова Ульриха Гутена, одного изъ великихъ борцовъ за реформацію. Очарованіе геніальнаго гуманиста длилось всю его жизнь, онъ и умеръ такимъ же юношей-идеалистомъ, какимъ боролся противъ Рима и папы. Но уже слѣдующее поколѣніе должно было пройти совершенно другой путь, пережить страшную международную борьбу, опустошившую полъ-Европы и вновь вернувшую тьму рабства и фанатизма.

Волна вѣры и энтузіазма упала, и дѣти, воспитанныя рели-

гіозными войнами, уже не понимали ни восторговъ, ни надеждъ своихъ отцовъ.

Два вѣка спустя культурный міръ увидѣлъ ту же смѣну событий и настроеній. На этотъ разъ борьба шла, отчасти, противъ стараго врага, противъ католичества, за свободу мысли и совѣсти, но цѣли борцовъ представлялись несравненно шире: теперь требовали свободы не для *христіанина* только, а для *человѣка*, мечтали уничтожить всѣ виды нравственного и матеріальнаго подчиненія, вернуть на землю сказочный золотой вѣкъ естественной свободы и возможнаго на землѣ счастья. Для этого хотѣли перестроить не только общество, — надѣялись передѣлать самую природу человѣка! Нѣтъ предѣла человѣческимъ увлеченіямъ и мечтамъ, — и они поднимаются тѣмъ выше, чѣмъ темнѣе дѣйствительность...

Это — былъ восемнадцатый вѣкъ, эпоха просвѣщенія, питавшаяся несбыточными планами, создавшая множество ошибочныхъ теорій, не желавшая часто признавать основныхъ законовъ естественнаго развитія личности и общества. Но эти заблужденія не мѣшали людямъ вѣровать въ грядущій вѣкъ «царства разума», и бороться съ вѣковыми силами, заграждавшими путь въ это будущее.

Мы снова слышимъ прежнія восторженные рѣчи, опять людямъ «вольно живется» — если не на самомъ дѣлѣ, то въ пылкомъ воображеніи, опять предъ нами вѣчные юноши — въ родѣ Вольтера, до семидесяти лѣтъ хранящіе неизмѣнно свѣжую и живую вѣру въ благоденствіе нарождающихся поколѣній.

Поколѣнія народились. Нѣкоторымъ еще пришлось внимать напутственныя рѣчи восторженныхъ старцевъ, — но дѣйствительность скоро взростила совершенно неожиданные плоды. Еще не кончился вѣкъ, прославившій Вольтера и его учениковъ, — на народѣ ложилась уже тѣнь величайшаго врага свободы и свѣта, какого только знаетъ исторія. Выходила звѣзда Бонапарта, — и это была вечерняя звѣзда, предвѣстница томительной ночи.

Историческій законъ снова оправдался: никогда еще за бурными волнами мысли и вѣры не слѣдовало болѣе мрачной бездны рабства и разочарованія.

На этотъ разъ эпоха сразу стяжала себѣ прозвище реакціонной. И дѣйствительно, въ исторіи нѣтъ еще такой поразительной смѣны прогресса — застоємъ, жизни — апатіей, культурныхъ стремленій — эгоистическимъ равнодушіемъ.

Все равно, какъ восемнадцатый вѣкъ обнаружилъ въ людяхъ небывалую нравственную энергію, открылъ рядъ разнообразнѣйшихъ талантовъ, завѣщалъ множество типовъ — дѣятелей во всѣхъ

областяхъ мысли и практики, — девятнадцатый представилъ образцы совершенно противоположныхъ явленій.

Тогда выше всего ставилась ясная разумная мысль, — теперь людьми овладѣваетъ туманная, безпредметная мечтательность. Тогда — кто мыслилъ и хотѣлъ жить — шелъ въ среду общества, искалъ открытаго пути для своей дѣятельности, весь горѣлъ жаждой общаго блага, теперь въ моду войдетъ отшельничество, одиночество, себялюбивая возня съ своимъ я, своимъ маленькимъ міркомъ. Тогда идею цѣнили сообразно съ тѣмъ, насколько она обязана преобразовать дѣйствительность. Даже невѣроятные, на нашъ современный взглядъ, замыслы возникали и приобрѣтали сторонниковъ только потому, что казались практически-осуществимыми. Теперь, чѣмъ дальше мысль отъ реального міра, чѣмъ безплотнѣе мечта, — тѣмъ выше ея достоинство. Поэзія будетъ стремиться въ заоблачныя сферы, и новый поэтъ объявитъ войну презрѣнной землѣ и жизненной правдѣ. Чѣмъ больше смуты въ его созданіяхъ, чѣмъ меньше они напоминаютъ существующее и возможное, тѣмъ больше въ нихъ поэзіи. Наконецъ, въ старое время чарующее впечатлѣніе производила вѣра въ человека, его силы и его будущее, — теперь вялому, безсильному поколѣнію, изнывающему въ глухой тоскѣ и тупой праздности — утѣхой будетъ являться бѣдная немочь разочарованія и скептицизма.

Эти двѣ эпохи рисуются намъ нераздѣльно. Одна бросаетъ свѣтъ на другую... Обѣ виѣстѣ на пространствѣ нѣсколькихъ лѣтъ представляютъ въ необычайно яркой формѣ типичную главу въ исторіи прогресса, обильную поучительными выводами, показывающую, какой высоты можетъ достигать свободный геній человека, и какъ низко можетъ опускаться человѣческая природа, подавленная внѣшней темной силой.

Наша научная литература крайне бѣдна работами въ области европейской культуры. Мы на каждомъ шагѣ принуждены питать свою любознательность переводами чужихъ сочиненій. На этотъ разъ предъ нами рѣдкое исключеніе. Книга написана русскимъ ученымъ, талантливымъ, независимымъ, неутомимо искавшимъ строгихъ научныхъ истинъ личнымъ трудомъ. И книга говоритъ о двухъ любопытнѣйшихъ эпохахъ европейской исторіи. Мы не вездѣ должны будемъ согласиться съ выводами и взглядами автора, но это не помѣшаетъ намъ съ особеннымъ удовольствіемъ оцѣнить его книгу и признать, что она заняла бы почетное мѣсто въ какой угодно европейской литературѣ, а въ нашей она — крупный научный фактъ.

Книга принадлежитъ автору, умершему въ очень раннемъ возрастѣ, всего двадцати семи лѣтъ, — А. Шахову. Преждевременная

смерть молодого ученаго унесла много надеждъ, разрушила немало блестящихъ плановъ, загубила несомнѣнный талантъ въ самомъ началѣ развитія. Шаховъ читалъ лекціи на московскихъ женскихъ курсахъ, потомъ въ университетѣ, и пользовался одинаково заслуженнымъ успѣхомъ среди слушательницъ и слушателей. Два года тому назадъ, въ Петербургѣ вышелъ одинъ изъ прочитанныхъ курсовъ—«Гёте и его время»—и встрѣтилъ полное сочувствіе публики. Этотъ фактъ побудилъ издателей напечатать лекціи Шахова по французской литературѣ, читанныя на тѣхъ же курсахъ.

Вторая книга, несомнѣнно, раздѣлитъ популярность первой, тѣмъ болѣе, что предметъ ея едва ли не превосходитъ интересомъ и значеніемъ вопросы, касающіеся нѣмецкой литературы прошлаго вѣка.

На почвѣ французской литературы авторъ, совершенно естественно, съ полной свободой могъ отдаться изученію общественныхъ явленій, особенно занимавшихъ его мысль. Исторія литературнаго, вообще художественнаго развитія—только часть всего труда. Преобразованія всѣхъ сторонъ культурной жизни въ началѣ нашего столѣтія слишкомъ глубоки и значительны, чтобы авторъ могъ остаться только критикомъ и литературнымъ историкомъ. Вопросы политическіе, религіозные, социальные нескончаемой вереницей надвигаются на изслѣдователя и, конечно, никакая эпоха европейской цивилизаціи не ставитъ ему столько трудныхъ и разнообразныхъ вопросовъ, сколько стояло на очереди въ теченіи первыхъ десятилѣтій XIX вѣка.

Авторъ выполняетъ свою задачу вдумчиво, серьезно, безпристрастно и на каждомъ шагѣ обнаруживаетъ свободное благородное міросозерцаніе, едва ли не болѣе важное для историка общественной жизни, чѣмъ солиднѣйшій научный багажъ. Мы можемъ отмѣтить извѣстную неполноту авторскихъ свѣдѣній, несовершенное знакомство съ культурной исторіей того или другого явленія, но мы не въ состояніи во всей книгѣ отыскать идею, притворъ, извращающіе смыслъ событій, рисующіе какую бы то ни было личность въ ложномъ свѣтѣ. Шаховъ—образецъ молодого ученаго, накапливающаго свои убѣжденія путемъ искренней, честной мысли и горячей рыцарской любви къ наукѣ. Книги такихъ авторовъ не только общають знанія,—онѣ въ истинномъ смыслѣ удовлетворяють человѣческую жажду правды и красоты.

II.

Неполнота авторскихъ представленій отражается прежде всего на его отвѣтахъ о XVIII вѣкѣ. Шаховъ неоднократно принимается

характеризовать просвѣтителей, часто останавливается на ихъ идолопоклонствѣ предъ разумомъ, отвлеченной мыслью, много говоритъ объ ихъ жизнерадостномъ самоувѣренномъ настроеніи въ виду побѣдъ философіи. Все это справедливо, но не даетъ точнаго понятія о мужественныхъ борцахъ за права мысли и личности.

Люди XVIII вѣка, дѣйствительно, больше, чѣмъ всѣ другія поколѣнія, за исключеніемъ развѣ гуманистовъ, отличались ясностью настроенія, способностью открыто и смѣло пользоваться жизненными утѣхами и мужественно смотрѣть въ глаза всевозможнымъ огорченіямъ и испытаніямъ. Но подобными качествами могутъ обладать и самыя легкомысленные люди, эгоисты, легѣющіе свою особу день за днемъ. У просвѣтителей не было ничего общаго съ этими людьми.

Ихъ жизнерадостное чувство было результатомъ непоколебимой вѣры въ свои нравственныя силы, въ силы, уже испытанныя среди ожесточенной борьбы съ безчисленными врагами. Каждый философъ, свѣтло глядѣвшій въ будущее, въ подтвержденіе своихъ надеждъ и своей самоувѣренности, могъ указать на множество завоеваній, совершенныхъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ въ царствѣ варварства. Послушайте, когда энциклопедисты станутъ исчислять своихъ читателей и учениковъ, отыскивать ихъ среди разнородныхъ слоевъ современнаго общества, начиная съ государей и придворныхъ и кончая парижскимъ рабочимъ... Чувство благородной гордости невольно охватываетъ писателя: вѣдь еще лѣтъ тридцать тому назадъ, Вольтера прибили палками лакею знатнаго барина, а теперь онъ—своего рода великая держава. Къ его голосу прислушиваются на далекомъ сѣверѣ съ такимъ же интересомъ, какъ въ просвѣщенныхъ салонахъ французской столицы...

Есть, чему радоваться и за чтó благословлять жизнь, исполненную неустаннаго труда. Велико торжество философіи, когда на прижизненный памятникъ ея вождю наперерывъ подписываются государи и вельможи,—и все-таки это только розы. За ними таятся терніи—и терніи едва ли не больше, чѣмъ цвѣтотвъ. Только ничѣмъ неистребимая вѣра просвѣтителей въ прогрессъ помогаетъ имъ хранить спокойствіе духа и энергію среди горчайшихъ обидъ и разочарованій. Терніи кажутся имъ естественнымъ отвѣтомъ со стороны современныхъ враговъ: зато грядущія поколѣнія безраздѣльно будутъ принадлежать разуму.

Таковъ истинный источникъ жизнерадостныхъ ощущеній у людей, дѣйствовавшихъ въ просвѣтительную эпоху. Но именно этотъ фактъ и долженъ обратить наше вниманіе на другую сторону вопроса.

Для потомства, для насъ весьма важно помнить, путемъ какихъ

жертвъ достигались успѣхи философіи. Болтовня въ салонахъ, съ дамами и изящными кавалерами, эпикурейскія наклонности, побѣдные клики—все это было среди философовъ, но было нѣчто и другое. Можетъ, никогда новая мысль не вынесла столько испытаній, борьбы, преслѣдованій, сколько въ эту эпоху людей, горячо любившихъ жизнь и ея радости. Прочтите переписку двухъ великихъ представителей философскаго движенія—Вольтера и Даламбера, и вы будете изумлены, какъ при столь многочисленныхъ поводахъ къ разочарованію и отчаянію можно было неуклонно идти своимъ путемъ? Даже Вольтеръ часто впадаетъ въ пессимистическое настроеніе. Онъ проникается убѣжденіемъ, что «царство философіи не отъ міра его», что на землѣ высшее счастье—жить въ уединеніи и воздѣлывать свой садъ. Философская партія представляется ему маленькимъ стадомъ—*pusillus grex*—брошеннымъ на съѣденіе волкамъ. И это сравненіе отнюдь не покажется преувеличеннымъ всякому, сколько-нибудь знакомому съ исторіей просвѣтительной эпохи.

Трудно даже перечислить всѣхъ враговъ философіи. Въ ихъ лагерь—академія, парижскій университетъ, парламенты, іезуиты и ясенисты, ненавидящіе другъ друга, но единодушные въ своей ненависти противъ философіи. Тотъ же Вольтеръ сообщаетъ, что въ теченіи послѣднихъ шестидесяти лѣтъ, т. е. съ начала XVIII вѣка всѣ государственные люди дѣятельно жгутъ книги философскаго содержанія. При дворѣ существуетъ настоящій питомникъ гонителей философіи. Здѣсь поощряются драматурги, сочиняющіе пасквили на новыхъ писателей, здѣсь взводятся всевозможныя небылицы на энциклопедистовъ, обвиняютъ ихъ даже въ неурожаяхъ, въ войнахъ, и прочихъ фантастическихъ преступленіяхъ. Здѣсь всякій вздоръ и небылицу приписываютъ философамъ.

До сихъ поръ очень распространено мнѣніе, будто сочиненія философовъ наводняли Францію, и особенно Парижъ. На самомъ дѣлѣ ничего подобнаго. Вольтеръ посылаетъ въ столицу только самое ограниченное количество экземпляровъ своихъ сочиненій, и непременно въ вѣрныя руки. Онъ, напримѣръ, заботится, чтобы *философскій словарь* не проникъ въ среду непосвященныхъ.

Конечно, это не мѣшало попадать новымъ книгамъ въ какую угодно среду, но для насъ важно отношеніе философовъ къ этому вопросу.

Знаменитая энциклопедія свободно доставлялась только иностранцамъ во то время, какъ въ Парижѣ весьма часто достать ее было невозможно. На это жалуется Вольтеръ. Съ другой стороны, Гриммъ, одинъ изъ ближайшихъ друзей энциклопедистовъ, сѣтуетъ, что ему

недоступны сочиненія Вольтера. Ввозъ книгъ во Францію обставленъ безчисленными затрудненіями, а печатаніе по временамъ дѣлается совершенно невыполнимымъ.

Отсюда постоянные совѣты Вольтера ученикамъ—бывать въ свѣтскихъ обществахъ, внушать идеи путемъ разговора, легкой болтовни: *un bon mot vaut bien un beau livre*—острое словцо стоитъ хорошей книги, пишетъ онъ Даламберу въ концѣ шестидесятыхъ годовъ.

Иной, благодаря этому приему, могъ лишній разъ обвинить философовъ въ легкомысленномъ пристрастіи къ острословію. А между тѣмъ, ничего не было серьезнѣе философскихъ острогъ. Именно онѣ доказывали, сколько искусства и настойчивости требовалось философамъ на каждомъ шагу.

Фактъ этотъ заслуживаетъ особеннаго вниманія. Можно не соглашаться съ какими угодно идеями энциклопедистовъ, но нельзя отрицать ихъ мужества, энергіи, непримѣрной выносливости въ борьбѣ. Эти нравственные черты прежде всего должны отиѣтить историкъ новаго времени: тогда съ особенной яркостью бросится намъ въ глаза безсиліе, ничтожество, равнодушіе поколѣній, выступившихъ на сцену послѣ дѣятелей прошлаго вѣка.

Есть у автора и другая несправедливость относительно того же вѣка. Онъ совершенно упускаетъ изъ виду литературную школу, созданную энциклопедистами, и прямо отъ классицизма переходитъ къ романтическому направленію. А между тѣмъ, и теорія, и практика, и вліяніе классиковъ были уничтожены задолго до появленія романтиковъ. Авторъ неправъ, утверждая, будто весь XVIII вѣкъ воспитывался на Корнельѣ и Расинѣ... Куда же тогда исчезаетъ мѣщанская драма, буквально заповолившая всѣ сцены—не только во Франціи, но и во всей Европѣ—съ первой же половины XVIII вѣка? Причемъ тогда теоріи Дидро, Бомарше, Мерсье,—единодушно направленныя противъ классицизма? Мерсье предвосхитилъ всѣ основныя идеи романтиковъ: осмѣялъ уродства классической эстетики, постарался выяснитъ красоты шекспировской поэзіи; осмѣлился даже доказывать французамъ, что для полноты умственнаго и художественнаго развитія они обязаны познакомиться съ литературой и даже жизнью другихъ культурныхъ народовъ. Тотъ же Мерсье опредѣлилъ роль новаго поэта, какъ свободнаго общественнаго дѣятеля, не обязаннаго подчиняться какимъ бы то ни было эстетическимъ законамъ и книжнымъ вымысламъ, черпающаго мотивы своей поэзіи изъ дѣйствительной, тщательно изучаемой жизни.

Даже Вольтеръ, столь консервативный въ вопросахъ искусства, всю жизнь громилъ ложноклассическаго генія—Расина—за его при-

страсти къ романическимъ интригамъ, за «безсмысленную любовь», переполняющую сцены его трагедій. А по содержанию драматическія произведенія Вольтера не имѣютъ, конечно, ничего общаго съ трагедіями Корнеля и Расина.

Наконецъ, Руссо—личный и идейный противникъ Вольтера и энциклопедистовъ — написалъ превосходную критику въ своемъ *Письмѣ къ Даламберу* на ложноклассическій театр. Онъ присоединилъ свой голосъ къ общему негодованію и показалъ всю неестественность мотивовъ и героевъ старыхъ трагедій.

Молчаніе нашего автора о жестокой войнѣ, которую XVIII вѣкъ велъ противъ классицизма, тѣмъ болѣе странно, что всѣ упомянутые нами критики увичтожали старую школу не столько за ея неестественную и противохудожественную литературную форму, сколько за уродливыя общественныя воззрѣнія классиковъ. И въ этомъ направленіи просвѣтители шли логическимъ неуклоннымъ и все болѣе широкимъ путемъ.

Руссо напагъ на теорію классической трагедіи, признававшую героями только лицъ самаго высокаго ранга, и потребовалъ на сцену буржуа съ ихъ будничными интересами, съ ихъ всѣмъ понятными страстями и страданіями. То же самое проповѣдывали Даламберъ и Лидро. Вольтеръ въ трагедіи *Guèbres* вывелъ на сцену садовника-поселянина, его дочь и простого солдата, оправдывая свой поступокъ слѣдующимъ соображеніемъ: «Такія личности, стоящія ближе къ природѣ, и свойственная имъ простота языка, мнѣ кажется, производятъ болѣе сильное впечатлѣніе и лучше достигаютъ известной цѣли, чѣмъ влюбленные принцы и страстные принцессы».

Подобное заявленіе въ устахъ Вольтера—цѣлое событіе.

Мерсье пошелъ еще дальше. Онъ провозгласилъ истинными героями новой драмы людей, болѣе всего презираемыхъ при старомъ порядкѣ,—рабочихъ, крестьянъ и вообще людей обездоленныхъ и несчастныхъ. Даже Викторъ Гюго съ своимъ громкимъ принципомъ: *безобразное прекрасно* не могъ претендовать на оригинальность послѣ разсужденій Мерсье, требовавшего изображенія на сценѣ тюремной и больничной жизни.

Практика шла рядомъ съ теоріей уже потому, что большинство новыхъ эстетиковъ и критиковъ были въ то же время драматургами. Сначала появилась ищанская драма, потомъ деревенская, и, наконецъ, драма изъ жизни городского рабочаго класса. Авторы не ограничивались характерами дѣйствующихъ лицъ изъ известной среды, они старались воспроизводить на сценѣ *самую среду*, ея вѣщную обстановку, создавали въ полномъ смыслѣ бытовую и народническую литературу.

Романтики, наслѣдовавшіе вражду къ классицизму отъ писателей XVIII вѣка, далеко не всѣ наслѣдовали ихъ энергію въ систематическомъ осуществленіи новаго принципа. Произошло это потому, что для новаго романтизма не былъ обязательнымъ символъ XVIII вѣка: все для общаго блага и счастья народа.

Что касается публики XVIII-го вѣка ея приговоръ былъ еще энергичнѣе. Одинъ изъ серьезнѣйшихъ критиковъ эпохи—Гриммъ—сообщаетъ, что современные ему зрители упорно отказывались смотрѣть трагедіи Расина и Корнея и требовали *драмъ*—новаго направленія, т.-е. чувствительнаго, мѣщанскаго. Герои, героини и полководцы больше не прельщали французовъ: они хотѣли видѣть на сценѣ самихъ себя, будничную жизнь и будничныхъ героевъ. Самъ Вольтеръ принужденъ былъ писать драмы въ новомъ духѣ, несмотря на свое пристрастіе къ старинной формѣ.

Если все это принять во вниманіе, взглядъ на борьбу романтизма съ классиками въ началѣ нынѣшняго столѣтія долженъ быть совершенно другимъ, чѣмъ у Шахова. Романтики—просто прямые наслѣдники XVIII вѣка, ихъ война съ классицизмомъ—повтореніе старой войны. Оружіе для нихъ было выковано уже ихъ предками, выяснены принципы и цѣль полемики. Все жизненное, практически примѣнимое было заимствовано романтиками у просвѣтителей. Говоря о Берне, Шаховъ совершенно справедливо считаетъ его ученикомъ XVIII вѣка. Этотъ взглядъ на прогрессивныя явленія первой половины нашего столѣтія слѣдуетъ распространить и на литературу.

Помнить заслуги и культурныя приобрѣтенія прошлыхъ поколѣній—нашъ высшій нравственный долгъ, и поэтому мы сочли нужнымъ внести поправку въ нѣкоторыя воззрѣнія автора раньше, чѣмъ остановиться на положительныхъ достоинствахъ его книги. Сказанное нами воспоминаетъ пробѣлы, допущенные авторомъ въ характеристикѣ эпохи прогресса. Другая эпоха очерчена съ безукоризненной точностью.

III.

Здѣсь достоинства изложенія покрываютъ предыдущіе недочеты.

Трудно съ большей ясностью представить самую сущность реакціи, овладѣвшей европейскимъ обществомъ послѣ грандіозной попытки философовъ преобразовать человѣка и весь строй его жизни на основаніи требованій разума. Попытка не могла имѣть успѣха. Человѣкъ—цѣлый міръ идей и чувствъ, воспитанный вѣками, тѣсно сросшійся съ извѣстной реальной почвой. Обращаться съ этимъ

міромъ, какъ съ математической единицей, значить бороться противъ непреодолимыхъ органическихъ силъ жизни и исторіи.

Отвлеченная мысль XVIII вѣка потерпѣла неудачу, революція увѣнчалась страшнѣйшимъ деспотизмомъ, какой только знала Европа,—владычествомъ Наполеона. Въ свою очередь, и Наполеонъ былъ снесенъ всемогущимъ потокомъ событій. Одно поколѣніе успѣло пережить рядъ подавляющихъ драмъ, и немудрено — въ немъ родилось и созрѣло чувство ужаса предъ какими бы то ни было стремлениями новой мысли, предъ всякими замыслами—измѣнять и преобразовывать. Общество требовало невозмутимаго мира и покоя, и всего этого принялось искать въ прошломъ, по ту сторону только что пережитыхъ событій. Вновь должны были воскреснуть средніе вѣка съ ихъ нравственными и религіозными идеалами и, если возможно, съ ихъ общественными порядками.

Ненависти къ просвѣщенію и къ «эпохѣ разума» было много, но силъ создать что-нибудь положительное, оживить идеалы, давно отжившіе свой вѣкъ, не оказалось у самыхъ искреннихъ защитниковъ реакціи. Идеалы только на словахъ оставались старыми, въ дѣйствительности—совершенно измѣнялись въ рукахъ новыхъ проповѣдниковъ, въ извѣстномъ смыслѣ даже подвергались униженію.

Талантливѣйшій и типичнѣйшій представитель реакціонной литературы — Шатобріанъ. Его личный характеръ и его дѣятельность краснорѣчиво доказали, какъ безцѣльны и прямо недостижимы были стремленія реакціонеровъ — вернуть минувшіе вѣка и смытое потокомъ революціи сдѣлать достояніемъ новѣйшей исторіи.

Шатобріанъ—совершенная противоположность людямъ просвѣщенія. У тѣхъ руководящая сила—разумъ, строгая логическая мысль, у него—болѣзненно-развитое воображеніе, грѣзы, часто беспорядочныя, дикія, переходящія въ бредъ. Философы XVIII вѣка всю жизнь стремились къ практической дѣятельности, вѣчно дѣлились своими идеями другъ съ другомъ, были воодушевлены общечеловѣческими интересами. Шатобріанъ—одинокій и молчаливый—бродитъ по окрестностямъ своего родного замка, весь отдается мечтательности, минутами доходитъ до экзальтаціи, страдаетъ ясновидѣніями. Имъ владѣютъ прихотливыя, фантастическіе образы, возникающіе безъ всякаго участія разсудка и мысли. Шатобріану прямо недоступно логическое, спокойное мышленіе. Ему недоступно и еще вѣчто болѣе важное—интересъ къ жизни другихъ людей. Онъ вѣчно занятъ самимъ собой, безъ конца роется въ своихъ мечтаніяхъ, совершенно естественно возводитъ свое я въ перлъ созданія, воображаетъ себя — существомъ единственнымъ, непонятымъ, не-

соразмірно великимъ. Онъ не понимаетъ дѣйствительности внѣ своего воображаемаго міра. Эта дѣйствительность кажется ему слишкомъ мелкой и ничтожною и потому, что она совершенно не соотвѣтствуетъ поэтическимъ снамъ, преслѣдующимъ одинокаго мечтателя.

Можно себѣ представить, что и какъ заговоритъ подобный субъектъ, если вздумаетъ сказать свое слово по вопросамъ нравственной или общественной жизни человѣка! Онъ прежде всего обнаружитъ полную неспособность рассуждать здраво и послѣдовательно, а потомъ, вмѣсто реальныхъ мотивовъ, непременно пустится въ фантастическіе вымыслы и видѣнія. Именно это и произошло съ Шатобріаномъ.

Для реакціи важнѣйшей задачей было возстановить авторитетъ католичества, поколебленный философами, снова окружить средне-вѣковыми ореоломъ культъ римской церкви и власть папы, ея главы. Шатобріанъ берется за эту задачу. Но какъ? Начало подвига рѣшаетъ все дѣло.

Шатобріанъ до извѣстнаго времени былъ невѣрующимъ, и вдругъ увѣровалъ. Чудо произошло весьма просто и въ то же время необыкновенно таинственно. У Шатобріана умерла сначала мать, потомъ сестра. Ему пришлось — плакать, и вотъ этотъ плачъ по умершимъ оказался виновникомъ просвѣтленія. «*J'ai pleuré et j'ai cru*», пишетъ Шатобріанъ.—*Я плакала и увѣровала...*

Подобная вѣра не должна быть особенно возвышена и тверда, — и у Шатобріана католичество скорѣе разрушается, чѣмъ получаетъ твердую опору. Онъ пишетъ громадное сочиненіе—*Духъ христіанства*, и всѣ свои правовѣрные доказательства строить не на разумной, догматической или нравственной почвѣ, а на художественной, эстетической. Христіанство (надо разумѣть западное), по мнѣнію Шатобріана, самая поэтическая религія и поэтому— истинная. Съ этой точки зрѣнія Шатобріанъ разсматриваетъ всѣ вопросы: таинства—святы, потому что вообще все таинственное возбуждаетъ въ насъ самыя сладкія чувства, людей влечетъ все невѣдомое и потаенное. Безбрачіе священниковъ—законно, потому что дѣвственность нѣчто весьма поэтическое и граціозное. Такъ и называется цѣлая глава: *Анализъ дѣвственности въ поэтическомъ отношеніи...* По поводу грѣхопаденія авторъ представляетъ рядъ фантастическихъ картинъ изъ таинственной, будто бы, и оригинальной жизни змѣи. Въ такомъ духѣ написана вся книга.

Теперь скажите, могъ ли настоящій правовѣрный католикъ помириться съ такой защитой своей религіи! Онъ способенъ былъ увидѣть здѣсь скорѣе профанацію вѣры и всякой религіи, кромѣ

развѣ языческой. А еще авторъ, при всей своей религіозности, разсѣявъ въ своей книгѣ множество меланхолическихъ изліаній, жалобъ на жизнь, сомнѣній въ цѣляхъ и смыслѣ человѣческаго существованія... Каково все это было читать людямъ дѣйствительно вѣровавшимъ! Хороша религія, не знающая иныхъ опоръ, кромя лирическихъ вымысловъ горячаго воображенія.

Впрочемъ, даже для самого автора эти опоры, очевидно, представляли мало убѣдительности. Онъ создалъ знаменитаго въ свое время героя—Рене, довольно искаженное отраженіе байроновскаго Чайльд-Герольда. Рене—самъ Шатобрианъ: это собственное признаніе автора,—и Рене въ то же время неизлечимый меланхоликъ. Его исповѣдь въ двухъ словахъ: «Мнѣ скучно жить; скука всегда терзала меня: то, что интересуетъ другихъ, меня не трогаетъ»... Здѣсь нѣтъ вѣры не только въ религію, а вообще во что бы то ни было, нѣтъ обычнаго довѣрія къ своимъ силамъ, вообще къ человѣчеству и его назначенію. Такъ можетъ говорить только скептикъ и пессимистъ.

А между тѣмъ сколько эгоизма и пошлаго самообожанія въ этомъ дѣтинцѣ немощной эпохи! Трудно повѣрить, чтобы этотъ продуктъ большого мозга могъ когда-либо владѣть вниманіемъ цѣлаго общества, пожалуй, цѣлой эпохи.

Рене живетъ исключительно въ мірѣ собственной фантазіи. Онъ презираетъ дѣйствительность. Для него это — нѣчто призрачное, реальное только его грезы и сны. Міръ настолько ничтоженъ, что признавать за собой какія бы то ни было обязанности относительно людей, ихъ законовъ, ихъ нравственности — въ глазахъ Рене—безуміе. Все, что взбредетъ въ голову одинокому мечтателю, то и законно и свято. Рене боготворитъ себя, хотя отлично сознаетъ полную свою непригодность на что-либо болѣе дѣйствительное, чѣмъ жалобы на жизнь и проклятія по адресу міра. Это самообожаніе ничтожества, самоутѣшеніе эгоизма и безумія.

Шаховъ по поводу этого героя напоминаетъ «титаническіе образы» Байрона. Это—не совсѣмъ кстати. Сходство чисто внѣшнее, въ костюмѣ. На Рене только уборъ титаническаго образа, все равно какъ на русскомъ Онѣгинѣ только плащъ Гарольдовъ.

Байронъ—совершенно другая натура, ни единой чертой не похожая на Шатобриана. Англійскій поэтъ и его герои презираютъ людей, но тѣмъ выше цѣнятъ *человѣка*. У Байрона много нравственныхъ связей съ XVIII вѣкомъ. Недаромъ онъ восторженный поклонникъ Руссо. Общее у нихъ—идеализація личности—сильной, свободной, ведущей непрестанную борьбу съ мелочами и предразсудками общественной среды.

Байроническіе герои—люди протеста, слѣдовательно, дѣятельности. Байронъ исполнилъ вѣренъ себѣ и своимъ героямъ и въ тѣ минуты, когда онъ громить народы, утратившіе свободу, и когда бросается на защиту Греціи.

У Байрона есть извѣстные общественные взгляды, ярко выраженные идеалы. Онъ—прирожденный врагъ всякаго насилія и естественный другъ угнетенныхъ и обиженныхъ.

Онъ разочарованъ въ людяхъ, потому что они не отвѣчаютъ его запросамъ. Будь они—свободны, мужественны, благородны,—онъ первый станетъ ихъ привѣтствовать. Таковы и его герои.

Не то у Шатобриана.

Ни о какихъ убѣжденіяхъ здѣсь не можетъ быть и рѣчи. Вся жизнь—сплошной бредъ или рядъ горячечныхъ предпріятій, въ родѣ путешествія автора въ Святую Землю—ради поэтическихъ ощущеній, и въ особенности ради рыцарской страсти къ нѣкоей герцогинѣ, Шатобриану казалась подвигомъ на средневѣковый ладъ.

Были у католицизма и болѣе здравомыслящіе защитники, чѣмъ авторъ *Духа христіанства*. Въ свое время въ Петербургѣ громадной популярностью пользовался графъ де-Местръ, сардинскій посланникъ. Подъ его вліяніемъ въ католициство перешло не мало русскихъ аристократокъ. Извѣстные таланты проповѣдника, слѣдовательно, были. Графъ развернулъ ихъ во всемъ блескѣ въ своихъ сочиненіяхъ.

Онъ тоже ратуетъ за католициство, но у него другія основанія, чѣмъ у Шатобриана. Де-Местръ политикъ и на этой почвѣ ведетъ защиту. Его занимаетъ *практическое* значеніе католициства, т.-е. власть папы. Догматъ папской непогрѣшимости графъ считаетъ величайшимъ благодѣяніемъ для человѣчества. Почему? Потому что если папу возвести въ санъ верховнаго судьи, будетъ сбережено время и деньги, правители избавятся отъ множества неудобствъ, возникающихъ по поводу столкновеній...

Вы видите, и здѣсь догматическая и разумная сторона вопроса оставлена безъ вниманія. Соображенія не касаются сущности предмета, какъ и у Шатобриана.

Что же это значитъ? Отвѣтъ ясенъ. Рыцари реставраціи не даромъ дѣйствуютъ *послѣ* эпохи просвѣщенія и разума. У нихъ нѣтъ и быть не можетъ непосредственной *вѣры* въ католициство, искренней религіозности. Они, въ сущности, скептики, ведутъ борьбу изъ чисто *внѣшнихъ* соображеній, ведутъ ее безъ глубокихъ убѣжденій, безъ энтузіазма, а только потому, что борьба полезна и практически-выгодна.

Мы, слѣдовательно, можемъ отмѣтить два факта: съ одной

стороны—изумительное равнодушіе къ дѣйствительности, къ общественнымъ вопросамъ, неповиманіе ихъ, стремленіе нянчиться съ своей личностью, до потери разсудка погружаться въ фантастическій міръ грѣзъ и случайныхъ вымысловъ. Другой фактъ—лицемѣрныя, эгоистическія побужденія, окрашенные мнимо-идейными задачами.

Реакція не ограничилась Франціей. Авторъ разбираетъ ея исторію въ Германіи. Здѣсь политическіе вопросы не играли видной роли, и поэтому реакція должна была сказаться особенно ярко въ художественной литературѣ. Нѣмецкій романтизмъ—нѣчто еще болѣе дикое и болѣзненное, чѣмъ ясновидѣнія Шатобріана. Здѣсь ненависть къ разуму превратилась въ злобу вообще противъ культуры, развитія духовныхъ силъ человѣка. Новались сѣтуеетъ на упадокъ папской власти, умѣвшей задерживать это развитіе, оплакиваетъ безсиліе иезуитскаго ордена и предсказываетъ «новое золотое время съ темными безконечно-глубокими очами, время пророчествъ и чудесъ».

Шлегель—еще откровеннѣе. Опъ идеаломъ «возрождающейся» Европы считаетъ буддизмъ, полное равнодушіе къ дѣйствительному міру. Совершенство это—аскетъ, окаменѣвшій въ одной позѣ, обросшій мхомъ, птицы вьютъ гнѣзда на его головѣ...

Мы позволимъ себѣ остановить вниманіе читателей на этихъ идеяхъ. Онѣ—эти идеи—крайне поучительны и для нашего времени. Романтики презираютъ дѣйствительность, бѣгутъ отъ нея, стремятся жить исключительно личной жизнью, и посмотрите, во что превращается ихъ нравственный міръ, ихъ «поэтическое» творчество! На мѣсто ясной, увѣренной мысли водворяются туманные, уродливые образы, на мѣсто разсудка, логическаго мышленія—бредъ, на мѣсто живой, цѣлесообразной дѣятельности—слезливое нытье и идолопоклонство предъ всевозможными мелочами и недужными проявленіями своего паразитнаго существованія. Недостатокъ *общихъ интересовъ и жизненныхъ стремленій* всегда сопровождается нравственнымъ отупѣніемъ и юродствомъ.

Всѣ эти факты находятся въ тѣснѣйшей связи другъ съ другомъ. Какая можетъ быть поэзія при такихъ условіяхъ? Она превращается просто въ звуки бессмысленные, безсодержательные. Это своего рода музыка. Вотъ теорія Новалиса: «легко себѣ вообразить рассказы, лишеныя всякой логической связи и похожіе на сонъ, на ассоціацію представленій; или стихотворенія, обильныя благозвучіемъ и прекрасными выраженіями, но безъ всякаго смысла и строя, въ которыхъ понятны только отдѣльныя строфы; эта истинная поэзія можетъ только въ цѣломъ имѣть аллегорическій смыслъ и дѣйствовать на насъ, какъ музыка».

Шаховъ замѣчаетъ: «эта музыкальная поэзія безъ опредѣленной формы и содержанія, разумѣется, не могла сдѣлаться популярной во Франціи». Въ наше время этого отнюдь нельзя сказать. Теорія Новалиса съ буквальной точностью усвоена современными символистами и декадентами. Для этихъ «поэтовъ» высшій смыслъ поэзіи заключается въ отсутствіи всякаго смысла. Поэзія должна быть музыкой, игрой звуковъ, производить впечатлѣніе прежде всего на слухъ и въ результатѣ вызывать смутныя душевныя настроенія... Такъ и у Новалиса: *Stimmungen, unbestimmte Empfindungen noch bestimmte Empfindungen und Gefühle*, т.-е. тѣ же неопредѣленныя настроенія и ощущенія.

Это совпаденіе крайне любопытно,—и если одинаковыя причины производятъ одинаковыя слѣдствія, мы одинаково точно можемъ опредѣлить нравственный и общественный смыслъ двухъ школъ, стоящихъ на двухъ крайнихъ точкахъ нашего вѣка. Характеристика поэта-романтика, оторваннаго отъ дѣйствительности и утратившаго всякій вкусъ къ ней такая: онъ—*безумный*. Это мнѣніе самихъ романтиковъ. Новѣйшій символистъ не долженъ рассчитывать на иную оцѣнку. Приговоръ исторіи всегда ясенъ и неопровержимъ. Приговоръ *жизни*, надо думать, и надъ современнымъ безуміемъ будетъ такой же, какой произнесетъ былъ надъ нѣмецкимъ романтизмомъ: жизнь смететъ символическія юродства, какъ она не разъ уже сметала все больное и уродливое.

Эта жизнь разцвѣтаетъ рядомъ съ недугами и смертью. Эпоха реакціи не сплошь занята тѣнями, есть проблески свѣта. На этотъ разъ виновникъ его—геній женщины.

IV.

Среди проклятій, посылаемыхъ разуму и просвѣщенію, среди пессимизма и апатіи, г-жа Сталь остается убѣжденной защитницей просвѣтительныхъ идей и до самаго конца исповѣдуетъ горячую вѣру въ прогрессъ. Она пытается разъяснить смыслъ революціи и послѣдующихъ событій съ *исторической* точки зрѣнія и прослѣдить непрерывающуюся нить культурнаго развитія чело-вѣчества. Ея слова—благородны, мужественны, и на нихъ должна была покоиться надежда всѣхъ, кто ненавидѣлъ современное мрако-бѣсіе и ханжество.

Гдѣ источникъ этихъ словъ?

Искать его слѣдуетъ въ XVIII вѣкѣ. Г-жа Сталь—ученица просвѣтителей и ихъ вѣрная послѣдовательница. Она—полная противо-

положность Шатобріану и своей личностью одицетворяетъ прогрессъ, завѣщанный предыдущей эпохой, между тѣмъ какъ Шатобріанъ впиталъ всѣ тлетворные соки реакціи.

Въ то время, какъ авторъ *Духа христіанства* пишетъ книги, переполненныя пессимизмомъ и сомнѣніями, г-жа Сталь одушевлена вѣрой въ безконечное развитіе человѣчества. Она пытается воскресить въ дряхломъ современномъ обществѣ былую вѣру въ прирожденную способность человѣка совершенствоваться. Она одна представляетъ здѣсь вѣрованія просвѣтителей.

Шаговъ въ одномъ отношеніи впадаетъ въ заблужденіе—слишкомъ многое приписываетъ оригинальному таланту г-жи Сталь. Оригинальность ея заключалась исключительно въ вѣрности идеаламъ минувшей эпохи—вѣрности, непоколебимой, по истинѣ героической среди разгула наполеоновскаго самовластія и темныхъ инстинктовъ реакціи. Шатобріанъ именно и оцѣнилъ г-жу Сталь, какъ представительницу XVIII вѣка, и на этой почвѣ велъ съ ней полемику.

Г-жа Сталь, въ свою очередь, несла на себѣ трудъ защиты своихъ предшественниковъ и наставниковъ.

Она оправдываетъ не только идеалы, но даже практическія увлеченія дѣятелей предыдущей эпохи. Никакія ошибки ихъ не могутъ разочаровать ее въ основахъ просвѣщенія. Она убѣждена въ одномъ: «разумъ и философія всегда пріобрѣтаютъ новыя силы среди безчисленныхъ несчастій человѣческаго рода».

Первымъ учителемъ г-жи Сталь былъ Руссо. Но ученица отвелась вполне самостоятельно къ идеямъ учителя. Она отвергла все крайнее, все, отмѣченное нетерпимостью и болѣзненнымъ характеромъ женеваго философа. Она прежде всего не могла усвоить его презрѣнія къ цивилизаціи, его пессимистическаго взгляда на будущее культурнаго человѣчества. Но уваженіе къ личности, къ человѣческой природѣ, ко всему простому и естественному—вошло въ міросозерцаніе г-жи Сталь и слилось съ ея вѣрой въ прогрессъ, усвоенной у другихъ мыслителей дорогой ей эпохи.

Вліяніе XVIII вѣка на г-жу Сталь не ограничилось историко-философскими идеями. Она продолжала путь просвѣтителей въ литературѣ и въ общественныхъ взглядахъ. Она врагъ всего наслѣдія «старого порядка»,—наслѣдія, за которое жадно ухватилась реакція. Она вновь изгоняетъ изъ новой литературы классическую трагедію, вновь обращаетъ вниманіе французовъ на чужую культуру и чужое искусство.

Г-жа Сталь всегда и вездѣ сохраняла ясный взглядъ. Она близко познакомилась съ Германіей и ея литературой. Безумія

романтиковъ не смутили ея. Она стумѣла отыскать въ чужой культурѣ здоровыя сѣмена и рѣшилась взростить ихъ на своей родинѣ. Эти сѣмена—непосредственное чувство, пониманіе природы. задутшенность германской поэзіи. Всего этого не доставало французской литературѣ и французскимъ поэтамъ—вѣчно разсудочнымъ, вѣчно привязаннымъ къ городу, къ салону, не умѣющимъ цѣнить красотъ природы. Всему этому со временемъ успѣли научиться соотечественники г-жи Сталь. Ей принадлежитъ честь безпристрастной вдумчивой оцѣнки чужой литературы, чужаго національнаго характера.

На все это, какъ мы знаемъ, указывали и писатели XVIII вѣка, но никто изъ нихъ такъ тщательно и глубоко не ознакомился съ предметомъ, какъ г-жа Сталь. Въ прошломъ вѣкѣ во Франціи знали нѣмецкую литературу по переводамъ нѣкоторыхъ произведеній—Гесснера, Клопштока, Шиллера. Послѣднимъ двумъ поэтамъ національное собраніе даровало даже титулъ французскихъ гражданъ. И все-таки, Германія для французовъ оставалась далекой варварской страной.

Г-жа Сталь лично познакомилась съ «сѣверомъ». Она въ себѣ самой нашла отголоски на германскую поэзію. У нея, какъ ни у кого изъ современниковъ, было развито чувство природы—le sentiment de la nature, невѣдомое старой французской литературѣ и въ XVIII вѣкѣ жившее въ душѣ единственнаго изъ великихъ писателей — Руссо. Это чувство привело г-жу Сталь къ основному принципу новой литературы, къ идеѣ о свободѣ поэтическаго творчества.

Защищая прогрессъ противъ реакціонеровъ, повторяя такъ быстро забытыя завѣты эпохи разума, г-жа Сталь не переставала подрывать основы вновь воскресавшаго классицизма. Она смѣялась надъ французской эстетикой, оснащенной всевозможными правилами, надъ французскимъ формализмомъ въ жизни и въ литературѣ. Права свободнаго сердца въ людскихъ отношеніяхъ и свободнаго вдохновенія въ искусствѣ—такова эстетика и мораль г-жи Сталь.

Никто серьезнѣе ея не смотрѣлъ на литературную дѣятельность. Она всю жизнь стремилась къ тому, что теперь назвали бы «идейной литературой», и въ то время, какъ новокатолики фантазировали на счетъ католическихъ обрядовыхъ красотъ, г-жа Сталь продолжала борьбу съ затхлой старинной и открывала пути будущимъ дѣятелямъ мысли и свободы.

Это—необыкновенная женщина, выдающійся мыслитель. Г-жа Сталь—крупное явленіе, независимо отъ ея художественнаго та-

ланта. Къ сожалѣнію, Шаховъ посвятилъ ей меньше вниманія, чѣмъ она заслуживаетъ.

Интересно, что исторія французской литературы повторила только-что указанный фактъ—исключительную, идеальную роль женщины среди общаго нравственнаго разложенія. Второй разъ эта роль выпала на долю Жоржъ Зандъ во время іюльской монархіи.

Этотъ періодъ, по своему нравственному и общественному складу, является прямымъ дѣтищемъ реакціи не смотря на революцію тридцатаго года. Буржуа, захвативше власть, проявили необычайную узость и эгоизмъ—въ идеяхъ и въ дѣятельности. Идей въ сущности никакихъ и не было. Господствовалъ принципъ—*chacun chez soi, chacun pour soi* (каждый у себя, каждый для себя). Это типичная проповѣдь все той же реакціи, страдающей невольнымъ страхомъ предъ широкими общественными задачами и враждой ко всякому стремленію, выходящему за предѣлы будничныхъ, домашнихъ потребностей.

Луи-Филиппъ — превосходно олицетворялъ эти идеалы. Насмѣшники прозвали его «воплощенной лавочкой» (*boutique incarnée*). Государственные дѣла мало его занимали. Онъ пользовался государствомъ, какъ средствомъ для устройства личныхъ дѣлишекъ, усердно копилъ, наживался, обеспечивалъ свою семью и вѣчно жаловался министрамъ и даже англійской королевѣ на грозящую ему и его дѣтямъ голодную смерть. Подданные были не выше своего повелителя, а литература приспособлялась къ господствующему практическому вкусу.

Образцовые продукты времени—Бальзакъ и Скрибъ, оба—писатели-промышленники, лавочники. Бальзакъ мучился всю жизнь жадной обогащенія, безпрестанно предпринимая всевозможныя спекуляціи, превосходно изображалъ ихъ въ романахъ, и даже самъ подражалъ своимъ героямъ—афферистамъ. Страсть къ деньгамъ до такой степени ослѣпляла писателя, что онъ переставалъ различать дѣйствительные и болѣе или менѣе вѣрные пути къ богатству отъ фантастическихъ, имъ самимъ придуманныхъ ради романической интриги.

Шаховъ прекрасно рисуетъ эту фигуру, но онъ забываетъ указать одну важную черту въ творчествѣ Бальзака: Бальзакъ исповѣдывалъ и осуществлялъ въ полномъ объемѣ: *натуральные* принципы, называя себя *физиологомъ общества*, не отступалъ ни передъ какой житейской грязью, всѣ пятна тщательно заносилъ на свое полотно. У него необыкновенно точное изображеніе виѣшней дѣйствительности. Бальзакъ отлично знаетъ техническую сторону каждаго ремесла, какое онъ изображаетъ въ романѣ. Очевидно,

послѣ этого Эмилю Золя не оставалось ничего создавать, а просто провозгласить себя главой давно существовавшей школы и слѣдовать приѣмамъ своего предшественника, примѣшивая въ интересахъ современнаго читателя сильнѣйшую дозу порнографіи.

О Скрибѣ распространяться не приходится. Его торгашество литературой—общеизвѣстно. Фабричное производство пьесъ, являвшихся подъ фирмой Скриба, вошло въ пословицу. Организация чисто-коммерческая: толпа подручныхъ рабочихъ и одинъ хозяинъ, управляющій мастерскою. Легко представить, какого *внутренняго* качества были эти продукты. Скрибъ, какъ всякій торгашъ, умѣетъ льстить вкусамъ покупателей. Онъ—поставщикъ буржуазной публики и обязанъ осмѣивать все, что превышаетъ уровень мѣщанскихъ лавочныхъ добродѣтелей. Онъ—вѣрный защитникъ «Золотой середины», одинаково, врагъ родового дворянства и народа. Его цари—буржуа, рантье, биржевики, коммерсанты, афферисты. Его высшій принципъ *esprit des affaires*. Ему онъ слѣдуетъ въ своей литературной дѣятельности, его онъ прославляетъ съ театральныхъ подмостокъ.

Вотъ среди этой лавочной литературы раздается искренній, убѣжденный голосъ женщины. Романы Жоржъ Зандъ не имѣютъ ничего общаго ни съ биржевымъ натурализмомъ Бальзака, ни съ пошлымъ ремесломъ Скриба. Жоржъ Зандъ—истинный писатель душой и сердцемъ связанный съ созданіями своего таланта, она живетъ *лично* въ своихъ произведеніяхъ. Они—ея нравственная біографія.

Сначала Жоржъ Зандъ увлечена вопросомъ о положеніи женщины въ семьѣ. Она горячо защищаетъ права сердца, права любви. Она возстаетъ противъ власти ограниченныхъ грубыхъ мужей надъ женами,—власти, освященной обществомъ. Эта борьба ведется искренне и мужественно, но сами героини, въ чью пользу ратуютъ авторъ, не могутъ возбуждать особеннаго уваженія. Все это—жрицы любовнаго чувства, все свое существованіе онѣ наполняютъ сердечной страстью и романическими увлеченіями. Авторъ говоритъ: «Il n'y a pourtant qu'une chose dans la vie, c'est l'amour» (въ жизни есть только одна цѣль—любовь). Такая постановка вопроса, можетъ быть, и свидѣтельствуетъ о силѣ авторскаго чувства, но весьма мало говоритъ о широтѣ его идей.

Иной смыслъ позднѣйшихъ романовъ Жоржъ Зандъ. Это—второй періодъ дѣятельности автора.

Онъ созданъ политическимъ броженіемъ тридцатыхъ годовъ.

Царство буржуазіи не охватывало всей общественной жизни Парижа. Со временъ революціи продолжали существовать демо-

критическіе кружки—очаги протеста противъ мѣщанской реакціи. Къ этимъ кружкамъ примыкали рабочіе. Движеніе должно было увѣнчаться февральской революціей,—пока происходили отдѣльныя вспышки.

Жоржъ Зандъ знакомится съ вожаками кружковъ. Одинъ изъ нихъ — адвокатъ Мишель — оказываетъ на нее сильное вліяніе и кореннымъ образомъ измѣняетъ направленіе ея литературной дѣятельности.

Онъ говоритъ писательницѣ: «Любовь—страсть эгоистическая. Распространи это пламенное чувство на все страдающее человѣчество».

Знакомство Жоржъ Зандъ постепенно расширялось, и рядомъ съ такими людьми, какъ Луи Бланъ, Кине, должны были зрѣть новые литературные планы. Окончательный разрывъ и разводъ съ мужемъ, въ свою очередь, долженъ былъ отвлечь вниманіе романистки отъ семейныхъ вопросовъ. Въ результатѣ является романъ серьезнаго содержанія.

Главный герой этого романа — народъ, но народъ особенный, существующій только въ воображеніи автора. До такой степени идеальны герои Жоржъ Занда, выходящіе изъ плебейскаго сословія. Жизненной правды здѣсь, конечно, не было, но идейный смыслъ такихъ произведеній въ разгаръ буржуазныхъ оргій—не подлежитъ сомнѣнію. Кромѣ того, авторъ несомнѣнно знаетъ многое изъ жизни городскихъ рабочихъ и деревенскаго люда: если онъ идеализируетъ отдѣльныя фигуры,—это дѣлается сознательно. И вельзя, конечно, такой тенденціи—одновременно съ промышленной проповѣдью Скриба—отказатъ въ благородствѣ и извѣстномъ практическомъ значеніи.

Самое содержаніе новыхъ романовъ Жоржъ Занда говорило за нихъ.

Весь интересъ сосредоточенъ на общественныхъ вопросахъ, на положеніи бѣдныхъ классовъ, на глетворномъ вліяніи буржуазныхъ принциповъ. Жоржъ Зандъ рисуетъ яркія фигуры городскихъ дѣльцовъ и деревенскихъ міроѣдовъ, и рядомъ съ такими фигурами воплѣтъ естественно желаніе автора показатъ въ идеальномъ свѣтѣ бѣднаго рабочаго и крестьянина.

Въ результатѣ эти романы, при повальной погонѣ за наживой, при всеобщей эгоистической апатіи къ вопросамъ общественнаго блага, — очищали атмосферу, будили въ публикѣ лучшія чувства и заглушали своекорыстныя стремленія.

Въ Германіи противъ романтическихъ безумцевъ шло общественное движеніе, поднятое борьбой съ Наполеономъ. Талантли-

вѣйшій дѣятель этого движенія философъ Фихте. Его дѣятельность будто дополняетъ такую же энергическую дѣятельность г - жи Сталь. Любопытно, что обоихъ воодушевляетъ чувство отвращенія къ тиранніи корсиканца. Въ этомъ чувствѣ они черпаютъ свои восторги предъ идеями свободы, просвѣщенія и прогресса. Но политическія идеи Фихте не отличались глубиной: весь вопросъ для философа заключался въ освобожденіи родины отъ иноземнаго завоевателя. Вопросы внутренняго строя Германіи оставались безъ отвѣта. Имъ даже не придавали значенія рядомъ съ великимъ вопросомъ національной независимости.

Прошло не мало времени, прежде чѣмъ въ Германіи развилась политическая мысль,—и притомъ, не въ обществѣ, а среди исключительно даровитыхъ и энергическихъ представителей молодого поколѣнія. Такимъ былъ Бёрне. Это—фанатикъ политики. Исполненный негодованія на исконную страсть нѣмцевъ къ философіи и теоретическому знанію, Бёрне весь ушелъ въ политическіе вопросы и не интересовался умственной жизнью страны. Но въ любимой сферѣ это былъ мужественный и послѣдовательный борець.

Бёрне нашелъ оригинальный способъ высказывать публикѣ свои политическіе принципы. Онъ принялся за театральныя рецензіи. Для него были безразличны эстетическія правила, но онъ подвергалъ строжайшему суду драматическихъ героевъ съ политической и нравственной точки зрѣнія. Литературныя достоинства стояли на второмъ планѣ: созданія автора должны были прежде всего удовлетворять извѣстнымъ общественнымъ идеаламъ, политическимъ стремленіямъ прогрессивной части современнаго общества.

Большое впечатлѣніе произвела, напримѣръ, статья Бёрне о Вильгельмѣ Теллѣ Шиллера. Критикъ развѣнчивалъ легендарнаго героя, какъ мстителя за *личныя* интересы, а не за *идеалъ*. Бёрне громилъ уступки и малодушіе швейцарца. Въ воображеніи критика гражданскій герой рисовался въ блескѣ всевозможныхъ доблестей. Телль не удовлетворялъ этому представленію, и вся драма Шиллера казалась Бёрне произведеніемъ неудовлетворительнымъ.

Въ такого рода литературной критикѣ на каждомъ шагу можно впасть въ ошибки,—но это будутъ ошибки въ области искусства. Здѣсь Бёрне и не рассчитывалъ поучать своихъ современниковъ. Для этого предмета не мало можно было найти другихъ учителей и руководителей.

Цѣль Бёрне—воспитать въ нѣмцахъ общественное самосознаніе и политическую мысль. На этомъ пути у Бёрне не было соперниковъ, а враговъ и гонителей сколько угодно на каждомъ шагу. Біографія и литературно-общественная его дѣятельность у насъ мало

извѣстна. А между тѣмъ это одинъ изъ достойнѣйшихъ представителей нравственной энергии и прогресса въ эпоху реакціи и романтическихъ бредней. Онъ, подобно г-жѣ Сталь, воспитался на философіи XVIII вѣка. Здѣсь онъ почерпнулъ живое чутье общественнаго блага, здѣсь научился идейному мужеству, отсюда вынесъ отвращеніе ко всему безпринципному, пошлому, себялюбивому.

И Бёрне предстояла такая же многосторонняя борьба, какую вела г-жа Сталь. Враждуя съ нѣмецкой метафизикой и нѣмецкимъ равнодушіемъ къ дѣйствительности—въ области общественной мысли, Бёрне долженъ былъ одолѣть другого, едва ли не еще болѣе опаснаго и развращающаго врага — новую романтическую школу, воспитывавшую самодовольныхъ пѣвцовъ личныхъ ощущеній, не желавшихъ ничего знать внѣ своего *я* и погружавшихся въ міръ усладительныхъ грезъ о чистомъ искусствѣ, далекомъ отъ житейской прозы.

Если метафизики не знали и не понимали реальной жизни, романтики преднамѣренно бѣжали отъ всякихъ насущныхъ общихъ интересовъ.

Здѣсь Бёрне пришлось бороться прежде всего съ своимъ соплеменникомъ, поэтомъ Гейне.

Это—полная противоположность Бёрне. Шаховъ, давая превосходную характеристику этого истаго художника, остролова и пансіонера французскаго правительства, оказываетъ истинную услугу русскимъ читателямъ.

Общественные взгляды Гейне сказались въ такомъ изреченіи: «въ то время предметомъ моей поэзіи были яблочныя торты, теперь—любовь, истина, свобода и раковый супъ». Нравственные воззрѣнія начинаются и кончаются откровеннымъ, часто циничнымъ эгоизмомъ: «Все пустяки, вся суть во мнѣ, въ моей прихоти, въ моемъ задорѣ и капризѣ». Это слова нашего автора—вѣрнѣйшая характеристика и самого Гейне, и его самодовольнаго, но совершенно безоцѣтнаго остроумія. Практическая нравственность Гейне достаточно освѣщается двумя фактами: пенсіей изъ иностраннаго казначейства и насмѣшками надъ Бёрне, когда тотъ уже покоился въ могилѣ. Относительно основательности и послѣдовательности во взглядахъ слѣдуетъ припомнить изумительное признаніе Гейне, какъ онъ изъ атеиста превратился въ вѣрующаго. Фактъ этотъ совершился, потому что о вольнодумствѣ стала разсуждать «грубая чернь за своей грязной трапезой при свѣтѣ салныхъ свѣчей и вонючихъ лампъ, вмѣсто нашихъ жирандолей». *Обомяніе* подсказало поэту новыя убѣжденія, до которыхъ раньше

не могъ додуматься его *разсудокъ*... Но, несомнѣнно, отзывъ Бёрне точнѣе всего характеризуетъ литературную и нравственную личность Гейне: «Гейне—художникъ и поэтъ. Для него художественная форма выше всего. Онъ напишетъ то, что въ данномъ періодѣ удачнѣе прозвучитъ, какъ артистъ, играетъ онъ своими политическими убѣжденіями».

Игра можетъ показаться очень ловкой и граціозной, но лишь до тѣхъ поръ, пока наблюдатель не всмотрится пристальнѣе въ самого играющаго и предметъ его игры.

Характеристикой Гейне кончается работа Шахова. Къ книгѣ приложена глава о французскихъ журналистахъ начала нашего столѣтія. Здѣсь много любопытныхъ и, для русскихъ читателей, совершенно новыхъ фактическихъ свѣдѣній, но *общія черты* реакціи вполнѣ воспроизведены въ самой книгѣ. Журналы являлись только покорнымъ отраженіемъ общаго духа, владѣвшаго, новымъ обществомъ.

Читатели могли судить, сколько поучительнаго заключается въ разобранномъ изслѣдованіи,—поучительнаго не въ смыслѣ только отдѣльныхъ научныхъ свѣдѣній, а въ смыслѣ цѣльнаго представленія о типичныхъ явленіяхъ цивилизаціи.

«Ничего нѣтъ новаго подъ солнцемъ» — это не всегда справедливая истина и, во всякомъ случаѣ, требующая большой осмотрительности. Но не подлежитъ сомнѣнію, что исторія безъ конца повторяетъ извѣстные культурные типы, представляющіе собой различныя эпохи—прогресса и реакціи. Мы видѣли цѣлый рядъ такихъ типовъ. Они живутъ чаще всего рядомъ, и нашъ авторъ, погрѣшившій, какъ мы видѣли, въ изображеніи величайшей эпохи прогресса, XVIII вѣка, неволью долженъ былъ искупить свой грѣхъ, описывая дѣятельность такихъ достойныхъ потомковъ философскаго поколѣнія, какъ г-жа Сталь, Жоржъ Зандъ, Бёрне.

Въ результатъ предъ нами яркая картина разнообразнѣйшихъ теченій мысли и творчества, на пространствѣ нѣсколькихъ лѣтъ полная біографія человечества, то одушевленнаго вѣрой и стремленіями къ общему благу, то разочарованнаго и падающаго,—но неизмѣнно таящаго въ себѣ новыя силы и новую готовность на борьбу за новые идеалы.

Ив. Ивановъ.

МАРІАНА.

Романъ Э. Альгрень.

(ПЕРЕВОДЪ СО ШВЕДСКАГО).

(Продолженіе) *).

Когда Маріана увѣряла Бергера, что онъ ея первая любовь, она до нѣкоторой степени говорила правду. Были у нея, какъ и у всякой дѣвушки, маленькія увлеченія и прежде, но это была только романтическая игра, не имѣвшая ничего общаго съ чувствомъ.

Грезить о любви Маріана начала еще въ дѣтствѣ. Грезы эти и потомъ никогда не выходили изъ предѣловъ фантастическаго міра. Какъ ни была она взвнччена постояннымъ чтеніемъ романовъ и мечтательностью, но никогда и ни на одно мгновеніе не переступала строжайшихъ законовъ приличія.

Она и теперь витала въ своемъ романтизмѣ и, разумѣется, любила не дѣйствительнаго Бергера, а такого же отвлеченнаго героя, какъ и въ прежнихъ грезахъ. Вѣрнѣе, она любила не самого Бергера, а только его ласки. Его самого она даже и не знала. Его душа, его мысли были ей совершенно чужды, и ей даже не приходило въ голову познакомиться съ нимъ. Теперь она жила со своими старыми грезами среди новой дѣйствительности и нѣжилась въ сладкихъ мечтахъ, какъ въ пуху.

Она была, повидимому, счастлива и надѣялась въ этомъ счастіи прожить всю жизнь.

Въ сущности, у нея было только то, что она считала любовью. Если бы этого не стало, жизнь ея въ Темте превратилась бы въ ничто, потому что уже ровно ничего и не

*) См. «Міръ Вождя», № 3.

осталось бы. Вотъ почему она относилась враждебно ко всему, что становилось между нею и Бергеромъ, и почему всякая минута разлуки съ нимъ превращалась для нея въ простое ожиданіе его возвращенія, причеиъ время наполнялось тѣмъ и какъ попало.

Таково было ея отношеніе къ браку.

Съ своей стороны, Бергеръ, столько же изъ врожденной деликатности, сколько и по принятому рѣшенію не навязывать ей своей жизни, не дѣлалъ ничего, что бы могло пробудить ее отъ романтическаго сна.

Она была слишкомъ хорошо воспитана, чтобы не счумѣть прикрыть свою праздность. Для этого существуютъ разныя руководѣлья, какъ, напримѣръ, вышиванье, тамбурныя работы и прочее, а кромѣ того еще музыка и чтеніе. Она искренно считала себя даже примѣрной и очень занятой замужней женщиной.

Бергеръ ни въ чемъ не противорѣчилъ ей. Въ одномъ только онъ остался непреклоненъ: Маріана пожелала познакомиться съ ближайшими сосѣдями изъ дворянъ — на это онъ не далъ своего согласія, и сколько она ни хитрила, какъ ни упрашивала, ничего изъ этого не вышло.

Съ своей стороны, и Бергеръ тоже потерпѣлъ поражение. Онъ сдѣлалъ попытку научить Маріану играть въ шахматы и потратилъ на упрашиванье ея много краснорѣчія. Но хотя она и согласилась брать у него уроки и нѣсколько разъ садилась съ нимъ къ шахматному столу, лицо ея всякій разъ выражало такую искреннюю скуку, и она выглядѣла такой жалкой въ продолженіе всего урока, что Бергеръ, наконецъ, не рѣшился продолжать ея мученіе, удовольствовавшись своимъ давнишнимъ партнеромъ, аптекаремъ изъ ближайшаго села.

Каждое воскресенье, а иногда и среди недѣли приходилъ этотъ господинъ, и начиналась безконечная партія. О, какъ Маріана ненавидѣла эти партіи! Одинъ видъ шахматъ навелъ на нее тоску, и, чтобы избавиться отъ надоедливаго зрѣлища, она садилась со своей работой спиной къ играющимъ.

А партіи все не прекращались, и какъ Маріана ни интриговала противъ шахматъ, Бергеръ все оставался тѣмъ же страстнымъ игрокомъ.

— Это освѣжаетъ душу!—говорилъ онъ.

Маріана съ увлеченіемъ относилась къ чтенію романовъ

и такъ какъ теперь ей уже не приходилось брать книги у подругъ, или тратиться на покупку ихъ, отказывая себѣ въ чемъ-нибудь другомъ, то она стала читать запоемъ.

Замѣчательно, что она никогда не выбирала чего-нибудь грубаго или рѣзкаго. До романовъ Зола, напримѣръ, она не пожелала бы прикоснуться даже щипцами.

И „уголовные“ романы не приходились ей по вкусу. Нѣтъ,—она любила романы такіе, при чтеніи которыхъ можно было нѣжно улыбаться, или которые заставляли ее потихоньку плакать...

Ей удалось какъ-то уговорить Бергера читать ей вслухъ. Вѣдь это сократило бы длинныя зимніе вечера, причемъ онъ познакомился бы, наконецъ, съ ея любимыми авторами! Добившись его согласія, она добыла одинъ романъ въ шведскомъ переводѣ, и началось чтеніе.

Сначала все пошло хорошо.

— Славная дѣвушка! — замѣтилъ Бергеръ, прочитавъ первыя главы.

Но, когда пошли разныя слезливыя сцены, Бергеръ съ негодованіемъ бросилъ книгу.

— Фу, чортъ! — вскричалъ онъ съ досадой.—Можетъ быть, это подходящая книга для женщинъ, но ужъ никакъ не для меня!

Онъ сейчасъ же пожалѣлъ о своей грубой выходкѣ, попросилъ у жены извиненія и поцѣловалъ ей руку; но до книги все-таки больше не дотронулся.

Такое пренебреженіе въ тому, что ее восхищало, оскорбило Мариану, и нѣсколько дней она была не въ духѣ. Но затѣмъ впечатлѣніе разсѣялось,—и все пошло по старому.

Жизнь Бергера мало измѣнилась послѣ брака. Она дополнилась; въ ней прибавилось нѣчто новое; но самъ онъ нисколько не измѣнился, и дѣятельность его осталась прежней.

Конечно, въ первыя недѣли брачной жизни онъ сокращалъ, сколько могъ, свои рабочіе часы, чтобы дольше оставаться у Марианы. Но и тогда онъ часто говорилъ, посмѣиваясь:

— Не забывай, Мариана, что это нашъ медовый мѣсяцъ. Такимъ лѣнтаемъ, какъ теперь, я вовсе не намѣренъ остаться на всю жизнь.

Но Мариана вѣрила въ свою притягательную силу и не боялась переменъ, которой отнюдь не желала.

Зимой у Бергера было не особенно много работы по

имѣнію, но велись счетныя книги, переписка и т. п. Кромѣ того была еще у него и серьезная бібліотека, съ которой онъ не въ силахъ былъ разстаться надолго. И вотъ, Маріана стала замѣчать, что онъ все дольше и дольше остается въ кабинетѣ за чтеніемъ или за работой.

— Понять не могу, для чего ты все это читаешь? — спрашивала Маріана, которой казалось возмутительнымъ, что мужъ могъ промѣнять ея общество на чтеніе такихъ глупостей, какъ какія-то юридическія статьи, большія сочиненія о животныхъ и насѣкомыхъ, трактаты по химіи, геологіи и тому подобное. А то сидѣлъ онъ еще и надъ какими-то толстыми нѣмецкими книгами, которыя читалъ съ лексикономъ! И притомъ еще, читалъ съ увлеченіемъ, и даже сердился, когда ему мѣшали.

— Какая польза отъ такого чтенія? — нетерпѣливо восклицала иногда молодая жена.

— Приобрѣтаются познанія...

— Но для чего тебѣ эти лишнія познанія? Ты вѣдь знаешь все, что нужно...

Но онъ уже, видимо, не слышалъ ея и снова углублялся въ свою книгу, причемъ, лицо его принимало какое-то сухое, сосредоточенное выраженіе, глаза становились такіе свѣтлые, а зрачки суживались въ маленькія точки...

А когда его настойчиво звали, онъ поднималъ голову, смотрѣлъ передъ собой, ничего не видя, и, проронивъ: — Сейчасъ приду! — продолжалъ читать.

Въ этихъ случаяхъ не стоило говорить съ нимъ, и она уходила, находя, что онъ положительно невозможенъ.

Она стала замѣчать, что онъ не любитъ, чтобы она входила въ его кабинетъ, и понемногу привыкла дожидаться его на своей половинѣ. Да, такъ было лучше для обоихъ, потому что въ ней онъ всегда приходилъ переодѣтый и въ ласковомъ настроеніи, тогда какъ въ кабинетѣ онъ былъ просто несносенъ. Кромѣ того, она замѣтила, что легче всего его обворожить дѣтской рѣзвостью и простодушіемъ, и вотъ она стала дурачиться съ нимъ, взъерошивать ему волосы...

Такъ проходили у нихъ зимніе мѣсяцы.

Но вотъ пришла весна, и начались спѣшныя полевые работы, требовавшія особенно бдительнаго надзора хозяина.

Бергеръ сильно загорѣлъ. Домой возвращался онъ очень усталый; ложился рано и спалъ, какъ убитый, до четырехъ часовъ утра; затѣмъ вскакивалъ и одѣвался такъ торопливо,

точно спѣшилъ на пожаръ. Всякій разъ Маріана просыпалась отъ плесканья воды въ умывальникѣ, или отъ стука надѣваемыхъ мужемъ сапогъ. Она находила все это возмутительнымъ, и чуть не плакала, когда тревожили ея утренній сонъ.

Въ концѣ-концовъ Бергеръ сдѣлалъ то, о чемъ уже давно подумывалъ: переселился въ свою прежнюю спальню за кабинетомъ.

Тамъ онъ чувствовалъ себя на свободѣ. Тамъ онъ съ утра облекался въ рабочую блузу и смазные сапоги, и уже нечего было опасаться разбудить жену. А затѣмъ, возвращаясь съ работъ, онъ могъ переодѣться тоже у себя и придти къ Маріанѣ въ болѣе элегантномъ видѣ. Такъ гораздо было лучше!

Съ своей стороны, и Маріана получила возможность читать свои романы до глубокой ночи, не опасаясь, что свѣтъ помѣшаетъ усталому мужу, а по утрамъ могла спать, сколько хотѣлось.

Но все это не мѣшало ей тосковать о первомъ времени брачной жизни, и то и дѣло сравнивать: вотъ такъ-то было тогда, а такъ-то теперь!..

Она ненавидѣла дѣятельность мужа, которая отнимала у нея его ласки, и стала буквально съ утра до ночи обдумывать, какъ бы устроить такъ, чтобы еще разъ пережить медовый мѣсяцъ. Пошли разныя ухищренія, пускалось въ ходъ и утонченное кокетство, и притворное равнодушіе.

Зная его слабость къ музыкѣ, она садилась за рояль, начинала какую-нибудь прелюдію и бросала играть. Иногда прибѣгала и къ другимъ уловкамъ. Случалось, что хитрости ея дѣйствовали, и Бергеръ засиживался съ ней, но чаще онъ противился искушенію и говорилъ:

— Вѣдь вотъ, — не хочется уходить, а надо. Завтра рано вставать.

Все это создало для Маріаны своего рода состязаніе. Удастся ей сегодня удержать мужа, или нѣтъ? Кокетство обострялось, благодаря препятствіямъ, жизнь становилась полнѣе и, несмотря на жалобы Маріаны, ея брачный романъ былъ восхитительнѣе, чѣмъ когда-либо.

И все-таки ей по прежнему не о чемъ было говорить съ Бергеромъ. Не могла же она ему рассказывать о маленькихъ ловушкахъ, которыя придумывала для него! Не могъ и онъ заговорить съ нею объ органической химіи, или объ искусственномъ удобреніи! Какое ей было дѣло до калия, фосфоритовъ и т. п.?

Но они и не нуждались въ разговорахъ! Со своими дѣлами и научными изслѣдованіями Бергеръ вѣдь справлялся и безъ нея! Такимъ образомъ, весь ихъ обмѣнъ мыслей ограничивался ласками и шутками.

Пришло лѣто.

Въ началѣ іюня пріѣхали братья Маріаны. Хаквинъ уже былъ студентомъ и ходилъ въ бѣлой шапочкѣ, съ ріпсе-пез на носу.

— Это ріпсе-пез на носу Хаквина производитъ странное впечатлѣніе!—замѣтилъ Карлъ, когда въ первый разъ увидѣлъ брата съ этимъ украшеніемъ.—Точь-въ-точь хирургическій инструментъ, наставленный надъ бородавкой, которую надо срѣзать.

Хаквинъ страшно оскорбился, потому что подъ словомъ „бородавка“ подразумѣвался его носъ. Но Вальтеръ утѣшилъ его, замѣтивъ, что это была первая острота, которую Карлу удалось сказать за всю свою жизнь.

— Отъ того-то она такая и глупая!—проворчалъ Хаквинъ, и успокоился.

Онъ сдѣлался неразлученъ съ Бергеромъ, завелъ такую же палку, какъ тотъ, и съ утра бродилъ съ нимъ по полямъ. Братья постоянно подтрунивали надъ его страстью къ сельскому хозяйству, но онъ не обращалъ на ихъ шутки ни малѣйшаго вниманія. Онъ важно разсуждалъ о земледѣліи, пересыпалъ свою рѣчь агрономическими терминами и часто возбуждалъ общій смѣхъ. Бергеръ иногда хохоталъ до слезъ. Но ему все прощалось, тогда какъ на остроты братьевъ Хаквинъ отвѣчалъ съ презрѣніемъ:

— Что же въ томъ, что я напуталъ? Я только учусь еще у Бергера. А вы совсѣмъ воробы даже въ сравненіи со мной.

Бергеръ относился къ юношѣ очень дружелюбно. Его дѣла шли хорошо, онъ чувствовалъ себя довольнымъ судьбой и былъ добродушнѣе, чѣмъ когда-либо, а съ мальчикомъ можно было шутить и смѣяться. За зиму Бергеръ нѣсколько растолстѣлъ, и Маріана находила, что онъ сталъ еще прозаичнѣе, чѣмъ прежде; но это не мѣшало ей по прежнему добиваться его ласкъ, и она почти ревновала его къ Хаквину, котораго онъ явно предпочиталъ всѣмъ остальнымъ.

По вечерамъ, когда общество расходилось спать, Хаквинъ неизмѣнно спрашивалъ:

— Ну, Бергеръ, а что мы будемъ дѣлать завтра?

И Бергеръ пресерьезно разъяснялъ, какія работы назначены на слѣдующій день.

За это „мы“ Хаквинъ выносилъ безчисленныя насмѣшки, но, тѣмъ не менѣе, упрямо повторялъ свою фразу каждый вечеръ.

Между тѣмъ въ Маріанѣ начала совершаться перемѣна. Въ своемъ уединеніи она такъ увлекалась любовью къ мужу, что видѣла въ немъ одни совершенства. Но, пробывъ нѣкоторое время въ обществѣ братьевъ, она стала смотрѣть на него ихъ глазами. Романтическая пелена спала съ ея глазъ, и Бергеръ пересталъ быть для нея какимъ-то сказочнымъ принцемъ. Онъ превратился въ дѣйствительнаго Бергера Ольсона, уже безъ всякихъ прикрасъ и небывалыхъ качествъ. Ей вдругъ стало яснымъ, что Вальтеръ не пожелалъ бы имѣть загорѣлое лицо и огрубѣвшія руки Бергера, что Карлъ не согласился бы одѣваться, какъ онъ, и что даже влюбленный въ Бергера Хаквинъ почувствовалъ бы себя опозореннымъ, если бы вдругъ оказалось, что онъ знаетъ греческій языкъ не лучше Бергера.

Это сознаніе, что братья втайнѣ пренебрегаютъ Бергеромъ, стѣсняло ее въ ихъ присутствіи. Она не смѣла уже относиться къ мужу съ прежней любовью, не рѣшалась лепетать ему прежнія ласковыя слова; она боялась, что и на нее падетъ пренебреженіе братьевъ, если только они замѣтятъ, что она такъ же горячо любитъ Бергера, какъ и онъ ее. Она не знала истины, что если женщина стыдится предмета своей любви, это ясное доказательство того, что она влюблена не въ человѣка, а въ свою собственную мечту.

Братья зажили въ деревнѣ, каждый сообразно своимъ привычкамъ.

Вальтеръ былъ такой же, какъ всегда: прилежный, пунктуальный, сухой и самодовольный. Онъ развѣсилъ въ парѣ гамакъ и лежалъ въ немъ по цѣлымъ часамъ, наслаждаясь лѣснымъ воздухомъ, въ то же время не переставая читать и готовиться къ юридическому экзамену.

Бергеръ не особенно долюбливалъ этого молодого человѣка, но уважалъ въ немъ прилежаніе и силу воли. Съ своей стороны, Вальтеръ относился къ зятю учтиво и почти съ такимъ же вниманіемъ, съ какимъ отнесся бы къ человѣку хорошаго происхожденія и съ высшимъ образованіемъ. Бергеръ зналъ, что втайнѣ Вальтеръ презиралъ его, какъ невѣжду, но не смущался этимъ, и даже не сердился на мо-

лодого человѣка. Почемъ знать, если бы онъ самъ, Бергеръ, побывалъ въ академіи, можетъ быть, и онъ относился бы къ людямъ такъ же?

Не таковы были его отношенія къ Карлу. Этого человѣка Бергеръ просто не переносилъ! Но Карлъ даже и не подозрѣвалъ антипатіи зятя. Такихъ вещей онъ не замѣчалъ, пока онѣ не проявлялись въ самой наглядной формѣ, а Бергеръ дѣлалъ все, чтобы только подавить въ себѣ отвращеніе, стараясь обращаться съ гостемъ, какъ слѣдуетъ.

У Карла было много привычекъ, которыя возмущали Бергера. Такъ, напримѣръ, этотъ рослый и сильный молодой человѣкъ любилъ спать до одиннадцати часовъ, а то и до полудня. Затѣмъ онъ появлялся въ гостиной одѣтый щеголемъ, раздушенный, какъ барышня, съ вислымъ, заспаннымъ лицомъ. Пообѣдавъ, онъ отправлялся въ паркъ, гдѣ такъ же, какъ и Вальтеръ, устроилъ себѣ гамакъ, и снова ложился спать, хотя для приличія всегда влалъ себѣ на грудь раскрытую книгу.

Даже Маріанѣ, любившей поспать до девяти часовъ утра, такой образъ жизни казался страннымъ.

— Милый Карлъ!—сказала она однажды.—Ты испортишь себѣ здоровье этимъ спаньемъ. Право, это очень вредно.

— О чемъ ты говоришь?—возмущался онъ.—Вѣдь я иду въ паркъ читать.

— Не спорь. Я много разъ видѣла, какъ ты спишь съ книгой на груди.

— Если ты меня пригласила для того, чтобы ворчать на меня, я уѣду!—огрызнулся онъ.

— Но послушай, Карлъ.

— Нечего слушать! Я занимаюсь, а ты вдругъ... Ну, что ты понимаешь въ моихъ занятіяхъ?

И онъ продолжалъ, какъ началъ...

Ему было скучно, потому что не за кѣмъ было укажывать. Но вскорѣ ему удалось познакомиться съ молодыми сестрами начальника желѣзнодорожной станціи, послѣ чего онъ уже рѣже сталъ валяться въ своемъ гамакѣ и чаще пропадалъ изъ дому. Затѣмъ Хаквинъ открылъ, что по воскресеньямъ Карлъ ходитъ въ село на народное гулянье, гдѣ собирались молодые крестьяне и прислуга со всѣхъ окрестностей. Вальтеръ презрительно повелъ носомъ, узнавъ о плебейскомъ вкусѣ брата, но Хаквинъ заинтересовался.

— Я тоже пойду!—сказалъ онъ.

— Нѣтъ, ужъ лучше не ходи!—замѣтилъ Бергеръ.

— Почему?

— Потому что эти гулянья не для васъ. Если бы я былъ одинъ изъ деревенскихъ парней, бывающихъ тамъ, я отучилъ бы разныхъ этихъ баричей совать носъ, куда не слѣдуетъ.

— Однако, какая же въ томъ бѣда, если...

— Бѣда въ томъ, что вы ходите на такія гулянья только для того, чтобы глумиться надъ народомъ и ухаживать за честными дѣвушками! Что они, не люди, что ли? Впрочемъ, я увѣренъ, что парни догадаются вздуть того, кто вздумаетъ ухаживать за ихъ невѣстами.

Карлъ поднялся во весь ростъ.

— Не совѣтовалъ бы пробовать!—проговорилъ онъ злобно.

Ольсонъ насмѣшливо оглядѣлъ эту громадную, но драблукую, фигуру, и расхохотался.

— Ты еще не знаешь, Карлъ, что значить помѣряться силами съ однимъ изъ насъ!—сказалъ онъ.

Вскорѣ послѣ того случилось какъ-то, что влючница не успѣла приготовить къ кофе свѣжихъ бучковъ, и подали простые бѣлые сухари. Карлъ пришелъ къ кофе, когда уже всѣ отпили, но не успѣли еще разойтись. Бергеръ стоялъ на дворѣ, разговаривая черезъ раскрытое окно съ Хаавиномъ, съвшимъ еще въ столовой; Вальтеръ сидѣлъ у стола.

— Мужичкіе сухари!—вполголоса сказалъ Карлъ, не ожидая, что Бергеръ услышитъ замѣчаніе.

А тотъ услышалъ.

Быстро обошелъ онъ черезъ переднюю и появился у стола. Онъ былъ такъ взбѣшенъ, что даже поблѣднѣлъ, а загаръ на его лицѣ сталъ желтымъ.

— Милѣйшій мой шуринъ,—сказалъ онъ, стараясь говорить покойно, но вздрагивая отъ бѣшенства;—если что-нибудь въ моемъ домѣ вамъ не по вкусу, то покорнѣйше прошу, ради Бога, не стѣсняться и оставить этотъ домъ.

Никто изъ присутствующихъ еще не видалъ его такимъ взбѣшеннымъ. Спокойный Бергеръ! Не угодно ли?

— Ты не понялъ меня!—возразилъ, совсѣмъ сконфуженный, Карлъ.—Именно потому-то, что здѣсь всегда подаются такія вкусныя вещи, я...

— Понимаю! Значить, именно потому, что здѣсь всегда подаются вкусныя вещи, и только разъ, случайно, на столѣ окажется то, что ѣсть каждый день большинство людей въ деревнѣ, нельзя пропустить случая, чтобы не выплунуть слово „мужикъ“ прямо мнѣ въ лицо?

— Да развѣ это относилось къ тебѣ? Я говорилъ только о сухаряхъ. Дома мы постоянно называли такіе сухари мужицкими...

— Послушай, Бергеръ,—вступился Вальтеръ,—я увѣренъ, что Карлъ вовсе не хотѣлъ оскорбить тебя. Вѣдь очень легко сказать какую-нибудь неловкость, совсѣмъ и не подразумѣвая чего-либо дурного.

— Нѣтъ, здѣсь подразумѣвалось очень многое! Здѣсь проглянуло высокомеріе, котораго я не терплю! Да, я мужикъ,—и не стыжусь этого. Но такимъ франтамъ, какъ вы, господа, я не позволю чваниться передъ нами! Не забывайте, что вы только до тѣхъ поръ сыты и сидите на разныхъ тепленькихъ мѣстахъ, пока можно отнимать куски у насъ!

— Какъ ты можешь до такой степени сердиться изъ-за какого-нибудь пустого слова, сказаннаго безъ всякаго умысла?—спойкойно возразилъ Вальтеръ.

Карлъ имѣлъ видъ, точно онъ подавился. Онъ былъ красенъ, какъ ракъ, и беспомощно поглядывалъ на Бергера, пожевывая своими толстыми губами.

— Успокойся, Вальтеръ,—сказалъ Бергеръ уже тише.— Я не считаю себя хуже такихъ, какъ вы оба, и принадлежащимъ къ какой-то низшей расѣ только потому, что я сынъ мужика и не валялся въ кровати, числясь въ какомъ-нибудь университетѣ!

Онъ вышелъ.

Свою вспышку онъ находилъ теперь глупой, но невольно чувствовалъ на душѣ облегченіе.

На порогѣ столовой стояла Маріана, привлеченная громкимъ голосомъ мужа и слышавшая все.

— Странныя у него фантазіи!—сказалъ ей Вальтеръ.— Кто же станетъ пренебрегать имъ только потому, что онъ не былъ въ университетѣ!

— Господи, что это такое на него нашло?—проворчалъ Карлъ, снова принимаясь за кофе и „мужицкіе сухари“, которыхъ онъ на самомъ дѣлѣ вовсе не презиралъ.— Этого, вѣдь, съ нимъ, кажется, еще не бывало?

Все время молчавшій у окна Хаввинъ схватилъ фуражку и выбѣжалъ на дворъ. Въ послѣднихъ словахъ Бергера было что-то глубоко его пристыдившее.

Маріана тоже ушла, не проронивъ ни слова. Ей невольно припомнилось случайно подслушанное выраженіе одной горничной:

„Да, когда нашъ баринъ разсердится, оправдываться не стоитъ. Тогда ты хоть на голову передъ нимъ становись, его и этимъ не разжалобишь“.

За ужиномъ Бергеръ былъ уже такимъ, какъ всегда. Замѣтили только одно: онъ избѣгалъ смотрѣть на Карла. Тѣмъ не менѣе, съ этого дня къ кофе уже не подавалось ничего другого, кромѣ „мужицкихъ сухарей“. И надо полагать, что не одинъ Карлъ потужилъ объ этомъ нововведеніи, такъ какъ влючница была мастерица по части печеній; но никто не смѣлъ жаловаться.

Съ того времени, какъ Маріана романтически стала носить со своей любовью къ мужу, у ней осталась привычка подбарауливать его и, такъ сказать, на лету ловить отъ него ласку или привѣтливое слово. Эту привычку она сохранила и теперь, когда уже нѣсколько охладѣла къ Бергеру, тѣмъ болѣе, что при братьяхъ не хотѣла проявлять нѣжности, а жить безъ ласокъ положительно не могла. Поэтому она часто выходила въ паркъ встрѣчать Бергера, когда онъ долженъ былъ возвращаться домой, и поджидала его гдѣ-нибудь въ пустынномъ и отдаленномъ отъ дома мѣстѣ.

Однажды она сидѣла въ небольшомъ гротѣ, по обыкновенію, поджидая мужа, вдругъ передъ ней появился Вальтеръ.

— Какъ? Это ты? И въ такомъ глухомъ мѣстѣ?—притворно удивился онъ, хотя отлично зналъ, для чего Маріана ходила въ паркъ, и нарочно пришелъ подстеречь ее. У него являлась иногда какая-то непреодолимая потребность дразнить людей. Притомъ, онъ былъ любопытенъ, и романтическія свиданія между мужемъ и женой интересовали его.

Онъ сѣлъ подлѣ сестры и сталъ болтать о какихъ-то пустякахъ. Маріана, конечно, была недовольна, но старалась не показывать этого.

Вдругъ онъ склонился къ ней, лукаво заглянулъ ей въ глаза и спросилъ, понижая голосъ:

— Маріана, скажи мнѣ откровенно, но только вполнѣ откровенно, положи руку на сердце: неужели ты влюблена въ Бергера?

Маріана сильно покраснѣла; точно ее уличили въ чемъ-то позорномъ.

— Влюблена? Нѣтъ... Но я привязана къ нему, — отвѣтила она, потушившись и поигрывая отдѣлкой своего платья.

— Только-то? — вскричалъ Вальтеръ.

— Конечно. Развѣ этого недостаточно?

Теперь въ ея голосѣ уже послышалось нетерпѣніе. Вальтеръ иронически усмѣхнулся.

— Странно! — сказалъ онъ. — Впрочемъ, вы, женщины, иногда поразительно причудливы!..

— Что ты хочешь этимъ сказать? — спросила она почти гнѣвно.

Вальтеръ не отвѣтилъ ничего, размѣялся своимъ сухимъ, неприятнымъ смѣхомъ, и удалился.

Въ этотъ день Маріана въ первый разъ не дождалась Бергера, — и вернулась изъ парка одна.

Ольсонъ понесъ тяжкую потерю. Его неизмѣнный партнеръ въ шахматы, мѣстный аптекаръ, переселился въ городъ, и Бергеръ остался безъ партнера!

Онъ былъ неутѣшенъ, а Маріана оказалась на столько безсердечна, что открыто радовалась потерѣ.

— По крайней мѣрѣ, я избавилась отъ удовольствія смотрѣть, какъ вы сидите, повѣсивъ носъ надъ шахматной доской, и притворяетесь глубокомысленными, чтобы не казаться глупыми! — говорила она.

Но Вальтеръ, желавшій и успѣвавшій попробовать всего на свѣтѣ, объявилъ, что хочетъ учиться играть въ шахматы, и готовъ замѣстить аптекаря на весь остатокъ лѣта. Въ какихъ-нибудь пять минутъ онъ изучилъ ходы, и сталъ играть, но, разумѣется, очень плохо. Однако, потерпѣвъ нѣсколько поражений, онъ отнесся къ игрѣ серьезно, изучилъ теорію по нѣсколькимъ англійскимъ и нѣмецкимъ книгамъ, которыя нарочно для этого выписалъ, и вскорѣ Бергеру пришлось имѣть дѣло уже съ сильнымъ противникомъ. Это придавало интересъ игрѣ, и во время продолжительныхъ поединокъ противники научились уважать другъ друга, между ними произошло даже нѣкоторое сближеніе.

Иногда послѣ игры, происходившей обыкновенно въ паркѣ, они оставались лежать на травѣ и подолгу между собой разговаривали.

— А знаешь, что?—сказалъ какъ-то Вальтеръ во время такой бесѣды.—Я рѣшился никогда не жениться.

— Почему же тебѣ не жениться?—спросилъ Бергеръ.

— Потому что это нелѣпность! Чего стоитъ нынче обезпечить и одному себѣ кусокъ хлѣба. А тутъ вдругъ придутъ другіе и съѣдятъ у тебя этотъ кусокъ!

— Другіе? Кого ты называешь другими?

— Жену и дѣтей.

— Фу, чортъ!—вскрипѣлъ Бергеръ.—Да вѣдь старыхъ холостяковъ причисляютъ къ вреднымъ животнымъ! Развѣ ты этого не знаешь? И что же хорошаго ѣсть свой кусокъ въ одиночку?

— Хорошаго то, что одному легче жить, какъ люди живутъ,—средствъ больше. Нѣтъ, я не женюсь. Взгляни на моего отца. У него недурное мѣсто, и онъ могъ бы прожить свой вѣкъ припѣваючи. А, вѣдь, онъ ужъ совсѣмъ сѣдой. Отчего? отъ заботъ о деньгахъ для семьи! А, вѣдь, онъ рѣдкій семьянинъ и счастливъ въ своемъ бракѣ. Большинству другихъ приходится гораздо круче: ихъ съѣдаютъ живьемъ и безъ всякаго за это вознагражденія.

— И я тоже останусь холостякомъ!—вскричалъ Хаввинъ, случайно присутствовавшій при разговорѣ.

— Ты?—расхохотался Бергеръ.

— Да, потому что женщины... это такія штуки... такія...

Онъ не зналъ, что сказать, но глубоко презиралъ женщинъ:—по крайней мѣрѣ, въ этомъ онъ былъ увѣренъ.

— Ахъ, ты, цыпленокъ! Ужъ лучше молчи!—посовѣтовалъ Бергеръ, и пошелъ домой.

Передъ отъѣздомъ молодыхъ людей изъ Темте, туда приѣхали старики Бѣръкъ. Это было ихъ первое посѣщеніе замужней дочери; раньше имъ никакъ не удавалось вырваться изъ города.

Мадамъ Бѣръкъ ужаснулась, узнавъ, что Маріана совсѣмъ устранилась отъ хозяйства.

— Дитя мое!—вскричала она,—такъ не годится...

Но „дитя“ только ласкалось и мило надувало губки. Мама могла видѣть, что въ домѣ все въ порядкѣ, и стало быть, осуждать нечего.

— Но, милая Маріана, нельзя же рассчитывать всегда на хорошую ключницу?

— Отчего же? За деньги можно всегда найти...

— А какъ же смотреть на это Бергеръ?

— Для него это безразлично.

— Это, Богъ знаетъ, что такое! Неужели это тебѣ самой не диво? Ты точно въ гостяхъ.

— Ахъ, мама, охота тебѣ разстраивать меня?

Тѣмъ объясненіе и кончилось.

Однако, госпожа Бьеркъ почувствовала передъ Бергеромъ что-то въ родѣ стыда за дочь и потребность задобрить его. Поэтому она стала относиться къ нему съ особеннымъ уваженіемъ и, при всякомъ удобномъ случаѣ, выражала къ нему свою симпатію.

— Я просто удивляюсь тебѣ, Бергеръ!—говорила она.—Твоя жизнь такая дѣятельная, и сколько пользы ты приносишь всѣмъ! Неужели тебя не утомляетъ такая постоянная работа?

— Ну, какая это работа!—возразилъ онъ.—Мнѣ приходится только присматривать за другими. Развѣ это трудъ?

— Однако, Хаввинъ говоритъ, что ты частенько и самъ берешься за косу?

Онъ разсмѣялся и посмотрѣлъ на свои загорѣлыя руки, на которыхъ, однако, мозолей не было.

— Развѣ такой бываетъ трудъ?—повторилъ онъ.—Я берусь за косу только для своего удовольствія, или чтобы ободрить людей и показать, что я и самъ не боюсь работы. А потомъ я отдыхаю, сколько хочу, такъ что объ утомленіи тутъ не можетъ быть и рѣчи. Другое дѣло косить или пахать съ разсвѣта до потемокъ! Вотъ это трудъ! Въ душѣ я поклоняюсь моимъ батракамъ, но не смѣю только высказать имъ этого.

Чувствительная барыня прослезилась. Въ его голосѣ были такія особенныя, ласкающія слухъ, ноты... Притомъ, онъ смотрѣлъ на нее такъ хорошо, точно думалъ про себя: „я знаю, ты тоже по своему потрудились для своихъ дѣтей, и не хвастаешь этимъ“.

Тестъ былъ любезенъ, и только все одобрялъ. Но, въ сущности, ему было скучно, и душа его въ зято не лежала:— „какой-то сентиментальный мужиченко, и больше ничего! и притомъ, какой мѣщанскій образъ жизни! Къ обѣду даже не подають вина, а вечеромъ нельзя и въ карты поиграть“...

Изъ вѣжливости онъ прошелся съ Бергеромъ по полямъ, притворно восхищаясь хлѣбами.

— Да все это даетъ деньги!—только это и понималъ онъ во всемъ хозяйствѣ.

Наканунѣ отъѣзда семьи Бьеркъ шелъ дождь, и послѣ обѣда все общество собралось въ гостиной. Недоставало только пропавшаго куда-то Хаквина.

Послѣ непродолжительнаго молчанія, совѣтникъ вынулъ изо рта сигару и сказалъ:

— Послушай, Бергеръ, мнѣ бы надо поговорить съ тобой о дѣлѣ.

— Не угодно ли пройти въ кабинетъ?

Совѣтникъ оглянулся и убѣдился, что тутъ только свои...

— Нѣтъ, зачѣмъ же? Можно переговорить и здѣсь.

Онъ только что обдумывалъ, какъ удобнѣе объясниться съ Бергеромъ, наединѣ, или при остальныхъ членахъ семьи? По зрѣломъ размысленіи оказывалось, что лучше переговорить при другихъ:—наединѣ пришлось бы высказываться гораздо откровеннѣе, да и зять почувствовалъ бы себя менѣе стѣсненнымъ.

И, кашлянувъ раза два, онъ сказалъ:

— Я просто хотѣлъ спросить тебя, не можешь ли ты ссудить меня четырьмя тысячами кронъ?

Прожаживавшійся по комнатѣ Бергеръ остановился. Догадливый Вальтеръ поспѣшилъ уйти.

— Въ настоящее время у меня свободныхъ денегъ нѣтъ. Весь капиталъ—въ землѣ,—довольно сухо отвѣтилъ зять.

— Денегъ не нужно,—проговорилъ старикъ.—Твоя подпись тѣ же деньги...

Бергеръ нахмурился. Для такихъ любезностей онъ былъ совершенно глухъ, и его занимала только сущность вопроса. Такъ вотъ на что онъ, Бергеръ, годенъ! Богатый зять долженъ помочь возвышенію семьи! Ему вспомнились безчисленные проявленія спѣси и чванныя замашки молодыхъ господъ Бьеркъ, и вотъ теперь онъ, которымъ они такъ пренебрегали, долженъ помочь имъ взобраться наверхъ, долженъ вынести ихъ на собственныхъ плечахъ, и все это только для того, чтобы они плевали на него сверху внизъ? Нѣ-ѣ-тъ, на это они его не поддѣнутъ!

Не дождавшись отвѣта, тесть заговорилъ снова:

— Можно бы сдѣлать заемъ съ постепеннымъ погашеніемъ въ сберегательной кассѣ. Нужно только поручительство.

— А по моему, нѣтъ никакого основанія дѣлать такой заемъ!—возразилъ Бергеръ.

Старикъ даже усмѣхнулся на такое наивное замѣчаніе.

— Основанія-то есть, и даже весьма вѣскія!—сказаль онъ.—Но, разумѣется, ты не можешь знать настоящаго положенія моихъ дѣлъ.

— О, нѣтъ, я знаю ихъ вполне достаточно, чтобы судить о безразсудствѣ займа. У васъ вѣдь точно определенное жалованье, котораго вамъ не хватаетъ, говорите вы. Изъ чего же вы будете погашать заемъ?

Это было сказано сухимъ, дѣловымъ тономъ, производившимъ неприятное впечатлѣніе. Тестъ съ трудомъ удержался отъ рѣзкаго возраженія, и въ комнатѣ на нѣсколько минутъ воцарилось неловкое молчаніе.

— Какъ бы тамъ ни было,—сказаль, наконецъ, совѣтникъ,—а фактъ тотъ, что мнѣ необходимо уплатить по нѣсколькимъ векселямъ и еще содержать въ Упсалѣ трехъ студентовъ.

Бергеръ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ по комнатѣ, и остановился, обернувшись въ Карлу.

— Я хотѣлъ бы поговорить съ твоимъ отцомъ, Карлъ,—сказаль онъ.—Оставь насъ, пожалуйста.

Тотъ поднялся съ недовольнымъ видомъ и гордо вышелъ изъ комнаты.

— Скажите, неужели вы серьезно думаете оставить въ университетѣ всѣхъ трехъ вашихъ сыновей? Съ вашими ли средствами содержать трехъ молодыхъ людей съ такими привычками?—Это мудрено!

— Но, Господи Боже мой, что же, ты хочешь, чтобы я дѣлалъ? Когда Господь далъ дѣтей, нельзя же ихъ вышвырнуть на улицу.

— Разумѣется, нельзя. Но не всякій отецъ обязанъ давать своимъ сыновьямъ высшее образованіе.

— Но разъ мои мальчики выбрали такую карьеру...

— Такъ пусть сами себя и содержатъ.

— Ты самъ очень хорошо знаешь, что въ нашемъ университетѣ съ пустыми руками не пробиться!—съ неудовольствіемъ возразилъ старикъ.

— Такъ имъ надо было выбрать себѣ другое поприще.

— Только потому, что ихъ отецъ не хочетъ похлопотать для нихъ?

Бергеръ насунилъ больше прежняго, но смолчалъ.

— Нѣтъ, Бергеръ, я не такой эгоистъ!—съ достоинствомъ прибавилъ совѣтникъ.

— Однако, поймите же, что только въ тѣхъ случаяхъ и

стоятъ хлопотать, когда у молодого человѣка есть особья способности и охота къ ученью...

— У моихъ сыновей есть и то, и другое!

— У Вальтера и Хаввина—еще пожалуй; но что касается Карла... Неужели вы въ самомъ дѣлѣ думаете, что онъ сидитъ въ университетѣ ради науки? Да, вѣдь, онъ ровно ничего не дѣлаетъ. Въ чемъ выражается его призваніе къ медицинѣ? Я думаю, у него такое же призваніе къ ней, какъ и къ кузнечному или шорному ремеслу!

— Надѣюсь, ты не воображаешь, что я намѣренъ сдѣлать изъ моего сына какого-нибудь кузнеца, или шорника?

— Нѣтъ, такое занятіе показалось бы вамъ унижительнымъ, да онъ и не сдумѣлъ бы выучиться ремеслу.— Ну-съ, а подумали ли вы, сколько еще времени останется онъ въ Упсалѣ, и во что вамъ это обойдется, если онъ будетъ продолжать заниматься съ такимъ же рвеніемъ, какъ теперь?

— Господи!.. Будемъ лучше говорить о чемъ-нибудь другомъ!—взмолился тесть.

— Съ удовольствіемъ!—согласился зять.

Опять оба замолчали. Совѣтникъ размышлялъ о безстыдствѣ мужиковъ. Съ этимъ, напримѣръ, положительно нельзя имѣть никакого дѣла. Да онъ даже хуже, чѣмъ можно было ожидать...

Маріана низко склонилась надъ своей работой и украдкой плакала. Мать съ нервной торопливостью вязала крючкомъ, и два красныхъ пятна горѣли на ея щекахъ. Бергеръ отошелъ къ окну и сталъ смотрѣть на продолжавшійся ливень.

— Мы, однако, отклонились отъ вопроса,—возобновилъ совѣтникъ нападеніе.—Согласенъ ты поручиться за меня, или нѣтъ?

Бергеръ обернулся.

— Я въ жизни моей никогда ни за кого не ручался,—сказалъ онъ сдержанно.— Впрочемъ, согласенъ поручиться за васъ, но только въ томъ случаѣ, если вы изложите мнѣ всѣ ваши денежные дѣла, и я не найду другого выхода изъ вашего положенія.

Совѣтникъ такъ вскинулъ голову, точно ему чѣмъ-нибудь швырнули въ лицо. Каково?! Каковъ тонъ, а? Этотъ мужикъ берется провѣрять и указывать... Нѣтъ, это уже хуже безстыдства!

Тѣмъ не менѣе, онъ отвѣтилъ спокойно:

— Мои дѣла будутъ въ порядкѣ, когда мнѣ удастся отдѣлаться отъ векселей. Заемъ съ постепеннымъ погашеніемъ устроить все какъ нельзя лучше!

— Сомнѣваюсь,—возразилъ зять.—Вамъ придется дѣлать новыя займы, потому что содержаніе студентовъ вамъ не по средствамъ. Да и нужно ли давать имъ такъ много? Когда молодые люди все получаютъ даромъ, они не привыкаютъ къ труду и не получаютъ вѣрнаго понятія о цѣнности денегъ. Наконецъ, въ самомъ основаніи здѣсь ложь: долги образуются, благодаря тратамъ молодыхъ людей, а векселя падаютъ на вашу исключительную отвѣтственность. Это значитъ приучать мальчиковъ къ беспорядку. Нѣтъ, пусть-ка научатся жить по средствамъ, трудиться и сами отвѣчать за свои поступки. Такъ-то будетъ лучше.

— Жить по средствамъ? Да они и такъ живутъ очень скромно. Не голодать же имъ!

— О, до голоду еще далеко. Я, напримѣръ, слышалъ, что Вальтеръ нанимаетъ двѣ комнаты...

— До этого никому нѣтъ дѣла! Онъ нанимаетъ вторую комнату на деньги, которыя зарабатываетъ уроками.

— Могъ бы и жить на этотъ заработокъ, отказавшись отъ вашей помощи. А Карлъ тоже даетъ уроки?

— Нѣтъ.

— То-то! Небойсь, пока можно получать деньги изъ дому, онъ и не попробуетъ трудиться.

— Чего же ты требуешь отъ него?

— Я требую, чтобы онъ понялъ, что не имѣетъ права разорять семью. У меня былъ пріятель въ Упсалѣ, который почти исключительно самъ содержалъ себя съ шестого класса гимназіи. А это былъ слабый мальчикъ, которому слѣдовало бы поберечь себя. Во всякомъ случаѣ, я на этихъ дняхъ буду въ городѣ, и мы можемъ возобновить этотъ разговоръ...

На этомъ этотъ разговоръ и прекратился.

— Не плачь!—сказалъ Бергеръ черезъ нѣсколько времени, оставшись съ Маріаной наединѣ.—Раньше, или позже, а это должно было когда-нибудь случиться. Вы жили, точно дѣти богача, а за такіе поступки приходится расплачиваться. Я знаю, что твоему отцу приходится возиться съ огромнымъ долгомъ... Не понимаю только, какъ это онъ выпутается.

— Но, Бергеръ, ты вѣдь богатъ... Отчего же ты не можешь ему?

— Потому что я никогда не поступаю вопреки своимъ убѣжденіямъ. Если имъ будетъ угодно посвятить меня въ свои дѣла и послушаться моихъ совѣтовъ, тогда я къ ихъ услугамъ.

— Но, подумай, каково папѣ подчиняться тебѣ! Отчего тебѣ не выказать ему полного довѣрія? Вѣдь онъ не обманетъ же тебя...

— Маріана,—сухо остановилъ ее Бергеръ,—въ мои дѣла прошу тебя не соваться.

Ударъ былъ тяжелый. Въ первый разъ пришлось ей почувствовать послѣдствія полной отчужденности отъ дѣлъ мужа. Онъ сказалъ „мой“! У нея самой никакихъ дѣлъ въ домѣ не было!

Но она увидѣла въ этомъ намекъ, котораго также не было: намекъ на то, что она безприданница. И она почувствовала себя уязвленной въ самое больное мѣсто! Слезы тотчасъ же прекратились; цѣлый вечеръ она не сказала съ мужемъ ни слова; даже послѣ отъѣзда родителей она долго еще дулась, ожидая, что Бергеръ придетъ просить прощенія.

Но Бергеръ дѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, и не заикался о прощеніи.

Въ слѣдующее воскресенье онъ поѣхалъ въ городъ. Маріана знала, что у него должно было состояться окончательное объясненіе съ ея отцомъ, и сгорала отъ нетерпѣнія узнать, чѣмъ оно кончилось. Но, вернувшись домой, Бергеръ не рассказалъ ничего, спокойно передалъ ей поклоны отъ родныхъ, держалъ себя, какъ всегда, и дѣлалъ видъ, что совсѣмъ и не замѣчаетъ надутаго вида жены. А Маріана такъ жаждала примирительной сцены! Она съ таковой увѣренностью ожидала ея! За всѣ послѣдніе дни она была такъ холодна къ Бергеру... Неужели же онъ въ самомъ дѣлѣ такъ равнодушенъ, и даже не страдаетъ отъ этого?

Она все время утѣшала себя мыслью, что, по возвращеніи изъ города, онъ попроситъ у нея прощенія. Но этого не случилось. Онъ не сказалъ, какъ она ожидала: Маріана, я сдѣлалъ по твоему. Я не могу жить безъ твоей любви.

Спокойно сѣлъ онъ къ столу и ѣлъ съ большимъ аппетитомъ. Она почти ничего не ѣла. Онъ оказывался совсѣмъ безсердечнымъ! Маріана негодовала въ душѣ и глубоко оскорблялась такимъ равнодушіемъ. Но хуже всего было то, что, не смотря ни на что, ей самой такъ хотѣлось примириться, а сдѣлать это, не поступившись своимъ достоинствомъ, было

невозможно. Между тѣмъ, было ясно, что онъ въ состояніи выдерживать борьбу и дни, и недѣли... Она обдумывала сотни плановъ нападенія, но всѣ они оказывались нигде не годными и должны были разбиться о его невозмутимость. Ей пришло въ голову разрыдаться и сдѣлать шумную сцену; но она въ-время сообразила, что онъ тогда просто уйдетъ изъ комнаты; это можно было предсказать навѣрняка.

Когда обѣдъ кончился, онъ всталъ изъ-за стола и подошелъ къ окну, какъ дѣлалъ это обыкновенно. Она знала, что черезъ минуту онъ уйдетъ! Голова у нея закружилась, и, вдругъ, заглушая въ себѣ острый стыдъ, она направилась къ мужу.

Она подходила робкими, нерѣшительными шагами. Сердце у ней сильно билось, и она была увѣрена, что Бергеръ слышитъ это біеніе. Но онъ не оборачивался,—только мелькомъ взглянулъ въ сторону и продолжалъ смотрѣть на дворъ. Тогда она сдѣлала послѣдній шагъ, и, вся пунцовая отъ стыда, обвила рукой шею мужа.

И таково мужское самоуваженіе! Онъ даже вовсе не былъ удивленъ, а совсѣмъ спокойно обнялъ ее, точно такъ тому и слѣдовало быть!

— Итакъ, ты дулась на меня цѣлыхъ четыре дня?— сказалъ онъ, улыбаясь.

Она почувствовала себя такой маленькой, безпомощной. Ей пришло въ голову, что онъ смотритъ на нее снисходительно, какъ на крошечную букашку... Но это вздоръ, онъ долженъ сдаться! И, обнявъ его другой рукой, она взглянула ему въ глаза и улыбнулась самой обворожительной улыбкой.

— Въ другой разъ, ты, пожалуйста, этого не дѣлай, моя милая!— продолжалъ онъ добродушно.— Иначе—тебѣ выпадаетъ на долю двойной трудъ: сначала ссориться, а потомъ мириться! Притомъ, вѣдь это должно быть непріятно. Зато теперь ты сама знаешь, много ли толку дуться на меня.

Говоря это, онъ смѣялся, а она не знала, что и сказать, и только боялась, какъ бы онъ не ушелъ отъ нея. Но этого онъ не сдѣлалъ и, наконецъ, поцѣловалъ ее.

Во время размолвки съ мужемъ, ея единственнымъ собесѣдникомъ въ деревенской глуши, Маріана испытала такую нестерпимую скуку, что теперь, помирившись, была только рада, и уже не думала о понесенномъ пораженіи. Она даже не стала спрашивать мужа о результатѣ переговоровъ съ отцомъ. Она

убѣдилась, что не въ силахъ заставить мужа поступать, какъ ей было угодно, и не желала новыхъ униженій.

Но если она воображала, что, примирившись съ Бергеромъ, воскреситъ медовый мѣсяцъ, то въ этомъ она сильно ошибалась. Оказывалось, что она сама порядкомъ остыла. А Бергеръ былъ все тотъ же. Управление имѣніемъ, дѣла въ приходскомъ совѣтѣ и многое другое отнимали большую часть его времени, и только за обѣдомъ, да по вечерамъ онъ оставался съ нею. Но и этимъ временемъ она пользовалась довольно слабо:—ей надоѣло прибѣгать къ хитростямъ и воекетству и ухаживать за нимъ! Она и то цѣлый годъ прилагала, кажется, такія же усилія, чтобы увлечь его, какія употребляетъ буксирный пароходъ, чтобы сдвинуть тяжелую баржу. Теперь она чувствовала себя слишкомъ усталой! Онъ ѣлъ, спалъ, шутилъ и ласкалъ ее съ такимъ прозаическимъ спокойствіемъ, съ такимъ довольствомъ жизнью, что становилось тоскливо видѣть такое благополучіе. Это отсутствіе въ немъ стремленія къ лучшему внушало ей даже презрѣніе! Для нея это однообразіе деревенской жизни становилось, наконецъ, невыносимымъ. Дни тянулись безъ конца. Цѣлая вѣчность была между завтракомъ и обѣдомъ, между обѣдомъ и ужиномъ. Ей казалось, что она дремлетъ въ какой-то безлюдной пустынѣ. А онъ пресекло разгуливаетъ себѣ по двору съ толстой палкой въ рукахъ и Фогомъ, точно человѣкъ, ведущій самый беззаботный образъ жизни. Руководѣлье и романы надоѣли ей до смерти; она просто погибаетъ отъ скуки. А онъ и не замѣчаетъ этого...

Такое отсутствіе интересовъ высшаго порядка свидѣтельствуеетъ объ ограниченности его ума! Это очевидно.

Маріана уже начинала считать себя несчастной.

Ее выводило изъ себя, что онъ могъ увлекаться своими хозяйственными дѣлами до глупости. Его интересовали удои коровъ и воспитаніе лошадей; онъ могъ съ увлеченіемъ говорить о коровахъ; его глаза сверкали, когда онъ восклицалъ:

— Маріана! Посмотри на эту чудесную корову! Какая породистая головка! Просто красавица!

И Маріана смотрѣла, и видѣла передъ собой глупѣйшее, неуклюжее животное, которое таранило на нее свои бессмысленныя глазища! Отъ такой прелести можно было убѣжать съ крикомъ, если бы не стыдъ быть осмѣянной! Красавица! Корова красавица! Господи!

Въ концѣ-концовъ она уже начинала чувствовать къ Бер-

геру гадливость за то, что онъ не понималъ красоты и осмѣливался называть красавицами коровъ! Ей противно было выходить изъ дому, — такъ увлекательны были эти „красавицы“, которыхъ, притомъ, было столько, что мудрено было не увидѣть ихъ.

Съ удивленіемъ смотрѣла теперь Маріана на Бергера. Какъ она могла такъ долго увлекаться имъ? Гдѣ у нея были глаза, когда она принимала его за умнаго человѣка и не видѣла его ограниченности? Да, она ошибалась! Теперь же судить о немъ здраво: у него мелкая душа; онъ довольствуется окружающею его дѣйствительностью, потому что не развитъ и не знаетъ лучшаго; ея же, Маріану, онъ никогда не понималъ и не пойметъ!

Маріана достигла высшей точки романтизма: она была непонята и въ одиночествѣ!

Пер. В. Ф.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ ИСТОРИИ ОДНОГО УЧИЛИЩА.

(Письмо изъ деревни).

Я поселился въ деревнѣ человѣкомъ довольно свободнымъ. Занятія по сельскому хозяйству, которыя мнѣ приходилось дѣлать съ братомъ, благодаря послѣднему обстоятельству, не требовали большого напряженія и лѣтомъ, а ужъ осень съ безконечно длинной зимой впереди, просто-на-просто пугала неизбѣжной праздною. Отсутствіе общества дѣлало такую перспективу еще безотраднѣе... Настала осень, земскій учитель досталъ изъ швафа и аккуратно разложилъ на партахъ бумажки, пригласилъ батюшку для молебна и объявилъ школу открытой. А я, значительно раньше интересовавшійся уже дѣломъ народнаго образованія, пришелъ въ школу съ цѣлью окончательно познакомиться съ ней и, если можно, то и помочь учителю заниматься.

Первое впечатлѣніе, которое произвела на меня школа, было въ нѣкоторомъ родѣ оглушительнымъ. Представьте себѣ комнату аршинъ 10-ти длиною и аршинъ 8-ми шириною, наполненную пятидесятью дѣтьми, жужжащими, какъ шмели, — и вотъ передъ вами земская школа и, притомъ, еще далеко не изъ худшихъ, по помѣщенію, въ уѣздѣ. Крошечныя сѣни съ ведромъ воды на скамейкѣ не могутъ вмѣстить одежды учащихся, и потому ученики либо читаютъ и пишутъ въ сипунахъ и полушубкахъ, либо владутъ ихъ подъ себя на скамейку. Три-четыре красныхъ платка яркими пятнами выдѣляются на темномъ фонѣ сипуновъ: это дѣвочки, вообще, представляющія въ народной школѣ совершенно ничтожный процентъ. Такъ какъ начальная школа, имѣя трехгодичный курсъ, имѣетъ и три отдѣленія, то дѣла мнѣ, разумѣется, нашлось сколько угодно. Учитель можетъ заниматься только съ однимъ отдѣленіемъ, а два другихъ должны въ той же

комнатъ въ теченіи часа пробавляться, такъ-называемыми, самостоятельными работами, — списываньемъ съ прописей, рѣшеніемъ задачъ и т. п., они лишены руководства и наблюденія и неизбѣжно тратятъ часть времени непроизводительно.

Вотъ съ этого-то наблюденія за работами да замѣны кое-когда отсутствовавшего учителя и начались мои школьныя занятія, продолжавшіяся, впрочемъ, недолго. Незибѣжность ежедневныхъ отказовъ новымъ ученикамъ въ поступленіи за недостаткомъ мѣста подсказывали мнѣ мысль о необходимости открытія въ томъ же селѣ другой, самостоятельной, школы. Надо сказать правду, осуществленію этой мысли я во многомъ обязанъ мѣстному священнику, не только горячо ставшему на мою сторону въ этомъ дѣлѣ, но даже предложившему мнѣ совмѣстную работу въ будущей школѣ. Заручившись, такимъ образомъ, содѣйствіемъ убѣжденнаго, и притомъ, дарового законоучителя (земство того уѣзда, о которомъ пишу я, не платило тогда, да и теперь, вѣзется, не платитъ законоучителямъ даже своихъ школъ), мнѣ оставалось только открыть училище, найдя ему помѣщеніе. Послѣ тщательныхъ поисковъ, выборъ мой остановился наконецъ на пустой кухнѣ заброшенной барской усадьбы. Великолѣпная кухня эта во многихъ отношеніяхъ имѣла дѣйствительно неоспоримыя преимущества. Во-первыхъ, она была по размѣрамъ одной изъ самыхъ просторныхъ избъ села, во-вторыхъ, не имѣла населенія, кромѣ сторожа, проживавшаго больше на печкѣ и, наконецъ, занимала центральное положеніе, какъ разъ противъ церкви. Я тотчасъ же приобрѣлъ учебники, временно взявъ изъ земской школы кое-какія пособія изъ разрозненныхъ экземпляровъ, — и на селѣ возникла новая женская школа. Почему, однако, *женская*? Я долженъ сказать, что въ принципѣ стою за смѣшанную школу, и дальнѣйшее существованіе ея показало, какъ увидитъ читатель, справедливость этого взгляда. Но, въ данномъ случаѣ, въ пользу чисто женской школы являлось нѣсколько доводовъ, которые и привожу здѣсь. Во-первыхъ, мое знакомство съ учениками земской школы могло вызвать со стороны нѣкоторыхъ изъ нихъ желаніе перейти ко мнѣ и такимъ образомъ создать совсѣмъ нежелательную конкуренцію, а во-вторыхъ, меня всегда поражала необыкновенная малочисленность дѣвочекъ въ видѣнныхъ мною раньше училищахъ. Надо только дать толчокъ, думалось мнѣ тогда. Специально-женское училище заинтересуетъ дѣвочекъ, онѣ не захотятъ отстать другъ

отъ друга, а тамъ—разъ ужъ это необычное стремленіе при-
вется, дѣло пойдетъ само собой и, можетъ быть, дастъ въ
результатѣ смѣшанную школу. И эти соображенія мои по-
томъ оправдались: отслушавъ молебень 2-го октября при от-
крытіи школы, я записалъ 32 ученицы, отъ девяти до че-
тырнадцати лѣтъ,—количество едва ли перебивавшее въ зем-
скомъ училищѣ за все время его десятилѣтняго существованія.
Такимъ образомъ, водворивъ эти женскіе курсы въ забро-
шенной кухнѣ, я сталъ учителемъ.

Я пишу эту замѣтку, эти отрывочныя воспоминанія не-
давняго прошлаго, совѣмъ не для специалистовъ, и потому
вовсе не стану говорить о преподаваніи, такъ сказать, о его
технической сторонѣ. Уча другихъ, я учился и самъ и въ
первое время готовъ былъ не менѣе своихъ ученицъ сму-
щаться quasi-педагогическими вопросами нашихъ учебни-
ковъ. Чѣмъ, напримѣръ, „покрыта“ лошадь? спрашиваетъ
учебникъ. Всѣ деревенскія дѣти, разумѣется, хорошо знаютъ
лошадь, и еще лучше знаютъ, что она рѣшительно ничѣмъ
не покрыта, и только, при помощи многочисленныхъ, едва ли
за чѣмъ-нибудь нужныхъ наведеній, а то такъ и прямого под-
сказыванья, можно добиться желаемого отвѣта—шерстью! Не
могу, однако, не упомянуть о „Букварѣ“ г. Тихомирова, со-
служившемъ мнѣ добрую службу, да о „Книгахъ для чте-
нія“ Л. Н. Толстого. По обилію матеріала, изложеннаго, при-
томъ, въ таковой художественной формѣ, я думаю, ни одинъ
народъ въ мірѣ не имѣетъ школьной хрестоматіи, равной этимъ
„книгамъ“... Дни шли за днями. Каждый день съ восьми
часовъ утра, и даже раньше, на порогъ училища-кухни тол-
пились дѣвочки въ ожиданіи своего учителя; занятія вошли
въ колею и пошли своимъ обычнымъ порядкомъ. Не скажу,
чтобы это неожиданное возникновеніе школы произвело ка-
кую-нибудь сенсацию въ мѣстности. Два-три сосѣднихъ по-
мѣщика съ удивленіемъ потолковали объ этой затѣѣ, одинъ
изъ нихъ даже не безъ игривости освѣдомился у меня при
встрѣчѣ о лѣтахъ моихъ ученицъ, и снова стало все тихо.
Какъ разъ въ серединѣ учебнаго года земскую школу на-
вѣстилъ членъ уѣзднаго училищнаго совѣта, и только изъ
разговора съ нимъ выяснилось, что будущее открытой школы
находится въ положеніи шатвомъ. Въ самомъ дѣлѣ, земское
собраніе, отъ котораго зависѣло принятіе ея подъ свое по-
кровительство, давно уже прошло; исправникъ, тоже членъ
училищнаго совѣта, какъ оказывалось, считалъ ее чѣмъ-то

вродѣ незаконнаго сборища, да и былъ, вѣроятно, правъ—никак ихъ установленныхъ свидѣтельствъ я, дѣйствительно, не имѣлъ — и существовать при такихъ условіяхъ до будущей осени, до слѣдующаго земскаго собранія, было, по меньшей мѣрѣ, рискованно. Къ этому приходится прибавить, что даже рассчитывать на будущее покровительство земства нельзя было съ увѣренностью. Въ описываемый мною періодъ земскія дѣла уѣзда далеко были не блестящи, земство едва справлялось съ существовавшими школами и давно уже новыхъ не открывало.

Надо было добыть, такъ или иначе, и притомъ, какъ можно скорѣе, юной школѣ законное „право жить“, и я, при помощи опять все того же священника, принялся хлопотать о зачисленіи ея церковно-приходской. То было время горячей пропаганды такихъ именно школъ... Епархіальный училищный совѣтъ выдавалъ тогда пособія строившимся школамъ, высылалъ кое-какіе учебники, и даже представлялъ возможность небольшой затраты на школьныя нужды изъ мѣстныхъ церковныхъ суммъ. Последнее, впрочемъ, цѣликомъ зависѣло отъ усмотрѣнія священниковъ. И наша юная школа вскорѣ получила законный видъ на жительство, сдѣлавшись церковно-приходской. Такимъ образомъ, среди хлопотъ о ея правахъ и обычныхъ занятій, закончила она первый учебный годъ своего существованія. Къ слову сказать, нигдѣ такъ дѣло не зависитъ отъ личности работника, какъ въ народной школѣ. Въ церковно-приходской школѣ почти безусловно все зависитъ отъ священника, и это служитъ однимъ изъ вѣскихъ возраженій противъ школъ этого типа. Обремененный трудами, службой и хозяйствомъ, священникъ не только стѣсненъ во времени, но можетъ всегда, при желаніи, сдѣлаться неувимымъ для контроля. Остаются довольно плохо подготовленные псаломщики, по большей части временно, до священничества отбывающіе учебную повинность. Но тамъ, гдѣ дѣло идетъ о временныхъ отбываніяхъ, не можетъ быть и рѣчи о народномъ образованіи въ настоящемъ значеніи этого слова. Въ исторію возникновенія училища не можетъ, разумѣется, входить вопросъ о планахъ школъ, но я не могу не воспользоваться здѣсь случаемъ, чтобы, на основаніи длиннаго ряда наблюденій, не высказаться въ пользу земской школы, которой навсегда будетъ принадлежать честь истиннаго почина въ дѣлѣ народнаго образованія... Возвращаюсь къ исторіи училища.

Съ наступленіемъ лѣта начались и хлопоты о постройкѣ собственнаго помѣщенія для училища. Для этой цѣли можно было располагать скромнымъ фондомъ въ 240 рублей, ассигнованнымъ епархіальнымъ училищнымъ совѣтомъ. Рѣшено было пристроить комнату аршинъ въ десять въ церковной сторожкѣ. Полы, потолоки, классную мебель и комплектъ учебниковъ пришлось завести на частныя пожертванія, — и въ осени училище было готово. Въмѣсто мрачной, заброшенной кухни получилась, сравнительно, просторная, свѣтлая и сухая комната, и заниматься въ ней было уже истиннымъ наслажденіемъ. Выше я говорилъ, что я принялъ въ училище дѣвочекъ отъ девяти до четырнадцати лѣтъ. Я принималъ всѣхъ, чтобы отказомъ не охладить на первыхъ порахъ необычнаго въ селѣ стремленія къ женскому образованію. И такая большая разница въ лѣтахъ ученицъ еще въ первый годъ существованія школы создала мнѣ два отдѣленія. Умственное развитіе дѣвочекъ было слишкомъ различно: то, что младшими усваивалось съ трудомъ, старшими хваталось, какъ говорится, на лету. При этомъ я забылъ упомянуть, что нѣсколько дѣвочекъ поступило въ училище уже въ большей или меньшей степени грамотными. Все это давало возможность уже въ концу второго года выполнить со старшими трехлѣтнюю программу земскихъ училищъ, программу, которую я считалъ обязательной. Приходилось подумывать объ экзаменѣ, къ которому школа готовила 12 ученицъ. По поводу этого экзамена не обошлось, однако, безъ маленькаго курьеза. Дѣло въ томъ, что время, о которомъ я вспоминаю, было временемъ горячей пропаганды церковно-приходскихъ школъ. О нихъ много писалось тогда, еще болѣе говорилось, учреждались епархіальные училищные совѣты въ губернскихъ городахъ, но все еще не были выяснены отношенія земскихъ училищныхъ совѣтовъ къ этимъ школамъ. Кто на первыхъ порахъ долженъ былъ официально присутствовать на экзаменѣ? Епархіальный училищный совѣтъ заседалъ въ губернскомъ городѣ, верстъ за 300, на представителя министерства народнаго просвѣщенія разсчитывать было нельзя, потому что одинъ инспекторъ народныхъ училищъ завѣдуетъ по большей части нѣсколькими уѣздами, а земство въ тотъ годъ отвѣтило мнѣ рѣшительнымъ отказомъ — экзаменуй, молъ, гдѣ хочешь и какъ хочешь! Теперь это, конечно, урегулировано, и церковно-приходскія училища находятъ себѣ экзаменаторовъ, но тогда было не такъ. А вопросъ этотъ являлся тѣмъ болѣе

существеннымъ, что вмѣстѣ съ моимъ училищемъ должны были экзаменоваться двѣ сосѣднія мужскія, тоже церковно-приходскія, школы, которымъ были необходимы законныя свидѣтельства на льготу по воинской повинности. Это недоразумѣніе затянуло на нѣкоторое время нашъ выпускъ, но, наконецъ, священники рѣшили произвести экзаменъ подъ собственнымъ предсѣдательствомъ, и наше училище выпустило 12 ученицъ, выхлопотавъ имъ потомъ установленныя свидѣтельства. Съ этимъ вторымъ годомъ существованія училища кончилась и моя учительская дѣятельность: обстоятельства заставили меня переселиться въ другой уѣздъ, и мнѣ остается прибавить только нѣсколько словъ о дальнѣйшемъ существованіи этой школы. Мои предположенія оправдались: толчокъ женскому образованію въ селѣ былъ уже данъ, и на третій годъ своего существованія школа обратилась въ смѣшанную. Дѣвочки и мальчики поступали безразлично и въ эту, и въ земскую школу. Меня замѣстилъ учитель изъ городского уѣзднаго училища съ десятирублевымъ содержаніемъ въ мѣсяцъ, которое около двухъ лѣтъ выплачивало ему частное лицо. Когда же и это пожертвованіе прекратилось, явилась учительница изъ епархіальнаго училища, — дочь священника, вмѣстѣ со мной основавшая школу; эта учительница и до сихъ поръ работаетъ даромъ. Грустно подумать, что будетъ съ училищемъ, когда, наконецъ, и эта самоотверженная труженица перестанетъ работать. Въ селѣ дѣйствуютъ два училища, и оба переполнены мальчиками и дѣвочками. Съ поступленіемъ учительницы дѣло пошло еще лучше, чѣмъ при ея предшественницѣ. Повторяю, кажется, нигдѣ дѣло такъ не зависитъ отъ личности работника, какъ въ народной школѣ. И когда, въ тотъ же періодъ времени, во второй половинѣ 80-хъ годовъ, я, въ сопровожденіи уважаемаго Д. Д. Семенова, объѣхалъ нѣсколько начальныхъ петербургскихъ училищъ, взявъ для этого *carte blanche* у покойнаго предсѣдателя училищнаго совѣта А. А. Краевского, я, постоянный деревенскій житель, не столько завидовалъ хорошей обстановкѣ училищъ и богатству педагогическихъ пособій, сколько превосходнымъ учительницамъ, которыми снабжаютъ Петербургъ бестужевскіе и педагогическіе курсы. Объ этомъ русская деревня можетъ только мечтать, — та самая деревня, гдѣ, по замѣчательному докладу г. Страннолюбскаго, Петербургскому Комитету грамотности 95% женщинъ безграмотны, гдѣ всѣ дѣти школьнаго возраста получаютъ возможность учиться только

тогда, когда на народное образованіе будетъ тратиться 77 милліоновъ, вмѣсто теперешнихъ 5¹/₂, и гдѣ, наконецъ, при условіи ежегоднаго открытія 3.250 школъ, все населеніе будетъ грамотнымъ лишь черезъ 260 лѣтъ! Конечно, грамотность проникаетъ въ народъ и иными, не школьными, путями, но — Боже мой—что это за грамотность! Къ цифрамъ г. Страннолюбскаго, кажется, прибавлять нечего, и ими кончаю я свою маленькую замѣтку. Я написалъ ее не для того только, чтобы вызвать изъ прошлаго воспоминанія о дорогихъ для меня и, вѣроятно, лучшихъ минутахъ моей жизни, но для того, главнымъ образомъ, чтобы обратить вниманіе на дѣло народнаго образованія тѣхъ, кто еще могъ бы ему послужить. Нужно ли говорить, что недѣльное отношеніе къ эпидеміямъ, хищническое и неумѣлое хозяйничанье земледѣльца, жизнерадостный пиръ кулаковъ и даже сама маловѣроятная бѣдность деревни находятся въ прямой зависимости отъ невѣжества...

Вл. Л—сній.

БЛАГОТВОРИТЕЛЬНОСТЬ.

(Посвящается В—ѣ. К—ѣ. П—К).

(Окончаніе *).

Теперь мы уже можемъ обратиться къ историческому разслѣдованію бѣдствій и актовъ помощи: когда Гадъ пророкъ вошелъ въ царю Давиду, то предложилъ ему на выборъ—голодь, моръ, войну. По этимъ тремъ естественнымъ группамъ я расположу свой краткій рассказъ.

I. *Голодь*. Съ точки зрѣнія культуры, здѣсь выдаются четыре главныхъ явленія: временные возвраты въ антропофагіи, возрастаетъ благотворительная помощь, возрастаетъ сознание необходимости вещевыхъ запасовъ продовольствія въ годы изобилія, чрезмѣрно высокія цѣны пищевыхъ припасовъ на торговомъ рынкѣ.

Въ хроникѣ записаны голоды при Авраамѣ (Кн. Бытія, XII, 10), при Исаакѣ (тамъ же, XXVI, 1) и при Иосифѣ (тамъ же, XLI—XLVII), когда исполнена самая простая и самая умная мѣра помощи—*хлѣбные* (не денежные) *запасы*, собранные *въ годы изобилія*. Въ началѣ IV столѣтія голодь: питались всѣмъ, чѣмъ было можно, ѣли сѣно, и даже знатныя дамы собирались милостыней. Въ срединѣ VI столѣтія сильный голодь въ Италіи, Ионическихъ островахъ и Греціи: люди блѣдны и худы, кожа, какъ пергаментъ, и какъ бы приросла къ костямъ и глаза приняли дивное выраженіе; ѣли даже человѣческое мясо, и современные писатели рассказываютъ о двухъ женщинахъ, которыя убили и съѣли одного за другимъ 18 человѣкъ, которымъ дали приютъ въ своемъ домѣ. Въ срединѣ IX столѣтія три года засухи въ прирейнской странѣ, голодь, и были случаи, что родители варили

* См. «Міръ Божій», № 3.

трупы своих умерших отъ голода дѣтей. Въ 1033 году, 29-го іюня, солнце пожелтѣло, какъ шафранъ, лица казались блѣдны, и страхъ обуялъ сердца людей; въ этомъ году разразилось неслыханное бѣдствіе голода: люди ѣли, что могли—животныхъ, травы и коренья, глину съ отрубями и, наконецъ, начали ѣсть трупы человѣческіе; убивали путниковъ на постоянныхъ дворахъ, заманивали въ лѣса дѣтей и съѣдали. Одинъ человѣкъ принесъ на рынокъ вареное человѣческое мясо—его судили и сожгли; другой вырылъ изъ земли это мясо—его тоже сожгли. Въ лѣсу, около Масон, одинъ устроилъ хижину и убивалъ странниковъ и богомольцевъ; въ хижинѣ нашли 48 человѣческихъ головъ—убійцу привязали къ бревну, и тоже сожли. Труповъ было такъ много, что ихъ перестали хоронить и приходили стаи волковъ; черви отдавали свои богатства голоднымъ, но ослабѣвшіе отъ голода трудно выдерживали, и многіе умирали. Наконецъ, показалось солнце, зацвѣли хлѣба и длинныя процессіи богомольцевъ потянулись по дорогамъ Франціи. Въ концѣ XIII столѣтія, два года жаровъ и засухи, пересохли ручьи и малыя рѣчки, скотъ убить за недостаткомъ корма, засохли даже листья на деревьяхъ, и большая дороговизна жизненныхъ припасовъ, а по деревнямъ, по обычаю, въ тѣ бурныя времена, въ Германіи, хранились за крѣпкими стѣнами на кладбищахъ запасы продовольствія. Въ началѣ XV столѣтія, жестокая зима, снѣжныя мятели и дороговизна; большіе города (Базель) устраивали запасныя зерновые магазины.—Въ началѣ XVI столѣтія наводненіе и большая дороговизна въ Южной Германіи; помощь Виртембергу изъ хлѣбныхъ запасовъ Страсбурга. Происшествія болѣе новыхъ временъ, напримѣръ, дороговизна въ Парижѣ въ концѣ XV столѣтія. были не такъ трагичны съ сценической точки зрѣнія, но здѣсь еще яснѣе выступали два факта: дѣла спекуляціи со стороны малаго числа людей, не сознающихъ закона милости, и осужденіе этихъ дѣлъ со стороны большинства людей. Для насъ важенъ фактъ страсбургской помощи продовольствіемъ—это признакъ болѣе близкихъ духовныхъ связей между людьми, нараставшихъ путемъ традиціи отъ предшествовавшихъ актовъ благотворительности, т. е. повышеніе нравственнаго уровня людей актами милости; это и есть та плата, которую получаетъ тотъ, кто даетъ даръ. Количество продовольственной помощи, данное Страсбургомъ, можетъ до нѣкоторой степени служить измѣрителемъ этого уровня; я говорю до

въвторой степені потому, что благотворительная помощь въ періоды голода зависитъ еще отъ состоянія путей сообщенія, отъ заботъ общественныхъ мѣстныхъ управленій и многихъ другихъ условій общественной жизни. У насъ, въ Россіи, исторія идетъ гораздо скорѣе и старыя времена лежатъ гораздо ближе въ нашему времени; изъ нашихъ фактовъ всего важнѣе голодъ при царѣ Борисѣ: времена были смутныя, полныя знаменіями на небѣ и на землѣ: восходили по 2 — 3 луны, по 2 — 3 солнца; по небу плыли столпы огненные, изображая воздушныя битвы, и краснымъ цвѣтомъ озаряли землю; отъ бурь падали колокольни; рождалось много уродовъ; волки и псы бѣгали станицами и пожирали людей и другъ друга; являлись звѣри и птицы невиданныя, и на улицахъ ловили лисицъ; возсіяла на небѣ комета и „мудрый старецъ изъ Германіи“ объявилъ, что царству угрожаетъ великая опасность. По дорогамъ бродили шайки, грабили и убивали подъ самой Москвой; доносы и сонмы извѣтчиковъ — слуги доносили на господъ, иноки, попы, дьячки и просвирицы на людей всякаго званія, жены на мужей, дѣти на отцовъ; не было ни правды, ни чести въ людяхъ. Весной, 1601 года, небо омрачилось густою тьмою, лили дожди, и нельзя было ни косить, ни жать, а въ срединѣ августа жестокій морозъ повредилъ хлѣба и плоды. Поля засѣяли новымъ плохимъ зерномъ, и всходовъ не было ни осенью, ни весной, запасы изошли, гумны въ селахъ и рынки въ городахъ опустѣли, и сильно поднялись цѣны на рожь. Начался голодъ: ѣли собакъ, кошевъ, всякую нечистоту, и люди стали хуже звѣрей — оставляли семьи и женъ, чтобы не дѣлиться съ ними кускомъ послѣднимъ; грабили, убивали за ломоть хлѣба и пожирали другъ друга; путники боялись хозяевъ и гостиницы стали вертепами душегубства — давили и рѣзали сонныхъ для ужасной пищи и человѣческое мясо продавали въ пирогахъ на рынкахъ; злодѣевъ казнили, жгли, выдали въ воду, но преступленія не уменьшались. Вездѣ шатались полумертвые люди, падали, издыхали на площадяхъ; нищія толпами замерзали на дорогахъ, и „въ сіе время другіе изверги копили, берегли хлѣбъ въ надеждѣ продать его еще дороже“. Царское правительство сдѣлало все, что могло: открыты царскія житницы, продавали низкой цѣной запасы духовенства и бояръ, раздавали деньги, везли хлѣбъ изъ дальнихъ мѣстъ, гдѣ еще лежали скирды, поросшія деревьями, но на пути не было подводъ и корму, жители разбѣгались и нашлись

„люди, которые обманомъ скупали дешевый казенный хлѣбъ, чтобы возвышать его цѣну и торговать съ прибыткомъ безсовѣстнымъ“. Въ 1603 году явилось обиліе и мало-по-малу исчезли слѣды бѣдствія. Сравнимъ все это съ нашимъ послѣднимъ голодомъ: три года назадъ у насъ тоже были засухи и недородъ хлѣбовъ и луговыхъ травъ во многихъ губерніяхъ; я возьму для примѣра Казанскую губернію: также засухи, также раскрывали соломенные крыши, чтобы кормить скотъ и также продавали его за безцѣнокъ на рынкахъ, и въ нѣкоторыхъ селеніяхъ почти половина дворовъ лишилась лошадей, а овецъ оставалось такъ мало, что не хватало шерсти на рукавички для осеннихъ работъ; были случаи опуханія отъ голода, и также подняла голову спекуляція, и наживались хлѣбные торговцы и перекупщики. Но уже съ конца осени явилась благотворительная помощь зерномъ и мукой отъ правительства, общественныхъ учреждений и отъ частныхъ лицъ; были присылки и изъ другихъ государствъ. Мы пережили трудное время и, кажется, поняли, что голодъ есть только обострѣніе неправильнаго положенія сельскаго земледѣлія вообще, неправильной торговли хлѣбомъ съ системою перекупщиковъ и что лучшее время помощи отъ голода суть мѣры (запасы) не въ годы голода, а въ годы изобилія, т. е. мы дошли до системы Іосифа и остается желать, чтобы снова не забыли о ней.

Итакъ, голодъ, какъ народное бѣдствіе, съ теченіемъ вѣковъ уменьшается, а благотворительная помощь голодающимъ увеличивается и по количеству помощи, и по числу людей, которые даютъ ее, или, другими словами—что благотворительность не есть простой психическій рефлексъ отъ сценъ голода, не простое отраженіе отъ нихъ, а что она растетъ изъ собственнаго источника души человѣческой,—растетъ, какъ лавина, приобрѣтающая новыя силы автоматъ своего паденія, или, какъ зерно, дающее плодъ на воздѣланной, благополучной почвѣ. Такимъ образомъ, голодъ играетъ только роль нищаго на улицѣ, даетъ случай людямъ выразиться въ дѣлахъ милости, т. е. превращаетъ духовный запасъ милости въ душахъ людей изъ его потенциальной формы въ кинетическую.

II. *Эпидемія* (морь). Все живое живетъ подъ закономъ смерти и болѣзни, какъ предшественницѣ и ближайшей причинѣ смерти; поэтому эпидемическія формы наполняютъ исторію растений, животныхъ и человѣка; однолѣтнія растения

живутъ одинъ годъ, многія насѣкомыя живутъ короткіе сроки, считая отъ яйца до смерти, и нормальные сроки жизни сокращаются болѣзнями въ отдѣльныхъ, разбросанныхъ случаяхъ (спорадическія формы) или въ сплошныхъ, массовыхъ заболѣваніяхъ (эпидемическія и пандемическія формы). Все это изучаетъ историческая и географическая патологія, гдѣ есть богатый матеріалъ, чтобы уяснить нашу задачу; я возьму нѣсколько краткихъ увазаній о двухъ формахъ — о чумѣ (pestis), въ которой и до сей поры много темнаго, и объ оспѣ (variola), въ которой почти все ясно.

Моръ въ Аѳинахъ, въ Пелопонезскую войну, описанный очевидцемъ (Θουкидимомъ), пришелъ, говорятъ, съ моря. Жесточкая головная боль, палящій внутренній жаръ, бессонница, лишавшая покоя, были выдававшіеся признаки этой тяжелой формы; городъ наполнился больными, своими и пришлыми изъ селеній, они бродили по улицамъ и около водоемовъ или лежали вмѣстѣ съ умирающими и умершими въ жаркихъ, тѣсныхъ жилищахъ; не было вѣрнаго лекарства отъ болѣзни и надъ каждымъ висѣла гроза смерти безъ различія состоянія и общественнаго положенія; имущество умершихъ легко захватывали чужія руки и явно нарушались обычаи при сожженіи умершихъ; слова „честь“ и „обязанность“ потеряли прежнее значеніе и считалось честнымъ и полезнымъ все, что было пріятно или выгодно; люди неохотно брались за трудное, хотя бы и славное, дѣло, потому что не знали, успѣютъ ли довести его до конца. Это было, конечно, трудное время, но то были Аѳины одного изъ лучшихъ временъ Греціи, и настоящей паники не было—она не могла быть у этихъ высоко цивилизованныхъ людей.

Чумная форма въ срединѣ VI столѣтія въ Италіи и прилежащихъ странахъ была сильна и страшна: всюду трауръ и страхъ; при вѣсти о болѣзни все бѣжало, сынъ оставлялъ отца и родители дѣтей; покидали все, даже скоть въ хлѣвахъ и многолюдныя мѣстности превращались въ пустыни какъ бы до появленія человѣка на землѣ *). Жатва оставалась нетронутой и на виноградныхъ лозахъ одиноко висѣли ягоды, когда уже листь давно палъ на землю. Чумной формѣ предшествовали знаменія, страшныя для людей того времени—являлись таинственныя пятна на домахъ, дверяхъ, посудѣ и платьяхъ, а въ слѣдующую зиму послѣ эпидеміи многіе слышали воин-

*) «Nulla vox in rure, nullus pastorum sibilus, nullae insidiae bestiarum in pecudibus, nulla damna in domesticis volucris».

свѣе шумы въ воздухѣ и звѣри селились въ жилищахъ людей. Въ половинѣ VIII столѣтія рядъ знаменій — хвостатая звѣзда на небѣ, движеніе мавровъ въ Испаніи, потемнѣніе солнца, луна стала красна, какъ кровь, и потомъ потемнѣла, сильныя засухи въ странахъ сѣвера, землетрясеніе, море отступало отъ берега и падали горы, сѣверное сіяніе и снова хвостатая звѣзда и землетрясеніе, дождь золой и темнота въ теченіи пяти дней, а затѣмъ такія же таинственныя пятна на платьѣ, особенно если люди собирались вмѣстѣ. Наконецъ, въ 746 году явилась смертельная болѣзнь въ Калабріи, Сициліи, Византіи и на островахъ: случалось, въ вечеру уже уносили мертвымъ того, кто утромъ того же дня еще хорошо своего умершаго; вымирали семьями и не успѣвали убирать трупы. Люди были очень разстроены и болѣзненно возбуждены — многіе встрѣчали на улицахъ уродливыхъ, чужихъ людей, которые съ ними заговаривали, предсказывали смерть, входили въ дома и призрачно закалывали или задушали тѣхъ, кому суждена была смерть. Чумная эпидемія, извѣстная подъ именемъ „черной смерти“, въ XIV столѣтіи, была самая страшная изъ всѣхъ эпидемій челоуѣка; она шла съ востока путями торговли: трупы наполняли дороги и мѣста отдыха; торговныя суда съ грузами шелковыхъ товаровъ и ароматовъ носились одиноко въ волнахъ Средиземнаго моря. Ни полъ, ни возрастъ, ни общественное положеніе — ничто не спасало отъ заболѣванія; семейныя связи были разорваны; супруги, дѣти, родители покидали другъ друга и около больныхъ оставались только худшіе изъ людей, изъ видовъ корысти; кладбища были полны и умершихъ хоронили въ большихъ ямахъ. Много погибло изъ монашескихъ орденовъ при актахъ милосердія; точно также были и другіе свѣтскіе люди, которые забывали себя и шли на рискъ изъ благороднаго чувства чести и самопожертвованія: мы не знаемъ всѣхъ, кто были тѣ великодушныя люди, у которыхъ душа была выше бѣдствія, я назову однакожь два имени — знаменитый французскій врачъ Guy de Chauliac и русскій архіепископъ Василій, котораго псковитяне звали благословить ихъ. Отецъ Василій прибылъ къ нимъ, облачился въ ризы святительскія, взялъ крестъ и сопровождаемый духовенствомъ и народомъ, съ пѣніемъ и молитвами обошелъ вокругъ города; смертность продолжалась, но архіепископъ успокоилъ души людей; онъ скончался на возвратномъ пути. Чумная форма прошедшаго столѣтія въ Москвѣ съ народными беспорядками и убійствами

и съ ошибками администраціи всѣмъ извѣстна; я поэтому остановлюсь только на послѣднемъ взрывѣ чумной формы въ низовьяхъ Волги (Ветлянская эпидемія). Вся грамотная Европа была встревожена, но эпидемія была слаба и вскорѣ затихла частью сама собой, частью благодаря мѣрамъ изоляціи, принятымъ по собственному почину мѣстнымъ крестьянскимъ населеніемъ, частью, можетъ быть, вслѣдствіе предложенной системы помощи: вмѣсто прежней идеи защиты и охраны, положена въ основаніе мѣръ идея атаки эпидеміи всѣми средствами изоляціи и дезинфекціи, не останавливаясь предъ пожарами домовъ и, если нужно, селеній, съ вознагражденіемъ имущественныхъ потерь населенія изъ государственныхъ средствъ. Система эта была исполнима, благодаря благопріятнымъ географическимъ условіямъ въ низовьяхъ Волги между степью на востокѣ и степью на западѣ. Все обошлось благополучно и паники въ умномъ приволжскомъ народѣ не было.

Оспа всегда страшна и какъ болѣзнь, и какъ эпидемія: внѣшніе признаки, по общему закону кожныхъ формъ, противны видомъ, ходъ болѣзни очень тяжелый и для больного, и для окружающихъ, предрасположеніе къ ней у человѣка есть правило, смертность бываетъ велика, а самое тяжелое то, что у оставшихся въ живыхъ послѣдовательныя формы часто связаны съ обезображеніями лица, поврежденіями зрѣнія и проч. Много положено заботъ найти помощь въ этой болѣзненной формѣ и только въ концѣ прошедшаго столѣтія, въ Англіи, Дженнеръ предложилъ вакцину, какъ предохранительное средство противъ заболѣванія оспой; вакцина, предложенная Дженнеромъ, измѣняетъ самую природу оспенной заразы и показала новые пути изслѣдованія и вызвала рядъ другихъ такъ-называемыхъ вакцинныхъ формъ. Чтобы правильно оцѣнить движеніе въ сторону благотворительной помощи въ болѣзняхъ нужно взять еще ряды фактовъ изъ исторіи больницъ, домовъ для сиротъ, богадѣленъ и другихъ, такъ-называемыхъ богоугодныхъ, заведеній, изъ исторіи ученія о дезинфекціи и ея примѣненій въ общей санитарной и спеціальной хирургической практикѣ; въ томъ же смыслѣ говоритъ увеличивающееся число врачей въ селеніяхъ, число аптекъ и лекарственныхъ складовъ и проч. Въ этомъ отношеніи русскіе факты, по принципу, далеко впереди фактовъ у другихъ народовъ—я разумѣю земскую врачебную часть, которая силою вещей получила въ земскимъ учрежденіяхъ такое развитіе, котораго законъ, издавшій „Земское Поло-

женіе“, не предвидѣль—это видно изъ того, что расходы на этотъ предметъ принадлежатъ къ разряду необязательныхъ земскихъ повинностей.

Итакъ, эпидемія, какъ народное бѣдствіе, съ теченіемъ вѣбовъ уменьшается частью вслѣдствіе улучшенія санитарныхъ условій въ городахъ и селеніяхъ, частью вслѣдствіе успѣховъ знанія вообще, а благотворительная помощь съ теченіемъ вѣбовъ растетъ и по количеству людей, которые получаютъ ее, и по числу людей, которые принимаютъ въ ней участіе, т.-е., въ сущности, тотъ же выводъ, который дала исторія голода съ той разницей, что здѣсь еще яснѣе исторической фактъ преемственного нарастанія дѣлъ милосердія по мѣрѣ того, какъ оно входитъ въ сознаніе и въ систему жизни людей, выростая изъ дѣлъ милости предшествовавшихъ поволѣній.

III. *Война*. Въ исторіи войнъ ясно, что дѣла людей здѣсь стоятъ иначе, чѣмъ при голодѣ и эпидеміи; иначе и быть не можетъ, потому что сама война есть дѣло рукъ человѣческихъ. Нужно отличать въ войнѣ два независимыхъ явленія: силу войны, т.-е. число войскъ и сраженій, силу оружія и проч., и жестокость войны, т.-е. тѣ акты совершенно безпознаго зла, которые совершались надъ воинами, уже безвредными для сражающихся, такъ какъ они перестали быть воинами—я разумѣю плѣнныхъ и раненыхъ; сюда же должно отнести и безоружное населеніе побѣжденнаго народа.

Въ отношеніи силы войнъ, исторія даетъ намъ два положенія: а) война есть общій обычай у всѣхъ живыхъ существъ, одаренныхъ свободнымъ движеніемъ, есть обычай общій во всѣ времена и у всѣхъ народовъ, и б) личныя свойства сражающихся воиновъ (храбрость, сила, искусство и проч.) постепенно замѣняются сначала силами подчиненныхъ живыхъ существъ (лошади, слоны), а потомъ, при дальнѣйшихъ успѣхахъ техническихъ знаній, по мѣрѣ того, какъ овладѣваетъ человѣкъ силами природы, замѣняются силами механическими, химическими, электрическими и т. д., однимъ словомъ, параллельно тому же общему стремленію, которое такъ ясно въ области труда, искусства и вообще производства — все это совершенно ясно въ исторіи земледѣлія, мореплаванія, путей сообщенія и проч. Сообразно съ общимъ движеніемъ, съ теченіемъ вѣбовъ измѣняются точно также орудія и обычаи войны, напримѣръ, начиная съ Троянской войны до сраженій послѣдней франко-германской войны и заканчивая

опытами съ новѣйшими, усовершенствованными формами огнестрѣльнаго оружія. Я возьму только два общеизвѣстныхъ примѣра, потому что они въ связи съ историческими событіями въ психической жизни народовъ—осаду Іерусалима римлянами и тридцатилѣтнюю войну.

Іерусалимъ былъ нѣсколько разъ осаждаемъ иноплеменниками, но знаменательнѣе всѣхъ была осада римскими войсками подъ предводительствомъ Тита, въ послѣдствіи императора Римскаго; онъ желалъ сохранить прекрасный іерусалимскій храмъ, но судьба іудеевъ была рѣшена: городъ наполнился бѣглецами изъ окрестныхъ мѣстъ и, какъ всегда во время осады, начались голодъ и болѣзни. Въ храмѣ заперлись защитники его, увѣренные, что священная постройка не можетъ быть взята иноплеменниками и на нее, конечно, направили римляне свои силы; храмъ взятъ съ бою, и огонь докончилъ разрушеніе. Тысячи іудеевъ погибли въ бою, въ огнѣ пожара или сброшены съ высоты городскихъ стѣнъ, тысячи ихъ отданы въ рабство и распяты на крестахъ въ окрестностяхъ Іерусалима и не доставало ни мѣста, ни дерева для этихъ крестовъ. Такъ исчезла навсегда іудейская народность, не познавшая Свѣта, когда онъ свѣтилъ имъ. Въ хроникѣ исторіи прошли ряды новыхъ племенъ, Гунны съ Атилой, Монголы съ Батыемъ и Тамерланомъ, Арабы съ мусульманскою проповѣдью, истреблены цѣлыя племена Америки испанцами изъ-за золота, понемногу загасли костры инквизиціи *pro signum Dei gloriæ*, и мы остановимся только на тридцатилѣтней войнѣ потому что она заканчиваетъ обычай доказывать религіозные догматы силой оружія. Войска были въ то время малы числомъ и состояли изъ наемниковъ, часто самаго низкаго сорта людей; за войскомъ тянулись длинные обозы съ прислугой и женщинами и арміи шли окруженныя мародерами-разбойниками, которые вымучивали у жителей запрятанное имущество. Въ отвѣтъ на эти жестокости, жители дѣлали тоже съ отсталыми отъ арміи или же спасались въ лѣсахъ и болотистыхъ мѣстахъ; люди часто голодали, ѣли траву и древесную кору, животныхъ, снимали даже повѣшенныхъ съ висѣлицъ; страны лежали невоздѣланныя, полны кровью, трупами и развалинами, а оставшіеся жители въ укрѣпленныхъ мѣстахъ спали съ оружіемъ и имѣли на готовѣ камни и кипящую воду для защиты отъ разбойниковъ; судьи ѣздили въ судебныя засѣданія тоже съ оружіемъ и подъ военнымъ прикрытіемъ. Все это прошло и

постепенно наступили новыя времена, увеличились постоянныя арміи и военная служба стала въ рядъ другихъ обязанностей въ жизни государства, измѣнялась система вооруженія и повела къ измѣненіямъ въ системѣ войны. У насъ теперь два типа огнестрѣльнаго оружія — артиллерійскія и ручныя орудія, сначала съ гладкими стволами и шарообразными снарядами, а потомъ съ нарезными стволами, сначала заряжавшимися съ дула, а потомъ съ казенной части, вмѣсто простыхъ гранатъ, дававшихъ 30 — 40 осколковъ, введены шрапнели, которые даютъ больше 200 осколковъ въ видѣ снопа, бьющаго встрѣчь непріятелю; введены магазинныя ружья, дающія до 30 выстрѣловъ въ минуту, и вмѣсто прежнихъ пуль предложены оболоченныя пули, которыя вылетаютъ съ скоростью 2.000 футовъ въ секунду, бьютъ на 3½ версты и на разстояніи 600 шаговъ пробиваютъ одного за другимъ до 3 — 4 человекъ. Количество раненыхъ въ сраженіи, разумѣется, тоже расло, напр., въ Бородинскомъ сраженіи, въ крымскую кампанію, въ сѣверо-американскую войну и въ прусско-германскую войну. Последнее усовершенствованіе — порохъ безъ дыма, который скрывалъ передвиженія войскъ во время сраженія. Нынѣшнія орудія убиваютъ очень скоро, полагаютъ, почти незамѣтно; такъ, послѣ одного сраженія въ франко-германскую войну, гдѣ граната упала въ группу французскихъ солдатъ, пока они завтракали, нашли, что у одного изъ убитыхъ было еще веселое, улыбающееся лицо, у второго рука еще держала чашку у губъ, а третій лежалъ на боку на своемъ ранцѣ и держалъ, поднеся къ глазамъ, фотографическую карточку женщины, можетъ быть, сестры или жены. Въ этомъ отношеніи мы, конечно, далеко ушли отъ картинъ Илиады. Итакъ, сравнивая факты времени, мы видимъ, что орудія войны стали сильнѣе, арміи стали многочисленнѣе и сраженія кровопролитнѣе, но войны стали рѣже и короче противъ прежняго. Подвести ариеметическіе итоги, конечно, невозможно, но они и не нужны для нашей цѣли, такъ какъ вообще сила войны не имѣетъ ничего общаго съ благотворительностью.

Намъ остается рассмотретьъ послѣднюю категорію фактовъ — жестокость войны. У римлянъ были уже начатки помощи своимъ раненымъ, и, конечно, такая помощь практиковалась всегда, будетъ ли то по обычаю или личному чувству, или по закону, но у насъ вопросъ въ томъ, практиковалась ли такая помощь не только своимъ, но и непріятельскимъ раненымъ, потому что только въ этомъ выражается полная

благотворительность. Уже съ 1581 года заключались между разными государствами Европы и частью Америки военные договоры съ цѣлью помощи раненымъ, т. е., по принципу, положенному впослѣдствіи въ основу Женевской конвенціи. Въ этомъ отношеніи очень важна наша крымская война; оборона Севастополя есть, говорятъ, великое событіе въ военной исторіи, но тутъ совершилось еще болѣе великое событіе, которое оставило вѣчный слѣдъ въ исторіи человѣчества; я скажу о немъ коротко, такъ какъ имена двухъ женщинъ, которыя его вызвали и исполнили, должны быть хорошо извѣстны всѣмъ грамотнымъ людямъ; эти два имени — Великая Княгиня Елена Павловна и миссъ Флоренсъ Найтингель. По желанію Елены Павловны, устроена на ея иждивеніе, Крестовоздвиженская община сестеръ милосердія; сестры обязываются съ любовью ко Христу-Спасителю и съ полнымъ личнымъ самоотверженіемъ имѣть постоянный и тщательный уходъ за ранеными и заботиться о нихъ, какъ о своихъ ближнихъ родственникахъ; сестры исполняли свой долгъ, и наградой имъ были благословенія и молитвы всѣхъ, кому онѣ помогали, и тѣхъ, кто это видѣли или слышали. Такая же струя благотворительности засвѣтилась въ Англіи: миссъ Флоренсъ еще маленькой дѣвочкой ухаживала за больными своего селенія; въ средѣ своей честной семьи она получила прекрасное воспитаніе — математика, чтеніе классиковъ, музыка, живопись и новые языки; дѣдъ ея былъ защитникомъ освобожденія невольниковъ. Миссъ Флоренсъ заявила формально свое желаніе ѣхать въ крымскую армію Англіи для ухода за ранеными и получила въ отвѣтъ официальное предложеніе организовать штатъ добровольныхъ сидѣлокъ на театрѣ военныхъ дѣйствій. 5-го ноября 1854 года миссъ Флоренсъ и ея 38 сестеръ прибыли въ Константинополь, и уже въ первую ночь, съ маленькимъ фонаремъ въ рукѣ, миссъ Флоренсъ начала свои ночные обходы; ея сестры были помощницами хирурговъ, кухарки, прачки, швеи, а сама она была вездѣ, гдѣ нужна помощь и утѣшеніе: она присутствовала при операціяхъ, ея рука поправляла подушки тяжело больного, освѣжала его горячую голову, подавала послѣднее питье и ея голосъ приносилъ умирающему послѣдній привѣтъ изъ далекой родины. Одинъ англійскій солдатъ, по возвращеніи домой, рассказывалъ о миссъ Флоренсъ: ко всѣмъ намъ она не могла подойти, такъ какъ мы лежали сотнями, но мы цѣловали тѣнь ея, пока она проходила мимо

и довольные, опускали голову на подушку и успокоивались. Итакъ, идея самоотверженнаго служенія больнымъ и раненымъ у обоихъ народовъ, въ Россіи и въ Англии, родилась въ чуткомъ, дивномъ сердцѣ женщины.

Наконецъ, въ 1861—1862 г., почти одновременно поднялись три голоса за участь больныхъ и раненыхъ: Поласчіано въ Неаполѣ, Аро въ Парижѣ и Дюнанъ въ Женевѣ; въ Женевѣ устроилась особая коммиссія, и 8-го августа 1864 года открылся конгрессъ, на которомъ подписанъ международный трактатъ, извѣстный подъ именемъ Женевской конвенціи. Главный принципъ конвенціи—подъ знаменемъ краснаго креста на бѣломъ полѣ, нейтральность раненыхъ, больныхъ, лазаретовъ, врачей, носильщиковъ и вообще всего, чтò принадлежитъ къ составу благотворительной помощи. Подводя итоги, получаемъ: жестокость войны съ теченіемъ времени уменьшается, а благотворительная помощь жертвамъ войны съ теченіемъ времени увеличивается и по числу получающихъ пособіе, и по количеству помощи, и по числу лицъ, которыя подаютъ ее, т.-е. тѣ же результаты, какъ и для голода и эпидеміи.

Съ точки зрѣнія исторіи культуры, Женевская конвенція есть только одна изъ фазъ общаго цивилизаціоннаго движенія, и исторія Краснаго Креста, малая по времени и великая по содержанію, подтверждаетъ эту точку зрѣнія. Мы имѣемъ слѣдующіе факты: 1) Едва прошли 2—3 года, какъ голосъ трехъ частныхъ лицъ уже вызвалъ международную конференцію; въ систему войны европейскихъ государствъ вошли новые догматы милосердія и получили высшую санкцію—они были исполнены въ послѣдующихъ войнахъ, и,—что важно, исполнены молекулярными силами народовъ, т.-е. частными лицами. На это есть только одно объясненіе—люди были гармонично настроены съ духовнымъ движеніемъ, т.-е. въ ихъ психической сферѣ уже совершилась невидимая, внутренняя работа, которая выразилась въ потенциальной формѣ гармоническаго настроенія и затѣмъ въ кинетической формѣ въ актахъ помощи больнымъ и раненымъ. 2) Франко-германская, сербско-турецкая и частью русско-турецкая войны показали, что спеціальные догматы женевской конвенціи слишкомъ тѣсны для народнаго движенія благотворительности во время народной войны и потребовались дополнительные акты помощи. 3) Благотворительныя учрежденія подъ знаменемъ Краснаго Креста, обя-

занныя къ дѣятельности во время войны, продолжаютъ, однакожь, дѣйствовать и въ мирное время, принимаютъ участіе въ помощи уже не жертвамъ войны, а больнымъ вообще, и это вошло въ правило, какъ бы въ практическій догматъ, и этого слѣдовало ожидать, потому что есть общій законъ жизни, который говоритъ: все живое обязано исполнять задачу своей жизни, иначе оно не будетъ пригодно для актовъ жизни, когда они потребуются, и все, что живетъ не такъ, не дѣйствуетъ, неизбежно превращается въ фикцію и исчезаетъ изъ памяти людей. 4) Въ мирныя времена, когда нѣтъ шума сраженій, слышится яснѣе просящій голосъ людей при эпидеміяхъ, при недостаткѣ продовольствія, при большихъ пожарахъ, наводненіяхъ и проч.; тутъ уже явно недостаточны принципы женевской конвенціи и нужны догматы высшаго порядка. Наше русское Общество Краснаго Креста услышало эти просящіе голоса изъ Малороссіи въ дифтеритную эпидемію, съ низовьевъ р. Волги въ Ветлянскую эпидемію и проч. и подъ его чистымъ знаменемъ пришла помощь вездѣ, гдѣ была нужда велика. Всѣ эти факты показываютъ намъ, что въ исторіи Краснаго Креста дѣло не можетъ остановиться на женевской конвенціи, а протекаетъ въ сущности тотъ же процессъ дальнѣйшаго развитія завѣта милости, который мы видѣли въ общей исторіи людей.

Мы имѣемъ начало еще одной вѣтви благотворительности въ области войны—это союзы друзей мира, начиная съ 1815 года, въ Нью-Йоркѣ; такихъ конгрессовъ было нѣсколько: въ Лондонѣ, Брюсселѣ, Парижѣ, Франкфуртѣ и снова въ Лондонѣ; этотъ послѣдній былъ самый важный. Въ 1853 году сенатъ Соединенныхъ Штатовъ предложилъ президенту вводить въ трактаты статью о международномъ третейскомъ судѣ, а въ 1873 году поданъ въ томъ же смыслѣ адресъ королевѣ Англійи и въ томъ же смыслѣ предложеніе Манчини, принятое итальянскимъ парламентомъ. Послѣдній конгрессъ мира, послѣ римскаго, былъ въ Бернѣ около двухъ лѣтъ назадъ.

Мы довели до конца свое историческое разслѣдованіе; мы видимъ въ фактахъ исторіи,—

1) что голодъ, эпидемія и жестокость войны, въ общемъ ходѣ дѣлъ, съ теченіемъ вѣковъ уменьшаются, а дѣла благотворительной помощи или дѣла милости точно также съ теченіемъ вѣковъ увеличиваются и по количеству помощи, и по числу получающихъ ее, и по числу тѣхъ, которые подаютъ ее и принимаютъ въ ней участіе,

2) что завѣтъ милости есть одно изъ основныхъ свойствъ живой человѣческой души, что это свойство или даръ, по духовной природѣ своей, легко отливается на родственннй ему просящій голосъ страданія, и тѣмъ легче, и тѣмъ сильнѣе, чѣмъ полнѣе и чѣмъ чаще исполнялись раньше и исполняются дѣла милости или, другими словами—что правнвеа благотворительности есть единый вѣрннй, живой источникъ самой благотворительности;

3) что увеличеніе дѣлъ благотворительности есть реальное выраженіе возрастающаго запаса милости въ душахъ людей, выраженіе поднятія ихъ нравственнаго уровня, а это поднятіе нравственнаго уровня и есть та плата, которую получаетъ тотъ, кто даетъ даръ. Вѣроятно, этимъ путемъ получился и тотъ высокій нравственный уровень, который мы видимъ, какъ обычай, у племенъ дальняго сѣвера;

4) что живой примѣръ истинной благотворительной помощи невольно увлекаетъ людей, если они гармонично настроены (потенціальннй запасъ милости), въ особенности, если это женщины и живутъ при одинаковыхъ условіяхъ жизни. Здѣсь я могу привести небольшой примѣръ, бывшій на моихъ глазахъ. Въ голодный годъ, о которомъ я упоминалъ въ исторіи голода, въ Казанскомъ уѣздѣ, Казанской губерніи, въ селѣ К...., были присланы преосвященнымъ Епископомъ-викаріемъ въ подарокъ дѣтямъ бѣдныхъ семей нѣсколько штукъ бѣлья и платья изъ добровольныхъ пожертвованій; вещи переданы мѣстной учительницѣ земской школы съ порученіемъ отобрать, чтѣ можно, и перешить для болѣе бѣдныхъ дѣтей школы и села. Дѣвочки и учительница охотно взялись за дѣло, но силъ школьныхъ дѣвочекъ не доставало, чтобы справиться все скорѣе, а бѣдныхъ было много, погода стояла холодная и въ теплой одеждѣ нужда была большая. Тогда учительница предложила женщинамъ села исполнить часть работы (шитье) за плату; нѣсколько женщинъ согласились, но, сдавая работу, пожелали получить только половину обыкновенной, принятой по мѣстному обычаю, платы, оправдывая это тѣмъ, что и онѣ желаютъ чѣмъ-нибудь своей работы дать чтѣ-нибудь. Я долженъ прибавить, что эти женщины были сами изъ числа нуждавшихся бѣдныхъ семей. Разумѣется, ихъ желаніе было исполнено.

Второе заключеніе наше очень важно; я поэтому попробую получить его, въ видѣ провѣрки, другимъ, независимымъ путемъ: возьмемъ руки стараго лодочника въ концѣ лѣта:

на его ладоняхъ, особенно на правой рукѣ, глазъ ясно видитъ слегка желтоватыя, мозолистыя мѣста, а рука наша ощупью узнаетъ, что эти мѣста въ самомъ дѣлѣ жестки и толсты, гораздо жестче и толще, чѣмъ мѣста рядомъ на ладони. Лодочникъ скажетъ — это отъ весла. Тоже будетъ у столяра на правой рукѣ отъ рубанка, тоже въ срединѣ ладони у стараго рѣзчика по дереву, подобные же слѣды есть отъ рукоятки молота на обожженной желѣзной окалиной рукѣ кузнеца и у всякаго другого чернорабочаго. Конечно, будутъ и разницы—у одного больше, у другого меньше, а суть остается та же: во время работы инструментъ или орудіе работы сильно давитъ на руку, потому что это не игра, а настоящая работа, которой живетъ онъ, рабочій, и его семья. Рукѣ сначала больно, дѣлаются ссадины, боль сильнѣе, и надо либо бросить дѣло, либо дать отдыхъ рукѣ, либо пересилить боль и продолжать работать. Бросить работу нельзя, отдыхать некогда, а старый мастеръ посмѣивается и говоритъ: привынешь и станеть легко. Старый мастеръ правъ—руки привыкають и приспособляются, вырастають мозоли и отъ прежней боли остается только смутное воспоминаніе; трудно бываетъ развѣ, когда выпадеть чрезмѣрное дѣло. Такой процессъ приспособленія случается чаще, чѣмъ обыкновенно думаютъ, и во многихъ случаяхъ можно замѣтить его слѣды, больше или меньше, раньше или позже, смотря по человѣку, по работѣ и по времени занятія; такъ, напримѣръ, мы видимъ мозолистости на концахъ пальцевъ лѣвой руки скрипача; нѣчто подобное можно встрѣтить и въ психической области, напримѣръ, въ такъ-называемомъ профессиональномъ ригоризмѣ судей, въ рѣшающихъ отгѣткахъ учителей-экзаменаторовъ, въ хладнокровіи хирурговъ и проч.— все это, конечно, не у всѣхъ, а у нѣкоторыхъ. Тотъ же процессъ приспособленія выражается и въ большей легкости занятія, помимо первоначальныхъ ощущений усталости; это ясно, если всмотрѣться въ движенія головы, языкомъ и губами у мальчика, когда онъ начинаетъ учиться писать, и какъ онъ легко и скоро записываетъ лекціи за преподавателемъ нѣсколько лѣтъ спустя; еще лучше это видно у пианистовъ, напр., въ школѣ ежедневныхъ упражненій у Черни (ор. 133), въ № 8, напримѣръ, гдѣ учащаяся должна сдѣлать 16676 ударовъ пальцами по клавишамъ рояля и все это въ скоромъ темпѣ *Allegro vivace*. Такую же, а можетъ быть, еще большую скорость нужно приобрѣтатъ фокусни-

камь-престижигитаторамъ. Есть еще особые фокусники для игры въ карты; ихъ называютъ шулерами, но они сами считаютъ свое искусство безчестнымъ,—это видно изъ того, что они не любятъ, когда ихъ такъ называютъ во время игры; поэтому лучше не говорить о нихъ.

Итакъ, мы видимъ изъ этихъ многихъ примѣровъ, что упражненіе есть простое и вѣрное средство получить привычку къ дѣлу или занятію, что эта привычка превращается сама собою въ обычай, въ правило жизни, и что, если случилось бы, что первыя попытки упражненія связаны съ нѣкоторымъ чувствомъ чего-то непріятнаго, неохоты, то передъ этимъ не надо оставиваться—оно навѣрное пройдетъ, если продолжать дѣло. Примѣнимъ все, что сейчасъ сказано, къ благотворительности, напр., къ тому, чѣмъ занимались дѣвочки села К... въ голодный годъ: у дѣвочекъ, между прочими уроками, были еще маленькіе классы руководѣльныхъ работъ; въ этихъ классахъ дѣвочки кроили, шили и вязали, какъ умѣли, чулочки, бѣлье и платье для дѣтей бѣдныхъ семей своего села, какъ я уже говорилъ. Нѣкоторымъ дѣвочкамъ, которыя помоложе, не очень хотѣлось сидѣть за работой, и лучше бы поиграть на улицѣ; учительница ихъ не принуждала, а сама засѣла за шитье и кройку; также и старшенькія ученицы и все пошло отлично: работали усердно и большія и маленькія, каждая, что умѣла; и послѣ того, какъ будто еще веселѣе игралось на улицѣ.

Теперь еще одно, чтобы сдѣлать яснѣе, что остается сказать. Дѣла благотворительности всегда были въ обычаѣ у людей, вошли въ „обычное право“ народовъ, въ ихъ молитвы и кодексы религиозныхъ вѣрованій и считаются нравственной обязанностью; объ этомъ говорятъ старинныя преданія, письменные документы, ученые, путешественники и миссіонеры изъ самыхъ дальнихъ странъ сѣвера и юга, востока и запада—это законъ милости, имманентная часть человѣческой души. Все это мы уже видѣли; но есть и другая, точно также живая, имманентная струя—это законъ личнаго удовлетворенія или личной пользы путемъ личнаго труда; все живое ищетъ себѣ пользы и спокойствія, личной пользы и личнаго спокойствія: звѣрь ищетъ уголь, гдѣ жить, и добычу, чѣмъ жить, растеніе тянется къ солнечному лучу безъ заботы объ отѣненнхъ сосѣдяхъ, человѣкъ тоже ищетъ пользы и комфорта. Только спекулянтъ, рыцарь рынка съ деньгами въ рукѣ, ищетъ кромѣ того выгоды. Итакъ, передъ нами два

закона жизни, двѣ волны въ житейскомъ морѣ: волна само-сохраненія съ принципами расчета и личной пользы—это волна отъ древняго завѣта личнаго труда, и волна сочувствія, милосердія, самоотверженія, съ принципами благотворительной помощи нуждающемуся и просящему—это волна отъ новаго завѣта милости. Въ исторіи народныхъ бѣдствій мы видѣли, что во времена паники беретъ перевѣсъ чувство самосохраненія у большинства испуганныхъ людей, но что вмѣстѣ съ тѣмъ и вслѣдъ за тѣмъ растетъ чувство милосердія, растутъ дѣла благотворительности и, въ концѣ концовъ, больше и больше сближаютъ людей, поднимаютъ ихъ нравственный уровень и дѣлаютъ ихъ „ближними“. Остается вопросъ: что происходитъ, когда эти двѣ житейскія волны встрѣчаются не у народовъ въ теченіи вѣковъ, а въ сердцѣ одного и того же человѣка въ теченіи его короткой жизни: конечно, въ немъ живы обѣ волны, конечно, у каждаго есть два ряда желаній и два ряда дѣлъ; эти два ряда дѣлъ хорошо наблюдать на базарѣ у одного и того же человѣка если вслушаться, какъ онъ старается продать свое жито или свой товаръ по дороже, и какъ тотъ же самый человѣкъ точно также старается купить въ тотъ же самый базаръ купцовую соль или купцовый товаръ подешевле. Но здѣсь начинается разница, смотря потому, какъ жилъ человѣкъ, какъ онъ живетъ, и что дало ему воспитаніе въ его дѣтскіе годы, когда еще нѣтъ крѣпкихъ привычекъ и чистая душа открыта для дѣлъ милосердія. Вотъ почему такъ важно для насъ воспитывать привычку къ дѣламъ милосердія съ чистыхъ дѣтскихъ лѣтъ. Конечно, сильный, ясный умъ скоро самъ пойметъ, что безъ дѣлъ милости нѣтъ человѣческаго достоинства, но сильный, ясный умъ есть высокій и рѣдкій духовный даръ и на него нельзя рассчитывать для большинства людей, а самое плохое здѣсь то, что дѣла личной пользы легко берутъ перевѣсъ въ жизни потому, что въ нихъ практикуются каждый день и дома и въ гостяхъ и на улицѣ, и учителей много, и примѣровъ много, а дѣла милосердія не трубятъ предъ собою и не выказываются. Къ тому же, кто ищетъ пользы, а тѣмъ паче выгоды, у того мало времени на что-либо другое и мало вниманія, потому что погоня за барышами дѣло тоже нелегкое и только современемъ, послѣ большой привычки становится легкимъ, привычнымъ дѣломъ и только постепенно переходитъ, по народному выраженію, въ правило, въ воровское правило; „кто же отойдетъ отъ воды не пивши?“ Но

даже у такихъ людей, казалось бы самаго низкаго сорта, никогда не пропадаетъ законъ милости и не можетъ пропасть, пока жива у нихъ душа; у такихъ людей жизнь можетъ только выражаться, казалось бы на первый разъ, странно: встрѣтится нищій—ему даютъ монетку, приходитъ часть биржи или лавочки — начинаются хитрости, обманы, большіе проценты и разныя другія дѣла. Это совсѣмъ не странно, а такъ есть и такъ быть должно, потому что въ мірѣ нѣтъ и не можетъ быть совсѣмъ погибшаго человѣка, пока живъ человѣкъ.

Теперь мы уже можемъ подвести послѣдніе итоги всему, что сказано, и вывести заключеніе, ради котораго все это написано. По разнымъ причинамъ, о которыхъ бесполезно здѣсь говорить, я занятъ изслѣдованіемъ страны русскаго полярнаго сѣвера; моя задача—разрѣшить два вопроса: 1) почему угасаютъ многія приспособленныя къ своей странѣ, смѣлыя, добродушныя, честныя инородческія племена сѣвера, и 2) какія нужны мѣры благотворительной помощи, чтобы спасти эти племена и вести ихъ къ высшимъ формамъ цивилизаціи, или, другими словами: что должны сдѣлать цивилизованные русскіе люди? Я сказалъ „должны“, потому что это для нихъ дѣйствительно дѣло чести, гражданской и вмѣстѣ съ тѣмъ дѣло совѣсти. Какія мѣры благотворительной помощи должны быть даны этимъ племенамъ—я сейчасъ скажу, въ надеждѣ, что на мой голосъ откликнутся сердца великодушныхъ людей.

Я предложилъ двѣ мѣры помощи *)—обѣ благотворительнаго характера, потому что только благотворительность всегда полезна и навѣрно будетъ полезна инородцамъ, которые получаютъ ее, и всего больше тѣмъ, которые дадутъ ее, т.-е. намъ самимъ. Первая и вмѣстѣ съ тѣмъ главная мѣра, которую я предложилъ — это „пріюты св. Ольги“ (интернатъ для дѣтей бѣдныхъ инородческихъ семей) и вторая—это „благотворительные дни въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ“.

Пріюты св. Ольги въ память первой христіанской женщины въ русской землѣ, Великой Княгини Кіева. На Сѣверѣ, за предѣлами земледѣлія, всегда вѣроятны времена недостатка продовольствія, а полярная ночь холодна и долга, и люди живутъ уединенно и просить помощи часто не у кого. По-

*) Угасаніе инородческихъ племенъ Сѣвера (докладъ I секціи русскаго Общества охраненія народнаго здравія, 12 марта 1893 года). Гл. IX. Заключеніе, п. 5 и 8.

этому на Сѣверѣ всегда вѣроятно, что отдѣльныя семьи инородческія, по самымъ различнымъ причинамъ и случайно-стямъ, будутъ терять своихъ оленей; дѣтямъ такихъ семей я бы желалъ открыть болѣе счастливый выходъ, взявъ ихъ агентами русской свѣтской миссіи въ средѣ своего племени. Правительственный пріютъ, о которомъ я говорю, имѣетъ чисто благотворительный характеръ и получить полную симпатію инородцевъ, во-1-хъ, потому что они имѣютъ большое уваженіе къ русскому Царю, и, во-2-хъ, потому что всякое благотворительное дѣло, какъ нельзя лучше соотвѣтствуетъ основному воззрѣнію инородца на обязанность помощи нуждающемуся. Можно впередъ сказать, что если настоятельница пріюта вполне усвоитъ себѣ это чрезвычайно простое пониманіе и исполнитъ его, то вокругъ пріюта поставятъ бѣдныя чумы, гдѣ будутъ жить матери этихъ дѣтей, и совершенно необходимо, чтобы и эти женщины, и ихъ семьи получали тоже помощь работами, или прямо милостыней; вотъ гдѣ были бы у мѣста благотворительныя пожертвованія. Мѣсто такихъ пріютовъ—область лѣсовой тундры, т.-е. полосы, которая отдѣляетъ собственно тундру отъ области тайги (сѣверный лѣсъ); въ Канинской тундрѣ пріютъ долженъ быть въ с. Неси, которое мнѣ лично хорошо извѣстно и лежитъ очень благополучно, въ прекрасной мѣстности и вполне удовлетворяетъ всѣмъ требованіямъ. Въ остальныхъ двухъ тундрахъ—въ Тиманской и Большеземельской—вѣроятно, при церквахъ православныхъ, построенныхъ миссіей архимандрита Веніамина; въ Обдорскомъ краѣ—это г. Обдорскъ; въ Березовскомъ краѣ—г. Березовъ; въ Туруханскомъ краѣ—г. Туруханскъ, и т. д., до Алеутскихъ острововъ, гдѣ мѣсто для крайняго восточнаго *пріюта св. Ольги* въ Россіи. Самое главное, разумѣется, выборъ начальства пріюта св. Ольги; я бы предпочиталъ настоятельницъ, т.-е. женщинъ, по крайней мѣрѣ для начала дѣла, а тамъ опытъ укажетъ, что лучше для будущаго и нужно ли измѣнить эту систему.

Благотворительныя дни въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ. Видалъ ли кто-нибудь, чтобы мужикъ или баба, или дѣвка въ селѣ запѣли веселыя пѣсни и пошли въ танцы съ балалайкой или „съ платочкомъ“, когда подають лопотъ хлѣба нищему? Смѣло можно отвѣтить, что этого никто никогда не видалъ. Если бы я вздумалъ пригласить своихъ сосѣдей крестьянъ на празднество у окна „винной лавки“ (въ лавкѣ нельзя пить водку) за плату, съ тѣмъ, чтобы

часть выручки за выпитую водку пошла на милостыню нищимъ — конечно, никто бы не пошелъ на мое приглашеніе. Если бы учительница сельской школы вздумала устроить въ школѣ базаръ или вечеринку, чтобы продавать, собственно говоря, никому ненужныя вещи точно также за плату, съ тѣмъ, чтобы часть выручки, т. е. чистая прибыль, пошла на помощь бѣднымъ—сторожъ школы проворчалъ бы что-то о долгомъ волосѣ, а люди всѣ бы очень удивились и тоже не пошли. Такъ думаютъ въ селѣ, въ деревнѣ, въ тундрахъ, въ степяхъ, въ лѣсахъ и вездѣ, гдѣ у людей есть сознание того, что они дѣлаютъ и къ дѣлу милости относятся съ уваженіемъ; благотворительность есть даръ личнаго труда, и только даръ личнаго труда или даръ работы отъ личнаго труда есть та благотворительность, которая даетъ въ жизни людей и народовъ „свѣтъ міра“, зарю котораго уже съ начала вѣковъ мы видѣли въ исторіи народныхъ бѣдствій. Именно эта вѣра въ силы милости должна войти въ ясное сознание каждаго человѣка, войти въ составъ его пониманія жизни и сдѣлаться его духовной потребностью, а это достигается для большинства людей только привычкой, начатой съ дѣтскихъ лѣтъ. Всего вѣрнѣе она пріобрѣтается дѣвочками, такъ какъ женщина всегда отзывчивѣе на чужое страданіе. Обычай помощи бѣднымъ старинный и до сихъ поръ исполняется, какъ правило, въ культурныхъ семьяхъ и въ Западной Европѣ, и у насъ: въ Англій приняты для такихъ благотворительныхъ руководѣльныхъ работъ срокъ предъ Рождествомъ, у насъ въ Россіи чаще предъ Святой (Пасха). Разумѣется, должно взять оба эти срока, во-первыхъ, потому, что два раза въ году, по три дня въ каждый срокъ, вовсе немного, и даже самое строгое начальство не сочтетъ это затруднительнымъ, и во-вторыхъ, потому что съ этими двумя сроками измѣняется характеръ руководѣльныхъ работъ—къ Рождеству нужны зимнія вещи, а къ Святой нужны лѣтнія вещи.

Такимъ образомъ, передъ Рождествомъ три послѣднихъ учебныхъ дня и также предъ Святой должны быть отданы для благотворительныхъ руководѣльныхъ работъ дѣтей, т.-е. ученицъ женскаго учебнаго заведенія, помещеніе школы должно быть прибрано, матеріалы для работъ заготовлены и всѣ заботы объ ученіи оставлены въ сторонѣ — этимъ получить все въ глазахъ ученицъ свое полное, настоящее значеніе. Обязательность таковыхъ работъ представляется здѣсь двойкою—обязательность для учрежденія (женская гимназія, институтъ, пансіонъ,

школа) и обязательность для ученицъ учрежденія. Обязательность для учрежденія ничѣмъ не устраняется и скорѣе всего можно ожидать, выразится въ томъ, что женское начальство (начальница, учительницы, классныя дамы) примутъ личное участіе въ благотворительныхъ работахъ въ родѣ того, какъ было, на примѣръ, во время войнъ. Живой примѣръ всего сильнѣе, и можно надѣяться, дѣти т.-е. ученицы повѣрятъ въ него, а изъ-за него и чрезъ него повѣрятъ въ самый принципъ дѣла, сначала, можетъ быть, по чувству, въ его, такъ сказать, душевную часть, а потомъ, постепенно, и въ его абстрактное духовное значеніе. Сущность задачи воспитанія — вызвать привычку отдавать часть своего труда въ пользу нуждающагося, а не откупаться отъ него деньгами, какъ это принято у взрослыхъ людей, и дѣти—я разумѣю нормальныхъ дѣтей—никогда не поймутъ этой бухгалтеріи. Разъ шелъ я съ однимъ изъ своихъ знакомыхъ по улицѣ въ городѣ X.; съ его стороны подошелъ нищій, и знакомый мой подаль ему серебряную монету — я хорошо помню, это былъ пятиалтынный — и сказалъ, обращаясь ко мнѣ: „affaire de politesse“. Знакомый мой былъ правъ—это была affaire de politesse, а не милостыня.

Обязательность благотворительныхъ работъ для ученицъ имѣетъ нѣсколько иной характеръ; здѣсь можно опасаться, что если такія работы будутъ повторяться слишкомъ часто, на примѣръ, 1 разъ въ недѣлю, то понемногу можетъ исчезнуть у ученицъ то психическое возбужденіе, которое оставляетъ такой хорошій слѣдъ въ душѣ дѣтей самимъ актомъ благотворительности. Лично, я былъ бы поэтому склоненъ принять такое правило: обязательны для ученицъ только три благотворительныхъ дня предъ двумя большими праздниками (Рождество и Пасха), какъ я уже сказалъ; тутъ уже само собой явится отгѣнозъ чего-то торжественнаго и обхватить трудящихся и присутствующихъ въ залѣ работъ. Если же, по какимъ-либо соображеніямъ, будутъ допущены благотворительныя работы въ часы, назначенные для общихъ руководѣльныхъ работъ, то это не должно быть обязательно—должно быть только дозволено для желающихъ, которыя тѣмъ самымъ получаютъ право отдавать сдѣланныя ими вещи по собственному усмотрѣнію. Матеріалы для благотворительныхъ дней должны быть собраны путемъ пожертвованія—это само собою разумѣется, и конечно, не будетъ никакихъ затрудненій. Вещи, приготовленныя (шитье, вязанье и проч.) ученицами, раздаются начальницей учебнаго заведенія, лично или чрезъ

блассныхъ дамъ, по ея усмотрѣнiю, и отчетъ объ этомъ она читаетъ въ началѣ слѣдующаго срока благотворительныхъ дней, т.-е. рождественскiй отчетъ въ началѣ пасхальнаго срока, а пасхальный отчетъ въ началѣ рождественскаго срока, поясняя, кому (безъ указанiя именъ) пошли розданныя работы, и какъ ихъ приняли. Я опасаюсь только двухъ погрѣшностей, очень возможныхъ, если не поймутъ сущности дѣла—во-1-хъ, чтобы не вздумали благотворить этимъ способомъ ученицамъ своей собственной школы или гимназiи—это ни въ какомъ случаѣ не должно быть допущено, потому что можетъ нарушить добрыя товарищескiя отношенiя между ученицами и внесетъ рознь, которой и безъ того слишкомъ много въ свѣтѣ, въ которомъ мы живемъ; это пойметъ каждая умная женщина, и я говорю только на случай, потому что все бываетъ на свѣтѣ. Во-2-хъ, чтобы не вздумали брать эти благотворительные дни изъ дней, свободныхъ отъ ученiя, не жертвуя учебными днями; именно эта учебная система должна быть измѣнена, именно эта жертва (если только это можетъ назваться жертвой) должна быть принесена, и обязательныя программы измѣнены въ смыслѣ принципа, о которомъ говорю.

Начать дѣло можно, конечно, различно; практически и совершенно законно есть два пути, и я скажу коротко о каждомъ изъ нихъ: *первый путь*—начальница женскаго учебнаго заведенiя (гимназiя, пансионъ, школа, институтъ) или учительница, или, вообще, кто-либо изъ членовъ педагогическаго совѣта предлагаетъ или предлагаютъ въ педагогическомъ совѣтѣ принципъ благотворительныхъ дней; въ виду существующихъ программъ и правилъ, совѣтъ представляетъ вопросъ этотъ попечителю мѣстнаго учебнаго округа, гдѣ онъ разрѣшается или представляется дальше, какъ указываютъ законъ и правила. *Второй путь* еще легче, самостоятельнѣе и, съ моей точки зрѣнiя, проще и нисколько не мѣшаетъ первому; принципъ его слѣдующiй: мать отдала свое дитя въ учебное заведенiе съ цѣлью умственнаго и нравственнаго образованiя—это есть величайшее довѣрiе къ заведенiю, и мы должны думать, что начальство и вся система воспитанiя и образованiя сдѣлаютъ все, что отъ нихъ зависитъ, чтобы быть достойными этого довѣрiя. На матери, или вообще на родителяхъ, однакожъ, лежитъ по прежнему обязанность заботы о будущей судьбѣ своихъ дѣтей, и никакая власть земная не можетъ снять и не можетъ желать снять съ нихъ этой обязанности.

Эта безусловная обязанность даетъ вмѣстѣ съ тѣмъ право просить начальство школы дать мѣсто въ ней и идеѣ благотворительности въ томъ смыслѣ, какъ сказано. Просящій ничѣмъ не рискуетъ, потому что просьба или прошеніе есть совершенно правильная, совершенно законная форма отношеній между людьми, и, конечно, каждый просящій съумѣетъ написать такое прошеніе, если вѣритъ въ правду своей просьбы. Возьмемъ худшее—просьба не уважена; что же изъ того?—можно завести у себя дома такіе же благотворительные дни и повторить прошеніе, а самое главное, не должно забывать, что прогрессъ идетъ медленнымъ путемъ, что таковъ законъ исторіи и людей, и народовъ, и примѣровъ много—такъ шло законодательство въ Англіи по вопросу объ общественныхъ работахъ бѣдныхъ дѣтей приходоу, такъ шель вопросъ о невольничествѣ негритянскаго племени, такъ шла вся исторія благотворительности, какъ мы видѣли.

Если недостаточно всего этого, что я связалъ по существу, я могу привести еще одинъ мотивъ съ чисто формальной точки зрѣнія: мы имѣемъ слѣдующіе несомнѣнные, всѣмъ извѣстные факты.

1) Въ программы учебныхъ заведеній введенъ „Законъ Божій“, какъ обязательный предметъ.

2) Въ программы женскихъ учебныхъ заведеній введены классы руководѣльныхъ работъ.

3) Каждый обязательный предметъ совершенно рачіонально связанъ съ практическими занятіями или упражненіями; иначе и быть не можетъ, потому что только этимъ путемъ получается твердое знаніе даннаго предмета, такъ, на примѣръ, ариметика навѣрно скоро исчезла бы изъ памяти, если бы не давали арифметическихъ задачъ; точно также исчезла бы изъ памяти грамматика безъ диктантовъ, и вопросъ о буквѣ „ѣ“ постоянно тревожилъ бы людей; точно также исчезла бы географія, если бы не было черченія картъ, и точно также исчезло бы все остальное.

4) Въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ „Законъ Божій“ основанъ на евангельскомъ ученіи, а въ этомъ ученіи милость поставлена выше жертвы, и помощь нуждающемуся, акты милосердія, акты любви въ ближнему поставлены задачей жизни человѣка *).

*) Отъ Матѣ. V. 7—IX. 13—X. 33—XVIII. 5; отъ Марк. IX. 37 и 41—X. 13—16—XII. 33 и отъ Луки X. 30—37, гдѣ притча о милосердіи Самарянинѣ, которая такъ нравится дѣтямъ въ нашихъ сельскихъ земскихъ школахъ.

Ясно, что благотворительные дни, о которыхъ я говорю— это практическія упражненія въ евангельскомъ ученіи и находятся въ логической связи съ уроками „Закона Божія“. Отсюда начавшееся движеніе перейдетъ въ семьи ученицъ школы, и новая задача войдетъ въ правило жизни.

Смотря со стороны, я удивляюсь, что принципъ практики благотворительной помощи дѣлами личнаго труда еще не вошелъ въ задачи воспитанія и образованія вообще и что я долженъ убѣждать въ этой простой истинѣ.

Ар. Ив. Якобій.

КРОВЬ.

(Изъ сказокъ Нинонъ Эмиля Зола).

Сколько прошло передъ твоими глазами лучей, цвѣтовъ, сколько благоуханій! Не утомила ли тебя, Нинона, эта вѣчная весна? Всегда любить, всегда воспѣвать шестнадцатилѣтнюю грёзу! Ты засыпаешь вечеромъ, злая дѣвочка, когда я начинаю распространяться о кокетствѣ розы и о легкомыслии стрекозы. Ты закрываешь отъ скуки свои чудные большіе глаза, и тогда, не имѣя возможности черпать въ нихъ вдохновенія, я запинаясь и умолкаю, не находя развязки.

Но я заставлю тебя открыть твои лѣнивые глаза, Нинона. Я хочу рассказать тебѣ сегодня такую ужасную сказку, что ты цѣлую недѣлю не сомкнешь ихъ. Слушай же. Страхъ пріятенъ послѣ слишкомъ продолжительной улыбки.

I.

Четыре солдата, вечеромъ послѣ побѣды, разбили палатку въ пустынномъ уголку поля битвы. Сумерки наступили, и они весело ужинали среди мертвецовъ.

Сидя на травѣ вокругъ костра, они поджаривали на угольяхъ куски баранины, которые поѣдали еще полусырыми. Красноватый отблескъ пламени неясно освѣщаль ихъ, отбрасывая вдаль ихъ громадные тѣни. Минутами блѣдные блики перебѣгали по разбросанному около нихъ оружію, и тогда, во тьмѣ ночи, видѣлись люди, спавшіе съ открытыми глазами.

Солдаты хохотали громкими раскатами смѣха, не замѣчая этихъ устремленныхъ на нихъ взглядовъ. День былъ тяжелый. Не зная, что ждетъ ихъ завтра, они праздновали свой теперешній отдыхъ.

Ночь и смерть парили надъ полемъ битвы, гдѣ ихъ большія крылья отряхали безмолвіе и ужасъ.

Когда ѣда кончилась, Гнейсь запѣлъ. Его звучный голосъ обрывался въ безмолвномъ и мрачномъ воздухѣ; веселая пѣсня на его губахъ рыдала вмѣстѣ съ эхо. Удивленный самъ этими, выходившими изъ его усть, звуками, которые были ему незнакомы, солдатъ запѣлъ громче, какъ вдругъ раздался страшный крикъ, пронесшійся во мракѣ.

Гнейсь замолчалъ въ недоумѣніи. Онъ сказалъ Эльбергу:
— Пойди, посмотри, какой мертвецъ проснулся.

Эльбергъ взялъ горящую головню и удалился. Его товарищи могли слѣдить за нимъ взглядами нѣсколько минутъ при свѣтѣ импровизированнаго факела. Они видѣли, какъ онъ наклонялся, какъ бы разспрашивая мертвыхъ, и раздвигалъ кустарники своей шпагой. Потомъ онъ исчезъ.

— Клеріанъ, сказалъ Гнейсь послѣ нѣкоторой паузы, волки рыщутъ сегодня вечеромъ: пойди, поищи нашего друга. И Клеріанъ, въ свою очередь, исчезъ во мракѣ.

Гнейсь и Флемъ, уставъ дожидаться, завернулись въ свои плащи, и улеглись оба возлѣ полу-угасшаго костра. Ихъ глаза смыкались, когда тотъ же ужасный крикъ пронесся надъ ихъ головами. Флемъ всталъ, молча, и направился во мракъ, гдѣ исчезли его два сотоварища.

Тогда Гнейсь очутился одинъ. Онъ испугался, испугался этой черной бездны, въ которой проносился вопль агоніи. Онъ подбросилъ валежника въ костеръ въ надеждѣ, что свѣтъ огня разсѣетъ его страхъ. Пламя поднялось, красное, какъ кровь, почва освѣтилась широкимъ блестящимъ кругомъ; въ этомъ кругѣ кустарники отплясывали фантастическій танецъ, а мертвецы, спавшіе во мракѣ, казалось, вздрагивали отъ прикосновенія невидимыхъ рукъ.

Гнейсь испугался свѣта. Онъ разбросалъ горѣвшія вѣтви и затопталъ ихъ ногами. Когда же мракъ нависъ, еще болѣе тяжелый и плотный, онъ вздрогнулъ, боясь услышать снова предсмертный вопль. Онъ сѣлъ, потомъ всталъ, чтобы позвать своихъ товарищей. Звукъ собственнаго голоса испугалъ его, — онъ побоялся привлечь на себя вниманіе труповъ.

Луна взошла, и Гнейсь съ ужасомъ увидѣлъ, что блѣдный лучъ скользнулъ по полю битвы. Теперь ночь не скрывала всего его безобразія. Опустошенная долина, усѣянная обломками и мертвецами, разстилалась передъ глазами, покрытая какъ бы саваномъ свѣта, а этотъ свѣтъ, который не былъ дневнымъ, освѣщалъ мракъ, не уничтожая при этомъ его нѣмого ужаса.

Тогда Гнейсъ, стоя, съ холоднымъ потомъ на лбу, возымѣлъ мысль взобраться на пригорокъ, чтобъ погасить блѣдное свѣтило ночи. Онъ спросилъ себя, чего ждали мертвецы, чтобы встать и окружить его, теперь, когда они его видѣли? Ихъ неподвижность приводила его въ трепеть, и въ ожиданіи какаго-то ужаснаго событія онъ закрылъ глаза. И, стоя такъ, онъ вдругъ почувствовалъ какую-то странную теплоту у своей лѣвой пятки. Онъ нагнулся къ землѣ и увидѣлъ тонкую струю крови, вытекавшую изъ подъ его ногъ. Эта струя, перебѣгая по камешкамъ, текла, какъ ручеекъ, съ веселымъ журчаніемъ; она выходила изъ мрака, переливалась подъ лучомъ луны и снова исчезала во мракѣ, точно змѣя съ черной чешуей, кольца которой извивались и перемежались безъ конца. Гнейсъ попытался, не бывъ въ состояніи закрыть глазъ: страшная судорога держала ихъ расширенными, устремленными на кровавую струю.

Онъ видѣлъ, какъ она медленно вздымалась. расширялась въ своемъ руслѣ, потомъ ручей превратился въ рѣку, текшую медленно и спокойно, такъ что ребенокъ могъ бы перепрыгнуть черезъ нее. Рѣка превратилась въ потокъ и ватилась по землѣ съ глухимъ шумомъ, отбрасывая красноватую пѣну на берега. Потокъ превратился, наконецъ, въ громадное озеро.

Это озеро несло трупы, и удивительно было видѣть, какъ эта лившаяся изъ ранъ кровь была такъ обильна, что кипѣла мертвецами.

Гнейсъ все отступалъ назадъ передъ поднимавшейся волной. Его взглядъ уже не различалъ береговъ, и ему казалось, что вся долина превращалась въ озеро.

Вдругъ онъ почувствовалъ, что прислонился ко градъ скаль и принужденъ былъ остановиться въ своемъ бѣгствѣ. Тогда онъ ощутилъ, какъ волна коснулась его колѣней. Мертвецы, уносимые потокомъ, какъ бы насмѣхались надъ нимъ, проплывая мимо; каждая изъ ихъ ранъ превращалась въ уста, глумившіяся надъ его страхомъ. Онъ выпрямился въ послѣднемъ усиліи, ухватился за выступъ скалы, но тотъ обломился, Гнейсъ упалъ, и волна покрыла его плечи.

Луна, блѣдная и молчаливая, созерцала это море крови, гдѣ лучи ея угасали безъ отблеска. Свѣтъ парилъ въ небесахъ. Громадная пелена, вся сотканная изъ мрака и воплей, казалась развертымъ жерломъ бездны.

Волна все поднималась и, наконецъ, окрасила своей пѣной губы Гнейса.

II.

На зарѣ Эльбергъ разбудилъ Гнейса, который спалъ, положивъ голову на камень.

— Другъ, сказалъ онъ, я заблудился въ вустахъ и, когда сѣлъ подь деревомъ, сонъ охватилъ меня и передъ моими внутренними очами пронеслись странныя картины, воспоминаніе о которыхъ не разсѣялось и при пробужденіи.

Міръ былъ еще въ своемъ младенчествѣ. Все небо, казалось, представляло одну сплошную улыбку. Еще дѣвственная, земля красовалась подь лучами майскаго солнца въ своей цѣломудренной наготѣ. Травка зеленѣла, причемъ ростомъ она превосходила самыя большіе наши дубы; деревья простирали въ воздухъ невѣдомую намъ теперь листву. Растительный сокъ свободно переливался въ жилахъ міра, и волна его была такъ обильна, что, не довольствуясь растеніями, она протекала по нѣдрамъ скалъ и давала имъ жизнь.

Горизонтъ разстилался безмятежный и сіяющій. Святая мать природа пробуждалась. Какъ ребенокъ, каждое утро на волнѣяхъ благодарщій Бога за солнечный свѣтъ, она испускала въ небо всѣ свои благоуханія, всѣ свои гимны, чудныя благоуханія, неизреченно сладкіе гимны, которые мои чувства могли съ трудомъ выносить, до такой степени впечатлѣніе ихъ было божественно.

Земля, спокойная и плодородная, производила плоды безъ страданій. Плодовые деревья росли какъ попало, хлѣбныя поля окаймляли дороги, какъ теперь крапивныя поросли. Въ воздухъ ощущалось, что человѣчскій потъ не сливался еще съ дыханіемъ неба. Одинъ Богъ работалъ для своихъ дѣтей.

Человѣкъ, какъ птица, жилъ пищей, посылаемой свыше. Онъ проходилъ, благословляя Бога, срывалъ плоды съ деревьевъ, пилъ воду изъ ручья, засыпалъ вечеромъ подь сѣнью деревъ. Онъ питалъ отвращеніе въ мясу и не зналъ вкуса крови, находя удовольствіе только въ кушаньяхъ, изготовляемыхъ ему росой и солнцемъ.

Такимъ образомъ, человѣкъ пребывалъ невиннымъ, и его невинность дѣлала его царемъ другихъ твореній природы. Все дышало миромъ. Вся вселенная была преисполнена какой-то чистоты, и высшій миръ убаюкивалъ ее въ безконечности. Крылья птицъ не трепетали въ бѣгствѣ, лѣса не скрывали убѣжищъ въ своей чащѣ. Всѣ божьи созданія жили при

свѣтъ солнца, составляя одинъ народъ, подчиняясь одному только закону—добротѣ.

Я прохаживался среди этихъ существъ, среди этой природы, и чувствовалъ, что становлюсь сильнѣе и лучше. Грудь моя глубоко вдыхала небесный воздухъ, и я испытывалъ, перенесясь разомъ изъ нашей зачумленной атмосферы въ этотъ чудный міръ, восхитительное ощущеніе горнорабочаго, выходящаго на воздухъ изъ рудника.

Такъ какъ ангелъ сновидѣній все еще убаюкивалъ меня, то мой духъ увидѣлъ вдругъ слѣдующую сцену въ лѣсу, куда онъ перенесся.

Два человѣка слѣдовали одинъ за другимъ по узкой, затерявшейся въ листвѣ тропинкѣ. Младшій шелъ впереди, беззаботно распѣвая и окидывая ласковымъ взглядомъ каждую встрѣчную травку. Иногда онъ оборачивался назадъ, чтобы улыбнуться своему спутнику. Не знаю, по какой-то неизъяснимой сладости этой улыбки, я понялъ, что она обращалась къ брату.

Губы и глаза другаго человѣка были мрачны и нѣмы. Онъ съ ненавистью глядѣлъ на затылокъ юноши, торопясь за нимъ и спотыкаясь по временамъ. Казалось, онъ преслѣдовалъ жертву, которая не убѣгала.

Я видѣлъ, какъ онъ сломалъ стволъ дерева, который онъ грубо обдѣлалъ на манеръ палицы, потому, какъ бы боясь потерять изъ вида своего спутника, онъ побѣждалъ, пряча за собой свое оружіе. Молодой человѣкъ, сѣвшій было, чтобы дожидаться его, всталъ при его приближеніи и поцѣловалъ его въ лобъ какъ бы послѣ долгой разлуки.

Они снова пустились въ путь. Солнце заходило. Юноша прибавилъ шагу, замѣтивъ вдали, за послѣдними стволами деревьевъ, нѣжныя очертанія долины, позлащенной солнечнымъ закатомъ. Мрачному человѣку показалось, что онъ убѣгаетъ; тогда онъ поднялъ свою палицу.

Въ это время его братъ обернулся, веселое слово поощренія замерло на его губахъ,—стволъ дерева разбилъ ему черепъ, и кровь брызнула.

Травка, на которую упала первая капля, отряхнула ее съ ужасомъ на землю. Земля, дрожащая, испуганная, выпила эту каплю; долгій крикъ отвращенія вырвался изъ ея нѣдръ, и песокъ тропинки отпрыгнулъ кровавой пѣной отвратительный напитокъ.

При крикѣ жертвы я видѣлъ, какъ всѣ живыя твари раз-

сѣялись въ порывѣ ужаса. Онѣ разбѣжались повсюду, избѣгая проложенныхъ дорогъ; онѣ засѣли на перекресткахъ, и болѣе сильныя напали на болѣе слабыя. Я видѣлъ, какъ въ тиши онѣ заостряли свои когти и зубы. Великій разбой начался въ природѣ.

Тогда пронеслись передо мной вѣчные преслѣдователи — воршунъ накинудся на ласточку, ласточка на лету схватила мошеу, мошка сѣла на трупъ. Начиная съ червяка и кончая львомъ, всѣ существа почувствовали себя въ опасности. Вселенная какъ бы укусила себѣ хвостъ и принялась сама вѣчно терзать себя.

Сама природа, пораженная ужасомъ, подверглась продолжительной конвульси. Чистыя линіи горизонтовъ изломались. Заря и заходящее солнце покрылись кровавыми облаками; воды стали низвергаться съ вѣчными рыданіями, а деревья, ломая свои вѣтви, принялись каждагодно усыпать землю увядшими листьями!..

III.

Когда Эльбергъ замолчалъ, явился Клеріанъ. Онъ сѣлъ между своихъ двухъ товарищей и сказалъ имъ:

— Я не знаю, видѣлъ я на яву или во снѣ то, что сейчасъ расскажу вамъ, на столько сонъ былъ реаленъ, на столько дѣйствительность была похожа на сонъ.

Я находился на дорогѣ, проходившей черезъ вселенную. Города окаймляли ее, и народы слѣдовали по ней во время своихъ странствій.

Я видѣлъ, что она была вымощена черными плитами. Мои ноги скользили, и я замѣтилъ, что онѣ были покрыты черной кровью. Въ ширину дорога распадалась на два склона; протекавшій въ серединѣ ручеекъ катилъ красныя и густыя воды.

Я шель по этой дорогѣ, гдѣ волновалась толпа. Я переходилъ отъ группы въ группѣ, созерцая, какъ жизнь катилась мимо меня.

Здѣсь отцы приносили въ жертвы своихъ дочерей, кровь которыхъ они обѣщали какому-то чудовищному богу. Бѣлокурыя головки склонались подъ жертвеннымъ ножомъ, блѣднѣя подъ поцалуемъ смерти.

Тамъ дрожащія и гордыя дѣвы убивали себя, чтобы избавиться отъ постыдныхъ объятій, и могила служила бѣлымъ покровомъ ихъ дѣвству.

Далѣ, любовники умирали подѣ поцалуями. Та, оплакивая свое одиночество, умирала на берегу, устремивъ взглядъ на волны, унесшія ея сердце; другая, убитая на рукахъ возлюбленнаго, утопала вмѣстѣ съ нимъ въ вѣчномъ объятіи.

Далѣ, люди, утомленные мракомъ и нищетой, посылали свои души въ лучшій міръ, чтобъ отыскать тамъ тщетно призываемую на землѣ свободу.

Вездѣ ноги сильныхъ міра оставляли на плитахъ кровавые слѣды. Тотъ ступалъ по крови брата, другой шель въ крови своего Господа. Ихъ красные слѣды отпечатлѣвались неизгладимо на пыльной дорогѣ.

Жрецы закалывали своихъ жертвъ, потомъ, бессмысленно сълонившись надъ ихъ трепещущими внутренностями, увѣряли, что читаютъ по нимъ тайны небесъ. Они носили мечи подѣ своими рясами и проповѣдовали войну во имя Бога. Народы, послушные ихъ голосу, бросались другъ на друга и взаимно истребляли другъ другъ для пущаго прославленія общаго Отца Небеснаго.

Все человѣчество опьянѣло: оно шаталось и падало на плиты, оскверненныя омерзительной грязью. Закрывъ глаза и держа въ рукѣ обоюдоострый мечъ, оно разило во мракѣ и убивало.

Влажное дуновеніе кроваваго истребленія проносилось надѣ толпой, теряя въдали въ красноватомъ туманѣ. И толпа эта бѣжала, уносимая вихремъ ужаса, бушуя въ оргіяхъ все сильнѣе и сильнѣе. Она попирала ногами тѣхъ, которые падали, и истачивала послѣднюю каплю крови изъ ранъ. Она задыхалась отъ ярости, проклиная трупъ, какъ только она не могла болѣе вырвать изъ него жалобнаго вопля.

Земля пила, пила съ жадностью; ея внутренности не питали болѣе обращенія къ ждой жидкости. Какъ существо, отупѣвшее въ пьянствѣ, она насыщалась грязью.

Я прибавилъ шагу, чтобъ не видѣть болѣе своихъ братьевъ. Черная дорога все разстилалась, такая же широкая, какъ и прежде; ручей, вдоль котораго я шель, казался, несъ кровавую волну къ какому-то невѣдомому морю.

И когда я подвигался, то увидѣлъ, что природа дѣлалась все мрачнѣе и суровѣе. Нѣдры долинъ разверзлись глубоко. Глыбы скалъ раздѣляли почву на бесплодные холмы и мрачныя долины. Холмы возвышались, долины углублялись все болѣе и болѣе; камень превращался въ гору, долина превращалась въ бездну.

Ни травки, ни кустика моха! Печальные скалы съ вершинами, убѣленными солнцемъ, съ суровыми и покрытыми мракомъ подошвами. Дорога проходила среди этихъ скалъ въ мертвенномъ безмолвіи.

Наконецъ, она вдругъ сворачивала, и я очутился среди печальнаго пейзажа.

Четыре горы, тяжело опираясь другъ на друга, образовывали громадный бассейнъ. Ихъ гладкіе и крутые склоны, вышавшіеся на подобіе циклопической постройки, придавали этому бассейну видъ громаднаго колодца, ширина котораго наполняла весь горизонтъ.

И этотъ колодець, въ который впадалъ ручей, былъ наполненъ кровью. Море это, спокойное и густое, медленно направлялось въ бездну. Оно, казалось, спало въ своемъ каменномъ руслѣ; небо отражалось въ немъ пурпуровыми облаками.

Тогда я понялъ, что сюда стекалась вся кровь, пролитая насиліемъ. Со временъ перваго убійства каждая рана выплакивала всѣ свои слезы въ эту бездну, и слезы эти текли такъ обильно, что наполнили ее.

— Я видѣлъ въ эту ночь, сказалъ Гнейсъ, потокъ, впадавшій въ это проклятое озеро.

— Виѣ себя отъ ужаса, продолжалъ Клеріанъ, я приблизился къ берегу, измѣряя взглядомъ глубину волнъ. Я понималъ по ихъ глухому шуму, что онѣ углублялись до центра земли. Потомъ, устремивъ взглядъ на скалы, окружавшія колодець, я увидѣлъ, что волны достигали ихъ верхушекъ. Голосъ бездны закричалъ мнѣ: „Волна, которая поднимается, будетъ подниматься вѣчно и достигнетъ вершинъ. Она будетъ еще подниматься, и тогда рѣка, которая вырвется изъ этого проклятаго бассейна, помчится въ долины. Горы, уставъ бороться съ волнами, осядутъ. Все озеро обрушится на вселенную и затопитъ ее. Такимъ образомъ, родившіеся люди умрутъ, утонувъ въ крови, пролитой ихъ отцами.“

— День этотъ близокъ, сказалъ Гнейсъ, такъ какъ волны были уже высоки прошлой ночью.

IV.

Солнце всходило, когда Клеріанъ кончилъ рассказъ своего сна. Съ сѣвера раздавался звукъ трубы, доносимый утреннимъ вѣтеркомъ. То былъ сигналъ, собиравшій подъ знамена солдатъ, разсѣянныхъ въ долины.

Три сотоварища встали и взяли свое оружіе. Они удалились, бросая послѣдній взглядъ на погасшій костеръ, какъ вдругъ увидѣли приближавшаго къ нимъ Флема, который бѣжалъ, спотыкаясь, въ высокой травѣ. Его ноги побѣлѣли отъ пыли.

— Друзья, сказалъ онъ, я не знаю, откуда я пришелъ, до такой степени я быстро бѣжалъ. Въ теченіи долгихъ часовъ я видѣлъ, какъ за мной мчались деревья въ неистовомъ хороводѣ. Шумъ моихъ шаговъ, убаюкивавшій меня, заставлялъ меня невольно смыкать глаза и, все на бѣгу, не останавливаясь ни на минуту, я проспалъ страннымъ сномъ.

Я вдругъ очутился на печально оголенной возвышенности. Палящее солнце жгло высокія скалы. Когда я ступалъ, то подошвы моихъ ногъ обжигались. Я спѣшилъ достигнуть вершины.

И когда я ускорялъ свои прыжки, то увидѣлъ взбирающагося человѣка, который медленно ступалъ. Онъ былъ увѣчанъ терніями, тяжелая ноша надавливала Его плечи, и кровавый потъ струился съ Его чела. Онъ шелъ съ трудомъ, спотыкаясь на каждомъ шагу.

Почва была раскалена и я былъ не въ состояніи перенести Его пытки; я взобрался дожидаться Его подъ деревомъ, на вершинѣ горы. Тогда я замѣтилъ, что Онъ несъ крестъ. По Его вѣнцу, по Его забрызганной грязью пурпуровой одеждѣ я догадался, что это былъ царь.

За Нимъ слѣдовали солдаты, подгонявшіе Его своими копьями. Достигнувъ вершины скалы, они раздѣли Его и положили на крестъ. Человѣкъ печально улыбался. Онъ протянулъ свои распростертые руки палачамъ, они прибили ихъ къ кресту, и гвозди пробили на нихъ два кровавыхъ отверстія. Потомъ они сблизили Его ноги, Онъ скрестилъ ихъ, и одинъ гвоздь прикрѣпилъ ихъ ко кресту.

Лежа на спинѣ, Онъ молчалъ, глядя на небо. Двѣ слезы медленно стекали по его щекамъ, слезы, которыхъ Онъ не чувствовалъ, и которыя терялись въ поворной улыбкѣ его губъ.

Крестъ воздвигли, тяжесть тѣла страшно увеличивала раны, и я слышалъ, какъ трещали его кости. Распятый содрогнулся, потомъ сталъ снова смотрѣть на небо.

Я же созерцалъ его. Видя его величіе въ смерти, я говорилъ себѣ: „этотъ человѣкъ не царь“. И мнѣ стало страшно жалъ его, и я закричалъ солдатамъ, чтобъ они поразили его въ сердце.

Малиновка запѣла на крестѣ. Ея пѣсня была печальна и раздавалась въ моихъ ухахъ, какъ голосъ плачущей дѣвы.

„Кровь окрашиваетъ пламя, пѣла она, кровь придаетъ пурпурный оттѣнокъ цвѣтку, кровь окрашиваетъ красноватымъ отблескомъ и облако. Я садилась на песокъ, мои лапки были кровавы; я коснулась крыломъ вѣтвей дуба, и мои крылья покраснѣли.

„Я встрѣтила праведника, я послѣдовала за нимъ. Я только что искупалась въ источникѣ, и мои перья были чисты. Моя пѣсня гласила: радуйтесь, вы не будете болѣе осквернены росой убійства.

„Сегодня же моя пѣсня гласитъ: плачь, малиновка Голгофы, оплакивай свои перья, забрызганныя кровью Того, Который берегъ тебѣ убѣжище на Своей груди. Онъ пришелъ, чтобъ возвратить чистоту малиновкамъ,—и, увы! люди заставляютъ его орошать ихъ росой Его ранъ.

„Я сомнѣваюсь и оплакиваю мои оскверненные перья. Гдѣ найду я твоего брата, о, Христось, чтобъ онъ открылъ мнѣ свою льняную одежду? Ахъ, бѣдный Учитель! какой рожденный отъ тебя сынъ омоетъ мои перья, окрашенные твоей кровью?“

Распятый слушалъ малиновку. Дуновеніе смерти коснулось его вѣкъ,—губы его конвульсивно сжимались въ агоніи. Взглядъ Его остановился на птичкѣ, исполненный вроткаго упрека; Его улыбка блеснула, ясная, какъ надежда.

Тогда Онъ испустилъ громкій крикъ. Его голова склонилась на грудь, и малиновка улетѣла, унесенная въ рыданіи. Небо почернѣло, земля содрогнулась во мракѣ.

Я все еще бѣжалъ и спалъ. Заря занималась, долины просыпались, весело выдѣляясь изъ утренняго тумана. Ночная гроза придавала больше ясности небу, больше силы зеленымъ листьямъ. Но тропинка была окаймлена тѣми же терніями, которыя раздирали мнѣ тѣло наканунѣ; тѣ же острые и крѣпкіе камни катились изъ подъ моихъ ногъ; тѣ же змѣи ползали въ кустарникахъ и угрожали мнѣ при проходѣ. Кровь праведника пролилась по жиламъ стараго міра, не возвращая ему его юношеской невинности.

Малиновка пролетѣла надъ моей головой и крикнула мнѣ:

— Да, знай, я страшно тоскую. Я не могу найти источника, достаточно чистаго, въ которомъ бы я могла искупаться. Взгляни, земля также зла, какъ и вчера. Исусъ умеръ, и трава не разцвѣла. Да, знай, что стало только однимъ убійствомъ болѣе.

V.

Трубный звукъ все еще продолжалъ раздаваться, призывая солдатъ къ выступленію.

— Братя, сказалъ Гнейсъ, наше ремесло куда какъ некрасиво. Нашъ сонъ смущенъ призраками тѣхъ, кого мы убиваемъ. Я, также какъ и вы, пережилъ въ теченіи долгихъ часовъ тяжелый кошмаръ, душившій мнѣ грудь. Вотъ ужъ тридцать лѣтъ, какъ я убиваю, я нуждаюсь въ снѣ. Оставимъ нашихъ товарищей. Я знаю долину, гдѣ не достаеъ ружь для плуговъ. Хотите испробовать трудового хлѣба?

— Хотимъ, отвѣчали его товарищи.

Тогда солдаты вырыли глубокую яму у подножья скалы и закопали въ нее свое оружіе. Потомъ они направились выкупаться въ рѣкѣ, потомъ всѣ четверо, держась за руки, исчезли на поворотѣ тропинки.

Перев. А. Бородинной.

ПОДЪ СЪННЮ ТІАРЫ.

Историческая повѣсть проф. Э. Жебара.

(Продолженіе *).

III.

«Новая жизнь» **).

Латеранъ, папскій дворець, поднимался, въ уединеніи Целія, много выше стѣвъ Рима, которыя, однако, очень высоки по обѣ стороны воротъ св. Іоанна. Усѣянный зубчатыми башнями и островерхими колокольнями, онъ былъ и вѣрностью, и монастыремъ. Съ открытыхъ галлерей видны были горы Лаціума, Сабинскія и Аппенины, а съ вершинъ башенъ—весь Римъ и море. Отсюда до Колизея, до воротъ Маджоре и св. Лаврентія, глазъ встрѣчалъ только пустыри, нѣсколько группъ тутовыхъ деревьевъ или кипарисовъ и поля, поросшія терніями, среди которыхъ вѣшѣли ехидны. По склону холма, обращенному въ дорогѣ св. Севастьяна и термамъ Каракаллы, вдоль укрѣпленій, тянулись папскіе сады, дикіе и густые, предоставленные только Богу да солнцу. Садовники забросили ихъ въ тотъ же день, какъ ихъ покинулъ послѣдній тускулумскій папа.

Григорій VII и Викторинъ, въ сопровожденіи громадной толпы, вошли посреди ночи въ Латеранъ. Когда за ними захлопнулись массивныя ворота, ребенка охватилъ ужасъ: ему показалось, что онъ за-живо сходитъ въ могилу.

*) См. «Міръ Божій», № 3.

***) Этой главѣ дано заглавіе произведенія Данта «Vita nuova» («Новая жизнь»), гдѣ великій поэтъ описываетъ возникновеніе и развитіе своей любви къ своей «прекрасной дамѣ» Беатриче, которую, подобно герою нашей повѣсти, онъ полюбилъ еще ребенкомъ.

На другой день и въ слѣдующіе дни онъ обошелъ весь этотъ мрачный домъ подъ руководствомъ стараго монаха, которому его поручилъ папа. Онъ ощупью взбирался по витымъ лѣстницамъ въ башни, проходилъ по темнымъ корридорамъ, изрѣдка освѣщеннымъ блѣднымъ сіяніемъ толстой восковой свѣчи, терялся въ большихъ сводчатыхъ залахъ, гдѣ шаги отдавались гулко, точно на плитахъ церкви, а вокругъ тянулись ряды дверей, ведущихъ въ кельи и порою увѣнчанныхъ печальною надписью, напоминавшею о тщетѣ всего земнаго и о страшномъ судѣ Господнемъ. Часто въ глубинѣ длиннаго корридора появлялась и безшумно, медленно, приближалась, выростая съ каждымъ шагомъ, черная тѣнь монаха съ лампадою въ рукахъ, и Викторинъ содрогался, точно видѣлъ ночное привидѣніе. Въ извѣстные часы какой-то отдаленный гулъ долеталъ до его ушей; это читались нараспѣвъ положенныя службы. Изъ часовенъ и молеленъ онѣ, точно скорбныя жалобы, разносились по всему Латерану, отдавались во всѣхъ залахъ, проникали въ башни и замирали на порогѣ холодной кельи, гдѣ, по повелѣнію Григорія, сынъ Ченчіо изучалъ Слово Божіе.

Наставникъ его, Эгидій, былъ аскетъ, закаленный Ключнискимъ уставомъ; этотъ святой человѣкъ, имѣвшій видѣнія, жилъ только для загробнаго міра и на пути своемъ въ рай думалъ лишь объ адѣ. Каждый день отрокъ слушалъ строгія рѣчи этого монаха, чье лицо, истощенное постомъ, и взглядъ, помутившійся отъ страха передъ загробной жизнью, внушали ему суевѣрный ужасъ. Каждый день ему рассказывалось о наводящихъ уныніе ветхозавѣтныхъ событіяхъ, объ Адамѣ и Евѣ, изгнанныхъ изъ рая пламеннымъ мечемъ архангела, о родѣ людскомъ, погубленномъ потопомъ, о Содомѣ, погребенномъ подъ асфальтовымъ оверомъ, о фараонѣ и его войскаѣ, унесенныхъ волнами Краснаго моря, и о вѣчномъ гнѣвѣ Бога, творящаго судъ, истребляя царей, дѣтей и пророковъ. Затѣмъ Эгидій понижалъ голосъ и, подозрительно оглядѣвши всѣ углы комнаты, сообщалъ Викторину о страшныхъ испытаніяхъ, насланныхъ сатаною на его братьевъ, священниковъ, которыхъ онъ зналъ, и на него самого. Одинъ, бродя по лѣсу, вдали отъ монастыря, наткнулся на дѣвицу съ волосами точно золото и смертоносной улыбкой; онъ пошелъ за нею, а утромъ былъ найденъ на ступеняхъ церкви съ проломленной головой, свернутой шеей и грудью, растерзанной кинжаломъ. Другой уснулъ, не дочитавъ молитвы, и уже не

просыпался; его погребли въ монастырской оградѣ, и въ слѣдующую же ночь монахъ, пошедшій въ часовню для благовѣста, увидѣлъ, какъ изъ могилы поднялся чудовищный призракъ и унесъ покойника въ саванѣ; на другой день настоятелю пришлось произнести заклинанія надъ пустой могилой, оскверненной сатану. У Эгидія былъ пріятель, римскій священникъ, который осмѣлился служить обѣдню въ состояніи смертнаго грѣха; у престола стоялъ клирошанинъ, котораго никто изъ вѣрныхъ не видывалъ до того дня; онъ имѣлъ нахальный видъ, ни разу не перекрестился и не преклонилъ колѣнъ ни за „Благословенъ Богъ“, ни за возношеніемъ даровъ; въ минуту же причащенія онъ бросился на священника и, задушивъ его, исчезъ, а церковь задрожала, какъ отъ удара грома.

Къ каждому изъ смертныхъ грѣховъ, къ сладострастію, гордости, чревоугодію, относилась цѣлая демонологическая хроника, состоявшая изъ ребяческихъ выдумокъ и возмутительныхъ легендъ, которыя сохранились до нашихъ дней въ *Opuscules* св. Петра Даміана. Тутъ говорилось о внезапной смерти за кусокъ дичи, съѣденной въ постный день; о монахахъ, брошенныхъ въ озеро жидкой сѣры и растерзанныхъ драконами и змѣями; о бѣсноватыхъ, выдающихся на христіанъ, которыхъ они принимаютъ за черныхъ собакъ и злобно разрываютъ, и о постоянныхъ появленіяхъ черныхъ „эфіоповъ“ ужаснаго вида, намѣстниковъ и палачей сатаны, для которыхъ нѣтъ большей радости, какъ погружать свои вилы въ животы бѣдныхъ бенедиктинцевъ, забывшихъ хоть на минуту правила своего ордена.

Эгидій былъ твердо увѣренъ, что чортъ постоянно бродитъ вокругъ Латерана въ одеждѣ странника, послушника или пажа. Находясь въ свитѣ Григорія VII въ Рождественскую ночь, на пути къ храму св. Маріи Маджоре, онъ отлично замѣтилъ, по обѣ стороны папскихъ носилокъ и на близкомъ разстояніи, подозрительныя тѣни, окутанныя мракомъ; одна изъ нихъ попыталась даже погасить фонарь, бывший у него въ рукахъ, и дыханіе этого дьявола было горячо, какъ огонь. Тутъ старый виновитъ, напуганный собственнымъ разсказомъ, вдругъ умолялъ и, поблѣднѣвъ, какъ мертвецъ, безъ всякой жалости вперялъ пристальный взоръ въ сидящаго рядомъ съ нимъ ребенка; наставникъ и ученикъ, едва смѣя дышать, молча слушали, какъ дождь хлещетъ по рамамъ кельи, и какъ зимній вѣтеръ стонетъ подъ звонкими сводами Латерана.

— Значить, Богъ не сильнѣе дьявола?— съ полною наивно-стью спросилъ Викторинъ однажды вечеромъ.

Этотъ вопросъ, безъ сомнѣнія, соотвѣтствовалъ какой-нибудь тайной мѣлѣ монаха. Онъ слегка покраснѣлъ, но не возмутился словами своего ученика. Тихо, таинственнымъ шопотомъ, онъ объяснилъ Викторину великую распрю сатаны съ Богомъ, вѣковую борьбу, начало которой замѣтили св. Іоаннъ и св. Августинъ, провидѣвшіе и ея продолженіе. Одну за одной, онъ развернулъ передъ нимъ всѣ картины Апокалипсиса, всѣ болѣзненные видѣнія, которыя бросили на колыбель христіанства такую мрачную тѣнь. Онъ говорилъ о лошади смерти, цвѣта тумана, и о бездонной пропасти, куда низвергнуть сатана, съ убѣжденіемъ свидѣтеля, который самъ наклонялся надъ тюрьмою проклятаго архангела. Но Эгидій не сомнѣвался въ томъ, что цѣпи заключеннаго внезапно порвались, лѣтъ пятьдесятъ тому назадъ, при тускулумскихъ папахъ; теперь антихристъ на свободѣ и готовится къ страшному нападенію на церковь Христову. Это онъ посадилъ на престолъ св. Петра нѣсколькихъ папъ-чародѣевъ, онъ предалъ Льва IX норманнамъ, и онъ же натравилъ шайку разбойниковъ на папу Григорія, когда тотъ имѣлъ въ рукахъ тѣло Господне...

При этихъ словахъ Викторинъ поблѣднѣлъ, какъ умирающій. Мрачное ученіе наставника поражало его въ самое сердце. Но монахъ не понималъ, какое душевное страданіе онъ причинилъ отроку, и продолжалъ, повысивъ голосъ, почти съ угрозою:

— Сынъ мой, ты самъ участвуешь въ этой борьбѣ. Тебѣ предстоитъ спасти двѣ души: собственную и отцовскую. Это трудная задача: одна мысль о ней бросаетъ въ дрожь, и малѣйшая оплошность можетъ погубить все. Я очень старъ; съ самаго дѣтства готовясь къ смертному часу, я жилъ въ монастырскомъ уединеніи, гдѣ, отрѣшившись ото всѣхъ земныхъ привязанностей, непрестанно молился, постился и плакалъ; но и я отчаиваюсь въ моемъ спасеніи. Каждую ночь меня будитъ страхъ отмщенія Господня и томить по цѣлымъ часамъ. Напрасно распинаю я плоть мою, напрасно терзаю ее ударами бича, бью себя въ грудь, сплю на холодномъ камнѣ у себя въ кельѣ, прижимаю къ сердцу мощи святыхъ; никакія истязанія, никакія жертвы не даютъ мнѣ покоя, и когда, задолго до разсвѣта, я бѣгу, задыхаясь отъ ужаса, къ алтарю, чтобы поцѣловать его ступени, то собственными гла-

зами вижу, при блѣдномъ свѣтѣ запрестольной лампы, ангеловъ тѣмы, которые подходятъ, смотреть и шепчуть мнѣ на ухо: „Ты проклять, монахъ, проклять, проклять!“ Храни цѣломудріе, Викторинъ; пусть ересь никогда не осквернитъ твоего сознанія; будь до послѣдняго дня вѣрнымъ чадомъ церкви и воинномъ св. Престола, и этимъ ты ничего не сдѣлаешь, не заслужишь, не искупишь, если, умирая на жесткомъ ложѣ, со св. мѣромъ на челѣ, ты, послѣ ухода священника, увидишь сатану, который внушитъ тебѣ мимолетное сомнѣніе или недовольство, или покажетъ тебѣ хоть на мгновение нечистый образъ. И тогда, несчастный, рѣшится твоя судьба навѣки; послѣдняя минута твоей старости будетъ соотвѣтствовать твоему дѣтству, прошедшему въ домѣ убійцы и нечестивца, и на тебѣ еще разъ исполнятся великія слова писанія о Богѣ, наказующемъ сыновъ и внуковъ за грѣхи отцовъ.

Эгидій не разслышалъ рыданій и мольбы дитяти. Ему пора было идти на ночную службу, и онъ сурово подалъ ученику знакъ удалиться. Викторинъ дотащился до своей комнаты и повалился безъ чувствъ на кровать.

На другой день онъ принялъ важное рѣшеніе: пойти къ папѣ, обнять колѣни Григорія и молить его, чтобы онъ положилъ конецъ этой мѣвѣ. Пусть его зачислятъ въ латеранское ополченіе, пусть обрекутъ на самую черную работу; онъ готовъ служить бѣднымъ, заключеннымъ, даже проклятымъ и зачумленнымъ, переносить все, но только не дальнѣйшее посвященіе въ ужасную вѣру Эгидія.

Онъ не видѣлъ Григорія VII съ самой Рождественской ночи и не зналъ, какъ пройти въ его покои. Его поразили шумъ и оживленіе въ папскомъ некрополѣ. Кардиналы, епископы, аббаты, свѣтскіе вельможи, пажи и воины стлѣживались въ корридорахъ, на лѣстницахъ и во дворахъ замка съ серьезными или тревожными лицами, торопливою походкою, фанатически громкими восклицаніями; а кое-гдѣ, въ уголкахъ, происходили таинственныя совѣщанія. На минуту Викторину представилось, что папа умеръ; потомъ, по нѣсколькимъ схваченнымъ на лету словамъ, онъ подумалъ, что его лишили сана. Толковали объ императорѣ Генрихѣ, объ еретическомъ соборѣ, о войнѣ за вѣру, о проклятiahъ, и больной ребенокъ, искавшій покоя, не смѣя никого спрашивать и теряясь среди этой суеты, пошелъ по лѣстницѣ на башню, гдѣ надѣялся насладиться тишиною, вольнымъ воздухомъ и небомъ.

*

Но кто-то предупредилъ его: на платформѣ башни онъ засталъ клирика, при видѣ котораго чуть не вернулся. Однако, видъ и поза этого лица были такъ странны, что Викторинъ пріостановился изъ любопытства. Клирикъ, облокотившись на перила, стоялъ къ нему спиною и не слышалъ его шаговъ. Это былъ епископъ, но въ такомъ потертомъ бархатномъ клобуцѣ, такой поношенной мѣховой мантии и такой плохонькой фіолетовой рясѣ, что юношу охватило радостное сочувствіе. Старики смотрѣли въ воздухъ съ необычайнымъ вниманіемъ. Викторинъ послѣдовалъ за нимъ взглядомъ и увидѣлъ, на бѣловато-голубомъ фонѣ неба, вереницу дикихъ утокъ, поднимающуюся изъ Понтійскихъ болотъ или съ прудовъ Остіи. Онѣ летѣли, вытянувъ шеи, вслѣдъ за своимъ предводителемъ, то линіей прямой, какъ стрѣла, то длинною спиралью, визгливо крикая по временамъ. Вдругъ, надъ церковью св. Павла, онѣ устремились къ землѣ и съ поразительною быстротою исчезли въ тростникахъ Тибра. Тогда епископъ, не видя ихъ болѣе, обернулся и, очевидно, обрадовался присутствію робкаго и улыбающагося незнакомца, одѣтаго такъ же бѣдно, какъ и онъ самъ. Онъ еще разъ взглянулъ въ ту сторону, гдѣ пропали утки, и благословилъ Викторина. Натанутость исчезла; отрокъ приблизился къ епископу и важно ему повлонился. Когда онъ себя назвалъ, пастыръ вскрикнулъ отъ радости, обнялъ мальчика и началъ рассказывать ему о себѣ:

— Мы оба, ты и я, сынъ мой, самые странные гости въ этомъ апостольскомъ пріютѣ. Здѣсь можетъ любить насъ лишь одинъ человекъ—напа Григорій. Да и то меня онъ подозрѣваетъ въ склонности къ ереси. Вотъ почему я люблю восходить, какъ сегодня, на башни: отсюда я люблю въ красныхъ дѣлами Господними и не вижу монаховъ, которые хотятъ погубить меня и которыхъ я боюсь.

Его звали Іоакимомъ. Онъ, дѣйствительно, былъ епископомъ, но уже не имѣлъ епархіи. Впродолженіи двухъ лѣтъ онъ занималъ каедрѹ у себя на родинѣ, въ Ассизахъ. Когда онъ роздалъ сиротамъ, бѣглымъ крѣпостнымъ, больнымъ странникамъ свои послѣдніе гроши, то синьоры этой области начали съ нимъ враждовать, обвиняя его въ томъ, что онъ, будто бы, подстрекаетъ бѣдняковъ къ бунту, а горожанъ—къ освобожденію. Его осадили въ его дворцѣ, гдѣ онъ былъ одинъ, съ тремя канониками, такъ какъ не имѣлъ средствъ содержать епископскую стражу. При звукахъ трубъ ему при-

грозили, если онъ не сдастся, запереть его, обривъ ему голову, въ монастырь на всю жизнь; онъ тотчасъ самъ отворилъ двери башни и вышелъ съ бѣлымъ посохомъ въ рукахъ; пройдя сквозь ряды умбрійскаго рыцарства, онъ направился, по пыльной дорогѣ, къ Риму, гдѣ бросился къ ногамъ Григорія VII. Послѣдній, обратившись къ нему съ серьезнымъ увѣщаніемъ не уклоняться отъ установленныхъ догматовъ вѣры, принялъ его въ свои объятія.

Съ этого дня онъ сталъ гостемъ папы и своимъ человекомъ въ Латеранѣ. Самъ онъ считалъ себя чѣмъ-то въ родѣ воскресшаго изъ мертвыхъ члена первобытной церкви, матерински любвеобильной и бѣдной церкви Григорія Великаго. Ему не мѣшали мечтать въ уединеніи о тѣхъ временахъ, когда чаши были деревянные, а сердца у священниковъ—золотыя; папа часто совѣщался съ нимъ о дѣлахъ благотворительности, но запретилъ ему даже потихоньку высказывать то мнѣніе, которое онъ такъ охотно проповѣдывалъ ассизскимъ бѣднякамъ, а именно, что Иисусъ не былъ ни графомъ, ни барономъ, что у Него не было ни леновъ, ни городовъ, ни крѣпостей, ни вассаловъ, не было даже и камня, куда преклонить голову *).

Викторинъ, въ свою очередь, рассказалъ о своихъ горестяхъ. При одномъ имени Эгидія Іоакимъ нахмурилъ брови и поднялъ руки къ небу. Но когда мальчикъ заговорилъ о вѣрѣ монаха въ неизбѣжность вѣчной гибели, епископъ громко воскликнулъ:

— Этотъ человекъ солгалъ. Онъ—безумецъ или невѣрующій. Онъ еще застрялъ на зломъ Богѣ іудеевъ и никогда не читалъ евангелія. Господи Иисусе! такъ напрасно Ты умеръ на крестѣ, и кровь Твоя, пролитая по каплѣ, яко крещеніе, на главы сыновъ Адама, утратила свою силу! Такъ искупленіе—не болѣе какъ насмѣшка, и храмы слѣдуетъ строить сатанѣ! Выслушай, дитя мое, рассказъ, который самъ я слышалъ изъ устъ Петра Даміана, весьма святого монаха, въ послѣдніе дни его житія, когда, уединившись въ свой скитъ, въ Понте-Авеллана, недалеко отъ Ассизъ, онъ размышлялъ о таинствахъ Божіихъ. А ему передалъ это Райнальдій, епископъ кумскій. Одному римскому священнику явилось ночью трогательное видѣніе. Онъ узрѣлъ душу друга, умершаго за нѣсколько дней передъ тѣмъ, которая ему сказала: „Встань

*) Въ лицѣ Іоакима авторъ представляетъ намъ прототипъ другого замѣчательнаго уроженца Ассизъ, жившаго вѣкомъ позднѣе,—св. Франциска.

и иди за мною“. Они пошли въ храмъ св. Цециліи. Въ церковномъ притворѣ, вокругъ нѣсколькихъ пустыхъ престоловъ, пребывали св. Цецилія, св. Агнія, св. Агата и множество мученицъ-дѣвъ. Вскорѣ явилась Пресвятая Дѣва Марія, а за нею св. Петръ, Павелъ, Давидъ и множество мучениковъ. Богоматерь, апостолы и царь-пророкъ возсѣли на престолахъ. Вдругъ бѣдная, плохо одѣтая женщина бросилась къ ногамъ Богородицы. „Умилосердись,—говорила она,—надъ новопреставленнымъ патриціемъ Іоанномъ“. Три раза повторила она эти слова, и такъ какъ св. Дѣва не отвѣчала, прибавила: „Ты знаешь меня, Царица Небесная; я—та женщина, которая просила милостыню у паперти Твоего храма Маджоре. Я лежала, нагая и дрожащая, на камняхъ улицы. Іоаннъ прошелъ мимо и, видя мое бѣдствіе, бросилъ свой плащъ на мое тѣло“. Тогда Божія Матерь сказала: „Человѣкъ, о которомъ ты молишься, имѣлъ на душѣ много грѣховъ и преступленій; но за его великое милосердіе да будетъ онъ спасенъ“. И повелѣла патрицію появиться. Толпа діаволовъ притащала къ престолу Маріи Іоанна, проклятаго Іоанна, закованнаго въ огненные узы. Марія сдѣлала знакъ, узы распались, и Іоаннъ, облекшись лучезарною плотью, занялъ мѣсто въ сонмѣ блаженныхъ.

— Въ этомъ, дитя мое,—продолжалъ Іоакимъ,—истина, утѣшеніе и надежда. Дѣла милосердія, слезы покаянія, порыва любви достаточно, чтобы очистить душу. Вотъ какъ вѣруемъ мы, умбрійскіе христіане, видащіе порою на берегахъ Перузскаго озера свѣтозарную тѣнь Іисуса, какъ нѣкогда апостолы на морѣ Галилейскомъ. Если поднимется когда-либо голосъ, возвѣщающій эту вѣру первыхъ дней, то онъ раздастся изъ моей скромной родины. Онъ прозвучитъ громче монашескихъ воплей, громче святительскаго слова изъ Латерана, и міръ, внимая ему, вострепещетъ и повѣритъ въ новое искупленіе. Но сейчасъ намъ важнѣе всего отнять тебя у Эгидія. Иди за мной.

Взявъ отрока за руку, онъ поспѣшно спустился по извилистой лѣстницѣ съ башни. Дорогою онъ сообщилъ Викторину о важныхъ событіяхъ послѣднихъ дней. Борьба за верховную власть надъ христіанствомъ, такъ давно возникшая между папою и императоромъ, вдругъ дошла до послѣднихъ крайностей. Императоръ Генрихъ, предсѣдательствуя въ Вормсѣ на соборѣ германской церкви, низложилъ Григорія VII, какъ лже-папу, лже-монаха, папу-еретика, одержи-

мага бѣсомъ и нечистаго. Германскіе епископы, каждый въ отдѣльности, дали письменное обязательство почитать Григорія антипапою и отказывать ему въ повиновеніи. Церковь ломбардская, пострадавшая отъ отлученій св. отца, собравшись на соборъ въ Павіи, въ свою очередь, отложились отъ Григорія. Хитонъ несошвенный разрывался во второй разъ. Вселенская церковь колебалась, словно дерево, самые крѣпкіе корни котораго подрублены топоромъ. Въ эту минуту Григорій созвалъ въ Латеранскомъ храмѣ Спасителя римскій соборъ изъ своихъ кардиналовъ и епископовъ половины Италіи. Посоль императора, простой клирикъ Пармской церкви, привезшій грамоту о низложеніи Григорія, долженъ былъ предстать въ этотъ день предъ отцами Латеранскаго собора.

— Столько тревоги и такая жестокая война,—бормоталъ епископъ Ассизскій,—только потому, что забыли одну строчку евангелія: „Царство мое не отъ міра сего!“

Но въ своей апостольской простотѣ онъ надѣялся, что среди смятенія этого многозначительнаго часа Григорій VII улучшить минутку для малаго дѣла: ободрить и обрадовать душу ребенка.

Они проникли въ церковь въ торжественный моментъ. Императорскій посланецъ, стоя передъ папою, покрытымъ красною мантиею и окруженнымъ священною коллегіей, произносилъ приговоръ Генриха IV:

— Король, государь мой, повелѣваетъ тебѣ повинуть немедленно римскую церковь и престоль блаженнаго Петра.

Затѣмъ, обращаясь къ римскому духовенству, онъ прибавлялъ:

— А вы, братія, приглашаетесь къ Троицыну дню предъ королевскія очи для принятія папы, такъ какъ признано, что этотъ человѣкъ не есть папа, а волкъ пожирающій.

Григорій былъ невозмутимъ. Но отцы быстро встали, произнося угрозы. Епископъ изъ Порто закричалъ:

— Схватить сего нечестивца!

Напуганный пармскій клирикъ прижался къ подножію престола. Милиція префекта, обнаживъ шпаги, вступила во святилище и взяла императорскаго посла. Григорій приказалъ отвести его въ римскія тюрьмы, чтобы онъ тамъ появлялся. Долго задерживаемые волнующею толпою монаховъ, заполнявшею всѣ придѣлы, Іоакимъ и его спутникъ, наконецъ, проложили себѣ путь за скамьями собора и пробрались къ Григорію. Послѣдній всталъ, и въ свою очередь, среди

вдругъ умолявшей церкви, произнесъ громовымъ голосомъ анаѳему на императора. Во имя Отца и Сына и св. Духа онъ лишалъ Генриха императорскаго достоинства, отрѣшалъ его отъ управленія тевтонскимъ царствомъ и феодальнаго верховенства надъ Италіей. Всѣхъ христіанъ онъ освобождалъ отъ присяги неповорному королю и объявлялъ его мятежникомъ, еретикомъ и отлученнымъ отъ церкви отщепенцемъ.

Въ эту минуту какой-то голосъ сказалъ ему на ухо:

— Великое дѣло — сокрушить императора и потрясти христіанскій міръ; но еще лучшее дѣло — утвердить колеблющуюся совѣсть. Сжался надъ твоимъ Викторинимъ, котораго наставникъ его Эгидій отнимаетъ у Бога, дабы отдать дѣволу.

Григорій обернулся. Онъ долго смотрѣлъ на обоихъ просителей: на растерявагося мальчика со скорбью на лицѣ и на раздраженнаго епископа, прикрывающаго ребенка полами своей мантии. Онъ вспомнилъ ту трагическую ночь, въ которую онъ также обнималъ Викторина и прижималъ къ сердцу его голову. Онъ понялъ драму, на которую указывалъ ему Іоакимъ, понялъ, какой милости тотъ ждетъ отъ его справедливости. Лучъ милосердія озарилъ его чело.

— Хорошо, — сказалъ онъ. — Возьми его, и да проститъ меня Господь. Къ тому же, Эгидій сегодня утромъ надолго повинулъ Римъ. Я посылаю его къ саксонскимъ епископамъ, которые помогутъ мнѣ вернуть Германію къ покорности Господу. Я нахожусь, Іоакимъ, во рву львиномъ. Ты счастливъе меня, утѣшаясь мечтою о первобытной церкви, мечтою моей молодости, которую сокрушила дѣйствительность. Отдаю тебѣ Викторина: излей на сіе чадо млеко и медь твоей любви.

Іоакимъ склонился надъ рукою первосвященника. Затѣмъ онъ потихоньку, множествомъ поворотовъ, сталъ выводить своего воспитанника къ дверямъ церкви.

Въ эту минуту кардиналъ-архидіаконъ, стоя передъ аналоемъ, громогласно читалъ *Dictatus papa*, — теократическую хартію Григорія VII. Отрывки этого манифеста, заключавшаго въ себѣ наиболѣе полное присвоеніе правъ божескихъ челоуѣку, разносились по церкви, заглушая гулъ толпы; тогда старый епископъ пріостанавливался, приподнималъ голову съ видомъ печали, затѣмъ продолжалъ путь свой, расталкивая локтями монаховъ, застывшихъ въ неподвижномъ восторгѣ при слуханіи словъ священника.

— „Въ мірѣ есть единственное имя, — читалъ кардиналъ, — имя папы.

„Единому папѣ всѣ князья земли должны цѣловать ноги.

„Онъ имѣеть право низлагать императоровъ.

„Приговоръ папы никѣмъ не можетъ быть отмѣненъ, и онъ одинъ можетъ отмѣнять приговоры всѣхъ.

„Онъ никѣмъ не можетъ быть судимъ.

„По его повелѣнію и съ его соизволенія подданные могутъ обвинять властителей.

„Папа можетъ разрѣшать подданныхъ отъ присяги въ вѣрности“.

Когда новые друзья очутились за порогомъ Латерана, Іоакимъ вздохнулъ, какъ будто вырвался изъ раскаленной печи. Противъ базилики св. Іоанна, вдоль стѣнъ, потемнѣвшихъ отъ времени, до маленькой церкви св. Креста Іерусалимскаго, тянулся римскій пустырь, сіяя обольстительной красой. Были послѣдніе дни февраля. Уже проглядывала травка, и тутовые деревья качали нѣжныя блѣднозеленыя почки на концахъ своихъ самыхъ высокихъ вѣтвей. Бѣлый свѣтъ весенняго солнца такъ и лился на все. Большія зонтичныя сосны, разбросанныя вокругъ воротъ св. Іоанна, тихо шелестѣли подъ ласками теплаго вѣтра. Мозаичный портретъ папы Льва III, вдѣланный въ стѣну „Святой лѣстницы“, весь сверкалъ и точно помолодѣлъ. Тучи воробьевъ прыгали и чиркали на деревьяхъ и среди развалинъ. Бѣлые хлопья облачковъ плавали по лазури, и серебристое сіяніе неба придавало несравненную прелесть суровому лику стараго Рима. Епископъ и ученикъ его медленно пошли по одной изъ многочисленныхъ тропинокъ, ведущихъ къ св. Маріи Маджоре. Изумруднозеленыя ящерицы безшумно рѣзвились на согрѣтыхъ солнцемъ развалинахъ храмовъ или водопроводовъ. Стадо козъ, непокорное зову маленькаго полунагого пастушка съ блестящими глазами, скакало по волючимъ кустарникамъ; школьники, пронзительно крича, разбѣгались по окрестностямъ Целія, а магистръ *), замѣтивъ приближеніе духовной особы, съ ученымъ видомъ остановился передъ латинской надписью, сплошь заросшею мохомъ и совершенно для него непонятною. Наконецъ, съ высотъ Эсквилина, приближаясь къ нашимъ путникамъ, спускалась шумная толпа юныхъ элириковъ съ вѣтвями лавра или дуба на шапкахъ, распѣвая греческій гимнъ „О ласточкѣ“, традиціонную пѣсню весны.

*) Magister—учитель.

— „Ступай, ступай, февраль, мартъ тебя гонитъ; бѣги, бѣги, февраль, и здравствуй, мартъ. — Ласточка, царица ласточка, которую я уже видалъ весною въ прошлые годы, привѣтъ тебѣ. — Привѣтъ вамъ, крестьяне; получше пашите землю.

— Миръ воскреснетъ, сіяющій и радостный.

— Какъ дѣти евреевъ привѣтствовали Христа, такъ и мы воспоемъ осанну Иисусу, сыну Давидову, градущему къ намъ!

— А вотъ и весна подходитъ, вся въ цвѣтахъ, съ востока, а вотъ и Спаситель, несущій всему міру свѣтъ и воскресенье. Аминь, аминь, аминь!“

Проходя мимо Іоакима, они сѣмпровизировали на очень вольномъ латинскомъ языкѣ еще одну строфу:

— „Привѣтъ и тебѣ, епископъ Ассизскій, епископъ, лишившійся церкви и пріютившійся, точно ласточка въ бурю, подъ кровъ церкви вселенской! Аминь! Аминь!“

Въ эту минуту Викторинъ и его старый наставникъ чувствовали себя совершенно счастливыми.

Замѣтивъ, что епископъ собирается повернуть и возвратиться въ мрачный дворецъ, мальчикъ взялъ его подъ руку и сказалъ:

— Дальше, пойдемъ все дальше, пока небо полно свѣта, пока земля полна пѣсенъ!

Они не торопясь поднялись по селону Эсвилина. Іоакимъ преднамѣренно уклонился отъ пути къ св. Маріи Маджоре и направился къ воротамъ св. Лаврентія. По мѣрѣ приближенія къ нимъ, стало казаться, что множество народа спѣшить туда же. Дѣти съ Монти страшно шумѣли и бѣжали точно на невиданное зрѣлище. Изъ развалинъ Минервы Медики выходили кучками крестьяне, бродяги, нищіе. За стѣною, на колокольнѣ св. Лаврентія, звонили во всю мочь. Изъ Латерана спѣшили монахи, а вскорѣ появилось и вавилонское рыцарство, предшествуя кардиналу-епископу Альбанскому, сидѣвшему на мулѣ и окруженному цѣлымъ штабомъ духовныхъ особъ.

— Мессиръ каноникъ! — крикнулъ Іоакимъ толстому клирику, который, задыхаясь, пѣшкомъ слѣдовалъ за шествиемъ. — Какого святого нынѣ чествуютъ во храмѣ св. Лаврентія? Или не чудо-ли совершила святая рѣшетка *)?

— Ни святого нѣтъ, ни чуда, мессиръ епископъ и мой добрый другъ, — отвѣтилъ каноникъ. — Но мы спѣшимъ встрѣ-

*) Св. Лаврентій былъ замученъ на раскаленной рѣшеткѣ.

титъ у вратъ блаженнаго мученика внучку святого отца нашего, папы, мадонну Пію, которую воспитывала до сего дня графиня Тосканская, и которую нашъ святой отецъ призвалъ теперь къ себѣ. Извѣстіе о ея прибытіи въ Римъ свалилось на соборъ точно съ неба. Очень жалко, что я не на мулѣ, потому что очень тяжело идти въ гору по солнцу. Сколько волненій и трудовъ въ одинъ день, мессиръ епископъ, но какой прекрасный день для св. церкви!

Каноникъ, задыхаясь, продолжалъ свой путь, а Іоакимъ на ходу сказалъ своему спутнику:

— Когда-то Гильдебрандъ, очень молодымъ монахомъ, вошелъ въ Римъ босикомъ и съ обнаженной головою. Онъ былъ сыномъ бѣднаго козовода изъ Соаны, плохонькаго мѣстечка, затерявшагося среди тосканскихъ болотъ. Мнѣ любопытно посмотрѣть, въ какомъ видѣ эта маленькая дѣвочка войдетъ въ столицу своего дѣда, а нашего владыки.

Движеніе толпы, разступившейся вдругъ, глубокое молчаніе, снятыя шапки, склонившіяся тонзуры; затѣмъ звонкій звукъ трубъ подъ аркою, быстрая кавальеада покрытыхъ пылью вооруженныхъ всадниковъ, пажей, оруженосцевъ, вельможъ, клириковъ и монаховъ верхами, надменные лица въ черныхъ шапкахъ; вереница портшезовъ съ монахинями, покрывала которыхъ плохо скрывали ихъ утомленные и сердитыя лица; носилки, гдѣ возсѣдала сонная аббатисса съ краснымъ лицомъ, тихо увачиваемая четырьмя носильщиками и погруженная въ блаженную иноческую полудремоту; наконецъ, немного позади, одна, окруженная лишь небольшимъ отрядомъ рыцарей, на бѣломъ мулѣ, покрытомъ пурпуровымъ шелкомъ и ведомомъ подъ уздцы пѣшимъ конюхомъ—мадонна Пія, внучка и крестница Григорія VII.

— Это—царица,—пробормоталъ Викторинъ.

— Совсѣмъ маленькая царица, — отвѣтилъ Іоакимъ, — которая когда-нибудь станетъ графиней, если Богу угодно; но миленькая и пріятная для взгляда; апрѣльскій цвѣтокъ, которымъ папа хочетъ украсить мрачныя стѣны нашего Латерана.

Бѣлый мулъ остановился противъ чернаго мула кардинала Альбано. Обѣ свиты тотчасъ образовали обширный кругъ, за которымъ тѣснилась, гудя, пестрая толпа любопытныхъ. Викторинъ вытащилъ въ первый рядъ епископа, котораго нѣсколько смущало столь блестящее общество; они очутились въ трехъ шагахъ отъ Піи, и онъ сталъ смотрѣть на дѣво-

чку, такъ мило сидѣвшую на своемъ пурпуровомъ тронѣ, очень высокую и точно погруженную въ блѣднозолотистый свѣтъ яркаго заката солнца, которое уже спускалось за Яникуль. Древнія ворота св. Лаврентія съ двумя зубчатыми башнями по бокамъ, тѣнь тощихъ кипарисовъ, громадныя римскія укрѣпленія съ ихъ покровомъ изъ плюща, а за ними, вдали, лазоревыя горы на прозрачномъ небѣ дополняли эту наивно-граціозную картину, напоминавшую мистическія сцены изъ жизни рыцарства или изъ крестовыхъ походовъ, изображенныя красками на пергаментѣ старинныхъ требниковъ.

Въ самомъ дѣлѣ, эта хрупкая и бѣленькая одиннадцатилѣтняя дѣвочка, которую св. Церковь такъ торжественно встрѣчала у вратъ апостольскаго города, походила на прелестную маленькую принцессу изъ волшебной сказки. У нея были нѣжныя и вмѣстѣ опредѣленныя черты этрусской расы, къ которой принадлежалъ ея родъ, гибкая и длинная шея, тонкій, немного острый профиль, восхитительные черные глаза удлиненой формы, въ неглубокихъ впадинахъ, и, волнами падавшіе на грудь и плечи, густые бѣлокурые волосы. Длинные рѣсницы придавали взгляду легкой отгѣнокъ меланхолиі, а на ласковыхъ и скорыхъ на улыбку губахъ играла лукавая усмѣшка. Лицо, бѣлое какъ лилія, разгорѣлось отъ поѣздки на открытомъ воздухѣ. Сверхъ широкаго бѣлаго шерстянаго платья на Пии былъ коротенькій горностаевый стихарь съ широкими рукавами, перетянутый въ талии золотымъ жгутомъ. Золотой ковчезекъ флорентійской работы, въ формѣ медальона, свѣшивался съ ея шеи до пояса. Черный бархатный беретъ, сдвинутый съ мѣста тряскою мула, свѣхалъ совершенно на бокъ и чуть не падалъ. Въ правой рукѣ дитя держало большой пучекъ той пахучей тосканской травы, ароматъ которой особенно приятенъ въ соединеніи съ запахомъ флорентійскихъ цвѣтовъ.

Между тѣмъ какъ, съ тревожною живостью птицы, она обводила взглядомъ далекій римскій пейзажъ, отъ св. Маріи Маджоре до св. Іоанна Латеранскаго, окруженнаго розовымъ сіяніемъ заката, вниманіе ея вдругъ обратилъ на себя низкій голосъ, голосъ достопочтеннаго кардинала. Она посмотрѣла на посланника своего дѣда, который показался ей великолѣпнымъ въ своемъ красномъ подрясникѣ и кармазинной шапочкѣ на головѣ, а потомъ на мула этой важной особы, украшеннаго красными перьями, которыя качалъ вечерній вѣтерокъ. Кардиналъ началъ рѣчь, не на престопа-

родномъ языкѣ, слишкомъ грубомъ и бѣдномъ для привѣтствованія папской внучки, а на тяжеловѣсной и жесткой латыни, латыни декреталій и энцикликѣ. Пія ни слова не понимала въ рѣчи, но всею своею наивною душою заинтересовалась широкими жестами оратора, его торжественной декламаціей, молитвеннымъ звукомъ латинскихъ словъ. На минуту ей представилось, что она въ церкви, и она благоправно перекрестилась. Прочіе слушатели, очень сосредоточенные, съ разинутыми ртами, очевидно восхищались, хотя краснорѣчіе кардинала было имъ не болѣе понятно, чѣмъ Пія. Вдругъ, дѣвочка замѣтила обстоятельство, достойное вниманія: мулъ духовнаго сановника киваль сверху внизъ своею, украшенной перьями, головой, медленно, съ видомъ учтиваго одобренія. Пія вообразила себѣ, что изо всего собранія одинъ только церковный мулъ понимаетъ латынь легата, и безъ всякаго смущенія звонко расхохоталась. Кардиналъ умолеъ, монахи содрогнулись, донна аббатисса сдѣлала движеніе ужаса, лица монаховъ омрачились, а одинъ изъ нихъ сказалъ вполголоса:

— Дщерь Евы—глава голубиная, языкъ змѣинный!

Пія же все смѣялась.

Кардиналъ, отчаявшись въ возможности довести до конца періодъ, въ которомъ утрення звѣзда и башня Давидова играли довольно замысловатую роль, повернулъ злополучнаго мула въ Римъ и подалъ знакъ къ отъѣзду. Оба поѣзда, клирики и войны, слились въ одинъ; трубы весело зазвучали; конюхъ взявъ поводъ бѣлаго мула, и Пія проѣхала мимо Викторина и епископа Ассизскаго.

Она поклонилась епископу, какъ бы прося у него прощенья за провинность передъ кардиналомъ; затѣмъ, все еще улыбаясь, опустила на Викторина свои большіе, опушенные длинными рѣсницами, черные глаза.

Госпожа аббатисса, страшно волнуясь, крикнула: — „стой!“ и все шествіе остановилось.

Достопочтенная особа высунула изъ носилокъ свое добродушное лицо и закричала:

— Пія, дочь моя, не забудь произнести молитву богомольцевъ при входѣ въ Римъ, гдѣ находятся гробницы апостоловъ Петра и Павла; и сверхъ того три „Богородицы“ и одно „Вѣрую“ за только-что совершенное печальное прегрѣшеніе.

— А я даю ей отпущеніе, -- пробормоталъ Іоакимъ. —

Латынь его высокопреосвященства была черезчуръ плоха. Эту дѣвочку надо было встрѣтить съ пирожными и цвѣтами, а не съ длинною рѣчью.

Шія едва слышала отчаянные возгласы своей наставницы. Она все смотрѣла на Викторина, а тотъ, въ свою очередь, улыбался ей. Въ ту минуту, какъ при звукѣ трубъ и далеко благовѣстѣ всѣхъ римскихъ церквей кавалькада двинулась дальше, она рѣзвымъ и дружескимъ движеніемъ бросила мальчику свой душистый букетъ флорентійскихъ травъ.

И, облитое послѣдними лучами солнца, шествіе спустилось по склону Эсквилина.

Викторинъ, тронутый чуть не до слезъ, не двигаясь съ мѣста, провожалъ глазами бѣлокурые волосы, развѣвавшіеся на горностаевомъ стихарѣ, бѣлую дѣвочку, прямую и чистую, точно лилія, освѣтившую своимъ появленіемъ его мрачную юность. Когда кавалькада поднялась на Целій, бѣлый мулъ, среди облака пыли, позлащенной лучами заката, показался еще выше. Затѣмъ все стало блѣднѣть и сливаться: монахи и оруженосцы, красный кардиналъ и черные клирики, стальные латы, разноцвѣтныя перья, тосканское знамя съ изображеніемъ флорентійскаго льва и хоругвь св. престола съ ключами рая; но Викторинъ все еще слѣдилъ, какъ приближается къ жилищу Григорія VII бѣлое видѣніе. Епископъ Ассизскій тихо коснулся его плеча.

— Наступаетъ вечерняя прохлада, сынъ мой; лучше идти, чѣмъ схватить лихорадку. Куда направимся теперь?

— Въ Латеранъ, — отвѣтилъ отрокъ.

Въ папскій дворецъ они вошли уже ночью. Дворы, обширныя залы и корридоры, такіе шумные утромъ, снова успѣли принять свой могильный видъ. Толстыя свѣчи желтаго воска, прикрѣпленныя къ стѣнамъ желѣзными прутьями, горѣли тамъ и самъ невѣрнымъ свѣтомъ. Время отъ времени монахъ съ лампадою и спущеннымъ на глаза капюшономъ, безшумно проскальзывалъ къ себѣ въ келью. Иоакимъ угостилъ своего ученика ужиномъ, которому тотъ сдѣлалъ честь. Какой-то монашекъ, привлеченный запахомъ пиршества, общилъ имъ, что папа, утомившись дневными трудами, отложилъ свиданіе съ Шіей до слѣдующаго дня, и что госпожа аббатисса, едва вступивши въ павильонъ, отведенный для женщинъ, потребовала самаго строгаго духовника, передъ которымъ дѣвочки тотчасъ же пришлось преклонить колѣни.

— Есть такіе суровые христіане, — замѣтилъ Иоакимъ, —

что они рады бы послать на исповѣдь даже маленькихъ птичекъ.

Викторинъ вернулся въ свою бѣдную келью, все нюхая букетъ Пii, запахъ котораго отуманивалъ его какою-то радостью. И онъ уснулъ, тихо повторяя греческую пѣсню школьниковъ и клириковъ:

— Ласточка, царица ласточка, ласточка прошлой весны, привѣтъ тебѣ!

— Цвѣтущая весна подходитъ къ намъ съ востока, а вотъ и Спаситель, который есть для міра свѣтъ и воскресенье. Аминь! Аминь!

IV.

Пора дѣтства.

Викторинъ, вставъ до зари, освѣдомился о времени и мѣстѣ пріема Пii папою. Торжество это должно было произойти въ самомъ храмѣ Спасителя, за четверть часа до заสѣданія собора. Въ этотъ день Іоакимъ рѣшился наконецъ впервые занять свое мѣсто среди отцовъ собора и помѣстилъ ученика своего у ногъ своихъ въ качествѣ шлейфноса. Нѣкоторые епископы, строгіе въ соблюденіи церемоніала, нашли это нововведеніе очень смѣлымъ.

— Этотъ молодой человекъ — не клирикъ, — сказалъ рѣзкимъ тономъ Ювеналь, епископъ Орвіетскій, грозный пастырь, только-что изгнанный изъ своей епархіи всѣхъ несчастныхъ, заподозрѣнныхъ въ манихейской ереси *), не исключая женщинъ и грудныхъ дѣтей.

Епископъ Ассизскій только-что собирался съ горячностью отвѣтить своему собрату, какъ по всему собранію пробѣжалъ ропотъ. Черезъ западныя врата входила внучка св. отца въ сопровожденіи своей небольшой монастырской свиты, а изъ ризницы выходилъ папа, сопровождаемый священною коллегіею. Григорій взошелъ на кафедру передъ алтаремъ; передъ нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, остановилась Пiя.

Папа протянулъ ребенку свою правую руку, на которой блестялъ перстень рыбака; Пiя преклонила колѣни, набожно поцѣловала священный аметистъ, затѣмъ, пятясь, сошла со ступеней соли и сѣла на скамеечку. Она была вся въ чер-

*) Манихейская ересь возникла въ Персіи во II вѣкѣ. Ея приверженцы признавали въ I. X. только одно естество—божеское.

номъ, словно монахиня, но ничто не скрывало ея бѣловурыхъ кудрей, и на шеѣ все еще висѣлъ золотой ковчежець, подарокъ маркграфини Тосканской.

Кардиналы сѣли полукругомъ по обѣ стороны первосвященника. Направо, рядомъ съ папою, сидѣлъ епископъ Альбанскій. Пія узнала его и слегка поблѣднѣла. Григорій подставилъ голову подъ островерхую тиару и завернулся въ накинутую на него пурпуровую ризу. Позади скамеечки Пія стала на колѣни донна аббатисса, сложивъ руки и задыхаясь отъ благочестиваго восторга. Волненіе, возбужденное въ ней этою церемонією, придавало ей трагическій видъ дѣвы, ожидающей костра или колеса.

Григорій VII молча и съ глубокою нѣжною смотрѣлъ на дѣвочку. Она была внучкою сестры его, съ которою вмѣстѣ онъ, болѣе полувѣка назадъ, пасъ полдюжины козъ въ степяхъ Соаны. Потомъ монастырь захватилъ его всецѣло; онъ забылъ путь къ смиренной родительской избытѣ; судьбы церкви стали единственнымъ предметомъ его заботъ и думъ, и въ его душѣ, возлюбившей исключительно славу Божію, быстро стерлись воспоминанія объ этомъ скромномъ міркѣ, такъ что на темномъ фонѣ забвенія еле выступали образы отца, который на ночь рассказывалъ ему, бывало, житія святыхъ, сестры, распѣвавшей подъ тѣнью ивъ рыцарскія элегіи, ручныхъ козъ и старой собаки, которая долго шла вслѣдъ за нимъ въ тотъ вечеръ, какъ онъ уходилъ въ монастырь; тутъ же припоминались грустный видъ окрестностей Соаны въ осеннія сумерки, подъ сѣрымъ, тянущимся къ небу, туманомъ, и веселія майскія утра, всѣ въ цвѣтахъ. И вотъ, видъ этой дѣвочки, составлявшей всю его семью на землѣ, пробудилъ въ немъ память минувшаго, вызвалъ картины далекаго счастья. Онъ вновь переживалъ свою раннюю молодость; изъ дальнихъ изгибовъ его памяти выступали милые призраки; забывъ о соборѣ, объ императорѣ Генрихѣ, о расколѣ въ имперіи, папа Григорій воображалъ себя сидящимъ у стараго очага, между отцомъ и сестрою, своею бѣловурою и нѣжною сестрою, которая умерла много лѣтъ назадъ, и чьей могилы онъ не посѣтилъ ни разу.

И величавое собраніе кардиналовъ, епископовъ и богослововъ, забывши, въ свою очередь, о бурѣ, которая грозила ладѣ апостоловъ, о вчерашнихъ бѣдствіяхъ и завтрашнихъ опасностяхъ, глядѣло съ отеческой благосклонностью и вниманіемъ на эту дѣвочку, сидѣвшую передъ намѣстникомъ Божіимъ.

Пія, удивленная долгимъ молчаніемъ папы, для развлеченія слѣдила глазами, вдоль алтарнаго углубленія, за рядомъ тощихъ овецъ добраго Пастыря на закопченной мозаикѣ старой церкви.

Наконецъ, Григорій очнулся отъ грезъ и сказалъ:

— Пія, дочь моя, да благословить тебя Господь. Благословенно твое прибытіе. Надѣюсь, что ты—добрая и покорная католичка?

— Да, милый дѣдушка,—поспѣшила она отвѣтить; но епископъ Альбано, искавшій случая отмстить за погубленную рѣчь, сухо перебилъ ее:

— Говорятъ: святой владыко, а не дѣдушка!

Папа слегка пожалъ плечами.

Пія продолжала:

— Да, святой владыко и милый дѣдушка; я знаю много прекрасныхъ молитвъ, которыми научили меня мадонна Матильда и мадонна аббатисса; знаю „Отче“ и „Вѣрую“, по латыни и много хорошихъ рассказовъ: о страстяхъ Господнихъ въ Иерусалимѣ, у жидовъ; о ясляхъ въ Вифлеемѣ, гдѣ были осель, быки и пастухи; о волхвахъ, о бѣгствѣ въ Египетъ; о Іосифѣ, проданномъ братьями; о Ревеккѣ и Еліазарѣ у колодца. Знаю еще о св. Іоаннѣ Крестителѣ, который ѣлъ саранчу; о маленькомъ Іисусѣ, который толковалъ съ раввинами, и объ императорѣ Карлѣ, который прожилъ двѣсти лѣтъ и творилъ чудеса въ Парижѣ и Римѣ. Наконецъ, я каждый день читаю г-жѣ аббатиссѣ службы по ея требнику. Я бы хотѣла понимать ихъ, но я еще слишкомъ мала, чтобы знать по-латыни. Впрочемъ, кое-что можно отгадать по картинкамъ, золотымъ и пестрымъ, которыя рядомъ со словами; и хорошенькія, точно цвѣты.

Папа съ нѣжностью дѣда улыбался на щебетанье Пии, и отцы собора, застывшіе въ неподвижности, глядя на ребенка, покорились очарованію этого исповѣданія вѣры. Самъ кардиналъ Альбано почувствовалъ себя тронутымъ и обезоруженнымъ.

— Мужайся, дочь моя, — отвѣтилъ Григорій. — Я вижу тебя на пути ко Господу. Но отнынѣ ты станешь ученицею Христовою. Тебѣ нужно дѣлаться все достойнѣе св. церкви и меня.

— Постараюсь, святой владыко.

— Я обязанъ поручить попеченіе о душѣ твоей кому-нибудь изъ моихъ почтенныхъ братьевъ во епископствѣ, дабы

онъ бодрствовалъ надъ нею и украшалъ ее премудростію и благочестіемъ.

Онъ обвелъ взоромъ скамьи епископовъ, какъ бы приглашая кого-нибудь изъ нихъ отвѣтить на его слова. Епископъ Орвіетскій хотѣлъ уже встать и предложить свои услуги. Викторинъ быстро схватилъ своего стараго друга за руку и почти громко сказалъ:

— Встаньте!

Епископъ Ассизскій всталъ.

Ободренный движеніемъ папы, Іоакимъ произнесъ маленькую рѣчь, бѣдную текстами изъ Писанія, но въ которой вылилась вся наивная доброта его сердца. Онъ сказалъ, что, въ бытность свою пастыремъ ассизской церкви, онъ любилъ только униженныхъ и слабыхъ, и за это синьоры изгнали его изъ епархіи. Теперь, лишенный паствы и вполнѣ располагая своимъ временемъ, онъ чувствуетъ новое призваніе и, ради любви ко Господу, призываетъ къ себѣ дѣтей, думая такимъ образомъ прославить Бога. Св. отецъ отдалъ ему наканунѣ сына барона Ченчіо; сегодня онъ проситъ возложить на него духовную опеку надъ Піей. Милосердія его хватитъ на этихъ двухъ сиротъ.

— Да исполнится твоя добрая воля, братъ мой,—отвѣтилъ Григорій,—и да идетъ къ тебѣ это дитя. Пія, вотъ твой духовный отецъ; повинуйся ему во всемъ, что онъ прикажетъ. Будь благословенна, дочь моя, и да утѣшать мою старость твои добродѣтели!

Тогда Пія сдѣлала своему дѣду искусный и глубокий поклонъ, которому аббатисса учила ее съ самой зари; но въ то же время, по внезапному вдохновенію, она два раза приложила свои ручки къ губамъ съ такимъ порывомъ любви, что папа, приподнявши полы своей красной, расшитой золотомъ мантии, отерылъ объятія, какъ бы готовясь прижать ее къ сердцу. Но дѣвочка не посмѣла нарушить строго внушенныя ей предписанія этикета: она поклонилась синьорамъ кардиналамъ съ благоговѣніемъ, синьорамъ епископамъ—съ почтеніемъ, и вышла изъ церкви, увлекая за собою маленькую свиту изъ монахинь и бѣдную аббатиссу, совсѣмъ смущенную очевидною утратою своего значенія.

Врата храма Спасителя, охраняемыя римскими военачальниками, съ торжественнымъ гуломъ захлопнулись за Піей, и отцамъ собора показалось, будто угасъ яркій солнечный лучъ. Они снова взялись за тяжелую борьбу противъ

цѣлой половины христіанскаго міра ради цѣльности католической іерархіи. Въ этотъ день имъ предстояло поразить ужасомъ церковь германскую, отлучивъ отъ общенія съ Римомъ всѣхъ епископовъ и аббатовъ, участвовавшихъ въ преступленіи императора. Громовой ударъ обрушился сначала на Зигфрида, епископа Майнцаго, затѣявшаго схизматическій соборъ въ Вормсѣ, затѣмъ на епископовъ, уже ранѣе наказанныхъ отлученіемъ: Оттона Регенбургскаго, Оттона Констанцкаго, Бурхарда Лозаннскаго, — словомъ, почти на всѣхъ германскихъ епископовъ и буквально на всѣхъ ломбардскихъ. Григорій вырывалъ кольцо и посохъ изъ рукъ этихъ недостойныхъ, возбранялъ имъ совершеніе таинствъ, лишалъ ихъ права бесѣдовать съ Богомъ. Впрочемъ, тѣмъ изъ нихъ, кто уступилъ только насилію со стороны Генриха, дозволено было до дня св. Петра явиться въ Римъ, чтобы вымолить себѣ первосвятительское прощеніе. Множество проклятій перелетѣло черезъ Альпы и обрушилось на долину Роны. Были отлучены: Германъ, епископъ вѣнскій, съ частью его клира, затѣмъ графъ де-Сенъ-Жиль, женившійся на своей двоюродной сестрѣ, графъ Форезскій, ограбившій земли Ліонскаго аббатства, и цѣлая толпа аббатовъ и бароновъ. Къ вечеру отцы, утомившись этимъ богословскимъ кровопролитіемъ, стали громко требовать закрытія засѣданія. Тогда одинъ кардиналъ предложилъ проклясть двухъ очень высокихъ особъ: Филиппа, короля Франціи, уже подвергавшагося отлученію два раза, и норманскаго властителя Неаполитанской области, Роберта Гвискарда, котораго св. престолъ отлучалъ отъ церкви ежегодно. Но папа всталъ, знакомъ велѣлъ кардиналу умолкнуть и произнесъ заключительную молитву дня. Онъ сдѣлалъ это въ силу своей политической проникательности, смутно провидя въ будущемъ защиту норманнами снова изгнаннаго изъ Рима папы и Францію, старшую дочь Церкви, въ роли щита Ея противъ тевтонскаго варварства.

Между тѣмъ какъ изъ Латерана низвергались громы на христіанскій міръ, Іоакимъ устроилъ въ первосвятительскомъ саду, въ тѣни купы кипарисовъ, маленькое совѣщаніе. Онъ знакомилъ сына Ченчіо съ Піей. Дѣвочка слышала при дворѣ Матильды рассказы о послѣдней полуночной обѣднѣ и о самоотверженіи Викторина. Она до такой степени плѣнилась его поступкомъ, что въ молитвахъ помѣстила его имя вслѣдъ за архангелами Гавріиломъ и Михаиломъ и побѣдоносцемъ Георгіемъ, не зная хорошенько, молится ли она за него, или при-

*

бѣгаетъ къ нему, какъ къ чудотворцу. Она представляла его себѣ въ видѣ юнаго героя, подобнаго рыцарямъ на образахъ, одѣтаго съ головы до ногъ въ сверкающую сталь, съ золотымъ, распутившимъ крылья, дракономъ на шлемѣ, съ вышитымъ золотомъ плащомъ на плечахъ и грознымъ мечомъ, бросающимъ искры. Она удивилась и пришла въ восторгъ, узнавъ въ немъ вчерашняго незнакомаго прохожаго, мальчика съ кроткимъ взоромъ и почти однихъ лѣтъ съ нею. Она весело протянула ему обѣ руки.

— Вы простите мнѣ, мессиръ, мою вчерашнюю шалость, когда, у воротъ св. Лаврентія, я бросила вамъ букетъ? Но тутъ виноватъ преосвященный кардиналъ. Я подумала, что онъ служитъ передо мною вечерню, потому что онъ сказалъ: *Domino teo*, и это меня насмѣшило, особенно когда его большой черный мулъ точно собрался сказать: „Аминь“. Мадонна аббатисса полагаетъ, что въ эту минуту мой ангелъ хранитель не охранялъ меня, и это такъ ее огорчило, что она во всю ночь не сомкнула глазъ.

Викторинъ не выпускалъ ручекъ Пii и глядѣлъ на дѣвочку съ нѣжностью старшаго брата. Эта непредвидѣнная неаккуратность ангела хранителя давала ему удобный случай предложить Пii свои услуги.

— Считайте меня, — сказалъ онъ, — вашимъ видимымъ хранителемъ и вѣрнымъ другомъ. Во всякое время я явлюсь на вашъ зовъ и никогда не забуду бодрствовать надъ вами.

— Я очень рада, — отвѣтила она. — Право, я слишкомъ одинока на свѣтѣ. Матери своей я не знала. Мой отецъ служилъ оруженосцемъ у Соанскаго синьора и умеръ въ битвѣ. Тогда меня взяла графиня; но для сироты она — слишкомъ знатная дама. А съ дѣдушкой можно говорить лишь на елѣняхъ. Я боюсь, не оскорбилъ ли мой поцѣлуй Бога въ его лицѣ.

— Твой поцѣлуй, — сказалъ епископъ, — имѣлъ силу молитвы. Это — молитва дѣтей, и Самъ Отецъ Небесный взялъ его Себѣ.

Затѣмъ Іоакимъ попросилъ Пiiю показать святыни, хранившіяся въ ковчегцѣ, который висѣлъ у нея на шеѣ. Она открыла рѣзной золотой ящичекъ и вынула нѣсколько пергаментныхъ лѣдановъ. На первой, съ гербовою печатью епископа Флоренцій, была слѣдующая надпись: „Кусокъ покрывала Пресв. Дѣвы“.

— Это — отъ искушеній, — сказала Пiiя.

Вторая ладанка, съ гербомъ епископа Ареццо, была отмѣчена такъ:

„Кусовъ хитона св. Стефана, мученика“.

— Это,—сказала она,—хранить отъ грома и отъ камней, что падаютъ съ горъ.

Въ третьей оболочкѣ, подъ печатью епископа Пизы, хранилась засушенная роза съ могилы св. Нила пустытника.

— Это—отъ злыхъ лихорадовъ,—сказала Пія. Въ Соанѣ, съ началомъ весеннихъ дождей, отъ этой болѣзни умирали во всѣхъ домахъ. Эти три епископскія надписи были сдѣланы по латыни, затѣливымъ церковнымъ почеркомъ. На четвертой ладанкѣ, перевязанной, вмѣсто печати, шелковинкою, было написано на народномъ языкѣ и совершенно дѣтскимъ почеркомъ: „Здѣсь хранится прядь волосъ Титы, моей первой подруги, которая ушла въ рай“. За эту милую ладанку Пія взялась дрожащею рукою и, плача, рассказала очень простую и грустную исторію. Въ Соанѣ, въ теченіе двухъ зимъ, она просиживала цѣлыми часами у постели умиравшей Титы, убаюкивая больную все одною и тою же волшебною связкою, гдѣ говорилось о зѣмбахъ, пажжахъ, бѣломъ конѣ, трубныхъ звукахъ, встрѣчавшихъ синьора... Вечеромъ, въ вербное воскресенье, дѣвочка вдругъ совсѣмъ побѣлѣла и тихо уснула въ объятіяхъ Піи, все еще улыбаясь прекрасной мечтѣ.

— Храни эту ладанку, дочь моя,—сказалъ епископъ.— Каждый разъ, какъ ты къ ней прибѣгнешь, у тебя станетъ легче на душѣ. Тита же на самомъ дѣлѣ живетъ теперь въ лучезарномъ зѣмѣ, и ангелы трубными звуками привѣтствуютъ ее, какъ сенюру.

Уже нѣсколько минутъ по саду бродила какая-то печальная тѣнь, то приближаясь къ тремъ кипарисамъ, то удаляясь со скорбнымъ видомъ. Пія прежде всѣхъ узнала эту томящуюся душу.

— Вотъ мадонна аббатисса ищетъ меня, чтобы читать часы. Мнѣ хочется позвать ее къ намъ. Но какъ я была бы рада избавиться на сегодня отъ чтенія!

— И на сегодня, и на завтра,—отвѣтилъ Іоакимъ, знакомъ подзывая почтенную донну.

Она подошла, не колеблясь, такъ какъ терзалась страшнымъ любопытствомъ, съ примѣсью тревоги. Она смутно чувствовала, что царству ея наступаетъ конецъ, и, сама не зная на какомъ основаніи, дрожала за непорочность Піи.

— Мадонна,—сказалъ ей епископъ,—благословляю васъ

отъ всего сердца. Отнынѣ вы будете читать церковныя службы одна, или вмѣстѣ со мною, если вамъ угодно будетъ взять меня за дьякона. Такъ какъ святой отецъ довѣрилъ моимъ пастырскимъ попеченіямъ свою внучку, то я обязанъ лично наставлять Пію въ ученіи вѣры. Вы весьма меня обрадуете, если тотчасъ снимете съ нее это черное монашеское платье и облечете ее снова въ свѣтлые цвѣта, подобающіе юности ея лика. Надѣюсь, что мы съ вами останемся добрыми друзьями во Господѣ. Да хранятъ васъ Отецъ Небесный и Св. Дѣва!..

Аббатисса поклонилась молча, въ глубокой скорби своего отреченія. Затѣмъ она растерянно взглянула на сына Ченчіо, который уже улыбался при мысли, что опять увидитъ Пію въ ея горностаевомъ стихарикѣ, перетянутомъ въ талии золотымъ поясомъ.

— И вы будете ее воспитывать, — сказала она, прерывая рѣчь свою вздохами, — вмѣстѣ съ этимъ юнымъ сеньоромъ?

— Съ моимъ старшимъ братомъ, — отвѣтила Пія.

— Таково желаніе папы, — отвѣтилъ Іоакимъ. — Эти дѣти будутъ расти вмѣстѣ предъ очами Господними.

И добрая женщина удалилась тихими шагами, дивясь этимъ странностямъ, смущавшимъ ея добродѣтель. Но въ послѣдствіи она не рѣшилась ни разу возстать противъ распоряженій Іоакима. Мало-по-малу она приучилась переносить и присутствіе Викторина. На самомъ дѣлѣ юноша напоминалъ ей хорошенькаго длинноволосаго пажа съ ея родины, Перузы, о которомъ она мечтала весною своего шестнадцатаго года, но съ которымъ не говорила никогда, развѣ во снѣ.

Дѣтство Піи было болѣе свѣтлымъ, нежели дѣтство Викторина. Горькія воспоминанія не омрачили ея души. Узкое пониманіе вѣры, которое ей внушали, не пустило въ ней глубокихъ корней. Она была еще слишкомъ молода, чтобы терзаться страхами, которыми измучилъ мальчика Эгидій. Она могла подать своему товарищу добрый примѣръ веселья и надежды. Іоакимъ вознамѣрился подвергнуть взаимному благотворному вліянію эти родственныя души, изъ которыхъ одна была ясна и довѣрчива, а другая — полна геройства. И это дѣло не могло быть труднымъ: съ перваго же дня прелесть и доброта Піи вполне покорили Викторина. А Викторинъ казался дѣвочкѣ существомъ высшимъ, чѣмъ простые смертныя, достойнымъ вѣрности и почтенія.

Іоакимъ очень скоро сдѣлалъ интересное открытіе, отно-

сившееся къ Піи. Она имѣла о земной жизни совершенно монастырскаго понятія, внушенныя монахинями, хотя еще слишкомъ смутныя, чтобы наложить на нее печать грусти; а именно: она полагала, что здѣсь на землѣ всѣ христіане, даже малыя дѣти, даже самыя святыя аббатиссы, шествуютъ по юдоли плача. Она очень дорожила этою юдолюю плача, которую ей описывали неоднократно, какъ крутую каменистую тропинку между мрачными утесами, усѣянную рѣпьями, колючками и острыми кремнями, подъ чернымъ небомъ, холоднымъ дождемъ и порывистымъ зимнимъ вѣтромъ, чуть не опрокидывающимъ путника на каждомъ поворотѣ. Конечно, она совершала свое странствіе какъ можно веселѣе и при случаѣ не отказывалась рвать по дорогѣ розы, гиацинты и фіалки; но эта аскетическая декорація была ей такъ привычна, что казалась положительно необходимой; она просто не понимала, чтобы какая-нибудь иная рамка могла заключать въ себѣ судьбу маленькой дѣвочки.

— Тебя обманули, Пія, — сказалъ ей Іоакимъ. — Богъ не на горе далъ жизнь своимъ дѣтямъ. Лишь въ сердцахъ, закрытыхъ для состраданія, чуждыхъ любви и смущаемыхъ страхомъ, создалась, по ихъ собственной винѣ, истинная юдоля плача. Пусть себялюбцы, гордецы и предатели оплакиваютъ собственную скверну. Для нихъ жизненный путь тяжелъ и страшенъ. Это жалкіе странники, потому что они идутъ одни и любятъ лишь себя до самаго конца пути. Великая тайна земного счастья заключается въ вѣрѣ въ отеческую любовь Бога и въ этихъ простыхъ словахъ Евангелія: Любите другъ друга. Тита взята была у тебя совсѣмъ маленькою, чистою и бѣленькою; но ты любила ее, плакала надъ нею, и за эту великую любовь и великую скорбь тебѣ будетъ дано утѣшеніе нѣжныхъ душъ. Взгляни на Викторина: его жизнь была сначала лишь долгимъ страданіемъ; но одно дѣло самопожертвованія и любви навсегда пріобрѣло ему спокойствіе великодушныхъ сердець.

Такимъ образомъ онъ возвращалъ ее къ наивной вѣрѣ ранняго дѣтства, лилъ на эти двѣ юныя главы какъ бы воду второго крещенія, изглаживалъ изъ ихъ умовъ слѣды тяжелыхъ дней или тревоги слишкомъ суровыхъ вѣрованій. Онъ часто бродилъ наудачу то по пустыннымъ улицамъ города, то за старыми стѣнами, по прекраснымъ окрестностямъ Рима. Онъ любилъ свѣжій воздухъ, яркое солнце, шелестъ листьевъ, веселье птицъ, прелесть цвѣтовъ; онъ не разъ говорилъ, что

нѣтъ болѣе великолѣпнаго перковнаго купола, чѣмъ небо, и что, если глядѣть съ башенъ Латерана, горы Лаціума похожи на престоль, украшенный сапфирами и изумрудами. Въ тѣ дни, когда рука его опиралась на епископскій посохъ въ Ассизи, онъ хаживалъ порою, по воскресеньямъ, одинъ, пѣшкомъ, служить обѣдню въ Спелло; затѣмъ, все идя по полямъ, отправлялся въ Фолиньо, чтобы тамъ проповѣдать Евангеліе дня. Обратно, на Ассизскій холмъ, онъ взбирался очень поздно, звѣздною ночью, когда, по графскому приказу, ворота бывали уже на запорѣ. Онъ по цѣлымъ часамъ наслаждался бесѣдою съ богомольцами или пастухами, рвалъ тминъ и кормилъ имъ козъ, наблюдалъ за жизнью семьи чирковъ среди камышей какого-нибудь пруда. Если городской привратникъ спалъ или съ досады не отворялъ епископу воротъ жилия его паствы, Іоакимъ спокойно отправлялся назадъ, въ долину, слушая по дорогѣ пѣсни умбрійскихъ соловьевъ, а потомъ доходилъ до скита св. Демьяна, гдѣ находилъ гостепрѣимство апостольскаго вѣка: стаканъ воды для утоленія жажды и три доски, чтобы уснуть въ грѣзахъ о небесномъ Іерусалимѣ.

И такъ, онъ вознамѣрился предоставить своихъ воспитанниковъ природѣ съ первыхъ же дней весны. Это было совершенною новостью для нихъ обоихъ. Викторинъ, вѣчно запертый въ замкахъ своего отца, зналъ только тинистый Тибръ и его поросшіе тростниковъ берега; Пія жила сначала въ туманной долинѣ Соаны, усѣянной бѣднолиственными тополями, а потомъ видѣла Тоскану лишь изъ оконъ замка графини Матильды. Окрестность Рима, оживленная и принаряженная апрѣльскимъ солнцемъ, должна была стать для этихъ дѣтей цѣлымъ откровеніемъ.

Изъ Латерана отправлялись въ полдень, маленькою кавалькадою: Викторинъ справа, на лошади; посрединѣ Пія, на старомъ, очень кроткомъ и разумномъ мулѣ, принадлежавшемъ еще папѣ Николаю II; наконецъ, Іоакимъ—на другомъ мулѣ изъ первосвятительскихъ конюшенъ, котораго подарилъ ему Григорій, и который настойчиво останавливался у папертей всѣхъ церквей, базиликъ, часовенъ и молеленъ, какія только встрѣчались на пути. Иногда въ нимъ присоединялась аббатисса, прекуръезно подкидываемая въ своихъ носилкахъ четырьмя веселыми конюхами. Выѣзжали на Пренестинскую дорогу черезъ ворота св. Лаврентія, на Латинскую—черезъ ворота св. Іоанна, на дорогу Аппія, окаймленную могилами,—черезъ ворота св. Севастьяна. Аппіева дорога была люби-

мымъ мѣстомъ прогулокъ и оказывалась самою длинною, благодаря благочестивымъ привычкамъ папскаго мула, котораго невозможно бывало оторвать отъ церкви св. Нерее и Ахиллея, отъ вѣтаетъ св. Цециліи и отъ маленькой часовни „Господи, куда грядеши?“ Здѣсь, чтобы разсѣять скуку ожиданія, епископъ припоминалъ трогательную встрѣчу св. Петра, бѣжавшаго изъ Рима, чтобы избѣгнуть казни, съ Иисусомъ Христомъ, шедшимъ въ Римъ босикомъ, съ крестомъ на плечѣ.

— Господи, куда грядеши?

— Въ Римъ, паки гряду на пропятіе.

— „Iterum stucifigi“ — прочувствованнымъ голосомъ повторилъ Іоакимъ, склоняясь передъ слѣдомъ ноги Господней, отпечатавшемся на мраморной плитѣ. Это было второе предательство св. Петра. Къ счастью, на этотъ разъ онъ устыдился своей трусости и вернулся на мученія.

— Великій это былъ папа!—вздыхала добрая аббатисса.

— Великій, сударыня, — отвѣчалъ епископъ. — Только еще не простилъ ему словъ, сказанныхъ имъ у Пилата въ то время, какъ жида плевали его учителю въ лицо: — я не знаю этого человѣка.

Немного подалѣе, противъ погребальной крѣпостцы Цециліи Метеллы, на лугу, стояла скромная церковь, отъ которой остались теперь лишь обломки стѣнъ. Подъ орѣшникомъ, осѣнявшимъ церковь, слѣзали съ лошадей, поручали присмотрѣть за ними носильщикамъ аббатиссы, а сами прохаживались тихимъ шагомъ по древнимъ плитамъ Аппіевой дороги. На этомъ языческомъ кладбищѣ Іоакимъ любилъ говорить о тѣхъ временахъ, когда Римъ еще не былъ освященъ крестомъ, но когда его граждане сдѣлали его владыкою міра. Онъ зналъ римлянъ лишь по стихамъ Вергилія и раздѣлялъ въ отношеніи этого поэта всѣ трогательные предразсудки своего вѣка. Онъ вѣрилъ, что Вергилій былъ герцогомъ въ Неаполѣ, благодѣтельнымъ чародѣемъ, добрымъ и правовѣрнымъ волшебникомъ, подобно Мерлину, пророкомъ, затеряннымъ среди язычниковъ и провидѣвшимъ, какъ волхвы Востока, вѣсть о спасеніи въ небесахъ. Въ молодости своей Іоакимъ былъ друженъ съ однимъ старымъ священникомъ, состоявшимъ при особѣ Сильвестра II, папы-француза, любителя старинныхъ книгъ, котораго монахи считали за колдуна и добычу дьявола. Въ то время Іоакимъ научился уважать память людей, которые, будучи лишены свѣта истинной вѣры, сумѣли, тѣмъ не менѣе, распознать мудрость и

обосновать справедливость. Ему также случалось останавливать своихъ спутниковъ передъ саркофагомъ, изваяннымъ греческимъ рѣзцомъ, или передъ какой-нибудь римской головой, задумчивой и суровой, профиль которой выступалъ надъ карнизомъ гробницы, и выражать сожалѣніе о томъ, что христіанскіе художники утратили тайну красоты и жизни.

— Въ церкви св. Праксидіи, — говорилъ онъ, — у базилианъ, сосѣдей св. Іоанна Круглаго, мозаичные образа печальны и страшны на видъ: ангелы тонки, точно стрекозы, Мадонны мрачны и непремѣнно въ черномъ или лиловомъ, а Христось съ черными суровыми глазами, точно злой императоръ; глядя на нихъ, скорѣе станешь плакать, чѣмъ надѣяться.

Викторинъ и Пія находили прекрасными всѣ изреченія своего наставника. Но аббатисса питала отвращеніе къ язычникамъ, поклонникамъ Веельзевула. Она вѣрила всѣмъ страшнымъ баснямъ, которыми полны были книжки, предназначенныя для странниковъ и послушниковъ: тому, что есть мраморныя статуи, руки которыхъ стискиваются и задерживаютъ прикоснувшихся къ нимъ неблагоразумныхъ всадниковъ; что есть несчастные, до сихъ поръ покланяющіеся Меркурію и Аполлону въ подземельяхъ Колизея и на перекресткахъ забытыхъ дорогъ; что есть Венеры, мраморныя уста которыхъ даютъ смертельныя поцѣлуи.

— Какъ бы то ни было, мессиръ, — сказала она однажды, — вашъ Виргилій и всѣ эти римляне, у которыхъ не было ни церквей, ни монастырей, ни исповѣди, ни крещенія, теперь со всѣми своими ложными богами выпяты въ аду, въ самомъ глубокомъ котлѣ, и вовсе непохвально отзываться о нихъ такъ снисходительно. Ибо адскія мученія вѣчны.

— Сударыня... — отвѣтилъ Іоакимъ, но внезапно смолкъ, и съ опечаленнымъ видомъ сдѣлалъ нѣсколько шаговъ въ сторону патриціанской могилы, украшенной прелестною головою отрока. Викторинъ пошелъ за нимъ вслѣдъ и услышалъ слѣдующія тихія слова:

— Въ Символѣхъ отцовъ Никейскаго собора, составляющемъ правило вѣры, ничего не сказано объ адѣ. Св. Маркъ и св. Матей говорятъ о вѣчномъ огнѣ, уготованномъ для діавола и ангеловъ его, о геенѣ, ожидающей души, мертвыя для любви. Но вѣчность востра обязываетъ ли вѣрить въ вѣчность страданія?

Если же кавальеада выѣзжала изъ Рима воротами св.

Лаврентія, она брала направо, къ могиламъ Латинской дороги, и поднималась на тотъ удлиненный холмъ, который тянется къ Аппіевой дорогѣ, съ вершины котораго открывается восхитительный видъ на долину и горы. За два часа до заката, Аппенинская цѣпь; вся залитая свѣтомъ, какъ бы таетъ въ зеленоватой лазури неба; скалистые хребты отливаютъ яркимъ золотомъ, а ущелья и долины, подернутыя легкой тѣнью, принимаютъ нѣжные оттѣнки бирюзы. Поближе, на югѣ, латинскія горы, Альбано, Тускулумъ, покрытыя виноградниками и каштанами, лѣсистыя высоты Неми, окрашиваются болѣе темною синевдою, синевдою бархата. А ниже, повсюду, до далекаго горизонта, разстилается величественная пустынная долина, безпредѣльный лугъ, который исторія усѣяла руинами, обломками водопроводовъ, феодальными башнями и могилами. Вонъ Римъ поднимаетъ свою царственную голову изъ-за старыхъ стѣнъ. Вокругъ глубокое молчаніе, молчаніе пустыни. Вдали, большіе бѣлые быки, склонивъ головы надъ блѣдною травою, кажутся неподвижными. Въ этой мѣстности можно долгое время не услышать живого звука, за исключеніемъ рѣзкаго крика хищной птицы, парящей очень высоко, въ лучахъ солнца, и тяжело ударяющей сѣрыми крыльями.

Здѣсь путники останавливались, Иоакимъ разстилалъ свой плащъ для аббатисы и Піи, и всѣ четверо любовались торжественною красотою пейзажа. Затѣмъ епископъ пускался въ смутныя воспоминанія объ Энеѣ, Ромулѣ, Юліѣ Цезарѣ и императорѣ Тиверіи, современникѣ Иисуса Христа. Пія распѣвала какую-нибудь наивную балладу, слышанную вечеромъ, на посидѣлкахъ, въ Соанѣ:

— О, сколько времени я желала
Имѣть возлюбленнымъ музыканта,
И вотъ Богъ посылаетъ мнѣ его,
Всего покрытаго рѣзами и рубинами.
Вотъ онъ подходитъ мелкими шагами, потихоньку,
Опустивъ голову, и играетъ на віолѣ.
— Я влюблена въ играющаго на віолѣ;
Ея звуки прекрасны и утѣшаютъ мое сердце;
Ва звуки прекрасны, и музыкантъ очень милъ,
Отъ любви къ музыканту я умираю.
Музыка прекрасна, а юноша полонъ жизни.
Любовь къ музыканту не даетъ мнѣ покоя.

А Викторинъ, срывая для Піи маргаритки, анемдны и дикую гвоздику, отзывался на ея голосъ какою-нибудь стро-

фою рыцарскаго романса, перенятаго у одного изъ оруженосцевъ его отца.

— „Старый капелланъ велѣлъ запереть мою красотку на вершину такой высокой башни, что зимою черныя тучи покрываютъ келью, гдѣ она томится.

— Потомъ внизу лѣстницы башни онъ поставилъ почетную стражу: трехъ лысыхъ монаховъ, которые день и ночь скорбно молятся о спасеніи моей красавицы.

— Но башня не столь высока, и монахи не столь бдительны, чтобы я не могъ взлетѣть на крыльяхъ любви на вершину башни, въ келью къ моей возлюбленной“.

Аббатисса дѣлала строгое лицо, такъ какъ эти пѣсни казались ей черезчуръ свѣтскими. Но, оживившись на вольномъ воздухѣ, скоро и она принималась рассказывать монастырскія легенды о святомъ городѣ Римѣ, сотни колоколенъ котораго пылали вдали, на раскаленномъ лѣтнемъ небѣ.

— Это было очень давно,—начала она,—при папѣ Григоріи или Бенедиктѣ, ужъ не знаю которомъ. Ихъ было такъ много одноименныхъ, что можно сбиться.

— Девять Бенедиктовъ и семь Григоріевъ, сударыня,—вставлялъ Іоакимъ.—Ваша исторія происходила, безъ сомнѣнія, во времена святого Григорія Великаго.

— Можетъ быть, мессиръ; только времена эти были смутныя. Семь сарацинскихъ царей, язычниковъ, повлоняющихся Магомету, т. е. Антихристу, обложили Римъ безчисленнымъ войскомъ. У папы было всего нѣсколько рыцарей, и городу грозила большая опасность. Язычники хотѣли замучить папу до смерти и искоренить христіанскую вѣру. Но въ это самое время, въ числѣ жителей Рима было семь мудрецовъ необыкновенной учености и премудрости.

— Кардиналовъ, сударыня,—говорилъ епископъ,—или аббатовъ.

— Самый мудрый изъ семи, Янъ, спасъ Римъ отъ гибели, явившись, на зарѣ, на верху башни въ видѣ дьявола—весь въ черномъ, увѣшанный бѣличьими хвостами, а по бокамъ у него было два деревянныхъ чудовища съ красными глазами и языками. Янъ размахивалъ длиннымъ стальнымъ мечомъ, такъ сильно ударяя имъ о камень, что снопы искръ летѣли, какъ изъ костра. Семеро царей, увидѣвъ это чудо, пришли въ неописанный страхъ и сказали другъ другу:

— Навѣрно, богъ христіанъ спустился въ эту ночь къ

своимъ, чтобы защитить ихъ. Мы пропадемъ, если не поклонимся ему.

— И въ тотъ же день,—прибавляла съ умиленіемъ аббатисса, — папа окрестилъ семерыхъ языческихъ царей въ баптистеріѣ св. Іоанна Латеранскаго. Потомъ они покинули свой лагерь, остатками котораго обогатились жители Рима.

Утромъ, въ воскресенье de Albis, перваго послѣ Пасхи, епископъ сказалъ своимъ спутникамъ:

— Сегодня погуляемъ въ Римѣ, на площади св. Іоанна. Тамъ вы увидите кое-что новенькое: карнавалъ служителей церкви, услышите „Лауды“ „Корноманіи“. Но да не будетъ это вамъ въ соблазнъ. У бѣдныхъ клириковъ такъ мало радости на землѣ, а постъ, который только-что кончился, составляетъ для нихъ очень тяжелое испытаніе.

Въ этотъ день, архіереи, т.-е. настоятели приходовъ, послѣ обѣда, около часа пополудни, велѣли благовѣстить, и прихожане собрались въ церкви. Дьячокъ, въ стихарѣ, увѣнчанный цвѣтами и двумя рогами, какъ въ древности Силентъ, шель впереди съ мѣдной палочкой, увѣшанной колокольчиками; за нимъ—священникъ въ ризѣ, съ клирошанами и прихожанами; такъ доходили до Латерана, гдѣ останавливались, вслѣдъ за пастырями, на площади, куда выходитъ улица св. Маріи Маджоре.

Когда всѣ приходы собрались передъ его дворцомъ, вышелъ папа, а клирики и міряне сгруппировались вокругъ своихъ архіереевъ. Запѣли: „Deus ad bonam horam“ (Господи, благослови...)—безсвязную „Лауду“, перемѣшанную съ греческими словами и варварскою латынью, а дьячки стали плясать среди кружковъ прихожанъ, потрясая рогами и колокольчиками. Затѣмъ, одинъ изъ настоятелей сѣлъ на осла, лицомъ къ хвосту, а камерарій (служитель папы) сталъ держать на головѣ животного тазъ съ двадцатью сольдами въ динаріяхъ *); священникъ три раза опрокидывался назадъ, въ тазу, и захватилъ столько денегъ, сколько могъ. Тогда его собратья подошли къ папѣ и побросали вѣнки къ ногамъ его. Настоятель св. Маріи *in viâ latâ* выпустилъ молодую лисицу, которую не стали ловить, и которая чуть не прыгнула въ лицо настоятелю св. Праксидіи; подарившій получилъ отъ папы полтора золотыхъ. Настоятель св. Маріи *in Aquiro* подарилъ св. отцу пѣтуха и получилъ золотой съ

*) Въ солюдо было отъ 12 до 15 динаріевъ.

четверью, а настоятель св. Евстафія привелъ съ большимъ трудомъ козленка.

Въ эту минуту Григорій, замѣтивъ нашихъ друзей среди прихожанъ св. Климента, послалъ за ними монаха, который усадилъ ихъ на первой ступени первосвятительской эстрады, передъ папертью св. Іоанна. Отсюда имъ было виднѣе. Козленокъ св. Евстафія, подведенный къ папѣ, дрожалъ всѣмъ тѣломъ; вдругъ онъ ловкимъ движеніемъ вырвался изъ рукъ пастыря и направился прямо къ Піи. Дѣвочка протянула ему руку, и хорошенькое ласковое животное лизнуло ее. Народъ захопалъ въ ладоши; кто-то изъ маленькихъ пѣвчихъ крикнулъ: „Аллилуйя!“ Козленокъ, ставъ смѣлѣе, положилъ голову на колѣни Піи. Онъ прибѣгалъ подъ ея защиту.

— Дочь моя, — сказалъ Григорій, — дарю тебѣ козленка монсиньора св. Евстафія. Заботься о немъ изъ любви ко мнѣ!

— Благодарю, св. владыка, — отвѣтила дѣвочка. — Изъ любви къ тебѣ и къ нему!

Тогда папа далъ благословеніе, и всѣ приходы разошлись, каждый въ свою сторону, при звукѣ бубенцовъ.

Іоакимъ тутъ же обвязалъ шею козленка своимъ шелковымъ пояскомъ, и его повели въ Латеранъ. Онъ тотчасъ велѣлъ построить ему шалашъ и загородку въ первосвятительскомъ саду, а Викторинъ и Пія стали придумывать имя для своего новаго друга. Размышленія ихъ длились три дня. Наконецъ, Викторинъ вспомнилъ о большой рыжей собакѣ, съ которою игралъ въ дѣтствѣ во дворѣ отцовскаго замка, и козленка назвали Фульво.

Прошли лѣто и осень, а дѣтямъ каждый день казался такимъ же счастливымъ, какъ и предыдущій. Наступилъ октябрь съ веселымъ солнцемъ и сборомъ винограда, съ шумными возвратами парней и дѣвушекъ съ работы, въ сумерки, при звукахъ тамбуриновъ, съ долгими взрывами смѣха и пѣснями любви въ уединеніи Форума, около арки Константина и на Священномъ Пути. Наши пріатели приходили домой поздно, такъ какъ Іоакимъ, чувствуя приближеніе зимы, хотѣлъ до конца насладиться теплыми днями. Впрочемъ, послѣднія прогулки были омрачены страннымъ событіемъ. Разъ, вечеромъ, послѣ захода солнца, епископъ и дѣти, ѣхавшіе отъ самыхъ воротъ св. Севастьяна вслѣдъ за шумною толпою виноградарей, повернули у Камальдульскаго монастыря на тропинку, ведущую къ св. Іоанну и Павлу. Посреди дороги возвышалась уединенная башня, поддерживаемая аркою,

сквозь которую надо было проѣхать, чтобы добраться, миновавъ св. Іоанна Круглаго, до калитки папскихъ садовъ. Вдругъ въ узкомъ окошкѣ башни показалась голова человека. По мѣрѣ приближенія лавалькады къ арке, голова выдвигалась все больше и больше, впиваясь взорами въ епископа и дѣтей съ выраженіемъ такой ненависти, что Пія вскрикнула отъ ужаса. Точно ястребъ сидѣлъ на развалинѣ и слѣдилъ за стаею голубей!

— Злой человекъ!— сказала дѣвочка.— Поѣдемте скорѣе, мессирь, потому что мнѣ очень страшно!

Викторинъ взялъ подъ уздцы мула своей подруги и заставилъ его идти скорѣе. Іоакимъ, оставши отъ нихъ, остановился, чтобы взглянуть на мрачнаго наблюдателя. Затѣмъ онъ догналъ своихъ воспитанниковъ. Пія еще очень волновалась.

— Какой злой!—повторила она Викторину.— Вы увѣрены, что онъ не взглянулъ на насъ?

— Это—священникъ,—сказалъ епископъ,—дурной священникъ, который притворяется колдуномъ. Но все его колдовство заключается въ дружбѣ вельможъ Тускулума, которымъ онъ преданъ тѣломъ и душою. Не бойся, дитя мое. Господь—защитникъ нашъ.

Въ этомъ году зима была очень сурова. Съ половины ноября, въ теченіи нѣсколькихъ недѣль, Римъ и его окрестности повоились подъ слоємъ снѣга. Маленькое общество пріютилось въ башнѣ, которую Іоакимъ звалъ своимъ епископскимъ дворцомъ. Въ первомъ этажѣ находились молельня епископа и его спальня съ жесткою постелью и деревяннымъ распятіемъ; повыше, въ сводчатомъ залѣ, были собраны, въ живописномъ беспорядкѣ, остатки его утраченнаго великолѣпія: восточный коверъ, даръ патріарха Венеціи; скамьи съ оригинальной рѣзбой; мѣдныя лампы античной формы; византійскій образъ Богоматери на золотомъ фонѣ; антифонаріи и требники, разрисованные во вкусѣ аеонскихъ миниатюристовъ; рукопись сочиненій Вергилія съ карминно-красными и лазорево-голубыми заглавными буквами; расшитая золотомъ митра и сверкающая риза, которыя были на немъ въ утро его рукоположенія. Громадная бронзовая жаровня, не угасая, горѣла посреди зала, такъ какъ онъ не желалъ, чтобы Пія страдала отъ холода. И никто не удивился, когда разъ вечеромъ, въ углу, на кучѣ старыхъ вышивокъ, оказался Фульво, возленокъ монсиньора св. Евстафія.

Въ этомъ тѣсномъ пріютѣ, дружба Викторина и Піи стала совершенно братскою. Между тѣмъ, какъ холодный вѣтеръ проносился надъ пустынными полями, сироты тѣснѣе прижимались другъ къ другу; они смутно чувствовали, что судьба свела ихъ надолго, можетъ быть, навсегда. Благородство души стараго епископа, проникая въ ихъ юное сознаніе, какъ бы связывало ихъ въ какомъ-то великодушномъ общеніи.

— Вы — мои цыплатки, — часто говаривалъ Іоакимъ, — и я счастливѣе, чѣмъ Господь Іисусъ, потому что любовію держу васъ у себя подъ крылышкомъ.

Ясныя сферы, гдѣ имъ такъ хорошо жилось вмѣстѣ, едва помрачались, точно мимолетнымъ облачкомъ, бѣдствіями настоящаго. Смута, произведенная въ имперіи проклятіями Григорія VII; раздоры Германіи, раздѣлившейся на приверженцевъ императора и папы; бѣдствія Саксоніи, возвращенной къ покорности Риму, возставшей противъ императора и уже терзаемой междоусобною войною; уныніе вѣрующихъ въ цѣлой половинѣ христіанскаго міра при видѣ церквей, пораженныхъ отлученіемъ, закрытыхъ для богомольцевъ связками терній, — всѣ эти великія несчастія менѣе волновали ихъ, чѣмъ зимніе рассказы ихъ наставника, чѣмъ его постоянная проповѣдь надежды, его истолкованіе закона любви. Онъ безпрестанно возвращался къ наивнымъ легендамъ, сохранившимся, точно сокровище, въ сердцахъ простыхъ людей и повѣствующимъ неизмѣнно о пораженіи дьявола-искусителя; къ снисхожденію св. Іоанна Милостиваго, который получалъ грѣхи за тройною печатью и прощалъ ихъ, даже не читая исповѣди; къ сострадательности св. Іоанна Богослова, который, увидѣвши въ Эфесѣ слезы одного очень грѣшнаго молодого челоука, атамана разбойниковъ, упалъ къ его ногамъ и поцѣловалъ ему руку.

Онъ вѣрилъ въ общеніе отцовъ-пустынниковъ съ дикими звѣрями, въ то, что волкъ привелъ св. Антонія къ пещерѣ св. Павла Пустынника, что вѣронъ въ этотъ день принесъ отшельникамъ двойную порцію хлѣба и плодовъ, что вечеромъ явились два великодушныхъ льва, чтобы вырыть своими когтями могилу для св. Павла и удалиться въ лѣса послѣ его погребенія.

Снѣгъ засыпалъ онѣмѣвшія поля, Римъ и Латеранъ; зимній вѣтеръ вылъ между моремъ и горами; а дѣти, придвинувшись къ жаровнѣ, причемъ головка Піи часто покоилась на плечѣ Викторина, видѣли передъ собою лучезарный образъ весны христіанства.

Но это безмятежное счастье было нарушено важнымъ событіемъ. Разъ утромъ, незадолго до Рождества, папа велѣлъ призвать Викторина къ себѣ въ молельню и сказалъ ему:

— Сынъ мой, ты обѣщаль быть всегда готовымъ на призывъ св. престола. Завтра я покидаю Римъ, чтобы встрѣтить кающагося императора близъ Альпъ, а можетъ быть, и въ Германіи; я выбралъ тебя, чтобы ты сопровождалъ меня въ рядахъ апостольскаго рыцарства.

И на другой день сынъ Ченчіо ѣхаль, по правую сторону папскихъ носилокъ, по дорогѣ въ Каноссу.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ИЗЪ „ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ“

Ф а б р а.

ПРЕДИСЛОВІЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Несмотря на интересъ, съ которымъ русское общество относится къ произведеніямъ иностранныхъ литературъ, интересъ, благодаря которому мы, русскіе, часто знакомимся съ произведеніями иностранныхъ беллетристовъ раньше, чѣмъ ихъ соотечественники, несмотря на это, иногда очень цѣнныя и популярныя научныя книги остаются непереведенными на русскій языкъ, хотя у себя на родинѣ выдерживаютъ по нѣскольку изданій.

Къ числу такихъ книгъ принадлежатъ «Энтомологическія воспоминанія» Фабра, нѣкоторыя главы изъ сочиненія котораго мы печатаемъ ниже. Фабръ—современный французскій энтомологъ—написавшій уже 4 тома своихъ «воспоминаній». Первый томъ вышелъ въ 1879, послѣдній—въ 1890 году.

Книга эта, несмотря на специальность предмета, полна интереса не только для ученаго, которому она даетъ богатый матеріалъ, но вообще для всякаго, имѣющаго вкусъ къ изученію природы и любовь къ ней. Фабръ превосходный рассказчикъ, дѣлающій интересными самыя, повидимому, «сухіе» предметы.

Слѣдующая выдержка можетъ дать понятіе какъ о языкѣ Фабра, такъ и о его взглядѣ на задачи своего труда. Упомянувъ о томъ, что многіе упрекали его въ излишней легкости изложенія, онъ говоритъ: «дорогія мои насѣкомыя, если вы не можете убѣдить этихъ милыхъ людей (онъ подразумѣваетъ специалистовъ, враждебно относящихся къ популяризаціи науки) потому только, что въ васъ нѣтъ ничего тяжеловѣсно-скучнаго, то я, въ свою очередь, скажу имъ: «Вы убиваете животное, а я изучаю его живымъ; вы дѣлаете изъ него предметъ ужаса и жалости, а я заставляю любить его;

вы работаете въ мастерской мученій и гибели,—я наблюдаю подъ голубымъ небомъ при пѣніи стрекозъ; вы подвергаете реактивамъ кѣточку и протоплазму, а я изучаю инстинктъ въ его высшихъ проявленіяхъ»... «Кромѣ того, если я пишу для ученыхъ и философовъ, которые, можетъ быть, попытаются выяснитъ когда-нибудь трудный вопросъ объ инстинктѣ, то я въ то же время и по преимуществу пишу для юношества, которое я желалъ бы заставить полюбить ту естественную исторію, которую вы сдѣлали столь ненавистной для него. И вотъ почему, оставаясь щепетильно точнымъ въ изложеніи истины, я воздерживаюсь отъ вапей научной прозы, которая, увы! часто кажется мнѣ заимствованной изъ наръчія гуруновъ»...

Изъ того немногаго, что говорить Фабръ въ своей книгѣ о себѣ, мы узнаемъ, что онъ всю жизнь былъ простымъ школьнымъ учителемъ. Всю жизнь провелъ онъ въ бѣдности и трудѣ, упорно посвящая всѣ свои досуги любимому занятію: наблюденію жизни насѣкомыхъ; всю жизнь собиралъ онъ крохи съ цѣлью добиться возможности приобрѣсти въ собственность небольшой клочекъ земли, который служилъ бы ему, такъ-сказать, лабораторіей подъ открытымъ небомъ и на которомъ онъ могъ бы всецѣло предаться любимымъ занятіямъ. Наконецъ, черезъ 40 лѣтъ, будучи совсѣмъ уже старикомъ, онъ осуществилъ-таки заветную мечту всей своей жизни, и послѣ этого вышли въ свѣтъ два послѣдніе тома его воспоминаній, составившіе ему извѣстность ученаго и въ то же время популяризатора.

Вотъ какъ говорить объ этомъ самъ Фабръ: «Что я больше всего желалъ имѣть, такъ это уголокъ земли, о, не особенно большой, но огороженный, избавленный отъ неудобствъ проѣзжей дороги, уголокъ заброшенный и неплодный, выжженный солнцемъ и удобный для чертополоха и перепончатокрылыхъ. Тамъ, не боясь помѣхъ со стороны прохожихъ, я могъ-бы предаться тому собесѣдованію, вопросамъ и отвѣтами котораго, вмѣсто словъ, служатъ опыты. Тамъ безъ отдаленныхъ экскурсій, поглощающихъ такъ много времени, безъ трудныхъ переходовъ, такъ утомляющихъ вниманіе, я могъ-бы составлять планы нападенія, устраивать западни и ежедневно, во всѣ часы дня слѣдить за результатами ловли. 40 лѣтъ съ непоколебимой твердостью боролся я съ жалкими житейскими нуждами, и, въ концѣ концовъ, получилъ-таки такъ страстно желанную лабораторію. Не сумѣю рассказать, сколько настойчивости и усиленнаго труда стоила она мнѣ. Но, продолжаетъ онъ, «я сильно опасуюсь, что персикъ поднесенъ тогда, когда у меня нѣтъ уже зубовъ, чтобы съѣсть его! Да, уже немного поздно: широкіе

вначалѣ горизонты обратились въ низкій давящій сводъ, который съ каждымъ днемъ сужается... Среди развалинъ, меня окружающихъ, одна часть стѣны стоитъ непоколебимо на своемъ прочномъ фундаментѣ: это моя любовь къ научной истинѣ. Достаточно-ли этого, мои дѣятельныя насѣкомыя, чтобы рѣшиться прибавить нѣсколько цѣнныхъ страницъ къ вашей исторіи? Не измѣнятъ-ли силы при осуществленіи того, чего такъ страстно хочется?» Такъ скромно относится Фабръ къ своимъ силамъ, а между тѣмъ, значеніе его, какъ ученаго, признано даже Дарвиномъ.

Въ одномъ письмѣ къ М. Romanes отъ 16 апрѣля 1881 года Дарвинъ, высказавъ мнѣніе, что изученіе инстинкта—вещь въ высшей степени трудная и неблагодарная, говоритъ: «но если вы все-таки предполагаете заняться изученіемъ инстинкта, то, мнѣ кажется, вы не можете выбрать ничего болѣе интереснаго, чѣмъ инстинктъ тѣхъ животныхъ, которыя парализуютъ свою добычу, какъ это описалъ Фабръ въ своихъ удивительныхъ мемуарахъ въ *Annales des sciences naturelles*, мемуарахъ, дополненныхъ съ тѣхъ поръ въ его превосходныхъ «Воспоминаніяхъ».

Мы не можемъ отказать себѣ въ удовольствіи привести трогательное посвященіе Фабра своему, преждевременно умершему, сыну.

ПОСВЯЩЕНІЕ

Сыну моему, Юлію.

Дорогое дитя мое, мой сотрудникъ въ изученіи насѣкомыхъ, съ такою страстью занимавшійся ими, мой проникательный помощникъ въ занятіяхъ растеніями, по твоему желанію, я началъ этотъ трудъ, въ память тебя продолжаю его и буду продолжать среди скорби моего траура. О, какъ отвратительна смерть, когда она скашиваетъ цвѣтокъ въ полномъ блескѣ разцвѣта! Твоя мать и сестры приносятъ на твой могильный камень вѣнки изъ цвѣтовъ, собранныхъ на томъ уединенномъ мѣстѣ, которое доставляло тебѣ столько наслажденія. Къ этимъ вѣнкамъ, которые солнце изсушаетъ въ одинъ день, я присоединяю эту книгу, которая, какъ я надѣюсь, будетъ долговѣчнѣе. Подкрѣпляемый непобѣдимой вѣрой въ пробужденіе тамъ, я чувствую себя такъ, какъ будто этимъ продолжаю наши общія занятія.

ОЧЕРКЪ ПЕРВЫЙ.

Щетинистая аммофила *).

Однажды, въ майскій день, прохаживаясь взадъ и впередъ, я внимательно наблюдалъ, что новаго дѣлается въ моемъ пустырѣ. Фавье невдалекѣ отъ меня работалъ на огородѣ. Кто такой Фавье? Лучше скажемъ о немъ нѣсколько словъ сейчасъ же, потому что онъ будетъ еще встрѣчаться въ моихъ разказахъ.

Фавье — отставной солдатъ. Онъ раскидывалъ свою палатку подъ рожковымъ деревомъ въ Африкѣ, ѣлъ морскаго ежа въ Константинополѣ, охотился за скворцами въ Крыму, когда затихала перестрѣлка. Онъ много видѣлъ и многое удержалъ въ памяти. Зимю, когда работы въ поляхъ оканчиваются въ 4 часа, и вечера такъ длинны, онъ, убравъ къ мѣсту вилы, тачку и грабли, садится на высокій камень въ кухнѣ, передъ очагомъ, въ которомъ пылаютъ дубовыя полѣнья. Трубка вытащена, методически набита послоненнымъ пальцемъ и благоговѣйно закурена...

Между тѣмъ завязывается разговоръ. Фавье въ своемъ родѣ одинъ изъ тѣхъ античныхъ рассказчиковъ, которымъ за ихъ рассказы предоставлялось лучшее мѣсто у очага; но только мой повѣствователь получилъ образованіе въ казармѣ. Ну, что за важность! все населеніе нашего дома, большіе и малые, слушаютъ его съ интересомъ,—его рѣчь очень картинна, но всегда прилична. Для всѣхъ насъ было бы большимъ разочарованіемъ, если бы онъ, по окончаніи работъ, не пришелъ отдохнуть у огонька... Онъ рассказываетъ намъ о своихъ ночныхъ засадахъ въ траншеяхъ подъ Севастополемъ, онъ говоритъ о томъ, какой ужасъ испыталъ онъ, когда, однажды, зарывшись въ снѣгъ на аванпостахъ, вдругъ увидалъ, какъ возгѣ него упало что-то, чтó онъ называетъ цвѣточнымъ горшкомъ. Оно пылало, дымилось, сверкало, освѣщая

*) *Amorphila hirsuta* Kirb. принадлежитъ къ семейству *Fossoria*—роющія осы. Живутъ одиночно; съ непрерывными щупальцами и удлинненными ногами, бедра которыхъ усажены длинными шипами и колючками. Самки живутъ медомъ и цвѣточной пылью, роютъ ходы и трубки большею частью въ землѣ, но также и въ сучомъ деревѣ; въ концѣ этихъ ходовъ они устраиваютъ кельи, въ которыя помѣщаютъ по одному яйцу съ животнымъ матеріаломъ для выходящихъ личинокъ. Нѣкоторые держатъ личинокъ въ открытыхъ кельяхъ и ежедневно приносятъ имъ свѣжую пищу; у другихъ—личинки живутъ въ закрытыхъ кельяхъ, въ которыхъ заранѣе собрано столько насѣкомыхъ, сколько потребно для развитія личинки. Въ послѣднемъ случаѣ принесенныя насѣкомыя не убиваются окончательно (мясо ихъ могло-бы испортиться до употребленія), но только парализуются при помощи укула въ брюшной мовгъ. (Проф. Клаусъ, Учебн. Зоологія).

окрестность. Съ минуты на минуту адская машина могла лопнуть; пропалъ нашъ малый; ничуть не бывало: цвѣточный горшокъ мирно погасъ; это былъ освѣтительный снарядъ, брошенный для того, чтобы разсмотрѣть работы осаждающихъ...

Одинъ мой знакомый прислалъ мнѣ изъ Марсея пару огромнѣйшихъ краббовъ. Я раскупорилъ плѣвниковъ въ то время, когда работавшіе у меня каменьщики и штукатуры возвратились съ обѣда. При видѣ странныхъ животныхъ съ иглами вокругъ черепа, приподнятыхъ на длинныхъ ногахъ, что даетъ имъ нѣкоторое сходство съ чудовищнымъ паукомъ, между присутствующими раздался крикъ удивленія, почти ужаса. Фавье съ ловкостью схватываетъ ужаснаго паука, который вырывается, и говоритъ: «я это знаю; я ихъ ѣлъ въ Варнѣ. Это очень вкусно». И при этомъ смотритъ на окружающихъ съ лукавымъ видомъ, какъ бы говорящимъ: А вы-то, видно, и не выгѣзали никогда изъ своей норы!

И такъ, Фавье знаетъ много вещей... Но въ особенности меня удивляетъ его наблюдательность и память, благодаря которымъ онъ сдѣлался неоцѣненнымъ помощникомъ для меня.

Но оставимъ нашего насмѣшливаго, быстрого на слова, служаку и вернемся къ тому, что привлекало мое вниманіе въ лабораторіи пустыря.

Нѣсколько аммофилъ, ползая по землѣ и только изрѣдка взлетая вверхъ, изслѣдуютъ то покрытыя травкою, то обнаженныя мѣста. Уже къ серединѣ марта, когда случался хорошій день, я видѣлъ, какъ онѣ съ наслажденіемъ грѣлись на солнышкѣ, на пыльной дорожкѣ. Всѣ принадлежали къ одному виду *щетиностихъ аммофилъ*.

Это граціозное двукрылое изъ породы осъ чернаго цвѣта съ краснымъ шарфомъ поперекъ брюшка, легко и быстро перепархивающее съ одного растенія на другое.

Имя ея значить: любящая песокъ, по-русски ее называютъ песчаной осой, но имя это не совсѣмъ вѣрно дано ей, такъ какъ она вовсе не предпочитаетъ песокъ другимъ почвамъ и даже избѣгаетъ чистаго, сыпучаго песку. Это хищное насѣкомое, гусеница котораго паразитируетъ на сѣромъ червякѣ, всю зиму питаясь его тѣломъ, на которомъ она и выходитъ изъ яйца, отложеннаго песчаной осой въ тѣло червяка.

Она устраиваетъ свои норки на окраинахъ тропинокъ, на небольшихъ, обращенныхъ къ солнцу, покатосяхъ, въ почвѣ смѣшанной изъ песку, извести и глины, гдѣ норка прочно держится. Норка эта очень проста, идетъ вертикально внизъ на двадцатую метра въ глубину и въ концѣ расширяется въ видѣ комнаты, гдѣ и зимуетъ ея личинка.

И такъ, я слѣдилъ за моими аммофилами съ перваго ихъ появленія, и такъ какъ онѣ находятся здѣсь же, возлѣ меня, у самой моей двери, то я, разумѣется, не премину захватить ихъ на охотѣ, если только мое вниманіе не ослабѣетъ.

Конецъ марта и апрѣль прошли въ напрасныхъ ожиданіяхъ, потому-ли, что не пришло еще время гнѣздованія, или, что вѣрнѣе, потому, что я недостаточно внимательно слѣдилъ. Наконецъ 17 мая представился счастливый случай.

Нѣкоторыя аммофилы показались мнѣ очень занятыми; послѣдуемъ за одной изъ нихъ, наиболѣе дѣятельной. Я застаю ее въ то время, какъ она оканчиваетъ свою норку, сдѣланную въ утрамбованной землѣ аллеи прежде, чѣмъ втащить туда уже парализованнаго сѣраго червяка. Аммофила своими уколами, какъ мы увидимъ ниже, не убиваетъ сѣраго червяка, но только приводитъ его въ безчувственное состояніе и тогда откладываетъ свое яичко въ тѣло опѣившаго насѣкомаго. Послѣ этого она переноситъ его въ свою норку, гдѣ червякъ и зимуетъ и гдѣ изъ яичка аммофилы выходитъ личинка, которая питается тѣломъ сѣраго червяка, пока не съѣдаетъ его всего. Если бы аммофила убила червя, то тѣло его разложилось бы и не могло бы служить пищей для ея будущаго потомства. Поразительно видѣть, какъ маленькая аммофила храбро нападаетъ на громаднаго червяка, во много разъ превосходящаго ее по величинѣ, и какъ легко справляется она съ нимъ. Еще поразительнѣе то, что она дѣйствуетъ такъ, какъ будто знаетъ устройство нервной системы своей жертвы: она прокалываетъ такія мѣста тѣла червяка, что послѣдній парализуется, но остается живымъ, приводится какъ бы въ летаргическое состояніе.

Аммофила оставила сѣраго червяка въ нѣсколькихъ шагахъ отъ своего жилища. Когда, по ея мнѣнію, пещера оказалась подходящею, а дверь достаточно обширной, чтобы втащить крупную дичь, аммофила пустилась на розыски своей оставленной на время добычи. Она легко находитъ ее, но червякъ, который лежитъ на землѣ, уже сплошь покрытъ муравьями, и нашъ охотникъ покидаетъ добычу, которую у него оспариваютъ столь многочисленные враги. Многие изъ перепончатокрылыхъ хищниковъ, которые на короткое время покидаютъ свою жертву, чтобы окончательно приготовить норку, или даже чтобы начать ее, кладутъ свою дичь на высокому мѣстѣ, въ густую зелень, чтобы уберечь ее отъ воришекъ. Аммофила опытна въ этомъ, но, можетъ быть, она пренебрегла этой предосторожностью, или тяжелая добыча выпала у нея, и муравьи терзаютъ взапуски роскошную дичь. Отогнать этихъ воровъ невозможно: одного отгонишь, накинутся десять новыхъ. Перепонча-

токрылое, повидимому, такъ и смотритъ на это, потому что, какъ только замѣтитъ, что нападеніе сдѣлано, такъ пускается въ новую охоту, безъ спора, который, все равно, ни къ чему не привелъ бы.

Поиски производятся въ районѣ, приблизительно, въ десять метровъ вокругъ гвѣзда. Аммофила, не слѣша, изслѣдуетъ понемногу почву, своими изогнутыми аркою щупальцами она постоянно хлещетъ по землѣ. При этомъ она одинаково посѣщаетъ какъ мѣста, лишенная растительности, каменистыя, такъ и покрытыя травюю. Почти въ теченіе трехъ часовъ, по страшной жарѣ, въ то тяжелое время, которое предшествуетъ грозѣ, я слѣдую за аммофилой, ни на минуту не теряя ея изъ вида. И какъ трудно перепончатокрылому найти сѣраго червяка, который ему нуженъ сейчасъ же!

Не менѣе трудно это и человѣку. Чтобы присутствовать при хирургической операціи, которую перепончатокрылый охотникъ производитъ надъ своей добычей съ цѣлью предложить своимъ личинкамъ неподвижное, но не мертвое мясо, я похищаю у хищника его добычу и кладу ему въ обмѣнъ живую, похожую на его. Я производилъ этотъ маневръ надъ аммофилой для того, чтобы заставить ее повторить операцію надъ гусеницей, которую она, конечно, вскорѣ найдетъ. И такъ, мнѣ нужно было поскорѣ нѣсколько сѣрыхъ червей. Фавье въ это время тутъ же копался въ саду. Я кричу ему: идите скорѣй, мнѣ надо сѣрыхъ червей. Объясняю, въ чемъ дѣло. Съ нѣкоторыхъ поръ онъ аи соугант моихъ занятій. Я ему рассказывалъ о моихъ маленькихъ животныхъ и о гусеницахъ, за которыми они охотятся; онъ знаетъ въ общихъ чертахъ образъ жизни интересующаго меня насѣкомаго. И такъ, онъ понялъ, въ чемъ дѣло. Онъ пускается на поиски. Онъ шаритъ около стеблей латука, роется въ густыхъ заросляхъ земляники, осматриваетъ бордюры изъ ириса. Мнѣ хорошо извѣстна его ловкость и настойчивость, а потому я спокоенъ. А время между тѣмъ идетъ. «Ну, Фавье, гдѣ же сѣрый червякъ?»—Я не нахожу его, сударь.—«Чортъ возьми! Въ такомъ случаѣ всѣ сюда: Клара, Аглая, всѣ, сколько васъ есть, идите искать». Все населеніе дома пускается въ поиски. При этомъ обнаруживается дѣятельность достойная тѣхъ важныхъ событій, которыя готовятся. А я, стоя на своемъ посту, чтобы не потерять изъ вида аммофилу, однимъ глазомъ слѣжу за охотникомъ, а другимъ посматриваю, нѣтъ-ли сѣраго червяка? Но ничего не выходитъ: прошло три часа, а никто изъ насъ не нашелъ личинки.

И аммофила также не находитъ ея. Я вижу, какъ настойчиво она ее ищетъ въ потрескавшейся землѣ. Насѣкомое роется въ

землѣ, изнемогаетъ, съ необычайнымъ усиліемъ приподнимаетъ оно комки сухой земли величиною съ косточку абрикоса. И все-таки эти мѣста немедленно покидаются имъ. Тогда мнѣ приходитъ въ голову слѣдующая мысль: мы вчетверомъ или впятеромъ тщетно ищемъ сѣраго червяка тамъ, гдѣ его нѣтъ, но неужели аммофила можетъ такъ ошибиться?

Тамъ, гдѣ человѣкъ безсиленъ, насѣкомое часто торжествуетъ. Чрезвычайная тонкость чувствъ, которая руководитъ ими, не можетъ въ теченіи цѣлыхъ часовъ водить его по ложному пути. Можетъ быть, сѣрый червякъ, предчувствуя дождь, забился въ глубину. Охотникъ очень хорошо знаетъ его мѣстопребываніе, но не въ силахъ вытащить его изъ слишкомъ глубокой норки. Если онъ, послѣ нѣсколькихъ попытокъ, покидаетъ извѣстное мѣсто, то это вовсе не по недостатку знанія, а по недостатку силы для рытья земли. Вездѣ, гдѣ скребетъ аммофила, долженъ быть сѣрый червякъ; но мѣсто покидается, потому что работа извлеченія его изъ земли признава непосильной. Очень глупо съ моей стороны не подумать объ этомъ раньше. Развѣ опытный браконьеръ обратилъ бы вниманіе на мѣста, въ которыхъ ничего нѣтъ. Тогда я задаюсь цѣлью помочь аммофилѣ. Въ это время насѣкомое роется въ мѣстѣ вспаханномъ и совершенно обнаженномъ. Оно покидаетъ и это мѣсто, какъ многія другія. Я продолжаю его работу лезвіемъ ножа. Я также ничего не нахожу и ретируюсь. Тогда насѣкомое возвращается и начинаетъ опять рыться въ одномъ мѣстѣ разрытой мною земли. Я понимаю: «поди прочь, неловкій, какъ-будто говоритъ мнѣ оса; я сейчасъ покажу тебѣ, гдѣ лежитъ червякъ». По его указаніямъ, я начинаю рыться въ данномъ мѣстѣ и вытаскиваю сѣраго червяка. Превосходно, моя проникательная аммофила, я, значитъ, вѣрно говорилъ, что ты не станешь рыть попусту. Отнынѣ это будетъ охота за трюфелями, которые собака указываетъ, а человѣкъ извлекаетъ. Я продолжаю: аммофила указываетъ подходящее мѣсто, а я роюсь въ землѣ ножомъ. Такимъ образомъ, я получаю втораго червяка, потомъ третьяго и четвертаго. Это всегда происходитъ въ мѣстахъ обнаженныхъ и вспаханныхъ нѣсколько времени тому назадъ. Сваружи рѣшительно ничто не указываетъ на присутствіе личинки. Ну, Фавье, Клара, Аглая и всѣ вы, что вы объ этомъ думаете? Въ теченіи трехъ часовъ вы не могли откопать мнѣ ни одного сѣраго червяка, а этотъ тонкій охотникъ за дичью, когда мнѣ вздумалось помочь ему, доставляетъ мнѣ ихъ столько, сколько мнѣ вздумается. Вотъ, наконецъ, я достаточно богатъ. Оставимъ охотнику его пятую находку, которую онъ отрылъ съ моею помощью. Я ложусь на землю

совсѣмъ близко къ насѣккому и начинаю наблюдать, не пропуская ни малѣйшей подробности, великолѣпную драму, всѣ акты которой я послѣдовательно излагаю здѣсь.

1) Изогнутыми щупальцами своихъ челюстей аммофила схватываетъ гусеницу за загривокъ. Сѣрый червякъ сильно отбивается; онъ конвульсивно сгибается и выпрямляетъ спину. Перепончатокрылое нисколько не трогается этимъ, оно держится въ сторонѣ, чтобы избѣжать толчковъ. Игла попадаетъ въ сочлененіе, отдѣляющее первое кольцо отъ головы на средней линіи брюшка, гдѣ кожа болѣе тонка. Кинжалъ, вонзившись, остается нѣкоторое время въ ранѣ. Повидимому, это существенный ударъ, который долженъ покорить червяка и сдѣлать его болѣе сговорчивымъ.

2) Тогда аммофила оставляетъ свою дичь. Она растягивается на землѣ, беспорядочно движется, кружится на брюшкѣ, вытягиваетъ свои члены, вздрагиваетъ крыльями, какъ будто находится въ смертельной опасности. Я начинаю бояться, не получилъ ли охотникъ сильныхъ поврежденій въ борьбѣ. Меня начинаетъ хватывать волненіе при видѣ такого жалкаго конца храброй осы и неудачи опыта, стоившаго мнѣ столькихъ часовъ ожиданія. Но вотъ аммофила успокаивается, чиститъ свои крылья, завиваетъ щупальцы и снова бодрой походкой направляется къ личинкѣ. То, что я привялъ за предсмертныя конвульсіи, было безумнымъ энтузіазмомъ побѣды. Насѣккое, по своему, праздновало побѣду надъ чудовищемъ.

3) Потомъ аммофила хватаетъ личинку за кожу на спинѣ, немного ниже, чѣмъ въ предыдущій разъ, и дѣлаетъ уколъ на второмъ кольцѣ, все-таки на брюшкѣ. Затѣмъ я вижу, какъ она постепенно двигается по сѣрому червяку, схватывая за спину каждый разъ немного ниже, обхватываетъ его челюстями, похожими на большой пинцетъ съ изогнутыми ножками, и каждый разъ погружаетъ жало въ слѣдующее кольцо. Все это дѣлается такъ методически и точно, какъ будто бы охотникъ измѣряетъ свою дичь. При каждомъ шагѣ назадъ, кинжалъ укалываетъ слѣдующее кольцо. Такимъ образомъ ранятся три спинныхъ кольца, съ настоящими ножками, два слѣдующихъ безногихъ кольца и четыре кольца съ ложными ножками. Всего девять укуловъ. Послѣдніе четыре сегмента остаются безъ вниманія. Операция оканчивается безъ серьезныхъ затрудненій: уже послѣ перваго удара стилетомъ сѣрый червякъ оказываетъ лишь слабое сопротивленіе.

4) Наконецъ аммофила, открывъ во всю ширину свои челюстныя щупальцы, схватываетъ голову червяка и начинаетъ жевать и мять

ее размѣренными ударами, но не ранить. Эти нажиманія слѣдуютъ одно за другимъ съ изученной медленностью; насѣкомое какъ будто старается каждый разъ дать себѣ отчетъ въ произведенномъ эффектѣ; оно останавливается, ждетъ, потомъ опять продолжаетъ. Чтобы достигнуть желанной цѣли, эта манипуляція надъ мозгомъ должна имѣть извѣстныя границы, переступленіе за которыя повело бы за собою смерть и быстрое разложеніе червяка. И такъ, перепончатокрылое соизмѣряетъ силу своихъ ударовъ, число которыхъ доходитъ до двадцати. Хирургъ окончилъ. Оперируемый лежитъ на землѣ брюшкомъ внизъ, изогнувшись почти вдвое. Онъ неподвиженъ, неспособенъ къ сопротивленію во время перетаскиванья его въ жилище, безвреденъ для личинки, которая будетъ питаться имъ. Аммофила оставляетъ его на мѣстѣ операци и возвращается къ своему гнѣзду, я слѣдую за ней. Здѣсь она занята поправками въ виду привоза провизіи. Камешекъ, составляющій выступъ на сводѣ, можетъ помѣшать помѣститься въ погребъ громоздкую дичь. Камешекъ вытасненъ. Трудная работа сопровождается шуршаніемъ крыльевъ. Внутренняя комната недостаточно велика, а потому ее расширяютъ. Работа затягивается, а гусеница, за которою я не наблюдалъ, чтобы не пропустить ничего изъ дѣйствій осы, ужъ вся покрыта муравьями. Когда мы съ аммофилой возвращаемся къ сѣрому червяку, онъ кажется совершенно чернымъ.

Для меня это случай достойный сожалѣнія, для аммофилы это большая непріятность: вотъ уже два раза ее постигаетъ одно и то же несчастье.

Насѣкомое кажется обезкураженнымъ. Напрасно я замѣщаю гусеницу однимъ изъ моихъ запасныхъ червяковъ, аммофила не обращаетъ вниманія на новую добычу. Уже вечерѣетъ, небо потемнѣло, и даже упало нѣсколько капель дождя. Въ подобныхъ обстоятельствахъ бесполезно рассчитывать на возобновленіе охоты. И такъ, все оканчивается, и я не могу утилизировать моихъ червяковъ такъ, какъ предполагалъ. Это наблюденіе продержало меня безъ перерыва отъ 1-до 6 часовъ вечера.

Я подробно рассказалъ вамъ охотничьи приемы аммофилы. Мнѣ кажется, что констатированные факты до такой степени богаты послѣдствіями, что если бы даже мой пустырь не доставилъ мнѣ больше никакихъ наблюденій, то я бы удовлетворился однимъ этимъ.

Способъ оперирования, принятый перепончатокрылымъ съ цѣлью парализованія сѣраго червяка, представляется мнѣ величайшимъ проявленіемъ инстинкта, какое я только зналъ до сихъ поръ. Какое

врожденное знаніе, способное заставить насъ задуматься! Какая мудрая логика, какая точность у этого бессознательнаго физиолога!

При наблюденіи охоты аммофилы прежде всего является вопросъ: какимъ образомъ перепончатокрылое узнаеть то мѣсто, гдѣ покоится подъ землею сѣрый червякъ?

Снаружи, по крайней мѣрѣ для зрѣвія, ничто не указываетъ на мѣстопробываніе гусеницы. Почва, которая заключаетъ въ себѣ дичь, можетъ быть обнаженной, или покрытой травой, каменистой, или мягкой, плотной, или изрытой маленькими трещинами. Всѣ эти различія игнорируются охотникомъ, который изслѣдуетъ безъ всякаго предпочтенія одни и другія. Вездѣ, гдѣ аммофила останавливается и настойчиво роется, я не замѣчаю, несмотря на мое вниманіе, ничего особеннаго, а между тѣмъ здѣсь непременно долженъ быть сѣрый червякъ, какъ я въ этомъ только-что убѣдился разъ за разомъ въ пять пріемовъ, когда я подавалъ помощь насѣкомому, обезкураженному непосильной работой. Очевидно, руководящимъ чувствомъ здѣсь является не зрѣніе. Въ такомъ случаѣ что же это? Обоняніе? Посмотримъ. Все подтверждаетъ, что органами изслѣдованія являются щупальцы. Концомъ ихъ, изогнутымъ дугою и оживленнымъ постоянными вибраціями, насѣкомое быстро, маленькими ударами изслѣдуетъ почву. Если встрѣчается щель, то вибрирующіе волоски вводятся въ нее и зондируютъ, если гдѣ на поверхность земли высовывается сѣтъ мелкихъ корешковъ злаковъ, то щупальцы съ усиленнымъ трепетаньемъ начинаютъ рыться въ ея извилинахъ. Ихъ оконечности на минуту прикладываются, какъ будто примѣриваются къ изслѣдуемой точкѣ. Какъ будто два обыкновенно подвижные пальца, которые изслѣдуютъ ощупываньемъ. Но ощупыватель все-таки не можетъ узнать, что тамъ, подъ землею; нужно было бы пощупать сѣраго червяка, а онъ спрятанъ въ своей норкѣ на нѣсколько дюймовъ глубины.

Тогда вспоминаешь обоняніе. Неоспоримо, что насѣкомыя часто обладаютъ сильно развитымъ обоняніемъ. Многія хищныя насѣкомыя со всѣхъ сторонъ сбѣгаются къ мѣсту, гдѣ лежитъ маленькій трупъ, отъ котораго надо очистить почву. Маленькіе могильщики спѣшатъ къ мертвому кроту.

Но если у насѣкомаго навѣрное существуетъ чувство обонянія, то спрашивается, гдѣ его органъ? Многіе утверждаютъ, что онъ находится въ щупальцахъ. Допустимъ это, хотя трудно понять, какимъ образомъ рядъ роговидныхъ колецъ, пригнутыхъ одинъ къ другому, можетъ исполнять роль ноздри, устройство которой отличается такимъ глубокимъ различіемъ. При столь различныхъ органахъ могутъ ли быть однородны воспринимаемыя впечатлѣнія? Когда инструменты различны, могутъ ли функціи ихъ оставаться одинаковыми?

Сверхъ того, относительно нашего двукрылаго являются серьезныя возраженія. Обоняніе—чувство скорѣе пассивное, чѣмъ активное: оно не опережаетъ впечатлѣніе, какъ то дѣлаетъ осязаніе, а только испытываетъ его; оно не ищетъ пахучихъ испареній, оно получаетъ ихъ, когда они доходятъ до него. А щупальцы аммофилы въ постоянномъ движеніи; онѣ ищутъ, онѣ идутъ навстрѣчу впечатлѣнію. Впечатлѣнію чего? Если бы это было дѣйствительно впечатлѣніе запаха, то спокойное состояніе было бы для нихъ болѣе благоприятно, нежели постоянное движеніе. Еще лучше: обоняніе не имѣетъ основанія для своего существованія тамъ, гдѣ нѣтъ запаха. А я подвергъ сѣраго червяка своему собственному изслѣдованію; я давалъ его нюхать ноздрями молодыми, гораздо болѣе чувствительными, чѣмъ мои; никто изъ насъ не нашелъ въ личинкѣ ни малѣйшаго слѣда запаха.

Когда собака, славящаяся своимъ чутьемъ, находитъ трюфеля подъ землею, то она руководится испареніемъ отъ бугорка,—испареніемъ, которое замѣтно и для насъ даже черезъ почву. Я признаю за собакой обоняніе болѣе тонкое, чѣмъ у насъ: оно дѣйствуетъ на большихъ разстояніяхъ, оно получаетъ болѣе живыя и болѣе опредѣленныя впечатлѣнія; однако, причина этихъ впечатлѣній въ пахучихъ испареніяхъ, чувствительныхъ и для насъ при подходящемъ разстояніи.

Если угодно, я признаю и за аммофилой такое же, или даже еще болѣе тонкое, чѣмъ у собаки, обоняніе; но все-таки надо, чтобы былъ запахъ, но какъ то, что является не имѣющимъ запаха, когда подносишь его къ самому носу человѣка, насѣкомому можетъ казаться пахнущимъ даже черезъ слой почвы. Чувства, имѣющія однѣ и тѣ же функціи, имѣютъ и одинаковыхъ возбудителей, начиная человѣкомъ и кончая инфузоріей.

Гдѣ для насъ абсолютная темнота, тамъ, насколько я знаю, ни одно животное не можетъ ясно видѣть. Я знаю, можно возразить, что въ зоологической серіи чувствительность, которая въ существѣ своемъ одна и та же, имѣетъ различныя степени могущества: такой-то видъ способенъ на большее, другой—на меньшее: чувствительное для одного, является нечувствительнымъ для другого. Это совершенно справедливо, и все-таки насѣкомое, разсматриваемое вообще, подчиняется общимъ законамъ относительно обонятельной способности.

Остается слухъ. Это также чувство, относительно котораго энтомологія имѣетъ недостаточно свѣдѣній. Гдѣ помѣщается оно? Говорятъ—въ щупальцахъ. Дѣйствительно, эти тонкіе стебельки кажутся способными колебаться отъ звуковыхъ сотрясеній. Аммофила, изслѣдующая мѣстность щупальцами, была бы въ такомъ слу-

чаѣ предупреждена о присутствіи сѣраго червяка легкимъ шумомъ, исходящимъ изъ земли,—шумомъ, который производятъ челюсти при жеваніи корня, шумомъ двигающейся личинки. Какой слабый звукъ и какая трудность его распространенія черезъ губчатый покровъ земли! Но онъ болѣе чѣмъ слабъ—его вовсе нѣтъ.

Сѣрый червякъ—насѣкомое ночное. Днемъ, прикорнувъ въ своей норкѣ, онъ не движется. Онъ также ничего не грызетъ; по крайней мѣрѣ, тѣ червяки, которыхъ я вытаскивалъ, руководясь указаніями двукрылаго, рѣшительно ничего не грызли по той причинѣ, что тамъ и грызть-то было нечего. Они въ полной неподвижности лежали въ слоѣ земли безъ корней; слѣдовательно, здѣсь полная тишина. Чувство слуха должно быть устранено такъ же, какъ и чувство обонянія.

Вопросъ такимъ образомъ дѣлается болѣе темнымъ, чѣмъ когда-либо. Какъ же аммофила узнаетъ ту точку, гдѣ находится сѣрый червякъ? Безъ сомнѣнія, указателями ей служатъ усики. Они не функционируютъ здѣсь какъ органы слуха, если только не допустить, что ихъ сухая, жесткая поверхность, не имѣющая ничего общаго съ тонкимъ строеніемъ органовъ слуха, тѣмъ не менѣе чувствительна къ запаху, который для насъ совершенно не замѣтенъ. Это значило бы допустить, что грубость инструмента обусловливаетъ совершенство работы. Они не дѣйствуютъ также какъ органы слуха, потому что здѣсь нѣтъ звуковъ, которые надо было бы воспринять. Какова же ихъ роль? Я этого не знаю и не имѣю никакой надежды когда-либо узнать.

Мы склонны, (и это не можетъ быть иначе), все сводить къ своей мѣркѣ, какъ единственно, хоть отчасти, знакомой намъ; мы приписываемъ животнымъ наши средства познания, и намъ не приходится въ голову, что они могутъ обладать другими средствами, о которыхъ мы даже не можемъ имѣть вполнѣ точнаго представленія, потому что въ нихъ нѣтъ ничего подобнаго съ нашими. Развѣ мы можемъ быть увѣрены, что они не снабжены средствами воспринимать ощущенія, которыя для насъ такъ же невозможны, какъ воспріятіе красокъ, если бы мы были слѣпы. Развѣ матерія не имѣетъ болѣе тайнъ для насъ? Достоверно ли извѣстно, что она познается живымъ существомъ только черезъ зрѣніе, слухъ, вкусъ, обоняніе и осязаніе? Физика и химія, еще столь юныя, утверждаютъ уже, что мрачное неизвѣстное содержитъ въ себѣ громадную жатву, въ сравненіи съ которою всѣ научныя богатства—ничтожество. Новое чувство, можетъ быть, то, которое заключается въ носу *Rhinolophe*, сильно увеличенное, можетъ быть то самое, которое заключается въ усикѣ аммофилы, открыло бы нашимъ изслѣдованіямъ цѣлый міръ, который мы обречены, благодаря нашей организаціи, никогда не узнать,

Извѣстныя свойства матеріи, которыя не производятъ на насъ замѣтнаго воздѣйствія, не могутъ ли находить отклика въ животномъ, снабженномъ другими средствами, нежели мы?

Когда Спалланцани, ослѣпивъ летучихъ мышей, пускалъ ихъ въ помещеніе, которое онъ протянутыми во всѣхъ направленіяхъ веревками и кучами хвороста превращалъ въ лабиринтъ, то какимъ образомъ эти животныя могли здѣсь ориентироваться, быстро летать съ одного конца комнаты въ другой, не цѣпляясь за поставленныя препятствія. Какое чувство, аналогичное нашимъ, руководило ими? Можетъ ли кто-нибудь сказать и, въ особенности, объяснить мнѣ это? Я желалъ бы также понять, какимъ образомъ аммофила съ помощью усиковъ всегда безошибочно находить норку личинки? Здѣсь не можетъ быть и рѣчи объ обоняніи: оно должно было бы быть невообразимой тонкости, да еще дѣйствуя черезъ органъ, въ которомъ, повидимому, ничто не приспособлено для воспріятія запаховъ. Сколько другихъ непонятныхъ вещей мы приписываемъ обонянію насѣкомыхъ. Мы отдѣлываемся словами:— такъ безъ трудныхъ изслѣдованій находится объясненіе. Но по зрѣломъ размысленіи мы видимъ передъ собою возвышающуюся обрывистую скалу неизвѣстнаго, черезъ которую не проникнуть по той тропинкѣ, которой мы упрямо держимся. Въ такомъ случаѣ измѣнимъ путь и признаемъ, что животное можетъ имѣть другіе способы познаванія, нежели мы. Наши чувства не представляютъ собою всѣхъ способствъ, съ помощью которыхъ животное входитъ въ общеніе съ окружающимъ; есть другіе способы, можетъ быть, очень много другихъ, не имѣющихъ сходства съ тѣми, какими обладаемъ мы.

Возвратимся же къ сѣрому червяку, съ которымъ не излишне будетъ познакомиться болѣе подробно. У меня ихъ было четыре; вытасилъ я ихъ ножомъ въ тѣхъ мѣстахъ, которыя указала мнѣ аммофила. Мое намѣреніе состояло въ томъ, чтобы подвергнуть ихъ одного за другимъ жертвоприношенію, чтобы видѣть повторенную операцію двукрылаго. Такъ какъ этотъ проектъ не осуществился, то я помѣстилъ червей въ бокалъ, въ которомъ былъ слой земли, а сверху стебель латука. Днемъ мои плѣнники лежали, зарывшись въ землѣ; ночью они вылѣзали на поверхность, гдѣ я и заставлялъ ихъ грызущими снизу салатъ. Въ августѣ они зарылись и больше не вылѣзали: каждый изъ нихъ сдѣлалъ себѣ земляной коконъ, снаружи очень грубый, яйцевидной формы и величиною съ маленькое голубиное яйцо. Въ концѣ этого же мѣсяца появилась бабочка. Я узналъ въ ней ночную бабочку жатвъ (*Noctua segetum* Hubner).

Аммофила кормить своихъ гусеницъ личинками ночной бабочки, и выборъ ея падаетъ исключительно на виды, живущіе подъ землею. Эти личинки, въ общегити известныя подъ именемъ сѣраго червяка, составляютъ одинъ изъ самыхъ ужасныхъ бичей хлѣбныхъ полей и садовъ. Пролежавъ день въ своихъ норкахъ, ночью они выходятъ на поверхность и грызутъ травянистыя растенія. Дѣя ихъ все хорошо: декоративное растеніе также, какъ и огородное Цвѣты, гряды овощей, хлѣбныя поля—все поѣдается безъ различія.

Если растеніе начинаетъ увядать безъ видимой причины, значить, ночью здѣсь прошелъ сѣрый червякъ; его прожорливыя челюсти сдѣлали смертельный надрѣзъ. Производимыя имъ опустошенія могутъ поспорить съ тѣми, которыя дѣлаетъ бѣлый червякъ или гусеница майскаго звука. Когда онъ размножится на свекловичныхъ поляхъ, то стоимость потерь доходитъ до миллионовъ. Таковъ-то страшный врагъ, противъ котораго помогаетъ намъ аммофила.

Въ громадномъ большинствѣ случаевъ насѣкомое ускользаетъ изъ-подъ власти человѣка; уничтожить его, если оно вредно, увеличить количество его, если оно полезно,—дѣя насъ неосуществимыя вещи. Странная антитеза силы и слабости: человѣкъ отрѣзываетъ куски континента для того, чтобы соединить одно море съ другимъ, онъ просверливаетъ Альпы, опредѣляетъ вѣсь солнца и въ то же время не можетъ помѣшать крошечному червячку попробовать вишни раньше его, или противной вѣщъ губить его виноградники! Титанъ побѣжденъ пигмеемъ!

И вотъ, среди этого самаго міра насѣкомыхъ является необыкновенно цѣнный помощникъ намъ, непримѣрный врагъ нашего страшнаго врага—сѣраго червяка. Въ состояніи ли мы населить имъ по нашему желанію наши поля и сады? Рѣшительно нѣтъ, потому что первое условіе размноженія аммофилы—это увеличение числа сѣрыхъ червей, единственной пищи его гусеницъ. Я уже не говорю о непреодолимыхъ трудностяхъ, которыя представляло бы воспитаніе ихъ. Это не пчела, вѣрная своему улью по причинѣ своихъ общественныхъ нравовъ; еще менѣе похожа она на глупаго шелковичнаго червя, сидящаго на листьяхъ шелковицы, и на его тяжеловѣсную бабочку, которая одинъ разъ въ жизни встряхнетъ крыльями, снесется и умираетъ; это насѣкомое съ причудливыми путешествіями, съ быстрымъ полетомъ, съ независимыми замашками.

Переводч. Е. Ш.

(Продолженіе слѣдуетъ).

НОВЫЯ КНИГИ.

С. Н. Южановъ. Доброволецъ «Петербургъ» — дважды вокругъ Азіи. Путевыя впечатлѣнія. Изданіе редакціи журнала «Русское Богатство». 1894 г. Ц. 1 руб. 50 коп.

Книгѣ г. Южакова должно быть отведено особое мѣсто въ той массѣ путевыхъ очерковъ и замѣтокъ, которыми богата наша литература. Описаніе путешествій, вообще, составляетъ одно изъ любимыхъ чтеній и приноситъ ту пользу, что будитъ любознательность читателя и расширяетъ кругъ его знаній свѣдѣніями о чуждыхъ ему странахъ и народностяхъ. Но эта непосредственная польза, приносимая такого рода чтеніемъ, еще увеличивается, если авторъ путевыхъ очерковъ не ограничивается только поэтическими описаніями природы и сообщеніемъ подробныхъ свѣдѣній о той или другой мѣстности и народѣ, а вкладываетъ въ свои описанія извѣстную идею, и не относится къ передаваемымъ имъ фактамъ съ объективностью простого наблюдателя, а освѣщая ихъ соответствующимъ образомъ, умѣетъ затронуть лучшія струны, лучшія чувства въ душѣ читателя. Этимъ именно свойствомъ книга г. Южакова обладаетъ въ высокой степени. Для насъ, русскихъ читателей, книга г. Южакова представляетъ спеціальнѣйшій интересъ, такъ какъ въ ней описывается тотъ «край свѣта», какъ выражается авторъ, съ которымъ мы такъ необыкновенно мало знакомы, хотя онъ и составляетъ часть нашего обширнаго отечества и долженъ имѣть широкую будущность. Край этотъ — наша уссурийская колонія, которая въ недалекомъ уже будущемъ должна лишиться своего изолированнаго положенія и, благодаря проведенію сибирской желѣзной дороги, примкнутъ къ культурнымъ странамъ. Отдаленность и изолированность кладетъ свой отпечатокъ на бытъ страны, ея нравы, обычаи. «Не велика и наша культурность, — восклицаетъ г. Южаковъ, — но надо прикоснуться къ одичалости колоній, для того, чтобы съ признательностью вспом-

нить и то малое, чѣмъ мы обладаемъ». Но авторъ надѣется, что приливъ европейской волны, все шире и глубже заливающей этотъ край, смоетъ эту дикость, которая составляетъ какъ бы принадлежность колониальныхъ нравовъ.

Г. Южакъ совершенно справедливо замѣчаетъ, что о Владивостокѣ въ Европейской Россіи господствуютъ самыя смутныя представленія. То этотъ край рисуется какимъ-то земнымъ раемъ, въ виду того, что онъ находится на широтѣ Средней Италіи, то про него распространяются самыя изумительныя рассказы, въ родѣ того, напримѣръ, что тигры расхаживаютъ, не стѣсняясь, по улицамъ Владивостока и т. п. Во всѣхъ этихъ рассказахъ, разумѣется, много преувеличеній. Тигры, также какъ и хунхузы, отступили передъ европейцами, заселившими этотъ край, и если еще напоминаютъ о себѣ, послѣдніе, т.-е. хунхузы, пожалуй, даже чаще, чѣмъ тигры, то все же далеко не съ прежнею наглостью и смѣлостью. Что же касается представленія о земномъ раѣ, то оно слишкомъ далеко отъ дѣйствительности. Ни климатъ, ни природа, ни условія общественной жизни въ нашей уссурійской колоніи не заключаютъ въ себѣ ничего райскаго. Напротивъ того: г. Южакъ рисуетъ намъ неприглядную картину того «края свѣта», который нѣкоторые называютъ «Восточною Америкою», онъ же предлагаетъ назвать «бѣлой хунхузійей», такъ какъ хищничество составляетъ главный элементъ гражданской жизни Владивостока и является чуть не культомъ. Авторъ объясняетъ это тѣмъ, что во Владивостокѣ нѣтъ ни общества, ни народа, поэтому не можетъ существовать ни общественныхъ интересовъ, ни самостоятельнаго общественнаго починка. Общество—это чиновники, офицеры, иностранцы; народъ—солдаты, матросы, ссыльные, да инородцы. Одни служатъ, другіе торгуютъ и услуживаютъ служащимъ. Все это населеніе временное, которое думаетъ только объ одномъ: какъ бы отслужить свой срокъ, да побольше заработать, или даже по просту урвать, и затѣмъ поскорѣе убраться восвояси. Авторъ приводитъ нѣсколько примѣровъ, обрисовывающихъ беззащитность владивостокскихъ обывателей въ этомъ отношеніи. Ни о какихъ общественныхъ или народныхъ интересахъ, земледѣльческихъ, торговыхъ, культурныхъ и промышленныхъ пока еще не можетъ быть и рѣчи во Владивостокѣ, такъ какъ все его населеніе либо защитники, либо правители, или же люди, привлеченные въ эту мѣстность интересами защитниковъ и правителей, которые правятъ и защищаютъ только одно—удобную бухту, которая можетъ служить базисомъ для военно-морскихъ операцій. Интересы обороны этого пункта, однако, вызвали потребность въ заселеніи края и въ проложеніи путей сообщенія.

Отсюда появленіе народа, экономическихъ интересовъ и культуры, которая понемногу создается въ краѣ. Съ проведеніемъ желѣзной дороги Европа вступить въ свои права въ этой непріютной, суровой странѣ. Выростутъ новыя поколѣнія, которыя будутъ любить свой край и которыя не будутъ думать только о томъ, какъ бы урвать изъ него что можно, а будутъ вкладывать въ него свою энергію, трудъ и знаніе. Однако, пока наступитъ это свѣтлое будущее, жизнь во Владивостокѣ будетъ тяжела для всякаго свѣжаго человѣка, не явившагося туда исключительно съ цѣлями наживы.

Весь интересъ общественной жизни этихъ далекихъ окраинъ сосредоточенъ въ настоящее время на постройкѣ того великаго рельсоваго пути, который долженъ связать ихъ съ Европой. Авторъ сообщаетъ весьма интересныя свѣдѣнія объ организациі работъ по проведенію сибирской желѣзной дороги, о системѣ труда, существующей тамъ, и объ условіяхъ жизни желѣзнодорожныхъ рабочихъ. Между прочимъ, въ высшей степени любопытенъ разсказъ автора о томъ, какое вліяніе имѣло гуманное и добросовѣстное отношеніе къ каторжникамъ на успѣшность ихъ работы и отсутствіе побѣговъ, буйства и преступленій. Извѣстно, что принудительный трудъ всегда малоуспѣшенъ; трудъ же, налагаемый какъ наказаніе, конечно, еще болѣе ненавистенъ человѣку—отсюда экономическая невыгодность труда ссыльно-каторжныхъ. Однако, первое время казалось возможнымъ достигнуть иныхъ, болѣе благоприятныхъ результатовъ этого труда. Подъ управленіемъ въ высшей степени гуманнаго старика инженера Стоянова, армія преступниковъ работала одушевленно и весело. Ни одного побѣга, ни одного буйства и преступленія за это время не произошло, хотя условія для побѣговъ были въ это время очень благоприятны. Рвеніе арестантовъ при производствѣ работъ, конечно, не мало способствовало тому, что торжество закладки сибирской желѣзной дороги состоялось въ назначенное время. Но такое положеніе продолжалось не долго. Стояновъ былъ уволенъ, начались побѣги, взысканія. Наступила острая реакція, каторга напомнила о себѣ и вызвала настоящую панику во Владивостокѣ, такъ какъ начались повальныя воровства, грабежи, убійства, и городъ былъ оцѣпленъ военными постами, и военные патрули расхаживали по улицамъ. Переворотъ совершился какъ разъ тогда, когда измѣнилась система обращенія съ каторжными рабочими. Рѣшительныя мѣры и наступленіе холодовъ, прекратившее побѣги арестантовъ, положило конецъ острой реакціи, затѣмъ все вошло въ свою колею, т.-е. наступилъ обыкновенный каторжный режимъ, малая успѣш-

ность труда, побѣги и глухая борьба. Все пошло опять обычнымъ путемъ по системѣ установившейся рутинѣ, и гуманныя теоріи, на время-было одержавшія верхъ и возбудившія надежды на свое осуществленіе въ дѣйствительной жизни, снова перешли въ область утопическихъ мечтаній.

Къ сожалѣнію, размѣры этой замѣтки не позволяютъ намъ изложить болѣе подробно содержаніе интересной книги г. Южакова, къ которой отсылаемъ нашего читателя, особенно если онъ интересуется бытомъ нашихъ далекихъ окраинъ. Вторая часть книги г. Южакова посвящена описанію тѣхъ мѣстностей (Перимъ, Цейлонъ, Малайскій архипелагъ, Сингапуръ, Японія), которыя онъ посѣтилъ на пути изъ Одессы во Владивостокъ и обратно. И здѣсь г. Южаковъ не ограничивается только описаніемъ достопримѣчательностей и передачею только личныхъ впечатлѣній. Въ каждой строкѣ его очерковъ вы чувствуете писателя-публициста, который не можетъ пройти мимо какихъ бы то ни было явленій общественной жизни, не постаравшись разъяснить себѣ ихъ значенія и условія ихъ происхожденія. Рядомъ съ этимъ, мы находимъ въ очеркахъ очень поэтичныя и интересныя описанія тропической природы, восхожденія на Адамовъ пикъ, эту святыню буддистовъ, и т. д. Описаніе урагана въ Индѣйскомъ океанѣ прелестно. Тропическая природа произвела на автора впечатлѣніе могущества и торжества старости. Со старческимъ постоянствомъ, безъ молодыхъ весеннихъ порывовъ сѣверной природы, говоритъ авторъ, безъ напряженія силъ въ ихъ полномъ разцвѣтѣ сѣвернаго лѣта, тропическая природа повторяетъ изо дня въ день одно и то же, поражая своею неувыдающею мощью и неистощимыми силами. Въ этой мощи тропической природы авторъ видитъ ея главное обаяніе и источникъ ея власти надъ человѣчествомъ. «Несмѣняемость безъ перерыва, пробужденія и напряженія, воспитываетъ въ тѣхъ же свойствахъ и тропическаго человѣка. Сингалезы и малайцы—симпатичный, интеллигентный и нравственный народъ (особенно сингалезы), но они, подобно своей природѣ, застыли въ незыблемыхъ, низмѣнныхъ процессахъ жизни, не зная весенняго возбужденія силъ, обновляющаго и тѣло, и душу человѣка, ни лѣтняго напряженія, заставляющаго превзойти самого себя и служащаго залогомъ развитія человѣческихъ силъ и способностей, ни зимняго досуга для отдыха и размышленія. Молчить и дремлетъ въ своей неувыдаемой красотѣ могучая старость; молчить и не отзывается и наше сѣверное сердце на красоты этой природы, равнодушной и холодной, хотя и облитой горячими лучами полуденнаго солнца».

Путевые очерки г. Южакова печатались первоначально въ видѣ

отдѣльныхъ статей въ журналахъ «Русское Богатство» и «Миръ Божій». Г. Южаковъ собралъ ихъ и дополнилъ, а нѣкоторыя главы написалъ даже вновь, рѣшившись издать эти очерки въ отдѣльной книгѣ. Мы, читатели, можемъ быть ему только благодарны за то, что онъ взялъ на себя трудъ представить намъ въ объединенномъ видѣ свои, въ высшей степени интересныя и содержательныя, путевыя впечатлѣнія. 3.

На добрую память изъ русскихъ писателей. Книга для семейнаго чтенія. Составлена Л. П. Никифоровымъ М. 1894 г. Цѣна 1 руб. 25 коп. Съ благотворительною цѣлью.

Задача книги, какъ узнаемъ изъ предисловія, двоякая. Во-первыхъ—та же, какую преслѣдуютъ всѣ хорошія хрестоматіи, т.-е. ознакомленіе читателей не только со слогами, но и съ характеромъ и направленіемъ наличныхъ художественныхъ силъ. Во-вторыхъ, составитель хотѣлъ сгруппировать черты того положительнаго типа, который долженъ выступить на сцену Онѣгиныхъ, Печориныхъ и Базаровыхъ.

Первую цѣль нельзя признать достигнутой. Въ сборникѣ вовсе не представлены такіе писатели, какъ Островскій, Рѣшетниковъ, да и изъ представленныхъ авторовъ даны далеко не наиболѣе характерныя—ни по слогу, ни по направленію произведенія.

Не болѣе, на нашъ взглядъ, достигнута и другая, задача. Только отдѣльныя черты этого типа, да и то не всѣ, подмѣчены, по словамъ составителя, большинствомъ современныхъ писателей, но ни одинъ изъ послѣднихъ не угадалъ этого положительнаго идеальнаго типа въ цѣлости. Самою общеою и главною изъ замѣченныхъ уже чертъ составитель сборника считаетъ «страстную жажду живого дѣла и нравственнаго подвига». Хотя эта черта и дѣйствительно характерная и важная, но покуда типъ не сложится, рѣшительно невозможно предугадать, какое она придастъ освѣщеніе цѣлому типу, какъ отразится на немъ, какое займетъ мѣсто, даже во что переродится оно подъ вліяніемъ тѣхъ общественныхъ условій, при которыхъ будетъ складываться еще не сложившійся типъ. Будутъ эти условія благоприятны, отмѣченная г. Никифоровымъ черта дастъ матеріалъ для образованія типа энергичныхъ дѣятелей на пользу общую, борцовъ за народныя интересы, «Родионовъ радѣтелей» (см. очеркъ Г. Успенскаго въ сборникѣ). При другихъ, неблагоприятныхъ, условіяхъ, типъ получится совершенно иной, можетъ быть, еще болѣе отрицательный, чѣмъ Онѣгины и Печорины. Замѣтимъ еще, что въ тѣхъ произведеніяхъ, кото-

рыя вопли въ сборникъ, «страстная жажда живого дѣла и нравственнаго подвига» далеко не всегда является главною чертою дѣйствующихъ лицъ. Гдѣ, напримѣръ, эта черта въ Бергамотовѣ въ очеркѣ М. Альбова «Подъ мирными кровлями, въ «Крестникѣ» Л. Толстого, въ разсказѣ «Между своими» К. Станюковича, въ «Вольномъ человѣкѣ: Яшкѣ» Мамина - Сибиряка? Для читателей совершенно извратится смыслъ названныхъ произведеній, если они будутъ стараться вычитать изъ нихъ то, что указываетъ г. составитель въ предисловіи къ сборнику.

Тѣмъ не менѣе мы отнюдь не хотѣли бы, чтобъ читатели судили о книгѣ по одному предисловію или по тому, что о ней сказано до сихъ поръ у насъ. Признавая поставленныя въ немъ составителемъ себѣ задачи неосуществленными, а отчасти и неосуществимыми, мы тѣмъ не менѣе можемъ смѣло рекомендовать сборникъ, какъ очень хорошую книгу для нѣкоторыхъ, преимущественно юныхъ, читателей, или для семейнаго чтенія, на что указываетъ и самъ составитель въ подзаголовкѣ. Не смотря на разнообразіе матеріала, во всей книгѣ есть нѣчто общее, что его связываетъ, придаетъ книгѣ цѣльность. Это общее—та любовь къ людямъ, «та жажда живого дѣла и нравственнаго подвига», та жажда толкнуть къ нимъ другихъ, читателей, которая руководила составителемъ въ выборѣ произведеній для сборника. Обратимъ вниманіе на цѣлый рядъ помѣщенныхъ въ немъ прекрасныхъ стихотвореній, проникнутыхъ горячей вѣрой въ торжество правды, любви, побѣду свѣта надъ тьмою, въ силу и плодотворность труда на пользу родины и ея «поилица и кормилица»—мужика. Читая сборникъ, дѣлается очевиднымъ, что именно вслѣдствіе своей непоколебимой вѣры и страстнаго желанія побѣды правды и добра, авторъ уже видитъ побѣдителями въ ближайшемъ будущемъ только ихъ, и отождествляетъ поэтому свой личный идеалъ съ тѣмъ типомъ, который долженъ явиться на сцѣну Печоринымъ и Онѣгинимъ. И читатели несомнѣнно задумаются надъ могуществомъ любви, надъ ея психологической необходимостью для человѣка. Только одна эта сила смогла побудить къ какой-нибудь дѣятельности въ конецъ опустившагося Бергамотова (разсказъ Альбова «Подъ мирными кровлями»). Сборникъ даетъ также не мало матеріала, чтобъ задуматься надъ различными условіями проявленія этой великой силы въ дѣятельности, въ жизни. Читатели задумаются несомнѣнно надъ тѣмъ, почему жизнь въ любви ставитъ такія трудныя задачи, о которыхъ говорится въ «Бесѣдѣ досужихъ людей» Л. Толстого, въ «Рождественской сказкѣ» Н. Щедрина; они остановятся также несомнѣнно и надъ тѣмъ, какое проявленіе любви болѣе есте-

ственно, болѣе ведетъ къ цѣли — то ли, о которомъ говорится въ «Крестникѣ» Л. Толстого, или то, которое даетъ содержаніе разсказа Потапенко «Тайна», удовлетворяется ли это чувство извѣстнымъ личнымъ только поведеніемъ, или не можетъ удовольствоваться этимъ, какъ не могъ удовольствоваться Сережа въ «Рождественской сказкѣ».

М.

Общественное призрѣніе дѣтей на началахъ самостоятельнаго ихъ существованія въ связи съ вопросомъ о сельскохозяйственномъ и кустарномъ образованіи. Н. Жеденовъ. Саратовъ. 1894 г. Цѣна 20 коп.

Въ небольшой брошюрѣ г. Жеденова затронуть въ высшей степени важный вопросъ: какъ быть съ сиротами крестьянскими дѣтьми, нуждающимися въ общественномъ призрѣніи? Сиротскіе пріюты, содержимые земствами, не въ состояніи удовлетворить возрастающей потребности въ такого рода учрежденіяхъ. Авторъ указываетъ на отчетъ за 1892 годъ Саратовскаго земскаго сиротскаго пріюта, которымъ завѣдуетъ женщина-врачъ г-жа Харазоменова. Въ отчетѣ прямо говорится, что черезъ вѣкоторое число лѣтъ пріютъ уже не въ состояніи будетъ отвѣчать запросамъ времени. Поэтому земству теперь же надлежитъ выработать планъ призрѣнія сиротъ такъ, чтобы они впоследствии могли сдѣлаться полезными для общества работниками.

Авторъ справедливо подчеркиваетъ важность и серьезность этой задачи и замѣчаетъ, что въ ней заинтересованы не одни только земства, но и всѣ рѣшительно общественные элементы, страдающіе отъ ежегодно нарастающаго городского и сельскаго пролетаріата. Трудность рѣшенія этой задачи, главнымъ образомъ, зависитъ отъ недостатка финансовыхъ средствъ, которыми располагаютъ земства, и отъ неправильной, по мнѣнію автора, точки зрѣнія, что призрѣваемая въ земскихъ пріютахъ дѣти совершенно безпомощны и трудъ ихъ не можетъ приносить существенной пользы тому учрежденію, въ которомъ они находятся.

Планъ автора заключается въ устройствѣ сельскохозяйственныхъ и ремесленныхъ пріютовъ, гдѣ дѣти получаютъ такое воспитаніе, которое дастъ имъ возможность въ будущемъ обходиться безъ посторонней помощи и добывать себѣ все необходимое для своего обихода собственными силами. Курсы обученія въ пріютахъ, по мнѣнію автора, не долженъ быть выше курса низшей народной школы, но съ обязательнымъ включеніемъ предметовъ, знаніе которыхъ необходимо ремесленнику и земледѣльцу. Обученіе гра-

мотѣ должно носить чисто семейный характеръ. Затѣмъ, главное вниманіе должно быть обращено на практическія занятія въ полѣ и дома. Полученныя въ пріютѣ практическія знанія дадутъ возможность его питомцамъ, когда они сдѣлаются членами сельской общины, улучшить различныя отрасли сельскаго хозяйства и способствовать уничтоженію въ крестьянской массѣ недовѣрія къ нововведеніямъ и улучшеніямъ, идущимъ наперекоръ дѣдовскимъ традиціямъ, которымъ такъ неохотно измѣняетъ крестьянинъ.

Авторъ подробно вычисляетъ, во что обходится содержаніе каждаго питомца въ пріютѣ и то количество труда, которое выпадаетъ на долю каждаго питомца, сообразно его возрасту, силамъ и способностямъ. Земство должно доставить только удобный уголь для пріюта, т.-е. покой, въ которомъ можно было бы жить въ мало-мальски гигиенической обстановкѣ, приспособить же его для себя и украсить будетъ уже дѣло самихъ питомцевъ. При пріютѣ непременно долженъ быть достаточный клочокъ земли, поле и огородъ, а всѣ, необходимые для жизни, матеріалы и продукты питомцы пріюта будутъ добывать уже собственными силами, исполняя сами всѣ хозяйственныя и ремесленныя работы. Развивая свою идею, авторъ говоритъ, что, конечно, пріютъ долженъ поддерживать питомцевъ въ первыхъ шагахъ ихъ самостоятельной жизни. и снабжать своихъ питомцевъ по выходѣ всѣмъ необходимымъ для самостоятельнаго веденія крестьянскаго хозяйства. Содержаніе пріюта, при соблюденіи вышесказанныхъ условій, не будетъ ложиться тяжестью на земскій бюджетъ, и поэтому земства могутъ увеличить число такихъ пріютовъ безъ ущерба для себя. Авторъ говоритъ, что первоначально идея устройства сельскохозяйственныхъ пріютовъ, возбудила только недовѣріе; но когда она была приведена въ исполненіе въ нѣкоторыхъ уѣздахъ, то, не смотря на краткій срокъ существованія такихъ пріютовъ, оказались уже благопріятные результаты, и недовѣріе мало-по-малу начинаетъ исчезать. Авторъ надѣется, что въ непродолжительномъ времени Россія покроется цѣлою сѣтью такихъ школъ-пріютовъ, и безпріютныя дѣти, взывающія къ обществу о помощи, найдутъ себѣ убѣжище; дѣло же народнаго сельскохозяйственнаго образованія сдѣлаетъ громадный шагъ впередъ.

Къ сожалѣнію, рядомъ съ развитіемъ такой въ высшей степени симпатичной идеи, авторъ высказываетъ довольно странный взглядъ на дѣло народнаго образованія. Обученіе грамотѣ и вообще умственное развитіе крестьянскихъ дѣтей авторъ считаетъ дѣломъ второстепеннымъ, послѣднее даже вреднымъ, опасаясь, какъ бы оно не вызвало у крестьянъ чувства неудовлетворенія окружающею ихъ обстановкою и не возбудило въ нихъ потреб-

ностей не соответствующих, этой обстановкѣ. Авторъ боится, что крестьянинъ можетъ пристраститься къ книгѣ и отдалиться отъ той среды, въ которой ему приходится жить. Намъ, кажется, однако, что прогрессъ невозможенъ безъ такого именно недовольства окружающею обстановкою. Только сознавъ всю ея неприглядность, крестьянинъ станетъ стремиться къ ея измѣненію и улучшенію, такъ какъ онъ уже не въ состояніи будетъ удовлетвориться тою полуживотною-полурастительною жизнью, которую ему приходится вести. Дѣло народнаго сельскаго хозяйства и народное благосостояніе только выиграетъ отъ поднятія умственнаго уровня крестьянъ и отъ распространенія среди нихъ побольше свѣта и знаній. Страшенъ не свѣтъ, а мракъ невѣжества, вѣками сковывающій умъ нашего народа и порождающій такія дикія явленія, каковы, на примѣръ, столь памятные всѣмъ холерные беспорядки.

Угасаніе инородческихъ племенъ Сѣвера. Проф. Ар. Ив. Якобіи.
Спб. Ц. 40 коп.

Брошюра профессора Якобія, представляющая докладъ первой секціи Русскаго Общества охраненія народнаго здравія, касается весьма важнаго вопроса объ угасаніи инородческихъ племенъ нашего Сѣвера. Причиной угасанія авторъ считаетъ борьбу за существованіе, но не съ природой, къ которой эти инородцы (самодѣды, остяки) прекрасно приспособлены, а съ выходцами сильнѣе вооруженныхъ культурныхъ расъ. «Дѣла такихъ выходцевъ,—говоритъ авторъ,—всегда взяты изъ длиннаго ряда дѣяній, которыя осуждены нравственными кодексами всѣхъ вѣрованій и предусмотрены уголовными кодексами всѣхъ культурныхъ государствъ. Пользуясь дѣтской фазой инородческаго племени, эти выходцы (авантюристы, торговцы, промышленники, компаніи и проч.) раззоряютъ инородческую страну неразсчетливыми, невыгодными для государства, «хищническими» приѣмами эксплуатаціи природныхъ богатствъ ея, — пушныхъ звѣрей, рыбы, водяныхъ и лѣсныхъ птицъ, пастбищъ, лѣсовъ, и проч. Съ той же исключительно рыночной точки зрѣнія, эти выходцы относятся и къ инородческому племени и видятъ въ немъ только одну изъ составныхъ частей мѣстной фауны.

«Въ болѣе суровые періоды культуры—продолжаетъ авторъ—инородцевъ убивали и отравляли, какъ вредныхъ, опасныхъ звѣрей, истощали въ непосильныхъ работахъ, жгли на кострахъ, и проч.; въ болѣе мирныя времена ихъ опаиваютъ водкой, обманываютъ на цѣнахъ купли и на столько же на цѣнахъ продажи, обманываютъ фальшивымъ

нѣсомъ и фальшивыми мѣрами, раззоряютъ недобросовѣстнымъ кредитомъ, заставляя платить сомнительные долги ихъ отцовъ, пользуясь ихъ «простотой», и презираютъ ихъ за эту «простоту», захватываютъ ихъ земли и рыболовныя и звѣроловныя мѣста, вытравливаютъ ихъ пастбища, и т. д.; все это при системѣ безучастія мѣстныхъ властей и культурныхъ людей».

Авторъ приводитъ дѣйствительно поразительные, душу возмущающіе факты обирания, опаиванья и систематическаго раззоренья самоѣдовъ и остяковъ русскими и зырянками. (Осѣдлое земледѣльческое русское населеніе, по словамъ автора, непричастно въ этихъ преступныхъ дѣяніяхъ). Стада оленей русскихъ и зырянъ неосмотрительно выгаптываютъ ягель и совершенно измѣняютъ прежнее рациональное, съ тундровой точки зрѣнія, оленеводство самоѣдовъ, тоже происходитъ и съ охотничьимъ промысломъ: прежде самоѣды выжидали, чтобы песецъ побѣлѣлъ, сталъ рослопесцомъ, теперь же русскіе и зыряне вынимаютъ песцовъ изъ норъ, еще «щенятами» и тѣмъ мало-по-малу принуждаютъ и самоѣдовъ дѣлать то же, чтобы не умереть съ голода. Мѣновая торговля съ самоѣдами характеризуется слѣдующими цифрами: за 1 пудъ муки, стоящій 85 коп., съ самоѣда берутъ три песка, стоимость которыхъ 3 руб., за $\frac{1}{2}$ пуда соли (35 коп.)—шкуру оленя, или песка (1 р.—1 р. 15 к.). Понятно, что послѣ нѣсколькихъ лѣтъ такой «мѣновой торговли» самоѣду приходится идти въ батраки къ пришельцу съ наибольшей платой 15—18 р. въ годъ, но и тѣхъ, въ большинствѣ случаевъ, самоѣдъ не получаетъ, такъ какъ хозяинъ запутываетъ его различными мудрыми расчетами. Въ результатѣ—переходъ оленьихъ стадъ отъ самоѣдовъ къ русскимъ и зырянкамъ и вымираніе самоѣдовъ. То же вымираніе идетъ и среди остяковъ рѣки Оби. Причины тѣ же, но только, пожалуй, съ еще большей силой выступаютъ преступныя дѣянія:—обмѣръ и опаиванье. Самый жестокой поступокъ съ остякомъ Сургутскаго края, по словамъ С. Швецова, считается дозволеннымъ; мальчишки издѣваются надъ нимъ на улицѣ, запускаютъ въ него льдинки, травятъ собаками; взрослые безцѣльно бьютъ его, ради потѣхи толпы. Всѣ эти и подобные имъ факты позволяютъ автору утверждать, что угасаніе инородческаго племени есть сумма угасаній его отдѣльныхъ семей, есть результатъ системы такихъ дѣлъ, которыя осуждены и нравственными и уголовными кодексами культурныхъ государствъ, и что потому съ этимъ процессомъ угасанія должно бороться какъ государство, такъ и общество. Проф. Якобій указываетъ на датскую Гренландію, гдѣ такая христіанская культурная борьба ведется уже болѣе 150 лѣтъ. Толчкомъ къ ней

послужила самоотверженная дѣятельность норвежскаго пастора Эгеде, который отправился въ Гренландію миссіонеромъ. Его дѣятельность была поддержана другими лицами и датскимъ правительствомъ; послѣднее взяло въ свои руки торговлю въ Гренландіи, какъ правительственную монополію, завело врачей, устроило школы, запасы необходимыхъ для эскимосовъ вещей и, говоритъ проф. Якобій, «въ Гренландіи исполняются законы, изданные для Гренландіи». Слѣдствія такой культурной дѣятельности слѣдующія: эскимосы грамотны, имѣютъ свою газету, въ ихъ языкѣ нѣтъ словъ, назначенныхъ для оскорбленія ближняго, воровство крайне рѣдко, дѣти къ 8—9 годамъ хорошо воспитаны. Мы должны также бороться съ угасаніемъ инородцевъ нашей тундры и мѣры борьбы проф. Якобій предлагаетъ слѣдующія: 1) исполненіе дѣйствующаго законодательства, которое совершенно охраняетъ нашихъ самоѣдовъ и остяковъ отъ порабощенія ихъ пришельцами; 2) основаніе школъ съ интернатомъ для обѣднѣвшихъ инородческихъ семей; воспитанники такихъ школъ въ послѣдствіи могли бы явиться «безсознательными агентами культуры въ средѣ своего племени»; 3) врачебная помощь. Здѣсь нужны цѣлыя склады лѣкарствъ и, конечно, не «чиновники медицинскаго департамента», какъ выражается проф. Якобій, а врачи, проникнутые высотой своей миссіи; 4) изслѣдованіе страны инородческаго сѣвера съ точки зрѣнія народнаго здравія. Авторъ прибавляетъ еще 5) благотворительныя дѣла въ женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, — во на нихъ мы не будемъ останавливаться, такъ какъ читатели «Міра Божьяго» имѣютъ возможность прочесть въ этомъ № обстоятельную статью проф. Якобія по данному вопросу.

Нѣтъ сомнѣнія, что и русское правительство, и русское общество придутъ на помощь угасающимъ племенамъ нашего Сѣвера, такъ какъ, конечно, во всякой культурной странѣ состраданіе и человѣчность должны стоять выше животной борьбы за существованіе. Но намъ кажется, что даже, если будутъ приведены въ исполненіе всѣ мѣры, предложенныя проф. Якобіемъ, самоѣды и остяки все же будутъ вымирать и порабощаться пришельцами, если у насъ не найдется силъ подчинить экономическую сторону жизни нашего Сѣвера высшему, нравственному началу.

А.

Краткій словарь міеологик и древностей. Древніе боги, герои, государственные люди, поэты, философы, художники древности, древнія страны и главнѣйшіе города древности. Составлено по 6-му изд. «Handy Classical Dictionary» и др. источникамъ *М. Коршъ*. С.-Петербургъ. Изданіе А. С. Суворина. 1894 г. 233 стр.

Потребность въ образованіи растетъ въ Россіи съ каждымъ годомъ, но далеко не всякій можетъ получить хотя бы среднее, хотя бы даже низшее, образованіе; причина кроется въ бѣдности народа съ одной стороны, въ дороговизнѣ и маломъ количествѣ учебныхъ заведеній—съ другой. На помощь въ такомъ печальномъ положеніи можетъ придти только одно самообразованіе. Къ сожалѣнію, и въ этомъ отношеніи у насъ далеко не благополучно: книгъ для самообразованія издается очень мало, систематизаціи же ихъ и совсѣмъ не имѣется. Поневолѣ тому, кто самъ, безъ помощи учителя, захочетъ получить какія-либо свѣдѣнія, пополнить пробѣлы своего образованія, приходится обращаться къ книгамъ, написаннымъ для вполне образованныхъ читателей; въ такихъ книгахъ для него многое будетъ казаться недосказаннымъ, неяснымъ, даже совершенно непонятнымъ. Большую службу могутъ сослужить здѣсь толково составленные словари по различнымъ отраслямъ знанія: полные энциклопедическіе словари слишкомъ дороги для тѣхъ лицъ, о которыхъ мы говоримъ, такъ какъ самообразованіе въ большинствѣ случаевъ связано съ матеріальною недостаточностью. Но, конечно, такіе словари полезны для справокъ и лицамъ, получившимъ даже и высшее образованіе: многого и они могутъ не знать, многое забывается. Поэтому мы горячо привѣтствуемъ начинаніе г. Суворина. Краткій словарь міеологик и древностей составленъ г-жею Коршъ весьма толково и обстоятельно; изданъ изящно въ формѣ маленькаго томика, въ $\frac{1}{16}$ долю листа, сброшюрованнаго и даже переплетеннаго въ коленкорую обложку.

Недостаткомъ этого словарика является, по нашему мнѣнію, только именной характеръ его: древняя наука, философія, искусство исключены—такихъ словъ, какъ эпосъ, драма, портикъ, атомъ, перипатетикъ и т. п., вы здѣсь не найдете,—но этихъ отдѣловъ не значитъ и въ заголовкѣ; вѣроятно, имъ будетъ посвященъ отдѣльный словарь.

А.

Второй стѣнной календарь петербургской весны. Сост. *Дж. Кайгородовъ*. Спб. 1894 г.

Этотъ календарь является плодомъ долгихъ двадцатилѣтнихъ наблюдений проф. Д. Кайгородова; они дозволили ему вывести среднія числа прилета къ намъ, въ окрестности Петербурга, различныхъ птицъ, цвѣтѣнія и зеленѣнія различныхъ растений; кромѣ этихъ среднихъ дней, въ календарѣ обозначены и границы явленія, т.-е. предѣлы, въ которыхъ колеблется прилетъ даннаго вида птицъ или цвѣтѣніе извѣстнаго растенія, напр., самый ранній изъ наблюдавшихся прилетъ грачей былъ 22-го февраля, самый поздній—20-го марта, арифметическимъ путемъ выведенъ и средний день прилета грачей—8-го марта. Но «отнюдь не слѣдуетъ думать,—говоритъ составитель,—чтобы послѣдовательный порядокъ явленій, приведенныхъ въ этой таблицѣ, представлялъ нѣчто неизмѣняемое. Годъ на годъ не придется... Сильныя атмосферическія явленія (бури, грѣзы) видоизмѣняютъ иногда довольно сильно ходъ весенняго прилета птицъ. Порядокъ явленій постепеннаго развитія растительнаго міра болѣе устойчивъ, хотя и въ немъ тоже случаются измѣненія, зависящія, преимущественно, отъ характера предыдущихъ зимъ и осени». Такъ, напр., въ этомъ второмъ календарѣ многія цифры въ явленіяхъ растительнаго міра передвинулись, сравнительно съ первымъ календаремъ (прошлаго года), вслѣдствіе поздняго развитія древесной растительности прошлой весной. Въ календарѣ обозначены только русскія названія, для лицъ же, незнакомыхъ съ ними, проф. Кайгородовъ предусмотрительно приложилъ на обложкѣ календаря русско-латинско-нѣмецко-французскій словарь животныхъ и растений, о которыхъ упомянуто въ календарѣ весны.

Любитель природы, который видитъ въ ней не только красивую декорацію для своихъ чувствъ и настроеній, а, главнымъ образомъ, міровую гармонию, связанную тончайшими нитями со всѣмъ его существомъ, такой любитель не можетъ не принести проф. Кайгородову своей благодарности за возможность, которую предоставляетъ ему «Календарь весны», ближе подойти ко многимъ наиболее поэтическимъ проявленіямъ жизни природы. Остается только пожелать, чтобы такіе календари явились не только для Петербурга, но и для другихъ мѣстъ нашей родины, чтобы побольше было у насъ такихъ проповѣдниковъ природы какими является проф. Кайгородовъ.

А.

Генрихъ Стендаль (Бейль). Красное и черное (романъ). Пер. В. Чуйко. С.-Петербургъ. 1893. М. М. Ледерле.

Имя романиста и критика психолога Генри Бейля (писавшаго подъ псевдонимомъ Стендаля) одно изъ самыхъ громкихъ въ французской и общеевропейской литературѣ; а между тѣмъ, по стеченію разныхъ обстоятельствъ, произведенія его мало читались при жизни автора; читающей же публикѣ нашего времени они извѣстны тоже больше по наслышкѣ. Стендаль, непонятый своими современниками, предсказывалъ, что его романы и критическія произведенія при дутся по вкусу поколѣнію 80-хъ годовъ XIX вѣка. Пророчество его удивительно оправдалось — во Франціи 80-хъ годовъ и нѣсколько лѣтъ раньше, когда возникъ психологическій романъ, вся молодая литература стала зачитываться Стендалемъ, и подражать ему, т.-е., вѣрнѣе, развивать завѣщанные имъ приемы психологическаго романа. Но, страннымъ образомъ, онъ продолжалъ оставаться «писателемъ для писателей». Въ публику проникали не книги Стендаля, а лишь слава его имени, превозносимая Бурже въ его «Essais de psychologie contemporaine» и другими критиками новаго направленія. А между тѣмъ, не говоря уже о громадномъ влияніи Стендаля на всю современную беллетристическую литературу, произведенія его представляютъ большой интересъ сами по себѣ, по глубинѣ выраженныхъ въ нихъ идей, по тонкости безошибочно строгаго анализа человѣческой души, по блестящимъ характеристикамъ общества и событій первой четверти XIX вѣка.

Генри Бейль родился въ 1783 г. и весь ~~ходъ~~ его жизни сложился подъ влияніемъ пламеннаго почитанія Наполеона и его военнаго гения. Онъ близко изучилъ психологію людей своего времени, извѣздилъ всю Европу въ качествѣ офицера Великой арміи и живя по долгу въ Италіи, которую онъ называлъ своей второй родиной. Въ Парижѣ онъ былъ завсегдатаемъ нѣсколькихъ аристократическихъ и литературныхъ салоновъ, велъ бурную жизнь среди цѣлаго ряда романтическихъ приключеній, и житейскій опытъ, который доставила ему его полувоенная, полудиبلوماسية карьера, онъ положилъ въ основаніе своихъ романовъ, изъ которыхъ лучшими считаются «Красное и черное» (Rouge et Noir) и «Duchesse de Parme».

Разсматривая романы Стендаля, нужно помнить, что онъ писалъ ихъ не какъ художникъ, непосредственно создающій живые образы, а какъ философъ, нашедшій истинную формулу человѣческой души и демонстрирующій ее посредствомъ анализа отдѣльнаго случая. Стендаль перешелъ къ писанію романовъ отъ критики, устанавливающей рядъ психологическихъ и философскихъ истинъ, и, подъ влияніемъ его теоретическихъ взглядовъ, романы его тоже носятъ

скоруѣ идейный, нежели чисто художественный характеръ. Это далеко не лишаетъ ихъ жизненности и драматичности, но придаетъ имъ характеръ серьезности и безошадной логики, не входящей ни въ какіе компромиссы ради эффектовъ и закругленности повѣствованія. Отсутствіе всего выдуманнаго, романтичнаго, всякой идеализации героевъ и всякихъ внѣшнихъ эффектовъ и послужило главной причиной несоотвѣтствія между высокимъ литературнымъ значеніемъ романовъ Стендала и ихъ малымъ распространеніемъ среди читающей публики.

Оба названныя нами, лучшіе, романы Стендала посвящены анализу чувства любви на фонѣ общественныхъ событій, волновавшихъ Францію въ началѣ нашего вѣка. Идея, проведенная авторомъ въ этихъ романахъ, изложена была имъ предварительно въ небольшомъ психологическомъ памфлетѣ «De L'Amour», гдѣ онъ устанавливаетъ нѣсколько категорій чувства любви, и доказываетъ, что только итальянцы способны чувствовать самоотверженную, «amour-passion», разсудительнымъ же и практическимъ французамъ доступна только «amour-vanité» (любовь-тщеславіе). Этотъ родъ любви изображенъ въ романѣ «Красное и черное». Герой его, Жюльенъ Сорель, вполне сынъ своего времени, продуктъ борьбы и взаимной ненависти общественныхъ классовъ. Въ немъ Стендаль воплотилъ французскую буржуазію начала вѣка съ ея стремленіемъ побороть вѣковые предрасудки аристократизма и съ помощью ума и непреклонной воли завоевать себѣ положеніе въ свѣтѣ—«faire son chemin», какъ гласитъ французское выраженіе. Жюльенъ неиспорченная, живая натура, способная на хорошіе порывы и непосредственныя чувства. Но честолюбіе заставляетъ его систематически искоренять въ себѣ всякое проявленіе искреннаго чувства, а врожденная ненависть къ высшимъ классамъ побуждаетъ поступать намѣренно самымъ низкимъ образомъ. Всякое искренное побужденіе онъ считаетъ слабостью, всякую заранѣе обдуманную и исполненную хитрость и обманъ—подвигомъ, потому что этимъ путемъ онъ достигаетъ превосходства надъ людьми стоящими выше его по происхожденію и по богатству. Этотъ постоянный конфликтъ между живой страстной натурой и роковыми общественными условіями, создавшими въ честолюбивомъ юношѣ уродливый кодексъ обязательной низости, переданъ въ романѣ Стендала съ поразительнымъ драматизмомъ, силой и правдой.

Жюльенъ постоянно занятъ самоанализомъ; онъ отдаетъ себѣ отчетъ въ каждомъ движеніи души, и отыскиваетъ его источникъ; это дѣлаетъ его психологію до того тонкой и правдивой, что читатель начинаетъ вполне понимать контрасты, уживающіеся въ

душѣ Жюльена: его мелкое тщеславіе и порывы искренней нѣжности къ любящей его женщинѣ, которую онъ съ холоднымъ расчетомъ хочетъ погубить, какъ представительницу ненавистнаго класса богатыхъ и вліятельныхъ людей; его дерзость и приниженность, жестокость и умѣніе искренно болѣть душой. Читатель видитъ насквозь жизнь этой сложной души, находящейся подъ вѣчнымъ опасеніемъ урона для своего самолюбія, и совершенно искорканной благодаря этому.

Тонкость анализа субъективныхъ чувствъ Жюльена сказывается въ самомъ заглавіи, составляющемъ основную идею всего романа. Дѣло идетъ о выборѣ карьеры для молодого сына крестьянина, задавашагося цѣлью преуспѣть въ свѣтѣ. Ярый поклонникъ Наполеона, онъ всей душой стремится къ военнымъ подвигамъ; «красное»—цвѣтъ военного мундира—его завѣтная мечта. Но престижъ военной силы прошелъ послѣ 1814 г. Около 30-хъ годовъ—эпоха, къ которой относится дѣйствіе романа,—среди готовящейся политической катастрофы, наиболѣе шансовъ на вліяніе въ обществѣ имѣетъ духовенство. Поэтому, не долго задумываясь, Жюльенъ оставляетъ дѣтскія мечты о «красномъ» и избираетъ «черное», т.-е. сутану католическаго священника. Холодный расчетъ вмѣсто непосредственнаго увлеченія, всепоглощающая жажда «преуспѣть», и забвеніе всѣхъ завѣтныхъ стремленій души ради успѣха въ обществѣ—таковой выходитъ по роману Стендаля характеристика французскаго общества послѣ паденія Наполеона, и типичнаго его представителя онъ изобразилъ въ непривлекательномъ, при всей своей силѣ и при всемъ величіи, Жюльенѣ. Интересно, между прочимъ, обрисовано въ романѣ положеніе клерикальной партіи и ихъ политическихъ интригъ.

Русское изданіе романа Стендаля читается очень легко и пріятно, благодаря прекрасному переводу В. Чуйко. Отмѣтимъ также содержательный этюдъ о Стендалѣ, предпосланный роману переводчикомъ.

W.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Психологія, этика, философія.

Grundriss der Psychologie auf experimenteller Grundlage dargestellt. Von Oswald Külpe. Mit 10 Figuren im Text. Leipzig, 1893. 478 S. M. G. (Руководство по психологіи). Книгу эту нельзя не признать прекраснымъ и въ высшей степени содержательнымъ, при всей своей краткости, учебникомъ психологіи. Авторъ знакомитъ читателя съ результатами индуктивной, экспериментальной школы; физиологическія данныя приводятся въ самомъ незначительномъ количествѣ. Г. Кюльпе, ученикъ Вундта, прекрасно овладѣлъ матеріаломъ и проявляетъ самостоятельность въ пониманіи фактовъ и тонкую критику въ выборѣ между различными взглядами. Полнота и сжатость служатъ отличительными чертами названнаго труда.

(Literarisches Centralblatt).

L'éducation de la volonté, par M. Jules Payot, 1 vol. in 8°. (Воспитаніе воли). Книгу эту безусловно можно назвать хорошею; нельзя не отмѣтить искренности автора, его добрыхъ намѣреній, а равно и своевременности появленія этого сочиненія. Пайо доказываетъ, что причиною почти всѣхъ нашихъ неудачъ и несчастій слѣдуетъ признать слабость нашей воли: онъ старается вызвать реакцію противъ распространенной болѣзни нашихъ дней, заключающейся въ страхѣ и отвращеніи ко всякому упорному труду или напряженію

силъ. Г. Пайо подъ словомъ воля разумѣетъ силу, которая существуетъ или должна существовать въ человѣкѣ, дабы быть въ силахъ оказать сопротивление какъ самому себѣ, такъ и влияніямъ, окружающей среды.

(Revue des Deux Mondes).

Darvinismus und Socialismus oder der Kampf um's Dasein in der modernen Gesellschaft, von L. Büchner. Leipzig. (Дарвинизмъ и социализмъ или борьба за существованіе въ современномъ обществѣ). Авторъ, талантливый дарвинистъ, посвящаетъ вниманіе преимущественно условіямъ социальной борьбы. Рисуя въ мрачныхъ краскахъ условія существованія народныхъ массъ, Бюхнеръ, однако, въ очень существенныхъ пунктахъ расходится съ социализмомъ. Онъ — убѣжденный сторонникъ Джоржа и его германскихъ послѣдователей, какъ Флуртейтъ. Разрѣшеніе социального вопроса авторъ ждетъ, во-первыхъ, отъ передачи земли въ руки государства и уничтоженія поземельной ренты, во-вторыхъ, отъ упраздненія наследственнаго права и, въ-третьихъ, отъ осуществленія для всѣхъ гражданъ обязательнаго страхованія при болѣзни, несчастныхъ случаяхъ и неспособности къ труду.

(«Русскія Вѣдомости»).

Биографія, культура.

Menschen und Werke, von Georg Brandes. (Люди и произведенія). Это — рядъ характеристикъ и критическихъ этюдовъ, посвященныхъ Стриндбергу, Якобсену, Гауптману, Нитцше и др. Этюдъ о Нитцше представляетъ осо-

бенный интересъ, который увеличивается еще тѣмъ обстоятельствомъ, что авторъ приводитъ рядъ писемъ къ нему этого философа.

(«Русскія Вѣдомости»).

Tycho Brahe. Ein Bild wissenschaftlichen Lebens und Arbeitens im 16-Jahrhundert. Von Dr. J. L. F. Dreyer. Autoris. deutsche Uebersetzung von M. Brunhs. Mit einem Vorwort von W. Valentiner. Karlsruhe, 1894. 434 s. M. 10. (Тихо Браге). Книга переведена съ англійскаго языка. Появление этого сочиненія въ оригиналѣ было горячо привѣтствовано, такъ какъ отвѣчало давно назрѣвшей потребности имѣть болѣе подробныя біографіи корифеевъ астрономической науки. Авторъ прекрасно сумѣлъ передать отлѣнные эпизоды жизни великаго астронома и дать правильную оцѣнку его ученыхъ работъ. (Literarisches Centralblatt).

Haroun Alraschid. By E. H. Palmer. M. A. (Гарунъ - аль - Рашидъ). Чрезвычайно интересно и удачно составленная біографія. Въ ней впервые великій легендарный калифъ является передъ нами, какъ историческая личность. Одна изъ главъ этой книги посвящена авторомъ исторіи роста и развитія Восточной Имперіи; въ связи съ этимъ передъ нами встаетъ личность калифа, какъ реальнаго дѣятеля. Говоря о Гарунъ-аль-Рашидъ, какъ легендарной личности, г. Пальмеръ указываетъ, какое множество рассказовъ связано съ именемъ этого калифа и какъ память о немъ сохранилась въ большомъ числѣ анекдотовъ, часто весьма правдоподобныхъ. Біографія Гарунъ-аль-Рашида появилась въ серіи: *Heroes of History, edited by Walter Besant, M. A., and Rev. N. J. Brodribb, M. A.* (Герои исторіи). Въ ту же серію входятъ біографіи: *Abraham Lincoln by G. Leland.* (Авраамъ Линкольнъ), *Sir John Franklin, by A. H. Beesly M. A.* (Джонъ Франклинъ), *Martin Luther by John H. Trendwell* (Мартинъ Лютеръ). Перечисленныя біографіи, изъ коихъ каждая составляетъ маленькій и дешевый томикъ, доступны широкому кругу читателей. Авторы пользовались са-

мыми точными источниками при составленіи своихъ работъ и отнеслись къ своему труду съ любовью и увлеченіемъ. (Bookseller).

The World's Parliament of Religions, edited by the Rev. I. H. Barrows. (Всемирный парламентъ религій). Подъ этимъ заглавіемъ появились теперь въ двухтомномъ сборникѣ работы конгресса, состоявшагося во время выставки въ Чикаго изъ представителей различныхъ религій земного шара. (Русскія Вѣдомости).

L'Eloquence française depuis la Révolution jusqu'à nos jours, par M. Joseph Reinach, vol in—18. (Французское краснорѣчіе со времени революціи до нашихъ дней). Сочиненіе Г. Рейнаха очень интересно; оно снабжено весьма удачно составленнымъ предисловіемъ. Книга эта представляетъ собраніе образцовъ французскаго краснорѣчія, систематически расположенныхъ въ исторической послѣдовательности, благодаря чему получается какъ бы сокращенная исторія развитія этого искусства за послѣднее столѣтіе. (Revue des Deux Mondes).

Hazzel's Annual for 1894. Price: 3 s. 6 d. (Ежегодникъ Гезелля на 1894 годъ). Съ каждымъ годомъ ежегодникъ Гезелля, представляющій извѣстнаго рода «энциклопедію», или справочную книгу о всѣхъ выдающихся современникахъ и главнѣйшихъ вопросахъ дня, становится все болѣе и болѣе необходимою настоящею книгою. Настоящимъ выпускомъ онъ вступаетъ уже въ девятый годъ изданія и отличается многими улучшеніями, изъ которыхъ самое выдающееся—включеніе въ ежегодникъ семи превосходныхъ географическихъ картъ. Помѣщенные въ ежегодникъ данныя протрѣваны по 21 ноября 1893 года.

(Review of Reviews).

Исторія, географія, путешествія.

The Industrial and commercial History of England. (England's Industrial and commercial supremacy). Lectures by the late I. E. T. Rogers. (Промышленная и торговая исторія Англіи). Сочиненіе это чрезвычайно интересно для ознакомленія съ исторіею экономическаго развитія англійскаго государства. Авторъ даетъ массу статистическаго матеріала относительно цѣнъ, денежнаго обраще-

нія, дѣятельности различныхъ компаній и т. д. Матеріалъ этотъ собранъ чрезвычайно добросовѣстно и стоилъ автору много труда. Книга эта есть собраніе лекцій, читанныхъ покойнымъ профессоромъ и нынѣ изданныхъ его сыномъ. (Atheneum).

Japan. By David Murray Ph. D., L. L. D. (Японія). Книга эта, входящая въ составъ серіи, которая носитъ

общее заглавіе «Story of the nations» (Исторія народовъ). Она является 37 томомъ этой серии и представляетъ чрезвычайно интересное изслѣдованіе по исторіи Японіи. Съ того времени, какъ Японія причислена къ кругу цивилизованныхъ народовъ, много было положено труда для разъясненія ея прошлой исторіи. Г. Муррей воспользовался всѣми этими матеріалами, а также и своимъ личнымъ знакомствомъ со страной, основанномъ на долговременномъ въ ней пребываніи, для составленія краткаго и общепонятнаго описанія историческихъ судебъ этой любопытной страны. Книга снабжена иллюстраціями, портретами и картами.

(Bookseller).

A year amongst the Persians. Impressions as to the life, and character of the people of Persia, received during 12 months' residence in that contry in the years 1887—88, 1893. 594 S. by Edw. G. Browne. (Годъ среди персовъ). Авторъ вышеназваннаго сочиненія въ настоящее время лекторъ персидскаго языка въ Кембриджскомъ университетѣ, провель двѣнадцать мѣсяцевъ въ Персіи. Во время своего пребыванія въ этой странѣ, г. Броунъ интересовался не столько географіею и археологіею, сколько духовною жизнью персовъ. Особенное вниманіе онъ обратилъ на религію персидскаго народа и новѣйшія сектантскія движенія. Г. Броунъ былъ пре-

красно подготовленъ къ исполненію взятой на себя задачи, благодаря тому, что уже при самомъ вступленіи на персидскую территорію, ему былъ хорошо извѣстенъ мѣстный языкъ. Чрезвычайно интересны указанія на трудности, съ которыми пришлось бороться автору. Г. Броунъ несомнѣнно долженъ быть признанъ въ настоящее время лучшимъ знаткомъ одной изъ главнѣйшихъ персидскихъ сектъ новѣйшаго времени, а именно бабизма. Въ бабизмѣ авторъ не безъ основанія видитъ залогъ духовнаго возрожденія Персіи. Внѣшній видъ книги вполне гармонируетъ съ ея внутренними достоинствами.

(Literarisches Centralblatt).

In the shadow of the Pagoda. Sketches of Burmese Life and character. By E. D. Cunnning. (Въ тѣни пагоды). Авторъ сочиненія, г. Кеннингъ провель 6½ лѣтъ въ Бирмѣ и своими очерками знакомитъ съ этою страной. Книга читается съ большимъ интересомъ; подборъ статей необыкновенно удаченъ. Слогъ автора можно назвать блестящимъ. Приятно отмѣтить отсутствіе неточностей и пробѣловъ, которые часто являются въ книгахъ, подобныхъ настоящей, вслѣдствіе торопливости въ работѣ и необходимости для путешественника основываться на данныхъ, которыя онъ успѣлъ занести въ свою записную книгу. Книга снабжена 50 иллюстраціями.

(Athenum).

Естествознаніе.

The Story of the Sun. By Sir Robert S. Ball. (Исторія солнца). Въ окружающемъ мірѣ нѣтъ ничего, что имѣло бы для насъ большее значеніе и большій интересъ, чѣмъ солнце. Всѣ новѣйшія изслѣдованія объ этомъ предметѣ изложены авторомъ чрезвычайно интересно, и въ высокой степени поучительно. Книга много выигрываетъ въ интересѣ, благодаря прекраснымъ и многочисленнымъ иллюстраціямъ. Книга г. Болла безусловно привлечетъ вниманіе всѣхъ тѣхъ, кто интересуется астрономіею.

(Athenum).

Object Lessons in Botany from Forest, Field and Garden. By Edward Snelgrove, B. A. (Предметные уроки по ботаникѣ въ лѣсу, въ полѣ и въ саду). Авторъ находитъ, что нѣтъ руководства по ботаникѣ, которое бы отвѣчало потребностямъ всѣхъ классовъ элементар-

ной школы. Вслѣдствіе этого г. Снеллгровъ задаясь цѣлью составить свою книгу по болѣе простому плану, въ основу котораго былъ положенъ принципъ идти отъ извѣстнаго къ неизвѣстному. Онъ беретъ самыхъ знакомыхъ представителей растительнаго царства, какъ, напр., апельсинъ, сливу, траву, и объясняетъ ихъ ростъ, составныя части, цвѣтъ и т. д. Авторъ прекрасно выполнилъ свою задачу и мы не сомнѣваемся, что книга эта привлечетъ къ себѣ то вниманіе, котораго она вполне заслуживаетъ.

(Bookseller).

The Fauna of the Deep Sea. By Sydney J. Hickson, M. A. With twenty-three Illustrations («Modern Science Series. Edited by sir John Lubbock). (Фауна морскихъ глубинъ). Авторъ задаясь цѣлью собрать и изложить въ общедоступной формѣ всѣ главныя свѣ-

*

дѣнія о фаунѣ глубинъ океана, разбросанныя въ многочисленныхъ сочиненіяхъ по этому предмету, какъ на англійскомъ, такъ и на другихъ языкахъ. Г. Сидней-Гиксонъ даетъ описаніе знаменитой экспедиціи «Challenger», а также и другихъ. Авторъ отличается

ясностью изложенія, избѣгаетъ излишнихъ научныхъ терминовъ и старается богатствомъ матеріала увлечь читателя, возбуждвъ въ немъ желаніе болѣе близко ознакомиться съ этимъ въ высокой степени интереснымъ предметомъ.

(Bookseller).

Искусство, гигиена, смѣсь.

Etudes sur la peinture et la critique d'art dans l'antiquité, par M. Ed. Bertrand, 1 vol. in 8°. (О живописи и художественной критикѣ въ древности). Это—исторія античной живописи. Слогъ г. Бертрана отличается изящною простотою. Сочиненіе очень занимательно и способно чрезвычайно заинтересовать широкій кругъ читателей, такъ - называемую, большую публику.

(Revue Des deux Mondes).

Die Hygiene der Bewegung. Paul Mantegazza. Leipzig. 1893. 83 s. M. I. (Гигиена движенія). Авторъ этой книги въ очень привлекательной формѣ восхваляетъ всевозможныя движенія, какъ-то: прогулку, верховую ѣзду, плаванье и т. д. Онъ въ особенности рекомендуетъ гимнастику въ различныхъ видахъ. Разсужденія г. Мантегацца на литературныя, историческія и физиологическія темы очень оживляютъ изложеніе.

(Literarisches Centralblatt).

Gymnastics. By Sergt. Mayar S. G. Noakes. (Dean's Champion Handbooks).

Гимнастика). Полезная маленькая книжка, съ многочисленными диаграммами, служащая общедоступнымъ руководствомъ гимнастики.

(Bookseller).

A System of Figure Skating. By T. Maxwell Whithom. Fourth edition. (Руководство къ катанью на конькахъ). Авторъ даетъ краткую исторію катанья на конькахъ и подробное описаніе какъ теорія, такъ и практики этого рода спорта въ современной Англій. Книга снабжена иллюстраціями.

(Bookseller).

Minerva. Jahrbuch der gelehrten Welt. Herausgegeben von Dr. R. Kukula und K. Trübner. Dritter Jahrgang, 1893—1894. Strassburg. (Минерва). Очень полезная справочная книга, дающая свѣдѣнія объ университетахъ, высшихъ учебныхъ заведеніяхъ и ученыхъ учрежденіяхъ всего свѣта. Содержаніе книги расположено въ алфавитномъ порядкѣ. Настоящій выпускъ, коимъ указанное изданіе вступаетъ въ третій годъ своего существованія, относится къ 1893—1894 учебному году.

(Bookseller).

С М Ъ С Ь.

Изъ русской жизни.

Вопросы русской общественной жизни. Вся наша пресса, ученые, различнѣйшія правительственныя учрежденія съ замѣчательнымъ единодушіемъ утверждали и продолжаютъ утверждать, что наиболѣе жгучими вопросами нашей народной жизни являются невѣжество русскаго народа и его матеріальная необеспеченность.

Невѣжество ли порождаетъ бѣдность, или бѣдность не даетъ пути къ знанію—сказать трудно. И то, и другое находится въ тѣсной зависимости между собою, служитъ одновременно и причиной, и слѣдствіемъ.

На какомъ относительно низкомъ уровнѣ стоитъ благосостояніе нашей родины видно, изъ слѣдующей таблицы, помѣщенной въ одномъ изъ выпусковъ англійскаго статистическаго словаря (Dictionary of Statistics)*); въ ней вычислено, какъ велика доля общественнаго богатства, приходящагося на каждого жителя въ различныхъ европейскихъ государствахъ.

		На человѣка.
		Рубли.
Въ Англій	приходится	1.530
» Даніи	»	1.460
» Франціи	»	1.400
» Голландіи	»	1.300
» Бельгіи	»	1.045
» Швейцаріи	»	1.030
» Испаніи	»	910
» Швеціи	»	890
» Норвегіи	»	850
» Турціи	»	750
» Румыніи	»	690
» Италіи	»	625
» Австріи	»	610
» Португаліи	»	525
» Болгаріи	»	435
» Россіи	»	365

Въ этой таблицѣ мы занимаемъ послѣднее мѣсто. Само собою разумѣется, что, просмотрѣвъ эту таблицу, невольно является вопросъ, каково же въ такомъ случаѣ матеріальное благосостояніе одной изъ наименѣе обеспеченныхъ единицъ нашего государства—крестьянской семьи. Вотъ что говоритъ по этому поводу «Русская Мысль» въ «Очеркахъ провинціальной жизни»: «Поучительную иллюстрацію эко-

*) Цифры беремъ изъ журн. «Образованіе».

номическаго положенія современнаго средняго крестьянина находимъ въ сообщеніи воронежскому губернскому статистическому комитету, — сообщеніи, сдѣланномъ помощникомъ предсѣдателя комитета, авторитетнымъ статистикомъ г. Щербиной. Сообщение основано на данныхъ земской статистики. Г. Щербиной взяты 67 типическихъ хозяйствъ. Исслѣдованіе показало, что, при средней семьѣ въ 8 душъ, въ числѣ которыхъ два полныхъ работника, на каждую наличную душу приходится въ годъ всѣхъ безъ исключенія расходовъ 53 р. 5 коп., или 4 р. 42 коп. въ мѣсяцъ».

Денежный же годовой расходъ одного члена крестьянской семьи опредѣляется въ 26 руб. 27 коп. Распредѣляются эти деньги слѣдующимъ образомъ:

	Израсходовано.	
	Р.	К.
1. На подати, аренду земли и другія хозяйственныя нужды	12	20
2. На кормъ для скота	2	61
3. » одежду	2	21
4. » водку	1	65
5. » покупку земледѣльческихъ продуктовъ	1	64
6. » ремонтъ строеній	1	47
7. » инвентарь	1	21,6
8. » чай и сахаръ	—	49
9. » рыбу	—	45
10. » предметы домашней обстановки	—	41
11. » покупку скотоводческихъ продуктовъ	—	40
12. » деготь	—	25
13. » желѣзо и ковку лошадей	—	31,3
14. » соль	—	30
15. » керосинъ	—	22
16. » мыло	—	9,6
17. » веревки	—	8,3
18. » лѣкарство	—	6,7
19. » топливо	—	6
20. » пиво	—	2,5

На «предметы комфорта» тратится полкопѣйки въ годъ съ души.

Цифры эти краснорѣчиво говорятъ о степени матеріальнаго благосостоянія средней крестьянской семьи. Это, по просту, бѣдность горькая, которая, какъ клещами, захватила крестьянское хозяйство. Она заставляетъ крестьянина бросать родной уголь и гонять за тысячи верстъ пытаться счастья. Эти переселенцы, съ исхудалыми, изстрадавшимися лицами, одѣтые въ лохмотья, тянутся къ Сибири. «Точно громадное море мужаичкой нужды гдѣ-то тамъ, за Ураломъ, выступило изъ береговъ и залило сибирскую дорогу потокомъ голодныхъ, оборванныхъ людей, искавшихъ землю, которую могли бы полить своимъ потомъ»...—говоритъ г. Діонео въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ».

Таково экономическое положеніе 90% населенія нашей страны.

Посмотримъ теперь, сколько тратится на народное образованіе въ нашемъ отечествѣ. Въ 1884 г. изъ каждаго 100 р. государственныхъ расходовъ 50 коп. шло на народное образованіе, а остальные 99 руб. 50 к. распредѣлялись на прочія нужды государства.

Въ 1894 г. изъ тѣхъ же 100 р. тратится на народное образованіе лишь 44 коп.

Бездрушныя цифры опять выплываютъ на сцену, опять рисуютъ грустную картину: Въ 1886 году насчитывается 95,2% безграмотныхъ женщинъ—матерей нашего молодого поколѣнія, и лишь $\frac{1}{10}$ дѣтей школьнаго возраста посѣщаетъ училища, т.-е. въ 1.000 дѣтей обучалось въ школѣ лишь 120 человекъ, другими словами, одна школа приходилась на 165 кв. верстъ пространства и болѣе чѣмъ на 10 селеній.

Если далеко не все общество сознаетъ свой долгъ, то лучшіе, наиболѣе чуткіе представители интеллигенціи все же идутъ на помощь народу, но, конечно, помогаютъ тѣмъ, что болѣе подъ силу, стараются поднять умственное развитіе народа путемъ открытія школъ, чтеній, библиотекъ и т. п. мѣрами.

Одной изъ такихъ «немногихъ» является г-жа *Штевенъ*, въ теченіе 8 лѣтъ создавшая въ Арзамаскомъ уѣздѣ, Нижегородской губ., 31 школу грамоты и приготовившая изъ среды народа 26 учителей и 5 учительницъ, и все это одной личной энергіей и съ весьма незначительными средствами. Въ докладѣ своемъ Московскому Комитету грамотности и въ изданной ею брошюрѣ, г-жа Штевенъ откровенно говоритъ, что «не можетъ не сознаться, что всѣ ея школы только въ слабой и жалкой степени удовлетворяютъ потребности народа въ образованіи... Я довольна ими только потому, что онѣ все же лучше, чѣмъ ничего, какъ лучше дать голодному корку хлѣба, чѣмъ ничего ему не дать. Я знаю, конечно, что этого недостаточно, что людямъ, способнымъ мыслить и задавать себѣ вопросы, людямъ, стремящимся къ добру, обладающимъ прекрасными художественными дарованіями и наклонностями, всѣми добрыми, живыми человѣческими свойствами, нельзя давать какія-то жалкія крохи ученья и на томъ успокоиться».

Разсказывая о своей дѣятельности и своихъ наблюденіяхъ, г-жа Штевенъ приводитъ массу интереснѣйшихъ и часто трогательныхъ фактовъ. «Случалось мнѣ,—говоритъ г-жа Штевенъ,—долго бесѣдовать съ крестьянскими дѣвушками, которыя по вечерамъ приходили съ пряжею въ школу, чтобы выучиться молитвамъ и слушать разсказы изъ св. исторіи. Мы говорили о темныхъ сторонахъ деревенскаго быта, и дѣвушки были очень задумчивы, и очень серьезны. Черезъ нѣсколько времени послѣ того, какъ мы разошлись, я услышала звонокъ ишла у подъязда нашего дома четырехъ изъ дѣвушекъ, которыя, несмотря на поздній часъ, вернулись, чтобы сообщить свое рѣшеніе: онѣ не хотятъ жить, какъ всѣ, въ грязи, грубости и неправдѣ; онѣ не хотятъ слушать бранныя слова и видѣть пьяныхъ; не хотятъ участвовать въ насиліяхъ и обманахъ; онѣ хотятъ вчетверомъ поселиться особо, въ чистой, тихой кельѣ, за садомъ, у церкви, хотятъ жить, работать, читать, молиться и хотятъ до самой смерти прожить чистыми и добрыми». Мечты не осуществились, дѣвушки затѣмъ вышли замужъ, но тѣмъ не менѣе, «эти наивныя вспышки идеализма», говоритъ г-жа Штевенъ, «доказали мнѣ могущество искренняго слова и то еще, что русскіе люди, въ глубинѣ души, всякую правду глубоко ищутъ, а главное, я убѣдилась, что крестьянскіе ребята и дѣвушки до извѣстной степени могутъ быть моими сотрудниками въ новомъ дѣлѣ—въ устройствѣ въ округѣ школъ грамотности».

Задавшись столь благою цѣлью,—пишетъ И. О. Фесенко въ журн. «Образованіе»,—г-жа Штевенъ въ теченіе послѣднихъ 4-хъ лѣтъ не-

уклонно стремилась къ ея достиженію вездѣ побѣждая рядъ препятствій, которыя ей приходилось испытывать. Въ одной деревнѣ, гдѣ издавна имѣлось зданіе заброшеннаго кабака, это послѣднее превращается въ школу. Въ началѣ сельскій сходъ, «по бѣдности общества», отказывается содержать школу, но, затѣмъ, благодаря настояніямъ г-жи Штевенъ, тотъ же сходъ рѣшаетъ платить на школу по 1 к. съ души въ мѣсяцъ, или по 12 к. въ годъ. Школа устраивается: учитель въ первый мѣсяцъ получаетъ 3 р. 15 к. жалованья и 38 учениковъ появляются первыми посѣтителями того зданія, которое нѣкогда служило мѣстомъ распутства, пьянства и безобразій. Должность учителя получаетъ старшій ученикъ школы г-жи Штевенъ, преданный дѣлу столь же горячо, какъ и его бывшая наставница. Прошло два мѣсяца—школа полна ребятами, и всѣ они уже выучились читать хотя медленно, съ большимъ трудомъ, но и это было уже большимъ успѣхомъ!

Въ другой деревнѣ г-жа Штевенъ убѣдила общество учениковъ нанять за 10 руб. помѣщеніе для школы въ избѣ одной пожилей четы, жалованье учителю рѣшила г-жа Штевенъ платить отъ себя. Къ осени 1891 г. уже было создано 5 школъ — грамоты, но затѣмъ недостатокъ средствъ вынудилъ г-жу Штевенъ установить съ каждаго ученика небольшую плату—40 к. въ годъ, что «повлекло за собою нѣкоторое уменьшеніе числа учениковъ въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ученье сперва было совсѣмъ даровое».

Съ осени 1892 г. всѣхъ школъ грамотности было уже открыто 13, а съ 1893 г. еще 18; такъ что въ данный моментъ ихъ числится 31, съ 840 учащимися, при 26 учителяхъ и 5 учительницахъ, непосредственно вятыхъ изъ народа и исключительно подготовленныхъ въ той земской школѣ, гдѣ г-жа Штевенъ сама состоитъ учительницею.

Изъ общаго числа 840 учениковъ на каждую школу приходилось около 27; въ нѣкоторыхъ училось 12, 15. Квартиры для школъ, во многихъ отношеніяхъ, были крайне неудобны и оставляли желать весьма многого: такъ, большинство изъ нихъ темны, тѣсны или холодны; находились онѣ иногда въ церковныхъ сторожкахъ и сѣвѣжыхъ избахъ. «Мѣстами крестьяне снабжали на общественный счетъ школу партами, мѣстами же приходилось довольствоваться сборными столами и скамейками; мѣстами можно было требовать отъ хозяевъ соблюденія порядка и тишины; мѣстами же приходилось мириться съ присутствіемъ постороннихъ лицъ, съ разговоръ и дѣтскимъ крикомъ».

Что касается платы учителямъ, то таковая колебалась между 12 р. и 40 р. за учебный годъ. При этомъ, въ нѣкоторыхъ деревняхъ, учителя, по очереди, кормились у крестьянъ, что представляло значительную для нихъ выгоду.

Чувствуя полную неподготовленность учителей къ вполне успѣшнымъ занятіямъ въ школахъ грамоты, г-жа Штевенъ, ежегодно, весною, по окончаніи занятій въ школахъ, собирала всѣхъ своихъ учителей въ земскую школу, гдѣ, въ теченіе 6 недѣль, занималась съ ними лично, содѣйствуя какъ увеличенію ихъ познаній, такъ и общему ихъ духовному развитію. Такого рода занятія съ учителями школъ грамоты привели г-жу Штевенъ къ полному убѣжденію, что среди самаго народа возможно найти не мало такого рода юношей и дѣвушекъ, которые могли бы принести массу добра и свѣта своей многочисленной

крестьянской братіи, если бы имъ дать нужное развитіе и открыть доступное для нихъ учительское поприще.

Въ общемъ починъ въ дѣлѣ помощи народнымъ массамъ, конечно, скорѣе всего можетъ идти отъ лицъ, которыя по своимъ служебнымъ обязанностямъ стоятъ близко къ народу—отъ учителей, врачей, земцевъ.

Мы остановимся здѣсь на симпатичной и весьма оригинальной дѣятельности еще одного изъ этихъ безкорыстныхъ тружениковъ. Въ Ново-Ладожскомъ уѣздѣ при больницѣ земскимъ врачомъ служитъ г. Петровскій, который на дѣлѣ понялъ всю безплодность борьбы врача съ эпидеміями при отсутствіи разумнаго ухода за больными. «Изъ моей десятилѣтней врачебной практики среди крестьянскаго населенія, — говоритъ г. Петровскій въ своей брошюрѣ «Деревенскія сестры милосердія», — я убѣдился, что лѣченіе больныхъ, при существующихъ условіяхъ, приноситъ мало пользы и не можетъ достигать своей цѣли. Больше всего вредитъ правильному веденію медицинскаго дѣла въ деревнѣ отсутствіе въ ней сколько-нибудь разумнаго и правильнаго надзора у постели больного. На сколько важно послѣднее обстоятельство, о томъ хорошо знаетъ каждый земскій врачъ. Имѣя въ своемъ вѣдѣніи огромные медицинскіе участки, иногда достигающіе до трехъ десятковъ тысячъ населенія, земскіе врачи въ огромномъ большинствѣ случаевъ своей практики не въ состояніи болѣе одного раза посѣтить больного. Въ этотъ однократный визитъ врачъ констатируетъ болѣзнь, назначаетъ соответствующее лѣченіе, даетъ общія указанія относительно ухода во время болѣзни, приѣма лѣкарствъ, но все это—и лѣченіе, и совѣты, и жизнь больного оставляетъ на произволъ окружающихъ, родныхъ и знакомыхъ, среди которыхъ обыкновенно нѣтъ такого человѣка, которому можно было бы поручить необходимый и правильный надзоръ у постели больного. Можно ли при такихъ условіяхъ ожидать успѣха отъ назначеннаго врачомъ лѣченія, требующаго исполненія специальныхъ медицинскихъ предписаній!»

Г. Петровскій попытался помочь дѣлу и съ этою цѣлью предложилъ крестьянскимъ дѣвушкамъ, окончившимъ курсъ въ церковно-приходской школѣ, заняться при больницѣ, чтобы получить элементарныя теоретическія и практическія свѣдѣнія для ухода за больными. Занятія ихъ состояли въ слѣдующемъ: имъ сообщались общіе характерные признаки эпидемическихъ болѣзней, предупредительныя мѣры противъ ихъ распространенія, подаваніе первоначальной помощи въ несчастныхъ случаяхъ и свѣдѣнія по уходу за больными. Въ больницѣ ученицы научились перевязывать раны, измѣрять температуру, наблюдать за приемомъ лѣкарствъ.

Вскорѣ эти деревенскія сестры милосердія оказали несомнѣнную пользу населенію, когда въ Ново-Ладожскомъ уѣздѣ открылась эпидемія сыпного тифа.

Санитарно-исполнительная коммиссія ново-ладожскаго земства дала такой отзывъ объ ихъ дѣятельности: «Г.г. врачи засвидѣтельствовали, что упомянутыя сестры милосердія оказались достаточно свѣдущими въ своемъ дѣлѣ и принесли несомнѣнную и значительную пользу въ двоякомъ отношеніи: во-первыхъ, онѣ въ точности и добросовѣстно исполняли всѣ распоряженія врачей, а во-вторыхъ, дѣятельность ихъ была особенно благотворна для больныхъ и ихъ семействъ, такъ какъ

онѣ, кромѣ исполненія спеціальныхъ обязанностей по уходу за больными, принимали на себя и хозяйственныя заботы въ тѣхъ случаяхъ, когда хворали взрослые. Сестры эти были вмѣстѣ и сидѣлками, не стѣснявшимися выполненьемъ всякой работы при больныхъ; кромѣ того, онѣ завѣдывали хозяйственною частью въ столовыхъ, устроенныхъ въ нѣкоторыхъ деревняхъ въ этотъ неурожайный для Ново-Ладожскаго уѣзда годъ. Вообще, дѣятельность ихъ, безупречная и энергичная, вполне заслуживающая одобренія, является необходимой при распространеніи эпидемій, и образование такого контингента сестеръ милосердія представляется вполне желательнымъ».

Какое симпатичное дѣло и какая вѣрная мысль! Вѣдь интеллигенціи, дѣйствительно, такъ немного, что если она хочетъ оказать хоть маломальски значительное воздѣйствіе на темную массу, то необходимо создать себѣ цѣлую армію помощниковъ изъ самого народа: врачъ, какъ г. Петровскій, можетъ готовить десятки болѣе или менѣе образованныхъ сестеръ милосердія, учитель, какъ г-жа Штевентъ, чуть не сотню учителей, преданныхъ дѣлу образованія своихъ темныхъ братьевъ и этой преданости восполняющихъ скудость своихъ собственныхъ знаній.

Интеллигентный человѣкъ слишкомъ дорого обошелся обществу, чтобы удовольствоваться одной *личной* помощью: быть только учителемъ, врачомъ, земцемъ,—онъ не долженъ забывать, что на его долю приходится тысячи, и что на его обязанности лежатъ быть одухотворяющимъ началомъ этихъ тысячъ, тѣмъ ферментомъ, что превращаетъ безвкусное сусло въ крѣпкое, пѣнящееся пиво...

Г. Петровскій въ своемъ заявленіи, что одной изъ главныхъ причинъ большой смертности нашего народа нужно считать отсутствіе въ народной жизни даже намека на гигиену, не стоитъ одиноко; о томъ же говорятъ почти всѣ земскіе врачи и послѣдній пироговскій съѣздъ врачей (въ Петербургѣ) въ виду этого рѣшилъ ходатайствовать о разрѣшеніи земскимъ врачамъ вести народныя чтенія по охраненію народнаго здравія и призналъ необходимымъ распространять въ народѣ гигиеническія знанія путемъ изданія медицинскихъ книжекъ. Да и одни ли гигиеническія свѣдѣнія требуютъ немедленнаго и самаго широкаго распространенія въ народной средѣ? народъ нуждается въ толковой книжкѣ и по сельскому хозяйству, и по различнымъ техническимъ вопросамъ, вообще, по всѣмъ отраслямъ знанія,—и наша интеллигенція имѣетъ полную возможность придти на помощь народу въ этихъ вопросахъ.

Намъ не разъ приходилось уже говорить объ энергичной дѣятельности въ эту сторону Петербургскаго и Московскаго Комитетовъ грамотности, и теперь снова приводимъ новый яркій примѣръ горячей отзывчивости Петербургскаго Комитета на запросы народной жизни.

Въ засѣданіи 14-го декабря 1893 г. Петербургскій Комитетъ грамотности, преслѣдуя цѣли распространенія грамотности и полезныхъ знаній въ средѣ сельскаго населенія, согласился на предложеніе 55 своихъ членовъ открыть 100 безилатныхъ народныхъ библиотекъ на сумму 25.000 руб.

Для осуществленія этой задачи необходимо дѣятельное сочувствіе всего интеллигентнаго общества, и лишь только открыта была подписка, какъ сочувствіе это выразилось пожертвованіями не только отдѣльныхъ лицъ, но и цѣлыхъ учреждений. Такъ, 2-го марта состоя-

лось годовое собраніе членовъ библіотеки служащихъ въ Министерствѣ Финансовъ. Библіотека эта, имѣющая болѣе 1.500 членовъ-подписчиковъ, обладаетъ значительными денежными средствами, которыя ежегодно растутъ, такъ какъ текущіе расходы съ лихвою покрываются взносами за чтеніе. Собраніе 2-го марта (самое многочисленное изъ всѣхъ бывшихъ съ основанія библіотеки), по предложенію болѣе чѣмъ 50 членовъ, постановило выдать изъ свободныхъ суммъ библіотеки 2.500 руб. въ распоряженіе С.-Петербургскаго Комитета грамотности на устройство проектируемыхъ Комитетомъ сельскихъ народныхъ читаленъ. Постановленіе это прошло почти единогласно и вызвало въ собраніи восторженное одобреніе, выразившееся продолжительными, громкими рукоплесканіями.

Вообще, безъ преувеличенія можно сказать, что вопросъ о народныхъ библіотекахъ, одинъ изъ самыхъ животрепещущихъ вопросовъ нашего народнаго образованія, выдвигается самою жизнью. Въ Нижегородской губ., въ селѣ Безводномъ, сообщаетъ газета «Волгарь», учительница, желая доставить возможность крестьянамъ, знающимъ грамоту, пользоваться чтеніемъ, задумала устроить въ селѣ общественную библіотеку. Мѣстный священникъ и другія лица, сочувствующія народному образованію, поддержали эту добрую мысль. Предложена была подписка на библіотеку, которая скоро увѣнчалась успѣхомъ. Изъ числѣ подписчиковъ оказалось не мало самихъ крестьянъ. Затѣмъ былъ доставленъ каталогъ книгъ, приблизительно рублей на 60, который и посланъ училищному начальству съ просьбой выписать изъ Комитета грамотности на собранную сумму книгъ для чтенія народа. Какую громадную пользу можетъ принести интеллигентный человѣкъ въ деревнѣ, какъ нужна тамъ энергичная инициатива образованныхъ людей и какое широкое поле дѣятельности для нихъ! Но, конечно, и энергія, и число такихъ работниковъ унесатерилось бы, если бы каждый изъ нихъ не чувствовалъ себя одинокимъ, а былъ органически связанъ съ другими подобными дѣятелями. Такая связь можетъ осуществиться только при помощи учрежденія различныхъ обществъ и кружковъ. Проектъ устава одного изъ такихъ обществъ, которому хотятъ дать названіе «Общество имени поэта Шевченка», представленъ Министру Внутреннихъ Дѣлъ для утвержденія. Общество, какъ сообщаютъ «Новости Дня», будетъ существовать въ Петербургѣ и будетъ имѣть свои отдѣленія въ Кіевѣ и Харьковѣ. Цѣль Общества—развитіе образованія; Общество принимаетъ на себя устройство училищъ и популярныхъ чтеній. Въ числѣ учредителей значатся многіе изъ нашихъ выдающихся государственныхъ дѣятелей, писателей, ученыхъ, художниковъ, артистовъ именно: Д. И. Мордовцевъ, Е. И. Рѣзинъ, М. П. Старицкій, А. И. Кропивницкій, сенаторъ А. Ѳ. Кони, членъ Государственнаго Совѣта Н. И. Стояновскій, профессоръ Д. И. Менделѣевъ, А. С. Ламанскій и др.

Приведенные нами въ этой статейкѣ факты указываютъ на то, что русская интеллигенція можетъ бороться съ однимъ изъ главныхъ золъ нашей народной жизни — съ невѣжествомъ, борьба же съ бѣдностью народныхъ массъ, конечно, не по плечу единицамъ — здѣсь нужны мѣры общегосударственныя, — но даже и здѣсь интеллигентные люди могутъ оказывать вѣкоторую помощь, и наша пресса отиѣтила уже нѣ-

сколько такихъ примѣровъ: эти «культурныя одиночки» помогаютъ кустарямъ основывать артели, устраиваютъ сбытъ ихъ произведеній безъ помощи кулаковъ-посредниковъ, они знакомятъ крестьянъ съ сельскохозяйственными и техническими усовершенствованіями, но это только единицы, а ихъ нужно тысячи.

Менониты въ Туркестанѣ. Газ. «Р. Ж.» приводитъ весьма интересное письмо И. Гейера. Менониты явились въ числѣ первыхъ колонизаторовъ киргизскихъ степей. Окончаніе срока льготъ, предоставленныхъ имъ въ Крыму и Саратовской губерніи, погнало болѣе фанатичныхъ приверженцевъ секты въ Туркестанъ, гдѣ они надѣялись вновь освободиться отъ самаго для нихъ тяжелаго компромисса съ совѣстью—военской повинности. Какъ первымъ, явившимся въ край переселенцамъ, имъ пришлось особенно тяжело. Въ то время и сама администрація не задавалась вопросомъ колонизаціи края, такъ какъ такая мирная культурная работа была еще несвоевременна. Еще наканунѣ ихъ прихода раздавался «звонъ мечей», и вниманіе устроителей только-что покоренной страны поглощали совсѣмъ другіе вопросы. Тѣмъ не менѣе, приходу ихъ даже обрадовались, и въ особенности горсть русскихъ мирныхъ обывателей, которая смотрѣла на колонистовъ, какъ на своихъ избавителей отъ тяжелаго робинзонадовскаго положенія. Чтобы сдѣлать менонитовъ полезными г. Ташкенту, а съ другой стороны облегчить имъ ихъ первые шаги, ихъ временно поселили вблизи Ташкента и оказали возможно широкую, какъ казенную, такъ и частную помощь. Послѣдняя вскорѣ потекла къ нимъ и изъ Сѣверной Америки, отъ духовныхъ братьевъ, давно уже покончившихъ счеты съ Европою. Поддерживаемые со всѣхъ сторонъ, новые колонисты скоро оправдались: обзавелись скотомъ, сельскохозяйственными орудіями, занялись ремеслами, не входя, впрочемъ, въ духовное единеніе съ оказавшими имъ гостепримство. Какъ люди, знающіе себѣ цѣну, они высоко цѣнили свои знанія и трудъ и немедленно приступили къ созиданію своего благополучія. На мѣстномъ базарѣ дѣйствительно появились продукты европейской культуры, но высокая цѣна на масло, сыръ, молоко, картофель и проч. далеко не утѣшала обывателя, и онъ съ сожалѣніемъ смотрѣлъ, какъ разрушались его розовыя надежды. Если не ошибаюсь, года черезъ три менонитовъ водворили на постоянное жительство въ Аулиеатинскій уѣздъ, удаливъ отъ Ташкента болѣе чѣмъ на 200 верстъ. Тутъ имъ опять было выдано денежное пособие въ видѣ ссуды, и они стали прочно устраниваться на новыхъ мѣстахъ. Пустынная мѣстность быстро застроилась, и вблизи Урь-Маральскаго ущелья выросло четыре новыхъ селенія съ своеобразными постройками нѣмецкаго типа. Прошло еще нѣсколько лѣтъ, и новая колонія потонула въ зелени фруктовыхъ садовъ; привольная пастбища, кормившія ранѣе тощую киргизскую коровенку, увидали скотъ голландской породы. Рядомъ съ первобытной арбой туземца покатались тяжелые кованые желѣзные фургоны, а вмѣсто «омача» сталъ драть землю нѣмецкій плугъ. Живая сила воды ирригаціонныхъ каналовъ завертѣла колеса крупчатыхъ мельницъ, и вообще очень скоро новые колонисты уже сами были въ состояніи оказывать матеріальную помощь тѣмъ заатлантическимъ братьямъ, которые ихъ поддержали въ

первую минуту. Для администраціи новыя поселенцы были наилучшимъ элементомъ населенія; ни одной жалобы, ни одной просьбы не поступало отъ нихъ; со всякою бѣдою они справлялись сами, и даже являлся вопросъ, посѣщаютъ ли ихъ тѣ несчастія, которыя доводятъ людей до нужды, до мирового судьи и т. п. напастей? Близкое знакомство съ жизнью показало, однако, что и на этомъ скучномъ горизонтѣ скопляются грозовыя тучи, но сила и искусство менонитской общины такъ прекрасно разряжаетъ житейское электричество, что громы, грозящія надъ менонитами, не слышны сосѣдямъ. Такъ, напримѣръ, заповѣдь Иисуса Христа о любви къ ближнему побуждаетъ общину къ широкой помощи бѣднымъ. Въ молитвенномъ домѣ имѣется кружка для сбора въ пользу немущихъ. Но пользоваться такою помощью рѣшаются только въ крайнихъ случаяхъ. Обыкновенно же, если кто-нибудь изъ членовъ общины обѣднѣлъ, община обсуждаетъ положеніе своего члена, опредѣляетъ степень его нужды и рѣшаетъ помочь ему натурой. Одинъ даетъ лошадь, другой корову, третій овцу и т. д. Все выданное строго записывается, а черезъ три года, если обстоятельства обнищавшаго поправились, онъ обязанъ отдать каждому изъ жертвователей половину пожертвованнаго. Такъ постепенно уплачивается весь долгъ. Подобно тому, какъ сало національное кушанье хохла, сыр—национальная їда менонита. Но не всякому подѣ силу имѣть собственную сыроварню. И тутъ на выручку бѣдняку является та же община. Владѣльцы сыроваренъ ежедневно посылаютъ бочку для обѣзда всѣхъ односельцевъ, не имѣющихъ возможности варить сыръ дома. Каждый желающій сливаетъ въ такую бочку свое молоко и черезъ извѣстный промежутокъ времени получаетъ кусокъ готоваго сыра, вѣсящій ровно столько, сколько полагается за вычетомъ расходовъ на предпріятіе и за трудъ предпринимателю. Страхъ передъ общиной дѣлаетъ невозможнымъ обманъ съ обѣихъ сторонъ.

Не менѣе оригиналенъ способъ отбыванія натуральныхъ повинностей. Надо ли вестя чиновника, настала ли пора чистить арыкъ, исправлять дорогу, починять мостъ, — идетъ на работу не *очередной* крестьянинъ, а *свободный* въ данную минуту отъ работы. Исполнивъ то или другое порученіе, онъ получаетъ отъ старосты столько марокъ, сколько дней или часовъ онъ проработалъ. Въ концѣ года общинный совѣтъ подводитъ итогъ выданнымъ маркамъ и устанавливаетъ цѣну рабочаго дня. Эти два множителя даютъ цифру денежной затраты селенія на общественныя работы. Общая сумма расхода раскладывается на дворы и немедленно вносится въ кассу, изъ которой, по предъявленіи марокъ, тотчасъ же уплачивается за трудъ всѣмъ тѣмъ односельцамъ, которые употребили свой досугъ на общественныя работы. Все тихо и ни для кого не обидно. Вопросы о разныхъ сельскохозяйственныхъ усовершенствованіяхъ обсуждаются также общиной и производятся за общій счетъ. Нужно ли выпустить хорошаго породистаго быка, изучить новый способъ сыроваренія,—община собираетъ деньги и посылаетъ выборныхъ въ тѣ мѣста, которыя она укажетъ. Въ каждомъ селѣ имѣется, повяно, школа, и каждый менонитъ настолько грамотенъ, что выписываетъ американскую газету строго религіознаго направленія, обыкновенно американскаго изданія, «Zion Vote», или что-либо подобное, гдѣ главное мѣсто отведено обсужденію догматическихъ

вопросовъ секты, новымъ псалмамъ, практическимъ совѣтамъ по сельскому хозяйству, извѣстіямъ о жизни менонитовъ во всѣхъ странахъ. Учитель—въ то же время и регентъ. Пѣніе, какъ и грамота,—обязательны. Изъ лучшихъ голосовъ составляется общественный церковный хоръ. Лучшіе люди выбираются въ пасторы.

Долги крестьянъ и шансы на ихъ погашеніе въ Воронежскомъ уѣздѣ. Газета «Русская Жизнь» передаетъ содержаніе интересной брошюры Л. В. Македонова «Неурожаи 1891 и 1892 гг. и продовольственное дѣло по Воронежскому уѣзду».

Задолженность населенія крайнихъ предѣловъ. Извѣстны нѣкоторыя, даже не особенно бѣдствовавшіе, поселки, гдѣ почти каждый крестьянинъ долженъ въ сосѣднія экономіи по ссудамъ, взятымъ подъ работу, отъ 50 до 100 и болѣе рублей и, кромѣ того, громадное большинство домохозяевъ должны своимъ мѣстнымъ ростовщикамъ 15—20—25 руб. на дворъ.

Оставляя въ сторонѣ мірскую и частную задолженность, мы, тѣмъ не менѣе, получимъ, въ общемъ, такую цифру долговъ, которая врядъ ли полезна для крестьянина, а именно:

Недоимокъ въ казенныхъ и земскихъ сборахъ.	1.061.824	р. 50	к.
Продовольственныхъ ссудъ 1891 и 1892 г.	751.895	» 35	»
Ссудъ на кормы скота	23.586	» 44	»
<hr/>			
Всего	1.836.806	р. 29	к.

Распредѣляя долгъ по хозяйственнымъ единицамъ, получимъ, что каждый дворъ къ 1-му января 1893 г. былъ долженъ 80 р. 12 к., каждый работникъ—43 руб. 2 коп., каждый членъ семьи—16 руб. 26 коп. и каждая десятина посѣвной площади надѣла задолжена въ размѣрѣ 14 р. 81 к. Въ настоящее время указанные долги увеличились еще болѣе, такъ какъ къ нимъ прибавилась сумма окладныхъ сборовъ 1893 года—765.731 р. 60 к. (включая волостные и мірскіе сборы, по нормѣ 1884 г.).

Цифры г. Македонскаго показываютъ, что по отношенію ко всему наличному имуществу крестьянскаго двора задолженность составляетъ около 29 проц.; относя же ее, такъ сказать, къ хозяйственному капиталу семьи, найдемъ, что послѣдній превышаетъ сумму долга лишь на 4 руб. 85 коп. Стало быть, если въ настоящее время продать у крестьянина весь скотъ и всѣ орудія труда, обративъ его въ обладателя однихъ только рабочихъ рукъ, то ему останется 4 руб. 85 коп.

Значитъ, нужно «преуспѣвать» и долги погашать, но г. Македоновъ говоритъ, что «одно внимательное разсмотрѣніе условій крестьянскаго хозяйства въ Воронежскомъ уѣздѣ, дѣйствовавшихъ непрерывно за послѣднія 15—20 лѣтъ и дѣйствующихъ и по настоящее время, показало бы намъ, что воронежскій крестьянинъ не можетъ преуспѣвать въ своемъ экономическомъ развитіи, такъ какъ говоритъ авторъ, «за удовлетвореніемъ потребности въ покупномъ хлѣбѣ и послѣ уплатъ всего, что требуется съ крестьянина ежегодно, остается немного болѣе 4-хъ рублей на каждую семью. А между тѣмъ, въ теченіе года крестьянину Воронежскаго уѣзда нужно купить minimum: дровъ и лѣсу—на 4 руб. 50 коп., одежды и обуви—на 17 руб. 50 коп., соли, дегтю, керосину

и т. п.—на 3 руб. и истратить на ремонт хозяйственного инвентаря около 3 руб., и, такимъ образомъ, уже при условіи удовлетворенія самыхъ необходимѣйшихъ потребностей, въ хозяйствѣ является дефицитъ около 24 руб. Допустивъ даже, что этого дефицита въ дѣйствительности не будетъ и что необходимые расходы семьи покроятся изъ какихъ-либо источниковъ, которые мы, можетъ быть, упустили изъ виду, не должно, однако, забывать, что и расходы приведены только такіе, безъ которыхъ уже совсѣмъ нельзя жить. Но у крестьянской семьи есть еще много крайне необходимыхъ потребностей, которыя такъ или иначе нужно оплатить; праздники, свадьбы, поминки, духовныя требы—все это сопряжено съ расходами, коихъ, по самому умѣренному учету, набирается на каждый дворъ около 70-ти рублей, и взять эти 70 руб. заурядному нашему земледѣльцу рѣшительно негдѣ. Неудивительно поэтому, что долги его и недоимки въ разныхъ сборахъ возрастаютъ съ каждымъ годомъ, что нужно волей-неволей сбывать, часто за бездѣнокъ, свой скотъ, закладывать надѣльную землю, а потомъ или переплачивать на арендѣ до полной убыточности, или сокращать и безъ того небольшіе размѣры своего посѣва. Очевидно, крестьянское хозяйство работаетъ за послѣдніе года въ убытокъ и не удовлетворяетъ даже самымъ необходимымъ потребностямъ земледѣльской семьи; въ этомъ именно лежитъ причина замѣченного нами выше его упадка, особенно рѣзко проявленнаго кризисомъ 1891 года.

Не смотря на то, что борьба съ послѣдствіями неурожая въ Воронежскомъ уѣздѣ стоила правительству, земству и общественной благотворительности свыше 1½ миллионѣвъ рублей, хозяйство крестьянина расшатано, платежныя силы его подорваны, крестьянину становѣтся не только нечѣмъ жить, но даже зачастую не на чемъ работать.

Крестьянскія постройки на сѣверѣ. Крестьянамъ береговъ р. Онеги и Чурьеги мало того, что надо купить лѣсъ, надо еще славить его къ мѣсту назначенія и иногда, какъ, напр., волостямъ: Быковской, Троицкой, Волосовской, по двумъ рѣкамъ: сначала р. Волошкою (мѣстное названіе Волга), потомъ р. Онегой; лѣсъ надо прогнать по всѣмъ ея порогамъ, часто на разстояніи нѣсколькихъ десятковъ верст! Не лишено интереса, какъ сѣверный крестьянинъ боролся и борется съ этимъ зломъ, какъ обѣдненіе края лѣсомъ отразилось на сельской архитектурѣ и къ какому выходу привело.

Недостатокъ лѣса, трудность его доставки были причиной того, что въ мѣстности, по общему мнѣнію, богатой лѣсомъ, крестьяне строили изъ плетня амбары, хлѣвы, дворы и сѣни; постройки изъ плетня сохранились мѣстами и теперь: носомнѣнно, что постройки эти множились бы, если бы не примѣръ своего же однодеревенца-крестьянина, задумавшагося надъ вопросомъ, чѣмъ бы замѣнить дерево въ постройкахъ.

Одной изъ попытокъ въ этомъ направленіи была постройка однимъ изъ крестьянъ д. Бережной Дубровы мазанки; но грязная мазанка, съ глинянымъ поломъ, соломенной крышей и другими ея атрибутами не пришлась по сердцу олончанамъ! Постройка эта возбуждала любопытство, на праздникахъ толпы ходили ее смотрѣть и въ насмѣшку прозвали «дворцомъ»: но мазанка сгорѣла, не вызвавъ подражанія. Около того же времени, т.-е. лѣтъ 20 тому назадъ, въ томъ же районѣ обез-

лѣсенія, въ Волосовской волости, въ д. Б. Кобеляхъ крестьяниномъ Климомъ Уханихинымъ былъ сложенъ изъ камня хлѣвъ; этотъ хлѣвъ и былъ первымъ признакомъ появленія оригинальной для Олонецкаго края каменной архитектуры. Теперь каменные хлѣвы распространились въ районѣ, имѣющемъ около 70 верстъ длины и до 20—30 верстъ въ ширину, въ шести волостяхъ.

Для стройки въ большинствѣ случаевъ употребляются сланцы, шпаты, песчаникъ и другія породы камня, носящія собирательное имя «сѣрый камень», и лишь въ немногихъ мѣстахъ употребляется въ дѣло «бѣлая плитка» (известнякъ, добываемый изъ кражей, окружающихъ р. Онегу). Камни подбираются обыкновенно по величинѣ и формѣ одинъ къ другому, причѣмъ чаще берутся плоскіе камни; промежутки между камнями прослаиваются иногда мхомъ, но чаще цементомъ служитъ насыпаемая слоями глина или даже просто земля. Обыкновенная величина хлѣва: 5 саж. длины, 2 с. ширины и 1 с. вышины.

Нѣсколько лѣтъ спустя послѣ постройки перваго каменнаго хлѣва, тѣмъ же крестьяниномъ построено въ Б. Кобеляхъ гумно изъ «бѣлой плитки», имѣющее въ длину 10 саж., въ ширину 6 с. и въ высоту 1¹/₂ саж. Гумно это, если смотрѣть на него съ Архангельскаго тракта, производитъ впечатлѣніе большого бѣлаго каменнаго дома. Такое же большое гумно построено въ д. Уголь, находящейся недалеко отъ Б. Кобелей; такія же гумна, но меньше, построены въ дд. Пресняникѣ и Волковской.

Разъ начавшееся движеніе къ замѣнѣ дерева камнемъ на этомъ не останавливается: годъ отъ году районъ каменной архитектуры увеличивается, примѣненіе становится разнообразнѣе: такъ, напр., одинъ изъ обывателей построилъ изъ камня ледникъ, другой баню. Въ то же время крестьяне замѣчаютъ, что постройки изъ «бѣлой плитки» гораздо прочнѣе и теплѣе, чѣмъ постройки изъ «сѣраго камня» и, гдѣ только можно, пользуются «бѣлой плиткой», привозятъ ее издалека. Въ указанныхъ выше 6 волостяхъ кучи «сѣраго камня», кучи «бѣлой плитки»—заурядное явленіе на деревенскихъ улицахъ, точно также какъ и начатыя каменные кладки; видно, что вопросъ о замѣнѣ дерева камнемъ здѣсь назрѣлъ и что новшество Клима Уханихина, гумно котораго до сихъ поръ считается каргополами *chef-d'oeuvre* омъ каменно-строительнаго искусства, нашло себѣ горячій откликъ въ окружающемъ населеніи.

(«Р. Ж.»).

Крестьянскіе опыты удобренія фосфоритною мукою. Въ «Сельскомъ Вѣстникѣ» одинъ крестьянинъ Родичской волости, Смоленской губерніи, сообщаетъ, что крестьяне Орловской губерніи вздумали сдѣлать пробу удобренія земли фосфоритною мукою, которая мелется недалеко отъ станціи Сѣщенской, Смоленской губерніи. Крестьянинъ села Рябчи въ 1890 году купилъ фосфоритной муки 6 пудовъ и посѣялъ на своей нивѣ, а рядомъ была нива другого крестьянина, засѣянная по свѣжему навозу. Весною крестьяне мало на это обратили вниманія, но когда стала рожь выметываться, тогда они увидѣли, что по навозу зародилась костерь-трава, а по фосфориту уродилась рожь, какой по навозу не бывало. Послѣ этого, въ 1891 году, крестьяне взяли фосфоритной муки пудовъ 100, а въ 1892 году эти самые крестьяне взяли

уже 600 пудовъ,—разсѣвали муку подъ рожь, и получали урожай очень хорошіе. Потомъ стали брать фосфоритную муку сосѣдніе крестьяне изъ другихъ деревень. Всѣ они берутъ только для пробы—кто 5 пудовъ, кто 10 пуд., рѣдко 20 пуд., которые побогаче. Въ 1893 году крестьяне изъ равныхъ деревень вяли фосфоритной муки 2.000 пудовъ, и все берутъ понемногу, только для пробы, — говорятъ, что если будетъ урожай по фосфоритной мукѣ, то мы понемногу ее будемъ брать и разсѣвать, потому что пустой земли у насъ много. Крестьяне казенной дачи Брянскихъ лѣсовъ, Орловской губ., получили надѣльной земли вдвое противъ Смоленской губерніи, только земля лѣсная, очень плохая, припадливая; мѣстность очень низкая, и урожай здѣсь бываетъ самый плохой. Когда крестьяне удобряютъ навозомъ, то по свѣжему навозу родится костерь-трава, а по фосфоритной мукѣ получается рожь чистая, безъ всякой травы.

Дѣятельность Саратовскаго земства. О значеніи народныхъ чтеній, о томъ интересѣ, съ которымъ относится къ нимъ народъ, не разъ говорилось уже на страницахъ нашего журнала, — наши лучшія земства давно уже стремятся дать удовлетвореніе этой созрѣвшей народной потребности. Изъ Саратова «Русскимъ Вѣдомостямъ» пишутъ отъ 13-го февраля. «Согласно докладу особой комиссіи послѣднее очередное губернское земское собраніе сдѣлало нѣсколько заслуживающихъ вниманія постановленій по народному образованію. Рѣшено ходатайствовать передъ правительствомъ о распространеніи на уѣздные города и селенія правилъ о народныхъ чтеніяхъ, Высочайше утвержденныхъ 24-го декабря 1876 г. для губернскихъ городовъ; въ помощь тѣмъ уѣзднымъ земствамъ, которыя пожелали бы устраивать чтенія по существующимъ законоположеніямъ, ассигновано 1.000 р. Далѣе, собраніе ассигновало 3.000 руб. на содержаніе 10-ти образцовыхъ народныхъ библиотекъ въ селахъ, и на пособія, вновь учреждаемымъ по мѣстной инициативѣ, до 1.900 руб. въ пособіе уѣзднымъ земствамъ на школьныя библиотеки, 1.500 р. на лѣтніе курсы народныхъ учителей, 1.650 р. на содержаніе новыхъ 2-хъ-классныхъ министерскихъ школъ, 2.550 р. въ пособіе школамъ грамоты и 2-хъ-классной церковно-приходской школѣ (причемъ постановлено ходатайствовать о введеніи въ составъ епархіальнаго училищнаго совѣта двухъ выборныхъ членовъ отъ губернскаго земства). Собраніе ходатайствуетъ также о томъ, чтобы земству дано было право учреждать вокругъ нормальныхъ небольшихъ дешевыя школы, въ которыхъ преподавателями и ихъ помощниками могли бы быть лица, не имѣющія свидѣтельствъ на учительское званіе. Постановлено, наконецъ, ходатайствовать о правѣ для дочерей преподавателей народныхъ школъ на бесплатное обученіе въ гимназіяхъ Министерства Народнаго Просвѣщенія и Маріинскихъ. Особой комиссіей по порученію собранія собраны и обработаны свѣдѣнія о дѣятельности уѣздныхъ земствъ нашей губерніи по народному образованію за все время существованія земства; описанія нѣкоторыхъ уѣздовъ находятся уже въ печати. Кромѣ того, собранъ обширный матеріалъ по состоянію школьнаго дѣла и грамотности въ настоящее время по губерніи».

Изъ иностранной жизни.

Рабочій вопросъ въ Австраліи. Въ то время, какъ европейскія государства начинаютъ серьезно задумываться надъ разрѣшеніемъ соціального вопроса и антагонизмъ различныхъ классовъ населенія между собою все возрастаетъ въ Европѣ, въ далекой Австраліи удалось совершенно мирнымъ путемъ разрѣшить трудную соціальную задачу. Весьма вѣроятно, что этой легкости разрѣшенія въ Австраліи жгучаго для европейскихъ государствъ вопроса очень много способствовало то обстоятельство, что Австралія свободна отъ тяжелаго бремени какихъ бы то ни было историческихъ преданій и предразсудковъ. Въ Новой Зеландіи съ полнымъ успѣхомъ проведены въ жизнь идеи государственнаго социализма, съ тѣхъ поръ, какъ во главѣ правительства очутилась рабочая партія, предводители (лидеры) которой, сэръ Гарри Аткинсонъ и Баллонсъ, оба государственные социалисты. На парламентскихъ выборахъ въ 1891 году въ палату вернулись рабочіе въ огромномъ большинствѣ, между прочимъ, одинъ ламповщикъ, состоящій на службѣ города, и муниципалитетъ всякій разъ давалъ ему увольнительное свидѣтельство, когда ему нужно было засѣдать въ парламентѣ.

Однако, мѣропріятія, одобренныя такимъ «рабочимъ» парламентомъ, постоянно наталкивались на самую упорную оппозицію въ верхней палатѣ. Чтобы помочь дѣлу, возвели въ достоинство перовъ двѣнадцать членовъ парламентской партіи рабочихъ, получившихъ такимъ образомъ право засѣдать въ верхней палатѣ и своими голосами уравнивать оппозицію ея прежнихъ членовъ. Изъ числа этихъ новоспеченныхъ перовъ—четверо были простые рабочіе: два наборщика, одинъ рабочій въ складахъ и одинъ котельщикъ. Рассказываютъ, что, когда этому послѣднему принесли телеграмму, сообщающую ему о назначеніи его въ законодательное собраніе, то онъ въ это время находился внутри парового котла. Сначала онъ не повѣрилъ, чтобы телеграмма предназначалась ему, когда въ мастерскую явился телеграфный рассыльный, но когда, наконецъ, его имя было повторено нѣсколько разъ, онъ сказалъ рассыльному: «Просуньте, пожалуйста, листокъ въ дыру у верхушки котла. И, сидя въ котлѣ, онъ прочелъ объ отличіи, которое выпало на его долю...

Прежде всего рабочее министерство, обезпечившее себя такимъ образомъ большинство какъ въ нижней, такъ и въ верхней палатѣ, приступило къ реформамъ поземельной собственности и привело въ исполненіе идею націонализаціи земли, о которой въ послѣднее время такъ много говорятъ и въ Англіи. Земля отдается въ вѣчную аренду, т. е. на 999 лѣтъ, за ежегодную ренту въ 4% своей стоимости. Въ первые два года никакой ренты не платится. Ни одинъ человекъ не можетъ владѣть болѣе, чѣмъ ста акрами земли, а тотъ, кто имѣетъ земельную собственность гдѣ-нибудь въ колоніи, не имѣетъ права на дальнѣйшее приобрѣтеніе земли. Когда колонистъ выстроитъ на полученной землѣ домъ, то правительство выдастъ ему ссуду не менѣе 20 фунтовъ стерлинговъ, гарантируемую собственностью владѣльца земли. За первые двадцать акровъ воздѣланной и засѣянной земли колонисту снова выдается ссуда въ 50 фунтовъ стерлинговъ; за эти ссуды взимаются 5%. При выборѣ колонистовъ отдается преимущество женатымъ людямъ.

Схема эта была приведена въ исполненіе въ Ауклендской провинціи во время сильнѣйшаго давленія со стороны «безработныхъ» рабочихъ и тѣмъ не менѣе выдержала испытаніе. Колонисты обязаны также помогать правительству въ проведеніи необходимыхъ дорогъ и постройки школъ. Въ настоящее время 900 человекъ, распределенные по 85 колоніямъ, воспользовались уже ссудами австраійскаго правительства. На каждого изъ колонистовъ приходится среднимъ счетомъ 25 акровъ земли. Сумма выданныхъ ссудъ достигла уже значительныхъ размѣровъ, но гарантирующая ихъ земельная собственность сильно повысилась въ цѣнѣ и почти втрое превосходитъ ссуду. Вообще, націонализація земель дѣлаетъ въ Австраліи огромные успѣхи. Ассоціаціи, числомъ не менѣе, какъ въ двѣнадцать человекъ, могутъ брать на тѣхъ же условіяхъ землю отъ 1.000 до 11.000 акровъ. Крупныя земельныя владѣнія обложены прогрессивнымъ подоходнымъ налогомъ; въ случаѣ несогласій между собственниками и правительственными оцѣнщиками, государство обыкновенно покупаетъ спорное имѣніе. Новая Зеландія первая изъ англійскихъ колоній, учредившая особый рабочій департаментъ, который завѣдуетъ общественными работами. Восьмичасовой рабочій день вошелъ въ обычай во всѣхъ австраійскихъ колоніяхъ безъ всякаго законодательства и, вообще, рабочее законодательство въ Новой Зеландіи во многихъ отношеніяхъ можетъ считаться образцовымъ. Государство съ самаго рожденія ребенка оказываетъ ему покровительство, даетъ ему обязательное образованіе, охраняетъ и оберегаетъ его отъ непосильной работы въ отроческомъ и юношескомъ возрастѣ, поддерживаетъ во многихъ случаяхъ и снабжаетъ работою взрослого рабочаго. Земледѣльцамъ гарантируется владѣніе землей, которую они обрабатываютъ; престарѣлые, увѣчные и больные рабочие, которые уже не въ состояніи трудиться, приарѣваются на общественный счетъ. Дѣятельные люди всегда имѣютъ возможность доставать безбѣдное существованіе своимъ семьямъ; въ случаѣ же ихъ смерти заботу объ ихъ семьяхъ беретъ на себя государство.

Во всякомъ случаѣ, Старому Свѣту есть чему поучиться у Нового Свѣта, который не стѣсняется производить у себя опыты новаго государственнаго устройства, и поэтому на дѣлѣ можетъ демонстрировать пользу той или другой государственной системы.

Успѣхи женскаго движенія за 1893 годъ. Сторонники женскаго движенія должны, конечно, порадоваться тѣмъ успѣхамъ, которыя достигнуты женщинами за истекшій годъ. Даже во Франціи, гдѣ, вообще, къ стремленію женщинъ къ равноправности относятся скорѣе насмѣшливо, чѣмъ сочувственно, женщинамъ удалось нѣсколько расширить кругъ своей дѣятельности. Недавно въ сенатѣ, всегда выказывавшимъ себя упорнымъ противникомъ женской равноправности, французской женщиной удалось одержать довольно крупную побѣду. Послѣ долгихъ колебаній и подъ сильнымъ давленіемъ Жана Маса, провинскаго по этому поводу прекрасную рѣчь, почтенные сенаторы рѣшились признать за женщиною право голоса на выборахъ въ коммерческой трибуналъ. Вслѣдъ за этимъ, на всѣхъ главныхъ парижскихъ улицахъ появились огромныя афиши, въ которыхъ недавно основанное женское общество «*Avant-Courtiège*» убѣждало жителей столицы поддержать вне-

*

сенный въ парламентъ по инициативѣ госпожи Шовенъ, доктора правъ, законопроектъ о признаніи за женщиною полной гражданской самостоятельности и о предоставленіи ей права самостоятельно распоряжаться своимъ заработкомъ, если она находится замужемъ. Такое же воззваніе, вмѣстѣ съ текстомъ законопроекта и обстоятельною статьею г-жи Шовенъ по этому вопросу, было разслано депутатамъ, сенаторамъ и разнымъ другимъ болѣе или менѣе вліятельнымъ лицамъ. Результатомъ этой пропаганды явилось то, что въ общественное мнѣніе Франціи стало, наконецъ, проникать сознаніе ненормальности того подчиненнаго положенія, въ которомъ до сихъ поръ находится французская женщина. Нѣкоторые изъ республиканскихъ газетъ находятъ даже, что требованія законопроекта чрезчуръ скромны, и права женщинъ слѣдовало бы расширить еще болѣе.

Въ Англіи женщины достигли довольно большихъ успѣховъ въ области университетскаго образованія. Въ Лондонскомъ университетѣ изъ 21 кандидата на степень бакалавра словесности («Master of Arts Degree») шестеро были женщины; изъ 80 кандидатовъ на степень бакалавра наукъ,—12 женщинъ удостоились этой степени. Три женщины получали степень доктора медицины. На экзаменахъ въ трехъ факультетахъ: словесномъ, юридическомъ и математическомъ, пальма первенства была отдана женщинамъ въ области этики, психологіи, фізіологіи, ботаники и новыхъ языковъ; мужчины же заняли первое мѣсто въ области математическихъ наукъ, физики, географіи, классической литературы и права. На экзаменѣ по педагогикѣ въ списокъ выдержавшихъ кандидатовъ было девять женщинъ и ни одного мужчины.

Въ Кембриджскомъ университетѣ не менѣе десяти женщинъ держали экзаменъ по математикѣ; изъ этихъ десяти кандидатокъ три были зачислены въ первые разряды, остальные приравнены къ шестому, седьмому и семнадцатому разрядамъ мужчинъ кандидатовъ.

Во всѣхъ другихъ областяхъ, принадлежащихъ къ владѣніямъ Великобританіи, женщины также энергично добиваются ученыхъ правъ. Въ коллегіи Макъ Джилл въ Монреалѣ (Канада) изъ одиннадцати кандидатовъ, удостоенныхъ отличіями, шесть—женщины, на пять медалеровъ приходятся три женщины.

Въ Шотландіи женская медицинская школа въ Эдинбургѣ обладаетъ такими же правами, какъ и мужская. Въ Дублинѣ университетъ открылъ свои двери женщинамъ. Во всемъ соединенномъ королевствѣ число медицинскихъ должностей, довѣряемыхъ женщинамъ, такъ велико, что спросъ даже превышаетъ предложеніе. Въ сельскохозяйственной коллегіи въ Сванмѣ (Кентъ) постоянно имѣются требованія на женщинъ садовницъ. Наконецъ, въ Новой Зеландіи женщинамъ дарованы такія же политическія права, какъ и мужчинамъ, а Южная Австралія готовится признать за женщинами право голосованія.

Газетный музей въ Аахенѣ. Периодическая печать не разъ подвергалась гоненіямъ въ Европѣ; не разъ высккивались средства уменьшать ея вліяніе, но все безуспѣшно. Теперь уже не только культурныя, но даже и некультурныя государства понимаютъ значеніе периодической печати. Даже въ нѣкоторыхъ полуварварскихъ, почти нетронутыхъ цивилизаціею, странахъ, въ настоящее время основываются газеты, кс-

нечно, не имѣющія еще характера настоящихъ политическихъ изданій, но тѣмъ не менѣе удовлетворяющія пока своей цѣли — вносить лучъ свѣта въ ту глубокую тьму, въ которой еще обрѣтаются многія полудикія государства. Въ настоящее время газеты сдѣлались насущною потребностью каждаго цивилизованнаго человѣка и служатъ вѣрнымъ отраженіемъ общественной и политической жизни и степени культурности страны. Коллекція газетъ отъ самаго начала возникновенія периодической печати въ Европѣ до настоящаго времени, конечно, должна была бы представить очень интересную культурноисторическую картину и служить важнымъ подспорьемъ при изученіи той или другой страны. Идея устройства такой коллекціи пришла въ голову, лѣтъ десять тому назадъ, извѣстному египтологу, директору королевской бібліотеки въ Берлинѣ Лепсіусу, который, понимая значеніе такой коллекціи, выработалъ планъ ея устройства. Но Лепсіусу не суждено было видѣть исполненіе своей идеи: онъ умеръ раньше и планъ его былъ приведенъ въ исполненіе лишь послѣ его смерти энергичнымъ и страстнымъ коллекционеромъ, докторомъ Оскаромъ Форкенбекъ, бургомистромъ Аахена.

Къ идее устройства газетнаго музея въ Аахенѣ, основаннаго Форкенбекъ по плану покойнаго Лепсіуса, отнеслись очень сочувственно во всѣхъ европейскихъ государствахъ и вездѣ Форкенбеку было оказано нужное ему содѣйствіе. Въ настоящее время число газетъ въ этомъ музеѣ превышаетъ 50.000 и всѣ номера подобраны и переплетены. Конечно, особенно богата коллекція газетъ, относящихся къ новѣйшему періоду германской исторіи. Возбуждаетъ изумленіе обиліе экстренныхъ изданій, вышедшихъ по случаю золотой свадьбы императора Вильгельма, и такихъ, въ которыхъ помѣщены были некрологи его и Фридриха III, а также изданій, посвященныхъ юбилею папы Льва III. Эти послѣднія изданія выходили не только на европейскихъ языкахъ, но и на азіатскихъ, африканскихъ, американскихъ и австралийскихъ нарѣчіяхъ.

Въ музеѣ находятся экземпляры почти всѣхъ существовавшихъ когда-либо или существующихъ въ Германіи газетъ или специальныхъ листовъ, но иностранная печать имѣетъ также достаточное количество своихъ представителей въ музеѣ. Газеты, издающіяся у сѣвернаго и у южнаго полюса, находятся въ музеѣ въ близкомъ сосѣдствѣ другъ съ другомъ. Слыхалъ ли, напримѣръ, кто-нибудь объ эскимосской газетѣ? а между тѣмъ, такая газета существуетъ и выходитъ два раза въ мѣсяцъ съ иллюстраціями и притомъ подъ такимъ трудно выговариваемымъ названіемъ: «Atuagag dluitit valicginrnik tussavuminas assunik umottab in Godthab». Газета эта, съ такимъ удивительнымъ названіемъ, издается въ нѣмецкой колоніи, на западномъ берегу Гренландіи, по 64° сѣверной широты. Въ музеѣ находятся также много японскихъ и индійскихъ газетъ и также подъ трудно произносимыми названіями. Въ музеѣ есть и русскія газеты, хотя ихъ не такъ много.

Чтеніе экзотической прессы во многихъ отношеніяхъ интересно и поучительно для европейца: въ нихъ онъ можетъ изучать чуждую ему политическую и общественную жизнь далекихъ странъ, столь непохожую на ту, которая его окружаетъ. Между прочимъ, въ музеѣ находятся коллекція номеровъ мексиканской газеты «El Telegramma», пожалуй самой маленькой газеты на свѣтѣ. Длина столбца этой газеты 115 миллиметровъ, а ширина—35. Однако, несмотря на свою малую величину,

газета эта имѣетъ свой собственный телефонъ и печатаетъ важнѣйшія извѣстія со всего свѣта. Маленькая газетка поставила своимъ девизомъ «не кормить своихъ читателей разведенною пищей» и потому излагаетъ все въ сжатой, но ясной формѣ, безъ лишнихъ разглагольствованій. Въ музеѣ есть и нѣмецкая газета «Ostasiatische Lloyd», издающаяся въ Шанхаѣ и защищающая интересы нѣмцевъ на крайнемъ Востоку. Эта газета тѣмъ замѣчательна, что въ ея типографіи наборщики исключительно португальцы и китайцы, не знающіе ни слова по нѣмецки и даже не знающіе нѣмецкой азбуки, такъ что всѣ статьи предварительно переписываются латинскими буквами. Но рядомъ съ маленькими газетами имѣются и такіе великаны, какъ, напримѣръ, газета «Napop», издающаяся въ Буэносъ-Айресѣ; она имѣетъ девять столбцовъ и длина каждаго столбца одинъ метръ, а ширина 65 сантиметровъ. Однако и эта великанъ-газета отстываетъ на второй планъ передъ появившемся въ Лондонѣ, въ 1859 году, изданіи въ день празднованія американской независимости. Изданіе это имѣетъ форматъ бильярда, въ 8½ футъ въ длину и шесть футъ въ ширину, состоитъ изъ восьми страницъ, въ 13 столбцовъ каждая. Изданіе это печатается на прекрасной, очень прочной бумагѣ, одинъ разъ въ сто лѣтъ.

Число японскихъ, китайскихъ и африканскихъ газетъ, напечатанныхъ на разныхъ негрскихъ нарѣчіяхъ, очень велико въ музеѣ. Въ музеѣ находится рѣдкій экземпляръ чикагской газеты «Chicago Daily News», вышедшій 5-го октября 1887 года, въ которомъ редакция газеты придумала напечатать привѣтствія президенту Соединеннымъ Штатамъ, въ первый разъ посѣтившему Чикаго, на языкѣ всѣхъ народностей, представители которыхъ проживаютъ въ Чикаго. Такимъ образомъ, въ этомъ номерѣ соединились нарѣчія и языки чуть ли не всего земного шара.

Коллекція старинныхъ газетъ аахенскаго музея довольно богата и, конечно, изъ нея можно почерпнуть много свѣдѣній. Между прочимъ, изъ этихъ газетъ видно, что первая телеграмма, переданная при помощи оптическаго телеграфа, была отправлена въ Германію 13-го декабря 1794 года. Телеграмма эта заключала въ себѣ поздравленіе въ стихахъ по случаю дня рожденія маркграфа баденскаго и была передана сигналами въ Карлсруэ на разстояніи полутора часа пути.

Вниманіе посѣтителя музея привлекается рукописными газетами XVI столѣтія. Самая старинная нѣмецкая печатная газета вышла 28-го марта 1752 года.

Очень многочисленна коллекція листковъ спорта, изъ которой видно между прочимъ, что въ Индіи очень распространена литература этого рода. Также очень велика коллекція сатирическихъ листковъ, спиритическихъ и другихъ газетъ и даже такихъ, которыя издаются подъ редакціею несовершеннолѣтнихъ юношей и почти нѣтъ такой отрасли періодической печати, которая бы не имѣла своего представителя въ Аахенскомъ музеѣ.

«Русск. Вѣд.»

Народный университетъ въ Германіи. Въ Берлинѣ существуетъ общество «Уранія», основанное въ мартѣ 1888 года нѣсколькими богатыми берлинскими обитателями, любителями природы, поставившими себѣ цѣлью возбудить въ народной массѣ интересъ къ естественнымъ

наукамъ и любовь къ природѣ. Въ обширномъ зданіи, выстроенномъ для этой цѣли обществомъ, устроены образцовыя лабораторіи и кабинеты: астрономическій, физическій, биологическій и т. д. Эти лабораторіи снабжены необходимыми усовершенствованными приборами и за самую ничтожную плату каждый имѣетъ право заниматься въ кабинетахъ и лабораторіяхъ и пользоваться всѣми инструментами, въ нихъ находящимися. Ежедневно, въ извѣстные часы, въ этомъ народномъ университетѣ читаются лекціи по предметамъ естественныхъ наукъ, причемъ лекторы стараются какъ можно популярнѣе и яснѣе, но въ то же время вполне научно изложить своимъ слушателямъ предметъ своей лекціи. Въ этихъ лекціяхъ объясняются различныя явленія природы, разсказывается происхождение горъ, вулкановъ, морскихъ приливовъ, облаковъ, метеоровъ и т. п. Маленькая зала, въ которой читаются лекціи, обыкновенно бываетъ переполнена народомъ. Лекціи читаются преимущественно по вечерамъ и на нихъ собираются мужчины и женщины, желающіе учиться, но не имѣющіе на то средствъ. Астрономическая обсерваторія, устроенная при этомъ народномъ университетѣ, снабжена превосходными инструментами для наблюденія небесныхъ свѣтилъ.

Множество молодыхъ ученыхъ, жаждущихъ расширить свои собственные познанія и преданныхъ наукъ, съ охотою берутъ на себя трудъ руководить вечерними занятіями и читать вечернія лекціи. Общество «Уравія» издаетъ также лучший изъ научныхъ журналовъ въ Европѣ «Himmel und Erde», снабженный роскошными иллюстраціями и считающій въ числѣ своихъ сотрудниковъ многихъ выдающихся ученыхъ Германіи.

Въ связи съ университетомъ находится и такъ-называемый «театръ науки», въ которыхъ помѣщается нѣсколько сотъ человѣкъ. Сцена этого театра снабжена всѣми приспособленіями и во время лекцій на ней проходятъ движущіяся картины, иллюстрирующія предметъ лекціи. Такія лекціи, иллюстрируемыя движущимися картинами, происходятъ ежедневно и обнимаютъ весьма обширную область научныхъ вопросовъ.

Изъ жизни швейцарскихъ ремесленниковъ. Недавно такъ-называемыя Общества Общей Пользы округа Цюриха, Неймюнстера, Энге и Ауссерраля соединились съ цюрихскимъ промышленнымъ Обществомъ и Обществомъ промышленныхъ школъ въ союзъ, подъ именемъ цюрихскаго патроната ремесленныхъ учениковъ, съ цѣлью заботиться посредствомъ комиссій, составленной изъ 3 представителей отъ каждаго Общества, о ремесленныхъ ученикахъ и ученицахъ, занимающихся въ городѣ Цюрихѣ. Въ кругъ этихъ заботъ входитъ слѣдующее: содѣйствіе при выборахъ спеціальности и посредничество при отысканіи учебнаго мѣста; присканіе для учениковъ подходящихъ квартиръ; заключеніе съ хозяевами-мастерами контрактовъ и регулированіе отношеній между мастерами и учениками въ интересахъ болѣе основательнаго образованія послѣднихъ; надзоръ за поведеніемъ учениковъ, а также заботы объ ихъ здоровьѣ; устройство для нихъ въ свободное время полезныхъ чтеній, посѣщеніе читальныхъ залъ, библиотекъ; поддержка способныхъ учениковъ выдачей въ ссуду денегъ на плату за ученье, столъ и

квартиру; выдача дѣятельнымъ и способнымъ ученикамъ стипендій для посѣщенія специальныхъ школъ или для путешествій съ образовательной цѣлью. При благоприятныхъ обстоятельствахъ патронать предполагаетъ устроить бюро для присканія работы ученикамъ и ученицамъ и пріютъ для нихъ въ собственномъ или наемномъ домѣ. Послѣдній проектъ отодвинутый было за недостаткомъ средствъ на задній планъ, получилъ недавно совершенно неожиданно полную возможность осуществиться, благодаря крупному пожертвованію одного мастера строительнаго дѣла, который подарилъ одному изъ Обществъ, входящихъ въ составъ патроната, жилой домъ съ дворомъ и садомъ. Этотъ домъ долженъ быть преобразованъ въ пріютъ для ремесленныхъ учениковъ и называться пріютомъ Луизы въ память умершей дочери жертвователя. Г. Бауэръ, такова фамилія жертвователя, взялъ на себя, кромѣ того, всѣ издержки, по переустройству дома и пожертвовалъ въ оборотный капиталъ пріюта 5.000 фр.

Въ настоящее время уже окончательно выработанъ уставъ патроната, а вскорѣ будетъ назначена и коммиссія, такъ что съ начала весны патронаты уже начнутъ свои дѣйствія. При этомъ для каждаго ученика коммиссіей будетъ выбранъ изъ среды участвующихъ Обществъ одинъ «патронъ», который приметъ на себя обязанность непосредственно заботиться объ ученикѣ во всѣхъ отношеніяхъ, направлять его къ полевой дѣятельности, стараться, чтобы онъ съ пользою употреблялъ свое время и пр.

При большомъ числѣ немущихъ дѣтей, ежегодно отдаваемыхъ на выучку въ большой городъ, въ которомъ они большею частью не имѣютъ ни друзей, ни знакомыхъ, гдѣ имъ не къ кому обратиться за совѣтомъ, помощью, или покровительствомъ, гдѣ такіе неопытные молодые люди могутъ подвергаться множеству различныхъ опасностей, — такой патронать можно назвать чистымъ благодѣяніемъ. Нельзя не позавидовать въ данномъ случаѣ швейцарскимъ ученикамъ и нельзя не пожелать кстаті, чтобы и у насъ, гдѣ въ послѣднее время такъ много заботятся о развитіи всевозможныхъ видовъ промышленности и гдѣ ремесленные ученики находятся въ несравненно худшемъ положеніи, создалось хотя бы что-нибудь подобное. (Ремес. Газ.).

Союзъ народныхъ учительницъ въ Берлинѣ. Шесть лѣтъ тому назадъ, въ Берлинѣ основано было общество народныхъ учительницъ, которое имѣетъ цѣлью главнымъ образомъ дать возможность народнымъ учительницамъ сходиться со своими товарищами по профессіи и обсуждать общіе интересы. Кромѣ того, «союзъ народныхъ учительницъ» является энергичнымъ защитникомъ правъ и интересовъ учительницъ и недавно заставилъ берлинскій магистратъ обратить вниманіе на крайнюю несправедливость въ распредѣленіи вознагражденій учительницъ по сравненію съ учителями. Теперь уже берлинскій магистратъ начинаетъ повемногу уравнивать жалованье учительницъ съ жалованьемъ учителей. Въ прошломъ году союзъ учредилъ вспомогательную кассу, выдающую пособия во время болѣзни; въ нынѣшнемъ же организуетъ и пенсіонную кассу, задача которой главнымъ образомъ облегчить положеніе тѣхъ учительницъ, которыя не выслужили полной пенсіи. Германскія народныя учительницы ввели у себя, кромѣ

того, очень полезное нововведеніе: собесѣдованія съ матерями дѣтей, учащихся въ народной школѣ. Разъ или два въ мѣсяцъ матери учениковъ приглашаются въ школу, гдѣ учительницы угощаютъ ихъ чаемъ или кофе и въ это время бесѣдуютъ съ ними о разныхъ вопросахъ, касающихся ихъ дѣтей и вліянія на нихъ школы. Матери обыкновенно приносятъ съ собою какое-нибудь рукодѣліе и очень охотно являются на эти собесѣдованія; онѣ сообщаютъ учительницамъ свои наблюденія надъ своими дѣтьми въ школы и эти наблюденія часто включаютъ въ себѣ весьма цѣнные данныя, которыми учительницы могутъ руководствоваться въ своей дѣятельности.

Исторія одной рабочей ассоціаціи во Франціи. Въ Парижѣ существуетъ типографія, называемая «Imprimerie Nouvelle», исторія которой очень поучительна. Въ октябрѣ 1865 года человекъ двадцать типографскихъ рабочихъ согласились между собою основать свою собственную типографію и съ этою цѣлью открыли между своими товарищами подписку на акціи, цѣною въ сто франковъ каждая. Уплата за акціи производилась въ рассрочку, по 75 сантимовъ еженедѣльно въ первый годъ и по 50 с.—во второй. Желающихъ участвовать въ подпискѣ нашлось не мало между членами корпораціи типографскихъ рабочихъ и такимъ образомъ составила довольно значительная сумма денегъ. При самомъ началѣ нарождающагося общества чуть не постигло несчастіе; деньги хранились у одного частнаго лица, который обанкрутился. Капиталъ рабочихъ былъ конфискованъ и имъ стоило не малаго труда добиться возвращенія своихъ денегъ. Однако, несмотря на это, общество развивалось и крѣпло. Основанное въ мартѣ 1866 года съ акціонернымъ капиталомъ въ 80.000 франковъ, общество начало официально функционировать въ ноябрѣ 1869 года, когда въ кассѣ его уже находилось 30.000 фр., внесенныхъ акціонерами въ погашеніе своего долга. Сумма эта составила изъ еженедѣльныхъ взносовъ въ 75 сантимовъ, и ужъ это одно указываетъ, какъ велика была энергія и настойчивость членовъ ассоціаціи.

Съ 30.000 франковъ можно уже было начать дѣло. Но въ тѣ времена во Франціи не было вольныхъ типографей. Каждая типографія должна была имѣть патентъ; число патентовъ было ограничено и стоимость ихъ была отъ 18.000 до 20.000 фр. Конечно, правительство могло дать даромъ патентъ этой ассоціаціи, но оно этого не желало сдѣлать, и ассоціація, вслѣдствіе невозможности внести деньги за патентъ, чуть-чуть не лишилась возможности утилизировать свой, собранный съ такими затрудненіями капиталъ. Однако, стараніями Гамбетты и нѣкоторыхъ другихъ удалось получить для ассоціаціи патентъ. Но этимъ не кончились ея затрудненія. Во время войны 1870 года она чуть было не распалась. Но изъ всѣхъ этихъ испытаній ассоціація вышла побѣдительною и въ 1878 году, съ капиталомъ, не достигающимъ 100.000 франковъ и собраннымъ въ теченіе двѣнадцати лѣтъ, приобрѣла весь нужный инвентарь, приняла заказы на два милліона франковъ и получила прибыли 270.000 франковъ.

«Секретъ нашего успѣха,—говоритъ одинъ изъ членовъ этой ассоціаціи,—заключается въ слѣдующемъ: мы были экономны и, собравъ капиталъ, были осторожны и терпѣливы и не начали дѣла слишкомъ рано, а подождали, пока оно окрѣпнетъ».

Въ настоящее время «Imprimerie Nouvelle» обладаетъ большимъ основнымъ капиталомъ и приноситъ своимъ рабочимъ доходъ, дающій имъ возможность жить безъ всякихъ лишеній. Организаторы этого предпріятія, которое теперь процвѣтаетъ, гордятся главнымъ образомъ тѣмъ, что они начали его безъ участія капитала и вообще приняли всѣ мѣры къ тому, чтобы не допустить капиталъ играть въ своемъ предпріятіи первенствующую роль.

ИЗЪ МІРА НАУКЪ.

Новая бѣда—Шелкопрядъ монахъ. Предстоящей весной ожидаютъ опустошеніе лѣсовъ Владимірской, Нижегородской, Пермской, Московской и Рязанской губерній «шелкопрядомъ-монашкой». Это насѣкомое угрожаетъ полной гибелью нашимъ хвойнымъ лѣсамъ. Чтобы яснѣе представить себѣ всю серьезность грозящей опасности, нужно принять во вниманіе, что въ Западной Европѣ отложеніе 100 яичекъ шелкопряда-монаха на дерево считается уже опаснымъ, и тотчасъ же принимаются мѣры въ борьбѣ съ монашкой. У насъ же въ настоящее время на каждое дерево приходится въ среднемъ до 1.130 яичекъ. Шелкопрядъ-монахъ или

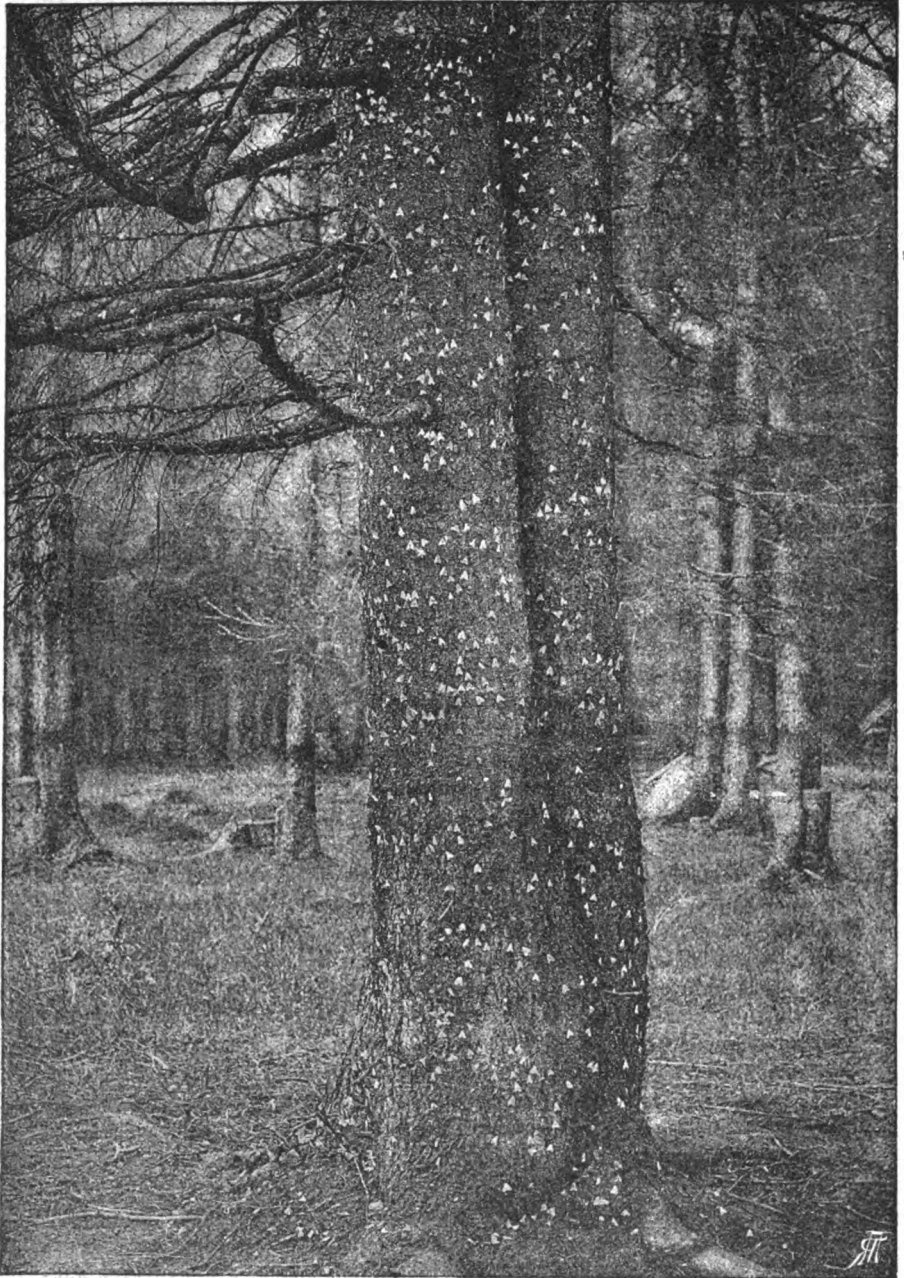
Самецъ (выше) и самка (ниже) монашенки въ спокойномъ положеніи на корѣ (по Радебургу).

монашенка, носящій научное сазваніе *Monacha L.*, принадлежитъ къ отряду чешуекрылыхъ насѣкомыхъ или такъ-называемыхъ бабочекъ, къ группѣ шелкопрядовъ и къ семейству *Liparidae*.

Монашенка, какъ и всѣ др. бабочки, претерпѣваетъ при своемъ развитіи особыя превращенія, проходя при этомъ слѣдующія четыре стадіи: 1) яйцо, 2) личинка (гусеница), 3) куколка и 4) окрыленное насекомое (бабочка). У бабочки заднія крылья бѣловатосѣрыя, а переднія бѣлыя съ черными полосками.

Бабочка появляется изъ куколки обыкновенно во второй половинѣ лѣта и летаетъ съ середины іюля до конца августа. Она по большей части избѣгаетъ дневного свѣта, прячась на деревьяхъ, а летаетъ по ночамъ, легко попадаясь на огонь фонаря, свѣчи. Оплодотворенныя самки складываютъ свои яички кучками въ защищенныхъ мѣстахъ, въ трещинахъ коры ствола и вѣтвей, подъ лишаями и т. д., а при очень обильномъ размноженіи—даже на заборахъ, постройкахъ и т. п. Яички перезимовываютъ, и весною изъ нихъ вылупляются гусеницы; такое вылупленіе, происходитъ далеко не одновременно для всѣхъ яичекъ и длится около 2 недѣль или даже цѣлаго мѣсяца. Въ первые дни по выходѣ изъ яицъ гусеницы держатся кучкою на мѣстѣ вылупленія, образуя своимъ скопленіемъ округлое пятно, а затѣмъ взбираются вверхъ на дерево; при этомъ молодыя гусеницы выпускаютъ изо рта нить, на которой свѣшиваются съ вѣтвей; болѣе же взрослые теряютъ эту способность и только предъ самымъ окукленіемъ выпускаютъ снова нѣсколько нитей. Гусеницы монашенки весьма прожорливы и повреждаютъ не только хвойныя, но и лиственные лѣса; онѣ объѣдаютъ, главнымъ образомъ, ель, сосну, букъ и березу, но нападаютъ и на пихту, лиственницу, дубъ, грабъ, липу, осину, ясень, рябину и др., а также и на плодовые деревья. Во время своего роста, гусеница 4 раза сбрасываетъ кожу (линяетъ), пока, наконецъ, въ іюлѣ не достигнетъ окончательнаго развитія; тогда она приступаетъ къ окукленію, помѣщаясь для этого въ трещинахъ коры или, рѣже, между иглами хвои, листьями и т. п., а со середины іюля начинается уже летъ бабочекъ. Таковъ циклъ развитія шелкопряда-монаха.

Въ борьбѣ съ монашенкой на первомъ мѣстѣ долженъ быть поставленъ постоянный тщательный надзоръ за лѣсомъ, чтобы грозящая ему отъ монашенки опасность могла быть усмотрѣна вполне своевременно. Что же касается собственно истребленія послѣдней, то для этой цѣли могутъ служить слѣдующія мѣры: 1) собираніе и уничтоженіе яичекъ; 2) умерщвленіе гусеницъ въ первые дни по вылупленіи ихъ изъ яицъ; 3) собираніе и уничтоженіе болѣе взрослыхъ гусеницъ и куколокъ; 4) устройство на деревьяхъ довичихъ колецъ для воспрепятствованія передвиженіямъ гусеницъ и уничтоженія послѣднихъ; 5) проведеніе довичихъ рововъ для той же надобности. Первое изъ этихъ средствъ—очень дорогое, весьма копотливое и потому труднопримѣнимое. Болѣе удобоисполнимымъ является уничтоженіе свѣже-вылупившихся гусеницъ, тѣмъ болѣе, что онѣ въ это время держатся еще обществами въ своихъ гнѣздахъ на древесныхъ стволахъ. Однако, какъ бы тщательно ни примѣнялось указанное уничтоженіе гнѣздъ насекомого, все же достигнуть полного успѣха въ этомъ дѣлѣ, конечно, не возможно, и приходится принимать дальнѣйшія мѣры противъ успѣвшаго распозтяться по деревьямъ червя, а именно—собирать его съ растеній руками, страхивать оттуда или сметать метлами, вѣниками и т. п., чтобы затѣмъ умерщвлять; все это наиболѣе удобопримѣнимо на окраинахъ лѣса, въ молодыхъ поросляхъ и

Еловый лѣсъ, объѣденный гусеницами монашенки; массы бабочекъ сидятъ на стволахъ и на вершинахъ. Фотографія сдѣлана (Тюбѣгомъ) 31 іюля 1891 г. въ лѣсничествѣ Reglach, въ Баваріи.

особенно въ цѣнныхъ насажденіяхъ. Гораздо болѣе удовлетворительные результаты получаются путемъ примѣненія такъ-называемыхъ ловчихъ колецъ, въ настоящемъ случаѣ—просто клеевыхъ. Для этой надобности употребляется такъ-называемый «гусеничный» клей, способный довольно долго оставаться липкимъ на воздухѣ и останавливать передвиженія появившихъ на него гусеницъ. (Лѣсн. Дѣло).

Изученіе дѣтей въ первые періоды школьной жизни. Въ америкаскомъ журналѣ «Fogim» напечатана статья Стэнли Голла, въ которой собраны результаты наблюденій автора надъ дѣтьми ранняго школьнаго возраста. Между прочимъ, авторъ, на основаніи этихъ наблюденій, приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: до 11—12 лѣтъ мальчики бываютъ выше и тяжелѣе дѣвочекъ; въ слѣдующіе годы нѣкоторое время перевѣсъ бываетъ на сторонѣ дѣвочекъ, но затѣмъ мальчики скоро перегоняютъ дѣвочекъ. Дѣти нерабочихъ классовъ больше и тяжелѣе дѣтей рабочихъ. Въ ростѣ мальчиковъ замѣчается три различныхъ періода: умѣренное прибавленіе роста на шестомъ—седьмомъ году, болѣе слабое отъ девяти до тринадцати и значительное увеличеніе между четырнадцатымъ и семнадцатымъ годами. Съ конца ноября и по конецъ марта дѣти растутъ мало; ростъ ускоряется, но зато прибавленіе въ вѣсѣ уменьшается, съ марта по августъ, съ августа по ноябрь происходитъ обратное, т. е. замедляется ростъ, но ребенокъ становится тяжелѣе. Рано развивающіяся дѣти обыкновенно бываютъ тяжелѣе дѣтей одинаковаго роста, но болѣе тупыхъ.

Относительно физическихъ недостатковъ у дѣтей Голла говорятъ, что около 30% дѣтей школьнаго возраста въ цѣлой Европѣ обнаруживаютъ различныя аномаліи нервной системы. По мнѣнію Голла, множество такъ-называемыхъ «отсталыхъ» дѣтей бываютъ немного глухи. Зубы у дѣтей также большею частью обнаруживаютъ болѣе или менѣе крувные недостатки.

Любопытны также данныя, собранныя Голла, относительно встречающагося у дѣтей невѣжества. Въ бостонскихъ первоначальныхъ школахъ, при помощи искуснаго опрашиванія дѣтей, удалось констатировать курьезный фактъ, что болѣе 14% дѣтей шестилѣтняго возраста никогда не видали звѣздъ и никакого объ нихъ не имѣютъ понятія; 35%—никогда не видали деревни; 25% не знаютъ, что молоко получается отъ коровы и 55% не знаютъ, что деревянные издѣлія дѣлаются изъ матеріала, доставляемаго деревьями. Отъ 13% до 15% не имѣютъ понятія о зеленомъ, голубомъ и желтомъ цвѣтахъ и знаютъ эти цвѣта только по имени. Многія изъ дѣтей никогда не видавали свиньи и воробья; другія же даже не умѣли указать у себя части тѣла.

Новая гипотеза о строеніи земнаго шара. Сущность гипотезы Рато заключается въ слѣдующемъ: внутренняя часть земнаго шара представляетъ раскаленное ядро, окруженное твердой корою въ видѣ оболочки. Дно океановъ покоится на раскаленномъ ядрѣ; матеріки же отдѣлены отъ этого ядра пространствомъ, заполненнымъ газообразными веществами, которыя имѣютъ температуру около 900° и находятся подъ давленіемъ въ 650 атмосферъ. Отъ давленія газовъ, матеріки стремятся подняться; отъ охлажденія и сжатія внутренняго ядра, сопріекасаю-

щеся съ нимъ дно океановъ имѣетъ стремленіе опускаться. Этимъ гипотеза Рато объясняетъ прогрессивное отступленіе моря и поднятіе береговъ. Происхожденіе взволненныхъ газами пространствъ объясняется слѣдующимъ: по мѣрѣ сжатія внутренняго ядра земная кора стремится слѣдовать за нимъ, растрескивается, мѣстами опускаясь, соприкасается съ ядромъ, мѣстами отдѣляется отъ него, образуя пустоты и вздутія— въ нихъ скопляются газы, выдѣляющіеся изъ огнежидкой массы.

Гипотеза эта объясняетъ отсутствіе дѣйствующихъ вулкановъ, извергающихъ лаву, вдали отъ морскихъ береговъ, объясняетъ также и аномаліи въ напряженіи силы тяжести въ различныхъ точкахъ земной поверхности и присутствіе многочисленныхъ складокъ на поверхности материковъ.

Когда, вслѣдствіе охлажденія внутренняго ядра, притокъ газовъ въ пустотѣ подъ материками уменьшится настолько, что постоянная потеря этихъ газовъ не будетъ пополняться, материкъ станутъ опускаться на второй слой коры, которымъ покроется жидкое ядро. Произойдутъ большія котловины или кратерообразныя циркы, подобныя тѣмъ, которые наблюдаются въ настоящее время на лунѣ. («Вѣст. оп. физ.»).

Древность химіи, канъ науки. Англійскій ученый, профессоръ Больтонъ, доказываетъ, что химія, какъ наука, гораздо древнѣе, чѣмъ это принято думать. Больтонъ вообще занимается изслѣдованіемъ древности человѣческихъ познаній и пришелъ къ убѣжденію, что начало практическаго примѣненія химическихъ знаній относится къ весьма отдаленному времени. Задолго до начала алхиміи люди уже умѣли химическимъ путемъ добывать и обрабатывать разные металлы, извлекать изъ соединеній поваренную соль и очищать ее отъ примѣсей, добывать красящія вещества и готовить химическимъ путемъ краски для одежды и т. п. Даже доменные печи существовали тогда, но, конечно, гораздо меньшихъ размѣровъ, чѣмъ теперь; приготовленные въ древности глиняные сосуды, металлическія и стеклянныя вещи до сихъ поръ поражаютъ своею художественною работою. Стѣнныя изображенія древнихъ египтянъ указываютъ, что народъ этотъ былъ знакомъ со многими химическими приѣмами плавленія металловъ, что онъ зналъ примѣненіе плавильныхъ горновъ, паяльныхъ трубокъ и приборовъ для усиленія притока воздуха къ обжигаемой рудѣ. Въ берлинскомъ музеѣ хранятся нѣсколько плавильныхъ горновъ и паяльныхъ трубокъ, которые, судя по надписямъ, примѣнялись за полторы тысячи лѣтъ до Р. Х. Древнѣйшія химическія лабораторіи находились при египетскихъ храмахъ, изъ которыхъ каждый, обладалъ своею собственною лабораторіей, помѣщавшеюся въ особой части зданія. Въ этихъ лабораторіяхъ спеціальныя ученые жрецы занимались приготовленіемъ различныхъ куреній, душистыхъ маселъ и разныхъ составовъ, употребляемыхъ при богослуженіи. Тамъ же изготовлялись и тѣ знаменитыя смѣси для бальзамированія тѣлъ умершихъ, составъ которыхъ до сихъ поръ еще не удалось открыть. Отъ египтянъ химія перешла къ арабамъ, и эти послѣдніе еще болѣе расширили ея область. Арабскій врачъ и химикъ Хеберъ, жившій въ VIII столѣтіи, весьма подробно описалъ многіе химическіе процессы, напримѣръ: фильтрацію, раствореніе, кристаллизацію, плавленіе, амальгамацию и т. п. У него также можно найти весьма удовлетворительное описаніе разныхъ химическихъ аппаратовъ и приборовъ. Древнѣйшіе рисунки химическихъ аппаратовъ по словамъ Больтона, можно найти въ рукописи св. Марка, которая хранится въ Венеціи.

Жизнеспособность сѣмянъ хозяйственныхъ растений. Членъ лондонскаго королевскаго общества, извѣстный англійскій естествоиспытатель Романъ, произвелъ рядъ опытовъ надъ искусственно высушенными сѣменами различныхъ хозяйственныхъ растений, злаковъ, овощей и травъ и пришелъ къ заключенію, что они отъ этого нисколько не утрачиваютъ своей жизнеспособности, даже послѣ продолжительной сушки. Романъ бралъ сѣмена подсолнечника, клевера, тимоеевоы травы, гороха, бобовъ, шпината, ячменя, редиски и другихъ растений и клалъ ихъ въ трубки, изъ которыхъ предварительно вытягивался весь воздухъ. Въ этихъ трубкахъ сѣмена оставались по пятнадцати и болѣе мѣсяцевъ, и не могли за все это время получить ни одной капли влаги изъ окружающаго ихъ безвоздушнаго пространства. Казалось, что послѣ такого продолжительнаго пребыванія въ безвоздушной средѣ всякая жизнеспособность должна была загдохнуть въ нихъ безповоротно, но факты доказали противное. Романъ сажалъ высохшія сѣмена во влажную почву и они не только оживали въ ней, но и давали ростки, изъ которыхъ образовывались вполне здоровыя растенія, злаки, травы и овощи. Тотъ же ученый подвергалъ вынутыя изъ трубокъ сѣмена дѣйствию на нихъ разныхъ газовъ: держалъ ихъ по нѣскольку дней въ трубкахъ, наполненныхъ кислородомъ, водородомъ, азотомъ, углекислотою, сѣрнистымъ водородомъ, сѣрнымъ эфиромъ и, наконецъ, водяными парами; ни одинъ изъ перечисленныхъ газовъ не оказалъ на сѣмена вреднаго вліянія и даже нисколько не замедлилъ ихъ проростанія. («Землед.»).

Врачебныя науки въ средніе вѣна. Преподаваніе медицины въ университетахъ ограничивалось въ средніе вѣка трудами Гипократа, Галена и Авиценны, хотя, видъ университетскихъ стѣнъ, находилось въ обращеніи множество руководствъ и комментариевъ, изданныхъ европейскими «знаменитостями» того времени. Особенною славою пользовался, какъ пособіе при изученіи медицины, трудъ, подъ заглавіемъ: «Practica de febris, de urinis, de pulsibus, de sanitate, de interioribus et elementis prognosticorum etc.». Несмотря на обиліе руководствъ по медицинѣ, большинство медиковъ придерживалось астрологіи. Такъ, напр., извѣстный въ свое время врачъ Яковъ Форли (ум. 1415 г.) объяснялъ недолговѣчность дѣтей, родившихся въ августѣ, тѣмъ, что въ этомъ мѣсяцѣ преобладаетъ планета Сатурнъ, пожирающая дѣтей. Другой, не менѣе знаменитый врачъ Яковъ Ганиво (ум. около 1418 г.) находилъ связь между формою страданія больного и мѣсяцемъ, когда онъ родился; онъ же доказывалъ, что каждый городъ находится подъ особою планетою, а появленіе эпидемій объяснялъ извѣстнымъ расположеніемъ небесныхъ свѣтилъ. Такъ какъ анатомическихъ вскрытій не производилось, то на патологическіе процессы, происходящіе въ организмѣ больного, существовали нелѣпыя взгляды. Первые хирурги появились въ Германіи въ началѣ XII в.; они же исправляли обязанности цирюльника и банщика, а болѣе сложныя хирургическія операціи принимали на себя палачи. Кровопусканіе во всѣхъ видахъ предпринималось одинаково какъ терапевтами, такъ и хирургами. Любопытнымъ представляется также существовавшее много вѣковъ сословіе «странствующихъ хирурговъ». Развѣзая по армаркамъ

съ панорамами и обезьянами, эти самозванные представители науки занимались выдергиваніемъ зубовъ, кровопусканіемъ, вправленіемъ вывиховъ. Ветеринарнымъ искусствомъ занимались врачи и любители животныхъ, какъ, напримѣръ, императоръ Фридрихъ II, который написалъ объемистый трудъ о леченіи животныхъ; но, въ общемъ, ветеринарное дѣло находилось въ рукахъ пастуховъ, которые часто лечили также и людей.

Фосфориты грота Минервы. Происхожденіе фосфоритовъ не вполне еще выяснено, хотя и теперь уже признають одною изъ наиболѣе частыхъ причинъ—накопленіе въ извѣстномъ мѣстѣ костяковъ допотопныхъ животныхъ. Тѣмъ болѣе любопытными являются геологическія изслѣдованія въ этомъ направленіи, недавно предпринятая братьями Арманъ и Гастономъ Готье въ знаменитомъ коралловомъ гротѣ Минервы, въ департаментѣ Геро. Огромная пещера въ 600 саж. длиною, пронизывающая подпочву Сессской (Cessa) долины, необыкновенно богата костями, различныхъ животныхъ: здѣсь можно видѣть разрушенные кости пещерныхъ львовъ, медвѣдей, гіенъ и густошерстаго носогора. Въ глубинѣ сводчатой пещеры Готье открылъ мучную пыль, которая, по анализу, оказалась кристаллическою двусосвонною фосфорновислою солью кальція. Эту соль ранѣе находили только въ залежахъ гуано на островахъ Караибскаго моря. Цѣнная находка подстрекнула Готье къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ. Желая убѣдиться въ размѣрахъ запаса костяной пыли, Готье провелъ въ нѣсколькихъ мѣстахъ буровыя скважины и вскорѣ вмѣлъ удовольствіе убѣдиться, что гротъ содержитъ запасъ цѣнныхъ для сельскаго хозяйства фосфоритовъ слишкомъ въ 50.000 тоннъ или 3.100.000 пуд. Наносный слой почвы содержитъ 17—18% фосфатовъ, и—что заслуживаетъ большаго вниманія—фосфаты эти смѣшаны съ такими же квасцовыми, что представляетъ явленіе весьма рѣдкое. Въ фосфоритной муцѣ содержатся замѣтные слѣды окиси цинка. Последніи, очевидно, были усвоены животными вмѣстѣ съ пищею, такъ какъ цинковой руды нигдѣ въ окрестностяхъ не встрѣчается, а найдены цинковые силикаты, которые могли быть усвоены только растеніями, служившими пищею пещернымъ обитателямъ. Такою оказывается, между прочимъ, содержащая цинкъ фіалка (*viola salaminaris*). («Землед.»).

Электричество въ земледѣліи. Въ журналѣ «Электрическій Вѣстникъ», помѣщена интересная статья, касающаяся вліянія электричества на произрастаніе растеній. Американцами придуманъ особый аппаратъ, собирающій атмосферное электричество, которое распределяется въ почвѣ. Опыты съ электрической обработкой земли на картофельномъ полѣ дали слѣдующіе результаты: стебли картофеля на опытномъ полѣ обладали двойной силой роста; участокъ этотъ рѣзко выдѣлялся среди другихъ, тамъ не было пустыхъ промежутковъ и слабыхъ мѣстъ. 60 кв. футовъ поверхности съ электрическою обработкою дали 153 фунта, а такой же участокъ простого поля только 92 фунта, т.-е. урожай перваго участка былъ больше втораго почти въ 1,7 раза. Второй опытъ былъ произведенъ съ виноградомъ и также вполне успѣшно: виноградъ получился болѣе зрѣлый и молодое вино было болѣе высокаго качества. Такимъ образомъ мы видимъ, что подобная электрическая обработка полей даетъ дѣйствительно замѣчательныя результаты.

Причины такого благотворнаго дѣйствія атмосфернаго электричества на растительность пока еще не выяснились: одни думаютъ, что въ почвѣ происходитъ разложеніе воздуха и сгущается азотъ, другіе, что въ почвѣ происходитъ разложеніе растворовъ солей.

Въ Россіи тоже ведутся подобныя опыты и въ теченіи пяти лѣтъ они дали слѣдующіе результаты: съ участковъ, подвергнутыхъ такой электризаціи атмосфернымъ электричествомъ получилось, смотря по роду растений, отъ 111 до 231⁰/₀ болѣе зерна и отъ 108 до 160⁰/₀ болѣе соломы; кромѣ того, хлѣба на этихъ участкахъ поспѣвали значительно ранѣе чѣмъ на обыкновенныхъ.

Эвкалиптусъ. Въ Закавказьѣ акклиматизировалось австралійское дерево—эвкалиптусъ, которое по своимъ качествамъ будетъ имѣть тамъ большое значеніе. Особенно цѣнна быстрота роста этого дерева—въ 30 лѣтъ насажденіе представляетъ строевой лѣсъ, въ Алжирѣ, напримѣръ, эвкалиптусъ примѣняется для облѣсенія степей. Изъ его коры добывается танинъ, изъ листьевъ же вещество, замѣняющее хининъ. Плотная и крѣпкая древесина эвкалиптуса сильно пропитана смолистыми веществами, благодаря чему весьма долго сопротивляется гніенію и порчѣ. («Лѣсное Дѣло»).

Выставка египетскихъ папирусовъ. Въ Вѣнѣ открылась на-дняхъ чрезвычайно интересная выставка: 10.000 египетскихъ папирусовъ, открытыхъ въ Эль-Фаюмѣ и купленныхъ австрійскимъ эрцгерцогомъ Райнеромъ нѣсколько лѣтъ тому назадъ. Коллекція эта единственная въ своемъ родѣ. Документы, составляющіе ея, написаны на одиннадцати языкахъ и охватываютъ собою періодъ въ 2.500 лѣтъ. Специалисты разобрали эти рукописи, въ которыхъ оказалась масса весьма драгоценныхъ свѣдѣній, касающихся культуры древнихъ египтянъ въ различныхъ эпохи ихъ общественной и частной жизни. Тутъ есть и торговые документы и контракты, завѣщанія, росписки въ уплатѣ налоговъ, но, кромѣ того, есть и рукописи романовъ, счета портныхъ и одно любовное письмо, написанное за 1.200 лѣтъ до Иисуса Христа. Найдены также отрывки греческихъ авторовъ, произведенія которыхъ считались исчезнувшими, и любопытный документъ—официальное удостовѣреніе, данное мѣстнымъ трибуналомъ одному гражданину въ томъ, что онъ принесъ, согласно императорскому декрету, жертву богамъ. Профессоръ Гарнакъ, изъ Берлина, опубликовавшій и коментировавшій этотъ любопытный документъ, говоритъ что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло со свидѣтельствомъ, которое выдавалось родоскимъ христіанамъ, не желавшимъ ни воспринять мученичества, ни измѣнять положительнымъ образомъ своей вѣрѣ. Этого рода документы были извѣстны подъ именемъ «libellatici» и были весьма распространены въ III вѣкѣ.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Институтъ молочнаго хозяйства. Въ видахъ развитія производства молочныхъ продуктовъ и съ цѣлью улучшенія этой важной и выгодной отрасли сельскаго хозяйства Министерствомъ Государственныхъ Имуществъ проектировано, по слухамъ, устроить институтъ молочнаго хозяйства въ Ярославской и Вологодской губерніяхъ. Цѣль этого института—образовать опытныхъ преподавателей для сыроварныхъ и молочныхъ школъ, а также инспекторовъ молочнаго хозяйства. Курсъ въ этомъ институтѣ будетъ двухгодичный. Крімъ того, проектировано устройство нѣсколькихъ испытательныхъ центральныхъ станцій какъ для научныхъ цѣлей, такъ и для производства, по просьбамъ сельскихъ хозяевъ, лабораторныхъ исследованийъ молочныхъ продуктовъ.

Открытие сельскохозяйственной и промышленной выставки.—Вопросъ объ устройствѣ въ Кіевѣ въ будущемъ году сельскохозяйственной и промышленной выставки можно считать окончательно рѣшеннымъ. Соединенными силами кіевскихъ сельско-хозяйственного и технического Обществъ выработана уже подробная программа предстоящей выставки. Выставка дѣлится на четыре отдѣла: сельскохозяйственный, промышленный, кустарно-промышленный и научный. Выставка будетъ продолжаться три мѣсяца, съ 1-го іюля по 1-е октября. Отдѣлъ скотоводства будетъ имѣть, такъ сказать, текущій характеръ. Различныя виды животныхъ будутъ чередоваться, чтобы не задерживать ихъ на выставкѣ на весь періодъ ея существованія. («Рус. Вѣд.»).

Положеніе горнорабочихъ. Союзное бюро рабочей статистики издало обширный трудъ о положеніи горнорабочихъ. По собраннымъ даннымъ оказывается, что заработная плата въ настоящее время на 30% ниже, чѣмъ 10 лѣтъ тому назадъ, и составляетъ только одну третью часть того, что получалъ рабочій въ 1870 году. А между тѣмъ за послѣднія только 5 лѣтъ добываніе желѣза болѣе, чѣмъ удвоилось, а добываніе каменнаго угля за послѣднія 10 лѣтъ почти утроилось. Такимъ образомъ, все это приращеніе богатства страны имѣло для рабочаго единственнымъ результатомъ абсолютное пониженіе его заработка. Средняя плата рабочему колеблется между 6 долл. въ недѣлю. Въ томъ же отчетѣ проведены бюджеты доходовъ и расходовъ нѣсколькихъ тысячъ семействъ; оказывается, что около половины рабочихъ имѣютъ ежегодный дефицитъ, колеблющійся между 63 и 76 долл. Иными словами, это значитъ, что рабочій кругомъ въ неоплатномъ долгу. На покрытіе этого дефицита приходится прибѣгать къ труду дѣтей. По отчету горнаго инспектора за 1880 годъ, въ каменноугольныхъ копяхъ Пенсильваніи занято было 183.000 рабочихъ; изъ нихъ убито и ранено 1.912 или 10 человекъ изъ тысячи. Крімъ того занятія непостоянны. Массы людей, готовыхъ во всякое время по первому востребованію заполнить всѣ мѣста на любой фабрикѣ, оставленной рабочими вслѣдствіе недо-

разумѣній съ хозяевами, свидѣтельствуя о сильномъ превышеніи предложенія «рукъ» надъ спросомъ.

Новая школа. Подъ Москвой предполагается открыть школу по изученію производства огнеупорныхъ построекъ. Министерства Финансовъ и Народнаго Просвѣщенія отнеслись къ открытію школы сочувственно, причѣмъ Министерство Финансовъ находитъ возможнымъ отпустить необходимыя средства для содержанія школы, въ размѣрѣ 8.000 руб. По проекту учредителя, г. Бадера, въ школу должны поступать взрослые, грамотные крестьяне, преимущественно командируемые земствами, въ районѣ которыхъ они затѣмъ и будутъ имѣть для себя обширное поле дѣятельности. Въ школѣ предполагается обучать производству огнеупорныхъ построекъ различнаго типа, съ тѣмъ, чтобы затѣмъ въ каждомъ данномъ районѣ можно было примѣнять тотъ типъ построекъ, который наиболѣе соотвѣтствуетъ мѣстнымъ условіямъ. Мѣстомъ для школы намѣченъ участокъ земли при станціи «Сходня», Николаевской желѣзной дороги. («Рем. газ.»).

Соперники шелковичнаго червя. На берегу Далмаціи найдена гусеница, могущая конкурировать съ шелковичнымъ червемъ. Ковонъ этой гусеницы болѣе широкъ, чѣмъ у шелковичнаго червя, и получаемый шелкъ лучшаго качества и свѣжнѣе цвѣта. Были уже сдѣланы опыты добыванія шелка въ большомъ количествѣ для продажи, и если свѣдѣнія не преувеличены, новый червь можетъ произвести переворотъ въ фабрикаціи шелковыхъ матерій.

Другой соперникъ находится на о-вѣ Мадагаскарѣ — это большой паукъ, называемый туземцами «халабе», а въ наукѣ извѣстный подъ именемъ *Nephila Madagascariensis*. Эти пауки ткутъ золотистую, чрезвычайно прочную паутину. Самка впятеро крупнѣе самца и достигаетъ огромной величины — до 15 сантиметровъ; она можетъ въ теченіи 27 дней сплести до 3.000 метровъ превосходной паутины, дающей хорошій шелкъ. Туземцы давно ткутъ небольшіе куски ткани изъ этихъ нитей. («Науч. Обзор.»).

Резиденція Далай-Ламы. Въ резиденцію Далай-Ламы не проникаетъ ни одинъ европеецъ и до сихъ поръ правительство Далай-Ламы съ успѣхомъ отклоняетъ всякія посѣщенія. Последнюю попытку проникнуть въ Хлассу сдѣлала миссъ Тайлоръ, членъ внутренней китайской миссіи. Въ концѣ 1892 г. миссъ Тайлоръ перешла черезъ верховья Хоанхо и направилась на югъ въ Хлассу по пути, проложенному Пржевальскимъ. Высланные ей на встрѣчу дипломаты Далай-Ламы не посмѣли остановить ее силой, ибо религія ихъ запрещаетъ прикасаться къ женщинамъ (на что именно и рассчитывала смѣлая англичанка). Они объяснили ей это, но прибавили при томъ, что если она все-таки будетъ упорствовать въ своемъ намѣреніи вступить въ Хлассу, ихъ казнятъ. Миссъ Тайлоръ принуждена была, конечно, отказаться отъ своего предпріятія.

Попытку того же рода предпринимаетъ въ настоящее время шведскій географъ, докторъ Свенъ Хединъ, не разъ путешествовавшій по центральной Азіи и Персіи. Хединъ думаетъ проникнуть туда, переодѣвшись персидскимъ торговцемъ.

*

До сихъ поръ почти всѣ путешествія по Тибету съ переодѣваніями кончались трагически. («Науч. Обов.»).

Положеніе женскаго образованія въ Финляндіи. Въ журналѣ «Образованіе» помѣщены слѣдующія данныя, касающіяся женскаго образованія въ Финляндіи. Пятьдесятъ лѣтъ тому назадъ, была основана женская гимназія въ Гельсингфорсѣ, и этимъ было положено начало болѣе широкому распространенію во всей Финляндіи женскаго образованія. Въ настоящее время не только во всѣхъ губернскихъ, но даже во всѣхъ уѣздныхъ городахъ устроены женскія гимназіи съ педагогическими курсами. Какъ на особенность этихъ гимназій въ сравненіи съ гимназіями въ остальной Россіи можно указать, между прочимъ, на хорошую постановку преподаванія женскихъ рукодѣй и столярныхъ работъ. Окончившая курсъ въ гимназіи дѣвушка можетъ безъ всякой посторонней помощи и съ большимъ умѣньемъ сдѣлать стулъ, табуретъ и т. п. предметы домашняго обихода. Въ Гельсингфорсѣ есть институтъ коммерческихъ наукъ. Начальное образованіе поставлено также довольно широко; кромѣ мужской, въ каждомъ приходѣ имѣется и женская народная школа. Въ городахъ, конечно, такихъ школъ нѣсколько. Съ внѣшней стороны учебныя заведенія Финляндіи обставлены также прекрасно. По окончаніи курса ученія въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ, многія женщины поступаютъ на медицинскій факультетъ Гельсингфорскаго университета.

Пшеница чуль-бидай. Въ Туркестанѣ и Семирѣчьи разводится особый родъ пшеницы, называемый по туземному «чуль-бидай», по нашему «сухопутная пшеница». По наружному виду эта пшеница напоминаетъ обыкновенную бѣлотурку, но отличается отъ нея большей корневою силой, а главное—замѣчательною выносливостью по отношенію къ влагѣ: въ бесплодныхъ степяхъ Туркестана и Семирѣчья, посеянная раннею весной, она даетъ урожай самъ 12—15. Такимъ образомъ она является незамѣнимымъ хлѣбомъ для многихъ мѣстностей съ засушливымъ климатомъ. («Землед.»).

Подземный пожаръ. Во Франціи, въ общинѣ Барботанъ-ле-Бонъ (департаментъ Жеръ) наблюдается въ настоящее время замѣчательное явленіе: 40 лѣтъ назадъ въ этой мѣстности были большія болота, ихъ осушили—на ихъ мѣстѣ теперь обработанныя поля. Нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, на этихъ поляхъ началъ выходить изъ подъ земли густой дымъ: сначала это явленіе приписали сильному нагрѣванію почвы, легко объясняемому лѣтнимъ зноемъ прошедшаго года, но вскорѣ пришлось убѣдиться, что дымъ происходитъ отъ подземнаго огня. Оказывается, что бывшее болото, состоящее изъ слоя торфа въ нѣсколько метровъ толщины, воспламенилось и представляетъ теперь цѣлое подземное огненное озеро въ 60 гектаровъ: огонь ничуть не уменьшается, а, наоборотъ, распространяется все дальше и дальше, достигая уже сосѣднихъ селеній и лѣсовъ, такъ что пришлось серьезно озаботиться тушеніемъ этого рѣдкаго подземнаго пожара. На первый разъ принялись окапывать рвами горящее пространство, но подѣйствуетъ ли эта мѣра, покажетъ будущее. («Пожарный»).

Новый матеріалъ для построекъ. Давно уже зола употреблялась при постройкахъ, какъ матеріалъ, напр., для заполненія промежутковъ

между кирпичною кладкой и даже для выдѣлыванія особаго рода кирпича, употребляемаго для простѣнковъ. Теперь одинъ архитекторъ построилъ въ Лимбургѣ цѣлый домъ изъ золы. Всѣ капитальныя стѣны, начиная отъ фундамента, выведены изъ нея одной, и даже вовсе безъ примѣси песку. Даже раждѣлка дома по этажамъ, и та обошлась безъ дерева, а сдѣлана изъ прессованной золы. Куполообразная крыша новаго зданія состоитъ изъ гипса лишь въ нѣсколько сантиметровъ толщины, но которому придана большая твердость и прочность. Даже украшенія въ византійскомъ вкусѣ, которыя обыкновенно высѣкаются изъ камня, выдѣланы изъ той же массы съ примѣсью щебня, и ихъ трудно отличить отъ настоящаго камня. Въ пожарномъ отношеніи такой домъ вполне безопасенъ, но зато, пожалуй, рухнетъ въ одно мгновение («Пожарный»).

Количество сельскохозяйственныхъ животныхъ на всемъ земномъ шарѣ. Вашингтонское сельскохозяйственное управленіе опубликовало любопытныя данныя о количествѣ домашнихъ животныхъ на всемъ земномъ шарѣ. Эти данныя иллюстрированы въ нижеслѣдующей таблицѣ:

Количество домашнихъ животныхъ.

Части свѣта.	Количество домашнихъ животныхъ.					
	Лошадей.	Муловъ, лошаковъ, ословъ.	Брупнаго рогатаго скота.	Овецъ.	Свиней.	Козъ.
Въ Европѣ . . .	32.253.396	3.727.396	97.239.593	186.556.547	44.718.386	19.512.726
» Азіи . . .	4.195.408	1.181.592	70.402.062	36.649.478	519.700	1.227.000
» Африкѣ . . .	655.983	599.916	4.017.889	28.959.154	303.803	5.340.043
» Америкѣ . . .	20.909.235	2.822.903	112.751.471	147.263.161	52.918.244	3.031.365
» Австраліи . . .	1.441.424	15	8.969.326	97.915.272	1.227.840	25.850
Всего . . .	60.455.504	9.331.822	293.380.341	497.343.612	99.687.973	29.136.984

Слѣдовательно, количество всѣхъ животныхъ будетъ равняться 989.336.236; изъ нихъ первое мѣсто занимаютъ овцы (50,3) и затѣмъ идутъ: крупный рогатый скотъ (27,7), свиньи (10,1), лошади (6,1), козы (2,9), мулы, лошаки и ослы (0,9).

Сибирскій путь. Сибирская дорога, которою переселенцы двигаются на востокъ, изобилуетъ разбойничьимъ людомъ, какъ сообщаетъ г. Дюнесъ въ «Русскихъ Вѣдомостяхъ», особенно страдаютъ извозчики, нагруженные кладью, ѣдущіе съ чайнымъ обозомъ.

На каждой телѣгѣ лежатъ 7—8 «мѣстъ» чая, по 3¹/₂ пуд. въ каждомъ. Въ обозѣ 80—90 телѣгъ или же саней. Если дѣло лѣтомъ, разбойники насакаиваютъ ночью на лихихъ коняхъ, срѣзываютъ нѣсколько мѣстъ, затѣмъ мчатся во весь опоръ. Если извозчики просыпаются, завязывается перестрѣлка, такъ какъ всѣ вооружены револьверами. Зимой разбойники пускаютъ въ ходъ другое средство. Одѣтые въ бѣлые дохи, они ночью лежатъ на сѣгу, на подъемахъ, гдѣ большіе раскаты. Извозчики не замѣчаютъ лежащихъ воровъ, которые наваливаются на отводы саней, а извозчикъ думаетъ, что сани загрузили въ сѣгъ, и погоняетъ коня. Въ это время 2—3 «мѣста» срѣзаны. За каждое потерянное «мѣсто» ящикъ платитъ отъ 100—150 руб. Понятно, какъ ненавидятъ они срѣзывателей. Бѣда, если извозчики пой-

мають разбойника: расправа коротка. Черезъ нѣсколько дней на томъ мѣстѣ будетъ свѣжая могила съ крестомъ. Если ворами удалось увести чай или товары, ихъ нѣтъ уже возможности найти. Въ деревняхъ самыя почтенныя крестьяне оказываются иногда пристанодержателями. Краденые товары особыми агентами доставляются на ярмарки далекихъ окраинъ, напримѣръ, въ Якутскъ.

Добыча нефтяныхъ продуктовъ. Россія и Америка занимаютъ первенствующее мѣсто по снабженію всего свѣта нефтяными продуктами. Остальныя государства по прежнему добываютъ лишь незначительныя количества. Съ 1880 г. добыча нефти въ Америкѣ удвоилась; у насъ она увеличилась больше, чѣмъ въ одиннадцать разъ.

Съ увеличеніемъ добычи замѣтно стали падать цѣны на нефтяные продукты въ Америкѣ и въ Баку.

Участіе Россіи въ снабженіи международныхъ рынковъ возросло съ 1891 г. до 26,2% и оно было бы еще значительнѣй, если бы Закавказская желѣзная дорога не ввела такого высокаго тарифа (19 к. съ пуда) и могла бы всегда удовлетворять требованіямъ на вагоны.

Американцы, какъ извѣстно, нашли слишкомъ дорогимъ способъ перевозки нефтяныхъ продуктовъ въ вагонахъ-цистернахъ и уже давно отъ мѣстъ добычи къ портамъ нефтяные продукты перекачиваются, т.-е. проводятся исключительно трубопроводами.

Но перевозка нефтяныхъ продуктовъ изъ Баку въ Батумъ производится примитивныхъ способомъ; поэтому спрашивается, возможно ли намъ въ ближайшемъ будущемъ конкурировать съ американцами на международныхъ рынкахъ, при существующемъ развитіи способовъ доставки нефти и продуктовъ къ портамъ? Мы думаемъ, что водовозу трудно конкурировать съ водопроводомъ, точно такъ же, какъ бакинцамъ трудно конкурировать съ нефтепромышленниками Пенсильваніи и Огайо.

Воронежская комиссія народныхъ чтеній. Комиссія народныхъ чтеній открываетъ въ Воронежѣ народныя чтенія. Плату за входъ на чтенія постановлено довести до 3 коп., а около половины билетовъ предполагается раздавать бесплатно ученикамъ народныхъ школъ и солдатамъ. Комиссія народныхъ чтеній ставитъ себѣ задачею чтенія научныя и историческія; самыя чтенія предположено устраивать каждый праздникъ. Въ послѣднемъ засѣданіи былъ возбужденъ вопросъ о расширеніи дѣятельности комиссіи черезъ устройство книжныхъ складовъ, читаленъ, библиотекъ и проч. Однимъ словомъ, высказывалось желаніе преобразовать комиссію въ комитетъ грамотности или такое Общество, цѣль котораго—просвѣщеніе народа въ районѣ губерніи. Предложеніе это встрѣтило общее сочувствіе, и разработка его болѣе подробно поручена одному изъ членовъ.

Русскія кустарныя издѣлія за границей. При матеріальномъ содѣйствіи Министерства Государственныхъ Имуществъ, въ текущемъ году будутъ организованы отдѣлы русскихъ кустарныхъ издѣлій: 1) на всемирной выставкѣ въ Антверпенѣ и 2) на окружной сельскохозяйственной въ гор. Тромсе (въ Сѣверной Норвегіи). («Рус. Вѣд.»).

Нъ вопросу объ обезпеченіи быта духовенства. По полученнымъ въ центральномъ духовномъ управленіи свѣдѣніямъ, духовенство полоцкой епархіи единогласно постановило, въ случаѣ смерти священника, взымать съ остальныхъ священниковъ по 1 рублю съ каждаго въ пользу осиротѣвшей семьи. Получающаяся такимъ образомъ сумма въ 700—800 рублей, безъ сомнѣнія, можетъ служить значительною поддержкой для вдовы и сиротъ умершаго священника. («Моск. Вѣд.»).

Электричество въ рудникахъ Трансваала. Первое примѣненіе электричества въ Трансваалѣ было сдѣлано на рудникѣ «Золотое Поле». Машины поставлены въ сентябрѣ мѣсяцѣ и съ тѣхъ поръ дѣйствуютъ безостановочно. Онѣ состоятъ изъ двухъ динамо-машинъ, отъ которыхъ на протяженіи 700 фут. проводится токъ вниязъ къ двигателямъ и насосамъ, которые накачиваютъ воду въ заводъ. Прежде насосы приводились въ движеніе проволочнымъ канатомъ. По расчету инженеровъ, примѣненіемъ электричества имѣется возможность ежегоднаго сбереженія до 35 тыс. рублей. («Вѣст. Золотопр.»).

Сибирская выставка. По словамъ «Вѣстника Сел. Хов.», въ 1895 году въ Москвѣ будетъ устроена сибирская выставка. Она будетъ заключать въ себѣ слѣдующіе отдѣлы: 1) научный—научная литература края, минералогія, геологія, ботаника, зоологія, метеорологія, географія, археологія, исторія и статистика, антропологія и этнографія; 2) полеводство и сельская промышленность; 3) садоводство и огородничество; 4) лѣсоводство.

Разведеніе чайнаго куста въ Ташнентѣ. Ташкентскою опытною станціею, по распоряженію главнаго начальника края, выписаны изъ Китая сѣмена чайнаго куста, для раздачи лицамъ, желающимъ заняться опытами разведенія этого куста на туркестанской почвѣ. Вмѣстѣ съ сѣменами будетъ высылаемо и печатное наставленіе къ культурѣ чайнаго куста.

Фотографическій снимокъ одновременно пяти портретовъ съ одного лица. Способъ для полученія сразу пяти портретовъ съ одного лица, придуманъ однимъ американцемъ. Онъ заключается въ слѣдующемъ: снимаемаго сажаютъ противъ угла въ 45°, образуемаго двумя зеркалами, затѣмъ снимаются лицо и его отраженія. («Фотогр. вѣст.»).

Успѣхи женщинъ. Дочь извѣстнаго романиста Виндшейда, профессора Гейдельбергскаго университета, недавно выдержала при этомъ университетѣ экзамень по философіи. Въ Англій же другая молодая дѣвушка, миссъ Гертруда Митчель, 18-ти лѣтъ, уроженка Ливерпуля, одержала верхъ на конкурсѣ надъ 4.750 кандидатами и получила стипендію королевы.

Большая бібліотека. Одной изъ обширнѣйшихъ общественныхъ бібліотекъ въ мірѣ является лондонская Saint-Martin's Lane. Послѣдній отчетъ этой бібліотеки указываетъ, что въ теченіе прошлаго года число посѣтителей было 768.029. Всего же съ 1891 года, т.-е. за три года, бібліотеку посѣтили 1.683.999 лицъ.

Полезное нововведеніе. Всѣ существующія въ Россіи школы садоводства рѣшено снабдить энтомологическими коллекціями, составленными изъ вредныхъ насѣкомыхъ. Коллекціи эти будутъ имѣть практической интересъ, такъ какъ въ нихъ войдутъ лишь русскіе враги садоваго дѣла. («Вѣст. Сел. Х.»).

Лѣсные пожары. Журналъ «Пожарный» сообщаетъ, что въ 1892 г. въ казенныхъ лѣсахъ (Европейской Россіи, Кавказа и Сибири) истреблено пожаромъ 68.081 дес. Всѣхъ пожаровъ было 3.161, изъ нихъ 2.525 въ хвойныхъ лѣсахъ и 636 въ лиственныхъ. На организацію мѣръ борьбы съ пожарами въ казенныхъ лѣсахъ израсходовано 12.947 руб.

Сельскохозяйственные сѣзды. «Вѣстникъ Русскаго Сельскаго Хозяйства» сообщаетъ, что Министерство Государственныхъ Имуществъ, по соглашенію съ Министерствомъ Внутреннихъ Дѣлъ, разрѣшило губернскимъ земствамъ созвать въ теченіе текущаго года, въ періодъ времени, наиболѣе удобный для каждаго земства, сельскохозяйственные сѣзды.

Пользованіе карманными часами, какъ компасомъ. Многимъ, вѣроятно, неизвѣстно, что всякіе карманные часы могутъ при солнечномъ сіяніи служить также и компасомъ. Между тѣмъ это достигается просто, слѣдующимъ образомъ. Держать часы горизонтально такъ, чтобы часовая стрѣлка была направлена къ солнцу, т. е. лежала въ вертикальной плоскости, проходящей черезъ мѣсто наблюденія и центръ солнца; тогда югъ находится посрединѣ между даннымъ направлениемъ часовой стрѣлки и числомъ 12 на циферблатѣ; другія страны свѣта легко опредѣляются, когда извѣстенъ югъ. («Землед.»).

Вліяніе свѣта на микроорганизмы и самоочищеніе рѣкъ. Извѣстный бактериологъ Бухнеръ наблюдалъ вліяніе свѣта на бактерій, распредѣленныхъ въ водѣ. Объектомъ для наблюденій служили холерныя запятыя и тифозныя бациллы. Вліяніе свѣта, губительное для бактерій, обнаружилось до глубины водныхъ слоевъ, находящихся на 1,6 метра отъ поверхности и было такъ же значительно, какъ и вліяніе свѣта внѣ воды. Въ текущей водѣ тоже наблюдалось указанное явленіе потому что вынутыя ночью пробы воды оказывались гораздо обильнѣе бактеріями, чѣмъ взятыя, напр., въ 4 часа пополудни. Отсюда ясно, что солнечный свѣтъ содѣйствуетъ самоочищенію рѣкъ отъ бактерій. («Науч. Обоз.»).

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ III-й.

№ 5-й.

МІРЪ ВОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЬ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

— — — — —
М А Й

1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 8-го апрѣля 1894 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
1. ПРОТОПЛАЗМА И ВИТАЛИЗМЪ. Проф. И. П. Бородина	1
~~2. ВЪЗЪ НАЗВАНІЯ. Романъ. Часть третья. (Продолженіе). Д. Мамина-Сибиряка . . . . .~~	29
3. СТИХОТВОРЕНІЕ. ДОРОГОМУ ДРУГУ. О. Д.	62
4. ОБЕРОНЪ. Очеркъ Анны Розельонъ-Сошальской.	63
~~5. НАЧАЛО И РАЗВИТІЕ РУССКОЙ КРИТИКИ. А. Снабичевскаго . . . . .~~	72
6. МАРИАНА. Романъ Э. Альгрень. Переводъ со шведскаго. (Продолженіе). Пер. В. Ф.	90
7. ИЗЪ «ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ» Фабра. (Продолженіе). Перев. Е. Ш.	118
8. ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. Перев. съ нѣмецк. П—скаго.	142
9. ПОДЪ СѢНЬЮ ТІАРЫ. Историческая повѣсть проф. Э. Жебара. (Продолженіе). Пер. съ фр. В. Мосоловой	151
10. ЛѢТНІЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ АНГЛІИ. (Изъ поѣздки въ Кембриджъ). Проф. П. Милокова	194
11. БИБЛИОГРАФІЯ:—Книги для самообразованія. Физика. Проф. М. Ю. Гольдштейна	207
12. НОВЫЕ КНИГИ: Дж. Фиске. Открытіе Америки. Въ двухъ томахъ. Пер. съ англійскаго П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1892—1893 г. Ц. 4 р. Н. Р — на. — Экономическіе этюды. Проф. Новоалександрій- скаго института А. И. Скворцова. Петербургъ. 1894. Ц. 1 р. М. Т. Б.—О пьянствѣ дѣтей и о вредномъ вліяніи вина на дѣтскій организмъ. При- вать-доцента В. Ф. Якубовича. Спб. Ц. 25 коп. Э.—Бертольдъ Ауэр- бахъ. Спиноза, жизнь мыслителя. Пер. А. Г. Сахаровой. Спб. Изд. М. М. Ледерле. 1894. Стр. 376. W.	219
13. СМѢСЬ. Изъ русской жизни: Коммиссія по организаціи домашняго чтенія въ Москвѣ.—Святители знанія въ деревнѣ.—Библиотека Іоанна Грознаго.— Астрономическія бесѣды съ крестьянами.—Кустарная артель.—Рыбное бо- гатство у береговъ Камчатки и Сахалина. Изъ иностранной жизни: Жен- скій вопросъ въ Германіи. Э.—Биографическія данныя объ Ипполитѣ Тэнѣ.—Общество распространенія университетскихъ знаній въ Бельгіи.— Распространеніе университетскихъ знаній въ Швеціи.—Оксфордское лѣтнее собраніе 1894 года.—Конгрессъ дѣятелей по распространенію универси- тетскаго образованія въ Лондонѣ въ 1894 г.—Японскій театр.—Труд- ности проведенія желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ. Э.	231
14. ИЗЪ МІРА НАУБЪ: Маорійцы въ Новой Зеландціи. Э.—Карборундъ.— Англійское метеорологическое бюро. Э.—Происхожденіе кукольной комедіи «Петрушка». —Броунъ-Секаръ	252
15. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.	260
16. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) СВОБОДНОЕ ПОПРИЩЕ. Романъ Вернера. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Шелгуновой	121
2) НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ. Съ нѣмецкаго по Бомелли, Ней- майру и друг. подъ редакц. В. Агафонова.	113
17. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

ПРОТОПЛАЗМА И ВИТАЛИЗМЪ.

И. П. Вородина.

(Рѣчь, произнесенная *) 28 декабря 1893 года на юбилейномъ собраніи по случаю 25-лѣтія Общества естествоиспытателей при Императорскомъ С.-Петербургскомъ университетѣ).

Мм. гг.!

Почти полвѣка тому назадъ въ естествознаніи родилось новое понятіе, а въ научномъ языкѣ, соотвѣтственно тому, появилось новое слово, новый терминъ, которому суждено было играть огромную роль въ исторіи человѣческой мысли и произвести своего рода переворотъ въ нашихъ воззрѣніяхъ на природу живыхъ тѣлъ. Терминъ этотъ—*протоплазма*. Протоплазмой назвалъ въ 1846 году Моля **) азотистую, подвижную, обыкновенно мелкозернистую слизь, находящуюся внутри такъ-называемыхъ клѣточекъ растенія. Что внутренность всѣхъ органовъ растенія разбита твердыми перегородочками на замкнутыя каморочки микроскопической величины, это было извѣстно почти за двѣсти лѣтъ до Моля. Какъ только, во второй половинѣ XVII вѣка, устроенъ былъ крайне несовершенный микроскопъ и, любознательности ради, примѣненъ къ разсматриванію разрѣзовъ растительныхъ частей, такъ сразу же былъ открытъ капитальный фактъ клѣтчатого строенія растеній. Вмѣстѣ съ нимъ пылливому уму человѣка открылся для

---

*) Во избѣжаніе недоразумѣній, я долженъ замѣтить, что рѣчь была произнесена, не будучи написанной. Поэтому за буквальную точность выраженія я ручаться ни въ какомъ случаѣ бы не могъ. Но, и помимо того, моя рѣчь является здѣсь въ печати въ нѣсколько измѣненномъ видѣ, отчасти потому, что я слышалъ много нареканій на ея краткость, отчасти же съ цѣлью сдѣлать ее еще болѣе понятною для большинства.

**) Гуго фонъ-Моля, одинъ изъ знаменитѣйшихъ микроскопистовъ, былъ профессоромъ въ Тюбингенѣ съ 1835 г. и до самой смерти своей (1872). На русскомъ языкѣ существуетъ (довольно безграмотный) переводъ его извѣстной книги «Основанія анатоміи и фізіологіи растительной клѣточки». Спб. 1865.

ислѣдованія новый міръ. Долгое время вниманіе ученыхъ, однако, всецѣло устремлялось на изученіе самыхъ перегородокъ, необычайнымъ разнообразіемъ своимъ дѣйствительно доставлявшихъ для этого богатѣйшій матеріалъ; въ свойствахъ и строеніи стѣнокъ растительныхъ клѣточекъ думали найти ключъ къ уразумѣнію жизненныхъ явленій растительныхъ организмовъ. Если придержаться сравненія, возникшаго въ умѣ первыхъ же наблюдателей, увидавшихъ клѣтчатое строеніе растенія, и ставшаго затѣмъ почти классическимъ,—сравненія съ медовыми сотами, то можно сказать, что вплоть до нашего столѣтія интересъ сосредоточивался на воскѣ, а наполняющій восковыя ячейки медъ почти упускали изъ виду; изучали самую клѣтку, не обращая вниманія на сидящую въ ней птицу. Этимъ медомъ, этою птицею и оказалась впоследствии наша протоплазма. Оба сравненія сильно хромаютъ, однако, въ одномъ существенномъ отношеніи. И медъ, и птица введены были въ клѣтки, предварительно для этой цѣли изготовленныя, введены насильно, тогда какъ пгѣненіе протоплазмы добровольное и самая клѣтка, въ которой она закупорена, дѣло собственныхъ ея рукъ. Вѣрнѣе, слѣдовательно, будетъ сравненіе съ улиткою, заключенною въ раковинѣ собственнаго издѣлія. Подобно тому, какъ жизненная суть, очевидно, кроется не въ причудливой раковинѣ, а въ замкнутой въ ней слизистой улиткѣ, также точно и въ растительныхъ клѣточкахъ интересъ долженъ былъ, съ открытіемъ протоплазмы, перейти отъ системы оболочекъ къ живой слизи, населяющей микроскопическія полости растенія. Съ этихъ поръ самое названіе «клѣточки» въ примѣненіи къ живымъ кирпичикамъ, изъ которыхъ слагается зданіе растительнаго организма, становится, въ сущности, анахронизмомъ, хотя и продолжаетъ сохраняться частью по инерціи, частью сознательно, изъ уваженія къ первымъ бойцамъ въ этой новой области естествознанія. Во всякомъ случаѣ, теперь подъ именемъ «клѣточки» разумѣютъ не стѣнку и даже не полость, ею замыкаемую, а живое тѣльце, населяющее послѣднюю. Какъ не всякая улитка снабжена бываетъ раковиною, такъ и не всякая клѣточка непременно закупорена въ оболочку,—падаютъ «голыя клѣточки»,—названіе, въ буквальномъ смыслѣ, конечно, негѣрое.

Многимъ можетъ показаться страннымъ, почему ученые, изслѣдуя подъ микроскопомъ внутреннее строеніе растенія съ сознательною цѣлью изучить его жизнь, такъ долго упускали изъ виду важнѣйшее и, описывая мертвую раковину, не замѣчали заключенной въ ней живой улитки. Исторія науки изобилуетъ, однако, примѣрами такого кажущагося ослѣпленія людей, добросовѣстно,

нерѣдко жадно искавшихъ истины. Когда эта истина уже обнаружена, когда она усвоена нами, вошла въ плоть и кровь нашего сознанія, она часто представляется намъ простою до очевидности, и мы склонны удивляться той массѣ труда, повидимому, непроизводительно затраченнаго, тѣмъ многочисленнымъ ошибкамъ и окольнымъ путямъ, которые понадобились челонѣчеству для того, чтобы ее обнаружить. Не будемъ же строги къ предкамъ, помня, что и насъ ожидаетъ судъ потомства, которое тоже, навѣрное, станетъ удивляться, какъ это мы не замѣчали вещей, о которыхъ намъ теперь, быть можетъ, и не грезится. Къ тому же, въ разсматриваемомъ нами случаѣ были дѣйствительно обстоятельства, извинявшія мнимую слѣпоту первыхъ микроскопистовъ. Въ настоящее время мы знаемъ, что только очень молодыя клѣтки, по особенной мелкости и нѣжности своей неудобныя для изслѣдованія, наполнены сплошь живымъ содержимымъ, согласно схемѣ медовыхъ сотъ; въ готовыхъ, окончательно развитыхъ частяхъ растенія живая слизь—протоплазма—обыкновенно только выстилаетъ совнутри оболочку клѣтки въ видѣ тонкаго слоя, подкладки, который легко было просмотрѣть; въ водянистомъ же сокѣ, наполняющемъ внутренность такой клѣтки, совершенно справедливо отказывались видѣть гнѣздилище жизни. Сверхъ того, въ готовой ткани растенія встрѣчаются цѣлыми группами клѣтки совершенно пустыя, составленныя дѣйствительно изъ одной оболочки; впоследствии уже выяснилось, что это клѣтки мертвыя, добровольно покинутыя обитавшимъ въ нихъ жильцомъ.

Такимъ образомъ накрыть улитку было въ самомъ дѣлѣ не легко, скорлупка же, приготовленная ею, сама давалась въ руки изслѣдователямъ, невольно приковывая ихъ вниманіе своимъ неистощимымъ разнообразіемъ. Различная форма, величина, толщина, составъ, скульптурные рисунки на внутренней, а иногда и вѣшной поверхности... мудрено ли, что разбѣжались глаза ученыхъ. Вѣдь и теперь въ зоологическихъ музеяхъ мы видимъ сотни и тысячи удобосохраняемыхъ пустыхъ раковинъ рядомъ съ рѣдкими, единичными экземплярами ихъ обитателей, въ спиртѣ оплакивающихъ потерю жизни. Очень ужъ хороши и разнообразны самыя раковины!

А все же неправильно было бы думать, что до 1846 года такъ-таки и не подозрѣвали существованія улитки, Моль же взялъ да и открылъ ее. Въ дѣйствительности онъ только далъ ей названіе, а главное, указалъ на ея значеніе въ качествѣ гнѣздилища жизни. Намеки же на существованіе живой слизи внутри клѣточекъ имѣлись и раньше. Еще въ семидесятыхъ годахъ прошлаго столѣтія

итальянецъ Корти утверждалъ, что у него подъ микроскопомъ въ клѣточкахъ что-то копошится. На его показаніе не обратили вниманія—попритчилось, вѣрно, пылкому итальянцу! Въ началѣ нашего столѣтія, однако, и хладнокровный нѣмецъ Тревиранусъ объявилъ, что дѣйствительно копошится «жизненный сокъ». Это двигалась въ клѣточкахъ протоплазма.

Какъ бы то ни было—улитку, наконецъ, обнаружили, окрестили именемъ протоплазмы и сдѣлали ее достояніемъ науки. Проглядимъ теперь, въ самыхъ общихъ чертахъ, дальнѣйшіе шаги этого новорожденного понятія на научномъ поприщѣ. Родилась протоплазма, очевидно, подъ счастливою звѣздою. Уже въ самомъ началѣ она вступаетъ въ борьбу съ старшею на пять лѣтъ сестрою своею—животною саркодою *) и вскорѣ одерживаетъ надъ нею полную побѣду; даже щепетильные насчетъ всякаго пріоритета нѣмцы отправляютъ саркоду въ архивъ науки. Побѣда эта была равносильна завоеванію цѣлаго царства; съ этихъ поръ не только растительный, но и животный міръ признаютъ главенство протоплазмы и она становится общимъ жизненнымъ субстратомъ,—отнынѣ всякая жизнь, растительная и животная, безразлично, становится неразрывно связанною съ протоплазмою. Въ своей микроскопической территоріи протоплазма пользуется неограниченною властью; да и неудивительно—такъ какъ все, что только есть въ клѣточкѣ, создано протоплазмою. Это она изготовила покрывающую ее оболочку, она увеличиваетъ, по мѣрѣ надобности, ея размѣры, придаетъ ей ту или другую форму, утолщаетъ ее и расширяетъ совнутри затѣйливыми узорами, которые такъ давно уже приковывали наше вниманіе и которыми мы до сихъ поръ невольно любуемся. Это она выдѣлила изъ своихъ нѣдръ мягкое округлое тѣльце, вродѣ пузырька, тѣльце, замѣченное учеными лишь въ тридцатыхъ годахъ нашего столѣтія и получившее названіе клѣточного ядра. Это она породила такъ часто заключенныя въ ея нѣдрахъ зеленыя зернышки, названныя зернами хлорофилла, отъ которыхъ зависятъ столь распространенный въ растительномъ царствѣ зеленый цвѣтъ всего организма или извѣстныхъ его частей и которыя играютъ такую громадную роль не только въ питаніи растенія, но и въ экономіи природы вообще; эти кормильцы всѣхъ живыхъ существъ, обладающіе секретомъ претворять, при содѣйствіи свѣта, воду и воздухъ въ питательное органическое

*) Саркодою назвалъ въ 1841 году Дюжарденъ сократимую слязь, изъ которой составлены простѣйшія животныя, напр., инфузорія. Впоследствии эта слязь оказалась тождественною съ протоплазмою растительныхъ клѣточекъ.

вещество, ничто иное, какъ обособившіеся и позеленѣвшіе комочки той же протоплазмы. Она же, наконецъ, обладаетъ способностью въ любой своей точкѣ выдѣлять воду, образовать такъ называемыя вакуоли; и тотъ водянистый сокъ, который наполняетъ почти всю взрослую клѣточку, также одинъ изъ продуктовъ протоплазмы. Но все это уже усложненія, не связанныя существенно съ самымъ понятіемъ о жизни. Въ «голыхъ» клѣточкахъ нѣтъ оболочки, въ очень молодыхъ нѣтъ вовсе водянистаго сока, хлорофильныя зерна свойственны только извѣстнымъ клѣточкамъ не всѣхъ даже растений и совершенно неизвѣстны животному міру; ядро, правда, чрезвычайно распространено, однако, попадаютъ отдѣльные примѣры безъядерныхъ клѣточекъ. Только безъ протоплазмы немыслимо никакое живое существо. И вотъ, какъ нельзя болѣе кстати, въ шестидесятыхъ годахъ, извѣстный зоологъ Геккель показываетъ намъ своихъ монеръ; это наипростѣйшія изъ живыхъ существъ, почти безформенныя, лишенные всякой видимой организаціи, простые слизистыя комочки, составленные изъ наичистѣйшей протоплазмы. А въ довершеніе триумфа, на днѣ Атлантическаго океана откапываютъ знаменитаго «батыбія» (*Bathybius Haeckelii*) въ видѣ безформеннаго, мѣстами сплошнаго, мѣстами сѣтевиднаго слоя протоплазмы, покрывающаго это дно на необозримо протяженіи. Такимъ образомъ обнаруженъ не только жизненный субстратъ, открыта, наконецъ, колыбель, быть можетъ, даже самое зачатіе жизни. Торжество протоплазмы полное! Она царица, царица всѣми признанная! И какого еще царства?.. Царица жизни!

Да, если протоплазма обладаетъ памятью, она, конечно, никогда не забудетъ эпохи шестидесятыхъ годовъ, не забудетъ блестящей своей молодости, когда она находилась въ апогеѣ своей славы, когда весь сонмъ біологовъ видѣлъ въ ней альфу и омегу жизни.

Но... видно, нѣтъ на землѣ прочнаго счастья! За шестидесятыми годами послѣдовали семидесятые, за ними восьмидесятые... царица постарѣла и... обаяніе ея стало падать. Періодъ могущества смѣняется періодомъ упадка — царицу постепенно развѣиваютъ.

Уже въ семидесятыхъ годахъ въ микроскопической территоріи клѣточки начинается неурядица. Одна за другою различныя части клѣточки пытаются освободиться изъ подъ власти протоплазмы. Сигналь подаютъ клѣточное ядро. Отнынѣ оно не намѣрено болѣе происходить изъ протоплазмы, а объявляетъ себя образованіемъ отъ нея независимымъ. Какъ протоплазма получается не иначе,

какъ изъ другой протоплазмы, какъ и клѣточное ядро возникаетъ не иначе, какъ изъ другаго ядра. Протоплазма пробуетъ возражать, ссылается на безъядерныя клѣточки, но въ концѣ концовъ ей приходится сдаться. Дѣйствительно, при переислѣдованіи всюду оказывается ядро, а въ нѣкоторыхъ клѣточкахъ, считавшихся безъядерными, даже не одно, а десятки, сотни ядеръ. Оставалась еще нѣкоторая надежда на мельчайшія изъ живыхъ существъ—на бактеріи. Но тутъ произошло нѣчто невѣроятное. Ничтожныя бактеріи страшно обидѣлись, узнавъ, что ихъ подозреваютъ въ безъядерности, когда всѣ прочіе порядочные организмы уже обзавелись ядрами. «Мы-то безъядерны! Да, коли на то пошло, мы, какъ есть, сплошныя ядра, а до протоплазмы намъ и дѣла нѣтъ!» Ну, а знаменитый «батибій», этотъ первообразъ жизни, зарождающійся въ пучинѣ морской? Неужели же и въ немъ оказались ядра? Нѣтъ, не оказались, но судьба его была поистинѣ трагическою,—онъ самъ не оказался! Монеръ Геккеля хотъ въ степени повысили, превративъ ихъ изъ мнимо-безъядерныхъ въ организмы, снабженные ядрами; но съ батибіемъ не поцеремонились, его просто похоронили. Въ 1876 году на съѣздѣ нѣмецкихъ естествоиспытателей въ Гамбургѣ сдѣлали, на глазахъ многочисленной публики, батибія, сдѣлали изъ морской воды при помощи спирта! Мнимая протоплазма оказалась въ дѣйствительности невиннѣйшимъ, но и безжизненнѣйшимъ осадкомъ гипса. Родной отецъ батибія—знаменитый англійскій зоологъ Гексли—уже раньше махнулъ рукою на мертворожденное свое дѣтище и только крестный, Геккель, долго носился съ трупомъ крестника, какъ новый Пигмалионъ, ожидая, не загорится ли искорка жизни въ этомъ мертвомъ гипсѣ.

Освобожденіе ядра изъ подъ зависимости протоплазмы нанесло послѣдней тяжкій ударъ, отъ котораго она и до сихъ поръ не можетъ оправиться. Интересъ сталъ все болѣе и болѣе сосредоточиваться на ядрѣ, а на протоплазму начали смотрѣть уже съ нѣкоторымъ пренебреженіемъ. Многіе изъ современныхъ ученыхъ готовы искать всю жизненную суть въ ядрахъ, видѣть въ нихъ однихъ носителей всѣхъ наслѣдственныхъ свойствъ организма, протоплазму же они низводятъ на степень питающей массы, кормилицы ядеръ.

Однако, и ядро, столь внезапно возвеличившееся изъ ничтожества, ожидалъ, въ свою очередь, сюрпризъ. Неизвѣстно, навѣрное, откуда, повидимому, однако, изъ нѣдръ протоплазмы внезапно явилось въ клѣточкѣ крошечное, едва уловимое при сильнѣйшихъ увеличеніяхъ зернышко, назвалось центрозомою, одѣлось сіяніемъ, расположилось на ядрѣ и объявило, что ядро отнынѣ должно ему

повиноваться. И вотъ въ настоящее время изумительныя перегруппировки, совершающіяся внутри ядра каждый разъ, какъ оно дѣлится, т. е. распадается на два новыхъ ядра, перегруппировки, которыя мы въ послѣднія двадцать лѣтъ внимательнѣйшимъ образомъ изучаемъ, слѣдя за ними съ благоговѣйнымъ трепетомъ и полнѣйшимъ недоумѣніемъ, оказываются не самостоятельными. Ядро не осмѣливается приступить къ нимъ, пока не будетъ подавъ къ тому сигналъ осѣдлавшею его центрозою. На этомъ исторія взаимныхъ отношеній ядра и протоплазмы пока обрывается. Удастся ли ядру стряхнуть съ себя новый гнетъ ничтожнаго зернышка, подобно тому, какъ удалось ему освободиться изъ подъ гнета протоплазмы, покажетъ будущее. Надвигающееся двадцатое столѣтіе, безъ сомнѣнія, сдѣлается свидѣтелемъ многихъ новыхъ переворотовъ въ микроскопической территоріи клѣтки.

Отложеніемъ ядра, однако, не окончились злключенія протоплазмы. За ядромъ послѣдовали зеленыя хлорофильныя зернышки, до тѣхъ поръ мирно покоившіяся въ протоплазмѣ и не отрицавшія своей зависимости отъ нея. И они не намѣрены больше образоваться изъ протоплазмы. Однимъ бы имъ, вѣроятно, съ послѣднемъ не справиться, но они соединяются съ оранжевыми зернышками, обуславливающими своимъ присутвіемъ окраску многихъ цвѣтовъ и плодовъ, а, главное, находятъ себѣ могущественныхъ союзниковъ въ лицѣ нѣжныхъ безцвѣтныхъ зернышекъ, которыя давно сидѣли, притаившись, въ протоплазмѣ даже самыхъ молодыхъ клѣточекъ. Всѣ эти зернышки принимаютъ общее имя пластидъ, признаютъ взаимное свое родство, согласны превращаться другъ въ друга, размножаться дѣленіемъ, но возникать изъ протоплазмы они считаютъ для себя униженнымъ,—они сами по себѣ и протоплазма сама по себѣ. Словомъ, повторяется исторія возмутившагося ядра и съ тѣмъ же успѣхомъ,—протоплазмѣ приходится сдаться; власть ея еще болѣе ограничена. А между тѣмъ отпаденіе пластида естественно повлекло за собою для протоплазмы новый чувствительный ударъ,—она потеряла также власть надъ крахмаломъ, веществомъ, чрезвычайно распространеннымъ въ растительныхъ клѣточкахъ, внутри которыхъ онъ лежитъ въ видѣ твердыхъ слоистыхъ зеренъ. А вещество-то какое! Крахмалъ съ легкостью превращается въ сахаръ, сахаръ же затѣмъ можетъ утилизироваться организмомъ для самыхъ разнообразныхъ цѣлей. Въ былые дни могущества своего протоплазма безъ труда строила крахмальныя крупинки сама, но теперь, послѣ возстанія пластидъ, дѣло измѣнилось; отвоевавъ себѣ свободу, они захватили и привилегію на изготовленіе крахмала.

Видя все происходящее, даже вода въ клѣточкѣ, и та заразилась общимъ духомъ непокорности и также стала заявлять претензію на самостоятельность. Но она, какъ говорится, хватила черезъ край. Только въ Голландіи возмущеніе воды встрѣчено было съ сочувствіемъ, остальные же государства Европы нашли ея доводы неудовлетворительными и строптивую воду снова отдали въ распоряженіе протоплазмы.

Среди всѣхъ этихъ тревоженій бѣдная протоплазма едва не лишилась даже своего добраго имени. Нашелся ученый (Страсбургеръ), объявившій, что, коль скоро протоплазма не умѣетъ порождать ядеръ, она недостойна и называться протоплазмой; цитоплазма—вотъ подходящая ей отнынѣ кличка! Невеликодушный поступокъ этотъ вызвалъ было одобреніе и подражаніе, но теперь начинается просыпаться совѣсть ученыхъ, и есть надежда, что хоть къ предстоящему вскорѣ пятидесятилѣтнему юбилею протоплазмѣ возвратятъ ея прежнее славное имя.

Пресгѣдуемая неудачами внутри своей территоріи, протоплазма рѣшается на отчаянную внѣшнюю экспедицію; она, до сихъ поръ наглухо закупоренная въ ею же изготовленной оболочкѣ, пробиваетъ послѣднюю и пытается завоевать себѣ, такъ-называемыя, межклѣточные пространства, занять внѣшнюю поверхность собственной оболочки вездѣ, гдѣ такая поверхность имѣется, вслѣдствіе неполнаго смыканія или, вѣрнѣе, позднѣйшаго разобщенія отдѣльныхъ клѣточекъ. Экспедиція эта оканчивается въ общемъ неудачно—межклѣтчатая протоплазма вынуждена вскорѣ къ отступленію и снова скрывается внутрь клѣточекъ. Тѣмъ не менѣе, крупный успѣхъ оказывается для нея въ другомъ отношеніи: пробитыя протоплазмой въ оболочкѣ бреши не закрываются болѣе и съ этого момента общая картина клѣтчататаго строенія еще разъ радикально мѣняется. Вмѣсто наглухо замкнутыхъ каморочекъ, обитаемыхъ каждая своимъ жильцомъ, которому предоставлено только смотрѣть на сосѣдей сквозь закрытыя окошечки (утонченныя мѣста оболочки, названныя порами), теперь передъ нами микроскопическія комнатки съ настеежъ растворенными дверьми, пользуясь которыми всѣ жильцы въ полномъ согласіи подали другъ другу руки. Вмѣсто совершенно разрозненныхъ участковъ живой слизи, копошащихся каждый въ своей клѣтушкѣ, передъ нами отнынѣ во всемъ организмѣ одна общая, связанная, составляющая его масса протоплазмы, несмотря на кажущееся разъединеніе системою перегородокъ. Отнынѣ всякое впечатлѣніе, которое коснется одного изъ жильцовъ, можетъ быть передано сосѣдямъ, можетъ распространиться по всей территоріи живаго тѣла, а потому удары судьбы,

угрожающіе существованію послѣдняго, могутъ быть отражаемы совокупными усилями всего населенія.

Мы изложили пока лишь внѣшнюю исторію протоплазмы. Бросимъ взглядъ на внутреннюю.

Что за вещество эта живая слизь въ химическомъ отношеніи? Уже при рожденіи на свѣтъ протоплазмы было извѣстно, что она содержитъ азотъ и притомъ въ видѣ такъ-называемаго бѣлковаго вещества, вродѣ бѣлка куринаго яйца. А химія утверждаетъ, что бѣлковыя вещества представляютъ собою самыя сложныя изъ всѣхъ химическихъ соединеній, существующихъ въ природѣ. Едва ли нужно прибавлять, что они встрѣчаются исключительно въ живыхъ тѣлахъ, въ растеніяхъ и животныхъ, такъ какъ вообще весь сонмъ даже неизмѣримо болѣе простыхъ, въ большинствѣ случаевъ, безазотистыхъ веществъ, называемыхъ органическими, мертвой природѣ совершенно неизвѣстенъ, — она знаетъ только элементы, изъ которыхъ они слагаются, да самыя простыя, наиболѣе устойчивыя комбинаціи ихъ. Постоянное содержаніе бѣлковыхъ веществъ въ протоплазмѣ, необычайная сложность этихъ веществъ, въ связи съ естественно, повидимому, вытекавшею отсюда неустойчивостью ихъ, прекрасно гармонизировавшею съ впечатлительностью, отзывчивостью живыхъ существъ, все это не могло не соблазнять ученыхъ и должно было неизбѣжно направить ихъ мысли въ извѣстную сторону. И вотъ, вмѣстѣ съ культомъ протоплазмы создается культъ бѣлка. Протоплазма—субстратъ жизни, а бѣлокъ—химическій ключъ къ уразумѣнію жизненныхъ явленій, разыгрывающихся въ этомъ субстратѣ. Протоплазма и бѣлокъ почти отождествляются, становятся чуть не синонимами. Только бы удалось получить искусственно въ лабораторной колбочкѣ бѣлокъ, мечтается ученымъ, и попытка Вагнера кристаллизовать Гомункула въ ретортѣ была бы осуществлена хоть съ другаго конца,—вмѣстѣ съ бѣлкомъ мы получили бы протоплазму, а съ появленіемъ протоплазмы въ нашей колбочкѣ загорѣлась бы жизнь!

Въ настоящее время задача искусственнаго полученія бѣлка, какъ выражаются химики, синтетическимъ путемъ почти осуществлена; во всякомъ случаѣ мы наканунѣ ея рѣшенія и возможно, что надвигающемуся двадцатому вѣку мы поднесемъ; какъ цѣнное наслѣдство, созданное нами въ лабораторіи бѣлковое вещество. Но что случилось съ розовыми надеждами на искусственное полученіе этимъ путемъ жизни? Немного найдется теперь людей, продолжающихъ вѣрить въ эту химеру. То послѣдніе могикане, не желающіе сдаваться и закрывающіе глаза на современное дви-

женіе науки, чтобы не видѣть крушенія дорогихъ иллюзій. И все еще мерещится имъ, что хоть гдѣ-то тамъ, на рубежѣ живой и мертвой природы, существо и вещество оказываются синонимами.

Въ дѣйствительности, однако, по мѣрѣ того, какъ росла вѣра въ возможность искусственнаго полученія бѣлковаго вещества, не увеличивалась, а, напротивъ, слабѣла надежда на полученіе вмѣстѣ съ нимъ хоть искорки жизни. Параллельно съ развѣнчаніемъ нѣкогда могущественной протоплазмы блѣднѣлъ и ореолъ, которымъ, нѣсколько поспѣшно, окружили было бѣлокъ. Какъ не оказалось въ дѣйствительности монеръ, т.-е. организмовъ, составленныхъ изъ одной протоплазмы, такъ не оказалось нигдѣ и протоплазмы, составленной только изъ бѣлковыхъ веществъ. Химическій анализъ одного изъ слизевиковъ (миксомицетовъ), организмовъ, стоящихъ на низшихъ ступеняхъ жизни и до сихъ поръ представляющихъ на извѣстной стадіи своего развитія одинъ изъ лучшихъ примѣровъ голой протоплазмы (правда, съ многочисленными ядрами), обнаружилъ необычайную сложность состава живой слизи; предъ нами открылась пестрая смѣсь самыхъ разнообразныхъ веществъ, между которыми бѣлковое собственно въ количественномъ отношеніи отступало на задній планъ. Въ числѣ этихъ веществъ не мало такихъ, которыя, насколько мы до сихъ поръ знаемъ, столь же неизбѣжные спутники жизни, столь же постоянныя составныя части жизненнаго субстрата, какъ и самъ бѣлокъ; всюду передъ нами не одно вещество, хотя бы и необычайно сложное, а нѣчто еще сложнѣйшее—комбинація многихъ разнообразныхъ веществъ. Естественно должно было возникнуть сомнѣніе, имѣемъ ли мы право произвольно выхватить въ этой комбинаціи одно вещество, хотя бы и сложнѣйшее изъ всѣхъ, и приписать ему исключительно роль фактотума жизни.

Была, однако, еще другая причина, не мало содѣйствовавшая ослабленію неумѣреннаго и односторонняго культа бѣлка. Долгое время даже ученые, поддаваясь непосредственному впечатлѣнію опыта, думали, что какъ только угаснетъ въ живомъ тѣлѣ жизнь, такъ вещество его само собою неизбѣжно подвергнется разложенію, произойдетъ гніеніе, представляющее, въ сущности, распаденіе именно бѣлковыхъ веществъ. Крайняя неустойчивость этихъ сложнѣйшихъ соединеній такимъ образомъ казалась стоящею внѣ всякихъ сомнѣній. Но съ тѣхъ поръ, какъ геній Пастѣра открылъ новыя сферы жизни, населивъ землю, воду и воздухъ мириадами мельчайшихъ живыхъ существъ, называемыхъ бактеріями, положеніе дѣла существенно измѣнилось. Мы знаемъ теперь, что никакого стремленія къ саморазложенію послѣ смерти даже бѣлковыя

вещества организма не обнаруживаютъ, гніеніе же есть явленіе, вызываемое исключительно жизненною дѣятельностью бактерій; то, что казалось намъ неизбѣжнымъ послѣдствіемъ, вѣрнѣйшимъ признакомъ смерти, въ дѣйствительности свидѣтельствуемъ о жизни, — жизни, какъ бы размѣнявшейся на мелкую монету. При обыкновенныхъ условіяхъ, только жизнь въ состояніи разрушить созданное жизнью *). Если прежде мы недоумѣвали, какимъ образомъ жизнь удерживаетъ отъ распада крайне неустойчивыя, по общему мнѣнію, вещества организма, постоянно готовые отвѣчать саморазложеніемъ на сигналъ, даваемый смертью, то теперь мы, наоборотъ, вынуждены искать объясненія тому, отчего эти вещества, сами по себѣ столь устойчивыя, въ организмѣ такъ легко подвергаются характерному для жизненнаго процесса распаденію. Одна изъ гипотезъ, пользующаяся въ настоящее время значительнымъ кредитомъ въ наукѣ, пытается выйти изъ этого затрудненія, допуская въ живыхъ тѣлахъ, сверхъ извѣстныхъ намъ, устойчивыхъ, пассивныхъ бѣлковъ, еще особый, неустойчивый активный бѣлокъ, въ которомъ, будто бы, кроется суть жизненныхъ явленій. Къ сожалѣнію и величайшей досадѣ ученыхъ, однако, этотъ самый интересный бѣлокъ рѣшительно не поддается изслѣдованію по той причинѣ, что обладаетъ, будто бы, изумительнымъ свойствомъ отъ малѣйшаго къ нему прикосновенія пытливаго ума моментально превращаться въ малоинтересный пассивный бѣлокъ; только тронуть, — а изъ него и духъ вонъ! Понятно, что гипотеза активного бѣлка такого свойства, что ее одинаково нельзя ни доказать, ни опровергнуть. Разъ это таинственное вещество не можетъ быть ни извлечено, ни даже констатировано въ живомъ тѣлѣ, въ него остается только... вѣрить! Удивительно ли послѣ всего этого, что близкая перспектива искусственнаго полученія бѣлковаго вещества въ лабораторіи и связаннаго съ нимъ рѣшенія сложнѣйшей химической задачи далеко не возбуждаетъ въ сердцахъ современныхъ біологовъ прежняго восторженнаго трепета; они отлично понимаютъ или, по крайней мѣрѣ, смутно предчувствуютъ, что имъ на этомъ величайшемъ торжествѣ химіи будетъ лишь — въ чужомъ пиру похмелье, такъ какъ съ искусственнымъ полученіемъ бѣлка вопросъ о возможности полученія живаго изъ мертваго не подвинется ни на іоту.

*) Конечно, это справедливо только для обыкновенныхъ, такъ сказать, нормальныхъ природныхъ условій. Само собою разумѣется, что, прибѣгнувъ, напр., къ дѣйствию высокой температуры, мы можемъ съ легкостью и безъ всякаго участія жизни разрушить созданное жизнью, чему лучшимъ доказательствомъ служить горѣніе дровъ въ печи.

Отъ химическаго состава протоплазмы перейдемъ теперь къ ея внутреннему строенію, къ ея организаціи. Почти всѣ ученые согласны между собою въ томъ, что протоплазма, несмотря на полужидкую свою консистенцію, должна имѣть опредѣленную структуру. Совершенно невѣроятно, чтобы гнѣздилище жизни имѣло характеръ аморфнаго киселя или клея, хотя бы и очень сложнаго химическаго состава. И вотъ, во всѣхъ государствахъ Европы, участвующихъ въ прогрессивномъ движеніи науки, десятки, если не сотни микроскоповъ, снабженныхъ всѣми новѣйшими усовершенствованиями современной оптики, сильнѣйшими увеличеніями, разными иммерзіями, апохроматами и т. п., направлены на протоплазму; смотрятъ въ нихъ пристально и старѣ, и младѣ, смотрятъ самыя опытные микроскописты, посѣдѣвшіе за рабочимъ столомъ, сроднившіеся съ инструментомъ и изоцрившіе до нельзя глазъ; десятки, если не сотни самыхъ разнообразныхъ реактивовъ, нейтральныхъ, кислыхъ и щелочныхъ, безцвѣтныхъ и окрашенныхъ во всевозможные цвѣта, полощутъ вѣдра несчастной протоплазмы, а въ результатѣ—невѣроятный хаосъ другъ друга исключаящихъ мѣній. «Я вижу въ слизи ниточки», говоритъ одинъ. «А я — не отдѣльныя нити, а цѣлую связанную сѣточку», поправляетъ другой. «Это не ниточки, а пластинки! Мыльная пѣна—вотъ съ чѣмъ можно сравнить строеніе протоплазмы», утверждаетъ третій». «Вся живая слизь разлагается на отдѣльныя зернышки», учитъ четвертый. «Никакаго строенія,—заявляетъ пятый,—а мнимыя ниточки, сѣтки или пѣна не болѣе, какъ искусственные продукты». Въ довершеніе же хаоса является физикъ и возглашаетъ: «Господа, будьте осторожны! Вы на рубежѣ видимаго даже въ микроскопъ міра, на томъ рубежѣ, гдѣ дѣйствительность и иллюзія сливаются, гдѣ нельзя довѣряться даже собственнымъ глазамъ».

Остается еще поговорить о любопытной способности протоплазмы къ движенію. Наболѣе авторитетные ученые открыто сознаются, что, несмотря на массу труда, потраченнаго на изученіе этого явленія, несмотря на цѣлый рядъ нерѣдко крайне остроумныхъ попытокъ подойти къ рѣшенію вопроса, причина движенія протоплазмы остается по прежнему загадочною. Правда, нѣкоторые съ торжествомъ указываютъ на искусственныхъ амѣбъ, которыхъ удалось получить, растирая масло съ поташемъ, и т. п. Дѣйствительно, даже опытные микроскописты, глядя на эти маслянистыя тѣла, непрерывно мѣняющія свои очертанія, не въ состояніи сразу отличить ихъ отъ простѣйшихъ организмовъ и, поддаваясь первому впечатлѣнію, готовы признать ихъ живыми. Рискуя, однако, возбудить негодованіе многихъ, я позволю себѣ касательно этихъ

искусственныхъ амёбъ остаться при особомъ мнѣніи. Мнѣ сдается, что будущій безпристрастный историкъ науки поставитъ ихъ на одну доску... съ знаменитыми автоматами Вокансона и Дрозовъ *). Самонадѣянный восемнадцатый вѣкъ рѣшалъ задачу прямо съ сложнѣйшаго конца, пытался воспроизвести механически царя созданія, мы—въ девятнадцатомъ—начинаемъ скромно съ простѣйшаго и, вмѣсто искусственнаго человѣка, создаемъ искусственную амёбу. Средства, конечно, совершенно различны: тамъ—сложнѣйшая система колесъ, ставящая въ тупикъ даже опытнаго механика, здѣсь—простое растираніе масла съ поташемъ. Суть, однако, въ обоихъ случаяхъ та же: искусственное воспроизведеніе внѣшнихъ проявленій жизни при помощи веществъ, ничего общаго съ жизненнымъ субстратомъ неимѣющихъ, созданіе подобія жизни изъ завѣдомо мертваго матеріала. Пускай не говорятъ мнѣ, что сравненіе искусственныхъ амёбъ съ автоматами восемнадцатаго столѣтія неумѣстно или даже... обидно для науки и ученыхъ **); въ одномъ-де случаѣ преслѣдуется строго научная цѣль, въ другомъ—мы имѣемъ дѣло съ какими-то игрушками, лишенными всякаго серьезнаго значенія. Теперь, дѣйствительно, эта искусственная утка, эти музыканты-автоматы кажутся намъ пустыми игрушками и мы готовы недоумѣвать, какъ могли серьезные, высокоталантливые, быть можетъ, даже прямо гениальные люди потратить жизнь на ихъ изготовленіе, но нужно заглянуть въ исторію, чтобы узнать, такъ ли смотрѣли на нихъ въ былое время. Нѣтъ, на современниковъ эти игрушки производили глубочайшее впечатлѣніе, «homme-machine» Ляметтри, одно изъ характернѣйшихъ грубо-матеріалистическихъ произведеній XVIII-го вѣка, въ значительной степени былъ навѣянъ автоматами Вокансона, на которыхъ авторъ ссылался съ особенною любовью, а Дрозъ старшій вмѣстѣ съ своею «игрушкою» (пишущимъ мальчикомъ), угодили въ тюрьму по обвиненію въ волшебствѣ, и съ трудомъ выкарабкался изъ когтей испанской инквизиціи, которая, какъ извѣстно, шутить не любила. Хороши же «игрушки»!

Подводя итоги всему сказанному, окидывая еще разъ бѣглымъ взглядомъ любопытную полувѣковую исторію протоплазмы, мы вы-

*) Вокансонъ построилъ утку, принимавшую пищу и переваривавшую ее, а затѣмъ мальчика, игравшаго на флейтѣ и совершенно правильно передвигавшаго при этомъ пальцами. Автоматъ Дроза старшаго былъ пишущій мальчикъ, а Дроза младшаго—дѣвушка, игравшая на фортепьяно, слѣдившая глазами за движеніемъ своихъ рукъ, а по окончаніи пьесы встававшая и вѣжливо кланявшаяся публикѣ.

***) Я уже слышалъ подобныя нареканія.

нуждены, хотя, быть можетъ, и съ тяжелымъ сердцемъ, сознаться, что жизненный субстратъ представляетъ для насъ по прежнему одинъ сплошной иксъ. «Obscura textura, functiones obscurissimae» *) сказалъ древній анатомъ о человѣческомъ мозгѣ; выраженіе это всецѣло примѣнимо и къ протоплазмѣ. Много мы о ней за это время написали, но весьма мало узнали... достовѣрнаго. По прежнему, какъ и во времена Моля, протоплазма для насъ—азотистая, подвижная, обыкновенно мелкозернистая слизь, скрывающая въ своихъ вѣдрахъ тайну жизни. Дѣйствительные, несомнѣнные успѣхи касаются исключительно взаимныхъ соотношеній различныхъ частей клѣтки, въ особенности же познанія клѣточного ядра. Однако, и эти успѣхи такого свойства, что сулятъ намъ нѣчто, быть можетъ и очень важное, въ будущемъ, но въ настоящемъ представляются скорѣе неутишительными, такъ какъ разрушаютъ красивую, простую, построенную было нами схему. Если прежде мы недоумѣвали только на счетъ того, какъ произошла протоплазма, то теперь вынуждены спрашивать себя также, откуда взялись клѣточное ядро, пластыды, центрозомы; вмѣсто одного оборваннаго, теряющагося въ неизвѣстности конца, таковыхъ оказывается уже нѣсколько, а выяснившаяся самостоятельность этихъ различныхъ органовъ клѣтки заставляетъ насъ метаться отъ одного къ другому, отъ протоплазмы къ ядру, отъ ядра къ центрозомѣ, и спрашивать себя: да гдѣ же, наконецъ, кроется самая суть и что же является дѣйствительно носителемъ наследственныхъ свойствъ организма?

И такъ, повторяю, жизненный субстратъ остается для насъ сплошнымъ иксомъ; дальше слабого лепета о свойствахъ бѣлковыхъ веществъ, которыми, будто бы, объясняются жизненные явленія, мы не пошли. Нужно ли говорить, что ничего обиднаго или постыднаго для науки въ этомъ нѣтъ. Вопросъ, очевидно, необычайно сложенъ, гораздо сложнѣе, чѣмъ намъ, быть можетъ, казалось въ началѣ. Нѣтъ также ни малѣйшаго повода приходить въ отчаяніе или складывать руки. Достаточно вспомнить, что мы приступили къ изслѣдованію чуть не вчера, что между нами не мало ровесниковъ протоплазмы или даже людей, на памяти которыхъ она родилась въ качествѣ научнаго понятія. Что значитъ какихъ-нибудь несчастныхъ полвѣка, когда впереди не только двадцатое, но двухсотое, двухтысячное... столѣтія. Если въ чемъ можно упрекнуть большинство представителей современнаго естествознанія, то развѣ въ томъ, что на столь шаткой почвѣ они, не задумываясь, рѣшаются строить выводы, вполне опредѣленные,

*) «Темно строеніе, нѣтемны отправленія».

выводы необычайной важности касательно сущности жизненных явлений. Чтобы понять этот упрекъ, мы должны отъ жизненнаго субстрата перейти къ дѣйствующимъ въ немъ силамъ.

Почти параллельно съ развитіемъ ученія о протоплазмѣ какъ гнѣздилищѣ жизни, происходило рѣзкое, коренное измѣненіе въ нашихъ воззрѣніяхъ на природу силъ, дѣйствующихъ въ организмахъ.

Извѣстно, какую огромную роль въ ученіи о живыхъ существахъ играла вплоть до тридцатыхъ, даже сороковыхъ годовъ нашего столѣтія такъ-называемая «жизненная сила». Она безгранично властвовала въ растеніяхъ и животныхъ. Физика и химія, подчинившія своему господству всю мертвую природу, безусловно пасовали въ живыхъ тѣлахъ. Жизненная сила могла, наперекоръ имъ, творить даже изъ ничего, превращать одни элементы въ другіе. Характернымъ образчикомъ сумбура, господствовавшаго такъ долго въ умахъ по отношенію къ силамъ, дѣйствующимъ въ организмахъ, можетъ служить серьезно предложенный Гёттингенскимъ университетомъ въ 1838 году вопросъ, заимствуются ли растеніемъ вещества его золы изъ окружающей среды или приготовляются имъ самимъ изъ воды? И это послѣ того, какъ еще въ концѣ прошлаго столѣтія былъ установленъ великій законъ вѣчности вещества и непревращаемости элементовъ!

Однимъ изъ важнѣйшихъ оплотовъ витализма издавна служилъ оригинальный химическій составъ живыхъ тѣлъ, нахожденіе въ нихъ множества веществъ, въ мертвой природѣ совершенно не встрѣчающихся. Способность образовать такія «органическія» вещества считалась прерогативою жизненной силы. Понятенъ переполохъ, который должно было произвести искусственное полученіе одного изъ подобныхъ веществъ въ лабораторіи, безъ всякаго участія жизни; то была мочеви́на, созданная въ 1828 году химикомъ Вёлеромъ. За этимъ первымъ успѣхомъ быстро слѣдуютъ новыя, химія побѣдоносно вторгается въ живыя тѣла, на каждомъ шагѣ тѣсня жизненную силу и, какъ мы уже видѣли, въ настоящее время она не останавливается даже предъ наисложнѣйшею задачею—искусственнаго образованія бѣлковаго вещества. Съ своей стороны, физика въ сороковыхъ годахъ празднуетъ одну изъ величайшихъ своихъ побѣдъ—устанавливается законъ сохраненія энергіи, составляющій такую же гордость XIX вѣка, какую законъ вѣчности вещества составлялъ для XVIII. Подобно тому, какъ вещество не можетъ возникнуть или исчезнуть, не можетъ возникать и исчезать въ природѣ также сила; она только преобра-

зуется изъ одной формы энергіи въ другую. Организмы не составляютъ никакого исключенія въ этомъ отношеніи: всѣ силы, въ нихъ дѣйствующія, въ концѣ концовъ сводятся къ солнечному свѣту, поглощаемому и преобразуемому въ зеленыхъ органахъ растений; жизненной силѣ и здѣсь нѣтъ мѣста. И такъ, и вещество, и силы въ живыхъ тѣлахъ подчинены общимъ законамъ физики и химіи. Ну, а формы, эти безконечно разнообразныя, причудливыя формы растительныхъ и животныхъ организмовъ, а эта поразительная цѣлесообразность во внѣшнемъ и внутреннемъ строеніи, и даже въ физиологическихъ отправленияхъ, эта удивительная находчивость, умѣнье подлаживаться къ обстоятельствамъ, приспосабливаться къ внѣшнимъ условіямъ, неужели и это все не болѣе, какъ «хитрая» механика? Да, рѣшительно отвѣчаетъ дарвинизмъ, выдвигая свои принципы борьбы за существованіе и естественнаго подбора,—это разнообразіе, эта цѣлесообразность выработались сами собою, роковымъ образомъ, путемъ суммированія безконечно малыхъ отклоненій въ теченіи безконечно длинной вереницы вѣковъ. Рухнулъ, казалось, послѣдній оплотъ витализма. И дѣйствительно, жизненная сила изгоняется изъ науки, какъ понятіе, не только бесполезное, но положительно вредное, убаюкивавшее, будто бы, мысль физиолога и тѣмъ тормазившее долгое время правильный ходъ естествознанія. На развалинахъ погибшаго витализма водворяется строго механической взглядъ на живыя тѣла; жизнь отнынѣ ничто иное, какъ необычайно сложная игра физическихъ и химическихъ силъ въ необычайно сложномъ субстратѣ, называемомъ протоплазмой, а организмъ не болѣе, какъ крайне сложный самодѣйствующій механизмъ.

Пораженіе витализма казалось полнымъ, крушеніе его окончательнымъ. Но это именно только казалось. И вотъ, въ настоящее время мы присутствуемъ при зрѣлищѣ, столь же любопытномъ, сколько неожиданномъ для многихъ,—витализмъ начинаетъ возрождаться, хотя и въ иной, обновленной формѣ. Къ этому явленію можно относиться, конечно, различно. Одни съ досадою увидятъ въ немъ попятное движеніе къ туманнымъ бесплоднымъ дебрямъ блаженной памяти натуръ-философіи, признакъ регрессивнаго метаморфоза научной мысли, другіе, напротивъ, станутъ привѣтствовать его, какъ шагъ впередъ, какъ признакъ оздоровленія и окрѣпленія научнаго мышленія, умѣющаго скептически относиться къ собственнымъ увлеченіямъ. Повторяю, относиться къ возрожденію витализма можно различно, но нельзя отрицать самаго факта. Не какіе-нибудь диллетанты, а серьезные ученые рѣшаются, наперекоръ господствовавшему теченію, заговаривать снова о жизненной

силѣ *), а тамъ, гдѣ это ненавистное механикамъ слово не произносится прямо, въ самомъ тонѣ нерѣдко чувствуется нерѣшительность, какъ бы допускающая возможность противоположнаго. Всякій, кто внимательно слѣдилъ за спеціальною литературою въ какой-либо области біологическаго знанія, въ теченіи послѣднихъ 25 лѣтъ, не могъ не замѣтить этой переиѣны общаго тона; нѣтъ прежней увѣренности, безапелляціонности, нѣтъ юношескаго задора шестидесятихъ годовъ. Да и не въ одной наукѣ замѣтна эта переиѣна.

И такъ, старушка жизненная сила, которую мы съ такимъ триумфомъ хоронили, надъ которой всячески глумились, только притворилась мертвою и теперь рѣшается предъявлять какія-то права на жизнь, собираясь воспрянуть въ обновленномъ видѣ. Вмѣсто того, чтобы негодовать или ликовать по этому поводу, гораздо полезнѣе отнестись къ дѣлу возможно хладнокровнѣе, разсмотрѣть ее претензіи и постараться выяснитъ причины такого возрожденія витализма.

Я уже сказалъ, что возрождается онъ въ иномъ, обновленномъ видѣ. Въ чемъ же выражается это обновленіе? Въ томъ, что неовитализмъ, какъ его уже называютъ, безусловно признаетъ господство физики и химіи въ живыхъ тѣлахъ, подчиненіе послѣднихъ силамъ мертвой природы. Только подъ этимъ условіемъ, конечно, мыслимо какое бы то ни было возрожденіе,—прежній витализмъ, рѣшавшійся творить изъ ничего, разумѣется, погибъ безповоротно. Благодаря этой капитальной уступкѣ, неовитализмъ совершенно освобождается отъ постоянно повторявшагося упрека въ томъ, что признаніе какой-то особенной жизненной силы служить лишь тормазомъ для успѣховъ фізіологіи. Въ подтвержденіе я позволю себѣ сослаться на слова одного изъ наиболѣе видныхъ представителей современной растительной фізіологіи—Сакса. Въ своей извѣстной исторіи ботаники, появившейся въ 1875 году, Саксъ дѣлаетъ сначала обычный упрекъ прежнему виталистическому ученію: «Какъ только встрѣчались затрудненія для физико-химическаго объясненія какого-либо процесса, такъ тотчасъ же предоставлялось жизненной силѣ непонятнымъ образомъ производить соответствующее явленіе». Но вслѣдъ затѣмъ авторъ прибавляетъ: «При этомъ рѣчь шла отнюдь не о неоднократно обсуждавшемся впоследствии болѣе глубокими мыслителями вопросѣ, не дѣйствуетъ ли въ орга-

*) У насъ въ Россіи сигналъ былъ поданъ интересною вступительною рѣчью профессора Коржинскаго въ Томскомъ университетѣ подъ заглавіемъ: «Что такое жизнь?» (Томскъ, 1888).

низмахъ, сверхъ общихъ силъ, которымъ подчинена неорганическая природа, еще какое-либо особое начало. Ибо тщательное изслѣдованіе именно этого вопроса должно было бы привести къ серьезнѣйшимъ попыткамъ полнаго физико-химическаго объясненія жизненныхъ явленій; а вмѣсто того, одного удобства ради, жизненную силу, считавшуюся чѣмъ-то доказаннымъ, заставляли продѣлывать разнороднѣйшія вещи, не давая себѣ труда объяснять, какими способами она ихъ производитъ; допущеніе жизненной силы рассматривалось не какъ подшпоривающая изслѣдованіе гипотеза, а какъ привидѣніе, устраняющее всякую работу мысли.

И такъ, гипотеза особой жизненной силы не создаетъ ни малѣйшей опасности для поступательнаго движенія науки и даже, наоборотъ, можетъ играть роль возбуждающаго стимула. Интересъ несравненно жгучѣе, когда идетъ борьба двухъ противоположныхъ принциповъ, чѣмъ когда все сводится къ дальнѣйшему развитію одного окончательно восторжествовавшаго, всѣми безусловно признаваемаго принципа. Не могу не замѣтить при этомъ въ скобкахъ, что едва ли общепринятый, повторяемый и Саксомъ упрекъ старому витализму, будто онъ служилъ тормазомъ для научнаго изслѣдованія, безусловно вѣренъ; мнѣ кажется, что въ несомнѣнномъ застоѣ растительной физиологіи въ первой половинѣ нашего столѣтія витализмъ былъ виновенъ лишь въ такой же мѣрѣ, какъ Аристотель въ безплодіи средневѣковой науки, занимавшейся его комментированіемъ. Замѣчательные опыты Гельса, Ингенгуза и Соссюра, относящіеся къ XVII и XVIII столѣтіямъ, достаточно ясно указывали на полнѣйшую возможность физико-химическаго изслѣдованія жизненныхъ явленій, если же эти примѣры затѣмъ оставались долго безъ подражанія, то обвинять въ этомъ витализмъ едва ли справедливо,—умы были направлены въ другую сторону. Часто говорятъ далѣе, въ видѣ упрека, что жизненная сила всегда являлась лишь убѣжищемъ нашего незнанія. Это, разумѣется, справедливо, но не менѣе справедливо и то, что подобное убѣжище имѣется и у современнаго естествознанія. Въ самомъ дѣлѣ, что такое въ настоящее время протоплазма, какъ не—складочное мѣсто нашего незнанія! Прежде, чуть что непонятное, говорили,—это объясняется жизненною силою, теперь же въ подобныхъ случаяхъ принято говорить: это объясняется свойствами протоплазмы. Нужды нѣтъ, что эта протоплазма, какъ мы видѣли, нкъ; тѣмъ лучше даже, тѣмъ легче мысленно надѣлать ее такими или иными свойствами, смотря по требованіямъ механической теоріи. Могутъ сказать—разница огромная: тамъ какая-то, быть можетъ, даже не существующая жизненная сила, понятіе совер-

шенно отвлеченное, здѣсь же нѣчто, хотя и мало извѣстное, но вполне реальное—протоплазма. Протоплазма-то, конечно, реальна, да дѣло не въ ней, а въ ея свойствахъ, которыя столь же проблематичны, какъ и жизненная сила. Гипербола и тамъ, и здѣсь. Вотъ почему въ замѣнѣ прежней жизненной силы гипотетическими свойствами протоплазмы едва ли можно видѣть существенный успѣхъ науки. Недаромъ ореолъ жизненной силы сталъ быстро блекнуть именно съ развитіемъ ученія о протоплазмѣ, какъ жизненномъ субстратѣ; это ученіе дало возможность замѣнить прежній способъ выраженія другимъ quasi болѣе научнымъ.

Механическое воззрѣніе на организмы, отрицающее существованіе въ нихъ какой-либо особой жизненной силы, выставляется обыкновенно какъ продуктъ современнаго естествознанія. Въ дѣйствительности, однако, это столь же несправедливо, какъ и другое, еще чаще высказываемое положеніе, будто естествознаніе дало намъ атомистическую теорію. На самомъ дѣлѣ мы въ обоихъ случаяхъ имѣемъ предъ собою дары философіи, той самой философіи, къ которой съ такимъ нескрываемымъ и незаслуженнымъ пренебреженіемъ относится, къ величайшему сожалѣнію, большинство современныхъ естествоиспытателей. Достаточно заглянуть въ исторію философіи, чтобы видѣть, какъ слабо механическое воззрѣніе на живыя тѣла связано съ фактическими о нихъ свѣдѣніями. Не говоря даже о грубомъ произведеніи XVIII вѣка—*homme-machine* Ламеттри, мы уже въ XVII столѣтіи встрѣчаемъ этотъ взглядъ высказаннымъ совершенно опредѣленно Декартомъ; и это въ то время, когда не только не было и помину ни о какой протоплазмѣ, но даже ничего не знали о клѣтчатомъ строеніи организмовъ, когда еще не существовали въ сознаніи человѣка, или, по крайней мѣрѣ, не были прочно установлены основные законы вѣчности вещества и сохраненія энергіи.

Но, можетъ быть, то, что высказывалось нѣкогда философами въ видѣ простой догадки, современному естествознанію удалось превратить въ прочно установленный, незыблемый фактъ? Изложенная выше исторія протоплазмы можетъ отчасти служить отвѣтомъ на этотъ вопросъ и отвѣтомъ, конечно, не въ положительномъ смыслѣ; основа жизни для насъ по прежнему—*terra incognita*.

Ни одинъ естествоиспытатель не сомнѣвается, конечно, въ томъ, что человѣкъ, хотя бы это былъ самъ гениальный Ньютонъ, сброшенный съ колокольни, полетитъ внизъ совершенно на подобіе бездушныя гири Атвудовой машины. Никто не сомнѣвается въ томъ, что благородная кровь Ньютона текла въ его жилахъ совершенно согласно съ законами гидродинамики, какъ въ каучуко-

*

выхъ трубкахъ. Всѣ мы убѣждены, что фосфоръ въ мозгу геніальнаго человѣка, тотъ самый фосфоръ, безъ котораго (по знаменитому изреченію Молепшотта, приводившему въ трепетъ восторга столько незрѣлыхъ россійскихъ мозговъ *) нѣтъ мысли, рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ фосфора любой спичечной головки. Если мы, на основаніи подобныхъ данныхъ, выводимъ заключеніе: слѣдовательно, даже геніальный Ньютонъ подчиненъ дѣйствию физическихъ и химическихъ, или вообще механическихъ силъ мертвой природы, мы, разумѣется, абсолютно правы, сбить насъ съ этой позиціи невозможно, а она открываетъ намъ обширнѣйшее, необозримое поле для опытнаго изслѣдованія; но если мы, совершая логическій скачокъ, дѣлаемъ выводъ: значить все, происходящее въ Ньютонѣ, вплоть до блестящихъ проявленій его генія, не болѣе, какъ сложная игра физики и химіи, а самъ Ньютонъ не болѣе, какъ сложнѣйшій автоматъ, то не рискуемъ ли мы очутиться на узкой точкѣ зрѣнія того лакея, для котораго, согласно французской поговоркѣ, не существуетъ великаго человѣка, не существуетъ потому, что онъ видитъ ежедневно лишь простѣйшія будничныя отправления его жизни.

Представители чисто механическаго воззрѣнія на жизнь обыкновенно отвѣчаютъ на подобный упрекъ такимъ образомъ. Конечно, мы не доказали и не можемъ доказать неопровержимо, что рѣшительно все въ организмахъ, вплоть до сложнѣйшихъ явленій психической жизни, объясняется, исходя изъ законовъ физики и химіи, но мы ни минуты не сомнѣваемся въ томъ, что это удастся въ будущемъ. Поручкою служить намъ вся исторія нашей біологической науки, которая до сихъ поръ представляла лишь сплошной рядъ пораженій витализма; чѣмъ болѣе развивалась фізіологія, тѣмъ болѣе удавалось сводить къ физикѣ и химіи такія явленія, которыя приписывались прежде вмѣшательству таинственной жизненной силы. Миѣ кажется, однако, вполне возможнымъ, вмѣстѣ съ Бунге **, защищать то положеніе, что исторія фізіологіи учитъ насъ прямо противоположному. «Чѣмъ обстоятельнѣе, разностороннѣе, основательнѣе мы изучаемъ жизненныя явленія,—говоритъ Бунге,—тѣмъ болѣе мы убѣждаемся, что процессы, которые мы уже полагали возможнымъ объяснять физически и химически, въ дѣйствительности несравненно сложнѣе и пока еще рѣшительно не поддаются механическому объясненію». Не останавливаясь на

*) Сознаюся откровенно, что и мой не составлялъ въ этомъ отношеніи исключенія.

***) *Bunge, G. Vitalismus und Mechanismus. Leipzig.* Авторъ былъ одно время профессоромъ фізіологической химіи въ Дерптѣ, а потомъ въ Базелѣ.

примѣрахъ, приводимыхъ авторомъ изъ области животной физиологии, я ограничусь таковыми изъ болѣе знакомой мнѣ—растительной. Когда открыты были явленія діосмоза, казалось, что вопросъ о поглощеніи веществъ организмомъ становится достояніемъ физики. Но съ дальнѣйшимъ движеніемъ науки все болѣе выяснялось, насколько мало пищи доставляютъ физиологии опытныхъ данныхъ въ этой области, добытыхъ физиками. Едва успѣло вещество пройти сквозь оболочку клѣточки, какъ его встрѣчаетъ живая протоплазма и говоритъ: стой, вещество, ты двигалось согласно простымъ физическимъ законамъ, теперь подчинись моей власти, теперь я, жизнь, буду рѣшать, пустить ли тебя въ свои вѣдра. Выдвигается такимъ образомъ на сцену неизвѣстная намъ организація живой протоплазмы и вопросъ запутывается до того, что мы меньше прежняго понимаемъ, какъ въ самомъ дѣлѣ проникаютъ различныя вещества въ живое тѣло растенія. Другой примѣръ—поднятіе сока по стеблю. Ужъ это ли не чисто физическій процессъ? И что же! Несмотря на то, что онъ изучается уже съ XVII-го столѣтія, что занимались имъ не только физиологи, но и присяжные физики, мы въ концѣ-концовъ увидали себя вынужденными и здѣсь прибѣгнуть къ помощи живыхъ клѣточекъ, т.-е. обратиться за содѣйствіемъ все къ той же протоплазмѣ. Если уже въ этихъ и сходныхъ съ ними вопросахъ такъ-называемой физической физиологии, гдѣ по всѣмъ даннымъ скорѣе всего можно было ожидать полнаго господства физики, послѣднее слово тѣмъ не менѣе остается за таинственною протоплазмой, то что же сказать о той болѣе типичной области жизненныхъ явленій, которая принято теперь называть явленіями раздражимости? Здѣсь эта протоплазма съ ея непонятными намъ свойствами царствуетъ безраздѣльно, физика же въ настоящее время играетъ самую жалкую роль. Правда, мы изслѣдуемъ эту область обычными физическими приѣмами, но отвѣты, даваемые намъ организмомъ, до того странны, что кажутся какимъ-то издѣвательствомъ, насмѣшкою надъ физикою. «Я поступаю такъ, какъ нужно, какъ лучше для организма при данныхъ условіяхъ, я соображусь съ обстоятельствами, преслѣдую дѣль, не стѣсняясь въ выборѣ средствъ», вотъ что какъ бы говоритъ намъ организмъ въ отвѣтъ на физическія пытки, которымъ мы его подвергаемъ. Механики, правда, не унываютъ и здѣсь. Создавъ понятіе о раздражимости, они какъ бы разрѣшили протоплазмѣ дѣлать все, что ей угодно, не прегрѣшая противъ физики. Тамъ, гдѣ нельзя представить строгихъ доказательствъ, тамъ нерѣдко вывозитъ сравненіе. И вотъ, организмы сравниваются съ нашими паровозами и другими механизмами. Какъ

въ паровозѣ достаточно ничтожнаго усилія руки, чтобы привести въ движеніе цѣлый поѣздъ, такъ и въ живыхъ тѣлахъ ничтожная причина можетъ вызывать огромныя послѣдствія, какъ бы противорѣча закону сохраненія энергіи. Какъ одно и то же легкое давленіе руки то останавливаетъ паровозъ, то сообщаетъ ему задній ходъ, такъ и въ организамахъ одна и та же внѣшняя сила можетъ въ данномъ органѣ вызывать, смотря по обстоятельствамъ, прямо противоположное дѣйствіе или же не производить никакого впечатлѣнія. На этихъ и подобныхъ сравненіяхъ построено все ученіе о такъ-называемой раздражимости. Очевидно, что при такой постановкѣ вопроса онъ уже заранѣе предрѣшенъ въ желательномъ смыслѣ: что бы ни произошло въ организмѣ, какъ бы неожиданно, своеобразно ни отвѣтилъ онъ на нашъ экспериментальный запросъ, мы все будемъ повторять свое: ну да, такъ и есть машина! Клапанъ закрытъ, клапанъ открылся, рукоятка повернута въ противоположную сторону! Я невольно спрашиваю себя иногда, какими способами жизненная сила, допустивъ на минуту реальное ея существованіе, могла бы обнаружить свое присутствіе въ живомъ тѣлѣ, открыться намъ, еслибъ даже страстно этого пожелала. Положительно, ей отрѣзаны всякіе для этого пути; кажется, начини она даже кричать намъ изъ душныхъ клѣточекъ—я здѣсь! мы только вспомнимъ фонографъ и увидимъ въ этомъ лишь новый любопытный случай раздражимости протоплазмы. Сравненіе съ искусственными механизмами, избавляя механика отъ необходимости доказывать, имѣеть, однако, и свою невыгодную сторону. Убѣжденный виталистъ можетъ не только упорно повторять: *comparaison n'est pas raison* (сравненіе не доказательство), но онъ можетъ ухватиться за предложенное сравненіе и сказать: я съ удовольствіемъ принимаю его. Всякій механизмъ, помимо вещества и сложнаго строенія, помимо физической силы, приводящей его въ дѣйствіе, является воплощеніемъ мысли создавшаго его человѣка, требуетъ руководства, исправленія. То, что строить механизмъ организма, что управляетъ его дѣйствіемъ, открывая или закрывая, смотря по надобности, тѣ или другіе изъ его клапановъ, то, что непрерывно исправляетъ неизбѣжныя поврежденія его, это и есть жизненная сила. Какъ механикъ, строя свою машину, не въ состояніи создать ни одинаго атома, ни малѣйшей крупинцы силы, не можетъ нарушить ни одинаго изъ законовъ природы и тѣмъ не менѣе достигаетъ сознательно намѣченной имъ цѣли, также точно и организмы оказываются безусловно подчиненными законамъ вѣчности вещества и сохраненія энергіи, что не исключаетъ, однако, существованія въ нихъ особаго зиждатель-

наго начала, сознательно или бессознательно, но разумно пользуящагося веществомъ и силами мертвой природы, направляя ихъ дѣйствіе къ извѣстной цѣли—построенію и сохраненію организма.

Разсмотрѣніе отвѣта механиковъ завело бы насъ слишкомъ далеко, повлекло бы за собою критику дарвинизма, такъ какъ именно принципы послѣдняго и выдвигаются какъ нѣчто, исключющее всякую необходимость въ особомъ [жиздительномъ] началѣ въ живыхъ тѣлахъ. Покинемъ лучше эту крайне интересную, но еще мало разработанную область явленій раздражимости, и посмотримъ, не доставилъ ли самый ходъ естествознанія въ текущемъ столѣтіи какого-либо оружія виталистамъ. Да, такое оружіе, такой козырь въ рукахъ ихъ несомнѣнно имѣется. Я разумю вопросъ о происхожденіи жизни. Если бы наукѣ удалось неопровержимымъ образомъ доказать возможность зарожденія хотя бы наипростѣйшаго живаго существа изъ бездушныхъ веществъ мертвой природы, еслибы ей удалось уничтожить грань, отдѣляющую въ природѣ живое отъ мертваго, подобно тому, какъ она блестяще стерла границы, раздѣлявшія нѣкогда растительное и животное царства, то пошатнулся бы одинъ изъ важнѣйшихъ оплотовъ витализма. А между тѣмъ представители механическаго возрѣнія вынуждены сами сознаться, что «вся исторія попытокъ открыть самозарожденіе организмовъ была только рядомъ болѣе и болѣе рѣшительныхъ поражений» *). Древніе, какъ извѣстно, въ этомъ отношеніи не стѣснялись, допуская самозарожденіе даже такихъ сложно построенныхъ живыхъ существъ, какъ угри, змѣи или мыши. Мало-по-малу, однако, сфера дѣйствія самозарожденія все суживалась, а организмы, способные, будто бы, слагаться изъ веществъ мертвой природы, все болѣе и болѣе упрощались, становились все мельче и мельче. Въ XVII столѣтіи, послѣ опытовъ итальянскаго ученаго Реди, перестали зарождаться сами собою мухи изъ гнѣющаго мяса, въ XVIII столѣтіи та же участь постигла микроскопическихъ инфузорій въ настояхъ; и онѣ, благодаря другому итальянцу—Спаланцани, получили родителей; наконецъ, уже въ нашемъ вѣкѣ, послѣ блестящихъ опытовъ Пастѣра, угасла всякая надежда на возможность самозарожденія даже мельчайшихъ живыхъ существъ—бактерій. Такимъ образомъ наука все рѣшительнѣе и громче возглашала: живое порождается только живымъ. Я не стану останавливаться подробнѣе на поучительной исторіи ученія о самозарожденіи организмовъ; она достаточно извѣстна и неоднократно излага-

---

*) *Тимирязевъ*. Историческій методъ въ биологіи. «Русская Мысль», 1892, кн. 10, стр. 148.

лась и въ русской литературѣ *), но не могу не отмѣтить любопытнаго недоразумѣнія, которымъ сопровождался заключительный актъ этой научной драмы. Когда велся знаменитый споръ Пастѣра съ гетерогенистами, т.-е. сторонниками самозарожденія, симпатіи всего нашего либеральнаго лагеря, съ покойнымъ Писаревымъ во главѣ, были рѣшительно на сторонѣ Пастѣра, а Пуше, Жоли и вообще компанію гетерогенистѣвъ громилы ретроградами, обскурантами и т. п. Вотъ уже истинно «своя своихъ не познаша!» Спихнулись тогда, когда уже было поздно, когда яма подъ ногами механиковъ была вырыта и неутомимый скальпель точной науки создалъ зіяющую пропасть между живою и мертвою природою. «Живое изъ мертваго не выводится», — этими роковыми словами встрѣтило опытное знаніе геніальную механическую гипотезу Дарвина при самомъ рожденіи ея на свѣтъ. Грандіозное зданіе дарвинизма пришлось строить на фантастическомъ фундаментѣ. Въ фантазіяхъ недостатка не было. Одни высказывали и продолжаютъ высказывать убѣжденіе, что самозарожденіе происходитъ и теперь, но намъ не удалось пока уловить условія, при которыхъ оно осуществляется, или мы еще не знаемъ организмовъ, обладающихъ этою способностью. Что же изъ того, что бактеріи не могутъ возникать самопроизвольно? Бактеріи только мельчайшія изъ извѣстныхъ намъ микроскопическихъ существъ, но кто же поручится, что нѣтъ въ природѣ существъ, сравнительно съ которыми ничтожная бактерія является слономъ, существъ, неуловимыхъ никакими микроскопами? Быть можетъ, эти-то незримыя существа и возникаютъ непрерывно сами собою? Вопросъ переносится такимъ образомъ въ невидимый міръ. Другіе находятъ, что мелкость, наоборотъ, указываетъ уже на извѣстную высоту организаціи, несовмѣстимую съ понятіемъ о самозарожденіи; ужъ если возникнетъ что-либо живое изъ мертваго, то скорѣе нѣчто массивное, но безформенное, вроде, напр., Геккелевскаго батибія. Большинство ученыхъ, однако, признаетъ, что въ настоящую эпоху самозарожденія болѣе нѣтъ, но допускаютъ его въ отдаленномъ прошломъ, — тогда условія на землѣ были совершенно иныя и невозможное теперь могло нѣкогда происходить съ легкостью. Есть и такіе, которые считаютъ возможнымъ не зарожденіе жизни на нашей землѣ, но случайное занесеніе ея съ другой планеты виѣстѣ съ метеорными камнями **), а

*) См., напр., недавнюю рѣчь профессора *Вл. Биллева* «О первичномъ зарожденіи». Варшава. 1893.

**) На мой взглядъ гипотеза возникновенія жизни тѣмъ или другимъ путемъ лишь въ отдаленнѣйшую эпоху создаетъ теорію эволюціи непреодолимыя затрудненія, вслѣдствіе одновременнаго существованія на землѣ орга-

такъ какъ этимъ путемъ вопросъ по существу не рѣшается, а только переносится съ одной точки вселенной на другую, то допускають, наравнѣ съ вѣчностью вещества, и вѣчность жизни, кочующей по мірозданію, нигдѣ не зажигающейся вновь, но распускающейся изъ случайно занесенныхъ зачатковъ всюду, гдѣ встрѣчаются благоприятныя для жизни условія. Наконецъ, есть даже смѣлые мечтатели, своего рода огнепоклонники, полагающіе, что живая природа предшествовала мертвой и что прототипомъ живаго существа можетъ считаться огонь, тотъ самый огонь, который, какъ всякій знаетъ, вѣрнѣйшимъ образомъ разрушаетъ все живое. Цѣлый рядъ фантазій, взаимно другъ друга исключаютыхъ.

Наиболѣе рѣзкимъ выраженіемъ глубокой розни между живыми и мертвыми тѣлами природы, создаваемой положеніемъ «живое получается лишь изъ живаго», можетъ служить новѣйшая теорія элементарнаго строенія организмовъ, предложенная вѣнскимъ физиологомъ Визнеромъ. Я далекъ отъ того, чтобы придавать ей какое-либо абсолютное значеніе, готовъ даже согласиться съ ея критиками, находящими, что она ничего, въ сущности, не объясняетъ, но я считаю теорію Визнера весьма замѣчательною по послѣдовательности и... безнадежности, если можно такъ выразиться. Авторъ, конечно, пришелъ бы въ ужасъ, еслибъ кто-либо причислилъ его къ виталистамъ. Боже сохрани! Въ своей «Біологія растений» онъ достаточно ясно подчеркнул, что ни въ какую жизненную силу не вѣрять. И тѣмъ не менѣе ни одинъ виталистъ не могъ бы ярче освѣтить бездну, отдѣляющую живое отъ мертваго. Между тѣмъ какъ мертвыя тѣла сложены изъ атомовъ, связанныхъ въ химическія частицы, протоплазма живыхъ тѣлъ слагается изъ элементарныхъ частицъ, называемыхъ Визнеромъ плазмами, и каждая изъ нихъ уже надѣлена всѣми основными свойствами организмовъ: преемственностью, способностью ассимилировать, расти и размножаться. Другими словами: это значитъ, что не только живое тѣло не можетъ быть получено иначе, какъ изъ живаго же, но и всѣ основныя жизненныя свойства не выводятся изъ элементарныхъ свойствъ мертвыхъ тѣлъ. И дѣйствительно, даже механикъ долженъ сознаться, что ни одно изъ основныхъ понятій, съ которыми мы работаемъ, изучая организмы, ни ассимиляція, ни ростъ, ни размноженіе, не говоря уже о наследственности, не только незнакомы физики и химику, но и не могутъ быть сведены въ настоящее время къ механическимъ явленіямъ, наблюдаемымъ въ мертвой природѣ.

низмовъ, съ одной стороны крайне простыхъ, вродѣ бактерій, съ другой — необычайно сложныхъ, вродѣ позвоночныхъ животныхъ.

Безъ сомнѣнія, ни одно изъ явленій органической жизни не представляетъ механику такихъ необычайныхъ трудностей, какъ индивидуальное развитіе организма и связанная съ нимъ наследственность. Изъ яйца съ его, повидимому, совершенно однородною протоплазмой, при совершенно постоянныхъ ви́шнихъ условіяхъ, въ силу какихъ-то неуловимыхъ внутреннихъ причинъ, шагъ за шагомъ возводится сложнѣйшее зданіе организма. Если я могу понять готовый глазъ въ качествѣ сложнаго физическаго прибора, если я могу прослѣдить постепенное усложненіе его въ цѣпи животныхъ организмовъ, начиная съ простаго пигментнаго пятнышка, то я рѣшительно безсиленъ даже представить себѣ механизмъ развитія этого изумительнаго инструмента. Тутъ никакое воззваніе къ исторіи, никакія тысячелѣтія или миллиарды лѣтъ не приносятъ дѣлу механики существенной пользы. Тутъ остается только вѣрить, вѣрить и вѣрить, что и это тоже механика, механика до того «хитрая», что прямо граничитъ съ чудомъ. А между тѣмъ грандіозная попытка механическаго объясненія цѣлесообразности въ органическомъ мірѣ, извѣстная подъ именемъ дарвинизма, зиждется на явленіи наследственности, явленіи хотя и несомнѣнномъ, реальномъ, но не поддающемся, до сихъ поръ по крайней мѣрѣ, механическому объясненію. Въ сущности, положеніе вещей въ органической природѣ таково. Передъ нами двѣ исторіи. Одна изъ нихъ, вопреки общему положенію, будто «исторія никогда не повторяется», разыгрывается предъ нами ежедневно, ежечасно, а потому, казалось бы, вполне доступна экспериментальному, а не только описательному изслѣдованію, которое даетъ намъ современная эмбриологія; это—индивидуальное развитіе организма изъ яйца или вообще отдѣльной клѣтки. Другая исторія, растянувшаяся на необозримую вереницу вѣковъ, оставившая намъ лишь косвенныя улики своего теченія, а потому доступная лишь гипотетическому объясненію; это—исторія развитія жизни на землѣ. Казалось бы, что для объясненія гипотетическаго, неподдающагося экспериментальному изученію, слѣдовало бы обратиться къ реальному, доступному; мы же поступаемъ какъ разъ наоборотъ и несомнѣнную, ежедневно протекающую у насъ на глазахъ исторію, подъ предлогомъ, что она плодъ прошедшаго, пытаемся объяснять, исходя изъ туманной и невоскресимой исторіи земли. Для сравнительной морфологіи, для опредѣленія взаимнаго родства формъ такой пріемъ еще можетъ быть полезенъ, но для механики онъ не даетъ ничего и равносиленъ отказу отъ механическаго объясненія, сознанию въ полномъ безсиліи. Кто же усомнится въ томъ, что дѣйствительная механическая причина послѣдовательныхъ измѣненій, со-

проводящихъ развитіе цыпленка изъ яйца, должна заключаться въ реальномъ яйцѣ, а не въ мифической до-Адамовой исторіи курицы.

Разумѣется, я далеку отъ мысли считать, на основаніи всего вышеизложеннаго, хоть сколько-нибудь доказаннымъ существованіе въ живыхъ тѣлахъ особаго жизненнаго начала, не выводимаго изъ извѣстныхъ намъ въ мертвой природѣ формъ энергіи, такъ сказать, несоизмѣримаго съ ея механическими силами, но я желалъ бы вынудить, въ свою очередь, и у механика сознаніе, что онъ не въ состояніи опровергнуть существованіе жизненной силы, что его возрѣніе на организмъ какъ на очень сложный механизмъ, его утвержденіе, будто жизнь не болѣе, какъ игра физико-химическихъ силъ въ протоплазмѣ, не оправдывается современнымъ состояніемъ фактическихъ нашихъ свѣдѣній о живыхъ тѣлахъ, не есть, другими словами, строгій выводъ точнаго знанія, а лишь догматъ вѣры большинства современныхъ естествоиспытателей. Матеріальная основа жизни—протоплазма—до сихъ поръ нѣчто совершенно загадочное, живое изъ мертваго получено быть не можетъ, ни одно изъ основныхъ свойствъ живыхъ тѣлъ, какъ ассимиляція, ростъ, раздражимость, размноженіе, механически пока не объяснены, а предъ исторією развитія организма пассуетъ не только механика, но и самое воображеніе. Неужели все это матеріалъ, способный вселить увѣренность въ окончательномъ торжествѣ механическаго принципа? И неужели механизмъ, самъ собою управляющій, самъ себя исправляющій, а, главное, самъ себя строящій, есть нѣчто само собою разумѣющееся?

Въ дѣйствительности прочно установленнымъ въ настоящее время является только законъ подчиненія живыхъ тѣлъ физическимъ и химическимъ силамъ мертвой природы и, въ сущности, для дальнѣйшаго прогресса науки ничего другаго и не требуется. Если же мы, не довольствуясь этимъ, начинаемъ утверждать, будто въ организмахъ дѣйствуютъ только эти силы, или, наоборотъ, признаемъ въ нихъ существованіе особой жизненной силы, мы въ обоихъ случаяхъ изъ области знанія переходимъ въ область вѣры. Доводы за и противъ каждаго изъ этихъ двухъ возрѣній могутъ казаться однимъ болѣе, другимъ менѣе убѣдительными, смотря по личному настроенію и въ зависимости отъ настроенія эпохи. Возможно, что въ будущемъ механическій принципъ восторжествуетъ окончательно, что живое будетъ выведено изъ мертваго и даже исторія развитія организма станетъ намъ механически вполне понятною. Роли пророка я на себя брать не хочу. Во всякомъ случаѣ это торжество механики, если ему вообще суждено осуществ-

виться, въ чемъ я глубоко сомнѣваюсь, наступить еще не скоро, а до тѣхъ поръ механики и виталисты будутъ еще долго гулять по великому саду природы, повторяя одни: «я нигдѣ не вижу жизненной силы», другіе—«я вижу ее вездѣ». Будутъ, вѣроятно, смѣняться и эпохи, то болѣе, то менѣе благоприятныя каждой изъ этихъ доктринъ. Въ современномъ возрожденіи витализма я склоненъ видѣть здоровый протестъ противъ крайностей матеріализма шестидесятихъ годовъ, матеріализма, который, въ свою очередь, можно разсматривать какъ реакцію противъ необузданнаго своеволія натуръ-философіи.

Будемъ же вѣрить, сообразно съ личными склонностями, одни—въ химико-физическія свойства протоплазмы, которыми объясняются всѣ жизненныя явленія вплоть до генія Ньютона, другіе—въ существованіе въ живыхъ тѣлахъ особаго начала, не выводимаго изъ силъ мертвой природы, но не будемъ, какъ тѣ, такъ и другіе, смѣшивать областей точнаго знанія и вѣры, не будемъ упрекать другъ друга въ невольномъ, а тѣмъ болѣе въ сознательномъ ослѣпленіи, а, главное, не станемъ смущать юные умы, въ большинствѣ случаевъ приходящіе лишь въ кратковременное соприкосновеніе съ естествознаніемъ въ нашихъ аудиторіяхъ, выдавая за незыблемо установленный, будто-бы, наукою фактъ то, что въ дѣйствительности составляетъ лишь догматъ вѣры современныхъ естествоиспытателей; вмѣсто того, чтобы утверждать съ увѣренностью, что организмъ есть механизмъ, а жизнь—физико-химическое явленіе, разыгрывающееся въ протоплазмѣ, скажемъ скромно, что живыя тѣла подчинены дѣйствію механическихъ силъ мертвой природы, но жизнь, по прежнему, остается для насъ величайшею изъ тайнъ. Удастся ли наукѣ когда-нибудь сломать всѣ печати, скрывающія эту тайну отъ пытливаго ума человѣка, покажетъ лишь отдаленное будущее, нашъ же догорающій XIX-й вѣкъ ослѣлся, вскрывая одну изъ этихъ печатей, ослѣлся на вопросѣ о происхожденіи жизни.

БЕЗЪ НАЗВАНІЯ.

Романъ *).

(Продолженіе).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

I.

Окоемовъ отправился сдѣлать предварительный обзоръ купленныхъ промысловъ вмѣстѣ съ Утлыхъ. Они отправились въ собственномъ сибирскомъ тарантасѣ, что Окоемому особенно нравилось, напоминая доброе, старое, дожелѣзнодорожное время. Тарантасъ представлялъ изъ себя походный домъ, и въ него, кромѣ пассажировъ, можно было помѣстить разнаго багажа пудовъ пятнадцать. На путешествіе Окоемовъ ассигновалъ двѣ недѣли времени.

— Успѣемъ все посмотреть, — говорилъ Утлыхъ.

— Какъ хорошо... — восхищался Окоемовъ. — Я такъ давно не ѣздилъ на лошадахъ. Какой просторъ... Совершенно особенное ощущеніе, точно вырвался откуда-то на волю.

Утлыхъ могъ только удивляться этимъ восторгамъ бойкаго московскаго барина. Какъ же иначе ѣздить? Когда тарантасъ съ тракта свернулъ на проселокъ, Окоемовъ пришелъ еще въ большой восторгъ. Какія славныя деревни попадались на пути, не чета расейскимъ — избы стояли, какъ зуба. Лѣса было еще достаточно, и уральскій мужикъ жилъ крѣпко, какъ, вѣроятно, жили мужики при Аскольдѣ и Дирѣ. И земли много, и воды, и всякаго угодыя. Вообще, никакого сравненія съ жалкими расейскими деревушками.

---

*) См. «Міръ Вошія», № 4-й.

— Въ Сибири еще лучше пойдетъ,—увѣрялъ Утлыхъ.— Всѣмъ еще мѣста хватить да и отъ насъ останется...

— Да, Сибирь еще вся въ будущемъ,—задумчиво отвѣчалъ Окоемовъ.

Они сначала отправились на югъ отъ Екатеринбургa, по челябинскому тракту. Дорогой Окоемовъ припомнилъ, что здѣсь гдѣ-то живетъ сибирскій попъ Арвадія. Посмотрѣвъ свою записную книжку, онъ спросилъ своего спутника:

— Озеро Челванъ вы знаете, Илья Федорычъ?

— Даже весьма превосходно знаю... Это въ сторону отъ тракта верстъ двадцать.

— Можеть быть, вы и о. Арвадія знаете?

— Еще бы... Мы съ нимъ большіе друзья. Онъ изъ Казани недавно проѣзжалъ, такъ завертывалъ ко мнѣ. Ловкій попикъ, работающій... У меня-то желѣзныи рудникъ недалеко отъ озера Челванъ былъ, такъ я всегда у попа Арвадія останавливался. Можеть быть, вы къ нему хотите? Намъ рукой подать... Приискъ-то нашъ будетъ отъ Челвана верстахъ въ пятнадцати...

— Вотъ и отлично. Мнѣ интересно было бы побывать у него...

— Хорошо, что во время сказали. Повернемъ со слѣдующей станціи на Челванъ. Привольныя тамъ мѣста...

Главный массивъ Уральскаго хребта точно уходилъ все больше и больше вправо, а впереди все ровнѣе и ровнѣе разстилась начинавшаяся сибирская равнина. Собственно, это было уже начало благословенной Башкиріи. Окоемовъ удивлялся тучному чернозему, хорошимъ всходамъ, рослой травѣ,—земля еще не потеряла силы и удобрялась кое-какъ.

— Какое здѣсь удобрение,—возмущался Утлыхъ.—Такъ, кое-какъ разбрасаютъ навозъ. А больше и такъ земля остается... Я знаю двѣ деревни, которыя должны были переселяться отъ навоза: двѣсти лѣтъ валили навозъ около деревни, завалили рѣченку, наконецъ, самимъ тошно стало и переѣхали на другое мѣсто. Оно и легче, чѣмъ свозить накопленный навозъ. Лучшее удобрение даромъ пропадаетъ. Глупъ народъ, своей пользы не понимаетъ...

Озеро Челванъ разлеглось въ плоскихъ берегахъ, заросшихъ кругомъ камышами. Только въ одномъ мѣстѣ берегъ

приподнимался, и на этой возвышенности раскинулось громадное село Челванъ. Издали еще забѣлѣлась каменная большая церковь.

— Дворовъ съ триста будетъ,—объяснилъ Утлыхъ.—У попа Аркадія богатый приходъ. Только все дѣло ему портятъ расколѣнники да башкиры... Умирать бы попу не надо было, кабы все православные. Башкиры одолѣваютъ—коноградъ на коноградѣ. Всѣхъ лошадей подъ замкомъ держать. Какъ-то попь Аркадій лихого жеребца выкормилъ. Рублей двухсотъ стоилъ... Ну, башкиры все и подбирались къ нему, а попь-то крѣпко живеть. Что бы вы думали, украли-таки лошадь... Черезъ ворота не могли попасть, такъ черезъ крышу, собаки спустились, замокъ сломали, лошадь связали да черезъ крышу ее и вытащили. То удивительно, что никто даже не проснулся въ домѣ. А собаки дворовыя прямо себя дурами оказали... Очень не любить попь Аркадій, ежели ему про этого самаго жеребца помянуть. Хоть до кого доведись: обидно...

Тарантасъ съ трескомъ вѣхалъ въ село, такъ что подужные колокольчики замерли, точно у нихъ духъ захватило отъ лихой ѣзды. Поповскій домъ стоялъ въ центрѣ села, на крутомъ берегу, прямо противъ церкви. Попъ Аркадій былъ дома и самъ вышелъ на встрѣчу гостямъ. Онъ былъ въ татарскомъ азымѣ и мягкихъ татарскихъ сапогахъ безъ каблучковъ. Самъ и ворота отворилъ.

— Милости просимъ, дорогіе гости...—приглашалъ онъ.

Поповскій пятистѣнный домъ былъ недавно еще поставленъ, и его тесовая крыша еще желтѣла, какъ верхняя корка только-что испеченнаго пирога. Громадный дворъ обставленъ былъ кругомъ хозяйственными пристройками. Крѣпко и хозяйственно жилъ сибирскій попь, такъ что Овоемовъ невольно залюбовался хозяйственнымъ угодемъ.

Отецъ Аркадій очень былъ радъ гостямъ и даже разцѣловался съ Овоемовымъ по русскому обычаю.

— Ну, идите въ избу, гости будете,—говорилъ о. Аркадій, похлопывая Овоемова по плечу.—Ахъ, американецъ, американецъ... Спасибо, что не забыли деревенскаго попа. Можетъ быть, и попь въ нѣкоторое время пригодится...

— И даже весьма пригодитесь, о. Аркадій,—подтвердилъ Утлыхъ.—Мы тутъ недалеко дѣльце заводимъ...

— Охъ, слышалъ, отцы, и скорбѣлъ...

— Что обидно показалось?

— Землю будете портить, вотъ почему и обидно. Изроете все, исковеркаете, а сами уйдете. Мы-то вотъ останемся и будемъ любоваться на вашу порчу...

— Ничего, земли на всѣхъ хватитъ, о. Аркадій.

Внутри поповскій домъ состоялъ изъ четырехъ комнатъ. Обстановка была самая скромная, хотя вездѣ и царил идеальная чистота. Видно, что попадья была хорошей хозяйкой. Самая большая комната носила громкое названіе гостиной, потому что въ ней стоялъ диванъ и „десертный“ столъ. На полу отъ двери къ двери шли дорожки своей домашней работы, на окнахъ стояли старинные цвѣты—фуксіи, герани, гортеніи. Окоемовъ слышалъ, что гдѣ-то топчутся маленькія ноги и заключилъ о существованіи большой семьи.

— Вотъ намъ и квартира, Василій Тимофеичъ,—говорилъ Утлыхъ, снимая съ себя дорожную сумку.—Отцу-то Аркадію скучно въ деревнѣ, ну, а съ нами веселѣе будетъ. Можетъ, и домашняя наливка у попадья найдется...

— Все найдется, дорогіе гости...

— По деревенски живете, съ запасомъ,—объяснилъ Утлыхъ.—А хорошо, Василій Тимофеичъ, по деревенски-то: все свое, всего вдоволь и все дешево. Приѣдешь вотъ къ нимъ, такъ душой отдохнешь.

— Мы сейчасъ будемъ обѣдать,—говорилъ о. Аркадій.— По деревенски обѣдъ ранній у насъ, въ родѣ вашего городского завтрака. Я сейчасъ скажу женѣ...

Дѣйствительно, было всего еще только двѣнадцать часовъ. О. Аркадій отправился дѣлать распоряженія по хозяйству. Окоемовъ стѣснялся, что ихъ приѣздъ доставитъ хозяйкѣ лишніе хлопоты, но въ деревнѣ ресторановъ и кухмистерскихъ не полагалось.

— Знаете, что, Василій Тимофеичъ,—заговорилъ Утлыхъ,— у насъ здѣсь будетъ главная квартира. Не правда ли? О. Аркадій будетъ радъ... Онъ даже можетъ войти въ вашу компанію.

Деревенскій обѣдъ отличался большой скромностью и состоялъ только изъ ухи и пшенной каши. Зато удивительно былъ вкусенъ пшеничный хлѣбъ, сдѣланный изъ своей муки. Отъ домашней наливки Окоемовъ отказался наотрѣзъ.

— Я тоже ничего не пью,—замѣтил вскользь о. Аркадій.—Изъ принципа не пью, чтобы не имѣть лишнихъ привычекъ...

— Нѣтъ, съ устатку оно хорошо пропустить рюмочку,—сказалъ Утлыхъ.—И въ писаніи сказано: невинно вино, а укоривленно пѣанство. Впрочемъ, какъ кому нравится...

Послѣ обѣда о. Аркадій показывалъ свое хозяйство, которое очень заинтересовало Окоемова. Хозяйство было небольшое, но серьезно поставленное, причемъ хозяинъ, видимо, не желалъ отступать отъ средней крестьянской нормы. Здѣсь были свои традиции, выработанныя тысячелѣтнимъ опытомъ. Особенныхъ новшествъ не вводилось съ намѣреніемъ. Домашній скотъ былъ мѣстнаго типа, какъ башкирская лошадь и тонконогія высокія овцы.

— Я всего десять лѣтъ какъ занимаюсь хозяйствомъ,—объяснялъ о. Аркадій,—и придерживаюсь старинки... Напримеръ, наша лошадь-башкирка некрасива, но она отличается громадной выносливостью и не требовательна относительно ухода. Вотъ бѣда, что у насъ нѣтъ хорошихъ коровъ, а холмогорская порода сильно выродилась...

— По нашему уходу настоящая племенная корова и жить не будетъ,—замѣтилъ Утлыхъ.

Весь хозяйственный инвентарь отличался самымъ примитивнымъ характеромъ, такъ что Окоемовъ могъ только удивляться, рассматривая допотопные сабаны, бороны и другія сельскохозяйственныя орудія. Дѣло велось такъ, какъ оно шло, можетъ быть, триста лѣтъ назадъ. О. Аркадій даже смутился, поймавъ улыбающійся взглядъ Окоемова.

— Вамъ это, конечно, смѣшно, Василій Тимофеичъ,—заговорилъ онъ, точно оправдываясь въ чемъ:—но, вѣдь, намъ негдѣ и поучиться... За каждой мелочью нужно ѣхать, по меньшей мѣрѣ, до Казани, а испортится какая-нибудь машина—починить ее никто не сдумѣетъ. Такъ и ведемъ все дѣло, по старинкѣ...

Помѣщеніе для скота тоже было самаго допотопнаго характера и не отличалось удобствомъ.

— Въ Америкѣ не такъ?—уныло спрашивалъ о. Аркадій.

— Да, немного иначе...—съ улыбкой отвѣтилъ Окоемовъ.—Важно то, что ваше хозяйство и въ настоящей его

формѣ даетъ вамъ извѣстный дивидендъ, а этимъ оно уже имѣетъ право на существованіе.

— Да, конечно, даетъ доходъ и очень порядочный, хотя бы можно было получать вдвое при рациональныхъ способахъ культуры. Негдѣ поучиться, вотъ главная причина... Даже обидно въ другой разъ. Только и свѣту въ окнѣ, что какую-нибудь книжку считаешь, а, вѣдь, нельзя же все только по книжкѣ. Если бы у насъ были опытные фермы, сельскохозяйственные музеи, а то все самому приходится дѣлать опыты и примѣненія. Это дорогое удовольствіе, да и времени на него не хватаетъ. Такъ и живемъ, какъ дѣды жили.

— Васъ спасаетъ, о. Аркадій, только многоземелье и этотъ чудный степной черноземъ. Я всю дорогу любовался имъ...

— А знаете, какая здѣсь арендная плата на землю?— вступился Утлыхъ.— У башкиръ рубль десятина, а въ казачьихъ земляхъ цѣна доходитъ до двадцати копѣекъ. Честное слово...

— Но, вѣдь, это возмутительно!— негодовалъ Окоёмовъ.— Конечно, при такихъ условіяхъ не до интензивной культуры и разныхъ заморскихъ хитростей. Земля еще не имѣетъ цѣны...

Со двора они прошли въ огородъ, гдѣ тоже отъ всего такъ и вѣяло стариной чуть не московскихъ царей, исключая, можетъ быть, картофеля. Тоже капуста, горохъ, рѣпа, морковь, лукъ, рѣдька, бобы и свекла, которыми питались наши отдаленные непрехотливые предки. Огородъ спускался къ самому озеру, которое разстилось верстъ на десять.

— Отличное озеро,— любовался Окоёмовъ.— И, вѣроятно, очень рыбное?

— Рыбное-то рыбное, только въ Челканѣ вы рыбы не найдете,— объяснялъ Утлыхъ:— у хлѣба безъ хлѣба сидятъ... Рыбу изъ города сюда везутъ.

— Какъ такъ?

— Да очень просто: общество сдаетъ озеро въ аренду одному рыбнику, а тотъ не позволяетъ даже удить. Одинъ грѣхъ у нихъ съ этимъ озеромъ...

— Для чего же они сдаютъ его?

— А ужъ такъ ведется изстари... Получать деньги и платять изъ нихъ недоимки, а рыбу увозять въ городъ. У башкиръ то же самое... Лучшія озера принадлежать башкирамъ... И какой доходъ они даютъ, эти озера, купцамъ. Милліоны... Бывали тони въ десять тысячъ пудовъ, а плохоньвая тона даетъ тысячи двѣ. Рыбы здѣсь неочерпаемое множество, потому что кормится она особымъ рачкомъ—называется мармишь. Благодаря ему, рыба въ зауральскихъ озерахъ растетъ въ пять разъ быстрѣе, чѣмъ въ Волгѣ. Однимъ словомъ, чудеса на яву.

— Учиться намъ нужно, Василій Тимофеичъ,—повторялъ о. Аркадій, точно увидѣвшій только сейчасъ недочеты своего примитивнаго хозяйства.—И еще какъ учиться...

— Была бы охота, о. Аркадій... Мы еще только начинаемъ жить, и въ науѣ все наше спасеніе.

Въ заключеніе этого обзора о. Аркадій повелъ гостей въ церковь и показалъ гудѣвшій въ куполѣ улей.

— Сама пчелка прилетѣла въ домъ Божій,—говорилъ о. Аркадій.—Насъ учить... Въ прежнія-то времена башкирскіе меды славились, а нынче все позабыли. Надо начинать снова...

— Мнѣ, вообще, кажется, что русскіе съ дешевой землей прихватили здѣсь и башкирской дѣни,—замѣтилъ, улыбаясь, Окоемовъ.—Необходимо встряхнуться...

— Бить надо насъ,—отвѣтилъ Утлыхъ.—Кругомъ богатство, а мы еще ухитряемся голодать... Стыдно разсказывать.

II.

На пріискъ въ этотъ день не поѣхали, потому что Окоемовъ чувствовалъ себя усталымъ и, кромѣ того, нужно было докончить обзорѣніе поповскаго хозяйства. Оно интересовало Окоемова, какъ типичный образчикъ именно этой полосы, сложившійся цѣлыми столѣтіями.

— Сдѣлаемъ у попа дневу, а утречкомъ завтра и закатимъ на пріискъ,—говорилъ Утлыхъ.—Каждое дѣло надо съ утра начинать, Василій Тимофеичъ.

— Почему съ утра?

— Да ужъ такъ изстари ведется... Не нами заведено, не нами и кончится.

*

Когда жаръ спалъ, отправились въ поле. Церковная земля находилась верстахъ въ пяти и занимала порядочную площадь, такъ что на долю о. Аркадія приходилось десятинъ семьдесятъ. Окоемовъ опять любовался чуднымъ сибирскимъ черноземомъ и удивлялся примитивнымъ способамъ обработки. Подъ пашней у о. Аркадія было десятинъ тридцать, обработывавшихся по старинкѣ въ три поля. Осмотрѣли отдыхавшую землю, яровья, приготовленные съ весны озими. На первомъ планѣ стояла здѣсь пшеница, затѣмъ овесъ, а розъ занимала послѣднее мѣсто.

— Мы, вѣдь, ѣдимъ только одну пшеницу, — объяснялъ о. Аркадій. — Даже мужики не ѣдятъ ржаного хлѣба...

— Не даромъ вашихъ мужиковъ называютъ пшеничниками, — замѣтилъ Утлыхъ. — Набаловался народъ... Мнѣ еще отецъ рассказывалъ, какъ въ пятидесятыхъ годахъ пшеница стоила семь копѣекъ пудъ. Да и сейчасъ проворачиваются года, когда можно купить по полтинѣ пудъ. Какой случай вышелъ однажды, Василій Тимофенчъ... Есть тутъ недалеко отъ Тюмени заводъ Успенскій. Ну, тамъ до воли была каторга и казенный винокуренный каторжный заводъ. Хорошо. Только однажды по веснѣ и прорви плотину, значить, въ половодье. Что бы, вы думали они сдѣлали, т. - е. начальство?.. Земля - то еще не успѣла оттаять, такъ что чинить прорывъ долго, а вода изъ заводскаго пруда уйдетъ. Подумало-подумало каторжное начальство, прикинуло въ умѣ и велѣло забутить провалъ пшеницею изъ своихъ складовъ. Фактъ... Оно вышло дешевле и скорѣе, чѣмъ мерзлую землю добывать. Вотъ какое время бывало... Рассказывать, такъ не повѣрятъ.

— Нынче-то здѣсь не то... — со вздохомъ замѣтилъ о. Аркадій. — Сильно бѣднѣетъ народъ.

— Отчего же бѣдность? — спросилъ Окоемовъ.

— Много причинъ, Василій Тимофенчъ... И кабакъ, и ситцы, и самовары, и прихоти всякія, и матушка лѣнь — всего найдется, а главное — темнота насъ давить. Земли повыпахались, нужно удобрять, а мы не умѣемъ, да и лѣнь. Вонъ тамъ на пригорѣ у меня покось... Мѣстечко на вѣтру, черноземъ внешней водой сноситъ, однимъ словомъ, хорошаго ничего нѣтъ. Случалось, что и косить нечего. Ну, я подумалъ-по-

думаль, да разъ съ весны и началъ его удобрять. Челвонскіе мои мужики только въ борода себѣ смѣются... Дескать, уѣла попа грамота. Я, конечно, молчу, будто ничего не вижу и не слышу. А какъ осенью я вялъ съ покоса впятеро больше, чѣмъ въ самый лучший урожай, тогда ужъ они въ затылкахъ начали чесать.

Окоемова больше всего интересовали специально сибирскіе сорта пшеницы. Зерно было меньше, чѣмъ у кубанки или бѣлотурки, но зато тяжелое и почти прозрачное. Конечно, эти сорта являлись переродомъ расейскихъ сортовъ, приспособившихся къ мѣстной почвѣ и мѣстному климату. Необходимо было ихъ освѣжать новыми разновидностями, хотя этого никто и не дѣлалъ.

По деревенски спать легли рано, въ десятомъ часу вечера. Окоемовъ почувствовалъ еще въ первый разъ, что онъ усталъ и былъ радъ хорошему деревенскому обычаю ложиться рано.

Тихо въ поповскомъ домикѣ. Гдѣ-то въ деревнѣ сонно лаютъ собаки. На деревенской улицѣ нѣтъ ни торопливаго топота запоздавшихъ пѣшеходовъ, ни раздражающаго дребезга столичной ѣзды. Тихо. Окоемовъ думаль, что сейчасъ же заснетъ; какъ ляжетъ на жесткій диванчикъ въ гостиной, гдѣ ему была приготовлена постель. Но, какъ иногда случается послѣ сильной усталости, сонъ отлетѣлъ. Не спится, и конечно. Окоемовъ могъ только завидовать своему спутнику, который устроилъ себѣ походную постель на полу и сейчасъ же заснулъ мертвымъ сномъ, какъ зарѣзанный. Да, это спалъ здоровый сибирскій человѣкъ, не знавшій, что такое нервы.

Тихо. Окна закрыты ставнями. Кругомъ какая-то досадная темь. Слышно только, какъ храпитъ Утлыхъ. Да, онъ можетъ спать, потому что здоровъ, какъ рыба. Окоемовъ чувствовалъ, что теперь не заснетъ до утра, и его охватило обидное чувство, какое испытываютъ больные по ночамъ: всѣ спать, а они должны мучиться неизвѣстно для чего.

— Какая я дрянь...—съ тоской думаль Окоемовъ, ворочаясь съ боку на бокъ.—Настоящая столичная дрянь... Такихъ людямъ и жить-то не слѣдуетъ, потому что они являются только излишнимъ балластомъ... Ну, куда такой дрянной человѣкъ будетъ годенъ завтра, когда вся деревня подни-

мется бодрая, отдохнувшая, способная къ работѣ, а ты будешь бродить, какъ отравленная муха.

Однимъ словомъ, на Окоемова напалъ одинъ изъ тѣхъ моментовъ, которые переживаются людьми съ разстроенными нервами. Это было какое-то глухое отчаяніе... И что всего обиднѣе, такъ это то, что онъ зналъ впередъ весь ходъ своего припада: завтра онъ проснется съ тяжелой головой и промучится цѣлый день. Можетъ быть, будетъ и слѣдующая ночь такая же... А потомъ все пройдетъ... Да, онъ зналъ все это, и все-таки переживалъ гнетущее состояніе человѣка, котораго придавила какая-то громадная тяжесть, и который не въ состояніи освободиться отъ нея. Какъ жаль, что около не было милой, доброй княжны, одно присутствіе которой уже успокоивало его. Она умѣла что-то такое говорить, постоянно двигалась и смотрѣла такими добрыми глазами. Доброта у нея была въ крови, а не головная,—она была добра, потому что не могла быть другой.

— Нужно было ее взять съ собой, — думалъ Окоемовъ. — Что ей теперь дѣлать въ чужомъ городѣ? Вѣднѣе скучаетъ и думаетъ о своей Москвѣ...

Отъ княжны былъ естественный переходъ къ остальнымъ членамъ экспедиціи. Окоемовъ теперь смотрѣлъ на нихъ уже съ новой точки зрѣнія, въ комбинаціи тѣхъ новыхъ условій, которыя были вотъ здѣсь сейчасъ, за этой стѣнной поповскаго домика. Мысленно онъ видѣлъ этихъ столичныхъ людей въ степной глуши, въ новой обстановкѣ, и какъ-то усомнился и въ своемъ дѣлѣ, и даже въ самомъ себѣ. Правда, что это было еще въ первый разъ, и притомъ было связано съ его темерешнимъ нервнымъ состояніемъ, но важно уже то, что такая сомнѣвающаяся мысль могла явиться. За послѣднее время Окоемовъ слишкомъ былъ поглощенъ дорожными впечатлѣніями и не имѣлъ просто времени, чтобы сдѣлать провѣрку самому себѣ, какъ это дѣлалъ постоянно. Просто голова была занята другимъ, тѣми внѣшними пустяками, съ которыми неразрывно связываются далекія путешествія. А что, если вотъ эти будущіе компаньоны окажутся совсѣмъ не тѣми, чѣмъ онъ ихъ себѣ представляетъ? Вѣдь, въ концѣ концовъ, никакая энергія, никакая личная предприимчивость не избавляетъ отъ извѣстной зависимости и именно отъ окружающихъ близкихъ людей.

И съ каждымъ шагомъ впередъ его личная отвѣтственность будетъ рости все больше и больше. Всякая неудача будетъ ронять его авторитетъ, а это особенно важно въ началѣ. Вотъ и о. Аркадій присматривается къ нему, и Утмыкъ, и тѣ, кто остались въ Екатеринбургѣ. Всѣ будутъ смотрѣть не на дѣло, а на него. И обиднѣе всего то, что это дѣло можетъ кончиться вмѣстѣ съ нимъ, если онъ во-время не приготовитъ себѣ настоящихъ серьезныхъ сотрудниковъ и преемниковъ. Вотъ именно сейчасъ Окоемовъ и почувствовалъ свое одиночество, то жалное русское одиночество, которое не меншывается тамъ, на далекомъ Западѣ, гдѣ больше и общихъ идей, и общихъ интересовъ, и общихъ стремлений. Лучшие русскіе люди всегда работали какъ-то въ распынку.

А тутъ ярко выступала новая жизнь, новые люди, новые интересы, неизвѣстные ничего общаго даже съ тѣмъ, что оставалось тамъ, въ Москвѣ. Весь укладъ сибирской жизни былъ другой, и деревня другая, и мужикъ другой, и по другому всѣ думали. Взять хоть тѣхъ же сибирскихъ людей, какъ о. Аркадій или Утмыкъ,—за ними стоялъ цѣлый историческій періодъ, придававшій свою окраску. И такихъ людей миллионы... Новый край съ его несмѣтными сокровищами просто пугалъ Окоемова,—слишкомъ ужъ много было самыхъ благоприятныхъ условий для дѣятельности. Просто глаза разбѣгались, за что взяться, съ чего начать, на что обратить вниманіе.

— Э, ничего, все понемногу устроится...—мысленно повторялъ про себя Окоемовъ, точно съ кѣмъ-то спорилъ.— Всѣ мои сомнѣнія просто результатъ развинтившихся нервовъ. Нужно забрать самого себя въ руки, и только. Главное, идея... Разъ идея вѣрна въ своихъ основаніяхъ, все остальное устроится само собой.

Такъ цѣлую ночь Окоемовъ и промучился, вплоть до бѣлаго утра, когда по улицѣ съ глухимъ шумомъ пошло стадо. Окоемовъ одѣлся и вышелъ во дворъ. Было еще свѣжо и въ воздухѣ точно налита дѣловая бодрость.

— А, вы уже встали!—овлиенуль гостя о. Аркадій.

— Да, что-то плохо спалось...

О. Аркадій былъ въ своемъ татарскомъ азамѣ и выглядѣлъ такимъ бодрымъ и свѣжимъ, какъ это лѣтнее утро. Онъ

только-что задалъ ворму лошадямъ и проводилъ остальную скотину въ поле. Окоемову хотѣлось просто обнять его и рассказать все, чѣмъ онъ такъ мучился. Вѣдь о. Аркадій пойметъ его, какъ никто другой..

— А мы вотъ чайку нальемся на берегу,—говорилъ о. Аркадій.—Тамъ у меня есть и скамеечки, и столыкъ... Отлично это лѣтомъ...

Озеро еще дымилося утреннимъ туманомъ, а трава была покрыта росой. Солнце поднималось изъ-за озера громаднымъ шаромъ, но не давало еще тепла. Скоро работница подала кипѣвшій самоваръ—это была именно „работница“, а не городская горничная или кухарка. Сама хозяйка почему-то не показывалась, и вчера Окоемовъ видѣлъ ее только мелькомъ. Это его немного смущало, потому что онъ боялся стѣснить этихъ хорошихъ людей своимъ присутствіемъ. Деревенскій трудовой день нарушался въ самомъ основаніи. Подкупало только неистощимое добродушіе о. Аркадія, который такъ хорошо улыбался.

— А я думалъ о васъ, Василій Тимофеечъ,—говорилъ онъ, съ аппетитомъ допивая свой стаканъ. — Да, думалъ... Бываютъ такія особенныя встрѣчи: увидишь человѣка и точно вѣкъ его зналъ. Дѣло въ слѣдующемъ... гмъ... какъ это сказать? Однимъ словомъ, я какъ-то сразу полюбилъ васъ, какъ родного.

— Представьте себѣ, о. Аркадій, что я думалъ сейчасъ то же самое...

— Да, да, случается...

— А признайтесь, вы не понимаете меня?

— Да, не совсѣмъ... Вѣрнѣе сказать, смутно догадываюсь.

Окоемова охватила жажда рассказать о. Аркадію рѣшительно все, чѣмъ онъ такъ мучился цѣлую ночь. И онъ рассказалъ, не утаивъ ничего. О. Аркадій такъ хорошо слушалъ, покачивая головой въ тактъ разсказа. Увлечшись, Окоемовъ закончилъ разсказъ фразой:

— А я знаю, что вы сейчасъ думаете, о. Аркадій.

— Можетъ быть...

— Вы думаете, что все это, можетъ быть, и хорошо, а чего-то какъ будто и не достаетъ. И вы знаете, чего не до-

стаетъ, и я знаю... Одинокому человѣку скучно въ деревнѣ. Не правда ли?

— Да, безъ женщины оно того, Василий Тимофеичъ... Природа человѣческая такъ устроена, а въ деревнѣ женщина является и другомъ, и помощницей мужу въ полную мѣру. Собственно она строить домъ... Да вы это сами увидите.

Вышло какъ-то само собой, что Окоемовъ разсказалъ о. Аркадію о своемъ знакомствѣ съ раскольничьей дѣвушкой и еще болѣе странной встрѣчей съ ней въ Екатеринбургѣ.

— Вамъ она нравится?—спросилъ о. Аркадій.—Вѣдь самое главное, чтобы смотрѣть на женщину чисто, любить въ ней ея женскую чистоту.. Барышниковыхъ я знаю по слухамъ. Были богатые, а сейчасъ ничего не имѣютъ. Въ этомъ мірѣ случается, т. е. у золотопромышленниковъ. А какъ эта дѣвица къ вамъ относится? Можетъ быть, это нескромный вопросъ съ моей стороны...

— Мнѣ кажется, что она чему-то не довѣряетъ. А впрочемъ, чужая душа—потемки... Знаю только одно, что она хорошая дѣвушка. Именно, чистая... Вѣдь мы съ ней слишкомъ различные люди, чтобы сойтись скоро. У нея свой міръ, у меня свой. Но мнѣ доставляетъ величайшее наслажденіе думать о ней.

— Вотъ, вотъ, именно... Что же вы думаете дѣлать, Василий Тимофеичъ?

— Говоря откровенно, не знаю... Буду ждать письма отъ нея.

— Гм... Такъ-то оно такъ, а какъ будто и не совсѣмъ такъ. Дѣвица, говорите, скромная, слѣдовательно, какъ же она можетъ рѣшиться на такой шагъ... Дѣло въ слѣдующемъ: ежели бы какъ-нибудь удосужилась моя попадья, такъ она живой рукой обернула бы все. Бабы на такія дѣла мастерицы и между собой живо бы сговорились.

— Нѣтъ, это неудобно, о. Аркадій.

Этотъ интимный разговоръ былъ превращенъ появленіемъ Утлыхъ. Онъ подошелъ съ дѣловито-сердитымъ видомъ и заговорилъ:

— Господа, что же вы прохлаждаетесь?.. Вонъ ужъ гдѣ солнышко-то... Намъ пора ѣхать, Василий Тимофеичъ.

— Да чаю-то напейтесь, Илья Федорычъ,—уговаривалъ

о. Аркадій.—Далеко ли вамъ и ѣхать-то: до Краснаго Куста рукой подать.

Утлыхъ принялся за чай съ кажимъ-то ожесточеніемъ. Какъ сибирякъ, онъ очень любилъ побаловаться китайской травкой и выпивалъ стакановъ шесть, а на свѣжемъ воздухѣ это скромное занятіе было куда пріятнѣе.

III.

Отъ озера до Краснаго-Куста было верстъ пятнадцать. Успокоенный бесѣдой съ о. Аркадіемъ, Окоемовъ чувствовалъ себя покойно и хорошо, хотя его и клонило ко сну. Укачивала ѣзда въ коробѣѣ, взятомъ у о. Аркадія. Проселочная дорога пыльной лентой вилась среди полей. Однообразная картина нарушалась рѣдкими гривками сохранившагося кажимъ-то чудомъ березняка. Начиная отъ озера, мѣстность приняла холмистый характеръ, точно почва дѣлала сладки. Утлыхъ молчалъ, сохраняя свой дѣловито-сердитый видъ. На облучкѣ сидѣлъ добродушный деревенскій парень, постоянно передергивавшій плечами. Пара поповскихъ лошадей неслаъ ровной рысью, благо еще воздухъ былъ свѣжъ и только еще начиналъ чувствоваться наливавшійся зной горячаго лѣтняго дня.

— Эхъ, вы, голуби сивокрылые, помѣшивай!.. Шевели бородой...

Красный-Кустъ, небольшая деревушка, залегла въ лощинѣ. Издали видны были только горбившіяся крыши. По лощинѣ медленно катилась степная рѣчонка Кулижка. Мѣстность въ общемъ не отличалась особенной живописностью,—ее портило больше всего полное отсутствіе лѣса. Кругомъ ни прутика.

— Заворачивай прямо къ старостѣ, — скомандовалъ Утлыхъ.—Мы тутъ чуть-чуть опнемся, Василій Тимофенчъ, пока народъ соберемъ... Сегодня же начнемъ шурфовку. А знаете, я ужасно боялся, какъ бы попъ-то не увязался за нами.

— Чѣмъ онъ вамъ помѣшалъ?

— А примѣта нехорошая... Можетъ быть, это и глупо, и смѣшно да дѣло-то наше особенное. Потому милости просимъ, о. Аркадій, а сейчасъ это не модель.

Это суевѣріе разсмѣшило Окоемова.

— Какъ вамъ не стыдно, Илья Федорычъ, вѣрить такимъ глупостямъ...

— Ну, ужъ вы тамъ какъ хотите, а я не согласенъ съ попа начинать. Не такое дѣло-съ...

Появленіе неожиданныхъ гостей подняло на ноги всю деревню. Народъ былъ дома. У Ильи Федорыча сразу нашлось нѣсколько знакомыхъ, — у него знакомые были вездѣ. Староста, кривой старикъ, узналъ его сразу.

— Дожидали мы тебя давненько, Илья Федорычъ, когда ты орудовать будешь у насъ.

— Ждали долго, а увидѣлись скоро. Давай-ко, дѣдко, собери партію человѣкъ въ десять и отправь на нашу заявку... А мы пройдемъ прямо туда. Кучеръ, трогай...

Они проѣхали всю деревенскую улицу, а за околицей взяли уже прямо по старымъ парамъ. Нужно было спуститься внизъ по теченію Кулижки верстъ пять. Дорогъ здѣсь не полагалось. Рѣчная долина то суживалась, то расширялась. Общій видъ мѣстности ничѣмъ не напоминалъ о близости золота. Наконецъ, Утлыхъ велѣлъ остановиться.

— Вотъ мы и дома,—проговорилъ онъ, снимая шапку и крестясь.—Въ добрый часъ пріѣхать, Василий Тимофеичъ.

Правый берегъ рѣчной долины поднимался уваломъ, а сама Кулижка совершенно спряталась въ болотѣ.

— Вотъ о. Аркадій говорилъ, что мы мѣсто будемъ портить,—говорилъ Утлыхъ, указывая на болото:—а какое тутъ мѣсто: одні лагушки скачутъ. Кочки да кусты,—скотина сюда только отъ оводовъ приходитъ. А вонъ и заявочный столбъ...

Будущій принскъ занималъ довольно большую площадь, длинной по теченію рѣки въ четыре версты и шириной до двухсотъ сажень. Утлыхъ и Окоемовъ обошли его кругомъ и выбрали центральный пунктъ, на которомъ имѣла сосредоточиться будущая работа. Утлыхъ опытнымъ глазомъ сразу опредѣлилъ, гдѣ нужно будетъ поставить контору, гдѣ амбары, кузницу, казарму для рабочихъ, конюшни и т. д. Онъ точно боялся потерять хоть одну минуту напрасно.

— Что это рабочіе найдутъ?—вицѣтился Утлыхъ.— Съ этимъ народомъ бѣда... Когда еще пошевелятся. Вотъ я дамъ старостѣ... Кривой чортъ!...

— Да вонъ они идутъ,—успокаиваль его Окоемовъ.

Дѣйствительно, показалась партія мужиковъ, сопровождаемая толпой ребятишекъ. Они шли съ лопатами, койлами и ломами.

— Ну, эти хлѣбомъ не накормятъ, увальни, — впередъ ругался Утлыхъ.—Деревенскіе не любятъ шевелиться... Толи дѣло настоящая присковая восточка или какой-нибудь заводскій мастеркъ: такъ горошкомъ и ватится. Ну, да мы выучимъ, сдѣлай милость.

Увлечшись собственной энергіей, Утлыхъ для перваго раза обругаль старосту, такъ что Окоемовъ долженъ былъ его остановить.

— Сами будете хуже меня, Василій Тимофеичъ. Вѣдь мы ихъ тутъ ждемъ больше часу, лежебоковъ. Эй, вы, чиновники, шевелитесь... Да смотрите, чтобы у меня все было живо. Староста, вотъ ты вставай съ двумя рабочими вотъ сюда...

Утлыхъ самъ схватилъ лопату и отчертилъ на дернѣ удлиненный четырехугольникъ пробной ямы, такъ-называемаго шурфа. Черезъ пятьдесятъ сажень помѣченъ былъ второй шурфъ и т. д. Сначала нужно было произвести пробу праваго борта розсыпи.

— Середьку-то не скоро возьмемъ,—объясняль Утлыхъ.—Надо будетъ водоотводныя каналы рыть... Ну, съ Богомъ, братцы!..

Работа началась въ четырехъ пунктахъ. До золотоноснаго пласта нужно было углубиться аршина три, что потребовало времени около двухъ часовъ. Непривычныя къ землянымъ работамъ крестьяне возбуждали въ Утлыхъ справедливое негодованіе, и онъ нѣсколько разъ самъ брался за лопату и показываль, какъ нужно работать. Но его энергія, кажется, никого не заразила, и работа шла вяло по прежнему.

Окоемовъ внимательно слѣдилъ за работой и переходилъ отъ одного шурфа къ другому. Пока интереснаго еще ничего не было. А солнце уже начинало припекать. Оттуда-то появились комары и съ жалобнымъ пискомъ, какъ нищіе, лѣзли прямо въ глаза. Кучеръ развелъ огонь и нагрѣваль воду въ походномъ мѣдномъ чайникѣ.

— Слава Богу, синяя глина пошла!—радостно объявилъ

Утлыхъ, показывая Окоемову смятый кусокъ сырой темносѣрой глины. — Значить, и золото будетъ... Это ужъ вѣрная примѣта, Василій Тимофейчъ. Эй, молодчики, постарайтесь...

Первые пески показали въ третьемъ шурфѣ, и Утлыхъ съ особенной торжественностью принялся дѣлать пробу. На этотъ случай имъ былъ захваченъ изъ города такъ - называемый азіатскій желѣзный ковшъ, въ который уходило чуть не пудъ песку. Набравъ пробу, Утлыхъ присѣлъ съ ковшомъ къ рѣчкѣ и началъ „доводить“, т. е. перемѣшивалъ пески съ водой, отбрасывалъ камешки, сливалъ мутную воду, пока на днѣ ковша не остался тонкій слой чернаго блестящаго песочка — такъ-называемые „шлихи“.

— Есть... — проговорилъ онъ, поднимаясь на ноги. — Вотъ смотрите, Василій Тимофейчъ: вонъ въ шлихахъ поблескиваютъ двѣ золотинки.

— Да, вижу... Хорошая проба?

— Такъ себѣ... Только мы, вѣдь, взяли борта разсыпи, гдѣ богатаго содержанія не бываетъ. Все - таки ничего, работать можно.

Произведенная доводка въ другихъ шурфахъ дала тоже удовлетворительные результаты. Утлыхъ остался доволенъ и перевелъ работы на лѣвый бортъ, гдѣ не оказалось никакихъ „знаковъ“. Это обстоятельство замѣтно его смутило, хотя онъ и не выдавалъ себя.

— Пожалуй, гнѣздовое золото пойдетъ, — замѣтилъ онъ. — Оно не того... гм... Лучше бы, ежели ровное. Ну, да все это пустяки... Если крупное золото, такъ оно и совсѣмъ въ ковшъ не попадетъ.

Эта маленькая неудача совсѣмъ разстроила Утлыхъ, такъ что Окоемову пришлось его утѣшать.

— Вѣдь сейчасъ еще ничего нельзя сказать, Илья Федорычъ. Я лично убѣжденъ, что все пойдетъ прекрасно...

Окоемовъ видѣлъ только одно, что его довѣренный нервничаетъ, какъ женщина. У сибиряковъ оказались свои нервы... Впрочемъ, промысловая дѣятельность развиваетъ специальную промысловую нервность, и удивляться тутъ было нечему.

Конецъ дня былъ посвященъ распланировкѣ будущаго приискаго жилья. Это скромное занятіе отвлекло грустныхъ

мысли Утлыхъ, и онъ замѣтно оживился. Окоемову повазались, что онъ чего-то не досказываетъ.

— А гдѣ мы будемъ ночевать?—спрашивалъ Утлыхъ, поглядывая на садившееся багровое солнце.

— Конечно, здѣсь, Илья Ѳедорычъ... Ъхать къ о. Арвадію далеко, а въ деревнѣ неудобно. Отлично заночуемъ въ полѣ... Ночи теперъ теплыя.

— Что же, отлично... Завтра вставать надо съ зарей.

Они провели отличный вечеръ около огонька. Утлыхъ съ опытностью коренного промысловаго человѣка приготовилъ великолѣпный ужинъ изъ курицы, купленный въ Красномъ-Кустѣ. Было уже темно. Надъ головой шатромъ раскинулось голубое небо, точно расшитое серебряными звѣздами. Гдѣ-то въ болотѣ скрипѣлъ неугомонный коростель. Окоемовъ чувствовалъ, какъ утихаютъ нервы, и какъ онъ весь дѣлается нормальнымъ человѣкомъ. Страхи и волненія вчерашней ночи теперъ казались ему ребячествомъ. Да, кругомъ такъ было хорошо, — о чемъ же беспокоиться? Они долго лежали на травѣ и говорили о будущемъ, которое должно было проявиться вотъ здѣсь, на берегу Кулижи.

— Да, отлично...—повторялъ Утлыхъ, и Окоемовъ чувствовалъ по тону его голоса, что онъ чего-то не договариваетъ.

Такъ они улеглись и спать около походнаго огонька. Окоемовъ слышалъ, какъ тяжело вздыхаетъ его компаньонъ, и улыбался про себя,—ему такъ было легко и хорошо.

— Вы чѣмъ-то недовольны?—спросилъ, наконецъ, Окоемовъ.

Утлыхъ сѣлъ и нѣсколько времени молчалъ.

— Нѣтъ, я доволенъ, Василій Тимофенчъ, только... Да, я думаю, что вы будете дѣлать съ своими компаньонами. Вы меня извините, а только народъ набранъ съ бору да съ сосенки... И для чего вы ихъ везли сюда?.. Развѣ здѣсь не стало своего народа? Да сколько угодно, сдѣлайте милость... Я перезнакомился съ ними со всѣми и говорю откровенно. Можетъ быть, всѣ они очень хорошіе люди, но, вѣдь, здѣсь нужно самыхъ простыхъ рабочихъ людей, которые не боялись бы никакой работы...

— Они и будутъ работать, Илья Ѳедорычъ. Вѣдь я для

нихъ и дѣло затѣваю, не... не для своихъ компаньоновъ, а вообще для неприютныхъ интеллигентныхъ человѣковъ. Нужно произвести опытъ, можетъ быть, что-нибудь и выйдетъ. По крайней мѣрѣ, я нисколько не сомнѣваюсь въ успѣхѣ своего предпріятія, хотя и сознаю его рискованность.

— Такъ-то оно такъ, а все-таки...

Окоёмовъ тоже сѣлъ и заговорилъ уже съ увѣренностью. Сомнѣнія сибирскаго промысловаго человѣка подняли въ немъ всегдашнюю увѣренность.

— Посмотрите на любого мужика—вѣдь онъ богачъ сравнительно съ этими людьми,—говорилъ онъ убѣжденно.—У него есть земля, у него потребности сведены до minimum'a, онъ не знаетъ этого вѣчнаго гнетущаго страха за завтрашній день... И такихъ людей тысячи. Имъ нужно дать кусокъ хлѣба, и для этого стоитъ поработать.

— Да, мужикъ... Взять нашего сибиряка, конечно, опять можно. Знаете, сколько у него рабочихъ дней въ году? Я какъ-то подсчитывалъ и вышло не больше шестидесяти... Какое же сравненіе съ заводскимъ мастеровымъ, съ присковымъ рабочимъ, съ городскимъ мѣщаниномъ—тѣ, дѣйствительно, работаютъ, да еще какъ работаютъ. Я, вѣдь, тоже изъ мѣщанъ и отлично понимаю все это дѣло... Вы только посмотрите на все крестьянское хозяйство, — все кое-какъ, все черезъ пень колоду. Не знаю, какъ тамъ у васъ, въ Расаѣ, а сибирскаго мужика я знаю. Онъ лошадь хорошенько не умѣетъ заложить... А какъ у него содержится телѣга, упряжь, помѣщеніе для скотины—смотри́ть тошно. А, вѣдь, какъ могли бы жить, ежели бы съ умомъ...

— Отчего же, вы думаете, все это происходитъ?

— А вотъ ужъ этого не знаю, Василій Тимофеичъ. Самъ на мѣдные гроши учился, чрезъ пятое въ десятое.

— Отъ необразованія, голубчикъ. Негдѣ поучиться мужику... А будетъ время, когда все будетъ иначе. Прежде всего, важенъ примѣръ, а остальное само собой придетъ... Тутъ не лѣнь и не недостатки специально русскаго мужика, а просто недостатокъ культуры. Въ свое время все будетъ... Какъ мужикъ на насъ съ вами смотреть? Какъ на дармоѣдовъ... И онъ правъ по своему, потому что видитъ въ насъ людей, съ большей или меньшей ловкостью пристроившихся

къ легкому хлѣбу. Возьмите примѣръ, какъ живутъ раскольники...

— Ну, тѣ другое дѣло. Крѣпкій народъ и, главное, другъ за друга стоятъ.

— Мы требуемъ отъ мужика, а сами не умѣемъ жить. Посмотрите, куда уходятъ наши деньги, добытыя всѣми правдами и неправдами... Мы просто не умѣемъ распорядиться своими средствами, какъ мужикъ не умѣетъ распорядиться своимъ трудомъ и своимъ временемъ. Если посравнить, такъ выйдетъ заключеніе, пожалуй, не въ нашу пользу.

— Ужъ это что говорить, Василій Тимофеичъ...

Окоемовъ заснулъ съ мыслью о будущихъ предпріятіяхъ. Пріискъ былъ только началомъ, и его роль заключалась только въ томъ, чтобы дать средства. Да, онъ вѣрилъ въ свое дѣло и въ тѣхъ людей, которые придуть къ нему.

IV.

Увлечшись своей работой на пріискахъ, Окоемовъ пробылъ въ Краснонъ-Кусту лишнихъ два дня. Необходимо было закончить развѣдку съ одной стороны, а съ другой—устроить заготовку разныхъ матеріаловъ для будущихъ построекъ. Терять времени не приходилось. По совѣту Утлыхъ, двѣ артели плотниковъ были наняты еще до отъѣзда изъ Екатеринбургъ. Однимъ словомъ, работа кипѣла, и время несло стрѣлой.

— Ужъ, надо какъ-нибудь къ о. Аркадію съѣздить,—говорилъ Утлыхъ.—Потерялъ онъ насъ совсѣмъ...

— Я сдѣлалъ громадную ошибку, что оставилъ своихъ компаньоновъ въ Екатеринбургѣ... Имъ здѣсь было бы веселѣе.

Утлыхъ отмалчивался. Онъ не вѣрилъ въ компаньоновъ Окомова и былъ радъ, что они по крайней мѣрѣ не мѣшаютъ серьезному дѣлу. Про себя онъ считалъ ихъ величайшимъ тормазомъ для всего предпріятія.

Окоемовъ однимъ раннимъ лѣтнимъ утромъ только-что собрался отправиться въ Челканъ, какъ неожиданно появился самъ о. Аркадій, пріѣхавшій спѣшно. По его лицу Окоемовъ догадался, что что-то случилось.

— А я за вами, Василій Тимофеичъ,—торопливо говорилъ о. Аркадій.—Дѣло въ слѣдующемъ... Пріѣхали изъ города двѣ дамы. Да...

— Какія дамы?

— Одна изъ вашей компаніи, Варвара Петровна, а другая неизвѣстная... Совсѣмъ еще юница.

Окоемову пришлось только позать плечами: никакой юницы онъ не зналъ. Затѣмъ, только отчаянная рѣшимость могла заставить княжну предпринять такое опасное путешествіе, какъ поѣздка на лошадяхъ. Вообще, что-то такое случилось и, какъ онъ предчувствовалъ, случилось что-нибудь скверное. Онъ писалъ уже два письма княжнѣ и не получалъ отвѣта, а тутъ она вдругъ свалилась, какъ снѣгъ на голову.

— Значить, мы вмѣстѣ и отправимся,—говорилъ Окоемовъ.—А Илья Ѳедорычъ останется здѣсь...

У о. Аркадія было скромное желаніе посмотрѣть работы, но Утлыхъ воспротивился этому съ угрюмой рѣшительностью. Челванскій пощъ все дѣло могъ испортить...

— Какой суевѣрный человѣкъ,—говорилъ про него о. Аркадій, когда они съ Окоемовымъ пошли на озеро.—А еще благопріятель считается... Чего же ждать отъ другихъ? Вотъ вамъ положеніе русскаго священника, которому приходится бороться съ самыми невѣроятными предрассудками.

— Да... Что дѣлать, о. Аркадій,—машинально отвѣчалъ Окоемовъ; онъ думалъ совсѣмъ о другомъ, хотя и не рѣшался откровенно спросить о. Аркадія, какая таинственная „юница“ пріѣхала съ княжной.

Смутно Окоемовъ догадывался, кто это могъ быть, но это было такъ невѣроятно, что онъ не рѣшался спрашивать о подробностяхъ. Очень могло быть, что княжна нашла какую-нибудь смѣлую компаньонку и явилась съ ней.

Когда поповскій коробокъ бойко подкатилъ къ поповскому домику, первое, что увидѣлъ Окоемовъ — была сама княжна. Она сидѣла на скамеечкѣ у воротъ, накрывшись какимъ-то темнымъ платочкомъ.

— Что случилось, Варвара Петровна?..

— Что случилось? Я уже пріѣхала къ вамъ проститься... Я уже больше не могу. Какъ вы хотите, Василій Тимофеичъ, а я уже не могу...

— Да въ чемъ дѣло-то?

— Въ чемъ уже дѣло? Вы знаете, какъ я васъ люблю,

но всему есть границы... Сергѣй Ипполитычъ такъ ведетъ себя, что компрометируетъ всѣхъ. На насъ скоро будутъ указывать пальцами... Достаточно уже сказать одно то, что онъ совсѣмъ не выходитъ изъ клуба и выигралъ много денегъ, а вы знаете, что это за человѣкъ, когда у него много денегъ.

— Только въ этомъ и дѣло, милѣйшая Варвара Петровна?

— Кажется, уже достаточно? Я не могу уже видѣть этого ужаснаго человѣка...

— Хорошо, хорошо, мы все это устроимъ... Прежде всего: успокойтесь. А Сережу мы выучимъ...

Это спокойствіе возмутило княжну. Послѣдняя энергія ее оставила, и она расплавалась, какъ школьница, получившая дурной баллъ.

— Вы лучше расскажите мнѣ, какъ могли рѣшиться однѣ на такое путешествіе?—спрашивалъ Окоемовъ, чтобы отвлечь мысли княжны отъ ужаснаго человѣка.

— Что же мнѣ оставалось уже дѣлать? Наконецъ...

Она сдѣлала жестъ, указывая на окно поповскаго дома.

— Съ кѣмъ вы пріѣхали, Варвара Петровна?

— Вы уже знаете съ кѣмъ... Она въ ужасномъ положеніи и обратилась ко мнѣ. Это чудная дѣвушка... Она такъ одинока и такъ плакала.

— Настасья Яковлевна?

— Да, Настасья Яковлевна... Она сама лучше все вамъ расскажетъ. Сейчасъ только не тревожьте ее... Неудобно одно, что она убѣжала отъ своего дяди.

— Позвольте, вѣдь она, если я не ошибаюсь, совершеннолѣтняя и можетъ вполнѣ располагать собой? Просто ушла и отлично сдѣлала... Да что мы тутъ за воротами разговариваемъ—идемте въ комнаты.

Княжна повиновалась. Она какъ-то сразу успокоилась и даже посмотрѣла такими мило-виноватыми глазами, какъ напроказившій ребенокъ.

— Юница у моей попадѣ прячется... — предупредилъ о. Аркадій.— Не тревожьте ее сразу.

Въ гостиной уже былъ готовъ самоваръ, и княжна заняла мѣсто хозяйки, что отвлекло ее мысли отъ главной темы. Она даже улыбнулась, замѣтивъ волненіе Окоемова. Бѣдняжка, какъ онъ мучился, и какъ мучится она...

Окоёмовъ, дѣйствительно, вздрагивалъ отъ каждаго шороха и все оглядывался на затворенную дверь на половину попадьи. Съ другой стороны, ему не хотѣлось выдавать своего волненія.

— Ну, какъ тамъ у насъ... — говорилъ онъ, подбирая слова. — Я больше всего боюсь, какъ бы веѣ не перессорились.

— Нѣтъ, пока ничего. Представьте себѣ, Василій Тимофеичъ, въ Екатеринбургѣ я познакомилась съ своими личными людьми. Все равно, какъ у насъ въ Москвѣ... И какіе все славные. Они откуда-то уже узнали о нашей компаніи и приходили, чтобы переговорить съ вами. Два реалиста, некончившій студентъ, три учительницы, оставшіяся безъ мѣстъ... Да, такія хорошія лица, и я такъ жалѣла, что вы не ѣдете.

— Вѣроятно, вы имъ наобѣщали больше, чѣмъ я могу сдѣлать?

— Положительно я уже ничего не обѣщала, а такъ... вообще... Куда же имъ дѣваться въ самомъ дѣлѣ?

— Хорошо, хорошо. Увидимъ... Мы здѣсь работали съ Утлыхъ за четверыхъ. Кажется, дѣло пойдетъ, т.-е. есть основаніе такъ думать, хотя поручиться впередъ и нельзя. Во всякомъ случаѣ, я васъ не отпущу больше въ городъ, Варвара Петровна, потому что вы мнѣ нужны здѣсь и очень нужны...

— А если я уже собралась уѣзжать въ Москву и даже всѣ свои вещи запаковала?

— Что касается запакованныхъ вещей, то это очень удобно для перевозки ихъ сюда. Вообще, вы это отлично сдѣлали... да. А съ Сережей я рассчитаюсь по своему. Онъ, дѣйствительно, держалъ себя самымъ возмутительнымъ образомъ... да. Вы знаете, какой онъ безхарактерный человѣкъ...

— Пожалуйста, ничего мнѣ не говорите объ этомъ... этомъ монстрѣ. Нужно было все мое хладнокровіе, чтобы не сдѣлать ему исторію. Я уже дѣлала такой видъ, что ничего не вижу и не слышу...

Этотъ разговоръ былъ прерванъ легкимъ скрипомъ двери, — въ ней появилась голова попадьи, дѣлавшая таинственные знаки княжнѣ.

— Идите туда, на берегъ озера...—торопливо заговорила княжна Окоемову.—Она уже тамъ и желаетъ переговорить съ вами.

Дѣйствительно, Настасья Яковлевна сидѣла на берегу, на скамеечкѣ и ждала Окоемова. Издали она показалась ему такой маленькой, почти дѣвочкой,—тоненькая, изящная, стройная, съ маленькимъ блѣднымъ личикомъ. Быстрые шаги Окоемова заставили ее оглянуться. Она сдѣлала такое движеніе, точно хотѣла убѣжать. Окоемовъ остановился, не рѣшаясь даже протянуть руку.

— Вы желали меня видѣть, Настасья Яковлевна...

— Да...

Она первая протянула ему свою маленькую руку и проговорила, глядя прямо въ глаза:

— Вы на меня не разсердились, Василій Тимофенчъ?

— Я? Что вы, Настасья Яковлевна... я такъ радъ видѣть васъ... всегда радъ...

— Какъ видите, я воспользовалась вашимъ предложеніемъ... Я писала вамъ письмо, котораго вы, очевидно, не получили. А тутъ случайно встрѣтила Варвару Петровну... Она такая добрая... да...

— Я думаю, Настасья Яковлевна, намъ лучше поговорить серьезно потомъ, когда вы немного успокоитесь...

— Развѣ вамъ говорила что-нибудь Варвара Петровна?

— Нѣтъ, но я позволяю себѣ догадываться...

— Вы ошибаетесь: я могу переговорить совершенно свободно... Можетъ быть, вамъ некогда, и я отнимаю у васъ время?

— Нѣтъ, нѣтъ, что вы... Вотъ сядемте здѣсь и переговоримте. Со мной вы можете быть вполнѣ откровенны, какъ сестра съ братомъ, т.-е. я не напрашиваюсь на откровенность, а если только вы хотите что-нибудь сказать...

Они сѣли на скамью рядомъ. Дѣвушка отодвинулась на самый край и молчала, собираясь съ силами. Окоемову сдѣлалось ея жаль, какъ родную сестру. Бѣдный ребенокъ такъ мучился, а онъ не имѣлъ права даже утѣшить ее, потому что былъ въ ея глазахъ все-таки чужимъ человѣкомъ.

— Я васъ отлично знаю теперь, Василій Тимофенчъ,—заговорила она, опуская глаза. — Да, знаю... Варвара Петровна мнѣ такъ много рассказывала о васъ.

— Виновать, я перебыю васъ: Варвара Петровна очень хорошая, безконечно добрая и чудная женщина, но она часто ошибается въ людяхъ. Миръ для нея дѣлится на два разряда людей: съ одной стороны безусловно хорошіе люди, съ другой—безусловно дурные... Я пока состою въ первомъ разрядѣ, и поэтому Варвара Петровна, вѣроятно, не покупи-лась на похвалы, и мнѣ впередъ неловко, потому что вы можете очень заблуждаться.

— О, нѣтъ, нѣтъ!.. Знаете, есть такія вещи, въ кото-рыхъ женщины не ошибаются, какъ и я въ данномъ случаѣ, хотя меня и васъ раздѣляетъ цѣлая пропасть...

Сдѣлавъ паузу, она проговорила съ милой улыбкой:

— Васъ, вѣроятно, удивляетъ самый языкъ, которымъ я говорю съ вами? Мнѣ это замѣтила Варвара Петровна... Вы ожидали встрѣтить совсѣмъ необразованную дѣвушку, вы-росшую въ глухой раскольничьей средѣ. Да? Нѣтъ, я кое-чему училась, хотя и не была въ гимназій или институтѣ... У меня была одна тетка, кончившая гимназію. Я жила у ней, и она занималась со мной, читала и рекомендовала книги для самостоятельнаго чтенія. Теперь даже въ нашей раскольничьей средѣ вы встрѣтите не мало женщинъ съ сред-нимъ образованіемъ, которыя вносятъ въ свои семьи и свѣтъ, и знанія, и другіе взгляды на жизнь.

— Я встрѣчалъ такихъ женщинъ, Настасья Яковлевна.

— Да, моя тетка была такимъ именно человѣкомъ, и съ ея смертью я потеряла все. Если бы она была жива, мы не сидѣли бы здѣсь и не разговаривали. Въ жизни вообще много роковыхъ случайностей. Помните, какъ мы съ вами встрѣтились въ первый разъ? Могла ли я предполагать, что мнѣ придется обратиться къ вамъ за помощью, вѣрнѣе—за совѣтомъ...

— Мнѣ остается только поблагодарить васъ за это до-вѣріе.

— Зачѣмъ вы говорите такими книжными фразами. Я простая дѣвушка и отлично понимаю, какое разстояніе насъ раздѣляетъ. Притомъ я навязываюсь къ вамъ съ своей особой въ самое неудобное время... Но мнѣ хотѣлось одного, именно, чтобъ вы знали, съ кѣмъ имѣете дѣло.

Она просто и сжато рассказала свою несложную біо-графію. Родилась она на степныхъ промыслахъ въ очень богатой

семьѣ золотопромышленниковъ и помнить только отца,—отъ матери она осталась ребенкомъ. Потомъ отецъ умираетъ, и ее увозятъ въ Москву къ теткѣ, у которой она прожила до тринадцати лѣтъ. Это было самымъ счастливымъ временемъ въ ея жизни. Но тетка умираетъ, и она попадаетъ къ дядѣ, попадаетъ въ самый неудобный моментъ, когда промышленныя дѣла пришли въ полный упадокъ и раззореніе пошло впередъ быстрыми шагами. Какъ въ большинствѣ раскольничьихъ семей, имущество было общее, братья не дѣлились между собой, и поэтому и раззореніе сдѣлалось общимъ. Оставалось только громкое имя въ своей промышленной средѣ. Дядя Маркъ Евсеичъ человекъ не хуже, не лучше другихъ.

— Вы его считаете дуринымъ человекомъ...—предупредила дѣвушка нѣмой вопросъ Окоемова.—Онъ, просто, несчастный человекъ, подавленный мыслью, что это онъ раззорилъ всѣхъ, а главнымъ образомъ раззорилъ меня, какъ сироту. Вѣроятно, объ этомъ ходятъ слухи, и они доходятъ до дяди, и отравляютъ ему жизнь. У него развилась подозрительность, недоверіе, скрытность. Напримѣръ, наше случайное знакомство доставило ему массу неприятностей, хотя прямо онъ ничего и не говоритъ. Онъ заподозрилъ въ васъ одного изъ тѣхъ жениховъ, которые ловятъ богатыхъ невѣстъ, и которому онъ долженъ будетъ дать полный отчетъ въ моей долѣ наслѣдства. Мои воображаемые женихи вообще доставляютъ массу неприятностей, и въ первое время я на васъ тоже сердилась именно за это...

Дѣвушка разсмѣялась, а потомъ заговорила съ печальной серьезностью.

— Зачѣмъ вы тогда въ Москвѣ такъ упорно желали встрѣтиться со мной, Василій Тимофеечъ?.. Потомъ, вы наводили справки, разузнавали, и я ненавижу васъ, потому что все это ухудшало мое положеніе въ чужой семьѣ. Я знаю, что васъ ввели въ заблужденіе нелѣпые слухи о моемъ невольномъ затворничествѣ, о похищенныхъ у меня несмѣтныхъ сокровищахъ, и мнѣ было обидно, что вы...

— Сейчасъ, Настасья Яковлевна, я не могу объяснить вамъ, почему я все это дѣлала... Мы еще слишкомъ мало знакомы. Могу только пожалѣть, что причинилъ вамъ столько неприятностей совсѣмъ невольно...

— Я скажу больше: благодаря вамъ, дядя потащилъ меня на Уралъ, чтобы здѣсь выдать поскорѣе замужъ за кого-нибудь изъ своихъ раскольниковъ. Съ моимъ замужествомъ у него сваливалась бы гора съ плечъ. Однимъ словомъ, я должна была на время исчезнуть, чтобы избавиться отъ этого удовольствія. Вы теперь знаете всѣ подробности, почему я рѣшилась пріѣхать сюда, Василій Тимофеечъ...

— Лучшаго вы ничего не могли и придумать, Настасья Яковлевна, тѣмъ болѣе, что я, дѣйствительно, начинаю чувствовать себя до извѣстной степени виноватымъ. Впрочемъ, знаете что: вы можете вступить въ число членовъ нашей компаніи и тогда ваше пребываніе здѣсь не покажется никому страннымъ...

Дѣвушка посмотрѣла на него и проговорила одну фразу:
— Зачѣмъ обманывать?..

V.

Дальнѣйшія событія понеслись съ особенной быстротой, такъ что пребываніе Настасьи Яковлевны въ Челканѣ никому не бросалось въ глаза. Экспедиція распалась на два лагеря: женщины пока оставались въ Челканахъ, а мужчины поселились въ Красномъ-Кусту. У послѣднихъ сразу появилось необходимое дѣло, и никто не оставался безъ работы. Потемкинъ завѣдывалъ постройками въ качествѣ главнаго инженера, студентъ Крестниковъ служилъ штейгеромъ, наблюдавшимъ за приисковой работой, Сережа открылъ „главную контору“ и возился цѣлые дни съ своими гроссбухами. Кстати, появленіе Сережи на приискѣ было обставлено очень печальными обстоятельствами: онъ проигрался въ пухъ и прахъ, такъ что не на что было пріѣхать на приискъ.

— Для начала недурно, — явилъ его Окоемовъ.

— А а не виновать, что не хватило двадцати пяти рублей, — оправдывался Сережа совершенно серьезно. — Если бы были эти несчастныя деньги, я не только отыгрался бы, но и всѣхъ другихъ обыгралъ... Одинъ адвокатъ меня подвелъ.

— Очень жаль, что онъ этого не сдѣлалъ раньше... Сережа, когда же мы, наконецъ, исправимся? Кстати, какъ у тебя дѣла съ княжной?

Послѣдній вопросъ каждый разъ приводилъ Серезу въ смущеніе, и онъ дѣлалъ малолушный видъ, что ничего не слышитъ. Вообще же, онъ скромно прятался отъ княжны или отсиживался у себя въ Красномъ-Кусту. Кромѣ княжны, въ Челванѣ Серезу возмущалъ самъ г. попъ, какъ онъ называлъ о. Аркадія. Однимъ словомъ, непріятностей было достаточно, и Сереза предпочиталъ отсиживаться съ своими грессбухами. Теперь онъ свелъ знакомство съ Потемкинымъ и вдвоемъ они просиживали дѣльные вечера у себя въ конторѣ, или гдѣ-нибудь у огонька на берегу Кулижки. Изобрѣтатель всецѣло былъ поглощенъ новымъ открытіемъ, которое должно было перевернуть въ основѣ всѣ понятія о цѣнности.

— Вы только представьте себѣ, Сергѣй Ипполитычъ, — говорилъ Потемкинъ, дѣлая неуклюжій жестъ: — вы представьте себѣ, что золото вздоръ, а съ нимъ вмѣстѣ и наши общепринятые понятія о богатствѣ... Да. И это заблужденіе прошло черезъ тысячелѣтія... Одни алхимики чего стоили, отыскивая секретъ приготовленія золота искусственнымъ путемъ. Впрочемъ, они съ своей точки зрѣнія были правы и новѣйшая наука неудержимо идетъ къ ихъ міровоззрѣнію... Вѣдь всѣ силы уже сведены въ одному движенію, и только вопросъ времени, когда такъ называемыя въ химіи простыя тѣла тоже сведутся въ одному общему знаменателю. Съ нѣкоторой гадательностью и сейчасъ можно представить себѣ это „прототѣло“, т.-е. его химическіе признаки, физическія свойства и общую формулу. Я давно думалъ объ этомъ и пришелъ къ заключенію, что искусственное приготовленіе золота вполне достижимо, но едва ли когда-нибудь будетъ выгоднымъ. Да... Такое искусственное золото будетъ дороже добытаго обыкновеннымъ способомъ въ готовомъ видѣ изъ земныхъ нѣдръ. А вотъ другое дѣло, если мы добьемся до того, когда будемъ добывать золото не изъ россыпей и жилъ, а прямо изъ первоисточника, т.-е. изъ первозданныхъ породъ, какъ граниты, и, главнымъ образомъ, изъ воды.

— Изъ воды?—удивлялся Сереза, дѣлая большіе глаза.— Чортъ возьми, это интересно... Ну-съ, продолжайте.

— Въ природѣ мы встрѣчаемъ золото въ двухъ видахъ, именно, въ формѣ коренныхъ мѣсторожденій, когда оно залегаетъ въ кварцевыхъ пропластахъ—это жилы, или во вто-

ричной формѣ, происшедшей, благодаря разрушенію первой— это золотиносныя россыпи, какъ продуктъ разрушенія кварцевыхъ жилъ. Въ томъ и другомъ случаѣ, какъ теперь уже доказано, главнымъ дѣятелемъ является вода, которая выноситъ изъ земныхъ нѣдръ тончайшіе растворы золота и осаждаетъ ихъ въ формѣ жильнаго золота, и эта же вода потомъ разрушаетъ такія жилы въ песокъ. Весь вопросъ въ томъ, что мы принимаемъ этотъ процессъ образованія жилъ и россыпей какъ завершившійся фактъ, а между тѣмъ, это грубая ошибка—и сейчасъ вода производитъ ту же работу, какъ и тысячу лѣтъ тому назадъ. Мы имѣемъ дѣло съ омертвѣвшими формами, а нужно обратиться прямо въ лабораторію, гдѣ происходятъ эти образованія. Вѣдь вся видимая природа это одна грандіозная лабораторія, которой только нужно умѣть воспользоваться. До сихъ поръ, напримѣръ, мы сумѣли отчасти только воспользоваться работой теплоты, а скоро будемъ пользоваться работой холода. Конечно, холодъ понятіе раскошее, а въ существѣ дѣла есть только одна теплота, и въ ея минимальныхъ дозахъ мы еще не умѣемъ пользоваться. Все это связано съ нестоимой работой воды при разныхъ температурахъ, подъ разными давленіями и при разныхъ химическихъ комбинаціяхъ.

— По вашему мнѣнію, значить, заносы золота въ природѣ нестоимы?

— Да... Настолько нестоимы, что если мнѣ удастся осуществить свои опыты, золото упадетъ въ цѣнѣ процентовъ на восемьдесятъ... Я уже подсчиталъ возможные комбинаціи. И вы представьте себѣ положеніе торговли, промышленности и всего нашего экономическаго уклада, когда золото будетъ обезцѣнено и встанетъ на ряду съ другими металлами. Трудно даже приблизительно подсчитать все, что можетъ произойти... Я иногда просыпаюсь даже по ночамъ и все думаю.

Эти сны на яву не нравились только Окоемову, потому что Потемкинъ не воспользовался своимъ пребываніемъ въ Екатеринбургѣ и очень мало сдѣлалъ для своихъ насосовъ. Пока онъ оставлялъ его въ покоѣ, выжидая, когда бредъ пройдетъ самъ собой. Жаль было, конечно, напрасно потерянного времени, но Потемкинъ успѣлъ занять совершенно

особенное мѣсто и жилъ на своемъ особомъ основаніи „придворнымъ изобрѣтателемъ“, какъ окрестилъ его Сережа.

— Ну, что, какъ наши насосы? — спрашивалъ иногда Окоемовъ.

— Ничего, все будетъ готово, Василий Тимофеичъ, — невоамутимо отвѣчалъ Потемкинъ, — вотъ только немножко провѣрить одну камеру, гдѣ должно образоваться безвоздушное пространство.

— Да, да, пожалуйста не очень увлекайтесь своимъ золотомъ...

Работа на пріискѣ кипѣла по всѣмъ пунктамъ. Пріисковыя постройки росли по днямъ, и Окоемовъ часто любовался дружной работой двухъ вятскихъ артелей. Хорошо работали, хоть американцамъ впору, да еще съ пѣснями, какъ ужъ нигдѣ въ свѣтѣ не работаютъ. По вечерамъ пріискъ представлялъ самую оживленную картину, точно громадный цыганскій таборъ. Весело горѣли огни, слышался говоръ, пѣсни, пиликанье гармоникъ. Недавно пустынное мѣсто сдѣлалось неузнаваемымъ. Первой строилась пріисковая контора и склады для провіанта и разной пріисковой снасти. Вчернѣ эти зданія должны были быть готовы уже въ іюлѣ. Развѣдка на пріискѣ приходила тоже къ концу. Вся площадь была разбита на нѣсколько участковъ, которые по приблизительной смѣтѣ могли выработаться лѣтъ въ десять. Быстрой выработки всей розсыпи Окоемовъ не домогался, въ чемъ серьезно расхотился съ Утлыхъ.

— Вотъ тоже ошибка, Василий Тимофеичъ, что вы такія зданія строите, — говорилъ сибирякъ, — не вѣзъ вѣковать на Кулижкѣ...

— Ничего и зданія пригодятся, Илья Федорычъ.

Окоемовъ самъ разработалъ подробный планъ выработки розсыпи, разсмотрѣвъ который Утлыхъ только качалъ головой. Получалось совсѣмъ не то, что онъ привыкъ видѣть на уральскихъ промыслахъ.

— Видите ли дѣло въ чемъ, — объяснялъ Окоемовъ, — нельзя изрыть землю да такъ ее и бросить... А мы сдѣлаемъ вотъ что: изъ турфовъ устроимъ громадную плотину, а когда розсыпь выработается — на ея мѣстѣ будетъ прекрасный прудъ. Здѣсь, вообще, воды не достаетъ.

— Для чего же намъ прудъ, Василий Тимофеичъ?

— А мельницу поставимъ... Если сами не воспользуемся, то красноустскіе мужики скажутъ намъ спасибо.

Окоёмовъ не договаривалъ главнаго, именно, что выработанный прикъсъ обратитъ въ опытную сельскохозяйственную станцію, причѣмъ землю будетъ арендовать у башкиръ. Странно, что эти планы кажимъ-то чутьемъ понималъ одинъ фельдшеръ Потаповъ. Онъ теперь былъ поглощенъ пчеловодствомъ и собралъ цѣлую коллекцію медоносныхъ степныхъ растений.

— Будетъ пчелка вестись, Василий Тимофенчъ, — убѣжденно говорилъ фельдшеръ. — И какой медъ будетъ собирать, не чета нашему липовому расейскому. Степной цвѣточный медъ, душистый... Сказывали мнѣ, что въ горахъ у башкиръ еще лучше — тамъ съ горныхъ травъ еще пріятнѣе медъ. Дѣльце не маленькое, ежели его обмозговать...

Женщины оставались пока въ Челканѣ и поменьку приспособлялись къ новымъ условіямъ. Хохлушка Анна Федоровна училась у панады равной сибирской страпнѣ и приходила въ восторгъ отъ деревенскаго пшеничнаго хлѣба, который выпекался изъ свѣже-смолотой на простой раструсочной мельницѣ пшеницы. Это было что-то необыкновенное. Хлѣбъ получался пышный, душистый, хотя и не имѣлъ бѣлизны настоящей кружатки. Вообще, хозяйки-сибирячки хорошо умѣли готовить всевозможное „сибирское тѣсто“. Потомъ хохлушка занялась пробной варкой варенья изъ поспѣвшей степной клубники и земляники. Ягодъ было много до безсовѣстности. На башкирскихъ пустовавшихъ земляхъ можно было собирать ихъ дѣйствительно прямо возами.

— Да тутъ можно открыть цѣлую фабрику варенья! — ахала хохлушка, когда осматривала степные ягодники. — И пастилы, и сухое кievское варенье, и консервы всякіе... Нѣтъ, это что-то невѣроятное, и все это пропадаетъ зря.

Калерія Михайловна занялась огородомъ и скотнымъ дворомъ. Она любила только свое домашнее хозяйство, какъ настоящая великорусская женщина. Какихъ телятъ можно было здѣсь выращивать, сколько домашней птицы развести, и все это подъ рукой, дешево и удобно. Сѣно, на примѣръ, стоило баснословно дешево, а также и всякій другой кормъ. Да, тутъ уже начиналось настоящее сибирское приволье, которому не доставало только рукъ. Въ урожайные года сѣно продавалось иногда по 80 в. возъ, а овесъ по 20 в. пудъ. Калерія Ми-

хайловна видала хозяйство въ помѣщичьихъ имѣньяхъ средней Россіи и могла оцѣнить по достоинству новую обстановку.

— Вамъ въ воза соломы у мужика не купите ни за какую цѣну, — рассказывала она о. Аркадію: — потому что соломой, главнымъ образомъ, кормятъ скотъ... Мужики покупаютъ сами въ солому у помѣщиковъ и богатыхъ арендаторовъ. Скотина пасется по межамъ... Скотъ является какой-то драгоценностью. Ахъ, какъ можно здѣсь жить, о. Аркадій.. Одно молочное хозяйство чего стоитъ.

Вообще, въ Калеріи Михайловнѣ проснулась домовитая русская хозяйка, которая почувствовала подъ ногами твердую почву. Она теперь бодро смотрѣла на свое будущее и знала отлично, что заработаетъ свой хлѣбъ. Сколько будетъ на приискѣ однихъ служащихъ, а вѣдь ихъ надо прокормить. Затѣмъ, можно устроить дешевую столовую для рабочихъ, имѣть запасы, даже устраивать заготовки для вольной продажи. Въ хозяйствѣ ничего не пропадаетъ, и каждое лыко идетъ въ строку. А, главное, такой хорошей здоровый трудъ, который вполне обезпечиваетъ и отгоняетъ прочь щемящую мысль о кускѣ хлѣба: будетъ день — будетъ хлѣбъ.

— У васъ здѣсь совсѣмъ неизвѣстно огородное хозяйство, — рассказывала она попадѣ съ увлеченіемъ. — Вѣдь одного картофеля до четырехсотъ сортовъ, а капуста, огурцы — да мало ли что найдется. Главное, чтобы все было свое, не покупное... Иногда оно бываетъ даже дороже купленного и все-таки выгоднѣе, потому что затраты дѣлаются постепенно и незамѣтно. Наконецъ, здѣсь совсѣмъ не умѣютъ дѣлать сыра домашнимъ способомъ, коптить рыбу, дѣлать колбасы, свиное сало.

Однимъ словомъ, всѣ быстро входили въ курсъ дѣла, осваиваясь съ новой обстановкой и приготавливаясь къ будущей дѣятельности. Каждый начиналъ чувствовать себя дома — это великое чувство, которое даетъ смыслъ жизни. Исключеніе представляла только одна княжна, которая не умѣла приспособиться ни къ чему: хозяйство она не любила, домашней работы не понимала, а главное — совсѣмъ не интересовалась будничнымъ вопросомъ ежедневнаго обихода. Не все ли равно, что ѣсть или какъ одѣться? Ея единственный интересъ всегда составляли люди съ ихъ горемъ, заботой и нуждой, а въ деревнѣ она рѣшительно терялась, какъ и куда пристроить свой капиталъ. Здѣсь всѣ жили слишкомъ по-

своему, и эта жизнь меньше всего напоминала столичную или, вообще, городскую жизнь. Мужиковъ и бабъ въ первое время она просто боялась, какъ боялась лошадей, коровъ, свиней, пауковъ и мышей. Если что ее интересовало, такъ Настасья Яковлевна, которая съ такимъ вниманіемъ присматривалась къ новымъ для нея людямъ. Да, это былъ совершенно неизвѣстный міръ и такой далекій отъ той обстановки, среди которой она выросла. Просыпаясь утромъ, она каждый разъ протирала глаза и съ удивленіемъ осматривалась кругомъ, точно больной, очнувшійся отъ какого-то тяжелого забытья. Княжнѣ нравился больше всего сдержанный и ровный характеръ этой милой раскольницы. Все у нея выходило какъ-то съ вѣсомъ и по-своему.

— Вамъ скучно здѣсь?—спрашивала княжна.

— Какъ это скучно? Я не умѣю скучать...

Княжна слѣдила за отношеніемъ къ ней Окоемова и ничего не могла замѣтить. Онъ часто пріѣзжалъ въ Челканъ и держалъ себя съ Настасьей Яковлевной, какъ и со всѣми другими. Между ними установились какія-то товарищескія отношенія.

— Нѣтъ, онъ ея не любитъ,—рѣшала княжна про себя.— И она тоже... А въ сущности, я уже ничего не понимаю. Если мужчина полюбитъ, онъ уже потеряетъ голову...

Княжну искренно огорчало то, что исчезла всякая романтическая обстановка въ отношеніяхъ Окоемова къ Настасьѣ Яковлевнѣ. А какая же любовь можетъ быть безъ этого? Нужны ожиданія, страхъ, слезы, страданія, препятствія, и такъ далѣе, какъ это происходитъ, напримѣръ, въ операхъ или въ настоящихъ хорошихъ романахъ. Однимъ словомъ, никакой обѣщающей обстановки. Разъ княжна не вытерпѣла и въ упоръ спросила дѣвушку:

— Скажите откровенно, Настасья Яковлевна, вамъ нравится Окоемовъ?

Дѣвушка сначала не поняла вопроса: какъ нравится? Что онъ сдѣлалъ, чтобы не нравится? А потомъ отвѣтила совершенно спокойно:

— Да...

Княжна теперь знала, что раскольница не любитъ,—любящія дѣвушки такъ спокойно не отвѣчаютъ.

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ДОРОГОМУ ДРУГУ.

Улыбкой радостной сіяя,
Надеждъ и счастья полна,
Царица дней роскошныхъ мая,
Проходитъ юная весна...
Проходитъ... отцвѣтають розы,
И улетаетъ соловей,—
И тонуть розовыя грезы
Въ туманѣ невозвратныхъ дней...

Пройдутъ года, и ты, родная,
Весну свою переживешь;
Но въ тѣ же свѣтлые дни мая
Ты прежнихъ чувствъ ужъ не найдешь...
Тогда, быть можетъ, вызывая
Былое въ памяти своей,
Ты улыбнешься, вспоминая
О дружбѣ свѣтлыхъ юныхъ дней.

О. Д.

ОБЕРОНЪ.

Наступилъ іюнь. Я сдала окончательный экзаменъ и получила свидѣтельство на врачебную практику. Мнѣ предложили мѣсто врача въ частную сельскую больницу. Разумѣется, я приняла предложеніе, но выговорила два мѣсяца отдыха: меня тянуло на югъ, гдѣ сосредоточивались всѣ мои симпатіи... И такъ, я съ наслажденіемъ повидала вѣчно сырую сѣверную Пальмиру и что есть духу мчалась съ своимъ скромнымъ багажемъ на Николаевскій вокзалъ. Наконецъ, улеглась суматоха и бѣготня, билетъ взятъ, багажъ сданъ куда слѣдуетъ, артельщикъ усадилъ меня въ окону, и вагонъ тронулся. Сначала насъ было только двое въ купе. Передо мной сидѣлъ господинъ среднихъ лѣтъ; лицо его казалось мнѣ знакомымъ: я гдѣ-то видѣла эти глаза съ задумчивымъ взоромъ и въ особенности этотъ ротъ, который встрѣчается только у людей въ высшей степени нервныхъ. Я невольно стала припоминать и сравнивать. Желаніе доисаться предполагаемаго сходства было такъ живо и настойчиво и поглотило до такой степени все мое вниманіе, что я не слыхала, какъ къ намъ присоединились еще два пассажира; у каждаго изъ нихъ было по собаку; они ѣхали на дачу и сѣли только на одну станцію. Собака моего сосѣда, золотистый сетеръ, улеглась подъ лавку и не подавала признаковъ своего существованія, зато товарищъ его, черный водолазъ, не могъ усидѣть на мѣстѣ: ему нужно было вездѣ побывать и всѣхъ обнюхать.

„Ici, Oberon, ici!“ закричалъ его хозяинъ, когда собака вздумала было навѣстить одно купе, гдѣ были дѣти; дѣти испугались и подняли крикъ.

Мнѣ показалось, что мой vis-à-vis вздрогнулъ.

— Вашу собаку зовутъ Оберономъ?—спросилъ онъ, обращаясь къ хозяину водолаза.

— Да; вамъ вѣжется это страннымъ?—спросилъ въ свою очередь нашъ спутникъ.

— Это имя рѣдко даютъ собакамъ.

— Мнѣ подарили его щенкомъ съ готовой кличкой,—самъ я никогда не окрестилъ бы его такимъ заморскимъ прозвищемъ; толи дѣло наши доморощенные влички: Дружокъ, Чародѣй, Матросъ... Мало ли!.. Но что будете дѣлать, изъ уваженія къ дарительницѣ я оставилъ за моимъ водолазомъ вличку Оберона, хотя съ удовольствіемъ замѣнилъ бы ее другою.

Оберонъ помогъ намъ завязать общій разговоръ. Такъ мы узнали, куда и зачѣмъ каждый изъ насъ ѣхалъ. Дачники были двоюродные братья, ѣздившіе въ Петербургъ на нѣсколько дней повидаться съ тетужкой, которую доктора отправляли въ Ментонъ. Обладатель седера былъ страстный охотникъ, а кузень его—домосѣдъ и садоводъ. Мой vis-à-vis съ нервной линіей въ губахъ и задумчивыми глазами—докторъ; онъ жилъ постоянно въ Москвѣ, имѣлъ семейство, небольшой домикъ на Патріаршихъ прудахъ и порядочную практику. Когда наши спутники разстались съ нами за Колпинцмъ, мы продолжали дальнѣйшій путь уже какъ старые знакомые.

— Подумаешь: бывають же въ жизни такія необъяснимыя совпаденія,—говорилъ докторъ, задумчиво смотря въ окно.—Минутная встрѣча, случайное слово, а вѣдь какъ задѣнетъ! Вотъ хоть бы это имя—Оберонъ!

— Да, если съ именемъ соединено тяжелое или радостное воспоминаніе,—замѣтила я.

— Охъ, ужъ не говорите! одно изъ самыхъ тяжелыхъ! Повѣрите ли, не могу отдѣлаться отъ него. И всякій разъ, при малѣйшемъ намекѣ мною овладѣваетъ тревога!..

Мы оба замолчали.

— Лѣтъ двадцать тому назадъ,—началъ снова докторъ,—я кончилъ экзамены. Въ карманѣ у меня лежалъ лекарскій дипломъ; недоставало только больныхъ. Надобно вамъ сказать, средства мои были очень ограничены; отъ покойныхъ родителей моихъ остался мнѣ тотъ маленький домикъ, въ которомъ я теперь живу. Годовой доходъ его далѣе трехсотъ рублей не шель. На это я существовалъ въ университетѣ. Окончивъ курсъ, я занялъ въ моемъ домѣ двѣ комнаты, прибилъ къ двери дощечку съ моимъ именемъ, повѣсилъ звонокъ, и сталъ поджидать чающихъ испцѣленія. Но

проходили дни, звонокъ висѣлъ себѣ, продолжая хранить упорное молчаніе; это меня раздражало. И почему бы больнымъ не испытать искусства молодого доктора!.. Думалъ было заняться чтеніемъ—куда! Читаю и ничего не понимаю; въ головѣ стучить одна и та же постоянная мысль: а что, если не удастся заручиться практикой? Послѣднія деньги разлетятся, и тогда что?

Такъ прошло недѣли три; я приунылъ. Я былъ молодъ, нетерпѣливъ и неопытенъ. Однажды вечеромъ забѣжалъ ко мнѣ одинъ изъ моихъ знакомыхъ, весельчакъ, никогда не унывающая сангвиникъ. Выслушавъ скорбную повѣсть моихъ разочарованій, онъ расхохотался, схватилъ со стола листъ бумаги, исписалъ его сотнею различныхъ именъ и, съ торжественностью египетскаго жреца, приказалъ мнѣ зажмурить глаза и остановиться пальцемъ на какомъ-нибудь мѣстѣ исписаннаго листа. Я повиновался. Палецъ мой указалъ на имя маленькаго городка въ Бессарабіи, родины моего пріятеля.

— „Эврика!“—вскричалъ мой пріятель.—Искать больше нечего; сдавай домъ, бери багажъ и, пока еще деньги твои не раскатились во всѣ стороны, лети въ страну, гдѣ зрѣютъ лимоны; сожалѣть не будешь. Городъ—прелестъ; жители—прелестъ. Подумай, его темные кипарисы и душистыя липы служили мнѣ колыбелью. Предсказываю тебѣ, что ты пожнешь тамъ лавры и карманы наполнишь презрѣннымъ металломъ. Поѣзжай не задумываясь; лучшаго не сыщешь!

— Подумаешь, что значитъ безшабашная самоувѣренность молодости: что жъ бы вы думали, вѣдь я въ самомъ дѣлѣ взялъ свой чемоданъ и помчался по приказанію моего вѣчно веселаго оракула.

Городокъ О. оказался дѣйствительно прелестнымъ уголкомъ. Воздухъ тамъ необыкновенно чистъ. Въ памяти его жителей не сохранилось ни одного случая эпидеміи, и старики ложатся въ могилу безъ всякаго тяжкаго приготовления. Какова арена для врача! И добро бы я былъ одинъ—нѣтъ, кромѣ меня, тамъ жилъ чуть ли не съ сотворенія міра другой врачъ. Меня очаровало прелестное мѣстоположеніе О. и его хорошенькіе домики, передъ которыми росли кипарисы и липы—два символа радости и горя.

— Этотъ уголокъ восхитителемъ,—думалъ я, осматривая городъ,—что жъ въ томъ, что люди здѣсь не хвораютъ; если старый товарищъ не умираетъ съ голода, то и я прекрасно проживу подъ одной изъ этихъ липъ. Какъ вы видите, по своему

внутреннему міру я принадлежалъ въ добродушнымъ философамъ, и притомъ—былъ молодъ. Пропитанный самыми дружелюбными чувствами, отправился я съ первымъ визитомъ къ моему товарищу-врачу. Старый Эскулапъ встрѣтилъ меня на крыльцѣ своего дома. Весь его обликъ имѣлъ поразительное сходство съ моржемъ: на толстомъ приземистомъ тѣлѣ сидѣла маленькая круглая голова, плотно остриженная подъ гребенку; низкій лобъ, круглые глаза и большіе торчащіе усы, моржъ, настоящій моржъ!

— Врачъ Буковскій!—отрекомендовался я.

На мое привѣтствіе моржъ сдѣлалъ своими короткими, толстыми руками неопредѣленное движеніе: не то приглашалъ меня войти, не то гналъ съ крыльца. Посѣщеніе мое продолжалось нѣсколько минутъ. Хозяинъ едва отвѣчалъ мнѣ, когда я сказалъ ему о намѣреніи своемъ остаться въ О. Вѣроятно, онъ принялъ бы меня гораздо любезнѣе, если бы я явился къ нему подъ какой-нибудь другой фирмой. Хотя этотъ недружелюбный приѣмъ произвелъ на меня крайне неприятное впечатлѣніе, тѣмъ не менѣе, я не унывалъ. „Э,—думалъ я, возвращаясь домой,—все обойдется, старый моржъ увидитъ, какой я добрый, незлобивый малый, и первый протянетъ мнѣ руку, а я между тѣмъ буду любоваться живописными окрестностями и дышать цѣлебнымъ воздухомъ благодатнаго края“. Мнѣ тогда, разумѣется, и въ голову не приходило, до чего могла дойти медицинская ненависть моего стараго коллега.

Въ маленькомъ, глухомъ городишкѣ, какъ О., на каждое новое лицо смотрять съ предубѣжденіемъ. Не принявъ предосторожности заручиться рекомендательными письмами отъ моего весельчака-пестуна, я отвѣчалъ, такъ сказать, самъ за себя, и скоро убѣдился, что, если я былъ вовсе не желаннымъ гостемъ для стараго врача, то для другихъ обитателей городка былъ во всякомъ случаѣ лицомъ подозрительнымъ. Я видѣлъ это, такъ сказать, написаннымъ на лицахъ всѣхъ тамошнихъ обывателей, начиная съ моей квартирной хозяйки и кончая почтальономъ. Между тѣмъ, я заводилъ знакомства, дѣлалъ визиты, мнѣ ихъ очень учтиво отдавали, и только. Я видѣлъ, что съ каждымъ днемъ общество все болѣе и болѣе чуждалось меня. Даже и тѣ немногіе, съ которыми, живя по сосѣдству, мнѣ удалось познакомиться, стали избѣгать моихъ поклоновъ и старались заранѣе переходить на другую сторону улицы, боясь, вѣроятно, чтобъ я не вздѣ-

малъ пожать имъ дружески руку. Ктожъ изъ нихъ согласился бы позволить мнѣ пощупать ему пульсъ? Вокругъ меня образовалась пустыня. Напрасно старался я угадать причину этого одиночества, на которое меня такъ единогласно осудили. Конечно, мнѣ нужно было уйти изъ этого негостепримнаго города и перенести мои симпатіи къ человѣчеству въ другую среду—куда гордость моя не позволяла мнѣ отступать. Развѣ это не все равно, что бѣжать,—говорилъ я себѣ,—признать за собой какую-то вину! Надобно остаться, пока не разсѣется на мой счетъ послѣднее подозрѣніе. Такъ упрямо держался я, стараясь въ то же время отыскать причину такого упорнаго отчужденія. „Ужъ не потерялъ ли я своей тѣни?—думалъ я, вспоминая исторію Петра Шлемиля; нѣтъ, солнце свѣтило ярко, и моя тѣнь неотступно слѣдовала за мною, или бѣжала впередъ, смотря по обстоятельствамъ. Это былъ вѣрный, неотлучный, но, увы! единственный товарищъ въ моихъ утреннихъ и вечернихъ прогулкахъ.

Незначительный случай еще болѣе усилилъ всеобщее недоверіе. Кто-то—вѣроятно, старый докторъ,—распространилъ слухъ, что я не патентованный врачъ, что я никогда не былъ въ университетѣ, а потому не имѣю законнаго права ни лѣчить, ни убивать больныхъ. Мѣстная полиція, принявъ въ свѣдѣнію этотъ слухъ, пригласила меня въ управленіе представить мои документы. Я предъявилъ; мнѣ ихъ вернули и извинились.

— А!—подумалъ я,—наконецъ-то заколдованный кругъ прорванъ. Вотъ оно что! — меня считали самозванцемъ. Я торжествовалъ. Но когда въ городѣ узнали, что меня призывали въ полицію, каждый толковалъ по своему этотъ случай. Всѣ предубѣжденія—де оправдывались. Къ несчастью, вслѣдствіе моего исключительнаго положенія, я не могъ разъяснить всего случившагося со мной въ управленіи. Стали поговаривать, что я сдѣлалъ какое-то преступленіе, и что если меня отпустили, то по недостатку доказательствъ. Словомъ, вслѣдствіе этого моральнаго остракизма мое положеніе становилось день-ото-дня невозможнѣе. Моему главному врачу—старому доктору—нечего было выдумывать на своего молодого собрата, ему стоило только сидѣть и молчать. Вокругъ меня обвели санитарную линію, словно я былъ зараженъ чумой. Недоверіе смѣнилось какой-то непонятной враждой. Каждый разъ, когда я показывался на улицѣ, даже дѣти смотрѣли на меня какъ-то особенно. Если я останавли-

вался и улыбался одному изъ нихъ, малютка начиналъ моргать и готовъ былъ заплакать... Но все это еще ничего. Одно обстоятельство, съ перваго взгляда незначительное, беспокоило меня ужасно. Повѣрите ли, я до сихъ поръ не могу о немъ вспомнить.

У стараго доктора была собака, Оберонъ,—прекрасное, кроткое животное, которое любилъ весь городъ безъ исключенія, и для котораго у каждаго было доброе слово. Можетъ статься, его господинъ выучилъ его видѣть во мнѣ врага, или мои привычки вынужденнаго одиночества ему не нравились, только Оберонъ никогда не встрѣчался со мной, не выказавъ мнѣ особенной непріязни. Антипатія Оберона была для меня очень чувствительна. Я зналъ, что отвращеніе такого милаго и кроткаго животнаго, какъ собака, считается въ глазахъ невѣжественной толпы очень дурнымъ признакомъ. Дошло до того, что я сталъ избѣгать Оберона. Завидѣвъ его издалека, я старался свернуть въ сторону, чтобъ только не встрѣтить его. Всѣ другія обиды и огорченія я сносилъ мужественно, по крайней мѣрѣ, сповойно, но эта собака меня раздражала, и встрѣча съ нею портила мнѣ расположеніе духа на цѣлый день. Ея непріязненный лай оскорблялъ меня сильнѣе обидной подозрительности людскаго общества. Изъ всѣхъ моихъ враговъ это былъ самый ужасный; я не могъ требовать отъ него удовлетворенія и не могъ утѣшать себя мыслию, что я его презираю.

Однажды вечеромъ я возвращался съ загородной прогулки съ ружьемъ на плечѣ и съ пустой, по обыкновенію, охотничьей сумкой: я былъ, вообще, дурной стрѣлокъ, и только съ тоски ходилъ на охоту. Я шелъ тихо и былъ не въ духѣ: до меня дошли слухи о вновь выдуманной сплетнѣ на мой счетъ. Въ моихъ рукахъ были всѣ данныя считать моего стараго коллеги авторомъ взведенной на меня клеветы. Вдругъ, при поворотѣ, я встрѣтился лицомъ къ лицу съ предметомъ моего душевнаго негодованія. Мы оба поблѣднѣли—онъ отъ страха, я—отъ злости. Я прошелъ бы мимо, еслибы Оберонъ, сопровождавшій доктора, не бросился на меня съ отчаяннымъ лаемъ.

— Удержите вашу собаку!—вскричалъ я, хватаясь за ружье.

Я не знаю, что пришло въ голову стареку, только онъ быстро прошелъ, не обративъ вниманія на мои слова. Собака выходила изъ себя; она прыгала, неистово лаяла и показы-

вала зубы. Тогда я вздумалъ было поугаать ее, дѣлая видъ, что прицѣливаюсь. Я снова кривнулъ ей хозяину:

— Возьмите вашу собаку!

Но въ эту минуту вдругъ ружье выстрѣлило. Оберонъ протяжно и жалобно завизжалъ и скатился съ деревяннаго тротуара, обливаясь кровью. Докторъ остановился въ испугѣ.

— Вы сами виноваты, — сказала я ему дрожавшимъ отъ волненія голосомъ, — я кричалъ вамъ, чтобъ вы взяли собаку.

И я поспѣшно удалился. Возвратясь домой, я бросился въ кресло, дрожа отъ волненія... Я чувствовалъ, что совершилъ преступленіе. Передъ моими глазами стоялъ Оберонъ, обогранный кровью. Настала ночь; я легъ въ постель, надѣясь заснуть и отдѣлаться отъ этой мучительной галлюцинаціи—вуда! во снѣ меня преслѣдовали кровавыя видѣнія. Оберонъ, окровавленный, обезображенный, являлся мнѣ во всѣхъ положеніяхъ.

На слѣдующій день я всталъ ранѣе обыкновеннаго. Я пытался было читать... напрасно; я не могъ сосредоточить своихъ мыслей; не могъ забыть окровавленной собаки. Я вышелъ изъ дома, хотя долженъ признаться, что переступилъ черезъ порогъ нерѣшительно и не смѣло пошелъ по улицѣ, боясь встрѣтиться съ кѣмъ-нибудь, чей взоръ могъ бы упрекнуть меня въ моемъ ужасномъ поступкѣ. Я не сомнѣвался, что старый докторъ постарался разнести по городу вчерашнее происшествіе и, вѣроятно, не пожалѣлъ красокъ. Кто жъ сталъ бы доискиваться: на чьей сторонѣ была вина? Впрочемъ, и собственная моя совѣсть не давала мнѣ покоя. Она напентывала мнѣ, что я не прочь былъ отомстить Оберону или его хозяину. Такъ бродилъ я до самой ночи.

Когда я возвратился въ городъ, мнѣ показалось, что всѣ дѣти отъ меня спрятались по домамъ... Я узналъ мѣсто, гдѣ постоянно встрѣчался съ Оберономъ: его тамъ, конечно, не было. Его отсутствіе поразило меня прямо въ сердце. Чего не далъ бы я, чтобъ услышать снова его лай, который не далѣе, какъ вчера, такъ сильно раздражилъ меня.

Такъ прошло нѣсколько дней... я страдалъ невыносимо... Мнѣ хотѣлось непремѣнно узнать, что случилось съ Оберономъ, — но у кого могъ я спрашивать?.. Я не убилъ его, — нѣтъ... Если я и не былъ въ томъ увѣренъ, то, по крайней мѣрѣ, надѣялся, что не убилъ. Но гдѣ онъ? Что сдѣлали съ нимъ? Я нѣсколько разъ прошелся мимо квартиры доктора, которой еще такъ недавно старательно избѣгалъ, въ надеждѣ

узнать что-нибудь объ Оберонѣ. Напрасно: и улица, и крыльцо были пусты. Наконецъ, однажды, увидалъ я издали собаку, лежавшую на порогѣ докторскаго дома. Я удвоилъ шаги... это былъ дѣйствительно Оберонъ; онъ спалъ на солнцѣ. Этотъ видъ заставилъ сильно биться мое сердце. Я быстро подошелъ къ нему и назвалъ его по имени. При звукѣ моего голоса онъ проснулся и сдѣлалъ прыжокъ, чтобы скрыться; но, отыскивая дверь, ударился головой о стѣну. Удивленный тѣмъ, что я видѣлъ, я взялъ обѣими руками голову Оберона и поднялъ ее вверхъ... Оберонъ былъ слѣпъ!

Трудно описать впечатлѣніе, произведенное на меня этимъ открытіемъ. Глаза мои невольно наполнились слезами—и я удалился. Каждый день отправлялся я къ квартирѣ доктора, чтобъ видѣть Оберона. Его ненависть ко мнѣ перешла въ страхъ. Инстинктъ давалъ ему знать о моемъ приближеніи, онъ прятался въ сѣни, слышавъ мои шаги. Бѣдный Оберонъ! Вскорѣ убѣдился я, что, потерявъ зрѣніе, онъ все теряетъ. Находя его бесполезнымъ; имъ стали пренебрегать. Хозяинъ, повидимому, держалъ его только, какъ вещественное доказательство противъ меня. Онъ худѣлъ и все болѣе и болѣе опускался. Я сильно страдалъ, что не могъ облегчить участи существа, внавшаго по моей милости въ несчастіе. Дальнѣйшее пребываніе мое въ О. становилось для меня невозможнымъ. Я рѣшился проститься съ темными кипарисами и душистыми липами непривѣтливаго городка, ѣхать на родину и тамъ приняться работать, не строя напрасныхъ воздушныхъ замковъ. Проститься навсегда съ О. не возбуждало во мнѣ ни малѣйшей печали,—но что станетъ съ Оберономъ? Могу ли я забыть его, куда бы ни поѣхалъ?

Лучше всего казалось мнѣ взять его съ собой и постараться загладить, насколько возможно, причиненное ему зло. И такъ, въ послѣдній разъ я отправился къ старому эскулапу, который не могъ скрыть удивленія при видѣ моей персоны.

— Я уѣзжаю изъ О.,—сказалъ я.

При этихъ словахъ я замѣтилъ торжествующую улыбку подъ торчащими усами и искреннюю радость въ прищуренномъ хитромъ глазѣ стараго моржа.

— Да, я ѣду; но прежде, чѣмъ оставлю О., я хочу сдѣлать вамъ предложеніе.

Тутъ улыбка смѣнилась выраженіемъ заботы.

— Не уступите ли вы мнѣ Оберона?—спросилъ я.

— Мою бѣдную, слѣпую собаку?—спросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Да, вашу бѣдную, слѣпую собаку.

— Зачѣмъ она вамъ? Ужъ не хотите ли вы пустить въ нее, ради потѣхи, еще ружейный выстрѣлъ?

Я чуть не вскочилъ со стула отъ бѣшенства, но, мгновенно овладѣвъ собою, тихо проговорилъ:

— Отдайте мнѣ ее, я ей не сдѣлаю вреда.

— Возьмите, —сказалъ онъ, пожимая плечами...— Впрочемъ, вы въ нѣкоторой степени имѣете на нее право... она носить вашу мѣтеу.

Я всталъ, отвѣсилъ молча поклонъ и вышелъ изъ комнаты. Я выѣхалъ изъ О. въ дилижансѣ. Оберонъ катилъ со мною, помѣщенный на мягкой постелѣ на крышѣ дилижанса.

На другое утро, остановясь въ гостинницѣ, гдѣ мы должны были завтракать, я просилъ кондуктора снять съ крыши слѣпую собаку. Я позвалъ Оберона... Но не успѣлъ я произвести его имени, какъ бѣдняжка, вырвавшись изъ рукъ кондуктора, пустился бѣжать по полю безъ оглядки. Я бѣжалъ за нимъ до самой рѣчки, гдѣ довольно сильный потокъ приводилъ въ движеніе мельничное колесо. Оберонъ бѣжалъ прямо къ мельницѣ. Два раза я едва не догналъ его; но каждый разъ стукъ моихъ шаговъ заставлялъ его ускорять бѣгъ,—наконецъ, онъ бросился въ воду. Когда я добѣжалъ къ рѣкѣ, то увидѣлъ, что бѣдная собака увлечена была потокомъ подъ мельничное колесо, гдѣ и исчезла.

Анна Розельонъ-Сошальская.

НАЧАЛО И РАЗВИТИЕ РУССКОЙ КРИТИКИ.

Шеллингисты.

(Окончаніе *).

VII.

Н. А. Полевой, какъ мы видѣли, обозрѣвая его критическую дѣятельность, первый положилъ начало идейной критикѣ, требуя, чтобы каждое художественное произведеніе было естественнымъ и непроизвольнымъ продуктомъ поэтического творчества. Этотъ принципъ поставилъ его во главѣ новаго романтическаго движенія защитникомъ этого движенія противъ отжившихъ ложно-классиковъ съ ихъ подчиненіемъ поэтического творчества условнымъ правиламъ устарѣлаго эстетическаго кодекса.

Но какъ романтическое движеніе, такъ и шедшая рука объ руку съ нимъ философія Шеллинга далеко не исчерпывались по отношенію къ искусству одною проповѣдью свободы и непроизвольности поэтического творчества. Вмѣстѣ съ тѣмъ возникло требованіе, чтобы искусство было самобытно и національно, такъ какъ, по самому существу своему, оно должно въ живыхъ образахъ воплощать не что иное, какъ ту идею, которую осуществляетъ народъ въ своей исторической жизни. Въ силу такого требованія произведенія искусства начали цѣниться не по *сходству* ихъ съ однородными произведеніями въ литературахъ другихъ націй, а напротивъ того, по ихъ *національному отличію*, оригинальности. Прежде стремились къ тому, чтобы создавать нѣчто похожее на Илиаду Гомера, комедіи Аристофана или Плавта, оды Пиндара, сатиры Горация. Теперь же, напротивъ того, всюду въ Европѣ бросились изучать памятники средневѣкового народнаго творчества, для того, чтобы проникаться духомъ поэзіи не греческой или римской, а своего народа.

*) См. «Міръ Вождя», № 2.

Вотъ это требованіе и было опущено Полевымъ, такъ какъ онъ далеко не воплотилъ проникся философіею Шеллинга, и къ тому же романтизмъ полагалъ въ одной свободѣ творчества. Вслѣдствіе этого онъ и проглядывалъ то важное обстоятельство, что нашъ русскій романтизмъ въ томъ видѣ, какъ онъ существовалъ въ произведеніяхъ Жуковского, Батюшкова и въ первыхъ произведеніяхъ Пушкина (начало 20-хъ годовъ),—былъ романтизмомъ не настоящимъ, а поддѣльнымъ. Въ романтизмѣ этомъ было полное отсутствіе главнаго качества романтизма: національной самобытности художественнаго творчества. Возьмите всѣхъ извѣстныхъ европейскихъ писателей того времени, какъ первостепенныхъ вродѣ Байрона, Гёте, Шиллера, такъ и второстепенныхъ—Уланда, Бюргера, Гебеля, Ламартина, Шенье—всѣ они являются не только оригинальными по отношенію другъ другу, но и выражаютъ въ своихъ произведеніяхъ духъ и особенности каждый своего народа. Какъ Шиллеръ и Гёте, только и мыслимы на нѣмецкой народной почвѣ, такъ и Байрона вы не можете себѣ представить нигдѣ, какъ лишь въ англійской литературѣ. Ни Шиллеру, ни Гёте не могло придти въ голову написать хоть нѣсколько строкъ въ подражаніе Байрону; въ свою очередь, и Байрону—создать что-либо въ гётевскомъ духѣ.

Наши же романтики—Жуковский, Батюшковъ и Пушкинъ въ своихъ первыхъ произведеніяхъ только и дѣлали, что дѣликомъ пересаживали на нашу почву нѣмецкій, англійскій и французскій романтизмъ, рабски подчиняясь поэзіи то Шиллера и Гёте, то Байрона, то Шенье, то Бюргера или Уланда и пр. и въ то же время были чужды всякой самобытности и оригинальности. Словомъ, поэзія ихъ носила все тотъ же рабски подражательный характеръ, какой имѣла она и прежде, въ періодъ господства ложнаго классицизма. Оказывалось такимъ образомъ, что одной свободы творчества было еще недостаточно. Напротивъ того, принципъ этотъ, взятый изолированно и односторонне, не замедлил повести къ весьма неблагоприятнымъ послѣдствіямъ, произвелъ въ нашей литературѣ нѣчто вродѣ анархіи самаго необузданнаго характера. Такъ какъ романтизмъ, освобождая поэтовъ отъ всякихъ правилъ, предоставлялъ имъ слушаться лишь голоса своего вдохновенія, то писать дѣлалось чрезвычайно легко: для этого не нужно, оказывалось, ни знанія жизни и человеческого сердца, никакого эстетическаго вкуса и чутья, чувства мѣры и такта. Какую-бы кто дичь не написалъ, онъ всегда имѣлъ оправданіе въ томъ, что былъ произволенъ въ своемъ творествѣ и что чуть что не самъ Богъ гласилъ его устами. Обществомъ овладѣла положительная стихо-

манія, чему не мало содѣйствовалъ и быстрый успѣхъ первыхъ поэмъ Пушкина, вызвавшій массу подражателей, желавшихъ сравниться съ своими кумиромъ и оспорить его славу. Всѣ эти подражатели выступали съ дикими лирическими поэмами въ байроновскомъ духѣ самаго фантазмагорическаго содержанія, такъ какъ, пользуясь дарованною имъ свободою творчества, творцы этихъ поэмъ освобождали себя отъ правилъ не только эстетическихъ, но и логическихъ, и даже грамматическихъ, а летали по волѣ своихъ необузданныхъ фантазій далеко за предѣлами здраваго смысла.

Щеллингисты тѣмъ и замѣчательны, что пошли впередъ отъ Полевого, заявивши недостаточность одного принципа свободы творчества и выставивши вмѣсто него новый принципъ самобытности.

Такъ, Веневитиновъ въ знакомой намъ статьѣ «Мысли объ изданіи журнала» выставляетъ во всемъ грустномъ безобразіи ту стихоманію, которая явилась въ нашемъ обществѣ благодаря именно принципу свободы творчества. «Мы,—говоритъ онъ,—отбросили французскія правила не отъ того, чтобы могли ихъ опровергнуть какою-нибудь положительною системою, но потому только, что не могли примѣнить ихъ къ нѣкоторымъ произведеніямъ новѣйшихъ писателей, которыми невольно наслаждаемся. Такимъ образомъ, правила невѣрныя замѣнились у насъ отсутствіемъ всякихъ правилъ. Однимъ изъ пагубныхъ послѣдствій сего недостатка нравственной дѣятельности была всеобщая страсть выражаться въ стихахъ. Многочисленность стихотворцевъ во всякомъ народѣ есть вѣрнѣйшій признакъ его легкомыслія; самыя типическія эпохи исторіи всегда представляютъ намъ самое малое число поэтовъ. Не трудно, кажется, объяснить причину сего явленія естественными законами ума; надобно только вникнуть въ начало всѣхъ искусствъ. Первое чувство никогда не творитъ и не можетъ творить, потому что оно всегда представляетъ согласіе. Чувство только порождаетъ мысль, которая развивается въ борьбѣ и тогда, уже снова обратившись въ чувство, является въ произведеніи. И потому истинные поэты всѣхъ народовъ, всѣхъ вѣковъ, были глубокими мыслителями, были философами и, такъ сказать, вѣнцомъ просвѣщенія. У насъ языкъ поэзіи превращается въ механизмъ; онъ дѣлается орудіемъ безсилія, которое не можетъ дать себѣ отчета въ своихъ чувствахъ и потому чуждается опредѣлительнаго языка разсудка. Скажу болѣе: у насъ чувство, нѣкоторымъ образомъ, освобождаетъ отъ обязанности мыслить и, прельщая легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекаетъ отъ высокой цѣли совершенствованія».

Въ этомъ требованіи, чтобы искусство не ограничивалось одною легкостью безотчетнаго наслажденія, отвлекающаго людей отъ

вскакой цѣли усовершенствованія, чтобы поэты были глубокими мыслителями, философами, отцами просвѣщенія, таковы зародыши всѣхъ существенныхъ принциповъ русской критики въ ея послѣдующемъ развитіи, которая, какъ увидимъ ниже, главнымъ образомъ заботилась о томъ, чтобы искусство неуклонно имѣло въ виду высокія общественныя и нравственныя цѣли и въ лицѣ лучшихъ своихъ представителей постоянно отрицала то чистое искусство, которое, пренебрегая этими цѣлями, ограничивается одними эстетическими наслажденіями. Шеллигинисты такимъ образомъ первые положили начало такому серьезному взгляду на задачи искусства.

VIII.

Видѣвъ съ тѣмъ, шеллигинисты горячо возстали противъ подражательности русскихъ писателей западнымъ образцамъ, равно какъ и противъ укоренившагося обычая русскихъ критиковъ приравнивать соотечественныхъ литераторовъ къ тѣмъ или другимъ корифеямъ западныхъ литературъ. И въ этомъ отношеніи они оставили Полевого позади себя. Послѣдній при всемъ и романтизмѣ, и шеллигинизмѣ никакъ не могъ отстать отъ этого завѣщаннаго ложнымъ классицизмомъ обычая. Такъ, когда вышла въ свѣтъ первая глава «Евгенія Онѣгина» Пушкина, Полевой поспѣшилъ сейчасъ сравнить Евгенія Онѣгина съ Донъ-Жуаномъ, а въ Пушкинѣ призналъ русскаго Байрона. И вотъ, несмотря на всю дружбу съ Пушкинымъ, шеллигинисты не замедлили возстать противъ Полевого за такое, хотя и лестное для Пушкина, но тѣмъ не менѣе совершенно негѣлое сравненіе. Такъ, Веневитиновъ въ 1824 г. въ «Сынѣ Отечества» вотъ въ какихъ словахъ возражалъ Полевою:

«Кто отказываетъ Пушкину въ истинномъ талантѣ, кто не восхищался его стихами? Кто не сознается, что онъ подарилъ нашу словесность прелестными произведеніями? Но для чего же сравнивать его съ Байрономъ, съ поэтомъ, который, духомъ принадлежалъ не одной Англии, а нашему времени, въ пламенной душѣ своей сосредоточилъ стремленіе цѣлаго вѣка, и еслибъ могъ изгладиться въ исторіи частнаго рода поэзіи, то вѣчно остался бы въ лѣтописяхъ ума человѣческаго?»

«Всѣ произведенія Байрона носятъ отпечатокъ одной глубокой мысли—мысли о человѣкѣ, въ отношеніи къ окружающей его природѣ, въ борьбѣ съ самимъ собою, съ предрасудками, врѣзавшимися въ его сердце, въ противорѣчій съ своими чувствами. Говорятъ: въ его поэмахъ мало дѣйствія. Правда, его цѣль не разсказъ; характеръ его героевъ не связь описаній; онъ описываетъ

предметы не для предметовъ самихъ, не для того, чтобы представить рядъ картинъ, но съ намѣреніемъ выразить впечатлѣнія ихъ на лицо, выставленное имъ на сцену. Мысль истинно поэтическая, творческая.

«Теперь, г. издатель «Телеграфа», повторяю вамъ вопросъ: что такое Онѣгинъ? Онъ вамъ знакомъ, вы его любите. Такъ! но этотъ герой поэмы Пушкина, по собственнымъ словамъ вашимъ, «спадаетъ съ утомъ, вѣтренникъ съ сердцемъ», и ничего болѣе. Я сузю также, какъ вы, т.-е. по одной первой главѣ; мы, можетъ быть, оба ошибаемся, и оправдаемъ осторожность опытнаго критика, который, опасаясь попасть въ «кривотолки», не захотѣлъ произнести преждевременно своего сужденія.

«Теперь позвольте спросить: что вы называете «новыми приобрѣтеніями Байроновъ и Пушкиныхъ?» Байрономъ гордится новая поэзія, и я, въ нѣсколькихъ строчкахъ, уже старался замѣтить вамъ, что характеръ его произведеній истинно новый. Не будемъ оспаривать у него славы изобрѣтателя. Пѣвецъ «Руслана и Людмилы», «Кавказскаго плѣнника» и проч. имѣетъ неоспоримыя права на благодарность своихъ соотечественниковъ, обогативъ русскую словесность красотами, доселѣ ей неизвѣстными, но праздноюсь вамъ и самому нашему поэту, что я не вижу въ его твореніяхъ прибрѣтений, подобныхъ Байроновымъ, «дѣлающихъ честь вѣку». Лира Альбіона познакомила насъ со звуками, для насъ совершенно новыми. Конечно, въ вѣкъ Людовика XIV никто бы не написалъ и поэмъ Пушкина; но это доказываетъ не то, что онъ подвинулъ вѣкъ, но то, что онъ отъ него не отсталъ. Многіе критики, говоритъ Полевой, увѣряютъ, что «Кавказскій плѣнникъ», «Бахчисарайскій фавтанъ» ваяты изъ Байрона. Мы не утверждаемъ такъ опредѣлительно, чтобы нашъ стихотворецъ заимствовалъ изъ Байрона планы поэмъ, характеры лицъ, описанія; но скажемъ только, что Байронъ оставляетъ въ его сердцѣ глубокія впечатлѣнія, которыя отражаются во всѣхъ его твореніяхъ. Я говорю смѣло о Пушкинѣ, потому что онъ стоитъ между нашими стихотворцами на такой ступени, гдѣ правда уже не колетъ глаза».

Совершенно то же самое, только еще болѣе ясно и опредѣленно высказалъ и Ив. Кирѣевскій въ своей статьѣ «Нѣчто о поэзіи Пушкина» въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» 1828 г.:

«Время Чайльд-Гарольдовъ, слава Богу еще не настало для нашего отечества, — говоритъ онъ, — молодая Россія не участвовала въ жизни западныхъ государствъ; и народъ, какъ человѣкъ, не старѣется чужими опытами. Блестящее поприще открыто еще для русской дѣятельности; всѣ роды искусствъ, всѣ отрасли по-

знаній еще остаются неувоенными нашему отечеству; намъ дано еще: надѣяться—что же дѣлать у насъ разочарованному Чайльдъ-Гарольду?

«Посмотримъ, какія качества сохранилъ и утратилъ цвѣтъ Британіи, бывъ пересаженъ на русскую почву.

«Любимая мечта британскаго поэта есть существо необыкновенное, высокое. Не бѣдность, но презрѣтокъ внутреннихъ силъ дѣлаетъ его холоднымъ къ окружающему міру. Безсмертная мысль живетъ въ его сердцѣ и день, и ночь, поглощаетъ въ себѣ все бытіе его и отравляетъ всѣ наслажденія. Но въ какомъ бы видѣ она ни являлась: какъ гордое презрѣніе къ человѣчеству, или какъ мучительное раскаяніе, или какъ мрачная безнадежность, или какъ неумолимая жажда забвенія, эта мысль всеобъемлющая, вѣчная—что она, если не невольное стремленіе къ лучшему, тоска по недосыгаемому совершенствѣ? Нѣтъ ничего общаго между Чайльдъ-Гарольдомъ и толпой людей обыкновенныхъ: его страданія, его мечты, его наслажденія непонятны для другихъ; только высокія горы да голые утесы говорятъ ему отвѣтныя тайны, ему одному слышныя. Но потому именно, что онъ отличенъ отъ обыкновенныхъ людей, можетъ онъ отражать въ себѣ духъ своего времени и служить границей съ будущимъ; потому что *только разномыслие связуетъ различныя созвучія* *)).

«Напротивъ того, Онѣгинъ есть существо совершенно обыкновенное и ничтожное. Онъ также равнодушенъ ко всему окружающему; но не ожесточеніе, а неспособность любить сдѣлала его холоднымъ. Его молодость также прошла въ вихрѣ забавъ и разсѣянія; но онъ не завлеченъ былъ кипѣніемъ страстной немытой души, но на паркетѣ провелъ холодную жизнь франта. Онъ также бросилъ свѣтъ и людей; но не для того, чтобы въ уединеніи найти просторъ взволнованнымъ думамъ, но для того, что ему было равно скучно вездѣ

...Что онъ равно вѣвалъ

Средь модныхъ и старинныхъ залъ.

Онъ не живетъ вокругъ себя жизнью особенною, отчѣнною отъ жизни другихъ людей, и презираетъ человѣчество потому только, что не умѣетъ уважать его. Нѣтъ ничего обыкновеннѣе такого рода людей, а всего меньше поэзіи въ такомъ характерѣ.

«Вотъ Чайльдъ-Гарольдъ въ нашемъ отечествѣ, и честь поэту, что онъ представилъ намъ не настоящаго: потому что, какъ мы уже сказали, его время еще не пришло для Россіи и дай Богъ, чтобы никогда не приходило!»

*) Курсивъ въ подлинникѣ.

Эта мастерская характеристика Евгенія Овѣгина не только разъ навсегда установила взглядъ публики на героя романа Пушкина, но вмѣстѣ съ тѣмъ, нѣтъ сомнѣнія въ томъ, что произвела свое вліяніе на дальнѣйшее развитіе и продолженіе Пушкинымъ его романа. Правда, что какъ человѣкъ гениальнаго ума и тонкаго поэтическаго чутья, Пушкинъ и помимо идей шеллингистовъ, самъ по себѣ съ каждымъ годомъ все болѣе и болѣе склонялся на путь самобытно-реальнаго поэта и нравописателя русской жизни. Стоило ему прожить нѣсколько лѣтъ въ селѣ Михайловскомъ, гдѣ, послѣ блестящей и величественной южной природы черноморскаго побережья, окружилъ его незатѣйливо-простой, бѣдный красками, но зато привольный и хватающій за душу пейзажъ средней полосы Россіи и раскрывалась передъ нимъ деревенская русская жизнь во всей своей простотѣ, монотонности и вмѣстѣ съ тѣмъ чарующей глубинѣ,—чтобы послѣдніе слѣды увлеченія байроновскою поэзіею изгладились у Пушкина, и онъ все болѣе и болѣе началъ проникать въ тайны русской народной жизни и поэзіи. Драма «Борисъ Годуновъ», съ которою онъ пріѣхалъ въ Москву въ 1826 году, была первымъ вѣстникомъ того переворота, какой пережилъ Пушкинъ. Но нѣтъ сомнѣнія и въ томъ, что бесѣды съ друзьями-шеллингистами о необходимости стремиться къ самобытности и народности въ поэтическомъ творествѣ не мало содѣйствовали этому перевороту, помогли Пушкину сознать его и опредѣлить.

Къ сожалѣнію, какъ Веневитиновъ, такъ и Ив. Кирѣевскій въ качествѣ критиковъ не отличались плодovitостью и имъ не удалось сдѣлаться такими усердными журналистами, которые изъ года въ годъ постоянно проводили бы свои идеи въ цѣломъ рядѣ статей по поводу различныхъ произведеній, появлявшихся въ ихъ время. Гораздо болѣе усерднымъ критикомъ—на почвѣ философіи Шеллингиста, оставившимъ послѣ себя глубокіе слѣды и результаты своей критической дѣятельности является Николай Ивановичъ Надеждинъ, къ которому мы теперь и обратимся.

IX.

Въ началѣ вынѣшняго столѣтія, въ селѣ Нижнемъ-Бѣломутѣ, Зарайскаго уѣзда, Рязанской губерніи, санъ приходскаго іерея занималъ отецъ Іоаннъ, который и въ наше время выдавался бы изъ заурядныхъ сельскихъ священниковъ и представлялъ бы рѣдкое явленіе, а въ то время и того больше. Довольно сказать, что, выслужившись изъ причетниковъ, онъ съ дѣтства всѣ малю-мальски лишнія деньги, перепавшія ему въ руки, тратилъ на книги, имѣя непреоборимую страсть къ чтенію, и такимъ образомъ въ

теченіи своей жизни ему удалось составить порядочную бібліотеку, въ которой заключалось очень много историческихъ сочиненій.

Отъ этого - то отца Іоанна въ 1804 году родился сынъ Николай. Унаслѣдовавъ отъ отца его умъ и любознательность, онъ въ дѣтствѣ успѣлъ уже прочесть всю отцовскую бібліотеку. и приобрѣлъ обширныя не по лѣтамъ свѣдѣнія по исторіи и географіи. Бѣдный сельскій священникъ не имѣлъ возможности дать сыну того блестящаго образованія, какое, какъ мы видѣли, давали въ то время своимъ дѣтямъ дворяне, и предполагая вести его по своему пути, послалъ его въ губернской городъ къ преосвященному Теофилакту просить мѣста причетника. При подачѣ прошенія о мѣстѣ мальчикъ долженъ былъ произнести передъ лицомъ преосвященнаго стихотворную рѣчь собственнаго сочиненія. Послѣ долгой и кропотливой работы мальчику удалось склеить свои вирши. Архіерей былъ удивленъ и заинтересованъ какъ складностью рѣчи, такъ и обнаруженными въ ней познаніями по исторіи и географіи, необыкновенными для десятилѣтняго мальчика. Онъ велѣлъ принять Надеждина въ высшій классъ духовнаго училища и выдавать ему причетническое жалованье. Въ 1815 г. Надеждинъ перешелъ въ семинарію, а въ 1820 г., по распоряженію начальства, поступилъ въ Московскую духовную академію. Здѣсь Надеждинъ пристрастился къ философіи, преподававшейся тогда извѣстнымъ ученымъ Фесслеромъ. Въ 1824 году Надеждинъ получилъ степень магистра и опредѣленъ въ рязанскую духовную семинарію профессоромъ словесности и латинскаго языка, и сверхъ того занялъ въ семинаріи должность бібліотекаря. Но это продолжалось недолго. Въ 1826 году Надеждинъ вышелъ въ отставку и переѣхалъ въ Москву съ цѣлью готовиться къ профессурѣ, и для пропитанія онъ пріискалъ мѣсто домашняго учителя у какого-то Самарина. Въ бібліотекѣ этого Самарина онъ нашелъ много историческихъ книгъ, между прочимъ, «Паденіе римской имперіи» Гиббона, «Исторію итальянскихъ республикъ» Сисмонди, сочиненія Гизо и пр. Самъ Надеждинъ въ своей автобіографіи говорилъ, что изученіе этихъ трудовъ дало ему твердость и самостоятельность взглядовъ, сохранивъ его отъ увлеченія господствовавшимъ тогда романтизмомъ.

Здѣсь мы вступаемъ въ довольно темный періодъ жизни Надеждина, о которомъ всѣ современники его, и Бѣлинскій, и братья Полевые, отзываются не совсѣмъ для него лестно. И дѣйствительно, на первый взглядъ, Надеждинъ рисуется въ продолженіе этого періода, начиная съ 1826 по 1830 годъ, т.-е. во время своего приготовленія къ докторскому экзамену нѣсколько, двусмысленно.

Дѣло заключалось въ томъ, что подобно всѣмъ пробывавшимся въ то время въ люди бѣднякамъ, не избѣгъ и Надеждицъ молчалинской участи снисканія благодѣтеля, при содѣйствіи котораго устроилъ свою карьеру. Такимъ благодѣтелемъ явился московскій профессоръ Каченовскій. По словамъ Кс. Полевого (въ его запискахъ), Каченовскій обладалъ всѣми качествами для покровительства покорнаго ему кліента. Онъ былъ гордъ, самолюбивъ и твердъ, такъ что сочлены почти боялись его, знали его авторитетъ и готовы были сдѣлать для него многое, потому даже, что не хотѣли съ нимъ ссориться. Распознавъ это, будто бы Надеждицъ уцѣпился за Каченовскаго и прикинулся жаркимъ его поборникомъ. Каченовскій, какъ мы видѣли уже выше, издавалъ въ Москвѣ журналъ «Вѣстникъ Европы», основанный Карамзинымъ въ 1802 году и перешедшій потомъ въ руки Каченовскаго послѣ того, какъ Карамзинъ углубился въ писаніе исторіи государства русскаго. Въ журналѣ своемъ Каченовскій проводилъ самыя отсталыя и отжившія идеи, былъ рьянымъ приверженцемъ ложнаго классицизма со всѣми его прелестями въ видѣ высокопарныхъ одъ, трагедій съ тремя единствами и патріотическихъ поэмъ, составленныхъ по всѣмъ правиламъ реторики. Даже и правописаніе въ его журналѣ было особенное, архаическое, по правиламъ котораго въ словахъ, заимствованныхъ съ греческаго языка, слѣдуетъ писать і, е, у, напимѣръ: історія, фусіка, маеоматическій, енеусіасмъ, сунезъ, еспетическій, апаеія, мисанероеія и пр.

Отставивъ давно уже всѣмъ надобный классицизмъ, Каченовскій съ пѣной у рта набросился на всѣхъ молодыхъ писателей, явившихся приверженцами романтизма. При появленіи «Руслана» Пушкина и первыхъ его поэмъ, Каченовскій обрушился на восходящее солнце русской поэзіи градомъ насмѣшекъ и порицаній. Молодые писатели не остались въ долгу. Такъ, Пушкинъ разразился противъ Каченовскаго градомъ эпитграммъ, обыывая его то «хавровіусомъ», «ругателемъ закоснѣлымъ», то «клеветникомъ безъ дарованья», то «вонючею лучинкою курилки-журналиста», то «охотникомъ журнальной драки», «ослѣпительнымъ зоиломъ, разводящимъ опиумъ черниль слюною бѣшеной собаки и пр. и пр. Пробиралъ Каченовскаго и Полевой въ своемъ «Московскомъ Телеграфѣ», высказывая сомнѣнія въ ученой славѣ «зоила», пользовавшагося ею на честное слово, замѣчая, что «статьи писать—не порокомъ торговать» (Каченовскій въ молодости былъ привлеченъ къ суду по дѣлу о продажѣ пороха) и пр.

И вотъ современники Надеждина полагали, что, желая угодить Каченовскому, Надеждицъ не постыдился прикинуться его вѣрнымъ

союзникомъ и, начавши сотрудничать въ его журналѣ статью о средневѣковой торговлѣ и въ частности о Ганзѣ, онъ затѣмъ перешелъ къ проведенію эстетическихъ взглядовъ въ духѣ своего благодѣтеля и къ полемикѣ съ его врагами, принявъ даже правописаніе Каченовскаго, и въ своихъ статьяхъ подъ псевдонимомъ Недоумки, превзошелъ своего ментора въ ожесточенномъ нападеніи на романтиковъ. Ксен. Полевой въ своихъ запискахъ говоритъ: «Сначала мы думали, что подъ завѣсою новаго псевдонима пишетъ самъ Каченовскій: такъ умѣлъ Надеждинъ перенять у него взгляды, мнѣнія и даже слогъ. Какая-то путанная теорія, какая-то иезуитская или тартюфская нравственность и тяжелый, фигурный, напоминающій кутейника, языкъ, были отличительными свойствами этихъ статей. Каченовскій ожилъ въ нихъ съ прибавкой еще чего-то тяжелаго, безжизненнаго. Особенно хороши тамъ мѣста, гдѣ авторъ хотѣлъ острить. «Надъ шуточками его (въ родѣ: «стихи-хи! хи!») послѣ забавлялся самъ Пушкинъ».

Но очень возможно, что дѣло было и не совсѣмъ такъ, какъ полагали современники. Нужно взять въ соображеніе все прошлое Надеждина, его воспитаніе въ семинаріи и духовной академіи въ строго классическомъ и схоластическомъ духѣ. Трудно предположить, чтобы изъ этого воспитанія онъ могъ вынести особенно свѣтлыя взгляды на искусство и поэзію. Нѣтъ сомнѣнія, что эстетическія понятія его не много отличались отъ закорючалыхъ взглядовъ Каченовскаго, можетъ быть, отставали даже отъ нихъ. При такихъ условіяхъ, сблизившись съ Каченовскимъ, онъ вовсе не поддѣльвался, какъ полагали литературные враги его, къ взглядамъ Каченовскаго изъ низкой угодливости, а по всей вѣроятности, вполне искренне и неволью подчинился имъ. Молодые докторанты сплошь и рядомъ подвергаются сильному вліянію почтенныхъ профессоровъ, подъ руководствомъ которыхъ готовятся къ профессурѣ, и нѣтъ ничего не вѣроятнаго въ томъ, что, въ первые годы своего пребыванія въ Москвѣ, молодой провинціалъ смотрѣлъ на столичное свѣтило науки съ благоговѣніемъ, считая своимъ долгомъ во всемъ подражать ему.

Какъ бы то ни было, эстетическіе взгляды Надеждина, проводимые имъ въ статьяхъ своихъ въ «Вѣстникѣ Европы», поражаютъ насъ своею крайнею неопредѣленностью, туманностью и схоластичностью. Такъ, выступая строгимъ идеалистомъ, Надеждинъ настаивалъ на томъ, чтобы въ поэзіи изображались только достойные предметы, высокіе и прекрасные, причемъ образцами такой поэзіи онъ считалъ памятники древне-греческаго искусства, но вмѣстѣ съ тѣмъ и произведенія Шиллера, благоговѣя передъ «Орлеанскою дѣ-

вой его». Поэзію онъ называлъ «соревновательницею природы» и говорилъ, что дѣло искусства—подслушивать таинственные отголоски вѣчной божественной гармоніи, разлитой во всѣхъ явленіяхъ дольнаго міра и представлять эти отголоски внятными для нашего слуха «въ согласныхъ рѣмическихъ аккордахъ...» Отъ всякаго произведенія необходимо требовать единства и сообразности съ идеею. Такъ какъ «изящное» неудобомыслимо безъ отношенія къ существеннымъ потребностямъ духа нашего: *истинному и доброму*, то, слѣдовательно, красота есть не что иное, какъ истина, растворенная добротою. Оттого-то первые аккорды поэзіи «были посвящаемы религіи и мудрости», оттого древняя поэзія и называлась «языкомъ боговъ». Кромѣ того, поэтическое произведеніе должно быть «свободнымъ изліяніемъ свободного духа». Самыми совершенными въ этомъ отношеніи будутъ, конечно, творенія генія, который есть «высочайшее гармоническое сліяніе въ человѣкѣ безконечнаго съ конечнымъ, свободы съ необходимостью», ибо только ему принадлежитъ «высшая исполнительная власть уставовъ природы, единой верховной *законодательницы искусства*». «Хранилище сихъ священныхъ законовъ,—говорилъ Надеждинъ,—неоспоримо есть самъ духъ человѣческій—зѣница, отображающая и созерцающая въ самой себѣ всю природу. Законы должны извлекаться изъ вѣковыхъ и всестороннихъ наблюденій подѣ величественнѣйшими и блистательнѣйшими произведеніями духовныхъ силъ человѣческихъ».

Съ этихъ превыспреннихъ точекъ зрѣнія Надеждинъ въ статьяхъ своихъ въ «Вѣстникѣ Европы» называлъ русскую литературу «бѣдной Пенелопой, повитой во цвѣтѣ юности печальнымъ крепкомъ», безвольной рабыней, влачащей дни свои подѣ гнетомъ «мирачнаго псевдо-романтическаго деспотизма» и не находилъ ни одного писателя, который бы удовлетворялъ его строгимъ отвлеченно-эстетическимъ идеаламъ. Онъ говорилъ, что его взоръ, «преслѣдуя неизслѣдимыя орбиты хвостатыхъ и безхвостыхъ кометъ, кружащихся на нашемъ небосклонѣ, сквозь обвивающій ихъ газъ»,—не могъ различить только, что всѣ они «влекутся силою собственнаго тяготѣнія въ туманную бездну пустоты, или въ оный созданый гигантской фантазіей Байрона, страшный хаосъ, куда можетъ низвергаться душа только въ высочайшемъ кризисѣ нравственной огневицы».

Надеждинъ находилъ, что нѣтъ въ современной литературѣ ни одной поэмы, которая бы «не гремѣла проклятіями, не корчилась судорогами, не заговаривалась во снѣ и на яву, не кончалась смертоубійствомъ». Современная поэзія, по его словамъ, скитается по нерчижевскимъ острогамъ, цыганскимъ шатрамъ и разбойничьимъ

вертепамъ; всѣ наши доморощенные «стиходѣи», стяжавшіе себѣ лубочный дипломъ поэтовъ, дюжиною звонкихъ, рѣмованныхъ строчекъ, помѣщенныхъ въ альманахахъ и расхваленныхъ журналами, — всѣ они въ своихъ твореніяхъ преслѣдуютъ всегда одинъ и тотъ же эффектъ — «подрать морозъ по кожѣ, взбить дыбомъ волосы на закружившейся головѣ, — однимъ словомъ, бросить и тѣло, и душу въ лихорадку». Душегубство — любимѣйшая тема нынѣшней поэзіи, разыгрываемая въ безчисленныхъ варіаціяхъ: «рѣзанья, стрѣлянья, утопленничества, давки, заморозенія et sic in infinitum». Надеждинъ сожалѣлъ, что не существуетъ «Поэтической Уголовной Палаты».

Нечего, по мнѣнію Надеждина, и ждать лучшаго отъ стиходѣевъ, отъ «писаекъ нашихъ», разрѣшающихся безъ всякихъ болѣзней недоношенными произведеніями: у стиходѣевъ нѣтъ никакихъ идеаловъ, они зачастую творятъ, не имѣя въ головѣ яснаго и опредѣленнаго понятія о томъ, что они пишутъ, повѣствуя о томъ, что на умъ взбредеть, а на умѣ у нихъ только «чудовищное, отвратительное и грязное, всѣ изгарины и подонки природы». Такое состояніе литературы Надеждинъ называлъ мыканьемъ «въ мрачной преисподней губительнаго нигилизма», разумія надъ нигилизмомъ отсутствіе идеаловъ, серьезнаго содержанія и господство романтической стукотни и рѣзни.

Надеждинъ правъ былъ въ своихъ филиппикахъ, когда дѣло касалось безчисленныхъ мелкихъ подражателей Байрону и Пушкину, противъ которыхъ, какъ мы видѣли выше, ратовалъ и Веневитиновъ. Правъ онъ былъ и тогда, когда совѣтовалъ нашимъ молодымъ поэтамъ не довольствоваться однимъ талантомъ, а позаботиться и о своемъ развитіи, образованіи, обогатить себя знаніями, пристальнѣе изучать и наблюдать природу и сердце человѣческое, замѣнить романтическую стукотню и рѣзню свѣтомъ мысли и теплотою чувства; совѣтовалъ, наконецъ, недостатокъ содержанія маскировать «счастливымъ выборомъ, живописною полнотою, изящною отдѣлкою поэтическаго костюма, который сообщаетъ индивидуальность повѣствованію, налагая печать мѣста и времени...»

Но рядомъ съ такими благими совѣтами мы видѣли въ статьяхъ Надеждина ту колоссальную ошибку, обличающую въ критикѣ отсутствіе всякаго эстетическаго чутья, что во главѣ романтическихъ писаекъ, на которыхъ онъ такъ жестоко нападалъ, онъ ставилъ Пушкина, и ни на одинъ волосъ не отдѣлялъ его отъ нихъ. Такъ поэзію всѣхъ безъ различія романтическихъ писаекъ онъ опредѣлялъ выдержками изъ стихотворенія Пушкина. «Главнѣйшими изъ дружинъ, — говоритъ онъ, — приводящими въ движеніе весь піитиче-

скій минимумъ новѣйшихъ поэтовъ, обыкновенно бываютъ: *пунизъ, ай, бордо, дамскія ножки, будуарное удалство, площадное подвижничество*. Самую любимую сцену дѣйствія составляютъ Муромскіе дѣса, подвижные Бессарабскіе наметы, магическое уединеніе овинновъ и бань, спаленные закоулки и Формонылы. Оригинальные костюмы ихъ: «*Копыты, хоботы кривые, хвосты хохлатые, клыки, усы, кровавыя языки, рога и пальцы костяные!*» Торжественный оркестръ ихъ: «*визгъ, хохотъ, свистъ и хлопъ, людская молвь и конскій топъ*».

Въ статьѣ о «Полтавѣ» Надеждинъ заявляетъ, что Пушкина можно назвать только «геніемъ на каррикатуры», поэзія котораго есть «просто шародія», а муза «рѣзвая шалуныя», для которой весь міръ ни въ копѣйку, стихія которой—желаніе пересмѣхать все худое и хорошее—не изъ злости или презрѣнія, а «просто изъ охоты позубоскалить». Зубоскальство, по мнѣнію Надеждина, сообщаетъ «особую фізіономію поэтическому направленію Пушкина, отличающую оное рѣшительно отъ Байроновой мисантропіи и отъ Жанъ-Полева юморизма». Наконецъ, при разборѣ седьмой главы «Онѣгина», Надеждинъ удѣляетъ Пушкину славу третьестепенныхъ писателей въ родѣ Скаррона, Паррона, Берни и Аретина, находить, что подъ его кисть нерѣдко выпадаютъ «если не картины, то картинки, на которыя нельзя налюбоваться», и вмѣстѣ съ тѣмъ замѣчаетъ, что Пушкину не дано изображать природу «поэтически, съ лицевой ея стороны, подъ прямымъ угломъ зрѣнія»: онъ можетъ только мастерски «выворачивать ее на изнанку» и поэтому можетъ блистать только «въ арабескахъ».

Нѣтъ ничего удивительнаго, что, возмущенный подобными отзывами, Пушкинъ составилъ о Надеждинѣ самое неблагопріятное представленіе и наравнѣ съ Каченовскимъ осыпалъ его своими язвительными эпиграммами, обзывая его критику «непристойными криками пьянаго семинариста», честя Надеждина «взрослымъ болваномъ», сапожникомъ, судящимъ о картинѣ, Никодимомъ Невѣждинымъ, обѣщающимъ, не смотря на лакейскій тонъ своихъ статейъ, быть законодателемъ вкуса, сочиняя на него мѣткія шародіи и сказки и пр.

X.

Но вотъ, 24 сентября 1830 года Надеждинъ защищалъ публично по латыни латинскую диссертацию на доктора о романтической поэзіи, и, утвержденный тогда же докторомъ, 26 декабря 1831 г. занялъ въ званіи ординарнаго профессора въ Московскомъ университетѣ кафедру изящныхъ искусствъ и археологіи.

Вмѣстѣ съ тѣмъ мы видимъ, что пять лѣтъ жизни въ Москвѣ и усиленныхъ занятій не прошли даромъ для Надеждина, и уже въ диссертациі своей онъ проводитъ взгляды на искусство въ значительной степени болѣе свѣтлыя, чѣмъ въ статьяхъ «Вѣстника Европы». Такъ, у него является теперь, взявъ прежней отвлеченно-идеалистической точки зрѣнія, историческая. Начавъ въ своей диссертациі съ опредѣленія поэзіи и съ сущности процесса ея развитія, онъ раздѣляетъ поэзію на первобытную, классическую и романтическую. По этой теоріи въ настоящее время невысказаны ни классическая теорія, исходившая изъ вѣдръ природы внѣшней и умершая вмѣстѣ съ древнимъ міромъ, ни поэзія романтическая, исходившая изъ вѣдръ природы человѣческой, развившаяся и умершая вмѣстѣ съ средними вѣками, такъ какъ наша современная дѣйствительность не имѣетъ ничего общаго ни съ древними, ни съ новыми вѣками. Вмѣстѣ съ появленіемъ исторической точки зрѣнія во взглядахъ Надеждина на искусство совершился въ немъ поворотъ отъ отвлеченнаго идеализма къ реализму, правда, на первыхъ порахъ слишкомъ еще общему и неопредѣленному. Такъ три тезиса диссертациі гласятъ: 1) гдѣ жизнь, тамъ и поэзія; 2) поэзія, единая по своей сущности, облекается въ разнообразныя формы; 3) формы поэзіи, въ которыхъ она проявляется, опредѣляются духомъ времени. Въ этихъ трехъ тезисахъ заключается первое слово всей послѣдующей реалистической критики Бѣлинскаго, равно какъ и той реальной литературы, которая явилась на смѣну романтизму.

Въ 1831 г., какъ мы видѣли, Надеждинъ занялъ въ Московскомъ университетѣ кафедру теоріи изящныхъ искусствъ и археологіи. Вставши теперь окончательно на ноги и освободившись отъ всѣхъ схоластическихъ традицій и вліянія Каченовскаго, Надеждинъ проникся идеями философіи Шеллинга, и при помощи Надеждина студенты усваивали понятіе о философскихъ системахъ Канта, Фихте, Шеллинга, Гегеля, такъ какъ Надеждинъ вмѣстѣ съ изложеніемъ эстетики соединялъ обзоръ исторіи философіи. По воспоминаніямъ бывшихъ студентовъ, слушавшихъ Надеждина, они не знали ничего подобнаго діалектической силѣ Надеждина. Ясность, какая-то прозрачность стройной и правильной логической ткани, строгая послѣдовательность мыслей, неотразимый силлогизмъ, поразительность и неожиданность выводовъ, изумляли и восхищали слушателя. Слушатель выходилъ съ лекцій Надеждина съ непоколебимымъ убѣжденіемъ въ истинѣ его словъ. Онъ способенъ былъ убѣдить слушателя, въ чемъ угодно. Слогъ Надеждина, уснащенный философскою терминологіей, былъ самый блестящій: неожиданныя

сравненія, непредвидѣнныя антитезы, самыя смѣлыя метафоры, остроумныя сближенія языка ораторскаго и поэтическаго съ обыденною, простою рѣчью и т. д.—все это восхищало, поражало, изумляло слушателя. Рѣчь Надеждина была непрерывнымъ, ослѣпительнымъ, самымъ разнообразнымъ фейерверкомъ словъ. Даръ слова у Надеждина былъ неистощимый и неподражаемый. Не ограничиваясь лекціями, Надеждинъ еще съ большею энергіею занялся литературною дѣятельностью. Такъ, въ 1831 году онъ основалъ журналъ «Телескопъ», при которомъ издавалась газета «модъ и новостей» «Молва», выходившая то ежедневно, то еженедѣльно, и знаменитая тѣмъ, что послужила колыбелью литературной дѣятельности Бѣлинскаго, который именно въ «Молвѣ» началъ свое великое поприще.

Въ критическихъ статьяхъ Надеждина въ «Телескопѣ» мы видимъ эстетическіе взгляды его еще болѣе прояснившимися, чѣмъ въ диссертациі, и окончательнo установившимися. Такъ, на вопросъ, что такое искусство, Надеждинъ теперь отвѣчаетъ: искусство есть «проявленіе творческой силы нашего духа, создающей внѣшніе осязаемые образы для выраженія незримой полноты внутренняго міра идеи». Искусство Надеждинъ называетъ теперь «мірозданіемъ въ миниатюрѣ». Такъ какъ духъ нашъ рождается и живетъ «въ лонѣ природы», которой онъ самъ есть «высшее, торжественнѣйшее проявленіе», такъ какъ «его мысли объемлютъ природу, а его дѣйствія объемлются природою», то, слѣдовательно, природа составляетъ для нашего духа и «предметъ идеи», и «матерію дѣйствій». Поэтому искусство есть не что иное, какъ «воспроизведеніе природы». Но это воспроизведеніе отнюдь не есть подражаніе природы или копированіе ея. Искусство идеализируетъ природу, т.-е. приспособляетъ ее къ намъ такъ, что изъ «буквъ, кои отдѣльно кажутся мертвенными, возникаетъ для насъ живой смыслъ, живая идея».

Признавая далѣе, что искусство составляетъ «природу человѣка», Надеждинъ говорилъ, что постепенное развитіе общей жизни рода человѣческаго выражается въ художественныхъ созданіяхъ генія, который можно назвать «зеркаломъ человѣчества». Въ искусствѣ въ сжатомъ видѣ сказывается какъ общее направленіе современнаго просвѣщенія, такъ и общій духъ современной жизни. Художественное одушевленіе можетъ имѣть только два главныя направленія: внѣшнее «средобѣжное», матеріальное, и внутреннее «средостремительное», идеальное, ибо весь «безбрежный океанъ бытія», состоитъ изъ двухъ противоположныхъ стихій—матеріи и духа, формъ и идей, земли и неба. Оба помянутыя направленія уже

истощены дѣятельностью человѣческаго генія въ два великіе періода его жизни—въ періодъ классической древности и въ періодъ среднихъ вѣковъ съ ихъ энтузіазмомъ. Въ современной творческой дѣятельности опутимо направленіе къ всеобщности, которое явилось слѣдствіемъ многихъ тщетныхъ попытокъ возстановить одно изъ двухъ предшествовавшихъ направлений. Задача современнаго искусства—соединить идеальное одушевленіе среднихъ вѣковъ съ изящнымъ благообразіемъ классической древности, уравновѣсить душу съ тѣломъ, идею съ формами, просвѣтить мрачную глубину Шекспира лучезарнымъ изяществомъ Гомера. Соединеніе это должно быть внутреннимъ живымъ сліяніемъ обоихъ полюсовъ бытія, обоихъ элементовъ творчества. Отсюда Надеждинъ объясняетъ поглощеніе всѣхъ родовъ поэзіи во «всеобъемлющемъ единствѣ» романа, гдѣ эпическая изобразительность проникается лирическимъ одушевленіемъ, гдѣ жизнь представляется «во всей полнотѣ новой драмы».

Изъ этого стремленія къ всеобщности проистекаютъ всѣ остальные требованія, вліяніе которыхъ замѣчается въ современной художественной дѣятельности. Этихъ требованій два: *естественность и народность*. Предшествовавшіе періоды искусства—классическій и романтической—изображали полміра, полжизни, полбытія, что, конечно, не можетъ назваться естественнымъ. Современное же направленіе требуетъ отъ художественнаго созданія полнаго сходства съ природою. Оно спрашиваетъ у образа:—гдѣ твой духъ? у мысли:—гдѣ твое тѣло? Отсюда объясняется проникновеніе изящныхъ искусствъ въ сокровеннѣйшіе изгибы бытія, въ мельчайшія подробности жизни,—проникновеніе, соединенное съ строгимъ соблюденіемъ всѣхъ условій дѣйствительности, съ «географическою и хронологическою истиною фізіономій, костюмовъ и аксессуаровъ».

Въ этихъ идеяхъ, небывалыхъ еще до того времени въ русской литературѣ, Надеждинъ являлся вполне предтечею Бѣлинскаго. Воспитанный въ духѣ этихъ идей, Бѣлинскій началъ свою дѣятельность именно съ проведенія ихъ и съ оцѣнки всѣхъ предшествовавшихъ и современныхъ литературныхъ явленій на основаніи эстетическихъ понятій, завѣщанныхъ ему Надеждинымъ.

Недостатокъ Надеждина заключался въ томъ, что онъ былъ чистый теоретикъ, лишенный въ то же время эстетическаго чутія, и когда отъ теоріи переходилъ къ практикѣ, т. е. къ примѣненію своихъ идей къ текущей литературѣ, онъ часто попадалъ въ просакъ. Такъ, утверждая вмѣстѣ со всѣми шеллингистами, что въ русской литературѣ долженъ быть близокъ поворотъ отъ иску-

ственного рабства и принужденія къ естественности и народности, онъ находилъ подтвержденіе своей мысли въ такихъ трехъ, неизмѣющихся на самомъ дѣлѣ ничего общаго ни по художественной высотѣ, ни по характеру, явленіяхъ, какъ «Борисъ Годуновъ» Пушкина, «Марья Посадница» Погодина и романы Загоскина; въ такой искусственной поддѣлкѣ подъ народный тонъ и складъ, какъ сказки Жуковского «О царѣ Берендеѣ», онъ усматривалъ блистательный разсвѣтъ русской народной поэзіи и ставилъ ее выше «Бориса Годунова» Пушкина, глубоко народнаго по самому своему духу. Заслуга Бѣлинскаго, выступившаго на страницахъ «Молвы» въ 1834 году, въ томъ именно и заключалась на первыхъ порахъ, что, воспринявши идеи Надеждина, онъ началъ ихъ примѣнять къ критикѣ текущей литературы въ неизмѣримой степени правильнѣе, чѣмъ это дѣлалъ учитель.

Но, при всѣхъ этихъ недостаткахъ, дѣятельность Надеждина, по совершенно вѣрному замѣчанію біографа его, г. Трубачева, «была цѣлымъ вкладомъ въ небогатую до него русскую критическую литературу». вмѣстѣ съ тѣмъ,—говоритъ далѣе г. Трубачевъ,—она была и огромнымъ шагомъ впередъ въ нашемъ общественномъ самосознаніи, которое Надеждинъ старался пробуждать отъ «глубокаго неподвижнаго сна», которое старался развить, настаивая на необходимости сомопознанія себя какъ русскихъ, на необходимость выясненія своихъ отношеній къ окружающей насъ природѣ, къ развивающейся вокругъ насъ жизни. Онъ говоритъ, что наша общественная наука потому и является «жалкой игрой китайскихъ бездушныхъ тѣней», что мы не знаемъ самихъ себя, не думаемъ о себѣ, что поэтому у насъ азіатскій фатализмъ мѣшается съ французскимъ легкомысліемъ, нѣмецкая мечтательность съ англійскимъ сплиномъ, что поэтому нравы русскіе «или суздальской иконной работы, или китайской шпалерной живописи, только въ шляпкахъ Гербо съ прическою Нарцисса». Въ этихъ нравахъ нѣтъ души, нѣтъ жизненнаго румянца, нѣтъ произвольнаго движенія; при такомъ состояніи общественности не можетъ быть и поэзіи, самобытной, народной литературы».

«Если, по сознанію Надеждина,—говоритъ въ заключеніе г. Трубачевъ,—критика должна быть «воспріемницею новорожденныхъ произведеній, повивальною бабкою», должна направлять чувство изящнаго и отыскивать во всѣхъ произведеніяхъ философское начало, то журналистика составляетъ тоже существенно-важную стихію образованности, служа средствомъ «кругообращенія мыслей», безъ котораго застаивается жизнь и высыхаетъ просвѣщеніе, долженствующее передаваться изъ рукъ въ руки, какъ общій капи-

тагъ. Надеждинъ былъ и критикомъ, и журналистомъ одинаково выдающимся для своего времени, честно служившимъ задачамъ критики и журналистики по мѣрѣ силъ и возможности. И въ томъ, и въ другомъ отношеніи онъ сдѣлалъ слишкомъ много для того короткаго времени, въ теченіи котораго подвизался на критико-журнальномъ поприщѣ, имѣя поэтому неоспоримое право на призывательность со сторонѣ русскаго общества, какъ видный дѣятель на поприщѣ науки и литературы, какъ критикъ, какъ профессоръ, какъ издатель журнала, и, наконецъ, какъ ученый этнографъ. Надеждинъ долженъ быть незабвененъ, кромя того, для русскаго общества и какъ Хронъ, воспитатель Ахилесса, т.-е. Бѣлинскаго».

Къ сожалѣнію, литературная дѣятельность Надеждина была очень непродолжительна. Въ 1835 году журналъ «Телескопъ» вмѣстѣ съ «Молвою» были прекращены вслѣдствіе помѣщенія въ «Телескопѣ» письма одного крайняго шеллингиста, — Чаадаева, доведшаго отрицаніе всякаго смысла русской жизни до сожалѣнія, что Россія была лишена того воспитательнаго вліянія, какое въ средніе вѣка оказало на Европу католичество. Вмѣстѣ съ прекращеніемъ «Телескопа» и «Молвы», Надеждинъ лишился и кафедры въ Московскомъ университетѣ, и принужденъ былъ удалиться въ Устьсысольскъ, Вологодской губерніи, въ которомъ находился около года. Послѣ этого погрома Надеждинъ не возвращался уже къ литературной дѣятельности, весь погрузившись въ этнографическія и археологическія изслѣдованія, для чего ему пришлось много путешествовать. На этомъ поприщѣ труды его были, въ свою очередь, очень почтенны и плодотворны. Но разсмотрѣніе ихъ не входитъ въ рамки нашихъ статей. Неусыпные труды преждевременно разстроили здоровье Надеждина и въ августѣ 1853 г. его разбилъ параличъ. Лѣвая сторона, ротъ и лѣвый глазъ покривились, языкъ бормоталъ невнятно. Нѣсколько оправившись, Надеждинъ прожилъ еще три года, но безъ надежды на полное выздоровленіе. Въ немъ нельзя уже было вызвать простаго вниманія къ чему бы то ни было на продолжительный срокъ. Въ ночь на 11-е января 1856 года послѣдовало новое параличное пораженіе лѣвой стороны съ отнятіемъ языка, и утромъ 11-го числа Надеждина не стало. Онъ похороненъ на Смоленскомъ кладбищѣ. На могилѣ его было произнесено слово на текстъ: «Духа не угашайте».

А. Слабичевскій.

МАРІАНА.

Романъ Э. Альгрень.

(ПЕРЕВОДЪ СО ШВЕДСКАГО).

(Продолженіе *).

VIII.

Постепенно между Маріаной и Бергеромъ прокралось охлажденіе, а за нимъ и равнодушіе. Жизнь превратилась для Маріаны въ ничто. Вдобавокъ она начала ощущать какое-то странное въ ея года опасеніе старости. Разсматривая въ зеркалѣ свое красивое лицо, она стала постоянно думать о томъ, что настанетъ время, когда свѣжія краски на этомъ лицѣ увянутъ, и красота исчезнетъ... Вѣдь молодость пройдетъ, пройдетъ безвозвратно. А что ей дала эта молодость? Ничего! И неужели такъ и дать ей пройти и такъ-таки ничего и не получить съ нея, когда эта молодость столько должна ей—цѣльня богатства?

А время все шло, медленно, но неудержимо, какъ сыплется между пальцами сухой песокъ, котораго нельзя удержать въ горсти. Да, оно проходило съ убійственнымъ однообразіемъ, но безостановочно. Такъ пройдутъ цѣлыя годы! И что же останется отъ нихъ? Ничего! Ничего!

Единственнымъ развлеченіемъ Маріаны, попрежнему, были романы; замѣнить ихъ было нечѣмъ. Ей приходилось довольствоваться тѣмъ, что давали книги, и упиваться горемъ и радостями героинь, съ которыми ее соединяло воображеніе. Такъ, дитя сосетъ собственный палецъ, и если не находитъ въ немъ пищи, то получаетъ все-таки нѣкоторое утѣшеніе.

---

*) «См. Міръ Божій», № 4.

Однажды, въ концѣ сентября, Маріана сидѣла, поджавши ноги, на диванѣ. Въ комнатѣ было жарко и сильно пахло гелиотропомъ. Въ рукахъ у Маріаны была одна изъ ея любимыхъ книгъ, которую она перечитывала уже въ двадцатый разъ. Романъ этотъ такъ подходилъ къ ея понятіямъ о жизни. Притомъ, онъ былъ такой восхитительно-грустный, такой нравственный, что на душѣ становилось свѣтлѣе, когда его читаешь! Мѣстами ей казалось, что она читаетъ свою собственную біографію.

„Дикъ вѣрнѣе прижимаетъ меня къ своей широкой груди. Ночной вѣтеръ вздыхаетъ. Можетъ быть, онъ покачиваетъ на своихъ крыльяхъ измученную душу и несетъ ее въ далекую страну вѣчнаго успокоенія? Этотъ вѣтеръ цѣлуетъ склоняющіяся розы и нашептываетъ намъ загадочныя сказки, которыхъ мы, впрочемъ, не понимаемъ и не слушаемъ.“

— О, Дикъ!—говорю я.—Мнѣ бы хотѣлось къ Богу; я желала бы теперь умереть. Никогда больше я не буду такъ счастлива, какъ теперь!

Дикъ вадрагиваетъ всѣмъ своимъ мощнымъ тѣломъ.

— Не говори о смерти, дорогая!“

Какая поэзія! Какой языкъ! Ночной вѣтеръ покачиваетъ душу, вздыхаетъ и цѣлуетъ! И этотъ прекрасный, мощный Дикъ! Все это такъ увлекало Маріану.

Она такъ зачиталась, что воображала себя героиней романа, которую угнетаетъ злая судьба. Вѣдь въ настоящихъ, идеальныхъ, романахъ никогда не бываетъ ни вины, ни ошибокъ, ни отвѣтственности. Судьба, злая судьба, угнетаетъ безпорочную героиню, у которой такой грубый, неотесанный мужъ—только и всего!

Она подняла голову и оглянулась. Вся комната показалась ей точно въ туманѣ; передъ утомленными ея глазами мелькали въ пространствѣ маленькія черныя буквы. Ея лобъ горѣлъ...

Она отвела рукой ниспавшіе на лобъ волосы, откинулась на спинку дивана и уронила руки съ раскрытой книгой на колѣни.

Ей не хотѣлось ни о чемъ думать, но смутныя представленія сами собой собирались въ ея умѣ и строились въ мысль, точно солдаты.

Какова была эта мысль? Почему ей стало точно стыдно такой мысли, почему она попыталась отогнать ее?

Ей не въ чемъ было упрекать себя. Книга была хорошая, даже съ религіознымъ направленіемъ; въ ней не было ни одной

грязной мысли, ни одного грубаго слова... Что же дурного могла навѣять такая книга? Просто Маріана чувствуетъ себя усталой и несчастной. Ей тоже хочется умереть, какъ той героинѣ, потому что ея никто, никто не понимаетъ! И она же еще стыдится такой, совершенно естественной, мысли!

Она такъ умилилась сама надъ собой, что изъ глазъ потекли слезы. Это были праздныя слезы, которыя не находили себѣ лучшаго примѣненія, и текли онѣ отъ нечего дѣлать.

Маріана такъ замечталась, что даже не разслышала стука колесъ, раздавагося на дворѣ. Впрочемъ, она никогда не радовалась гостямъ, какіе у нея бывали. Она ненавидѣла своихъ степенныхъ сосѣдовъ, которыя вѣчно ставили ее въ затруднительное положеніе своими разспросами о хозяйствѣ, о молочницахъ, о садоводствѣ. Съ ними было скучнѣе, чѣмъ въ одиночествѣ.

Но вотъ послышались въ столовой скорые шаги, дверь распахнулась, и на порогѣ показался Бергеръ. Она равнодушно взглянула на него.

Онъ былъ блѣденъ отъ волненія, но глаза его сверкали радостью.

— Приѣхалъ Павелъ!—проговорилъ онъ голосомъ, въ которомъ слышалось едва сдерживаемое удовольствіе.

— Павелъ!—повторилъ онъ, замѣчая, что Маріана точно не понимаетъ его.

— Какой Павелъ?

— Ахъ, Маріана!—вскричалъ онъ съ упрекомъ. Какъ она могла забыть то, что онъ ей рассказалъ, какъ она могла оставаться равнодушной къ его, такой большой, радости?

Она поднялась и вопросительно смотрѣла на мужа. Бурная радость такого спокойнаго человѣка, какъ онъ, озадачивала ее.

— Какъ, ты забыла то, что я тебѣ рассказывалъ о Павлѣ Санделѣ?—вскричалъ онъ.

— Ахъ, бархатная блузка?

— Именно...

Бергеръ овладѣлъ ея рукой и, не давъ ей даже взглянуть на себя въ зеркало, увлекъ ее въ залу. Его веселье заразило и ее. Она вошла въ залу, смѣясь, съ всклокоченными волосами и влажными глазами.

У стола стоялъ какой-то господинъ, вѣрнѣе, юноша,—такъ онъ былъ нѣженъ и женоподобенъ.

— Вотъ моя жена!—провозгласилъ Бергеръ.

Маріана немножко сконфузилась своего неряшливаго вида. Этотъ господинъ показался ей такимъ изящнымъ, красивымъ... Какъ досадно, что ей не дали времени позаботиться о своемъ туалетѣ.

— Очень рада съ вами познакомиться!—проговорила она очень любезно.—Какъ мило съ вашей стороны было разыскать насъ!

У него была нѣжная, маленькая рука, такая же нѣжная, какъ и ея. Онъ былъ такъ строенъ, хотя и довольно слабого сложенія. Его большіе, блестящіе глаза были немного прикрыты вѣками, точно онъ былъ очень утомленъ. Цвѣтъ лица блѣденъ и такъ нѣженъ, что кожа казалась прозрачною, черные маленькіе усики еще болѣе оттѣняли эту блѣдность. Не смотря на болѣзненный видъ, онъ былъ красивъ, а платье, особенно модный длинный скюртукъ, изобличали въ немъ привычнаго щеголя.

— Я съ трудомъ вѣрю своимъ глазамъ,—заговорилъ онъ мягкимъ, пѣвучимъ голосомъ.—Я и не подозрѣвалъ, что Бергеръ женатъ. Я узналъ объ этомъ только вчера отъ его матери... А я-то спѣшилъ сюда въ надеждѣ предъявить на Бергера всѣ мои прежнія права!

— Права?—улыбнулась Маріана и прибавила, обращаясь къ мужу:—Вы что-то противъ меня затѣваете, Бергеръ?

— Не начинайте междоусобной войны!—засмѣялся Павелъ.—И знаете ли, что, госпожа Ольсонъ? Не лучше ли, чѣмъ воевать, мы его между собой подѣлимъ. Вѣдь всего его, цѣликомъ, я, все равно, вамъ не уступлю.

— Посмотримъ, посмотримъ, что вы станете дѣлать!—сказала Маріана, приглашая гостя садиться.

Всѣ трое сѣли.

— Вотъ какія условія предлагаю я для заключенія мира. Прежде всего, не согласитесь ли вы ненавидѣть меня какъ можно меньше? Вѣдь Бергеръ, навѣрное, находится подъ нѣкоторымъ дипломатическимъ давленіемъ...

— Вы явите во время мирныхъ переговоровъ! Хорошъ дипломатъ!..

— Еще поглядимъ, хорошъ ли! Ну-съ, такъ согласны на первый пунктъ?

— Согласна!

Они потрясли другъ другу руку. Бергеръ смѣялся въ бороду.

— А ты все такой же, Павелъ!—сказалъ онъ, улыбаясь. Такой же юноша, какимъ и уѣхалъ.

— Да, мнѣ дають не болѣе двадцати лѣтъ! Въ концѣ концовъ это даже обидно!

— Ну, а твоя жена?—уже серьезно спросилъ Бергеръ.— Развѣ она не съ тобой?

— Уже два года, какъ я вдовець, — отвѣтилъ Павелъ, и лицо его вдругъ приняло выраженіе какого-то утомленія, или скуки, причеъ у рта появились двѣ складочки, какъ у женщины, второй молодость уже проходитъ.

Съ минуту хозяева молчали.

— Ты никому не писалъ?—спросилъ Бергеръ.

— Со смерти матери—никому.

— А товарищамъ по Упсалѣ?

— Ни имъ, никому! Жизнь такъ измѣняетъ людей... Ни они не поняли бы меня, ни я—ихъ.

— Но меня же ты, однако, разыскалъ, а я вѣдь тоже жилъ и измѣнялся.

— Ты совсѣмъ другое дѣло. Развѣ намъ нужна общность взглядовъ? Мы росли вмѣстѣ и взаимно связаны воспоминаніями. Ни одинъ изъ насъ не можетъ думать о прошломъ, не вспомнивъ о другомъ. Кромѣ того, насъ связываетъ не сходство, а противоположность характеровъ;—это, такъ сказать, законъ пополненія. Если же я не писалъ и тебѣ, то только потому, что письма не могли замѣнить для насъ живого общенія. Терпѣть не могу писемъ!.. Но я часто скучалъ по тебѣ, чего, вѣрно, съ тобой не было.

Въ его глазахъ сверкнула при этихъ словахъ какая-то печальная иронія.

— Скучать-то я не скучалъ,—признался правдивый Бергеръ,—но я частенько о тебѣ думалъ.

— Въ томъ-то и разница между нами, — усмѣхнулся Павелъ.—Ты не умѣешь скучать, потому что всегда доволенъ тѣмъ, что у тебя есть; а мнѣ нравится только то, чего у меня нѣтъ.

— Не вѣрь ему, Маріана! У него страсть влелевать на самого себя.

— Зачѣмъ же это ты поселяешь въ своей женѣ недо-вѣріе къ своему старому другу? Дорогая мадамъ Ольсонъ, отнеситесь, пожалуйста, ко мнѣ все-таки съ симпатіей, что бы ни наговаривалъ этотъ Бергеръ! Коли вы его жена, не могу же я относиться къ вамъ, какъ къ чужой.

— Да я вамъ и не чужая!—отозвалась Маріана.—До нѣкоторой степени я знакома съ вами столько же времени, какъ и съ Бергеромъ, потому что первое, о чемъ онъ мнѣ разсказалъ, было о васъ.

Въ глазахъ Павла свергнули огоньки.

— Вотъ какъ! Ай да старый Бергеръ, ты тоже все прежній... Какъ же это ты могъ вспомнить обо мнѣ въ такую минуту?

Онъ протянулъ другу свою тонкую, бѣлую руку, и тотъ крѣпко пожалъ ее.

— Ну, какъ тебя приняла моя мать? — спросилъ Бергеръ, чтобы перемѣнить разговоръ.

— Расплакалась и принялась варить кофе. Потомъ угостили меня яичницей съ ветчиной... Точь въ точь, какъ бывало прежде! Яичница шипѣла и подпрыгивала на сковородѣ, а я наслаждался зрѣлищемъ и запахомъ, напоминавшими мнѣ прошлое. Жаль только, что вкусы мѣняются, и что я не могъ, какъ слѣдуетъ, поѣсть ветчины... Въ остальномъ все оказалось то же, какъ и встарину;—недоставало только тебя.

— Да, да. Я очень люблю бывать у моей матери... Тамъ все остается по старому.

— Ну, а въ избушкѣ моей покойной матери все измѣнилось. Живутъ тамъ теперь чужіе люди; въ огородикѣ, который она держала въ такомъ порядкѣ, репейникъ да крапива. Смѣйся, пожалуй, но признаюсь, видъ этого запустѣнія рѣзанулъ меня по сердцу, какъ ножомъ. Точно я во второй разъ узналъ объ ея смерти...

Бергеръ кашлянулъ, точно что-то засѣло у него въ горлѣ. Вѣдь и въ саду его матери выростетъ когда-нибудь репейникъ и крапива!

— Я уговаривалъ твою мать, Бергеръ, ѣхать къ тебѣ со мной. Но она почему-то не захотѣла.

Бергеръ покраснѣлъ, точно его уличили въ позорномъ поступкѣ, но не сказалъ ничего.

— Впрочемъ, она теперь занята тканьемъ!—прибавилъ Павелъ. — Твацкій станокъ и прялка все попрежнему ея вѣрные друзья... Она ткетъ что-то для тебя.

Опять Бергеръ промолчалъ, точно чего-то конфузаясь. Павелъ съ любопытствомъ посмотрѣлъ на него, и, сообразивъ, что надо перемѣнить разговоръ, обратился къ Маріанѣ.

— Какъ же вамъ живется, мадамъ Ольсонъ, въ деревенской глуши?

— Такъ себѣ!—отвѣтила она.— Бергеръ часто и долго бываетъ на работахъ, безъ него, конечно, немножко скучновато... Какая страшная тишина бываетъ здѣсь иногда! А то все хорошо.

— Могу себѣ представить,—усмѣхнулся онъ.—Но въ послѣднее время я такъ стремлюсь къ тишинѣ и покою, что деревня представляется мнѣ раемъ.

— Ну, ужъ ты бы не сталъ жить въ деревнѣ!—усомнился Бергеръ.

— Я-то? Да я готовъ поступить даже въ монастырь, еслибъ только нашелся настоящій старинный монастырь съ благочестивыми монахами.

— Ну, такого у насъ не найдешь!

— Но тишину-то, по крайней мѣрѣ, тамъ найду, и это уже очень много! Вѣдь я сколько кочевалъ-то! Весной въ Италіи, зимой въ Парижѣ, лѣтомъ на Альпахъ, осенью на Рейнѣ. Да еще одну зиму мы провели въ Алжирѣ, а другую на Корсикѣ. У жены, вѣдь, была чахотка...

— Сколько вы перевидали!—позавидовала Маріана.

— А знаете ли, вѣдь свѣтъ однообразенъ. Вездѣ одно и то же.

— Стыдитесь! вы разочарованы?

— Нѣтъ, мнѣ просто надоѣло повиноваться свистку паровоза. Мнѣ бы хотѣлось пожить вашей жизнью, наединѣ съ моими книгами и съ самимъ собой. Вѣдь я еще никогда не испытывалъ настоящаго спокойствія. Это очень заманчиво.

— А вы любите книги?

— Я живу для книгъ!

— Воображаю, сколько ты прочелъ за это время!—вставилъ Бергеръ.

— О, жизнь такъ глупо устроена, что ничего не успѣваешь сдѣлать. Приходится либо жить, либо учиться... Я попробовалъ было смѣшать эти два занятія, и вышла чепуха. Нѣтъ, ужъ что-нибудь одно: либо жизнь, либо книги!

— Какія глупости!

Павель засмѣялся.

— А вы замѣтили, какъ освѣжающе дѣйствуетъ это его „глупости“?—обратился онъ къ Маріанѣ.—Точно хорошей душѣ, отъ котораго сейчасъ же трезвѣешь. Я только-что задавалъ себѣ вопросъ, сохранилъ ли онъ привычку говорить это слово.

— Я принялъ эту привычку только въ разговорахъ съ

тобой,—сказалъ Бергеръ, смѣясь.—Ты пріѣхалъ, и слово опять потребовалось.

— Ничего, братъ, не подѣлаешь; приходится оставаться такимъ, каковъ я есть. Вотъ ты—такъ другое дѣло! Мнѣ кажется, ты сталъ еще болѣе Бергеромъ Ольсономъ, чѣмъ прежде. Мадамъ Ольсонъ,—неожиданно обратился онъ въ ней,—не правда ли, Бергеръ замѣчательно красивый мужчина? Маріана покраснѣла.

— Какой вопросъ!—возразила она.—Я его жена, и обязана находить его красивымъ...

— Если бы я былъ женщиной, я бы также находилъ это, даже и вопреки обязанностямъ.

— Конечно!

Бергеръ казался совсѣмъ сконфуженнымъ, а Павелъ поддразнивалъ его. Но вдругъ онъ сталъ серьезенъ.

— А знаешь ли, Бергеръ,—сказалъ онъ.—До встрѣчи съ твоей матерью я лелѣялъ одну пріятную мечту.

— Какую?

— Что ты купилъ имѣніе, въ этомъ я былъ увѣренъ. Это такъ же неизбежно для тебя, какъ обрости бородой! Но никакъ не ожидалъ я, чтобы ты успѣлъ еще и жениться. Я думалъ, что на это у тебя не хватитъ времени!

— Въ чемъ же бѣда, что я женился?

— А вотъ въ чемъ: я хотѣлъ нанять у тебя комнату и провести здѣсь зиму.

— Здѣсь?

— Да. Я сталъ похожъ на старый чемоданъ, истерзаный всѣми кондукторами земного шара. Такой чемоданъ надо положить въ покойное мѣсто, а то онъ развалится.

— Понимаю. Но почему же ты не можешь поселиться у меня и теперь, когда я женатъ?

— Онъ еще спрашиваетъ! Третій въ гнѣздѣ двухъ воркующихъ голубковъ! Нѣтъ, это ужъ не годится!

— Глупости! Время воркованья давно прошло. Вѣдь мы женаты уже больше года.

Павелъ взглянулъ на Маріану съ комическимъ сожалѣніемъ.

— Мнѣ вы не помѣшаете!—смѣясь, отозвалась она.

— Нѣтъ, помѣшаю и буду лишнимъ, тогда какъ у холостого я могъ поселиться съ спокойной душой и зналъ бы, что я только развлекаю его... Ахъ, не знала матушка Ола Ольсонъ, какой пинекъ дала она старому чемодану, сообщивъ о женитбѣ Бергера.

— Однако, вы любезны!—замѣтила Маріана.

— Сударыня, есть огорченія, заставляющія человѣка забываться! Я рассчитывалъ найти друга тамъ, гдѣ оставилъ его, уѣзжая; а вы успѣли похитить его! До любезностей ли теперь?

— Но вы неправы! Заманчивость жизни въ этой глуши могла только увеличиться отъ моего присутствія.

— Bravo, Маріана!—поддержалъ ее мужъ.

— Не упрашивайте: у меня нѣтъ силъ противостоять искушенію...

— Слушай же!—настойчиво сказалъ Бергеръ.—У насъ для гостей въ мезонинѣ цѣлыхъ четыре комнаты. Если онѣ тебѣ не по вкусу, есть еще отдѣльный флигель съ двумя большими комнатами, выстроенный для управляющаго, котораго я не держу.

— И мнѣ позволять поставить свою мебель?

— Даже перестроить флигель, если тебѣ захочется!

— Принимаю! Только съ тѣмъ, чтобы ужъ мнѣ не мѣшали устроиться такъ, какъ я хочу.

— Разумѣется.

— Не разочаруйтесь только,—замѣтила Маріана.—Вы привыкли къ свѣтской, разсѣянной жизни, къ музыкѣ, театру, искусству. Здѣсь вамъ покажется очень скучно!

— О, мнѣ нуженъ только покой, и покой.

Послѣднія слова вырвались у него съ тоской, странно противорѣчившей шутливому тону, какимъ онъ говорилъ все время.

Бергеръ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на него. Теперь Павелъ сидѣлъ сгорбившись, съ бессильно опущенными руками, точно сломленный горемъ или страшной усталостью. Бергеру стало жаль его. Онъ понялъ, что его другу въ самомъ дѣлѣ нуженъ покой, и что нервное возбужденіе придавало ему по временамъ только кажущіяся силы.

— Какъ я радъ, что ты пріѣхалъ, — сказалъ онъ съ своей обычной сердечностью.—Тебѣ будетъ полезно пожить у насъ.

Павелъ взглянулъ на друга съ глубокой благодарностью. Въ первый разъ онъ вполне открылъ глаза, и Маріана была просто поражена красотой этихъ глазъ. Обыкновенно они прятались подъ полуопущенными вѣками и скептически поглядывали съвозъ длинныя рѣсницы; теперь въ нихъ не было и тѣни скептицизма. Дѣтскимъ прямодушіемъ и горячимъ

чувствомъ свѣтились эти прекрасные глаза, когда Павелъ проговорилъ:

— Да, Бергеръ, давно нужно было мнѣ вернуться сюда, чтобы возлѣ тебя отогрѣться.

IX.

Съ какимъ-то истерическимъ увлеченіемъ занялся Павелъ устройствомъ своего новаго жилища. Все должно было дѣлаться сейчасъ же, не отвѣдывая ни на минуту...

Онъ не говорилъ и не думалъ о чемъ либо другомъ. Казалось, онъ раздвигалъ свое увлеченіе, чтобы не поддаться обычному равнодушію и не застыть въ немъ. Чѣмъ-то искусственнымъ, нездоровымъ отдавала такая подвижность.

Мебель и обойчики были выписаны изъ столицы. За нѣкоторыми вещами Павелъ самъ съѣздилъ въ Копенгагенъ. Вещей оказалось такъ много, что потребовался весь его утонченный вкусъ, чтобы разобраться и съ толкомъ размѣстить эти накупленные, съ дѣтской жадностью, предметы роскоши. А сколько тутъ было еще вывезенныхъ изъ путешествій всякихъ рѣдкостей и предметовъ искусствъ.

Но онъ ухитрился найти мѣсто всему, всѣмъ былъ доволенъ и со всѣми обращался такъ привѣтливо, что въ самое короткое время сдѣлался въ Темте общимъ любимцемъ. Прислуга, которой онъ щедро раздавалъ „на водку“, просто боготворила его.

— А много ли я даю?—удивлялся онъ. — Но они совсѣмъ не привыкли грабить туристовъ, и довольны всякой бездѣлицей. Чистый барышъ вернуться на родину!

Онъ желалъ поразить друзей своимъ умѣньемъ устраиваться, хотѣлъ щегольнуть уже готовой обстановкой и съ комической ревнивостью заботился о томъ, чтобы ни Бергеръ, ни Маріана не увидѣли чего-либо прежде, чѣмъ все не будетъ приведено въ порядокъ.

Павелъ Сандель былъ завзятый эстетикъ. Его единственною религіей было поклоненіе красотѣ, а настольной книгой „Агасферъ въ Римѣ“ Гамерлинга. Такого Нерона онъ понималъ! Но увлеченіе искусствомъ, какъ и всѣ его увлеченія, миновало, оставивъ по себѣ лишь привычку и выработанный вкусъ. Теперь ему доставляло наслажденіе заставлять другихъ поклоняться богамъ, въ которымъ онъ самъ уже охладѣлъ. Чужіе восторги напоминали ему объ его собственныхъ, минувшихъ, восторгахъ.

*

Въ его характерѣ была какая-то сознательная наивность. Всецѣло онъ никогда и ничему не отдавался душой, но тѣмъ не менѣе это не мѣшало ему увлекаться, не смотря на сознаніе краткости и призрачности увлеченія. Потому-то онъ и раздувалъ въ себѣ порывы энтузіазма, ясно сознавая, что малѣйшее охлажденіе тотчасъ же погаситъ весь пылъ.

Въ концѣ сентября вся возня съ обстановкой была окончена, и вотъ какъ-то за обѣдомъ Павелъ вдругъ торжественно объявляетъ:

— Господа, имѣю честь пригласить васъ сегодня въ семь часовъ вечера на новоселье. Надо же выпить со мной бокаль вина въ честь моихъ новыхъ пенатовъ.

Приглашеніе было принято среди безконечныхъ шутокъ. Когда всѣ трое выходили изъ столовой, расходившаяся Маріана шепнула Бергеру:

— Подшутимъ надъ нимъ: явимся къ нему въ бальномъ нарядѣ!

Чуткій Павелъ подслушалъ ея слова, но не подавъ и вида, и только насмѣшливо усмѣхнулся въ сторону. Онъ понялъ, что ей хотѣлось, въ свою очередь, щегольнуть умѣніемъ наряжаться, и что шутка была только ловкимъ предлогомъ. И такъ, она хочетъ ослѣпить его, парижанина! Это забавно!

Въ семь часовъ Маріана и Бергеръ перешли темный дворъ и были встрѣчены Павломъ на порогѣ флигеля. Маріана была закутана въ длинное манто, скрывавшее ея туалетъ; въ полумракѣ маленькой передней не видно было, какъ одѣты мужчины. Но вотъ Бергеръ освободилъ жену отъ манто, а Павелъ раскрылъ двери въ комнаты, изъ которыхъ полился мягкій свѣтъ лампъ, прикрытыхъ пестрыми шарами, и хозяинъ, какъ и его гости, оказался въ бальномъ туалетѣ.

Со смѣхомъ и преувеличенно церемонными привѣтствіями вошли всѣ въ гостиную.

Маріана была въ томъ самомъ платьѣ, которое было на ней на балу у Фольмерса, и котораго она съ тѣхъ поръ не надѣвала ни разу. Оно сохранилось прекрасно, и Маріана надѣла его именно потому, что оно было ей особенно къ лицу. Богъ знаетъ, представится ли еще другой случай показать это платье! Тѣмъ не менѣе, она почувствовала себя теперь какъ-то неловко, а взглядъ Павла, которымъ онъ быстро окинулъ ее съ головы до ногъ, произвелъ впечатлѣніе привосновенія

холодной руки. Она поняла, что это был холодный взгляд знатока, который будет беспощаден къ малѣйшимъ несовершенствамъ. Ей вдругъ пришло въ голову, что ея плечи, нѣсколько высоки, что ея осанка слишкомъ небрежна, что зубы немножко мелки и недостаточно бѣлы, а вѣки по краямъ красноваты. Все это онъ замѣтитъ теперь именно потому, что она сама устроила эту выставку своей красоты...

Ей стало уже совсѣмъ не по себѣ, и, не будучи въ состояніи сдѣлать ни одного непринужденнаго движенія, она поневолѣ продолжала играть роль, но сознавая, что иллюзіи быть не могло.

Зато Павелъ чувствовалъ себя побѣдителемъ, а Бергеръ былъ непринужденно веселъ, потому что довѣрчиво принималъ весь этотъ маскарадъ за шутку, отнюдь не придавая ему другого значенія.

Начался осмотръ помѣщенія.

То, о чемъ Маріана только смутно мечтала, когда устраивала свою гостиную, но полагала недостижимымъ идеаломъ, оказывалось теперь осуществленнымъ. На всемъ лежалъ отпечатокъ утонченнѣйшаго сибаритства, но не было тутъ ни крикливой роскоши, ни чего-либо бросающагося въ глаза. Все было въ мѣру.

— Ну, что?—спросилъ Павелъ своимъ ласковымъ, пѣвучимъ голосомъ.—Могу надѣяться, что мои пенаты уживутся здѣсь?

— Я не буду говорить комплиментовъ,—отвѣтила Маріана,—они были бы не у мѣста среди такой чудесной обстановки... Я тоже умѣю наслаждаться прекраснымъ...

На нее нашло какое-то непривычное ей смиреніе, не имѣвшее ничего общаго съ недоступностью вѣтки. Это была искренняя застѣнчивость, зависѣвшая отъ того, что она невольно чувствовала себя передъ этимъ человѣкомъ ничной. Ей казалось, что его усталый взглядъ пронизываетъ ее насквозь, что онъ видитъ малѣйшія ея побужденія.

Бергеръ ничего не замѣчалъ. Онъ все ходилъ по комнатамъ и разсматривалъ вещи, какъ въ музей, отъ времени до времени дѣлая прямыя, смѣлые вопросы. Какъ онъ былъ простъ, естественъ! Маріана почти завидовала ему...

На стѣнѣ было развѣшано нѣсколько испанскихъ акварелей, которыми Бергеръ не могъ досыта налюбоваться.

— Дивно, дивно!—восторгался онъ.—Кто это нарисовалъ.

— Сколько разъ я говорилъ тебѣ, что красками не рисуютъ! — смѣясь, замѣтилъ Павелъ. — Это акварели, а вонъ подписи.

— Вотъ какъ! Это тотъ самый, который описалъ свои путешествія?

— Да.

— Это интересно. Гдѣ ты приобрѣлъ его картины?

— Въ Англии.

Словомъ, Бергеръ всѣмъ интересовался, а Павелъ видимо находилъ удовольствіе въ подробныхъ объясненіяхъ. Маріана вопросовъ не дѣлала: боялась показаться глупой или невѣждой.

На этажеркахъ были разставлены различныя дорогія вещицы: извѣнья, сдѣланныя по знаменитымъ моделямъ, старинная бронза и т. п.

— Воспоминанія о моихъ путешествіяхъ! — замѣтилъ Павелъ.

— Настоящій музей! — одобрилъ Бергеръ. — Не мало же ты повидалъ на своемъ вѣву!

— Что въ томъ?! Вотъ, если бы я могъ видѣть все это съ твоей непосредственностью, то были бы настоящія впечатлѣнія. А то всюду за мной гнался этотъ пролятый самоанализъ, портившій мнѣ всю жизнь. Отъ себя вѣдь нигуда не спрячешься... Очень бы хотѣлось мнѣ обладать и твоей острой памятью. Обратили вы, мадамъ Ольсонъ, вниманіе на его память?

— Да, конечно... У него очень хорошая память.

— Хорошая? Это сказать слишкомъ мало! Разказать ему что-нибудь, вѣдь это все равно, что выгравировать на камнѣ. А у меня память, какъ вода: все въ ней отражается, и ничего не остается.

Когда все было осмотрѣно, хозяинъ съ гостями расположились въ гостиной, гдѣ было особенно уютно, а прекрасная, мягкая мебель такъ и манила посидѣть.

На столѣ были десертъ и вино. Павелъ самъ налилъ бокалы.

Вино запѣнилось и заискрилось въ граненомъ хрусталѣ античной формы. Бергеръ тотчасъ же замѣтилъ это и припомнилъ, что на какой-то картинѣ, изображавшей пиршество въ Римѣ, были такіе же бокалы.

А Павелъ поднялъ свой бокалъ и заговорилъ.

— Есть слово, котораго ты, вѣрно, не понимаешь, Бергеръ. Это слово: усталость. Можетъ быть, послѣ цѣлаго ра-

бочаго дня, когда ты съ четырехъ часовъ утра проработалъ наравнѣ съ батраками, ты иногда считаешь себя усталымъ. Не очень, разумѣется, но немножко усталымъ... Тогда ты бросаешься въ постель и спишь, какъ убитый, а на утро просыпаешься бодрѣ прежняго. Но развѣ это усталость? Такъ на сушѣ называютъ шеваломъ ничтожный порывъ вѣтра, и говорятъ такъ потому, что знаютъ одно названіе, слово, но незнакомы съ самымъ явленіемъ, къ которому оно относится, и примѣняютъ названіе по своему. То, что ты считаешь утомленіемъ, ничто иное, какъ только превосходный способъ увеличить свои силы—не болѣе. Благодари Бога, Бергеръ, за такія минуты усталости! Но нѣтъ, есть другого рода усталость, составляющая истинное проявленіе нашего бѣднаго поколѣнія,—мучительная, нервная усталость, для которой не существуетъ отдыха. Танталь могъ бы кое-что рассказать о ней... Мы, современные интеллигенты, его преемники! Гнаться за миражемъ не мученіе, пока принимаешь миражъ за дѣйствительность. Но гнаться за нимъ изо всѣхъ, послѣднихъ, ничтожныхъ силъ, и притомъ сознавать, что гонишься за призракомъ, и не имѣть возможности остановиться,—это, братъ, штука, мучительная штука! Силы исчезаютъ, чувствуешь, какъ гибнешь въ какой-то безцѣльной погонѣ, и все-таки бѣжишь, задыхаешься, и все бѣжишь къ призраку, въ который давно уже не вѣришь, бѣжишь все тише, слабѣе...

— Ты бредишь, Павелъ!

Павелъ расхохотался звонко, какъ ребенокъ.

— Ахъ, Бергеръ!—вскричалъ онъ, если бы ты зналъ, какъ мнѣ полезно видѣть тебя. Перестань хмуриться и будь веселъ. Принесемъ моимъ пенатамъ эту шидучую жертву шампанскимъ, и да напишется на моихъ дверяхъ: здѣсь царитъ покой!

Тостъ былъ принятъ.

— Вотъ такъ!—засмѣялся Павелъ.—Отъ времени до времени полезно открывать предохранительный клапанъ и изливать свою сентиментальность передъ друзьями. Но не подумайте, сударыня, что во всемъ, мною сказанномъ, есть какой-нибудь здравый смыслъ! Бергера я не предупреждаю: онъ меня знаетъ.

Бергеръ промолчалъ... и осмотрѣлся кругомъ.

— Павелъ,—сказалъ онъ немного погодя,—я уже давно хочу тебѣ кое-что сказать. Почему это роскошь, всякія излишества и весь этотъ хламъ мнѣ противны всюду, но только

не у тебя? Въ чемъ тутъ штука? Выходить, точно я полагаю за тобой больше правъ, чѣмъ за другими людьми. И какъ эта обстановка—онъ обвелъ рукой вокругъ себя—согласуется съ тобой... подходитъ къ тебѣ... Удивительно!

— Мадамъ Ольсонъ, не угодно ли сигаретку? Вы не курите? Жаль?! А ты, Бергеръ? Такъ ты удивляешься, что прощаешь мнѣ роскошь? Вѣроятно, это осталось съ дѣтства. Ты привыкъ видѣть меня не то бѣднѣе, не то богаче всѣхъ остальныхъ, во всякомъ случаѣ не похожимъ на другихъ. Я говорю о бархатной блузѣ и блѣдныхъ щекахъ ея обладателя. Ты привыкъ прощать мнѣ больше, чѣмъ другимъ.

Все это Павелъ проговорилъ съ чувствомъ, задушевно, причеиъ глаза его свѣтились и ласкали друга. Но вдругъ онъ измѣнилъ тонъ и оживленно заговорилъ о своихъ путешествіяхъ.

Бергеръ слушалъ съ интересомъ; Маріана же чувствовала, что даже среди разговора онъ незамѣтно разсматриваетъ ее, понимала, что она не производитъ на него ни малѣйшаго впечатлѣнія, и въ душѣ проклинала свое платье. Но хуже всего было то, что онъ, очевидно, сознавалъ все, что происходило у нея въ душѣ, и наблюдалъ за ней только изъ одного любопытства, интересуясь, какъ-то она вывернется изъ своего глупаго положенія.

Въ эти минуты она просто ненавидѣла его.

Но вдругъ онъ умолеъ и съ свойственной ему перемѣнчивостью сталъ опять задумчивъ.

— Да,—сказалъ онъ, поглаживая красивый вѣеръ Маріанны, который въ разговорѣ взялъ со стола,—все это будить воспоминанія, а для меня они дороже дѣйствительности. Они появляются всегда неожиданно, точно прокрадываются мнѣ въ душу и вдругъ проскальзываютъ предо мной вереницей, какъ картины волшебнаго фонаря. Становится какъ-то грустно, но, право же, мнѣ дороже эта неопредѣленная грусть дѣйствительной радости. Радость на меня не дѣйствуетъ.

Маріана слушала, опустивъ глаза... дыханье у нея учащалось. Что такое съ ней? Вѣдь она только-что такъ негодовала на него, а теперь этотъ голосъ ласкалъ ее, звуча въ ухахъ, точно старая, любимая мелодія. Ни за что въ мірѣ не рѣшилась бы она взглянуть на него въ эту минуту!

— Ха-ха-ха!—вдругъ расхохотался Павелъ.—Какъ бы я похоталъ, если бы встрѣтилъ другого такого же сентимен-

тальнаго дурака, какъ я! Но что подѣлаешь, у меня слабость къ воспоминаніямъ... и... къ вѣраамъ. Вѣрь — вотъ единственное, въ чемъ я завидую женщинамъ. Въ рукахъ мужчины онъ не имѣетъ того вида, а все-таки... Удивительно, сколько смысла можетъ спрятаться въ такомъ вѣрѣ. Гораздо больше, чѣмъ въ человѣческой головѣ... иногда. Благодарю васъ!

Онъ съ вѣжливымъ поклономъ передалъ Маріанѣ вѣрь, но въ то же время иронія мелькнула въ его улыбку.

— Да, воспоминанія! — проговорилъ онъ, полузакрывъ глаза и продолжая улыбаться. — Черезъ годъ я буду вспоминать объ этомъ вечерѣ съ чувствомъ, которое теперь только въ зачаточномъ состояніи и разовьется потомъ, когда дѣйствительности уже не будетъ. Какъ буду я когда-нибудь впоследствии дорожить воспоминаніемъ объ этомъ угольѣ!

Онъ оглянулся вокругъ себя и прибавилъ какъ-то по дѣтски:

— А вѣдь, не правда ли, красиво?

— Очень красиво, — отвѣтила Маріана разсѣянно и опустила взглядъ на вѣрь. Застѣнчивость удивительно шла къ ея миловидному, дѣтскому личику, и никогда еще она не была такъ мила, какъ теперь, когда считала себя некрасивой.

— Да, братъ, ты умѣешь устраиваться! — замѣтилъ и Бергеръ. — Тебѣ бы надо опять жениться. Что хорошаго бродить по свѣту бобылемъ?

— Нѣтъ, теперь у меня нѣтъ никакой склонности къ любви! — возразилъ Павелъ равнодушно.

Маріана почувствовала себя такъ, точно стояла передъ злымъ старикомъ, который издѣвался надъ ней и которому она не смѣла возражать.

— Да, — сказалъ Павелъ, помолчавъ, точно отвѣчая на какую-то мелькнувшую у него въ головѣ мысль, — и здѣсь, на родинѣ, люди расстаются. Но это не то, что на континентѣ, въ средѣ туристовъ. Здѣсь прощаются, имѣя въ виду раньше или позже встрѣтиться опять; тамъ же говорятъ „прости“, съ сознаніемъ, что это уже навсегда. Сначала это тяжело, но потомъ привыкаешь и, въ концѣ концовъ, даже находишь, что такъ оно и быть должно.

— А мнѣ бы никогда не понравилось такое мимолетное сближеніе съ людьми! — замѣтилъ Бергеръ.

— Повѣрь, братъ, привыкъ бы, какъ и всѣ, если бы пожилъ такой жизнью.

— Этого-то я бы и не сталъ дѣлать.

— Понятно!—усмѣхнулся Павелъ.—А между тѣмъ есть въ этомъ свои и хорошія стороны... Кстати, мнѣ приходится на умъ, что здѣсь, въ Швеціи, не имѣютъ понятія о флиртѣ.

— Это еще что такое?—спросилъ Бергеръ.

— Ты ставишь меня въ затрудненіе, такъ какъ въ нашемъ языкѣ нѣтъ соответственнаго выраженія.

— Ты говоришь о волокитствѣ?

— О, какое тяжелое выраженіе о такомъ нѣжномъ предметѣ! Точно выстрѣлили изъ пушки по бѣвасу!

— Флиртъ можно перевести словомъ „ухаживанье“. Это ближе!—замѣтила Маріана, и даже улыбнулась. Въ дѣлахъ объ ухаживаніи она была, какъ дома, а въ англійскихъ романахъ достаточно написано о флиртѣ.

— Нѣтъ, это слишкомъ мѣщанское выраженіе!—возразилъ Павелъ съ гримасой.—Нужно слово, которое выражало бы нѣчто легкое, нѣчто сверхающее на солнцѣ и быстро исчезающее, что-то такое, чего никто не могъ бы уловить.

Онъ остановился съ приподнятой вверху и быстро колебавшейся рукой, причѣмъ взглядъ его былъ устремленъ въ пространство, точно онъ высматривалъ этотъ неуловимый предметъ.

— Это нѣчто — для людей развитыхъ игра, но опасная вещь для посредственностей. Оно наполняетъ время, не обременяя его... Оно ничто, и въ то же время нѣчто серьезное...

— А я стою на томъ, что это волокитство!—упрямо повторилъ Бергеръ.

— О, нѣтъ, нѣтъ!! Ты хочешь придать этому что-то опредѣленное и плоское, но развѣ ты не понимаешь, что есть вещи неуловимыя? Вообрази, напримѣръ, что ты сидишь въ въ темной комнатѣ; вокругъ тебя совершенный мракъ. Но вотъ, образуется едва замѣтная щель, и сквозь нее врывается лучъ солнца. Этотъ лучъ непременно прикуетъ къ себѣ твой взглядъ, и ты невольно залюбуешься имъ. Ты увидишь въ немъ движущіяся искры—простыя пылинки, но которыя теперь будутъ сверкать, какъ брилліанты. Ты будешь радоваться, глядя на этотъ лучъ и пылинки, но уловить ихъ ты не можешь, да и значенія имъ придавать ты не станешь. Онѣ развлекли тебя въ одиночествѣ, скрасили мракъ заключенія—больше ничего! Таковъ и флиртъ.

— Это развлеченіе для баръ, которымъ неохота трудиться,—возразилъ Бергеръ.—Что жъ въ этомъ хорошаго?

— А что хорошаго въ игрѣ шампанскаго? Однакоже, его

не пьютъ, когда оно выдохнется. Въ жизни тоже необходима игра, чтобы эту жизнь скрасить.

— Для баръ, да!

— А развѣ лучше, что здѣсь всякую игру окрещиваютъ любовью, и затѣмъ спѣшать жениться? Изъ-за такого-то вздора! Хороши браки!

— Какую чертовщину, однако, ты несешь? Да развѣ бракъ игра?

Этотъ вопросъ вырвался у Бергера почти злобнымъ тономъ. Павелъ пожалъ плечами: дескать, если ты не умѣешь разсуждать спокойно, съ тобой не стоитъ и спорить.

— Да, для тебя такая теорія очень удобна!—прибавилъ Бергеръ, уже улыбаясь и возвращая себѣ утраченное на мгновение добродушіе.

— Конечно, потому-то я ее и защищаю!—замѣтилъ Павелъ весело.

Марианѣ хотѣлось взглянуть на него и дать понять, что она раздѣляетъ его взглядъ. Но она не смѣла поднять глазъ, боясь встрѣтить тотъ же холодный взглядъ, который насмѣшливо ее разсматривалъ.

— Однако,—проговорилъ Бергеръ,—такія теоріи показываютъ нравственное обѣдненіе.

— Нисколько. Привычка къ флирту придаетъ остроуміе даже посредственнымъ женщинамъ. Ты не повѣришь, въ какомъ напряженіи поддерживаютъ умъ такіа маленькіе поединки.

— Съ тобой нельзя разсуждать! Никогда не знаешь, когда ты говоришь серьезно и когда шутишь.

— Я вовсе не шучу. Если имѣешь серьезные возраженія, выкладывай ихъ.

— Хорошо,—согласился Бергеръ.—Я хотѣлъ сказать, что допускаю увлеченія у молодыхъ людей, вторые только-что начинаютъ жить. Тогда они чувствуютъ себя, какъ жеребата, въ первый разъ выпущенные въ поле, и всю жизнь принимаютъ за игру. Вотъ они и влюбляются направо и налево. Связать себя женитьбой въ такое время—чистѣйшая глупость. Но потомъ, когда развивается разсудокъ и является возможность сдѣлать правильный выборъ... На кой чортъ тогда всѣ эти твои капризы и хваленый флиртъ? Нѣтъ, братъ, ты не правъ и совѣтую тебѣ эту теорію бросить!..

Довончивъ рѣчь, Бергеръ разсмѣялся. Павелъ тоже улыбался съ самымъ довольнымъ видомъ.

— Вотъ таковы-то мы всегда!—сказалъ онъ, обращаясь

къ Маріанѣ.—Мы споримъ съ Бергеромъ съ утра до ночи; но отъ этого наша дружба только крѣпнѣтъ.

Пора было идти ужинать, и всѣ направились въ большой домъ.

Маріана тотчасъ же поспѣшила къ себѣ, чтобы скорѣе освободиться отъ этого, такого ненавистнаго ей теперь, платья. Она понимала, что трудно будетъ поправить ложный шагъ, который выставилъ ее передъ Павломъ отвергнутой кокеткой. Но она дала себѣ слово заставить его смотрѣть на нее иначе. О, онъ еще не знаетъ Маріаны Бѣръзъ...

Размышляя объ этомъ, она переодѣлась въ простенькое темное платье, съ бѣлымъ фартучкомъ, взглянула на себя въ зеркало—и осталась собой довольна. Посмотримъ, что-то скажетъ теперь этотъ разочарованный господинъ!

Весь вечеръ она была особенно любезна съ Бергеромъ, но, когда тотъ пожелалъ идти спать, она удержала его, чтобы поговорить о Павлѣ.

— Послушай, Бергеръ, — сказала она, когда они остались одни; — что это за человѣкъ?

Она бросила этотъ вопросъ совершенно равнодушно, точно задала его просто для того, чтобы о чемъ-нибудь заговорить.

— Павелъ? Онъ просто ломается, вотъ и все. Женщины избаловали, — вотъ и сталъ такой. Ему скучно, когда никто имъ не любитъ. Разумѣется, станетъ проще, какъ попри-выкнетъ къ тебѣ; но вначалѣ знакомства онъ не можетъ устоять противъ соблазна порисоваться. Не обращай на это вниманія!

X.

Съ этого вечера въ Маріанѣ стала замѣчаться перемена. До сихъ поръ она не обращала никакого вниманія на хозяйство и сервировку стола; но теперь она сдѣлалась крайне чувствительна ко всему, что могло уронить ее въ глазахъ Павла, и всякій разъ, когда онъ украдкой вытиралъ салфеткой стаканъ, или ей казалось, что сервировка неудовлетворительна, она чувствовала себя виноватой и стыдилась.

Она сдѣлалась заботлива и предупредительна; стала чрезвычайно находчива во всемъ, что могло сдѣлать жизнь въ Темте пріятнѣе, а главное, могло доставить удовольствіе Павлу. И это не оставалось безъ награды, такъ какъ, хотя Павелъ и никогда не выражалъ этого словами, но она чувствовала, что онъ благодаренъ за вниманіе.

Она замѣтила, что онъ былъ не прочь отъ хорошаго обѣда, и что для него не было безразлично, изъ чего онъ ѣлъ и пилъ. Неосторожный лягъ ножами могъ заставить его неприятно вздрогнуть, а красивое освѣщеніе комнаты могло настроить его беззаботно и весело. Онъ былъ чувствителенъ, какъ пламя газоваго рожка, и его эпикурейство распространилось на самое ничтожное, какъ и на самое важное, существенное. Замѣтивъ все это, Маріана взяла на себя заботы предупреждать его желанія и избавлять его отъ всего неприятнаго. Со своей стороны, онъ чувствовалъ къ ней глубокую признательность, и по временамъ становился къ ней ласковъ и нѣженъ, какъ больной ребенокъ.

У Маріаны за это время романы впали въ полную немилость. Трудно сказать, было-ли это слѣдствіе насмѣшекъ Павла надъ чувствительными романами, или потому, что они уже не были Маріанѣ нужны. Впрочемъ, по временамъ, она еще читала, но исключительно французскія книги, которыми ее снабжалъ Павелъ. Онъ нашелъ ея вкусъ совершенно испорченнымъ отъ чтенія англійскихъ книгъ, и, вотъ, чтобы исправить этотъ вкусъ, онъ заставлялъ ее читать Бурже, Боделера, Мопасана, Флобера. И надо признаться, что онъ нашелъ чрезвычайно податливую и способную ученицу.

Въ долгія отлучки Бергера изъ дому имъ всегда приходилось оставаться наединѣ, и маленькое охлажденіе, проявившееся было между ними въ день новоселья Павла, быстро смѣнилось спокойными, дружескими отношеніями. Въ ихъ душахъ было много общаго, только характеръ Павла выражался яснѣе, чѣмъ у нея; поэтому у нихъ было всегда о чемъ поговорить, и Маріанѣ доставляло удовольствіе провѣрять свои мысли на болѣе выработанныхъ мысляхъ Павла.

Бергеру и въ голову не приходило ревновать, тѣмъ болѣе, что никогда еще Маріана не выражала ему столько покойной привязанности, какъ именно въ это время. Онъ приписывалъ это тому, что она уже не страдала больше отъ одиночества, и потому была бодрѣе и веселѣе. Такимъ отношеніямъ помогала дружба между мужчинами и явное уваженіе, выказываемое Павломъ Бергеру, благодаря чему Маріана не стыдилась мужа передъ Павломъ, какъ, напримѣръ, передъ своими братьями. Даже — наоборотъ, она стала больше цѣнить Бергера съ тѣхъ поръ, какъ замѣтила, что Павелъ положительно гордится своимъ другомъ.

Такимъ образомъ присутствіе Павла въ домѣ никому не

мѣшало; ему пришлось даже отчасти играть примирительную роль ребенка въ этомъ, не особенно удачно подобранномъ, супружествѣ.

Гостиная Маріаны была любимымъ мѣстопробываніемъ, какъ хозяйки, такъ и гостя. Послѣдній подарилъ Маріанѣ нѣсколько бездѣлушекъ для украшенія комнаты и помогъ переставить мебель съ большимъ вкусомъ. Туда же былъ перенесенъ и рояль изъ залы, которую любилъ одинъ Бергеръ.

Павель и Маріана просиживали здѣсь по цѣлымъ часамъ и въ оживленныхъ разговорахъ не замѣчали времени. Онъ сталъ называть ее просто госпожей Маріаной, но отъ предложеннаго однажды Бергеромъ общаго брудершафта наотрѣзъ отказался, удовольствовавшись тѣмъ, что отбросилъ церемонное „госпожа“.

Когда настала зима съ ея длинными вечерами и вьюгами, Бергеръ сталъ больше оставаться въ обществѣ жены и друга, но появлялся не ранѣе того времени, когда зажигались лампы, а въ ожиданіи его, Маріана и Павель занимались, какъ называлъ Бергеръ, огнепоклонствомъ, т.-е. сидѣли у топившагося камина, не спуская глазъ съ огня. Оба они были зябки и любили огонь. А кромѣ того, оба находили особенную прелесть сидѣть въ сумеркахъ у красиваго огонька и болтать о чемъ попало.

Иногда Павель садился къ роялю и наизусть игралъ что-нибудь, служившее какъ бы иллюстраціей къ тому, что онъ рассказывалъ. Это были итальянскія пѣсни, цыганскіе мотивы, нѣмецкіе гимны. Маріана слушала съ напряженіемъ, а потому, когда онъ прерывалъ игру и начиналъ опять рассказывать со свойственной ему колоритностью, ей казалось, что сумерки эти—только заволдованное, прозрачное покрывало, которымъ онъ укуталъ ее, чтобы перенести въ другой міръ, полный движенія и красокъ. И въ этомъ была такая невыразимая, загадочная прелесть!

Самое главное то, что, въ эти часы уединенія съ Маріаной, Павель былъ простъ и совсѣмъ отбрасывалъ свою насмѣшливость разочарованнаго человѣка. Отъ этого его рѣчь получала увлекательную силу, звучащую не только въ словахъ, но въ самомъ тонѣ и живости рассказа. Маріана слушала молча. Только изрѣдка позволяла она себѣ тотъ или другой вопросъ, и то только изъ опасенія, чтобы Павель не кончилъ рассказа слишкомъ рано. Но, когда онъ заглядывалъ ей въ глаза, ему казалось, что она говорила, по меньшей мѣрѣ,

столько же, какъ и онъ;—такъ краснорѣчивъ бывалъ ея восторженный взглядъ.

— Мариана,—сказалъ онъ однажды, когда они, по обыкновенію, сидѣли у камина;—мнѣ всегда казалось легче разговаривать съ женщиной, чѣмъ съ мужчиной. У женщинъ есть какая-то особенная душевная гибкость, позволяющая имъ совсѣмъ иначе относиться къ собесѣднику, чѣмъ у мужчины. Женщины легко, безъ малѣйшаго усилія улавливаютъ всѣ малѣйшіе оттѣнки настроенія рассказчика,—поэтому-то имъ такъ и легко рассказывать. Дѣло въ томъ, что въ женщинахъ совершенно отсутствуетъ эта, ненавистная мнѣ, критическая сухость.

— Можетъ быть, это отсутствіе критики только простое легкомысліе?—возразила Мариана съ усмѣшкой.—Но мнѣ, по крайней мѣрѣ, пріятнѣе слѣдить за разговоромъ, чѣмъ критиковать его.

— Во всякомъ случаѣ, это симпатично. Но обратите вниманіе еще вотъ на что: нельзя съ тѣмъ же увлеченіемъ рассказывать людямъ, съ которыми связанъ какими-нибудь прочными узами. Въ концѣ-концовъ, эти узы столько же мѣшаютъ сближенію, какъ и удаленію.

— Что вы хотите этимъ сказать?

— Я хочу сказать, что человѣку свойственно больше всего давать тому, кому онъ ничего не долженъ. Люди, съ которыми мы связаны наружными узами, походятъ на партнеровъ въ житейской игрѣ, а извѣстно, что карты показываются всякому постороннему, но уже никакъ не самимъ партнерамъ! Откровенность удобна только съ чужими, потому что, когда они разстанутся, все сказанное исчезнетъ изъ памяти; а свой человѣкъ навсегда останется нашимъ постояннымъ цензоромъ.

— Но, вѣдь, это же скептицизмъ! Вы ни во что и никому не вѣрите!

— Нѣтъ, Мариана, я вѣрю тому, что передъ моими глазами, или у меня въ рукахъ. Развѣ я не довѣрчивъ съ вами? Развѣ я не выкладываю передъ вами всего своего прошлаго?

Въ тонѣ, которымъ онъ сказалъ это, было что-то особенное, смутившее Мариану, и она не отвѣтила ничего.

— Я этого не дѣлалъ по отношенію къ моей женѣ,—продолжалъ онъ.—Я зналъ, что могу вполне ей довѣриться; зналъ, что она пойметъ меня, и все-таки, я никогда не говорилъ ей о себѣ. А, вѣдь, она такъ жаждала моей откровенности, что съ радостью отдала бы весь остатокъ своихъ со-

считанныхъ дней за одинъ только порывъ откровенности, какой у меня нерѣдко бываетъ съ чужими...

Его слова терзали Маріанѣ душу. Она не любила вспоминать о томъ, что Павелъ былъ женатъ. Она знала, что онъ женился на деньгахъ, и не хотѣла сознавать на немъ этого пятна. Но упорное уклоненіе отъ всякихъ разговоровъ о покойной женѣ обижало его, какъ упрекъ, и теперь молчаніе и замѣшательство Маріаны раздражили его.

— Какъ жаль, Маріана, что вы не знали моей жены, — сказалъ онъ, — и нарочно выдержалъ паузу, чтобы дожидаться поощренія, но, не получивъ въ отвѣтъ ни слова, разсердился.

— Не понимаю, что за нелѣпое представленіе получилось у васъ о моемъ бракѣ! — гордо вскричалъ онъ. — Почему вы боитесь говорить объ этомъ?

Маріана покраснѣла: какъ она была рада, что надвигавшіяся сумерки скрыли ея смущеніе.

— Я вовсе и не думала бояться! — сказала она. — Развѣ я мѣшаю вамъ говорить объ этомъ?

Онъ помолчалъ съ минуту и сказалъ упавшимъ голосомъ:

— Меня это огорчаетъ. Точно положенъ мнѣ предѣлъ: вотъ, до сихъ поръ ты можешь идти въ своихъ откровенностяхъ, а дальше не смѣй! Неужели же вы думаете, что въ моей женитьбѣ было что-нибудь позорное?

Онъ опустилъ голову на руку и замолчалъ, уставившись исподлобья на огонь. Она откинулась на спинку кресла, и украдкой смотрѣла на него. Какъ красива и благородна была каждая черта этого профиля! Сколько изящества въ любомъ его движеніи! И подумать, что онъ проданъ старой некрасивой женщиной... Ей такъ хотѣлось плавать отъ стыда за него, попытаться смыть съ него позоръ горькими слезами...

Но она не смѣла и, отвернувшись отъ него, сдвинула руки, чтобы побороть поднимавшіяся въ груди рыданія.

— Вы бы полюбили ее, если бы знали! — донесся до нея тихій голосъ Павла. — Она была добрая.

Маріана стиснула зубы, чтобы не крикнуть: „Но вѣдь она была стара, стара и безобразна!“

Она ненавидѣла эту покойницу и страдала за Павла. Теперь она возмутилась даже противъ него. Зачѣмъ онъ поднимаетъ все это съ души, и мучаетъ ее?

— Если бы мнѣ было чего стыдиться, неужели же я сталъ бы настаивать на желаніи поговорить о ней? — про-

говорилъ онъ, точно разслышалъ ея мысли въ окружавшемъ ихъ безмолвіи.

— Рассказывайте!—прошептала она беззвучно.

Онъ поднялъ голову, перемѣнилъ положеніе и заговорилъ:

— Теперь, когда ея на свѣтѣ уже нѣтъ, она получила для меня совсѣмъ особое значеніе. Теперь я вижу всю ея жизнь, какъ ландшафтъ, освѣщенный особымъ свѣтомъ заката. Вы знаете, какъ мы познакомились? Я былъ бѣдный студентъ. Мнѣ приходилось думать о насущномъ хлѣбѣ, отриваясь отъ молодости и отдавая послѣднія крохи силъ труду; мнѣ приходилось принимать благодѣянія отъ отдѣльныхъ лицъ и церковнаго прихода, платя за это вымученными улыбками благодарности; мнѣ приходилось переносить всякія униженія и обиды, притворяясь, что ничего подобнаго нѣтъ... Я былъ бѣденъ, былъ парій. Знаете ли, что если бы не рѣдкая энергія и трудолюбіе моей матери, я неминуемо остался бы на пропитаніи прихода? А это значитъ быть выставленнымъ на публичный аукціонъ, быть проданнымъ тому, кто возьмется кормить меня за наименьшее вознагражденіе! Какъ странно становится на душѣ, когда оглядываешься далеко назадъ. Все такъ ясно, просто, цѣлесообразно, послѣдовательно! А вѣдь въ жизни существуетъ только логика случайностей...

— Какъ вы можете это утверждать?

— Могу, и даже докажу примѣрами. Взгляните на меня, почему я—то, что изъ меня вышло? Потому, что я случайно живъ, и не могъ стать другимъ въ тѣхъ условіяхъ, въ которыя поставилъ меня случай. Кто былъ мой отецъ? Ученый труженикъ, котораго прочли въ профессора, если бы только онъ остался живъ... Да въ томъ-то и штука, что онъ не могъ долше жить! Всю жизнь онъ трудился надъ наукой и отказывалъ себѣ во всемъ. Его умъ былъ, такъ сказать, переразвитъ, тѣло его было замучено. Онъ умеръ двадцати трехъ лѣтъ... Какъ вы думаете, что я долженъ былъ унаслѣдовать отъ него? Силъ и силы воли въ особенноти у меня не оказалось, а темпераментъ силача и жажда прекраснаго—неутолимая. Я инстинктивно стремился къ утонченности, когда еще даже и не подозревалъ, что такое эта утонченность. Вы не знали черной бѣдности, господа Маріана; вамъ не понять, что такое значитъ быть отверженцемъ. Вамъ не приходилось стоять на улицѣ, съ завистью заглядывая въ освѣщенные окна. Вамъ и въ голову не приходило, что голоднаго отверженца, бродящаго ночью

по темнымъ и пустыннымъ улицамъ, тянетъ броситься на мостовую выть, какъ воетъ волкъ!.. О, Маріана, такія вещи пожираютъ всѣ жизненныя силы, и никому не понять, чего стоитъ бѣдняку его притворное спокойствіе. Но не только одного довольства, достатка, хотѣлось мнѣ; мнѣ хотѣлось внутренней роскоши: образованія, вкуса, остроумія — всего того, что возвышаетъ человѣка надъ толпой. Но ничего подобнаго я не могъ получить безъ средствъ, а ученость, которой я отдавался всей душой, обѣщала только участь моего бѣднаго отца. И вотъ я встрѣтился съ нею! Она когда-то тоже была бѣдна и вдругъ разбогатѣла, получивъ неожиданно наслѣдство послѣ двухъ, одинъ за другимъ умершихъ, родственниковъ...

Онъ помолчалъ съ минуту и продолжалъ:

— Какая странная прихоть судьбы! Эта женщина казалась созданной для мужественной борьбы съ бѣдностью и лишениями. Это было—олицетворенная безпритязательность. Съ семнадцати лѣтъ она скиталась по свѣту гувернанткой и учительницей. И вдругъ представьте себѣ: она—собственница огромнаго состоянія! Это ее испугало. Мы съ любопытствомъ наблюдали за ней, но осуждать было нечего: она осталась такъ же скромна и привѣтлива со всѣми. Разумѣется, ее обступили женихи. Она имъ всѣмъ раздавала отказы, съ смущеннымъ, виноватымъ видомъ, но неизмѣнно. Лестъ не могла ее плѣнить; наоборотъ, она страдала, когда ей льстили. Вся ея молодость была противоядіемъ противъ лести! Мы съ нею были въ товарищескихъ отношеніяхъ. Ея спокойствіе имѣло замѣчательно благое вліяніе на мои распатанные нервы. Понемногу товарищество перешло въ дружбу, а вскорѣ потомъ я замѣтилъ, что сталъ для нея болѣе, чѣмъ другомъ, и что мнѣ стоитъ только протянуть руку, сказать только одно слово, и получить свободу отъ всѣхъ этихъ заботъ о хлѣбѣ, свободу жить полной жизнью, свободу въ выборѣ поприща, цѣлей и средствъ къ ихъ достиженію!—И я взялъ богатство, взялъ его съ восторгомъ, о какомъ вамъ и не снилось! Не бывали вы голодны, не испытали настоящей жажды! Я былъ, и испыталъ... Зато и насыщался же я, и упивался потомъ!—не торопясь, большими, глубокими глотками!

Онъ говорилъ съ силой, какой Маріана въ немъ и не подозрѣвала. Вся его выпрямившаяся, точно выросшая, фигура дышала силой. Вдругъ онъ точно осунулся, безсильно

опустился въ кресло и заключилъ рѣчь тихимъ, надтреснутымъ голосомъ:

— Да, я пожилъ, Маріана, и отнюдь не раскаяваюсь!

Водворилась такая тишина, что сталъ слышенъ шорохъ, съ которымъ разсыпались въ каминѣ послѣдніе догорѣвшіе угольки.

Черезъ минуту Павелъ прибавилъ уже своимъ обычнымъ голосомъ.

— Трудъ и переутомленіе—вотъ чѣмъ исчерпывалась вся жизнь моего отца. Я продолжилъ эту исторію,—вотъ вамъ и все! Отъ матери я не наслѣдовалъ ничего, потому что всякое здоровье разобьется о надорванный мозгъ, а кромѣ здоровья, у нея ничего не было... Впрочемъ, нѣтъ, я унаслѣдовалъ отъ нея уваженіе ко всему, что естественно и жизне-радостно... Въ лицѣ Бергера я, такъ сказать, люблю свою мать, которая, съ своей стороны, полюбила моего отца за утонченность и высшее развитіе, какъ Бергеръ полюбилъ меня за то же самое. Люди,—это моль, а культура—то пламя, которое обжигаетъ намъ крылья.

— А ваша жена?—спросила Маріана, которой теперь уже вовсе стало не страшно касаться этого больного предмета.—Не правда ли, она не была стара, безобразна?

— Ей было двадцать девять лѣтъ, и красотою она не отличалась, хотя, по моему, безобразной она не была. Это было одно изъ тѣхъ лицъ, которыя не кажутся ни старыми, ни молодыми, ни красивыми, ни безобразными. Въ такомъ лицѣ ничто не обращаетъ на себя вниманія, не остается въ памяти, и такихъ людей легко забываютъ. Впрочемъ, у нея были прекрасные, дѣтски-ясные глаза. Что сказать объ ея умѣ? Она была недалека, но такъ добра и скромна, что никто бы не рѣшился смѣяться надъ такой глупостью. Она просила такъ мало у людей, и брала это малое съ такой искренней благодарностью!.. Я былъ для нея на свѣтѣ всѣмъ. Весь огромный запасъ любви, накопившійся въ этомъ добромъ сердцѣ за многіе годы одиночества, она тратила на меня, и при этомъ никогда не бывала надобдлива, никогда не стѣсняла меня ни въ чемъ. Она всегда опасалась, что ея любовь и доброта покажутся мнѣ назойливыми...

Онъ пріостановился, горько улыбнулся и продолжалъ:

— Знаете ли, Маріана... Я говорю это теперь съ болью въ душѣ: я почти ненавиждѣлъ ее за добродѣтель и терпѣніе!

*

Иногда мнѣ хотѣлось во что бы то ни стало вывести ее изъ себя и увидѣть, какъ она злится, только для того, чтобы отдѣлаться отъ таковой преданности и безупречности. Да, я ненавидѣлъ эту женщину такъ, какъ не ненавидѣлъ въ жизни никого другого! Я былъ въ состояніи оскорблять ее, чтобы только возмутить ее противъ себя. Но она не возмущалась! И все-таки, въ извѣстныя минуты она могла даже нравиться мнѣ... И она знала это, потому что любовь придаетъ умъ всякой женщинѣ. Она знала, что я ее ненавижу, и что я такъ отъ нея всѣ свои мысли и надежды; но она знала также и мою слабость ко всему утонченно-прекрасному и пользовалась своимъ рѣдкимъ художественнымъ вкусомъ, чтобы обезоруживать меня. Она не любила роскоши, но, ради меня, окружала себя пышностью. Какъ она умѣла расположить цвѣты, разставить мебель, развѣсить и подобрать драпировку! И она пользовалась этимъ искусствомъ, чтобы только подкупить меня хоть на минуту... Разумѣется, потомъ ненависть разгоралась сильнѣе прежняго. Нужды нѣтъ!—Знаете, она была еле жива, но никогда не думала ни о своемъ здоровьѣ, ни о смерти, а жила только мной. И потомъ, когда приблизилась смерть, она отнеслась къ ней безъ малѣйшаго страха. О, какъ помню я этотъ день! Она сильно страдала цѣлую ночь, но утромъ собрала послѣднія силы, одѣлась и перешла на диванъ. Она знала, что умираетъ, но не хотѣла разстраивать катанья, на которое я собирался, не подозрѣвая, что она умираетъ. Господи, какъ посмотрѣла она на меня въ это утро! Я почувалъ въ этомъ взглядѣ что-то особенное, и не хотѣлъ уѣзжать. Но она сказала тономъ, съ какимъ взрослый говоритъ ребенку: „Иди, Павелъ, тебя ждутъ. При мнѣ будетъ вѣдь докторъ“. Я вышелъ съ смутнымъ сознаниемъ, что дѣлаю низость, но можете представить!—черезъ часъ я уже забылъ о ней. Когда я вернулся, она уже была покойница... Гробъ и все остальное было готово; она позаботилась обо всемъ сама и запретила доктору говорить это мнѣ, чтобы не тревожить меня... О, она знала, что завоюетъ меня этимъ способомъ! Она знала, что теперь навсегда стоитъ передо мной, и что я отдалъ бы все на свѣтѣ, чтобы только исправить прошлое! Понимаете ли, Маріана, что теперь иногда бываетъ со мной? Вѣдь я только теперь сознаю, что любилъ ее, а не ненавидѣлъ, какъ воображалъ тогда!..

Онъ какъ-то весь съежился и закрылъ лицо руками; въ

потемкахъ пронеслось точно жалобное, подавленное, рыданіе...

Но онъ быстро поднялся, раздались его шаги въ залъ, потомъ дальше. Гдѣ-то хлопнула дверь... Потомъ опять все стало тихо... такъ тихо, и такъ ужасно темно...

Въ этотъ вечеръ Бергеръ остался безъ обычной партіи въ шахматы.

ИЗЪ „ЭНТОМОЛОГИЧЕСКИХЪ ВОСПОМИНАНІЙ“

Фабра.

(Продолженіе *).

Мухеловы-Бембексы.

Недалеко отъ Авиньона, на правомъ берегу Роны, противъ устья Дюрансы находится одинъ изъ моихъ любимыхъ пунктовъ для наблюденій, о которыхъ я хочу рассказать. Это—Иссартскій лѣсъ. Да не подумаютъ, что это дѣйствительно лѣсъ, въ настоящемъ значеніи этого слова: съ почвой, устланной мягкимъ покровомъ изъ свѣжаго мха, съ высокоствольными деревьями, среди которыхъ отъ густой листвы царить полусвѣтъ. Выжженные равнины, гдѣ стрекоза трещитъ на блѣдномъ оливковомъ деревѣ, не знаютъ этихъ очаровательныхъ убѣжищъ, полныхъ свѣжести и тѣни. Иссартскій лѣсъ—просто лѣсокъ карликовыхъ дубовъ, вышиною въ человѣческой ростъ, рѣдко разбросанныхъ жидкими группами. Когда въ каникулярные дни іюля и августа я съ самаго полудня устраивался въ какомъ-нибудь удобномъ пунктѣ лѣска для моихъ наблюденій, убѣжищемъ мнѣ служилъ большой дождевой зонтикъ, который позже, самымъ неожиданнымъ образомъ, сослужилъ мнѣ службу въ другомъ отношеніи. Когда я забывалъ запастись этой необходимой принадлежностью, то единственнымъ средствомъ спастись отъ солнечнаго жара было—лечь, растянувшись во весь ростъ за какой-нибудь песчаный холмикъ; а когда въ виски начинало стучать отъ прилива крови, то спасеніе состояло въ томъ, что я всовывалъ голову во входъ кроличьей норки.

Почва въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ она не покрыта пучками волокнистыхъ растений, почти обнажена и состоитъ изъ тонкаго бесплоднаго и очень подвижнаго песку, который вѣтеръ собираетъ въ маленькія возвышенія вездѣ, гдѣ корни дубовъ служатъ препят-

*) См. «Міръ Божій» № 4.

ствіемъ для того, чтобы онъ рассыпался. Склоны такихъ возвышеній, обыкновенно, очень гладки, благодаря крайней подвижности этого сыпучаго матеріала. Достаточно погрузить палецъ въ песокъ, чтобы произошелъ обвалъ, который совершенно засыпаетъ и безслѣдно уничтожаетъ продѣланную дырочку. Но на извѣстной глубинѣ, которая измѣняется сообразно тому, когда шелъ послѣдній дождь, песокъ сохраняетъ извѣстную степень влажности, которая уничтожаетъ его сыпучесть и даетъ ему такую плотность, что въ немъ можно вырывать небольшія углубленія, не боясь обваловъ. Жгучее солнце, восхитительно синее небо, песчаные склоны, которые безъ труда уступаютъ ударамъ ножекъ перепончатокрылыхъ, обильная дичь для ихъ личинокъ, тихое мѣсто, спокойствіе котораго почти никогда не нарушается шагами прохожихъ—все собрано въ этомъ мѣстѣ наслажденій *бембекса*. Приглядимся-ка къ работѣ этого искуснаго насѣкомаго. Если читатель захочетъ присѣсть подъ мой зонтикъ или воспользоваться моею кроличьей норкой, то вотъ какое зрѣлище представится его глазамъ въ концѣ іюля. *Бембексъ* (*Bembex rostrata*) является внезапно, не знаю, откуда, и безъ всякихъ предварительныхъ поисковъ, безъ колебаній бросается на одно мѣсто, на мой взглядъ, ничѣмъ не отличающееся отъ остальной песчаной поверхности земли. Передними лапками, которыя вооружены рядами могучихъ щетинокъ и напоминаютъ въ одно и то же время половую щетку и грабли, онъ старается очистить свое подземное жилище. Насѣкомое держится на четырехъ заднихъ ножкахъ, немного отодвинувши двѣ самыя заднія; передними ножками онъ поочередно скребетъ и выметаетъ сыпучій песокъ. Точность и быстрота дѣйствія не могли бы быть большими, если бы тарсы (лапки) приводились въ движеніе-пружиню. Песокъ, отброшенный назадъ подъ брюшко, проходитъ подъ задними ножками, сыплется непрерывной струйкою, похожею на струйку жидкости, описываетъ параболу и падаетъ на два дециметра дальше. Все это дѣлается такъ быстро, что я не могу указать другого примѣра такой быстроты, нисколько не уменьшающей въ то же время непринужденной граціи и свободы движеній насѣкомаго, которое движется впередъ, назадъ, въ одну, въ другую сторону, все время непрерывно выбрасывая струйку песку.

Мѣсто, гдѣ роется насѣкомое, необыкновенно сыпучее: по мѣрѣ того, какъ перепончатокрылое роетъ, сосѣдній песокъ обваливается и засыпаетъ углубленіе. Въ кучѣ обвалившейся земли попадаются маленькіе обломки дерева, кусочки гнилыхъ листьевъ, зерна болѣе крупнаго песку. Бембексъ выбираетъ все это своими челюстями и относитъ далеко въ сторону; потомъ онъ опять возвращается сюда,

но роется не глубоко, не пытаюсь углубляться въ землю. Какая цѣль его работы? Съ перваго взгляда невозможно было бы отвѣтить на этотъ вопросъ; но, проведши много дней съ моими милыми бембексами, сгруппировавши въ одно всѣ разбросанныя данныя моихъ наблюдений, я думаю, что понялъ мотивы ихъ дѣйствій.

Гнѣздо перепончатокрылаго, разумѣется, находится тамъ, подъ землею, на нѣскольکو дюймовъ глубины; въ маленькой комнаткѣ, вырытой въ сыромъ и устойчивомъ пескѣ, лежитъ яичко, можетъ быть личинка, которую мать кормитъ изо-дня въ день мухами, неизмѣнной пищей бембексовъ въ ихъ первой стадіи. Мать должна очень часто спускаться въ это гнѣздо, неся между лапками ежедневную дичь, назначенную для ея младенца — такъ, хищная птица проникаетъ въ свое гнѣздо съ пищей для своихъ птенцовъ. Но птица возвращается къ себѣ, куда-нибудь на выступъ неприступной скалы, и ей не представляется другихъ трудностей, кромѣ тяжести добычи; бембексу же каждый разъ для того, чтобы проникнуть въ свое гнѣздо, надо снова приниматься за трудную работу землекопа и отрывать галерею, которая обрушивается по мѣрѣ того, какъ насѣкомое подвигается впередъ. Въ этомъ подземномъ жилищѣ единственная комната съ прочными стѣнками—это просторная келья, въ которой живетъ личинка среди остатковъ своего пиршества, продолжающагося двѣ недѣли. Узкія сѣни, черезъ которыя мать входитъ и выходитъ, обрушиваются каждый разъ, такъ какъ онѣ вырыты въ очень сухомъ пескѣ, который дѣлается еще болѣе подвижнымъ отъ постоянного хожденія насѣкомаго туда и сюда. И насѣкомое каждый разъ, когда оно входитъ или выходитъ, должно прокладывать себѣ путь среди обвала.

Выходъ не представляетъ затрудненій: тогда насѣкомое не стѣснено ничѣмъ въ своихъ движеніяхъ и можетъ, не спѣша, работать лапками и челюстями. Совершенно другое дѣло, когда оно возвращается. Бембексъ тогда затрудненъ своей ношей, которую онъ держитъ передними ножками прижатой къ брюшку; землекопъ лишенъ такимъ образомъ свободы пользоваться всѣми своими орудіями. Еще большее затрудненіе состоитъ въ слѣдующемъ: дерзкіе паразиты, настоящіе бандиты въ засадѣ, засѣвши тамъ и сямъ въ окрестностяхъ норки, подстерегаютъ трудное возвращеніе матери для того, чтобы успѣшно отложить свое яйцо на кусокъ дичи въ тотъ самый моментъ, какъ она должна исчезнуть въ галереѣ. Если имъ это удастся, то сынъ хозяина погибнетъ отъ голода благодаря прожорливымъ застольникамъ.

Бембексъ, повидимому, знаетъ всѣ эти опасности и потому при-

нимаетъ всё мѣры для того, чтобы возвращеніе могло совершиться быстро, безъ серьезныхъ препятствій, чтобы песокъ, заграждающій путь, уступилъ бы одному толчку головой, сопровождаемому ударомъ переднихъ ножекъ.

Съ этой цѣлью въ свободное время, когда солнышко свѣтитъ, а личинка, снабженная провизіею, не нуждается въ заботахъ матери, эта послѣдняя работаетъ граблями у входа въ свое жилище; она удаляетъ обломки дерева, слишкомъ большія крупинки песку, листочки, которые могли бы заградить ей проходъ въ моментъ возвращенія. За этой трудной работой, мы и застали теперь бембекса. И кто намъ скажетъ, не выражало ли насѣкомое по своему, живой быстротой и веселой дѣятельностью материнскаго удовлетворенія, счастья отъ сознанія того, что оно заботится о той кельѣ, гдѣ отложено его драгоценное яйцо. Такъ какъ бембексъ ограничивается наружными хозяйственными заботами, не пытаюсь проникнуть въ песокъ, то, значить, въ квартирѣ все въ порядкѣ и спѣшить нечего. Напрасно станемъ мы дожидаться, отъ насѣкомаго мы больше ничего не узнаемъ. Разсмотримъ лучше подземное жилище. Покребши слегка песокъ тупой стороной ножа въ томъ мѣстѣ, гдѣ насѣкомое больше всего держалось, мы не замедлимъ открыть входъ въ норку. Это корридорчикъ, въ палецъ шириною, прямой или извилистый, болѣе или менѣе длинный, смотря по свойствамъ почвы, причемъ длина его колеблется между двумя и тремя дециметрами. Онъ ведетъ въ единственную комнату, вырытую въ свѣжемъ пескѣ, стѣны которой ничѣмъ не сглажены, не укрѣплены и не защищены отъ обваловъ. Достаточно того, чтобы потолокъ продержался до тѣхъ поръ, пока воспитывается личинка, что за дѣло до обваловъ, которые могутъ случиться въ будущемъ, когда личинка будетъ заключена въ твердый коконъ, въ родѣ денежнаго сундука. И такъ, постройка ячейки очень первобытна: все сводится къ вырыванью углубленія неопредѣленной формы съ приплюснутымъ потолкомъ и вмѣстимости, достаточной для помѣщенія двухъ-трехъ орѣховъ.

Въ этомъ убѣжищѣ лежитъ одинъ кусочекъ дичи, единственный, маленькій кусочекъ, совершенно недостаточный для прожорливаго питомца, для котораго она предназначена. Это зеленовато-золотистая падальная муха—*Lucilia caesar*, питающаяся испорченнымъ мясомъ; она совершенно неподвижна. Мертва ли она или только парализована? Это выяснится впоследствии. Мы же зажѣтимъ теперь на одномъ боку ея цилиндрическое бѣлое, слегка согнутое, яйцо, миллиметра въ два длиною. Это яйцо бембекса. Какъ мы это и предвидѣли на основаніи поведенія матери, въ квартирѣ все въ порядкѣ: яйцо

снесено и снабжено провизіей, достаточной на первый разъ для слабой личинки, которая вылупится изъ яйца черезъ двадцать четыре часа. Въ теченіе нѣкотораго времени насѣкомое не спускается въ подземелье и ограничивается тѣмъ, что сторожить въ окрестности или, можетъ быть, вырываетъ другія норки для того, чтобы тоже отложить въ нихъ по яичку.

Эта особенность въ снабженіи личинки провизіей, состоящая въ томъ, что кладется одна маленькая штучка дичи, свойственна не одному *Bembex rostrata*. Всѣ другіе виды бембековъ ведутъ себя также точно. Если открыть вскорѣ послѣ снесенія яйца норку какого-нибудь бембека, то всегда найдешь яйцо прикрѣпленнымъ къ брюшку двукрылаго, которое составляетъ единственную провизію; сверхъ того, эта первая порція неизмѣнно маленькой величины, какъ будто бы мать выбрала для своего питомца самый деликатный кусочекъ. Ею могъ руководить и другой мотивъ, а именно: забота о свѣжести провизіи, но это мы изслѣдуемъ впоследствии. Эта первая порція, всегда небольшая, бываетъ очень различна по роду дичи, въ зависимости отъ того, что встрѣчается вблизи гнѣзда. То это мушка *Lucilia caesar*, то жигалка осенняя—*Stomoxys* или какой-нибудь маленький *Eristalis*, то деликатный жужжалъ—*Bombylid*, одѣтый въ черный бархатъ; но чаще всего бываетъ положена маленькая мушка—*Sphérophoria* съ гибкимъ брюшкомъ.

Этотъ всеобщій, безъ всякихъ исключеній, фактъ, что личинка, обладающая такимъ громаднымъ аппетитомъ, снабжается всего одной мухой маленькихъ размѣровъ, указываетъ намъ на главную черту въ нравахъ бембека. Перепончатокрылыя, личинки которыхъ живутъ добычей, натаскиваютъ въ каждую ячейку массу жертвъ, необходимыхъ для полнаго воспитанія личинки; они кладутъ яичко на одно изъ принесенныхъ насѣкомыхъ и запираютъ норку, въ которую больше не возвращаются. Съ этихъ поръ личинка вылупляется и развивается въ уединеніи, имѣя передъ собою сразу весь запасъ провизіи, который она должна потребить. Бембеки составляютъ исключеніе изъ этого закона. Ячейка снабжена сначала только одной штучкой дичи, маленькой по объему, и на нее отложено яйцо. Сдѣлавъ это, мать покидаетъ норку, которая сама собою закрывается; но, прежде чѣмъ уйти, она не преминетъ поскрести песокъ сверху норки для того, чтобы скрыть входъ въ нее для всякаго посторонняго взгляда.

Проходитъ два или три дня; маленькая личинка вылупляется изъ яйца и сѣдаетъ отборную порцію, которая была ей заготовлена. А мать между тѣмъ держится по сосѣдству; ее можно видѣть то питающеюся сахаристымъ сокомъ растеній, то сидя-

печю съ наслажденіемъ на раскаленномъ пескѣ и наблюдающею, безъ сомнѣнія, за наружнымъ видомъ своего жилища. По временамъ она просѣиваетъ песокъ у входа въ норку; потомъ она улетаетъ и исчезаетъ изъ вида, занимаясь, можетъ быть, тѣмъ, что вырываетъ въ другихъ мѣстахъ норки, которыя она также точно снабжаетъ провизіей. Но какъ бы ни было продолжительно ея отсутствіе, она не забываетъ свою молоденькую личинку, такъ скудно снабженную провизіей; ея материнскій инстинктъ указываетъ ей часть, когда ея червячокъ прикончилъ свою провизію и нуждается въ новомъ запасѣ. И такъ, она возвращается къ гнѣзду и удивительно легко находитъ незамѣтный для посторонняго глаза входъ въ гнѣздо; она проникаетъ въ подземелье, на этотъ разъ снабженная болѣе объемистой дичью. Положивъ добычу, она снова покидаетъ жилище и ожидаетъ времени, когда понадобится третья порція. Это время не замедлитъ придти, такъ какъ личинка очень прожорлива; тогда новое появленіе матери съ новой порціей. Втеченіи почти двухъ недѣль, что продолжается воспитаніе личинки, угощенія слѣдуютъ одно за другимъ и тѣмъ чаще, чѣмъ сильнѣе дѣлается питомецъ. Къ концу этого времени нужна вся дѣятельность матери для того, чтобы удовлетворить аппетитъ обжоры, который медленно волочитъ свое брюшко среди остатковъ своего обѣда: крылышекъ, лапокъ, твердыхъ колець брюшка. Поминутно можно видѣть, какъ мать возвращается съ новой добычей и опять летитъ на охоту. Короче сказать, бембекъ воспитываетъ свою семью изо-дня на день, не кладя провизію въ запасъ, а принося ее по мѣрѣ надобности.

Мать прекращаетъ доставку провизіи и покидаетъ навсегда келейку только тогда, когда личинка, вся растянутая отъ какой-то питательной каши виннаго цвѣта, отказывается ѣсть и съ вздутымъ брюшкомъ ложится на крошево изъ крылышекъ и лапокъ сожранной дичи.

Личинка бембека въ теченіе всей своей жизни съѣдаетъ до 60 мухъ; изъ этого можно видѣть, какую дѣятельность должна обнаружить мать, носящая, какъ мы знаемъ, по одному насекомому.

Провѣрку этого количества можно сдѣлать безъ всякаго затрудненія: я замѣнилъ собою бембека въ его материнскихъ заботахъ и самъ сталъ снабжать личинку провизіей. Я перекладываю ячейку въ картонную коробочку, дно которой усыпано пескомъ. На эту постельку положена личинка со всѣми предосторожностями, къ которымъ обязываетъ ея нѣжная кожа. Вокругъ нея, не забывъ ни одного кусочка, я раскладываю про-

визію, которой она была снабжена. Наконецъ, я возвращаюсь къ себѣ, держа ящичекъ въ рукахъ, чтобы толчки не опрокинули его вверхъ дномъ и не подвергли опасности моего воспитанника во время перехода въ нѣсколько километровъ. Тотъ, кто увидѣлъ бы меня на пыльной дорогѣ изъ Нима, усталого, измученнаго, но съ религіознымъ уваженіемъ несущаго въ рукѣ единственный плодъ моей экскурсіи, гадкаго червяка, набивающаго себѣ брѣшко мухами, конечно, сильно смѣялся бы надъ моей наивностью.

Путешествіе оканчивается благополучно: по моемъ возвращеніи личинка продолжала мирно ѣсть двукрылыхъ, какъ будто бы ровно ничего не случилось. На третій день провизія, забранная въ норкѣ, вся вышла; червякъ своимъ заостреннымъ ртомъ рылся въ кучкѣ остатковъ и не находилъ ничего для себя подходящаго; всѣ эти кусочки, какъ слишкомъ твердые и лишеныя сока, отбрасывались имъ съ отвращеніемъ. Для меня настало время продолжать заботу о его питаніи. Я сталъ ловить первыхъ попадавшихся мухъ и убивать ихъ, сжимая ихъ пальцами, но не раздавливая. Я кормилъ личинку въ теченіи 8 дней до полнаго возраста и далъ ей всего 62 насѣкомыхъ, да нашелъ у нея въ норкѣ, когда пересаживалъ въ коробочку 20 насѣкомыхъ, отчасти цѣлыхъ, отчасти надѣденныхъ, итого 82 штуки.

Возможно, что я не сумѣлъ выкормить мою личинку съ тою гигиеническою умѣренностью, какую соблюдаетъ мать; можетъ быть здѣсь было мотовство провизіи, которую давали личинкѣ за разъ на цѣлый день въ полное ея распоряженіе. Я въ нѣкоторыхъ обстоятельствахъ замѣтилъ, что у меня дѣла шли не такъ, какъ въ материнской ячейкѣ. Надо замѣтить, что мать кладетъ часть дичи волгѣ личинки, а другую часть у входа въ ячейку, въ видѣ запаснаго магазина, изъ котораго личинка беретъ ее въ особенности въ дождливые дни, когда работа снабженія провизій прекращается. При материнскомъ кормленіи нѣтъ той расточительности, которой я не могъ избѣжать, а потому я и уменьшаю полученное мною число до 60 штукъ средней величины мухъ, начиная отъ домашней мухи и до *Eristalis tenax*.

Теперь надо дознаться, почему бембексы для снабженія своей личинки пищею избирали способъ, столь исключительный среди роющихъ осъ. Почему вмѣсто того, чтобы запасти сразу всю нужную провизію и тогда свести на нее яйцо, что позволило бы тотчасъ же запереть ячейку и больше не возвращаться въ нее, почему, говорю я, перепончатокрылое упорно продолжаетъ свою работу, состоящую въ томъ, чтобы въ теченіе цѣлыхъ двухъ

ведѣль постоянно летать изъ норки въ поле за добычей и съ поля опять въ норку, каждый разъ съ огромнымъ трудомъ пробивая себѣ дорогу въ сыпучемъ пескѣ, какъ при возвращеніи, такъ и при отлетѣ въ поле? Весь вопросъ здѣсь въ свѣжести провизіи, вопросъ капитальный, потому что личинка отказывается ѣсть тухлую дичь: какъ и личинкамъ другихъ роющихся въ землѣ осъ, ему нужно свѣжее, только свѣжее мясо. Мы видѣли, какъ песчаная оса, аммофила, рѣшаетъ задачу о томъ, чтобы запасти сразу достаточное количество дичи и поддержать ее втеченіе цѣлыхъ недѣль въ свѣжемъ состояніи, да не только въ свѣжемъ состояніи, а даже живую, хотя и неподвижную, какъ того требуетъ безопасность питающейся ими личинки. Это чудо совершается съ помощью мудрыхъ особенностей физиологій. Ядовитый стилетъ вкалывается одинъ или нѣсколько разъ, смотря по строенію нервнаго аппарата. Препарированная такимъ образомъ жертва сохраняетъ всѣ атрибуты жизни, кромя способности къ движенію.

Посмотримъ, примѣняютъ ли бембексы это глубокое умѣнье убивать. Двукрылыя, вытасканныя изъ лапокъ похитителя въ то время, когда онъ входитъ въ свою норку, большею частью имѣютъ всѣ признаки смерти. Онѣ неподвижны, изрѣдка у нѣкоторыхъ можно замѣтить легкія конвульсіи лапокъ, послѣдніе признаки потухающей жизни. Но такіе же признаки полной смерти наблюдаются обыкновенно и у насѣкомыхъ, не убитыхъ, но парализованныхъ жаломъ осы—*Cerceris* и осы нескорая—*Sphex*. Поэтому вопросъ о жизни и смерти можетъ быть рѣшенъ только на основаніи того, какъ сохраняются жертвы.

Если положить въ бумажный конвертъ или стеклянную трубку жертвъ аммофилы или перцериса, то онѣ сохраняютъ гибкость членовъ, свѣжесть окраски и нормальное состояніе внутренностей въ теченіе цѣлыхъ недѣль и даже мѣсяцевъ. Это не трупы, но тѣла, погруженныя въ оцѣпенѣніе, отъ котораго они не проснутся. Двукрылыя жертвы бембексовъ ведутъ себя совершенно иначе; тѣ изъ нихъ, которыя имѣютъ яркую окраску, въ короткое время теряютъ ее. Глаза слѣпня великолѣпно золотистые, съ тремя пурпуровыми полосами, быстро блѣднѣютъ и тускнѣютъ, какъ глаза умирающаго. Всѣ эти большія и малыя двукрылыя, сложенныя въ бумажные конверты, куда заходитъ воздухъ, въ 2—3 дня высыхаютъ и дѣлаются ломкими, а сохраняемыя въ стеклянныхъ трубочкахъ, защищенныя отъ испаренія, плѣснѣвѣютъ и портятся. И такъ, онѣ мертвы, мертвы по настоящему уже въ то время, когда бембексъ приноситъ ихъ своей личинкѣ. Если нѣкоторыя и сохраняютъ еще

остатки жизни, то черезъ нѣсколько дней, нѣсколько часовъ ихъ агонія оканчивается. И такъ, за недостаткомъ таланта въ употребленіи стилета или по какой-нибудь другой причинѣ, разбойникъ убиваетъ свои жертвы вполне.

Жертвы вполне мертвы и кто, зная это, не удивится строгой логикѣ бембека. Какъ все слѣдуетъ методически одно за другимъ, какъ все послѣдовательно въ поступкахъ догадливаго насѣкомаго! Такъ какъ провизія не можетъ сохраняться въ свѣжемъ видѣ дольше 2—3 дней, то ею и нельзя запастись сразу на все время воспитанія личинки, длежащая по крайней мѣрѣ, двѣ недѣли; поневолѣ охота и распредѣленіе должны производиться изо дня въ день, понемногу, по мѣрѣ того, какъ личинка растетъ. Первая порція, на которую откладывается яйцо, будетъ длиться дольше другихъ, новорожденному червячку надо нѣсколько дней, чтобы съѣсть ея мясо. Слѣдовательно, надо положить маленькое насѣкомое, иначе гніеніе начнется раньше, чѣмъ оно будетъ съѣдено. Это будетъ не объемистый слѣпень, не толстый жужжало *Bombylus*, но маленькая *Sphaerophoria* или что-нибудь подобное. какъ нѣжное блюдо для червячка еще такого деликатнаго, а потомъ, постепенно, въ извѣстномъ порядкѣ, будутъ приноситься и насѣкомыя бѣльшей величины.

Въ отсутствіи матери норка должна быть заперта для того, чтобы избавить личинку отъ опасныхъ вторженій, но все-таки входъ долженъ быть такой, чтобы его можно было открывать очень часто, скоро и безъ серьезныхъ затрудненій, когда мать возвращается, обремененная дичью и подстерегаемая смѣлыми паразитами. Эти условія не могли бы существовать въ почвѣ плотной, какъ та, въ которой обыкновенно живутъ роющіяся осы: открытый входъ требовалъ бы каждый разъ трудной работы для загражденія и для открытія его. А потому жилище вырывается въ подвижной почвѣ, въ сухомъ, мелкомъ пескѣ, который уступаетъ малѣйшему усилю матери и, осыпаясь, самъ закрываетъ входъ, какъ висячая занавѣсъ, будучи оттолкнута рукою, даетъ проходъ и снова падаетъ на мѣсто. Такова связь дѣйствій, которую выводитъ разумъ человѣческой и которую практикуетъ мудрость бембека.

Почему похититель умерщвляетъ, а не просто парализуетъ схваченную дичь? Происходитъ ли это отъ недостатка ловкости въ употребленіи жала, или отъ трудности, зависящей отъ организаціи мухъ или отъ особенныхъ приемовъ охоты? Прежде всего я долженъ признаться, что всѣ мои попытки привести нѣкоторыхъ насѣкомыхъ въ неподвижное состояніе, при которомъ насѣкомому такъ

легко впустить съ помощью укола иглки въ гангліи брюшка капельку аммоніака были неудачны. Экспериментируемое насѣкомое съ трудомъ дѣлается неподвижнымъ; а когда оно перестаетъ двигаться, то, значитъ, наступила настоящая смерть, какъ это доказываетъ слѣдующее затѣмъ разложеніе или высыханіе. Но я слишкомъ вѣрю въ силу инстинкта, я много разъ былъ свидѣтелемъ того, съ какою изобрѣтательностью рѣшались насѣкомыми трудныя задачи. Для того, чтобы думать, что трудность, непреодолимая для экспериментатора, можетъ остановить насѣкомое. И такъ, не сомнѣваясь въ смертоносномъ талантѣ бембекса я охотнѣе склоняюсь къ признанію здѣсь другихъ причинъ.

Можетъ быть, двукрылое, покрытое такими мягкими покровами, такое не полное, даже, скажемъ прямо, худое, если бы было парализовано жаломъ, не могло бы такъ долго противостоять испаренію и высохло бы въ теченіе 2—3 недѣль ожиданія. Разсмотримъ слабенькую Сферофорию, составляющую первый кусокъ пищи личинки. Много ли жидкости въ ея тѣлѣ, чтобы противостоять испаренію? Какой-нибудь атомъ, бездѣлица. Брюшко ея представляетъ собою тонкій ремень, бока слиплись. Можно ли дѣлать питательные консервы изъ такой дичи, которая отъ испаренія высохнетъ въ короткое время? Это, по меньшей мѣрѣ, сомнительно.

Перейдемъ къ способу охоты, чтобы окончить освѣщеніе этого пункта. На добычѣ, которую вытаскиваешь изъ лапокъ бембекса, вѣрѣдко можно наблюдать признаки поспѣшной ловли, при чемъ она схвачена неосторожно, среди безпорядочной борьбы. Иногда у мухи голова сворочена задомъ напередъ, какъ будто бы похититель свернулъ ей шею; крылья ея измяты, волоски, когда они на ней есть, всклокочены. Я видѣлъ такихъ, у которыхъ брюшко было вскрыто ударомъ челюстей, и лапки оторваны въ борьбѣ. Но обыкновенно дичь бываетъ цѣлая.

И все-таки въ виду свойства дичи, одаренной крыльями, и потому легко ускользящей при ловлѣ, поимка должна совершаться съ такою быстротою, которая, какъ мнѣ кажется, совершенно не позволяетъ парализовать, не убивъ. Аммофила, которая держитъ свою гусеницу за кожу на загривкѣ, имѣетъ дѣло съ добычей слишкомъ неповоротливой. Она, поэтому, имѣетъ время выбрать съ математической точностью то мѣсто, куда должно проникнуть жало, и, наконецъ, произвести операцію съ точностью физиолога, зондирующаго скальпелемъ пациента, разложеннаго на операціонномъ столѣ. Но для бембекса это совсѣмъ другого рода дѣло: при малѣйшей оплошности добыча быстро ускользаетъ, и ея летъ вызываетъ летъ ея похитителя. Бембексъ долженъ напа-

дать на свою дичь невзначай, не обдумывая атаки, не шадя ударовъ, какъ ястребъ, охотясь въ поляхъ. Челюсти, когти, жало, всѣ орудія должны помогать въ жаркой схваткѣ, чтобы какъ можно скорѣе окончить борьбу, въ которой малѣйшая нерѣшительность дала бы атакованному время для побѣга. Если всѣ эти догадки согласны съ фактами, то жертвы бембекса поневолѣ превращаются въ трупъ, или ранятся на смерть.

Дѣйствительно бембексъ нападаетъ съ такой пылкостью, которая не уступить пылости хищной птицы. Застать его на охотѣ не легко; напрасно будешь вооружаться терпѣніемъ, чтобы подстеречь похитителя въ окрестностяхъ норки: для этого не найдешь удобнаго случая, такъ какъ насѣкомое улетаетъ вдаль и услѣдить за нимъ въ его быстрыхъ движеніяхъ невозможно. Такъ его маневры и остались бы мнѣ неизвѣстными безъ помощи одной вещи, отъ которой я по истинѣ никогда бы не могъ ожидать подобной услуги. Я говорю о моемъ дождевомъ зонтикѣ, служившемъ мнѣ вмѣсто шатра для защиты отъ солнца среди песковъ Иссартскаго лѣса.

Я не одинъ пользовался его тѣнью; обыкновенно мое общество было многочисленно. Слѣпни различныхъ видовъ прилетали укрыться подъ шелковой крышей и смирно сидѣли тамъ и сямъ на растянутой матеріи. Въ сильные жары они почти всегда являлись ко мнѣ въ кампанію. Чтобы сократить часы бездѣйствія, я любилъ смотрѣть на ихъ большіе золотистые глаза, которые блестѣли подъ сводомъ моего убѣжища, какъ карбункулы; я любилъ слѣдить за ихъ серьезной походкой, когда слишкомъ нагрѣтое солнцемъ мѣсто на своеобразномъ потолкѣ, заставляло ихъ много перемѣститься.

Однажды пашъ натянутый шелкъ зазвучалъ какъ кожа барабана. Можетъ быть, съ дуба на зонтикъ упалъ желудь. Но вскорѣ затѣмъ одинъ за другимъ: памъ! памъ! Что это, какой-нибудь злой шутникъ вздумалъ нарушать мое уединеніе, бросая на зонтикъ жолуди или маленькіе камешки? Я выхожу изъ моей палатки, осматриваю ближайшую окрестность: ничего. Опять повторяется тотъ же сухой звукъ. Мой взглядъ падаетъ на потолокъ, и тайна объясняется. Бембексы сосѣднихъ мѣстъ, пожиратели слѣпней, открыли богатую дичь, которая сидѣла подъ моимъ зонтикомъ, и дерзко проникли подъ крышу для того, чтобы похитить двукрылыхъ. Это былъ удобный для меня случай, и мнѣ оставалось только предоставить имъ дѣйствовать, а самому наблюдать.

Съ минуты на минуту влеталъ съ быстротою молніи бембексъ и кидался на шелковый потолокъ, который звучалъ при этомъ

сухимъ звукомъ. Схватка бывала такая жаркая, что видно только было, что наверху происходитъ что-то шумное, но глазъ не могъ различить ни атакующаго, ни атакованнаго. Борьба была почти мгновенна: бембексъ сейчасъ же улеталъ съ добычею въ лапкахъ. Глупое стадо слѣпней при этомъ внезапно въ наступленіи, которое похищало ихъ одного за другимъ, немного отодвигалось кружкомъ, но не покидало предательскаго убѣжища. На дворѣ было такъ жарко! Зачѣмъ волноваться?

Очевидно, что такая внезапность нападенія и быстрота похищенія добычи не позволяетъ бембексу регулировать удары своего вижала. Онъ, конечно, колетъ жаломъ, но куда попало, въ ту часть тѣла добычи, какая подвернется при борьбѣ. Я видѣлъ, какъ бембексы, чтобы нанести послѣдній ударъ своимъ слѣпнямъ—еще отбивавшимся въ лапкахъ похитителя, мjali въ челюстяхъ голову и брюшко своихъ жертвъ. Уже одна эта черта показываетъ, что бембексъ желаетъ имѣть настоящій трупъ, а не парализованную добычу, потому что онъ такъ безперервно оканчиваетъ агонію двукрылаго. Принявъ все во вниманіе, я думаю, что, съ одной стороны свойства дичи, которая слишкомъ скоро высыхаетъ, съ другой стороны трудности такого быстрого нападенія служатъ причиною того, что бембексы даютъ своимъ личинкамъ мертвую добычу и, слѣдовательно, снабжаютъ ихъ пищею изо дня въ день.

Послѣдуемъ за бембексомъ, когда онъ возвращается въ норку съ добычею, которую держитъ между лапками подъ брюшкомъ. Вотъ бембексъ, несущій жужжала-*Vombili*'я. Гнѣздо помѣщается у подошвы вертикальнаго песчанаго откоса. Приближеніе охотника возвѣщается рѣзкимъ жужжаньемъ, которое имѣетъ въ себѣ что-то жалобное и не прекращается до тѣхъ поръ, пока насѣкомое не коснется земли. Бембексъ паритъ надъ откосомъ, потомъ опускается по вертикальной линіи, съ большой медленностью и осторожностью, постоянно издавая свое рѣзкое жужжанье. Если его острое зрѣніе замѣтитъ что-нибудь необычайное, то онъ замедляетъ свой спускъ, паритъ минуту, снова подымается вверхъ, снова опускается и потомъ исчезаетъ быстро, какъ стрѣла. Черезъ нѣсколько мгновеній онъ опять появился. Паря на нѣкоторой высотѣ онъ какъ будто изслѣдуетъ мѣста, какъ съ высоты обсерваторіи. Вертикальный спускъ совершается съ самой осторожной медленностью; наконецъ, перепончатокрылое кидается безъ всякой нерѣшительности на одну точку, которая, на мой взглядъ, рѣшительно ничѣмъ не отличается отъ остальной песчаной поверхности. Жалобный пискъ при этомъ тотчасъ же прекращается.

Безъ сомнѣнія, насѣкомое спустилось на землю немного на удачу

потому что самый опытный глаз не съ состояніи отличить одну точку отъ другой на этой песчаной скатерти; оно сѣло на землю въ окрестностяхъ своей квартиры, входъ въ которую оно будетъ теперь отыскивать; такъ какъ этотъ входъ замаскированъ послѣ послѣдняго выхода насѣкомаго не только обваломъ песка, но и тщательнымъ заметаньемъ, которое сдѣлало само насѣкомое? Но вѣтъ: бембексъ нисколько не колеблется, онъ не щупаетъ, не ищетъ. Всѣ видятъ въ усикахъ органы, способные направлять насѣкомое въ его поискахъ. Во время возвращенія въ гнѣздо я не вижу ничего особеннаго въ движеніи усиковъ. Ни на минуту не покидая свою дичь, бембексъ царапаетъ немного передъ собою въ томъ самомъ мѣстѣ, гдѣ онъ спустился, толкнетъ лбомъ и входитъ сейчасъ же въ свою норку съ мухою подъ брюшкомъ. Песокъ обсыпается, дверь закрывается—и вотъ насѣкомое у себя.

Напрасно сотни разъ присутствовалъ я при возвращеніи бембекса въ свое жилище. Я всегда съ новымъ удивленіемъ вижу, какъ проникательное насѣкомое безъ колебаній отыскиваетъ дверь, которая совсѣмъ незамѣтна. Дѣйствительно, эта дверь скрыта съ ревнивой заботой не послѣ входа бембекса, потому что обсыпавшійся песокъ самъ собою не укладывается совершенно ровно, но послѣ выхода перепончатокрылаго, которое, отправляясь въ экспедицію, никогда не приминетъ сгладить песокъ, чтобы скрыть входъ. Когда насѣкомое улетитъ, то я сомнѣваюсь, чтобы самое острое зрѣніе могло замѣтить входъ въ его норку. Для того, чтобы найти его среди довольно обширной песчаной площади мнѣ приходилось прибѣгать къ нѣкотораго рода тригонометрической съемкѣ; да и то еще сколько разъ мои комбинаціи треугольниковъ и мои усилія памяти не приводили ни къ чему! Оставалось ставить вѣху, стебель соломенки у входа въ норку, но и это средство не всегда было дѣйствительно, потому что насѣкомое при своихъ постоянныхъ поправкахъ и чисткѣ снаружи гнѣзда, часто выдергивало соломенку.

Я сейчасъ показалъ бембекса, съ добычею въ лапкахъ, парящаго надъ гнѣздомъ, потомъ спускающагося внизъ по вертикальной линіи очень медленно и съ жалобнымъ пискомъ. Это осторожное, колеблющееся возвращеніе могло подать мысль, что насѣкомое съ высоты присматривается къ мѣстности, чтобы отыскать хорошенько входъ въ свое гнѣздо прежде, чѣмъ опуститься на землю. Но здѣсь, какъ я сейчасъ изложу, дѣйствуетъ другой мотивъ. Въ обыкновенныхъ условіяхъ, когда никакая опасность не привлекаетъ его вниманія, насѣкомое прилетаетъ внезапно стремительно; оно не паритъ съ жалобнымъ пискомъ, а сразу спускается

у порога своего жилища или очень близко отъ него. Его память такъ точна, что ему не надо искать. И такъ, постараемся узнать причины его колебаній, при которыхъ я только что заставилъ читателя присутствовать.

Насѣкомое парить въ воздухѣ, медленно спускается, опять поднимается вверхъ, улетаетъ и вновь возвращается, потому что гнѣзду грозитъ серьезная опасность. Жалобное жужжанье бембекса выражаетъ тревогу: онъ не жужжитъ такъ, когда нѣтъ опасности. Но кто же врагъ? Не я ли сидящій здѣсь для наблюдений? Нѣтъ: я для него ничто иное, какъ масса, куча, безъ сомнѣнія, недостойная его вниманія. Грозный, ужасный врагъ, котораго надо избѣгать во что бы то ни стало, лежитъ неподвижно на пескѣ вблизи норки. Это маленькое двукрылое очень жалкаго и бевобиднаго вида. Эта ничтожная мушка составляетъ предметъ ужаса для бембекса. Смѣлый палачъ двукрылыхъ, который такъ проворно сворачиваетъ шею слѣпнякамъ — колоссамъ, питающимся кровью на спинѣ быка, не смѣетъ войти въ свое жилище, потому что видитъ, что его подстерегаетъ другое двукрылое, настоящій пигмей, котораго едва ли хватило бы на одинъ глотокъ его личинкамъ.

Почему бембексъ не кидается на него, чтобы отъ него избавиться? Онъ летаетъ достаточно быстро для того, чтобы настигнуть двукрылое, и потомъ, какъ бы оно ни было мало, личинки, разумеется, не побрезгаютъ имъ: имъ всякая мушка хороша. Но нѣтъ: бембексъ убѣгаетъ отъ врага, котораго онъ могъ бы искрошнить въ мелкіе кусочки однимъ ударомъ челюстей; мнѣ кажется, что я вижу кошку, съ испугомъ убѣгающую отъ мыши. Страстный охотникъ за двукрылыми убѣгаетъ отъ одного изъ самыхъ маленькихъ двукрылыхъ. Я преклоняюсь, потерявъ надежду когда-нибудь понять эту перемѣну ролей. Быть въ состояніи безъ труда отдѣлаться отъ смертельнаго врага, который замышляетъ погубить вашу семью и который въ то же время могъ бы пойти въ пищу этому семейству, быть въ состояніи и не сдѣлать этого, хотя врагъ у васъ подъ руками, бравировать вашимъ присутствіемъ— это верхъ заблужденія животнаго. Но здѣсь вовсе нѣтъ заблужденія; скорѣе пазовемъ это гармоніей существъ, ибо жалкое двукрылое должно сыграть свою небольшую роль въ общемъ ходѣ вещей,—и бембексъ почтительно относится къ нему и трусливо бѣжитъ отъ него; если бы подобныхъ явленій не было, то гармонія давно бы не существовало на свѣтѣ.

Разкажемъ здѣсь вкратцѣ исторію этого паразита. Между гнѣздами бембекса попадаютъ, и очень часто, такія, которыя заняты въ одно и то же время и личинкой перепончатокрылаго, и дру-

гими личинками, чужими въ этой семьѣ и въ то же время прожорливыми застольниками личинки хозяйки гнѣзда. Эти чужестранки меньше, чѣмъ младенецъ бембексъ, имѣютъ форму капли и винный цвѣтъ отъ питательной кашицы, просвѣчивающей сквозь прозрачную кожу. Число ихъ бываетъ различно: часто полг-дюжины, иногда десять и больше. Онѣ принадлежатъ къ одному изъ видовъ двукрылыхъ, какъ это явствуетъ изъ ихъ формы и какъ это подтверждаютъ куколки, находимыя и на ихъ мѣстѣ. Будучи воспитаны въ коробочкахъ на слоѣ песку, выкормившись мухами, которыхъ имъ доставляютъ ежедневно, онѣ становятся куколками, изъ которыхъ годъ спустя выходитъ маленькое двукрылое изъ группы *Tachin'*, изъ рода *Miltogramma*.

Это и есть то самое двукрылое, которое, усѣвшись въ засаду вблизи ворки, причиняетъ бембексу такія тревоги. Дѣйствительно, посмотрите, что происходитъ въ жилищѣ. Вокругъ кучи припасовъ, которые мать съ такимъ страшнымъ напряженіемъ старается поддержать въ достаточномъ количествѣ, усѣлись въ компаніи съ законнымъ питомцемъ отъ шести до десяти голодныхъ гостей, которые своимъ острымъ ртомъ тыкаютъ въ общую кучу съ такой безцеремонностью, какъ будто бы они были у себя дома. За столомъ, повидимому, царствуетъ согласіе. Я никогда не видалъ, чтобы законная личинка обижалась нескромностью чужестранокъ, ни чтобы эти послѣднія желали бы помѣшать обѣду первой. Всѣ онѣ въ перемежку берутъ изъ кучи и ѣдятъ спокойно, не ища ссоры съ сосѣдками.

До сихъ поръ все шло бы наилучшимъ образомъ, если бы не явилось вдругъ серьезное затрудненіе. Какъ бы ни была дѣятельна кормилица, ясно, что она не можетъ удовлетворить такіе громадныя расходы. Для того, чтобы прокормить одну свою личинку, ей надо было дѣлать непрерывныя охотничьи экспедиціи; что же будетъ, если она должна будетъ прокормить дюжину обжоръ? Результатомъ такого огромнаго прироста семьи можетъ явиться только нужда, даже настоящій голодъ, но не для личинокъ двукрылаго, которыя, развиваясь быстрѣе, опережаютъ личинокъ бембекса и пользуются, въ виду слишкомъ юнаго возраста ихъ амфитріона, тѣми дьями, когда возможно еще изобиліе; голодъ наступитъ для личинки бембекса. Даже если первые гости, сдѣлавшись куколками, освобождаютъ столъ хозяйской личинки, являются другіе, если только мать еще посѣщаетъ гнѣздо, и окончательно изводятъ первую личинку голодомъ.

Въ норкахъ, занятыхъ многочисленными паразитами, личинка бембекса дѣйствительно гораздо менѣе толста, чѣмъ то можно

было бы предположить по кучѣ съѣденныхъ припасовъ, остатками которыхъ загромождена ячейка. Совершенно слабая, исхудалая, вдвое или втрое менѣе своего нормальнаго роста, она напрасно пытается сплести коконъ, для котораго не обладаетъ достаточнымъ количествомъ шелковаго матеріала; она погибаетъ въ какомъ-нибудь уголкѣ своего жилища среди куколокъ своихъ гостей, болѣе счастливыхъ, чѣмъ она. Иногда она погибаетъ еще болѣе лютою смертію. Если запасовъ не хватаетъ, а кормилица мать запаздываетъ принести новыхъ, то двукрылыя пожираютъ личинку бембекса. Я убѣдился въ этомъ черномъ поступкѣ, воспитавъ одинъ выводокъ. Все шло хорошо, пока было много пищи; но если по забывчивости или нажѣренно ежедневная порція была отиѣнена, я былъ увѣренъ, что на другой или на третій день найду личинокъ двукрылаго съ жадностью разрывающими на куски личинку бембекса. И такъ, если гнѣздомъ завладѣли паразиты, то законная личинка должна неминуемо погибнуть или отъ голода, или насильственной смертію; такова-то причина, дѣлающая столь ненавистнымъ для бембекса видъ *Miltogramm*'ы, бродящей вокругъ его гнѣзда.

Не одни бембексы являются жертвами этихъ паразитовъ: норки всѣхъ роющихъ осъ безъ различія бываютъ ограблены *Tachin*'ами, въ особенности *Meltogramm*'ой. Различные наблюдатели, а именно Лепелетье де-Сенъ-Фаржо рассказывали о манерахъ этихъ наглыхъ двукрылыхъ; но ни одинъ, насколько я знаю, не обратилъ вниманія на столь любопытную сторону паразитизма на счетъ бембекса. Я говорю — такая любопытная сторона паразитизма, потому что, дѣйствительно, условія, здѣсь очень различны. Гнѣзда другихъ роющихъ насѣкомыхъ бываютъ снабжены провизіей впередъ на все время, и *Miltogramma* откладываетъ свои яйца на дичь, въ тотъ моментъ, когда она принесена въ гнѣздо. Окончивъ снабженіе гнѣзда провіантомъ и отложивъ яйцо, перепончатокрылое запираетъ комнатку, гдѣ отнынѣ вылупляются и живутъ вмѣстѣ законная личинка и чужестранни, и никто не посѣщаетъ ихъ въ ихъ уединеніи. Такимъ образомъ грабительство паразитовъ неизвѣстно матери, а потому остается безнаказаннымъ.

Съ бембексами совершенно другое дѣло. Мать возвращается ежеминутно въ свое гнѣздо въ теченіе тѣхъ двухъ недѣль, что длится воспитаніе личинки; она знаетъ, что ея дѣтище находится въ компаніи самозванцевъ, которые присваиваютъ себѣ большую часть провизіи; она касается, она чувствуетъ въ глубинѣ пещеры каждый разъ, какъ приноситъ пищу своей личинкѣ, этихъ голодныхъ

застольниковъ, которые, вмѣсто того, чтобы довольствоваться остатками, накидываются на лучшіе куски; она должна замѣтить, какъ бы слабы ни были ея способности къ счисленію, что двѣнадцать больше одного, она можетъ это понять ужъ изъ того, что она не въ силахъ наготовить дичи, такъ велики издержки; и между тѣмъ, вмѣсто того, чтобы взять этихъ чужестранцевъ за кожу брюшка и вышвырнуть за дверь, она терпѣливо выноситъ ихъ присутствіе.

Что я говорю: выносить? Она кормитъ ихъ, питая, можетъ быть, къ этимъ самозванцамъ такую же материнскую нѣжность, какъ и къ своей собственной личинкѣ. Это—новое изданіе исторіи кукушки, но съ еще болѣе странными условіями. Что кукушка, которая почти равна ястребу по величинѣ и похожа на него по окраскѣ перьевъ, производитъ настолько внушительное впечатлѣніе, что можетъ безнаказанно отложить свое яйцо въ гнѣздо слабой малиновки; что эта послѣдняя, утраченная ужаснымъ видомъ своего питомца, съ головой, похожей на лягушечью, принимаетъ его и заботится о немъ,—все это можно хотъ нѣсколько объяснить. Но что сказали бы мы о малиновкѣ, которая, сдѣлавшись паразитомъ, пошла бы съ высокоумной смѣлостью откладывать свои яйца въ гнѣздо хищной птицы, хотъ бы, на примѣръ, въ гнѣздо самого ястреба, кроваваго пожирателя малиновокъ; что сказали бы мы о хищной птицѣ, которая приняла бы вкладъ и нѣжно воспитывала выводокъ маленькихъ пичужекъ? Именно такъ поступаетъ бембексъ, похититель двукрылыхъ, который воспитываетъ другихъ двукрылыхъ, охотникъ за дичью, который раздѣляетъ добытую дичь между тѣми, которые въ концѣ концовъ съѣдятъ его собственную личинку. Я предоставляю другимъ, болѣе искуснымъ, чѣмъ я—объяснить эти удивительныя отношенія. Посмотримъ, какую тактику употребляетъ *Tachina* съ цѣлью вѣрнуть свои яйца гнѣзду роющаго насѣкомаго. Мухка никогда сама не проникаетъ въ норку, хотъ бы она была открыта, а хозяинъ отсутствовалъ. Лукавый паразитъ ни за что не рѣшится пройти въ проходъ, гдѣ, не имѣя свободы для побѣга, онъ могъ бы жестоко поплатиться за свою наглую смѣлость. Единственный благоприятный для его намѣреній моментъ,—моментъ, котораго онъ дожидается съ необыкновеннымъ терпѣніемъ, это тотъ, когда бембексъ начинаетъ входить въ галерею съ дичью подъ брюшкомъ. Въ этотъ моментъ, какъ бы онъ ни былъ кратокъ, когда бембексъ или другое роющее насѣкомое вставилъ половину своего тѣла въ галерею и собирается исчезнуть подъ землю, *Milto-grapha* налетаетъ, усаживается на дичь, которая выступаетъ

немного изъ-подъ задней оконечности бембекса и съ безпримѣрной быстротой откладываетъ на добычу одно, два, даже три яйца подрядъ.

Какова должна быть гибкость въ отправленияхъ органовъ, чтобы выполнить эту мгновенную откладку яицъ! Бембексъ скрывается подъ землею, самъ внося врага въ свой домъ; а *Tachina* притаится на солнышкѣ вблизи норки, чтобы обдумать новыя мерзости. Если хотять убѣдиться, что яйца дѣйствительно отложены въ этотъ краткій моментъ, то стоитъ только открыть норку и послѣдовать за бембексомъ въ глубь его помѣщенія. Добыча которую у него отнимутъ, на одной точкѣ брюшка имѣеть, по крайней мѣрѣ, одно яйцо, иногда больше, смотря по времени замедленія при входѣ. Эти яички, очень маленькой величины, могутъ принадлежать только паразиту; кромѣ того, еслибы въ этомъ еще сомнѣвались, то стоитъ воспитать ихъ отдѣльно въ коробкѣ и получимъ личинокъ двукрылаго, потомъ куколокъ и наконецъ *Miltogramm*'у.

Выборъ момента для откладки яицъ сдѣланъ мушкой съ величайшимъ пониманіемъ: это единственный моментъ, когда она можетъ осуществить свои намѣренія безъ опасностей и безъ тщетныхъ преслѣдованій. Перепончатокрылое, на половину спустившееся во входъ, не можетъ видѣть врага, такъ смѣло взобравшагося на его добычу; если оно и подозрѣваетъ присутствіе бандита, то не можетъ прогнать его, такъ какъ движенія его стѣснены узкимъ проходомъ; наконецъ, не смотря на всѣ предосторожности, съ которыми оно старается облегчить себѣ входъ, оно не можетъ исчезнуть подъ землею съ достаточной быстротой, настолько проворенъ паразитъ. Значитъ это дѣйствительно самый благоприятный и даже единственный моментъ, потому что осторожность мѣшаетъ двукрылому проникнуть въ пещеру, гдѣ другія двукрылыя, гораздо болѣе сильныя, служатъ пищею личинкѣ, а на открытомъ воздухѣ трудности непреодолимы, потому что бембексъ очень остороженъ. Остановимся на минутку на приходѣ матери въ то время, когда жилище стерегутъ *Miltogramm*'ы. Нѣсколько этихъ мушекъ, иногда больше, иногда меньше, но обыкновенно три или четыре, сидятъ на пескѣ въ полной неподвижности, всѣ повернувшись къ норкѣ, входъ въ которую онѣ очень хорошо знаютъ, какъ бы онѣ ни былъ замаскированъ. Ихъ темно-коричневая окраска какого-то мрачнаго оттѣнка, большіе красивые, какъ будто налившіеся кровью глаза, ихъ необыкновенно настойчивая неподвижность, много разъ напоминали мнѣ бандитовъ, одѣтыхъ въ грубую темную одежду, съ головой, обернутой краснымъ платкомъ, ожидающихъ въ засадѣ часа, удобнаго для совершенія злодѣянія. Является

бембексъ, обремененный добычею. Если бы его не беспокоила никакая опасность, онъ сейчасъ же спустился бы на землю передъ своей дверью. Но онъ паритъ на извѣстной высотѣ, медленно и осторожно спускается внизъ, онъ колеблется; жалобное жужжанье, происходящее отъ особаго дрожанья крыльевъ, обнаруживаетъ его тревогу. Онъ увидалъ злодѣевъ. Они также увидали бембекса; они слѣдятъ за нимъ глазами, какъ это видно по движению ихъ красныхъ головъ; всѣ взгляды обращены на столь желанную добычу. Тогда-то пускается въ ходъ борьба лукавства съ осторожностью.

Бембексъ спускается внизъ по отвѣсной линіи: какъ будто бы онъ не летитъ, а легко падаетъ, задерживаемый парашютомъ. Вотъ онъ паритъ очень низко надъ землею. Это самый удобный моментъ. Мушки взлетаютъ и начинаютъ носиться сзади перепончатокрылаго, онѣ парятъ по его слѣдамъ, одна ближе, другая дальше, выстроившись въ правильный рядъ. Если бембексъ обернется для того, чтобы разрушить ихъ намѣренія, то и онѣ повернутся съ такою правильностью, что опять очутятся сзади его и всѣ въ одной прямой линіи; если перепончатокрылое движется впередъ, онѣ двинутся впередъ, если перепончатокрылое движется назадъ, и онѣ также, причемъ соразмѣряютъ свой полетъ, то медленный, то быстрый, сообразно полету бембекса, летящаго во главѣ линіи. Онѣ совершенно не стараются броситься на предметъ своихъ желаній: ихъ тактика ограничивается тѣмъ, что онѣ держатся наготовѣ, въ положеніи арьергарда, что избавить ихъ отъ потери времени, когда настанетъ пора дѣйствовать.

Иногда бембексъ, утомившись этими упорными преслѣдованіями, спускается на землю; мухи въ ту же минуту усаживаются на песокъ сзади его и больше не движутся. Перепончатокрылое съ еще болѣе рѣзкимъ пискомъ, безъ сомнѣнія, признакомъ возрастающаго негодованія, опять отправляется въ путь; мухи опять летятъ вслѣдъ за нимъ. Остается крайнее средство для того, чтобы сбить съ пути упорныхъ двукрылыхъ: стремительнымъ порывомъ улетаетъ бембексъ вдаль, надѣясь, можетъ быть, сбить съ дороги паразитовъ быстрыми перелетами черезъ поля. Но лукавыя мушки не ловятся въ эту западню: онѣ предоставляютъ насѣкомому летать, а сами снова усаживаются на весокъ вокругъ норки. Когда бембексъ вернется, начнутся тѣ же преслѣдованія до тѣхъ поръ, пока, наконецъ, упорство паразитовъ истощитъ осторожность матери. Въ ту минуту, какъ бдительность оставила ее, мушки тутъ какъ тутъ. Одна изъ нихъ, та, что поближе, кидается на добычу, готовящуюся исчезнуть подъ землю, и все готово: яйцо снесено.

Здѣсь до очевидности ясно, что бембекъ чувствуетъ опасность, которую готовитъ въ будущемъ для его гнѣзда присутствіе ненавистной мушки; его долгія старанія сбить ее съ пути, его колебанія, его бѣгство—не оставляютъ никакого сомнѣнія на этотъ счетъ. Но почему же похититель двукрылыхъ позволяетъ преслѣдовать себя другому двукрылому, ничтожному бандиту, который не въ состояніи былъ бы оказать ни малѣйшаго сопротивленія и котораго онъ легко могъ бы настигнуть, если бы дѣйствительно загодялъ этого. Почему, оставивъ на минуту стѣсняющую его добычу, не кинется бембекъ на злодѣевъ? И что бы ему стоило истребить жалкое отродье возгѣ своей норки? Оно могло бы сдѣлать это въ нѣсколько мгновеній. Но этого не желаютъ гармоническіе законы сохраненія живыхъ существъ;—и бембеки всегда будутъ позволять преслѣдовать себя, и никогда знаменитый законъ борьбы за существованіе не научитъ его радикальному способу истребленія. Я видѣлъ, какъ нѣкоторые изъ нихъ, слишкомъ стѣсненные мушками, роняли свою добычу и быстро убѣгали какъ обезумѣвшіе, не обнаруживая при этомъ никакихъ враждебныхъ чувствъ, хотя паденіе ноши давало имъ полную свободу движеній. Оброненная добыча, только что такъ страстно преслѣдуемая мушками, лежала на землѣ—и никто на нее не обращалъ вниманія. Эта дичь на открытомъ воздухѣ не имѣла никакой цѣны для мушекъ, личинки которыхъ нуждаются въ кровѣ норки. Она не имѣла также цѣны и для бембека, который, возвратясь, подозрительно ощупывалъ ее и потомъ съ презрѣніемъ покидалъ. Краткій перерывъ въ наблюденіи за нею сдѣлалъ ее подозрительною въ его глазахъ.

Закончимъ эту главу исторіей личинки бембека. Ея монотонная жизнь не представляетъ ничего замѣчательнаго въ теченіе тѣхъ двухъ недѣль, когда она непрерывно ѣстъ и растетъ. Потомъ наступаетъ время постройки кокона. Скучное развитіе органовъ выдѣляющихъ шелкъ не позволяютъ червяку сдѣлать себѣ жилище изъ чистаго шелка, какъ у аммофилы, изъ нѣсколькихъ оболочекъ, наложенныхъ одна на другую краями для того, чтобы защитить личинку, а впоследствии куколку отъ доступа сырости въ неглубокой, но плохо защищенной норкѣ во время осеннихъ дождей и зимнихъ снѣговъ. А между тѣмъ норка бембека находится въ худшихъ условіяхъ, потому что она расположена на глубинѣ нѣсколькихъ дюймовъ въ проницаемой почвѣ. Потому, чтобы создать себѣ достаточную защиту, личинка искусствомъ замѣняетъ недостатокъ шелка, находящагося въ ея распоряженіи. Изъ артистически соединенныхъ зеренъ песку, склеенныхъ между собою шелковистымъ матеріаломъ, она строитъ себѣ очень прочный коконъ, въ который сырость не

можетъ проникнуть. Рокюція перепончатокрылыя употребляютъ три главныя методы постройки помѣщенія, въ которомъ должна совершиться метаморфоза. Одни роютъ свои норки на большой глубинѣ, и тогда ихъ коконъ составленъ изъ одной оболочки, тонкой до прозрачности. Другія довольствуются неглубокой норкой въ открытомъ мѣстѣ: но тогда или они имѣютъ достаточную шелка для того, чтобы сдѣлать коконъ изъ нѣсколькихъ слоевъ, какъ дѣлаетъ аммофила; или же, если количество шелка недостаточно, они прибѣгаютъ къ склеенному песку, какъ это дѣлаетъ бембексъ. Коконъ бембекса настолько плотенъ и крѣпокъ, что его можно привязать за косточку какого-нибудь сѣмени. Форма его цилиндрическая, при чемъ одинъ конецъ заостренъ, а другой имѣетъ видъ сферическаго колпачка. Онъ имѣетъ два сантиметра въ длину. Поверхность его слегка шероховата, видъ довольно грубый; но внутренняя сторона блестящая, какъ лакированная.

Когда я самъ воспитывалъ личинокъ, то могъ слѣдить во всѣхъ подробностяхъ за постройкой этого курьезнаго архитектурнаго произведенія, настоящаго денежнаго сундука, въ которомъ прекрасно переносятся всѣ перемѣны погоды. Прежде всего личинка расталкиваетъ вокругъ себя остатки припасовъ и сгребааетъ ихъ въ уголъ комнатки или отдѣленія, которое я ей устраивалъ въ ящикѣ съ бумажными перегородками. Очистивъ себѣ мѣсто, она прикрѣпляетъ къ различнымъ стѣнамъ своего жилища нитки прекраснаго бѣлаго шелка, составляющія паутинообразную основу, которая отдѣляетъ кучу остатковъ съѣстнаго и служитъ основаніемъ для будущей работы.

Эта работа состоитъ изъ гамака, подвѣшеннаго далеко отъ сора и грязи, въ центръ нитей, протянутыхъ отъ одной стѣны къ другой. Въ составъ его входитъ одинъ чистый, тонкій, великолѣпный, бѣлый шелкъ. Формою гамакъ этотъ похожъ на мѣшокъ, на одномъ концѣ котораго—круглое широкое отверстіе, а другой конецъ закрытъ и заостренъ. Верша рыболововъ можетъ дать достаточно ясное представленіе объ этой формѣ. Края отверстія поддерживаются открытыми и натянутыми съ помощью нитей, которыя идутъ отъ этихъ краевъ къ сосѣднимъ стѣнамъ. Наконецъ, ткань этого мѣшечка необыкновенно тонка и такъ прозрачна, что сквозь нее можно видѣть всѣ движенія червяка.

Все было со вчерашняго дня въ такомъ состояніи, какъ я только что рассказалъ, когда я услышалъ, что личинка скребется въ ящикѣ. Открывъ его, я увидѣлъ, что моя плѣнница, выставивъ половину тѣльца изъ мѣшечка, скоблитъ стѣнку картонки

концами челюстей. Картонъ былъ уже глубоко подскобленъ, и куча мелкихъ кусочковъ лежала передъ отверстиемъ гамака для того, чтобы быть употребленными въ дѣло впослѣдствіи. За недостаткомъ другихъ матеріаловъ, червякъ, безъ сомнѣнія, употребилъ бы эти опилки для постройки. Но я счелъ болѣе подходящимъ снабдить его, согласно его вкусу, пескомъ. Никогда личинка бембека не строила изъ такого роскошнаго матеріала: я насыпалъ пшеницѣ того песку, которымъ высушиваютъ чернила, голубого съ золотистыми кусочками слюды.

Матеріалъ положенъ передъ отверстиемъ мѣшечка, а этотъ послѣдній находится въ горизонтальномъ положеніи, какъ это нужно для предстоящей работы. Личинка, высунувшись на половину изъ гамака, роется въ кучѣ челюстями и выбираетъ песокъ почти по зернышку. Если попадается слишкомъ крупная песчинка, она схватываетъ еѣ и отбрасываетъ подальше. Когда песокъ такимъ образомъ отобранъ, она вводитъ извѣстное количество его въ свое шелковое зданіе, вметая его туда ртомъ. Сдѣлавъ это, она входитъ въ свою вершущу и принимается разсыпать песокъ одинаковыми слоями на внутренней сторонѣ мѣшечка; потомъ она склеиваетъ зернышки песку и пригнѣпляетъ къ стѣнкамъ мѣшечка съ помощью шелка, который замѣняетъ ей цементъ. Наружная сторона строится медленнѣе: зернышки песку туда она носитъ по одному и приклеиваетъ ихъ съ помощью шелковистой мастики.

Но этотъ запасъ песку пошелъ только на переднюю половину мѣшечка, ту половину, которая оканчивается отверстиемъ. Прежде чѣмъ вернуться, чтобы отдѣлать заднюю половину, личинка обновляетъ свой запасъ матеріаловъ и принимаетъ нѣкоторыя предосторожности для того, чтобы не быть стѣсненной въ своей работѣ камешника. Песокъ, собранный въ кучу передъ входомъ, можетъ осыпаться внутрь и стѣснить строителя на такомъ узкомъ пространствѣ. Червякъ предвидитъ это: онъ склеиваетъ нѣсколько зернышекъ и устраиваетъ грубую песчаную занавѣску, которая закрываетъ отверстие очень несовершеннымъ образомъ, но достаточно для того, чтобы предупредить обвалъ. Принявъ эти предосторожности, личинка работаетъ надъ задней частью кокона. Отъ времени до времени она возвращается наружу для того, чтобы запастись матеріаломъ; для этого она прорываетъ уголокъ занавѣски, защищающей ее отъ напыла наружнаго песку, и хватается необходимые матеріалы.

Коконъ еще не оконченъ, такъ какъ онъ открытъ съ широкаго конца; въ немъ не хватаетъ сферическаго колпачка, который долженъ закрыть его. Для этой окончательной работы червячокъ дѣ-

лаетъ послѣдній обильный запасъ песку; потомъ онъ отодвигаетъ кучу, накопившуюся передъ входомъ. Тогда у отверстія кокона ткется шелковый колпачекъ, какъ разъ подходящійся по этому отверстию. Наконецъ, на эту шелковую основу наклеиваются шелковистою смолою зернышки песку, запасъ которыхъ хранится внутри. Когда эта крышечка окончена, то личинкѣ остается только отдѣлать окончательно внутренность кокона, покрывъ ее лакомъ, который долженъ предохранять ея вѣжную кожу отъ шероховатостей песку. Мѣшочекъ изъ чистаго шелка и полукругъ, который его закрываетъ, составляютъ только основу, поддержку для постройки изъ песку, которой личинки придаютъ также правильнѣйшій изгибъ; ихъ можно сравнить съ дугами, которыя употребляютъ строители при постройкѣ сводовъ и карнизовъ. Когда работа окончена, дуга принимается, а сводъ держится своимъ собственнымъ равновѣсіемъ. Такъ же и здѣсь, когда коконъ оконченъ, то шелковая поддержка исчезаетъ, отчасти впитавшись въ песокъ, отчасти разрушившись отъ соприкосновенія съ грубыми частицами; и не остается никакихъ слѣдовъ остроумной metody, съ помощью которой выстроено зданіе совершенной правильности изъ матеріаловъ настолько подвижныхъ, какъ песокъ.

Сферическій колпачекъ, составляющій крышечку кокона, есть отдѣльная работа, которая прилаживается къ величинѣ кокона. Какъ бы хорошо ни приходилась крышечка къ кокону, никогда не можетъ быть такой прочности, которую личинка могла бы придать своему кокону, если бы она его строила весь сразу. Вѣдь на окраинахъ крышечки находится окружность наименьшаго сопротивленія. Но это не составляетъ недостатка постройки; напротивъ, въ этомъ ея новое достоинство. Стѣнки кокона настолько крѣпки, что насѣкомому пришлось бы испытать большія затрудненія для того, чтобы выйти изъ него; а линія соединенія съ крышечкою, какъ представляющая менѣе сопротивленія, повидимому, устраняетъ необходимость большихъ усилій, и дѣйствительно, по этой линіи отдѣляется крышечка, когда взрослый бѣмбекъ выходитъ изъ земли.

Я назвалъ этотъ коконъ денежнымъ сундукомъ, и дѣйствительно, это очень солидная вещь какъ по своему устройству такъ и по свойству матеріаловъ. Обвалы и осѣданіе почвы не могутъ повредить ему, потому что самымъ сильнымъ давленіемъ пальцевъ нельзя его раздавить. А потому для личинки не имѣетъ никакого значенія, что потолокъ ея норки, вырытой въ неустойчивой почвѣ, можетъ рано или поздно обвалиться; не страшно для нея даже, если, проходивъ наступить ногою на тонкій слой покрывающаго ее песку; она ничего не боится съ того момента, какъ она заперта въ своемъ

прочномъ убѣжищѣ. Сырость также не опасна для нея. Я подвѣ недѣли держалъ коконы бембекса погруженными въ воду, и послѣ этого не находилъ внутри ни малѣйшаго слѣда сырости. Какъ жаль, что мы не можемъ имѣть въ своемъ распоряженіи подобныхъ непромокаемыхъ матеріаловъ для постройки жилищъ? Наконецъ, по своей изящной яйцевидной формѣ, этотъ коконъ кажется скорѣе произведеніемъ искусства, чѣмъ работой червяка. Для того, кто не знаетъ, что это такое, коконы, построенные у меня въ коробчкѣ изъ песку для высушиванья чернилъ, могли бы показаться какими-то неизвѣстными драгоценностями, крупными бусами, усяянными золотыми точками по голубому полю, назначенными для ожерелья какой-нибудь красавицы изъ Полинезіи.

Е. Ш.

ОБЩЕСТВЕННО - ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Б. Каутскаго.

I.

Общественность въ первобытныя времена.

Говорять, что въ первобытныя времена обыкновенно существовало, такъ-называемое, «непосредственное народное законодательство». Сторонники этого взгляда любятъ останавливаться на германцахъ, какъ они описаны Тацитомъ и Цезаремъ, и рисовать картину того вольнаго и счастливаго общественнаго строя, который существовалъ, по ихъ увѣреніямъ, до тѣхъ поръ, пока насилие и коварство не уничтожили непосредственнаго народнаго законодательства.

Остановимся и мы на тѣхъ временахъ. Если мы рассмотримъ основы народнаго законодательства и причины его паденія, то намъ уяснятся также нѣкоторыя обстоятельства, имѣющія значеніе и для современнаго движенія въ пользу народнаго законодательства.

О народномъ законодательствѣ, въ собственномъ смыслѣ этого слова, у германцевъ временъ Цезаря, также какъ у другихъ народовъ, стоящихъ на той же ступени развитія, не можетъ быть и рѣчи. Дѣло въ томъ, что на этой ступени развитія законовъ вовсе не существуетъ. Дѣятельность древне-германскихъ народныхъ собраній имѣетъ очень мало общаго съ тѣмъ, что теперь называютъ законодательствомъ. Дѣйствительно, собраніе всѣхъ свободныхъ воиновъ племени представляло собой высшую инстанцію для рѣшенія всѣхъ дѣлъ, интересовавшихъ племя. Оно избирало должностныхъ лицъ, судило провинившихся, рѣшало споры, возникавшіе среди членовъ племени, регулировало отношенія къ другимъ племенамъ и т. д. Такъ какъ общественныя отношенія въ тѣ времена почти совершенно не измѣнялись и въ теченіе цѣлыхъ сто-

лѣтій оставались одинаковыми, то и дѣла, поступавшія на рѣшеніе племени, были обыкновенно одни и тѣ же. Поэтому въ рѣшеніи дѣлъ на собраніи большую роль играли традиціи и старики, сохранявшіе ихъ въ своей памяти.

Какъ для дѣлъ, охватывавшихъ все племя, высшую инстанцію составляетъ племенное собраніе, такъ и для какой-нибудь части племени подобной же инстанціей служить собраніе ея воиновъ.

Возьмемъ еще болѣе раннюю ступень развитія, — ту, наприимѣръ, на которой находились сѣверо-американскіе индѣйцы во время открытія Америки. Здѣсь мы найдемъ еще болѣе демократическіе порядки: доступъ въ народныя собранія имѣютъ здѣсь даже женщины. Такимъ образомъ, у германцевъ временъ Цезаря, и даже Тацита, сравнительно съ индѣйцами, понятіе «народа» уже сужено: оно обнимаетъ только мужчинъ, да и то не всѣхъ безъ исключенія, попадаютъ уже и несвободные мужчины, лишенные политическихъ правъ.

Какъ же произошло, что женщины оказались исключенными изъ народа? Традиционный отвѣтъ на этотъ вопросъ состоитъ въ ссылкѣ на теорію насилія, которой вообще любятъ объяснять всякое подчиненіе одного класса другимъ. Говорятъ, что мужчины, какъ болѣе сильные, поработили женщинъ. Многіе принимаютъ эту теорію, какъ слѣдствіе теоріи Дарвина. Если, говорятъ они, неравенство въ силѣ и умственныхъ способностяхъ индивидовъ всегда существовало и всегда будетъ существовать, то значить общественныя различія имѣютъ основаніе въ самой природѣ и должны остаться на вѣки вѣковъ; измѣненіямъ же можетъ подвергаться развѣ лишь ихъ форма. Но, въ виду такихъ выводовъ теоріи насилія, непонятно, отчего ее съ особенной любовью приняла противники классовыхъ различій. Теорія насилія не только безутѣшна, но и ничего не объясняетъ. Ибо если изъ нея можно сдѣлать выводъ, что классовыя различія имѣютъ основаніе въ самой природѣ, что они вѣчны, то, принимая ее, необходимо также принять, что они существовали испоконъ вѣковъ, съ тѣхъ поръ, какъ существуютъ люди. Однако, мы знаемъ, что это невѣрно. Мы знаемъ, что первоначальное равенство лишь постепенно уступило мѣсто неравенству и что каждый шагъ въ этомъ отношеніи свойствененъ каждой отдѣльной ступени развитія. Различія между болѣе сильными и менѣе сильными, между болѣе способными и менѣе способными, которыя всегда были и всегда будутъ, нисколько не могутъ намъ разъяснить, отчего у всѣхъ народовъ на той или иной ступени культурнаго развитія тотъ или иной сортъ якобы болѣе сильныхъ и умныхъ людей почувствовалъ потребность по-

работитъ слабыхъ и недалекихъ и отчего это удалось именно на такой-то ступени развитія? Разъясненія тутъ надо искать, конечно, не въ «природѣ человѣка», а въ особенностяхъ соответствующей ступени культурнаго развитія. Не теорія насилія, а только эти особенности могутъ дать намъ ключъ для пониманія классовыхъ различій, образовавшихся въ ихъ время.

Основу особенностей каждой ступени культурнаго развитія составляетъ свойственный ей способъ производства. Имъ объясняется особое общественное значеніе различныхъ классовъ, а общественное значеніе каждого класса опредѣляетъ ту роль, которую онъ играетъ въ обществѣ.

Первое раздѣленіе труда, на которое мы наталкиваемся въ исторіи, произошло между мужчиной и женщиной. Лишь только начала развиваться домашняя жизнь на высшихъ ступеняхъ дикаго состоянія, завѣдываніе ею становится удѣломъ женщины. Приобрѣтеніе внѣ дома все болѣе и болѣе переходитъ въ вѣдѣніе мужчины. Какія причины здѣсь дѣйствовали,—объ этомъ мы можемъ дѣлать одни лишь предположенія.

Во время всего длиннаго періода варварства технической прогрессъ совершался, главнымъ образомъ, въ области домашнихъ работъ, падавшихъ на женщинъ. Поэтому область женскаго труда чрезвычайно расширяется. Къ «женственнымъ» занятіямъ относились тогда скотоводство и земледѣліе; далѣе, сюда относилась обработка только большинства сырыхъ матеріаловъ, тканье и плетеніе, приготовленіе глиняной посуды и т. д. У многихъ народовъ даже трудное дѣло постройки хижинъ было возложено исключительно на женщинъ.

Работа же мужчины въ періодъ варварства увеличивалась лишь медленно, или даже вовсе не увеличивалась. Онъ остается тѣмъ же, чѣмъ былъ и раньше: воиномъ и охотникомъ. Только тамъ, гдѣ скотоводство развивается до болѣе значительныхъ размѣровъ, занятіе имъ распространяется также и на мужчинъ, но по большей части лишь на молодежь, не достигшую возраста воина. Неудивительно, что женщина, сравнительно съ мужчиной, представляется вычнымъ животнымъ. Она такъ завалена работой, что у нея совершенно нѣтъ времени для того, чтобы принимать участіе въ общественной жизни. Да ей и невозможно оставлять домъ на болѣе или менѣе продолжительное время, потому что присутствіе ея здѣсь необходимо по цѣлымъ днямъ и часамъ. Отъ этого-то и происходитъ, что женщина въ періодъ варварства все болѣе и болѣе исчезаетъ съ поля общественной жизни, принимаетъ въ ней

участіе лишь чрезъ посредство мужчинъ-представителей и, наконецъ, не принимаетъ уже никакого участія.

Совершенно иное положеніе мужчины. Присутствіе его дома необходимо; онъ можетъ уходить на цѣлые дни и недѣли: домашнія дѣла отъ этого нисколько не страдаютъ. И на этой ступени развитія онъ можетъ посвящать свое время общественной жизни также, какъ и въ періодъ дикого состоянія, — насколько вообще можно говорить объ общественной жизни въ дикомъ состояніи. Для этого у него теперь даже больше времени, чѣмъ было прежде, вслѣдствіе того, что увеличился трудъ женщины, при которой на высшихъ ступеняхъ развитія уже имѣются рабы-помощники. Такимъ образомъ, мы находимъ здѣсь крайне оживленную, демократическую жизнь мужчинъ, многочисленныя собранія всякаго рода, продолжающіяся часто по нѣскольку дней и сопровождающіяся пиршествами, — собранія, на которыхъ народъ обсуждаетъ и рѣшаетъ всевозможныя дѣла.

Чѣмъ меньше мужчина становится связаннымъ съ домомъ, тѣмъ болѣе широкіе размѣры могла принимать общественная жизнь, нисколько не теряя своей демократической подкладки. Прогрессъ въ способѣ производства доставилъ возможность на одной и той же территоріи кормиться большому количеству людей, чѣмъ прежде, а увеличивающаяся независимость мужчины отъ дома позволяла ему предпринимать все болѣе и болѣе отдаленныя путешествія для посѣщенія народныхъ собраній,

Такимъ образомъ, въ періодъ варварства предѣлы племенные болѣе и болѣе расширяются. Это въ концѣ концовъ приводитъ къ тому, что нѣскольکو племенъ сливаются въ одинъ народъ, у котораго, также какъ у племени и рода, народное собраніе составляетъ высшую инстанцію для всѣхъ общественныхъ дѣлъ.

II.

Общественность въ періодъ цивилизаціи.

Но на этой ступени развитіе не останавливается. Многіе народы прошли ее и достигли цивилизаціи.

Важнѣйшимъ средствомъ къ этому послужило развитіе земледѣлія. Оно все болѣе и болѣе выступало на первый планъ; охота, а по большей части и скотоводство (за исключеніемъ мѣстностей, слишкомъ неудобныхъ для земледѣлія), играютъ менѣе важную роль; наконецъ, охота изъ средства добыванія пищи превращается въ спортъ, въ простое развлеченіе. Особенно быстро произошелъ этотъ

переворотъ, подъ вліяніемъ римской культуры, у германцевъ во время переселенія народовъ. Но мы не будемъ касаться тѣхъ особенностей, которыя были вызваны вліяніемъ римской культуры, а остановимся лишь на типичныхъ сторонахъ развитія германскихъ народовъ.

Чѣмъ больше земледѣліе, а рядомъ съ нимъ и скотоводство, становилось главнымъ источникомъ доходовъ мелкихъ общинъ или патриархальныхъ семействъ, тѣмъ болѣе недостаточными оказывались силы женщины для выполненія хозяйственныхъ работъ. Во времена Тацита ей уже должны были помогать въ занятіяхъ по земледѣлію рабы, а также и свободные, но, неспособные къ ношенію оружія, мужскіе члены семьи: дѣти, подростки и старики. Скоро должны были принять участіе въ этихъ работахъ и воины. Охотникъ и воинъ превратились во время переселенія народовъ въ земледѣльцевъ; они, подобно женщинамъ, прикрѣпляются теперь къ дому, а такъ какъ сравнительно высокая ступень развитія, достигнутая теперь земледѣліемъ, не позволяетъ уже переносить жилище съ мѣста на мѣсто, то люди съ этихъ поръ становятся «крѣпкими землѣ», осѣдлыми.

Этотъ переворотъ въ способѣ производства приводитъ къ перевороту и во всемъ политическомъ и социальномъ строѣ.

На болѣе раннихъ ступеняхъ культурнаго развитія война играла выдающуюся роль въ производствѣ: она обыкновенно была борьбой за самое важное средство производства, территорію, необходимую для охоты или скотоводства, которую надо было защищать или завоевать. Гдѣ дикое племя жило по сосѣдству съ цивилизованнымъ, тамъ къ войнѣ за спорную область присоединялся еще хищническій набѣгъ,—предпріятіе, приносящее воинственнымъ варварамъ богатую добычу. Были такія варварскія племена, у которыхъ грабежъ цивилизованныхъ сосѣдей составлялъ главный способъ пріобрѣтенія. Быть воиномъ при подобныхъ обстоятельствахъ было очень выгодно, и это стоило очень мало. Оружіе, необходимое для войны, было по большей части то же самое, которое употреблялось на охотѣ, бывшей самой важной отраслью пріобрѣтенія. А во времени для военныхъ предпріятій, какъ мы видѣли, недостатка не было.

Иной оборотъ принимаютъ дѣла, когда пастушескія или охотничьи племена переходятъ къ земледѣлію. Отъ войны земледѣлецъ не можетъ получить какихъ-либо значительныхъ выгодъ. Сидя на своей землѣ, онъ не нуждается въ чужой территоріи. Чтобы занять новую землю, ему пришлось бы бросить то, что онъ съ большимъ трудомъ пріобрѣлъ. Грабежъ тоже не обѣщаетъ ему осо-

бенно привлекательной добычи; сосѣди его стоятъ или на той же ступени культурнаго развитія, что и онъ, или даже на низшей. Но если польза, которую можно извлечь изъ войны, для него уменьшается, то тяготы ея увеличиваются. Новыя орудія производства не годятся для военнаго ремесла. Одновременно съ техникой земледѣлія развивается также и техника войны; война начинается уже требовать дорогаго вооруженія, которое для трудовой жизни совершенно непригодно.

Но важнѣйшее обстоятельство здѣсь состоитъ въ слѣдующемъ. Земледѣлецъ прикрѣпленъ къ своему дому и землѣ; бываютъ времена, когда онъ не можетъ оставить земли безъ огромнаго ущерба своему дѣлу. Поэтому, продолжительный походъ подвергаетъ опасности все существованіе, какъ его, такъ и его семьи.

Воинское право свободаго человѣка, которымъ онъ такъ гордился, превращается теперь въ воинскую повинность; эта повинность становится все болѣе и болѣе тяжелой, ввергаетъ земледѣльца въ бездну долговъ, въ нищету и разоряетъ его.

Но вести ли войну, или нѣтъ, это вовсе не зависитъ отъ воли земледѣльца. Не говоря уже о причинахъ завоевательныхъ войнъ того времени—останавливаться на которыхъ мы не будемъ, чтобы не осложнять дѣла—одно благосостояніе, доставляемое земледѣліемъ, постоянно подстрекаетъ варварскія, пастушескія подвижныя племена на хищническіе набѣги; земледѣльцу приходится бросать полевыя работы и готовиться къ защитѣ.

Что дѣлать въ такомъ положеніи? Чтобы не потерять всего, земледѣлецъ долженъ пожертвовать частью своего достоянія. Трудъ достигъ на этой ступени развитія уже такой производительности, что онъ даетъ больше, чѣмъ безусловно необходимо для содержанія производителя и его семьи. Этотъ излишекъ позволяетъ земледѣльцу нанять себѣ защитниковъ. Снабжая средствами къ существованію особый классъ людей, земледѣльцы даютъ этому классу возможность предаться военному ремеслу безъ ущерба хозяйству, какъ въ періодъ варварства трудъ женщины давалъ мужчинѣ возможность совершать отдаленныя и продолжительныя странствованія съ охотничьими или военными цѣлями. Этотъ классъ снимаетъ съ земледѣльцевъ воинскую повинность и защищаетъ страну и ея населеніе.

Такова экономическая основа касты воиновъ. Каста эта, подъ вліяніемъ разнообразныхъ историческихъ условій, при которыхъ она складывается, принимаетъ самыя разнообразныя формы: то вожди племенъ и родовъ и другія должностныя лица общинъ съ свитою и слугами превращаются въ военную аристократію, то роль

*

дворянства принимаетъ на себя какое-нибудь варварское племя, вторгшееся въ страну, то роль эта выполняется ордами наемниковъ, и т. д. Но какъ ни разнообразны формы военныхъ кастъ, появленіе ихъ можно замѣтить всюду, гдѣ земледѣліе становится главной отраслью производства: военная каста на этой ступени развитія является экономической необходимостью. Что при возникновеніи ея по большей части дѣло не обходится безъ насилія,—это ничего не доказываетъ: сила—не мать, а лишь акушерка новаго общества.

Но то, что случилось съ воинской повинностью, постигло также и общественное управленіе, законодательство и судъ. Общество все болѣе и болѣе осложнялось; развивалось раздѣленіе труда, возникало раздѣленіе населенія по занятіямъ и классамъ; частная собственность увеличивалась по размѣрамъ и значенію; управленіе обществомъ, законодательство и судъ становились все сложнѣе и труднѣе. Народныя собранія, устраивавшіяся время отъ времени для рѣшенія этихъ дѣлъ и руководившіяся традиціями, не могли уже удовлетворять общественнымъ потребностямъ. И когда задачи народныхъ собраній возрастали, у массы населенія исчезала склонность, даже возможность посѣщать ихъ въ надлежащей степени.

Также какъ воинскую повинность, земледѣлецъ все болѣе и болѣе наводитъ перенести на другихъ и свои политическія и судебныя обязанности,—понятно, не безъ соотвѣтствующаго вознагражденія.

Естественнѣе всего было передать ихъ тѣмъ людямъ, которые взяли на себя и воинскую повинность. Дѣйствительно, мы видимъ, что вездѣ, гдѣ это развитіе совершалось безъ воздѣйствія болѣе высокой культуры, какъ, напр., въ Египтѣ, первоначально существовалъ только одинъ господствующій классъ или каста. Позже этотъ классъ обыкновенно распадается на два: классъ воиновъ и классъ жрецовъ, которые выполняютъ важнѣйшія задачи управленія, законодательства и суда.

Такимъ образомъ, въ началѣ періода цивилизаціи древне-народныя вольности все болѣе и болѣе исчезаютъ. Ихъ устраняло не коварство и властолюбіе сильныхъ міра, а развитіе способа производства.

Такъ, наприимѣръ, мы видимъ, что во время паденія народныхъ вольностей у западныхъ германцевъ короли и ихъ чиновники не только не стремятся подавить и ограничить собранія, а напротивъ, стараются усилить участіе въ нихъ народа; лицъ, не являющихся на тинги (народныя собранія), они подвергаютъ штрафамъ.

Дѣйствительно, пока у германцевъ не образовались организаціи,

взявших на себя обязанности народных собраній, отсутствіе или недѣятельность ихъ должны были пагубно отзываться на всей общественной жизни. Понятно, когда эти организаціи образовались и стали источникомъ власти и богатства, то картина измѣнилась. Тогда уже каждая попытка возстановить старинныя вольности становится посягательствомъ на основы власти и богатства этихъ организацій. Но все же корень господства жрецовъ и военной аристократіи лежалъ въ ихъ экономической необходимости.

Тѣмъ не менѣе, народная свобода не вполне уничтожается въ періодъ господства жрецовъ и аристократіи, область народной свободы только суживается. Крестьяне уже не имѣютъ ни случая, ни времени принимать участіе въ регулированіи дѣлъ племени и народа. Но управленіе дѣлами общины остается въ ихъ рукахъ. Этого для нихъ достаточно. Каждая крестьянская община становится теперь самодовлѣющей экономической единицей, которой обыкновенно живетъ тѣмъ лучше, чѣмъ меньше она соприкасается съ вѣншимъ міромъ. Интересъ къ государственнымъ дѣламъ, племенное чувство все болѣе и болѣе исчезаютъ; община становится міромъ для крестьянина; политика его становится болѣе ограниченной, *приходской* политикой.

По мѣрѣ того, какъ совершается это развитіе, новыя общества, государства, возникшія изъ одного или нѣсколькихъ старыхъ племенъ, теряютъ свою органическую цѣльность. Во времена предшествовавшія цивилизаціи, племя основывалось на неразрывной связи всѣхъ его членовъ; государство же, о которомъ мы теперь говоримъ, какое представляетъ собой, напр., средневѣковое феодальное государство или большинство восточныхъ государствъ, основывается почти исключительно на связи господствующихъ классовъ, аристократіи и жрецовъ. Отдѣльная община не имѣетъ съ государствомъ никакой органической связи.

Племя можно уничтожить или прогнать, но отъ него нельзя было отрѣзывать части по произволу и включать ихъ въ другія племена. Средневѣковыя же и восточныя государства представляютъ собой лишь простые агрегаты общинъ, каждую изъ которыхъ можно отдѣлить и включить въ другой агрегатъ, и это не приведетъ существеннаго измѣненія въ ея жизни. Счастливый завоеватель или ловкій спекулянтъ — съ величайшей легкостью можетъ на этой ступени развитія основывать или «свѣнчать» *) большое

*) Авторъ имѣетъ въ виду тотъ порядокъ, при которомъ цѣлыя области отдавались въ приданное за дочерьми владѣтельныхъ особъ. Изъ большихъ государствъ, существующихъ теперь, такъ образовалась Австрія.

Пр. переводчика.

государство. Но также легко оно и распадается подъ натискомъ враговъ.

Члены сельской общины нисколько не интересуются измѣненіями, происходящими среди господствующихъ классовъ. Измѣненія эти и не особенно затрагиваютъ ихъ, потому что для нихъ, можетъ быть, рѣшительно все равно, отбывать барщину, или платить оброкъ Петру, или Ивану. Но если бы они даже и захотѣли воспротивиться какому-нибудь измѣненію, то пользы бы имъ отъ этого было немного, такъ какъ сельская община въ своей изолированности почти совершенно беззащитна передъ сильной организаціей господствующихъ классовъ всего государства.

П — сній.

(Продолженіе слѣдуетъ).

ПОДЪ СЪНЬЮ ТІАРЫ.

Историческая повѣсть проф. Э. Жебара.

(Продолженіе *).

V.

К а н о с с а.

Молодому императору Генриху неизбѣжно приходилось стремиться въ примиренію съ Григоріемъ VII. Страшныя знаменія во множествѣ свидѣтельствовали о его неугодности Богу. Мудрѣйшій изъ его совѣтниковъ, Вильгельмъ, епископъ Утрехта, умеръ отъ таинственной болѣзни, прохворавъ всего нѣсколько дней; на смертномъ одрѣ онъ видѣлъ вокругъ себя демоновъ, и послѣднія слова его были:

— Ради нечестія нашего властителя мы прокляты на вѣки-вѣковъ.

Крупные вассалы и епископы замышляли гибель короля-нечестивца. Духъ возмущенія изъ Саксоніи распространился на всѣ области имперіи. Въ Трирѣ, на Рейнѣ, съѣхавшіеся феодалы, въ присутствіи папскихъ легатовъ, составили противъ своего сюзерена революціонный обвинительный актъ; беспорядочная жизнь, жестокости и несправедливости его правленія, страсть его къ войнѣ, суровость по отношенію ко вдовамъ и сиротамъ, погушеніе на неприкосновенность церкви и монастырей, его безчестность, нарушеніе данныхъ обѣщаній, „разрываемыхъ имъ, точно паутина“, покровительство ворами, убійцамъ и прелюбодѣямъ—все это было перечислено германской знатью, не забывшей ни одного преступленія, ни одной ошибки Генриха. Германскіе епископы, такіе покорные нѣсколько мѣсяцевъ назадъ, теперь, террори-

---

*) См. «Міръ Божій», № 4.

зованные римскими проклятіями, отворачивались отъ грѣшника; Зигфридъ Майнцскій убѣжалъ изъ среды придворныхъ и проповѣдывалъ въ своей епархіи преобразование государства и покаяніе за грѣхи императора. Изъ Оппенгейма, противъ Трира, на другомъ берегу Рейна, почти одинокій, окруженный лишь тѣми немногими друзьями, которые еще рѣшались подавать ему руку и садиться съ нимъ за столъ, Генрихъ прислушивался къ грозному шуму этого городка, гдѣ, за два вѣка до того, Германія отрѣшилась отъ престола императора Карла Толстаго.

Потомъ онъ заперся, точно зачумленный или проказенный, въ свой Шпейерскій замокъ. Но крики его подданныхъ, лишенныхъ таинствъ и терявшихъ рассудокъ отъ страха вѣчныхъ мукъ, продолжали доноситься до него. Его вассалы назначили ему срокъ всего въ нѣсколько мѣсяцевъ для примиренія съ церковью. По прошествіи года, считая со дня громоваго латеранскаго проклятія, онъ долженъ былъ лишиться престола и подвергнуться изгнанію изъ предѣловъ имперіи.

Тогда онъ покорился неизбѣжному униженію.

Онъ написалъ своему крестному отцу, Гуго, аббату Ключійскому, общая покаяться и совершить путешествіе во святую землю. Написалъ и графинѣ тосканской Матильдѣ, чтобы она попросила Григорія VII прибыть въ Ломбардію для встрѣчи съ кающимся императоромъ. Къ папѣ онъ отправилъ посла съ увѣреніями въ своемъ раскаяніи и исправленіи. Затѣмъ, онъ тайно сталъ молить у своихъ графовъ и бароновъ помощи для путешествія въ Италію. Очень немногіе отвѣтили ему, и только одинъ согласился сопровождать его. Онъ покинулъ Шпейеръ съ женою и малолѣтнимъ сыномъ. Никто не заграждалъ ему пути. Отлученные, толпами шедшіе въ Римъ за прощеніемъ, сторонились съ его дороги, боясь идти въ тѣни его. Онъ сдѣлалъ большой кругъ по Бургундіи и провелъ Рождество въ Безансонѣ. Отсюда, черезъ Юру, онъ пришелъ во владѣнія своей тещи, Аделаиды Сузской, графини Савойской. Альпійскіе проходы были заняты претендентами на его престолъ, за исключеніемъ одного Сень-Бернардскаго. Это была древняя дорога Антонина, возобновленная Карломъ Великимъ и его сыновьями, и постоянный путь богомольцевъ. Нѣкогда Гильдебрандтъ провелъ здѣсь въ Римъ папу Льва IX. Но Аделаида и юный сынъ ея Амѣ намѣрены были взять съ Генриха дорогую

плату за проходъ по этой горной тропинкѣ. Они запросили съ него пять итальянскихъ епархій, сосѣднихъ съ ихъ владѣніями. Генрихъ торговался, упрашивалъ, прибѣгъ къ слезамъ жены, и добился нѣкоторой уступки. 1-го января 1077 года, перейдя рѣку близъ св. Мавривія, стараго укрѣпленія, облитаго кровью евскаго легіона, сынъ того самаго императора Генриха Ш, подъ стопами котораго дрожали Италия и Римъ, дошелъ, съ женою и ребенкомъ, въ сопровожденіи нѣсколькихъ слугъ и слѣдуя указаніямъ мѣстныхъ крестьянъ, до этой неприступной стѣны изъ утесовъ и льдовъ.

Передъ нимъ гнали быковъ, уминавшихъ ногами глубокой снѣгъ. Послѣ нѣсколькихъ миль труднаго восхожденія, маленький отрядъ достигъ, наконецъ, высшей точки перевала, того вѣчно замерзшаго озера, на берегу котораго Бернардъ Ментонскій, архидіаконъ Аосты, выстроилъ страннопріимный домъ. Но въ эту зиму холодъ былъ такъ силенъ, что, не вида ни одного пилигрима, монахи удалились съ горы. Императоръ и его спутники пріютились на ночь въ одной изъ монастырскихъ залъ. На зарѣ они продолжали путь въ Италию. Очувившись у южнаго склона Сень-Бернарда, Генрихъ отчаялся въ возможности пробраться далѣе. Склонъ этотъ былъ совсѣмъ отвѣсный и представлялъ сплошную ледяную поверхность, кое-гдѣ перерѣзаную синеватыми пропастями и усѣянную бѣлыми ледяными иглами. Попробовали спустить на доскахъ лошадей со спутанными ногами, но большая часть изъ нихъ покатилаь и погибла, разбившись и испуская хриплые стоны ужаса и боли. Императрица съ сыномъ спускалась по самому краю обрывовъ, въ санкахъ изъ бычачьихъ шкуръ, засыпаемыхъ снѣгомъ, помрачавшимъ зрѣніе. Проводники, которые везли ихъ, должны были держаться за желѣзные крюки, вбитые въ ледъ. Генрихъ ползъ, цѣпляясь окровавленными руками, катился, падалъ и скользилъ по ледяной поверхности, точно уносимый ураганомъ, который, срываясь съ головокружительныхъ Альпійскихъ высотъ, господствовавшихъ надъ моремъ тумановъ, несся въ долину съ грохотомъ бури.

Былъ поздній часъ ночи, когда несчастные богомольцы постучались въ ворота одного монастыря въ долинѣ Аосты. Привратникъ выбѣжалъ съ лампадой, пламя которой колебалось отъ вѣтра. Онъ попятился отъ ужаса при видѣ полуночнаго странника, императора Генриха, властителя Гер-

маніи и Рима, съ обнаженной головой, плащемъ, бѣлымъ отъ снѣга, и лицомъ, напоминавшимъ привидѣніе, державшаго за руку своего полумертваго отъ холода и утомленія ребенка и молившаго о пріютѣ на пустынной дорогѣ, по которой уже давно никто не отваживался пускаться.

Почти въ тотъ же часъ, папа Григорій при свѣтѣ факеловъ вступалъ въ свой родной городъ, Соану. Посланный имъ оруженосецъ съ утра возвѣстилъ сеньору и народу о приближеніи первосвященника, который прибылъ очень поздно, когда граждане и духовенство, промокнувъ на дождѣ до костей, уже собирались, не безъ досады, расходиться по домамъ. Заслышавъ издали звукъ копытъ, добрые люди торопливо зажгли свои факелы и въ грязи превлонили колѣни. Никто изъ нихъ, даже изъ самыхъ старыхъ, не узналъ молодого пастуха, судьбою котораго гордилась его родина, въ этомъ старичкѣ, развалившемся въ носилкахъ, подъ промокшимъ балдахиномъ, съ котораго струилась вода. Баронъ поцѣловалъ ему руку и пригласилъ въ свой замокъ, гдѣ ожидалъ его ужинъ.

— Сейчасъ, сынъ мой; но сначала поклонюсь моему старому дому и памяти моихъ покойниковъ.

Поѣздъ Григорія, предшествуемый толпою народа, снова двинулся впередъ. Всѣ дома были освѣщены, и за каждой оконной рамой видѣлись удивленные и заспанная личиби дѣтей, которымъ матери указывали на пурпуровыя носилки, подвигавшіяся, при заревѣ факеловъ, къ нагорной части города. Вдругъ толпа остановилась, чтобы пропустить папу. У входа въ узкую, неровную улицу сіяла хижина, освѣщенная множествомъ свѣчей, украшенная вѣнками зелени и отворенная настежь. Всадники стѣснились; Григорій, при помощи оруженосцевъ, вышелъ изъ носилокъ и повелительнымъ жестомъ запретилъ кому-либо слѣдовать за нимъ. Онъ одинъ вошелъ въ избушку, дверь которой затворилъ за собою.

Викторинъ и римскіе рыцари выстроились въ рядъ передъ входомъ, лицомъ къ народу, который, съ обнаженными головами, ждалъ подъ зимнимъ дождемъ. Никто не видѣлъ, какъ Григорій VI, сидя на скамеечкѣ передъ холоднымъ очагомъ, обводилъ взглядомъ бѣдныя стѣны и кирпичный полъ той комнаты, гдѣ его учили молиться. Уже канцлеромъ римской церкви и кардиналомъ онъ купилъ этотъ домъ, который съ тѣхъ поръ стоялъ пустой, необитаемый, темный, какъ могила. Теперь онъ сидѣлъ здѣсь старикомъ, покрытымъ славою, властителемъ

всѣхъ душъ и, со времени побѣды надъ императоромъ, единымъ владыкою всего міра. Глаза его остановились на первосвященническомъ крестѣ, осыпанномъ дорогими камнями и висѣвшемъ на груди его; онъ посмотрѣлъ на него, какъ бы слѣдя за собственными грезами, и вдругъ на его увядшихъ губахъ показалась горькая улыбка. Онъ подперъ лысую голову руками и задумался. Между тѣмъ какъ жители Соаны въ глубокомъ молчаніи стояли на улицѣ, сердце папы, вспоминая свою юность, проникалось земною любовью. Онъ снова слышалъ голосъ отца, ощущалъ поцѣлуи сестры; снова его вѣрный другъ, пастушескій песъ, клалъ свою голову къ нему на колѣни. Зазвонили въ приходской церкви, и Григорій припомнилъ давно прошедшіе праздники Рождества и Пасхи, свое мѣсто въ церкви у колонны и первую процессію, въ которой онъ участвовалъ маленькимъ пѣвчимъ, съ бадиломъ въ рукахъ. Потомъ онъ вспомнилъ, что сказалъ ему тогда священникъ, которому онъ исповѣдался въ своемъ влеченіи къ духовному званію.

— Ахъ, дитя мое, современемъ ты, пожалуй, будешь паптыремъ въ Соанѣ; это прекрасно. А можетъ быть, и епископомъ въ Витербѣ! Да сподобитъ тебя Господь стать епископомъ. Только священникомъ въ Соанѣ ты будешь счастливѣе!

Во второй разъ, сидя тамъ, гдѣ стояла колыбель его, епископъ всего міра горько улыбнулся.

Затѣмъ онъ всталъ, медленно отворилъ дверь и сошелъ съ крыльца убогаго дома съ такимъ же сосредоточеннымъ благоговѣніемъ, какъ будто сходилъ со ступеней главнаго алтаря въ соборѣ св. Іоанна Латеранскаго. До самаго замка барона онъ не проронилъ ни слова. Чтобы не обидѣть хозяина, онъ съѣлъ немного хлѣба съ молокомъ. Викторинъ, баронъ и монахи стояли вокругъ его стола.

— Домъ этотъ ветхъ и грозитъ развалиться!—сказалъ онъ какъ бы про себя.—Но мнѣ и такъ приходится поддерживать многое, грозящее разрушеніемъ! Послѣ меня пусть позаботятся о ней мои внуки, Пія и мужъ ея...

Въ эту минуту онъ поднялъ голову и встрѣтился взглядомъ съ Викториномъ. Новая мысль, новая надежда возникла въ сердцѣ сына Ченціо, тревожная и смутная. Однако, ему показалось, что суровое лицо папы обратилось къ нему съ отеческой благосклонностью. Григорій продолжалъ все еще вполголоса:

— Пока существуетъ родъ Гильдебранда, я хочу, чтобы

существовалъ и этотъ домъ, свидѣтельствуя о скромности нашего происхожденія и о благодати церкви, возвысившей насъ. Пія и внукъ мой не забудутъ этого завѣщанія ихъ дѣда.

Но тутъ же прибавилъ, обращаясь къ группѣ монаховъ:

— Если только воля Господня и выгоды церкви не призовутъ Пію къ жизни монашеской, жизни блаженной!

Одинъ изъ монаховъ склонился со словами:

— Единой блаженной!

— Аминь! — сказали грустными голосами прочіе монахи.

Первоначально папа имѣлъ намѣреніе стѣхаться съ императоромъ въ самой Германіи, а потомъ, когда Генрихъ перешелъ Альпы, — въ Мантуѣ. Каждый день графиня Матильда посылала къ нему гонцовъ съ извѣстіями о сношеніяхъ Генриха съ духовенствомъ и знатю Ломбардіи и Пьемонта. Въ Миланѣ уличенная въ симоніи церковь, противъ которой Гильдебрандъ нѣкогда возбудилъ возстаніе „папировъ“, съ восторгомъ ждала отлученнаго. Ломбардскіе епископы, отторгнутые отъ римской церкви, надѣялись, что Генрихъ рѣшится дать христіанскому міру другого папу. Начиная съ Турина, всѣ осужденные въ Латеранѣ клирики присоединялись къ императорскому поѣзду. Горожане и ремесленники сѣверной Италіи, уже одушевленные тѣмъ духомъ независимости, который въ слѣдующемъ вѣкѣ повелъ къ созданію здѣсь ряда республикъ, также привѣтствовали Генриха, какъ спасителя ихъ отечества. Императоръ, котораго они стѣсняли, отвѣчалъ неопредѣленными обѣщаніями и позволилъ всѣмъ этимъ недовольнымъ ютиться подъ его знаменемъ.

Встревоженный Григорій подвигался осторожно. Изъ Соаны онъ направился къ Аппенинскимъ проходамъ, соединяющимъ Анжюмскую Мархію съ Умбріей, и прошелъ мимо Орвіето, гдѣ суровый епископъ попросилъ у него, — но напрасно, — позволенія съечь одного еретика-священника. Изъ Фолиньо онъ двинулся къ Ассизи. На сѣверѣ поваялся господствующій надъ городомъ феодальный замокъ, и самый городъ, весь бѣлый, построенный террасами, точно восточный Акрополь, вырѣзался на синемъ небѣ. Викторинъ приподнял шапочку, еланаясь городу Іоакима. Папа замѣтилъ это и, въ свою очередь, протянувъ руки изъ носилокъ, благословилъ Ассизи:

— Да хранить тебя Богъ, святой городъ, — сказалъ онъ, — и да прославятъ сыны твои имя Господне нынѣ и во вѣки.

Миновавъ узкіе горные проходы между скалистыми обры-

вами дикаго цвѣта, кое-гдѣ украшенными купами сосенъ, они двинулись по Романьѣ, вдоль восточнаго склона Аппенинъ.

Въ Имольтъ письмо Матильды заставило папу измѣнить путь. Графиня объясняла, что въ Мантуѣ, гдѣ множество друзей императора, она не ручается за безопасность первосвятителя. Она предлагала ему остановиться въ крѣпости Каноссѣ, сосѣдней съ Реджіо; тамъ Генрихъ будетъ вполнѣ во власти своего судьи, подъ жезломъ своего епископа. Сама она выступила встрѣчать своего духовнаго отца.

Дочери маркиза Бонифація Тосканскаго въ то время было тридцать лѣтъ. Красота ея носила печать героизма, доблести и высокоумія. Чимабуэ изобразилъ ее въ послѣдствіи въ кольчугѣ воительницы, съ глазами, сверкающими гордостью, одною рукою сдерживающею горячую лошадь, а въ другой держащею гранату, символъ чистоты.

Она только-что лишилась почти одновременно мужа своего, Годфрида, герцога Лотарингскаго, и матери, Беатрисы, которая до сихъ поръ покоится на пизанскомъ кладбищѣ. Она была ленною госпожею всей Тосканы, Мантуи, Модены, Феррары и Кремоны, и владѣла на правахъ собственности всею странюю отъ Витербо до моря, т.-е. будущимъ „наслѣдіемъ св. Петра“. Церкви римской она была предана такъ же, какъ святыя жены іерусалимскія были преданы Іисусу. Въ пятнадцать лѣтъ она сражалась мечомъ противъ германской арміи и антипапы Гонорія II. Она мечтала завѣщать итальянское королевство папамъ, не предвидя, сколькихъ бѣдствій и крови въ теченіе двухъ вѣковъ будетъ стоить церкви ея щедрость. Григорій писалъ ей: „Если я люблю такъ же, какъ люблю самъ, то нѣтъ смертнаго, котораго бы вы предпочитали мнѣ“. Усердіе къ славѣ Божіей и ненависть къ имперіи были почвою для общенія этихъ двухъ великихъ душъ. Дантъ, не любившій папства, не видалъ въ раю Григорія VII; но Матильду онъ помѣстилъ передъ колесницею мистическаго Рима, триумфальною колесницею, гдѣ сидѣла ея Беатриче, а гвельфская Италия прославила великую маркиграфиню, какъ первую поборницу ея національной независимости.

Матильда встрѣтила Григорія между Моденою и Реджіо. Она ѣхала верхомъ; золоченая кольчуга покрывала ее до пояса. Ея рыцарская свита представляла собою великолѣпное зрѣлище. Шествіе открывали двѣнадцать верховыхъ пажей, съ серебряными рожками, которые заиграли воинствен-

ную мелодію при видѣ папскихъ носилокъ. Мареграфія сошла съ лошади и хотѣла повергнуться ницъ; но Григорій не допустилъ ея до этого и пригласилъ ее ѣхать по правую его руку. Такъ они достигли Реджіо, гдѣ остановились для полуденной трапезы. Потомъ, повернувши къ горамъ, путешественники направились въ Каноссу. Мѣстность становилась пустынна и сурова, поднялся сильный сѣверный вѣтеръ, пошелъ снѣгъ. Лошади, свользя по каменистымъ тропинкамъ, подвигались медленно.

Ночь была уже близка, когда Викторинъ замѣтилъ издали, на вершинѣ скалистаго мыса, темнаго и возвышавшагося надъ бѣлой степью, точно надъ моремъ, крѣпость Каноссу. Группа башенъ, возвышаясь надъ тройною стѣною, стремилась къ мертвенноблѣдному небу. Еще выше башенъ, на шестѣ, развѣвались рядомъ знамена Тосканы и Рима, тяжело хлопая по вѣтру, точно огромныя крылья какой-нибудь апокалиптической птицы.

Это мрачное укрѣпленіе знаменито было историческими воспоминаніями. Вдова послѣдняго короля Лангобардовъ, Аделаида, плѣнница Беренгарда II, послѣдняго короля Италіи, убѣжала изъ своей тюрьмы и скрылась въ Каноссу, подъ защиту Аццо, дѣда Матильды. Во время осады, которую началъ король Италіи, стрѣла принесла ей вѣсть о любви Оттона Саксонскаго, будущаго императора Оттона Великаго, который освободилъ ее и получилъ изъ рукъ молодой жены ломбардскую корону.

Но въ этотъ часъ, одѣтая сумракомъ, словно могильнымъ саваномъ, Каносса казалась символомъ ужаса.

Викторинъ вспомнилъ о своемъ прибытіи въ Латеранъ и о страхѣ, томившемъ его въ первыя ночи, проведенныя подъ кровлею Григорія; затѣмъ вдругъ воображеніе представило ему отцовскій замокъ въ старомъ Римѣ, на берегу Тибра, и мысль о Ченчіо овладѣла имъ.

Въ продолженіе года онъ не разъ вспоминалъ объ изгнанникѣ. Даже во дни величайшаго счастья, въ обществѣ Піи и Іоакима, онъ мучился вопросомъ, отчего печальный пилигримъ ни разу не прислалъ вѣсти о себѣ сыну. Значить, Ченчіо забылъ о немъ, и Гробъ Господень не внушилъ ему любви къ ребенку, которому онъ обязанъ жизнью и спасеніемъ души?

Необычайное зрѣлище на минуту задержало папу передъ первымъ подъемнымъ мостомъ, перекинутымъ черезъ рвы Ка-

носсы. Въ то время, какъ служители Матильды, съ факелами въ рукахъ, выходили встрѣчать гостя графини, изъ мрака выступила жалкая толпа, бритая, босая, измученная на снѣгу, и во власницахъ. Это были: архіепископъ бременскій, епископы Лозанны и Страсбурга, графъ Эбергардъ, приближенные императора, которые, прибывши въ теченіе дня, ожидали Григорія, чтобы вымолить отпущеніе. Всѣ эти кающіеся, переданные коменданту Каноссы, были посажены порознь въ базматы башенъ и подземелій, на хлѣбъ и на воду, безъ огня. Для суда надъ ними они должны были дожидаться прибытія императора и приговора Григорія надъ ихъ сюзереномъ.

Между тѣмъ Генрихъ приближался къ своему духовному владыкѣ весьма медленно. Дорогою онъ удалялъ отъ себя схизматическихъ итальянскихъ епископовъ, видъ которыхъ могъ раздражить папу. По мѣрѣ того, какъ онъ подвигался впередъ, власть этого стараго монаха, державшаго въ рукахъ своихъ влючи ада, казалась ему все болѣе страшной; онъ боялся той минуты, когда среди туманной долины Аппенинъ, на островерхой скалѣ, передъ нимъ встанетъ черный призракъ Каноссы.

Наканунѣ послѣдняго январскаго воскресенья со стороны Альпъ разразилась буря, заноса Эмилію цѣлыми вихрями снѣга. Утромъ часовые замка разсмотрѣли на бѣлой снѣжной пеленѣ маленькій отрядъ рыцарей, борющійся съ метелью и сопровождаемый длинной полосой вѣроновъ. Императоръ приближался къ своей Голгофѣ.

Около полудня, когда папа дослуживалъ обѣдню, ему доложили, что Генрихъ находится у перваго моста. Онъ послалъ ему приказъ удалиться до утра въ сосѣдній съ крѣпостью монастырь, гдѣ его ждали монахи, чтобы прочесть ему псалмы покаянія.

Нѣсколько часовъ спустя, еще отрядъ постучался въ ворота Каноссы: графиня Сузская, аббатъ Клонійскій и епископъ Версейльскій явились ходатайствовать передъ Григоріемъ за молодого короля. Этихъ новыхъ гостей приняла Матильда и дала имъ понять, что миссія ихъ будетъ очень затруднительною, такъ какъ папа, очевидно, не расположенъ помиловать императора.

Наконецъ, при наступленіи ночи, два человѣка, рыцарь и монахъ, позвонили въ наружный колоколь монастыря. Братъ-привратникъ спросилъ, какъ ихъ зовутъ, но они вошли, не удостоивъ его отвѣтомъ. Эти таинственные пришельцы за-

перлись съ Генрихомъ и бесѣда ихъ протянулась до часа тушенія огня. Ни въ этотъ вечеръ, ни въ слѣдующіе дни, никому не удалось увидѣть ихъ лицъ. У монаха капюшонъ закрывалъ все лицо, а у рыцаря было опущено забрало.

На другой день, Генрихъ, босой и съ обнаженной головою, вернулся въ Каноссу. Его ввели одного во дворъ второго укрѣпленія. Здѣсь онъ простоялъ много часовъ въ напрасномъ ожиданіи. Замокъ казался покинутымъ или вымершимъ. Шелъ снѣгъ. На минуту императору показалось, что какая-то тѣнь промелькнула за рѣшоткою узкаго окна, наверху башни.

Тѣнь показалась еще разъ, въ нижнемъ этажѣ, затѣмъ исчезла. Тогда Генрихъ узналъ папу по красной мантии и блѣдному лицу.

Къ вечеру оруженосцы Матильды пригласили его вернуться въ монастырь.

Еще два дня прошло въ томъ же унизительномъ ожиданіи. Полунагой, въ трагической обстановкѣ покаянія, Генрихъ, плача, ударяя себя въ грудь, моля о милосердіи, не могъ добиться позволенія преклонить колѣни у ногъ Григорія. На третье утро, застывъ отъ холода, изнемогая отъ строгаго поста, онъ избралъ своимъ убѣжищемъ маленькую церковь св. Николая, построенную на краю ровъ Каноссы; здѣсь онъ сѣлъ, весь дрожа, какъ оглашенный, на край купели и опустил голову на колѣни. Приближающіеся шаги вывели его изъ оцѣпенѣнія: Матильда, аббатъ Ключійскій и епископъ Версейскій пришли увѣщевать несчастнаго покаяться. Онъ, рыдая, схватилъ руку Матильды.

— Если ты не придешь ко мнѣ на помощь, — сказалъ онъ графинѣ, — мнѣ уже болѣе не придется сокрушать вражескихъ щитовъ, ибо папа поразилъ меня, и рука моя омертвѣла. Сестра, добейся, чтобы онъ благословилъ меня. Иди!

Роковой день лишенія престола, назначенный главными вассалами на Трирскомъ сеймѣ, былъ близокъ. Имперіи и христіанскому міру грозили страшныя смуты, если бы Григорій не медля не снялъ съ императора отлученія. Аббатъ Ключійскій обѣщалъ вымолить прощеніе ради спокойствія церкви. На этотъ разъ папа сдался. Онъ думалъ, что Генрихъ побѣжденъ навсегда. Онъ принялъ вѣтвы графини и аббата, которые поручились за искренность кающагося и за его намѣреніе привести Германію къ покорности Риму. Затѣмъ онъ согласился, чтобы на другой день состоялась церемонія воссоединенія.

На восходѣ солнца, императоръ, обнаженный до пояса, былъ подведенъ монахами къ паперти Каносской церкви. Обоймъ его приспѣшникамъ, рыцарю и священнику, которые такъ тщательно скрывали свои лица, удалось проникнуть въ крѣпость и стать недалеко отъ Генриха, въ закоулкѣ старой стѣны.

Затѣмъ отлученные германскіе епископы и вельможи вышли изъ своихъ тюремъ. Угнетенные суровостью покаянія, они стали на колѣни, полукругомъ, по обѣ стороны своего государя.

Когда появился Григорій, въ траурномъ облаченіи, въ фіолетовой ризѣ и бѣломъ шерстяномъ клобукѣ, кающіеся бросились впередъ, лицомъ въ снѣгъ, руки крестомъ, громкими криками моля объ очищеніи отъ проклятія и о возвращеніи въ лоно церкви Христовой.

Папа сѣлъ на бронзовое кресло, поставленное на паперти, и съ высоты смотрѣлъ нѣсколько минутъ на эту поразительную сцену. Говорятъ, что въ этотъ мигъ, тронутый до глубины души, онъ пролилъ слезы, слезы состраданія или гордости.

Епископъ Версейльскій подалъ ему въ руки тросточку. Григорій, громко читая псаломъ: „Помилуй мя, Боже, по величій милости Твоей“, при каждомъ стихѣ ударялъ по плечу вающихся, которые одинъ за другимъ становились на колѣни на первой ступени церкви. Потомъ онъ всталъ, снялъ клобукъ и, сложивъ руки, самъ сталъ молить Господа о прощеніи. Снова сѣвши, онъ произнесъ формулу отпущенія.

Король поднялся, и папа раскрылъ ему объятія. Онъ взялъ Генриха за руку, велѣлъ прикрыть его плащомъ и ввелъ его въ храмъ, говоря:

— Во имя Отца и Сына и Св. Духа возвращаю тебя къ участию въ таинствахъ матери нашей, церкви.

Онъ далъ ему поцѣлуй мира, также какъ и прощеннымъ епископамъ. Затѣмъ снялъ траурную ризу, надѣлъ бѣлую и подошелъ къ престолу. Дѣтскіе голоса запѣли „Кугіе“, и началась обѣдня.

Церковь была старая, удивительно мрачная, съ низкими сводами, покоившимися на тяжелыхъ столбахъ,—настоящій склепъ, освѣщенный лампадами и свѣчами, точно для похоронъ. Апокалипсическіе звѣри, изваянные варварскимъ рѣзцомъ на капителяхъ, грифоны, саламандры, единороги, какъ бы пробуждались отъ своего каменнаго сна и при невѣрномъ отблескѣ церковнаго освѣщенія, среди голубоватыхъ клубовъ

ладана, распускали крылья, словно гигантскія летучія мыши, ползли и съ фантастическою медленностью обвивались вокругъ гранитныхъ стволонъ. Въ куполѣ алтарнаго углубленія мозаика, полуразрушенная сыростью, почернѣвшая отъ кадилаго дыма, изображала изможденнаго Христа, страшнаго Христа второго пришествія, а по лѣвую его руку — группу черныхъ дьяволовъ, прицѣпившихся къ тѣламъ грѣшниковъ. Каждый разъ, какъ папа воздѣвалъ руки, тѣнъ ихъ тянулась черезъ всю церковь и исчезала во мракѣ купола. Когда онъ запѣлъ: „Слава въ вышнихъ“, его жидкій и надорванный голосъ напомнилъ рыданіе дитяти. Но первыя слова символа вѣры онъ произнесъ такъ величественно, что трепеть пробѣжалъ по склоненнымъ головамъ германскихъ епископовъ, которые хоть на одинъ день осмѣлились нарушить хоть одну строчку вѣкового закона.

Викторинъ, стоя у алтаря, слушалъ эту мрачную обѣдню. Онъ съ нѣкоторымъ ужасомъ глядѣлъ на царственнаго грѣшника и думалъ, какъ огорчился бы его другъ, епископъ Ассизскій, если бы присутствовалъ при торжественномъ примиреніи папы съ императоромъ. Въ ту минуту, какъ дѣтскіе голоса пропѣли „и вочеловѣчася...“, онъ замѣтилъ, что въ маленькой группѣ слугъ Генриха двое не стали на колѣни. Рыцарь и монахъ, полускрывшись за колонною, съ величайшимъ вниманіемъ слѣдили за каждымъ движеніемъ Григорія. На минуту прикрытая капюшономъ голова монаха пододвинулась къ свѣту, и Викторинъ вспомнилъ о взглядѣ хищной птицы, который, разъ вечеромъ, такъ напугалъ его и Пію въ Римѣ, близъ уединенной башни свв. Іоанна и Павла.

Въ моментъ причащенія, папа обернулся къ императору и знѣкомъ подозвалъ его къ подножію престола. Затѣмъ онъ взялъ частицу даровъ, поднялъ ее въ уровень со своимъ лицомъ предъ лицомъ Генриха и сказалъ:

— Ты и твои сторонники обличали меня передъ міромъ, какъ нечистаго пастыря, недостойнаго папу и лжепапу. Вы обвинили меня въ такихъ страшныхъ прегрѣшеніяхъ, что церковь должна бы изгнать меня съ каедръ св. Петра и извергнуть изъ сана. Если я невиненъ, да свидѣтельствуешь о томъ тѣло Господа нашего; если же виновенъ, то да поразитъ меня Богъ смертію и проклятіемъ передъ Своею святынею.

Онъ преломилъ частицу на двое надъ престоломъ и приобщился.

Испытаніе сошло счастливо для Григорія. Онъ взялъ вторую половину частицы и приблизился къ императору.

— Ты также, сынъ мой, обвинялся вельможами твоего царства въ столь тяжкихъ преступленіяхъ, что почтено было за благо отнять у тебя скипетръ имперіи и добиться отъ насъ твоего отлученія отъ общенія съ христіанами. Если ты невиненъ, да свидѣтельствуешь о томъ тѣло Господа нашего; если же виновенъ, да будетъ оно тебѣ тотчасъ во осужденіе и погибель!

Онъ протянулъ освященный хлѣбъ въ губамъ короля.

Генрихъ, растерянный, страшно блѣдный, съ силою отвинулъ назадъ и вдругъ, чтобы не видѣть этой ужасной, предлагаемой ему частицы, легъ на церковный полъ, прикрывъ голову полою плаща.

Среди собранія вѣрныхъ, взволнованныхъ ожиданіемъ страшнаго чуда, только Матильда и Григорій были сповойны. Графиня ободряла папу торжествующей улыбкой; Григорій, все еще держа въ рукѣ тѣло Господне, глядѣлъ на побѣжденнаго императора съ высокоумѣреннымъ сожалѣніемъ.

Генрихъ бормоталъ невнятные слова, полуприподнимался, какъ бы соглашаясь на судъ Божій, затѣмъ снова падалъ на плиты пола, обезумѣвъ отъ страха.

Тогда монахъ и рыцарь, которыхъ никто не зналъ, вышли изъ мрака. Деодатъ сказалъ своему спутнику:

— Ну, иди, если ты боишься грома небеснаго. Для меня дары, освященные даже папою, штука не опасная. Впрочемъ, частица, которую предлагаетъ старый Григорій, можетъ и въ самомъ дѣлѣ быть смертельной. Римская церковь владѣетъ чудодѣйственными тайнами, цѣлой адской алхиміей. Когда я былъ маленькимъ, одинъ нападъ умеръ, причастившись изъ чаши, а кардиналы, въ великій четвергъ, не рѣшались садиться за столъ Тайной Вечери.

Однимъ прыжкомъ рыцарь очутился рядомъ съ императоромъ. Онъ приподнялъ забрало и наклонился къ уху своего государя. Передъ Григоріемъ и Викториномъ на мгновение мелькнули злые глаза и грубое лицо Ченчіо. Юноша ухватился за мраморъ алтаря: онъ чувствовалъ, что теряетъ сознаніе и летитъ въ пропасть.

— Откажись, мой синьоръ,—сказалъ баронъ,—откажись ради твоей жизни, имперіи и вѣчнаго спасенія!

Военачальники Матильды двинулись впередъ, какъ бы съ намѣреніемъ схватить Ченчіо; но папа знакомъ остановилъ ихъ и сказалъ:

— Оставьте этого человека. Онъ мой вассаль, римскій баронъ, и принадлежитъ одному мнѣ. Но онъ преступилъ клятву, и я прогоняю его съ глазъ моихъ. Изъ любви къ этому мальчику, его сыну, я дарю ему жизнь во второй разъ и запрещаю его трогать.

Ченчіо уже былъ вмѣстѣ съ Деодатомъ на церковной паперти, и оба бросились вонъ изъ укрѣпленія.

Папа же, еще разъ опустивъ взоръ на распростертаго императора, прибавилъ съ печальной ироніей:

— И развѣ этотъ день не есть день мира и прощенія?

Среди молчанія и мрака церкви вдругъ раздались рыданія Викторина. Григорій, внезапно охваченный безграничною нѣжностью, приблизился къ отроку:

— А ты, дитя мое, такъ какъ ты добръ и невиненъ, прими Господа Твоего, котораго не осмѣливается принять вотъ этотъ. Исусъ Христосъ охотно нисходитъ въ души страждущихъ.

Викторинъ сдѣлалъ шагъ на встрѣчу святителю, скрестилъ на груди руки и принялъ причастіе.

По окончаніи послѣднихъ молитвъ, папа благословилъ императора, тевтонскихъ епископовъ и вѣрныхъ. Затѣмъ по церкви потянулось шествіе. Тосканскіе вельможи, графиня, молодые пѣвчіе, епископы, аббатъ Ключійскій прослѣдовали одни за другими. Наконецъ, „обѣ половины Бога“—Генрихъ, весь бѣлый отъ стыда и гнѣва, поникнувъ челомъ, а Григорій, выправившись, съ горящими глазами, — вышли рядомъ, по-братски, изъ старинной церкви.

Долгое время послѣ того, какъ причетникъ потушилъ послѣднюю свѣчку и задулъ послѣднюю лампаду, Викторинъ просидѣлъ одинъ въ полумракѣ, на ступеняхъ алтаря. Этотъ часъ былъ самымъ горькимъ въ его жизни. Онъ вновь пережилъ прошедшее и предчувствіемъ постигъ будущее. Что же за наслѣдство измѣнъ и преступленій оставляетъ ему отецъ? Какимъ еще позоромъ покроетъ онъ древнее имя Ченчіевъ? Какими новыми святотатствами очернить себя его родъ передъ церковью? Тутъ ему припомнилось безнадежное ученіе его перваго наставника, жестокой догматъ, постоянно приводимый и восхваляемый монахомъ Эгидіемъ и гласящій, что дѣти осуждаются на безконечныя бѣдствія за грѣхи родителей, что Господь предоставляетъ ихъ проклятую участь на усмотрѣніе самого дьявола. Какъ же онъ, котораго сатана отмѣтилъ клеймомъ своихъ избранныхъ, осмѣлится вер-

нуться въ Латеранъ, обнять Іоакима, выдержать взоръ Піи?! Не съ отчаяніемъ ли встрѣтитъ эта дѣвочка сына безбожнаго разбойника, истинно-дьявольскаго врага Григорія?! Не лучше ли завтра же, или даже сегодня, укрыться со своимъ семейнымъ позоромъ гдѣ-нибудь въ монастырѣ, въ глуши Аппенинъ, подальше отъ Рима и отъ всего, что ему мило. Ему пришли на память, какъ единственная надежда, слова монаха за святительскимъ ужиномъ въ Соанѣ: „Единое блаженство“.

Но образъ Піи, прелесть ея лица, нѣжность улыбки тревожили сердце отрока и мало-по-малу привели его къ болѣе мужественному рѣшенію. Бѣгство въ монастырь, отречение отъ міра, не покажутся ли Піи результатомъ эгоизма и трусости? Достойно ли римскаго рыцаря, ученика Іоакима, воспитанника Григорія VII, признать себя побѣжденнымъ еще до борьбы за свою честь и душевное спокойствіе? Не попытаться ли ему сначала усовѣстить отца?

Онъ быстро всталъ, страхнулъ съ себя мрачныя грезы и выбѣжалъ изъ церкви.

Генрихъ стоялъ въ латахъ и царской мантии, окруженный своими епископами и вельможами, и прощался съ Григоріемъ во дворѣ замка. Прощанье вышло очень холоднымъ съ обѣихъ сторонъ. Папа сказалъ императору въ ту минуту, какъ отрядъ садился на коней.

— Не забудь, сынъ мой, что вѣтвы твои записаны въ небесахъ. Если между тобою и мною осталась тайна, Богъ не замедлитъ раскрыть ее.

Ченціо не было въ императорской свитѣ. Викторинъ выбѣжалъ за окопы и дошелъ до монастыря, гдѣ король проводилъ послѣднія ночи. Тамъ никто не видѣлъ ни Ченціо, ни Деодата. Тогда юноша спустился по крутой тропинкѣ на дорогу въ Миланъ, куда отправлялся Генрихъ IV. Онъ шелъ безъ шапки, не замѣчая ни вѣтра, который развѣвалъ его волосы, ни снѣга, который засыпалъ его, присматриваясь къ слѣдамъ на дорогѣ, спрашивая жителей немногочисленныхъ домовъ, разбросанныхъ по долинѣ. Вскорѣ показался императоръ, и Викторинъ посторонился, пропуская свиту. Никто изъ этихъ важныхъ господъ не удостоилъ узнать молодого бродягу, стоявшаго въ канавѣ, по колѣно въ снѣгу. Король, полузакрывъ глаза, точно застывши въ своемъ стальномъ панцырѣ, промелькнулъ мимо него, какъ сонное видѣніе.

Страсбургскій епископъ ѣхалъ позади всѣхъ, стараясь обуздать свою непокорную лошадь. Викторинъ осторожно вложилъ въ стремя епископскую ногу и сталъ спрашивать всадника.

— Увы, мой добрый другъ, вамъ придется бѣжать далеко. Вашъ отецъ и его товарищъ—очень жалкій монахъ—кинулись на Пармскую дорогу, взявъ лучшихъ лошадей изъ нашего отряда. Они оставили мнѣ вотъ эту, которая зачтется мнѣ за муви чистилища. Спасибо и доброй ночи. Да хранить васъ Господь!

Викторинъ, подгоняемый холоднымъ вѣтромъ, вернулся медленно и съ разбитымъ сердцемъ въ Каноссу.

Папа обезпечился его отсутствіемъ и ждалъ его съ тревогою. Онъ встрѣтилъ его сначала молчаніемъ, потомъ съ грустною ласкою положилъ руки на его голову.

— Сынъ мой,—сказалъ онъ,—Богъ испытываетъ своихъ праведниковъ печалью и слезами. За твое горе я люблю тебя еще болѣе.

На столѣ лежала груда писемъ, получавшихся каждый день изъ первосвятительской канцеляріи: депеши отъ епископовъ, легатовъ, монастырскихъ настоятелей со всего христіанскаго міра. Григорій взялъ посланіе, написанное на массивномъ пергаментѣ, неумѣло сложенное и припечатанное епископскою печатью.

— Это тебѣ, Викторинъ. Письмо пришло сегодня вечеромъ. На печати гербъ епископа Ассизскаго, твоего друга; но надпись сдѣлана дѣтскою рукою, вѣроятно Піей. Иди, сынъ мой, и да утѣшитъ тебя Господь!

При послѣднихъ лучахъ дня Викторинъ сталъ читать письмо подруги:

„Милый Викторинъ!

„Я хотѣла написать: милый мой дружокъ; но наша почтенная аббатисса увѣрила меня, что грѣшно звать „своимъ дружкомъ“ юнаго синьора, когда самой меньше ста лѣтъ отъ роду.

Ужъ цѣлый мѣсяць, какъ васъ нѣтъ, а я еще не могу повѣрить, что вы на самомъ дѣлѣ уѣхали. Мнѣ все кажется, что вы гдѣ-нибудь наверху, на башнѣ, и слѣдите вмѣстѣ съ мессиромъ Іоакимомъ за полетомъ зимнихъ птицъ. Вечеромъ, когда я вижу ваше пустое мѣсто у жаровни, мнѣ хочется плакать. Тогда нашъ епископъ, чтобы утѣшить меня, говорить, что вы вернетесь изъ Тосканы красивымъ рыцаремъ на добромъ боевомъ конѣ, какъ св. Яковъ у него въ треб-

никѣ, который весь золотой на голубомъ небѣ. Поспѣшите доставить намъ эту радость.

„Ваша записочка изъ Соаны вся истрепалась: такъ усердно ее читали синьоръ епископъ и я. Я рада, что вы побывали въ моемъ милomъ старomъ городѣ. Нашъ синьоръ и я надѣмся посѣтить его современемъ вмѣстѣ съ вами, когда зазеленѣютъ поля, а у васъ будетъ боевой конь. Вы позволите мнѣ сѣсть сзади, если онъ не будетъ очень горячъ; только мы про это не скажемъ святой матери-аббатиссѣ. Недавно, вечеромъ, у насъ въ Латеранѣ было, по мнѣнію доброй донны, чудо, но такое, котораго она ужасно испугалась— дурное чудо. Вы знаете, что она не очень любитъ нашего козлика Фульво, котораго считаетъ за дикую лѣсную козу. Кажется, бѣсы любятъ вселяться въ этихъ животныхъ. Вотъ, она и рассказывала намъ прешрашную исторію о дьяволахъ, которые поселились всемеромъ, въ большомъ черномъ козлѣ и въ такомъ видѣ проникли къ ней въ монастырь, тридцать лѣтъ тому назадъ. Тутъ, какъ разъ, Фульво вскочилъ, однимъ прыжкомъ очутился позади аббатиссы и такъ ударилъ ее головою между лопатокъ, что она упала впередъ со своей скамейки, во весь ростъ и громко закричала. Фульво поступилъ дурно, но монсиньоръ очень смѣялся, и я тоже, когда оказалось, что съ аббатиссой ничего не приключилось, а только съѣхалъ шлыкъ. Однако, съ тѣхъ поръ мы рѣшили привязывать Фульво къ ножеѣ большого органа съ золотымъ орломъ каждый разъ, какъ рѣчь пойдетъ о дьяволѣ, т.-е каждый разъ, какъ аббатисса начнетъ что-нибудь рассказывать.

„Но это не мѣшаетъ козлику монсиньора св. Евстафія быть всегда очень ласковымъ ко мнѣ. Посылаю вамъ въ Канносу поклонъ отъ этого хорошенькаго бѣса.

„Чтобы покончить съ вѣстями о животныхъ, скажу вамъ, что мулъ нашего друга сталъ совершенно несноснымъ отъ благочестія. Вчера, во время сильнаго снѣга, онъ простоялъ, какъ вкопанный, передъ папертью св. Маріи въ Транстевере столько времени, что его преосвященство успѣлъ прочесть всѣ дневныя службы, не исключая и вечерни, преспокойно сидя у него на спинѣ. Если въ Фульво сидитъ бѣсъ, то въ этомъ мулѣ должна заключаться душа какого-нибудь монаха, или, по крайней мѣрѣ, дьячка. Это придумалъ синьоръ Іоакимъ, смѣха ради. Онъ всегда очень веселъ, когда не думаетъ о васъ. Тогда онъ вздыхаетъ и зоветъ васъ.

„Мы не безъ труда нашли пергаментъ, чтобы написать

это письмо. Все, что было въ запасѣ, изведено на буллы отлученія, и кардиналу Альбано, который теперь такъ добръ ко мнѣ, пришлось вырвать чистую страницу въ одной изъ тѣхъ тяжелыхъ, точно сундуки, и убитыхъ мѣдными гвоздями книгъ, по которымъ пѣвчіе поютъ на влиросѣ, и у которыхъ такое мудреное названіе, что его не можетъ запомнить неученая дѣвочка, какъ я.

„Приходится кончать письмо, потому что я исписала весь пергаментъ кардинала. Но въ самомъ низу, подъ подписью, я прижимаю къ нему губы и кричу, хоть меня и можетъ услышать наша почтенная наставница:

„ — Вернитесь къ намъ, милый Викторинъ, вернитесь поскорѣе, милый Викторинъ.

Пія“.

Юноша прижался губами къ тому мѣсту, которому Пія довѣрила вопл своей души, и ему почудилось, будто онъ ощутилъ какой-то свѣжій аромать. Онъ отворилъ оконную раму и сталъ глядѣть на бѣлую равнину. Вьюга утихла, и небо раскинуло свой звѣздный шатеръ. Замокъ засыпалъ. Громадное снѣжное поле раздѣляло обоихъ героевъ Каносской драмы, Григорія и Генриха, и великое спокойствіе природы снизошло на ту мѣстность, гдѣ оба мистическіе пастыря христіанства посѣяли для своихъ народовъ и для самихъ себя жатву слезъ и крови. А пока царили ночь, молчаніе и миръ, и Викторинъ съ тихою радостью думалъ о дѣвочкѣ, которая росла тамъ, въ святомъ городѣ Римѣ, ожидая его возвращенія.

VI.

И д и л л і я.

Долго прождала бѣдняжка. Григорій VII продлилъ свое пребываніе въ Каноссѣ и во владѣніяхъ графини Матильды до осени 1077 года, чтобы наблюдать за передвиженіями императора по сѣверной Италіи и за глухимъ броженіемъ среди ломбардскаго высшаго духовенства, всегда готоваго, въ теченіе послѣдняго полулѣтца, возстать противъ Рима и провозгласить независимость своей церкви. Важныя событія, какъ, на примѣръ, избраніе въ мартѣ мѣсяцѣ частью нѣмецкихъ князей, въ присутствіи папскихъ легатовъ, антицезаря Рудольфа Швабскаго, родственника Генриха IV, тревожные слухи, распространяемые схизматическими священниками и предвѣщавшіе близкое провозглашеніе антипапы — патриарха

Равеннскаго или архіепископа Миланскаго, -- все грозило Григорію роковымъ для римскаго престола переворотомъ. Въ то же время на неаполитанскомъ югѣ погибалъ послѣдній обломокъ ломбардской имперіи, единственный союзникъ церкви противъ норманновъ, Гизольфъ, князь Салернскій. Робертъ Гвискардъ со своими пріятелями, сицилійскими сарацинами, угрожалъ свѣтскому верховенству папы въ Римѣ, а сама церковь и цѣлость вѣры подвергались опасности вслѣдствіе безначалія въ имперіи, неизбежнаго отпаденія половины Германіи и появленія лже-папы.

Григорій, смущаемый страхомъ за будущее и страннымъ соблазномъ, манившимъ его за Альпы, въ самое сердце германской имперіи и церкви, въ сентябрѣ медленно пустился въ обратный путь къ своей столицѣ. Въ это время Робертъ осаждалъ церковный ленъ, Беневентъ, и разсылалъ отряды авантюристовъ по римской Кампаньѣ. Папа вернулся въ Латеранъ вечеромъ, тревожимый печальными воспоминаніями о плѣнѣ Льва IX у норманновъ и догадками о томъ, откуда подуетъ ураганъ, которому суждено сорвать съ него тіару.

Викторина не было въ папской свитѣ. Съ послѣдней остановки на Эмилиевой дорогѣ Григорій отослалъ его обратно съ депешкою къ графинѣ. Въ этомъ письмѣ онъ просилъ Матильду принять молодого человѣка, до новаго распоряженія, въ число своихъ рыцарей и поручить лучшимъ военачальникамъ его обученіе военному искусству.

Пія расплакалась въ объятіяхъ аббатиссы, которая со всѣмъ не поняла ея печали. Епископъ Ассизскій постарался ее утѣшить:

— Дочь моя, это большое счастье, что воля папы соотвѣтствуетъ нашимъ надеждамъ и заключается въ подготовленіи Викторина къ жизни рыцаря. Я имѣлъ тайное опасеніе, которое всегда скрывалъ отъ тебя: какъ бы онъ не сдѣлалъ его служителемъ церкви, пожалуй, монахомъ.

— Монахомъ!—воскликнула Пія.—Если бы онъ сталъ монахомъ, я бы захворала и умерла!

Іоакимъ улыбнулся, а наивная аббатисса возразила:

— Ну, право, Пія, ты теряешь разумъ. Пребываніе въ иноческомъ чинѣ весьма полезно для спасенія души. И чего тебѣ волноваться и горячиться изъ-за Викторина болѣе, чѣмъ изъ-за другихъ юныхъ римскихъ синьоровъ, которыхъ ежедневно столько поступаетъ въ монастыри! Еще вчера племянникъ кардинала Остіи облекся въ ризу св. Бенедикта. А

ты цѣлый день хохотала и пѣла, и играла съ возломъ, не выражая никакой печали.

Тутъ ужъ Пія, въ свою очередь, пришлось улыбнуться сквозъ слезы.

Поученія ея наставницы и доброта Іоакима привели ее, наконецъ, къ покорности и терпѣнію. Аббатисса повторала по десяти разъ въ день:

— Твой дѣдушка говоритъ и дѣйствуетъ по внушенію св. Духа. Значитъ, всѣ его рѣшенія божественны. Онъ, конечно, сообразилъ, что ради вѣщней пользы вашихъ душъ, твоей и Викториновой, необходимо разлучить мальчика шестнадцати лѣтъ съ тринадцатилѣтней дѣвочкой такъ, чтобы онъ былъ въ Тосканѣ, а ты—въ Римѣ. Семь дней пути! Благодаря Бога, Пія, и Его святого намѣстника.

На такія мудрыя разсужденія Пія не отвѣчала никогда. Она быстро поднимала головку, широко раскрывала свои кроткіе флорентійскіе глаза и пристально смотрѣла на аббатиссу съ такимъ выраженіемъ, въ которомъ преисполнились изумленіе, любопытство и дѣтская досада. Тогда добрая донна, увлекаемая своей страстью проповѣдывать, какъ только епископъ удалялся хоть на шагъ, пускалась во всякія хитрыя предположенія, подкрѣпляемая назидательными примѣрами. Въ ея разсказахъ свиданія молодыхъ кавалеровъ съ дѣвцами, обмѣнъ между ними словъ, слезъ или вздоховъ, неизмѣнно прерывались громовыми ударами, провалами замковъ или появленіемъ какого-нибудь крылатаго дракона, распространяющаго запахъ адской сѣры.

И Пія, погружившись въ мечты, терзаемая и привлекаемая какою-то тайною, шла бродить по саду или по корридорамъ Латерана. Въ этой бѣлокурой головкѣ пробуждалась мысль, укоренявшаяся въ ней все болѣе и болѣе. Разъ аббатисса, будучи особенно въ духѣ, рассказала съ необычнымъ жаромъ о молодомъ кудрявомъ синьорѣ, красота котораго смутила ее когда-то, въ святительство Григорія VI,—Пія не пропустила ни слова изъ этого наивнаго романа. Развѣ Викторинъ не былъ также знатнаго рода, красивой наружности и пріятнаго ума? Не былъ ли онъ, кромѣ того, героемъ важнаго происшествія, тогда какъ тотъ лишенъ былъ этого преимущества, потому что сдѣлался клирикомъ, съ цѣлью избѣжать военныхъ трудовъ? И разъ папа удерживаетъ вдали отъ Рима сына Ченчіо, значитъ, онъ уже не видитъ въ немъ просто друга, пріемнаго брата своей внучки. Его разлучаютъ

съ Пией не за испорченность или несимпатичность, но за самую привлекательность его особы. Этотъ изгнанникъ казался ей тѣмъ болѣе достойнымъ участія, чѣмъ опаснѣе представлялся онъ дѣдушкѣ, находящемуся подѣ руководствомъ св. Духа. Что же касается до опасности его присутствія, то дѣвочкѣ она была неясна. Вѣроятно, боялись, какъ бы онъ не похитилъ ее въ бурную ночь и не увезъ въ какой-нибудь старинный замокъ, на самую вершину Аппенинъ, или даже въ знаменитую башню своего родительскаго замка на берегу Тибра, въ башню папы Григорія. По ней пробѣгала дрожь восторга при мысли о бѣшеной скачкѣ по темнымъ улицамъ Рима или по окрестной равнинѣ при блескѣ молній. Затѣмъ, она благоразумно, какъ и подобало маленькой тоскапкѣ, соображала, что такое приключеніе очень огорчило бы папу, епископа и аббатиссу; что всѣ эти башни и рыцарскія укрѣпленія представляютъ очень плохія помѣщенія и изобилуютъ крысами и летучими мышами; и что, наконецъ, юному рыцарю трудно будетъ похитить вмѣстѣ съ нею и Фульво. Поэтому, лучше всего было бы Викторину поскорѣе вернуться изъ Флоренціи или Модены и радовать ее своимъ присутствіемъ, какъ въ доброе старое время, сидя у ногъ ея, зимою, около жаровни Іоакима, а лѣтомъ—въ тѣни чинаръ и лавровъ Латерана.

Разъ она отважилась обратиться съ вопросомъ къ дѣду. Тотъ отвѣчалъ съ полною невозмутимостью:

— Пія, судьба всѣхъ насъ есть тайна Божества. Мнѣ неизвѣстно, дитя мое, что Господь Богъ готовитъ Викторину. Онъ вернется къ намъ, когда угодно будетъ небу.

Тогда Пія оставила всякую надежду. Она перестала говорить о своемъ другѣ даже съ епископомъ. Она стала мечтать не о ночномъ похищеніи, а о далекихъ битвахъ въ снѣгахъ Германіи, о семилѣтнихъ осадахъ городовъ, оцетинившихся башнями, о быстромъ бѣгѣ христіанскихъ галеръ, гонимыхъ бурей по сарацинскимъ морямъ, о кораблекрушеніяхъ близъ утесовъ Родоса или Яффы и о вѣчномъ рабствѣ плѣнниковъ во дворцахъ языческихъ царей, среди громадныхъ пальмовыхъ садовъ.

Такъ она молча протомилась до весны.

Однажды, вышедши съ Іоакимомъ на одну изъ террасъ Латерана и поглядѣвъ на синюю полоску моря на горизонтѣ, она вдругъ положила ручку на локоть епископа и сказала:

— Не правда ли, мессиръ, что Викторинъ никогда, ни-

когда не отречется отъ своей вѣры, чтобы принять религію своего языческаго повелителя?

Старикъ, удивленный страннымъ вопросомъ, посмотрѣлъ на дитя. Въ первый разъ онъ замѣтилъ блѣдность лица, лихорадочное и томное выраженіе глазъ Піи.

— Чтò за странную фантазію внушила тебѣ твоя аббатисса, дочь моя? Какой удивительный сонъ рассказала она тебѣ?

— Это вовсе не аббатисса, бабушка, и не сонъ, а великая печаль моего сердца. Неужели никто не сжадется надъ моею тоскою, и неужели Викторинъ отнять у меня навсегда?

Иоакимъ никогда не былъ особенно искуснымъ исповѣдникомъ, но невинность его воспитанницы была такова, что черезъ нѣсколько минутъ бесѣды онъ отгадалъ то чувство, которое еще ускользало отъ собственнаго сознанія Піи.

— Это очень важно, — подумалъ онъ. — Папѣ и мнѣ слѣдовало это предвидѣть. Но, видно, такова Господня воля.

Затѣмъ онъ сказалъ вслухъ:

— Я пойду къ св. отцу. Моя бѣдная Пія, я въ одну минуту могу все спасти, или все погубить. Да поможетъ мнѣ твой ангель-хранитель!

Къ счастью, папа въ это утро былъ въ большой радости.

Иорданъ, сынъ Ричарда, князя Капуанскаго, принудилъ Роберта Гвискарда снять осаду съ Беневента и возмущалъ противъ норманновъ Апулію и Калабрию. Хитрый Робертъ и политичный Григорій, усмотрѣвъ единство своихъ интересовъ, рѣшили заключить союзъ, причемъ папа благословлялъ дѣло искателя приключеній, а Робертъ покрывалъ щитомъ своимъ римскую церковь.

Епископъ въ большомъ волненіи вошелъ въ святительскую молельню. Онъ увидѣлъ, что у владыки лицо веселое, и ободрился. Чуждый дипломатическому искусству, онъ сказалъ:

— Я припелъ умолять ваше святѣйшество о возвратѣ ученика моего Викторина, котораго вы мнѣ торжественно вручили въ послѣднемъ засѣданіи собора.

И привелъ слова Григорія:

— Отдаю тебѣ Викторина; излей на чадо сіе млеко и медь твоей любви.

— Аминь, — отвѣтилъ папа. — Но вѣдь не для себя одного, другъ мой, ты желаешь возвращенія этого юноши?

— Нѣтъ, мой синьоръ. Пія также ждетъ его, и боюсь, если изгнаніе продлится...

— Но это не изгнаніе, — съ нѣкоторымъ нетерпѣніемъ перебилъ святитель. — Черезъ нѣсколько мѣсяцевъ будетъ окончено военное воспитаніе Викторина, и вы увидите его въ Римѣ, гдѣ мнѣ понадобятся воины, преданные до мученичества. Мало ли что придумаетъ эта дѣвочка!

— Скоро она будетъ дѣвицею, — возразилъ неблагообразный епископъ Ассизскій.

Чело папы быстро омрачилось. Нѣкоторое время онъ помолчалъ, склонивъ голову на грудь и вертя рукою наперсный крестъ. Іоакимъ подумалъ, что ходатайство его отвергнуто.

— Да, дѣвицею, — вполголоса сказалъ Григорій, — и неотразимо соблазнительною для юноши изъ этого буйнаго рода римскихъ бароновъ. А я отвѣчаю за эти двѣ души передъ Богомъ.

— Ручаюсь за ихъ чистоту моимъ райскимъ блаженствомъ! — воскликнулъ добрый Іоакимъ.

— Не ставь такъ легко на карту своего спасенія, другъ мой. Я — старый монахъ, и вѣрю еще въ дьявола и его козни. Но моли Бога ниспослать тебѣ бдительность, необходимую въ близкомъ будущемъ. Я возвращу тебѣ твоего воспитанника. Пусть Пія перестанетъ страдать. Онъ вернется ко дню св. Троицы. Снова поручаю ихъ обоихъ на этотъ разъ не только твоему милосердію, но и твоей суровости.

Епископъ вернулся къ себѣ въ башню побѣднымъ шагомъ. По счастливому выраженію лица его, Пія угадала, что онъ восторжествовалъ надъ колебаніями папы, и, несмотря на присутствіе аббатиссы, прыгнула своему духовному отцу на шею.

Это было въ началѣ Святой недѣли. Іоакимъ сталъ считать, сколько дней оставалось до Троицы.

— Жалко, — сказалъ онъ, — что огненные языки не снизошли на главы апостоловъ тотчасъ послѣ Воскресенья Христа, и что Троица не приходится на Ѳомино воскресенье.

Возмущенная аббатисса перекрестилась.

— Еще болѣе жаль, — пробормотала она, — что эти языки вовсе не нисходятъ на главы нѣкоторыхъ епископовъ!

— Аминь! — заключилъ Іоакимъ, который все слышалъ.

Прихоть маркграфини задержала молодого барона на нѣсколько лишнихъ дней. Ей захотѣлось, чтобы онъ присутствовалъ на турнирахъ, устроенныхъ тосканской знатью въ Лукахъ, Пистойѣ и Пизѣ. Освободившись, Викторинъ съ величайшею поспѣшностью отправился въ Римъ. 29-го іюня, около полудня, онъ ѣхалъ, въ сопровожденіи двухъ коню-

ховъ, по укрѣпленному мосту на флорентійской дорогѣ, въ виду Воротъ Народа (Porta del Popolo). Эта часть долины Тибра, которую особенно любилъ Пуссенъ, отличается дивною красотою. Рѣка, глубоко запрятанная между песчаными берегами, описываетъ въ этомъ мѣстѣ громадную дугу, идущую отъ холмовъ „Кислыхъ водъ“ (Aqua acetosa) къ лѣсистымъ высотамъ виллы Мадонны. Густая завѣса изъ высокаго тростника и стѣна покрытыхъ зеленою утесовъ, тянущихся до виллы Бергезе, въ то время загораживали отсюда видъ Рима. На востокѣ возвышались полукругомъ Сабинскія горы, обнаженные, свѣтло-лазорева, кое-гдѣ съ сѣрыми пятнами, — пустынные горы, на которыхъ лишь немногія бѣлыя точки, группы мазанокъ, да смутный силуэтъ монастыря изобличали присутствіе человѣка.

Быль праздникъ св. Петра и Павла. Папа служилъ обѣдню въ церкви св. Павла-за-стѣнами, на противоположномъ краю города. Весь Римъ собрался на пути папскаго шествія. Ни одного пастуха не видно было на тихой фламиніевой дорогѣ. Въ тѣни башни, построенной въ началѣ моста, на правомъ берегу Тибра, спалъ пилигримъ въ изодранномъ плащѣ. И со всѣхъ концовъ пустынной равнины раздавался рѣзкій стрекотъ кузнечиковъ заодно съ мѣрнымъ скокомъ коней по плитамъ консульскаго пути, залитаго бѣлымъ свѣтомъ полуденнаго солнца.

Доѣхавъ до середины моста, Викторинъ разсмотрѣлъ на лѣво двухъ путниковъ на мулахъ, двигавшихся по противоположному берегу, а позади ихъ мальчика, ведшаго въ поводу осла: то были всадникъ въ фіолетовой одеждѣ и молодая женщина подъ бѣлымъ покрываломъ. Они, очевидно, выѣхали изъ воротъ Маджоре или св. Лаврентія и торопливо направлялись къ мосту. Викторинъ сдержалъ лошадь и вдругъ почувствовалъ, что сердце его сильно забилося. Онъ узналъ развѣвавшіеся на яркомъ солнцѣ золотые волосы Пив. Въ ту же минуту мулъ фіолетоваго всадника остановился точно вкопанный, мордою къ Тибру, и выразилъ твердое намѣреніе долго созерцать мутныя воды рѣки.

— Живъ Господь! Это — мои милые! — вскричалъ молодой человѣкъ; — только мулъ Іоакима принялъ, кажется, Тибръ за Иорданъ. Впередъ!

Онъ приказалъ своимъ конскхамъ ѣхать въ Латеранъ, не заботясь о своемъ господинѣ, а самъ поскакалъ по направленію къ всадникамъ.

Пія все ѣхала, забывши о бѣдномъ епископѣ, и молодые люди встрѣтились у опушки тростниковой поросли. Викторинъ весело спрыгнулъ на землю и поцѣловалъ правую руку Пія. Потомъ они съ робкою нѣжностью поглядѣли другъ на друга, какъ бы удивляясь свиданію, и почти конфузясь, что очутились наединѣ и такъ близко другъ отъ друга.

Полтора года разлуки очень измѣнили дѣтей. Викторинъ, маленькій Гракхъ рождественской ночи, облекся въ одежды мужа. Прелестный пажъ превратился въ молодого патриція, полного довѣрія къ своему незапятнаному мечу. Событія въ Каноссѣ наложили на него тѣнь грусти, которая удачно умѣрила надменность чела и повелительное выраженіе римскаго рта. Очень нѣжный пушокъ пробивался на щекахъ, золотистыхъ отъ воздуха и солнца.

Пія приближалась къ отрочеству. Она была въ томъ неопредѣленномъ возрастѣ, когда красота дѣвушки едва просвѣчиваетъ сѣвось угловатыя очертанія дѣтскаго тѣла, подобная почѣ, которая начнетъ медленно развертываться подъ лучами грядущей зари. Шаловливая дѣвочка, прервавшая звонкимъ смѣхомъ рѣчь кардинала-канцлера церкви, обязана была наивнымъ тревогамъ своего сердца дѣвственною серьезностью слегка поблѣднѣвшаго лица и томностью большихъ черныхъ глазъ, въ которыхъ выражалось менѣе беззаботнаго веселья, чѣмъ встарину. Двѣ крупныхъ слезы блестяли на длинныхъ рѣсницахъ, но ротъ уже раскрывался, улыбаясь возобновенію счастья.

— Милый Викторинъ!— сказала она тихо, точно во снѣ; потомъ замолчала и поглядѣла на юнаго синьора.

Черезъ минуту безмолвнаго созерцанія Викторинъ попытался прервать неловкое молчаніе и началъ разговоръ.

— А Фульво?— сказалъ онъ. — Нѣтъ, я хочу сказать: наша почтенная аббатисса?..

— Ахъ! Фульво!— отвѣтила Пія.— Онъ у себя на дачѣ, въ старомъ дѣдушкиномъ саду. А наша добрая донна побѣжала съ псалтыремъ къ св. Павлу слушать, какъ папа будетъ служить обѣдню св. Апостоламъ. Они оба здоровы, и дѣдушка тоже.

Она первая возвращалась къ непринужденности былыхъ временъ. Она откинула назадъ свое прозрачное шелковое покрывало и склонилась къ самому лицу Викторина.

— Если бы вы знали, какъ я огорчалась вашимъ отсутствіемъ! Но со Святой недѣли я счастлива. Вотъ ужъ три дня,

какъ мы съ синьоромъ епископомъ являемся сюда по утрамъ и поджидаемъ васъ у Тибра. Осель везетъ за нами съѣстное. Мы завтракаемъ подъ деревьями. Сегодня мы втроемъ попируемъ лучше Апостоловъ.

— Не пойти ли помочь Іоакиму?—сказалъ молодой баронъ. Я вижу, сколько ни дергаетъ благочестиваго мула за узду маленькій погонщикъ осла, тотъ все не трогается съ мѣста.

Епископъ, нетерпѣливо желая обнять своего воспитанника, уже слѣзая на землю, и это побудило благочестиваго мула медленно двинуться къ Тибру, пощипывая по пути одобренную тминомъ травку.

— Бѣдное мое дитя!—крикнулъ издали Іоакимъ. — Какъ ты запоздалъ! Благословляю Бога за твое возвращеніе.

Онъ сжалъ его въ объятіяхъ и заплакалъ.

— Какой прекрасный рыцарь, Пія, дочь моя! Но, вѣдь, и она, Викторинъ, подросла, дожидаясь тебя. Маленькая, бѣлокурая и черноглазая Мадонна. Слѣзь съ мула, Пія, чтобы ему видно было, какъ ты мила. Викторинъ, помоги Піи сойти.

Коснувшись ножкою руки молодого человѣка, она спрыгнула на землю съ проворствомъ ласточки. Волосы, разлетѣвшись вдругъ по вѣтру, закрыли душистою волною лицо ея рыцаря.

— Теперь за столъ!—сказалъ епископъ. — Я заранѣе читаю молитву.

Нагруженный припасами осель, воспользовавшись церемоніями палскаго мула, ушелъ въ тростники, по своимъ дѣламъ, съ самымъ нахальнымъ видомъ. Пришлось подождать, пока его вернули. Наконецъ, въ тѣни бука разостлали льняную скатерть, расшитую красными замысловатыми цвѣтами, и трое друзей усѣлись пировать. Была холодная баранина, миндальный пирогъ, восточное сухое варенье и бутылка орвіетскаго вина, цвѣта топаза; но не хватало стакана. У епископа была хрустальная чаша, а у Піи—ея маленькій серебрянный стаканчикъ.

— Мы будемъ пить вмѣстѣ,—сказала она Викторину.

Когда она первая отвѣдала золотого вина, онъ взялъ рѣзной стаканчикъ и осушилъ его, причемъ рука его слегка задрожала. Вдали, на лугу, пьяные отъ солнца кузнечики пѣли свою пронзительную пѣсню. На другомъ берегу рѣки, какъ разъ противъ пирующихъ, подъ разрушенной башней, глядящей на „Кислыя воды“ съ вершины своего утеса, вели-

чественно расположился на отдыхъ въ уединеніи черный быкъ съ рогами серповидной формы, похожій на египетское божество. Смутный гулъ, доносимый южнымъ вѣтромъ—звонъ всѣхъ римскихъ колоколовъ къ папскому молебну въ церкви св. Павла—достигалъ тростниковъ Тибра, а рѣка отвѣчала шумомъ своего быстрого теченія, отдававшагося точно вздохъ среди ивъ.

Часы счастья летѣли быстро. Викторинъ долженъ былъ рассказать, какъ онъ жилъ съ самаго отъѣзда, т.-е. съ Рождества 1076 года. Когда онъ дошелъ до событій въ Каноссѣ, Іоакимъ подмигнулъ Пии, и она прервала повѣствованіе.

— Нѣтъ, Викторинъ, не говорите объ этомъ печальномъ замѣѣ, гдѣ снѣгъ падалъ на плечи несчастнаго императора и гдѣ было такъ мрачно и холодно. Поговоримъ лучше о Соанѣ и о славныхъ рыцарскихъ дѣлахъ при дворѣ графини.

Она засыпала его вопросами о жителяхъ Соанѣ, о родной хижинѣ ея дѣда, о синьорѣ города и его дворцѣ, о слѣпомъ старикѣ, который пѣлъ „жалобы“ у дверей церкви, о статуѣ св. Петра, стоявшей посрединѣ моста Флоры и лишившейся, благодаря пращамъ какихъ-то провазниковъ, половины бороды, носа и ключей рая. Затѣмъ, указывая на лошадь юноши, она сказала:

— Не это ли вашъ боевой конь? Какъ жаль, что дѣдушка не любитъ турнировъ и рыцарскихъ игръ и выводитъ свое войско только во время процессій!

Подъ вечеръ, когда спала дневная жара, Іоакимъ предложилъ шажкомъ пробхать домой, вдоль укрѣпленій и черезъ ворота Маджоре. Но сначала пришлось найти юнаго ослятника, искавшаго гнѣзда въ кустарникахъ, близъ Тибра. Короткія римскія сумерки застигли путниковъ близъ св. Лаврентія. Была уже темная ночь, когда они вступили на площадь Латерана. Папа, съ своей стороны, задержался у монаховъ св. Павла, за которыми наблюдалъ особенно тщательно. Онъ пожелалъ самъ просмотрѣть приходорасходныя записи аббатства и исповѣдать нѣсколькихъ послушниковъ. Онъ взбирался по откосу Целія, между Колизеемъ и св. Іоанномъ, при свѣтѣ факеловъ. Облеченные въ пурпуръ кардиналы на бѣлыхъ мулахъ сопровождали носилки Григорія. Народъ зажегъ въ честь апостоловъ потѣшныя огни на аренѣ амфитеатра, пылающія аркады котораго составили фонъ картины.

Маленькая кавалькада остановилась полюбоваться этимъ величавымъ зрѣлищемъ и вслѣдъ за святителемъ проникла

въ замокъ, главный подъемный мостъ котораго въ этотъ часъ бывалъ поднять. Но Іоакимъ старался держаться назади и не выступать изъ тѣни.

— Если бы святой отецъ замѣтилъ насъ троихъ на воздухѣ, — сказалъ онъ, — въ свѣжія римскія ночи, онъ встревожился бы за меня и за Пію. Ибо теперь пора лихорадокъ.

На другой день Викторинъ преклонилъ колѣни у ногъ Григорія.

— Вотъ теперь, сынъ мой, — сказалъ папа, — ты воистину сталъ воиномъ церкви. Близокъ часъ, когда твоя рука поднимется на защиту чести и правъ св. престола. Я назначаю тебя на отвѣтственный постъ. Ты будешь помощникомъ коменданта моей доброй крѣпости, замка св. Ангела.

Викторинъ преклонился, какъ бы благодаря папу, но не сомнѣваясь, что для него начнется новое изгнаніе — въ государственной тюрьмѣ.

Къ величайшему его изумленію, Григорій продолжалъ:

— Но я не хочу отторгать тебя отъ твоей прежней жизни, полной радости. Въ воскресенье, въ моемъ Латеранскомъ соборѣ, ты исполнишь долгъ христіанина. Три раза въ недѣлю, въ теченіе трехъ часовъ, ты опять будешь изучать св. Писаніе съ мессиромъ Іоакимомъ. Мадонна Пія будетъ присутствовать, если пожелаетъ, при вашихъ бесѣдахъ. Помѣщеніе для тебя готово въ замкѣ св. Ангела. Ты займешь его сегодня же вечеромъ. Каждое воскресенье ты будешь начальствовать надъ моею стражею одесную главнаго алтара, въ соборѣ св. Іоанна Латеранскаго.

Молодой военачальникъ уже уходилъ, когда папа спросилъ:

— Викторинъ, ты ничего не знаешь объ отцѣ?

— Никакихъ извѣстій, мой синьоръ.

— Мнѣ доносятъ, что онъ очень близокъ къ Герберту, патриарху Равеннскому, и что съ нимъ его проклятый священникъ-колдунъ. Они перешли отъ нечестиваго императора къ надменному епископу, замышляющему изгнать меня съ престола св. Петра. Да отвратятъ когда-нибудь твоя вѣрность и мудрость, сынъ мой, Божій гнѣвъ отъ главы Ченчіо!

Повинуясь волѣ святителя, пришлось отказаться отъ долгихъ послѣобѣденныхъ катаній по римской Кампаньѣ. Іоакимъ избралъ мѣстомъ для уроковъ до конца лѣта дворцовыя сады. Нога Григорія никогда не бывала въ этихъ обширныхъ паркахъ, свидѣтеляхъ необычайныхъ вакханалій при тускулум-

скихъ папахъ. Никогда не попадался тамъ влобувъ монаха. Сама аббатисса пускалась туда не безъ трепета. Она боялась ехиднъ и скорпионовъ, красныхъ муравьевъ и осъ, хриплыхъ криковъ филиновъ, а болѣе всего—мрака таинственныхъ чащъ подъ яркимъ лѣтнимъ небомъ.

— Здѣсь мы—сами себѣ господа,—говорилъ епископъ,—и намъ будетъ весело, какъ прародителямъ въ земномъ раю.

Эти сады начинались отъ дворцовыхъ окоповъ и спускались почти до Латинскихъ, теперь замурованныхъ, воротъ, по очень крутому склону, отдѣляясь отъ Кампаньи старыми крѣпостными стѣнами, а отъ города—рядомъ монастырей, какъ „Четырехъ Святыхъ“, Іоанна Круглаго и Камалдульскимъ. Уже болѣе тридцати лѣтъ въ нихъ хозяйничала одна природа. Деревья, кустарники, тернія и цвѣты перемѣшивались и росли въ причудливомъ беспорядкѣ. Всякія робкія животныя, зайцы, бѣлки, куропатки, жили здѣсь въ полной безопасности. Каждую весну налетали тучи ласточекъ, старыя гнѣзда которыхъ лѣпились подъ сводами крѣпостныхъ стѣнъ въ тѣни громадныхъ листьевъ плюща. Не было той темной дыры въ кирпичныхъ стѣнахъ, гдѣ не ютилось бы семейства совъ; не было разбитаго громомъ ствола, который не служилъ бы убѣжищемъ пчеламъ. Жаворонокъ пѣлъ здѣсь на зарѣ, реполовъ, малиновка и яблицъ—цѣлый день, а соловей—всю ночь напролетъ. Осенью чирки и дикія утки рѣзвились въ лужѣ, когда-то бывшей изящнымъ маленькимъ озеромъ, а зимою, когда снѣгъ покрывалъ землю, по нему расхаживали черныя процессіи воронъ, въ жуткую пору сумерекъ.

Множество легендъ дѣлало эти сады страшными и, вмѣстѣ, священными. Ихъ рассказывали другъ другу шопотомъ юные монахи, не безъ удовольствія ощущая въ спинѣ холодную дрожь. Ночью тамъ было, безъ сомнѣнія, ужасно, а днемъ не безопасно. Величественныя преданія феодальнаго папства воскресали тамъ въ видѣніяхъ, при одной мысли о которыхъ кровь стыла въ жилахъ. Тамъ, въ седмицу усопшихъ, всѣ проклятыя папы являлись передъ лицо собора кардиналовъ и епископовъ, задушенныхъ ими, или уморенныхъ съ голоду въ подземельяхъ замка св. Ангела. Папы эти обвинялись своими жертвами, судились и приговаривались каждый годъ къ все болѣе жестокимъ казнямъ. Высокая задрапированная чернымъ фигура, лица которой не видалъ никто, предсѣдательствовала въ этомъ собраніи призраковъ. Каждый изъ нихъ имѣлъ на себѣ свидѣтельство своей смерти:

у однихъ въ горлѣ или въ сердцѣ торчали ножи; другіе были изуродованы и не имѣли образа человѣческаго; третьи, страшные и зеленые, съ мутными и неподвижными глазами и волосами, покрыты были тиною Тибра. Всѣ они сидѣли полукругомъ, неподвижно, въ бѣлыхъ клобукахъ и фіолетовыхъ мантияхъ. Папу же въ траурѣ, возсѣдавшего на тронѣ, никто не умѣлъ назвать съ достовѣрностью. Былъ ли это св. Петръ, св. Григорій Великій или Формоза? Монашки-астрологи или алхимики склонялись въ пользу папы Герберта; а аскеты думали, не смѣя высказаться вслухъ, что въ эти мрачныя ночи самъ Господь Иисусъ Христосъ вызываетъ предъ Лице Свое своихъ грѣшныхъ намѣстниковъ.

Но и еще болѣе страшныя вещи происходили въ Латеранскихъ садахъ. Въ лѣтнія ночи показывались видѣнія, еще болѣе опасныя для душъ; при разсказахъ о нихъ юные клирики широко раскрывали глаза, а потомъ уходили въ свои кельи и погружались въ скорбныя мечты. Подъ душистыми сводами олеандровъ и липъ, среди миртъ, жасминовъ и лилій, при голубоватомъ сіяніи звѣздъ, великія куртизанки владѣвшія въ X вѣкѣ печатами церкви и одѣвавшія въ папскій пурпуръ своихъ любимцевъ, Теодора и ея двѣ дочери, Теодора младшая и Мароція, располагались со своимъ дворомъ и въ нѣмыхъ оргіяхъ возобновляли сатанинскіе пиры своего царствования. Тогда сады погружались въ мертвое молчаніе; теплыя дуновенія сволюзили между цвѣтущихъ вѣтвей; розы, неподвижныя на своихъ стебляхъ, вдругъ осыпались, точно подъ порывомъ бури, и ихъ упоительное благоуханіе доносилось до башенъ Латерапа, гдѣ навѣвало на монаховъ грѣшныя сновидѣнія. Если между деревьевъ проникалъ лучъ луны, то онъ освѣщаль бѣлыя груди, гордыя блѣдныя лица съ горящими глазами, и шестнадцатилѣтнихъ кардиналовъ, изнемогающихъ отъ наслажденія на ложахъ изъ фіаловъ. И никогда соловей не пѣвалъ болѣе чарующимъ голосомъ свою вѣчную пѣснь пѣсней.

Іоакимъ наполовину вѣрилъ этому провлятому откровенію прошедшаго церкви въ святительскомъ паркѣ, но скрывалъ его отъ Піи; да и сверхъ того, онъ думалъ, что козни дьявола теряютъ свою силу надъ чистыми душами. Для молодыхъ же людей папскій садъ былъ настоящимъ Эдемомъ, тихимъ пріютомъ ихъ игръ, дѣвственнымъ лѣсомъ, по которому они ходили свободно, вдали отъ всякихъ строгихъ взглядовъ.

Іоакимъ не питалъ страсти къ богословію. Усѣвшись съ Викториною въ тѣни дворцовыхъ стѣнъ и растолковавъ ему страницы двѣ изъ Евангелія или отцовъ, онъ закрывалъ книгу, глядѣлъ на море зелени и говорилъ:

— Вонъ я вижу въ випарисовой аллеѣ Пію въ бѣломъ платьѣ и съ возленкомъ. Пойдемъ къ ней навстрѣчу, другъ мой.

Шли бродить среди густыхъ кустовъ, по дубовымъ и самшитовымъ рошицамъ, разросшимся тамъ и сямъ по волѣ солнца и вѣтра. Прогулка начиналась солидно. Викторинъ при епископѣ ощущалъ еще ту робость, которую испыталъ въ день свиданія на берегу Тибра. Онъ звалъ Пію „мадонной“, а та, съ легкою насмѣшкою, отвѣчала ему: „мессиръ“. Рыцарь говорилъ о замкѣ св. Ангела, о капитанѣ Аннибали, губернаторѣ вѣрности, о сырыхъ подземельяхъ, гдѣ томилось нѣсколько нераскаянныхъ еретиковъ. Пія какъ будто не слушала, отбѣгая то вправо, то влѣво, разыскивая въ травѣ землянику или четырехлиственный трилистникъ. Такъ потихоньку приближались къ гнѣзду ласточки или къ пріюту одного изъ тѣхъ маленькихъ филиновъ съ янтарно-желтыми глазами, которыхъ римскіе охотники употребляютъ для привлеченія жаворонковъ. Іоакимъ останавливался, поднимая голову и улыбаясь, точно при встрѣчѣ съ друзьями послѣ долгой разлуки. Въ эту минуту Фульво, повинувшись знаку своей госпожи, бросался въ чащу и съ трескомъ убѣгалъ. Пія бѣжала вслѣдъ за нимъ. Викторинъ глядѣлъ на епископа, какъ бы прося:

— Пустите меня.

— Ступай, — отвѣчалъ Іоакимъ, — но возвращайся скорѣе. Осталось всего два часа. А я побуду здѣсь, съ птицами, потому что моимъ старымъ ногамъ не угоняться за вашимъ возломъ. Будь увѣренъ, что найдешь меня тутъ.

Они всегда заставали его на томъ же мѣстѣ. Онъ терпѣливо ждалъ, читая свой требникъ. Но они убѣгали не очень далеко, такъ какъ возликъ, великолѣпно обученный, точно волшебницей, вскорѣ возвращался и клалъ свою красивую рыжеватую голову на рукавъ Викторина. Тогда они пускались наудачу, позвавъ съ собою дрозда, который жилъ въ купѣ тополей и очень скоро сталъ ручнымъ; онъ слѣдовалъ за ними, со свистомъ перепрыгивая съ вѣтки на вѣтку. Они забирались въ почти непроходимыя чащи, населенныя бѣлками, причѣмъ Викторинъ велъ Пію за руку. Иногда ея волосы цѣплялись за кусты шиповника, оббитые павиликой.

— Вотъ я и въ плѣну, — говорила она, — какъ принцессы

сказокъ аббатиссы, заколдованныя въ лѣсахъ, и жду, чтобы старшій волшебникъ пришелъ меня освободить. Или молодой, если угодно Богу.

И волшебникъ, не спѣша, освобождалъ маленькую бѣлую царичу отъ колючаго вуста. Отъ приключенія оставались на лицѣ ея улыбка, а въ волосахъ—лазоревые колокольчики.

Особенно имъ нравились лужайки, усыянные красными цвѣтами и бѣлыми маргаритками, надъ которыми летали и жужжали пчелы. Они усаживались въ густой травѣ и прислушивались къ воздушной музыкѣ роя. Латеранскіе зайцы, среди которыхъ давно исчезли даже преданія объ охотничьихъ собакахъ, весело рѣзвились вокругъ этихъ безобидныхъ посятителей, искоса слѣдя за каждымъ ихъ движеніемъ. Самые старше и осторожныя еще дѣлали обходы, благоразумно избѣгая слишкомъ близкаго сосѣдства; маленькіе же, болѣе доверчивые, отваживались доходить до самыхъ рукъ Піи, навостривъ уши, вытянувъ мордочку и готовые бѣжать при первой тревогѣ. Мало-по-малу слетались стаи пташекъ, которыхъ ручной дроздъ точно сзывалъ отовсюду своимъ свистомъ, располагались на вустахъ, привѣтствовали своихъ юныхъ гостей милымъ чириваньемъ, а если ихъ не распугивалъ Фувльво, начинали быстро кружиться надъ ихъ головами. Особенно непринужденностью вскорѣ стало отличаться племя реполововъ: они собирались на ближайшемъ деревѣ, хлопотливо порхали, хлопали крыльями, пѣли каждый самъ по себѣ и толкали другъ друга. Зорко глядя на молодую дѣвуху, они ждали обычнаго угощенія; она показывала имъ пригоршню коноплянаго сѣмени или пшена, и цѣлый вихрь перьевъ быстрѣ стрѣлы налеталъ на бѣлую ручку.

Иоакимъ такъ объяснялъ это отсутствіе въ нихъ дикости:

— Они распѣвали на зарѣ на мшистой кровлѣ Эвандра, царя Лаціума, чтобы развлечь его. Вѣдь, птицы, о которыхъ говоритъ Виргилій, были несомнѣнно реполовы. Пѣніе ихъ незатѣйливо, но сердце у нихъ превосходное.

Иногда гуляющая парочка взбиралась по полуобвалившейся аркѣ на гребень римской вѣрстой стѣны. Залитая яркимъ сіяніемъ равнина точно дремала передъ ними, а синія горы вдали торжественно стерегли ея покой. Викторинъ и Пія отыскивали взглядомъ мѣста своихъ дѣтскихъ прогулокъ, зеленныя чинары Латинской дороги и древнія могилы пути Аппія. Они припоминали тысячу милыхъ мелочей,

много говорили о прошедшемъ и очень рѣдко—о будущемъ. Только когда они повѣряли другъ другу свои смутныя надежды или желанія, то всегда казалось, что судьбы ихъ должны быть нераздѣльны на всю жизнь, до самой смерти. Мысль о разлукѣ безъ увѣренности въ свиданіи, ни разу не приходила имъ въ голову. Викторинъ не смѣлъ, а Пія еще не умѣла высказать яснѣе ту тайну, которую оба носили въ сердцѣ. Въ одинъ осенній день, съ этой головокружительной высоты, гдѣ уединеніе ихъ было еще полнѣе, чѣмъ въ дивихъ уголкахъ парка, они замѣтили у самой подошвы крѣпостной стѣны, въ одной изъ ея извилинъ, столь многочисленныхъ между воротами св. Іоанна и св. Севастьяна, страннаго вида толпу, разбиравшую лагерь. Тутъ были мужчины почти совсѣмъ чернолицые, съ вьющимися волосами, свирѣпымъ хохотомъ и медленными тѣлодвиженіями; старухи поистинѣ отвратительныя; дѣвушка съ бронзовой кожей и пурпурнымъ шелковымъ тюрбаномъ, украшеннымъ золотыми монетами, на головѣ; голыя дѣти, валявшіяся по пыльной дорогѣ; большая рыжая собака, утѣнувшая морду между ногъ, вокругъ которой бродила черная, какъ уголь, кошка, необычайной худобы; наконецъ, какая-то странная кухня, какъ будто предназначенная для алхиміи, выдѣлки фальшивой монеты или колдовства.

— Колдуны!—вскричала Пія съ испугомъ.

— Люди изъ Египта,—сказалъ Викторинъ.—Они приходятъ изъ глубины Азіи, изъ-за Іерусалима, черезъ Сицилію, гдѣ имъ даютъ пріютъ язычники-арабы. Они знаютъ великія тайны, насылаютъ порчу на своихъ враговъ и читаютъ будущее по линіямъ руки.

— Но, можетъ быть, грѣшно спрашивать ихъ, другъ мой?

Надъ этимъ богословскимъ затрудненіемъ юноша на минуту задумался.

— Монсиньоръ Іоакимъ одинъ можетъ просвѣтить насъ. Вы желаете посовѣтоваться съ этими египтянами, Пія?

— Пожалуй,—отвѣтила она.

Епископъ, призванный тотчасъ на совѣтъ, сначала какъ будто смутился.

— И да, и нѣтъ,—отвѣтилъ онъ.—Во всякомъ случаѣ. по моему, это небольшое прегрѣшеніе. Другіе, пожалуй, побоялись бы, а я не считаю этихъ людей очень опасными или близкими къ діаволу. Они слишкомъ бѣдны и оборваны для

слугъ сатаны. Я когда-то знавалъ многихъ изъ нихъ у себя въ епархіи. Я посылалъ имъ хлѣба и вина, топлива зимою, и запрещалъ ассизскимъ дѣтямъ пускать въ нихъ камнями со стѣнъ. Тебѣ въ самомъ дѣлѣ хочется у нихъ побывать, Пія?

Она не рѣшалась отвѣтить, но молчаніе ея было краснорѣчиво.

— Что жъ! Завтра, въ воскресный день, пойдемъ погулять вдоль крѣпостной стѣны.

На другой день, послѣ вечерни, они вышли изъ воротъ св. Іоанна. Въ этотъ день римляне толпами шли за городъ праздновать сборъ винограда. Но у стѣнъ было совершенно безлюдно. Черезъ четверть часа трое друзей уже подходили къ цыганскому табору.

Рыжая собака залаяла; черная кошка приняла оборонительную позу, выгнувши спину дугою; мужчины стали бросать недовѣрчивые взгляды на вновь прибывшихъ; старухи страшно загримасничали, приглашая ихъ подойти; молодая дѣвушка въ увѣшанной сарацинскими піастрами головной повязкѣ остановила взоръ на Піи, затѣмъ на Викторинѣ, и улыбнулась. Іоакимъ спокойно приблизился къ волдунѣ, открывъ и протянувъ правую руку и тѣмъ выражая желаніе услышать отъ нея пророчество. Самая старая изъ цыганокъ, вся въ лохмотьяхъ, прежде чѣмъ взять его руку, сказала:

— Сначала монетку, синьоръ епископъ. Для добраго начала.

Іоакимъ сталъ отчаянно шарить въ карманахъ и нашель только копейку красной мѣди. Наканунѣ къ нему приходили бѣдные. Викторинъ сунулъ ему серебряный полудувать.

— Ладно, — пробормотала старуха, почуявъ монету. — Счастливая рука. Аметистъ великолѣпенъ и чудесно пришелся бы на лобъ моей внучкѣ.

Іоакимъ почувствовалъ, что она потихоньку стаскиваетъ съ него епископскій перстень. Онъ сжалъ руку и нахмурился. Старуха пожала плечами и поспѣшила исполнить свою обязанность.

— Главная линія пряма, очень глубока, а другія не въ состояніи измѣнить ее. Сегодня — фіолетовая мантия, а въ концѣ — красная. Ты умрешь кардиналомъ.

— Да помилуетъ меня Господь, — отвѣтилъ епископъ.

— Теперь моя очередь, — сказалъ Викторинъ, давая ма-

ленькую золотую монету. Но молодая египтянка, вдругъ оттолкнувъ вѣдму, сказала высокомернымъ тономъ:

— Эту руку — мнѣ!

Это была красавица съ адскими глазами и обнаженными плечами и грудью, поразительными по совершенству очертаний. Викторинъ покраснѣлъ, подавая ей руку. Пія перекрестилась подъ покрываломъ и раскаялась въ своемъ любопытствѣ.

Ворожея съ тревожнымъ вниманіемъ разсматривала руку. Она, очевидно, съ большимъ трудомъ разбирала судьбу молодого человѣка.

— Сраженія, воинскіе клики, — бормотала она, — и постоянно разрушаемыя радости, обманутыя надежды. Это въ прошедшемъ. Потомъ, хаосъ людей и вещей, ручьи крови льются вокругъ тебя, всѣ страшныя дѣла, которыя совершаеете вы, закованные въ сталь, синьоры; а въ концѣ все такъ спутано, что я ничего и не пойму.

Внезапно она схватила трепещущую ручью Піи и сблизила ее съ рукою Викторина.

— Теперь, — воскликнула она, — я понимаю. Обѣ онѣ составляютъ одно.

— Говори яснѣе, — сказалъ Викторинъ.

— Черты руки твоей, неясныя и смутныя, объясняются и дополняются этою дѣтскою ручкою. Ваши руки созданы другъ для друга и останутся соединенными. Но прежде вамъ предстоитъ море слезъ и ужасные дни и ночи. А наконецъ смерть дастъ вамъ жизнь.

— Говори яснѣе, — опять сказалъ юноша, почти съ мольбою.

— Мнѣ болѣе нечего открыть тебѣ.

И вдругъ, ставъ совершенно равнодушною, она небрежно отошла по направленію къ дьявольской кошкѣ, которая приблизилась къ ней, вся оцетинившись, поднявъ хвостъ и громко мурлыча. Затѣмъ, поднявъ пеструю накидку, она набросила ее на плечи не ради скромности, а отъ того, что въ тѣни стѣнъ становилось сыро.

Посѣтители задумчиво вернулись къ воротамъ св. Іоанна. Іоакимъ первый прервалъ молчаніе.

— Не знаю, такъ ли вѣрно эти колдуньи читаютъ будущее, какъ языческія сивиллы и пророчицы св. Писанія. Да хранитъ Господь Свою Церковь, дѣти мои! Чтобы мнѣ получить отъ папы красную шапку, надо, чтобы три четверти

священной коллегіи сначала погибли отъ меча или предали вѣру Христову.

Еще цѣлый годъ, и до первыхъ дней 1080 г., продолжилось это тихое счастье Викторина и Пія. Молодая дѣвушка расцвѣтала съ каждымъ утромъ все прекраснѣе, плѣнительнѣе. Григорій VII, не смотря на свою суровость и монашеское предубѣжденіе противъ красоты, любовался этой дѣвочкой, прелесть которой увеличивалась царственной гордостью. Онъ понималъ, какъ многимъ душа его внучки обязана кроткимъ добродѣтелямъ Іоакима и сердечному благородству Викторина. Онъ не удивлялся той трогательной смѣси вѣжности и великодушной гордости, которую замѣчалъ въ ней. Тяжкіе дни, наступленіе которыхъ онъ предвидѣлъ, не должны были застать ее робкою или трепещущею за свою жизнь. И онъ, сорокъ лѣтъ боровшійся противъ своего вѣка, въ ожиданіи ужаснѣйшихъ бѣдствій утѣшался тѣмъ, что послѣдняя представительница его рода окажется достойною его и готовою, если нужно, на самоотреченіе и жертву.

— Пія, — сказалъ онъ ей однажды, — я хотѣлъ бы дать тебѣ, на земляхъ Италіи, хорошей ленъ, для котораго ты сама выберешь синьора. Но я не увѣренъ, что у меня уцѣлѣетъ въ близкомъ будущемъ хоть одинъ камень, чтобы преклонить мою старую голову.

Въ послѣднее лѣто, проведенное въ Латеранскомъ раю, Пія вдругъ стала сосредоточеннѣе въ мысляхъ, медлительнѣе въ походкѣ. Она и Викторинъ ужъ не такъ часто забирались въ чащу колючекъ, перевитыхъ лианами въ цвѣту. Они уже не бѣгали съ прежнею рѣзвостью вслѣдъ за Фульво; удивленный козленокъ привыкъ ходить за ними слѣдомъ, принаравливаясь къ ихъ замедленнымъ шагамъ. Напрасно свистѣлъ ручной дроздъ, съ насмѣшливымъ нетерпѣніемъ зазывая ихъ въ мрачную глубину парка. Викторинъ говорилъ съ дѣвучкой гораздо почтительнѣе; Пія отвѣчала иногда очень тихо, какъ бы не желая быть услышанной, или молчала, устремивъ влажный взоръ точно на какое-то блаженное видѣніе, или останавливала на лицѣ своего друга такой взглядъ, который потомъ не забывался имъ даже во снѣ. Сидя на своемъ возвышенномъ обсерваціонномъ пунктѣ, на стѣнахъ Рима, они подолгу молчали. Потомъ, видъ этой равнины, гдѣ спятъ, точно въ гробу, величайшія историческія воспоминанія всего міра, постепенно внушала имъ обоимъ одно и то же чувство, и ихъ юное воображеніе однимъ взмахомъ крыла уносило въ даль геройской старины.

Тогда начинались бесѣды. Викторинъ привезъ изъ Тосканы военныя легенды Франціи, которыя, какъ звукъ трубы, разносились тогда по всему христіанству. Онъ говорилъ о Великомъ Карлѣ, священномъ императорѣ, о его двѣнадцати сподвижникахъ, о его племянникѣ Роландѣ, о рыцарскихъ походахъ императора въ Италію и Испанію, о страшныхъ битвахъ подъ стѣнами языческихъ городовъ, которыхъ куполы блестяли точно солнце, о слѣдованіи императора по улицамъ Рима и о томъ, какъ непобѣдимый Цезарь простерся во прахъ передъ могилою Апостоловъ. Особенно же онъ любилъ рассказывать о вечерѣ въ Ронсевальской долигѣ, объ отчаянномъ призывѣ Роландова рога, о благословеніи архіепископа, низопедшемъ на мертвыхъ и умиравшихъ, объ утесахъ, разошквшихся отъ удара меча паладина, и о смерти Роланда съ лицомъ, обращеннымъ къ Франціи.

Пія, вся сіяя, слушала эти славныя преданія. Однажды, послѣ какого-то эпического повѣствованія, она взяла молодого человѣка за руку и сказала:

— А теперь, Викторинъ, расскажите мнѣ еще о битвѣ въ день Рождества Христова, въ замкѣ вашего отца, и какъ вы вошли одинъ, не имѣя ни меча, ни волшебнаго рога, въ келью синьора нашего, папы, чтобы защищать его противъ всѣхъ.

Такимъ образомъ, живя въ мірѣ геройскихъ подвиговъ, она перенесла туда и самую личность Викторина. Она уже не боялась трагическаго вѣка, въ который Богъ судилъ ей жить. Она знала, что сынъ Ченчіо среди своихъ современниковъ будетъ далеко не послѣднимъ, и восхищеніе, съ которымъ она относилась къ нему заранѣе, ступевывало въ ея умѣ тяжесть ударовъ судьбы. Молодая колдунья, безъ сомнѣнія, вѣрно предрекла будущее и Пія съ радостью соглашалась на превратности жизни, всѣ восторги и страданія которой ей предстояло дѣлить съ тѣмъ, кого она еще звала своимъ старшимъ братомъ.

Бѣдная аббатисса была совершенно сбита съ толку этою юною душою, ускользавшею отъ ея вліянія. Она утратила способность пробуждать любознательность Пии. Напрасно выкапывала старая монахиня изъ своей памяти самыя назидательныя рассказы, какъ, напримѣръ, чудо семи уснувшихъ юношей въ Эфесѣ, которыхъ двухсотлѣтній сонъ въ неприступной пещерѣ избавилъ отъ преслѣдованій языческихъ императоровъ. Пія дѣлала презрительную гримаску и, придвигаясь къ Іоакиму, говорила:

— Мнѣ лучше нравится чудо папы Льва, остановившаго Аттилу подъ стѣнами Рима. Если бы у дѣдушки Григорія всѣ рыцари были спящими эфесскими юношами, то ему только и оставалось бы, что сегодня же отослать императору Генриху ключи своего города.

Епископъ, въ свою очередь, удивился, но и обрадовался, когда, въ февралѣ 1080 года, Викторину было поручено папою сопровожденіе кардинала канцлера, посланнаго въ Салерно для переговоровъ съ Робертомъ Гвискардомъ, и Пія безъ печали приняла извѣстіе о его отъѣздѣ. Бесѣды между нормандскимъ авантюристомъ и папскимъ дипломатомъ вышли очень продолжительными. Герцогъ лишь въ іюнѣ присягнулъ св. престолу въ вѣрности. Григорій VII лично прибылъ въ Цепрано, на Лирисѣ, чтобы принять клятву своего вассала, которому уступалъ Салерно, Амальфи и часть Фермской Мархи, и котораго признавалъ княземъ Апуліи, Калабріи и Сициліи. По окончаніи этой церемоніи Викторину пришлось еще полгода пробыть въ рядахъ норманскаго войска. Пія терпѣливо переносила разлуку.

— Это ради чести его рода папа готовитъ его такимъ образомъ къ опасностямъ, грозящимъ Риму,—говорила она Иоавиму.

Дѣйствительно, горизонтъ вдругъ омрачился. Папа, уступая чувству ненависти къ Генриху и рассчитывая на поддержку Саксоніи, возмущившейся противъ законнаго императора, наконецъ призналъ Рудольфа Швабскаго и въ торжественномъ синодѣ объявилъ каносскаго грѣшника лишеннымъ императорскаго сана. Въ ту самую минуту, какъ Робертъ клялся защищать святителя и его столицу, Генрихъ IV, поддерживаемый епископами сѣверной Италіи, провозглашалъ въ Брисенѣ архіепископа Равеннскаго папою вселенской церкви. Затѣмъ, въ октябрѣ мѣсяцѣ онъ потерпѣлъ кровавое пораженіе на берегу Эльстера, въ Саксоніи, но соперникъ его, Рудольфъ, умеръ отъ ранъ на другой день послѣ побѣды, и Генрихъ, чтобы подавить имперскій расколъ въ самой Италіи и утвердить въ Римѣ расколъ церковный, перешелъ Альпы съ остатками своего войска, передъ Пасхою 1081 г. Въ Павіи онъ возложилъ на себя корону Италіи, провозгласилъ на ломбардскомъ соборѣ своего антипапу Климента III, потомъ, побивши въ нѣсколькихъ стычкахъ войска графини Матильды, направился къ Риму и 22-го мая сталъ лагеремъ на полѣ Нерона, куда сбѣжались къ нему тускулумскіе ба-

роны, священники-растриги и бывшіе приверженцы антипапы Гонорія.

Изъ приближенныхъ Григорія VII никто не упалъ духомъ. Между тѣмъ, Робертъ Гвискардъ, въ удивленію, не спѣшилъ помочь своему новому сюзерену. Онъ выбралъ именно эту опасную пору, чтобы начать на востокъ, на берегахъ Албаніи, рыцарскій романъ. Пока Генрихъ осаждалъ Римъ, Робертъ занялся Константинополемъ и свергнулъ греческаго императора Алексѣя. Викторинъ, какъ только вернулся, собралъ отрядъ смѣлыхъ наемниковъ, нормандцевъ и тосканцевъ, засѣвшихъ, по его приказанію, въ замкѣ св. Ангела; въ Капитоліѣ собралась римская милиція; народъ, монахи и почти вся знать были на сторонѣ Григорія. Но такъ какъ въ имперскомъ станѣ начала свирѣпствовать лихорадка, то Генрихъ, послѣ сорокадневной безвредной осады, увелъ войска и направился, вмѣстѣ съ антипапою, въ Тоскану, гдѣ роздалъ вольныя грамоты взбунтовавшимся противъ Матильды городамъ.

Убѣдившись, что опасность миновала, Викторинъ поспѣшилъ въ Латеранъ. По возвращеніи изъ Салерно, онъ видалъ Пію лишь издали, въ церквахъ, гдѣ служилъ папа, окруженный своими главными баронами. Молодой дѣвушка кончался шестнадцатый годъ. Ея лучезарная красота ослѣпляла Іоакима и внушала ему какое-то благоговѣніе, составляя въ то же время тайную муку доброй аббатиссы.

— Она слишкомъ прекрасна, — вздыхала старушка, — для такой лихой поры, когда антихристъ бродитъ вокругъ Рима. Если императоръ со своимъ дьявольскимъ папою проникнуть когда-нибудь за наши укрѣпленія, они утащутъ ее въ свои логовища, предпочтя ее всѣмъ сокровищамъ св. церкви.

— Зато они оставляютъ насъ съ вами, мадонна, — отвѣчалъ епископъ, — на развалинахъ святого города, и Римъ утратитъ, по крайней мѣрѣ, не всѣ свои драгоценности.

Въ одинъ іюльскій день послѣ обѣда молодые люди снова отправились въ свой милый садъ. Они тихо шли подъ тѣнью большихъ деревьевъ и говорили мало, но глаза ихъ обмѣнивались самыми нѣжными признаніями.

— Я бы хотѣла розыскать нашего друга, дрозда-свистуна, — сказала Пія. — Онъ мнѣ не попадался съ прошлаго лѣта. Состарился, вѣрно, и ужъ не свищетъ.

— Онъ, можетъ быть, сталъ пустынною, — прибавилъ Викторинъ.

Пія размѣялась серебристымъ смѣхомъ, на звукъ котораго изъ окрестныхъ гнѣздъ повысовывались рыженькія голубки любопытныхъ малиновыхъ.

— Но репеловы и ласточки еще вѣрны намъ,—продолжала молодая дѣвушка. — Тамъ, у св. Іоанна Круглаго, я знаю нѣсколько ихъ семействъ. Пойдемъ, навѣстимъ ихъ.

Они молча пошли по рощамъ. На поворотѣ одной тропиночки передъ ними выросла тѣнь и легла на бѣлую пыль дорожки. Выѣстъ съ тѣмъ, передъ удивленными глазами Викторина очутился Эгидій.

Онъ состарѣлся еще скорѣе, чѣмъ дроздъ Пія. Долгая религіозная миссія въ Саксоніи истребила въ немъ послѣдніе остатки душевной бодрости и ясности ума. Къ прежнимъ тревогамъ его совѣсти присоединились сомнѣнія въ томъ, не послужилъ ли онъ дѣлу нечестія и не ускорилъ ли распада церкви и гибели имперіи. Онъ подвигался, весь сгорбленный, съ лицомъ мертвеца въ черной рамѣ капюшона.

Онъ неопредѣленно улыбнулся своему бывшему воспитаннику и съ косымъ взглядомъ поклонился внучкѣ св. отца.

— Миръ вамъ!—пробормоталъ этотъ образцовый монахъ и прошелъ, не останавливаясь, мимо гуляющихъ.

Затѣмъ, полуобернувшись, онъ прибавилъ:

— Викторинъ, остерегайся змѣй, которыя прячутся во всѣхъ этихъ кустахъ. Тебѣ извѣстно, что Господу угодно скрывать этихъ опасныхъ животныхъ подъ цвѣтами.

И, довольный этимъ зловѣщимъ и иносказательнымъ совѣтомъ, онъ удалился.

Съ тѣхъ поръ они стали встрѣчать его каждый разъ; онъ бродилъ осторожными шагами по зеленой пустынѣ и рѣдко говорилъ съ ними, ограничиваясь какой-нибудь печальной сентенціей, какимъ-нибудь „memento mori“ по адресу Викторина. Онъ ходилъ извилистыми путями, какъ будто избѣгая встрѣчъ съ молодыми людьми, но на опушкѣ ближайшей рощицы они снова видѣли его передъ собою. Зато стоило ему завидѣть издали фіолетовую мантию епископа Ассизскаго, какъ онъ бѣжалъ, опустивъ голову, во дворецъ. Онъ слѣдилъ за Викторинимъ и Пией съ цѣлю угодить Богу, и полагалъ, что поможетъ собственному спасенію, искупить свою душонку, если воспрепятствуетъ Адаму и Евѣ заблудиться въ тѣни смертоносной яблони.

Но молодая парочка вскорѣ разрушила козни монаха. Въ самой глубинѣ сада, близъ Латинскихъ воротъ, была мѣст-

ность, особенно пораженная проклятіемъ монашескаго суетвѣрія. Тамъ было нѣчто въ родѣ развалинъ цирка, почти сравненнаго съ землею и заваленнаго остатками языческаго искусства; говорили, что здѣсь нѣкогда обагрились кровью мучениковъ ступени алтаря Вакха. Терновникъ и чертополохъ въ изобиліи росли между обломками мрамора; бѣлый торсъ безголоватаго греческаго бога еще валялся среди поломанныхъ колоннъ и разбитыхъ капителей, полуприкрытый пеленою изъ плюща. Эта поквинутая площадь, населенная тысячами ящерицъ, господствовала надъ всею нижнею частью папскаго парка. Викторинъ замѣтилъ, что Эгидій не отваживается ступить туда, и съ тѣхъ поръ онъ и Пія сдѣлали площадь Вакха своимъ царствомъ. Іоакимъ часто сопровождалъ ихъ туда. По его словамъ, ему было любопытно поискать латинскихъ надписей или саламандръ въ этихъ старыхъ развалинахъ. На самомъ же дѣлѣ упорная подозрительность Эгидія нѣсколько смущала его совѣсть, и онъ силился также играть въ этомъ земномъ раю роль архангела, но болѣе навивнаго, нежели бдительнаго.

Впрочемъ, онъ никогда не переступалъ за проклятыя стѣны, задерживаясь всякими непредвидѣнными находками. Его воспитанникъ и воспитанница покидали его передъ какою-нибудь мнѣологическою рѣдкостью, а сами углублялись въ густой лѣсъ, занимавшій пространство между циркомъ и Латинскими воротами. Это была необыкновенная смѣсь растений и деревьевъ, любящихъ яркое солнце и разросшихся подъ защитою высокыхъ стѣнъ: алоэ, варварійскія фиги, гранаты, апельсинныя деревья, пальмы и множество кустовъ розъ, бѣлыхъ и красныхъ, которые переплетались другъ съ другомъ и образовывали душистыя чащи, или перебрасывались тяжелыми гирляндами съ дерева на дерево и порою, достигнувъ до вершины кипариса, одѣвали надмогильное дерево въ праздничный нарядъ, рискуя удушить его. Пія никогда не выходила изъ этого цвѣтущаго лѣса безъ охалки розъ, упоительное благоуханіе которыхъ доводило аббатиссу до головокруженія. Эгидій, встрѣчая ее на садовыхъ лужайкахъ, содрогался при видѣ ея развѣвающихся бѣлокурыхъ волосъ и улыбки, и весь растерянный, старательно припоминалъ формулы заклинаній.

Два громадныхъ куста розъ, одинъ бѣлый, а другой красный, соединились въ исполинскій букетъ среди лужайки, затерянной между двухъ опушекъ и пересѣкавшейся единствен-

ной въ этой части сада тропинкой. Это были любимцы нашихъ друзей. Красный розовый кустъ носилъ имя Викторина, а бѣлый—Пія. Они образовывали разноцвѣтный сводъ, и ихъ вѣтви, усыпанныя бѣлоснѣжными и пурпуровыми цвѣтами, ниспадали до самой земли. Но между стволами ихъ было достаточное разстояніе, чтобы Пія могла туда прятаться и заставлятъ Фульво усердно искать ее повсюду. Она всегда оставляла тамъ нѣсколько своихъ золотистыхъ волосковъ или клочковъ своего шелкового покрывала, но, смѣясь, увѣрала, что сидитъ тамъ, точно маленькая фиваидская отшельница въ терновомъ шалашѣ. Иногда она заставляла Викторина удаляться въ эту келью.

— Тамъ хватило бы мѣста намъ обоимъ, — говорила она, — но, кажется, пустынники всегда бываютъ одни. Они умираютъ со скуки и попадаютъ прямо въ рай.

Въ одно августовское воскресенье, зная, что Іоакимъ у святительской вечерни, они ушли, счастливые и свободные, за развалины Вахха, на лужайку розъ. Викторинъ на колѣняхъ въ колючемъ убѣжищѣ, обрубалъ кинжаломъ лишнія вѣтви, чтобы увеличить гнѣздышко Пія. Она, болтая, вертѣлась около розовыхъ кустовъ и забавлялась тѣмъ, что переплетала пурпуровыя гирлянды съ бѣлоснѣжными. Вдругъ она вскрикнула отъ изумленія и, испугавшись, бросилась, вся блѣдная, въ зеленое убѣжище.

— Святой отецъ! — сказала она. — Идетъ вонъ тамъ, одинъ! Спрячемся!

Растерявшись, она обвилась руками вокругъ шеи юноши и прислонилась лицомъ къ его плечу. Дыханіе ихъ смѣшивалось. Викторинъ чувствовалъ у себя на груди біеніе сердца Пія.

Они не успѣли выйти изъ этого опаснаго положенія: Григорій приближался къ нимъ, медленно, поднявъ голову, глядя на небо и погружившись въ печальное раздумье. Въ этотъ день онъ получилъ неблагопріятныя вѣсти. Его союзникъ Робертъ настойчиво намѣревался провести зиму около Дураццо, на Адриатическомъ морѣ; императоръ цѣною золота покупалъ вѣрность части римскихъ горожанъ; мародеры императорской арміи заволокли церковныя земли до самыхъ стѣнъ города. Риму несомнѣнно предстояло весной подвергнуться новой осадѣ. Папа удалился въ глубь своихъ пустынныхъ садовъ, размышляя о будущемъ и прося совѣта у Бога.

Они слышали тихій шелестъ его красной мантии по сожженной солнцемъ травѣ. Викторинъ замѣтилъ, сквозь цвѣтушія вѣтви, блескъ золотого креста надъ его лбомъ. Папа остановился и полюбовался великолѣпіемъ куста розъ. Въ эту минуту ихъ губы сливались въ горячемъ и молчаливомъ поцѣлуѣ, ихъ первомъ поцѣлуѣ.

Папа коснулся букета бѣлыхъ розъ, которыя, истомленные зноемъ, осыпались подъ его рукою и упали душистымъ благословеніемъ на головы таинственно обрученныхъ. Онъ сказалъ вполголоса, вспомнивъ о Богородицѣ:

— *Rosa mystica!*

— Я люблю тебя и теперь, и съ перваго дня, — раздался одновременный шепотъ, такой тихій, что не долетѣлъ и до ближайшихъ розъ.

А Григорій VII, въ смертельной скорби, поднявъ голову, устремивъ глаза въ небо, медленно пошелъ въ тѣнистой опушкѣ и исчезъ близъ Латинскихъ воротъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

ЛѢТНИЙ УНИВЕРСИТЕТЪ ВЪ АНГЛІИ *).

(Изъ поѣздки въ Кембриджъ).

Я хочу подѣлиться съ вами, мм. гг., нѣкоторыми изъ тѣхъ впечатлѣній, которыя мнѣ пришлось вынести изъ поѣздки въ Англию лѣтомъ прошлаго (1893) года. Одной изъ главныхъ цѣлей моей поѣздки было—познакомиться лично съ тѣмъ замѣчательнымъ движеніемъ въ сферѣ высшаго образованія, которое началось въ Англии двадцать лѣтъ тому назадъ и быстро охватило широкій кругъ участниковъ въ Старомъ и Новомъ свѣтѣ. Я разумѣю такъ-называемое «распространеніе университетскаго образованія (University Extension)». Какъ извѣстно, «распространеніе» это достигается съ помощью странствующихъ лекторовъ, читающихъ общеподготовительные курсы лекцій въ различныхъ мѣстностяхъ Англии по приглашенію мѣстнаго населенія. «Если народъ не можетъ придти въ университетъ,—пусть университетъ придетъ къ народу»; такъ формулировали задачу этого движенія его оксфордскіе руководители. Сдѣлать университетское, т.-е. высшее образованіе достояніемъ народной массы, до сихъ поръ принужденной довольствоваться одной начальной школой: таковъ былъ смѣлый замыселъ начальниковъ University Extension.

Я не буду рассказывать вамъ подробно, какъ этотъ замыселъ осуществляется на дѣлѣ. Извѣстія объ этомъ проникли уже и въ русскую печать; въ извѣстной книгѣ проф. Янжула («Въ поискахъ лучшаго будущаго») можно найти всѣ необходимыя свѣдѣнія объ

*) Рѣчь, читанная въ годишномъ засѣданіи учебнаго отдѣла московскаго О. Р. Т. З. 12 марта 1894 г. Пособіями при составленіи рѣчи, кромѣ личныхъ воспоминаній автора, служили: *Roberts. Eighteen years of University Extension. 1891. The University Extension Journal, особенно, octob., novemb. и decemb. 1893. Programme of the fourth Summer Meeting. Cambridge. 1893. Reports of the fourth summer meeting, july 29.—August. 26. 1893, reprinted from the Cambridge Chronicle и Twentieth annual report of the Syndicate on the local Lectures. Cambr. 1893.*

организація этого дѣла въ Америкѣ и въ Англіи. Я имѣю въ виду установить ваше вниманіе только на одномъ эпизодѣ университетскаго движенія, свидѣтелемъ котораго мнѣ пришлось быть лично. Вы увидите, впрочемъ, что этотъ эпизодъ даетъ возможность судить о положеніи въ настоящій моментъ всего движенія University Extension.

Лѣтніе съѣзды въ Кембриджѣ явились естественнымъ завершеніемъ системы University Extension. Какъ извѣстно, съ 1886 года англійскіе университеты приняли движеніе подъ свое покровительство и «усыновили» (аффилировали) тѣ изъ мѣстныхъ центровъ, въ которыхъ не менѣе трехъ лѣтъ подрядъ читалось по крайней мѣрѣ 8 курсовъ лекцій по 12 часовъ каждый. Для слушающихъ такіе курсы и выдержавшихъ испытаніе, Кембриджъ съ 1890 года сталъ открывать лѣтомъ свои лабораторіи и музеи. За два года до Кембриджа, и Оксфордъ сталъ устраивать лѣтніе съѣзды, но на иномъ основаніи: на Оксфордскіе съѣзды могли собираться всѣ желающіе и вмѣсто специальныхъ курсовъ и практическихъ занятій въ лабораторіяхъ—посѣтителямъ предлагался рядъ отдѣльныхъ лекцій на интересныя темы. При такой разницѣ цѣлей на первый Кембриджскій съѣздъ собралось всего 41 человекъ, тогда какъ въ первый же годъ Оксфордскихъ съѣздовъ число слушателей доходило до 900.

Прошлымъ лѣтомъ, однако же, Кембриджскій съѣздъ значительно измѣнилъ свою фізіономію. Кембриджскій комитетъ («синдикатъ») сдѣлалъ попытку совмѣстить преимущества Кембриджскихъ съѣздовъ съ преимуществами Оксфордскихъ. Для этой цѣли онъ, во-первыхъ, расширилъ обычный составъ своихъ посѣтителей: кромѣ дипломированныхъ слушателей мѣстныхъ центровъ, онъ допустилъ и слушателей, не подвергавшихся испытанію, и сверхъ того, вообще всѣхъ лицъ, занимающихся педагогической профессіей. Измѣненъ былъ и составъ занятій съѣзда: кромѣ систематическихъ курсовъ и практическихъ занятій синдикатъ ввелъ, по примѣру Оксфорда, одиночныя лекціи на занимательныя темы. Наконецъ, въ интересахъ тѣхъ посѣтителей, которые не могли бы остаться въ Кембриджѣ на цѣлый мѣсяцъ, лекціи были распределены такъ, что часть связанныхъ курсовъ кончалась въ первыя двѣ недѣли, а другая часть перенесена была на вторую половину мѣсяца. Такимъ образомъ, лѣтній съѣздъ 1893 года (4-й) имѣлъ значеніе новой попытки и обѣщалъ соединить серьезность Кембриджскихъ съѣздовъ съ занимательностью и доступностью Оксфордскихъ. Побывать на этомъ съѣздѣ представлялось, поэтому, особенно интереснымъ.

*

Запасиись въ Лондонѣ рекомендательными письмами, я былъ встрѣченъ чрезвычайно радушно членами «синдиката» и немедленно получилъ свободный доступъ ко всѣмъ занятіямъ съѣзда. Проф. Lawgense (теперь переселившійся въ Чикаго) снабдилъ меня прежде всего подробной программой съѣзда. Съ чисто-англійской практичностью къ программѣ этой былъ присоединенъ планъ Кембриджа и списокъ всѣхъ свободныхъ квартиръ по кварталамъ города, съ обозначеніемъ цѣнъ. Доступность этихъ цѣнъ я могъ всего лучше оцѣнить по сравненію съ дороговизной единственнаго порядочнаго въ городѣ отеля (University Arms Hôtel), въ которомъ успѣлъ уже по неопытности поселиться.

Съ программой съѣзда я былъ знакомъ уже и раньше. И при первомъ знакомствѣ съ ней, и во время самаго съѣзда, и теперь, когда я получилъ уже общій отчетъ о съѣздѣ и могу судить о содержаніи занятій въ ихъ цѣломъ, — одна черта показалась мнѣ особенно замѣчательной. Планъ съѣзда отличался такимъ единствомъ, цѣльностью, продуманностью и цѣлесообразностью, какую нелегко встрѣтить въ предиріятіи, выполняемомъ десятками участниковъ. Секретъ этой цѣльности объяснился, впрочемъ, для меня во время съѣзда. По частнымъ свѣдѣніямъ оказалось, что весь планъ задуманъ, дѣйствительно, однимъ лицомъ, — теперешнимъ секретаремъ синдиката и однимъ изъ самыхъ выдающихся лекторовъ съѣзда, М-г Веггу.

По плану всѣ занятія съѣзда дѣлились на два главныхъ отдѣла, которые мы назвали бы отдѣлами естественныхъ и общественныхъ наукъ. Въ каждомъ изъ этихъ отдѣловъ всѣ главные курсы были строго сгруппированы около одной центральной мысли. Въ отдѣлѣ естественныхъ наукъ такой центральной идеей были *устыжи научнаго метода*. Кромѣ руководящаго курса о *теоріи* научнаго метода (4 лекціи), читаннаго самимъ М-г Веггу, — три курса (по 6 лекцій) по исторіи астрономіи, геологіи и химіи должны были иллюстрировать на практикѣ роль научнаго метода въ исторіи естествознанія. Въ отдѣлѣ общественныхъ наукъ всѣ важнѣйшіе курсы должны были служить для выясненія другой центральной мысли: *какъ сложилась современная Англія*. Курсъ о промышленной революціи (10 лекцій) уяснялъ для слушателей связь между прошлымъ и настоящимъ въ сферѣ экономической. Со стороны политической ту же связь выясняли два курса о политическихъ ученіяхъ до и послѣ французской революціи (по три часа) и три курса по исторіи англійской конституціи съ 1688 г. (3 часа), по исторіи парламентской реформы (4 часа) и по сравненію англійской конституціи съ конституціей Соединенныхъ Штатовъ (6 часовъ). Той

же общей цѣли служили два курса (по 6 лекцій) о ростѣ англійскихъ колоній и курсъ о развитіи національной идеи въ Европѣ (10 лекцій). Наконецъ, для характеристики литературнаго развитія Англіи XIX вѣка былъ предложенъ рядъ лекцій о выдающихся англійскихъ романистахъ (Скоттъ, Теккерей, Кингслей), поэтахъ (Китсъ и Шелли, Кольриджъ, Вордсвортъ и Броунингъ) и критикахъ (Карлейль и Рёскинъ). Сравнительно съ 22-мя основными лекціями естественнаго отдѣла, всѣ эти курсы составляли для общественаго отдѣла почтенную цифру 80-ти слишкомъ часовъ; но надо прибавить, что для усердныхъ слушателей — естественниковъ центръ тяжести лежалъ, по прежнему, не столько въ слушаніи лекцій, сколько въ лабораторной работѣ (въ химической, ботанической, физиологической лабораторіяхъ и въ палеонтологическомъ музеѣ) и въ научныхъ экскурсіяхъ (ботаническихъ и геологическихъ).

Чтобъ обезпечить серьезность занятій, слушатели допускались только къ одному изъ двухъ основныхъ отдѣловъ: или естественныхъ, или общественныхъ наукъ. Но для любознательныхъ былъ введенъ и третій отдѣлъ, доступный для обѣихъ группъ: рядъ одиночныхъ лекцій на общеинтересныя темы. При выборѣ этихъ темъ также нельзя не замѣтить одной руководящей мысли. Посѣтители Кембриджа посвящались въ мѣстныя историческія воспоминанія. Одинъ лекторъ рассказывалъ исторію города, другой знакомилъ съ исторіей университета и съ отношеніемъ его къ отдѣльнымъ колледжамъ, третій, четвертый и пятый напоминали слушателямъ о знаменитыхъ питомцахъ Кембриджскихъ колледжей, — о Вальполѣ, о Питтѣ, о плеядѣ 30-хъ годовъ; шестой разъяснялъ исторію англійскаго готическаго стиля, положившаго такой своеобразный отпечатокъ на архитектурную фізіономію Кембриджа; еще двое рассказывали про старину историческихъ мѣстечекъ: Еly и Bury St. Edmund's, гдѣ была сформирована лига бароновъ, завоевавшихъ Великую хартію. Въ оба послѣднихъ мѣстечка были организованы экскурсіи.

Какъ видите, поучительнаго предлагалось очень много посѣтелямъ съѣзда: можетъ быть, даже слишкомъ много, какъ признавались и слушатели, и руководители: и тѣмъ и другимъ трудно было устоять противъ опасности — слишкомъ разбросаться.

Отъ характеристики научнаго содержанія съѣзда перейдемъ къ характеристикѣ слушателей и руководителей. Слушателей собралось до 650 человекъ, и эта масса пріѣзжихъ была очень замѣтна въ крошечномъ Кембриджѣ. За пять минутъ до 9 часовъ утра по улицамъ миниатюрнаго городка тянулись веревницы посѣ-

тителей; и идя за однимъ изъ этихъ людскихъ потоковъ, можно было безошибочно попасть въ одну изъ полудюжины аудиторій, предоставленныхъ колледжами въ распоряженіе съѣзда. Богѣе или менѣе обширныя, богѣе или менѣе многочисленныя, аудиторіи эти по составу во многихъ отношеніяхъ напоминали мнѣ наши русскія. Прежде всего, — по крайней мѣрѣ на три четверти онѣ состояли изъ женщинъ; официальный отчетъ подтвердилъ потомъ это впечатлѣніе, такъ какъ изъ 650 членовъ съѣзда оказалось только 150 мужчинъ. Женщины были всѣхъ возрастовъ, начиная съ очень молоденькихъ миссъ и кончая дамами весьма почтенныхъ лѣтъ. По разговорамъ, личнымъ знакомствамъ и отзывамъ лекторовъ, я могъ заключить, что значительная часть ихъ принадлежала къ педагогической профессіи: это были, большей частью, бывшія, настоящія или будущія домашнія и школьныя учительницы. Про составъ мужскихъ слушателей ничего не могу сказать; знаю только, что въ числѣ ихъ почти не было учащейся молодежи и, къ большому огорченію устроителей, — еще меньше было людей изъ народа.

Злые языки говорили въ самомъ Кембриджѣ, что всѣ эти слушатели приходятъ въ аудиторію отъ нечего дѣлать, и уходятъ изъ нея съ пустыми руками. Есть, однако же, основанія думать, что говорившіе такимъ образомъ не удостоивали заглянуть лично въ аудиторію съѣзда. Я старался присматриваться внимательно къ слушателямъ и, по совѣсти, не могу присоединиться къ скептикамъ. Я почти не замѣчалъ лицъ съ мечтательнымъ выраженіемъ физиономіи. Значительное большинство приходило на лекцію съ тетрадями и слѣдило за лекторомъ съ карандашомъ въ рукѣ. Самые лѣнивые марали замѣтками печатные конспекты лекцій (такъ-назыв. «силлабусы»). Послѣ лекціи всегда собиралась около лектора небольшая кучка слушателей, ожидавшихъ разъясненій.

Такова была аудиторія. Познакомимся теперь съ преподавателями. Звѣздой съѣзда былъ извѣстный специалистъ по экономической исторіи Англій, д-ръ Кеннингамъ. Его курсъ о промышленной революціи Англій слушался съ напряженнымъ вниманіемъ многочисленной аудиторіей, въ составъ которой входили даже нѣкоторые лекторы съѣзда. Въ совершенствѣ, конечно, владѣя научнымъ матеріаломъ, Кеннингамъ какъ будто чувствовалъ себя немножко неловко въ непривычныхъ для него педагогическихъ рамкахъ. Конспекты его лекцій успѣли поздно и раздавались отдѣльными листками при входѣ въ аудиторію. Лекторъ рассказывалъ взадъ и впередъ по эстрадѣ, углубленный въ себя, — и додумывалъ вслухъ передъ аудиторіей внѣшнее изложеніе своихъ лекцій.

Конечно, Кеннингама нельзя считать типичнымъ лекторомъ.

University Extension. Типичный лекторъ съѣзда не затрудняется въ выборѣ матеріала, потому что его выборъ уже сдѣланъ. Иногда кажется, что онъ знаетъ немногимъ больше того, что сообщаетъ слушателямъ; но то, что онъ сообщаетъ, онъ знаетъ твердо. Онъ не гонится за красотой построения лекціи и не разсыпаетъ цвѣтовъ краснорѣчія. Онъ начинаетъ свою лекцію безъ предисловія и кончаетъ ее безъ патетическихъ повышеній голоса. Его лекція отличается дѣльностью по содержанію и ясностью по изложенію. Великое преимущество его состоитъ въ томъ, что онъ владѣетъ живымъ словомъ и можетъ говорить свободно, приурочивая свое изложеніе къ потребностямъ аудиторіи, которая умѣетъ угадывать, и къ ея настроенію, за которыми умѣетъ слѣдить. Разумѣется, не всѣ лекторы съѣзда подходятъ подъ этотъ типъ. Мнѣ приходилось слышать и неопытныхъ новичковъ, всецѣло поглощенныхъ самымъ процессомъ чтенія, и опытныхъ ветерановъ, злоупотреблявшихъ привычкой говорить красиво и складно, не думая о содержаніи. Но каковы бы ни были недостатки лекторовъ, въ ихъ числѣ мнѣ всецѣло не пришлось встрѣтить одного: ученаго педантизма. Видно было, что эти люди привыкли не считать популяризацію профанацией науки и не боятся обнаружить передъ непосвященными цѣлые секреты. Въ сношеніяхъ съ слушателями я видѣлъ полную простоту и совершенное отсутствіе академической спѣси. Академическая чопорность стараго университета не разъ служила даже предметомъ шуточныхъ выходокъ разныхъ лекторовъ. Въ лекціи «о литературномъ движеніи въ Англіи за послѣднія 100 лѣтъ» лекторъ выразилъ опасеніе, что читатели не найдутъ нужныхъ свѣдѣній объ этомъ въ обычныхъ руководствахъ, «такъ какъ составители торжественныхъ гандбуховъ черезчуръ боятся поднять то, что лежитъ у нихъ подъ ногами. Они говорятъ гораздо больше, чѣмъ нужно, о маленькихъ людяхъ, жившихъ въ 1815 году, и почти ничего не говорятъ о великихъ людяхъ, жившихъ въ 1875 году. Они оправдываются тѣмъ, что трудно судить о томъ, что къ намъ близко; а то, о чемъ трудно судить, всего легче и безопаснѣе игнорировать вовсе». Другой лекторъ такимъ образомъ характеризовалъ кембриджскій кружокъ 30-хъ годовъ. «Они питали ужасъ къ педантизму и находили, что современное имъ университетское преподаваніе ведется въ педантическомъ духѣ. Старый мѣстный духъ, могли бы они сказать, слишкомъ преклоняется передъ простой усидчивостью и безцѣльнымъ накопленіемъ мелочей,—и слишкомъ мало цѣнить высшія духовныя сокровища: фантазію, вкусъ, философскій анализъ, умѣнье схватывать идею».

Я не буду характеризовать вамъ лекторовъ съѣзда по одиночкѣ и не могу, конечно, пересказать всего, что говорилось на

лекціяхъ. Намъ предстоитъ еще познакомиться съ очень интересной стороной дѣятельности съѣзда, не имѣющей прямого отношенія къ самому съѣзду, но бросающей яркій свѣтъ на современныя житейскія условія, при которыхъ развивается университетское движеніе. Помимо лекцій, въ теченіе съѣзда было устроено нѣсколько митинговъ для обсужденія очередныхъ вопросовъ University Extension. На митингахъ этихъ слово было предоставлено всякому желающему. Здѣсь-то, въ свободныхъ рѣчахъ и оживленныхъ преніяхъ высказано было не мало такихъ вещей, которыхъ напрасно было бы искать въ официальныхъ отчетахъ и въ текстахъ прочитанныхъ лекцій. На ряду со свѣтомъ выступили здѣсь и тѣни университетскаго движенія; помимо казовой стороны обрисовалась и оборотная.

Пренія ярко очертили отношенія университетскаго движенія къ общественнымъ властямъ, къ университету и къ народу. По этимъ тремъ рубрикамъ мы и рассмотримъ содержаніе преній.

По вопросу объ отношеніи университетскаго движенія къ властямъ, настроеніе людей, начинавшихъ движеніе, было самое определенное. Они были противъ всякой мысли—искать помощи движенію у государства, «Я рѣшаюсь сказать,—говорилъ на съѣздѣ самъ патріархъ University Extension, Джемсъ Стюартъ,— что если бы въ первое десятилѣтіе этого великаго движенія мы получили, или были бы настолько неблагоразумны, что стали бы ожидать или даже просить правительство о помощи, мы показали бы, что не годимся въ начинатели такого движенія». Но съ 1890 года вопросъ усложнился. Какъ извѣстно, за годъ передъ этимъ, въ Англіи проведена была капитальная областная реформа: старая администрація «мирныхъ судей» (justices of peace) была замѣнена земскимъ выборнымъ управленіемъ «совѣтовъ графства» (County councils)—нѣчто вродѣ нашей земской управы. По случайному совпаденію, въ то же время правительство проводило нѣкоторыя непопулярныя финансовыя мѣропріятія и, чтобъ расположить населеніе въ ихъ пользу, ассигновало часть барышей отъ этихъ мѣропріятія на устройство «техническаго образованія», реформа котораго только что была разрѣшена парламентомъ. Организацию технического образованія правительство поручило земскимъ управамъ, передавъ имъ и ассигнованныя на этотъ предметъ огромныя суммы и давъ при этомъ понять, что ассигновка не повторится, если земства не истратятъ денегъ въ продолженіе отчетнаго года. Земства ухватились за возможность расширить свою компетенцію на сферу народнаго образованія; но не зная, что сдѣлать въ такой короткій срокъ съ неожиданно свалившимися деньгами, обратились за помощью къ существующей организаціи University Extension. Руко-

водители университетскаго движенія согласились помочь земствамъ истратить деньги и устроили на земскія средства рядъ новыхъ курсовъ. Изъ 608 курсовъ, состоявшихъ въ 1891—1892 гг. подъ руководствомъ Оксфорда и Кембриджа, 367, т. е. $\frac{3}{5}$ содержались на счетъ County Councils. Но University Extension занималась до 1890 г. устройствомъ *общаго*, а не техническаго образованія. Чтобы примирить свои прежнія цѣли съ обязанностью земствъ, устроители курсовъ должны были пойти на сдѣлку. По существу, курсы сохранили общій характеръ; но по названію имъ сообщенъ былъ характеръ прикладной. Энтомологія, напр., появилась подъ названіемъ «вредныхъ насѣкомыхъ», ботаника превратилась въ «жизнь и болѣзнь растений», химія получила прибавочный эпитетъ «земледѣльческой».

Значительная часть участниковъ университетскаго движенія осталась, однако же, очень недовольна всѣми этими перемѣнами. Во-первыхъ, при всѣхъ уловкахъ, новая организація расширяла дѣятельность University Extension только въ одной отрасли—естественныхъ наукъ. Науки гуманитарныя, т. е. исторія, литература, политическая экономія—никоимъ образомъ не могли быть подведены подъ понятіе «техническаго образованія», а слѣдовательно и не могли воспользоваться земскими фондами. Во-вторыхъ, земскіе курсы естественныхъ наукъ были организованы на началахъ, совершенно несогласныхъ съ обычными принципами University Extension. Основная идея университетскаго движенія заключается въ томъ, чтобы привлекать къ движенію мѣстныя силы. Въ каждой мѣстности прежде всего организуется мѣстный кружокъ сторонниковъ University Extension, который выбираетъ изъ своей среды комитетъ. Этотъ мѣстный комитетъ и вступаетъ въ связь съ однимъ изъ университетскихъ центровъ (Оксфордъ, Кембриджъ, Лондонъ, Викторія, Дѣргемъ). При организаціи мѣстныхъ лекцій на земскія средства все дѣло ведется не снизу, а сверху, не представительнымъ путемъ, а бюрократическимъ. Естественно, что устроенныя безъ участія мѣстнаго общества, земскія лекціи посѣщаются гораздо меньшимъ числомъ слушателей; бывали и такіе случаи, что, напр., курсъ земледѣльческой химіи читался въ мѣстечкѣ съ чисто промышленнымъ населеніемъ и т. п. Въ результатъ, уже въ прошломъ 1893 году, по Кембриджскому отчету, часть искусственно созданныхъ центровъ успѣла уничтожиться, и земства предпочли обратить свои деньги на устройство постоянныхъ образовательныхъ учреждений и сооружений.

Естественно, что весь этотъ кризисъ вызываетъ среди ревнителей университетскаго движенія совсѣмъ новую постановку вопроса о государственной и общественной помощи. Часть руководителей,

повидимому, окончательно примирилась съ мыслью, что слѣдуетъ организовать высшее образованіе народа при посредствѣ земствъ. Эта партія требуетъ только, чтобы уничтоженъ былъ прикладной характеръ такого образованія, чтобы курсы перестали быть исключительно техническими и чтобы земства приняли подъ свое покровительство, наряду съ естественными, и гуманитарныя науки. Другая часть желаетъ, чтобы правительство ассигновало извѣстную сумму прямо въ распоряженіе университетовъ. Есть и попытки примирить оба эти мнѣнія. Во всякомъ случаѣ, всѣ стороны начинаютъ сознавать, повидимому, что съ 1890 года распространеніе университетскаго образованія вступило въ новый фазисъ. Изъ нѣсколькихъ университетскихъ ассоціацій ему предстоитъ превратиться въ общегосударственную организацію, дополнительную къ государственной системѣ элементарнаго образованія. Рано или поздно, но можно предвидѣть, что націонализація университетскаго образованія будетъ признана одной изъ задачъ британскаго правительства.

Отъ этихъ широкихъ перспективъ будущаго намъ приходится вернуться къ счетамъ университетскаго движенія съ прошлымъ. Въ одинъ изъ вечеровъ въ знаменитомъ клубѣ «Университетскаго союза» (University Union), гдѣ когда-то подвизался Маколей и другія ораторскія звѣзды старой Англіи, былъ объявленъ диспутъ на тему: «что клубъ, хотя и признаетъ обязанностью университета распространять свою полезность всѣми способами, причинными для ученаго центра, но считаетъ, что лѣтніе митинги въ университетскихъ городахъ вызываютъ такія серьезныя неудобства, что они нежелательны». Дебаты по этому поводу заняли цѣлыхъ два вечера. Джентльменъ, открывшій пренія, полагалъ, что университетское движеніе ослабляетъ производительность университетскихъ преподавателей, принужденныхъ тратить время на лекціи для University Extension, и выражалъ свой страхъ по поводу того, что большинство пріѣхавшихъ на одинъ мѣсяцъ могутъ, пожалуй, вообразить, будто они и дѣйствительно получили университетское образованіе. Отвѣчать этому оратору, очевидно, можно было только въ шутовскомъ тонѣ; его оппонентъ и началъ съ юмористическаго изображенія того, какъ проводятъ свое время въ Кембриджѣ университетскіе преподаватели, судя по романамъ изъ университетской жизни. Онъ, впрочемъ, призналъ, что въ дѣйствительности кембриджскіе ученые ведутъ себя иначе, чѣмъ въ романахъ, и полагалъ, что университетъ можетъ только выиграть въ общественномъ уваженіи, если пріѣзжіе самолично убѣдятся, какъ обстоитъ дѣло въ дѣйствительности. По предложенію одного изъ сторонниковъ перваго оратора споръ былъ отсроченъ на недѣлю. Зачѣмъ почтенный джентльменъ просилъ отсрочки,—это стало ясно изъ его рѣчи.

которую онъ черезъ недѣлю возобновилъ превіа. Рѣчь эта такъ характерна, что я попрошу позволенія передать ее нѣсколько подробнѣе. Оказалось, что почтенный джентльменъ досталъ и перечиталъ въ промежуткѣ всѣ сочиненія романистовъ, упоминавшихся въ первый вечеръ. Но онъ пришелъ въ результатѣ чтенія къ выводамъ, столь же неожиданнымъ, какъ и употребленный имъ методъ.

Онъ объявилъ теперь, что не промѣняетъ эти романы на самое реалистическое изображеніе въ мірѣ, которое, можетъ быть, будетъ и вѣрно, но не такъ интересно. Дальше онъ говорилъ, что университетское распространеніе (Extension) превратится, пожалуй, въ университетское растаскиваніе (Distention), и что лучше бы сторонники движенія искали мѣста поздоровѣе, чѣмъ Кембриджъ. А что касается хваленаго благодѣтельнаго вліянія университетскихъ ассоціацій, — какія же ассоціаціи можно найти теперь въ «Сенатѣ», превращенномъ въ читальню и пріемную для склада зонтиковъ и продажи газетъ. «Что сказали бы», восклицалъ ораторъ, «тѣ почтенные и досточтимые предки, которые мудро установили, что никто не долженъ играть шариками на ступеняхъ сената, что бы они сказали, если бы увидѣли дамъ, играющихъ въ нули и крестики въ самой священной оградѣ его. Конечно, посѣтителю могутъ получить пользу отъ лабораторій, но теперь число допускаемыхъ къ работѣ ограничено 25—30 человѣками, а такъ какъ университетское движеніе стремится къ неограниченному распространенію науки, то мѣста скоро будутъ заняты, и не лучше ли заблаговременно переселиться въ другое мѣсто, чтобы не стѣснять дальнѣйшаго развитія движенія».

Весь этотъ старческій лепетъ вызвалъ энергическую отвѣдь защитниковъ лѣтняго съѣзда. Они не ограничились опроверженіемъ лицемѣрныхъ жалобъ на оскверненіе святыни, на нарушеніе каникулярнаго покоя, на помѣху въ занятіяхъ профессоровъ и студентовъ и т. д.; они перешли въ наступленіе и противникамъ съѣзда пришлось выслушать не мало горькихъ намековъ на процвѣтаніе студенческаго спорта и академической рутины. Для образца приведу отрывокъ изъ рѣчи М-г Веггу. «Говорили, что на чтеніе нѣсколькихъ лекцій выдающіеся люди тратятъ время, которое могло бы быть употреблено на сочиненіе книгъ; очевидно, при этомъ предполагалось, что то, что сдѣлано этимъ путемъ, надо считать безвозвратно потеряннымъ и что университетъ такъ скуденъ истиной и знаніемъ, что не можетъ дѣлиться ими съ посторонними. Но потеря времени на лекціи—пустяки сравнительно съ тѣмъ, что теряется на формальности и увеселенія академической жизни. Эти же немвогіе часы нельзя считать потерянными уже потому, что лекторъ часто столько же учится у своей аудиторіи, сколько ауди-

диторія у лектора. Преподаватель, привыкшій къ аудиторіи, которую можно сосчитать по пальцамъ и которую загоняютъ къ нему насильно таторы, навѣрное почерпнетъ свѣжее вдохновеніе въ обращеніи къ сотнямъ слушателей, которые ловятъ каждое его слово».

Любопытенъ результатъ всѣхъ этихъ споровъ. Утвержденіе, что лѣтніе сѣзды нежелательны для университетскихъ городовъ, было отвергнуто, но только большинствомъ 43 голосовъ противъ 27. Очевидно, на эти двѣ дюжины молчаливыхъ сторонниковъ стараго «университета» веселая и пестрая толпа, нарушившая чинное безмолвіе сената, произвела то же впечатлѣніе, которое одинъ изъ ихъ ораторовъ сравнилъ съ впечатлѣніемъ театральнаго представленія въ церкви.

Познакомившись теперь съ мнѣніемъ стараго университета, мы легче поймемъ, какъ относился къ лѣтнему сѣзду простой народъ. Для него, для этого простого народа, только и существовалъ старшій университетъ. Среди людей въ «мантіяхъ» онъ не различалъ небольшой кучки своихъ новыхъ друзей, и попытка сблизиться съ народомъ вызвала на сѣздѣ сцены, живо напоминавшія вѣковую борьбу между «городомъ и мантіей» (*town and gown*),—борьбу, вспыхивавшую много разъ въ Кембриджѣ, начиная съ XIII столѣтія.

Я говорилъ уже, что на сѣздѣ представителей рабочаго класса почти вовсе не было. Между тѣмъ, когда двадцать лѣтъ назадъ только нарождалось университетское движеніе, привлечь рабочихъ было одною изъ главныхъ его цѣлей. Если не достигнута эта цѣль,—говорилъ одинъ изъ ораторовъ сѣзда, —ничего не достигнуто. Естественно, что Кембриджскимъ сѣздомъ устроители попробовали еще разъ воспользоваться, чтобы усилить интересъ къ *University Extension* среди мѣстныхъ рабочихъ. Для этой цѣли, прежде всего, устроенъ былъ отъ имени пріѣзжихъ слушателей изъ рабочихъ особый митингъ. Очевидно, чтобы вызвать болѣе довѣрія, синдикатъ демонстративно устранился отъ всякаго участія въ устройствѣ этого митинга. Но недовѣріе кембриджскихъ рабочихъ удалось побѣдить только отчасти. Немного ихъ пришло, и тѣ, которые пришли, вели себя болѣе чѣмъ сдержанно. Многие изъ говорившихъ отказывались сообщить свои имена. На всѣ попытки расшевелить ихъ, кембриджскіе рабочіе отвѣчали односложными и угрюмыми фразами. Можно ли думать о развитіи рабочихъ, когда они заняты борьбой за кусокъ хлѣба? Къ чему имъ высшее образованіе, когда они не имѣютъ элементарнаго? И вообще, кембриджскій народъ не любитъ «джентльменовъ въ черномъ». Если бы на рабочихъ обращали побольше вниманія, то и они больше бы интересовались тѣмъ, что дѣлается около. Но университетъ сдѣлалъ все воз-

можно, чтобы устранить ихъ; онъ налагаетъ свое veto, гдѣ только можетъ, на всѣ ихъ нравственные и умственные интересы. На эти и подобные намеки университетскіе представители «синдиката» старались отвѣчать въ примирительномъ духѣ. Не будемъ говорить о прошломъ. Если рабочіе не достигли той ступени образованія, съ которой начинается работа University Extension, нельзя ли создать промежуточную систему между начальной школой и лекціями University Extension? Если рабочіе не довѣряютъ университетскому комитету, нельзя ли обезпечить имъ представительство въ немъ или создать ихъ собственный комитетъ? Для обсужденія послѣдняго вопроса — о рабочемъ комитетѣ — созванъ былъ особенный митингъ; и нельзя не замѣтить, что и на немъ это обсужденіе велось въ духѣ взаимнаго недовѣрія. Университетскіе старались отговорить рабочихъ отъ устройства отдѣльнаго комитета, а представительство ихъ въ «мѣстномъ комитетѣ» старались ограничить возможно меньшимъ числомъ членовъ. Въ концѣ концовъ дѣло ограничилось выборомъ предварительнаго комитета изъ рабочихъ для дальнѣйшей разработки вопроса. Въ заключеніе, одинъ изъ лекторовъ объявилъ объ особомъ курсѣ ботаники, приспособленномъ для рабочихъ. Онъ будетъ предполагать, что никто ничего не знаетъ. Онъ будетъ говорить о растеніяхъ, всѣмъ извѣстныхъ, но расскажетъ о нихъ самоновѣйшія лабораторныя открытія, никому неизвѣстныя. Онъ не будетъ употреблять никакихъ техническихъ выраженій. На каждой лекціи онъ будетъ показывать туманныя картины. Потомъ предсѣдатель выразилъ надежду, что скоро придетъ время, когда люди сравняются другъ съ другомъ если не въ сословномъ положеніи, то въ знаніяхъ, и осуществятъ полнѣе, чѣмъ до сихъ поръ, общее братство. Все это было какъ-то подогрѣто и искусственно. Отношеніе къ рабочимъ послѣ сѣзда, какъ и до него, осталось самымъ большимъ мѣстомъ University Extension.

Это обстоятельство не мѣшаетъ рости университетскому движенію если не въ глубину, то въ ширину. Изъ Кембриджа и Оксфорда, изъ Лондона и Викторіи движеніе перекинулось въ Америку и въ нѣсколько лѣтъ далеко оставило за собой старую Англію: ей осталось утѣшать себя тѣмъ соображеніемъ, что, выигравъ въ количествѣ, американское движеніе проиграло въ качествѣ и понизило уровень образованія. Но мы видѣли, что и самой Англіи предстоитъ тотъ же самый выборъ между количествомъ и качествомъ. Въ собственной Англіи курсы лекцій читались въ Шотландіи и Ирландіи. Во Франціи, Голландіи, Германіи, Италіи движеніе вызвало большой интересъ; въ Швеціи Упсальскій уни-

верситетъ съ осени долженъ былъ начать чтеніе лекцій University Extension. Но больше, чѣмъ гдѣ нибудь,—у насъ въ Россіи должна чувствоваться нужда въ подобномъ же расширеніи средствъ высшаго образованія. Малочисленность нашихъ университетскихъ центровъ и тяжелыя условія жизни нашей провинціальной интеллигенціи дѣлають высшее образованіе мало доступнымъ для огромнаго большинства жителей провинціи; а какъ велика потребность нашей провинціи въ духовной пищѣ, — это хорошо извѣстно всякому, имѣющему соприкосновеніе съ книжнымъ или журнальнымъ дѣломъ. Извѣстно также и то, какъ часто и легко житель провинціи становится жертвой собственнаго невѣдѣнія и издательской спекуляціи и какъ необходимо было бы устроить для провинціи правильное и компетентное руководство самообразованіемъ. Изъ прочитаннаго сегодня отчета вы могли видѣть, что въ текущемъ году московскій учебный отдѣлъ Общества Распространенія Техническихъ Знаній сдѣлалъ первый скромный шагъ, чтобы удовлетворить этой законной потребности провинціи въ руководствѣ самообразованіемъ. При отдѣлѣ образовалась особая «комиссія для организаціи домашняго чтенія», предполагающая этой весной или осенью начать свою дѣятельность. Это начало, конечно, мало похоже на только что описанную дѣятельность University Extension. Комиссія домашняго чтенія на первыхъ порахъ воспользовалась примѣромъ другихъ англійскихъ и американскихъ обществъ, о которыхъ я сегодня не упоминалъ вовсе въ своемъ сообщеніи. Но въ дальнѣйшихъ своихъ планахъ комиссія не отказывается и отъ устройства лекцій, и отъ руководства занятіями на мѣстѣ. Осуществитъ ли она эту часть своихъ намѣреній,—это будетъ зависѣть отъ степени участія самого провинціального общества. На томъ началѣ, которое комиссія собирается предложить, эта степень участія должна значительно выясниться. Комиссія не замедлитъ ознакомить общество съ своимъ предпріятіемъ путемъ печатнаго слова; но еще сильнѣе, чѣмъ печатное обращеніе къ провинціи, должно подѣйствовать живое, одушевленное энтузіазмомъ, личное посредничество. Здѣсь, въ этой залѣ, я увѣренъ, собралось не мало представителей всевозможныхъ областей Россіи. Пусть, уѣзжая на гѣто, они привезутъ домой разсказъ о томъ, что однимъ средствомъ стало больше въ Москвѣ для оживленія интеллигентной жизни провинціи. Убѣдивъ своихъ земляковъ—испробовать этого средства, они сдѣлають то, чего мы здѣсь не можемъ сдѣлать; и они окажутъ, такимъ образомъ, незамѣнимую услугу дѣлу русскаго просвѣщенія.

Проф. П. Милуновъ.

ВИБЛОГРАФІЯ: — КНИГИ ДЛЯ САМООБРАЗОВАНІЯ.

Физика.

Уже въ древнѣйшія времена человѣкъ изо всего его окружающаго міра получалъ два понятія, въ такой степени, можно сказать, фатальныхъ, что едва ли можно встрѣтить дикаря, у котораго бы въ той или другой формѣ эти понятія не существовали. Понятія эти: *матерія* и *сила*. Опредѣленіе ихъ представляетъ и представляло всегда большія, даже непреоборимыя затрудненія, и не мало было затрачено таланта и остроумія всѣми величайшими философами на то, чтобы охарактеризовать понятіе о матеріи и понятіе о силѣ. Всѣ эти попытки не привели ни къ чему, ибо никогда не приводилъ къ благоприятнымъ результатамъ философско-критическій анализъ «*Сущностей*». Мы знаемъ только явленія, т. е. измѣненія, причѣмъ наше «я» является наблюдающимъ элементомъ, а все остальное—наблюдаемымъ; и въ этомъ наблюдаемомъ намъ удобно усматривать два фактора: одинъ—который мы себѣ представляемъ неизмѣнною сущностью вещей, другой—который заставляеть эту неизмѣнную сущность измѣняться и производить на наши органы чувствъ извѣстное впечатлѣніе; первый факторъ мы называемъ *матеріей*, второй—*силою*. «Матерія едина», говорили древніе философы. «Все—одно», говоритъ Парменидъ—представитель элеатской школы—устами Платона. «Все—одно», повторяли неоплатоники, и это положеніе заставляло ученыхъ въ теченіе многихъ столѣтій стремиться къ превращенію всѣхъ тѣлъ другъ въ друга. И мы теперь говоримъ о «первоматеріи», но первоматерія для насъ пока еще представляется только въ видѣ отвлеченнаго понятія. Напротивъ того, мы знаемъ, что матерія необычайно разнообразна и что только 70 видовъ ея мы не умѣемъ превращать другъ въ друга. Эти непревратимыя другъ въ друга виды матеріи мы называемъ *простыми веществами* и *элементами*. Превращенія же однихъ видовъ матеріи въ другіе составляютъ

предметъ химіи. Но всякія измѣненія мы не можемъ считать происходящими безъ причинъ, ибо если нѣтъ причинъ для измѣненія, то не должно произойти и самаго измѣненія. Вотъ, вся совокупность этихъ причинъ, обусловливающихъ всевозможныя измѣненія и соединилась въ общемъ понятіи «*силы*», причемъ, если эти причины вызываютъ превращенія одного вида матеріи въ другой, то мы, съ момента возникновенія превращенія, называемъ ихъ *химическими* «силами»; если же эти причины обусловливаютъ измѣненія въ матеріи безъ превращенія ея въ другой видъ, т. е. только измѣненіе состоянія матеріи, а не ея «сущности», то мы называемъ ихъ *физическими* «силами» въ широкомъ смыслѣ этого слова.

Такимъ образомъ, современная химія, держась только фактической почвы, считаетъ, что въ природѣ или, лучше сказать, на землѣ имѣется около 70-ти видовъ матеріи, другъ въ друга не превратимой и составляющей основу всего матеріальнаго міра со всѣмъ его разнообразіемъ.

Долгое время такъ же смотрѣли и на силы; считали, что въ природѣ дѣйствуютъ нѣсколько первоначальныхъ силъ, другъ въ друга не превратимыхъ; дѣйствіе этихъ силъ на тѣла и составляло предметъ естествознанія вообще. Однѣ силы, называвшіяся механическими (толчокъ, ударъ, давленіе) изучались въ наукѣ—*механикѣ*; другія силы—теплота, свѣтъ, магнетизмъ, электричество—составляли предметъ *физики*; силы, обусловливающія превращенія одной разновидности матеріи въ другую (напр., превращеніе желѣза въ ржавчину) и называвшіяся «*химическимъ средствомъ*» составляли предметъ химіи и, наконецъ, сила, обусловливающая жизнь растеній и животныхъ, называвшаяся «*жизненною силою*», составляла предметъ біологіи—науки о жизни.

Въ концѣ прошлаго столѣтія было окончательно установлено положеніе о сохраненіи вещества,—положеніе, въ силу котораго принималось, что количество вещества во вселенной не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться.

Пятнадцать лѣтъ тому назадъ было установлено, что въ природѣ существуетъ, кромѣ матеріи, еще «*нѣчто*», количество котораго тоже не можетъ ни увеличиться, ни уменьшиться. Это «нѣчто» и есть *сила*. Положеніе о сохраненіи «силы» было установлено великимъ гейльбронскимъ врачомъ I. R. Мауер'омъ въ 1842 г., и это положеніе составляетъ моментъ, съ котораго физика, какъ наука о дѣйствіи и проявленіи силъ, названныхъ нами физическими, приняла совершенно иную фізіономію.

Если положеніе о сохраненіи количества вещества въ природѣ

могло быть доказано путемъ взвѣшиванія, т. е. сравнительно легко, то далеко не такъ легко было доказать положеніе о сохраненіи силъ.

Сохраненіе количества вещества можно было обосновать на слѣдующемъ: какое бы ни было вещество, оно непремѣнно имѣетъ вѣсъ, стало быть, вещества при всемъ ихъ разнообразіи могутъ быть сравнимы, ихъ можно сравнивать по ихъ вѣсу; можно, напр., было рассуждать такъ: Взято столько-то желѣза, на превращеніе этого желѣза въ желѣзную окалину потребовалось столько-то кислорода, причемъ окалины получилось столько-то; разъ вѣсы покажутъ, что количество окалины въ точности равно количеству желѣза плюсъ количество кислорода, то уже въ *нѣкоторой степени* положеніе о сохраненіи количества вещества утверждено; но тутъ можетъ явиться вопросъ такой: можетъ быть, этотъ фактъ показываетъ какъ разъ нѣчто противоположное; можетъ быть, тутъ количество желѣза увеличилось, а количество кислорода настолько же уменьшилось, и увеличеніе одного уравновѣсило уменьшеніе другого. Для того, чтобы убѣдиться въ неправомерности такого предположенія, мы можемъ изъ полученной нами желѣзной окалины, такъ сказать, извлечь желѣзо, и окажется, что количество его будетъ такимъ же, какимъ оно было до превращенія его въ окалину. Правда, и этотъ опытъ можетъ у скептика вызвать сомнѣнія; скептикъ скажетъ: можетъ быть, при этомъ опытѣ произошло обратное тому, что произошло въ предъидущемъ, т. е. въ предъидущемъ опытѣ, при образованіи желѣзной окалины изъ желѣза и кислорода, количество желѣза увеличилось, а количество кислорода уменьшилось, а теперь при обратномъ превращеніи окалины въ желѣзо и кислородъ произошло обратное явленіе, т. е. количество желѣза дошло до первоначальной величины, т. е. уменьшилось, а количество кислорода настолько же увеличилось? Скептикъ будетъ правъ со стороны чисто логической, но на самомъ дѣлѣ, съ научной стороны, онъ будетъ не правъ, ибо если во всѣхъ случаяхъ наблюдается одно и то же, т. е., что сумма количествъ веществъ *до* ихъ соединенія равна суммѣ ихъ количествъ *послѣ* соединенія и затѣмъ при полученіи изъ соединенія первоначальныхъ веществъ мы находимъ ихъ въ томъ же количествѣ, въ какомъ они были *до* своего соединенія, то для насъ безразлично, что сдѣлалось съ каждымъ изъ этихъ веществъ *при* ихъ соединеніи (ибо въ желѣзной окалинѣ нѣтъ ни желѣза, ни кислорода самихъ по себѣ), лишь бы общее количество отъ этого соединенія не измѣнилось.

Тутъ мы показали, какъ, сравнительно, легко было придти къ заключенію о сохраняемости количества вещества въ природѣ.

Но какъ придти къ заключенію о сохраняемости *силы*?

Если бы всѣ силы были между собою сравнимы, хотя въ какомъ-либо отношеніи, если бы ихъ можно было измѣрять *одною общою мѣрою*, подобно тому, какъ количество вещества возможно измѣрять вѣсомъ, то и этотъ вопросъ былъ бы разрѣшаемъ легко. Но въ томъ-то и горе, что, какъ мы выше указали, въ наукѣ считались несравнимыми между собою такія силы, какъ сила *тяжести*, сообщающаго тѣлу извѣстную скорость движенія, и сила *теплоты*, сообщающая тѣлу извѣстную температуру, или сила магнетизма, сообщающая тѣлу извѣстную способность притягивать къ себѣ желѣзо и т. д. Какую же устанавливать между ними зависимость, когда нѣтъ такой *одной мѣры*, помощью которой всѣ эти силы могли бы быть измѣрены? Какъ установить зависимость между силою, заставившею извѣстное тѣло двигаться съ извѣстною скоростью, и силою, заставившею это же тѣло нагрѣться на нѣсколько градусовъ?

Честь преодоленія этой, казалось, неразрѣшимой задачи принадлежитъ прежде всего I. R. Mayer'у, а за нимъ англійскому ученому Joule'ю.

Какъ первому, такъ и второму удалось установить численную зависимость между *теплотою* и *работою*.

Но для того, чтобы это было для нашихъ читателей не однимъ только мертвымъ звукомъ, мы сначала пояснимъ, что приходится понимать подъ терминомъ «*работа*». Въ механикѣ подъ работою разумѣютъ произведеніе силы на путь, пройденный точкою по направленію этой силы. Это понятіе о работѣ можетъ быть замѣнено другимъ, болѣе нагляднымъ; дѣло въ томъ, что всякую работу можно привести къ поднятію извѣстнаго груза на извѣстную высоту и потому работу можно измѣрять произведеніемъ груза на число, выражающее высоту подъема этого груза; такимъ образомъ, если грузъ вѣсомъ въ одинъ килограммъ поднять на высоту одного метра, то можно сказать, что произведена работа, равная одному *килограммометру*.

Если мы имѣемъ какое-либо тѣло, которое способно при тѣхъ или другихъ условіяхъ совершить работу, то объ этомъ тѣлѣ мы говоримъ, что оно имѣетъ *запасъ энергіи* (Mayer говорилъ «*запасъ силы*»), но это выраженіе можетъ подать поводъ къ недоразумѣніямъ и потому оно оставлено). Такъ, напр., скрученная пружина можетъ, раскручиваясь, поднять нѣкоторый грузъ на извѣстную высоту, т. е. можетъ совершить нѣкоторую работу, и потому мы говоримъ, что скрученная пружина имѣетъ *запасъ энергіи*; по мѣрѣ того, какъ эта пружина, раскручиваясь, совершаетъ работу, т. е. поднимаетъ грузъ вверхъ, запасъ ея энергіи уменьшается, но за-

то поднимающійся грузъ пріобрѣтаетъ запасъ энергіи, и если бы энергія пружины пошла только на поднятіе груза (на самомъ дѣлѣ энергія идетъ и на нѣкоторую другую работу, напр., на преодоленіе сопротивленія воздуха, на преодоленіе тренія нити, на которой грузъ виситъ, и т. д.), то грузъ пріобрѣлъ бы ту самую энергію, которую потеряла пружина.

Совершенно также нагрѣтое, намагниченное или свѣтящееся тѣло имѣетъ въ себѣ *запасъ энергіи*, т. е. можетъ произвести работу поднятія извѣстнаго груза на извѣстную высоту; поэтому о самой теплотѣ, объ электричествѣ, магнитизмѣ, свѣтѣ говорятъ, какъ о *формахъ энергіи*, и такъ какъ эти формы могутъ быть переведены въ *работу*, то работа и является такою же общемою мѣрою для энергіи, какою вѣсь является для всѣхъ видовъ матеріи.

Мауег и задался цѣлью опредѣлить, какую работу можетъ совершить тѣло нагрѣтое, т. е. такое тѣло, которому сообщена тепловая энергія—и въ этомъ заключалась вся геніальность вопроса. Въ естествознаніи, въ особенности же въ физикѣ и химіи, можно сказать, что половина дѣла сдѣлана, если правильно поставленъ вопросъ, ибо правильно поставленный вопросъ намѣчаетъ уже пути къ разрѣшенію. И вотъ путь, которымъ Мауег отвѣтилъ на свой вопросъ:

Представимъ себѣ цилиндръ, наполненный воздухомъ и закрытый со всѣхъ сторонъ. Для того, чтобы воздухъ, находящійся въ цилиндрѣ, нагрѣть на 1 градусъ, нужно сообщить этому воздуху извѣстное количество тепла, т. е., напр., поддержать около цилиндра спиртовую лампочку въ теченіе извѣстнаго времени. Воздухъ нагрѣвается, но работы никакой не совершаетъ; представимъ себѣ, что одна изъ стѣнокъ цилиндра, напр., верхняя крышка его будетъ подвижною (въ родѣ поршня) и расширяющійся воздухъ будетъ эту крышку поднимать; въ такомъ случаѣ воздухъ будетъ совершать работу (поднятіе крышки на извѣстную высоту) и окажется, что для того, чтобы нагрѣть этотъ воздухъ на одинъ градусъ въ то время, какъ онъ совершаетъ работу, нужно уже больше теплоты. Почему? Мауег отвѣчаетъ: потому что здѣсь часть тепловой энергіи идетъ на нагрѣваніе воздуха, а другая часть идетъ на работу. Зная, на сколько больше теплоты нужно для нагрѣванія воздуха во второмъ случаѣ, нежели для нагрѣванія его въ первомъ, мы можемъ узнать, какая часть тепловой энергіи производитъ какую работу, а отсюда можно будетъ узнать, какую работу произведетъ единица тепловой энергіи.

Изъ этихъ соображеній было найдено, что если ту тепловую

*

энергію, которая способна нагрѣть 1 килограммъ воды на 1 градусъ термометра Цельсія, превратить въ работу, то работа эта будетъ равна той работѣ, какую нужно употребить, чтобы поднять грузъ въ 1 килограммъ на высоту 424 метровъ, т. е. будетъ равна работѣ въ 424 килограммометра.

Вотъ съ этого гигантскаго шага и начинается установка такъ называемаго закона *сохраненія энергіи*.

Этотъ законъ установленъ былъ цѣлымъ рядомъ опытовъ и вычисленій, которые показали, что если, напр., истрачена одна единица тепловой энергіи и превращена въ энергію электрическую, эта послѣдняя превращена въ энергію химическую, химическая превращена въ механическую, а механическая снова въ тепловую, то, если при этомъ многообразномъ переходѣ отъ одной энергіи къ другой не было совершено *никакой работы*, то въ результатѣ мы получимъ опять ту же самую единицу тепловой энергіи, которую мы съ самаго начала истратили.

Физика настоящаго времени представляетъ собою ученіе о различныхъ видахъ энергіи, о ихъ взаимныхъ превращеніяхъ и соотношеніяхъ и о проявленіи разныхъ формъ энергіи въ тѣлахъ.

Понятно, что между физикою и химіей рѣзкой границы провести нельзя, ибо химическая энергія, т.-е. энергія, обнаруживающаяся въ превращеніяхъ матеріи изъ одного вида въ другой, принципиально ничѣмъ не отличается, напр., отъ тепловой энергіи, переводящей твердое тѣло въ жидкое или жидкое тѣло въ газообразное состояніе.

Какъ велико значеніе этого ученія о сохраненіи и превращеніяхъ энергіи выяснитъ вкратцѣ нѣтъ никакой возможности; но можно сказать, что никакое ученіе, никакое пріобрѣтеніе науки не дало возможности такъ глубоко заглянуть въ сущность вселенной со всѣми ея міриадами міровъ, какъ ученіе объ энергіи. Для характеристики того всеобъемлющаго значенія, какое выработалось на почвѣ ученія объ энергіи, можетъ служить хотя бы одинъ только примѣръ, который мы выразимъ въ формѣ афоризма:

Всякое дѣйствіе, какое бы человекъ ни совершалъ, совершается имъ на счетъ лучистой энергіи солнца, поглощаемой матеріей находящеюся на землѣ.

Въ самомъ дѣлѣ, сдѣлавши какое-либо движеніе, мы совершаемъ работу; эта работа сопровождается превращеніемъ крахмала, накаплиющагося въ нашемъ организмѣ въ той или другой формѣ въ углекислоту и воду; крахмалъ этотъ образовался изъ углекислоты и воды въ растеніяхъ при дѣйствіи лучистой энергіи (т.-е. солнечнаго свѣта) на зеленныя части растеній; иногда работу

мы совершаемъ не на счетъ крахмала, а на счетъ бѣлковыхъ веществъ (веществъ, подобныхъ яичному бѣлку) нашихъ тканей; но эти бѣлковыя вещества явились въ нашъ организмъ, главнымъ образомъ, изъ животной пищи; животныя же выработали ихъ изъ растительной пищи, которая создавалась изъ веществъ при дѣйствіи на нихъ опять той же лучистой энергіи солнечнаго свѣта (такъ-называемыхъ тепловыхъ, свѣтовыхъ и химическихъ лучей); мы освѣщаемъ наши улицы электричествомъ, но нужно понимать, что мы освѣщаемъ ихъ тою энергіей, которая скопилась отъ солнца, ибо для того, чтобы имѣть электрическое освѣщеніе, мы употребляемъ паровыя машины, паровыя машины приводятъ въ движеніе электрическія машины (динамо-машины), а тѣ уже даютъ электрическую энергію, обращающую въ лучистую, т.-е. свѣтловую энергію. Но источникомъ всего служить опять-таки *уголь* (или дерево), который накапливается въ растеніяхъ только при дѣйствіи солнечнаго свѣта (углекислота и вода превращаются при этомъ въ крахмалъ, крахмалъ въ древесину, древесина въ уголь). Такимъ образомъ мы имѣемъ полное право сказать, что если наши паровыя машины отопляются углемъ изъ Донецкаго каменноугольнаго бассейна и даютъ намъ электричество для освѣщенія, то мы, въ сущности, освѣщаемся тѣмъ свѣтомъ солнца, который тысячи лѣтъ тому назадъ падалъ на землю Донецкаго каменноугольнаго бассейна и которымъ мы тогда не успѣли воспользоваться. Но можно сказать, что вѣдь электрическія машины могутъ приводиться въ движеніе не только паровыми, но и водяными двигателями, напр., водопадами и пр. Если мы вникнемъ въ этотъ случай, то опять же увидимъ, что эти двигатели производятъ свою работу все на счетъ той же лучистой энергіи солнца, ибо для того, чтобы вода совершала работу, она должна падать съ мѣста высшаго уровня на мѣсто низшаго, а для того чтобы попасть въ мѣста высшаго уровня, т.-е. въ мѣста, лежащія вообще выше уровня океана, она должна превратиться въ пары и подняться вверхъ; тамъ, охладившись, она падаетъ въ видѣ дождя, снѣга и проч., скопляется на мѣстахъ болѣе высокихъ и оттуда уже, спускаясь въ мѣста ниже лежащія, можетъ произвести работу; но превращеніе въ паръ воды происходитъ подъ вліяніемъ лучистой (тепловой) энергіи солнца; стало быть, и водяные двигатели работаютъ солнечною энергіей. Мы бы могли цѣлые томы исписать, разбирая подобные примѣры, и вездѣ можно было бы доказать, что всѣ формы энергіи другъ въ друга превратимы, что на землѣ эти формы преимущественно получаютъ отъ солнца, что количество энергіи во вселенной по-

стоянно и что увеличеніе энергіи въ какомъ-либо одномъ тѣлѣ должно непремѣнно сопровождаться уменьшеніями ея въ другомъ.

Вотъ главная часть физики, какъ науки философской и какъ науки, которая въ человѣческое міросозерпаніе вноситъ необыкновенно прочную основу.

Нужно ли говорить о другомъ значеніи физики? Не видимъ ли мы, пользующіеся телеграфами, паровозами, электрическими дорогами, электрическимъ освѣщеніемъ, телефонами, фотографіей и пр. и пр., всего громаднаго практическаго значенія физики? Но пусть никто не думаетъ, что это практическое примѣненіе физики есть ея цѣль, ея задача. Нѣтъ, ея задача не въ телефонахъ, не въ телеграфахъ, или паровозахъ—ея задача въ изысканіи законовъ превращеній энергіи, въ освѣщеніи намъ вселенной, въ постановкѣ насъ на прочную почву, избавляющую отъ мистицизма, отъ предрассудковъ. По пути въ своихъ высшихъ стремленіяхъ она благодѣтельствуеетъ человѣчеству своими практическими открытіями, но ея дѣло вести насъ изъ мрака къ свѣту, раскрывать намъ все новые и новые горизонты.

Будучи наукою умозрительной, физика могла бы дать поводъ къ блужданію въ отвлеченностяхъ, къ увлеченію фантазмами, но отъ этого ее предохраняетъ могущественное средство—опытъ, къ которому она всегда прибѣгаетъ для провѣрки своихъ сужденій. Вооруженная опытомъ, въ подмогу къ которому является математическій анализъ, физика является прототипомъ, къ которому стремятся другія науки и въ этомъ отношеніи ея образовательное значеніе неизмѣримо велико. Исторія физики у древнихъ грековъ служитъ блестящей иллюстраціей того, что такое опытъ при изслѣдованіи явленій. Греки, любившіе больше отвлеченныя разсужденія и пренебрежительно относившіеся къ опыту, создали много въ наукахъ чисто математическихъ, въ философіи, въ этикѣ, въ политикѣ, въ юриспруденціи и почти ничего существеннаго для физики не сдѣлали. Величайшіе умы—Аристотель и Платонъ не оставили въ физикѣ никакихъ существенныхъ слѣдовъ, такихъ слѣдовъ, которые положили бы какой-либо фундаментъ для дальнѣйшей постройки зданія физической науки. Таково значеніе опыта, уясняемое нами исторіей науки, но, помимо этого, мы постоянно чувствуемъ, что если наши разсужденія начинаютъ шататься, если мы путемъ однихъ размышленій о природѣ явленій не можемъ придти ни къ какимъ прочнымъ заключеніямъ, то стоитъ намъ прибѣгнуть къ опыту, и онъ насъ выводитъ на дорогу, даетъ намъ увѣренность въ томъ, что мы держимъ нѣкоторую часть истины въ своихъ рукахъ.

Вотъ почему одно изученіе физики по книгамъ не даетъ намъ настоящаго обладанія предметомъ: книги могутъ дать знакомство съ теоретическою и фактическою частью науки, но онѣ никогда не создадутъ человѣка убѣжденнаго, готоваго отстаивать каждое свое научное приобрѣтеніе и великое изрѣченіе:

«Вѣра безъ дѣлъ мертва есть»

прямо можетъ быть приложена къ изученію физики; знаніе физики, не построенное на опытѣ, мертво. Мы можемъ часто легко отказаться отъ того, что мы вычитали или слышали, но отказаться отъ того, что мы видѣли, въ достовѣрности чего мы убѣдились при помощи нашихъ органовъ чувствъ—намъ очень трудно. Только этимъ и объясняется то упорство, съ которымъ нѣкоторые весьма умные и даже ученые люди держатся различнаго рода предразсудковъ. Если человѣкъ что-либо видѣлъ, слышалъ, чувствовалъ, то его никакими убѣжденіями нельзя заставить отказаться отъ этого. Вотъ почему опытъ создаетъ людей прочныхъ, не колеблющихся въ томъ, въ существованіи чего имъ пришлось убѣдиться своими органами чувствъ. Нечего говорить, что опытъ создаетъ въ человѣкѣ настойчивость въ стремленіи къ цѣли, находчивость и пр.

Вотъ почему, давая обзоръ книгъ, мы далеки отъ мысли, что эти книги могутъ замѣнить изученіе физики; книги эти могутъ служить подспорьемъ, могутъ руководить человѣкомъ въ его самостоятельныхъ занятіяхъ, могутъ вызвать въ немъ интересъ къ тому или другому вопросу, но эти книги безъ поддержки опыта даютъ такое же малое понятіе о физикѣ, какое малое понятіе о человѣкѣ и всѣхъ его качествахъ дастъ даже самая лучшая фотографическая карточка. Только съ этой оговоркою мы и предлагаемъ читателю небольшой списокъ книгъ, имѣющихся, къ сожалѣнію, въ весьма небольшомъ числѣ на русскомъ языкѣ.

Прибавимъ къ сказанному еще нѣсколько словъ.

Многіе думаютъ, что занятія физикою требуютъ большихъ матеріальныхъ затратъ, что такъ-называемый «физическій кабинетъ» стоитъ весьма дорого. Мнѣніе это ошибочно. Конечно, *точные* опыты, имѣющіе цѣлью изученіе явленій съ *количественной* стороны, требуютъ точныхъ инструментовъ, а *точные* инструменты обыкновенно довольно дороги; но знакомство съ *качественною* стороною физическихъ явленій и даже выводъ законовъ съ приближенностью можетъ быть сдѣланъ на приборахъ собственнаго изготовленія или на очень недорогихъ приборахъ, купленныхъ. Даже скажемъ больше: для человѣка, начинающаго изученіе фи-

зика самостоятельно, или для челоуѣка, прошедшаго курсъ физики средняго учебнаго заведенія, весьма полезно изучать много на «самодѣльныхъ» приборахъ, ибо часто неудача опыта на самодѣльномъ приборѣ, заставляя занимающагося выискивать причины неудачи, заставляеть его въ то же время весьма обстоятельно вникать въ сущность явленія, подлежащаго наблюденію. Вотъ почему мы не скажемъ, что челоуѣкъ, не имѣющій въ своемъ распоряженіи хорошаго физическаго кабинета, долженъ отказаться отъ обстоятельнаго изученія физики. Нисколько. Вооружившись нѣкоторымъ терпѣніемъ, имѣя нѣкоторое понятіе о столярныхъ и слесарныхъ работахъ, онъ можетъ при самыхъ скромныхъ затратахъ устроить себѣ кабинетъ, посредствомъ пользованія которымъ можно пройти весьма солидный курсъ физики и изучить явленія съ качественной и, до нѣкоторой степени, съ количественной стороны.

Впрочемъ, для лицъ, не имѣющихъ возможности или желанія самостоятельно заготовлять необходимые для опытовъ приборы, есть готовые коллекціи для главнѣйшихъ опытовъ. Изъ такихъ коллекцій мы можемъ особенно рекомендовать коллекцію преподавателя физики *К. В. Дубровскаго* (Петербургъ, Литейная женская гимназія), стоящую около 25 рублей и содержащую въ себѣ главнѣйшіе «самодѣльные» приборы для прохожденія всѣхъ статей физики; затѣмъ коллекцію приборовъ по статьѣ о *светѣ*, преподавателя петербургской гимназіи *В. Л. Розенберга* (продается у оптика Рихтера и стоитъ около 200 рублей). Эта коллекція даетъ возможность весьма обстоятельно изучить статью о свѣтѣ даже съ количественной стороны, и, наконецъ, коллекцію преподавателя физики *Б. Ю. Колбе* (лучшая изъ всѣхъ коллекцій для изученія статическаго электричества). Эта коллекція даетъ возможность самымъ обстоятельнымъ образомъ ознакомиться съ явленіями статическаго электричества съ качественной и количественной стороны (стоитъ около 60 рублей и продается въ Петербургѣ у оптика Рихтера).

Изъ сочиненій, имѣющихъ характеръ систематическихъ руководствъ, рекомендуемъ, въ особенности для начинающихъ, книгу: *Эвальда, Ф.* Первые уроки изъ физики. Спб. 1872.

Методическое руководство къ качественному изслѣдованію физическихъ явленій. Весьма элементарное изложеніе, хорошо составленные опыты. Къ книжкѣ приложенъ атласъ.

Я. И. Ковальскаго. Сборникъ первоначальныхъ опытовъ.

Въ этомъ прекрасномъ трудѣ, къ сожалѣнію, недостаточно оцѣненномъ публикою, есть, во-1-хъ, отдѣлъ, въ которомъ авторъ зна-

комить учащагося съ нѣкоторыми необходимыми приѣмами для самостоятельнаго изготовленія приборовъ и, во-2-хъ, отдѣлъ собственно физики. Изложеніе прекрасное, простое, опыты подобраны образцово; нѣкоторыя статьи, какъ, напр., статья о жидкостяхъ и газахъ, представляетъ лучшее, что по этому поводу написано въ популярной формѣ. Книга Ковальскаго должна быть настольною книгою для каждаго, занимающагося элементарною физикою самостоятельно.

Н. А. Любимовъ. Начальная физика въ объемѣ гимназическаго преподаванія. 2-е изд. Москва. 1874.

Хотя книга уже устарѣла во многихъ частяхъ, но она представляетъ особенный интересъ, благодаря оригинальности изложенія и большому количеству историческихъ подробностей, дающихъ, такъ сказать, каждую статью не только въ томъ состояніи, въ которомъ она существуетъ въ данное время, но характеризующую и постепенное развитіе каждаго отдѣла физики.

Далѣе, укажемъ на сочиненія, трактующія отдѣльные вопросы физики:

Тиндаль, Джонъ. Звукъ. Популярныя лекціи изд. журнала «Космосъ» 1870 г.

Это сочиненіе печаталось въ журналѣ «Космосъ», существовавшемъ короткое время, и затѣмъ вышло отдѣльной книгою. Изложеніе образцовое, какимъ вообще характеризуются всѣ сочиненія знаменитаго англійскаго популяризатора и ученаго. Къ сожалѣнію, книга эта въ настоящее время сдѣлалась уже библиографической рѣдкостью; ее можно получить только у букинистовъ, да и то за сравнительно высокую цѣну.

Тиндаль, Д. Лекціи объ электричествѣ, перев. подъ ред. Н. А. Гезехуса. 2-е изд. 1880 г.

Эти лекціи читаны были на Святкахъ въ королевскомъ институтѣ въ Лондонѣ для юныхъ слушателей. Однако, въ нихъ могутъ найти и взрослые люди весьма много поучительнаго. Приборы и опыты, отличаясь большимъ остроуміемъ, чрезвычайно просты и могутъ быть самостоятельно продѣлываемы читателемъ.

Тиндаль, Д. Популярныя лекціи. Перев. подъ ред. проф. Ф. Ф. Петрушевскаго. 2 изд. 1883 г.

Въ этой серіи содержится лекція «Тепло и холодъ» и «Матерія и сила». Рядъ интересныхъ опытовъ и образцовое изложеніе дѣлаетъ эту книжку особенно цѣнною для самообразованія.

Тиндаль, Д. Свѣтъ. 6 лекцій, перев. подъ ред. Н. А. Гезехуса. 1877.

Тиндаль, Д. Теплота, рассматриваемая какъ родъ движенія, 12 лекцій, перев. подъ ред. проф. Шимкова. 1864 г.

О двухъ послѣднихъ книжкахъ слѣдуетъ сказать, что при большой обстоятельности изложенія, при строгой научности въ обработкѣ вопросовъ, простой языкъ, довольно простые опыты все же дѣлаютъ ихъ вполне доступными обширному кругу читателей. Последнее изъ названныхъ сочиненій самымъ обстоятельнымъ образомъ излагаетъ новое ученіе о теплотѣ, какъ о частичномъ движеніи.

Майеръ, А. М. Звукъ. Перев. М. А. Антоновича. Спб. 1881.

Рядъ простыхъ, занимательныхъ и недорогихъ опытовъ по звуку. Несмотря на самое элементарное изложеніе, читатель вынесетъ изъ чтенія этой книжки весьма много полезныхъ свѣдѣній, между прочимъ, объ искусственномъ полученіи гласныхъ, согласныхъ звуковъ и словъ. Опыты—весьма оригинальны.

Укажемъ еще на нѣсколько сочиненій, могущихъ сослужить службу въ дѣлѣ ознакомленія съ современною физикою и нѣкоторыми ея теоретическими воззрѣніями.

Проф. *Гельмгольтцъ, Г.* Законъ сохранения силы. Пер. Рындовскаго. Харьковъ. 1865.

Это сочиненіе представляетъ собою знаменитую статью Гельмгольца появившуюся въ 1847 г. подъ заглавіемъ «Ueber die Erhaltung der Kraft»; въ немъ проведено черезъ всю физику ученіе о сохраненіи энергіи; такъ что и до сихъ поръ названное сочиненіе представляетъ классическій трудъ по вопросу объ энергіи.

Проф. *Гельмгольтцъ, Г.* Популярныя научныя статьи. Спб. 1866.

Проф. *Колли, Р.* О законѣ сохранения энергіи. Казань. 1879.

Проф. *Хвольсонъ, О.* Популярныя лекціи объ основныхъ гипотезахъ физики. 1887.

Тэтъ, П. Обзоръ нѣкоторыхъ изъ новѣйшихъ успѣховъ физическихъ знаній съ прибавленіемъ отдѣльной лекціи «о силѣ». Переводъ подъ ред. И. М. Сѣченова.

Послѣднія четыре сочиненія, въ особенности же второе и четвертое, требуютъ знакомства съ физикою. Сочиненіе Тэтъ, какъ и вообще всѣ сочиненія этого знаменитаго автора, отличающагося глубиной мысли, страдаютъ въ смыслѣ изложенія: оно ведется весьма тяжелымъ языкомъ. Русскій переводъ сдѣланъ довольно небрежно.

Ученіе объ электричествѣ составляетъ теперь предметъ особеннаго вниманія ученыхъ. Наиболе интересная часть ученія объ электричествѣ, а именно ученіе о связи свѣтовыхъ и электрическихъ явленій, весьма трудно поддается элементарному изложенію. Немудрено, поэтому, что популярныхъ книгъ въ этомъ отношеніи почти не существуетъ ни въ европейской, ни въ нашей литературѣ. Во всякомъ случаѣ, мы можемъ рекомендовать нашимъ читателямъ слѣдующія сочиненія:

Кольбе, Б. Введеніе въ ученіе объ электричествѣ (статическомъ). Спб. 1894.

Хоульсонъ, О. Популярныя лекціи объ электричествѣ и магнетизмѣ. Спб. 1884 г.

Веберъ, Геймр. Популярныя лекціи о гальваническомъ токѣ съ прибавленіемъ лекціи о вѣчномъ движеніи. Пер. Н. С. Дрентельна. Спб. 1888.

Лоджъ, О. Современные взгляды на электричество. Пер. подъ ред. проф. Н. Егорова. 1889.

Послѣдняя изъ книжекъ имѣетъ цѣлью изложить въ общедоступной формѣ основанія современнаго ученія объ электричествѣ и представить связь между электричествомъ, магнетизмомъ и свѣтомъ. Насколько это возможно сдѣлать въ популярной формѣ, авторъ это дѣлаетъ, но въ общемъ—книжка не можетъ считаться популярною, въ особенности же трудно читается третья глава—о магнетизмѣ. Послѣдняя же часть: «объ электрическомъ лучеиспусканіи» представляетъ доказательства тому, что свѣтъ есть особое электрическое возмущеніе среды и что свѣтотыны волны возбуждаются электрическими колебаніями.

Разумѣется, мы могли бы назвать еще много другихъ сочиненій, но полагаемъ, что читатель и въ этихъ, нами названныхъ, книгахъ найдетъ все наиболѣе существенное.

Проф. М. Ю. Гольдштейнъ.

НОВЫЯ КНИГИ.

Дж. Фисне. Открытіе Америки. Съ краткимъ очеркомъ древней Америки и испанскаго завоеванія. Въ двухъ томахъ. Пер. съ англійскаго П. Николаева. Изд. К. Т. Солдатенкова. М. 1892—1893 г. Ц. 4 р.

Кто открылъ Америку? Большинство отвѣтитъ: Колумбъ. Между тѣмъ, если хорошенько разобраться въ историческихъ матеріалахъ, относящихся къ этому событію, то здѣсь окажется огромная неточность. Колумбъ не открывалъ Америки, онъ только открылъ дорогу къ ней. До самой своей смерти онъ оставался въ томъ убѣжденіи, что открытая имъ земля—не новый материкъ, а часть азіатскаго материка. «Наша привычка опредѣлять великія событія специфическими датами во многихъ отношеніяхъ необходима,

но иногда она приноситъ значительный вредъ,—говорить вполне справедливо Дж. Фиске,—прекрасную книгу котораго мы позволяемъ себѣ рекомендовать нашимъ читателямъ.

Собственно говоря, открытіе Америки было не единымъ событіемъ, а *постепеннымъ процессомъ*. Оно не было подобно акту спеціальнаго творенія, а представляетъ эволюцію. Вотъ картину этой-то эволюціи и рисуетъ талантливый американскій ученый Джонъ Фиске, принадлежащій къ числу тѣхъ историковъ, которые вмѣстѣ съ эрудиціей въ своей спеціальности соединяютъ широкій, разносторонне образованный умъ, которые вкладываютъ въ свой трудъ не только знанія и силу мысли, но и свое настроеніе, проникнутое свѣтлой, гуманной идеей. Какъ видно изъ предисловія, сочиненіе Фиске, вышедшее на англійскомъ языкѣ въ 1892 году, представляетъ результатъ тридцатилѣтняго изученія. Авторъ хотя и пользовался трудами историковъ—Робертсона, Прескотта и другихъ, но, главнымъ образомъ, въ основу его труда положено изученіе сырыхъ матеріаловъ, могущихъ освѣтить съ той или иной стороны интересующую его эпоху. Авторъ начинаетъ свою исторію съ геологическихъ временъ и доводитъ свой разсказъ до половины XVIII столѣтія нашей эры, когда въ 1741 году былъ открытъ полуостровъ Аляска. Чтобы обзрѣть въ ихъ истинной перспективѣ рядъ событій, составляющихъ «открытіе Америки», онъ прежде всего знакомитъ читателя съ Америкой до-исторической, съ тѣмъ странымъ міромъ, который открылся европейцамъ лишь въ XV вѣкѣ.

«Наука все болѣе и болѣе приводитъ къ заключенію,—говоритъ Фиске,—что населеніе Америки и его культура были туземными; мы можемъ повторить замѣчательныя слова Джона Лэббока: «различныя расы, находящіяся на одной стадіи развитія, часто болѣе похожи другъ на друга, чѣмъ одна и та же раса въ различныхъ стадіяхъ своей исторіи». Когда аббатъ Брассеръ нашелъ въ исторіи Мексики подробности, напоминавшія ему древній Египетъ, онъ сдѣлалъ поспѣшное заключеніе, что мексиканская культура заимствована отъ египтянъ. Теперь подобные методы объясненія совершенно устарѣли, говоритъ Фиске. Мексиканская культура на столько же мало похожа на египетскую, на сколько кактусъ похожъ на лотосъ. Она есть произведеніе особенныхъ, американскихъ условій, вліявшихъ на американскій духъ; тѣ изъ ея чертъ, которыя напоминаютъ намъ древній Египетъ или до-историческую Грецію, доказываютъ только то, что эта культура приближалась, хотя и не достигла стадіи, достигнутой этими странами стараго свѣта. Съ этой точки зрѣнія сходство между ними чрезвычайно интересно. Пользуясь данными археологіи, этнографіи, сравнительнаго изученія куль-

туры, Фиске рисуетъ хотя и не подробную, но отчетливую картину до-исторической жизни Америки, ея учрежденія, бытъ, вѣрванія и проч. Онъ не только знакомитъ съ формами жизни, но и объясняетъ происхожденіе этихъ формъ, какъ необходимый и естественный результатъ эволюціи. Древняя Америка, говоритъ онъ, была міромъ болѣе архаическимъ, чѣмъ міръ Европы или Азіи, и представляла во времена Колумба общественныя формы, *пережитыя* обитателями береговъ Средиземнаго моря еще до постройки города Рима. Этимъ-то и обусловливается особенная и необыкновенная привлекательность американской археологіи и ея особенная важность для всѣхъ, изучающихъ всемірную исторію». Авторъ ставитъ своей задачей дать ясное представленіе о характерѣ культуры, которой достигли американскіе народы къ концу [XV столѣтія. Таково содержаніе первой главы. Вторая посвящена предшественникамъ Колумба, еще за много вѣковъ до него попавшимъ въ Америку и похитившимъ частичку славы ея открытія у энергичнаго генуэзца, но только частичку, такъ какъ дѣйствительныя сношенія между восточнымъ и западнымъ полушаріями начались, какъ извѣстно, только послѣ путешествія Колумба. Третья и четвертая главы содержатъ описаніе европейскихъ поисковъ дороги въ Индію, разъясняютъ причины, лежація въ самомъ строѣ европейской жизни и неизбежно подготовившія путешествіе Колумба, которому посвящены пятая и шестая главы. Это путешествіе является, по Фиске, необходимымъ выводомъ изъ предыдущей исторіи Европы; Колумбъ совершаетъ лишь то, что неизбежно должно было совершиться. Смертью Колумба кончается первый томъ сочиненія; второй содержитъ исторію дальнѣйшихъ открытій на американскомъ материкѣ. Авторъ показываетъ, какъ выяснялось постепенно значеніе открытія Колумба, какое участие въ этомъ процесѣ принимали и чернь, и толпа,—Веспуччи, Магелланъ, и Козлю, Жакъ, Пинпонъ и другіе. Съ большимъ интересомъ читаются три главы (VIII—X), посвященныя описанію мексиканской и перуанской культуры и исторіи ихъ гибели. Одиннадцатая глава рисуетъ портретъ одной изъ самыхъ замѣчательныхъ личностей того времени—Ласъ Казаса, котораго мы, по традиціи, усвоенной изъ старыхъ учебниковъ, привыкли считать еще съ школьной скамьи инициаторомъ рабства негровъ. Фиске горячо опровергаетъ это заблужденіе. Дѣло было такъ. При испанскомъ дворѣ Ласъ Казасу, ратовавшему противъ невольничества индѣйцевъ, было выставлено въ качествѣ аргумента, что невольники необходимы, кто-нибудь долженъ же работать въ рудникахъ. На это категорическое утвержденіе Ласъ Казасъ выразилъ мнѣніе, что «если раб-

ство должно существовать, то порабощеніе черныхъ, можетъ быть, должно считатьъ меньшимъ изъ золъ, такъ какъ негры выносливѣе индѣйцевъ». Фиске доказываетъ, что предложеніе Ласъ Казаса, за которое впоследствии онъ самъ такъ строго осудилъ себя, не имѣло никакого существеннаго вліянія на возстановленіе африканской работоторговли. Фиске приводитъ цѣлый рядъ крайне интересныхъ фактовъ, рисующихъ намъ, какъ исторію рабства, такъ и фигуру знаменитаго борца противъ этого учрежденія. Авторъ отмѣчаетъ тотъ печальный фактъ, что ужасный институтъ рабства появился въ Новомъ свѣтѣ при появленіи тамъ цивилизованныхъ европейцевъ. Заключительная глава труда Фиске посвящена «дѣламъ двухъ послѣдующихъ вѣковъ» (XVII и XVIII), когда неустанно продолжалось изслѣдованіе открытаго материка, когда было положено тамъ начало колоніямъ англичанъ и другихъ народностей, когда все большому и большому процвѣтанію колоній англійскихъ соотвѣтствовало и все большее паденіе колоній испанскихъ. «Сопоставляя эластичность ума и энергію Шекспировской Англій съ мракомъ и уныніемъ, охватившимъ инквизиторскую Испанію, мы не найдемъ ничего страннаго въ томъ фактѣ, что самыя большія и могучія націи Новаго свѣта говорятъ по англійски, а не поиспански. Одинъ изъ самыхъ интересныхъ фактовъ нашего огромнаго материка состоитъ въ томъ, что борьба за обладаніе имъ доказала превосходство учреждений и методовъ, которые впервые появились въ Англій и которымъ суждено опредѣлять будущность человѣчества». Этими словами Фиске заканчиваетъ свою прекрасную книгу, которую мы рекомендуемъ вниманію нашихъ читателей. Книга написана популярно, хорошимъ языкомъ. Переводъ сдѣланъ весьма добросовѣстно.

Н. Р.—нъ.

Экономическіе этюды. Экономическія причины голодовокъ въ Россіи и мѣры къ ихъ устраненію. Проф. Новоалександрійскаго института А. И. Сиворцова. Петербургъ. 1894. Ц. 1 рубль.

За послѣднее время въ нашей литературѣ особенно оживленно обсуждается вопросъ о сравнительныхъ преимуществахъ общиннаго и подворнаго землевладѣнія. Неурожай 1891 г. и послѣдовавшій затѣмъ голодъ, охватившій громадное пространство земледѣльческой Россіи, естественно обратилъ общее вниманіе на причины обѣднѣнія массы крестьянскаго населенія. Возникли многочисленные проекты всевозможныхъ экономическихъ реформъ и вмѣстѣ съ тѣмъ снова разгорѣлся старый споръ о достоинствахъ и недостаткахъ общиннаго землевладѣнія. Такъ какъ полоса неурожая прошла, главнымъ образомъ, по великорусскимъ губерніямъ, въ которыхъ

господствуетъ община, то вполне естественно, что противники общины увидѣли въ этомъ новое доказательство своей мысли о несовмѣстимости общиннаго землепользованія съ прогрессомъ сельскохозяйственной культуры.

Настоящая книга принадлежитъ одному изъ такихъ противниковъ общины. Весьма часто одной изъ главныхъ причинъ обѣднѣнія крестьянъ признается непосильная тяжесть лежащихъ на нихъ налоговъ. Съ этимъ мнѣнiемъ авторъ не согласенъ потому, что значительная часть крестьянъ—бывшіе государственные, платятъ сравнительно немного, гораздо меньше бывшихъ помѣщичьихъ, а между тѣмъ, они не меньше послѣднихъ пострадали отъ неурожая. По мнѣнію автора, если бы обѣднѣніе крестьянъ было вызвано тяжестью налоговъ, то пришлось бы совершенно отчаяться въ возможности лучшаго будущаго, такъ какъ никакъ нельзя ожидать, что въ ближайшемъ будущемъ наши государственные расходы сократятся.

Точно также, если признавать причиной обѣднѣности малоземелье, то нельзя рассчитывать на поднятіе крестьянскаго хозяйства. Путемъ подробнаго разчета авторъ старается доказать, что при существующей системѣ полеводства—трехпольѣ, даже увеличеніе крестьянскаго надѣла до высшей практически возможной нормы не обеспечитъ крестьянину достаточнаго дохода. Организация переселеній въ широкихъ размѣрахъ не можетъ помочь дѣлу, такъ какъ, во-первыхъ, количество свободныхъ земель въ Сибири вовсе не такъ громадно, какъ обыкновенно думаютъ, а во-вторыхъ, само устройство переселеній требуетъ расходовъ въ сотни милліоновъ рублей, которые, въ концѣ-концовъ, лягутъ новымъ бременемъ на то же крестьянство. Кромѣ того, не нужно забывать, что увеличеніе площади запашки должно понизитъ цѣну хлѣба и тѣмъ самымъ усилитъ переживаемый Россіей и Западной Европой сельскохозяйственный кризисъ.

И такъ, въ чемъ же искать выхода изъ отчаяннаго положенія, въ которомъ теперь находится масса русскаго крестьянства? На это авторъ даетъ категорическій отвѣтъ: въ поднятіи производительности нашего земледѣлія, въ переходѣ отъ трехполья къ плодосмѣнному сѣвообороту, отъ экстенсивнаго къ интенсивному хозяйству.

Но отчего же крестьяне упорно держатся отсталыхъ пріемовъ земледѣльческой культуры и не обнаруживаютъ склонности переходить къ высшей формѣ полеводства, которая, по расчетамъ автора, обѣщаетъ значительно повысить производительность крестьянскаго труда. Проф. Скворцовъ указываетъ, главнымъ образомъ,

одну причину: распространеніе общиннаго землепользованія. Онъ входитъ въ подробный разборъ аргументовъ сторонниковъ общиннаго землевладѣнія и приходитъ къ тому заключенію, что аргументы эти либо основаны на недоразумѣніяхъ, либо противорѣчатъ фактамъ. Кромѣ того, растянутасть крестьянскихъ надѣловъ (своейственная, по преимуществу, черноземной и степной полосѣ) является, по мнѣнію проф. Скворцова, обстоятельствомъ, крайне гибельнымъ для крестьянскаго хозяйства, такъ какъ, благодаря длинноземелью, крестьянинъ долженъ совершенно непроизводительно тратить массу времени и труда на переѣздъ изъ одного мѣста въ другое.

Не довольствуясь критикой существующаго, проф. Скворцовъ намѣчаетъ цѣлый рядъ практическихъ мѣропріятій для поднятія нашего крестьянскаго хозяйства. Онъ предлагаетъ предоставить каждому общиннику право требовать себѣ выдѣла въ вѣчное потомственное пользованіе опредѣленныхъ размѣровъ участка общинной земли; при этомъ, такъ какъ имѣющейся въ наличности крестьянской земли недостаточно для надѣленія землей всего крестьянскаго населенія, то авторъ не останавливается передъ требованіемъ обезземеленія (за соотвѣтствующее вознагражденіе) всѣхъ тѣхъ членовъ крестьянской общины, которые, по недостатку рабочаго скота иди по какой-либо другой причинѣ, въ теченіе послѣдняго времени не могли вести самостоятельнаго земледѣльческаго хозяйства. Для черноземной полосы, особенно страдающей отъ длинноземелья, авторъ выступаетъ съ еще болѣе рѣшительнымъ предложеніемъ — произвести расселеніе крупныхъ деревень, причемъ «въ крайности не слѣдуетъ останавливаться передъ обязательнымъ расселеніемъ».

Таково предлагаемое авторомъ лекарство отъ переживаемыхъ нами экономическихъ недуговъ. Если общинное владѣніе будетъ уничтожено и многолюдныя деревни будутъ замѣнены отдѣльными хуторами, расположенными въ центрахъ прямоугольныхъ участковъ, то крестьянинъ броситъ трехполье, перейдетъ къ интенсивнымъ формамъ культуры и крестьянское хозяйство будетъ спасено...

Книжка проф. Скворцова не лишена интереса, но всѣ его нападки на общинное землепользованіе мало убѣдительны. Если община является главнымъ тормазомъ земледѣльческаго прогресса, то, надо думать, въ тѣхъ случаяхъ, когда этого тормазы нѣтъ, крестьянское хозяйство должно быстро прогрессировать и уже давно должно было перейти къ плодосмѣнному сѣвообороту. Такъ ли это? можно ли утверждать, что въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ среди крестьянъ преобладаетъ подворное хозяйство, земледѣль-

ческая техника стоит вообще выше, чѣмъ въ мѣстностяхъ съ преобладающимъ общиннымъ землевладѣніемъ? Проф. Скворцовъ этого вопроса даже и не затрогиваетъ, а между тѣмъ фактическое доказательство преимущества участковаго землепользованія было бы гораздо убѣдительнѣе теоретическихъ выкладокъ и разсужденій. Если же, какъ, вѣроятно, не станетъ отрицать и самъ авторъ въ настоящее время нельзя констатировать какого-либо преимущества въ этомъ отношеніи подворнаго землевладѣнія сравнительно съ общиннымъ, то нельзя выставить общину причиной отсталости крестьянскаго хозяйства и ожидать отъ уничтоженія общины спасенія Россіи. Причины разоренія крестьянскаго населенія коренятся гораздо глубже и составляютъ, по нашему мнѣнію, естественное послѣдствіе распаденія натурального хозяйства и замѣны его денежнымъ, какъ это было прекрасно разъяснено многими изслѣдователями русской хозяйственной жизни за послѣднее время.

Точно также нельзя согласиться съ проф. Скворцовымъ, что длинноземелье играетъ такую выдающуюся роль въ переживаемомъ нами кризисѣ. На ряду съ многолюдными деревнями у насъ существуютъ и малолюдныя; можно ли утверждать, что въ послѣднихъ деревняхъ земледѣльческая техника вообще стоитъ выше? Кой-какія скудныя фактическія данныя въ этомъ смыслѣ, приводимыя проф. Скворцовымъ, во всякомъ случаѣ недостаточны для такого общаго заключенія. Еще болѣе странно утвержденіе автора, что тяжесть налоговъ не играетъ большой роли въ обѣднѣніи крестьянъ. Если платежи бывшихъ государственныхъ крестьянъ относительно ниже, чѣмъ бывшихъ помѣщичьихъ, то вѣдь и экономическое положеніе первыхъ, какъ всѣмъ извѣстно, гораздо лучше.

Наконецъ, что касается проектируемыхъ проф. Скворцовымъ положительныхъ мѣръ для поднятія крестьянскаго хозяйства, то онѣ поражаютъ своей прямолинейностью: обязательное разселеніе крестьянъ по хуторамъ, причемъ значительная часть полноправныхъ членовъ общины будетъ обезземелена—съ такой крайней мѣрой было бы трудно согласиться даже въ томъ случаѣ, если бы несомнѣстимость нынѣ существующаго порядка крестьянскаго землевладѣнія съ прогрессомъ земледѣльческой техники была доказана внѣ всякаго сомнѣнія и спора. Но такъ такъ проф. Скворцовъ послѣдняго не сдѣлалъ, то читатель можетъ только изумляться легкости, съ какой авторъ жертвуетъ интересами значительной части населенія и не останавливается передъ перспективой административнаго принужденія, ради весьма проблематическихъ выгодъ крестьянскихъ хуторовъ, устроенныхъ по одному опредѣленному шаблону.

Со всѣмъ тѣмъ, многое въ разбираемой книгѣ мы считаемъ совершенно вѣрнымъ. Такъ, мы вполне согласны съ проф. Скворцовымъ, что натуральное хозяйство, послѣ преобразованія условій транспорта и развитія въ Россіи сѣти желѣзныхъ дорогъ, не можетъ быть сохранено въ прежнемъ видѣ и по необходимости должно перейти въ мѣновое и денежное. Точно также мы считаемъ правильнымъ указаніе автора на естественный ходъ экономической эволюціи, вызывающій поглощеніе кустарнаго производства фабричнымъ. Вообще, книга проф. Скворцова очень бы выиграла, если бы авторъ ограничился критикой существующаго и при составленіи собственныхъ проектовъ въ большей мѣрѣ считался съ дѣйствительными условіями жизни, которыя въ вопросахъ практической политики должны стоять, во всякомъ случаѣ, на первомъ планѣ, а также относился бы съ большимъ уваженіемъ хоть къ тѣмъ правамъ человѣческой личности, которыя отведены сводомъ законовъ Россійской Имперіи даже и крестьянину.

М. Т. Б.

О пьянствѣ дѣтей и о вредномъ вліяніи вина на дѣтскій организмъ. Приватъ-доцента В. Ф. Якубовича, ассистента академической дѣтской клиники. Спб. Ц. 25 коп. Изданіе въ пользу Общества вспоможенія больнымъ, выходящимъ изъ клиникъ Императорской военно-медицинской академіи.

Докторъ Якубовичъ затрогиваетъ въ своей брошюрѣ крайне важный вопросъ о томъ, какъ отзывается на дѣтяхъ пьянство ихъ родителей. Пьянство взрослыхъ передается по наслѣдству дѣтямъ. Эта ужасная истина подтверждается статистическими изслѣдованіями въ Америкѣ и Англій, показывающими, что изъ 703 пьяницъ 308 имѣли родителей, подверженныхъ этому пороку. Кромѣ страсти къ вину, дѣти, рожденные отъ родителей пьяницъ, приобрѣтаютъ еще разнаго рода нервныя разстройства, душевныя болѣзни, эпилепсія, чахотка и разнаго рода порочныя наклонности также бываютъ достояніемъ дѣтей, родители которыхъ злоупотребляли спиртными напитками. Въ этомъ-то обстоятельствѣ и заключается главное и наиболѣе серьезное зло пьянства. Вредное вліяніе пьянства родителей на дѣтей было извѣстно древнимъ и о немъ очень подробно говоритъ Гиппократъ. Пьяницы-родители передаютъ дѣтямъ либо различныя болѣзни и пороки, зарождающіеся отъ наслѣдственнаго пьянства, либо само пьянство. Пьянство также способствуетъ вырожденію; это можно наблюдать, напримѣръ, при рекрутскихъ наборахъ—нѣкоторыя мѣстности, гдѣ пьянство очень развито, не могутъ доставлять требуемое число новобранцевъ. Когда въ Швеціи, благодаря

цѣлесообразнымъ мѣрамъ, уменьшилось пьянство, то уменьшилось и число малорослыхъ и неспособныхъ къ военной службѣ юношей. Вредное вліяніе спирта на народонаселеніе настолько велико, говоритъ докторъ Якубовичъ, что употребленіе спиртныхъ напитковъ не можетъ быть оправдано никакими финансовыми соображеніями, связанными съ питейнымъ доходомъ.

Несмотря на краткость изложенія, докторъ Якубовичъ въ своей брошюрѣ приводитъ довольно много доказательствъ вреднаго вліянія спиртовыхъ напитковъ на дѣтскій организмъ. Помимо наслѣдственнаго пьянства, у дѣтей нерѣдко приходится наблюдать и приобрѣтенное пьянство. Въ развитіи этого порока у дѣтей чаще всего бываютъ виноваты взрослые. Во всѣхъ классахъ распространены обычаи давать дѣтямъ спиртные напитки и это часто имѣетъ губительныя послѣдствія для дѣтскаго организма, вызываетъ въ немъ важныя разстройства, развиваетъ въ дѣтяхъ склонность къ спирту и увеличиваетъ смертность дѣтей. Въ народѣ, въ дѣлѣ распространенія пьянства среди дѣтей немаловажную роль играетъ народная бѣдность; спиртъ служитъ добавленіемъ къ скудной, недостаточной пищѣ и заглушаетъ чувство голода. Это мнѣніе высказывается многими учеными авторитетами въ Европѣ и Америкѣ. Въ достаточныхъ классахъ бѣдность и голоданіе замѣняются неправильнымъ современнымъ воспитаніемъ, въ которомъ, рядомъ съ чрезмѣрнымъ напряженіемъ умственной дѣятельности, практикуется почти полное пренебреженіе развитія физической стороны организма. Затѣмъ, еще однимъ факторомъ въ дѣлѣ развитія пристрастія къ спиртнымъ напиткамъ у дѣтей, являются нерѣдко сами врачи. Назначая дѣтямъ спиртные напитки, въ той или другой формѣ, смотря по показаніямъ минуты, врачъ очень часто забываетъ предупредить родителей, что они должны прекратить введеніе спирта въ организмъ ребенка, какъ только минуетъ надобность. Вслѣдствіе такой оплошности врача у дѣтей, особенно съ наслѣдственнымъ расположеніемъ, можетъ развиться привычка къ вину, которое сдѣлается для ребенка потребностью. Авторъ заканчиваетъ свою брошюру пожеланіемъ, чтобы скорѣе настало время, когда вино перестанетъ быть злымъ гениемъ человѣчества, преждевременно относящимъ его въ могилу.

Брошюра составлена изъ публичной лекціи, читанной авторомъ 16-го февраля 1893 года въ С.-Петербургскомъ собраніи врачей. Какъ цѣль изданія, сама по себѣ очень симпатичная, такъ и интересъ предмета, котораго касается брошюра, вполне обеспечиваютъ, конечно, ея распространеніе въ публики. Э.

Бертольдъ Ауэрбахъ. Спиноза, жизнь мыслителя. Пер. А. Г. Сахаровой. Спб. Изд. М. М. Ледерле. 1894. Стр. 376.

Историческій романъ «Спиноза»—одно изъ самыхъ равныхъ произведеній знаменитаго вѣмецкаго романиста, Б. Ауэрбаха. Прежде чѣмъ приняться за изображеніе народной жизни и современныхъ ему типовъ вѣмецкаго крестьянства въ своихъ знаменитыхъ «Шварцвальдскихъ разсказахъ», «Босовожкѣ» и др., Ауэрбахъ выработалъ опредѣленное философское міросозерцаніе, которое сказалось во всѣхъ его дальнѣйшихъ художественныхъ произведеніяхъ; это міросозерцаніе, носящее свѣтлую идеалистическую окраску, сложилось главнымъ образомъ подъ влияніемъ философіи Спинозы. Ауэрбахъ одинъ изъ серьезныхъ изслѣдователей жизни и произведеній знаменитаго философа XVII в.; онъ перевелъ его сочиненія на вѣмецкій языкъ и написалъ обстоятельную біографію мыслителя. Усвоивши себѣ его философію, Ауэрбахъ вдохновился ею въ вѣкоторыхъ романахъ лучшей поры своего творчества (напр., въ извѣстномъ романѣ «На высотѣ»), но прежде чѣмъ перейти къ объективному изображенію жизни въ художественныхъ произведеніяхъ, Ауэрбахъ отразилъ свое увлеченіе Спинозой въ романѣ, посвященномъ разсказу о его жизни и о постепенномъ развитіи его философскихъ воззрѣній. Глубоко проникнутый интересомъ къ душевной жизни своего героя, Ауэрбахъ сумѣлъ очень поэтично и тонко нарисовать образъ великаго философа. Психологическій интересъ романа заключается въ томъ, что авторъ не излагаетъ ученія Спинозы, а возсоздаетъ душевное настроеніе, изъ котораго оно вышло. Прежде чѣмъ философское міросозерцаніе отливается въ опредѣленные формулы и закрѣпляется научнымъ изложеніемъ, оно долго живетъ безсознательной жизнью въ душѣ мыслителя, питается созерцаніемъ виѣшняго міра и крѣпнетъ среди жизненныхъ условій. Этотъ подготовительный періодъ, предшествующій созданію «Теологическаго трактата» и «Этики» Спинозы, изображенъ въ романѣ. Ауэрбахъ отмѣчаетъ всѣ главные моменты жизни Спинозы, влияніе среды, въ которой онъ выросъ, его страстное исканіе истины среди горячей религіозной борьбы волновавшей Голландію XVII в., и характеризующія его съ дѣтства глубокое религіозное чувство и любовь къ людямъ. Останавливаясь очень подробно на первой юности Спинозы, Ауэрбахъ показываетъ, какое громадное значеніе для философскаго склада ума его героя имѣла талмудическая школа, черезъ которую онъ прошелъ въ дѣтствѣ. Въ романѣ обрисована своеобразная среда ортодоксальнаго еврейства, строгій ритуалъ, налагающій тяжкія цѣпи на весь складъ жизни евреевъ, преданныхъ традиціямъ старины, постоянныя заботы объ

исполненіи религиозныхъ обязанностей. Вся эта, преисполненная благочестія и вмѣстѣ съ тѣмъ фанатической нетерпимости обстановка, окружавшая будущаго философа въ его родительскомъ домѣ, должна была наложить глубокий отпечатокъ на его пытливый умъ. Уже очень рано, при первыхъ столкновеніяхъ съ одностороннимъ, суровымъ, но вмѣстѣ съ тѣмъ преисполненнымъ вдохновенныхъ порывовъ культомъ своихъ одноплеменниковъ, Спиноза задается вопросомъ о томъ, на чьей сторонѣ истина. Природная склонность углубляться въ каждый волнующій его вопросъ, развивается у Спинозы среди гололоомныхъ талмудическихъ занятій подъ руководствомъ перваго учителя Спинозы, раввина Мортейры. Чтеніе библейскихъ текстовъ и замысловатыя толкованія, въ которыхъ изощрялась диалектика учениковъ, были прекрасной школой для Спинозы—Ауэрбахъ очень картинно описываетъ споры юноши философа съ своимъ товарищемъ Эисдаи и съ самимъ учителемъ; Спиноза приводитъ въ тупикъ неожиданностью своихъ выводовъ одностороннихъ талмудистовъ, которые напрасно пытаются дисциплинировать его нетерпѣливый, безпокойно пытливый умъ; онъ проникся методомъ талмудизма, его мышленіе становится строго логическимъ и послѣдовательнымъ, но внутренняго содержанія для установившихся рамокъ не могло дать ему ученіе раввиновъ. Въ романѣ Ауэрбаха очень интересно описывается переломъ въ душевной жизни Спинозы, когда онъ чувствуетъ, какъ теряется у него связь съ еврействомъ, какъ его просвѣтлѣвшему разуму дѣлается тѣсно въ рамкахъ замкнутой въ своихъ исключительныхъ вѣрованіяхъ религіи. Онъ продолжаетъ глубоко вѣрить въ Бога, но видитъ отраженіе сущности бытія Божія во всѣхъ вѣрованіяхъ, во всѣхъ порывахъ человѣка къ пониманію вѣчности. Изъ благочестиваго и многученаго раввина Спиноза превращается въ пантеиста, для котораго нѣтъ правовѣрныхъ и еретиковъ, а существуютъ лишь различныя проявленія одного и того же основного чувства, присущаго человѣка. Этотъ кризисъ въ міросозерцаніи философа интересуетъ романиста своей психологической стороной; не вдаваясь въ изложеніе теорій Спинозы, онъ указываетъ на новыя вліянія въ жизни молодого философа, его занятія и увлеченія классической латынью, знакомство съ извѣстнымъ ученымъ Ванъ-деръ-Энде, зарождающуюся любовь къ его дочери Олимпіи и дружбу съ веселымъ, образованнымъ и преданнымъ ему христіаниномъ Ольденбургомъ. Въ этомъ новомъ кругу, гдѣ на Спинозу повѣяло чѣмъ-то свѣжимъ и жизнерадостнымъ, онъ начинаетъ понемногу проникаться духомъ христіанства и болѣе широкимъ пониманіемъ религиозныхъ и философскихъ системъ, чѣмъ то, которое господ-

ствоваго въ схоластическихъ школахъ талмудистовъ его времени. Удивительное проникновеніе философскимъ пониманіемъ жизни въ каждомъ отдѣльномъ поступкѣ и въ самыхъ тяжелыхъ обстоятельствахъ, дѣлаетъ Спинозу одной изъ самыхъ свѣтлыхъ личностей въ исторіи челоѳчества, и эту этическую сторону жизни своего героя Ауэрбахъ сумѣлъ обрисовать очень яркими красками. Эпизодъ борьбы Спинозы съ отшатнувшимися отъ него единовѣрцами, отлученіе его отъ синагоги среди тяжкой, потрясающей церемоніи, трагическая исторія его любви къ Олимпіи, которая дѣлается невѣстой другого въ тотъ самый моментъ, когда отверженный друзьями и родными философъ такъ сильно нуждается въ поддержкѣ любящей женщины, — все это производитъ сильное впечатлѣніе въ романѣ Ауэрбаха; но еще сильнѣе дѣйствуетъ побѣда торжествующаго философскаго разума надъ случайностями жизни. Спиноза выходитъ изъ борьбы съ обстоятельствами разбитый физически, но духъ его свободенъ; онъ ни къ кому не питаетъ злобы, онъ понимаетъ поступки и убѣжденія каждаго, и примиренный съ жизнью, всецѣло посвящаетъ себя разработкѣ найденной имъ истины. Жизнь и философія Спинозы представляетъ одно гармоничное прекрасное цѣлое и романъ Ауэрбаха художественно воспроизводитъ эту гармонію и оставляетъ сильное, отрадное впечатлѣніе. Благодаря этимъ качествамъ, «Спиноза» Ауэрбаха занимаетъ видное мѣсто въ нѣмецкой литературѣ, и появившійся въ изданіи «Моя бібліотека» прекрасный русскій переводъ романа создастъ ему много почитателей среди русской читающей публики. W.

С М Ъ С Ь.

Изъ русской жизни.

Коммиссія по организаціи домашняго чтенія въ Москвѣ. Въ ноябрьской книжкѣ «Мира Божьяго» за прошлый (1893) годъ нами была помѣщена статейка, сообщавшая объ основаніи въ Москвѣ при учебномъ отдѣлѣ Общества распространенія техническихъ знаній *коммисіи по организаціи домашняго чтенія*. Въ настоящее время мы имѣемъ возможность, благодаря выпущенному этой коммиссіей отчету, познакомить читателей съ ея дѣятельностью за 1893 — 1894 годъ. Какъ возможные предметы дѣятельности коммисіи намѣчены были:

1) руководство домашнимъ чтеніемъ;
2) составленіе для этой цѣли списковъ книгъ и постановка темъ для чтенія;

3) сношенія съ бібліотеками и иными учрежденіями и лицами, съ цѣлью распространенія рекомендуемыхъ коммиссіей книгъ, а также коммиссіонная дѣятельность для облегченія сношеній читателей съ книгопродавцами и образованіе собственной бібліотеки для снабженія читателей книгами;

4) издательская дѣятельность;

5) организація публичныхъ чтеній въ столицѣ и провинціи.

Около 90 профессоровъ и преподавателей Москвы откликнулись на призывъ коммисіи принять участіе въ составленіи программъ домашняго чтенія и коммиссія выработала слѣдующую *программу своей дѣятельности* (передаемъ ее съ нѣкоторыми сокращеніями):

1) Коммиссія ставитъ своей цѣлью руководить домашнимъ чтеніемъ лицъ, желающихъ пополнить путемъ чтенія пробѣлы своего образованія.

2) Для этой цѣли коммиссія издаетъ ежегодно, а въ случаѣ, если количество читателей будетъ сколько-нибудь значительно, два раза въ годъ, къ октябрю и апрѣлю, списки темъ для чтенія и письменныхъ работъ, съ подробнымъ объясненіемъ каждой темы, съ перечнемъ относящихся къ ней книгъ (главъ, страницъ), съ указаніями относительно порядка занятій по намѣченнымъ книгамъ, со спискомъ вопросовъ, основанныхъ на данной темѣ, и на прочитанныхъ для нея сочиненіяхъ, и съ другими указаніями, какія будутъ признаны полезными для успѣшной постановки домашняго чтенія.

3) Предлагаемыя для чтенія темы дѣлятся на двѣ категоріи.

А) *Общія темы*, предназначаемыя преимущественно для систематическаго чтенія тѣхъ лицъ, которые пожелали бы подъ руководствомъ коммисіи пріобрѣсти законченный циклъ общеобразовательныхъ свѣдѣній.

В) *Спеціальныя темы*, обнимающія болѣе или менѣе значительный отдѣлъ науки или касающіяся отдѣльныхъ вопросовъ, могущихъ интересовать читателей, либо по связи съ общимъ міросозерцаніемъ, либо по связи съ вопросами текущей жизни. Эти темы назначаются каждый годъ (или полугодіе) изъ всѣхъ отдѣловъ знанія, по которымъ комиссія признаетъ нужнымъ вести домашнія чтенія, и будетъ имѣть въ своей средѣ специалистовъ.

Примѣчаніе. Желательно также, чтобы сами читатели указывали предметы занятій, могущіе ихъ интересовать. Подобныя указанія могли бы быть приняты комиссіей во вниманіе, и соответственныя темы поставлены послѣ обсуждения ихъ обычнымъ порядкомъ.

4) Книги, указываемыя для каждой темы (какъ спеціальной, такъ и общей) распределяются по тремъ категоріямъ:

а) *Необходимыя.* Изученіе ихъ считается обязательнымъ для лицъ-желающихъ пользоваться руководствомъ комиссіи. Относительно пользования этими книгами дѣлаются ближайшія указанія въ изданіи комиссіи. Всѣ книги этой категоріи должны быть указываемы на русскомъ языкѣ.

б) *Рекомендуемыя.* Къ нимъ комиссія совѣтуетъ обращаться для болѣе основательнаго изученія поставленной темы. Рядомъ съ русскими книгами здѣсь могутъ быть указываемы и иностранныя.

в) *Справочныя.* Эти книги указываются для тѣхъ изъ читателей, которые во время чтенія заинтересуются какимъ-либо спеціальнымъ вопросомъ и пожелаютъ пріобрѣсти о немъ болѣе точныя свѣдѣнія.

8) Участіе читателей въ занятіяхъ, предлагаемыхъ комиссіей, можетъ выразиться кромѣ пріобрѣтенія изданій комиссіи:

а) въ письменныхъ обращеніяхъ читателей къ комиссіи за разъясненіями встрѣтившихся при чтеніи недоумѣній и возникшихъ при занятіяхъ поставленными темами вопросовъ.

б) Въ краткихъ отчетахъ о прочитанномъ — въ формѣ отвѣтовъ, по возможности періодическихъ, — на вопросы, поставленные комиссіей по каждой темѣ и книгѣ.

в) Въ представленія болѣе или менѣе обширныхъ и самостоятельныхъ письменныхъ работъ.

Примѣчаніе. Лица, представившія удовлетворительные отвѣты на поставленные вопросы, а также и доставившія удовлетворительныя письменныя работы, могутъ, если пожелаютъ, получать удостовѣренія комиссіи, свидѣтельствующія исключительно о фактѣ успѣшныхъ занятій ихъ избранными темами подъ руководствомъ комиссіи.

9) Право пользованія руководствомъ комиссіи оплачивается денежными взносами, размѣры которыхъ должны быть установлены передъ выходомъ въ свѣтъ перваго выпуска изданія комиссіи.

Примѣчаніе. Въ видѣ опыта комиссія предполагаетъ начать высылку книгъ для чтенія безъ обезпеченія залогомъ. Отъ читателей будетъ зависѣть обращеніе этого правила изъ временнаго въ постоянное.

12) По всѣмъ категоріямъ книгъ (т. е. необходимыхъ, рекомендуемыхъ и справочныхъ) комиссія принимаетъ на себя порученія читателей касательно покупки книгъ по цѣнамъ, выставленнымъ въ изданіяхъ комиссіи.

13) Изданіе комиссіи поступаетъ въ продажу обычнымъ порядкомъ. Оно разсылается бесплатно во всѣ столичныя и провинціальныя читальни и бібліотеки а также въ редакціи важнѣйшихъ періодическихъ изданій. Извлеченія изъ этого изданія и изъ настоящихъ правилъ публикуются во всеобщее свѣдѣніе въ столичныхъ и провинціальныхъ газетахъ.

Къ этому же отчету приложены и программы систематическаго чтенія; приводимъ и ихъ тоже въ нѣсколько сокращенномъ видѣ.

1) Науки о природѣ. 1. Науки о природѣ неорганизованной (физико-химическія). Курсъ физико-химическихъ наукъ долженъ имѣть главной цѣлью—дать основаніе для составленія опредѣленнаго возрѣнія на явленія природы.

Главную основу для всѣхъ наукъ этой группы составляютъ физика и химія. Съ нихъ и должно быть начато систематическое прохожденіе курса физико-химическихъ наукъ. При всей сжатости, курсъ долженъ сохранять характеръ цѣльности; идеямъ должно быть отдано въ немъ предпочтеніе передъ практическимъ приложеніемъ; однако, въ видахъ возбужденія большаго интереса и для того, чтобы прочтѣе связать идеи съ реальными предметами, и практическихъ приложеній не слѣдуетъ вовсе опускать изъ виду.

Вопросъ о привлеченіи, въ предѣлахъ возможнаго, необходимыхъ для уясненія курса подспорьевъ, наблюденія и опыта, долженъ быть разрѣшаемъ руководителемъ той или иной части курса, приближительно къ частнымъ случаямъ.

Четырехлѣтняя программа курса физико-химическихъ наукъ можетъ быть предложена слѣдующая:

Годъ 1-й. Физика. Механическій отдѣлъ физики. Ученіе о теплотѣ. Ученіе о звукѣ. Ученіе о свѣтѣ. Кристаллографія. Общая химія. На немногихъ, простѣйшихъ примѣрахъ выясняются здѣсь основные законы химіи. Излагается систематика элементовъ. Описываются важнѣйшіе металлоиды и металлы съ ихъ главнѣйшими соединениями. *Годъ 2-й.* Физика. Ученіе объ электричествѣ и магнетизмѣ. Органическая химія. Систематика углеродистыхъ соединений. Важнѣйшіе типы и реакціи ихъ. Обращается вниманіе на природныя ограниченія тѣла, на ихъ синтезъ и на химическіе процессы организованной природы. Кристаллофизика и кристаллохимія. Систематическое повтореніе основныхъ положеній и выводовъ химіи (теоретическая и физическая химія). *Годъ 3-й.* Астрономія. Физическая географія. Ученіе о воздухѣ и о водѣ (метеорологія и климатологія). *Годъ 4-й.* Химія и физика земной коры (минералогія, петрографія, динамическая геологія).

2. Науки о природѣ организованной (биологическія). Вполнѣ законченный курсъ систематическаго чтенія по отдѣлу биологическихъ наукъ долженъ ввести читателя въ кругъ познанія *живой* или *организованной* природы. Четырехлѣтній курсъ по отдѣлу биологическихъ наукъ можно расположить, приближительно, по слѣдующему плану:

Годъ 1-й. Общій обзоръ органическихъ формъ, какъ введеніе къ изученію биологіи. Анатомія человѣка съ краткимъ обзоромъ важнѣйшихъ жизненныхъ стравленій человеческого тѣла. Органографія цвѣтковыхъ растений въ связи съ опредѣленіемъ ихъ. Практическія занятія по опредѣленнымъ программамъ. *Годъ 2-й.* Сравнительная анатомія съ гистологіей и эмбриологіей животныхъ. Гистологія и анатомія растений. Изученіе споровыхъ растений. Курсъ этого года долженъ имѣть цѣлью выясненіе внѣшнихъ и внутреннихъ особенностей животныхъ и растительныхъ организмовъ, главнымъ образомъ въ морфологическомъ отношеніи, что дастъ возможность занимающимся съ достаточною основательностью усвоить себѣ принципы систематической группировки животныхъ и растений. *Годъ 3-й.*—Физиологія животныхъ и растений, т. е. подробное изученіе ихъ со стороны свойственныхъ имъ жизненныхъ явленій въ связи съ необходимыми указаніями изъ области прикладнаго естествознанія. *Годъ 4-й.* Палеонтологія, биологическая географія и изученіе исторіи

развитія органическаго міра. Другими словами, въ теченіе этого года животныя и растенія должны быть изучены въ порядкѣ ихъ распредѣленія во времени и пространствѣ, а равно и въ ихъ филогенетическихъ отношеніяхъ.

II) Науки о человѣкѣ. 1. Науки философскія. По этому отдѣлу проф. Н. Я. Гротомъ и прив.-доц. А. С. Бѣлкинымъ представлены двѣ параллельныя программы. По программѣ пр. Грота систематическій курсъ чтенія по философскимъ наукамъ предполагается расположить въ слѣдующемъ порядкѣ. Годъ I. Психологія и логика. Годъ II. Исторія философіи. Годъ III. Теорія познанія и метафизика. Годъ IV. Этика (и социологія), эстетика и педагогика.

Программа, представленная прив. доц. А. С. Бѣлкинымъ, предлагаетъ нѣсколько иную послѣдовательность чтенія и изученія философскихъ наукъ. 1-ый годъ логика. 2-й—психологія и для желающихъ педагогика. 3-й и 4-й—исторія философіи. Читенію по исторіи философіи должно предшествовать, ознакомленіе съ вопросами философіи вообще.

2. Науки общественно-юридическія. Планъ всего курса дѣлится на два отдѣла: а) «строеніе общества» (такъ сказать, статику) и б) «дѣятельность общества» (динамику). Въ каждомъ отдѣлѣ изученіе разбивается, по мѣрѣ возможности, на двѣ стадіи: оно начинается съ общей теоріи соотвѣтствующаго ряда явленій и затѣмъ переходитъ къ исторіи и современному состоянію изучаемыхъ отраслей общественной жизни въ одномъ или нѣсколькихъ современныхъ государствахъ.

Годъ первый. 1) Общія понятія объ обществѣ, его строеніи, функціяхъ и органахъ. 2) Экономическій строй (теорія политической экономіи). *Годъ второй.* 1) Семейный строй. 2) Юридическій строй. 3) Политическій строй. 4) Исторія и современное состояніе Англіи: а) въ экономическомъ отношеніи; б) въ политическомъ отношеніи. 5) Исторія и современное состояніе Россіи: а) въ экономическомъ отношеніи; б) въ политическомъ отношеніи. *Годъ третій.* Дѣятельность общества. Управление. 1) Понятіе объ управленіи и его устройство въ Англіи, Франціи, Германіи и Австріи. 2) Сельскохозяйственная экономія и политика. 3) Промышленная экономія и политика. 4) Экономія торговли. 5) Деньги, кредитъ и банки. *Годъ четвертый.* Дѣятельность общества (продолженіе). Соціальная политика. 1) Рабочій вопросъ. 2) Ассоціаціи и артели. 3) Колонизація. 4) Санитарная политика. 5) Народное образованіе. 6) Прізырѣніе бѣдныхъ. 7) Финансы. 8) Международная политика

3. Исторія и литература. а) Ист о р і я. Цѣль курса систематическаго чтенія по исторіи должна состоять въ ознакомленіи читателей: 1) съ общимъ ходомъ историческихъ событій; 2) съ важнѣйшими характерными чертами главныхъ историческихъ эпохъ. Достиженію этой цѣли можетъ содѣйствовать, съ одной стороны, изученіе нѣсколькихъ хорошихъ историческихъ учебниковъ, съ другой стороны, рядъ хорошо подобранныхъ отрывковъ изъ литературы и источниковъ, освѣщающихъ наиболее типичныя черты различныхъ моментовъ историческаго прошлаго. Въ интересѣ большинства читателей ознакомленіе съ общей нитью историческихъ событій должно быть сведено къ возможному минимуму, и центр тяжести при занятіяхъ долженъ быть перенесенъ на историческое чтеніе.

Что касается послѣдовательности историческаго чтенія, наиболѣе естественнымъ представляется порядокъ хронологическій. Видъ хронологическихъ рамокъ стоятъ только отдѣлы по методикѣ и по философіи исторіи.

Что касается чтенія по русской исторіи, то помѣщаясь въ общихъ рамкахъ историческаго чтенія, оно распредѣляется между тремя послѣдними го-

дами систематической программы. Остающийся свободнымъ годъ съ большимъ удобствомъ для читателей можетъ быть посвященъ тоже особому заключительному курсу чтенія, содержаниемъ котораго можно сдѣлать повторительное изученіе основныхъ явленій русской исторіи не въ хронологической послѣдовательности, а въ систематической группировкѣ.

На основаніи всѣхъ сдѣланныхъ замѣчаній программа систематическаго чтенія по исторіи принимаетъ слѣдующій видъ:

1-й курсъ. Общія свѣдѣнія по антропологии и первобытной культурѣ. Исторія Востока, Греція и Рама. *2-й курсъ.* Средневѣковая исторія, включая Возрожденіе. Русская исторія до смутнаго времени. *3-й курсъ.* Новая исторія, начиная съ Реформации до французской революціи. Русская исторія XVII и XVIII вѣка. *4-й курсъ.* Новѣйшая исторія, начиная съ французской революціи. Русская исторія XIX вѣка. *5-й курсъ* (дополнительный). Методика исторіи и обзоръ философско-историческихъ системъ. Повторительный систематическій курсъ русской исторіи.

б) Л и т е р а т у р а. Изученіе всеобщей литературы должно быть сосредоточено на тѣхъ явленіяхъ художественнаго творчества, которыя съ особенной яркостью и полнотой характеризуютъ нравственные и общественныя теченія историческихъ эпохъ. Занимающіеся должны получить связанное представленіе о постепенномъ развитіи самосознанія главнѣйшихъ европейскихъ народовъ, но большая часть времени должна быть отдана ближайшему знакомству съ произведеніями авторовъ, руководившихъ общественной мыслью въ данное время. Въ основу литературнаго образованія должно быть положено тщательное критическое изученіе самихъ памятниковъ художественной литературы. Въ случаѣ, если подлинникъ недоступенъ занимающемуся, памятникъ долженъ быть прочитанъ въ возможно удовлетворительномъ переводѣ. Знакомство съ содержаніемъ произведеній по историко-критическимъ работамъ слѣдуетъ признать неудовлетворительнымъ и не достигающимъ цѣли.

Чтеніе художественныхъ произведеній должно идти рядомъ съ разборомъ критическихъ взглядовъ, господствовавшихъ въ извѣстный періодъ литературы. Трактаты по теоріи искусства, воззрѣнія той или другой литературной школы обязательно должны входить въ кругъ занятій. Характеристики обще-культурнаго содержанія также признаются настоятельно-необходимыми въ теченіи всѣхъ курсовъ литературы.

При распредѣленіи курсовъ на четыре года планъ занятій по всеобщей литературѣ представляется въ слѣдующемъ видѣ.

Предметъ *перваго* года составитъ изученіе классическихъ литературъ—греческой и римской.

По греческой литературѣ должны быть изслѣдованы основныя отрасли античнаго творчества: *эпосъ и драма*. Въ заключеніе занимающіеся должны познакомиться съ эстетическими теоріями Аристотеля.

Въ области римской литературы—занятія сосредоточатся на *эпосѣ и лирикѣ* золотой эпохи. Изъ работъ критическаго характера должна быть разобрана художественная система Горация, легшая воплѣдствіи въ основу новаго классицизма.

Второй годъ будетъ посвященъ литературѣ среднихъ вѣковъ и эпохѣ Возрожденія.

По средневѣковой литературѣ, кромѣ общихъ историко-литературныхъ руководствъ, должны быть прочитаны памятники, наиболѣе ярко отражающіе средневѣковое міросозерцаніе,—напр. пѣснь о Роландѣ, Божественная комедія Данте.

Изученіе литературы Возрожденія удобнѣе всего вести по отдѣльнымъ національностямъ. Сообразно съ этимъ распредѣлится чтеніе руководящихъ обзоровъ и основныхъ художественныхъ памятниковъ. Такой планъ представляется болѣе удобнымъ въ виду разнообразія идейныхъ теченій, обнаруживавшихся среди европейскихъ народовъ. Французскій классицизмъ и по своему вліянію на другія литературы и по тому, что онъ представилъ типичнѣйшіе образцы господствовавшей школы. То же мѣсто займетъ и просвѣтительная литература Франціи въ XVIII вѣкѣ. Одновременно будетъ идти изученіе англійскаго романа и нѣмецкаго романтизма, связаннаго съ дѣятельностью Шиллера и Гете.

Четвертый годъ будетъ посвященъ новѣйшей литературѣ—съ конца XVIII вѣка до послѣдняго времени. Здѣсь чтенію памятниковъ должно предшествовать изученіе главнѣйшихъ литературно-общественныхъ теченій: реакціоннаго, романтическаго, реалистическаго, натурального. Наравнѣ съ художественной литературой въ XIX вѣкѣ видное общественное вліяніе стала оказывать періодическая печать. Выясненіе этого вліянія и главнѣйшихъ моментовъ въ развитіи журналистики закончить четвертый годъ.

Изученіе исторіи русской литературы распредѣляется между тремя послѣдними годами предыдущей программы. Первый годъ посвящается ознакомленію съ народнымъ творчествомъ въ главныхъ его видахъ и съ искусственной словесностью до Петра; второй спеціальному, подробному изученію восемнадцатаго вѣка, въ связи съ просвѣтительнымъ движеніемъ на Западѣ (о чемъ въ ту же пору будутъ сообщены свѣдѣнія и въ курсѣ иностранной литературы и первой четверти XIX вѣка; третій—изученію словесности XIX вѣка до восьми десятыхъ годовъ.

Изъ статьи проф. П. Милюкова, предсѣдателя Московской комиссіи, читатели увидятъ какимъ успѣхомъ пользуются въ Англійи лѣтніе курсы, устраиваемые Обществомъ распространенія университетскаго образованія, въ этомъ М. «Міра Божьяго» въ отдѣлѣ иностранной жизни, рассказываетъ съ какимъ жаромъ и энергіей принялись выдающіяся профессора и педагоги за устройство такихъ же обществъ въ Вельгійи и Швейцаріи. Еще большее значеніе должны имѣть подобныя начинанія у насъ въ Россіи: чего бы мы ни коснулись намъ прежде всего необходимо распространеніе знаній—школа низшая, школа средняя, школа высшая. Но мы слишкомъ бѣдны, чтобы дать всѣмъ даже низшую школу: русское правительство можетъ тратить на просвѣщеніе 100-милліоннаго населенія всего 4½ милліона рублей. Богатая Англія и та обычнымъ школьнымъ путемъ можетъ вполнѣ удовлетворить жажду къ знанію только немногихъ и тамъ высшее образованіе доступно только болѣе или менѣе состоятельнымъ людямъ,—но въ Англіи уже проснулась общественная совѣсть и явилась на помощь общественная инициатива: открываются народныя университеты, народныя дворцы, лѣтніе курсы...

У насъ пока ничего подобнаго не было и всѣ, конечно, будутъ радостно привѣтствовать всякое начинаніе русскаго общества въ дѣлѣ распространенія знаній и образованія... Но этого мало, нуженъ *живой* откликъ, *прямая* помощь.

Сѣтели знанія въ деревнѣ. Г. Хирьяковъ рассказываетъ въ «Русской Жизни», что въ одной изъ восточныхъ губерній онъ повстрѣчался, однажды, съ молодымъ парнемъ, книгошоей, у котораго, къ удивленію своему, нашель не обычныя народныя книжки, вродѣ «Англійскаго миллорда», «Прекрасной магометанки» и т. п., а массу изданій Комитета

грамотности, изданія «Посредника», журнала «Русская Мысль», Евангелие, сельскій календарь Абрамова и т. п. Между прочимъ, тутъ же находился и объемистый сборникъ былинь.

— Неужели вы рассчитываете продать здѣсь въ глуши такую книгу?—спросилъ Хирьяковъ парня, указывая на книгу былинь.

— Нѣтъ,—отвѣчалъ парень, слегка улыбувшись.—Эта книга дорогая, да она и не продажная, она другую службу служить. Когда я останавливаюсь гдѣ-нибудь въ деревнѣ на ночлегъ, такъ я ее хожу вамъ вслухъ читаю. Очень любятъ ее. Она и толщиною своею внушаетъ уваженіе и занятая. Вотъ жаль, что былины-то все отдѣльныя одна отъ другой, а нѣтъ такой, чтобы сплошь вся жизнь богатыря была описана.

Изъ дальнѣйшаго разговора съ парнемъ оказалось, что онъ учился въ сельской школѣ, а потомъ какъ-то наткнулся на человѣка, отъ котораго могъ достать книги, перечиталъ ихъ массу и, наконецъ, рѣшилъ приложить свои знанія къ дѣлу. Онъ отправился въ село, гдѣ не было школы, и предложилъ себя крестьянамъ въ качествѣ учителя. Ученье пошло успѣшно. Учителю понравилось дѣло, ученики полюбили учителя. Такъ и шло дѣло до тѣхъ поръ, пока въ селѣ не открылась настоящая школа. Тогда учитель простился со своими учениками и перебрался въ городъ, изъ котораго вскорѣ возвратился съ коробомъ книгъ за плечами и пошелъ мѣрять губернію изъ конца въ конецъ, разговая деревенскую тьму.

Этотъ человѣкъ не одинъ въ своемъ родѣ, прибавляетъ Хирьяковъ. Мнѣ приходилось слышать и о другихъ идейныхъ книгоношахъ. Да, существуютъ сѣятели свѣта среди темноты народной. Они очень часто незамѣтны издали, но они ютятся въ самой глубинѣ деревенскаго мрака и свѣтлятъ, какъ свѣтляки ночью».

О такихъ же добровольныхъ и самоотверженныхъ сѣятеляхъ знаній въ деревнѣ рассказываетъ и «Саратовскій Дневникъ». Это люди вѣжливыя, скромно и самоотверженно работающіе на пользу и просвѣщеніе народа. Живетъ такой человѣкъ въ маленькой курной избенкѣ, съ дырчатымъ, а то и просто землянымъ поломъ, сначала возится съ крестьянскими ребятишками, учитъ ихъ, а затѣмъ читаетъ книги взрослымъ. И слушателей у него набирается такъ много, что вѣсть негдѣ. «Живетъ такой дѣятель бѣдно,—говоритъ «Саратовскій Дневникъ»,—чай пить не всегда, одѣвается во что-то такое, что съ равною правдоподобностью можно назвать и пиджакомъ, и бабьей кацавейкой, спитъ на соломѣ, получаетъ за свой трудъ гроши. И при всемъ томъ онъ веселъ, доволенъ, почти счастливъ...»

Библиотека Іоанна Грознаго. Г. Соболевскій подымаетъ въ «Нов. Вр.» интересный вопросъ о судьбѣ библиотеки и архива, принадлежавшихъ Ивану Грозному.

Библиотека досталась Ивану Грозному по наслѣдству. Максимъ Грекъ нѣсколько позвакомился съ нею при его отцѣ и пришелъ въ восторгъ отъ нея; она, по словамъ біографа Максима, состояла изъ «безчисленнаго множества греческихъ книгъ» и заключала въ себѣ такое книжное богатство, какого въ то время не дѣла ни Італія, ни Греція. При Грозномъ, по его повелѣнію, эту библиотеку показы-

вали ученому дерптскому пастору Веттерману съ товарищами; онъ также былъ отъ нея въ восторгѣ, найдя въ ней такія произведенія классическихъ писателей, о которыхъ тогда на Западѣ знали лишь по ссылкамъ. Потомъ, также при Грозномъ, его библіотеку видѣлъ другой нѣмецъ, по словамъ котораго въ ней было до 800 рукописей, главнымъ образомъ греческихъ, отчасти латинскихъ, писанныхъ на тонкомъ пергаментѣ, переплетенныхъ въ золотые переплеты, принадлежавшихъ нѣкогда греческимъ императорамъ.

Послѣ Грознаго объ этой библіотекѣ нѣтъ никакихъ извѣстій. О ней никто не вспоминаетъ даже тогда, когда греческія рукописи потребовались для исправленія нашихъ благослужбныхъ книгъ и когда для приобрѣтенія ихъ былъ отправленъ на востокъ Арсеній Сухановъ.

По свидѣтельству нѣмцевъ, библіотека Грознаго хранилась близъ царскаго дворца въ двухъ каменныхъ сводчатыхъ склепахъ и открывалась очень рѣдко: книги, вынутыя изъ нея для нѣмцевъ, оказались покрытыми густою пылью.

Архивъ Грознаго былъ также въ значительной части наслѣдственнымъ. Изъ сохранившейся до насъ описи его, составленной около 1570 года, можно заключить, что онъ былъ значительной величины и богатъ важными документами.

Гдѣ находятся эти книжныя сокровища, не хранились ли они въ какомъ-либо изъ многочисленныхъ тайниковъ, отъ времени до времени открываемыхъ въ Москвѣ,—это было совершенно неизвѣстно. Но теперь И. Е. Забѣлинъ обнаружилъ во 2 номерѣ «Археологическихъ извѣстій и замѣтокъ» нѣкоторые документы, дающіе нѣкоторое право предполагать о возможности отысканія этихъ драгоценностей.

Въ 1724 году въ канцелярію фискальныхъ дѣлъ поступило такое доношеніе московскаго пономаря Ковова Осипова:

«Есть въ Москвѣ, подъ Кремлемъ-городомъ тайникъ, а въ томъ тайникѣ есть двѣ палаты, полны наставлены сундуками, до стону (до верху). А тѣ палаты за великою укрѣпою; у тѣхъ палатъ двери желѣзныя, поперекъ цѣпи въ кольца проемныя, замки вислые превеликіе, печати на проволокахъ свинцовыя; и у тѣхъ палатъ по одному окошку, а въ нихъ рѣшотки безъ затворокъ.

«А нынѣ тотъ тайникъ заваленъ землею, за невѣдѣніемъ, какъ веденъ ровъ подъ Цехаузный дворъ, и тѣмъ ровомъ на тотъ тайникъ нашли на своды и тѣ своды проломали и проломавши насыпали землю наврѣшко...

Г. Соболевскій вполне справедливо думаетъ, что въ этомъ тайникѣ могли храниться только библіотека или архивъ, которые для дворцоваго вѣдомства имѣли ничтожное значеніе, и о нихъ въ XVII вѣкѣ могли знать мало и вспоминать рѣдко, лишь въ какихъ-нибудь чрезвычайныхъ случаяхъ; нѣтъ ничего страннаго, что они были совершенно забыты къ двадцатымъ годамъ XVIII столѣтія, вмѣстѣ съ тайникомъ, который къ нимъ велъ».

По мнѣнію автора замѣтки, необходимыя раскопки для розысковъ тайника не потребуютъ большихъ расходовъ, результаты же могутъ получиться такіе, которые трудно себѣ даже и представить. («Р. Ж.»).

Агрономическія бесѣды съ крестьянами. По словамъ «Новаго Времени», въ теченіе января и февраля мѣсяцевъ губернской агрономъ

объясняет Псковскую губернію и устраиваетъ въ уѣздныхъ городахъ бесѣды по вопросамъ сельскаго хозяйства. Зимнее время избрано для бесѣдъ, какъ наиболѣе удобное и свободное для сельскихъ хозяевъ. Задача бесѣдъ состоитъ въ выясненіи недостатковъ мѣстнаго хозяйства и способовъ къ ихъ техническимъ улучшениямъ. Такъ, предметомъ бесѣдъ въ настоящемъ году назначены вопросы объ улучшеніи луговъ и пастбищъ, объ удобреніи, о примѣненіи искусственныхъ удобреній, о введеніи правильнаго плодосмѣна въ поляхъ, о способахъ усиленія продуктивности въ поляхъ. При нѣкоторыхъ уѣздныхъ управахъ Псковской губерніи уже существуютъ небольшіе склады сельскохозяйственныхъ орудій, искусственныхъ удобреній и улучшенныхъ сѣмянъ. Опочекое уѣздное земское собраніе уже возбудило ходатайство о разрѣшеніи устройства въ городѣ Опочкѣ отдѣленія Псковскаго Общества сельскаго хозяйства. Вѣроятно, бесѣды, устраиваемыя агрономомъ, поведутъ къ устройству таковыхъ отдѣленій въ остальныхъ городахъ Псковской губерніи.

Кустарная артель. Въ Павловѣ, какъ сообщаютъ «Рус. Вѣд.», сформировалась кустарная артель, имѣющая цѣлью—производство и продажу разныхъ металлическихъ издѣлій. Специальность ея производства—столовые и кухонные ножи и вилки разныхъ цѣнъ и фасоновъ, преимущественно лучшіе сорта; кромѣ того, вырабатываются въ небольшомъ количествѣ всевозможные ножи, начиная отъ маленькихъ дѣтскихъ до пчеловодныхъ ножей и поварскихъ рубаковъ. Артель возникла еще въ концѣ 1890 года; уставъ ея утвержденъ министромъ финансовъ 26-го января 1893 года. Развитіе ея операций видно изъ слѣдующихъ цифръ: въ 1891 году выработано издѣлій на 3.216 руб. 25 коп.; въ 1892 году—на 7.216 руб. 84 коп.; въ 1893 г.—на 12.601 руб. 84 коп., причѣмъ въ первую половину на 5.848 руб. 84 коп., а во вторую—на 6.753 руб. Съ прошлаго года артель обавелась: собственнымъ участкомъ земли, двухэтажнымъ деревяннымъ зданіемъ съ пристройками и разными принадлежностями производства; керосиновый двигатель въ 4 силы для шлифовки издѣлій данъ артели въ бесплатное пользованіе С. Т. Морозовымъ; технической частью безвозмездно завѣдуетъ инженеръ-механикъ М. А. Ефремовъ.

Рыбное богатство у береговъ Камчатки и Сахалина. Въ Политехническомъ музеѣ, какъ пишутъ «Рус. В.», недавно происходил докладъ д-ра Слюнина, касающійся, между прочимъ, рыбныхъ богатствъ этого края. Всѣ рѣки Камчатки, не только большія, какъ, напр., Камчатка и Тигиль, но даже горные ручейки, по выраженію докладчика, кишатъ разнаго рода рыбой изъ семейства лососевыхъ: выжучъ, красная чевыча, горбуша, а также сельдь и др. Во время хода рыбы, рѣки до того бѣгаютъ переполнены, что представляется почти невозможнымъ движеніе на шлюпкахъ; поднимаясь къ верховью рѣкъ, рыба послѣ нерестованія (метаніе икры) образуетъ цѣлыя горы гнѣющихъ тѣлъ. Туземцы Камчатки при ловлѣ употребляютъ или небольшія сѣти, или перегораживаютъ горные ручьи и разные протоки колыями, образуя двѣ стѣны на разстояніи одна отъ другой около сажени. Рыба, входя въ запоръ, биткомъ набиваетъ это пространство, и камчадалу

остается только таскать рыбу желѣзнымъ крюкомъ, насаженнымъ на длинный шестъ. Количество этой рыбы въ залорѣ такъ велико, что нѣсколько человекъ не въ состояніи выбрать ее въ продолженіе дня, и тогда оставшаяся рыба выпускается въ озеро. Это рыбное богатство эксплуатируется камчадалами какъ для собственнаго продовольствія, такъ и для корма собакъ, единственнаго животнаго употребляемаго камчадалами для передвиженія. Существуетъ четыре способа приготовленія рыбы: первый—это сушеніе на воздухѣ почти подъ открытымъ небомъ, причемъ рыба часто подвергается портѣ вслѣдствіе дождей, второй способъ—предварительное копченіе и затѣмъ сушеніе, третій—посолка или всего мяса, или только доскута брюшной части и, наконецъ, по 4-му способу—рыбу квасятъ въ вырытой въ землѣ ямѣ, и это служитъ кормомъ для собакъ. Не меньшее рыбное богатство представляетъ южная часть Сахалина, преимущественно заливы Терпѣвія и Анива. Во время хода рыбы, юго-западные вѣтры выбрасываютъ такое громадное количество сельдей и другой рыбы, что образуется живой молъ, длиною до 7 вер., а высотой около 1 саж. Мы, русскіе, ни въ Камчаткѣ, ни на Сахалинѣ не занимаемся рыбнымъ промысломъ. Въ Камчатку приходятъ только 2 американскія шкуны фирмы «Фриманъ», которыя увозятъ ежегодно около 300 т. штукъ трески, не меньше 28 ф. каждая. На Сахалинѣ сельдь, кижучъ и кѣту эксплуатируютъ японцы, которые ежегодно отправляютъ въ вышеназванные заливы до 100 шкунъ, причемъ изъ сельди готовится только гуано и жиръ, идущіе на окраску подводной части судовъ. Кижучъ и кѣта подвергаются сухой посолкѣ. Перейдя къ китобойному промыслу, докладчикъ замѣтилъ, что въ Охотскомъ морѣ и у береговъ Камчатки въ лѣтніе мѣсяцы встрѣчается такая масса китовъ, что въ сутки охотникъ можетъ убить до 40 китовъ. Въ заключеніе докладчикъ пожелалъ, чтобы эти миллионныя богатства, увозимыя иностранцами, обратили на себя вниманіе русскихъ предпринимчивыхъ людей и капиталистовъ и этимъ заработкомъ создали бы лучшую возможность существованія камчадаловъ, обездоленныхъ суровою природою.

Изъ иностранной жизни.

Женскій вопросъ въ Германіи. Женское движеніе въ Германіи имѣетъ болѣе своеобразный характеръ, нежели въ какой-либо другой странѣ, такъ какъ оно развилось на чисто экономической почвѣ. Начиная съ 1848 года, женщины въ Германіи борются за свою самостоятельность, но до сихъ поръ борьба эта оставалась бесплодною; двери германскихъ университетовъ по прежнему закрыты для женщинъ и доступъ къ высшему образованію очень затрудненъ. Однако, мало-помалу, вслѣдствіе того, что женскій трудъ окончательно утвердился почти во всѣхъ отрасляхъ германскаго производства, женскій рабочій вопросъ слился съ общимъ рабочимъ вопросомъ и въ программу рабочей партіи вошло требованіе полнаго уравниенія половъ въ государствѣ и обществѣ. Тутъ вопросъ былъ поставленъ исключительно на экономическую почву; дѣло шло не о политическихъ правахъ женщинъ или ихъ правахъ на образованіе, а исключительно лишь объ ихъ правѣ

на облегченіе своего труда и на улучшеніе своего положенія. Сотни и даже тысячи женщинъ и дѣвушекъ вынуждены добывать себѣ кусокъ хлѣба для того, чтобы не быть въ тягость своей семьѣ. Женщины низшихъ классовъ идутъ работать на фабрики и въ мастерскія, женщины же, принадлежащія къ болѣе интеллигентному кругу, становятся обыкновенно либо учительницами, либо продавщицами. Изъ 120.032 народныхъ учителей Германіи—13.750 женщинъ. Требования, которыя предъявляются народной учительницѣ, довольно высоки и экзаменъ на аваніе этой учительницы тѣмъ только и отличается отъ экзамена на учительницу женской гимназіи, что тутъ не требуется знанія иностранныхъ языковъ. Народная учительница должна прежде всего кончить курсъ въ высшей женской школѣ «Höhere Mädchenschule» и затѣмъ еще пройти курсъ учительской семинаріи. Однако, несмотря на подобныя высокія требованія, положеніе народной учительницы въ матеріальномъ отношеніи гораздо хуже положенія народнаго учителя. Въ то время, какъ жалованье народнаго учителя повысили на 12⁰/₀, жалованье учительницы увеличилось всего лишь на 5⁰/₀. Замѣчательно, что больше всего идутъ въ сельскія учительницы женщины среднихъ классовъ, тогда какъ въ сельскіе учителя преимущественно идутъ сыновья крестьянъ.

То же и въ торговой профессіи, гдѣ еще больше примѣняется женскій трудъ. Въ одномъ только Берлинѣ 11.000 женщинъ занимають должности въ торговой профессіи, но заработокъ ихъ очень не великъ и большинство изъ нихъ не могло бы существовать на этотъ заработокъ, еслибъ онѣ не имѣли поддержки въ семьѣ. Есть еще женщины телеграфистки, зарабатывающія очень немного (2—3 марки въ день), но отъ которыхъ тѣмъ не менѣе требуются свидѣтельства объ окончаніи высшей женской школы.

Этимъ исчерпываются почти всѣ главныя профессіи, доступныя женщинамъ и дѣвушкамъ средняго круга. Положеніе ихъ незавидное; онѣ должны нести далеко не легкій трудъ и очень часто за весьма скудное вознагражденіе. Весьма естественно, что такое положеніе вещей становится все болѣе и болѣе невыносимымъ и все сильнѣе и сильнѣе начинаютъ раздаваться въ Германіи голоса въ пользу расширенія женщинамъ доступа къ различнымъ профессіямъ. Тутъ уже на сцену выдвигается женскій вопросъ на почвѣ экономическихъ интересовъ. Главную причину враждебнаго отношенія въ Германіи къ женскому движенію слѣдуетъ искать въ опасеніи увеличенія конкуренціи. Дѣйствительно, нѣмецкія женщины прежде всего имѣютъ въ виду не освобожденіе женщины изъ ея подчиненнаго положенія, а допущеніе ея ко всѣмъ отраслямъ дѣятельности, какъ профессиональной, такъ и ученой, которыя лучше вознаграждаются. Такимъ образомъ женское движеніе въ Германіи чисто экономическое и возникло въ силу требованій самой жизни. Женщина, вынужденная вести тяжелую борьбу за существованіе, естественно стала стремиться къ тому, чтобы облегчить ее и найти для себя выходъ, поэтому она и начала добиваться расширенія своихъ правъ и поля дѣятельности.

Въ письмѣ изъ Германіи, напечатанномъ въ «Недѣлѣ», сдѣланъ краткій обзоръ исторіи женскаго движенія въ Германіи. Послѣ оживленія 1848 года наступила реакція. Правительство позакрывало жен-

скіе фрейны и школы и женщины обратились тогда къ литературѣ. Первая женская газета, основанная въ то время, имѣла слѣдующій эпиграфъ: «Для царства свободы я вербую гражданокъ». Въ этой газетѣ проповѣдовалось уравненіе правъ женщины. Въ 1864 году возникъ «всеобщій германскій женскій фрейнгъ», основаніе котораго послужило началомъ настоящему женскому движенію, такъ какъ фрейнгъ этотъ старался возбудить въ женщинахъ интересъ къ высшему образованію и стремился къ тому, чтобы сдѣлать для женщинъ доступными различныя научныя и профессиональныя учрежденія и освободить женскій трудъ отъ всякихъ соціальныхъ и юридическихъ преградъ. Вслѣдъ за этимъ фрейнгомъ стали возникать другіе женскіе фрейны и въ настоящее время въ Германіи ихъ насчитывается до 60 съ 5.000 членовъ женщинъ.

Вопросъ о высшемъ женскомъ образованіи, конечно, долженъ составлять коренной вопросъ женскаго движенія. Сначала нѣкоторые профессора, для возбужденія интереса въ женщинахъ къ научнымъ вопросамъ, устроили популярныя лекціи, но попытка эта не имѣла особеннаго успѣха, такъ какъ лекціи читались очень не систематично. Но теперь уже существуютъ нѣсколько частныхъ высшихъ женскихъ учебныхъ заведеній въ разныхъ нѣмецкихъ городахъ: Берлинѣ, Кёльнѣ, Лейпцигѣ и т. д. и вмѣстѣ съ этимъ усилилась агитація въ пользу поднятія вообще уровня женскаго образованія и возбужденія въ женщинахъ потребности въ немъ. Изъ всѣхъ отраслей высшаго образованія, къ которымъ стремились нѣмецкія женщины, первое мѣсто занимаетъ медицина. Опять-таки это имѣетъ практическое основаніе: женщина, изучившая медицину, легче можетъ добиться извѣстнаго независимаго и болѣе прочнаго матеріальнаго положенія, нежели та, которая посвятитъ себя какой-нибудь другой научной дѣятельности. Такъ какъ германскіе университеты отличаются особенною отсталостью въгладовъ и поэтому отъ нихъ нельзя ожидать, чтобы они открыли свои двери женщинамъ, то нѣмецкія женщины должны были искать за границею того, въ чемъ имъ отказывали дома. Въ Цюрихѣ въ 1871 году изучали медицину четыре нѣмки, которыя въ концѣ-концовъ, добились права практиковать въ Берлинѣ. Въ настоящее время они пользуются большимъ довѣріемъ и открыли бесплатную клинику для бѣдныхъ женщинъ, въ которой уже получили помощь до 20.000 больныхъ. Такая благотворная дѣятельность этихъ женщинъ-врачей вызвала у одной богатой дамы намѣреніе облегчить доступъ нѣмецкимъ женщинамъ къ высшему образованію. Дама эта предложила Гейдельбергскому университету сто тысячъ марокъ, съ тѣмъ, чтобы онъ открылъ двери женщинамъ, но университетъ отклонилъ это предложеніе и теперь капиталъ этотъ служитъ для выдачи пособій нѣмкамъ, учащимся въ заграничныхъ университетахъ. Затѣмъ, въ 1886 году образовался новый женскій фрейнгъ, подъ названіемъ «Реформа», который поставилъ себѣ цѣлью уравненіе женскаго образованія съ мужскимъ. Въ концѣ 1888 года оба женскіе фрейна, «Реформа» и «Всеобщій фрейнгъ», подали министерствамъ народнаго просвѣщенія въ Пруссіи, Баваріи и Вюртембергѣ петиціи о допущеніи женщинъ къ экзаменамъ для полученія аттестата зрѣлости и открытія имъ доступа въ университеты. Конечно, петиціи эти остались безъ послѣдствій. Въ 1890 году снова такая же пе-

тиція была подана въ рейхстагъ и отвергнута большинствомъ десяти голосовъ противъ восьми. Черезъ годъ опять была подана петиція, оставшаяся также безъ послѣдствій. Только баденскій сеймъ отнесся сочувственно къ этой петиціи и она подавляющимъ большинствомъ голосовъ была передана правительству «для соображенія».

Таково положеніе женскаго движенія въ Германіи; успѣхи его крайне ничтожны, особенно по сравненію съ другими странами. Но дѣло въ томъ, что въ Германіи глубоко вкоренилось предубѣжденіе противъ эмансипаціи женщинъ и германское общество относится въ большинствѣ случаевъ прямо враждебно къ женскому движенію. Побѣдить это предубѣжденіе и эту враждебность германской женщинѣ будетъ очень не легко, но будемъ надѣяться, что въ данномъ случаѣ къ ней придутъ на помощь экономическія условія и въ силу этихъ условій и соціальной необходимости облегчить ей борьбу за существованіе, германской женщинѣ откроется доступъ и къ высшему образованію и въ тѣ святилища науки, которыя такъ упорно закрываютъ для нея свои двери въ настоящее время.

3.

Биографическія данныя объ Ипполитѣ Тэнѣ. О жизни умершаго, годъ тому назадъ, Тэна знаютъ мало даже тѣ, которые, высоко цѣня его произведенія и живо интересуясь ими, не прочь были бы имѣть свѣдѣнія хотя о важнѣйшихъ моментахъ ея. Объ его сочиненіяхъ писалось много, но о немъ самомъ рѣдко проникали въ печать какія-либо данныя. Не мало такихъ данныхъ находимъ въ статьѣ извѣстнаго историка Габріеля Моно (*La vie d'Hippolyte Taine*), напечатанной въ мартовской книжкѣ «*Revue de Paris*».

Жизнь Тэна протекла въ тихой, безшумной работѣ мысли и не ознаменовалась какими-либо бьющими въ глаза эпизодами. О немъ болѣе чѣмъ о комъ-либо можно сказать, что исторія его жизни есть исторія его произведеній. Но для тѣхъ, кто интересуется ими, не могутъ не быть интересными и кое-какія чисто біографическія данныя.

Ипполитъ Тэнъ родился 21-го апрѣля 1828 г. въ гор. Вузъе (*Vouziers*) гдѣ отецъ его, Жюль-Батистъ Тэнъ, былъ стряпчимъ. До одиннадцатилѣтняго возраста онъ оставался въ родительскомъ домѣ, обучаясь латинскому языку подъ руководствомъ отца и посѣщая начальную школу. Въ 1839 г., по случаю опасной болѣзни отца, мальчика отдали въ духовный пансіонъ, гдѣ онъ пробылъ полтора года. Въ сентябрѣ 1840 года отецъ умеръ, оставивъ вдовѣ, двумъ дочерямъ и сыну маленькое состояніе. Мальчикъ рано проявилъ выдающіяся способности, и мать пожелала предоставить ему возможность развить ихъ, для чего весною 1841 г. отправила его въ Парижъ, устроивъ его въ частномъ пансіонѣ Мате, воспитанники котораго посылались въ *collège Bourbon*. Слабому здоровью Тэна и рано проявившейся у него вдумчивости плохо соотвѣтствовали неприглядныя условія жизни въ интернатѣ, вслѣдствіе чего мать рѣшила переѣхать съ дочерьми въ Парижъ и устроиться тамъ вмѣстѣ съ сыномъ. Въ этой обстановкѣ Тэнъ прожилъ съ небольшими перерывами вплоть до женитьбы (въ 1868 г.).

Юный Тэнъ не замедлилъ занять въ *collège Bourbon* первое мѣсто. Съ четырнадцатилѣтняго возраста онъ строго распредѣлялъ свой день и съ неуклонностью выполнялъ намѣченный планъ. Онъ давалъ

*

себѣ двадцать минутъ отдыха по возвращеніи изъ коллежа и затѣмъ въ теченіе часа послѣ обѣда игралъ на роялѣ; остальное время было посвящено работѣ. Онъ избѣгалъ всякихъ свѣтскихъ развлеченій и усердно занимался, сверхъ школьныхъ уроковъ, самостоятельнымъ чтеніемъ. Занятія его въ коллежѣ шли успѣшно, и на экзаменахъ онъ неизбѣжно получалъ высшія награды.

Своимъ характеромъ и умомъ онъ у всѣхъ вызывалъ чувство, которое молодые люди рѣдко ощущаютъ по отношенію къ кому-либо изъ товарищей—чувство искреннаго уваженія. Они смутно сознавали, что въ немъ есть нѣчто особенное, единственное, что ставитъ его отдѣльно отъ всѣхъ. Въ Нормальную Школу онъ явился съ такою эрудиціей, передъ которою всѣ они чувствовали себя невѣждами, и тѣмъ не менѣе онъ работалъ усерднѣе ихъ всѣхъ. Ихъ изумляла вынесенная Тэню уже изъ лица полная опредѣленность доктринъ, зрѣло обдуманыхъ. Еще слушая въ коллежѣ преподаваніе философіи, онъ имѣлъ извѣстное цѣльное міровоззрѣніе, проникнутое спинозистскимъ детерминизмомъ и выработалъ въ себѣ особую систему классифицировать идеи и выражать ихъ съ чисто математическою точностью. «Всякая книга и всякій человекъ,—нерѣдко говорилъ онъ товарищамъ по школѣ,—могутъ быть резюмированы въ пяти страницахъ, а пять страницъ въ пяти строкахъ».

Читалъ онъ чрезвычайнo много. Онъ изучилъ Платона, Аристотеля, св. отцевъ, схоластиковъ, и все это анализировалъ, резюмировалъ, классифицировалъ. Основательно изучивъ англійскій языкъ, онъ съ жаромъ принялся за нѣмецкій, чтобы прочесть Гегеля въ подлинникѣ. Его обширная эрудиція и исключительное трудолюбіе возбуждали и въ профессорахъ школы то же чувство уваженія, которое питали къ нему товарищи. Одинъ изъ нихъ извѣстный философъ Вашро, въ слѣдующихъ выраженіяхъ отзывался о Тэнѣ, на второмъ году его пребыванія въ Нормальной Школѣ (этотъ отзывъ извлеченъ изъ архива ея). «Это—самый работающій и самый выдающійся изъ всѣхъ воспитанниковъ школы, какихъ я зналъ. Образованіе изумительное для его возраста. Ревніе и жажда знанія, подобныхъ которымъ я не встрѣчалъ. Умъ замѣчательный по быстротѣ концепціи, тонкости, остротѣ, силѣ мысли. Только онъ черезчуръ поспѣшно схватываетъ, судитъ и формулируетъ. Онъ слишкомъ любитъ формулы и опредѣленія, ради которыхъ часто жертвуетъ истиною, впрочемъ самъ не подозрѣвая этого, такъ какъ онъ отличается безусловною искренностью. Тэнъ будетъ очень выдающимся преподавателемъ, но еще болѣе и въ особенности—первокласснымъ ученымъ, если здоровье позволитъ ему долго работать. При чрезвычайнo мягкомъ характерѣ, онъ обладаетъ несокрушимою стойкостью разума, при которой никто не можетъ имѣть вліянія на его мысль. Впрочемъ, онъ не отъ міра сего. Его девизомъ будетъ девизъ Спинозы: *жить для того, чтобы мыслить*».

Въ 1851 г. онъ былъ назначенъ помощникомъ преподавателя философіи въ Неверѣ. Къ своимъ новымъ обязанностямъ онъ относился съ большимъ увлеченіемъ и находилъ въ нихъ удовлетвореніе. «Полезно учиться, уча другихъ,—писалъ онъ своему другу Парадолю въ февралѣ 1852 г.—Если я рѣшился заняться преподавательскою дѣятельностью, то именно потому, что я считаю ее самымъ надежнымъ

средствомъ къ тому, чтобы сдѣлаться ученымъ». Для его работъ имѣли свою хорошую сторону даже тяжкія условія скудости и однообразія провинціальной жизни, при которыхъ, говорилъ онъ, «иногда нужно вѣчно мыслить, чтобы не умереть отъ скуки».

Къ этимъ тяжкимъ условіямъ вскорѣ прибавились новыя, когда начали проявляться послѣдствія государственнаго переворота 2-го декабря 1851 г. Всѣ профессора и преподаватели сдѣлались людьми подозрительными. Многие были уволены или оставлены за штатомъ.

Пришлось уйти и Тэну, и онъ сталъ усиленно работать, находя въ наукѣ полное внутреннее удовлетвореніе и утѣшеніе въ одиночествѣ.

Въ октябрѣ уже онъ сообщилъ о предпринятой имъ работѣ о чувствованіяхъ, которую онъ намѣренъ былъ представить въ качествѣ диссертациі на степень доктора литературы (степень доктора философіи была упразднена). Другую обязательную диссертацию онъ долженъ былъ представить на латинскомъ языкѣ. Но получить ожидаемую степень на этотъ разъ ему не пришлось. Неудача огорчила Тэна, но не обезкуражила. Разъ принявъ рѣшеніе добиться степени доктора, онъ хотѣлъ осуществить его: въ письмѣ отъ 1-го августа онъ извѣщаетъ Парадоля о созрѣвшемъ планѣ работы о басняхъ Лафонтена. Ожидаемую степень онъ получилъ послѣ блестящей защиты «Essai sur les Fables de la Fontaine». Вслѣдъ затѣмъ онъ принимается за новую работу за «Essai sur Tite Live» тему, предложенную французской академіей для соисканія преміи. Произвести оцѣнку его поручено было Гизо, который одобрилъ его и горячо рекомендовалъ академіи дать премію молодому писателю. Но заключеніе Гизо не было принято. Его коллеги нашли, что тонъ автора мало почитителенъ по отношенію къ великимъ людямъ.

Шесть лѣтъ непрерывной усиленной мозговой работы надорвали хрупкія силы Тэна. Въ началѣ 1854 г. онъ заболѣлъ, и ему была запрещена слишкомъ напряженная дѣятельность. Онъ, однако, утилизировалъ и этотъ вынужденный отдыхъ. Ему читали вслухъ, и вотъ въ это-то время онъ впервые занялся французской революціей, слушая чтеніе обширной «Histoire parlementaire de la révolution française» Vichet et Roux. Кромѣ того, онъ за это же время старался пріобрѣсти познанія въ области физиологіи, посѣщая лекціи медицинскій школы для того, чтобы дать своимъ психическимъ наслѣдованіямъ солидное научное обоснованіе. Въ томъ же году онъ, по совѣту врачей, предпринялъ поѣздку на воды въ Пиренеи. Гашеттъ предложилъ ему написать «Guide aux Pyrénées»; Тэнъ принялъ предложеніе, но въ результатѣ получился не путеводитель, а блестяще написанное литературное произведеніе съ картинами природы, сельскихъ нравовъ, съ остроумными замѣчаніями о жизни въ курортахъ, съ интересными историческими воспоминаніями. «Voyage aux Pyrénées» издаво было въ 1855 г. съ рисунками Г. Дорь.

Съ 1854 г. совершается пережѣна и въ самомъ образѣ жизни Тэна. Она перестаетъ быть черезчуръ замкнутою. Люди, знавшіе Тэна въ 1855—1856 г., сохранили воспоминаніе о чрезвычайной живости его и стремленіи окружить себя обществомъ умныхъ и пріятныхъ собесѣдниковъ.

Вліяніе его расло и проявилось съ особенной силой въ теченіе по-

слѣднихъ десяти лѣтъ второй Имперіи. Тѣмъ сдѣлался какъ бы главою школы, къ которому молодые люди обращались за совѣтами и указаніями. Окрѣпли и связи его въ литературномъ мірѣ, а отчасти создались онѣ и въ мірѣ officialномъ. Въ началѣ 60-хъ гг. въ officialныхъ сферахъ повѣяло либерализмомъ, и передъ Тѣномъ открылась перспектива вернуться къ преподавательской дѣятельности. Въ 1864 г. онъ получаетъ кафедру эстетики и философіи искусства въ «Ecole de Beaux-Arts»; изъ курсовъ его составились знаменитые этюды объ искусствѣ и «Philosophie de l'Art».

Въ концѣ 1863 г. появились три тома «Исторіи англійской литературы». Тѣмъ представилъ ихъ во французскую академію на премію, но не смотря на защиту Гизо и Сентъ-Бѣна, преміи не получили, такъ какъ въ академіи было еще много лицъ, нетерпимо относившихся къ новому теченію философской мысли.

Послѣдніе двадцать два года онъ работалъ надъ «Origines de la France contemporaine», съ энергіей, поразительной для человѣка, вынесшаго, при слабомъ здоровьѣ, такую массу напряженнаго умственнаго труда.

Онъ уже оканчивалъ свою монументальную работу, когда смерть порвала жизнь этого гиганта мысли. (Изъ «Рус. Вѣд.»).

Общество распространенія университетскихъ знаній въ Бельгіи. Въ 1892 году, въ Брюсселѣ, возникло Общество, имѣющее цѣлью распространеніе научныхъ свѣдѣній въ народѣ. Инициаторомъ этого дѣла слѣдуетъ считать профессора Брюссельскаго университета Деклера который въ январѣ 1892 года написалъ статью о народныхъ университетахъ въ Англии и Америкѣ. Подробно изложивъ систему курсовъ, учрежденныхъ англійскими и американскими профессорами, брюссельскій профессоръ предложилъ устроить такіе же курсы и въ Бельгіи и, не медля, приступилъ къ осуществленію своей идеи, распространяя ее между своими собратьями по университету и стараясь возбудить въ нихъ стремленіе потрудиться на пользу образованія. Горячія и убѣжденные рѣчи профессора сдѣлали свое дѣло; идея его начала проникать въ общество и скоро образовался комитетъ для выработки устава новаго Общества, преслѣдующаго образовательныя цѣли. Въ составъ комитета вошли не только профессора, но и бывшіе студенты, и тѣ, которые находились еще въ университетѣ.

Въ ноябрѣ 1892 года послѣдовало открытіе Общества и начало дѣятельности его членовъ. Члены раздѣляются на дѣйствительныхъ и членовъ-сотрудниковъ; какъ тѣ, такъ и другіе одинаково принимаютъ участіе въ общихъ собраніяхъ и засѣданіяхъ. Въ дѣйствительные члены избираются профессоры, доктора, ученые и специалисты по различнымъ отраслямъ науки, студенты учащіеся и уже кончившіе курсъ въ Брюссельскомъ университетѣ. Членами-сотрудниками могутъ быть лица, не принадлежащія къ вышеупомянутой категоріи, но только сочувствующія стремленіямъ и дѣятельности новаго учрежденія.

Центральный комитетъ Общества находится въ Брюсселѣ и состоитъ изъ 15 лицъ, избранныхъ въ общемъ собраніи, но только изъ среды дѣйствительныхъ членовъ. Комитетъ завѣдуетъ и управляетъ дѣлами Общества и намѣчаетъ планъ общей программы курсовъ. Лек-

ція, которыхъ должно быть не менѣе шести по каждому предмету, входящему въ программу курса, читаются исключительно только профессорами и учеными Брюссельскаго университета. Въ городкахъ и мѣстечкахъ, куда привѣзжаютъ профессора для чтенія своихъ лекцій, организація курсовъ лежитъ на обязанности мѣстныхъ комитетовъ, въ составъ которыхъ могутъ входить даже лица, несостоящія членами Общества. Такие комитеты должны быть утверждены въ своемъ составѣ центральнымъ брюссельскимъ комитетомъ. Дѣятельность мѣстнаго комитета заключается въ выборѣ предметовъ для курсовъ, въ опредѣленіи платы за слушаніе лекцій, въ назначеніи часовъ для занятій и мѣста для чтеній, которыя производятся по преимуществу въ школахъ или зданіяхъ, принадлежащихъ общинамъ. Комитетъ принимаетъ на себя заботы о доставленіи средствъ для учебныхъ пособій, необходимыхъ для нагляднаго объясненія при чтеніи лекцій по нѣкоторымъ предметамъ. Въ числѣ дѣятельныхъ сотрудниковъ общества, кромѣ профессоровъ и другихъ лицъ, читающихъ лекціи бесплатно, состоятъ и «союзъ для распространенія образованія», предложившій свое покровительство и матеріальную помощь для учрежденія курсовъ въ различныхъ мѣстностяхъ. Въ настоящее время народные курсы открыты въ Брюсселѣ, Антверпенѣ и двѣнадцать другихъ городахъ и мѣстностяхъ. За слушаніе лекцій вимагается очень небольшая плата.

Въ теченіе года существованія Общества результаты его дѣятельности обнаружились тѣмъ, что въ Брюсселѣ курсы посѣтило 500 челоувѣкъ, въ Антверпенѣ — 200 и во всѣхъ другихъ мѣстностяхъ, гдѣ читаются лекціи, не менѣе пятидесяти.

Между лицами, посѣщающими курсы, встрѣчаются представители различныхъ сословій общества: чиновники, ремесленники, фабричные рабочіе и т. д. Въ общемъ числѣ слушателей всегда замѣчается одинаковое количество мужчинъ и женщинъ.

Передъ началомъ чтенія лекцій по каждому курсу слушателямъ предлагается послѣдовательный планъ и программа чтенія, съ указаніемъ нѣкоторыхъ сочиненій, относящихся къ предмету лекцій. По окончаніи лекціи профессоръ предлагаетъ слушателямъ дѣлать вопросы, если они пожелаютъ, высказывать свои замѣчанія, наблюденія или возраженія, которыя совместно обсуждаются и разъясняются. Свободный обмѣнъ мыслей считается въ данномъ случаѣ однимъ изъ главныхъ условій распространенія высшаго образованія въ странѣ; Общество стремится сдѣлать его доступнымъ для всѣхъ и всѣхъ признаваетъ содѣйствовать чѣмъ можно благой цѣли просвѣщенія.

Распространеніе университетскихъ знаній въ Швеціи. Лѣтомъ 1892 года д-ръ Герольдъ Гьёрне, профессоръ исторіи въ университетѣ въ Упсалѣ, посѣтилъ Англію съ цѣлью изучить дѣятельность Общества распространенія университетскаго образованія (Univ. Ext.). Результатомъ его наблюденій въ Лондонѣ, Оксфордѣ и Кембриджѣ было введеніе подобной же воспитательной системы въ Швеціи. Первый шагъ въ этомъ направленіи состоялъ въ организаціи, въ августѣ этого года, лѣтнихъ собраній въ Упсалѣ. Руководителями этого предпріятія, совершенно новаго въ Швеціи, кромѣ Гьёрне, были: д-ръ Адольфъ Норинъ, профессоръ сѣверныхъ языковъ, и д-ръ Лундель,

профессоръ славянскихъ языковъ; кромѣ того, около дюжины другихъ профессоровъ и преподавателей Упсальскаго университета добровольно предложили свои услуги, какъ лекторы. Было организовано восемнадцать различныхъ курсовъ, состоящихъ вмѣстѣ изъ 103 лекцій: по исторіи Швеціи, филологіи, психологіи, геологіи, биологіи и другимъ предметамъ. На большей части лекцій тщательно составленные конспекты раздавались бесплатно. Слушатели на этихъ собраніяхъ, состоявшіе изъ 200 молодыхъ мужчинъ и 130 молодыхъ женщинъ, были большею частью изъ маленькихъ городовъ или изъ отдаленныхъ уголковъ обширныхъ земледѣльческихъ округовъ страны. Большая часть изъ посѣтителей были преподаватели Board-school и преподаватели и ученики «Народныхъ академій»; это—элементарныя школы, приспособенныя къ нуждамъ крестьянской молодежи обоехъ половъ. Изъ ремесленниковъ было только пять слушателей, но Univ. Ext. надѣется вскорѣ войти въ сношенія съ «Институтами для рабочихъ», которые дѣлаютъ для ремесленниковъ то же, что «народныя академіи» для земледѣльческаго населенія.

Шведское движеніе еще не приняло англійской системы устраивать отдѣльные курсы чтеній въ различныхъ мѣстахъ и во все время года. Препятствіемъ для этого служитъ крайняя рѣдкость населенія этого государства.

Оксфордское лѣтнее собраніе 1894 года. Лѣтомъ 1894 г., въ Оксфордѣ соберется шестой съѣздъ студентовъ и студентокъ, слушающихъ лекціи, устраиваемыя представителями движенія распространенія университетскаго образованія. Въ теченіи этого лѣта тамъ будутъ читаться слѣдующіе курсы: курсъ по исторіи, литературы, искусства и философіи семнадцатаго столѣтія. Этотъ курсъ будетъ заключать лекціи по слѣдующимъ предметамъ:

Общее введеніе въ исторію революціи пуританъ.

Страффордъ. Восстаніе Лаудіана. Пимъ и Гемпденъ. Кроувель. Реставрація.

Валленштейнъ. Рихелье. Мазарини. Кольберъ. Вліяніе Голландіи. Экономическая исторія этого періода.

Общественная жизнь пуританъ и роялистовъ. Контрастъ между идеалами пуританъ и идеалами грековъ.

Джоржъ Гербертъ. Геррикъ. Мильтонъ. Серъ Томасъ Броунъ, Драйденъ. Джоржъ Фоксъ. Буньянъ.

Отцы пилигримы. Пеннъ. Декартъ. Гоббесъ. Спиноза. Локкъ. Паскаль. Мольеръ. Боссуэтъ. Галилей. Гарвей. Ньютонъ. Рубенсъ. Вандейкъ. Веласкецъ. Рембрандтъ. Гроцій. Музыка семнадцатаго вѣка. Географическія открытія въ этомъ столѣтіи.

Каждый день будетъ читаться по одной лекціи.

Во время первой половины съѣзда два концерта на органахъ будутъ посвящены музыкѣ семнадцатаго столѣтія.

На собесѣдованіи, которое будетъ происходить 28-го іюля, будетъ устроена выставка книгъ, рѣдкихъ брошюръ, картинъ, гравюръ и музыкальныхъ инструментовъ семнадцатаго столѣтія. Надѣются также устроить чтеніе съ волшебнымъ фонаремъ для объясненія портретной живописи этого періода.

Программа содержит также образцы драматической литературы семнадцатаго вѣка.

Будетъ также лекція съ туманными картинами объ основателяхъ Королевскаго Общества.

Затѣмъ будетъ читаться курсъ о жизни и обязанности гражданина.

Курсъ этотъ будетъ содержать слѣдующія лекціи:

1. Мѣстное и центральное управленіе.

a) Три реформы билля.

b) Муниципальное правленіе.

c) Публичное образованіе.

d) Законъ о бѣдныхъ.

e) Фабричное законодательство.

f) Служители государства.

2. Индія и колоніи.

3. Общественная и промышленная жизнь.

a) Торговые союзы.

b) Кооперациі.

c) Товарищества.

d) Общественное воспитаніе.

4. Общій очеркъ исторіи англійской конституціи.

Во время второй части сѣзда будетъ также курсъ обученія греческому языку, курсы по экономической и промышленной исторіи, курсы по искусству и по наукамъ воспитанія.

Подъ этимъ названіемъ предполагается устроить курсъ изъ двѣнадцати лекцій по психологіи, лекціи объ англійскомъ, нѣмецкомъ и французскомъ воспитаніи, и ежедневныя классы по теоріи воспитанія.

Будутъ ежедневно практическія занятія съ дѣтьми.

Въ Оксфордѣ и его непосредственныхъ окрестностяхъ будутъ производиться занятія рисованіемъ на открытомъ воздухѣ. Въ теченіе всей первой половины занятій сѣзда ежедневно будутъ читаться лекціи по естественнымъ наукамъ, будутъ и вечернія занятія.

Вотъ перечень научныхъ курсовъ:

1) Астрономія.

2) Антропология. Будетъ сдѣланъ рядъ демонстрацій въ университетскомъ музеѣ, иллюстрирующихъ прогрессъ и развитіе искусствъ и промышленности.

3) Геологія. Въ теченіе второй половины сѣзда будутъ вестись занятія подъ открытымъ небомъ въ мѣстности вблизи Оксфорда. Эти занятія будутъ сопровождаться устными объясненіями во время лекцій въ аудиторіяхъ и черченіемъ геологическихъ картъ.

4) Химія. Курсъ для начинающихъ и болѣе спеціальный для подготовленныхъ. Элементарный курсъ ограниченъ — 50 слушателями, спеціальный — 20-ю.

5) Гигіена. Практическія занятія по гигиенѣ и демонстраціи подъ открытымъ небомъ.

Конгрессъ дѣятелей по распространенію университетскаго образованія въ Лондонѣ въ 1894 г. Въ 1894 г. въ Лондонѣ предполагается устроить конгрессъ дѣятелей по распространенію университетскаго образованія. На этомъ конгрессѣ будутъ участвовать: 1) пред-

ставители группъ, ведущихъ дѣло распространенія университетскаго образованія въ Соединенномъ Королевствѣ, въ колоніяхъ, въ Америкѣ, и въ различныхъ европейскихъ странахъ; 2) представители мѣстныхъ центровъ Соединеннаго Королевства и 3) лекторы и эксперты по образованію, заинтересованные въ движеніи распространенія университетскаго образованія.

Предметами обсужденія конгресса, который соберется въ Лондонскомъ университетѣ, будутъ:

1) Мѣры для поддержанія и дальнѣйшаго развитія образовательнаго характера распространенія университетскаго образованія.

2) Главные факторы центральныхъ и мѣстныхъ организацій.

3) Образовательныя силы движенія распространенія университетскаго образованія и ихъ методы по сравненію съ настоящими, систематическими университетскими занятіями.

Эти вопросы сначала будутъ обсуждаться комитетами экспертовъ, которые затѣмъ представятъ отчеты о своихъ занятіяхъ и выводы, къ которымъ они пришли. Выводы эти будутъ подвергнуты обсужденію конгресса.

Японскій театръ. Въ послѣдней книжкѣ «Revue Britannique» находится интересная статья японца Мотойоси-Саизо о японскомъ театрѣ и о нравахъ японской театральнoй братіи.

Театръ по японски называется «шиба и», отъ слова «шиба», клумба, и «и», мѣсто. О происхожденіи этого названія японцы рассказываютъ слѣдующую легенду.

Нѣсколько столѣтій тому назадъ, одна красивая дѣвушка, по имени Окуни, забавлялась среди цвѣточныхъ клумбъ въ окрестностяхъ Кіото танцами, которые она исполняла одна подъ аккомпаниментъ пѣнія птицъ и журчанія воды. Она дѣлала это исключительно для своего личнаго удовольствія. Но понемногу слухъ о ней распространился по городу, и передъ клумбами начали собираться люди, которые подстилали себѣ цыновки, садились и молча смотрѣли на Окуни. Наконецъ, слава танцовщицы дошла до принцессы Іодогими, жены принца Тайко-Гидейоши. Принцесса пришла посмотрѣть Окуни и подарила ей мѣсто Іодіогавара, гдѣ она построила себѣ театръ. Окуни исполняла въ своемъ театрѣ пантомимы, для которыхъ она сама придумывала сюжеты. Публика была въ восторгѣ отъ ея представленій и охотно посѣщала ихъ. Таково происхожденіе театра въ Іеддо, столицѣ имперіи восходящаго солнца.

Такимъ образомъ, родоначальникомъ японскаго театра былъ балетъ и основательницею его была женщина.

Въ настоящее время театръ въ Японіи представляетъ важный элементъ въ жизни народа. Онъ служитъ не для одного только пріятнаго препровожденія времени. И актеры, и публика глубоко проникнуты серьезнымъ смысломъ того, что происходитъ на сценѣ.

Посмотрите, напримѣръ, какъ готовятъяются японскіе актеры къ представленію одного изъ шедевровъ своего репертуара—«Распятія на крестѣ Сагура-Согоро». Актеры, которымъ приходится играть роли Согоро и его членовъ семейства, начинаютъ свое приготовленіе молитвою въ храмѣ Согоро. Они запираются въ немъ иногда на цѣлый мѣсяцъ и постятся, питаются только рисомъ съ солью. Они проводятъ время

за чтеніемъ священныхъ книгъ на могилѣ своего героя, думаютъ только объ немъ и стараются избѣгать всего, что могло бы отвлечь ихъ мысли отъ главнаго предмета. Если имъ во снѣ явится тѣнь Согоро, то это считается хорошимъ предзнаменованіемъ, что роль будетъ сыграна хорошо. Если же Согоро упорно не показывается, то это значитъ, что онъ недоволенъ актерами. Въ этомъ случаѣ они ни за что не соглашались играть, считая это святотатствомъ.

Сама пьеса очень трагическая и вмѣстѣ съ тѣмъ сентиментальная. Она состоитъ изъ 14 актовъ; представленіе начинается въ 7 час. утра и оканчивается къ 12 час. ночи. Ее играютъ каждый день въ продолженіе шести мѣсяцевъ, и театръ всегда полонъ. Сцена, гдѣ Согоро, преслѣдуемый агентами полиціи, приходитъ тайно въ свой домъ, чтобы проститься навсегда съ своею женою и дѣтьми, производитъ такое впечатлѣніе на публику, что весь театръ стонетъ; одни утираютъ слезы бумажными салфетками, другіе повязываютъ платками свои внезапно разболѣвшіяся головы, а нѣкоторыхъ выносятъ изъ театра въ глубокомъ обморокѣ.

Въ Японіи нѣтъ консерваторіи для образованія актеровъ и пѣвцовъ. Они воспитываются у знаменитыхъ артистовъ, которые берутъ къ себѣ на обученіе красивыхъ и способныхъ дѣтей въ возрастѣ 6—7 лѣтъ. Если ученики окажутся малоспособными, то ихъ возвращаютъ родителямъ и берутъ новыхъ. Воспитаніе японскаго актера состоитъ изъ обученія музыкѣ, пѣнію, декламациі, мимикѣ и особенно гимнастикѣ. Последнее необходимо для реального изображенія множества головоломныхъ номеровъ, которыми испещрены всѣ почти главныя героическія роли. Актеру въ Японіи не приходится отдѣлываться болѣе или менѣе жалкимъ подражаніемъ жизни. Онъ обязанъ явить себя на сценѣ отличнымъ гимнастомъ, вольтижеромъ, фехтовальщикомъ и пр. Ему не простятъ ни малѣйшаго, самаго невиннаго обмана противъ реальности. Одинъ знаменитый актеръ изображалъ съ недостаточною, по мнѣнію публики, реальностью страданія стараго военачальника, который, будучи окруженъ врагами, распарываетъ себѣ животъ, чтобы избѣжать плѣна. Послѣ представленія ему дали понять, что эту сцену слѣдуетъ играть реальнѣе. Въ теченіе нѣсколькихъ дней актеръ игралъ все лучше и лучше, пока, наконецъ, въ одинъ вечеръ онъ дѣйствительно не распоролъ себѣ живота на сценѣ и не умеръ на глазахъ публики. Оказалось, что онъ всякій разъ ранилъ себя кинжаломъ въ животъ, только недостаточно глубоко, чтобы быть въ состояніи изображать вполнѣ реально страданія самоубійцы. Вотъ до чего доводитъ стремленіе къ жизненной реальности на сценѣ! («Р. Ж.»).

Трудности проведенія желѣзныхъ дорогъ въ Китаѣ. Въ Китаѣ проложеніе желѣзныхъ дорогъ встрѣчаетъ зачастую самыя неожиданныя затрудненія. Недавно было предложено провести желѣзную дорогу отъ Гирива, вблизи Мукдена, къ Ньючуану, но главный начальникъ Мукдена (столица Манчжуріи), прежде чѣмъ разрѣшить дорогу, обратился къ ворожеямъ. Тѣ отвѣтили, что позвонки дракона, окружающаго и тѣмъ охраняющаго Мукденъ, въ которомъ покоятся остатки предковъ царствующей династіи, будутъ повреждены длинными гвоздями, забиваемыми въ шпалы, въ виду чего главный начальникъ и

предложилъ инженерамъ провести дорогу изъ Гирина прямо въ Нью-чуанъ. Инженеры донесли объ этомъ вице-королю Ли-Хунъ-Чжану, человѣку весьма образованному, который поблагодарилъ главнаго начальника за заботливость о покойныхъ предкахъ династїи, но при этомъ высказалъ мнѣніе, что городъ, а слѣдовательно и могилы, будутъ гораздо сохраннѣе, если вблизи города пройдетъ желѣзная дорога. Къ этому вице-король добавилъ, что такъ какъ начальникъ Муздена уже запретилъ инженерамъ выполнить ихъ проектъ, то дѣло должно быть доведено до свѣдѣнія императора, а всѣ работы, въ ожиданїя его резолюціи, должны быть приостановлены. Это сильно огорчило начальника Муздена и онъ просилъ приказать продолжать работы, добавивъ, что тѣмъ временемъ онъ обдумаетъ дѣло. Онъ снова обратился къ вору-жеямъ, которыя на этотъ разъ сказали ему, что если дорога будетъ проложена на нѣсколько десятковъ саженъ въ сторону, то повонки дракона будутъ не тронуты и, слѣдовательно, опасность повредить ихъ исчезнетъ. Тогда начальникъ Муздена сообщилъ объ этомъ вице-королю и просилъ его сказать инженерамъ, чтобы они чуть-чуть отклонили дорогу отъ первоначальнаго направленїя; императору же онъ просилъ не доносить ничего о промедленїи работъ.

Э.

ИЗЪ МІРА НАУКЪ.

Маорїйцы въ Новой Зеландїи. Если вѣрить описанїямъ Фредерика Мосси въ «Fortnightly Review», то земной рай слѣдуетъ искать въ Новой Зеландїи, въ странѣ маорїйцевъ, гдѣ природа въ изобилїи рассыпала свои дары, хлѣбное дерево, кокосы, бананы, каштановыя, апельсины и лимонныя деревья произрастаютъ тамъ безъ всякой культуры. Воды изобилуютъ рыбами, лѣса—всевозможною дичью. Кофе и хлопокъ произрастаютъ въ дикомъ состоянїи, но тѣмъ не менѣе превосходны. Много уже поколѣній маорїйцы проживаютъ на своемъ островѣ. Лѣтъ семьдесятъ—восемьдесятъ тому назадъ, до введенїя христіанства между ними, населенїе ихъ было гораздо гуще и эта густота населенїя вынуждала ихъ къ упорному труду. Разнаго рода упражненїя, игры, танцы и драматическія представленїя примитивнаго характера способствовали развитію и укрѣпленію ихъ физической и нравственной силы. Они вели постоянную войну съ сосѣдними племенами и были людоедами, но были здоровы, сильны и многочисленны, несмотря на неблагоприятныя условїя дикаго состоянїя. И страннымъ образомъ, какъ только цивилизація и миръ рассыпали на нихъ свои благодѣянія, маорїйская гордая раса начала вырождаться и исчезать. Маорїйское населенїе уменьшается съ каждымъ годомъ и, повидному, сами маорїйцы примирились съ мыслью, что имъ суждено безслѣдно исчезнуть.

Цивилизація замѣнила образъ жизни маорїйцевъ. Теперь они уже не довольствуются своимъ первобытнымъ одѣяніемъ, а получаютъ свою одежду изъ Англїи. Жены зажиточныхъ маорїйцевъ одѣваются уже по

послѣдней европейской модѣ. Однако, обувь еще остается неизвѣстной какъ маорійскимъ мужчинамъ такъ и женщинамъ. Населеніе раздѣляется на нѣсколько различныхъ племенъ и каждое изъ этихъ племенъ считаетъ себя потомками тѣхъ, кто впервые высадился на маорійскій берегъ, когда онъ только что былъ открытъ. Каждое племя имѣетъ своихъ отдѣльныхъ вождей и свою аристократію. Во главѣ племени находится главный вождь «Арики», который считается прямымъ потомкомъ старинныхъ боговъ родной страны. «Арики» долженъ быть крупнымъ землевладѣльцемъ, и только въ случаѣ, если владѣнія его уменьшаются, а влѣдствіе этого падаетъ и авторитетъ, назначается другой Арики. Въ случаѣ смерти Арики ему выбираютъ преемника изъ ближайшихъ членовъ его родни. Кромѣ Арики, въ каждомъ племени существуетъ еще нѣсколько второстепенныхъ вождей и вообще практикуется очень сложная іерархія. Христіанство уничтожило полигамію среди маорійцевъ, но не измѣнило ихъ возрѣній и отношеній къ женщинамъ. Въ строгомъ смыслѣ слова семьи у маорійцевъ не существуетъ. Жена маорійца не болѣе, какъ первая изъ его служанокъ или же болѣе или менѣе цѣнный для него предметъ. Онъ смотритъ на нее, какъ на вещь и пройдутъ долгіе годы прежде чѣмъ измѣнится этотъ взглядъ. Маорійскія женщины отличаются кроткимъ характеромъ, никогда не поддаются вспышкамъ гнѣва и не позволяютъ себѣ ни одного оскорбительнаго слова по адресу мужчины или женщины. Вообще замѣчательно, что бранныхъ словъ совершенно не существуетъ въ маорійскомъ языкѣ. Въ припадкѣ сильнѣйшаго гнѣва, они могутъ называть другъ друга только собакой, быкомъ, козломъ, бараномъ, свиной или кошкой,—вообще какима-нибудь животнымъ и самымъ оскорбительнымъ почему-то считается эпитетъ «дикая утка».

Съ соціальной точки зрѣнія организація маорійцевъ очень любопытна, каждый имѣетъ свою часть въ общемъ богатствѣ и бѣдность одного, въ то время какъ другіе имѣютъ все въ изобиліи, совершенно неизвѣстна у маорійцевъ. Маорійскій нищій составилъ бы совершенно выходящее изъ ряда вонъ явленіе. Если бы наступилъ голодъ, то отъ него пострадали бы всѣ одинаково. Трудъ считается у нихъ удовольствіемъ и бѣднѣйшій изъ маорійцевъ дышетъ такимъ-же чистымъ воздухомъ и питается почти такъ же, какъ и самъ Арики, передъ которымъ онъ почти исключительно преклоняется. Система тюремнаго заключенія тамъ также неизвѣстна, на провинившагося налагается извѣстное высканіе, по исполненіи котораго онъ восстанавливается въ своихъ прежнихъ правахъ. Никакой крѣпости и тюрьмы у маорійцевъ не существуетъ и тамъ нельзя встрѣтить ни одного въ нравственномъ смыслѣ обезчещеннаго чловѣка.

Маоріецъ совершенно не понимаетъ, чтобы можно было употреблять спиртные напитки безъ заранее опредѣленнаго намѣренія выпить. Онъ и самъ иногда употребляетъ съ этою цѣлью «bush beer»—напитокъ очень крѣпкій, приготовляемый изъ ананасовъ, банановъ и апельсинновъ, но вообще привычные пьяницы составляютъ въ этой странѣ совершенно неизвѣстное явленіе и маорійцевъ по справедливости можно назвать трезвымъ народомъ. Маорійцы—прекрасные и храбрые моряки. На легкихъ, маленькихъ шхункахъ они пускаются въ далекое плаваніе и при этомъ замѣчательно, что они оказываютъ вообще весьма мало вниманія денежной выгодѣ, которую можно извлечь изъ подобной экскурсіи и въ корыстолюбіи ихъ никакъ нельзя обвинять.

Такова заманчивая картина, которую рисуетъ Мосъ въ своемъ описаніи маорійцевъ и ихъ страны. Конечно, онъ заканчиваетъ его приглашеніемъ англичанамъ захватить въ свои руки этотъ рай земной. Вѣроятно, англичане воспользуются этимъ совѣтомъ и вымираніе маорійцевъ ускорится. Дни маорійцевъ несомнѣнно сочтены. Э.

Карборундъ. Карборундъ — очень интересный искусственный химическій продуктъ, полученный такъ же случайно, какъ случайно были найдены и добыты многія чрезвычайно важныя и цѣнныя вещества и тѣла средневѣковыми алхимиками, пытавшимися найти секретъ приготовленія фантастическаго «философскаго камня». Открытъ онъ былъ, всего года два тому назадъ, американскимъ электротехникомъ Этчисономъ, ломавшимъ голову надъ вопросомъ объ искусственной фабрикаціи алмаза. Узнавъ о томъ, что нѣкоторымъ европейскимъ (именно — французскимъ) ученымъ экспериментаторамъ удалось получить, лабораторнымъ путемъ, алмазъ въ видѣ крошечныхъ, чуть не микроскопическихъ кристалликовъ, названный техникъ пришелъ къ той мысли, что, пуская въ ходъ все болѣе и болѣе высокія температуры, получаемыя при помощи электрическаго тока, быть можетъ, можно будетъ искусственно добыть и болѣе крупныя, годныя для практическихъ примѣненій, алмазные кристаллы. Этихъ послѣднихъ при опытахъ своихъ онъ не добылъ, но зато, совершенно неожиданно для себя, получилъ нѣчто другое, а именно кристаллическое вещество, представляющее собою химическое соединеніе углерода съ кремнеземомъ (CSi) и отличающееся тою замѣчательною особенностью, что оно чертитъ даже алмазъ, т.-е. оказывается тверже алмаза, считавшагося до сихъ поръ самымъ твердымъ тѣломъ. Въ качествѣ практическаго явля, Этчисонъ тотчасъ же сообразилъ, какую большую пользу можно извлечь изъ новаго вещества, обладающаго такимъ драгоценнымъ свойствомъ. Очень твердыя тѣла, будучи превращены въ болѣе или менѣе мелкій, тонкій порошокъ, находятъ для себя, какъ извѣстно, очень широкое примѣненіе въ шлифовальномъ дѣлѣ, въ которомъ безъ нихъ совсѣмъ нельзя и обойтись. Хорошихъ шлифовальныхъ матеріаловъ очень немного; по степени ихъ твердости и, слѣдовательно, достоинства, ихъ можно расположить въ слѣдующемъ порядкѣ: трепель, наждакъ, корундъ, рубинъ сапфиръ и алмазъ. Самыми лучшими изъ нихъ являются три послѣдніе минерала съ алмазомъ во главѣ.

Въ виду только-что сказаннаго, нетрудно понять, какія серьезныя выгоды и преимущества, въ качествѣ шлифовальнаго средства, представляетъ полученный Этчисономъ карборундъ («угольный корундъ», — отъ *carb*-уголь и *corundum*-корундъ), превосходящій по твердости даже алмазъ, и въ то же время очень легко и просто добываемый изъ крайне дешевыхъ сырыхъ матеріаловъ.

По описанію въ нью-іоркскомъ журналѣ «The Electrical Engineer», процессъ добыванія карборунда (на заводѣ Этчисона въ Monongahela-City) сводится къ слѣдующему. Въ небольшую, похожую на продолговатый ящикъ, печь, сложенную изъ огнеупорныхъ кирпичей или извести, помещается, въ количествѣ 90 килограммовъ (около 5¹/₂ пуд.), тщательно приготовленная смѣсь изъ порошкообразнаго кокса (46%), чисто кварцеваго песка (36%) и морской соли (18%). Черезъ от

верстия въ двухъ противоположныхъ стѣнкахъ печи въ массу смѣси вводятся два угольные стержня, служащіе электродами. При пропусканіи черезъ эти электроды, въ теченіе 7—8 часовъ, сильнаго электрическаго тока, температура въ печи поднимается выше 3.000° Ц., смѣсь плавится, кремнеземъ песка восстанавливается и вступаетъ въ соединеніе съ углеродомъ кокса, образуя углекремнеземъ или карборундъ. По окончаніи операціи плавленія и по охлажденіи печи, изъ этой послѣдней яввляется черная масса, на четверть своего вѣса состоящая изъ чистаго карборунда и на три четверти — изъ графита, желѣзной окиси и неизмѣненныхъ сырыхъ матеріаловъ (кокса и песка). Изъ массы этой, послѣ удаленія изъ нея всѣхъ ненужныхъ примѣсей, получается болѣе или менѣе чистый карборундъ, который, съ цѣлью полнаго его очищенія, сначала обрабатываютъ соляною и фтористоводородною кислотами, а затѣмъ прокалываютъ въ струѣ кислороднаго газа. По своему удѣльному вѣсу (3,123), вполне очищенный продуктъ оказывается очень близкимъ къ алмазу. Онъ представляется въ видѣ маленькихъ (не больше 3 миллиметровъ) ромбическихъ кристалликовъ, отличающихся, какъ уже сказано выше, необыкновенною твердостью. Микроскопъ показываетъ, что мельчайшіе осколки этихъ кристалловъ (получающіеся при раздробленіи послѣднихъ) имѣютъ чрезвычайно острые края и углы, чѣмъ и обуславливается высокое качество карборундоваго порошка, какъ шлифовальнаго средства. Помимо твердости, карборундъ выгодно отличается отъ алмаза еще и тѣмъ, что не сгораетъ и не претерпѣваетъ почти никакихъ измѣненій при высокихъ температурахъ. Въ то время какъ алмазъ, будучи подвергнутъ, въ раскаленномъ видѣ, дѣйствію струи кислороднаго газа, сгораетъ безъ остатка, превращаясь въ углекислоту, карборундъ, поставленный въ тѣ же условія, остается неизмѣненнымъ, уменьшаясь только, въ теченіе часа, на 0,41% своего вѣса. Никакія кислоты на него не дѣйствуютъ.

Самый мелкій карборундовый порошокъ, пускаемый въ продажу обыкновенно въ коробкахъ отъ $\frac{1}{2}$ до $2\frac{1}{2}$ фунт. вѣсомъ, употребляется для шлифовки брилліантовъ и другихъ драгоценныхъ камней; болѣе же крупный и крупнѣйшій идутъ, съ одной стороны, для шлифовки стеклянныхъ издѣлій, а съ другой — для изготовленія точильныхъ колесъ, гранильных камней или круговъ, шлифованныхъ цилиндровъ и проч.

До какой степени тверды и прочны получаемые такимъ образомъ карборундовые гранильные или шлифовальные камни и колеса (имѣющіе въ толщину 3—48 миллиметровъ), объ этомъ можно судить по тому, что при вращеніи своемъ (со скоростью 1.300—1.800 оборотовъ въ минуту), они такъ легко рѣжутъ даже самые твердые стальные англійскіе напильники, какъ будто бы эти послѣдніе сдѣланы были изъ гипса или дерева, причемъ сами почти совсѣмъ не нагреваются и не подвергаются убыли вещества. Въ заключеніе замѣтимъ, что на заводѣ въ Monongahela-City ежедневно добывается свыше 200 килограммовъ (болѣе 12 пудовъ) карборунда. Цѣна одного килограмма колеблется въ предѣлахъ между 2—5 долларами (4—10 руб.), смотря по сорту продукта. («Рус. Вѣд.»).

Англійское метеорологическое бюро. Въ Лондонѣ находится метеорологическое бюро, образующее центръ, куда три раза въ день посту-

пають результаты наблюденій, производимыхъ на 80 различныхъ станціяхъ, разсѣянныхъ по всей Англїи. У дверей этого бюро вывѣшиваются карты съ послѣдними наблюденіями, въ 9, 11 и 3 часа дня. Прохожій можетъ видѣть таблицы, указывающія направленіе вѣтра и состояніе погоды въ различныхъ мѣстностяхъ Ирландїи и Англїи. Бюро обязано вести болѣе или менѣе полный отчетъ всѣмъ атмосферическимъ явленіямъ. Гдѣ бы ни разразилась буря, извѣстіе объ этомъ получается въ бюро и немедленно разсылается повсюду и всѣмъ, кого это только можетъ интересовать. Все заносится въ отчетъ, будь то штяль или штормъ, съ одинаковою тщательностью. Метеорологическое бюро раздѣляется на три главныхъ отдѣла: морской отдѣлъ, куда поступаютъ всѣ наблюденія, относящіяся къ морю; сухопутный, касающійся погоды на сушѣ, и телеграфный, который завѣдуетъ разсылаемыми и опубликуемыми ежедневно сообщеніями. Производимыя наблюденія передаются по телеграфу въ центральное бюро и сейчасъ же заносятся въ книгу, наполненную метеорологическими знаками, непонятными для непосвященнаго, и затѣмъ отмѣчаются на картѣ. Затѣмъ изготовляются карты для раздачи и рассылки, на которыхъ показаны: направленіе и сила вѣтра, барометрическое давленіе, температура и вообще всѣ атмосферическія явленія. Такимъ образомъ метеорологическое бюро получаетъ возможность предсказывать погоду на слѣдующія сутки и, въ случаѣ надобности, предупреждать о предстоящихъ шквалахъ и буряхъ. Въ каждой лондонской газетѣ и во многихъ провинціальныхъ помѣщаются подобные отчеты; кромѣ того, эти сообщенія рассылаются всѣмъ лицамъ, желающимъ имѣть свѣдѣнія о погодѣ какъ можно раньше. Въ морскомъ отдѣлѣ собираются свѣдѣнія о морскихъ теченіяхъ, вѣтрахъ и температурѣ на всѣхъ моряхъ, доступныхъ судоходству. Въ этомъ дѣлѣ бюро пользуется содѣйствіемъ корабельныхъ капитановъ, которые снабжаются съ этою цѣлью всѣми необходимыми для этой цѣли инструментами. Кромѣ того, каждому капитану выдается книга, куда онъ заноситъ свои наблюденія; по возвращеніи онъ передаетъ эту книгу въ метеорологическое бюро. Такимъ образомъ болѣе 200 капитановъ производятъ наблюденія на морѣ и въ бюро находится уже болѣе 6.000 полученныхъ отчетовъ объ этихъ наблюденіяхъ. Бюро ежемѣсячно выпускаетъ карту морскихъ теченій, что особенно важно для мореплавателей. Кромѣ главнаго лондонскаго метеорологическаго бюро, существуютъ еще метеорологическія обсерваторїи въ Кью и въ Бенъ-Невиссѣ, въ Ричмондѣ.

Э.

Происхожденіе кукольной комедїи «Петрушка». Въ «Рус. Вѣд.» помѣщенъ очеркъ изъ исторїи народной кукольной комедїи, читанный въ этомъ году г. Алферовымъ въ Историческомъ музеѣ. Авторъ указываетъ на то, какъ исчезаютъ мало-по-малу произведенія народнаго творчества и подробно останавливается на одномъ изъ такихъ отживающихъ явленій кукольной комедїи «Петрушка». Мы вкратцѣ познакомимъ нашихъ читателей съ этимъ интереснымъ очеркомъ.

«Петрушка» относится къ такъ-называемымъ пьесамъ съ постоянными типами. Какъ бы ни разнообразились эпизоды этой пьесы, дѣйствующія лица остаются все тѣ же: главный герой—Петрушка (ему не менѣе двухъ съ половиною тысячъ лѣтъ), его супруга (то Маланья

Пелагеевна, то Пягася Николаевна), цыганъ, докторъ, квартальный, вѣмецъ и собака, а иногда къ нимъ присоединяются «двѣ арапки» и татаринъ.

У каждаго народа появленію комедіи предшествуютъ обыкновенно небольшія комическія сцены, разыгрываемыя народными скоморохами.

Уже за нѣсколько вѣковъ до Рождества Христова въ Италіи существовали комическія пьесы съ постоянными типами. Эти пьесы назывались ателланами, потому что въ нихъ часто каррикатурно изображались простоватые и неуклюжіе жители городка Atella и его окрестностей (недалеко отъ Неаполя).

Содержаніе ателланъ было, большею частью, импровизаціей; и въ этой импровизаціи было не столько словъ, сколько движеній, палочныхъ ударовъ, ловкихъ прыжковъ, клоунскихъ выходовъ, и, когда не знали, чѣмъ кончатъ сцену, одинъ пускался бѣжать, другой его преслѣдовать, и оба исчезали изъ глазъ зрителей.

Одной изъ центральныхъ комическихъ фигуръ этихъ пьесъ былъ шутъ-уродъ, по прозванію *Massus*, одѣтый въ бѣлый плащъ и потому называвшійся «бѣлый мимъ» (*Mimus albus*). Онъ небольшою роста; на спинѣ у него небольшой горбъ; животъ выдается также наподобіе горба; голова уродлива—большой носъ торчитъ наподобіе клюва; онъ смѣшивалъ публику жестами, остротами и рѣзкими криками, которыми нерѣдко подражалъ цѣнью птицъ и писку цыплятъ, а для большаго измѣненія своего естественнаго голоса употреблялъ даже особый пищикъ, который держалъ во рту; за свой большой носъ, если хотите, клювъ, да за цыплячій пискъ, да за малый ростъ онъ впоследствии изъ Макка былъ переименованъ въ пѣтушки, въ цыпленка (или по итальянски—*Pulcinello*).

Но откуда появились марионетки? Онѣ попали въ Италію изъ Греціи, гдѣ существовали раньше, и, быстро усвоивъ себѣ репертуаръ ателланъ, продолжали его развивать.

Самая древняя кукла, сдѣланная человѣкомъ, есть грубый, аляповатый идолъ дикаря. Впоследствии, при большихъ успѣхахъ скульптуры, жрецы, чтобы внушать трепетъ толпѣ, научились приводить въ движеніе идола; тогда эта движущаяся кукла была не забавой, а кумиромъ, передъ которымъ язычникъ съ трепетомъ падалъ въ прахъ.

Извѣстно, что еще у египтянъ была статуя Юпитера Аммона, которая кивала головой. Въ римскихъ триумфальныхъ процессіяхъ носили чудовищнаго размѣра фигуру, которая называлась «Пожиратель дѣтей». Это было чудовище съ человѣчьей головой, громадная челюсти котораго приводились въ движеніе невидимымъ оушкомъ и страшно скрежетали зубами.

Между тѣмъ, какъ только идолъ съ помощью скрытаго въ немъ механизма сошелъ съ своего пьедестала въ храмъ и изъ храма вышелъ на улицу, къ его движеніямъ стали больше привыкать, а болѣе образованные, зажиточные и любознательные классы заинтересовались системой его движеній и воспользовались его механизмомъ для своего развлечения. Конечно, для того, чтобы войти въ дома вельможъ, какъ и простые смертные, идолъ долженъ былъ сократить свои размѣры и превратился въ небольшую куклу съ механическимъ движеніемъ. Въ Греціи эти куклы живо сдѣлались забавой взрослыхъ аристократовъ, какъ

рѣдкая и хитрая выдумка, и уже не изображали боговъ, а самыя равнообразныя живыя существа. Во времена Платона не было почти дома, въ которомъ не имѣлось бы подобныхъ игрушекъ.

Но мало-по-малу съ удешевленіемъ своего механизма маріонетки начинаютъ забавлять не только отдѣльныхъ богатыхъ лицъ и ихъ добрыхъ знакомыхъ, а, какъ прежде изъ храма, такъ теперь изъ гостиницы вельможи опять уходятъ на улицы, и, переимѣнивъ свой прежній видъ, опять собираетъ около себя цѣлыя толпы народа; но теперь она уже привлекаетъ къ себѣ ихъ вниманіе не какъ кумирь, а какъ забавная игрушка: она дѣлается народной уличной маріонеткой въ томъ смыслѣ, какъ мы будемъ ее рассматривать.

Таковы три основные момента развитія маріонетки: сначала таинственный идолъ, затѣмъ игрушка богача и, наконецъ, предметъ развлечения и восторга неприхотливой уличной толпы. И подъ открытымъ небомъ, вдохновляемая обширной и непринужденной аудиторіей, маріонетки мало-по-малу начинаютъ развивать отдѣльныя движенія и сцены въ цѣлыя пьесы.

Каждая страна принимала его радушно, присоединяла къ этому уже готовому типу черты своихъ варожающихся національныхъ шутовскихъ фигуръ и крестила его по своему.

Въ Испаніи онъ прованъ don Christoval Pulcinello и Gracioso; во Франціи—извѣстенъ подъ именемъ то Полишинеля, то Арлекина, то Jean Fagine (Иванъ-мучникъ); англичане, со свойственнымъ имъ талантомъ сокращать слова, называли его Punch, вмѣсто Pulcinello; въ Германіи онъ назывался Hans-Wurst (Иванъ-колбаса); въ Австріи—Casperle (теперь Casperle вытѣснилъ Hans-Wurst'a); голландцы называли его Pickelhäring (соленая селедка).

Русскіе прозвали своего Полишинеля сначала Петрухой, а потомъ пренебрежительно, какъ вообще относились къ скоморохамъ, Петрушкой.

Первоисточникъ нашей кукольной комедіи—итальянскій Полишинель. Онъ занесенъ къ намъ черезъ Германію въ началѣ XVII столѣтія. Нельзя сказать, чтобы вся эта комедія была чужая—въ ней много и нашего, національнаго. Образованному иностранному путешественнику по Россіи Олеарию пришлось видѣть эту пьесу въ XVII столѣтіи подъ Москвою и, по описанію, имъ сдѣланному, и по приложенной къ путешествію картинкѣ «комедь о Петрушкѣ» производилась слѣдующимъ неаттѣливымъ образомъ.

Комедіантъ надѣвалъ родъ короткой туники, въ подолъ которой былъ продѣтъ обручъ, затѣмъ обручъ подымалъ вверхъ, и голова его такимъ образомъ оказывалась какъ будто въ вазѣ; изъ-за краевъ этой вазы онъ показывалъ наполненную драками комедію о Петрушкѣ. Драка была въ большомъ ходу въ народныхъ шуточныхъ развлеченияхъ, потому что по тогдашней поговоркѣ: «рожа дешевле одежды: одежду раздерешь—придется купить новую, а рожа и сама подживетъ, а не подживетъ, такъ и такъ сойдетъ».

Современный Петрушка, кромѣ грубаго жаргона и уродливой внѣшности, сохранилъ отъ старины дубинку, гнусавый пищикъ, музыку и нѣкоторыхъ дѣйствующихъ лицъ—жену доктора, полицейскаго, клоуна въ бѣломъ костюмѣ, который является подъ названіемъ нѣмца,—и все это нѣсколько обрусѣло. Содержаніе этой пьесы извѣстно всѣмъ.

Теперь эти представления начинают исчезать, и гнусавый голосъ Петрушки все рѣже раздается на улицѣ; но въ лицѣ Петрушки доживаетъ свой вѣкъ или, вѣрнѣе, умираетъ въ Россіи очень старый и очень знатный иностранецъ.

Бруунъ-Секаръ. Человѣкъ, сдѣлавшійся нѣсколько лѣтъ тому назадъ мишенью для всевозможныхъ остротъ и предметомъ насмѣшекъ ученыхъ и неучей—скончался. Но прежде своей смерти ему суждено было увидѣть, что его открытіе, надѣлавшее столько шума и принятое съ такимъ довѣріемъ, составило эпоху въ медицинѣ и повело за собою цѣлый рядъ плодотворныхъ изслѣдованій.

Карлъ Эдуардъ Бруунъ-Секаръ родился въ 1818 г. на островѣ св. Маврикія и двадцатилѣтнимъ юношей явился въ Парижъ, гдѣ уже черезъ два года закончилъ свое медицинское образованіе и всецѣло посвятилъ себя изученію физиологіи и нервныхъ болѣзней. Но эти усиленные занятія не сдѣлали изъ Бруунъ-Секара кабинетнаго ученаго: живая южная натура не позволяла ему замкнуться въ стѣнахъ лабораторіи. Не довольствуясь Франціей, онъ отправился въ другія страны онъ объѣздилъ Сѣверную Америку, работая то въ Нью-Йоркѣ, то въ Бостонѣ, въ Филадельфіи, въ Вашингтонѣ, въ Ричмондѣ и т. д. Черезъ нѣсколько времени мы находимъ его въ Лондонѣ работающимъ въ госпиталѣ для паралитиковъ. Наконецъ, въ 1878 году, въ качествѣ ученаго, уже составившаго себѣ почетное имя, Бруунъ-Секаръ, какъ преемникъ знаменитаго Клодъ-Бернара, былъ назначенъ профессоромъ экспериментальной физиологіи въ Collège de France.

Теперь ему оставалось только пожинать лавры послѣ своихъ долгихъ трудовъ и изысканій. Онъ уже сдѣлалъ достаточно, онъ обогатилъ науку изслѣдованіями о составѣ крови, о патологіи спиннаго мозга, о животной теплотѣ и т. д., и т. д. Но неутомимый ученый продолжалъ работать и наряду съ лекціями возился и въ лабораторіи съ какими-то изслѣдованіями.

Шли года. Бруунъ-Секаръ давно сдѣлался однимъ изъ свѣтилъ не только французской медицины, но и англійской. Ему уже было болѣе семидесяти лѣтъ и многие смотрѣли на него, какъ на человѣка, давно пережившаго свою славу, какъ вдругъ старикъ явился 1 іюня 1889 года въ засѣданіе біологическаго общества бодрымъ, помолодѣвшимъ, и его оживленная страстная рѣчь взволновала почтенное собраніе ученыхъ. Онъ сообщил собранію о своемъ замѣчательномъ открытіи, и черезъ нѣсколько дней весь ученый міръ узналъ, что старый ученый придумалъ впрыскивать вытяжку изъ яичекъ (testiculi) морскихъ свинокъ подъ кожу больныхъ и дряхлымъ организмамъ и этимъ восстанавливать упадокъ силъ.

При дальнѣйшихъ изслѣдованіяхъ оказалось, что за подъемомъ жизненныхъ силъ слѣдуетъ упадокъ, но оказаться еще можетъ многое; изслѣдованія продолжаются, число изслѣдователей увеличивается съ каждымъ годомъ, и только изобрѣтатель метода, только старый ученый уже, не можетъ слѣдить за работой своихъ многочисленныхъ послѣдователей.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Заботы о пришлыхъ рабочихъ. Эти заботы проявило въ нынѣшнемъ году херсонское земство, которое организовало санитарный и врачебный надзоръ надъ сельскохозяйственными пришлыми рабочими. Какъ сообщаетъ «Крымъ», въ 14 пунктахъ наибольшаго скопления рабочихъ, на базарахъ были устроены амбулаторіи, гдѣ земскіе врачи осматривали всѣхъ пришлыхъ и оказывали медицинскую помощь. Больныхъ оказалось около 11 проц. общаго числа. Это указываетъ на относительно большую заболѣваемость рабочихъ. Въ общемъ у рабочихъ преобладаютъ болѣзни заразныя, а также болѣзни, зависящія отъ плохого питанія. Болѣе половины всѣхъ заболѣваній даютъ болѣзни глазъ (трахома и куриная слѣпота). Для улучшенія питанія рабочихъ земство устроило для нихъ дешевыя столовыя. На обзаведеніе, пищевые продукты, топливо, прислугу и т. д. издержано 7.410 р. Всего въ 10 столовыхъ выдано обѣдовъ 77.752 и 26 тыс. порцій чаю. Изъ нихъ отпущено бесплатныхъ обѣдовъ 17.385. За платныя порціи выручено 2.939 р., такъ что почти 40 проц. общаго расхода покрыты взносами рабочихъ за обѣдъ. Въ виду очевидной пользы, которую принесли бесплатныя амбулаторіи и дешевыя столовыя для рабочихъ въ дѣлѣ систематическаго санитарнаго надзора, предполагено сдѣлать ихъ на будущее время учрежденіями постоянными.

Распространеніе раскола. По официальнымъ даннымъ послѣдняго времени, раскольники въ большемъ или меньшемъ числѣ находятся во всѣхъ, безъ исключенія, епархіяхъ какъ Европейской, такъ Азіатской Россіи. Болѣе всего распространенъ расколъ въ обширномъ приволжскомъ краѣ и особенно въ епархіяхъ: нижегородской (70.000 раскольниковъ), саратовской (болѣе 52.000) и самарской (свыше 81.000) Многочисленны также раскольники въ епархіяхъ: ватской (72.000 раск.), черниговской (50.000) и подолецкой (82.090). Не мало, наконецъ, раскольниковъ въ сибирскихъ епархіяхъ: иркутской (30.000 раск.), тобольской (55.000) и томской (82.000). Въ епархіи же донской насчитывается около 106.000 раскольниковъ. Къ этому надо добавитъ, что всѣ указанныя цифры лишь приблизительно опредѣляютъ число раскольниковъ въ той или другой епархіи, такъ какъ существуетъ много тайныхъ послѣдователей раскола, не внесенныхъ въ официальные статистическіе списки. («Р. Ж.»).

Школы грамотности для фабричныхъ и ремесленниковъ. Одесское Отдѣленіе Техническаго Общества, въ цѣляхъ образовательныхъ для фабричнаго и ремесленнаго люда, задумало устроить рядъ школъ грамотности. Вопросъ этотъ въ настоящее время близится уже къ концу. Означенныя школы будутъ состоять изъ двухъ отдѣленій, причѣмъ въ первое, младшее отдѣленіе проектируется принимать совершенно безграмотныхъ учениковъ, а во второе—лицъ, получившихъ начальное образованіе или знакомыхъ мало-мальски съ грамотой. Цѣль нившаго отдѣленія будетъ состоять въ томъ, чтобы научить рабочихъ грамотѣ, а затѣмъ наглядными бесѣдами познакомить ихъ съ нѣкото-

рыми свѣдѣніями, необходимыми для ихъ спеціальности, по тѣмъ, или другимъ отраслямъ ремесла. Въ старшемъ отдѣленіи, помимо изученія родиноуѣдѣнія и арифметики, будетъ преподаваться практическая геометрія и отдѣлы начальной механики, имѣющіе отношеніе къ техническимъ производствамъ вообще. Въ первое отдѣленіе курсовъ будутъ приниматься ученики не моложе 16 лѣтъ. Плата съ учениковъ будетъ взыматься отъ 30 к. въ мѣсяць, т.-е. за каждый день ученія съ небольшимъ 1 копейка. («Нов. Тел.»).

Сибирская выставка въ Москвѣ. Сибирская выставка, какъ сообщаетъ «Р. Ж.», устраивается на частныя средства. Устройство выставки будетъ возложено на выставочный комитетъ; срокъ выставки назначенъ 4 мѣсяца. Выставка будетъ состоять изъ слѣдующихъ девяти отдѣловъ: 1) научнаго, заключающаго въ себѣ научную литературу края; 2) полеводства и сельской промышленности; 3) садоводства и огородничества; 4) лѣсоводства и горнаго дѣла; 5) животноводства, скотоводства, коневодства, птицеводства, пчеловодства и шелководства; 6) охоты и рыбной ловли; 7) инородческаго отдѣла; 8) отдѣла кустарнаго, ремесленнаго и фабрично-заводской промышленности; 9) отдѣла сосѣднихъ странъ: Монголіи, Манджуріи, Китая, Кореи и Японіи.

Печатное дѣло въ Петербургѣ. Всѣхъ заведеній печати и книжной торговли, подвѣдомственныхъ инспекторскому надзору, къ 1-му января текущаго года въ Петербургѣ состояло 1.731, а именно: типографій 97, литографій 53, литографій 35, словолитенъ 12, металлографій 4, фотоциклографій и циклографій 8, ксилографій 1, фототипій 3. Мастерскихъ: каучковыхъ штемпелей, монограммныхъ, граверныхъ и т. п. 33, фотографій 85, книжныхъ магазиновъ 51, лавокъ 77, ларей 9, музыкальныхъ магазиновъ 22, библиотекъ и кабинетовъ для чтенія 34, заведеній для продажи и производствъ принадлежностей гисненія 34, ручныхъ печатныхъ станковъ 37, пишущихъ машинъ и копировальныхъ аппаратовъ разныхъ системъ 869, шрифтовъ для переплетныхъ работъ 80, кіосковъ 21. Продажа книгъ, брошюръ, газетъ и календарей производилась: при 8 типографіяхъ, 2 редакціяхъ, 3 гомеопатическихъ аптекахъ, 5 библиотекахъ и кабинетахъ для чтенія, 95 магазинахъ бумажныхъ и канцелярскихъ принадлежностей, 24 магазинахъ дѣтскихъ игрушекъ, 7 табачныхъ лавкахъ, 2 складахъ фотографическихъ принадлежностей и при одномъ магазинѣ гигиеническихъ предметовъ. Книжныхъ складовъ насчитывалось 19. Кромѣ того, лицъ, продающихъ произведенія печати въ разность, состояло 602. («Спб. В.»).

Гиганты лѣса. Самые огромные деревья Пруссіи, а по всей вѣроятности и всей Германіи, находятся въ бранденбургской провинціи, вблизи Берлина. Это три дуба, изъ которыхъ одинъ возвышается на опушкѣ Грюневальда, по близости деревни Даммъ, въ пяти километрахъ отъ столицы. Дубъ этотъ достигаетъ высоты 34 метровъ и крона его имѣетъ 26 метровъ въ окружности. Восемь человекъ недостаточно для того, чтобы охватить его стволъ. Дубъ былъ посаженъ въ 1436 году.

Второй великанъ, котораго называютъ королевскимъ дубомъ, находится близъ Финкенбурга, въ 30 километрахъ отъ Берлина. Въ корѣ этого дерева вырѣзаны ножомъ имена: Фридриха Великаго, Фридриха-Вильгельма III, Фридриха-Вильгельма IV, императора Вильгельма I, Фридриха III, Александра Гумбольдта, Шиллера, Герда, Кёрнера, Гюккерта и т. д. Надо десять человекъ, чтобы обхватить стволъ этого дерева. Согласно хроникѣ Финкенбурга, дубъ этотъ былъ посаженъ въ 1493 году.

Третій гигантъ высится въ десяти миляхъ отъ Берлина, воалѣ шоссе, соединяющаго Вербигъ съ Лечинномъ. Стволъ его также можетъ быть обхваченъ лишь десятию человекъ. Вышина его 34 метра, а ширина кроны—20 метровъ. Хроника Вербига гласитъ, что онъ былъ посаженъ въ 1453 году.

3.

Земляной орѣхъ. Китайское растеніе «ла-хуа-тэнъ» (*Albizia hu-ropaea* изъ семейства бобовыхъ) разводится у насъ мѣстами на югѣ, подъ названіемъ земляного орѣха. По указанію знатока Китая К. Скачкова, земляной орѣхъ играетъ въ Китаѣ роль подготовителя почвы для другихъ культурныхъ растеній; имъ китайцы пользуются для культуры сыпучихъ песковъ. Посѣвъ земляного орѣха повторяется ими на одномъ и томъ же участкѣ неограниченное число лѣтъ, въ теченіи которыхъ почва все болѣе и болѣе улучшается: она уплотняется и исподволь тучнѣетъ отъ перегнившихъ въ ней корней и стеблей растенія. Такимъ образомъ, не ранѣе какъ лѣтъ черезъ десять, китайцы рѣшаются сѣять на такомъ полѣ другія растенія и прежде всего кунжутъ и хлопчатникъ. Многія мѣстности въ Китаѣ, бывшія прежде подъ песчаной степью, теперь славятся богатствомъ своей культуры; этого они достигли вышеописаннымъ путемъ.

Раскопки въ Афинахъ. Нѣмецкій ученый докторъ Дернфельдъ, производившій раскопки въ Афинахъ около Пникаса и Ареопага, сдѣлалъ интересную находку. Онъ открылъ фундаментъ храма Діонисія «en lipnaia» съ многочисленными надписями и произведеніями скульптуры. Большой четырехугольный жертвенникъ украшенъ съ одной стороны барельефомъ, изображающимъ сцену жертвоприношенія; жрецъ готовится къ закланію козла; позади его стоятъ быкъ, привязанный за рога. На другой сторонѣ жертвенника Сатиръ тащитъ барана, котораго жрецъ собираетъ поразить палицей; рядомъ съ ними находится менада (вакханка). На третьей сторонѣ представлены Діонисій и Панъ. Большинство надписей относятся къ культу Діонисія; многія изъ нихъ заключаютъ въ себѣ правила и церемоніи для принятія въ священную корпорацію іовакховъ». Большая часть предметовъ, найденныхъ Дернфельдомъ, относится ко 2-му и 3-му столѣтіямъ христіанской эры. только нѣсколько статуй происходятъ изъ болѣе древней эпохи. («Р. Ж.»).

Метеорологическія станціи Австраліи. Изъ доклада, сдѣланнаго Карломъ Таддомъ на послѣднемъ конгрессѣ австралійскаго общества для преуспѣянія наукъ, видно, что въ Австраліи существуетъ 385 метеорологическихъ станцій и 2.580 дождемѣръ. Насчитываютъ до 175 станцій на югѣ Новой Голландіи, 31 въ Викторіи, 22 на югѣ Австраліи. Въ послѣднемъ районѣ удачныхъ предсказаній за послѣдніе 4 года

было 73⁰/. Предсказаній, которыя частью оправдались, было 20⁰/% и лишь 7⁰/% предсказаній были найдены ошибочными.

Интересная находка. Произведенное недавно директоромъ египетскаго музея древностей Морганомъ вскрытіе дашурской пирамиды у Саккара увѣнчалось многими находками. Въ одной изъ камеръ, гдѣ хоронились члены царской фамиліи (камера съ тѣломъ самого цара еще не открыта), найдены драгоценныя вещи изъ эпохи XII-й династіи. Нѣкоторыя изъ нихъ отличаются высокими художественными достоинствами. Многіе изъ предметовъ имѣютъ на себѣ картуши Уертесовъ II и III. Это частью золотыя вещи, частью изъ лаписъ-лазури, аметиста, смарагда; нѣсколько головныхъ шпилекъ и іероглифическихъ знаковъ сдѣланы изъ серебра. Найденный кладъ состоитъ изъ наперсниковъ, браслетовъ, фигурокъ животныхъ и жуковъ, поясовъ, запонокъ, жемчуга и пр. Общій вѣсъ всѣхъ золотыхъ вещей 220 граммовъ. Главная находка—это наперсникъ изъ массивнаго золота въ 37¹/₂ гр. вѣсомъ, съ картушемъ Уертеса II по срединѣ.

Въ Каирѣ только и говорятъ, что объ этомъ открытіи. Въ гизекскомъ музеѣ, гдѣ выставлены найденныя драгоценности, постоянная толпа любопытныхъ. Въ самомъ дѣлѣ, найденныя при вскрытіи пирамиды предметы далеко превосходятъ красотой все, что когда-либо было найдено въ этомъ родѣ. Всѣ вещи отличаются такою свѣжестью, такою изящною работою и такимъ вкусомъ, что могли бы служить украшеніемъ выставки самыхъ извѣстныхъ современныхъ мастеровъ. («Р. Ж.»).

Летучіе отряды глазныхъ врачей. Въ виду весьма значительнаго распространенія глазныхъ болѣзней въ нашемъ сельскомъ населеніи, особенно между инородцами, и крайняго недостатка специалистовъ по этимъ болѣзнямъ, попечительство Императрицы Маріи Александровны о слѣпыхъ, какъ извѣстно, командировало въ 1893 г. на пожертвованныя съ этою цѣлю средства семь летучихъ отрядовъ, составленныхъ изъ молодыхъ окулистовъ, въ разныя мѣстности Россіи, для помощи преимущественно бѣднѣйшему сельскому населенію. Достигнутые этою мѣрою результаты превосшли самыя смѣлыя ожиданія. («Р. Ж.»).

Длина телеграфной линіи на земномъ шарѣ. Длина всей телеграфной линіи на земномъ шарѣ, — говорятъ «Journal télégraphique», — въ 1893 г. простиралась на 1.661.300 километровъ. Длина подводныхъ кабелей доходила до 250.000 килом.

Длина всей проволоки была 4.910.070 килом. Число телеграммъ доходило до 336.052.000, доходъ съ нихъ доходитъ до 547.265.000 фр. Телефонная сѣть простиралась въ 1892 г. на 972.110 килом. Число разговоровъ было 982.887.416.

Бактеріи суставнаго ревматизма. Максъ Шулеръ говоритъ о найденныхъ бактеріяхъ въ сочлененіяхъ больныхъ, пораженныхъ хроническимъ суставнымъ ревматизмомъ. Это короткія и толстыя бациллы, имѣющія на концахъ блестящее зернистое строеніе, ясно видимое въ анилиновой окраскѣ. Для культуры ихъ на бульонѣ, желативѣ, на картофель необходима температура въ 25⁰ и отсутствіе свѣта.

Попытка улучшения пчеловодства. Министерство Государственных Имуществ командуетъ нынѣшнимъ лѣтомъ въ разные районы имперіи нѣсколько *ученыхъ пчеловодовъ*, на обязанности которыхъ возлагается знакомить население съ наилучшими способами веденія пчеловодства и обучать мѣстныхъ кустарей изготовленію ульевъ улучшенныхъ системъ и принадлежностей пчеловодства. Ученые пчеловоды будутъ также устраивать на болѣе многочисленныхъ базарахъ и ярмаркахъ выставки пчеловодства. («Вѣстн. сел. х.»).

Разсылка сѣмянъ фруктовыхъ деревьевъ въ народныя школы. Образованная при Вольно-Экономическомъ Обществѣ особая коммиссія школьнаго хозяйства обратилась недавно въ лѣсной департаментъ Министерства Государственныхъ Имуществъ съ ходатайствомъ о высылкѣ въ распоряженіе коммиссіи возможнаго количества сѣмянъ фруктовыхъ деревьевъ для разсылки ихъ въ народныя школы. Настоящее ходатайство, пишущее въ газетахъ, встрѣчено лѣснымъ департаментомъ вполне сочувственно. («Вѣст. С. Хоз.»).

Грандіозное сооруженіе. Американцы оканчиваютъ насыпь удивительныхъ размѣровъ. Она находится при устьѣ рѣки Колумбіи и служитъ для образованія здѣсь порта. Въ длину насыпь простирается на 6 килом., въ ширину 4,50 вил. и сдѣлана она изъ глыбъ лавы. Удивительно, что постройка обошлась на 7 мил. менѣе, чѣмъ предполагалось. Смѣта постройки была опредѣлена въ 20 милліоновъ. («Review scient.»).

Национальный музей. Газета «Р. Ж.» сообщаетъ, что подъ этотъ музей, въ которомъ будутъ собраны всѣ образцовыя произведенія отечественныхъ искусствъ, будетъ временно, до сооруженія особаго зданія, отведенъ бывший дворецъ Великаго Князя Николая Николаевича Старшаго.

Новый телефонъ Гвоздева. «Review scientifique» сообщаетъ объ удачномъ примѣненіи телеграфныхъ проводовъ. Г. Гвоздевъ изобрѣлъ новый телефонъ: слова передаются на большія разстоянія при помощи одной телеграфной нити, которая въ то же время можетъ служить и для телеграммъ. Такого рода телефонъ проведенъ между Николаевымъ и Одессой.

Выставка труда. Международная выставка труда состоится въ этомъ году въ Миланѣ и продолжится съ мая по октябрь. Она обнимаетъ три отдѣла: первый заключаетъ все, что относится къ индивидуальному труду; второй—мѣры предосторожности по отношенію къ ремесленникамъ, наконецъ, третій—учрежденія для образованія и воспитанія рабочихъ.

Издательница А. Давыдова.

Редакторъ Викторъ Острогорскій.

Годъ III-й.

№ 6-й.

МІРЪ БОЖІЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНЫЙ

ЛИТЕРАТУРНЫЙ И НАУЧНО-ПОПУЛЯРНЫЙ ЖУРНАЛЪ

ДЛЯ ЮНОШЕСТВА

И

САМООБРАЗОВАНІЯ.

— — — — —
І Ю Н Ъ

1894 г.

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

Типографія И. Н. Скороходова (Надеждинская, 43).

1894.

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, 11-го мая 1894 года.

СОДЕРЖАНІЕ.

	СТР.
~~1.~~ БЕЗЪ НАЗВАНІЯ. Романъ. Часть третья. (Продолженіе). Д. Мамина-Сибиряна	1
2. ДВА СТИХОТВОРЕНІЯ. В. Рудичъ	31
3. ГУБКА. Юл. Вагнера	32
~~4.~~ МАРИАНА. Романъ Э. Альгрень. Переводъ со шведскаго. (Продолженіе). Пер. В. Ф.	52
5. НЕДУЖНАЯ. (Разсказъ). В. Савицной.	91
6. ИРКУТСКЪ. Культурно-историческій очеркъ. Д. Д. Семенова	108
7. ПОДЪ СЪНЬЮ ТІАРЫ. Историческая повѣсть проф. Э. Жебара. (Окончаніе). Пер. съ фр. В. Мосоловой	128
8. ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. К. Каутскаго. (Продолженіе), пер. съ нѣм.	156
9. АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ. А. В. Бѣклендъ. Пер. съ англ. подъ редакціей Д. Коропчевскаго	175
10. НОВЫЯ КНИГИ: Андерсонъ. Собраніе сочиненій. Пер. А. и П. Ганзенъ. Т. I, вып. I, II. W.—Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи. К. Д. Ушинскаго. М.—Матери великихъ людей. Переводъ съ французскаго, изд. Ф. Павленкова. Э.—Черный капитанъ. А. Н. Чермный. Изд. А. Суворина Э.—Послѣдніе дни Помпеи. Романъ Эдварда Бульвера. Новая бібліотека Суворина, А.	198
11. НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.	207
12. СМѢСЬ. Изъ русской жизни: Женскій медицинскій институтъ.—Нужды русскихъ ремесленниковъ.—Помощь Комитета грамотности ученикамъ народныхъ школъ.—Обычай, сохранившіеся въ Новгородской губерніи.—Сельскохозяйственное образованіе женщинъ.—Александра Викторовна Потанина.—Изъ иностранной жизни: Медицинская профессія въ Англии.—Дешевыя жилища для бѣдныхъ.—Число женщинъ рабочихъ.—Женщины и университетское образованіе. Э.—Кони въ Гренландіи. Э.	212
13. ИЗЪ МІРА НАУКЪ: Метеорологическая съѣтъ юго-запада Россіи. В. Аг.—Кое-что о профессорѣ Гарнерѣ и его опытахъ изученія языка обезьянъ.—Психологія неорганизованнаго міра.	229
14. РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.	235
15. ПРИЛОЖЕНІЯ: 1) СВОБОДНОЕ ПОПРИЩЕ. Романъ Вернера. Переводъ съ нѣмецкаго Л. Шелгуновой	141
2) НАСТОЯЩЕЕ И ПРОШЛОЕ ЗЕМЛИ. Съ нѣмецкаго по Бомелли, Неймайру и друг. подъ редакц. В. Агафонова.	129
16. ОБЪЯВЛЕНІЯ.	

БЕЗЪ НАЗВАНІЯ.

Романъ *).

(Продолженіе).

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ.

VI.

Вчернѣ присковья постройки были кончены къ началу августа, настолько кончены, что можно было переѣхать и жить по походному. Какъ по сказочному веленю выросъ цѣлый городокъ. На первомъ планѣ вытянулось длинное деревянное зданіе присковой конторы. Одна часть была отведена собственно подъ контору, а другая была разбита на отдѣльныя комнаты, соединенныя общимъ корридоромъ. У cadaго была своя комната и, кромѣ того, общій залъ, столовая и запасная комната для пріѣзжихъ. Собственно, Окоемовъ предпочиталъ отдѣльныя флигельки, что было удобнѣе во многихъ отношеніяхъ, начиная съ опасности отъ пожара, но пока пришлось ограничиться общей казармой, потому что время было дорого. Рядомъ шла кухня, помѣщеніе для прислуги, баня, амбары, конюшни, навѣсы, сѣновалы—однимъ словомъ, цѣлый деревянный городокъ. Казарма для рабочихъ заванивала эти постройки. Недавняя полянка превратилась въ громадный дворъ. Переѣздъ на новоселье составлялъ настоящее торжество. Особенно рады были женщины, что, наконецъ, могли имѣть свой уголь, чувствовать себя дома и никого не стѣснять. Изъ постороннихъ на этомъ торжествѣ присутствовалъ одинъ о. Аркадій. За своимъ собственнымъ первымъ обѣдомъ всѣ чув-

*) См. «Миръ Божій», № 5.

«Миръ Божій», № 6, июль.

ствовали себя необыкновенно хорошо, а Сережа сказалъ личный случаю сказъ.

— Господа, мы собрались здѣсь своей маленькой семьей и празднуемъ начало новой жизни, а всякое начало велико уже само по себѣ. Пройдетъ много лѣтъ, мы будемъ постепенно умирать, уступая мѣсто новому поколѣнію, но послѣдній, оставшійся въ живыхъ, не забудетъ этого знаменательнаго дня и подниметъ бокаль за всѣхъ насъ... Умирають отдѣльныя личности, а хорошее дѣло никогда.

— Сережа не вдавайся въ большое краснорѣчіе... шепнулъ оратору Окоемовъ.—Гусей по осени считаютъ.

О. Аркадій попросилъ слова и заявилъ съ своей стороны:

— Дѣло въ слѣдующемъ, господа... Есть евангельская притча о рабочихъ, вышедшихъ на работу въ разные часы дня. Притча заканчивается поучительными словами, что рабочіе, вышедшіе и въ „девятомъ часу“, получили ту же плату. Вы и пришли въ этомъ девятомъ часу, и я отъ души желаю, чтобы на вашемъ примѣрѣ еще лишній разъ оправдалась заключеніе евангельской притчи.

— Не дурно... ворчалъ Сережа.—Именно, въ девятомъ...

Другіе стѣснялись говорить, и Окоемову пришлось объяснить то, что занимало всѣхъ.

— Господа, я уже достаточно подробно объяснилъ вамъ раньше весь планъ нашего предпріятія, такъ что считалъ излишнимъ его повторять. Я поклонникъ силы, личной энергіи, предпріимчивости, неустаннаго труда... Все это прекрасно, и безъ этого ничего не можетъ быть. Открывать новыя пути промышленности, давать работу и хлѣбъ тысячамъ рабочихъ рувъ, наконецъ, чувствовать себя нелишнимъ человѣкомъ— все это хорошо, но о. Аркадій указалъ на то, что вышедшіе на работу въ девятомъ часу вышли не за одной только заработной платой. Я раньше намѣренно ничего не говорилъ объ этомъ, потому что въ нашей средѣ слишкомъ легко циркулируютъ хорошія слова и, какъ мнѣ вѣжется, большинство совершенно удовлетворяется только этими хорошими словами... Я стою за живое дѣло, за работу, которая одухотворена опредѣленными идеями, а иначе не стоитъ жить. Впрочемъ, я плохой ораторъ, и каждое дѣло должно показать само, чего оно стоитъ...

Утлыхъ не умѣлъ говорить и только про себя ухмылялся. Онъ выпилъ пять рюмокъ воды и замѣтно размякъ. Изъ всей компаніи онъ уважалъ только одного Окоемова, а всѣхъ остальныхъ не ставилъ ни въ грошъ, особенно женщинъ. Бабѣ дѣло у себя дома, а тутъ наѣхали какія-то „фри“ и только будутъ мѣшать. Хитрый сибирякъ только щурилъ глаза. Посмотримъ, дескать, что изъ этой музыки выйдетъ...

Темнымъ пятномъ всего праздника было то, что пришлось „выставить“ ведро воды рабочимъ, какъ ни сопротивлялся этому Окоемовъ. Онъ предлагалъ вмѣсто воды выдать деньги, но никто объ этомъ и слышать ничего не хотѣлъ.

— Ужъ таковой порядокъ, Василій Тимофеичъ,—настаивалъ Утлыхъ, встряхивая головой.—Что имъ деньги...

— Да, вѣдь, это же безобразіе, Илья Федорычъ, и меня огорчаетъ, что именно вы настаиваете на водѣ...

— Какой же праздникъ безъ водки?—удивлялся Утлыхъ въ свою очередь.

Скрѣпя сердце, Окоемову пришлось согласиться. Начало получалось грустное. Сейчасъ рабочіе дѣлились на три разряда: плотники и каменщики, потомъ спеціально промысловые рабочіе и, наконецъ, вспомогательные рабочіе, подвозившіе бревна, камень, песокъ, глину, известь. Вспомогательныя работы велись главнымъ образомъ краснокутскими мужиками, плотники и каменщики были изъ Вятской губерніи, а промысловый народъ набрался съ бору да съ сосенки. Этотъ послѣдній разрядъ особенно былъ интересенъ. Окоемову эти промысловые напомнили бурлаковъ. Все это былъ народъ, отбившійся отъ своего дома и погибавшій въ скитаньяхъ по промысламъ,—настоящій бродячій пролетаріатъ. Впрочемъ, это явленіе повторяется вездѣ—и въ Калифорніи, и въ Южной Африкѣ, и въ Австраліи. Уральскій промысловый рабочій былъ не хуже и не лучше другихъ. Вотъ свое дѣло они знали отлично, и Окоемовъ часто любовался ихъ умѣлой дружной работой. Къ этимъ разновидностямъ прибавилась еще четвертая группа, самая странная изъ всѣхъ—пріѣхали человекъ десять башкиръ и приняли въ праздникъ самое дѣятельное участіе, точно они Богъ вѣсть какую работу сдѣлали.

— За что же мы ихъ будемъ угощать?—возразилъ Окоемовъ.—Вѣдь ни одного башкирца на работѣ не было...

*

— Ничего, пусть ихъ поѣдятъ,—успокоивалъ Утлыхъ.— Вонъ тотъ врывой башкиръ за пятьдесятъ верстъ пріѣхалъ, чтобы пообѣдать... Знаете русскую поговорку: брось хлѣбъ назадъ, а онъ впереди окажется. Придется и съ ними дѣло имѣть..

— Я не желаю прикармливать ихъ, чтобы потомъ обмануть чѣмъ-нибудь... Если что будетъ нужно, я заплачу деньги, какъ всёмъ другимъ.

— Деньги деньгами, Василій Тимофеичъ, а честь честью... Вонъ у насъ десять лошадей, украдутъ живо и въ нимъ же придется идти выкупать... Да мало ли что случиться можетъ. Эти башкирники тѣмъ и живутъ, что ждуть, гдѣ бы поѣсть на даровщину.

Окоемову ничего не оставалось, какъ только позвать плечами. Хорошо, что башкиры по крайней мѣрѣ воды не пили. Съ другой стороны было скверно то, что они будутъ пріѣзжать потомъ и высматривать даровые куски. Всего удивительнѣе было то, что въ числѣ этихъ непрошенныхъ гостей оказался одинъ вліятельный башкирскій старшина, слышій на сто верстъ кругомъ за перваго богача. Это дитя природы сначала угощалось съ рабочими, а потомъ заявилося въ контору.

— Здырастуй...—коротко рекомендовался онъ, протягивая руку Окоемову.—Хорошо живешь?..

— Спасибо...

На Окоемова произвело непріятное впечатлѣніе это степное нахальство, и онъ не зналъ, что ему говорить. Выручилъ Утлыхъ, который могъ объясняться по башкирски.

— Онъ предлагаетъ землю въ аренду,—объяснилъ Утлыхъ.—Только съ этими господами нужно быть очень осторожными... Они, обыкновенно, сдаютъ одну и ту же землю за-разъ нѣсколькимъ арендаторамъ.

Старикъ обидѣлся. Зачѣмъ онъ будетъ обманывать, когда у него все есть? Одной земли больше ста десятинъ, табуиъ лошадей, три работника и т. д. Этотъ богачъ, однако, кончилъ тѣмъ, что при прощаньи отвелъ Окоемова въ сторону и проговорилъ шепотомъ:

— Прощай... Дай мнѣ чаю на заварку. Бульна у тебя чай хорошъ...

Эта наивность разсмѣшила Окоемова до слезъ. Старшина

смотря на него и тоже смѣлся какимъ-то дѣтскимъ смѣхомъ. Возмущена была одна Калерія Михайловна, которая уже вступила въ управление хозяйствомъ и высчитывала каждую копейку.

— Это какое-то вымогательство, Василій Тимофеечъ...

— Пожалуйста, дайте ему фунтъ...

— Ни за что!..

Калерія Михайловна завернула сама въ бумажку чай и молча подала вымогателю. Башкирь только улыбнулся и спряталъ подачку въ глубины своей пазухи.

На праздникѣ присутствовала Настасья Яковлевна и все время оставалась молчаливой наблюдательницей. Она не отходила отъ княжны и, кажется, заразилась отъ нея глухой ненавистью въ Сережѣ. По крайней мѣрѣ Сережа это чувствовалъ и старался не встрѣчаться съ этими суровыми дѣвцами. Когда праздникъ закончился, Окоемовъ подѣлалъ къ Настасьѣ Яковлевнѣ и заговорилъ:

— Мнѣ интересно знать, Настасья Яковлевна, какое впечатлѣніе вы вынесли изъ всего, что видѣли?

— Я не умѣю хорошенько объяснить вамъ всего, Василій Тимофеечъ, потому что многого не понимаю... Мнѣ кажется, что все, что дѣлается вкругомъ меня, какой-то сонъ.

— И мнѣ уже тоже кажется, — отвѣтила княжна, присутствовавшая при этомъ разговорѣ. — Я тоже не понимаю...

— Вы просто соскучились о своей Москвѣ, Варвара Петровна...

Княжна вдругъ заплакала. Окоемовъ угадалъ... Она, дѣйствительно, ужасно скучала, и ей даже казалось, что она непременно умретъ именно въ этой проклятой степи. Самый праздникъ говорилъ ей только то, что она здѣсь лишняя и никому ненужная. У всѣхъ есть какое-нибудь дѣло, а она должна ѣсть чужой хлѣбъ даромъ, какъ вотъ этотъ башкирь, который выпросилъ сейчасъ заварку чаю.

— Я уже ненавижу сама себя, — повторила княжна, всхлипывая по дѣтски.

— Пустяки, дорогая Варвара Петровна... Именно вы-то и нужны здѣсь, нужны, можетъ быть, больше другихъ. Вонъ послушайте, что рассказываетъ о. Арвадій про башкирь, какъ они вымираютъ цѣлыми деревнями. Дѣти до четырнадцати

лѣтъ даже зимой ходять голыми, какъ дѣвочки, такъ и мальчишки, мужчины уѣзжаютъ и уходятъ, куда глаза глядятъ, а дома остаются только дряхлые старики, старухи, женщины и дѣти. Вѣдь это ужасно, когда на глазахъ вымираетъ цѣлое племя... Наконецъ, по крови, вы не чужая имъ, Варвара Петровна.

— Что же я могу сдѣлать для нихъ?—беспомощно спрашивала княжна.

— Сдѣлать можно многое, было бы только желаніе... Вотъ займитесь этимъ и, право, стоитъ похлопотать. Кстати и Настасья Яковлевна вамъ можетъ помочь...

— А если я ихъ боюсь, вотъ этихъ башкиръ?—заявляла княжна.— Они такіе страшные. Потѣмъ... Потѣмъ мы собрались съ Настасьей Яковлевной ѣхать въ Москву.

— Вотъ тебѣ разъ!—изумился Окоемовъ.—Этого еще не доставало... Это какой-то бунтъ. Потѣмъ, какой вы примѣръ покажете другимъ?..

— Это я виновата, — объяснила Настасья Яковлевна. — Мнѣ, дѣйствительно, нужно уѣхать въ Москву... Дѣло въ томъ, что я теперь одумалась и нахожу неудобнымъ продолжать свое укрывательство. Я бѣжала отъ дяди сгоряча, въ минуту отчаянія... А нужно увидѣть родныхъ и объяснить все на чистоту. Дурного я ничего не сдѣлала и могу располагать собой по усмотрѣнію...

— Васъ я, конечно, не могу удерживать, — согласился Окоемовъ.— И по моему, вы совершенно правы...

— А какъ-же я отпущу ее одну?—вступилась княжна.— Богъ знаетъ, что можетъ быть съ ней... Она такъ неопытна, а всѣ родные просто ужасные люди. Нѣтъ, я не могу ее отпустить одну... Ее схватятъ и увезутъ куда-нибудь въ скиты. Я уже не согласна... Она такая славная.

Эта наивная похвала заставила Настасью Яковлевну даже покраснѣть, и она молча поцѣловала княжну.

— Когда же вы думаете ѣхать? спрашивалъ Окоемовъ.—

Этотъ вопросъ не былъ еще рѣшенъ, и дѣвушки восторженно смотрѣли другъ на друга.

— Дѣло вотъ въ чемъ...—заговорилъ Окоемовъ.—Раньше августа я вамъ не совѣтую уѣзжать—я могу только совѣто-

вать. Устраивая все, я совершенно упустилъ изъ виду очень важную вещь... Догадайтесь, какую?

Княжна не знала, а Настасья Яковлевна отвѣтила за нее:

— Нѣтъ больницы...

— Вотъ именно!.. И какъ это случилось, самъ не понимаю, тѣмъ болѣе, что и по закону я обязанъ имѣть небольшую больничку, хотя этотъ законъ въ большинствѣ случаевъ и не исполняется... Такъ вотъ вы, Варвара Петровна, мнѣ и нужны для устройства больницы. Это будетъ входить въ кругъ вашихъ обязанностей, какъ главнаго инспектора по медицинской части. И потомъ, это совсѣмъ не страшное занятіе...

— А фельдшеръ?

— Фельдшеръ будетъ помогать вамъ. Вы должны съѣздить къ земскому доктору и посоветоваться предварительно съ нимъ. У нихъ есть спеціальныя планы и смѣты такихъ больничекъ...

VII.

Окоемовъ переживалъ двойное чувство. Съ одной стороны, онъ относился къ Настасьѣ Яковлевнѣ, какъ къ сестрѣ, а съ другой—видѣлъ въ ней любимую дѣвушку. Последнее чувство какъ-то странно расколаживалось именно ея близостью. Ежедневныя встрѣчи и разговоры производили обратное дѣйствіе, и та дѣвушка, о которой онъ такъ долго мечталъ, точно уходила вдаль, покрываясь туманомъ. На этой почвѣ выросло новое чувство, которое вѣрнѣе всего было назвать дружбой. Окоемому все нравилось въ Настасьѣ Яковлевнѣ: голосъ, задумчивый взглядъ немного изподлобья, улыбка, и даже походка, легкая, неторопливая, изящная. Вообще, въ ея присутствіи онъ чувствовалъ себя какъ-то особенно хорошо и спокойно, точно тревожныя мысли бѣжали отъ этого чистаго дѣвичьяго образа. Предстоящій отъѣздъ Настасьи Яковлевны въ Москву поднялъ снова все то, что было пережито, улеглось и казалось позабытымъ. Онъ даже не могъ сказать, какъ она относится къ нему—хорошо, и только. Просыпаясь рано утромъ, чтобы идти на приискъ, Окоемовъ теперь думалъ о томъ, какъ вернется къ чаю домой и увидитъ ее, свѣжую, милую, спокойную. Онъ любилъ, чтобы она наливала ему чай или просто сидѣла за столомъ вмѣстѣ съ

другими. Мысль о томъ, что скоро ея не будетъ, впередъ образовала какую-то мучительную пустоту, и Окоемовъ старался объ этомъ не думать, какъ отгоняють мысль о смерти.

Работы на пріискъ пока носили подготовительный характеръ. Устраивали плотину, машину для промывки песковъ, проводили каналы и т. д. Самая добыча золота ограничивалась случайными промывками, которыя въ общей сложности дали около полуфунта. Сережа съ особенной торжественностью занесъ въ одинъ изъ своихъ гробовъ этотъ первый „призъ“.

— Эти полфунта стоятъ больше восьми тысячъ,—объяснилъ Окоемовъ.

— Что же, потомъ все окупится...—увѣренно отвѣчалъ Сережа, самъ начинавшій вѣрить въ свою миссію главнаго управляющаго.

— Только вотъ что, Сережа, пожалуйста, поменьше этой канцелярской работы. Ты уже сейчасъ всѣхъ одолевъ: и фельдшеръ, и студентъ, и Потемкинъ, и вьяжна—всѣ тебѣ помогаютъ. А что будетъ дальше? Просто, страшно за чело-вѣка дѣлается... Ты разведешь здѣсь настоящій департаментъ.

— Иначе я не могу... Это ужъ какъ вамъ будетъ угодно. Я, вообще, люблю порядокъ въ дѣлахъ...

Въ Серезѣ, при видимой беспорядочности и легкомысліи, жилъ какой-то чиновникъ, щепетильный до придирчивости. Для него не было выше оскорбленія, какъ неразборчиво написанное письмо, вообще дурной почеркъ. Если ужъ дѣлать, такъ хорошо... Особенно доставалось отъ него студенту Крестникову, который имѣлъ невозможный почеркъ.

— Всякій порядочный чело-вѣкъ долженъ писать красиво и разборчиво,—авторитетно говорилъ Сережа, съ ненавистію глядя на кривыя строки и невозможные іероглифы своего помощника.—Я убѣжденъ, что половина несчастій и неприятностей въ жизни происходитъ именно благодаря дурному почерку...

Студентъ былъ иного мнѣнія, и разъ дѣло дошло до крупной размолвки, потребовавшей вмѣшательства Окоемова.

— Я еще допускаю, что женщина имѣетъ нѣкоторое право писать скверно,—доказывалъ Сережа.—Ей и писать рѣдко приходится, и притомъ пишетъ она только въ возбужденномъ состояніи...

— Это ваша барская замашка выпучивать женщинъ,— сказалъ Крестниковъ.— Вы забываете только одно, что она таковой же человѣкъ, какъ и мы съ вами. Виноватъ, гораздо лучше насъ съ вами...

Говоря о почеркѣ, Сережа косвенно мстилъ княжнѣ, которая тоже писала неразборчиво. Онъ доводилъ ее этими разговорами до слезъ.

— Я уже благословляю впередъ тотъ день, когда не буду видѣть васъ,—увѣряла княжна съ азартомъ.— Кромѣ всѣхъ своихъ пороковъ, вы еще ворчунъ и придира...

Эти маленькія размолвки оживляли существованіе маленькой колоніи, потому что заканчивались какимъ-нибудь комическимъ эпизодомъ. Глухая распря Сережи съ княжной всѣхъ забавляла. Даже маленькая Таня и та принимала нѣкоторое участіе въ этихъ недоразумѣніяхъ и отлично понимала, что тетя Варя не любитъ дядю Сережу. Дѣвочка въ новой обстановкѣ, кажется, чувствовала себя лучше всѣхъ и въ теченіи какого-нибудь мѣсяца загорѣла, какъ галченоеъ. У нея достаточно было своихъ маленькихъ хлопотъ. Вѣдь нужно десять разъ сбѣгать на присекъ, побывать у лошадей, заглянуть двадцать разъ въ кухню, ко всѣмъ пристаать съ разсиросами и всѣмъ мѣшать. Сережа буквально страдалъ отъ этого неугомоннаго человѣчка, интересовавшагося даже его грессбухами. На дверяхъ его конторы даже появилось объявленіе: „Входъ въ контору дѣвицъ Татьянѣ строго воспрещенъ“. Этотъ драконовскій законъ былъ обойденъ тѣмъ, что Таня начала влѣзать въ контору черезъ окно и дразнила Сережу неистощимой пытливостью своего духа.

Калерія Михайловна рѣдко показывалась. Она вся была поглощена своей кухней, огородомъ и вообще хозяйствомъ. Верхомъ ея торжества была покупка первой коровы. Она ее даже мыла черезъ день, потѣшая деревенскихъ мужиковъ и бабъ.

— Не корова, а барыня,—галдѣли мужики.—Этакъ, пожалуй, шарфъ на корову надѣвать придется и калоши...

— Вы вотъ сами-то почаще мойтесь,—совѣтовала Калерія Михайловна.

Подъ ея руководствомъ былъ распланированъ громаднй огородъ, строились тепличка и парники, маленькая овчарня,

коровникъ, маленькій птичій дворъ—однимъ словомъ, полное хозяйство. Хохлушка Анна Ѳедоровна была занята другой стороною этого хозяйства—ея спеціальность были разные консервы. Сохранять молоко, приготавливать домашніе сыры, домашнія колбасы, консервировать мясо въ прокъ, покупать зимой рыбу и солить ее, устроить огненную сушку овощей, запасты грибы и ягоды во всевозможныхъ видахъ. Все это было нужно, потому что приходилось заботиться о прокормленіи трехсотъ человѣкъ. Окоемовъ опасался, чтобы не вышли какія-нибудь недоразумѣнія хозяйственнаго характера, но обѣ женщины совершенно были поглощены каждая своей собственной работой. Просматривая счета и смѣты, Окоемовъ убѣждался въ одномъ, что эта бабья работа дастъ чистой прибыли около шестидесяти процентовъ, сравнительно съ тѣмъ, если бы всѣ эти хозяйственные продукты покупать со стороны. Въ виду этого онъ назначалъ хозяйкамъ пять процентовъ награды изъ чистой прибыли.

— Вотъ только какъ быть со свиньями...—говорила хохлушка.--Калерія Михайловна противъ того, чтобы заводить свиней, а безъ свиней какое же хозяйство.

Калерія Михайловна боялась, что эти будущія свиньи будутъ портить ея огородъ, будутъ ѣсть цыплятъ и вообще безчинствовать, хотя въ принципѣ и признавала ихъ, какъ выгодную хозяйственную статью. Въ сущности, ей претила свиньячья нечистоплотность и прожорливость, да и мѣстные породы свиней были плохи, а выписывать далеко и дорого. Свиной вопросъ пока былъ отложенъ, хотя это и не помѣшало вскорѣ появиться цѣлымъ двумъ поросятамъ.

Окоемовъ былъ чрезвычайно доволенъ своими хозяйками,—это былъ первый успѣхъ, первая оправдавшаяся надежда. И, главное, надежда, оправданная женскимъ трудомъ, нашедшимъ свое приложеніе. Это было не выжиганіе по дереву и не расписываніе фарфоровыхъ тарелочекъ, а настоящій, полезный, здоровый и производительный трудъ. Въ результатѣ получались здоровая пища для рабочихъ, полная независимость отъ рынка и половинная стоимость содержанія. Конечно, съ перваго раза не могли быть осуществлены всѣ статьи этого хозяйства, но, при ближайшемъ знакомствѣ съ мѣстными условіями, въ ихъ осуществленіи не могло быть

сомнѣнія. Да и примѣръ о. Аркадія былъ на лицо, такъ что всегда было можно провѣрить всякое предположеніе на живомъ дѣлѣ.

У Окоемова рядомъ съ этимъ успѣхомъ получилось маленькое недоразумѣніе съ Утлыхъ. Этотъ сибирякъ сейчасъ уже являлся лишнимъ и не хотѣлъ этого замѣчать. Сказать ему прямо Окоемовъ стѣснялся и своей нерѣшительностью только затягивалъ дѣло. Вступить въ компанію равноправнымъ членомъ онъ не изъявлялъ желанія, а дѣлать ему на присяжѣ было нечего. Онъ попрежнему относился ко всѣмъ, кромѣ Окоемова, подозрительно и сомнѣвался даже въ самыхъ очевидныхъ вещахъ. Это была какая-то органическая сибирская подозрительность, воспитанная тяжелымъ опытомъ невольныхъ сношеній съ ссыльными, бродягами и вообще съ подозрительными людьми, которыхъ Европейская Россія такъ охотно отдаетъ Сибири въ теченіи нѣсколькихъ сотъ лѣтъ.

— Мы съѣздимте въ Башкирію, Илья Ѳеодорычъ,—предлагалъ Окоемовъ, чтобы воспользоваться его опытностью.— Мнѣ необходимо осмотрѣть земли для аренды, потомъ озеро...

— Что же, можно и съѣздить,—охотно согласился Утлыхъ.—Всего-то податься верстъ на пятьдесятъ—вотъ вамъ и Башкирія.

Онъ остался недоволенъ только тѣмъ, что вмѣстѣ съ ними отправился студентъ Крестниковъ. Окоемовъ сдѣлалъ видъ, что ничего не замѣчаетъ, а студенту рѣшительно было все равно. Окоемову хотѣлось немного встряхнуться, да и погода стояла такая чудная. Просто было грѣшно сидѣть у себя дома. Поѣздки для Окоемова являлись лучшимъ отдыхомъ и въ то же время лекарствомъ.

Башкирія—цвѣтущая страна, которая свободно могла бы прокормить нѣсколько милліоновъ населенія, а сейчасъ въ ней быстро вымирали послѣдніе остатки когда-то громаднаго и сильнаго племени. Нѣтъ ничего печальнѣе вида башкирской деревни: избы безъ крышъ, овна безъ стеколъ, около избы въ рѣдкомъ случаѣ ворота. Поля пустовали, сѣнокосныя уголья оставались некошенными, и т. д., и т. д. Утлыхъ смотрѣлъ съ своей точки зрѣнія на башкиръ, какъ на существа низшія, и нисколько не сочувствовалъ этой башкирской нуждѣ.

— Что же ихъ жалѣть, когда они сами кругомъ вино-

ваты,—повторялъ онъ.—Было бы кого жалѣть. Не хотятъ работать, и конецъ тому дѣлу.

Для Окоемова эти несчастные башкиры не являлись чужими. Въ нихъ только ярче, чѣмъ въ русскихъ, выразились полное невѣжество и заматорѣлая лѣнь. До известной степени въ каждомъ русскомъ человѣкѣ сидитъ таковой башкиръ,—тоже неумѣнье взяться за какое-нибудь дѣло, отсутствіе энергіи, косность и какой-то бессмысленный фанатизмъ. Сколько такихъ людей пропадаетъ по городамъ, а особенно въ столицахъ. Обидно то, что всѣ они могли бы жить припѣваючи, если бы только стряхнули съ себя башкирскія качества.

Между прочимъ, они заѣхали къ тому старшинѣ, который выпросилъ заварку чая. Старикъ былъ дома и принялъ гостей очень радушно. Обстановка дома говорила о нѣкоторой зажиточности, а, по башкирски, о дѣломъ богатствѣ.

— Гостя богъ посылаетъ...—повторялъ привѣтливо хозяинъ.

Большая деревянная изба внутри дѣлилась ситцевой занавѣской на двѣ половины. Въ первой около стѣнъ шли широкія деревянныя нары, прикрытыя дешевыми коврами и ситцевыми одѣялами. Хозяинъ ходилъ въ однихъ чулкахъ, оставляя туфли у порога. И всѣ другіе башкиры дѣлали то же, а поэтому въ избѣ было чисто. Гости напились чаю и за чаемъ вели дѣловые разговоры относительно аренды земли.

— Много земли, ой-ой, много!—закрывая глаза, говорилъ башкиръ.—Плати деньги, получай земля...

Арендная плата составляла смѣшную цифру, именно, рубль за десятину. Окоемову сдѣлалось даже совѣстно за такую ничтожную сумму, а башкиръ хитро шурилъ глаза—онъ заломилъ неслыханную цѣну, потому что сосѣдніе крестьяне арендовали по полтиннику, и Утлыхъ хотѣлъ торговаться неистово. Окоемовъ только пожалъ плечами.

— Ты намъ покажи свою землю,—кончилъ Окоемовъ эти переговоры.

Лѣтомъ башкирскія деревни пустѣютъ, потому что всѣ разбродятся по окрестностямъ, а богатые живутъ въ кошахъ—родъ степной кибитки. Дома остаются только самые бѣдныя, которымъ некуда уѣхать. Окоемовъ былъ радъ, когда они, наконецъ, выѣхали въ поле и когда предъ ними ровнемъ-глад-

немъ развернулась степная равнина. Лучшія мѣста были захвачены сосѣдними крестьянами, но оставалось еще много „пустой“ земли. Окоемовъ съ какой-то тоской посмотрѣлъ на эту благодатную землю, которая напрасно ждала рабочихъ рукъ. Вдали блестѣло озеро.

— Вотъ, Иванъ Николаичъ, грустный примѣръ,—говорилъ Окоемовъ Крестникову:—вдвойнѣ грустный... Башкиры исторически лѣнны и не хотятъ работать и земля не находитъ настоящихъ рукъ. Вѣдь это громадное богатство пропадаетъ совершенно даромъ... Развѣ такое явленіе мыслимо гдѣ-нибудь въ Америкѣ? Ахъ, какъ мы всё виноваты и кругомъ виноваты...

Они осмотрѣли площадь въ нѣсколько верстъ, и Окоемовъ выбралъ участокъ въ триста десятинъ. Ему было нѣсколько совѣстно, что за эти три квадратныхъ версты великолѣпнаго степного чернозема онъ будетъ платить всего какихъ-то триста рублей въ годъ. Все дѣло заключалось только въ томъ, чтобы заключить долгосрочную аренду, именно, на двѣнадцать лѣтъ. Башкиръ былъ радъ этой сдѣлкѣ, какъ празднику. Главное, задатокъ можно получить подъ эту „пустую“ землю...

Вечеромъ въ волости собрались башкиры, и дѣло было рѣшено, и опять Окоемову было совѣстно, точно онъ сознательно грабилъ ихъ. А между тѣмъ, не могъ же онъ назначить имъ тройную цѣну,—вообще, получалась нелѣпость.

— У насъ теперь будетъ свое сѣно, свой овесъ и свой хлѣбъ,—говорилъ Крестниковъ.

VIII.

Ночь они провели на берегу большого степного озера, разливагося въ низкихъ, округленныхъ берегахъ. Привалъ былъ выбранъ въ двухъ шагахъ отъ стараго башкирскаго кладбища, осѣненнаго столѣтними березами. Это была чудная лѣтняя ночь съ чутко дремавшимъ воздухомъ. Время отъ времени со стороны степи доносился какой-то неясный шепотъ и сейчасъ же затихалъ, точно кто-то хотѣлъ сказать какую-то великую тайну, начиналъ и останавливался на полсловъ: Озеро покрылось туманомъ; окаймлявшіе берега камыши походили на зеленую бархатную оправу, въ которой

глухо замиралъ степной шепоть, точно онъ прятался въ этой живой зеленой стѣнѣ. Какъ-то особенно привѣтливо горѣлъ разложенный на берегу костеръ, а черезъ озера краснымъ глазомъ смотрѣлъ другой огонекъ,—вѣроятно, стоянка какихъ-нибудь запоздавшихъ рыбаковъ. Хотѣлось безъ конца сидѣть около костра и мечтать съ открытыми глазами. Это была та мать природа, которая баюкала съ ласковымъ шепотомъ.

— А все-таки скверно...—думалъ вслухъ Окоемовъ.

Утлычъ понималъ, къ чему относится эта фраза, и только встряхивалъ головой.

— Что скверно-то, Василій Тимофеичъ? И безъ того лишнихъ сто рублей заплатилъ аренды... Вѣдь имъ сколько ни дай, все равно, толку никакого не будетъ. Другіе-то вдвое меньше платятъ...

— Если другіе безсовѣстно эксплуатируютъ башкиръ, это еще не значитъ, что и мы должны дѣлать то же самое. Вообще не хорошо...

— Не хорошо не это, а вотъ то, что нельзя у нихъ было снять въ аренду озера. Вотъ это настоящій харчъ, а не то, что какая-нибудь земля. Тони-то зимой вотъ на этомъ самомъ озерѣ бываютъ тысячи по три пудовъ. А какой за ней уходъ, за рыбой? Посадилъ трехъ сторожей, и все тутъ. Снасть, конечно, не дешева, такъ она не на одинъ годъ заводится... Ну, да еще озера отъ насъ не уйдутъ. А, вѣдь, тутъ дѣльце милліономъ пахнетъ.

Озерами больше всего интересовался студентъ Крестниковъ, но сейчасъ отмалчивался,—ему не нравился самый тонъ, которымъ говорилъ Утлычъ. Да, каждый трудъ долженъ оплачиваться, но до наживы еще далеко, а у сибиряка только и мыслей, что о наживѣ. Наконецъ, это просто обидно, потому что ставило на одну доску съ кулаками, обиравшими башкиръ самымъ безсовѣстнымъ образомъ. А между тѣмъ, какое прекрасное дѣло эти рыбныя ловли на озерахъ. Если купцы арендаторы, умѣвшіе только стеречь озера, могутъ наживать милліоны, то писецкультура, устроенная на основаніи научныхъ данныхъ и уже установившейся практики, должна давать еще больше. Вообще, получалась какая-то невѣроятная картина всевозможныхъ богатствъ, и Крестниковъ невольно сравни-

валъ этотъ благодатный край съ той бѣдной Россіей, которая оставалась тамъ, за горами. Да, нужны только руки, энергія и знаніе... Всѣ эти мысли отравлялись только проклятымъ словомъ: нажива. Неужели можно оставаться честнымъ только при условіи евангельской бѣдности, а деньги уже сами въ себѣ несутъ извѣстное рабство, желаніе закабалить и неистощимую жажду все новыхъ и новыхъ приобрѣтеній? На Крестникова все чаще и чаще находили сомнѣнія, и онъ часто не понималъ, что за человѣкъ Окоемовъ: или ужъ очень хорошій человѣкъ, или рафинированный эксплуататоръ, который такъ ловко пользуется разными хорошими словами для своихъ цѣлей. Неужели и у него одна цѣль: нажива? Чуткая молодая совѣсть требовала отвѣта, а его приходилось ждать. Крестниковъ сидѣлъ у огня и въ тысячу первый разъ передумывалъ одно и то же.

— Вы о чемъ задумались, Иванъ Николаичъ?—спросилъ Окоемовъ, когда Утлыхъ ушелъ спать въ тарантасъ.

— Да о многомъ, Василій Тимофеичъ...

— Васъ коробить слово: нажива?

Крестниковъ только посмотрѣлъ на Окоемова широко раскрытыми глазами, точно онъ подслушалъ его мысли. Окоемовъ сидѣлъ у огня, скорчившись, и казался такимъ маленькимъ и худенькимъ. Его типичное худощавое лицо ярко освѣщалось всполохами пламени. Не дожидаясь отвѣта, Окоемовъ заговорилъ:

— Вы и ко мнѣ все время присматриваетесь... Оно такъ и должно быть. Мы еще слишкомъ мало знаемъ другъ друга... да. Взять хотя сегодняшній случай... Я купилъ за триста рублей аренду, которая мнѣ дастъ при правильномъ хозяйствѣ больше трехъ тысячъ. Это несправедливо... Что бы вы сдѣлали на моемъ мѣстѣ.

— Я? Я назначалъ бы башкирамъ пятьдесятъ процентовъ изъ чистой прибыли...

— Но, вѣдь, это гадательная цифра, особенно если принять во вниманіе такія условія, какъ затраты на постановку дѣла, а затѣмъ возможность засухъ. Будутъ, несомнѣнно, года, когда башкиры получили бы за свою землю нуль...

— Посѣвы можно застраховать, а что касается обзаведенія, то его можно разверстать по числу лѣтъ аренды.

— Совершенно вѣрно, но вы забываете одно: я сейчасъ назначилъ башкирамъ двойную цѣну, и если прогорю, то имъ отъ этого не будетъ пользы. Слѣдовательно, сначала необходимо поставить дѣло на твердую почву, а потомъ уже говорить о другомъ.

— Я знаю, Василій Тимофеичъ, ваше слабое мѣсто: вы боитесь благотворительности.

— Да, да, боюсь... Что даромъ получено, то даромъ и уйдетъ. Необходимо, чтобы человѣкъ заработалъ свое благосостояніе. Возьмите данный случай: я могъ сегодня дать башкирамъ, вмѣсто трехсотъ, три тысячи. Это меня не раззорило бы... Но въ чему бы это повело? Во-первыхъ, я провелъ бы имъ мысль о легкой наживѣ, которая гарантировала бы ихъ отъ всякой необходимой работы, во-вторыхъ, въ своемъ лицѣ я создалъ бы опаснаго конкуррента тѣмъ крестьянамъ, которые сейчасъ арендуютъ у башкиръ землю. Что для меня, при интензивной культурѣ и обеспеченныхъ средствахъ, выгодно, то же самое ихъ раззорить. Экономическія явленія слишкомъ неразрывно связаны между собой и нельзя ихъ изолировать.

— Но, вѣдь, то же самое могутъ сказать и другіе, которые руководствуются одной наживой. Путь въ достаточной мѣрѣ скользкій... А главное, онъ создаетъ для cadaго свою собственную мораль, другими словами — полнѣйшій произволъ. Все будетъ зависѣть отъ того, какой человѣкъ...

— На совѣсть, какъ говорятъ мужики?

— А такъ какъ большинство людей обладаетъ очень маленькой совѣстью, то результатъ получится самый плачевный...

— Но, вѣдь, совѣсть поднимается, т.-е. уровень совѣсти. Живой примѣръ, ваши собственные слова: вы уже не можете успокоиться на одной наживѣ, какъ Илья Федоричъ. Вотъ я и вѣрю въ этотъ подъемъ общественной совѣсти, вѣрю въ то, что такихъ совѣстливыхъ людей сотни тысячъ и что ихъ будетъ все больше и больше. Золотой вѣкъ, конечно, мечта, но это не мѣшаетъ намъ идти къ нему...

Они проговорили до самой зари, хорошо и откровенно, какъ еще никогда не случалось. Окоемову очень понравился сдержанный и серьезный юноша, и онъ возлагалъ на него большія надежды.

— Представьте себѣ такой случай,—заговорилъ Окоемовъ послѣ длинной паузы:—и я, и вы умираемъ... Наше дѣло пошло, оно поставлено, а мы возьмемъ да и умремъ. Если бы мы не надѣялись, что на наше мѣсто сейчасъ же явятся сотни и тысячи другихъ людей, которые поведутъ это дѣло, тогда не стоило бы ни о чемъ хлопотать.

Башкирская деревня, около которой была арендована земля, называлась Салга.¹ Отъ нея до Краснаго Куста считали пятьдесятъ верстъ, а зимой разстояніе сокращалось почти на половину, потому что не нужно было дѣлать объѣздъ озеръ. Окоемовъ былъ очень доволенъ этою арендой и только думалъ о томъ, откуда и какъ брать рабочихъ для сельской работы.

— Да башкиры же и будутъ работать,—объяснялъ Утлыхъ.—Они всегда такъ дѣлаютъ: сдадутъ землю въ аренду, а потомъ сами же и нанимаются ее обрабатывать. Своя земля пустуетъ, а чужую обрабатываютъ. Самый несообразный народъ...

— Значить, они могутъ работать?

— Въ лучшемъ видѣ... Здоровый народъ на работу. Только вотъ на себя не хотятъ ничего дѣлать. Смѣшно на нихъ смотрѣть. Все лѣто лежитъ на боку, а разъ ѣду осенью, только что первый снѣжокъ палъ, а они траву косятъ... Сушить, говорить, не нужно.

Крестниковъ остался въ Салгѣ. Страда уже наступала, и нужно было заготовлять сѣно, а потомъ распланировать будущія пашни. Знанія, вынесенныя изъ академіи, теперь находили свое приложеніе. Присковая работа Крестникову не нравилась, и онъ былъ совершенно счастливъ, что останется при настоящемъ дѣлѣ, для котораго стоитъ потрудиться. Затѣмъ, молодого человѣка много интересовала выпадавшая на его долю отвѣтственная самостоятельность. Онъ начиналъ себя чувствовать вполнѣ большимъ человѣкомъ.

— Я вамъ оставляю деньги и вы сами уже распоряжаетесь сѣновосомъ,—говорилъ Окоемовъ при отъѣздѣ.—Помните, что будете имѣть дѣло съ новыми людьми, которыхъ всѣмъ не знаёте...

Крестниковъ поселился у башкирскаго старосты, который заломилъ съ него цѣну, какъ въ дорогомъ ресторанѣ. Какъ сговорились. Время стояло горячее, такъ что некогда

было даже поставить полевую избушку. Но все это было пустяки по сравненію съ открывавшейся широкой дѣятельностью, о какой Крестниковъ не смѣлъ мечтать. Онъ чувствовалъ, что Окоемовъ вполне довѣряетъ ему и сознавалъ, что это возлагаетъ на него двойную отвѣтственность.

Башкиры и русскіе крестьяне отнеслись къ молодому хозяину съ большимъ недоувѣріемъ, какъ къ барину-бѣлоручкѣ, ничего не смыслившему въ ихъ крестьянскихъ дѣлахъ. Это сказывалось во всемъ, а особенно при первыхъ наймахъ рабочихъ. Сибирскій мужикъ оказывался большимъ хитрецомъ и не желалъ продавать свой трудъ дешево. Башкиры готовы были работать за безцѣнонь, но одолѣвали вымогательствомъ задатковъ. Они просили себѣ все, что только видѣли, и не огорчались отказомъ. Для разѣзда по сѣнокосамъ Крестниковъ купилъ себѣ ерѣпкую башкирскую лошаду и ѣздилъ на ней верхомъ. Можно себѣ представить его огорченіе, когда черезъ три дня эта лошадь была украдена.

— Ахъ, какой северный народъ, какой северный народъ,—жалѣлъ хитрый старшина.—Дрянной народъ...

Это былъ первый печальный опытъ, огорчившій Крестникова до глубины души. Онъ успокоился только тогда, когда изъ Краснаго Куста пріѣхалъ фельдшеръ Потаповъ и рассказалъ, что на пріискѣ украли цѣлыхъ пять лошадей. Оказалось, что воровали лошадей башкиры, угощавшіеся на праздникѣ.

— Проклятая сторона, —ворчалъ фельдшеръ. — Этакъ, пожалуй, не услышишь, какъ самому башку отвернуть.

Потаповъ былъ командированъ на розыски пчеловодовъ изъ башкиръ. Когда-то башкирскіе меды были въ большой славѣ, но сейчасъ это дѣло совершенно упало и только оставалось нѣсколько стариковъ, помнившихъ изъ пятое въ десятое, какъ водить степную пчелу. Пчеловодство еще сохранилось только на южномъ Уралѣ, и Потаповъ думалъ пробраться туда.

— Ну, какъ у насъ дѣла тамъ, въ Красномъ Куету?—спрашивалъ Крестниковъ.

— Ничего, все идетъ помаленьку... Василій Тимофеичъ какой-то скучный ходить. Нездоровится, должно быть... Потемкинъ насосы свои ставить, да едва ли толкъ какой выйдетъ.

— А барышня что подѣлываетъ?

— Которая? Ахъ, да, Настасья Яковлевна... Не видать ея что-то. Все больше дома сидить... Мы съ княжной больничку строимъ. Теперь срубъ ставить, ну, я освободился малость и уватилъ... А барышня скоро уѣзжаетъ въ Москву.

— Знаю...

Потаповъ замѣтилъ, что Крестниковъ, разспрашивая про Настасью Яковлевну, какъ будто немного смутился... Что же, дѣло молодое—все можетъ быть.

— А какихъ я двухъ поповенъ видѣлъ, Иванъ Николаичъ,—заговорилъ онъ, свертывая крученую папиросу.— Не дѣвицы, а макъ на градъ... Рукой подать отъ вашей Салги. Онѣ меня и про васъ спрашивали... Андрееву знаете?

— Ъвдилъ какъ-то нанимать рабочихъ.

— Ну, тамъ въ Андреевѣ живетъ попъ, о. Маркъ, а у него двѣ дочери, Марковны. На лѣто пріѣхали гостить. Кончаютъ курсъ въ гимназіи... Отмѣнные дѣвицы. Что вамъ тутъ одному-то сидѣть? Взяли какъ-нибудь праздничнымъ дѣломъ да къ попу и завернули.—Онъ будетъ радъ. Потомъ у земскаго доктора видѣлъ свояченицу... Тоже вполне правильная дѣвица и можетъ себя оправдать.

— Хочется вамъ говорить глупости..

— Не глупости, сударь, а настоящее дѣло говорю. Хе-хе... Кабы мои года не ушли, такъ я бы и самъ того... гм... Только вотъ угорѣлъ немного и сѣдой волосъ въ головѣ пробивается. А въ ваши-то года, Иванъ Николаичъ, ухъ! какой бѣдовый былъ... Ей Богу!.. Была одна кастелянша, а у кастелянши была дочь.. Ну, да что объ этомъ говорить. Было да сплыло и былъемъ поросло...

Фельдшеръ только вздохнулъ и махнулъ рукой. Это, вѣдь, богатые люди могутъ влюбляться и прочее такое, а бѣдному человѣку не до того...

IX.

Лѣто въ работѣ промелькнуло незамѣтно. Въ началѣ августа былъ первый утренникъ, побившій лѣтніе цвѣты, разведенные Анной Федоровной въ новомъ садикѣ. Это ничтожное обстоятельство всѣхъ огорчило, напомнивъ о суровомъ климатѣ. Короткое сѣверное лѣто уже кончалось.

— Это чортъ знаетъ что такое, — ворчалъ Сережа. — Такъ жить нельзя, точно въ какомъ-нибудь погребѣ...

Но еще хуже было осеннее ненастье, которое наводило на всѣхъ озлобленную тоску. Хохлушка даже плакала потихоньку, припоминая свою благословенную Малороссію, гдѣ осень такъ хороша. Княжна и Настасья Яковлевна давно уже были готовы къ отъѣзду, но откладывали день за днемъ, — имъ точно было совѣстно покинуть товарищей.

Большое оживленіе внесло въ жизнь колоніи знакомство съ земскимъ врачомъ Поповымъ, который теперь часто завертывалъ въ Красный Кустъ. Это былъ плотный, толстый, всегда улыбавшійся господинъ лѣтъ тридцати. Онъ всегда чувствовалъ себя прекрасно и любилъ побалагурить. Особенно были рады его пріѣзду пріисковья дамы, потому что у каждой находилась къ этому времени какая-нибудь серьезная болѣзнь, требовавшая немедленной помощи.

— Дайте мнѣ самому-то умереть спокойно, — упрашивалъ докторъ съ комической серьезностью. — Я увѣренъ, что именно я развожу болѣзни... Безъ меня здоровы, а стоитъ мнѣ пріѣхать, и пошла писать губернія. Помилосердитесь, господа хорошие, пожалѣйте живого человѣка.

Иногда съ докторомъ пріѣзжала его свояченица, молодая дѣвушка изъ „безстужевокъ“. Сережа какъ-то сразу не влюбилъ ученую дѣвицу, которая знала всѣ ученые слова. По наружности это была типичная сибирячка съ приподнятыми скулами, мягкимъ татарскимъ носомъ и чуть замѣтно поставленными косо глазами. Дѣвица была рѣшительная, какъ всѣ сибирячки, и сама правила тройкой, какъ хорошей ямщикъ. Звали ее Прасковьей Антоновной. Къ числу ея достоинствъ, между прочимъ принадлежало то, что она недурно пѣла малороссійскія пѣсни, чѣмъ сразу купила хохлушку Анну Федоровну, слушавшую ее со слезами на глазахъ. Докторъ занимался немножко археологіей, и эта страстишка служила источникомъ вышучиванія. Вообще, эти новые люди какъ-то сразу сдѣлались своими и чувствовали себя на пріискѣ дома.

— Егоръ Егорычъ, поступайте въ нашу компанію членомъ, — предлагалъ доктору Окоемовъ. — Не пожалѣете...

— А позвольте узнать, что я буду у васъ дѣлать?

— Лечить...

— Я это и такъ обязанъ дѣлать... А впрочемъ, отчего же и не быть членомъ. Я могу сдѣлать взносъ...

— У насъ взносы зарабатываются, и вы должны зарабатывать свои сто рублей практикой на присскѣ.

— Вотъ это мило... Что же, я нарочно долженъ создавать разныхъ болѣзни? А впрочемъ, какъ знаете...

Докторъ соглашался обыкновенно на все, и даже спрашивалъ своихъ паціентовъ, какое имъ лекарство прописать. Вотъ свояченица, та другое дѣло. На предложеніе Окоемова поступить въ члены компании она отрицательно покачала головой.

— Сначала нужно посмотрѣть, что у васъ выйдетъ, — объяснила она. — Адъ вымощенъ добрыми намѣреніями... Мнѣ кажется, что въ вашемъ предпріятіи больше поэзіи, чѣмъ дѣйствительности, а мы, сибиряки, страдаемъ недоувѣрчивостью.

— А вы боитесь поэзіи? — иронически спрашивалъ Сережа.

— А вы изъ запоздалыхъ эстетиковъ?..

— Это не отвѣтъ... Впрочемъ, у всякаго барона своя фантазія.

Эти маленькія пикировки оживляли все общество, и всѣ были рады, когда на присскѣ появлялась бойкая сибирячка.

Скоро завязалось и другое знакомство. Окоемовъ ѣздилъ въ Солгу провѣдать Крестникова и на дорогѣ познакомился съ о. Маркомъ и его дочерьми. Гимназистки, видимо, много слышались о Красномъ Кустѣ и засыпали вопросами.

— Если васъ интересуеть, пріѣзжайте и посмотрите, — пригласилъ Окоемовъ.

Любопытныя молодыя особы были очень рады и пріѣхали черезъ нѣсколько дней въ сопровожденіи брата, сельскаго учителя. Еще раньше онѣ познакомились съ Крестниковымъ и рассказывали про него какія-то смѣшныя исторіи. Онъ теперь спалъ не иначе, какъ привязавъ въ ногѣ арканъ отъ своей лошади, потомъ башкиры украли у него шляпу и онъ долженъ былъ ходить съ непокрытой головой и т. д. Одну поповну звали Капочкой, другую Лидочкой. Онѣ не блестяли красотой, но были такія веселыя, свѣженькія, говорливыя.

— Пожалуйста, ты ихъ займи, — просилъ Окоемовъ Сережу.

— Этого еще не доставало: filles de pore...

— Это предразсудокъ. Дѣвушки очень хорошенькія и умненькія..

Отъ скуки Сережа былъ радъ заняться и поповнами и ломался совершенно по необъяснимой причинѣ.

Потомъ явился еще знакомый, сельскій учитель изъ Челкана. Онъ пріѣхалъ съ о. Аркадіемъ по дѣлу. Именно, на пріискѣ устраивалась кузница, а хорошихъ кузнецовъ не было. О. Аркадій когда-то самъ работалъ въ кузницѣ, когда былъ сельскимъ учителемъ, а потомъ передалъ все своему преемнику. Нанятые на пріискѣ кузнецы заковали сразу двухъ лошадей, и Окоемовъ обратился за совѣтомъ къ о. Аркадію, который и явился вмѣстѣ съ учителемъ. Онъ снялъ свою ряску, надѣлъ татарскій азымъ, спряталъ волосы за воротникъ и самъ принялся за работу. Хромавшія лошади были поставлены въ станокъ и раскованы.

— Эхъ, вы, кузнецы...—пенялъ о. Аркадій неумѣлымъ кузнецамъ.—Вамъ безногихъ ценковъ ковать, а не лошадей. Ну-ка, Ваня, поворачивайся...

Учитель „Ваня“ именно не умѣлъ поворачиваться. Это былъ довольно мрачный субъектъ и совсѣмъ не охотникъ до разговоровъ. Вотъ кузнечная работа—другое дѣло. У Вани летѣли изъ подъ молота искры дождемъ, и онъ точно разговаривалъ своимъ молотомъ. Лѣтомъ онъ обыкновенно работалъ въ кузницѣ и порядочно зналъ свое дѣло, а кузнецъ въ деревнѣ лицо большое. „Ваня“ давно интересовался, что дѣлается въ Красномъ Кустѣ, но не рѣшался пріѣхать посмотреть. А тутъ все вышло какъ-то само собой, и знакомство завязалось. Серьезный и молчаливый „Ваня“ какъ-то сразу приросъ, какъ вырастаетъ новый зубъ, и его всѣ полюбили. Казалось даже страннымъ, что Вани не было, точно онъ куда-то уѣзжалъ и только-что вернулся изъ поѣздки. Всѣ такъ и звали его Ваней, даже княжна, отличавшаяся нѣкоторой щепетильностью. А Ваня молчалъ и только улыбался.

Всѣ эти новые люди вносили съ собой что-то новое, и, вмѣстѣ съ тѣмъ, Окоемовъ не могъ не чувствовать, что всѣ они въ большей или меньшей мѣрѣ не довѣряютъ ему, т.-е. его предпріятіямъ. Можетъ быть, связывалась сибирская недоувѣрчивость, а можетъ быть, и присущая каждому русскому человѣку косность. Окоемова радовало одно уже то, что всѣ они интересовались его дѣломъ и внимательно къ нему присматривались. Во всякомъ случаѣ, завязывались живыя сно-

шенія съ мѣстными людьми, что Окоемовъ особенно цѣнилъ. Вѣдь придется все-таки жить съ ними. Дѣло требовало все новыхъ и новыхъ людей.

Было еще одно обстоятельство, которое говорило за эти новые знакомства. Раньше Окоемова очень смущалъ отъѣздъ княжны и Настасьи Яковлевны, тѣмъ болѣе, что впереди предстояла тяжелая сибирская осень,—онъ уже впередь переживалъ томящее ощущеніе пустоты. Сейчасъ это чувство смѣнилось спокойнымъ сознаніемъ, что эта пустота замѣстится другими элементами. Да, эти другіе люди придутъ, они должны придти.

Княжна замѣтно приуныла, и сама откладывала отъѣздъ день за днемъ. Положимъ, она ѣхала не навсегда, но все-таки ей уже впередь дѣлалось жаль оставлять Красный Кустъ. Настасья Яковлевна молчала, ничѣмъ не выдавая своего настроенія.

— Вы, конечно, сюда больше не вернетесь? — спрашивалъ ее Окоемовъ наканунѣ отъѣзда.

— Зачѣмъ?..

Она сдѣлала вопросъ такъ просто, что Окоемову сдѣлалось совѣстно за свою безтактность. Конечно, она не придетъ—смѣшно объ этомъ спрашивать.

— Мнѣ сейчасъ какъ-то даже странно возвращаться къ роднымъ въ Москву,—заговорила Настасья Яковлевна, прерывая паузу.—Я приѣду туда почти чужой...

— Что же вамъ мѣшаетъ оставаться здѣсь, т.-е. вернуться? Всѣ мы будемъ этому рады.

— Я сказала не къ этому, Василий Тимофееичъ... И безъ того я считаю себя слишкомъ много обязанной вамъ... Я встрѣтила такой сердечный братскій приемъ.

— Объ этомъ даже не стоитъ говорить, Настасья Яковлевна. Развѣ вы сами могли бы поступить иначе?.. Всѣ къ вамъ такъ привыкли, полюбили...

Этимъ разговоръ и кончился. Окоемовъ волновался и старался всѣми силами не выдать себя. Что же тутъ можно было говорить? Оставалась одна надежда на княжну, которая въ Москвѣ будетъ видѣться съ Настасьей Яковлевной.

— Мнѣ уже не хочется уѣзжать,—говорила она со слезами на глазахъ.—Я уже не знаю сама, что дѣлаю...

— Ничего, ничего, поѣзжайте, а по первому пути я самъ приѣду за вами,—успокаивалъ ее Окоемовъ.—Мама такъ будетъ рада васъ видѣть, вы ей все расскажете... У меня тоже есть кой-какія дѣла въ Москвѣ.

Утромъ въ день отъѣзда Окоемовъ отправился на принскѣ посмотреть на работы. На дорогѣ онъ встрѣтилъ Настасью Яковлевну. Ему показалось, что она ждала его.

— Вамъ что-нибудь нужно сказать мнѣ, Настасья Яковлевна?

— Нѣтъ, ничего...

— У васъ такое блѣдное лицо... Вы плохо спали?

Она ничего не отвѣтила, а только опустила голову. Они пошли рядомъ.

— Вы получили какое-нибудь неприятное извѣстіе?—спрашивалъ Окоемовъ съ участіемъ.

— Нѣтъ...

Она остановилась и посмотрѣла на него умоляющими глазами. Окоемовъ почувствовалъ, что у него не стало воздуха въ груди, и голова начинаетъ кружиться.

— Послушайте, Настасья Яковлевна...

Это было совсѣмъ не то, что онъ хотѣлъ сказать. Продолженіемъ этой фразы было то, что онъ взялъ ее за руку.

— Настасья Яковлевна, можетъ быть, я ошибаюсь...

И это было не то, и вдобавокъ глупо. Она шла рядомъ съ нимъ, не поднимая головы, а Окоемовъ чувствовалъ, какъ бьется у него сердце въ груди.

— Вы вернетесь... вы должны вернуться, — заговорилъ онъ сдавленнымъ голосомъ.—Ахъ, совсѣмъ не то... Я самъ приѣду въ Москву... да... Скажите мнѣ одно: могу я васъ видѣть тамъ?

Отвѣтомъ былъ взглядъ, полный укора. Опять беззвучно... Они сдѣлали нѣсколько шаговъ молча.

— Я не знаю, что со мной дѣлается... — прошептала она.—Но мнѣ такъ хорошо... хорошо и грустно... и хочется смѣяться и плавать... Я не знаю даже, зачѣмъ я ѣду въ Москву.

Онъ посмотрѣлъ ей въ лицо и прошепталъ:

— Милая, милая...

Она взяла свою руку и замедлила шаги, точно хотѣла

что-то остановить, удержать. Онъ испугался собственной смѣлости и чувствовалъ только, какъ кровь стучитъ въ головѣ.

— Можетъ быть, мнѣ показалось...—заговорилъ онъ, съ трудомъ набирая воздуха.—Я могу ошибаться...

Она сама взяла его руку и молча ее пожала.

Путешественницы уѣхали сейчасъ послѣ завтрака. Всѣ вышли „на улицу“ провожать ихъ. Накрапывалъ назойливый мелкій дождь. Княжна нѣсколько разъ оборачивалась и махала бѣлымъ платкомъ. Окоемовъ стоялъ безъ шляпы и чувствовалъ непреодолимую потребность догнать быстро утвившійся экипажъ, что-то сказать, пожать руку въ послѣдній разъ.

— О, милая, милая...—шептали его губы безъ звука.

Х.

Стояла глубокая осень. Періодъ осеннихъ дождей смѣнился первыми заморозками, сковавшими землю. Первый снѣгъ выпалъ еще въ началѣ сентября. Въ теченіи двухъ осеннихъ мѣсяцевъ Окоемову пришлось на практикѣ познакомиться съ величайшимъ зломъ, которое преслѣдуетъ русскаго человѣка съ первыхъ дней его исторіи—это скверныя дороги. Въ осеннюю распутицу Красный Кустъ буквально дѣлался недоступнымъ, и только Потемвинъ могъ ухитриться, чтобы именно въ этому времени подогнать доставку изъ Екатеринбурга тяжелой влады для его насосовъ. Эта влады такъ и застряла на одной изъ станцій челябинскаго тракта въ ожиданіи перваго саннаго пути.

Окоемовъ какъ-то всегда любилъ эту русскую осень съ ея слезами и глухой печалью. Выцвѣтшія краски, солнечный свѣтъ безъ тепла, голодные завыванья вѣтра, мокрая темь длинныхъ вечеровъ—все это гнало въ свой уголь, къ своему огоньку и къ своимъ итогамъ. Именно осенью такъ хорошо и уютно работалось. Теперь Окоемовъ по цѣлымъ днямъ работалъ въ конторѣ, подводя итоги сдѣланному. Получались крупныя цифры расходовъ и маленькія до смѣшного цифры доходовъ. Главное оставалось еще въ будущемъ, т. - е. реализація сдѣланныхъ затратъ. Въ теченіи лѣта золота было добыто всего нѣсколько фунтовъ, что давало въ результатѣ

сотни рублей. Сережа былъ недоволенъ. Онъ ожидалъ быстраго обогащенія, а тутъ приходилось ждать. Ему надоѣло даже собственное званіе главнаго управляющаго, потому что оно здѣсь, въ глуши, имѣло такое же значеніе, какъ званіе швейцарскаго адмирала.

— Этакъ мы можемъ и раззориться,—ворчалъ Сережа, „зайтоживъ“ свои гроссбухи.—Мнѣ надоѣло записывать одни расходы...

— Тебѣ, кажется, не опасно раззориться?—шутить Окоемовъ.

— Я говорю не о себѣ, а о дѣлахъ.

Сережа къ послѣднее время началъ проявлять признаки скупости, настоящей скупости, и оттягивалъ платежи, какъ опытный скряга. Когда вопросъ заходилъ о деньгахъ, предпочитали обращаться прямо къ Окоемову.

— Вы меня раззоряете,—сердился Сережа, когда отъ него требовали денегъ.—Пусть Окоемовъ дѣлаеть, что ему угодно, а я не согласенъ. Да, не согласенъ... У меня не монетный дворъ.

Въ видѣ развлеченія Сережа въ свободное время занимался подсчитываніемъ денегъ, какія онъ прокутилъ въ разное время. Получались такіе итоги, что онъ только вздыхалъ. Неужели онъ могъ быть такимъ дуракомъ? Можно себѣ представить удивленіе Окоемова, когда Сережа первымъ внесъ свой сторублевый пай. Онъ ихъ скопилъ изъ своего четырехмѣсячнаго жалованья.

— Ты меня пугаешь, Сережа,—замѣтилъ Окоемовъ,—А впрочемъ, превосходно... Прекрасный примѣръ всѣмъ остальнымъ.

Въ проектѣ было сто паевъ по сту рублей каждый. Сейчасъ было уже занято около пятнадцати. Новыми пайщиками вступили о. Аркадій, учитель „Ваня“, изъ Андреевки, земскій докторъ — однимъ словомъ, дѣло понемногу двигалось впередъ. Изъ первоначальной смѣты предпріятіе давно вышло, но это не пугало Окоемова, потому что сейчасъ были только одни расходы. Всякое новое предпріятіе неизбежно связано при началѣ съ такими перерасходами, пока не установится и не войдетъ въ норму. Въ общемъ, особенныхъ финансовыхъ затрудненій пока не предвидѣлось.

Подготовительныя работы на пріисѣ были кончены на половину, а другая половина была оставлена на зиму. По смѣтѣ вся розсыпь могла быть выработана въ теченіи пяти-шести лѣтъ и должна была дать, по приблизительнымъ расчетамъ, около шести пудовъ золота. Главный недостатокъ произведенныхъ работъ заключался въ ихъ несвоевременности, именно, что въ лѣтнюю дорогую рабочую пору было сдѣлано то, что слѣдовало сдѣлать зимнимъ дешевымъ трудомъ. Но ждать не приходилось, чтобы не оставить безъ дѣла компаньоновъ. Для зимы былъ поставленъ зимній корпусъ, въ которомъ предполагалось производить промывку. Конечно, зимнія работы не могли дать много.

Общій видъ пріиска получался довольно оживленный,—настоящій деревянный городокъ. Последнимъ зданіемъ была пріисковая больничка, въ которой сейчасъ поселился фельдшеръ Потаповъ. Больныхъ было мало, и онъ все свободное время отдавалъ пчеловодству, подготавливая къ веснѣ ульи разныхъ системъ. вмѣстѣ съ партіей медикаментовъ, присланныхъ княжною изъ Москвы, получены были сѣмена разныхъ медоносныхъ растений. Весной предполагался ихъ первый посѣвъ. Всѣми этими приготовлениями особенно интересовался о. Аркадій, хотѣвшій завести пчельникъ у себя въ Челбанѣ. Онъ пріѣзжалъ на пріисекъ, не смотря ни на какую погоду, и разъ пріѣхалъ даже верхомъ, какъ иногда ѣздилъ съ требой по своему приходу. На пріисѣ онъ всегда былъ желаннымъ гостемъ, а въ глухую осеннюю пору въ особенности. Даже Сережа, возненавидѣвшій его ни съ того, ни съ сего, теперь примирился съ его присутствіемъ и въ знакъ своей дружбы посвятилъ въ тайны шахматной игры.

— Не подобаетъ моему сану игра,—отказывался о. Аркадій.

— Да, вѣдь, это не игра въ собственномъ смыслѣ слова, а только рѣшеніе известной математической задачи...—увѣрялъ Сережа.—Вѣдь математика вамъ не возбранена?..

— Возбранено всякое суетное времяпрепровожденіе, Сергѣй Николаевичъ.

— Ну, всего одну партію...

Разъ о. Аркадій пріѣхалъ съ какимъ-то озабоченнымъ видомъ и заявилъ желаніе побесѣдовать съ Овоемовымъ келейно.

— Чѣмъ могу служить вамъ, о. Аркадій?

— Дѣло въ слѣдующемъ... Въ проектѣ вашей компаніи, Василій Тимофеичъ, не предусмотрѣнъ нѣкоторый особенный случай... да. Отъ господина студента не имѣете свѣдѣній?

— Онъ въ Салгѣ... Собственно, онъ долженъ вернуться сюда уже недѣли двѣ назадъ, но почему-то не ѣдетъ.

— Такъ-съ...

— Последнее письмо отъ него какое-то странное... Пишетъ, что не рѣшается оставить Салгу до перваго саннаго пути, когда отправитъ сюда заготовленное лѣтомъ сѣно.

— Правильно.

— Но, вѣдь, сѣно могли сторожить караульные—это не его дѣло. Потомъ пишетъ, что его задерживаетъ еще какое-то дѣло, и что ему необходимо объяснить мнѣ что-то очень серьезное.

— Весьма серьезное, должно быть... Дѣло въ слѣдующемъ, Василій Тимофеичъ: господинъ студентъ женился... да. Женился на дѣвицѣ духовнаго званія... Кажется, она въ вамъ пріѣзжала лѣтомъ съ сестрой—о. Марья дочь, Капитолина Марковна. Образованная дѣвица, хотя и свѣтскаго образованія...

— Гм... да... это, дѣйствительно, нашимъ уставомъ не предусмотрѣно. А впрочемъ, что же. дѣло хорошее, о. Аркадій...

— Именно... Въ городѣ еще можно жить одному, а въ деревнѣ это весьма трудно. Господинъ студентъ поступилъ правильно, т. е. по моему мнѣнію.

Женитьба Крестникова произвела сенсацію. Это событіе послужило безконечной тѣмой для вечернихъ разговоровъ, причемъ дамы выступали въ качествѣ специалистовъ. Мужчины не одобряли торопливость Крестникова и нѣкоторое легкомысліе, потому что нужно было серьезно позаботиться о будущемъ будущей семьи.

— Это вѣчная отговорка,—азартно спорила хохлушка.— Всѣ мужчины такъ разсуждаютъ и женятся сорока лѣтъ, когда пройдутъ огонь и воду.

— Но, вѣдь, нужно чѣмъ-нибудь жить?

— И будутъ жить, не безпокойтесь... По вашему жениться могутъ только богатые люди, а вотъ они будутъ жить

и безъ денегъ. Для чего деньги, когда оба могутъ работать? У него свое дѣло, у нея свое... И еще лучше прожить безъ денегъ-то.

— А дѣти пойдутъ?

— Много ли дѣтямъ нужно...

Первое появленіе „молодыхъ“ на пріискѣ явилось цѣлымъ событіемъ. Имъ приготовили торжественную встрѣчу, что смутило Крестникова до послѣдней степени. Онъ, вообще, чувствовалъ себя виноватымъ по неизвѣстной причинѣ и только краснѣлъ. Молодая держала себя храбрѣе и сразу забрала надъ мужемъ ту власть, которую женщинамъ даетъ молодость и любовь.

Окоемовъ встрѣтилъ „молодыхъ“ съ особенной нѣжностью, совсѣмъ по родственному. Этотъ бракъ вносилъ съ собой что-то новое, и такое хорошее, чему сейчасъ трудно было подобрать даже названіе. Молодая чета являлась вѣстникомъ того семейнаго начала, безъ котораго нѣтъ жизни. Калерія Михайловна и Анна Федоровна ухаживала за молодыми съ трогательной материнской заботливостью, точно на нихъ пахнуло тепломъ домашняго очага и своего угла. Время сейчасъ было свободное, и само собой устроилось домашнее веселье, особенно когда пріѣхалъ случайно балагуръ докторъ.

— Да, хозяйство заводите основательно, — шутилъ онъ по обыкновенію. — А впрочемъ, одобряю...

Былъ даже устроенъ настоящій фестиваль домашними средствами, благо пріисковья хозяйки могли щегольнуть всѣмъ своимъ, начиная отъ домашнихъ наливокъ и кончая вареньемъ. Калерія Михайлова жалѣла только объ одномъ, что не могла представить индѣйки—эта статья еще отсутствовала. Меню было составлено подъ руководствомъ Сережи, который оказался великимъ знатокомъ по части гастрономіи. За ужиномъ онъ же сказалъ приличную случаю рѣчь, построилъ ее на положеніи, что самая экономная хозяйка—природа, и что вся жизнь заключается именно въ разумной экономіи своихъ способностей, средствъ и вообще силъ, а бракъ является величайшимъ выраженіемъ именно такой экономіи. За нимъ говорилъ докторъ въ своемъ обычно-шутливомъ тонѣ:

— Я могу пожалѣть только объ одномъ, что природа изъ экономіи не сдѣлала меня ораторомъ... Я покоряюсь своей судьбѣ и скажу молодымъ просто: здравствуйте!..

Окоемовъ все время молчалъ. Онъ тоже не былъ ораторомъ, а специально въ этомъ случаѣ въ особенности. Ему какъ-то вдругъ сдѣлалось тяжело и грустно, и онъ только изъ вѣжливости, не желая нарушать общаго настроенія, не ушелъ въ свою комнату. Что-то такое обидное и несправедливое проснулось въ душѣ, и Окоемовъ еще никогда не чувствовалъ собственнаго одиночества такъ ярко, какъ въ данный моментъ. Да, скверная вещь одиночество...

Затихъ дневной шумъ, затихъ шумъ импровизированнаго праздника, и всѣ разошлись по своимъ комнатамъ. Окоемовъ впередъ зналъ, что не уснетъ цѣлую ночь, и приготовился къ этому. Онъ слышалъ, какъ окончательно заснулъ весь прінсковый городокъ,—даже собаки не лаяли. Только неустанно работалъ одинъ мозгъ, вызывая сцены, лица, предположенія. Отчего Настасья Яковлевна ничего не напишетъ изъ Москвы? Дѣвушка казалась ему теперь такой далекой-далекой, точно она и не жила никогда вотъ подъ этой кровлей. Да, жила, уѣхала, и ничего не осталось. Окоемовъ сомнѣвался даже въ реальности утренней сцены въ день отъѣзда. Неужели она пожала ему руку въ отвѣтъ на его нѣмой вопросъ? Вѣдь это было краснорѣчивѣе всякихъ словъ...

Д. Маминъ-Сибирякъ.

(Продолженіе слѣдуетъ).

* * *

О, какъ холодно сердцу усталому!
Чтобъ развѣять тяжелые сны,
Расскажи мнѣ, какъ дитятеѣ малому,
Сказку чудныхъ временъ старины.
Расскажи, какъ въ лѣсу заколдованномъ
Чародѣемъ, волшебникомъ злымъ,
Спитъ красавица сномъ очарованнымъ,
Вся румянцемъ горя молодымъ;
Расскажи, какъ царевичъ за милою
Изъ далекихъ приходитъ сторонъ,
И могучей волшебною силою
Разрушаетъ заклятіе онъ.
Убаюкана чудною сказкою,
Я забуду о долѣ моей,—
И пахнетъ на меня тихой ласкою
Вѣра дѣтскихъ утраченныхъ дней!
Грезы міра фантазій туманнаго
Съ правдой жизни сольются опять,
И опять я героя желаннаго
Буду съ дѣтскою вѣрою ждать.

* * *

Замираетъ волна погребальнаго звона
Въ безпредѣльной воздушной дали:—
Кто-то умеръ, со звукомъ послѣдняго стога
Улетѣла душа отъ земли.

Смерти тайна великая въ это мгновенье
Для нея наконецъ рѣшена;—
Помолитесь же, люди, чтобъ миръ и прощенье
Въ жизни новой снискала она.

В. Рудичъ.

Г У Б К А

Вы, можетъ быть, не задумаетесь опредѣлить прямо на взглядъ, для чего какой родъ губки годится... Но знакомы ли вы съ живою губкой? Не съ тѣмъ ея роговымъ скелетомъ, который видишь почти каждый день—и на улицѣ въ окнахъ магазинахъ, и въ школѣ на классной доскѣ, и дома во время умыванія, а съ своеобразнымъ интереснымъ животнымъ, «губкой», занимающимъ низшее мѣсто въ системѣ другихъ многоклеточныхъ животныхъ?

Въ сущности, познакомиться съ живою губкой ближе довольно легко. Губки растутъ не только въ моряхъ, но нѣкоторыя изъ нихъ, хотя и немногія, часто встрѣчаются въ нашихъ озерахъ, болотахъ и рѣкахъ. Разумѣется, въ прѣсной водѣ растутъ другія губки, чѣмъ въ морской, и совсѣмъ не годятся для того употребленія, для котораго пользуются обыкновенными продажными грецкими губками; но все же, по своей жизни и по главнымъ чертамъ своего строенія, всѣ губки похожи другъ на друга.

Впрочемъ, и прѣсноводная наша губка—бадяга имѣетъ свое примѣненіе. Какъ народное медицинское средство, она пользуется большою извѣстностью; употребляется и въ ветеринаріи. Поэтому, аптеки и дрогисты покупаютъ ее довольно охотно, что создало въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ по системѣ Днѣпра и нѣкоторыхъ другихъ рѣкъ среди крестьянъ особый родъ промысла, добычу бадяги. Какъ только вода нашихъ южныхъ рѣкъ въ половинѣ іюля спадетъ, оставивъ за собою на низменномъ лѣвомъ берегу, между лѣсными зарослями, безчисленное количество болотъ, временныхъ или постоянныхъ озерковъ, проточекъ, народъ потянется въ такія «плавни» для сбора бадяги. На старыхъ корягахъ, затопленныхъ водой, на корняхъ кустовъ, поднимающихся возлѣ береговъ,—на четверть и полъ-аршина подъ водою,—за весну и начало лѣта уже успѣла разростись наша губка. За пудъ сушеной бадяги въ аптекахъ даютъ отъ полутора до трехъ рублей; хорошій же работникъ можетъ набрать пудъ въ одинъ день. Казалось бы, что такой за-

работокъ для бѣднаго мужика просто кладъ; но не такъ-то бываетъ на самомъ дѣлѣ:—нелегко достается бадяга, и только злая нужда заставить крестьянина отправиться за нею на «плавни». Цѣлый день руки его мокнуть въ холодной водѣ, кожа на нихъ трескается; иль, а главнымъ образомъ сама бадяга—разъѣдаютъ эти трещины, и распухшія руки покрываются болѣзненными ранами... Легіоны мошки и комаровъ не даютъ ни минуты покоя. Тяжелыя испаренія болотъ подтачиваютъ здоровье!.. Крестьяне замѣтили, что если вода весной съ конца марта и въ началѣ апрѣла до іюня была высока, то «урожай» на бадягу бываетъ хорошъ; если же воды было мало, то и губки въ «плавняхъ» будетъ мало. Изъ такихъ «плавней» пользуются извѣстностью тянущіеся по лѣвому берегу Днѣпра отъ Кременчуга до урочища Великій Лугъ.

Въ нашихъ южныхъ губерніяхъ, въ Малороссіи—крестьяне настаиваютъ бадягу на водкѣ и такой настой употребляютъ при различныхъ болѣзняхъ. Говорятъ даже, что онъ помогаетъ и при зубной боли; однако, деревенскія щеголихи придумали гораздо болѣе вѣрное употребленіе нашей губки: высушенную и растергую въ порошокъ онѣ употребляютъ ее, какъ румяна... Если взглянуть на такой порошокъ при сильномъ увеличеніи, то мы увидимъ, что онъ почти сплошь состоитъ изъ мельчайшихъ иголочекъ, въ родѣ веретень или булавочекъ. Иголочки образованы изъ твердаго кремнезема. Понятно, что будетъ, если такимъ порошкомъ изъ иголочекъ хорошенько натереть себѣ щеки: онѣ будутъ горѣть, такъ какъ мы сильно раздражимъ кожу и вызовемъ усиленный приливъ къ ней крови. Раздраженіе не проходитъ и послѣ, потому что масса этихъ микроскопическихъ иголочекъ остается въ кожѣ, въ видѣ занозъ.

Эти иголочки для бадяги то же, что эластичный, волокнистый скелетъ для грецкой губки; онѣ, сложенные и собранныя въ отдѣльные пучечки, образуютъ основу, которою поддерживается все тѣло губки. Собственно тѣло ея, какъ и вообще губокъ, настолько мягко, что если бы не было скелета, то не могло бы существовать такихъ высокихъ древовидныхъ формъ, какія встрѣчаются довольно часто у губокъ. Поэтому, высушенная губка вполне сохраняетъ свою естественную форму. Этимъ многіе пользуются для составленія прекрасныхъ коллекцій сухихъ губокъ. Такія коллекціи, однако, не имѣютъ большого научнаго значенія, такъ какъ для точнаго опредѣленія очень часто сухая губка не годится; въ хорошихъ музеяхъ губки всегда сохраняютъ въ спирту. Только одна небольшая группа губокъ совершенно лишена скелета, но такихъ губокъ очень мало.

У нѣкоторыхъ другихъ хотя и имѣется скелетъ, являющійся въ формѣ отдѣльныхъ красивыхъ звѣздочекъ или покрытыхъ бугорками шариковъ, однако, онъ не имѣетъ значенія для сохраненія губкою своей формы, такъ какъ наружный слой такихъ губокъ, самъ по себѣ, въ свѣжемъ состояніи, очень упругъ и напоминаетъ хрящъ,—поэтому онѣ называются «резиновыми или хрящевыми губками» (*Gummineae* или *Chondrosidae*). Въ большинствѣ же случаевъ, твердость губокъ прямо зависитъ отъ ихъ скелета. Напримѣръ, такъ-называемыя «корковыя губки» (*Corticatae*), покрывающія какъ бы корою подводные предметы, часто бываютъ одѣты совершенно твердой, какъ кость, скорлупою. Такая кора бѣлаго, желтаго или розоваго цвѣта очень напоминаетъ нѣкоторые лишай, которые сѣро-зеленоватыми и желтыми пятнами испещряютъ поверхность старыхъ камней. Рѣдкій камень, рѣдкая старая раковина, вытщенные съ морскаго дна, не покрыты разноцвѣтными пятнами корковыхъ губокъ, скорлупа которыхъ состоитъ изъ отдѣльныхъ кремневыхъ тѣлецъ, имѣющихъ обыкновенно очень затѣйливую форму; вы встрѣтите между ними микроскопическія, весьма правильныя звѣздочки, красивые, ажурные якорьки, узорчатыя палочки и проч...

Скелетъ другихъ губокъ является то въ формѣ сплетенія роговыхъ волоконъ—какъ у грецкой губки, то въ формѣ отдѣльныхъ твердыхъ тѣлецъ, состоящихъ или изъ кремнезема, какъ мы видѣли у бадаги, или изъ извести. Скелетъ известковыхъ губокъ очень рыхлъ, и, высушенные, онѣ легко разсыпаются въ порошокъ, но у кремневыхъ губокъ отдѣльныя частички скелета почти всегда бываютъ скрѣплены другъ съ другомъ роговымъ веществомъ. Поэтому, между настоящими роговыми губками, къ которымъ принадлежитъ грецкая губка, и кремневыми нельзя провести рѣзкой границы: въ послѣдовательномъ рядѣ формъ можно наблюдать, какъ кремневый скелетъ постепенно вытѣсняется роговыми волокнами и, наконецъ, отдѣльныя небольшія кремневыя иголки остаются только внутри нѣкоторыхъ волоконъ, а затѣмъ и совершенно исчезаютъ; получается скелетъ, состоящій изъ полыхъ внутри, переплетающихся и развѣтвляющихся упругихъ роговыхъ волоконъ, какъ у грецкой губки.

Весьма интересно, что, смотря по роду скелета, измѣняется способность губокъ расти на той или другой глубинѣ моря. Большинство ихъ, вообще, растетъ возлѣ береговъ, на незначительной глубинѣ; гораздо рѣже попадаютъ онѣ въ открытомъ морѣ. Это и понятно, такъ какъ губки любятъ ложиться подъ навѣсомъ скалъ, въ подводныхъ гротахъ, въ такихъ мѣстахъ, куда не проникаетъ

прямого свѣта. Такъ, грецкая губка не растетъ глубже тридцати футовъ. Другія роговыя губки не спускаются ниже пяти—десяти футовъ. Большинство известковыхъ губокъ нельзя встрѣтить глубже ста футовъ. Наконецъ, кремневая губка спускается глубже другихъ, и между ними наиболѣе глубоко—глубже 450 футовъ—растутъ самыя красивыя изъ губокъ, «стекляныя губки» (*Hyalospongiae*), получившія такое названіе благодаря тому, что ихъ скелетъ является въ формѣ красивыхъ бѣлыхъ полупрозрачныхъ, какъ молочное стекло, длинныхъ шелковистыхъ иголъ. Эти иглы не отдѣляются другъ отъ друга, а остаются послѣ промыванія губки связанными какъ бы цементомъ, образуя такую прелестную узорчатую ткань, съ которою не сравняется самая красивая кружева. Представьте себѣ цилиндръ, стѣнки котораго сотканы изъ такихъ чудныхъ кружевъ, цилиндръ—въ четверть слишкомъ вышиною, слегка изогнутый въ одну сторону, оканчивающійся на верхнемъ свободномъ концѣ такою же кружевною крышечкой, а внизу переходящій въ скрученный пучекъ длинныхъ шелковистыхъ тонкихъ иголъ, образующихъ родъ султана, и вы получите слабое представленіе о стеклянной губкѣ-леечницѣ (*Euplectella aspergillum*)... Ловится эта губка на глубинѣ ста футовъ возлѣ острова Цебу *). Еще въ сороковыхъ годахъ она считалась большою рѣдкостью и, благодаря своей красотѣ, продавалась очень дорого, но затѣмъ рыбаки острова Цебу открыли въ морѣ мѣсто, гдѣ эта губка водилась въ изобиліи. Они достаютъ ее со дна моря особою ловушкою, представляющею раму изъ бамбуковыхъ палокъ, на которыхъ насажены крючки. Своими крючками ловушка, которую волокутъ по дну на веревкѣ, зацѣпляетъ за высывающіяся изъ яла леечницы и вырываетъ ихъ вмѣстѣ съ султаномъ. Эта губка интересна еще тѣмъ, что въ большой полости внутри ея часто живутъ нѣкоторыя животныя. Такъ, почти въ каждомъ экземплярѣ, пойманномъ возлѣ Цебу, можно встрѣтить внутри парочку раковъ изъ семейства креветокъ (*Palaeon*). Къ послѣднему принадлежатъ тѣ рачки, которые употребляются у насъ на югѣ—въ Крыму и по берегамъ другихъ морей—въ пищу и которыхъ называютъ въ Крыму «стримсиками». Они порядочной величины и заплываютъ внутрь губки еще въ молодости, а когда подростутъ, то уже не могутъ выбраться изъ нея. Впрочемъ, они и не заботятся о своемъ освобожденіи, потому что, какъ увидимъ ниже, они чувствуютъ себя тамъ прекрасно. Жители Цебу и Маниллы ни за что не хотятъ признать леечницу за губку и убѣждены, что

*) Цебу—одинъ изъ Филиппинскихъ о-вовъ.

креветки живущія внутри ея, сами строятъ для себя такіе чудныя домики.

Но вернемся теперь отъ этихъ прекрасныхъ формъ къ нашей бадягѣ. Возьмемъ свѣжую губку и посмотримъ на нее сквозь увеличительное стекло; мы сейчасъ же замѣтимъ, что вся поверхность ея покрыта мельчайшими дырочками, какъ бы порами; кромѣ нихъ, сразу бросается въ глаза одно или нѣсколько крупныхъ отверстій, называемыхъ устьицами. Помѣстите живую губку, хотя бы ту же бадягу, въ чашку съ водой и пустите къ ней въ воду легкаго, тонкаго порошка какой-нибудь безвредной краски, лучше всего кармина; вскорѣ вы замѣтите, что отдѣльныя крупинки постоянно направляются къ губкѣ и входятъ въ ея поры, а спустя нѣкоторое время выходятъ черезъ устьяца. Чтоже заставляетъ ихъ такъ двигаться? Не трудно убѣдиться, что крупинки увлекаются механически токомъ воды. Такимъ образомъ, вокругъ губки происходитъ постоянный круговоротъ воды: вода входитъ черезъ поры въ тѣло губки и выходитъ изъ него черезъ устьяца, а вмѣстѣ съ собою увлекаетъ все, что въ ней плаваешь и что по своей величинѣ можетъ пройти въ поры. Послѣдуйте за крупинками въ тѣло живой губки и посмотримъ, какое путешествіе всѣ онѣ совершаютъ внутри его. Войдя черезъ пору, онѣ попадаютъ въ каналъ, который скоро начинаетъ развѣтвляться на болѣе и болѣе мелкіе каналы. Токомъ воды по этимъ каналцамъ крупинки приносятся въ небольшія полости правильной, обыкновенно шаровидной или эллиптической формы. Въ нихъ-то и находится та причина однообразнаго и постояннаго тока воды. Внутренняя поверхность ихъ стѣнокъ покрыта нѣжными волосками, рѣсничками, находящимися въ постоянномъ движеніи или мерцаніи. Своимъ безостановочнымъ движеніемъ рѣснички вызываютъ однообразный, постоянный токъ воды по развѣтвляющимся каналамъ сначала внутрь тѣла губокъ въ полости съ рѣсничками, а оттуда по другимъ каналамъ снова наружу. Въслѣдствіе присутствія въ полостяхъ такихъ мерцающихъ рѣсничекъ, сами онѣ получили названіе «мерцательныхъ камеръ». Число ихъ можетъ быть очень различно, что зависитъ, главнымъ образомъ, отъ величины самой губки. У простѣйшихъ известковыхъ губокъ всего одна мерцательная камера, которая образуетъ внутри тѣла большую полость, прямо открывающуюся наружу однимъ устьицемъ. Обыкновенно-же мерцательныхъ камеръ очень много. У нѣкоторыхъ губокъ онѣ замѣтны простымъ глазомъ, но чаще ихъ открываетъ намъ только сильное увеличеніе. Точно также у различныхъ губокъ различно и расположеніе мерцательныхъ камеръ и отчасти ихъ форма, и все это въ связи съ составомъ, расположе-

нѣмъ и формою скелета—служить натуралисту главнымъ средствомъ для отличія однѣхъ губокъ отъ другихъ. Теперь понятно, почему по сухой губкѣ не всегда можно рѣшить, съ какой именно губкой имѣешь дѣло: мерцательныя камеры, какъ и всѣ другія мягкія части ея, при высушиваніи не сохраняются, а пропадаютъ; поэтому-то губки лучше сохранять въ спирту или другой, не пертящей ихъ жидкости.

И, такъ, мы видѣли, что крупинки, до входа въ мерцательныя камеры, направляются внутрь тѣла губки, а затѣмъ, благодаря току воды, онѣ устремляются вонъ изъ тѣла ея; начинается та же исторія, только въ обратномъ порядкѣ: сначала онѣ направляются по мелкимъ каналцамъ, но вскорѣ сосѣдніе отдѣльные каналцы сливаются другъ съ другомъ все въ болѣе и болѣе крупныя каналы, и затѣмъ всѣ такіе выводные каналы впадаютъ въ одну болѣе крупную выводную полость, которая открывается наружу устьищемъ. Смотря по числу выводныхъ полостей, различается и число устьищъ, такъ какъ почти всегда каждая выводная полость открывается только однимъ устьищемъ. У многихъ губокъ, какъ я говорилъ, только одно устьице и; слѣдовательно, только одна выводная полость, которая иногда бываетъ относительно очень велика. Напримѣръ, нѣкоторыя известковые губки имѣютъ форму боченочка, стѣнки котораго представляютъ собственно тѣло губки. Однимъ концомъ такой боченочекъ прикрѣпляется къ подводнымъ предметамъ, а на противоположномъ концѣ—несетъ широкое единственное устьице, усаженное по краямъ длинными иголочками, которыя образуютъ совершенное подобіе воротника—жабо. Губка можетъ складывать свой воротничекъ и въ случаѣ опасности закрывать входъ въ устьице. Къ такимъ губкамъ принадлежитъ очень распространенная, встрѣчающаяся во всѣхъ моряхъ, небольшая губочка «саконъ» (*Sycon* *). Эта губочка интересна еще тѣмъ, что ея мерцательныя камеры въ формѣ удлиненныхъ полостей, вытянутыхъ въ направленіи перпендикулярномъ къ стѣнкамъ боченочка и расположенныя въ одинъ слой, прямо открываются въ общую выводную большую полость, такъ что кажутся просто ея выростами.

Теперь, прослѣдивши ходъ нашихъ крупинокъ въ бадягѣ, мы можемъ сказать, что онѣ черезъ поры устремляются по системѣ вводящихъ или приносящихъ каналовъ въ мерцательныя камеры, а оттуда выносятся по другой системѣ *) выводныхъ каналовъ въ выводную конечную полость, изъ которой вода съ крупинками широкимъ потокомъ черезъ устьице выливается вонъ изъ тѣла губки.

*) Этимъ словомъ греки называли плодъ фиговаго дерева.

Естественно возникаетъ вопросъ, какое значеніе имѣетъ для губки описанный токъ воды? Прежде всего этимъ постоянно освѣжается вода, находящаяся въ тѣлѣ губки, что необходимо для дыханія. Какъ для нашего дыханія необходимъ постоянный притокъ свѣжаго воздуха, такъ для водяныхъ животныхъ необходимъ постоянный притокъ свѣжей воды. Если организмъ обладаетъ движеніемъ, то обмѣнъ воды вокругъ него совершается попутно при движеніи, но губка всю жизнь должна проводить безъ движенія, она растетъ, какъ растеніе. Если мы вспомнимъ, что въ 100 объемахъ обыкновенной воды при температурѣ въ 0° растворяется только $\frac{1}{4}$ объема кислорода, то понятно, что кислорода въ непосредственно окружающей ея тѣло водѣ очень немного. Но почему же, спросите вы, водяныя растенія обходятся безъ всякихъ подобныхъ приспособленій? Вѣдь, есть между водорослями немало формъ, достигающихъ порядочныхъ размѣровъ? Напримѣръ, большой листъ морской капусты (*Laminaria*) рѣдко бываетъ меньше сажени длины. Однако, сравните такое растеніе съ губкой... Водоросли являются въ формѣ тончайшихъ ниточекъ или пластинокъ (листьевъ), такъ что отношеніе между поверхностью организма и массою его совершенно иное, чѣмъ у губки, — у растенія оно несравненно больше, а между тѣмъ, извѣстно, что водоросль дышетъ всею своею поверхностью, иначе говоря, обмѣнъ между газами, выдѣляемыми растеніемъ и поглощаемыми имъ, происходитъ на всей его поверхности, которая по отношенію къ массѣ тѣла громадна; слѣдовательно, при дыханіи водоросль пользуется большою массою воды. Всегда, если у животнаго нѣтъ обособленныхъ органовъ дыханія, оно дышетъ всею поверхностью своего тѣла; такъ и губка: вода, омывающая ея тѣло и снаружи и внутри, служитъ ей для дыханія. Если бы не происходило постояннаго обмѣна воды, то губка скоро бы задохлась, такъ какъ вода, содержащаяся внутри ея, скоро бы насытилась углекислымъ газомъ, выдѣляемымъ при дыханіи. Вообще, губки требуютъ для себя очень свѣжую воду; поэтому, держать бадягу въ авариумѣ довольно хлопотливо. Морскія губки, впрочемъ, хорошо живутъ въ большихъ аквариумахъ, гдѣ вода часто мѣняется и постоянно окисляется, т.-е. насыщается кислородомъ посредствомъ особыхъ приборовъ.

Постоянный притокъ воды къ губкѣ имѣетъ еще и другое значеніе: вмѣстѣ съ водою приносится пища животному. Мы видѣли, какимъ образомъ путешествуютъ крупинки кармина, пущенныя въ воду. Такимъ-же образомъ вмѣстѣ съ водой привлекается къ губкѣ и ея пища, состоящая изъ микроскопическихъ животныхъ и растеній. Впрочемъ, какъ именно питается губка — до сихъ поръ

ислѣдователи не рѣшили окончательно. Извѣстно только, что микроскопическіе организмы, приносимые водой, въ концѣ концовъ попадаютъ внутрь самой ткани, изъ которой состоитъ тѣло губки. Но какъ они попадаютъ въ эту ткань: снаружи ли тѣла, или сначала зайдя внутрь мерцательныхъ полостей—мы не знаемъ.

Такъ какъ мы коснулись строенія тѣла губки, то надо сказать, что губки принадлежатъ къ такъ-называемымъ «многокѣлочнымъ животнымъ», т.-е. къ такимъ, тѣло которыхъ образовано тканями, состоящими изъ кѣлочекъ различнаго рода. Кѣлочкой биологи называютъ тотъ основной элементъ, изъ котораго сложено тѣло каждаго живого организма. Если организмъ сравнить съ домомъ, то кѣлочку надо сравнить съ кирпичемъ, изъ котораго онъ построенъ; только такіе микроскопическіе кирпичи живого зданія неодинаковы, а различны въ различныхъ частяхъ его. Сама кѣлочка, въ сущности, есть комочекъ вещества, похожаго на яичный бѣлокъ и называемаго протоплазмой, въ которомъ микроскопъ позволяетъ намъ отличить двѣ главныхъ составныхъ части: собственно тѣло кѣпочки и болѣе плотную часть ея, образующую шарикъ, лежащій внутри кѣпочки и названный поэтому ядромъ кѣпочки. Въ настоящее время всѣ проявленія жизни организма стараются свести на жизнь отдѣльныхъ кѣлочекъ, изъ которыхъ онъ образованъ. Наши мускулы сокращаются потому, что отдѣльныя кѣпочки, изъ которыхъ состоятъ они, тонкія, вытянутыя въ длину мускульныя волокна, укорачиваются; нашъ желудокъ перевариваетъ пищу потому, что многія кѣпочки, заложенныя въ стѣнкахъ его, выдѣляютъ пищеварительную жидкость или сокъ:—наша кожа чувствительна потому, что въ ней разсѣяны чувствительныя нервныя кѣпочки и т. д.... Кѣпочки высшихъ организмовъ весьма разнообразны, какъ и дѣятельность ихъ. Чѣмъ менѣе развито животное, тѣмъ меньше разнообразія въ его кѣлочкахъ. Сплоченіе многихъ одинаковаго рода кѣлочекъ вмѣстѣ называются «тканью». Изъ тканей же построены органы многокѣлочныхъ животныхъ.

У губокъ, собственно говоря, мы можемъ найти только одинъ родъ кѣлочной ткани, именно плоскую покровную ткань, кѣпочки которой всѣ расположены въ одинъ слой, какъ деревяшки торцевой мостовой. Всѣ же прочіе роды ихъ кѣлочекъ разбросаны въ пережку, не образуя плотной ткани, внутри студенистаго, полужидкаго вещества, которымъ выполнены всѣ свободныя промежутки, остающіеся между каналами и полостями тѣла. Тѣ полости и ноздри, которыя вы видите у покупной грецкой губки, при жизни ея почти совершенно выполнены студенистымъ веществомъ,

такъ какъ дѣйствительные-то каналы и полости, находясь внутри этого студня, гораздо меньшихъ размѣровъ. Между различными клѣточками, разбросанными въ студенистомъ веществѣ, укажемъ на длинныя мускульныя и на блуждающія клѣточки. Первые располагаются вокругъ поверхности каналовъ и по краямъ устьицъ, такъ что у нѣкоторыхъ губокъ каналы, а у многихъ и устьица могутъ по волѣ губки суживаться и даже закрываться совершенно. Блуждающія же клѣтки ползаютъ внутри студня, переходя съ одного мѣста на другое. Онѣ очень похожи на маленькіе простѣйшіе организмы, называемые амѣбами. Внутри ихъ часто находятъ остатки пищи и имъ-то и приписывается, между прочимъ, роль распредѣлителей питательныхъ матеріаловъ по всему тѣлу губки. На нихъ же лежитъ обязанность выдѣлять скелетъ губокъ, правильно отлагающійся вокругъ приводящихъ и отводящихъ каналовъ. Единственная плотная клѣточная ткань губокъ, о которой мы упоминали, потому и называется покровной, что покрываетъ собою всю наружную поверхность губки и выстилаетъ изнутри всѣ каналы, каналы и полости ея. Клѣтки ея всюду, кромѣ мерцательныхъ камеръ, имѣютъ форму пластиночекъ, сталкивающихся другъ съ другомъ своими краями. Въ мерцательныхъ же камерахъ онѣ имѣютъ другой видъ.

Мы видѣли, что мерцательныя камеры покрыты внутри рѣсничками, какъ бы рѣдкою шерстью. Сильное увеличеніе показываетъ намъ, что каждая клѣточка въ стѣнкахъ такой камеры имѣетъ форму столбика, нѣсколько расширеннаго къ концу, на которомъ сидитъ одна, торчащая въ полость камеры, рѣсничка; слѣдовательно, сколько въ камерѣ рѣсничекъ, столько и такихъ клѣточекъ. Очень оригинально въ такихъ клѣточкахъ то, что вокругъ основанія рѣснички находится воронкообразное углубленіе, слѣдовательно, рѣсничка выходитъ изъ центра этого углубленія. Такимъ образомъ, свободный конецъ клѣточки имѣетъ видъ воротничка, и потому сами клѣтки носятъ названія «воротничковыхъ». Воротничковыя клѣточки до того похожи на нѣкоторыхъ инфузорій или наливочныхъ животныхъ, что долгое время губки считали за колоніи инфузорій, а нѣкоторые ученые даже предполагали, что воротничковыя клѣтки вовсе не принадлежатъ губкѣ, а представляютъ просъ го паразитовъ ея, заплывшихъ внутрь губки — инфузорій. Однако, потомъ оказалось, что у воротничковыхъ клѣтокъ не только могутъ втягиваться и временно исчезать воротничекъ и рѣсничка, но что сами эти клѣтки могутъ превращаться въ блуждающія клѣтки и уползать внутрь студня.

У нѣкоторыхъ губокъ воротничковыя клѣтки отличаются отъ

другихъ клѣточекъ еще и цвѣтомъ. Онѣ бываютъ то лиловаго, то розоваго, то другого цвѣта, а такъ какъ мерцательныхъ камеръ очень много, то и вся губка кажется окрашеною въ этотъ же цвѣтъ. Надо сказать, что, вообще, окраска губокъ — весьма различна. Хотя большинство ихъ желтовато-сѣраго или грязнопалеваго цвѣта, но встрѣчаются и чисто-желтыя, и чисто-бѣлыя губки, оранжевыя, красныя, лиловыя и зеленыя, а нѣкоторыя бываютъ даже пятнистыми, разноцвѣтными, хотя и рѣдко. Цвѣтъ часто весьма характеренъ для губки; однако, иногда одинъ и тотъ же видъ можетъ быть различно окрашенъ, напримеръ, *Suberites domuncula*—одна губка Средиземнаго моря, о которой мы будемъ имѣть случай еще говорить, бываетъ всѣхъ цвѣтовъ радуги, кромѣ зеленаго. Зеленый цвѣтъ губокъ, который такъ часто наблюдается у бадяги, зависитъ отъ водорослей, живущихъ въ наружномъ слое тѣла животнаго. Такія водоросли подъ микроскопомъ имѣютъ видъ крошечныхъ зеленыхъ шариковъ, а такъ какъ ихъ живетъ въ одной губкѣ десятки тысячъ, то немудрено, что вся губка кажется зеленаго цвѣта. Возьмите аквариумъ съ такой губкой и помѣстите въ темноту; вы замѣтите черезъ нѣсколько дней, что ваша губка поблѣднѣетъ, такъ какъ поблѣднѣли живущія въ ней водоросли, которыя, какъ и всякое другое растеніе, приобрѣтаютъ свою зеленую окраску только при достаточномъ освѣщеніи. Губка ихъ не трогаетъ, потому что онѣ ей не приносятъ вреда, а скорѣе пользу: онѣ при дыханіи поглощаютъ тотъ углекислый газъ, о которомъ мы уже упоминали. Такая совмѣстная жизнь двухъ организмовъ, въ данномъ случаѣ—губки и водорослей, называется «сожительствомъ» (симбіозомъ). Укажемъ еще на нѣкоторые интересные случаи совмѣстной жизни губокъ съ другими организмами. Кромѣ растеній, въ нихъ живутъ и многія животныя; однако, въ большинствѣ случаевъ, они уже не приносятъ губкамъ пользы, а сами пользуются тѣмъ, что губка своими мерцательными камерами постоянно освѣжаетъ вокругъ нихъ воду и привлекаетъ къ нимъ пищу. Въ этомъ особенно повинны разные черви, заползающіе въ губку и проживающіе тамъ на ея счетъ. Такой родъ сожительства надо бы назвать, по справедливости, дармоѣдствомъ; однако, біологи называютъ его болѣе мягко «нахлѣбничествомъ». Опытные коллекторы прекрасно знаютъ такую повадку многихъ червей и потому не оставляютъ безъ тщательнаго осмотра ни одной подозрительной губки. Одинъ изъ мелкихъ раковъ (*Atylus gibbosus*) поступаетъ очень безцеремонно относительно той красивой губки *Suberites domuncula*, о которой я упомянулъ; размѣры его тѣла, конечно, не позволяютъ ему проник-

нуть внутрь губки черезъ поры или устьяца, и вотъ, онъ спокойно своими лапами и челюстями вырѣзаетъ на поверхности ея удобную для себя ямку, въ которой и поселяется. Хорошо, что губки не такъ сильно чувствуютъ боль, какъ другія многокѣлочныя животныя, на что указываетъ, повидимому, то обстоятельство, что до сихъ поръ достовѣрно неизвѣстно, есть ли у губокъ нервныя кѣлочки.

Впрочемъ, какъ бы сильно *Suberites* ни чувствовала ранъ, принимаемыхъ ей ея нахлѣбникомъ, она все равно не можетъ ни уйти отъ него, ни защититься. Другой нахлѣбникъ той же *Suberites*, морской крабъ-бѣгунъ (*Dromia*) придумалъ очень остроумный способъ пользоваться губкой, хотя и для нѣсколько иныхъ цѣлей. Этотъ ракъ, достигающій полутора вершковъ длины, ведетъ довольно подвижную жизнь; еще въ молодости, когда онъ имѣетъ незначительные размѣры, онъ, ползая по дну, отыскиваетъ молодую небольшую губку, очень искусно отрываетъ ее отъ того предмета, на которомъ она растетъ, и беретъ ее къ себѣ на спину; на спинѣ онъ поддерживаетъ ее задними парами своихъ ногъ, которыя у него, какъ и у многихъ крабовъ, недоразвиты и нѣсколько загнуты на спину. Ракъ путешествуетъ теперь всюду съ губкой на спинѣ. Растетъ онъ, растетъ и губка, и чувствуетъ себя прекрасно, такъ какъ ракъ постоянно переноситъ ее съ мѣста на мѣсто, въ новыя, свѣжіе слои воды. Губка къ нему не прироста, но, благодаря тому, что она постоянно касается его спины, на нижней поверхности ея получается удивительно точный отпечатокъ рачьей спины, которая вся покрыта глубокими вдавленіями и неровностями. Такимъ образомъ, ракъ пользуется губкою, какъ щитомъ, каждую минуту готовый спрятаться подъ нее въ случаѣ опасности, увѣренный въ томъ, что на губку никто не позарится. И дѣйствительно, онъ не ошибается, такъ какъ до сихъ поръ извѣстно, что изъ животныхъ только раки-отшельники (*Pagurus*'ы), живущіе въ пустыхъ раковинахъ морскихъ улитокъ, не брезгаютъ губками. Бѣдные прибрежные жители Италіи ѣдятъ, кажется, всякихъ морскихъ животныхъ, которыхъ только въ состояніи переносить человѣческій организмъ. Ихъ «frutti di mare», плоды моря, состоятъ изъ всякой всячины: тутъ и червяки, и ракушки, и слизняки, всякая мелочь. Однако, только далматійскіе рыбаки, вѣроятно, самые неприхотливыя, рѣшаются ѣсть одну хрящевую губку (*Chondrosia*). Должно быть, губки или вслѣдствіе своего колющаго скелета, или, можетъ быть, благодаря особому вкусу, о которомъ мы, разумѣется, не имѣемъ яснаго представленія, не привлекаютъ къ себѣ хищниковъ. Во всякомъ случаѣ, весьма

многія изъ нихъ обладаютъ специфическимъ, непріятнымъ запахомъ. Одна, на примѣръ, сѣверная губка, *Suberites Glasenappii*, имѣющая видъ сѣраго шарика, обладаетъ такимъ сильнымъ, непріятнымъ по своей рѣзкости, чесночнымъ запахомъ, что ее уже издали можно узнать по нему.

Та самая *Suberites dumuncula*, на которую нерѣдко нападаетъ ракъ-отшельникъ, часто, однако, сожительствуетъ съ нимъ, т.-е., вѣрнѣе говоря, растетъ на тѣхъ раковинахъ, въ которыхъ поселяется и таскаетъ съ собою ракъ-отшельникъ. Для того, чтобы знать, какимъ образомъ *Suberites* попадаетъ на подвижную раковину, надо познакомиться вообще со способами распространенія губокъ. Дѣйствительно, вамъ можетъ показаться непонятнымъ, какимъ образомъ губки распространяются изъ одного мѣста въ другое, если онѣ не обладаютъ способностью къ передвиженію.

Правда, у нѣкоторыхъ губокъ замѣчены произвольныя сокращенія тѣла, но такое сокращеніе не вызываетъ перемѣщенія. Оно обусловлено, на примѣръ, способностью нѣкоторыхъ губокъ сокращать свои каналы. Старые наблюдатели, вѣроятно, по довѣрію къ рассказамъ рыбаковъ-губколововъ, предполагали, что губки вообще могутъ сильно сокращаться, если ихъ потревожить; даже увѣряли, что потревоженную губку труднѣе оторвать отъ грунта, на которомъ она держится... Но это—невѣрно. На самомъ дѣлѣ очень немногія губки способны сокращаться и то весьма незначительно. Въ этомъ отношеніи заслуживаетъ вниманія шарообразная губка еетида (*Fethya*), которая въ теченіи нѣсколькихъ, немногихъ часовъ можетъ совершенно измѣнить свой видъ и превратиться изъ гладкой въ покрытую сосочками. Наша бадяга, если она растетъ въ видѣ деревца, можетъ медленно измѣнять свою форму; однако, до свободныхъ перемѣщеній еще далеко. Вообще можно сказать, что губка въ зрѣломъ возрастѣ не можетъ произвольно переползти съ одного мѣста на другое. Она можетъ быть перенесена въ это время только водою. При разливѣ рѣка далеко можетъ унести прикрѣпленную на небольшомъ камнѣ или обломкѣ дерева бадягу; точно также прибрежныя морскія губки, часто растущія не на камняхъ, а на илу, сильными прибойными волнами могутъ срываться и переноситься въ другое мѣсто; наконецъ, тѣ губки, которыя растутъ на живыхъ раковинахъ или на другихъ какихъ-либо животныхъ, могутъ переноситься изъ одной мѣстности въ другую этими животными... Если бы перечислить даже всевозможные способы пассивнаго переноса губокъ изъ одного мѣста въ другое, то все-таки этого было бы недостаточно для объясненія распространенія губокъ. Однако, дѣло станетъ совершенно понятнымъ, если обра-

тять вниманіе на ихъ развитіе. Оказывается, что нѣкоторыя изъ тѣхъ свободно ползающихъ внутри студенистаго вещества, блуждающихъ клѣтокъ, о которыхъ мы уже говорили, вырастаютъ до сравнительно значительной величины, такъ что нерѣдко становятся видимыми простыми глазами и превращаются въ яйца губокъ, изъ которыхъ развиваются маленькія свободно-плавающія личинки. Эти личинки, правда, плаваютъ въ водѣ недолго и далеко уплыть не могутъ, но зато достаточно самаго ничтожнаго водянаго теченія, чтобы перенести ихъ на значительныя разстоянія. Такимъ-то образомъ и объясняется во многихъ случаяхъ тотъ весьма интересный фактъ, что мы часто встрѣчаемъ животныхъ, которыя во взросломъ состояніи ведутъ или неподвижный образъ жизни, какъ губки и нѣкоторыя другія, или передвигаются очень медленно, ползкомъ по дну, и которыя расселились въ морѣ отдѣльными оазисами, далеко отстоящими одинъ отъ другого, разбросанными по пути морскихъ теченій; вокругъ оазиса эти животныя не могутъ жить вслѣдствіе неподходящихъ условій для жизни. Какимъ же образомъ они такъ странно расселились? Очевидно, морское теченіе изъ одного первоначальнаго мѣста занесло ихъ—мелкихъ плавающихъ личинокъ—постепенно въ другія мѣстности, оказавшіяся также удобными для ихъ дальнѣйшаго развитія.

Личинка губки, выплывшая на свѣтъ Божій, переносится водою на большое разстояніе, опускается на дно и садится на какой-нибудь подводный предметъ, выбирая мѣсто соответственно образу жизни своей матери. Тутъ она расстегъ, вырабатываетъ внутри себя скелетъ и скоро превращается во взрослую губку, личинки которой, въ свою очередь, понесутся морскимъ теченіемъ дальше. Надо замѣтить, что губки растутъ, вообще, довольно быстро. Такъ, наблюдали, что одинъ сиконъ (*Sycop*) въ двѣ недѣли выросъ на полтора дюйма (эта губочка, вообще, рѣдко бываетъ больше полутора дюймовъ); затѣмъ, для полнаго роста одной еетиды (*Fethya*) потребовался одинъ мѣсяць. Конечно, тѣ губки, которыя достигаютъ сравнительно большой величины, для своего роста требуютъ и больше времени. Какъ ростъ каждаго животного, такъ и ростъ каждаго вида губокъ—ограниченъ. Онъ не можетъ переступить извѣстныхъ предѣловъ, но многія губки могутъ достигать зрѣлости при различной величинѣ. Такое колебаніе роста можетъ быть у различныхъ губокъ неодинаково. Оно велико, напримѣръ, у грецкой губки и весьма незначительно у многихъ известковыхъ губокъ.

Говоря о размноженіи губокъ, нельзя не коснуться способности нѣкоторыхъ изъ нихъ размножаться почками, которая состоитъ въ

томъ, что отъ тѣла губки отдѣляется небольшой участокъ или комочекъ, такъ-называемая почка, разрастающаяся затѣмъ въ новую губку. Такое отдѣленіе почекъ замѣчается, напримѣръ, постоянно у еетиды (*Fethya*) и въ некоторыхъ другихъ. Особенно оно интересно у одной слизистой губки, названной по имени известнаго ученаго, занимавшагося губками, оскареллей (*Oscarella*). У нея изъ тѣла образуются маленькіе полые выросты, которые отдѣляются затѣмъ отъ тѣла въ видѣ плавающихъ пузырей. Такіе пузыри, пока они не опустятся на дно, могутъ, какъ личинки губокъ, переноситься съ мѣста на мѣсто морскими течениями.

Прѣсноводныя губки, т.-е. бадяги, обладаютъ еще однимъ способомъ размноженія. Онѣ при обыкновенныхъ условіяхъ не живутъ больше одного лѣта. Съ наступленіемъ осеннихъ холодовъ сама бадяга умираетъ, а перезимовываютъ только тѣ, свободно ползающія внутри студенистаго вещества тѣла губокъ, похожія на амѣбъ, клѣтки, о которыхъ мы говорили при разсмотрѣніи строенія губокъ. Онѣ къ осени собираются по нѣскольку вмѣстѣ, образуя, такимъ образомъ, отдѣльные комочки, которые носятъ названіе почечекъ (*gemula*),—названіе, данное имъ еще тогда, когда происхожденіе ихъ не было изучено; на самомъ же дѣлѣ почечки бадяги совершенно не соотвѣтствуютъ почкамъ еетиды, оскареллы или другихъ губокъ, такъ какъ почки послѣднихъ представляютъ часть тѣла губки и въ образованіи ихъ участвуютъ различные роды клѣтокъ, тогда какъ почечки бадяги состоятъ, какъ мы видѣли, только изъ одного рода клѣтокъ, такъ что ихъ скорѣе можно было бы назвать зимними яйцами бадяги. Такія почечки окружаются каждая особой оболочкой или капсулой изъ своеобразныхъ по формѣ кремневыхъ тѣлецъ; онѣ остаются до весны безъ всякаго дальнѣйшаго развитія, но съ наступленіемъ теплыхъ дней, когда вода достаточно нагрѣется, изъ каждой почечки развивается новая бадяга. Такимъ образомъ, лѣтомъ въ тѣлѣ бадяги развиваются яйца и размноженіе происходитъ посредствомъ свободно плавающихъ личинокъ; осенью же появляются почечки.

Это явленіе находится въ прямой зависимости отъ наступленія неблагоприятныхъ условій жизни. Неглубокіе прѣсноводные бассейны во время зимы обыкновенно промерзаютъ до дна; животныя, водящіяся въ нихъ, должны такъ или иначе защитити себя отъ холода: моллюски, черви, нѣкоторые раки—закапываются глубоко въ илъ; тѣ же животныя, которыя почему-либо не могутъ послѣдовать примѣру первыхъ,—это въ особенности низшія животныя,—выдѣляютъ вокругъ своего тѣла толстыя оболочки, какъ ихъ называютъ—цисты, если хотите,—родъ зимняго платья, шубы.

Совершенно иное дѣло—размноженіе настоящими почками у другихъ губокъ. Такого рода размноженіе у губокъ и многихъ низшихъ животныхъ наблюдается не при ухудшеніи условій жизни, а наоборотъ, при наступленіи хорошихъ условій.

Такое, такъ сказать, произвольное почкованіе замѣчено только у нѣкоторыхъ губокъ; однако, соблюдая извѣстныя предосторожности, можно всякую губку разрѣзать, раздѣлить на нѣсколько кусковъ и каждый такой кусокъ будетъ продолжать жить, расти и возстановлять отдѣленныя отъ него части. Въ этомъ, въ сущности, нѣтъ ничего удивительнаго, такъ какъ мы знаемъ, что такую же способностью обладаютъ весьма многія животныя. Всякій, напримѣръ, можетъ продѣлать подобный опытъ съ дождевымъ червемъ: разрѣзать его поперекъ на нѣсколько кусковъ, изъ которыхъ каждый не только будетъ продолжать жить, но,—хотя и медленно,—вырастетъ въ новаго червя. А вѣдь земляной червякъ по своей организаціи стоитъ гораздо выше губокъ... Эта, такъ называемая, способность къ возстановленію, которою губки одарены въ высокой степени, замѣчена уже давно и опытный ловецъ губокъ при сборѣ ихъ не срѣзаетъ основанія, изъ котораго вырастетъ со временемъ новая губка, какъ изъ корневыхъ трубочекъ гриба вырастаетъ новый грибокъ. Такъ какъ грецкая губка представляетъ довольно цѣнный предметъ торговли, то были попытки воспользоваться способностью губокъ къ возстановленію для искусственнаго разведенія грецкой губки.

Два изслѣдователя, Оскаръ Шмидтъ и Букцигъ, пытались устроить такую губочную плантацію возлѣ острова Лезины. Около этого острова грецкія губки растутъ вообще прекрасно. Губки разрѣзались острымъ ножомъ на куски, приблизительно, въ 26 миллиметровъ и такіе куски прикрѣплялись деревянными иголочками къ кускамъ дерева или камнямъ, погруженнымъ на пять или семь метровъ глубины въ мѣстахъ съ каменистымъ дномъ, покрытымъ водорослями. Илистый грунтъ оказался совершенно непригоднымъ, такъ какъ губки покрывались имъ и гнили; на каменистомъ же грунтѣ черезъ три-четыре недѣли куски губокъ принимались расти, т.-е. приростали къ камнямъ или дереву, на которые они были припилены. Однако, только черезъ семь лѣтъ они выросли до такой величины, что ихъ можно было собирать для продажи. Эта попытка показала, что устройство искусственныхъ губочныхъ плантацій вполне возможно, но сопряжено съ такими затрудненіями, что требуетъ въ началѣ большихъ затратъ. Нѣтъ сомнѣнія, что въ будущемъ, если спросъ на губку не уменьшится, вопросъ объ искусственномъ разведеніи губокъ будетъ имѣть большое значеніе

для побережьевъ Средиземнаго моря. Мы говоримъ «если спрось на губку не уменьшится»—потому, что въ настоящее время замѣтно, что натуральная губка, представляя болѣе дорогой продуктъ, во многихъ случаяхъ вытѣсняется изъ употребленія болѣе дешевою, такъ-называемою, растительной губкой, или резиновой—искусственной. Съ первую вы, можетъ быть, знакомы; она извѣстна у насъ въ продажѣ уже болѣе шести лѣтъ подъ названіемъ люффы. Это—ничто иное, какъ сплетеніе растительныхъ упругихъ волоконъ, образующихся внутри плода особаго рода тыквы. Одинъ видъ такихъ тыквъ привезенъ изъ Китая и Остъ-Индіи (*Luffa acutangula* Ser.), гдѣ его незрѣлые плоды, похожіе на огурцы, употребляютъ въ пищу, другой—изъ Сѣверной Африки (*Luffa aegyptiaca* Mill.). Созрѣвшій плодъ люффы очищаютъ отъ жесткой кожуры, а сердцевину промываютъ отъ сѣмянъ, сушатъ и бѣлятъ. Заграницей, гдѣ со свойствами ея и употребленіемъ познакомились въ семидесятыхъ годахъ, она стóитъ сравнительно очень дешево; такъ, напримѣръ, въ Парижѣ цѣльный большой сухой плодъ люффы стоитъ на наши деньги 14 копеекъ. Однако, вернемся къ настоящей роговой губкѣ.

Употребленіе роговыхъ губокъ въ домашнемъ обиходѣ ведетъ свое начало съ глубокой древности; нельзя сказать, когда именно люди познакомились и воспользовались драгоценнымъ свойствомъ ея скелета жадно впитывать въ себя воду. Извѣстно, что она употреблялась уже очень давно:

- «...глашатаю, стою учреждая,
 «Виѣстѣ съ рабами проворными бѣгали: тѣ наливали
 «Воду съ виномъ въ пировыя кратеры, а тѣ *ноздреватой*
 «Губкой омывши столы, ихъ сдвигали...»—

такъ уже Гомеръ описываетъ (Одиссея, 1-я пѣснь) приготовленіе къ одному пиру. Позднѣе, греческіе воины, пользуясь эластичностью губки, подкладывали ее подъ латы въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ металлическіе доспѣхи могли натирать кожу... Губка употреблялась также раньше и въ медицинѣ, съ чѣмъ насъ знакомитъ въ своей книгѣ писатель I-го вѣка по Р. X.—Диоскоридъ; впрочемъ, не такъ давно еще врачи употребляли жженую губку («*Spongia usta*») при болѣзни зоба; однако, въ настоящее время значеніе ея въ медицинѣ совсѣмъ пало, если, разумѣется, не считать употребленіе бадяги нашими крестьянами, о чемъ я уже говорилъ мимоходомъ.

Спросъ на губку давно уже вызвалъ по берегамъ Средиземнаго моря цѣлыя поселенія, жители которыхъ занимаются исключительно ловомъ губокъ. На одномъ изъ островковъ возлѣ Родоса

еще недавно строго соблюдался, а, можетъ быть, соблюдается и по сейчасъ, обычай, по которому дѣвушки и юноши не могутъ вѣнчаться, не наловивши до того опредѣленнаго количества губокъ. Если вспомнить, что добыча и продажа губокъ—единственный заработокъ мѣстныхъ жителей, то такой обычай вовсе не покажется страннымъ, такъ какъ количество добываемыхъ губокъ показываетъ, могутъ ли прокормить сами себя молодые.

Благодаря способу, которымъ жители этого островка добываютъ губки, именно, нырянію—можно, конечно, представить, какихъ искусныхъ пловцовъ создаетъ такой обычай! Добыча губокъ ныряніемъ—нелегка и требуетъ большого опыта. Одинъ французскій наблюдатель, Ламираль, познакомилъ насъ съ такимъ ловомъ губокъ, происходящимъ у Сирійскихъ береговъ. Съ первыми лучами восходящаго солнца лодка губколововъ выѣзжаетъ на работу. Въ ней сидятъ обыкновенно четверо рабочихъ-водолазовъ и одинъ помощникъ-мальчикъ. Прибывъ на мѣсто лова, они становятся на якорь и сейчасъ же принимаются за работу. Для этого, по очереди каждый рабочій, сотворивъ молитву и присѣвши на корточки на борту лодки, беретъ въ руки тяжелый кусокъ бѣлаго известняка, обязаннаго длиною веревкой, свободный конецъ которой держать въ рукахъ помощникъ-мальчикъ; затѣмъ, набравши нѣсколькими вздохами побольше свѣжаго воздуха въ свои легкія и вытянувъ руки съ камнемъ впередъ, онъ бросается черезъ бортъ въ море впередъ головою. Обыкновенно водолазъ можетъ пробыть подъ водой при глубинѣ въ 80 метровъ три минуты; однако, къ концу лѣта, благодаря постоянной практикѣ, онъ выдерживаетъ нерѣдко и четыре минуты. Дерганіемъ за веревку, привязанную къ камню, водолазъ подаетъ знакъ къ вытаскиванію себя и нерѣдко послѣ такой подводной экскурсіи—изъ ушей, носа и рта уставшаго губколова выступаетъ кровь. Каждый рабочій успѣваетъ въ продолженіи часа нырять не болѣе двухъ разъ. Послѣ полудня, между двумя и тремя часами, измученные рабочіе, ничего неѣвшіе съ ранняго утра, потому что для успѣшности нырянія выѣзжаютъ натощакъ,—возвращаются къ берегу. При тихой погодѣ, при средней глубинѣ и на хорошемъ мѣстѣ, каждый водолазъ добываетъ въ день отъ пяти до восьми губокъ. Поэтому мы можемъ судить, что этотъ промыселъ далеко не изъ прибыльныхъ.

Менѣе тяжелый способъ лова губокъ употребляютъ далматійскіе и истрійскіе рыбаки: они не ныряютъ, а достаютъ губки со дна моря особыми четырехъ-зубчатыми вилами на очень длинной палкѣ; каждый зубецъ такой вилы имѣетъ видъ копыя или остроги, такъ что проколота губка не можетъ ужъ соскочить съ нея.

Иногда же, если позволяет морское дно, употребляют для ловли губокъ и неводъ. Добывать губки остройгой можно только на мелкихъ мѣстахъ и при тихой водѣ; при незначительномъ волненіи рыбаки поливаютъ на воду масло или жиръ, которые, образуя на поверхности воды тонкую, вязкую пленку, сглаживаютъ небольшую рябь, мѣшающую ясному видѣнію контуровъ подводныхъ предметовъ. При вѣтрѣ, однако, масло оказывается недостаточнымъ; тогда употребляютъ особыя ведра безъ дна, которыя погружаютъ однимъ концемъ въ воду, а черезъ другой смотрятъ вглубь: вода внутри ведра, защищенная отъ вѣтра, остается гладкою.

Такимъ образомъ, каждый способъ лова губокъ имѣетъ свои неудобства, почему и попятны попытки устройства искусственныхъ губочныхъ плантацій. Мы видѣли, что устройство такихъ плантацій встрѣтило много затрудненій. Еще до опытовъ Оскара Шмидта французское «Общество акклиматизаціи животныхъ» сдѣлало попытку развести хорошую породу сирийскихъ губокъ около южныхъ береговъ Франціи, но опытъ окончился неудачей. Дѣйствительно, мы до сихъ поръ не знаемъ ясно причинъ, которыя обусловливаютъ мельчайшія различія между губками, принадлежащими къ одному и тому же виду, но растущими въ различныхъ мѣстахъ Средиземнаго моря. Напримѣръ, различаютъ не менѣе шести сортовъ обыкновенной грецкой губки, *Euspongia officinalis*, которая растетъ въ Адриатическомъ морѣ и въ восточныхъ частяхъ вообще Средиземнаго моря. Большинство сортовъ грецкой губки сразу различить только опытный глазъ торговца губками; зоологъ же, въ большинствѣ случаевъ, не рѣшится признать ихъ за разновидности: даже тонкое изслѣдованіе не позволяетъ замѣтить тѣхъ особенностей, отличающихъ одинъ сортъ отъ другого, которыя бросаются въ глаза торговцу; эти особенности настолько незначительны, что онѣ только чувствуются, но не поддаются точному описанію. Конечно, крайніе сорта легко различаются; такъ, напримѣръ, не трудно отличить водящуюся по берегамъ Малой Азіи тонкую ливантійскую или сирийскую губку, имѣющую правильную форму бокальчика, отъ далматійской, которую ловятъ у береговъ Далмаціи; но крайнія формы всегда связаны переходными, и вотъ эти - то переходныя формы можетъ отличить только торговецъ. Опытный купецъ, рассмотрѣвъ данную ему губку, всегда въ состояніи опредѣлить, гдѣ она поймана, такъ какъ большинство сортовъ грецкой губки встрѣчается всегда въ опредѣленномъ мѣстѣ. Поэтому, едва ли можно надѣяться какой-нибудь сортъ губки переселить изъ ея отечества въ другое мѣсто. Вообще, можно сказать, что самая ничтожная разница въ физическихъ

условіяхъ мѣста достаточна для того, чтобы наложить особый отпечатокъ на организмы, населяющія его, хотя бы это были тѣ же самые виды, которые обитаютъ и въ сосѣднихъ мѣстахъ. Доказательство этому мы встрѣчаемъ на каждомъ шагѣ; но мы возьмемъ примѣръ опять изъ губокъ: въ Адриатическомъ морѣ во многихъ мѣстахъ растутъ два сорта, такъ называемой, лошадиной губки (*Hippospongia equina*); эту губку вы, безъ сомнѣнія, знаете, такъ какъ это та самая—съ большими ноздрями, темнаго цвѣта губка, которая употребляется при стираниіи мѣла съ классной доски; одинъ сортъ ея растетъ на болышей глубинѣ, другой же въ тѣхъ-же мѣстахъ, только на меньшей глубинѣ, и вотъ первый-то идетъ въ продажу, а второй, болѣе мелкій, рыбаки обыкновенно даже не берутъ, какъ слишкомъ плохой.

Вообще, большое количество разныхъ сортовъ продажныхъ губокъ представляетъ только мѣстныя разновидности очень немногихъ видовъ. Мы только что говорили объ обыкновенной грецкой губкѣ—*Euspongia officinalis*, которой различаютъ не менѣе шести сортовъ. Также точно и другой видъ грецкой губки, именно губка циммокка (*Euspongia zimосса*), считающаяся хуже предыдущей, подымающейся въ тѣхъ же мѣстахъ Средиземнаго моря, распадается на нѣсколько разновидностей.

Средиземное море, какъ мы видѣли изъ предыдущаго, представляетъ главное мѣсто, которое снабжаетъ губками европейскіе рынки. Однако губки, годныя къ употребленію, ловятся во многихъ южныхъ моряхъ. Такъ, на примѣръ, кромѣ лошадиныхъ губокъ, ловащихся по сѣвернымъ берегамъ Африки и въ Адриатическомъ морѣ, въ Европу часто привозятъ американскую лошадиную губку (*Hippospongia usitatissima*) изъ Вестъ-Индіи.

Для полнаго знакомства съ губкой, намъ остается еще прибавить нѣсколько словъ о томъ, какъ готовятъ ея для торговли, т.-е. какъ отмываютъ ея скелетъ отъ мягкихъ частей тѣла. Свѣжепойманныя губки прежде всего сильно выжимаютъ, а по возвращеніи съ лова ихъ долго мнутъ, чтобы, по возможности, разрушить мягкія части; затѣмъ, продолжительно промываютъ въ прѣсной водѣ и сушатъ. Промывка въ прѣсной водѣ имѣетъ цѣлю не только удаленіе мягкихъ частей, но также уничтоженіе того особаго неприятнаго запаха, о которомъ мы упоминали. Поэтому, плохо промытую губку всегда можно узнать по тяжелому, сырому запаху. Въ такомъ видѣ губколовы продаютъ свой товаръ скупщикамъ. Эти послѣдніе сортируютъ его и бѣлятъ губки хлоромъ. Очистка отъ постороннихъ примѣсей, песка или обломковъ раковинъ заключающихся очень часто въ роговыхъ волокнахъ губки,

обыкновенно не производится, такъ какъ такая очистка уменьшала бы вѣсъ губки, а продается она, какъ вы, вѣроятно, знаете, по вѣсу. Многіе скупщики поэтому не только не очищаютъ вполне губокъ, но, ухитряются еще сами подсыпать въ нихъ песку, увеличивая такимъ образомъ вѣсъ ихъ и обманывая покупателей, которымъ нерѣдко приходится уже самимъ очищать губку отъ подмѣсей. Иногда, впрочемъ, это нетрудно: надо просто положить губку въ крѣпкій уксусъ или уксусную кислоту, разбавленную двумя частями воды, и продержать тамъ ее до тѣхъ поръ, пока не прекратится шипѣніе. Но этотъ способъ хорошъ только тогда, когда примѣсь состоитъ изъ извести, если же она является въ видѣ кварцеваго песка, то избавиться отъ него уже нѣтъ возможности, такъ какъ тѣ жидкости, которыя растворяютъ кварцъ, разрушаютъ и роговые волокна скелета губки.

Юл. Вагнеръ.

---

*

МАРИАНА.

Романъ Э. Альгрень.

(ПЕРЕВОДЪ СО ШВЕДСКАГО).

(Продолженіе *).

XI.

На слѣдующій день Павелъ и Маріана чувствовали при встрѣчѣ нѣкоторую неловкость и избѣгали смотрѣть другъ на друга. Затѣмъ нѣсколько вечеровъ кряду Павелъ оставался у себя во флигелѣ до самаго возвращенія Бергера домой, и бесѣды съ Маріаной у камина уже не возобновлялись. Но понемногу натянутость исчезла, возобновились бесѣды, сначала о предметахъ безразличныхъ, потомъ обо всемъ съ той же прежней задумчивостью, и мало-по-малу жизнь въ Темте пошла прежней колеей.

Оказывалось, Маріана не имѣла ни малѣйшаго понятія о прошломъ Бергера, и объ его отношеніяхъ къ родственникамъ, что Павла не мало удивляло. Какъ-то разъ онъ позволилъ себѣ даже замѣчаніе по этому поводу, и выказалъ особенное недоумѣніе по поводу незнакомства Маріаны съ ея свекровью.

— Самъ Бергеръ, сколько я знаю, никогда не думаетъ о своей матери, — возразила Маріана равнодушно.

Павелъ только развелъ руками.

— Что вы говорите? — сказалъ онъ. — Бергеръ пишетъ ей еженедѣльно.

— Не можетъ быть.

— Увѣрю васъ. И это онъ дѣлалъ всегда, какъ только бывалъ въ разлукѣ съ матерью.

---

*) См. «Міръ Божій», № 5.

— Не понимаю, о чемъ онъ ей можетъ писать!—удивилась Маріана.—Я пишу своимъ роднымъ всего разъ въ мѣсяць, и то приходится ломать голову, чтобы найти о чемъ писать. Вѣдь у насъ совсѣмъ не бываетъ никакихъ проществій.

— Когда люди между собой въ такихъ сердечныхъ отношеніяхъ, какія всегда были между Бергеромъ и его матерью, у нихъ всегда найдется, о чемъ говорить другъ съ другомъ.

— Но вѣдь она простая мужичка?

— Это рѣдкая личность. Бергеръ во всемъ напоминаетъ ее, а, въ нравственномъ отношеніи, она еще сильнѣе и выше его.

Маріана ничего не возразила. Этотъ предметъ не интересовалъ ея.

— И такъ, вы ничего о нихъ не знаете?— снова заговорилъ Павелъ.—Вамъ неизвѣстно даже и то, что отецъ Бергера сильно пилъ?

— Нѣтъ...

— Да, онъ пилъ и бывалъ очень грубъ. Подъ старость этотъ порокъ развился въ немъ такъ, что имѣніемъ, семьей— всѣмъ заправляла старуха. Онъ сталъ совсѣмъ полоумнымъ. А вѣдь смолоду это былъ толковый, работающій человѣкъ... Знаете ли, что мнѣ приходитъ въ голову? Я думаю, что отвращеніе Бергера къ спиртнымъ напиткамъ зависитъ именно отъ того, что онъ насмотрѣлся на порокъ отца и, вѣроятно, опасается наслѣдственной склонности.

Маріана содрогнулась.

— Неужели вы это допускаете?

Въ самомъ дѣлѣ, можно ли было допустить, чтобы этотъ спокойный, всегда такой уравновѣшенный, Бергеръ переживалъ внутреннюю борьбу!

— Не только допускаю, но совершенно въ этомъ увѣренъ,—отвѣтилъ Павелъ.— Онъ потому и ненавидитъ водку, что чувствуетъ къ ней страшное влеченіе. И какое это для него искушеніе! Вы вѣдь знаете, какъ ему обыкновенно трудно выражаться. А вѣдь стоитъ ему выпить рюмки двѣ, чтобы онъ точно переродился: онъ становится тогда веселъ, игривъ, общителенъ, почти краснорѣчивъ... Какъ соблазнительно должно быть для него такое душевное облегченіе!

— Но въ такомъ случаѣ, почему же бы ему не допускать...

— А опасеніе врожденной страсти? Притомъ, Бергеръ любитъ всегда владѣть собой и питаетъ отвращеніе ко всему произвольному, а въ дѣйствіяхъ опьяненнаго человѣка сплош-

ная безотчетность. Бергеръ—олицетвореніе самоотвѣтственности и всегда хозяинъ въ собственной душѣ. Это-то въ немъ такъ и плѣнительно! За эту-то душевную силу я и поклоняюсь ему!

Маріана посмотрѣла на Павла съ недоумѣніемъ. Говорить о поклоненіи Бергеру.. Какая нелѣпость!

— Господи!—вскричалъ Павелъ, замѣтивъ ея недоумѣніе. — Да неужели же вы думаете, что я удивляюсь только его физической силѣ? Или только его спокойствію? Нѣтъ, онъ унаслѣдовалъ отъ матери большой умъ... Въ немъ рѣдкое благородство, величіе души, онъ умѣетъ подавлять въ себѣ то, что, досталось ему въ духовное наслѣдіе отъ отца! Неужели вы думали, что деликатность въ обращеніи досталась ему даромъ? Попробуйте-ка его рассердить, и увидите, что ему будетъ стоять страшныхъ усилій, чтобы обуздать въ себѣ природнаго звѣря и не прибѣгнуть къ насилію. Но у него большое самообладаніе, и потому онъ рѣдко сердится и не скоро прощаетъ обиды. Я восторгаюсь такими людьми. Впрочемъ, ко мнѣ онъ слабъ. Чего только не простилъ бы мнѣ мой сильный добрый, честный Бергеръ!..

Онъ умолеъ и нѣкоторое время тихонько улыбался. Но вдругъ онъ поднялъ голову и сказалъ:

— Не понимаю, какъ это вы до сихъ поръ не поняли его. Мнѣ пришлось обратить вниманіе на множество мелкихъ обстоятельствъ, и я пришелъ къ заключенію, что вы просто-на-просто считаете его какимъ-то ничтожествомъ.

— Но развѣ же онъ не ничтоженъ?

— Да вовсе же нѣтъ!—вскричалъ онъ горячо. — Въ сущности, у него способности—лучше чѣмъ у меня, а вдобавокъ, сила воли, которой у меня нѣтъ. Вы думаете, онъ не честолюбивъ? Честолюбивъ, и очень, но у него честолюбіе-то совсѣмъ особаго рода. Онъ не хочетъ оставлять своего мѣста среди народа, и подождите, онъ еще будетъ большимъ человекомъ въ нашей странѣ! Такіе характеры имѣютъ огромное вліяніе на массу. Развѣ вы не видите, какимъ авторитетомъ среди крестьянъ онъ пользуется уже теперь?

— Вы просто невыносимы съ вашими преувеличеніями!—возразила Маріана.—Что въ томъ, что старые мужики прибѣгаютъ къ нему за совѣтомъ? Честолюбіе! У него! Ха, ха, ха!

— Нѣтъ, Маріана, вы неправы, и я нисколько не преувеличиваю. Я не знаю, захочетъ ли Бергеръ играть политическую роль, но что онъ будетъ однимъ изъ тѣхъ людей, чье

слово имѣть вѣсь для населенія всей страны, особенно, когда дѣло зайдетъ о направленіи симпатій и антипатій народа, въ этомъ ужъ вы можете быть увѣрены. И замѣтите, что такимъ имѣніемъ, какъ Темте, не управляютъ безъ администраторскихъ способностей. Сколько людей въ полной зависимости отъ него! А вѣдь все идетъ ровнымъ ходомъ, какъ часовой механизмъ. Будь я женщиной, я почелъ бы за честь стоять рядомъ съ такимъ человѣкомъ и помогать ему въ такой полезной дѣятельности.

Маріана надула губки. Ей никогда не нравилось, когда Павелъ, съ свойственнымъ ему увлеченіемъ, расхваливалъ Бергера. Она принимала это, какъ бы за упрекъ себѣ. Павелъ отлично замѣтилъ ея недовольный видъ, но не обратилъ на это никакого вниманія и продолжалъ говорить такъ же восторженно:

— Иногда Бергеръ бываетъ и неласковъ... Ха, ха, ха! Не могу вспомнить безъ смѣха... Знаете, въ тѣ времена, когда у него было много, а у меня очень мало денегъ, ему приходилось иногда оказывать мнѣ крупныя услуги. Но всякій разъ, когда я хотѣлъ поблагодарить его, онъ обрывалъ меня такимъ сердитымъ „гм!“, что слова застывали у меня въ горлѣ. Все это такъ живо мнѣ припоминается, точно это было вчера. Ахъ, мой старый, добрый другъ!

Такия рѣчи выводили Маріану изъ себя, и въ ней загоралась настоящая ревность. Вѣдь Павелъ положительно влюбленъ въ Бергера! Пожалуй, онъ даже предпочитаетъ его ей!

Послѣ ужина друзья любили сразиться въ шахматы. Только теперь Маріана не называла этой игры „идіотскимъ занятіемъ“, и не отворачивалась отъ игроковъ. Наоборотъ, она обыкновенно садилась на диванъ, рядомъ съ мужемъ, и съ интересомъ слѣдила за игрой, позволяя себѣ даже совѣты.

— Скажите пожалуйста!— удивлялся Бергеръ.— Она, кажется, тоже захотѣла научиться играть и мечтаетъ уже о побѣдахъ. Но это бабушка надвое сказала...

Впрочемъ, въ большинствѣ случаевъ онъ такъ увлекался игрой, что и не думалъ ни о Маріанѣ, ни о чемъ-либо другомъ, постороннемъ игрѣ. Запустивъ руки глубоко въ волосы и подпершись локтями, онъ сидѣлъ, уставившись глазами въ доску, и въ состояніи былъ по четверти часа обдумывать каждый ходъ. Напряженіе увеличивалось еще и отъ того, что онъ привыкъ играть съ безобиднымъ аптекаремъ, а капризная, разнообразная тактика Павла положительно сбивала его съ толку.

Зато Павелъ не былъ страстнымъ игрокомъ; онъ бралъ только находчивостью и замѣчательной способностью угадывать намѣренія противника. Свои ходы онъ дѣлалъ быстро, не задумываясь, но къ медленности противника относился терпѣливо, откинувшись на спинку кресла и слѣдя за руками Маріаны, работавшей надъ вышиваньемъ или вязаньемъ.

Однажды, вскорѣ послѣ рождества, друзья, по обыкновенію, сидѣли у шахматнаго столика. Бергеръ занималъ свое обычное мѣсто на диванѣ и сидѣлъ, какъ всегда, опершись локтями о столъ и подперевъ голову обѣими ладонями; возлѣ него была Маріана съ своимъ вышиваньемъ; противъ нихъ—Павель. Свѣтъ лампы ярко освѣщаль группу. Всѣ молчали. Бергеръ обдумывалъ ходъ.

Павель курилъ папиросу, отъ времени до времени поднимая къ губамъ руку и выпуская дымъ тонкими, вьющимися струйками. Отъ нечего дѣлать онъ разсматривалъ Маріану.

Она уже не стѣснялась его взглядовъ. Ея уже больше не беспокоилъ и дымъ его папиросы, по временамъ охватывавшій ее; она полюбила этотъ запахъ, напоминавшій ей, что онъ тутъ, что онъ смотритъ на нее, и продолжала вышивать, не поднимая головы, спокойная и счастливая.

Но вотъ онъ отвернулся, чтобы сдѣлать ходъ, и она воспользовалась удобной минутой взглянуть на него.

Ее охватило какое то блаженное состояніе. Откинувшись на спинку дивана и снова опустивъ взглядъ, она погрузилась въ мечты, и опустила работу на колѣни, поигрывая наперсткомъ, который издавалъ легкіе звуки, всякій разъ, когда она выдергивала изъ него палець. Какъ хорошо было у нея на душѣ! Теперь время могло остановиться—ей уже ничего не нужно отъ будущаго, ничего не жаль въ прошломъ... Для нея существуютъ одно только настоящее и то, что озаряетъ его такимъ свѣтомъ! Что можетъ сравниться съ радостью видѣть *его*, съ сознаниемъ, что она будетъ видѣть его и завтра, и послѣ завтра, и всегда... Этого одного достаточно, даже болѣе чѣмъ достаточно!

Неожиданно для самой себя она подняла глаза и встрѣтилась съ его взглядомъ. Онъ смотрѣлъ на нее пристально, она не опустила глазъ.

Ни одна черта въ ихъ лицахъ не измѣнилась. Но оба почувствовали, что совершаютъ что-то преступное. Можетъ быть, она и отвернулась бы, но онъ роковой властью приковывалъ ея взглядъ, и у нея не оказывалось силъ противостоять ему.

Господи, что она сдѣлала?! Что она сдѣлала, и что онъ подумаетъ о ней!

Эта мысль угнетала и мучила ее невыразимо.

Въ теченіе всего вечера она ни разу не рѣшалась больше взглянуть Павлу въ глаза. Она не взглянула на него даже тогда, когда онъ подошелъ пожелать ей покойной ночи.

На слѣдующій день онъ держалъ себя, какъ всегда, точно ничего особеннаго и не произошло. По обыкновенію, онъ остался въ сумерки у камина, говорилъ о разныхъ пустякахъ и не былъ ни холоднѣе, ни отзывчивѣе обыкновеннаго. Но Маріана была уже не прежняя: молчаливая, робкая, она не смѣла поднять глазъ и сидѣла, какъ парализованная. Даже голосъ у нея измѣнился и сдѣлался какимъ-то страннымъ, беззвучнымъ.

Во время шахматной партіи она заняла свое обычное мѣсто, но уже не поднимала глазъ и шила съ рѣдкимъ прилежаніемъ. Ея точно и не было въ комнатѣ.

Павель замѣтилъ еще, что глаза у нея были красны и что нѣсколько разъ слезы готовы были покатиться на работу.

Еще день прошелъ все въ такомъ же настроеніи. Она была такая же убитая. Бергеру она объяснила свое состояніе головной болью. Павель попытался развеселить ее, но это не удалось.

У камина онъ долго не появлялся. Угли уже стали погасать, и она рѣшила, что сегодня его, видно, не будетъ. Но вечеромъ онъ придетъ, и она воспользуется удобнымъ случаемъ, чтобы разубѣдить его. Она докажетъ, что ея взгляды...

— Маріана!

Она вздрогнула. Онъ стоялъ возлѣ нея.

— Маріана, почему вы меня избѣгаете?

Его голосъ звучалъ какъ-то торопливо, прерывисто, точно онъ только-что прибѣжалъ издалека. Притомъ она испугалась его неожиданнаго появленія. Сердце билось съ такой силой, что захватывало духъ, и она долго не могла отвѣтить на его категорическій вопросъ. Но ей удалось собраться съ силами.

— Я вовсе не избѣгаю васъ,—прошептала она.

— Не будемте спорить о словахъ, Маріана. Я вовсе не хочу сказать, что вы уклоняетесь отъ встрѣчи со мной, и все-таки вы меня избѣгаете.

Онъ тяжело опустился на стулъ и посмотрѣлъ на нее съ

такимъ выраженіемъ, точно ожидалъ отъ нея извиненій. Но она не отвѣтила ни слова и не поднимала глазъ.

— Вправѣ ли вы такъ относиться ко мнѣ?— снова заговорилъ онъ.— Развѣ я когда-нибудь былъ назойливъ? Развѣ я былъ грубъ и оскорбилъ васъ? Развѣ у васъ есть хоть малѣйшій поводъ сердиться на меня?

Онъ говорилъ съ такимъ убѣжденіемъ, точно въ самомъ дѣлѣ былъ обиженъ и требовалъ только одной справедливости. Настойчиво и твердо онъ повторилъ:

— Скажите по совѣсти, виновенъ ли я передъ вами въ чемъ бы то ни было? Впрочемъ, вы обдумаете это, когда меня уже здѣсь не будетъ... Я не хочу быть вамъ въ тягость.

Онъ всталъ и рѣзко повернулся, чтобы уйти.

Не думая о томъ, что она дѣлаетъ, и стараясь только удержать его, она схватила его за руку.

— Простите меня, Павелъ!— вскричала она.— Не сердитесь на меня. Простите!..

И, не зная, что еще прибавить, она прижалась лицомъ къ его руцѣ.

Онъ опустился на стулъ, овладѣлъ обѣими ея руками и сказалъ спокойно, точно старый, добрый другъ:

— Благодарю васъ за добрыя слова, Маріана, и пусть все останется попрежнему. Не опасайтесь же меня. Я не опасенъ!

Онъ говорилъ тономъ строгаго учителя, а она слушала какъ провинившаяся дѣвочка-ученица.

Но она ничего подобнаго не замѣчала. Она знала только одно, что онъ не уѣзжаетъ, и радость подавляла все остальное. Теперь она уже смѣло смотрѣла на него, и глаза у ней сіяли счастіемъ.

— Я васъ нисколько не опасуюсь,—проговорила она.— Я только...

— Ни слова больше!— остановилъ онъ ее съ шутливымъ ужасомъ.

Маріана привусила губы и покраснѣла, но продолжала улыбаться.

— Есть вещи, о которыхъ лучше не говорить, Маріана!— прибавилъ онъ наставительно.

Въ его голосѣ звучали какія-то новыя, молодыя ноты, какихъ она прежде еще отъ него не слыхивала. И въ глазахъ сверкала огонь, какового не бывало въ нихъ прежде...

Маріана была вполнѣ счастлива,— болѣе чѣмъ счастлива.

Могло ли быть на свѣтѣ что-нибудь лучше того, что ни онъ, ни она не называли по имени, но что оба они сознавали гораздо лучше, чѣмъ если бы проговорили объ этомъ цѣлые годы?

Маріана сидѣла прямо противъ огня, со сложенными на колѣняхъ руками, мягко освѣщенная вспыхнувшимъ среди углей огонькомъ. Онъ наклонился и заглянулъ ей въ лицо; она только улыбнулась, не отрывая взгляда отъ огня.

Какъ она развилась за послѣдніе два дня! И въ лицѣ у нея было больше выраженія и жизни. Только теперь онъ уловилъ своеобразную прелесть этого лица. Получалось впечатлѣніе чего-то мягкаго, нѣжнаго...

Онъ подавилъ въ себѣ загорѣвшееся чувство и сталъ разговаривать о чемъ попало. Все было какъ всегда, только голоса у нихъ звучали нѣсколькими нотами ниже...

Когда пришелъ Бергеръ, оба занялись имъ, избѣгая обращаться другъ къ другу и стараясь не встрѣчаться взглядомъ. Маріана чувствовала небольшое, но счастливое, смущеніе, которое придавало ей особенную миловидность. Павелъ урядкой и съ восторгомъ поглядывалъ на нее, но, вообще, относился въ этотъ вечеръ къ шахматамъ съ бѣльшимъ вниманіемъ, чѣмъ когда-либо.

Когда стали прощаться, Бергеръ отошелъ закурить потухшую сигару, а Павелъ подошелъ къ Маріанѣ. Она подала руку, какъ всегда, но онъ на этотъ разъ не ограничился легкимъ пожатіемъ, а задержалъ ея руку въ своей, и улыбнулся. Ихъ взгляды опять встрѣтились... Рукопожатіе становилось все крѣпче, горячее... И когда онъ, наконецъ, выпустилъ ея руку и ушелъ, она направилась въ свою спальню опьяненная этой нѣмой сценой.

Съ этого дня между ними установились какія-то таинственныя отношенія. Ни разу ни онъ, ни она не обмолвились о любви не однимъ словомъ. Но на своемъ безмолвномъ языкѣ они говорили о многомъ...

Нельзя, однако, сказать, чтобы они относились другъ къ другу съ полнымъ довѣріемъ.

Павелъ изо всѣхъ силъ старался открыть въ прошломъ Маріаны какую-нибудь тайну. Его лучшимъ развлеченіемъ было прочитывать (разумеется, съ разрѣшенія Маріаны) ея письма раньше ея самой. Онъ дѣлалъ это съ удивительнымъ терпѣніемъ и всегда въ ея присутствіи.

Маріану это забавляло, и она отплачивала ему, какъ умѣла.

Когда, напр., Павла приглашали куда-нибудь, а это случалось очень часто, ей доставляло удовольствіе задержать его. И тогда ему приходилось лгать, выдумывать цѣлыя исторіи, ссориться съ знакомыми только для того, чтобы исполнить ея капризъ.

Все это было такъ неуловимо и, по мнѣнію Маріаны, невинно, что она уже не мучилась никакими угрызениями совѣсти и относилась къ Бергеру съ прежнимъ дружелюбіемъ. Въ душѣ она была ему глубоко благодарна за то, что онъ ни въ чемъ не подозрѣвалъ ея; это снимало съ нея нѣкоторую долю вины. Притомъ любовь къ Павлу не породила въ ней ни малѣйшаго дурнаго чувства къ Бергеру, пожалуй, даже наоборотъ, потому что чувствительность ея крайне обострилась, — такъ что Бергеру невозможно было что-либо замѣтить.

Пере мѣна въ душевномъ настроеніи, и даже въ наружности Маріаны, конечно, не могла остаться имъ незамѣченной. Особенно ему бросалось въ глаза то, что въ ней совершенно исчезла сонливость; самая походка у ней стала легче и живѣе, цвѣтъ лица — свѣжѣе, глаза — темнѣе. Но все это только радовало мужа.

— Вотъ видишь, — говорилъ онъ, — я такъ и зналъ, что ты освоишься съ деревней, какъ только ближе узнаешь наши порядки! А вотъ, когда ты еще интересуешься нашими дѣлами, тогда еще не то будетъ!

Вниманіе, съ которымъ она стала относиться къ шахматной игрѣ, онъ тоже принималъ за хорошей признакъ.

— Погоди, скоро у тебя явится охота самой играть! — торжествовалъ онъ. — И не замѣтишь, какъ эта охота подкрадется...

Маріана только смѣялась. Теперь все ее веселило. О будущемъ она не хотѣла думать: лишь бы Павелъ не уѣзжалъ, остальное безразлично!

А для Павла все это было не болѣе, какъ шутка, новелла въ заманчивомъ французскомъ стилѣ. Конечно, онъ получилъ бы больше удовольствія, если бы характеръ Маріаны былъ оригинальнѣе.

Отъ нечего дѣлать онъ прислушивался ко всѣмъ своимъ побужденіямъ и занимался психологіей. Бывали дни, когда имъ вдругъ овладѣвалъ порывъ благородства, и тогда ему казалось, что, только покинувъ Темте, онъ можетъ съ честью

выпутаться изъ положенія, представлявшагося весьма серьезнымъ. Въ сущности, онъ былъ такъ же безхарактеренъ, какъ и Маріана, и принимать крутыя, рѣшительныя, мѣры было ему несвойственно. Онъ всегда предпочиталъ идти впередъ на авось и довѣряться только случаю да своей счастливой звѣздѣ.

Однажды утромъ Павелъ получилъ дѣловыя письма съ извѣстіями, которыя безусловно требовали его поѣздки на нѣсколько недѣль въ столицу. Когда онъ сообщилъ объ отъѣздѣ Маріанѣ, она замѣтно поблѣднѣла.

Какъ на зло, онъ въ тотъ день былъ отозванъ вмѣстѣ съ Бергеромъ на вечеръ къ сосѣду и никакъ не могъ отдѣлаться отъ приглашенія. Онъ одѣлся пораньше и въ обычное время явился въ гостиную.

Она сидѣла, какъ всегда, на своемъ низкомъ креслѣ передъ каминомъ. Онъ не сѣлся и сталъ молча ходить по комнатѣ.

— Маріана, — сказалъ онъ внезапно, — передъ моимъ отъѣздомъ надо рѣшить вопросъ о моемъ будущемъ. Возвращаться ли мнѣ сюда на лѣто и на будущую зиму?

Она ничего не отвѣтила, но онъ видѣлъ, какъ голова ея опустилась на грудь, и на лицѣ выразилась безпомощность.

— Скажи, желаешь ли ты моего возвращенія?—сказалъ онъ, неожиданно переходя на „ты“.—Я хочу, чтобы ты сама рѣшила...

— Я не могу!—отвѣтила она быстро, съ какимъ-то испугомъ...

— Но ты должна же на что-нибудь рѣшиться?!

— Я не могу, я не въ силахъ... Дѣлай, какъ знаешь!—прошптала она съ непритворной робостью.

Онъ сѣлъ въ кресло противъ нея и наклонился къ ней.

— Какъ ты хороша!—сказалъ онъ.

Сердце забилося у нея въ груди такъ, что она задышалась.

— Ты, можетъ быть, и сама этого не сознаешь?—спросилъ онъ, и усмѣхнулся.

Она оскорбилась и встала, намѣреваясь уйти.

— Нѣтъ, постой! — попросилъ онъ, овладѣвая ея руками. — Вѣдь ты дождешься нашего возвращенія сегодня? Сдѣлай это! Я хочу узнать отъ тебя самой, слѣдуетъ-ли мнѣ вернуться сюда, или нѣтъ. Обдумай хорошенько и дай мнѣ отвѣтъ, когда мы вернемся.

Въ это время раздались шаги проходившаго черезъ залу Бергера, и Павлу пришлось выпустить руки Маріаны, не дождавшись отвѣта.

Когда поздно ночью мужчины пріѣхали домой, лампа, какъ всегда, горѣла въ гостиной, но Маріана не вышла имъ на встрѣчу и, послѣ нѣсколькихъ звонковъ, дверь открыла заспанная служанка.

— Развѣ барыня спитъ?—спросилъ Бергеръ.

— Не знаю,—отвѣтила горничная.—Барыня только предупредила меня съ вечера, чтобы я отперла дверь, когда вы позвоните.

— Все-таки, зайдемъ!—предложилъ онъ Павлу.—Вѣдь лампа горитъ, значитъ, можно.

Служанка повѣсила шубы и удалилась, а мужчины вошли въ комнаты.

Въ гостиной, казалось, никого не было.

„Неужели же она въ самомъ дѣлѣ легла спать?“ — подумалъ Павелъ.—„Это невозможно! Я вѣдь просилъ ее!“

Бергеръ толкнулъ его локтемъ и указалъ на темный уголокъ дивана. Тамъ крѣпко спала Маріана, ноги которой лежали на придвинутомъ табуретѣ, а лицо было спрятано въ подушкахъ дивана.

Бергеръ подошелъ къ ней и тихонько разбудилъ.

— Милая, это мы!—сказалъ онъ, ласково.

Она приподнялась, поморгала на свѣтъ лампы и обѣими руками откинула нависшіе волосы назадъ. Видно было, что она еще не совсѣмъ проснулась. Наконецъ, она проснулась, и лицо ея прояснилось.

— Это вы пріѣхали!—вскричала она.— Кто васъ впустилъ?

— Каринь.

— Да, я вѣдь распорядилась! Я чувствовала, что не въ силахъ дожидаться васъ. Сегодня, какъ хотите, а я не въ состояніи болтать съ вами.

— Я зашелъ только проститься!—сказалъ Павелъ, протягивая руку.—Я уѣзжаю съ раннимъ поѣздомъ и больше уже не увижу васъ.

Вопреки его ожиданіямъ, фраза не произвела на нее особеннаго впечатлѣнія. Она поднялась съ дивана и сказала шутливо:

— По такому торжественному случаю я провожу васъ до лѣстницы! Но большаго не требуйте отъ меня; мнѣ хочется спать.

Они направились въ переднюю, въ которой была только полоса свѣта, падавшего изъ залы, гдѣ стояла лампа.

— Вотъ что еще, Бергеръ!—обратился къ нему Павелъ уже въ передней.—Одолжи мнѣ нѣсколько сигаръ. У меня всѣ вышли, и нечего курить въ дорогѣ.

— Сейчасъ принесу, — отвѣтилъ Бергеръ и пошелъ въ кабинетъ. Черезъ открытую дверь видно было, какъ онъ зажегъ свѣчу и направился съ нею въ спальню, гдѣ стояли его сигары.

Этой минутой воспользовался Павелъ. Его рука обвилась вокругъ талии Маріаны, и онъ прошепталъ, вѣриво прижимая ее къ себѣ:

— Маріана, можно мнѣ вернуться сюда и остаться здѣсь?

Она была испугана его смѣлостью, но въ то же время ее охватилъ порывъ неудержимой радости. И она припала лицомъ къ его груди...

— Говори же!—прошепталъ онъ.

— Мнѣ бы слѣдовало сказать, чтобы ты не возвращался.

— Но ты не въ силахъ связать этого?

— Боже мой, я умираю отъ страха,—вырвалось у нея.

Ей становилось гадко на душѣ, но она приписывала это страху.

— Не бойся,—успокоилъ онъ ее,—наклонился и поцѣловалъ ее. Она вся задрожала.

Въ то же мгновеніе появился Бергеръ съ сигарами...

Друзья пожали другъ другу руки, и Павелъ вышелъ на террасу.

Маріана проводила его долгимъ взглядомъ. При яркомъ свѣтѣ луны она видѣла, какъ онъ быстро прошелъ по двору, а длинная уродливая тѣнь бѣжала за нимъ. Потомъ все скрылось, и только холодный, голубоватый свѣтъ луны продолжалъ освѣщать опустѣвшій дворъ.

Она вздрогнула всѣмъ тѣломъ, и ушла въ свои комнаты.

XII.

Былъ конецъ апрѣля; Павелъ былъ въ отсутствіи уже цѣлыхъ шесть недѣль.

Маріана сидѣла у окна залы съ шитьемъ въ рукахъ.

За эти недѣли она сильно измѣнилась: въ выраженіи лица исчезла прежняя дѣтская безхарактерность, губы были плотно

сжаты, во всѣхъ чертахъ лица выражалась твердая рѣшимость.

Отъ времени до времени она посматривала черезъ очищенную къ лѣту террасу на широкій дворъ. На клумбѣ начинали уже зеленѣть первые ростки травы и цвѣтовъ. Въ сторонѣ, озаренные заходящимъ солнцемъ, темнѣли кусты и деревья, еще не покрытые зеленью, но уже побурѣвшіе и пожелтѣвшіе отъ налившихся почевъ.

Но она смотрѣла на всю эту зарождающуюся жизнь холодно, равнодушно. Казалось, она къ чему-то прислушивалась.

На дворѣ было пустынно, точно всѣ люди повымерли; только цѣпная собака отъ времени до времени глухо позвякивала цѣпью. Съ весной вся суета и жизнь деревни удалась на поля, откуда люди возвращались только вечеромъ.

Но вотъ раздался звукъ колесъ. Неужели это Бергеръ уже вернулся изъ города съ пятичасовымъ поѣздомъ? Но, вѣдь, лошади были въ полѣ и ему пришлось бы идти пѣшкомъ...

Это Павелъ.

Да, теперь она даже видѣла его. Онъ подѣзжалъ на лошадахъ трактирщика и остановился прямо у своего флигеля. Маріана различила веселое и радостное выраженіе его лица, когда онъ обернулся къ дому и съ улыбкой взглянулъ на окна. Но она успѣла отклониться за гардину, такъ что онъ не могъ ее замѣтить...

Онъ нѣсколько разъ писалъ Бергеру, и она знала, что онъ вернется. Но дня возвращенія онъ не назначалъ...

Вотъ его вещи внесли во флигель; затѣмъ онъ и самъ появился на крылечкѣ, расчиталъ ямщика и быстро направился черезъ дворъ къ парадному подѣзду. Сколько счастья, сколько радостнаго ожиданія въ его лицѣ! Онъ видимо поздоровѣлъ, окрѣпъ...

Она попрежнему пряталась за гардину, но сквозь тюль продолжала напряженно слѣдить за каждымъ его движеніемъ. Въ ея взглядѣ въ одно и то же время выражалась и робость, и вражда.

Онъ взбѣжалъ по лѣстницѣ; въ передней раздался звукъ захлопнувшейся за нимъ двери. Она поднялась и обѣими руками ухватилась за маленькій столикъ. Вотъ дверь въ залу распахнулась, и ихъ взгляды встрѣтились.

Какимъ огнемъ, какой радостью свергнули его темные глаза; когда онъ остановился у дверей и крикнулъ:

— Маріана!

При звукѣ его голоса она задрожала съ головы до ногъ. Она совсѣмъ забыла, какое сильное вліяніе имѣлъ на нее этотъ пѣвучій, ласковый голосъ. Казалось, прошло уже много лѣтъ съ тѣхъ поръ, какъ она его слышала...

Онъ приблизился къ ней съ протянутыми руками; было что-то неотразимо увлекательное въ его радостномъ восторгѣ.

— Маріана!

Она стояла, какъ окаменѣлая, и онъ подумалъ, что испугалъ ее неожиданностью своего появленія. Но его голосъ и ласки быстро оживяютъ ее,—въ этомъ онъ былъ увѣренъ!

Смѣясь, сдѣлалъ онъ послѣдніе два шага и вскричалъ радостно, точно сообщалъ восхитительную новость.

— Какъ я скучалъ, какъ тосковалъ, Маріана!

Онъ ликовалъ отъ сознанія, что еще можетъ любить, какъ юноша, любить съ тоской при малѣйшей разлукѣ! Но она попрежнему была точно каменная. Тогда онъ подумалъ, что кто-нибудь есть въ ближайшихъ комнатахъ и вопросительно указалъ на двери.

— Тамъ никого нѣтъ!—проговорила Маріана.

Онъ сдѣлалъ шагъ назадъ. Это былъ совсѣмъ чужой голосъ, котораго онъ никогда еще не слышалъ,—рѣзкій, отчетливый, деревянный, нисколько не похожій на голосъ Маріаны!

Онъ посмотрѣлъ на нее съ изумленіемъ. И вдругъ онъ замѣтилъ, что она похудѣла, что цвѣтъ ея лица утратилъ свѣжесть, что вся она точно постарѣла. Тогда лицо его прояснилось, и на глазахъ показались слезы.

— Понимаю... Ты думала, что я не вернусь!—вскричалъ онъ.—О, милое дитя! Неужели, ты безпокоилась обо мнѣ.

Въ его голосѣ звучали теперь и радость, и слезы, и невыразимая нѣжность.

Даже если бы въ эту минуту дѣло шло объ ея жизни, и тогда Маріана не могла бы произнести ни звука. Горло ея судорожно сжималось. въ груди стоялъ точно камень.

— Но теперь, Маріана, будь весела и покойна. Я вернулся въ тебѣ и останусь здѣсь долго, долго...

Онъ овладѣлъ ея руками.

— Милая,—продолжалъ онъ,— что съ тобой? Я тебя напугалъ.

Онъ обвилъ ея станъ рукой и съ нѣжной заботливостью заглянулъ ей въ лицо, то краснѣвшее, то покрывавшееся мертвенной блѣдностью.

Она освободилась отъ его руки, оттолкнула ее и хотѣла заговорить, но не въ силахъ была сдѣлать этого, и только тяжелѣе прежняго оперлась о століеъ.

— Ты больна, Маріана? Что съ тобою?

Но вотъ она овладѣла собой и заговорила:

— Нѣтъ, я не больна.— Не безпокойтесь обо мнѣ.

— Вы?!

Онъ крикнулъ это слово съ негодованіемъ и недоумѣніемъ. Но вслѣдъ затѣмъ на его лицѣ застыло холодное, суровое выраженіе, и онъ спросилъ прищуриваясь.

— Что это значить?

— Я допустила опасную, не позволительную игру. Пора съ нею покончить.

— Я полагаю, Маріана, это было нѣчто большее, чѣмъ игра! А?

Онъ тоже оперся о столъ и смотрѣлъ на нее вопросительнымъ, требующимъ отвѣта, взглядомъ.

— Во всякомъ случаѣ, пора кончить! — повторила она беззвучно.

— Почему?

— Потому что,—это было нехорошо... преступно...

— Глупости!!

Онъ откинулъ голову назадъ, точно отбрасывалъ этимъ движеніемъ ея увѣренія. При этомъ губы его нервно вздрагивали, а ноздри расширились.

— Я не говорю, чтобы вина была ваша,—сказала она съ тоской, и опустила взглядъ на столъ, на который опиралась.— Можетъ быть, это была моя вина...

Онъ ничего не отвѣтилъ и смотрѣлъ на нее съ возроставшимъ негодованіемъ.

— Я хотѣла еще попросить васъ уѣхать, — прибавила она тихо.

— Уѣхать?

— Да, и болѣе никогда сюда не возвращаться.

Ея голосъ упалъ до едва слышнаго шепота:—такой муки стоили ей высказанныя слова. Но она крѣпилась, и даже принудила себя поднять глаза и взглянуть ему прямо въ лицо.

Онъ поблѣднѣлъ отъ гнѣва, впился въ нее озлобленнымъ взглядомъ и прокричалъ рѣзко:

— Что за вздоръ ты говоришь?!

Дольше она уже не смѣла смотрѣть на это перекосившееся лицо и опять опустила глаза. Она чувствовала себя, точно у позорнаго столба.

— Говорите же! Что вы хотите сказать?—потребоваль онъ.

— Простите меня!—сказала она жалобно, и губы у нея быстро, быстро задрожали.—Я не могу... иначе...

— Но вѣдь ты можешь же сказать, изъ за чего все это... Почему?

— Потому что... я не нахожу себѣ оправданія... Будьте великодушны, уѣзжайте!

Онъ ничего не сказалъ, и все продолжалъ смотрѣть на нее.

Ей стало ужасно жаль его. Вѣдь она поражала его безъ малѣйшей пощады, не подготовивъ даже къ удару. Его страданіе разрывало ей сердце...

— Ради Бога, скажите, что вы простили меня, что вы согласны уѣхать!—проговорила она съ мольбой, и протянула ему руки.

Онъ оттолкнулъ эти руки.

— Простить? Простить?—вскричалъ онъ, пытаясь раскоходаться, и въ то же время съ трудомъ удерживаясь отъ рыданій.—Простить? Васъ?

Она закрыла лицо руками. О, это становилось невыносимо!

— Я догадываюсь!—вскричалъ онъ, переводя духъ.— Бергеръ заподозрилъ насъ?

— Нѣтъ.

— Но, въ такомъ случаѣ, что же...

— Вы должны уѣхать. Я добьюсь этого, чего бы это мнѣ ни стоило. Это было худо! Это было позорно! Вѣдь я жена другого...

Онъ расхохотался, — истерично, какъ хохочутъ разсерженныя женщины.

— И этого вы до сихъ поръ не знали?—прокричалъ онъ.

— Да, не знала!! смѣйтесь надо мной, издѣвайтесь, сколько хотите!! Только, ради Бога, уѣзжайте отсюда.

Оскорбленіе придало ей силы и укрѣпило рѣшимость. Но въ своемъ страданіи онъ не думалъ объ этомъ.

— Ну-съ, рассказывайте правду!—сказалъ онъ насмѣшливо.—Что Бергеръ замѣтилъ, и что онъ вамъ пропѣлъ? А? Я встрѣтился съ нимъ въ городѣ, но онъ не подалъ и вида, что знаетъ... Что онъ замѣтилъ?

— Ему нечего было замѣтить!—отвѣтила она спокойнѣе, инстинктивно прикрываясь женской гордостью.— Вы забываетесь...

— А-а-а! Такъ вотъ что! Вы хотите говорить со мной высокимъ голосомъ?—вскричалъ онъ съ нехорошей усмѣш-

*

кой.—Но вы забыли, сударыня, что какъ аукнется, такъ и откликнется. Если вы позволите себѣ оскорбительный для меня тонъ, я отвѣчу тѣмъ же!

Маріанѣ показалось, будто холодныя мурашки побѣжали по ея спинѣ. Его безумное озлобленіе пугало ее.

— Я не хотѣла васъ оскорбить,—сказала она тихо, но съ спокойствіемъ отчаянія.—Я хотѣла сказать только одно, что, послѣ того, что случилось наканунѣ вашего отъѣзда, намъ лучше больше не встрѣчаться.

— Наканунѣ моего отъѣзда? — переспросилъ онъ, чувствуя непреодолимое желаніе оскорбить ее и не находя подходящаго предлога.—Что же такое было? Что? Что? Что?

— Вы забылись.

— Я забылся? Ну-съ, а вы?

— Пусть будетъ такъ! Пусть мы забылись! Это не измѣняетъ дѣла. Я не дѣлаю вамъ упрековъ. Я только умоляю васъ уѣхать...

— Ради вашего спокойствія? Еще бы! Но вамъ и въ голову не приходитъ задуматься надъ тѣмъ, удобенъ ли мнѣ теперь такой переѣздъ, или нѣтъ. Избавить васъ отъ всякихъ тревогъ, — въ этомъ вся задача!

— Развѣ вы не видите, какъ я страдаю? Какая вамъ польза отъ этой пытки? Я была слѣпа,—продолжала измученная Маріана.—Всѣ мои страданія простое послѣдствіе непростительной игры, которую я же сама допустила. Чего бы я ни дала, чтобы только ничего подобнаго не случилось Господи, и такъ вѣдь это невыносимо! Почему вы стараетесь еще усилить зло?

— Мы оба были неправы... неправы...

Слова ея замерли въ новомъ приступѣ, горя.

Павель смотрѣлъ на нее съ мучительнымъ недоумѣніемъ. Никогда еще онъ не слышалъ подобныхъ рыданій! Въ нихъ не было ничего истерическаго; въ нихъ было одно, только одно невыразимое, душу раздирающее, горе.

— Почему же ты такъ неутѣшна? — спросилъ онъ тихо.— Неужели, все отъ раскаянія?

— Да... да...

— Но ты преувеличиваешь нашу вину. Развѣ ты позволяла мнѣ хоть что-нибудь, чего не позволяешь братьямъ? Что же касается нашего „ты“, то вѣдь самъ Бергеръ предлагалъ это... А впрочемъ, я готовъ отказаться и отъ этого „ты“. Успокойтесь, Маріана, и представьте себѣ, что все это былъ только лишь одинъ дурной сонъ...

— Но лгать Бергеру!

— Развѣ мы лгали? А въ будущемъ и того не будетъ.

— Нѣтъ. Съ того вечера мнѣ кажется, что каждое мое слово Бергеру—одна ложь.

— Это болѣзненное воображеніе!

— Нѣтъ, нѣтъ... Вамъ слѣдуетъ уѣхать!

Это вырвалось у нея съ силой, и рыданія прекратились сразу, точно она вдругъ вспомнила о чемъ-то тревожномъ, неотложномъ, о чемъ она совсѣмъ было забыла, и чего никакъ не слѣдовало забывать.

Онъ всгаль и посмотрѣлъ на нее съ горькимъ упрекомъ. Больше говорить уже было нечего. Послышавшаяся въ ея словахъ твердость разбивала его послѣднія надежды.

— Это не прихоть!—проговорила она, утирая сильно припухшіе глаза.— Я много думала объ этомъ и пришла къ заключенію, что должна разстаться съ вами какъ можно скорѣе.

Горе сдавило его сердце, какъ тиски. Оставить Темте! Ухать прочь отъ нея и друга неизвѣстно куда! Одна мысль о путешествіяхъ и чужихъ людяхъ приводила его въ содроганіе. Но онъ не смѣлъ защищаться, боясь, что его слова только ускорятъ рововую развязку.

Между тѣмъ она отерла лицо и спрятала платокъ. Рѣшимость ярко выражалась на ея лицѣ—видно было, что она уже давно обдумала то, чего теперь требовала.

Павель внимательно посмотрѣлъ на нее.

И вдругъ имъ овладѣла полная безнадежность. Онъ махнулъ рукой и бессильно опустился въ кресло по другую сторону столика.

— Такъ это правда?—сказалъ онъ уныло.—Вы прогоняете меня?

Она ничего не отвѣтила; но осталась словойной.

— Я согласенъ, что разлука была бы полезна;—продолжалъ онъ:—въ особенности для васъ. Но подумайте, что же будетъ со мной?

Ей стало тяжело встрѣчаться съ его взглядомъ, и она потупилась, точно опасаясь утратить свою рѣшимость подъ гнетомъ его печальнаго взгляда. Онъ продолжалъ едва слышно:

— Какъ я былъ утомленъ, одинокъ, когда пріѣхалъ сюда! Мнѣ надоѣло жить; на душѣ было совсѣмъ пусто. Все чело-вѣчество представлялось мнѣ такимъ же больнымъ и жалкимъ,

какъ и я самъ. Мнѣ хотѣлось, чтобы все, и я въ томъ числѣ, разсѣялось, какъ дымъ, или умерло. Да, хотѣлось только одного вѣчнаго сна, покоя! Есть ли возможность жить, когда все такъ невыносимо банально, пошло, что внушаетъ одно отвращеніе?—Но здѣсь, въ этомъ здоровомъ однообразіи, я началъ оживать и нашелъ возможность примириться съ жизнью. Я точно обновился, помолодѣлъ душой... Вы вѣдь это сами знаете! Ахъ, Маріана, я лишаюсь не квартиры, не уютнаго уголка; я лишаюсь домашняго очага, у котораго могъ успокоиться и жить. Неужели же у васъ хватитъ духу прогнать меня, отнять у меня послѣднюю возможность остаться жить? Я вѣдь ничего не прошу, ничего, кромѣ покоя... Я буду уходить отъ васъ, по первому знаку, какъ дворовая собака. Я ни въ чемъ, ни въ чемъ не потревожу васъ. Позвольте мнѣ только остаться и будьте со мной такою, какою вы были въ первое время послѣ моего пріѣзда. Имѣйте же хоть чутью снисхожденія къ больному и жалкому человѣку. Не гоните меня!

Она съ трудомъ переводила духъ.

— Маріана,—продолжалъ онъ,—я никогда не умолялъ васъ ни о чемъ и прежде, да и не умѣю просить; но теперь у меня нѣтъ гордости, нѣтъ самолюбія,—у меня одно только горе! Я молю у васъ пощады... жизни... Вѣдь вы не прогоните меня? Нѣтъ?

Этотъ умоляющій голосъ растопилъ бы ледяную гору и тронулъ бы камень. Его бархатные чудные глаза смотрѣли такъ серьезно, грустно...

— И все-таки это необходимо!

Онъ взглянулъ на нее съ недоумѣніемъ. Она ли это? Но затѣмъ онъ откинулся на спинку кресла, и задумался. Такая жестокость должна была имѣть сильную побудительную причину; иначе, она была неестественна.

Вдругъ онъ вздрогнулъ и взглянулъ на нее пронизательнымъ взглядомъ.

— Вы считаете это положительно необходимымъ?—спросилъ онъ, сильно подчеркивая слова.

Она покраснѣла, но принудила себя взглянуть ему прямо въ глаза.

— Да, необходимымъ!

Она передохнула съ облегченіемъ — ей показалось, что онъ понялъ ее. Теперь онъ уйдетъ, и оставитъ ее въ покоѣ!

— Только поймите меня, какъ слѣдуетъ!—прибавила она быстро. — Мнѣ бы хотѣлось доказать вамъ, что я не такъ дурна, какъ вы можете подумать...

Ея губы задрожали такъ сильно, что она принуждена была замолчать.

— Что жъ дѣлать!—проговорилъ онъ, не обративъ вниманія на ея послѣднія слова, и съ тяжелымъ вздохомъ. —

Какъ полно будетъ ваше существованіе! Даже представить себѣ трудно... Ну-съ, рѣшено—я ѣду завтра. Съ вашего яснаго неба скроется послѣднее, я хочу сказать — *единственное*, облачко. А я останусь свитальцемъ, нищимъ... Деньги, это ничто!

Онъ поднялъ руки, точно держалъ въ нихъ свое золото и сдѣлалъ рѣзкій жестъ, какъ бы съ презрѣніемъ отбрасывая отъ себя эти богатства. Въ нихъ не оказывалось болѣе цѣнности!

— Простите же меня, — прибавилъ онъ мягко. — Меня огорчаетъ, что воспоминаніе обо мнѣ будетъ профанировать то, что будетъ для васъ дороже всего на свѣтѣ... Понимаю, что одно мое присутствіе теперь, въ этомъ домѣ, уже оскорбляетъ васъ... Я понимаю это и... уважаю ваши чувства. Но вѣдь я ухожу... Я тѣнь, мелькомъ скользящая по вашей жизни, и, слава Богу не затемнившая ея... Протяните же мнѣ на прощанье руку.

Онъ сказалъ это такъ просто, какъ говорятъ люди другъ другу, прощаясь навсегда. Маріана протянула ему руку и тихо заплакала.

— О чемъ же?—сказалъ онъ, бодрясь.—Со мной вѣдь всегда бывало такъ. Я узнавалъ цѣну своимъ друзьямъ только тогда, когда я лишался ихъ навсегда. Ну, прощайте. Нечего просить васъ забыть обо мнѣ; это и такъ неминуемо должно случиться.

Онъ поклонился и вышелъ.

Когда Бергеръ вечеромъ вернулся домой, онъ былъ не мало изумленъ, узнавъ о внезапномъ рѣшеніи Павла уѣхать изъ Темте на слѣдующій же день, и навсегда.

— Ты ни слова не говорилъ мнѣ объ этомъ, когда мы встрѣтились въ городѣ!—замѣтилъ онъ.

— Мнѣ казалось, что не стоило говорить раньше возвращенія домой,—возразилъ Павелъ.

— Ну, что жъ, я всегда ожидалъ, что свитальческая горячка опять охватитъ тебя, какъ только ты побываешь въ городѣ. А вѣдь, казалось, тебѣ нравилось у насъ...

Послѣ ужина Бергеръ послѣдовалъ за Павломъ въ его фли-

гель. Его огорчала предстоявшая разлука съ другомъ, и ему хотѣлось въ послѣдній разъ поболтать съ нимъ, пока тотъ будетъ улаживать вещи.

— Съ кѣмъ же я буду теперь играть въ шахматы?—попробоваль онъ пошутить.

— Твоя жена научится...

Побуждаемый своей всегдашней жаждой дѣятельности, Бергеръ сталъ помогать улаживать вещи.

— Все это въ чемоданы?—спрашивалъ онъ, оглядывая вучу платья, вынутаго изъ шкафовъ.

— Да, надо бы. Не знаю только, какъ это все умѣстится!—вздыхалъ Павелъ, уже запыхавшійся и совсѣмъ выбившійся изъ силъ.

— Войдетъ! А какъ мы поступимъ со всѣмъ остальнымъ?—спросилъ Бергеръ и оглядѣлъ комнату.

— Я велю обойщику уложить все въ ящики и переслать ко мнѣ въ Стокгольмъ.

Бергеръ стоялъ надъ раскрытымъ чемоданомъ, улаживая вещь за вещь. Онъ весь побагровѣлъ отъ работы въ согнутомъ положеніи, но продолжалъ улаживать терпѣливо и аккуратно.

— Не понимаю, что сдѣлалось съ Маріаной!—проговорилъ онъ внезапно, и выпрямился.

— А что такое?

— Когда ты уѣхалъ, я думалъ, она будетъ скучать; но этого не было замѣтно. Напротивъ, она стала такой оживленной, разговорчивой, дѣятельной, какой прежде я никогда ея не видалъ. По вечерамъ я возвращался домой немного раньше обыкновеннаго; вѣдь жаль было оставлять ее въ одиночествѣ... Тогда она играла твои любимыя пѣсни и шутя говорила, что воображаетъ меня Павломъ. — Можешь себѣ представить, какъ я былъ доволенъ, что она настолько обжилась въ Темте, что уже не скучаетъ даже и въ одиночествѣ. — „Кажется, спрашиваю:—ты полюбила наконецъ Темте?“ — „Да, теперь, — говорить:—я совсѣмъ счастлива!“ — и все время была такая милая, такая милая, что и сказать трудно... Гм!.. Ты не повѣришь, какой она можетъ быть хорошей, — когда захочетъ, конечно... И вдругъ, все перемѣнилось. Она какъ-то притихла, затосковала, стала ходить потупившись, точно ищетъ въ землѣ кладъ. Спрашиваю: что случилось? — Ничего! — говорить. — Я думалъ-было, ужь не получила-ли неприятныхъ писемъ отъ родныхъ. Оказывается, ничего такого не было.

Ну, — думаю, — пройдет! Такъ, женскій капризь! — А между тѣмъ все хуже и хуже. Я видѣлъ по ея глазамъ, что она не разъ плакала въ моемъ отсутствіи, но такъ и не добился отъ нея, изъ за чего. Даже когда я ей сообщилъ, что ты скоро вернешься, она ничуть не повеселѣла; стало быть, это не было отъ скуки... Я предлагалъ ей даже поѣхать въ городъ. Нѣтъ, не хочетъ...

Онъ развелъ руками и вопросительно смотрѣлъ на Павла.

— Иногда человѣку просто нездоровится, — уклончиво замѣтилъ Павелъ, — и тогда всегда бываетъ невыносимое расположеніе духа.

— Но она утверждаетъ, что здорова! У меня не выходитъ изъ головы, что, вѣрно, я, чѣмъ-нибудь, самъ того не замѣчая, обидѣлъ ее. Иначе — ничего понять нельзя.

— Пройдетъ!

— Надѣюсь. Должно быть, ужъ таковы всѣ женщины... Да, братъ, тутъ понять что-нибудь мудрено!

Онъ оглядѣлся по сторонамъ, не надо ли уложить еще чего. Павелъ тоже сталъ осматриваться, но вдругъ подошелъ къ Бергеру и, положивъ руку ему на плечо, сказалъ:

— Брось... Если я что-нибудь забылъ, можно прислать потомъ. Лучше оглянись-ка вокругъ себя и скажи по совѣсти: вѣдь тутъ, у меня, было уютно, красиво?

Свѣтъ лампы ярко озарялъ его худощавое, блѣдное лицо, на которомъ лихорадочно горѣли расширенные, какъ у голоднаго, глаза. И какимъ беспомощнымъ, изможденнымъ казался онъ теперь, когда не оставалось болѣе увлеченія, которое только одно и могло придать ему кажущіяся силы!

Онъ горько улыбался и, точно прощаясь, обвелъ рукой, указывая на прекрасные предметы, собранные въ этой комнатѣ.

— Странныя чувства одолеваютъ меня въ такую минуту, какъ теперь! — прибавилъ онъ. — Точно хочется поднять руку и остановить что-то: время ли, самую ли жизнь — не знаю! Въ сущности, въ горѣ и печали есть много прекраснаго. Возмутительно только то, что все преходяще.

— Въ этомъ-то и состоитъ жизнь, — улыбнулся Бергеръ. — Чего бы она стоила, если бы все остановилось на мѣстѣ? Не стало бы труда и борьбы, а безъ этого и жить не стоитъ.

— Не стоитъ? А теперь, ты думаешь, стоитъ?

— Глупости, Павелъ.

Тотъ улыбнулся.

— Все прежній тонъ, все тотъ же! — сказалъ онъ и за-

шагалъ по комнатѣ, но вдругъ остановился и вскричалъ горестно:

— Господи, какъ тяжело! Невыносимо тяжело!

Бергеру хотѣлось приласкать друга, ободрить его. Но развѣ это возможно? Мужчину! Долженъ же онъ быть благо-разуменъ и самъ знать, что дѣлаетъ.

— Зачѣмъ же ты уѣзжаешь, если тебѣ такъ тяжело?— спросилъ онъ сухо.

— Не въ томъ дѣло,—возразилъ Павелъ.—Для меня точно весь міръ опустѣлъ, точно души во мнѣ самомъ не стало.. И здѣсь, и вездѣ будетъ то же самое. Одно страданіе! Неужели ты не видишь, Бергеръ, что я страдаю отъ самого себя? Ужасно не имѣть ни малѣйшаго интереса, никакихъ цѣлей въ жизни. Иногда я даже мечтаю о какомъ-нибудь большомъ несчастіи, которое встряхнуло бы меня. Но и этого быть не можетъ; несчастію-то даже неоткуда взяться. Когда я былъ бѣденъ, я воображалъ, что буду счастливъ въ богатствѣ. Но это была нелѣпная мечта. Всюду пусто, плоско, свучно...

— Тебѣ слѣдуетъ жениться.

— Я, вѣдь, испробовалъ и это.

— Если бы у тебя были дѣти...

— Дѣти?—перебилъ Павелъ.—Чтобы изъ нихъ вышли такіе же несчастные, какъ я? Неужели ты воображаешь, что мои дѣти могли бы быть счастливы въ жизни?

— Это пессимизмъ, что ли?

— Да, пессимизмъ!

— Я читалъ о немъ, но никогда его не видѣлъ,—замѣтилъ Бергеръ серьезно, и съ любопытствомъ посмотрѣлъ на Павла:—Я воображалъ, что это все преувеличиваютъ, но теперь вижу самъ, что такой недугъ возможенъ.

— Возможенъ, Бергеръ; но не думаю, чтобы ты, напри-мѣръ, могъ сдѣлаться пессимистомъ.

— Не думаю и я.

— Ни ты, ни твои дѣти!

Бергеръ покраснѣлъ и наклонился надъ чемоданомъ, за-крывая его крышку.

— То-то вотъ горе, что дѣтей-то нѣтъ, да, кажется, никогда и не будетъ!—пробормоталъ онъ.

Павелъ покачалъ головой.

— Въ сущности, совершенно непонятно, какъ это мы съ тобой могли сдѣлаться друзьями!—сказалъ онъ.

— Я, вѣдь, всегда нуждался въ привязанности!—отвѣтилъ Бергеръ, и долженъ былъ кашлянуть, чтобы прочистить голосъ.

Утромъ подали ранній прощальный завтракъ, за которымъ всѣ чувствовали себя неловко, какъ всегда бываетъ въ такихъ случаяхъ. Прощаніе произошло тоже, какъ всегда, съ преувеличенной торопливостью и традиціонными рукопожатіями.

День былъ холодный, ненастный. Павелъ чувствовалъ себя сѣверно.

— Прощайте, госпожа Маріана,—сказалъ онъ въ послѣдній разъ на лѣстницѣ.—Благодарю за...

Онъ не договорилъ, обернулся, и быстро сошелъ съ лѣстницы. Еще мгновеніе, и онъ уже въ экипажѣ. Бичъ щелкнулъ, цѣпная собака залилась неистовымъ лаемъ... Павелъ приподнял шляпу и вмѣстѣ съ экипажемъ скрылся за оградой.

Провожавшіе молча вошли въ комнаты и тоже молча всѣ разошлись по своимъ угламъ.

Романъ оконченъ. Герой исчезъ.

XIII.

Бергеръ ушелъ въ кабинетъ, гдѣ его дожидались рабочіе. Маріана, миновавъ столовую, въ которой служанка убирала со стола, прошла въ свою спальню и заперлась на ключъ.

Теперь она могла спокойно обдумать все, что случилось.

Пока она не знала, какъ Павелъ отнесется къ ея требованію уѣхать изъ Темте, она жила въ такой непрерывной тревогѣ, что ни о чемъ не могла и думать. Неподвижно стоялъ передъ ней вопросъ: уѣдетъ онъ, или нѣтъ.

Теперь онъ уѣхалъ!

Она задумчиво подошла къ окну, взглянула на опустѣвшій дворъ, и сѣла на стулъ у окна.

Туманъ только-что приподнялся надъ землей; день былъ пасмурный, сѣрый; нельзя было надѣяться, чтобы хоть одинъ солнечный лучъ прорвался между густыми тучами. Небо тяжело нависло надъ пустынной мѣстностью; по временамъ порывъ вѣтра встряхивалъ оголенные вѣтви кустовъ, которые точно вздрагивали отъ холода.

Такъ же холодно, темно и пустынно было на душѣ и у нея самой.

Все это время она только и думала, что о встрѣчѣ съ Павломъ, которой боялась такъ, что не могла себѣ и представить, какъ это она взглянетъ ему въ глаза. Теперь все миновало. Почему же на душѣ у нея такъ же печально, какъ и раньше?

Она чувствовала себя разбитой, точно послѣ тяжелаго сна. Не оставалось ни одной мечты, ни одной иллюзіи; голая дѣйствительность стояла передъ ней во весь ростъ, во всей своей беспощадной неприглядности. Никогда еще жизнь не представлялась ей такой суровой, лишенной всякой поэзіи. Она оставалась, точно въ пустынѣ, одна съ Бергеромъ, передъ которымъ чувствовала себя виноватой и котораго по этой причинѣ теперь ненавидѣла.

Это уже не была прежняя, романическая, Маріана, мечтавшая только о любви. Теперь это была, прежде всего, женщина, готовящаяся стать матерью, но въ то же время женщина преступная, предательница передъ мужемъ и будущимъ ребенкомъ, потому что въ то время, какъ зарождалась новая жизнь, она кокетничала и позволила даже поцѣловать себя...

Это было такъ унижительно! Она чувствовала такое отвращеніе къ себѣ, какое люди испытываютъ на утро послѣ безобразной оргіи.

Раскаяніе она испытывала уже прежде. Теперь было нѣчто другое.

Казалось, какая-то грубая рука разбудила ее отъ сладкаго сна, и внезапно оказывалось, что она опозорена. Теперь она смотрѣла на себя съ ужасомъ, который всегда питала ко всему низкому и грязному. Въ томъ, что она сдѣлала, не было даже чего-либо сильнаго, крупно-преступнаго; была только одна простая низость!

Женщина въ ея положеніи дѣлающая глазки ухаживателю! Это не преступленіе даже. Это просто унижительное пятно въ ея жизни, отъ котораго она никогда не отдѣлается, потому что никому даже простить ее, потому что она одна знаетъ объ этомъ.

Какъ же она будетъ смотрѣть людямъ въ глаза, когда будутъ говорить о добродѣтели и чистотѣ душевной?

А потомъ, когда родится дитя, воспоминаніе о проступкѣ станетъ между нею-и ребенкомъ, и будетъ глумиться надъ ней, какъ видѣніе кошмара... О, это будетъ ужасно!

Священное призваніе матери! Ха, ха, ха!! Именно ей-то

и говорить о священномъ призваніи! Оно, вѣроятно, выразилось въ горячихъ рукопожатіяхъ съ тѣмъ уѣхавшимъ человекомъ? Въ обмѣнѣ съ нимъ влюбленныхъ взглядовъ? Въ поцѣлуѣ за дверьми, пока мужъ поворачивалъ спину?..

Ей казалось, что она сойдетъ отъ стыда съ ума. О, чего бы она только ни сдѣлала, чтобы смыть постыдное пятно! Но ничего нельзя сдѣлать. Полюбить опять Бергера? Это вѣдь такъ естественно, такъ необходимо ради ребенка. Но странно, именно теперь являлось какое-то озлобленіе противъ мужа, передъ которымъ она же сама была виновата...

Она встала, открыла двери и стала быстро ходить по комнатамъ. Ей хотѣлось согрѣться. Ее мучилъ какой-то внутренний холодъ, заставлявшій ее дрожать и точно налившій ея члены свинцомъ.

Ея лицо утратило обычную нѣжность, какъ-то поблекло, посѣрѣло, отъ чего она казалась еще болѣе похудѣвшей, чѣмъ была на самомъ дѣлѣ. Вокругъ рта легли у нея какія-то рѣзкія складки, придававшія лицу суровое выраженіе. Въ ней даже совершенно исчезла обычная мягкость. Въ ней кипѣла злоба, и главной мыслью было защитить свое будущее и своего будущаго ребенка отъ послѣдствій прошлаго. Въ первый разъ она страдала, не думая жаловаться и вполнѣ сознавая собственную отвѣтственность за все случившееся.

— Отчего насъ не учатъ съ дѣтства, что всякій поступокъ неминуемо влечетъ за собой его неизбѣжныя послѣдствія, и что въ насъ самихъ есть тайный застѣнокъ, гдѣ мы подвергаемся самой тяжелой пыткѣ за проступки, которые намъ удастся скрыть отъ людей? Почему говорятъ о раскаяніи, какъ о какомъ-то всеочищающемъ средствѣ, и скрываютъ, что сплошь и рядомъ раскаяніе оазывается безсильнымъ исправитъ прошлое? Подумать, что уже немислимо вернуть ни одинаго поступка, ни одинаго слова, даже взгляда!— О Боже!

О, нѣтъ! Обо всемъ этомъ говорили ей. Но то были только слова, а жизнь учитъ не словами, а жестокими примѣрами!

Усиленное движеніе доставило ей нѣкоторое облегченіе. Казалось, физическое утомленіе смягчало душевную боль. И она ходила, не останавливаясь, изъ одной комнаты въ другую, взадъ и впередъ.

Она привыкла полагаться во всемъ на другихъ. Всегда были при ней отецъ и мать, братья и тетки, спѣшившіе къ

ней на помощь, едва только она попадала въ бѣду. Стоило только, смотря по обстоятельствамъ, пустить въ ходъ слезы, просьбы, или ласки...

Теперь уже не къ кому было обратиться, и никто не могъ ей помочь. Никто не былъ властенъ смыть съ нея то презрѣнное, маленькое пятнышко, которое омрачило всю ея душу.

И вдругъ она сообразила, что униженіе - то было еще большее, чѣмъ это казалось на первый взглядъ. Вѣдь только одинъ случай, исключительный случай, спасъ ее отъ полного паденія, на которое она шла съ такимъ легкимъ сердцемъ, — случай этотъ принесъ ей ея будущій ребенокъ!

О, Боже мой, но не имѣть даже того оправданія, что она сама, по доброй волѣ, остановилась на краю бездны!

Но что же теперь было дѣлать? Впереди предстояла цѣлая вереница обязанностей, къ которымъ она призывалась, какъ и всякая женщина въ ея положеніи. Какъ отнестись къ нимъ?

Прежде всего надо было сообщить новость Бергеру, который еще не зналъ ничего.

Только за обѣдомъ встрѣтились супруги. Невеселый это былъ обѣдъ. Бергеръ скучалъ по увѣхавшемъ другѣ и вдобавокъ чувствовалъ себя оскорбленнымъ странностью въ обращеніи Маріаны. Онъ подозрѣвалъ, что тестъ опять попалъ въ денежныя затрудненія, и думалъ, что Маріана негодуетъ на отсутствіе въ немъ поддержки ея отцу! Но онъ знаетъ, что дѣлаетъ, и не станетъ плясать по жениной дудкѣ! Никакіе капризы не заставятъ его сдѣлать это!

Весь обѣдъ оба молчали. Когда встали изъ за стола, она отошла къ окну, ставъ спиной къ комнатѣ; но, когда онъ проходилъ мимо нея, она обернулась.

— Бергеръ!

Онъ посмотрѣлъ на нее недоброжелательно, но былъ пораженъ необыкновенно серьезнымъ выраженіемъ ея лица и подошелъ къ ней.

— Чего тебѣ? — спросилъ онъ.

Не поднимая глазъ и беззвучнымъ голосомъ сообщила она свою важную новость.

— Ты думаешь?.. Ты увѣрена?.. — проговорилъ онъ растерянно, — и уставился на нее глазами.

— Да, я увѣрена.

Онъ пришелъ въ восторгъ и нѣжно обнялъ жену. Но его радость была для нея совершенно непонятна, и она осталась

холодна и безчувственна. Она не въ состояніи была принудить себя взглянуть мужу прямо въ лицо, и попрежнему угрюмо смотрѣла внизъ.

Ея неотзывчивость на его радость мгновенно охладила и его. Онъ вышелъ изъ комнаты возмущенный тѣмъ, что она могла горевать о предстоящемъ появленіи ребенка. И такъ, вотъ изъ за чего она тосковала! Значить, даже въ такія минуты она можетъ думать только о себѣ? О, какой эгоизмъ!

Между тѣмъ Маріана осталась неподвижна у окна. Она замѣтила недовольство и осужденіе мужа, инстинктивно угадавъ его мысли. Ей слѣдовало бы предвидѣть, что онъ увидитъ въ этой новости объясненіе совершившейся въ ней перемѣны, и дурно истолкуетъ ея угрюмость!

Только теперь, и совершенно внезапно, Бергеръ представился ей въ новомъ свѣтѣ, въ качествѣ человѣка, отъ котораго она вполне зависѣла, и недовольство котораго было для нея даже опасно. Прежде она принимала отъ него поклоненіе съ какимъ-то смутнымъ чувствомъ неуваженія къ нему; но теперь онъ выросалъ въ ея глазахъ въ повелителя, потому что только теперь ихъ союзъ получалъ законную форму, и она оставалась навсегда къ нему привоюанной. Это было рабство, и въ ея душѣ шевельнулась ненависть невольницы къ своему повелителю. Его раба навсегда? И послѣ всего, что было! Какой ужасъ! Какой ужасъ!

Однако, въ ней громко заговорило чувство самосохраненія, и тотчасъ же проснулось желаніе сохранить надъ мужемъ прежнее вліяніе. Во что бы то ни стало, надобно скрыть отъ него ея настоящія чувства и разсѣять произведенное на него дурное впечатлѣніе, такъ или иначе, объяснивъ чѣмъ-нибудь свою тоску!

Передъ вечеромъ Бергеръ зашелъ въ гостиную жены. Наступали сумерки—и работать было уже слишкомъ темно. Маріана отложила свое вязанье въ сторону, и сидѣла, скрестивъ руки, погруженная въ глубокое раздумье.

Бергеръ сѣлъ противъ нея и заговорилъ очень серьезно.

— Болѣе чѣмъ когда-либо, мнѣ жаль, Маріана, что я, по обыкновенію, затрудняюсь высказывать свои мысли. Какъ заставить другихъ понять то, что я думаю, и что я чувствую, когда я не умѣю объяснить этого? Именно съ тобой я часто страдаю отъ этого недостатка. Вѣдь, положительно, я точно нѣмой! А ты молчишь, и мы никакъ не столкуемся!

Маріана посмотрѣла на него съ недоумѣніемъ.

— Мнѣ вѣжется, — сказала она, — твои слова такъ же вѣрно могутъ быть примѣнены и во мнѣ.

— О, нѣтъ! Если бы ты захотѣла, ты всегда съумѣла бы столковаться.

— Не думай такъ, — возразила она съ упрекомъ. — Я такъ воспитана, что умѣю только легко и живо поддерживать салонный разговоръ, который ведутъ другіе. И это потому, что у меня нѣтъ собственныхъ мыслей. Подумай самъ, откуда же имъ и быть?

Въ ея словахъ звучало столько безыскусственности, простосердечія, что онъ съ удивленіемъ посмотрѣлъ на нее. Она совсѣмъ не походила на прежнюю Маріану.

— Сегодня я много размышлялъ, — сказалъ онъ. — Отношенія между нами измѣнятся, это неминуемо. Прежде мы довольствовались другъ другомъ; теперь каждому изъ насъ придется думать о третьемъ.

Она почувствовала досаду. Въ его словахъ уже теперь звучало предпочтеніе къ этому „третьему“, котораго еще и на свѣтъ-то не было. Что же будетъ дальше? Выходить, точно она должна отречься отъ своего первенства...

— Прежде, — продолжалъ онъ, — не важно было, когда между нами выходили какія-нибудь недоразумѣнія. Лишній поцѣлуй исправлялъ все, и этого было вполне достаточно для восстановленія между нами согласія. Но, когда мы уже не будемъ одни, будетъ ли этого достаточно? Сама ты знаешь, какъ крѣпко я люблю тебя и, подумавши, прощаю тебѣ рѣшительно все, что ты хочешь. Но обидно, что я до сихъ поръ такъ же мало знаю тебя, какъ и въ первый день знакомства... Да, да! Вотъ, — даже въ эту минуту, я конфужусь говорить съ тобой откровенно, точно ты мнѣ не жена, а какая-то чужая!

Ей стало страшно. Неужели онъ отшатнется отъ нея?

— Вотъ, я и рѣшилъ поговорить съ тобой, Маріана, откровенно. Теперь между нами будетъ больше общаго; надо же намъ познакомиться, наконецъ, поближе. Но это зависитъ отъ тебя самой, потому что я вѣдь животное бессловесное, и не умѣю справляться со своимъ несчастнымъ языкомъ!

Непроизвольнымъ движеніемъ она схватила его за руку. Но тутъ же ей пришло въ голову, что эта низкая фальшь, и она стыдливо отстранилась отъ него. Онъ не понялъ ея движенія, но не придавъ ему значенія, и продолжалъ:

— Въ послѣднее время ты была какъ-то необыкновенно

молчалива. Казалось, ты дуешься, или чѣмъ-то озабочена. Мнѣ ты не говорила ничего, и потому я не хотѣлъ разспрашивать. Но врядъ ли хорошо, что между нами возможны такія недомолвки.

— Я тоже и сама хотѣла поговорить съ тобой объ этомъ, — живо отвѣтила Маріана, обрадованная представившимся случаемъ загладить ошибку, сдѣланную послѣ обѣда. — Мнѣ такъ обидно, что ты не понялъ меня...

— Не стоитъ объ этомъ говорить, Маріана! — перебилъ онъ, стараясь быть, по возможности, ласковымъ. — Я вѣдь понимаю, что тебѣ теперь страшно, и что ты не можешь отдѣлаться отъ мысли о предстоящихъ передрагахъ...

— Да, нѣтъ же! нѣтъ! — возразила она. — Въ томъ-то и ошибка. Ты думаешь, что я была не въ духѣ; а мнѣ просто нездоровилось.

— Но ты сама отрицала это...

— Я не понимала, что такое со мной. Это какое-то неопредѣленное недомоганье, трудно даже сказать, что у меня болитъ. Но это такъ разстраиываетъ меня...

Онъ посмотрѣлъ на нее съ недоумѣніемъ.

— Во всякомъ случаѣ, — замѣтилъ онъ, — тебѣ нечего беспокоиться о будущемъ. Ты, слава Богу, здороваго сложенія, а когда родится дитя, мы возьмемъ кормилицу, и тебѣ нечего будетъ тревожиться...

— Нѣтъ! — вскричала Маріана горячо. — Я не допущу въ домъ кормилицы. Я буду кормить сама.

Въ ней проснулась какая-то небывалая сила, отбрасывавшая всякія мелочныя соображенія, какъ недостойный соръ. Это была сила материнской нѣжности къ ребенку.

— Ты не хочешь кормилицы? — переспросилъ онъ съ удивленіемъ.

— Нѣтъ. Ни въ какомъ случаѣ!

— Но я полагаю...

— Ни въ какомъ случаѣ! — повторила она раздражительно. — И ты не долженъ больше и возбуждать этого вопроса...

— Да я только одного этого и желаю! — сказалъ онъ съ радостнымъ удивленіемъ и улыбаясь. — Я вѣдь здѣсь думалъ только о тебѣ. Притомъ, я не хочу, чтобы ты не была рада ребенку.

— Если я бываю не въ духѣ и капризна, изъ этого еще не слѣдуетъ, что я буду дурная мать! — проговорила она совсѣмъ искренно.

— Милая моя Маріана!

Онъ съ такимъ чувствомъ произнесъ эти слова, что ей стало не по себѣ. Вѣдь она хорошо знала, что преувеличивала свои материнскія чувства главнымъ образомъ для того, чтобы оправдаться...

Онъ подошелъ къ ней и нѣжно погладилъ ей волосы.

— Ты, конечно, думаешь, что я по грубости души не понимаю твоихъ чувствъ,—сказалъ онъ вкратчѣ.—Но, право же, я ужъ не такъ грубъ! Не знаю, что ослѣпило меня. Вѣроятно, моя радость, въ сравненіи съ которой твое убитое состояніе духа казалось мнѣ холодностью. Но это не повторится болѣе, и ты не будешь впредь имѣть другого случая, чтобы считать меня безсердечнымъ!—Онъ наклонился и поцѣловалъ ее въ лобъ.—Было бы еще хуже, еслибъ я оказался грубымъ отцомъ. Вотъ почему тебѣ слѣдуетъ воспитать меня, мужа. Я былъ бы такимъ старательнымъ твоимъ ученикомъ!

Онъ смотрѣлъ на нее, не то шутливо, не то печально, и былъ въ эту минуту такъ привлекателенъ, что сердце ея невольно рванулось къ нему. Но она сочла такой порывъ недостойной слабостью и силой сдержала свои чувства. Развѣ это естественно: бросаться то къ одному, то къ другому... Однако, какая она порочная!

Самообвиненіе снова придавило ее всею своею тяжестью.

Дорого бы заплатила она теперь за то, чтобы имѣть право довѣрчиво склониться на широкую грудь мужа! И это—даже не смотря на отсутствіе любви къ нему! Между ними вѣдь появилась новая связь, священная не менѣе самого брака.

И какъ она не поняла тогда, что раздѣлять чувства невозможно?

Опять потянулись однообразные дни, въ продолженіе которыхъ Маріанѣ много приходилось оставаться наединѣ съ своими мыслями.

Бергеръ проводилъ большую часть дня на поляхъ. Теперь онъ былъ еще дѣятельнѣе, еще энергичнѣе, чѣмъ когда-либо.

По вечерамъ мужъ и жена разговаривали между собой чаще. Но принужденность не исчезала, и оба чувствовали себя въ положеніи чуждыхъ другъ другу людей, вынужденныхъ занимать одинъ другого.

Отношенія Маріаны къ Бергеру были какія-то странныя. Кокетство исчезло безслѣдно; она положительно избѣгала его, точно опасалась его ласкъ. Но это не мѣшало ей, однако, вы-

казывать мужу теперь больше нѣжности, чѣмъ прежде, и вообще, она стала такъ кротка, такъ терпѣлива, какъ никогда еще...

Дѣло въ томъ, что невозможность съ чистой совѣстью принимать ласки мужа неожиданно и сильно возвысили его въ ея собственныхъ глазахъ. Отвращеніе къ нему, которое появилось было въ ней, тотчасъ же за разрывомъ съ Павломъ, исчезло; самообвиненіе вызывало сравненіе съ нимъ Бергера, влонившееся въ пользу послѣдняго. Притомъ, воспоминаніе о проступкѣ окрасило какимъ-то мрачнымъ свѣтомъ все ея прошлое, и совсѣмъ перевернуло всѣ ея понятія о прекрасномъ.

Въ минуту озлобленія Павелъ высказалъ ей нѣсколько слишкомъ горькихъ истинъ, навсегда врѣзавшихся ей въ память, и повторять сдѣланныя ошибки охоты у нея не было. А между тѣмъ время все подвигалось да подвигалось впередъ; наступило лѣто, и Бергеръ предложилъ Маріанѣ пригласить въ Темте своихъ братьевъ. Но, къ его величайшему удивленію, она наотрѣзъ отказалась сдѣлать это. Она не хотѣла видѣть свою родню. Это, конечно, ея дѣло, и Бергеръ не настаивалъ.

Родители съ братьями приняли ея нежеланіе пригласить ихъ за нерасположеніе къ нимъ, и письма съ обѣихъ сторонъ стали рѣже и безсодержательнѣе.

Бергеръ былъ покойнѣе и довольнѣе своей участью, чѣмъ когда-либо. Свою единственную заботу онъ выражалъ такъ:

— Боюсь, какъ бы Господь на зло не далъ намъ дѣвочку, именно потому, что я не въ силахъ мечтать иначе, какъ о мальчикѣ.

Кромѣ того онъ признался Маріанѣ, что теряетъ, наконецъ, всякое терпѣніе. Этому выжидательному положенію рѣшительно не было конца.

Для здоровья онъ сталъ уговаривать ее больше гулять, и понемногу она настолько привыкла къ оживлявшему ее движенію среди полей и луговъ, что даже полюбила такія прогулки. Вопреки ея намѣренію искупить свою вину всякимъ горемъ, она чувствовала, какъ въ ней силы прибывали, жизнь становилась милѣе, и ее охватывало иногда какое-то совсѣмъ неумѣстное, радостное и вмѣстѣ счастливое, настроеніе. Явилась такая склонность забывать обо всемъ случившемся, что иногда она должна была даже серьезно принудить себя припомнить и поразмыслить о прошломъ. Впрочемъ, полного забвенія нельзя было и ожидать. Всякая бездѣлица, и въ самыя неожиданныя минуты, могла оживить эти воспоминанія,

причемъ самообвиненія подымались тогда съ накопленной силой. Въ такихъ случаяхъ, она не въ силахъ была смиренно переносить свои мученія. Вѣдь они стояли между нею и Бергеромъ!

Но, какъ бы тамъ ни было, а свойственныя прежде Маріанѣ какая-то дряблость и апатія исчезли навсегда.

Бергеръ часто уѣзжалъ куда-то съ ранняго утра и, на разпросы Маріаны, уклончиво говорилъ: дѣла! Въ концѣ концовъ это разожгло ея любопытство, но спрашивать она не рѣшилась.

Какъ-то, въ концѣ августа, Бергеръ, по обыкновенію, всталъ съ зарей и собирался уже ѣхать со двора, какъ вдругъ на крыльцѣ появилась совершенно уже одѣтая Маріана.

Они кивнули другъ другу головой, и Маріана осталась на террасѣ, съ любопытствомъ оглядываясь по сторонамъ. Небо было ясно, свѣжій утренній воздухъ какъ-то необыкновенно чистъ и ароматенъ; невольно чувствовался какой-то непонятный приливъ молодости. Она опустила взглядъ. Вся мѣстность была залита солнечнымъ свѣтомъ, сверкавшимъ на каждомъ лепесткѣ, на каждомъ стеблѣ, на каждой травинкѣ, смоченной, еще необсохшей, росой.

Маріана даже забыла о поѣздѣ Бергера.

— Какая погода! Какъ красиво сегодня!—вскричала она.

— Такая погода стоитъ уже восьмой день, — отвѣтилъ Бергеръ своимъ обычнымъ, спокойнымъ тономъ.

Тѣмъ не менѣе, ему было пріятно, что она встала такъ рано—онъ терпѣть не могъ лѣни; онъ ласково посмотрѣлъ на нее, и только теперь замѣтилъ, что Маріана перемѣнилась: ея щеки казались свѣжѣе; глаза—яснѣе и больше.

Онъ поднялся къ ней на террасу, схватилъ ее за руки и принудилъ ее прижаться къ нему.

— Маріана!—сказалъ онъ съ увлеченіемъ.—Развѣ жизнь не хороша, не прекрасна? Развѣ не радостно ощущать эту жизнь и слышать ее въ каждомъ біеніи сердца? А природа какая вокругъ насъ! Ахъ, Маріана!

Она смотрѣла ему въ лицо, и вдругъ замѣтила, что въ немъ было то же самое, что и въ утреннемъ воздухѣ, что-то молодое, свѣжее, увлекавшее помимо ея воли. Теперь онъ казался даже красивѣе! Она просто залюбовалась его мужественнымъ, честнымъ лицомъ и могучей фигурой. Въ немъ было что-то свое, цѣльное непосредственное, сильное, и притомъ, такое ласковое, веселое...

И, совѣмъ неожиданно для себя самой, она обвила его шею руками и поцѣловала его. Онъ крѣпко прижалъ ее къ своей груди, и въ свою очередь поцѣловалъ ее въ високъ, въ то самое мѣсто, какъ тогда... Павелъ.

Она вскрикнула и отшатнулась. Мертвенная блѣдность покрыла ея лицо. Она раскрыла глаза, точно передъ ней стояло привидѣніе.

— Мариана, что съ тобой?

— Я испугалась...

— Чего?

— Сама не знаю...

— Здорова ли ты? Боже, какъ ты блѣдна!

Онъ хотѣлъ было обхватить ея талью, чтобъ поддержать, но она отстранилась и пробормотала:

— Не тронь меня! И никогда, слышишь, никогда не смѣй цѣловать меня въ это мѣсто.

Но сейчасъ же она опомнилась, испугалась того, что свазала, и вся задрожала.

— Я, кажется, въ самомъ дѣлѣ нездорова!—прибавила она, проводя рукой по лицу, и, шатаясь, направилась въ комнаты.

Бергеръ послѣдовалъ за нею и хотѣлъ остаться дома, опасаясь, что припадокъ „безотчетнаго страха“ возобновится. Но она успокоила его, и даже вторично вышла на крыльцо проводить его до экипажа.

Когда онъ уѣхалъ, она присѣла на каменную ступеньку террасы, закрыла лицо руками и горько расплакалась.

Неужели же она никогда не освободится отъ этой пытки? Неужели страшное воспоминаніе всегда будетъ стоять между нею и мужемъ, какъ непреодолимая преграда? Неужели нѣтъ средства избавиться отъ всего этого?

Средство есть—правда! Лучше всего было бы рассказать мужу все, какъ было, а потомъ, будь, что будетъ. Но нѣтъ, никогда она не рѣшится на такое средство. Какой стыдъ! И затѣмъ, что же она расскажетъ? Вѣдь даже и рассказывать-то нечего.

— Такъ ли?

Во всякомъ случаѣ, у ней сохранилось бы презрѣніе къ себѣ самой даже и въ томъ случаѣ, если бы она и открылась Бергеру. Вѣдь она увлекается то однимъ, то другимъ! Она просто вѣтрена, пустая женщина, измѣняющая сначала мужу, потомъ другому человѣку... Что толку, что она не

успѣла провиниться? Вѣдь низость была у нея въ душѣ, въ самыхъ ея намѣреніяхъ!

Въ этотъ день она вторично пережила раскаяніе, такое же острое, какъ и раньше. Зло оказывалось непоправимымъ. Нужды нѣтъ, что горе зависѣло отъ ея собственнаго воображенія. Отъ этого оно было вовсе не легче!

Съ тѣхъ поръ, какъ Маріана познакомилась съ душевными терзаніями, она полюбила работу. Она сама шила приданое своему будущему первенцу, а хлопотъ съ этимъ приданнымъ было вдоволь.

И какъ бывала она довольна, когда что-нибудь оказывалось уже готовымъ! Ей просто совѣстно становилось восторга, съ какимъ она, бывало, любовалась у комода въ дѣтской какой-нибудь дюжиной, только-что спитыхъ ею, крошечныхъ рубашечекъ. Она никому не показывала своей работы, потому что никто не понялъ бы, что вся прелесть только въ томъ, что она сшила все собственными руками. А какая это была прелесть, такъ и передать трудно!

Наконецъ, надо набивать подушечки пухомъ, и тутъ уже пришлось просить помощи у ключницы. Та выказала при этомъ случаѣ такой, съ трудомъ сдерживаемый интересъ къ дѣлу, что явилось искушеніе похвастать передъ ней и всѣмъ приданнымъ.

Поэтому, когда уже послѣдняя подушка была готова, и Маріана успѣла снять старый передникъ, который надѣла, чтобы защитить платье отъ пуха, она сказала застѣнчиво:

— Я нашла много вещей... Можетъ быть, вамъ интересно взглянуть на мою работу?

— Еще бы не интересно!—вскричала старушка, голосъ которой даже задрожалъ:—такъ она была растрогана.

Маріана повела ее въ недавно лишь меблированную дѣтскую и открыла передъ ключницей ящики комода.

Старушка пришла въ восторгъ. Она знала толкъ въ шитьѣ и совсѣмъ не ожидала отъ молодой хозяйки такого искусства и терпѣнія.

Ледъ былъ проломленъ: обѣ женщины вступили въ дружескую бесѣду.

— У меня тоже былъ ребеночекъ!—сказала крестьянка, утирая глаза чистымъ бѣлымъ фартукомъ.—Но онъ у меня умеръ на четвертомъ годочкѣ.

— Неужели?! — вскричала Маріана съ состраданіемъ и

вдругъ почувствовала симпатію къ ключницѣ, которой до этого дня точно и не замѣчала.

Завязался разговоръ, чрезвычайно интересный для обѣихъ женщинъ. Притомъ, опытная старуха во всемъ могла дать добрый совѣтъ, въ которомъ Маріана очень нуждалась, тѣмъ болѣе, что въ послѣднюю поѣздку въ городъ, держала себя съ матерью какъ-то натянута и стыдилась малѣйшаго намека на свое положеніе. Съ ключницей было такъ легко говорить. Она во всему относилась такъ безыскусственно, просто, что стыдиться ея и въ голову не приходило. И что всего удивительнѣе, Маріана замѣтила, что крестьянка умѣетъ говорить деликатно, выражаясь умно, и даже красиво, о самыхъ щекотливыхъ вещахъ. Между обѣими женщинами установилась положительная сердечность, и Маріана почувствовала, что приобрѣла друга.

И это въ отвѣтъ на первое съ ея стороны довѣріе!

Съ этого дня Маріанѣ стало точно теплѣе въ Темте, и чувствовалось какъ-то спокойнѣе.

Съ своей стороны и старуха стала ежедневно выказывать барынѣ свою преданность, къ чему всегда представлялись всякіе мелкіе поводы. Видно было, что ея старому сердцу уже давно недоставало, къ кому бы привязаться.

Теперь уже никто не имѣлъ права касаться вопроса о непригодности барыни въ хозяйствѣ! Боже избави! А прежде это была любимая струнка старушки, на которой она разыгрывала безконечныя и весьма печальныя варіаціи.

Маріана почувствовала къ ключницѣ какую-то, совсѣмъ дѣтскую, привязанность и стала часто заходить въ кухню. По-немногу она даже заинтересовалась многимъ въ хозяйствѣ. Никогда она не думала прежде, что приготовленіе пищи въ большомъ хозяйствѣ требуетъ такихъ сложныхъ заботъ. И какъ это не забывали той или другой мелочи, безъ которыхъ все бы пришло въ разстройство? Просто удивительно.

— Неужели вы ни разу не забыли выпустить утромъ куръ?—спросила однажды Маріана, пока ключница крошила для куръ оставшійся отъ обѣда хлѣбъ.

— Забыть?—какъ же забыть?—вскричала та съ величайшимъ изумленіемъ.—Нѣтъ, какъ можно!.. Птица, какъ и всякая скотина, требуетъ такихъ же заботъ, какъ и люди.

И вотъ, мало-по-малу, вещи, которыя Маріана видѣла тысячу разъ, не обращая на нихъ ни малѣйшаго вниманія, вдругъ получили для нея интересъ. Помимо ея воли, одновре-

менно съ этимъ, росло и довѣріе въ жизни. Рождались новыя мысли, новыя чувства... И тѣ, и другія оказывались несравненно прочнѣе тѣхъ, которыя порождались только романами.

Ахъ, если бы между нею и Бергеромъ не было „этого“ — этого несчастнаго „этого“. Но пропасть была не переходима...

Иногда на нее находило такое же, ни на чемъ не основанное, радостное настроеніе, какъ и на Бергера. Хотѣлось войти въ его тонъ, шутить надъ пустынями, смѣяться отъ одной жизнерадостности... Но вдругъ пронеслось надъ ней воспоминаніе о томъ, что она скрывала, и ей становилось страшно:—а что, если Бергеръ заподозритъ?

Она знала, какъ онъ ненавидѣлъ ложь и притворство. Она знала также, каковъ онъ становился, когда чѣмъ-нибудь возмущался. Вѣдь онъ бы возненавидѣлъ ее, если бы только зналъ!

За то, если она чувствовала неловкость въ его обществѣ, ничто не мѣшало ей любоваться имъ изъ окна, когда онъ разговаривалъ съ рабочими, или проѣзжалъ молодыхъ лошадей. Онъ бывалъ такъ занятъ дѣломъ, что никогда и не взглядывалъ на окна и не замѣчалъ притаившейся у занавѣси жены.

Бергеръ никогда бы не повѣрилъ, что имъ могутъ любоваться. Онъ былъ очень скромнаго мнѣнія о своей наружности. Но это не мѣшало ему одѣваться очень тщательно и, въ особенности въ привычной ему обстановкѣ, онъ казался даже положительно изящнымъ.

Вообще, Маріана стала замѣчать, наблюдая мужа на работѣ, что между Бергеромъ, взятымъ въ привычной ему обстановкѣ, и тѣмъ мѣшковатымъ увальнемъ-поклонникомъ, за котораго она вышла замужъ, не было ничего общаго.

Бергеръ, напримѣръ, очень любилъ говорить о томъ, что онъ мужикъ, и оттого получалось совсѣмъ неправильное понятіе о его сношеніяхъ съ простымъ народомъ. На самомъ же дѣлѣ рабочимъ и въ голову не приходило позволить себѣ малѣйшее панибратство съ баринкомъ,—и это, не смотря на то, что онъ самъ иногда брался за плугъ или лопату, а при встрѣчахъ съ мужиками никогда не позволялъ себѣ отвѣчать на ихъ поклоны небрежнымъ кивкомъ головы, а всегда кланялся безукоризненно вѣжливо, какъ равнымъ. Его авторитетъ былъ таковъ, что нельзя было и представить себѣ, чтобы кто-нибудь изъ крестьянъ позволилъ себѣ прекословить ему, и всѣ повиновались охотно и слѣпо.

Такъ-то Марианѣ все болѣе и болѣе приходилось убѣждаться, что она совсѣмъ не знаетъ своего мужа, и потому чѣмъ становился онъ для нея привлекательнѣе, тѣмъ болѣе она чувствовала себя передъ нимъ виноватой.

Мариана съ дѣтства боялась потемокъ.

Какъ-то поздней осенью, случилось ей проснуться отъ какого-то страннаго звука. Она прислушалась. За окномъ шумѣла буря; вѣтеръ вылъ въ трубѣ. Но не этотъ звукъ разбудилъ ее, — одновременно съ порывомъ вновь налетѣвшаго шквала, повторился неприятный звукъ колокола! Корабельный колоколь, прозвонившій послѣдній часъ двухъ матросовъ!..

Вокругъ Марианы было такъ темно, что она не могла даже различить предъ собой руки. А буря продолжалась и точно набатный звонъ колокола, который раскачивало вѣтромъ, отъ времени до времени повторялся. Ей стало страшно, такъ страшно, что она убѣжала бы изъ спальни, если бы не надо было пройти до людской двухъ пустыхъ комнатъ, на что она не рѣшалась. Почти до утра дрожала она отъ страха и, когда, наконецъ, уснула, то была совершенно измучена.

За завтракомъ она имѣла совсѣмъ больной видъ, и Бергеръ спросилъ, что съ нею.

— Я цѣлую ночь не спала. Я такъ боялась...—отвѣтила она.

— Чего же ты боялась?

— Этотъ колоколь! Такой ужасъ, когда онъ самъ звонить... Я слышала сегодня ночью.

— Не слѣдуетъ поддаваться такимъ впечатлѣнiямъ!—замѣтилъ Бергеръ очень сухо.

— Но это же врожденная пугливость. Я не могу справиться съ собой!—сказала Мариана жалобно.

Онъ посмотрѣлъ на нее почти съ презрѣнiемъ.

— Врожденная? Нѣтъ; это просто непривычка владѣть собой. У всякаго мужчины была бы такая же врожденная пугливость, если бы онъ не приучалъ себя превозмогать ее. Женщинамъ слѣдовало бы дѣлать то же самое.

Жалуясь на колоколь, Мариана питала тайную надежду, что Бергеръ приважетъ снять его. Но оказалось, что она ошиблась въ расчетѣ,—и это смутило ее. Притомъ, ее оскорбилъ презрительный тонъ, какимъ Бергеръ сдѣлалъ свое замѣчанiе, тогда какъ слѣдовало бы, кажется, высказать женѣ

сочувствіе и хотъ нѣкоторую предупредительность къ ея желаніямъ.

Она надулась и до конца обѣда не проронила ни слова.

Бергеръ замѣтилъ ея недовольство, и, прежде, чѣмъ выйти изъ-за стола, заговорилъ первый.

— Не сердись, Маріана!—сказалъ онъ серьезно.—Съ моей стороны, я тоже не въ силахъ превозмочь врожденнаго отвращенія ко всякой распущенности. Человѣкъ съ силой воли не бываетъ малодушень. Вѣришь ли, мнѣ было бы стыдно за тебя, если бы оказалось, что ты въ самомъ дѣлѣ боишься потемокъ и собственнаго воображенія! Но, конечно, это былъ только отдѣльный случай? Не правда ли? Вѣдь ты не къ тому же заговорила о колоколѣ, чтобы его сняли?

— Нѣтъ, нѣтъ...

Ей стало стыдно своего малодушія и ни за что не хотѣлось внушить Бергеру презрѣніе къ себѣ. Нѣтъ, онъ больше не услышитъ объ ея малодушіи,—за это она ручается.

Въ ту осень было много бурныхъ ночей, и много ночей будилъ Маріану этотъ звонъ колокола. Но она храбро боролась со страхомъ, и понемногу настолько овладѣла своими мятежными нервами, что всякій страхъ разсѣялся.

Не мало-таки гордилась она одержанной надъ собой побѣдой, и впослѣдствіи случалось, что она лежала впотьмахъ и со торжествомъ смотрѣла передъ собой въ тьму, которая представлялась ей побѣжденнымъ противникомъ.

(Окончаніе слѣдуетъ).

НЕДУЖНАЯ.

(РАЗСКАЗЪ).

Тихо на дорогѣ. Дремлетъ, не шелохнется, весь опушенный инеемъ, небольшой, сосновый лѣсокъ, по обѣимъ сторонамъ узкой проселочной дороги, ведущей въ деревнѣ Назимовѣѣ.

Тихо и въ самой деревнѣ, видной съ поворота въ поле... Лишь изрѣдка мелькаетъ огонекъ подъ бѣлыми крышами избъ. Ярче и замѣтнѣе онъ только въ флигелѣ, возлѣ большого, стараго господскаго дома, прилегающаго къ деревнѣ.

Въ одной изъ комнатъ его горитъ лампа, освѣщая, находящуюся тамъ, небольшую группу.

У печки, поправляя догорающія дрова, стоитъ, наклонясь, пожилая женщина въ черной, поношенной юбкѣ, коричневой кофтѣ, съ подколотой косичкой жидкихъ, сѣдѣющихъ волосъ. Съ ласковой улыбкой на добродушномъ лицѣ, оборачивается она взглянуть на сидящую невдалекѣ, на скамеечкѣ, хорошенькую, бѣлокурую, худенькую, тоненькую дѣвочку съ уснувшимъ на колѣняхъ ея котенкомъ.

У самыхъ дверей, за прялкой, сидитъ очень высокая и сильно худощавая старушка въ черномъ ситцевомъ платьѣ на головѣ, медленно вывода нитву и шелка ея при наматываніи на веретено.

Въ глазахъ ея, уже поблекшихъ, но сохранившихъ выраженіе ума и природной смысленности, видна легкая усмѣшка, съ какой слѣдитъ она за стоящей у окна молодой дѣвушкой въ сѣрой блузѣ, станутой желтымъ кожанымъ кушакомъ.

Дѣвушка разсѣянно смотритъ въ садъ, весь занесенный снѣгомъ, голыя деревья котораго темными стволами своими рѣзко выдѣляются на бѣломъ фонѣ.

— Господи!.. скука какая!.. — полушепотомъ прерываетъ

она, наконецъ, наступившее молчаніе.—И такъ каждый день... всю долгую зиму... никакого развлечения!..

— Катерина Леонтьевна, милая, — обращается она къ пожилой женщинѣ у печки. — Расскажите что-нибудь... Вотъ я давно хочу просить васъ рассказать мнѣ объ умершей дочкѣ вашей!.. Ее съ такой любовью вспоминаютъ здѣсь всѣ,—а я вѣдь уже не застала ея, — поступила въ школу на другой годъ ея смерти!

— Это про Любу-то мою, про дочку незабываемую?..— тихо спрашиваетъ Катерина Леонтьевна. Охъ!.. Елена Николаевна, ужъ, и не знаю, право, поймете ли вы изъ рассказа моего неумѣлаго—что за свѣтлая, тихая, кроткая, душа ея была! Какъ и въ недѣгѣ своемъ—ее, такъ, „недѣжной“ въ деревнѣ и звали—никого-то она никогда не обременила, за малѣйшій уходъ благодарная!.. А улыбка ея, добрая, ласковая, всѣмъ любившимъ ее свѣтила!.. Съумѣю ли я объяснить!.. вѣдь я только плакать умѣла, на нее, мою жалкую, гляючи!.. Максимовна, ты знала ее—помнишь?..

— А то, душенька, какъ не помнить?.. Этакую-то, любимицу Божью забыть!.. Я ее и въ путь къ Нему снаряжала... И подушечку въ голову шила, и платье бѣлое!..

— Бабушка, и я помню маму!.. Какъ съ ней на креслѣ ваталась!.. пожалуйста, расскажи о ней!.. — вмѣшалась дѣвочка, вставая со скамейки и забывая о котенкѣ, который, отъ неожиданнаго паденія съ колѣнъ ея, поднявъ дугой хвостикъ, быстро, съ испугомъ, убѣгалъ подъ столъ.

— Нѣтъ, Манюшка, тебѣ скоро спать пора. Я пойду сейчасъ, чайку заварю, и молока принесу. А ты, пока, — ужъ, если такъ любишь слушать, — „душеньку“ проси!—она мастерица связывать!..

— Что это, душенька, гди мни, неученой...

— Ахъ! какъ надоѣлъ мнѣ этотъ А.....скій говоръ. Вездѣ вмѣсто ѣ—и! Въ школѣ сколько приходится мучиться съ этимъ!..—думаетъ Елена Николаевна, садясь къ столу.

— Неправда, Максимовна, ты знаешь много сказокъ... стиховъ!.. — пристаётъ Маня, ласкался къ ней, обвивая ея жилистую, морщинистую шею своими тонкими ручьями.

— Да что-жъ я вамъ, душенька, скажу?.. Разви стихъ священный.

— Нѣтъ, сказку лучше!.. Какъ это? Помнишь?... Дѣлать на три кучки: это мнѣ, это тебѣ, а это тому, кто калабашку укралъ!..—перебиваетъ ее Маня.

— Помню, цыпушка, какъ же, только сязка-то больно долгая!..

— Ну, смѣшную, какъ поѣхалъ попъ въ Крымъ-городъ!..—не унимается дѣвочка.

— Поѣхалъ попъ въ Крымъ-городъ, за крымскимъ масломъ... Туда онъ съехалъ—оттуль не приехалъ!.. — старческимъ, дребезжащимъ голосомъ запѣваетъ вдругъ Максимовна.

— Максимовна! Самоваръ вскипѣлъ... помоги мнѣ принести его!..—окликаетъ рассказчицу Катерина Леонтьевна.

— А сейчасъ, душенька, иду!..

Максимовна всѣхъ, и господъ, и деревенскихъ, и мужчинъ и дамъ, зоветъ „душенька“. Къ этому всѣ уже давно привыкли и ее, въ свою очередь, прозвали тоже „душенькой“, забывая настоящее имя ея—Авдотья.

Самоваръ кипитъ на столѣ. На тарелкѣ лежатъ бѣлыя, крѣпкія, крендели. Маня съ удовольствіемъ грызетъ ихъ и, покормивъ молокомъ котенка, покорно исполняетъ приказаніе бабушки—идти спать, наклоняя, для благословенія, бѣлокурую голову и подставляя овальное личико для поцѣлуя.

— И я, душенька, спать пойду... полно пряхть... Спина что-то ломитъ. Прощайте, душеньки!..

— Покойной ночи, душенька,—улыбается Катерина Леонтьевна.

Максимовна убираетъ все со стола и, зайдя за перегородку, гдѣ стоитъ кроватка Мани и старый диванъ, ложится на него, творя молитву на сонъ градушій, громко собирая всѣ названія иконъ Божіей Матери и нѣкоторыхъ святыхъ:

— Какая память у нея!..—удивляется Катерина Леонтьевна, надѣвая очки и садясь къ столу съ работой. Всѣ быliny знаетъ... хоть и не грамотная! Изъ прежней помѣщицкой жизни хорошо рассказываетъ... И какой природный умъ! Какъ толково вела дѣла свои!.. Всю семью на ноги поставила!

Елена Николаевна вяжетъ какое-то замысловатое кружево.

Ее гораздо болѣе занимаетъ исторія „недужной“, чѣмъ „душенька“.

— Катерина Леонтьевна, ну что же вы, расскажите о Любѣ—я слушаю!..—проситъ она бабушку Мани.

Катерина Леонтьевна задумывается.

Образъ дочери, какъ живой, встаетъ передъ ней. Ей даже точно чудится присутствіе ея въ этой комнатѣ, гдѣ та провела послѣдніе дни свои!..

— А когда маленькая-то была она... хорошенькая... здоровенькая... толстенная... щечки красненькия... волосики каштановые... кудреватые... точно шапочка густая на головкѣ!.. — начинаетъ, вспоминая, Катерина Леонтьевна.

Отца она очень любила!.. Такъ бывало и тянется къ нему, нарывать за бороду схватить, либо за носъ цапнуть!.. И удивлялась я своему Николаю Андреевичу!.. Всегда такой хмурый, больной, да раздражительный... Печенью страдалъ онъ сильно... Отъ этой болѣзни и умеръ, а Любушѣ всегда улыбнется, и не надоѣсть ему она, хоть часъ цѣлый на колѣняхъ сидитъ!.. „Это, вѣдь, одна утѣха моя, одинъ отдыхъ отъ работы тяжелой и скучной!..“ — проговорить, бывало... Точно и ему самому странно, что такой молчаливый, да угрюмый, пѣсенки напѣваетъ... готовъ плясать съ ней!.. А работа у него, дѣйствительно, была скучная! Утромъ — въ департаментъ — на службѣ, да и по вечерамъ подолгу сидитъ — бумаги переписываетъ. Жалованье получалъ небольшое, но намъ, въ жизни нашей неприхотливой, хватало! Въ долги, слава Богу, не входили! Квартирка была маленькая, — всего двѣ комнаты, да кухня, — но я ихъ чисто содержать старалась. На окнахъ занавѣсочки, всегда чистенькия, бѣлыя... чехлы на мебели — тоже!.. На столикахъ салфеточки вязаныя... любила я, когда досугъ, вязать ихъ... Цвѣточки на окошкахъ стояли: розанчики мелкіе, левкои, гортензіи... Каюсъ... отросточки у знакомыхъ воровала!.. Говорять, когда своруешь — цвѣты лучше идутъ!.. Полъ такъ и блестялъ, — дѣвушка одна знакомая приходила мыть. А кушанье сама я готовила. Не на что прислугу нанимать! Да и что жъ было мнѣ день-деньской дѣлать, какъ не хозяйничать, да Любочку нянчить?.. Такъ, бывало, хорошо, душеспокойно, когда, вечеркомъ, особенно подъ праздникъ... Лампадочку передъ образомъ зажгу... Любаша спитъ... Тихо такъ... Самоварчикъ кипитъ... Чай сижу съ мужемъ пью!.. И меня, вѣдь, любилъ онъ!.. Только отъ болѣзни кричалъ иногда... раздражался... А сердце хорошее было у него! Да вотъ, скажу я вамъ, Елена Николаевна, не хвастовства ради, Боже сохрани!.. Каждый человекъ долженъ помочь другому, особенно дитяти, слабому, да беспомощному!.. А только Николай Андреевичъ первый всегда просилъ меня не оставить сироту — сына знакомаго его одного, товарища бывшего.

Жилъ этотъ знакомый, не тѣмъ будь помянуть, — дрянный человекъ былъ — напротивъ насъ, дверь въ дверь. Вдовый,

жена отъ горя да пьянства его проклятого и въ могилу сошла рано!.. сына 5-лѣтняго оставила.

И росъ этотъ мальчикъ безъ призора всякаго... Ну, какъ же, безъ матери, съ отцемъ пьяницей!..

Мужъ мой, долго усовѣщевалъ его бросить страсть эту пагубную, — да развѣ ихъ образумишь? Мы и къ себѣ не пускали его болѣе.

А Марочку — Марвъ, дали имя ему, въ честь, кажется, дѣдушки его — каждый день приводила я къ себѣ. Грязенькій всегда такой, съ мальчишками во дворѣ играя... Я его въ корытѣ вымою... головку вычешу... Бѣловуренькій такой былъ — хорошенькій мальчикъ!.. Только приручать его, какъ звѣрька какого диваго, надо было! Да и не мудрено! Отецъ, подъ пьяную руку, порядкомъ, случалось, стукнетъ, напугаетъ — онъ и боится потомъ!..

Никому не хотѣлъ отдавать. „Мой, говорить, мальчишка, самъ прокормлю!“ . А ужъ гдѣ прокормить!.. Такъ низко спустился, въ кабацкѣ сидя, забывъ, что и на службѣ чиновникомъ когда-то числился!..

Я булочку, бывало, испеку... Люба-то, мала еще была, всего 2-ой годикъ шель, не давала мучнаго, — вредно, а Марочкѣ и отдамъ: — Кушай, милый, кушай, сиротка, бѣдный, на здоровье!.. — И обѣдалъ онъ почти всегда съ нами, чѣмъ Богъ послалъ!..

Софья Александровна Стахова, — знаете, вѣдь, вы еѣ — сколько разъ въ школѣ у васъ бывала... Такая она чудесная, добрѣйшая! Тоже Марва приголубила!.. И, какъ хозяйка дома, не выгоняла отца его, безпутнаго, за то, что за квартиру не платилъ. А когда тотъ до бѣлой горячки допился и его въ больницу свезли — тамъ онъ и умеръ — она Марочку къ себѣ взяла. Родныхъ не было у него, да и были бы, такъ не всякій охотно чужого ребенка возьметъ. Софья Александровна дѣтей любила, а сама замужъ почему-то не пошла — такъ, хоть, воспитанника надо!.. Минута добрая нашла... жалко стало... ну, а потомъ и отказываться совѣстно!..

Вотъ и росли наши дѣтки — Любушкѣ 6 лѣтъ было, а Марку 12 ужъ!

Слушался онъ Софью Александровну, это правда, но только скучалъ одинъ у нея. Чуть возможно — сейчасъ къ намъ прибѣжить, найдетъ вакую-либо бумажку или доску грифельную, и безъ конца рисуетъ... Домики тамъ, фигурки разные! Удивительную способность и пристрастие къ рисованію имѣлъ!.. Все забудеть за картинками своими!..

Ну-съ, пришло время и объ ученѣ подумать!..— продолжаетъ Катерина Леонтьевна.—Весь вопросъ, разумѣтся, въ деньгахъ—откуда взять ихъ—въ гимназію чтобъ вносить.

Надо вамъ сказать, былъ у меня двоюродный братъ,— Любочкинъ отецъ крестный. Богачъ, а на удивленіе—скупой и жадный!.. Всякое-то старое письмо подбереть, и если есть гдѣ неисписанная страничка, оторветъ,—въ ящикъ свой запретъ, а когда надо письмо писать, онъ на ней, экономіи ради, и пишетъ. Но, какъ ни скупъ былъ старикъ, а сынъ его, Петръ, еще скупѣе оказался, хоть жадность свою и умѣлъ скрывать!.. Каюсь, думала, и теперь даже думаю, что это онъ не исполнилъ волю отца, не отдалъ намъ тѣхъ денегъ, о которыхъ, при жизни, старикъ говорилъ и Любочкѣ, и мнѣ.

Я, говорилъ, Любушку очень люблю, и васъ, сестрица, тоже, больше другихъ родныхъ. Вотъ тысячу даю въ приданое крестницѣ.— А послѣ смерти моей,—надѣюсь на Петра,—онъ исполнитъ мою волю... дасть то, что я еще вамъ оставлю!..

А мы, кромѣ той тысячи, ничего послѣ него отъ Петра и не получили... Ну, да, можетъ быть, я грѣхъ на душу беру... Пожалуй, сулилъ только!.. Но въ гимназію, спасибо старику, самъ вызвался платить... Ужъ вѣрно Любушка и его душу каменную чѣмъ смягчить сумѣла!..

А Николаю Андреевичу горько было, что самъ онъ, изъ жалованья одного, за дочку любимую платить не можетъ.

Да и болѣзнь его въ это время усилилась. Какіе-то желчные камни въ печени появились. Ужъ такъ страдалъ, бѣдный, даже вскрикивалъ отъ боли!

Наканунѣ смерти своей подозвалъ меня, поцѣловалъ и говорить:

— Охъ! Катя, тяжело мнѣ оставлять тебя и дочь не-обезпеченными!.. Пенсія, не вполнѣ выслуженная, небольшая... не хватитъ вамъ... Но зато съ чистою совѣстью уйду... Обманомъ, либо взяткой не рѣшался нажить состоянія... И тебѣ спасибо, не неволила меня на наживу, какъ то другія жены дѣлаютъ!..

И ласково такъ глядитъ... Я, разумѣтся, плачу, и Люба-тоже. Руку его, блѣдную, худую, цѣлуетъ.

— А ты, дочка моя хорошая, сохрани ты душу свою чистую, хрустальную!.. Смотри, Катя, нивому, не давай разбить ее... Кажется, я тогда и на томъ свѣтѣ почувствую!..—

Вотъ, вѣдь, сколько нѣжности къ намъ было, а никогда не выказывалъ ея!..

Кончилъ онъ мучиться — схоронили... И часто мы на могилку ходили. Но всякое горе утихаетъ, и наше затихло... Только я теперь я со слезами вспоминаю иногда покойничка!..

Время быстро идетъ... Кончила Любочка гимназію, и хорошо кончила, первой, — такая прилежная, старательная къ ученью была... Не то, что Маркъ. Тотъ уроковъ почти и не готовилъ совсѣмъ — весь своимъ рисованіемъ занятый...

И правда, талантъ былъ, самъ онъ чувствовалъ... Но въ академію не кончившаго гимназію, либо школы вообще — не принимаютъ... Онъ это узналъ, и постарался — выдержалъ экзаменъ и въ академію поступилъ. Вотъ радовался-то! И Любочка съ нимъ, точно и ей какое счастье отъ этого выпало!.. Да и ей нашла урокъ Софья Александровна, добрѣйшая, — и насъ это, хоть немного, поддержало! А пока училась Люба — трудненько было!.. Отдашь за квартиру, на ѣду мало! Хорошо, что еще Софья Александровна не всѣ деньги за квартиру сразу спрашивала!..

А когда лѣто настало, она и меня, и Любу, и Марку въ деревню къ себѣ отослала, — этотъ флигель, гдѣ теперь живемъ, намъ отдала.

Я, говоритъ, въ Москвѣ по дѣламъ быть должна. А взду-маю пріѣхать, въ домѣ поселюсь.

Лѣто въ тотъ годъ было такое жаркое, славное!.. Я, и Софья Александровнѣ, и себѣ варенья наварила, и огурцовъ насолела, и грибовъ, бѣлыхъ и рыжичковъ, отварила! Въ лѣсу, и въ саду всякой благодати уродилось!..

За хозяйствомъ Любу и Марку почти совсѣмъ и не видала. Маркъ жилъ въ домѣ — куда жъ бы его во флигель?.. Тамъ и мольбертъ установилъ. Я все только ворчала, когда онъ во мнѣ на кухню кисти свои приходилъ мыть; напачкаетъ красками вездѣ.

А онъ задумалъ съ Любочки портретъ писать. И такъ онъ ее похоже да красиво изобразилъ!.. Вѣнокъ изъ васильковъ и ржи на голову надѣлъ... Сарафанъ она себѣ, красный, въ деревнѣ достала... Рукава бѣлые... Волосы, длинные, каштановые — въ одну косу густую заплела... Сама, такая высокая, стройная, красивая!.. Глаза синіе, темные... точно васильки сами!.. Да главное, смотреть-то на всѣхъ такъ любовно... ласково и весело!..

Залюбовалась я на дочку свою милую! Сама - то лю-

буюсь... но чтобъ и Маркъ могъ любоваться да, какъ женихъ невѣсту, полюбить—мнѣ ни минутки и въ голову не приходило!..

Повѣрите - ли, все ихъ дѣтьми считала!.. Какъ дѣти вмѣстѣ все были, гуляли да играли, думаю, и теперь тоже!.. Забывала, что Любѣ-то 17-ть минуло, а Марку 23 ужъ!.. Академію кончаетъ!.. И какіе же они женихъ съ невѣстой... когда ни у того, ни у другой ничего нѣтъ!.. Жить нечѣмъ... Развѣ при нынѣшней дороговизнѣ можно бѣднымъ вѣнчаться?.. Сами должны понять!..

Признаться, я и этого не думала тогда... Такъ далека отъ мысли о свадьбѣ ихъ была! А они—молодое въ молодому льнуло! Оказалось, времячка не теряли напрасно!.. Какъ теперь помню... Было это наканунѣ Ильина дня. Я весь день, за хозяйствомъ, на ногахъ стояла... сморилась!.. Къ вечеру, прибравъ все, зажгла лампадочку, помолилась Богу и легла, вонъ, на тотъ диванъ, гдѣ теперь Максимовна лежитъ.

Лежу я такъ, не засыпаю еще и слышу вдругъ — за перегородку входитъ Люба. Увидавъ меня, быстро, быстро такъ опускается на колѣни передъ диваномъ... и начинаетъ меня цѣловать...

— Мама... мамочка, моя дорогая...—шепчетъ.—Я знаю, какъ ты любишь меня!.. Не воспрепятствуешь, вѣдь, счастью моему?.. Не отнимешь его?.. Послушаніемъ моимъ не воспользуешься? Да?.. да... мамочка?..

— Голубка ты моя, говорю... Я ничего не понимаю!.. Ты про что же это?.. Какое счастье?.. Да развѣ захочу отнять его у тебя?.. Ты только скажи, поясни, въ чемъ дѣло?

Она голову мнѣ на грудь спрятала, да еще тише шепчетъ...

— Мама, я слово Марку дала, замужъ за него идти!.. Мама... онъ славный!.. А талантъ какой!.. Полюбила я его, мамочка... Благослови насъ, дорогая!..

Я такъ и обмерла, эти рѣчи ея, безсвязныя, слушая.

— Любочка, ласточка моя! Да думаете ли вы оба, неразумные, что повѣнчаться легко... а жить-то чѣмъ будете?.. Какъ же мнѣ на неразуміе это ваше самое согласиться?.. Да и что же, въ самомъ дѣлѣ, такое?.. Все дѣтьми были, играли, учились... и вдругъ, женихъ и невѣста?

— Мы, говорить, мама, и сами не знаемъ, какъ это случилось!.. Когда полюбили? Когда перестали, какъ братъ на сестру смотрѣть? И онъ никогда не высказывалъ любви мнѣ своей... Сегодня въ первый разъ!.. Зачѣмъ, мама, говорить объ

этомъ? Сама была молода... Вѣрно, помнишь, какъ любила, когда замужъ шла!.. А что до денегъ касается... правда... мы и не думали о нихъ!..

— Еще бы, говорю, думать о послѣдней вещи такой!..

И досадно мнѣ, а какъ взгляну на нее, такую до-вѣрчивую, ясную... думаю—не рѣшиться мнѣ отказомъ своимъ отуманить лицо ея милое!.. И притомъ подумала, что не въ богатствѣ и я вѣкъ свой прожила... вѣдь не тужила и не плакала. А у нихъ, если вмѣстѣ жить станемъ, кромѣ пенсіи моей, и заработокъ будетъ. Люба урокомъ, онъ—картину когда напишетъ, продастъ! Да и Софья Александровна, знаю, не оставитъ. И отецъ крѣстный пошлетъ ту тысячу.

Поговорила я съ Софьей Александровной, и она вотъ что откровенно рассказала мнѣ.

— Имѣніе, говорить, у меня братнино. Только тамъ часть моя. И домъ тоже. Много, значить, Марку дать я не могу, хоть и взяла его на воспитаніе. Я ему квартиру даромъ дамъ и хоть рублей 15—20 въ мѣсяцъ, пока академію не кончитъ и самъ себѣ, быть можетъ, дорогу проложить...

Что же, другіе и съ меньшаго начинали... А я очень рада, что онъ на Любочкѣ женится... Она доброе вліяніе будетъ имѣть на него!

И очень огорчила она меня тутъ, прибавивъ къ этому:

— А за Маркомъ строго слѣдить надо... Чуть немного—онъ и въ сторону свернется... Это такой характеръ! Сегодня тѣмъ, завтра другимъ увлечется! Взяла я его тогда изъ жалости, но сильно привязаться къ нему, каюсь, не могла никакъ! Все онъ о себѣ одномъ думаетъ, вотъ что отталкивало! Неужели, Люба, сама такая отзывчивая къ другимъ, не замѣчаетъ этого? Впрочемъ, быть можетъ, мнѣ все только кажется. Сама можетъ не умѣла привязать къ себѣ—онъ сторонится меня!..

Все это говорила я Любѣ, но она только улыбнется мнѣ, утѣшая.

— Нѣтъ, мамочка, онъ хорошій!.. Будемъ счастливы... успокойся... Я такъ въ него вѣрю и люблю!..

Ну, такъ и согласилась.

Свадьба ихъ была тихая, скромная. Только товарищи его, художники, да подруги Любины по гимназіи были.

И точно, зажили наши молодые очень хорошо. Онъ усердно работалъ въ академіи, она еще урокъ достала. Съ моей пенсіей да деньгами Софьи Александровны все рублей

60 въ мѣсяцъ скоплялось, ничего—доставало, при даровой квартирѣ особенно!.. Черезъ годъ родилась у нихъ Манюшка.

Вотъ-то радости было!.. Точно царь-повелитель какой въ домѣ появился! Всѣмъ мила дѣвочка, а мнѣ, бабушкѣ, внучка чуть не любезнѣе дочки вается! Съ рукъ на руки переходила. Насъ трое, да еще и Софья Александровна.

Живемъ мы такъ, радуясь, не предчувствуя, что въ намъ темная туча горя и страданія надвигается... А она ужъ надъ головами виситъ!..

Было это за двѣ недѣли до Рождества. Я Манькѣ платице розовенькое въ празднику шью. Марку что-то нездоровилось, простудился немного, сидѣлъ дома и въ старыхъ рисункахъ разбирался. Люба помогала ему, и оба о чемъ-то смѣялись. Вдругъ слышимъ звонокъ. Почтальонъ письмо Любашѣ подаетъ. Прочитала она его и говоритъ намъ:

— Это отъ крѣстнаго. Пишетъ—заболѣлъ и желаетъ видѣть меня, проситъ сейчасъ же собраться въ Новгородъ!.. Я думаю, надо ѣхать!..

Пошли у насъ толки, какъ она одна доѣдетъ? Марку нельзя. Мнѣ Маньку нявчить надо... А старику отказать, быть можетъ, въ послѣдней просьбѣ—тоже невозможно!..

Люба рѣшила ѣхать и живо такъ собралась. На другой день выѣхала. Мужъ проводилъ ее на желѣзную дорогу, усадилъ въ вагонъ 3-го класса и воротился хмурый такой!..

Любушку любилъ онъ, а что до другихъ, частенько замѣчала я, вообще худо относился.

Только не дальше, какъ черезъ день.. Охъ!.. страшно вспомнить!.. входитъ онъ ко мнѣ съ газетой, до того самъ побѣлѣвшій... что я даже Маню чуть съ рукъ не выронила!..

— Что, говорю, съ тобой?.. А сердце такъ и стучитъ... руки холодѣютъ!..

— Тѣтя Катя,—говоритъ запинаясь...—Наша Люба... Крушеніе поѣзда!.. Можетъ и жива!.. Ёдемъ къ ней!.. и слезы скрываетъ!..

Ни слова не могла я отвѣтить. Будто меня за горло кто схватилъ и душитъ. Принесъ онъ мнѣ воды, очнулась немного!.. Все одно въ умѣ... Скорѣй, скорѣй, увидѣть... узнать... Но, вѣдь, страхъ да любовь словами не опишешь, не расскажешь!.. Ужъ и о Манькѣ забыла. Спасибо, Софья Александровна взяла ее въ себѣ. Ничего не спрашиваю, какъ и что случилось! И онъ молчитъ, и ему нелегко!..

Какъ доѣхали до мѣста крушенія, видимъ три вагона

разбитыхъ лежать... обломви!.. Тѣла и раненыхъ, разумѣется, убрали, третій день пошелъ.

Слышимъ, говорятъ вокругъ, что какъ столкнулись поѣзда... Передніе вагоны на другіе... и съ рельсовъ соскочили... Убитыхъ человѣкъ семь... восемь... а раненыхъ, говорятъ, много!.. Въ больницу новгородскую свезли, вѣдь всего версть 30 до города крушеніе случилось!..

Убитыхъ?.. А если... и Люба?.. Да нѣтъ, Богъ милостивъ, не допустить скорби такой!..

Зачѣмъ ей, такой молодой, кроткой, да хорошей умирать?.. А ранена — вылечать, пусть, пусть калѣвка, но съ нами будетъ!..

Поздно пришелъ поѣздъ, но мы сейчасъ же отправились въ больницу, узнать имена пострадавшихъ!

Небольшое такое строеніе больница. Корридоры темно-ваго лампами освѣщены.

Спрашиваемъ фельдшера, въ числѣ ли привезенныхъ Любовь Николаевна Голубева?..

— Да, отвѣчаетъ, есть такая. Во второй палатѣ, въ хирургическомъ отдѣленіи лежитъ. Только видѣть ея нельзя. Слаба очень. Ей ногу совсѣмъ раздробило... пришлось ампутацію дѣлать!..

Не вскрикнула я... за Марка лишь ухватилась, чтобъ не упасть... Ноги такъ и подкашиваются.

И онъ зубы стиснулъ, дрожить. Суетъ фельдшеру три рубля, просить хоть на минутку впустить, взглянуть только!..

— Ни слова не говорите съ ней, не волнуйте. Вчера была операція, говоритъ фельдшеръ, и повелъ насъ.

И есть же на свѣтѣ столько боли и страданія!.. И тамъ, и тутъ... стоны раздаются!..

А я иду, точно каменная!.. Все во мнѣ замерло... Будто и не Любочку увижу сейчасъ несчастную, искалѣченную!

А какъ видѣть хотѣлось!.. Но она и глазокъ отъ слабости открыть не могла. Лежитъ блѣдная... Рѣсницы длинныя, темныя опущены... Руви вдоль одѣяла выпростаны... Волосы ея густыя, каштановыя, по подушкѣ разметаны... Губы засохшія сжаты!..

Стоимъ мы, и не узнаемъ нашу Любочку, свѣженькую, да румяную, какою въ послѣдній разъ видѣли!.. Точно другая тутъ... Но такая жалкая... еще ближе нашему сердцу измученному!..

Замѣчаю я, что Маркъ даже на мѣсто-то, гдѣ нога боль-

ная подъ одѣяломъ лежитъ, смотрѣтъ боится!.. Постояли мы, да такъ и ушли, не слыхавъ ея голоса любимаго!..

Только дня черезъ три позволили намъ ходить къ ней. Въ первый разъ, какъ сознала, что мы тутъ, какъ-то личико болѣзненно сморщилось... и слезинка по немъ скатилася!.. Но сейчасъ же улыбнуться постаралась и начала, хоть тихо, но спокойно, говорить:

— Что жъ дѣлать, Марочка... и мама милая!.. Воля Божія... хоть калѣкой... да съ Маней и съ вами жить могу!.. А другіе-то?.. убиты!..

Помолчала и говорить опять:

— Какъ все это неожиданно случилось!.. Мнѣ очень покойно было въ некурящемъ вагонѣ... Противъ меня дама такая привѣтливая сидѣла... все еще пирожками угощала!.. Вдругъ точно что толкнуло!.. да такъ сильно. Мы всѣ съ мѣстъ вскочили... Еще, еще толчокъ... И тутъ ужъ все начало валиться!.. Я обо что-то сильно ударила!.. А затѣмъ какая-то страшная тяжесть... боль... Ой, мама, какая боль!..

Ничего не помню, что было потомъ!.. Какъ вытащили... Сюда везли!.. Никакой мысли у меня не было,—ни о вомъ изъ васъ... Только боль, то тупая, то ноющая боль въ ногѣ!..

Еще первыя минуты подъ хлороформомъ помню... затѣмъ—ничего!.. Но на другой день заплакала... когда почувствовала... Мама, я знаю... нѣтъ... но ты... ты, Марочка... не разлюбишь меня, за то... за то... И не докончила моя несчастная, чего именно боялась... Что за калѣчество ея невольное мужъ разлюбить...

Катерина Леонтьевна останавливается, отирая выступившія слезы. Максимовна, не слышно, въ чулкахъ, встаетъ и подходит къ столу. Искреннее участіе къ людскому горю, свѣтится въ ея старыхъ глазахъ.

— Да, душенька, не легко матери переносить было, на болѣзную гляючи!.. Мужъ что... ему здоровье надо... А вотъ матери-то!...—тихо качаетъ она головой, совсѣмъ забывая сонъ.

Елена Николаевна наклоняется надъ вязаньемъ, чтобы скрыть наворачнувшія слезы.

— А послѣ, какъ они жили?—спрашиваетъ она.

— Ну, а потомъ, когда она больше двухъ недѣль отлежала въ больницѣ, повезли мы ее домой. Очень трудно везти было. Но она терпѣливая, все выносила; старалась не стонать даже,—и насъ ободряла, веселой казалась. Только не вытерпѣла, когда Маню увидала!

Та узнала ее, тянется... мама, мама! А мама цѣлуетъ ее и шепчетъ:

— Теперь и съ тобой, моя крошка, нельзя мнѣ погулять и на рукахъ поносить!..

Ей вѣдь, кромѣ ноги, еще спину повредило! Въ позвонкѣ какомъ-то! Докторъ сказалъ, что ей, всю ея, немногую, остальную жизнь лежать придется...

Не весело потянулись дни у насъ. У меня все изъ рукъ валится, какъ погляжу я на нее, точно къ мѣсту одному прикованную!.. Софья Александровна, спасибо ей великое за все участіе, какое принимала въ насъ, лекарства-то нужные покупала, а главное, длинное кресло на колесахъ купила. Вывозить ее потомъ могли въ немъ. Маркъ, первое время, не отходилъ отъ нея. Ему, видите ли, какъ художнику, нравилось какое-то особенное „лучистое“—говорилъ онъ—выраженіе больного лица, большихъ синихъ, теперь совсѣмъ глубокихъ глазъ ея.

И онъ, надо правду сказать, съ большой любовью и умѣньемъ передалъ это на портретъ или, вѣрнѣе, на картинѣ. Ее полулежащую въ креслѣ... и Маню, играющую около нея!..

Но только кончилъ... совсѣмъ вдругъ измѣнился!.. Точно и глядѣть на нее избѣгаетъ!.. Даже изъ дома сталъ все чаще и чаще отлучаться.

Разъ, я вижу, въ другой комнатѣ, досталъ онъ портретъ ея, первый—гдѣ она здоровая, цвѣтушая, красивая, въ сарафанѣ, съ вѣнкомъ на головѣ снята!.. И рядомъ поставилъ тотъ, гдѣ она больная, худая, грустная, недвижимая!..

— Тамъ жизнь—тутъ смерть!..—слышу, шепчетъ.—А я жизни хочу!.. Не выдержать нервы!.. Не могу видѣть страданіе одно!..

А во мнѣ такъ вотъ и кипить. Ахъ ты,—думаю,—безсовѣстный, безсовѣстный!.. На какую кротость и терпѣніе смотрѣть не можешь!..

Но ему ничего не говорю. Понимаю, что бранью да укорами не поможешь,—еще пуще раздражишь!..

А тутъ еще, какъ на грѣхъ, поссорился онъ съ профессоромъ своимъ по живописи, тотъ ему и повредилъ чѣмъ-то—не знаю. Но только его не послали, какъ хотѣли, за границу и медали не дали, хоть всѣ говорили, что талантъ есть у него!..

Началъ онъ такъ тосковать... такъ упалъ духомъ... Все судьбу свою бранилъ!..

Я отъ Любочки его жалобы скрывала, и онъ при ней сдерживался, но она чуткая, сама чувствовала все!..

Задумала она и твердо рѣшила достать гдѣ-либо денегъ, ту хоть тысячу отъ крестнаго пожертвовать, и Марку своего за границу отправить — картины въ Италиі — учиться писать!..

— Мама, — говоритъ, — голубушка, мама! Не мѣшай ты мнѣ, не отговаривай!.. Легче мнѣ будетъ знать, что Маркъ таланта своего не губить, чѣмъ видѣть, какъ онъ около меня бесполезно мучится!..

Я ей о Манѣ напоминаю, но вижу, что еще тяжелѣе жертву ея дѣлаю!..

Но только что собралась она писать отцу крестному, прѣзжаетъ къ намъ сынъ его Петръ съ извѣстіемъ о кончинѣ отца. Привозитъ тысячу, а о другихъ деньгахъ — молчить!..

Я хотѣла спросить: не оставилъ ли братъ, какъ обѣщаль, да совѣстно было, поделкиватничала, а ужъ Люба, разумѣется, не спросила!..

Такъ и уѣхалъ онъ. А я думаю: и на что ему?.. самъ богатый такой и одинокій!..

Какъ волшебница добрая, Софья Александровна и тутъ къ намъ на помощь подоспѣла!.. — Нашла какого-то покровителя искусствъ, уговорила его дать возможность молодой талантъ развить!.. Сама своихъ денегъ прибавила, и стали мы нашего художника въ путь-дорогу снаряжать... года на два или болѣе разставаться!..

Совѣстно ему передъ несчастной, оставляемой, женой радость свою высказывать, все-таки любилъ ее — да ужъ очень привольной жизни въ лучшемъ краю хотѣлось. Всю природу ту, видите ли, въ краскахъ передать!..

А Любушка и виду не подаетъ, какъ тяжело ей въ холости ея, — быть можетъ, на вѣкъ, разлучаться съ нимъ!.. Жалѣла, что въ вокзалъ проводить не можетъ!

Онъ руки ей цѣловаль... плакалъ даже... Обѣщаль писать чаще. И точно, первое время большія письма присылалъ. Все мѣстностью восхищался... Какое небо чудное... Какъ тепло... хорошо... Какія картины думаетъ писать!..

Ему-то хорошо, а Любушкѣ моей каково!.. А она, милая, радуется за него!

— Видишь, мама, Марочка какъ доволенъ!..

И потомъ, даже, когда письма стали рѣже приходиться, она, хоть и сильно мучилась этимъ, а все заступалась.

— Некогда ему, говорить. Весь онъ въ картинахъ своихъ!..

А мы съ Софьей Александровной сомнѣваемся. Да не у кого спросить: дѣйствительно ли онъ такъ искусству своему предался, что и жену, такую несчастную, точно забывать сталъ!.. Прошло около года. Любочка крѣпитя, ни на что не жалуется... а сама худѣетъ да слабѣетъ!.. Вѣрно, отъ лежанья постоянного.

Докторъ, знакомый намъ старый, не лѣнился, даже потомъ и въ деревню прїѣзжалъ лечить её. И денегъ, Боже сохрани, ни за что не бралъ съ насъ. Началъ онъ настаивать, чтобъ на чистый воздухъ увести. Иначе, не долго протянется!

Софья Александровна списалась съ братомъ, и отдала намъ для житья флигель этотъ. Молочное велѣла арендатору даромъ давать, а на прочее своего хватало.

Любушка такъ и ожила, какъ въ деревню перевезли!.. Всему радуется... все ей нравится!.. И поля, и лѣсокъ, и садъ большой. Мы ее лѣтомъ въ креслѣ катали, такъ съ неохотой въ комнаты возвращалась... Все бы сидѣла да глядѣла вокругъ.

— Люблю, — говорить, — прекрасный мїръ Божій!.. И не могу я, мама, понять, какъ это люди, по собственной волѣ, сами себя убиваютъ!.. Кажется... какое бы горе, какое несчастіе ни случилось бы... лучше муки вынести... чѣмъ лишиться себя радости видѣть все чудное созданіе Господне!..

— Это потому, душенька, — вмѣшивается Максимовна, — что нынче мало крепости стало!..

— Крепости, Максимовна, — по привычкѣ поправляетъ учительница.

— Ну, неученая я, прости, душенька... У насъ вси такъ говорятъ. А только это вправду, что нить крепости!.. Надо Бога-Спасителя молить, чтобъ далъ её... Тогда, и жить будетъ лучше, смѣлѣе!..

— Сказывай, сказывай далѣ, Катерина Леонтьевна... Какъ Любушка-то — и насъ, темныхъ, учила. И я хаживала послушать... Такъ-то хорошо да толково читала и говорила она!..

— Видите-ли, Елена Николаевна, въ чемъ дѣло. У Софьи Александровны была бібліотека въ деревнѣ, она её въ полное распоряженіе Любѣ и предоставила. Та упросила насъ перенести всѣ книги во флигель, положить возлѣ нея. Начала разбираться въ нихъ.

Эта годится... и эта тоже, говорить. Прочитываетъ и откладываетъ. А когда подошла осень и зима, крестьянамъ отъ работъ свободнѣе стало, по вечерамъ, а то и по утрамъ, особливо воскреснымъ, попросила истопить залъ въ домѣ и перевозить себя туда.— и начала читать, да объяснять.

Сначала мало приходили, а потомъ даже мужики, не то, что бабы, стали слушать. Не неволила, кто хочетъ! Тоже вначалѣ содомъ поднимали... перебивали... а ей и безъ того тяжело читать громко... Но какъ начали понимать... притихли, и только голосъ ея, хоть слабый, но ясно слышался!.. Поняли они, что добра и разума желаетъ имъ Люба... Полюбили её, „недужной“ прозвали. Бабы просили не обижать, брать у нихъ, когда онѣ отъ усердія своего ей ягодъ, грибовъ, яичекъ приносили!..

Вотъ за чтеніями этими да заботами о Манѣ... выросла дѣвочка... утѣшала маму свою!.. время и проходило! Съумѣла, вѣдь, и въ болѣзни своей тяжелой другимъ полезной быть! Отъ недостатка движенія ли, или внутри что хуже стало, только ужъ видимо начала сильно слабѣть... Таесть, вижу, какъ свѣчка!.. Старается не показывать слабости своей. О Марѣ справляется. Пишетъ ему, будто ей легче, чтобъ не пугать и отъ работы его, видите ли, не отрывать!..

А онъ только о себѣ, да о картинахъ своихъ расписываетъ!.. Иногда и писемъ долго не дожидаться!..

Таяла, таяла такъ бѣдняжка моя, и совсѣмъ почти незаметно, тихо, спокойно, ушла отъ насъ!..

Лѣтомъ это было.—Всѣ мы ей цвѣтковъ набрали. Любила она ихъ очень. Бывало, Маня, нарветъ ей какихъ попало, а она каждый листикъ готова переглядѣть... всѣ жилочки у травушки! Такая спокойная, прекрасная, лежала... цвѣтами осыпанная, простыми искренними словами любви и сожалѣнія напутствуемая!..

Вся деревня собралась... Гробъ всѣ три версты до церкви на рукахъ несли... День выдался ясный... солнечный!..

Ту скорбь не рассказать, съ какою я домой съ могилки ея вернулась!.. На кресло пустое ея взглянуть не рѣшалась...

И все пережила... Осталась одна съ Маней... А говорить, зачѣмъ мучить себя, переживать?.. Всегда, всегда найдется, для кого, для пользы чьей стерпѣть надо!..

Больше рассказывать нечего. Жизнь здѣсь наша съ Маней, пока не выростетъ она—вамъ извѣстна!..

А Любушка?.. Она и тамъ, я думаю, всю силу, свѣтъ и блескъ Творца всѣхъ міровъ видитъ... и любитъ!..

Катерина Леонтьевна умолкаетъ.

Максимовна крестится, творя молитву. Слышно сонное дыханіе Мани, такъ и не слышавшей печальной исторіи своей мамы.

— Какъ, однако, я засидѣлась у васъ!.. 12-й часъ... Завтра надо рано вставать!..—прерываетъ молчаніе Елена Николаевна, складывая работу.—Прощайте, Катерина Леонтьевна, прощай Максимовна... И въ голосъ ея слышатся болѣе привѣтливыя ноты.

— Не безпокойся, Максимовна, я одна дойду!..—отвѣчаетъ она на предложеніе „душеньки“ проводить ее, и уходитъ изъ флигеля.

Все также тихо кругомъ!.. Только намерзшій снѣгъ хруститъ подъ ногами молодой дѣвушки... А въ душѣ ея точно отзывается любовь „недужной“ ко всему міру Божьему—прекрасному во всей своей великой гармоніи.

В. Савицкая.

ИРКУТСКЪ.

Культурно-исторический очеркъ.

Иркутскъ—городъ еще сравнительно молодой. Онъ существуетъ всего 242 года. Иркутскъ совсѣмъ особенный, чисто сибирскій городъ. При совершенномъ отсутствіи мѣстнаго дворянства, это—городъ чиновниковъ, золотопромышленниковъ, богатѣйшаго купечества, опальныхъ, ссыльныхъ. Вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ бывшій долгое время административнымъ и духовнымъ центромъ обширнѣйшаго края, всей Восточной Сибири, Иркутскъ можетъ гордиться такими мудрыми представителями, какими были М. М. Сперанскій и графъ Н. Н. Муравьевъ-Амурскій, такимъ знаменитымъ архипастыремъ-миссіонеромъ, какимъ былъ Иннокентій—впоследствии митрополитъ московскій. Изъ Иркутска же направлялись различныя ученые и торговыя экспедиціи, дѣлались открытія невѣдомыхъ до того странъ, морей, народовъ. Въ немъ по долгу гасцивали и многіе иностранцы ученые и многіе предприимчивые русскіе люди, таковы напр.: Берингъ, открывшій Беринговъ проливъ, ученые Гмелинъ, Палласъ, Георги, своими изслѣдованіями и трудами ознакомившіе Европу и Россію съ природою, богатствами и инородцами Сибири, Елазарій Избрантъ, исходатайствовавшій у китайскаго правительства разрѣшеніе караванной торговли съ Китаемъ черезъ Кяхту, отважный Шелиховъ, занявшій Алеутскіе острова и сѣверо-западную часть Америки, Миддендорфъ и Маакъ, проникшіе на Амуръ, Потанинъ—во внутрь Монголіи и Китая, Ядринцевъ, открывшій мѣстонахожденіе столицы Чингизъ-хана, древняго Каракорума, и многіе другіе. Въ Иркутскѣ же родились и воспитывались такіе писатели, какъ Щаповъ, Шашковъ и др.

Нынѣ Иркутскъ—городъ съ 50 т. жителей, 19 церквами и нѣсколькими учеными и благотворительными обществами, 45-ю учебными заведеніями—городъ, владѣющій миліонными капиталами,

имѣющій свои органы печати, богатый этнографическій и естественно-историческій музеумъ, публичную библиотеку, театръ. Съ открытiемъ же Сибирской желѣзной дороги значенiе города еще несомнѣнно увеличится. Узнать исторiю Иркутска,—значитъ узнать исторiю всей Восточной Сибири; поближе ознакомиться съ его жизнью,—значитъ понять и оцѣнить жизнь сибиряка вообще. Можетъ быть не въ далекомъ будущемъ нашей современной молодежи придется жить, служить и дѣйствовать въ нѣкогда отъ насъ столь отдаленной, страшной, холодной окраинѣ Россiи, какою мы до сихъ поръ привыкли представлять себѣ Сибирь, да еще Восточную *).

I.

Первобытный Иркутскъ.

1652—1829.

Гибельныя времена.

Жестокiе то были нравы.

Островскiй

Началомъ Иркутска, по словамъ мѣстныхъ лѣтописей, была *хижина* или *зимовье*, построенное въ 1652 году сыномъ боярскимъ Иваномъ Похабовымъ для житiя енисейскимъ казакамъ, чтобы имъ способнѣе было собирать *ясакъ* съ бурятъ, кочевавшихъ тогда на р. Иркутѣ, отъ котораго Иркутскъ и наименованiе свое получилъ. Въ 1669 г. Похабовъ, по повелѣнiю царя Алексѣя Михайловича, строить уже *острогъ*, состоящiй изъ двухъ деревянныхъ крѣпостей: одна—*кремль*, возвышалась на берегу Ангары, другая окружала поселенiя казаковъ—*городъ*. Въ 1695 году кремль съ успѣхомъ выдержалъ осаду бурятъ, и съ тѣхъ поръ Иркутскъ никакимъ нападенiемъ извнѣ не подвергался. Такимъ образомъ первыми жителями возникающаго города были козаки и ихъ семейства. Но, по мѣрѣ того, какъ слухи объ удобномъ мѣстоположенiи новаго города и выгодахъ, которыми пользовались его обыватели, расходились не только по Сибири, но и по Европейской Россiи, число его жителей быстро возрастало. Прежде всего наѣхали въ Иркутскъ разные купцы и промышленники, оставшихъ навсегда иркутскими жителями»; къ нимъ присоединились 500

*) При составленiи этого очерка мы воспользовались и прекрасною книгою г. Сукачева—*Иркутскъ*. Его мѣсто и значенiе въ исторiи и культурномъ развитiи Восточной Сибири. Москва 1891 г. ц. 2 р.

пашенныхъ крестьянъ, переселившихся съ верховьевъ Лены, и значительное число стрѣльцовъ, сосланныхъ при Петрѣ I. Около 1700 г. въ Иркутскѣ было уже 3.500 жителей, два монастыря— мужской и женскій, двѣ церкви. 19-го октября 1764 года послѣдовалъ указъ о наименованіи Сибири Сибирскимъ царствомъ и объ учрежденіи въ ней, кромѣ Тобольской, второй губерніи Иркутской. Иркутскъ становится губернскимъ городомъ обширнѣйшаго края Лежащій близъ Байкала и китайской границы, Иркутскъ, подобно оазису въ пустынѣ, привлекалъ къ себѣ торговые пути Азіи, а вмѣстѣ съ ними и людей различнаго восточнаго и западнаго происхожденія, огромные капиталы и весьма оживленныя торговыя сношенія. Постройки въ городѣ производились спѣшно, безъ всякаго плана, гдѣ и какъ хотѣли. Особенно обезобразивались дома неравными окнами, съ прибавленіемъ къ нимъ такъ-называемыхъ *волоковицъ*. Улицы были узкія и кривыя, и во многихъ мѣстахъ въ лѣтнее время, начиная съ весны, стояла непроходимая грязь, дѣлая озера и болота. Тѣмъ не менѣе, народонаселеніе и богатство города возрастали съ каждымъ годомъ. Въ концѣ 1780-хъ годовъ въ немъ уже было 20 т. жителей, 12 церквей, губернаторскій домъ, нѣсколько училищъ (навигатцкая школа, духовная семинарія, духовное училище, градская школа), бібліотека, кабинетъ рѣдкостей.

Но за этой казовой стороною города скрывалось много печальнаго. Въ первый періодъ существованія Иркутска, обнимающій собою 150 лѣтъ, имъ послѣдовательно управляли часто смѣняемые воеводы, вице-губернаторы, губернаторы, намѣстники и генералъ-губернаторы. Немногіе изъ нихъ оставили по себѣ добрую память, хотя и платились за свои беззаконія кто судомъ, кто ссылкой, а кто и жизнью. Такъ, про вице-губернатора Плещеева иркутская лѣтопись говоритъ, что онъ «былъ въ канцелярскихъ дѣлахъ не свѣдущъ, корыстолюбивъ, промышленныхъ и торговыхъ людей за недачу подарковъ драгъ плетями и кнудомъ и притѣснялъ приказныхъ служителей, приверженцевъ же своихъ любилъ постоянно угощать и поить разными винами до пьяна». Вице-губернаторы Лангъ и Вульфъ были люди добрые, но слабые; управленіе находилось въ рукахъ низшаго чиновничества, и дѣла шли плохо. Бѣдные терпѣли притѣсненія отъ того, что нечѣмъ было имъ откупиться, а богатые посредствомъ подарковъ всегда были правы и пользовались милостію начальства; умножились воровство и грабежи, особенно кража скота бурятами, а сыску не было: хотя воровъ неоднократно ловили, но виновныхъ не оказывалось; сборы казенные запускались; оброчныя статьи отдавались деше-

выми цѣнами, а подряды—высокими». Въ 1758 г. прибылъ въ Иркутскъ слѣдователь по винокуреннымъ дѣламъ Крыловъ. Еще съ дороги писалъ онъ магистрату, чтобы онъ приготовилъ для него нѣсколько стопъ бумаги и ведро чернилъ. Магистратъ отвѣчалъ, что «бумага приготовлена, а чернильнаго мастера въ Иркутскѣ не имѣется, а приготовлено нѣсколько черепковъ китайской туши» *). Досталось отъ Крылова всѣмъ винокуренымъ заводчикамъ. Особенно пострадалъ купецъ Иванъ Бичевинъ, о богатствѣ котораго сохранилось преданіе, что у него золотыя и серебряныя деньги хранились въ боченкахъ, а мѣдныя—въ бочкахъ, прикованныхъ къ стѣнамъ его кладовыхъ. Замученный пытками, онъ умеръ въ 1759 г., а богатство его перешло въ руки Крылова. Наводилъ Крыловъ страхъ не на однихъ купцовъ, но и на все городское населеніе своей, не знавшей удержу разгульной жизнью. Женщины боялись ему на глаза попадаться; дѣтей пугали его именемъ, и еще долго иркутяне, по словамъ лѣтописца, вспоминали о «гибельныхъ крыловскихъ временахъ». Даже начальство боялось его и бездѣйствовало. Наконецъ за городъ вступился преосвященный Софроній. О дѣяніяхъ Крылова владыка написалъ Императрицѣ и петербургскому митрополиту; Крыловъ былъ арестованъ и скваннымъ отправленъ въ Петербургъ въ 1761 г.

Про губернатора Нѣмцова иркутская лѣтопись говоритъ, что «это былъ человекъ неблагонамѣренный, употреблявшій непомянутую строгость собственно для того только, чтобы болѣе брать взятки и нажить болѣе денегъ»... «Въ нѣкоторые дни ходилъ онъ по городу пѣшкомъ, съ нужнымъ числомъ полицейскихъ служителей, для того, что ранѣе приказалъ жителямъ строить около домовъ своихъ мостики (тратуары), а гдѣ ихъ не было построено, вызывалъ хозяина и тутъ же сѣкъ его». Сохранилось также преданіе объ его дружбѣ и сношеніяхъ съ разбойничѣимъ атаманомъ Гондюхинымъ, тайно проживавшимъ въ Иркутскѣ. Имъ же была учреждена въ городѣ «глухая команда», которая подъ видомъ дозора грабила жителей.

Совсѣмъ иную память оставилъ по себѣ преемникъ Нѣмцова, генералъ-майоръ Кличка. Добрый и справедливый, онъ принималъ и выслушивалъ всѣхъ ласково и благосклонно; словесныя и письменныя просьбы рѣшалъ безъ отлагательства и безъ издомства; ссоры и споры старался прекращать дружелюбиемъ и чрезъ посредниковъ; смотрѣлъ внимательно и наблюдалъ за ско-

*) Въ Иркутскѣ чернилами стали писать только съ 1777 г., когда впервые были привезены чернильные орѣшки и купоросъ, а до того писали тушью.

рымъ и справедливымъ рѣшеніемъ дѣлъ въ судахъ; помогалъ сиротамъ и неимущимъ, поощрялъ торговлю и, словомъ—говорить гѣтопись,—«благоразуміемъ, добротою и благонамѣренностью напечатлѣлъ въ сердцахъ иркутскихъ жителей надолго о себѣ славное воспоминаніе». При немъ 22-го октября 1782 г. торжественно открыто въ Иркутскѣ главное народное училище, изъ котораго въ 1805 г. образовались гимназія, уѣздное и приходскія училища. Ему же Иркутскъ обязанъ основаніемъ публичной бібліотеки.

Въ 1783 г. въ Иркутскъ прибылъ первый намѣстникъ, генералъ Якобій. Съ нимъ наѣхало множество чиновниковъ, отъ наплыва которыхъ съ многочисленной прислугой жители города обременены были тяжелымъ постоемъ. Однихъ музыкантовъ Якобій привезъ до сорока человекъ. Въ памяти жителей надолго остались его пиры въ городѣ и на дачѣ. Здѣсь, въ большомъ деревянномъ домѣ, пиры длились по нѣскольку дней, на ближнемъ островѣ Иркуты пускались фейерверки, а вся дорога до города по ночамъ освѣщалась смоляными бочками. Якобій и милліонеръ Медвѣдевъ держали открытый столъ и давали еженедѣльно обѣды и балы. Такъ роскошно жили и пріемники Якобія, отъ нихъ не отставали и ближайшіе къ нимъ чиновники. Очевидно, что деньги на такую жизнь добывались незаконнымъ путемъ. Жителямъ не лучше было отъ того, что правители края часто смѣнялись, вызывались въ Петербургъ, отдавались подъ судъ.

Послѣднимъ актомъ разсматриваемаго періода исторіи Иркутска была дѣятельность губернатора Трескина. Губернію онъ считалъ вотчиною, а себя—полновластнымъ въ ней прикащикомъ или управляющимъ. Пробовало съ нимъ спорить богатое купечество, но Трескинъ всѣхъ ихъ разослалъ въ разныя мѣста: откупщикъ Передовщиковъ оказался въ каторгѣ, иркутскій городской голова Сибираковъ—въ ссылкѣ. Подъ предлогомъ благоустройства города, по приказанію губернатора, планировались улицы, ломались и сносились дома, стоявшіе не такъ, какъ надо было, на мѣсто снесенныхъ домовъ ставились заборы. Велитъ домъ сломать: хозяева еще утромъ спятъ, а полиція съ арестантами уже и крышу сняла и потолоки рубить. Заходилъ онъ и въ частные дома, заглядывалъ и въ огороды, гдѣ что не такъ,—сейчасъ расправа. «Хотя лично,—пишетъ преосвященный Михаилъ князю А. Н. Голицыну,—ничего не терплю отъ губернатора, но стражду ежедневно въ растерзываемой, какъ бы волками, паствѣ своей, коей непрерывный вопль проникаетъ и сквозь толстыя стѣны архіерейскаго дома. Нечестіе и безстыдное притворство; дерзость и самонадѣянность съ деспотизмомъ; презрѣніе къ людямъ и страданія ихъ, выборъ и отличіе чиновни-

ковъ, дѣятельныхъ только къ разоренію поселянъ, особливо бурятъ; система обогащать себя и во всемъ монополія—сіи черты отличаютъ здѣшнее правительство отъ внутреннихъ губерній Россіи».

Дѣйствительно, «гибельныя времена», «жестокіе то были нравы!» Не лучше поступало съ населеніемъ и купечество. Откупщики опаивали народъ плохимъ виномъ, назначая за него произвольную плату. Хлѣбная торговля, поставка соли, торгъ мясомъ, винокурение—все захвачено было откупщиками, поставщиками, подрядчиками. Дѣло дошло до того, что право торговать мясомъ въ Иркутскѣ, въ 1810 году, предоставлено было только тремъ купцамъ. Въ контрактѣ они выговорили себѣ такое условіе: «Никто, кромѣ насъ, и тѣхъ, кому собственно отъ насъ даво будетъ сіе позволеніе, не долженъ торговать мясомъ ни въ городѣ, ни въ мясномъ ряду, ни въ домахъ и нигдѣ ни гуртомъ, ни въ розницу». Партія крупныхъ капиталистовъ до того усилилась въ иркутскомъ обществѣ, что запугивала народъ и стремилась подчинить себѣ и мѣстное управленіе, съ представителями котораго она находилась въ постоянномъ антагонизмѣ. «Мѣстное купечество,—говоритъ одинъ изъ иркутскихъ старожиловъ, «было такъ сильно, что пять или шесть губернаторовъ сряду—хорошо не знаю—были смѣнены по ихъ жалобамъ». И только одии архипастыри, какъ мы видѣли, являлись единственными защитниками и печальниками простого народа, угнетаемаго съ одной стороны чиновничествомъ, съ другой—купечествомъ. Благодаря, главнымъ образомъ, заступничеству архипастырей, посланъ былъ императоромъ Александромъ I въ Иркутскъ новый генералъ-губернаторъ знаменитый Сперанскій—съ цѣлью искорененія злоупотребленій, накопившихся въ теченіи полутора ста лѣтъ.

Событіе это въ Иркутскѣ стало извѣстнымъ 8 мая 1819 года. Въ запискахъ секретаря и весьма близкаго къ Трескину человѣка, Тюменцева, полученіе этого извѣстія отмѣчено такъ: «Въ 19-мъ году получено никѣмъ неожиданное увѣдомленіе объ опредѣленіи на мѣсто И. Б. Пестеля сибирскимъ генералъ-губернаторомъ М. М. Сперанскаго, бывшаго государственнаго секретаря и любимца государя. Новость эта многихъ привела въ совершенное разстройство, а другихъ, напротивъ, оживила. Недовольные всѣ были въ себя отъ радости, на другихъ же была мертвая блѣдность; всѣхъ болѣе страдалъ губернаторъ». Переполохъ былъ общій. Правитель канцеляріи Бѣлявскій и совѣтникъ Кузнецовъ сошли съ ума.

I.

Время Сперанскаго и графа Муравьева-Амурскаго.

1820—1870 гг.

Достоинство человѣческой природы, законъ всеобщей любви суть единые источники бытія, порядка, счастья, всего высокаго, изящнаго.

(«Изъ мыслей гр. Сперанскаго»).

Съ прїѣздомъ Сперанскаго новою жизнью повѣяло въ Сибири. Сибиряки увидѣли въ вельможѣ человѣка. Они начали жить и дышать свободно. Самовластіе, лихоимство, всякаго рода притѣсненія, на которыя они жаловались такъ долго и бесполезно, стали прекращаться мѣрами власти. Власть эта сдѣлалась тѣмъ, чѣмъ надлежало ей быть — защитницей, а не гонительницей населенія. До энтузіазма одушевленный филантропическими идеями и чувствами, въ бесѣдахъ съ Императоромъ Александромъ I указывавшій на достоинство человѣческой природы, на законъ всеобщей любви, яко единый источникъ бытія, порядка, счастья, всего высокаго, изящнаго, Сперанскій и въ Сибирь явился великимъ филантропомъ. Главнымъ призваніемъ своимъ въ Сибири онъ считалъ установленіе и введеніе лучшихъ, человѣколюбивыхъ, учреждений, улучшеніе быта ссыльно-поселенцевъ, бѣдныхъ городскихъ и сельскихъ жителей, страдавшихъ отъ купеческой и чиновничьей монополіи въ торговлѣ хлѣбомъ и всѣми жизненными припасами.

Плодомъ полуторагодовой службы Сперанскаго въ Сибири явились утвержденные въ законодательномъ порядкѣ, 22-го іюля 1822 г., «Учрежденіе для управленія сибирскихъ губерній» и десять отдѣльныхъ уставовъ и положеній по разнымъ отраслямъ сибирскихъ дѣлъ *). Всѣ грамотные сибиряки того времени прочли эти законы и нашли въ нихъ и новыя понятія, и опредѣленные правила, которыя устанавливали законный порядокъ на мѣсто произвола, облегчали мѣстное населеніе въ налогахъ, обеспечивали его продовольствіе, предоставляли ему свободу экономическаго развитія.

*) Уставъ объ управленіи инородцевъ; уставъ объ управленіи сибирскихъ киргизовъ; уставъ о сибирскихъ городовыхъ казакахъ; уставъ о ссыльныхъ; уставъ объ этапгахъ въ сибирскихъ губ.; уставъ о содержаніи сухопутныхъ сообщеній въ Сибири; положеніе о земскихъ повинностяхъ въ сибирскихъ губ.; положеніе о казенныхъ хлѣбныхъ запасныхъ магазинахъ; положеніе о разборѣ исковъ по обязательствамъ, заключеннымъ въ сибирскихъ губ. обывателями разныхъ сословій.

Согласно «учрежденію» Сибирь была раздѣлена на *Западную* и *Восточную*, причемъ въ составъ Восточной Сибири вошли губерніи Иркутская и вновь тогда образованныя: Енисейская и Якутская область, два особыя приморскія управленія — Охотское и Камчатское, и пограничное Троицкосавское управленіе. Сперанскій справедливо полагалъ, что управлять обширѣйшимъ краемъ въ 200.000 кв. м. изъ Тобольска или Иркутска было невысказимо, тѣмъ болѣе, что «въ Иркутскѣ управленіе краемъ Нерчинскимъ, Якутскимъ и Камчаткою, содѣйствіе кяхтинской торговлѣ, обширная пограничная стража и, что всего важнѣе, пограничныя съ Китаемъ сношенія—представляютъ родъ дѣлъ для Тобольска почти чуждыхъ, но для Иркутска обширныхъ, многосложныхъ, часто настоятельныхъ и всегда требующихъ непрерывнаго вниманія главнаго начальства». Тѣмъ же «учрежденіемъ» единоличная власть отдѣльныхъ начальниковъ была поставлена въ извѣстныхъ случаяхъ въ зависимость отъ коллегіальнаго управленія. Съ этою цѣлью въ Иркутскѣ были открыты въ 1822 г.: *советъ главнаго управленія* при генералъ-губернаторѣ, *губернскій советъ* при губернаторѣ и *губернское правленіе*. Съ открытіемъ этихъ учрежденій Иркутскъ становится административнымъ центромъ обширной страны, простирающейся отъ Енисея до Восточнаго океана и отъ Ледовитаго моря до китайской границы.

Сперанскій былъ для Сибири не только гуманнымъ администраторомъ и мудрымъ законодателемъ, — онъ стремился объединить иркутское общество, привить къ нему хотя нѣкоторый европейскій лоскъ. Онъ завелъ балы, на которые приглашалъ запросто, всѣхъ безъ различія. Въ одномъ письмѣ къ дочери онъ пишетъ: «Разъ въ недѣлю, по воскресеньямъ танцуютъ, и кто же? — большею частью купчихи и ихъ дочери. Я, напримѣръ, польскій веду со старухой, одѣтой въ газетовой юбкѣ и шушунѣ и повязанною платкомъ. И, тѣмъ не менѣе, все идетъ чинно и весело. Они сроду такъ свободно и пріятно не живали!» «Мнѣ нужны точки соединенія, — пишетъ онъ дочери въ другомъ письмѣ, — нужно снять оковы прежняго суроваго, угрюмаго правительства. Едва вѣрять здѣшніе обыватели, что они имѣютъ нѣкоторую степень свободы и могутъ безъ спроса и дозволенія собираться, танцовать или ничего не дѣлать».

Но обновленіе иркутскаго общества подвигалось туго. Даже, при ближайшихъ преемникахъ Сперанскаго, въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ, Иркутскъ, по словамъ современниковъ, имѣлъ тогда фizioномію чисто-сибирскаго города. Въ продолженіи дня по улицамъ двигался только простой народъ: женщины подъ на-

*

кидками, мужчины промышленнаго класса—въ синихъ кафтанахъ, а буряты—въ своихъ національныхъ костюмахъ, съ озабоченными, угрюмыми лицами. Окна домовъ, выходявшія на улицу, задернуты были постоянно занавѣсками, или закрыты китайскими сторами. Женщины купеческаго и чиновничьяго классовъ вели еще затворническую жизнь и не показывались на прогулки даже по вечерамъ, которые такъ восхитительно-хороши въ Иркутскѣ весною и лѣтомъ. Нигдѣ не слышно было ни одного музыкальнаго звука, ни одной ругавды вокальнаго пѣнія. Все было тихо, какъ въ пустой храмѣ, только изрѣдка въ торговыхъ домахъ звучали цѣпи сторожевыхъ собакъ и раздавался тревожный набатъ поколотка. Если случалось встрѣтить запоздалыя дрожки, то онѣ мчались по пустой улицѣ опростетью и моментально исчезали во дворѣ подъ воротами. Потомъ снова вѣдарялась могильная тишина. Единственными развлеченіями были семейные праздники—именины, крестины, свадьбы и святочные вечера зимой, на которыхъ пили и ѣли до пресыщенія. Мелкое купечество и чиновничество предавалось поголовному пьянству. Карты были развлеченіемъ высшаго и средняго чиновничьяго класса. Игра продолжалась иногда по цѣлымъ суткамъ: тогда ставни оставались запертыми и днемъ, чтобъ игры не было видно съ улицы или двора. Дворянства же съ его собраніями, съѣздами, балами, вечерами въ Иркутскѣ никогда не существовало. Крупное купечество вело себя сравнительно степенно, но торговля и нажива поглощали все его существованіе.

Торговые обороты иркутскаго купечества того времени, главнымъ образомъ, состояли въ скупкѣ пушнины у инородцевъ и въ мѣнновой торговлѣ съ Китаемъ. Обогащались также откупамъ, подрядами, поставками, но эти способы наживы весьма быстро уступили мѣсто золотопромышленности, какъ только въ тридцатыхъ годахъ во многихъ мѣстностяхъ Сибири обнаружилось присутствіе золота. Партіи золотоискателей разсыпались повсюду, и сибирскія *тайги*, прежде извѣстныя только однимъ бродячимъ тунгусамъ и небольшому числу сибирскихъ звѣропромышленниковъ, наполнились искателями приключеній и счастья. Богатство рэзсыпей казалось неизсякаемымъ. Какъ сами золотопромышленники, такъ и всякіе иные крупные и мелкіе спекулянты, прямо или косвенно, пустили свои капиталы въ золотопромышленное дѣло. Быстрое обогащеніе влекло за собой и непожѣрную расточительность. Благодаря легкой наживѣ, золотопромышленники старались превзойти другъ друга въ щедрости, въ бросаніи денегъ. Смотря на хозяевъ, и служащіе ихъ: управляющіе, довѣренныя, приказчики и даже рабочіе пускались въ разгулъ не по средствамъ.

Пьянство и мотовство охватили не только городъ, но и деревню. Чиновничество не могло удержаться отъ общаго натиска и также пустилось въ спекуляціи. Но, съ другой стороны, несомнѣнно, что именно золотопромышленность создала тѣ капиталы и тѣ условія жизни, которымъ Иркутскъ обязанъ и своимъ быстрымъ, сравнительно съ другими сибирскими городами, ростомъ, и своими образовательными и филантропическими учрежденіями. Начиная съ конца тридцатыхъ годовъ, основаніе этого рода учреждений идетъ непрерывно, одно за другимъ, и продолжается и до сего времени. Починъ сдѣланъ съ женскаго образованія. Въ 1838 году въ Иркутскѣ основано первое женское воспитательное заведеніе—Сиропитательный домъ Елизаветы Медвѣдниковой и для развитія его средствъ учрежденъ единственный въ то время въ Сибири банкъ. Въ настоящее время на доходы съ него воспитывается и учится до 200 бѣднѣйшихъ сиротъ—дѣвочекъ. Въ 1845 г., на средства, пожертвованныя золотопромышленникомъ Кузнецовымъ и другими, основали Иркутскій дѣвичій институтъ—единственный до сего времени на всю Сибирь. Нѣсколько позднеѣ (въ 1854 г.) на его же средства въ Иркутскѣ открыто училище для дѣвицъ духовнаго званія. Кузнецовымъ же пожертвованъ капиталъ на постройку зданія гражданской больницы и на его же пожертвованія въ Иркутскѣ, въ настоящее время, строится грандіозный соборъ.

Кромѣ перечисленныхъ женскихъ учебныхъ заведеній, въ Иркутскѣ, какъ мы указали выше, существовало уже нѣсколько мужскихъ учебныхъ заведеній: гимназія, уѣздное училище, духовная семинарія, приходское училище. Въ концѣ сороковыхъ годовъ; значитъ, Иркутскъ въ отношеніи образовательныхъ средствъ, стоялъ нисколько не ниже другихъ губернскихъ городовъ Европейской Россіи. Всѣ эти учебныя заведенія породили въ Иркутскѣ довольно значительный педагогическій кружокъ, который, по отзывамъ современниковъ, всегда составлялъ самую интеллигентную, образованную, передовую часть иркутскаго общества, мыслящую, трудящуюся. «Учителя того времени, — говоритъ Вагинъ, — были педагоги, а не чиновники по учебной части». «Учительскій персоналъ въ тридцатыхъ, сороковыхъ и пятидесятыхъ годахъ представлялъ собою единственный оазисъ умственной жизни и въ городѣ, да, пожалуй, и во всемъ краѣ», говоритъ въ своей книгѣ Сукачевъ. Этотъ оазисъ постепенно расширялся, благодаря приливу въ него болѣе чуткихъ на все хорошее людей изъ чиновничьей и купеческой молодежи. Средствами сплоченія кружка служили—библіотека, основанная въ 1839 г. молодымъ купцомъ Бол-

даковымъ, и кружковое чтеніе газетъ и журналовъ, въ изобиліи выписываемыхъ изъ Москвы и Петербурга. Своего печатнаго органа Иркутскъ въ описываемую эпоху еще не имѣлъ. Учителя, давая уроки въ домахъ богатаго купечества, въ свою очередь вносили также много свѣта и въ замкнутую семью сибиряка.

Таковы были темныя и свѣтлыя стороны иркутскаго общества, когда прибылъ въ 1848 г. новый генералъ-губернаторъ, генералъ-майоръ Н. Н. Муравьевъ.

Передъ назначеніемъ своимъ въ Восточную Сибирь Н. Н. Муравьевъ былъ губернаторомъ въ Тулѣ. Это былъ первый изъ русскихъ губернаторовъ, который поднялъ вопросъ объ освобожденіи крѣпостныхъ. Императоръ Николай Павловичъ въ 1848 году послалъ молодого губернатора - либерала управлять Восточною Сибирью. Извѣстный нашъ писатель, И. А. Гончаровъ, встрѣтившій Муравьева на Амурѣ, такъ характеризуетъ его своимъ художественнымъ перомъ: «Небольшого роста, нервный, подвижной. Ни усталаго взгляда, ни вялаго движенія я ни разу не видалъ у него. Это боевой, отважный борецъ, полный внутренняго огня и кипучести въ рѣчи, въ движеніяхъ. У меня еще такъ свѣжъ въ памяти образъ настоящаго пионера — бойца съ природою, людьми, съ инородцами, разными тунгусами, аборигенами, съ сосѣдними съ Сибирью китайцами, чтобы отвоевать отъ нихъ Амуръ... Онъ одолевалъ природу, оживлялъ, обрабатывалъ и населялъ безконечныя пустыни. Пылкій, предприимчивый духъ этого борца возмущался, человекъ не выдерживалъ, и тогда плохо было нарушителю закона». И дѣйствительно, во все двѣнадцатилѣтнее управленіе краемъ, Н. Н. Муравьевъ неутомимо преслѣдовалъ взяточничество, злоупотребленія золотопромышленниковъ и откупщиковъ, эксплуатировавшихъ и спаивавшихъ народъ, старался упорядочить кяхтинскую торговлю, избавивъ ее отъ разныхъ стѣсненій и добившись разрѣшенія производить торговлю въ Кяхтѣ, какъ мѣною, такъ и на наличныя деньги, не только въ монетѣ, но и кредитными билетами. Онъ освободилъ нерчинскихъ горнозаводскихъ крестьянъ отъ обязательныхъ отношеній къ заводамъ и перечислилъ ихъ въ казачье сословіе. Съ цѣлью ближайшаго административнаго наблюденія онъ выдѣлилъ Якутскую и вновь образованную Забайкальскую область въ отдѣльное отъ Иркутска управленіе. Но самою крупною заслугою Муравьева предъ государствомъ и Сибирью было присоединеніе къ Россіи Амура безъ военной силы, безъ государственныхъ издержекъ, исключительно на мѣстныя средства. Правда, уже съ основанія Иркутска Амуръ считался

русскою рѣкою, но, по неизбѣннѣ тамъ ни войска, ни русскихъ поселенцевъ долго фактически мы имъ не владѣли. Уже Екатерина и Александръ I мечтали о включеніи Амура въ свои владѣнія, но только Муравьеву, послѣ долгихъ хлопотъ, настояній, цѣлаго ряда представленій, упорной борьбы съ министрами (финансовъ и иностранныхъ дѣлъ, удалось получить отъ Императора Николая I разрѣшеніе «*плыть по Амуру*», но «*чтобъ не пахло порохомъ*». Завладѣніе Амурскимъ краемъ было совершено посредствомъ двухъ экспедицій въ 1854 и 1855 гг. подъ личнымъ начальствомъ Муравьева. Обѣ экспедиціи обошлись всего въ 285.000 руб. Деньги эти были добыты путемъ крайней экономіи мѣстныхъ средствъ и изъ пожертвованій золотопромышленниковъ и откупщиковъ, преимущественно Кузнецова и Соловьева, на сумму 112.000 р. Иркутскъ и Забайкалье дали Муравьеву и людей для выполненія грандіознаго предпріятія, а его личная нравственная сила привела къ желаемому успѣху. И богатый Амурскій край навсегда включенъ въ границы нашей обширной Имперіи, и посредствомъ Амура прорублено окно для Сибири въ свободное отъ льдовъ море.

Общественная жизнь въ Иркутскѣ при Муравьевѣ значительно измѣнилась, подвинулась впередъ. Съ цѣлью борьбы съ ненавистнымъ ему взяточничествомъ, онъ привлекъ на службу новыхъ людей, образованныхъ, молодыхъ, съ общественнымъ положеніемъ, дававшихъ право надѣяться, что въ отправленіе своихъ обязанностей они внесутъ инныя начала. Восточная Сибирь впервые увидѣла у себя на службѣ цѣлую фалангу лицейцевъ, правовѣдовъ, студентовъ. И хотя новые чиновники, увлекающіяся, не знавшіе мѣстныхъ условій жизни, надѣлали много ошибокъ и хлопотъ самому Муравьеву, тѣмъ не менѣе, они, все-таки, до нѣкоторой степени, содѣйствовали пробужденію въ иркутскомъ обществѣ сознательной жизни. Сильное вліяніе на поднятіе образованія въ Иркутскѣ имѣли также ссыльные изъ интеллигенціи—русскіе и поляки. Такихъ людей Муравьевъ принималъ къ себѣ на службу; они занимались уроками въ частныхъ домахъ; ввели въ Иркутскѣ новыя ремесла или усовершенствовали существовавшія; завели сады и огороды. Съ помощью ихъ же возникла въ Иркутскѣ и мѣстная періодическая печать. Когда въ 1856 году установлено было изданіе «Губернскихъ Вѣдомостей» во всѣхъ губернскихъ городахъ Сибири, редакторомъ «Иркутскихъ Губернскихъ Вѣдомостей» Муравьевъ назначилъ Спѣшневъ, человѣка весьма даровитаго и образованнаго. 16-го мая 1857 года появился первый номеръ «Иркутскихъ Вѣдомостей». Это было настоящимъ событіемъ. Пересматривая те-

перь эти «Вѣдомости», отпечатанныя избитымъ, аляповатымъ шрифтомъ, на сѣрой, чуть не оберточной бумагѣ, поражаешься полнымъ контрастомъ содержанія ихъ неофициальной части съ тѣмъ, что обыкновенно представляютъ собой этого рода изданія. «Иркутскія Вѣдомости», по своимъ живымъ, бойкимъ и интереснымъ статьямъ, въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ успѣшно замѣняли собой органъ частной періодической печати. Тотъ, кто хочетъ знать, какъ жилось, что дѣлалось и думалось въ Иркутскѣ, какъ центрѣ Восточной Сибири, въ концѣ пятидесятихъ и началѣ шестидесятихъ годовъ, долженъ пересмотрѣть «Иркутскія Вѣдомости» того времени, и онъ убѣдится, что въ Иркутскѣ тогда уже существовалъ, большой или малый, но во всякомъ случаѣ кружокъ людей, которому не чужды были интересы общаго отечества. Муравьевъ, тогда уже графъ и осыпанный милостями Государя за окончательное укрѣпленіе за Россіей Амурскаго края, поощрялъ и смѣло поддерживалъ созданный имъ органъ печати. Въ одномъ изъ первыхъ нумеровъ редакціей было заявлено, что она уполномочена печатать всякаго рода статьи, касающіяся пользы края, и также и обличенія всяческихъ злоупотребленій, и «Вѣдомости» сдѣлались грозой всѣхъ взяточниковъ, казнокрадovъ и кулаковъ. Въ образованномъ при редакціи «Губернскихъ Вѣдомостей» кружкѣ возникла мысль объ изданіи въ Иркутскѣ и другой частной газеты. Въ предпріятіи этомъ приняли участіе и нѣсколько образованныхъ молодыхъ людей изъ купеческаго сословія. Разрѣшеніе было дано. Къ новому изданію, названному «Амуръ», графъ относился съ полнымъ сочувствіемъ, и даже самъ его цензуровалъ. Одновременно съ появленіемъ этихъ двухъ органовъ печати и публичная иркутская библіотека значительно расширилась и улучшилась. Она стала мѣстомъ, куда сходились почитать и отвести душу, всѣ, кто требовалъ отъ жизни большаго, чѣмъ карты, пьянство и разгулъ. Такимъ образомъ, въ Иркутскѣ во время графа Муравьева существовалъ уже значительный кружокъ людей, жившій жизнью общою съ Европейской Россіей. Муравьеву же Иркутскъ обязанъ тѣмъ, что въ немъ, въ 1851 году, былъ основанъ Восточно-Сибирскій отдѣлъ географическаго общества, который особенно оживился съ присоединеніемъ Амурскаго края. Въ концѣ пятидесятихъ и въ теченіи шестидесятихъ годовъ отдѣломъ снаряжались ученые экспедиціи, собирались коллекціи, издавались «Записки» и печатались весьма обстоятельные отчеты. Все это, вмѣстѣ взятое, и было причиною того, что умственное движеніе, охватившее Россію въ началѣ царствованія Царя-Освободителя, сказалось и въ Иркутскѣ. Именно тогда въ немъ стали открываться мужскія

и женскія воскресныя школы, женская гимназія, при библиотекѣ открываются литературные вечера, на которыхъ читаются рефераты, обсуждаются общественные вопросы, юридическіе вечера, посвященные обсужденію положенія готовившейся тогда судебной реформы, основываются сперва вечернія собранія, затѣмъ общество врачей, читаются публичныя лекціи, развиваютъ свою дѣятельность и тюремный, и статистическій комитетъ, «Губернскія Вѣдомости» настойчиво проводятъ мысль о необходимости имѣть свой университетъ, чтобы «намъ, сибирякамъ, самимъ сдѣлаться людьми образованными, зажечь свою разумною жизнью, имѣть своихъ судей, исполнителей, знатоковъ дѣла, чтобы намъ умѣло воспользоваться хоть сотю долею тѣхъ богатствъ, которыми одарена наша страна...» Вотъ въ этотъ-то разгаръ общественнаго самопознанія графъ Муравьевъ и покидаетъ Иркутскъ; начинается новый періодъ, современной намъ, жизни Иркутска, къ которому и переходимъ въ слѣдующей главѣ. Но прежде скажемъ, что сибиряки не остались неблагодарны дѣятельности такихъ выдающихся государственныхъ мужей, какъ графъ Сперанскій и графъ Муравьевъ-Амурскій. Графу Муравьеву воздвигается памятникъ на мѣстѣ *овладѣнія* Амуромъ, которымъ обязана ему Россія. Въ 1889 году исполнилось 50 лѣтъ со дня кончины Сперанскаго. Городская дума испросила разрѣшеніе на сооруженіе въ Иркутскѣ памятника Сперанскому на площади, носящей его имя.

III.

Текущій періодъ жизни Иркутска въ послѣднія 20 лѣтъ.

Два событія семидесятыхъ годовъ—опустошительный пожаръ и введеніе новаго городского положенія сильно измѣнили физіономію Иркутска—внѣшнюю и внутреннюю.

Пожарами 22 и 24 іюня 1879 г. уничтожена лучшая половина города. Цѣны на квартиры и всѣ жизненные продукты послѣ пожаровъ поднялись страшно, пудъ ржаной муки продавался по 3 р. 40 к.; фунтъ печенаго хлѣба по 8 к. Между жителями стало проявляться неудовольствіе противъ золотопромышленниковъ и винокуровъ, такъ какъ тѣ и другіе платили какія угодно деньги, лишь бы добыть хлѣба—первые на золотые прінски по Ленѣ, а вторые на винокуренные заводы. Тѣмъ не менѣе, богатый Иркутскъ довольно скоро поправился. Бѣднымъ погорѣльцамъ было собрано до 300.000 р.; чиновники отъ своихъ министерствъ получили пособій на 136.000 р. слишкомъ; страховыя общества

быстро произвели расчеты и выдали страховыя премии; въ это же время и золотопромышленность на Ленѣ находилась въ апогее своего развитія. Въ городѣ появилась масса денегъ, и съ августа того же года началась уже стройка. Работа кипѣла, не смотря на страшныя цѣны рабочимъ и за строительный матеріалъ. Къ концу 1880 г., т.-е. чрезъ полтора года послѣ пожара, четверть сторѣвшею части города была вновь отстроена; число жителей въ 1884 г. возрасло до 36 т.; къ концу 1888 г. до 47½ т., теперь въ Иркутскѣ уже 50 т. ж. Слѣды пожара почти совсѣмъ исчезли. Появилось множество каменныхъ зданій, пять центральныхъ улицъ сплошь ими застроены, нѣсколько улицъ послѣ пожара расширены; внѣшній видъ города сталъ красивѣе. Рѣдкій городъ имѣетъ столько церквей. На 50 т. ж. въ немъ 17 богатыхъ храмовъ, содержимыхъ въ образцовомъ порядкѣ. Лучшія и красивыя зданія въ городѣ принадлежатъ учебнымъ и благотворительнымъ учрежденіямъ, и всѣ они выстроены не казною, а на щедрыя средства богатаго иркутскаго купечества или города

До введенія *городоваго положенія* 1870 г. хозяйственными дѣлами города заправляло одно купечество, и заправляло нерѣдко въ ущербъ бѣднѣйшему населенію города. Городская реформа выдвинула управленіе дѣлами города изъ сословно-купеческой замкнутости и привлекла къ нему, въ большой или меньшей степени, всѣхъ гражданъ. Она же распространила и кругъ вѣдѣнія этого управленія на всѣ главнѣйшія стороны не только городского хозяйства, но и въ жизни городского населенія. Изъ всѣхъ большихъ реформъ прошлаго царствованія городская реформа пока единственная, примѣненная и къ Сибири. Новое городовое положеніе введено въ Иркутскѣ въ 1872 г. Изъ 72 гласныхъ, избранныхъ въ новую думу, было 36 купцовъ, 18 дворянъ и чиновниковъ, 4 духовныхъ, 14 мѣщанъ и разночинцевъ. Такимъ образомъ въ составѣ новой думы явилось 25% лицъ изъ интеллигентнаго класса. Насколько Иркутскъ воспользовался дарованнымъ ему самоуправленіемъ покажутъ многіе факты. Такъ, въ годъ, предшествовавшій введенію въ Иркутскѣ новаго городоваго положенія, доходы города ограничивались цифрою въ 72½ т. р., расходы въ 66 т., въ томъ числѣ на народное образованіе, напр., тратилось всего 3 т. р., на охраненіе народнаго здравія только 177 р. Черезъ 20 лѣтъ, въ 1891 г., доходы города возрасли до 261½ т. руб. т.-е. увеличились болѣе чѣмъ въ 3½ раза, расходы города достигаютъ теперь 343½ т. р., т.-е. увеличились въ 5 разъ; дефицитъ погашается запаснымъ и благотворительнымъ капиталами, которыхъ городъ имѣетъ до 7 мил. р. Такихъ громадныхъ капи-

таловъ не имѣтъ ни одинъ другой городъ имперіи. На нужды народнаго образованія городъ тратитъ теперь 50 т. изъ обыкновеннаго бюджета, т.-е. 17%, и 150 т. изъ специальныхъ капиталовъ. Двадцать лѣтъ тому назадъ, городъ содержалъ только три приходскихіхъ училища, теперь на средства города существуютъ 17 начальныхъ училищъ, въ которыхъ учится до 1.000 дѣтей. Сверхъ того, городъ имѣетъ 56 своихъ стипендіатовъ въ различныхъ учебныхъ заведеніяхъ, оказываетъ пособія молодымъ людямъ, ищущимъ высшаго образованія, выдаетъ субсидіи промышленному училищу 25 т. р., мужской гимназіи 5^{1/2} т., столько же женской гимназіи и прогимназіи, дѣтскому саду 1.500 р. и проч. Но если иркутская дума не жалѣетъ средствъ на развитіе среди своихъ гражданъ образованія, то другія отрасли городского хозяйства находятся далеко не въ блестящемъ положеніи. Хотя на санитарную часть городъ отпускаетъ свыше 7 т. р., идущіе преимущественно на жалованье врачамъ, фельдшерамъ и акушеркамъ, — «Иркутскъ, говоритъ одинъ санитарный врачъ въ своемъ отчетѣ, по смертности уступаетъ только Мадрасу и Каиру, и всѣ мѣры, предпринимаемыя къ содержанію дворовъ и улицъ въ чистотѣ и не загрязненію протекающихъ рѣкъ, не даютъ желанныхъ результатовъ вслѣдствіе индифферентности къ нимъ гражданъ города. Въ Иркутскѣ нѣтъ также до сихъ поръ ни мостовыхъ, ни водопроводовъ; городъ освѣщался керосиномъ. Зато послѣ постигшаго пожара городъ обзавелся хорошимъ пожарнымъ обозомъ, на содержаніе котораго отпускаетъ свыше 42 т. р. Дѣятельную и существенную помощь при тушеніи пожаровъ городской командѣ оказываетъ иркутское Вольное Пожарное Общество.

Иркутскъ жилъ и живетъ доньяѣ преимущественно торговлею и золотопромышленностью. Находясь на пути къ Кяхтѣ и къ китайской границѣ, онъ со своими капиталами, и въ качествѣ транзитнаго пункта, принимаетъ значительное участіе въ русско-китайской торговлѣ. Но самъ по себѣ Иркутскъ все, что нужно для жизни, всѣ почти мануфактурныя и фабричныя издѣлія получаетъ изъ Европейской Россіи. Мѣстная фабричная и заводская промышленность почти совсѣмъ не существуетъ. Закупка большей части товаровъ производится по необходимости разъ въ годъ, лѣтомъ, дабы имѣть возможность доставить товаръ до Томска водой. Въ Томскѣ товаръ лежитъ до зимняго пути, такъ какъ лѣтняя доставка обходится на столько дорого, что немногіе товары ее выдерживаютъ. При такой смѣшанной, навигаціонно-зимней, доставкѣ на провозъ отъ Москвы до Иркутска тратится около полугода времени и отъ 4-хъ до 7-ми рублей за пудъ, отчего въ Иркутскѣ

на европейскіе товары стоитъ двойная цѣна, напр., фунтъ сахара стоитъ 40—50 коп. Мѣстами сбыта привозимаго въ Иркутскъ товара, помимо городской торговли, служатъ золотые пріиски, Верхнеудинская ярмарка, Якутскъ, окружные города и села. Первое мѣсто по цѣнности въ числѣ привозимыхъ въ Иркутскъ товаровъ принадлежитъ галантерейнымъ, затѣмъ слѣдуютъ товары мануфактурный, кожевенный въ обдѣлкѣ, металлическій, колоніальный, москательный, бакалейный и виноградныя вина. Изъ продуктовъ мѣстной производительности изъ Иркутска и Иркутской губерніи вывозятся въ Якутскую и Забайкальскую области: хлѣбъ, спиртъ, кожи, желѣзо, стекло, сукно, пиво, табакъ и фарфоровыя издѣлія.

Значительныхъ ремесленныхъ заведеній въ Иркутскѣ почти нѣтъ. Обыкновенно работаетъ одинъ хозяинъ мастеръ съ двумя-тремя рабочими и учениками. Лучшія въ городѣ ремесленныя заведенія принадлежатъ ссыльнымъ полякамъ. Изъ мѣстныхъ производствъ главнѣйшимъ является изготовленіе *бобровыхъ шапокъ*, которыя отправляются партіями даже въ Томскъ и Ирбитъ. Въ Глазковскомъ предмѣстьѣ многіе обыватели занимаются плетеніемъ пеньковыхъ сѣтей для рыбной ловли и выдѣлкой канатовъ. *Увязка чайныхъ листьевъ* также можетъ быть отнесена къ числу специальныхъ видовъ ручного труда иркутскихъ мѣщанъ. Изъ рукодѣльныхъ промысловъ женскаго труда можно указать на *золото-швейныя работы* въ Знаменскомъ женскомъ монастырѣ, *плетеніе кружевъ* въ Знаменскомъ предмѣстьѣ и на занятія, такъ-называемыхъ, базарницъ, которыя шьютъ бѣлье для рабочаго класса, вяжутъ шарфы, подбираютъ *блочки мѣха*, ткутъ *кушаки*, извѣстные подъ названіемъ *иркутскихъ*, и вмѣстѣ съ тѣмъ торгуютъ на базарѣ.

Изъ промысловъ между иркутскими купцами и городскими казачками болѣе всего развито *рыболовство*. Иркутскіе рыбопромышленники ловятъ рыбу не на водахъ Иркутской губерніи, а на озерѣ Байкалѣ и преимущественно въ устьяхъ рѣкъ Селенги, Баргузина и Верхней Ангары, протекающихъ по Забайкалью и впадающихъ въ озеро съ восточной стороны. Съ открытіемъ весенней навигаціи къ Байкалу, въ Иркутскѣ снаряжается цѣлая флотилія парусныхъ судовъ, стоявшихъ зиму въ городѣ, съ рабочими людьми, съ неводами, съ сѣстными запасами и солью для засола рыбы. Нанимаются на этотъ промыселъ не только мужчины, но и женщины, не столько изъ горожанъ, сколько изъ ссыльно-поселенцевъ. Въ эти рыбопромышленныя партіи, носящія названіе *«амарцины»*, поступаетъ ежегодно до 1.500 человекъ. Главный родъ добываемой рыбы — *омуль*, любимая пища здѣшняго населенія. Возвраща-

щаются суда съ ловель осенью съ соленой рыбой и икрой въ бочкахъ. Въ 1888 г. было добыто около 3.500 бочекъ омулей, 112 боченковъ икры и 560 пудовъ жиру, всего на сумму 206.750 руб. Обычное осенью возвращеніе въ Иркутскъ бездомной и разгульной «амаринны»—самое хлопотливое время для иркутской полиціи.

Въ 1889 г. въ Иркутскѣ считалось торговыхъ, промышленныхъ и ремесленныхъ заведеній 941. Изъ нихъ, кромѣ лавокъ, первое мѣсто занимаютъ склады и заводы винные и водочные, лѣсные, лѣсопильные и мукомольные. Изъ фабрикъ только двѣ: спичечная и табачная. Торговые обороты Иркутска въ этомъ году простирались на сумму около 8 мил. руб., между тѣмъ какъ въ 1886 г. они достигали до 13 мил. И вообще замѣчается, что въ послѣднее время торговля въ Иркутскѣ значительно упала. Явленіе это объясняется, главнымъ образомъ, упадкомъ золотопромышленности на Ленѣ и въ Забайкальской области, а также ввозомъ товаровъ въ Приамурскій край и Забайкальскую область морскимъ путемъ.

Съ выдѣленіемъ въ 1886 г. Приамурскаго края въ особое генералъ-губернаторство Иркутскъ уже не столица всей Восточной Сибири; торговля его значительно сократилась; лихорадочное возбужденіе удачнымъ ходомъ золотопромышленности, исчезло; любители легкой наживы, дутыхъ предпріятій значительно убавилось; деньги даются трудомъ и бросать ихъ не приходится. Жизнь вошла въ болѣе нормальную колею, стала тише, спокойнѣе. Въ настоящемъ своемъ видѣ Иркутскъ по преимуществу городъ учебныхъ заведеній и благотворительныхъ учрежденій. Въ немъ теперь, на 50 т. жителей, 45 учебныхъ заведеній съ 4.000 учащихся; значитъ, одно учебное заведеніе приходится, приблизительно, на 1.000 ж., одинъ учащійся на 12 жителей—процентъ весьма утѣшительный *). Для цѣлей общаго средняго образованія служатъ классическая гимназія, женская гимназія и прогимназія, дѣвичій институтъ; военное образованіе получается въ юнкерскомъ училищѣ, приготовительномъ классѣ кадетскаго корпуса и фельдшерской военной школѣ, дѣти духовенства учатся въ духовной семинаріи, мужскомъ и женскомъ духовномъ училищѣ; профессиональное образованіе дается въ прекрасномъ и богато-устроенномъ промышленномъ училищѣ и въ двухъ ремесленныхъ школахъ Трапезникова; учительская семинарія приготовляетъ учителей для сельскихъ школъ русскихъ и инородческихъ; болѣе 20

*) По мнѣнію Формазовскаго, нормальное отношеніе числа школъ и количества учащихся въ Россіи къ населенію должно быть какъ 1:1.000 и какъ 1:14. Асм.

городскихъ и другихъ начальныхъ училищъ даютъ элементарное образованіе дѣтямъ бѣднѣйшаго населенія; сиропитательный домъ и три пріюта призрѣваютъ сиротъ; есть отдѣльный пріютъ и для арестантскихъ дѣтей. Въ Иркутскѣ только два небольшихъ частныхъ учебныхъ заведенія. Они тамъ не привились. Къ чести Иркутска надо сказать, что большинство учебныхъ заведеній содержатся на счетъ пожертвованныхъ капиталовъ или городскихъ суммъ. Правительство содержитъ только классическую гимназію, учительскую семинарію, духовныя и военныя училища; все женское, профессиональное и начальное образованіе обязано частной и общественной инициативѣ.

Городская бібліотека Иркутска помѣщается нынѣ въ собственномъ домѣ и имѣетъ до 7.000 изданій въ 12.000 томахъ на сумму 28½ тыс. руб. За право чтенія въ бібліотекѣ уплачивается 10 р. въ годъ или 1 р. въ мѣсяць. Дума выдаетъ субсидію бібліотекѣ въ количествѣ 6.000 р. Пользуются бібліотекой всего болѣе чиновники, учителя и купцы. Всѣхъ книгъ и газетъ выдано было въ 1889 г. болѣе 30.000 экземпляровъ. Мѣстная пресса ограничивается теперь тремя изданіями — *Губернскими*, *Епархіальными Видомостями* и *Восточнымъ Обзорніемъ*, замѣнившимъ собою «Сибирь», раньше «Амуръ».

Эстетическія потребности общества прежде всего удовлетворяются театромъ.

Но, кромѣ театральныхъ представленій, въ Иркутскѣ нѣсколько разъ въ зиму бывають музыкальные и литературно-музыкальные вечера, устраиваемые Обществомъ любителей музыки и литературы. Общество это существуетъ съ конца семидесятыхъ годовъ, и въ послѣдніе года концерты его, благодаря участію въ нихъ хорошихъ музыкантовъ-любителей, были удачны и охотно посѣщались. Кромѣ того, въ Иркутскѣ есть еще хоръ любителей, также участвующій во многихъ музыкальныхъ вечерахъ и хорошо исполняющій малороссійскія хоровыя пѣсни.

Тоже благотворительное общество устраивало въ ноябрѣ 1891 г. выставку картинъ. Это была уже вторая выставка имѣющихся въ Иркутскѣ и принадлежащихъ разнымъ лицамъ картинъ. Первая была устроена нѣсколько лѣтъ тому назадъ. На второй выставкѣ были помѣщены, за весьма малымъ исключеніемъ, почти всѣ имѣющіяся въ Иркутскѣ картины извѣстныхъ художниковъ. Выставка состояла изъ 118 номеровъ: 103 картины и 15 гравюръ. Изъ картинъ русскихъ художниковъ были выставлены картины: Айвазовскаго, Боголюбова, Лагорію, Верещагина, Клевера, барона Клодта, Брюлова, Рѣпина, Семирадскаго и др.

Съ открытіемъ Томскаго университета на Иркутскъ легла обязанность—возможно шире открыть доступъ къ нему болѣе способной части мѣстной молодѣжи. Этимъ путемъ онъ будетъ имѣть и своихъ врачей, и своихъ наставниковъ-учителей, и своихъ юристовъ, и вообще образованныхъ людей, въ которыхъ страна такъ нуждается.

А когда сбудутся и другія мечты Иркутска: проведется Сибирская желѣзная дорога, введется судъ правый, скорый, равный для всѣхъ, тогда Иркутскъ станетъ совсѣмъ европейскимъ и притомъ чисто русскимъ городомъ, обязанный своимъ основаніемъ и процвѣтаніемъ удалому казачеству, ученымъ экспедиціямъ, предпріимчивымъ промышленникамъ и именитымъ русскимъ людямъ!..

Д. Д. Семеновъ.

ПОДЪ СЪНЬЮ ТІАРЫ.

Историческая повѣсть проф. Э. Жебара.

(Продолженіе *).

VII.

К р у ш е н і е.

Обрученные въ большомъ волненіи вышли изъ зеленаго пріюта, гдѣ сердца ихъ открылись и отдались другъ другу. Почти дрожа, они побѣжали отыскивать Іоакима, котораго нашли подъ сикоморой, съ закрытымъ требникомъ на колѣняхъ и занятаго бесѣдою съ пчелами. Они безхитростно рассказали ему все. Епископъ закрылъ лицо руками, мысленно принесъ чистосердечное покааніе въ своей винѣ, подумалъ и, наконецъ, поднялъ голову.

— Отнынѣ, дѣти мои, — сказалъ онъ строго, — мы будемъ рвать розы всегда втроемъ.

Онъ съ тревогою глядѣлъ то на Викторина, то на Пію. Но мало-по-малу обычная ясность вернулась къ нему, и онъ сдѣлалъ надъ собою усиліе, чтобы не показаться черезчуръ снисходительнымъ.

— Прощаю васъ, — продолжалъ онъ, — только съ однимъ условіемъ: чтобы Викторинъ сегодня же попросилъ у папы руки его внучки. Насъ всѣхъ троихъ обязываетъ въ этому совѣсть. Разрѣшаю тебѣ, другъ мой, не упоминать предъ св. отцомъ о твоёмъ сегодняшнемъ проступкѣ.

Григорій поднимался по отдаленнымъ склонамъ сада. Черезъ нѣсколько минутъ онъ долженъ былъ пройти мимо нихъ и рѣшить участь влюбленныхъ. Викторинъ обратился въ епископу съ жестомъ мольбы, который былъ понятъ.

*) См. «Міръ Божій», № 5.

— Хорошо,—сказалъ Іоакимъ,—я заговорю первый. Оно лучше и для васъ, и для меня.

Григорій былъ уже всего въ нѣсколькихъ шагахъ, но его такъ поглощали думы, что онъ ничего не видѣлъ передъ собою и вздрогнулъ при первыхъ словахъ Іоакима.

— Я прошу,—говорилъ епископъ,—новой милости у вашего святѣйшества.

— Милости, братъ мой? А для кого именно?

— Для Піи и Викторина, дѣтей вашихъ передъ Господомъ, души которыхъ поручены вами мнѣ. Они любятъ другъ друга чистѣйшею любовью и моими устами просятъ васъ благословить ихъ союзъ.

Прелестная пара, стоя передъ старымъ монахомъ въ пурпуровой мантии, готова была упасть къ ногамъ его. Онъ же какъ бы не замѣчалъ ихъ; онъ не обернулся и къ Іоакиму, а отвѣтилъ, точно говоря самъ съ собою:

— Грядущее не благопріятствуетъ ни обрученію, ни браку. Счастливы очаги, у которыхъ не будетъ колыбелей! Десница Господня отяготѣла надъ нашими главами. Юноши должны облечься въ латы, а дѣвушки—во власяницу. Насталъ часъ молиться и погибнуть во славу церкви.

Затѣмъ онъ склонилъ взоры на плачущую Пію, и голосъ его зазвучалъ мягче:

— Не плачь, Пія. Если слова мои были жестки, изгладь ихъ изъ твоей памяти. Храни надежду, и да дастъ мнѣ Господь благословить вскорѣ твою любовь. Избранникъ твой достоинъ тебя и меня. Но я хочу, чтобы, среди уготованныхъ церкви испытаній, онъ сначала возстановилъ честь своего имени и уплатилъ долгъ своего отца. Тебѣ нужно, дочь моя, славное и благородное имя.

Затѣмъ, обратившись къ Викторину, онъ прибавилъ:

— Король нечестивецъ ежечасно можетъ вновь явиться подъ стѣнами Рима. Знаю, что всѣ его усилія обратятся на Ватиканъ и городскіе окопы. Замокъ св. Ангела въ тотъ день станетъ воистину твердынею церкви. Твоя рыцарская обязанность—непрестанно стоять тамъ на стражѣ.

Дѣйствительно, постъ этотъ съ осени сталъ опаснымъ. Развѣдчики императорской арміи, шайки бродячихъ солдатъ, поднятыя Климентомъ III и увлеченныя золотомъ греческаго императора Алексѣя, союзника Генриха IV, шатались по римской Кампаньѣ, доходили до подножія Монте-Маріо. Викторинъ, во главѣ своихъ норманновъ, безпрестанно дѣлалъ вы-

лазки, чтобы очистить ближайшія окрестности Рима. Императоръ съ главнымъ войскомъ пришелъ передъ Пасхою 1082 г. Онъ сдѣлалъ сильное нападеніе на самую слабую часть стѣнъ, которая находилась позади церкви св. Петра и которую въ XVI вѣкѣ выбралъ для приступа коннетабль де-Бурбонъ. Чтобы отвлечь защитниковъ, разставленныхъ вдоль гребня стѣнъ, за зубцами, Генрихъ велѣлъ поджечь храмъ Петра рукою преступника. При извѣстии о пожарѣ, Григорій поспѣшилъ туда, собравъ разсѣянные по Риму военныя силы и, самъ ставъ во главѣ жителей пригорода св. Петра, тушившихъ огонь, направилъ за городъ все свое рыцарство. Имперцы подались назадъ, Генрихъ отступилъ къ горѣ Соракту, перешелъ Тибръ и остановился въ аббатствѣ Фарфа, гдѣ монахи, уже пятьдесятъ лѣтъ смѣявшіеся надъ папскою властью и жившіе вопреки Евангелію, предложили ему, для продолженія войны, сокровища своей ризницы. Генрихъ помѣстилъ въ Тиволи своего антипапу, разставилъ гарнизоны въ сабинскихъ замкахъ и вернулся въ Тоскану воевать съ вассалами графини Матильды, которая принуждена была запереться въ укрѣпленіяхъ Каноссы.

На другой день послѣ побѣды, папа призвалъ сына Ченчіо въ Латеранъ и назначилъ его комендантомъ замка св. Ангела.

— Это лишь начало боя, первые раскаты грома,—сказалъ онъ.—Гроза будетъ ужасна. Мы останемся тверды и непоколебимы до конца. Они хотятъ развѣнчать меня и унижить. Но я лучше перенесу апостольскую церковь съ немногими вѣрными кардиналами въ горы Калабріи, а если понадобится, такъ и на Голгоѳу, въ среду язычниковъ-магометанъ.

Тутъ онъ замѣтилъ, что Викторинъ раненъ копьемъ въ правую руку.

— Ахъ, сынъ мой, ты былъ въ самой свалкѣ. Господь зачтетъ тебѣ кровь, которую ты пролилъ за меня. Но у Пинной аббатиссы есть превосходныя снадобья, тайну которыхъ знаютъ эти старыя монахини. Поди къ ней и предоставь ей твою руку.

Въ аптекахъ аббатиссы нашлись только ладанки и записочки съ молитвами; но одинъ взглядъ Пии оказался цѣлительнѣе всякихъ эликсировъ, и Викторинъ вышелъ изъ Латерана здоровымъ.

Отступление Генриха не прекратило войны. Съ высотъ Тиволи Климентъ III, подерживаемый Тускулумскою знатью, направлялъ на Римъ разбойничьи шайки, которыя жгли дома и вѣшали крестьянъ. Подалѣе, въ Апуліи, развѣнчанные ломбардскіе князья и агенты византійскаго императора возму-

пшали города противъ норманновъ. Робертъ Гвискардъ поспѣшно возвратился и въ нѣсколько недѣль возстановилъ порядоки въ своихъ владѣніяхъ. Затѣмъ онъ снова уплылъ въ Иллирію, совсѣмъ не помышляя о Григоріѣ VII.

Матильда, принужденная отстаивать замокъ за замкомъ, могла лишь послать папѣ священные сосуды и серебряные подсвѣчники изъ своихъ часовенъ. На самую Троицу Викторину пришлось опять отправиться въ Салерно, чтобы собрать еще нѣсколько тысячъ норманскихъ наемниковъ для защиты св. престола. Къ концу лѣта онъ вернулся съ небольшимъ войскомъ, въ составъ котораго вошло и нѣсколько сицилійскихъ сарацинъ въ зеленыхъ чалмахъ и съ золотыми полумѣсяцами на груди. У подошвы горы Альбано онъ выдержалъ довольно сильное нападеніе и съ мечомъ въ рукѣ проложилъ себѣ путь сквозь шайку какого-то сброда. Въ то же время онъ разсмотрѣлъ вдали на пригорѣѣ фигуры двухъ всадниковъ, которые скорѣе наблюдали за свалкою, чѣмъ руководили ею. И передъ нимъ промелькнуло видѣніе, отъ котораго болѣзненно сжалось его сердце: церковь въ Каноссѣ, густой сумракъ придѣловъ и, при блѣдномъ свѣтѣ свѣчей, двѣ ночныя птицы, рыцарь и монахъ, слѣдятъ, вытянувъ шеи, за императоромъ, распростертымъ передъ бѣлою частицею Даровъ.

Въ послѣдніе дни 1082 года, императоръ, стоявшій лагеремъ у Тибра, надъ городомъ, предпринялъ въ третій разъ осаду Рима.

Шесть мѣсяцевъ стерегъ онъ святительскій городъ съ высотъ, сосѣднихъ съ Ватиканомъ. 2 іюня, на зарѣ, его саксонцы и ломбардцы безшумно взобрались на стѣну близъ св. Петра, столкнули внизъ заснувшихъ часовыхъ и овладѣли одною изъ башенъ; а въ раскрытую брешь бросились съ криками радости прочіе имперцы. Говорятъ, что первымъ рыцаремъ, проникшимъ за стѣну, былъ Готфридъ Бульонскій. Прибѣжали ополченцы Григорія и столкнулись съ врагами на паперти церкви. Произошла ужасная рѣзня: площадь, ступени и церковная паперть въ одну минуту залились кровью. Римляне затворились въ церкви св. Петра, гдѣ продержались до слѣдующаго дня.

При первыхъ возгласахъ ворвавшихся враговъ Викторинъ поскакалъ къ Латерану. Уже слышенъ былъ набатъ на Капитоліи, а потомъ у св. Маріи-Маджоре. Папа шелъ въ свою церковь, чтобы служить обѣдню. Взглянувъ на лицо Викторина, онъ остановился и поблѣднѣлъ.

— Св. отецъ, непріятель—въ пригородѣ. Спѣшите въ замокъ. Еще часъ—и будетъ поздно!

Пораженный и разгнѣванный, папа не зналъ, на что рѣшиться. Римскій сенаторъ Пьерлеоне сталъ умолять его послѣдовать совѣту молодого барона. Викторинъ, не дожидаясь привазаній своего повелителя, распорядился, чтобы слуги тотчасъ осѣдлали всѣхъ лошадей святительской конюшни, и немедленно побѣжалъ въ занимаемую Іоакимомъ и Піею башню. Онъ встрѣтилъ ихъ на лѣстницѣ; молодая дѣвушка и епископъ поспѣшно сходили внизъ, таща за собою аббатиссу, страхъ которой былъ выше описанія. Отрядъ составилъ тотчасъ же и двинулся галопомъ мимо Колизея, Капитолія и по улицамъ вдоль Тибра. Впереди скавалъ сенаторъ, держа первосвятительскій крестъ; за нимъ—Григорій, съ непокрытой головой, между двухъ конюховъ; Пія между Іоакимомъ и Викториномъ и, наконецъ, нѣсколько монаховъ, изъ которыхъ одинъ везъ за сѣдломъ аббатиссу, а другой—запаханные какъ попало въ мѣшокъ печати римской церкви, пергаменты канцеляріи и украшенные драгоцѣнными камнями сосуды.

Во всѣхъ церквахъ били тревогу; испуганный народъ глядѣлъ на отчаянное бѣгство стараго пастыря; морской вѣтеръ уже доносилъ до Эсквилина черный дымъ пожаровъ. По дорогѣ, справа и слѣва, присоединялись къ маленькому отряду кардиналы, епископы, вельможи грегорианской партіи, испуская крики ужаса или гнѣва, и всѣ прищипывали коней своихъ, не сводя глазъ съ лысой головы Григорія и трехконечнаго первосвятительскаго креста.

Въ окрестностяхъ моста св. Ангела они были остановлены на нѣкоторое время толпою окрестныхъ жителей: полуголыхъ женщинъ, клириковъ съ мощами и иконами въ рукахъ, мужчинъ, покрытыхъ кровью; этотъ людской потокъ двигался къ центру Рима. По ту сторону рѣки поднимались къ небу высокіе снопы пламени и страшный, оглушительный, непрерывный вопль, который сливался съ грохотомъ рушившихся стѣнъ. Направо, на мѣлѣ Адріана, сквозь траурную завѣсу дыма виднѣлись норманскіе стрѣлки съ натянутыми луками, готовые стрѣлять, а еще выше, съ городской башни, развѣвалось надъ этимъ погромомъ первосвятительское знамя, бѣлое, съ перекрещенными золотыми ключами.

На переправу по мосту потребовалось полчаса. Простолюдины, видѣвшіе избіеніе своихъ сыновей и истребленіе своего имущества, обращались противъ Григорія и поносили его.

Одинъ ремесленникъ съ опаленными волосами погрозилъ ему кулакомъ. Одна женщина, прижимавшая къ груди ребенка съ разбитою головою, осмѣлилась схватить за узду его лошади, которая стала на дыбы. Толпа съ каждымъ шагомъ становилась гуще и грознѣе. Викторинъ поддерживалъ за талію вздрагивавшую Пію, а Іоакимъ, слышавъ свистъ первыхъ камней, прирывалъ бѣлокурую головку дѣвушки своимъ горностаевымъ оплечьемъ.

Наконецъ, замковый гарнизонъ сдѣлалъ вылазку, отбѣснилъ народъ по направленію къ св. Петру и расчистилъ путь. Снова двинулся первосвятительскій крестъ, и святая римская церковь, оскорбленная и побѣжденная, прослѣдовала въ безпорядкѣ по узкому мосту крѣпости, который медленно поднялся за послѣднимъ монахомъ.

На другой день, Генрихъ черезъ Ватиканскую брешь вступилъ въ городъ и, по дымящимся развалинамъ предмѣстья, провелъ своего лжепапу въ церковь св. Петра, только что повинутую послѣдними защитниками. Съ вершины своего укрѣпленія, Григорій издали увидѣлъ, какъ на паперть, еще красную отъ крови пріавшихъ за него мученичество, вступило пышное императорское шествіе: каносскій цезарь въ своей пурпурной мантии, епископъ-отщепенецъ въ бѣлой ризѣ, а за ними—толпа итальянскихъ вельможъ, свѣтскихъ и духовныхъ. Они скрылись въ церкви, гдѣ Климентъ, начиная молебенъ, запѣлъ: „Тебя, Бога, хвалимъ!“

Когда церковные колокола привѣтствовали первыя слова побѣдной пѣсни, Григорій задрожалъ и глаза его увлажнились слезами. Но твердость вернулась къ нему, какъ скоро онъ замѣтилъ позади себя, на разстояніи нѣсколькихъ шаговъ, Викторина и его норманскихъ военачальниковъ, и, обратившись къ юному коменданту св. Ангела, онъ сказалъ:

— Злодѣйская комедія и дьявольская пародія священныхъ преданій! Императоръ можетъ принять закрытую корону лишь изъ рукъ папы, а Гвибертъ, пока я живъ, могъ бы имѣть подобіе канонической власти лишь будучи признанъ и привѣтствуемъ народомъ Рима. Народъ же этотъ за меня.

Викторинъ припомнилъ провлятія, слышанныя наканунѣ, и свистъ камней мимо его ушей. Онъ предчувствовалъ, что народъ этотъ, въ продолженіе многихъ вѣговъ привышій къ зрѣлищу бѣдствій папства, отречется отъ своего епископа, прежде чѣмъ пѣтухъ успѣетъ пропѣть нѣсколько разъ.

Затѣмъ, Римъ, въ теченіе нѣсколькихъ недѣль, предста-

вилъ собою невиданную картину: папа, заключенный въ могилу Адріана *), былъ отрѣзанъ отъ христіанскаго міра; антипапа служилъ во храмѣ св. Петра и предсѣдательствовалъ на синодахъ; императоръ распоряжался на правомъ берегу Тибра; городская община—на лѣвомъ и въ Капитоліи. По городу ходили странныя процессіи: то посланники развѣчаннаго греческаго цезаря, путеволимые Иорданомъ, герцогомъ Капуанскимъ, шли просить Генриха идти на Апулію и выгнать норманновъ изъ Италіи; то настоятель монастыря на горѣ Кассино, высшій духовный сановникъ полуострова, ѣхалъ, окруженный штабомъ монаховъ, чтобы попытаться устроить примиреніе между Григоріемъ и Генрихомъ. Дѣйствительно, между папою и императоромъ и между послѣднимъ и римлянами завязывались двусмысленные переговоры, которые не могли привести къ настоящему соглашенію. Чтобы разрѣшить великую распрю, расколотившую христіанскій міръ, долженъ былъ собраться соборъ; римская знать обязывалась выхлопотать у Григорія прощеніе и коронованіе Генриха. Послѣдній, чтобы не мѣшать собору, удалился, посреди лѣта, въ Тоскану, оставивъ гарнизонъ вокругъ замка св. Ангела; Климентъ III вернулся въ Тиволи.

Соборъ, составившійся изъ южноитальянскихъ и провансальскихъ епископовъ, вѣрныхъ общенію съ Григоріемъ и поэтому полныхъ предвзятой враждебности къ Генриху, въ самомъ дѣлѣ открылъ свои засѣданія, въ ноябрѣ 1083 года, въ залахъ замка св. Ангела. Онъ разошелся черезъ нѣсколько дней, не окончивъ преній, отъ которыхъ уклонились епископы императорской партіи. Римскіе бароны, отчаявшись въ возможности добиться отъ Григорія торжественной коронаціи по обрядамъ, установившимся со временъ Карла Великаго, спросили императора, не удовольствуется ли онъ простою передачею императорской короны на палочкѣ, черезъ бойницу крѣпости, безъ обычнаго священнослуженія. Генрихъ ничего не отвѣтилъ на это насмѣшливое предложеніе и сталъ готовиться къ четвертому нападенію на Римъ. 21-го марта 1084 года, въ день св. Бенедикта, онъ вошелъ воротами св. Іоанна вмѣстѣ съ антипапою, и оба союзника поселились въ самомъ Латеранскомъ дворцѣ.

Эта долгая зима была для Григорія временемъ великой скорби. Безполезный соборъ, засѣдавшій въ стѣнахъ его

*) Т.-е. въ замокъ св. Ангела.

тюрьмы, далъ ему почувствовать его безсиліе надъ церковью. Апостольское служеніе великихъ папъ: св. Григорія Великаго, Льва III, Сильвестра II, ускользало изъ его слабыхъ рукъ. Казалось, что Богъ повидаетъ его. Каждый день приносилъ ему вѣсти объ успѣхахъ императорской партіи въ Римѣ. Городъ, обѣднѣвшій отъ отсутствія богомольцевъ, которые уже три года, какъ не осмѣливались являться на поклоненіе гробу св. Петра, умиралъ отъ нужды и скуки. Любимый имъ папа не сталъ ли виновникомъ его гибели? Простонародье, равнодушное къ чистотѣ церкви, къ законности первосвятителя, и подстрекаемое разстриженными монахами, уже кричало на перекресткахъ, что власть Климента и покровительство императора вернуть, наконецъ, миръ, довольство и радость. Со стороны норманновъ не видно было никакихъ признаковъ близкой помощи, хотя герцогъ Робертъ уже вернулся въ Италію. У преданнаго папѣ дворянства оставалось всего нѣсколько замковъ на Целіѣ и Палатинѣ; Корси владѣли еще Капитолиемъ, Піерлеоне — островомъ Тибра. Съ каждымъ днемъ ослабѣвало и феодальное верховенство Григорія, и его духовное значеніе. Онъ слышалъ хриплые оклики нѣмецкихъ часовыхъ, разставленныхъ вокругъ замка св. Ангела, видѣлъ съ верхнихъ террасъ германскій станъ на лугахъ Нерона. Вскорѣ въ однихъ дворахъ и рвахъ крѣпости должна была сосредоточиться его доля мистическаго господства надъ христіанскимъ міромъ.

Часто, по ночамъ, онъ всходилъ на вершину башни св. Ангела въ сопровожденіи Викторина, а иногда и Пиа. Онъ глядѣлъ на свою столицу, на далекія колокольни своего дворца и храмовъ и печально прислушивался къ журчанію рѣки, къ смутному гулу священнаго города. Въ эти минуты онъ и не думалъ противодѣйствовать любви молодыхъ людей: позволялъ имъ рядомъ облокачиваться на брустверь и нѣжно переговариваться о будущемъ. Онъ же весь принадлежалъ прошедшему, днямъ своего духовнаго величія, минутамъ торжества, которыя онъ доставилъ церкви. Однажды, звукъ поцѣлуя заставилъ его вздрогнуть и онъ со строгимъ видомъ обернулся къ обрученнымъ. Но меланхолическій вопль о тушеніи огня, раздавшійся съ Капитолія, отвлекъ его вниманіе, и, убаюкиваемый глухимъ гуломъ колокола, онъ вновь сталъ дѣлать молчаливый смотръ всѣмъ этимъ базиликамъ, которыя, точно привидѣнія, тонули во мглѣ, — этимъ храмамъ, гдѣ ему уже нельзя было славить Бога.

Теперь съ каждымъ днемъ прибавлялось новое горе, новое оскорбленіе его первосвятительскому достоинству. Совѣтъ изъ знати, римскихъ горожанъ и епископовъ - отщепенцевъ явился къ воротамъ замка, провозгласилъ Григорія свергнутымъ и привѣтствовалъ Гвиберта, какъ законнаго папу. Въ Вербное Воскресенье состоялось возведеніе равеннскаго патриарха ломбардскими епископами въ папскій санъ, а въ Свѣтлое Воскресенье Климентъ III муропомазалъ и короновалъ въ храмѣ св. Петра императора Генриха и жену его, Берту. Потомъ римляне облекли императора званіемъ патриціа. Генрихъ и Климентъ захватили церковное управленіе въ свои руки, смѣнили римскую магистратуру, составили священную коллегію и назначили семерыхъ подгородныхъ епископовъ. Потомъ, Генрихъ осадилъ въ Римѣ послѣднія твердыни Григорія, пожегъ дворцы его приверженцевъ, взялъ приступомъ Капитолій. Остался лишь замокъ св. Ангела, ладья апостоловъ, послѣдній обломокъ, уцѣлѣвшій отъ полнаго крушенія церкви.

Разъ утромъ, сами римляне напали на замокъ св. Ангела, тѣ самые кузнецы и мясники, которые нѣкогда вырвали Григорія изъ когтей Ченчіо. И это было послѣднею каплею горечи. Они окружили мрачную крѣпость съ криками бѣшенства, грозя повѣсить св. отца или уморить его голодомъ. На этотъ разъ непреклонный монахъ упалъ духомъ. Сидя въ сумрачной сводчатой залѣ замка, онъ поникъ головою и прошепталъ вопль еврейскаго пророка:

— Народъ мой, что я тебѣ сдѣлалъ?

Впрочемъ, оставался еще одинъ выходъ: глубокое ложе Тибра, песчаная отмель, поросшая ивами и тростникомъ. Съ наступленіемъ ночи, Викторинъ, въ одеждѣ монаха, спустился на веревкѣ на берегъ рѣки и переплылъ ее. Онъ кинулся въ пустынные переулки Реголы и Гетто, добрался во мракѣ до безлюднаго форума и безпрепятственно достигъ воротъ св. Севастьяна. На зарѣ, подкупивъ дуватомъ начальника императорскихъ часовыхъ, онъ вышелъ изъ города, спокойнымъ шагомъ спустился съ холма до часовни „Господи, куда грядеши?“, затѣмъ добѣжалъ до башни, возвышавшейся посреди равнины и служившей приютомъ нѣсколькимъ крестьянамъ бароновъ Пьерлеоне. Тамъ онъ взялъ лошадь и поскакалъ по направленію къ Палестринѣ и Ананьи, гдѣ надѣялся встрѣтить передовые отряды норманской конницы. Четыре дня спустя онъ вѣзжалъ въ Салерно и подавалъ Роберту Гвискарду письмо отъ Григорія.

Герцогъ-авантюристъ не сталъ колебаться. Побѣда императора грозила его собственной власти. Убивши или заточивши папу, Генрихъ очутится во главѣ могущественной коалиціи византійцевъ, ломбардцевъ, итальянскихъ синьоровъ, нѣкогда вытѣсненныхъ норманнами, и пойдетъ на Салерно. Робертъ тотчасъ собралъ всѣ свои военныя силы. Въ первыхъ числахъ мая онъ выступилъ въ походъ съ 6.000 всадниковъ и 30.000 пѣхотинцевъ. Пѣхота эта была странною смѣсью наемниковъ, собравшихся со всѣхъ концовъ христіанскаго міра, калабрійскихъ горцевъ и сицилійскихъ арабовъ. Христіане стремились къ Риму, побуждаемые жаждою наживы, а сарадинъ влекло таинственное очарованіе религиозной экспедиціи. Настоятель горы Кассино тайно увѣдомилъ папу о приближеніи его друзей и черезъ того же гонца, ведя двойную игру, предупредилъ императора. Послѣдній поспѣшилъ разрушить башни Капитолія и окопы предмѣстья папы Льва. Затѣмъ, онъ собралъ общинный совѣтъ и простился съ нимъ подъ тѣмъ предлогомъ, что дѣла имперіи отзываютъ его за Альпы; онъ обѣщаль скоро вернуться, ободрялъ римлянъ къ сопротивленію и желаль имъ удачи. 21 мая онъ ушелъ по Фламиніевой дорогѣ вмѣстѣ съ антипапой.

Въ тотъ самый часъ передовой отрядъ норманской конницы уже ударялъ копьемъ въ ворота св. Іоанна. Робертъ, промедливъ три дня въ *Acqua Marcia*, подъ прикрытіемъ большихъ водопроводовъ, чтобы не подвергнуться внезапному нападенію имперцевъ въ случаѣ, еслибъ они вздумали вернуться, бросился, 28 мая, на ворота св. Лаврентія и разнесъ ихъ. Грозное войско потокомъ полилось въ Римъ при крикахъ: „Гвискарды! Гвискарды!“ Прежде чѣмъ застигнутые врасплохъ римляне успѣли организовать оборону, герцогъ направился по пылавшему Марсову полю къ Тибрскому мосту и молу Адріана. Почти не встрѣтивъ сопротивленія, онъ очистилъ окрестности замка. Подъемный мостъ опустился, и, нѣсколько минутъ спустя, тотъ удивительный рыцарь, который на полѣ битвы при Чивителлѣ поцѣловаль руку побѣжденному Льву IX, смиренно склонился къ ногамъ Григорія VII и получилъ отпущеніе всѣхъ своихъ грѣховъ.

Вечеромъ этого дня герцогъ командовалъ конвоемъ, окружавшимъ носилки первосвященника. Григорій, надѣясь на восторженный пріемъ со стороны престоноародья, пожелаль не медля вернуться въ Латеранскій дворецъ. Онъ избралъ тотъ самый путь, по которому скакаль годъ назадъ, въ утро сво-

его бѣгства. Никто не палъ ницъ при видѣ его. Женщины и дѣти отворачивались при его приближеніи, мужчины съ пенавистью глядѣли на него. Викторинъ, ѣхавшій во главѣ аррьергарда, гдѣ находились Піа и епископъ ассизскій, долженъ былъ обнажить мечъ, поравнявшись съ Капитоліемъ, чтобы отпугнуть шайку бродягъ, которые притаились въ оставшихся послѣ императорскаго разгрома развалинахъ.

— Пѣснь скорби, а не побѣды слѣдовало бы воспѣть твоему дѣду завтра, передъ престоломъ своей первосвятительской церкви, — сказалъ Іоакимъ Піа.

Самъ Римъ подалъ знакъ къ началу ужаснаго бунта. На третій день послѣ прибытія норманновъ, охваченный безумнымъ гнѣвомъ, онъ возсталъ противъ побѣдителей. Борьба была непродолжительна. Робертъ, на минуту смущенный бунтомъ, который вспыхнулъ одновременно во всѣхъ кварталахъ города, приказалъ убивать безъ милосердія и безъ жалости жечь, не щадя самыхъ почитаемыхъ монастырей и церквей. Образовался исполинскій костеръ: предмѣстье Монти, Эсквилинъ, Квириналь, простонародныя улицы, примыкающія къ аркѣ Януса, къ Колизею, къ портику Октавіи, къ св. Петруво-Узахъ, Форумъ Траяна и все, что оставалось отъ Марсова Поля, покрывали небо заревомъ въ теченіе трехъ ночей. Возобновился праздникъ Нерона, огненная оргія антихриста. Улицы превратились въ кровавыя болота. Съ мостовъ валили въ Тибръ трупы цѣлыми тысячами; грудныхъ дѣтей бросали съ высокихъ башенъ. Были превзойдены ужасы временъ Алариха. Когда городъ усмирился и затихъ, настала очередь грабежа, тѣмъ болѣе тяжелаго, что Римъ въ то время былъ бѣденъ, дворцы опустошены, церкви лишены своихъ сокровищъ. Дикіе калабрійцы топорами разрубали престолы, воображая, что въ нихъ спрятано золото; арабы разбивали двери святилищъ, срывали съ изображеній святыхъ ихъ драгоценныя одежды, украшенныя дорогими камнями приношенія вѣрныхъ и съ бѣшенствомъ шарили въ ракахъ съ мощами. Большія базилики: св. Петра и Павла, св. Маріи Маджоре и св. Лаврентія подверглись величайшимъ надругательствамъ. На хбрахъ св. Петра имамъ справилъ пятничное богослуженіе; другой же имамъ, съ колокольни св. Маріи Маджоре, бросилъ покрытому кровавымъ пепломъ Риму призывъ ислама:

— Аллахъ есть Богъ, а Магометъ — пророкъ его!

Эти страшные часы Григорій проводилъ въ своей молен-

ной, подавленный скорбью и стыдомъ. Напрасно молилъ онъ Роберта, заклиная его спасеніемъ души; герцогъ смотрѣлъ на слезы стараго первосвятителя и удалялся, не удостоивъ его отвѣтомъ. На четвертый день, зрѣлище, болѣе раздирающее, чѣмъ остальные, довело мѣки папы до послѣднихъ предѣловъ. Онъ увидѣлъ въ окно Латерана большую толпу плѣнныхъ, которыхъ сарацины гнали, точно скотъ, черезъ ворота св. Іоанна въ станъ Рожера, сына Гвискарда: шли благородныя дѣвушки и женщины съ распущенными волосами и связанными за спиною руками, молодые люди, бароны, императорскій префектъ Рима, епископы нѣмецкой партіи, съ веревками на шеяхъ, въ одеждахъ, испачканныхъ грязью и кровью. Шли на глазахъ общаго отца всего христіанства, чтобы быть проданными съ публичнаго торга, — „какъ жида“, по выраженію одного монаха, стоявшаго близъ Григорія, — дѣвушки, предназначенныя въ гаремы Сициліи, юноши — на норманскія галеры. Тогда папа вспомнилъ, какъ св. Левъ спасъ Римъ отъ Атилы и смягчилъ Гензериха, и спросилъ себя, рыдая, какою отвѣтъ онъ дастъ Богу за довѣренное ему стадо. Наконецъ, онъ добился, чтобы Робертъ прекратилъ кровопролитіе и простилъ мертвый городъ. Но мысль, что его союзникъ оставить его здѣсь епископомъ этого кладбища, привела его въ трепеть.

— Возьми меня въ твое царство, — сказалъ онъ, — и чѣмъ скорѣе, тѣмъ лучше. Святительству моему въ Римѣ пришелъ конецъ. Вся кровь, пролитая твоими руками, вопіетъ противъ меня. Мои церкви разрушены, и мое имя отнынѣ станетъ здѣсь символомъ проклятія. Часъ мой близокъ. Уѣдемъ сегодня же вечеромъ. Да покроетъ меня Господь Своимъ милосердіемъ.

Однако, онъ на-скоро устроилъ еще одно, послѣднее совѣщаніе изъ нѣсколькихъ кардиналовъ и епископовъ, на которомъ возобновилъ проклятія противъ лжепапы и императора и изгналъ изъ Рима священниковъ-отщепенцевъ, собственноручно возложившихъ митры на свои головы во время его плѣна. Втайнѣ онъ готовился къ отъѣзду. Центръ норманскаго войска мало-по-малу отступилъ къ Тиволи, гдѣ герцогъ собирался осадить Климента III. Въ городѣ осталось всего нѣсколько сотъ рыцарей подъ командою Рожера. Въ одинъ іюньскій вечеръ, Григорій, въ сопровожденіи Викторина и епископа Ассизскаго, захотѣлъ проститься съ церквами, съ которыми связаны были славнѣйшія воспоминанія его святи-

тельства. Онъ вошелъ въ храмъ св. Іоанна Латеранскаго и помолился тамъ колѣнопреклоненно, касаясь лбомъ пола, а затѣмъ направился въ опустошенную св. Марію Маджоре. Но уже съ паперти онъ замѣтилъ, что двери собора, проломленные и разбитыя таранами, еле висятъ на петляхъ; увидѣлъ разоренный алтарь, разрушенный престолъ, погашенную лампаду и не рѣшился войти въ ту церковь, гдѣ онъ когда-то геройски прославилъ Господа. Онъ повернулъ назадъ вмѣстѣ со своими спутниками, и, поникнувъ головой, вернулся въ Латеранъ.

Въ полночь, первосвятительскіе сады стали мѣстомъ прискорбнаго зрѣлища. Григорій VII въ простой рясѣ бенедиктинца, епископъ Ассизскій, кардиналъ Альбано, Пія подъ руку съ Викториномъ, настоятель св. Бенигнія Дижонскаго, аббатисса, поддерживаемая Эгидіемъ, нѣсколько слугъ и нѣсколько римскихъ патриціевъ тихо пробирались по лугамъ и рощамъ къ калиткѣ близъ Латинскихъ воротъ. Была ночь, прозрачная, напоенная ароматомъ липъ, жасминовъ и розъ, ночь сверкающая, посеребренная луною и полная нѣжнаго шороха. Печальное шествіе, точно вереница тѣней, тянулось по чернымъ кипарисовымъ аллеямъ, прорѣзаннымъ кое-гдѣ пятнами свѣта. Время отъ времени въ цвѣтущихъ кустахъ запѣвалъ соловей. Пія, закутанная въ темное покрывало, вздохнула, проходя мимо хворостянаго шалашика, гдѣ живаль по лѣтамъ ея милый Фульво: бѣдный возликъ монсиньора св. Евстафія умеръ отъ горя или старости во время пребыванія его хозяйки въ замкѣ св. Ангела. Эгидій вздрагивалъ каждый разъ, какъ на углу какой-нибудь лужайки вставалъ въ невѣрныхъ лучахъ луны странный абрисъ кѣпы деревьевъ, медленно покачиваемой теплымъ ночнымъ вѣтромъ. Но изо всего общества изгнанниковъ онъ одинъ помнилъ о фантастическихъ легендахъ Латерана и боялся появленія Тускулумскихъ папъ или великихъ куртизанокъ, владѣвшихъ св. престоломъ въ былыя времена. Григорій и его послѣдніе приверженцы думали только о неслыханномъ паденіи папства, о вѣчномъ, можетъ быть, вдовствѣ Рима, о тайнахъ будущаго, объ униженіи церкви. Когда дошли до двухъ высокихъ и уединенныхъ розовыхъ кустовъ за циркомъ Бахуса, пріютившихъ ихъ первый поцѣлуй, Пія и Викторинъ взглянули другъ на друга съ грустною улыбкою. Молодой человекъ небольшимъ обходомъ приблизился къ кустамъ, запахъ которыхъ никогда еще не казался ему столь упоительнымъ, и торопливо сор-

валь на дорогу нѣсколько розъ, которыя Пія заткнула за поясъ.

Въ глубинѣ сада дожидались двое носилокъ: однѣ для папы, другія — для его внучки и аббатиссы. У Латинскихъ воротъ стояли лошади, предназначенныя для прочихъ путниковъ, и конвой изъ норманскаго рыцарства подъ командою Рожера. Двинулись шагомъ вдоль укрѣпленій, причемъ рыцари окружали святителя, потомъ проселочной дорогой выѣхали на путь Аппія близъ могилы Цециліи Метеллы. И по этой погребальной дорогѣ, между двухъ рядовъ могилъ, пустился въ путь Григорій при яркомъ сіяніи звѣздъ, среди безмолвія безлюдной римской Кампаньи.

При восходѣ солнца папа остановилъ свой поѣздъ. Онъ вышелъ изъ носилокъ и одинъ съ трудомъ поднялся на холмикъ, съ котораго хотѣлъ взглянуть на Римъ въ послѣдній разъ. Онъ устремилъ глаза на башни Латерана. Оставшіеся внизу спутники его съ благоговѣніемъ присутствовали при этомъ разставаніи. Онъ то какъ будто молился, то задумывался и опускалъ голову.

Пѣсни жаворонковъ взлетали, точно звонкія стрѣлы, къ розоватому небу, а равнина, залитая росой и сверкавшая цвѣтами, блестѣла точно громадный дарецъ самоцвѣтныхъ камней. Пія плакала; Эгидій, склонившись въ пыли дороги, бормоталъ утреннія молитвы. На минуту, Григорій повернулся къ Тиволийской горѣ, мѣсту жительства анти-папы Климента, и двинулъ рукою, какъ бы проклиная. Потомъ онъ вновь сталъ смотрѣть на колокольни Рима, на его увѣчанныя башнями укрѣпленія, и вдругъ, поднявъ правую руку, далъ своему городу торжественное и послѣднее папское благословеніе.

— Это—благословеніе отпущенія, дѣти мои, — сказалъ епископъ Ассизскій обрученнымъ. — Отче нашъ!

У подошвы горы Альбано караванъ повернулъ на Пренестинскую дорогу. Въ этомъ мѣстѣ его нагналъ гонецъ отъ Роберта Гвискарда съ депешей къ святому отцу. Герцогъ совѣтовалъ послѣдному подвигаться съ величайшими предосторожностями. Шайки солдатъ, отбившихся отъ императорской арміи, бродили по Кампаньѣ. Робертъ приказывалъ сыну своему послать опытныхъ развѣдчиковъ для изслѣдованія пути, а папу просилъ подождать его нѣсколько дней въ монастырѣ на горѣ Кассино. Онъ самъ собирался бросить осаду Тиволи и проводить своего гостя до Салерно. Въ первый вечеръ путники остановились во дворцѣ епископа Веллетрійскаго, ко-

торый былъ викаріемъ кардинала Альбанскаго. На другой день намѣрены были усиленнымъ переходомъ достигнуть Ананьи.

За часъ до заката солнца, норманское рыцарство переправилось черезъ рѣчку, почти сухую лѣтомъ, текущую въ узкой и мрачной долинѣ, надъ которой господствуетъ этотъ городъ зловѣщаго вида. Носилки папы и Піи, сопровождаемая духовенствомъ на коняхъ, двигались вдоль берега, разыскивая удобный бродъ. Вдругъ, изъ дубоваго лѣса близъ рѣки выскочила шайка вооруженныхъ людей, которые бросились на маленькій отрядъ съ крикомъ: „Имперія! имперія!“ Въ мгновеніе ока разбойники окружили носилки, мечами и окованными палками ударяя носильщиковъ, которые выпустили жерди и стали обороняться. Викторинъ, ѣхавшій впередъ, среди купъ ивъ, повернулъ лошадь, разогналъ ее такъ, что прорвалъ кругъ нападающихъ и, оглушивъ троихъ или четверыхъ своею булавою, очутился рядомъ съ Піею, которую одинъ разбойникъ, въ странной, полумонашеской, полусолдатской одеждѣ, грубо оттаскивалъ отъ бѣдной, безчувственной аббатиссы. Рыцарь прыгнулъ на землю и, выхвативъ кинжалъ, всадилъ его между лопатокъ похитителю, который сдѣлалъ полуоборотъ, раскинувъ руки и мертвый повалился къ ногамъ дѣвушки. Только тогда Викторинъ узналъ Деодата, священника-чародѣя изъ башни свв. Іоанна и Павла.

Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него, Іоакимъ, кардиналъ, Эгидій и настоятель св. Бенигнія служили прикрытіемъ Григорію, стоявшему среди свалки и защищаемому своими слугами, главнымъ оружіемъ которыхъ были жерди папскихъ носилокъ.

— Мужайся, нашъ синьоръ!—крикнулъ баронъ и, сверкая мечомъ, въ одинъ прыжокъ очутился около папы.

Но уже Рожеръ и его рыцари переплывали рѣчку съ копыями на перевѣсѣ. Бандиты, видя свою гибель, обернули тылъ и убѣжали въ лѣсъ. Только одинъ еще бился на смерть съ Эгидіемъ. Это былъ воинъ, полководецъ, въ изящно сработанныхъ латахъ; глаза его сверкали сквозь опущенное забрало его стального шлема. Монахъ же былъ, дѣйствительно, грозенъ. Онъ выхватилъ окованную желѣзомъ палку у одного изъ убитыхъ Викториномъ, и нападалъ на своего противника съ фанатическимъ бѣшенствомъ, осыпая его страшными ударами и сбивая съ толку своими порывистыми движеніями. Эгидій сражался такъ не съ головорѣзомъ на жалованьи у императора или лжепапы, но противъ святотатца,

сосуда Антихриста, и мстилъ за оскорбленіе, нанесенное самой церкви въ лицѣ ея верховнаго пастыря.

Викторинъ двинулся на помощь монаху. Григорій съ изумительною силою удержалъ его за руку.

— Вложи мечъ въ ножны. Повелѣваю тебѣ именемъ Христовымъ. Оставь монаха и не помогай, несчастный, Господню правосудію.

При видѣ Викторина воинъ покачнулся; въ ту же минуту неистовое нападеніе Эгидія заставило его поскользнуться и упасть. Монахъ во весь ростъ легъ на свою жертву и, вытащивъ кинжалъ разбойника, перерѣзалъ ему горло.

— А теперь, — крикнулъ онъ, — пусть подступится во мнѣ сатана!

Затѣмъ онъ поднялъ забрало неизвѣстнаго военачальника, чтобы небу и землѣ было видно лицо человѣка, дерзнувшаго поднять руку на раба рабовъ Божіихъ.

Тогда Викторинъ испустилъ крикъ отчаянной скорби. На кровавой травѣ лежалъ при смерти Ченчіо.

Монахъ выпрямился, гордый своею побѣдою, и отбросилъ кинжалъ. Онъ обернулся къ папѣ, и лицо его свѣтилось дивою радостью.

Григорій сложилъ свои задрожавшія руки.

Молодой человѣкъ поддерживалъ блѣдную голову Ченчіо. Отецъ и сынъ обмѣнялись взоромъ, полнымъ невыразимой мѣки. Глубокое молчаніе воцарилось вокругъ умирающаго.

Ченчіо поискалъ глазами Григорія и умоляюще пролепеталъ:

— Я согрѣшилъ. Умилосердись надо мною еще разъ. Боюсь. Вижу адъ вотъ тутъ, близъ меня. Молю тебя о состраданіи. Деодать, дьяволъ, который погубилъ меня и втораго сына мой только что убилъ, тянетъ меня за руку во огонь вѣчный. Спаси душу мою, мой синьоръ!

— Поздно, — сказала Эгидій. — Часъ Господень пробилъ для тебя, часъ неизбѣжнаго возмездія!

— Часъ прощенія! — сказалъ епископъ Ассизскій. И устремивъ глаза на Викторина, Іоакимъ прибавилъ:

— У папы Григорія слишкомъ великая душа, чтобы не простить!

И Григорій, въ свою очередь, посмотрѣлъ на юнаго рыцаря церкви, на ребенка — героя рождественской ночи. Онъ разжалъ свои стиснутыя руки, изобразилъ знаменіе креста надъ Ченчіо и произнесъ слова, которыхъ ждалъ умирающій:

— Ради страстей Иисусовыхъ, отпускаются тебѣ всѣ грѣхи твои.

Лучъ свѣта скользнулъ по лицу Ченчіо, и взоры его, уже омраченные предсмертнымъ страданіемъ, съ кротостью остановились на Викторинѣ.

Рыцарскій конвой вновь выстроился вокругъ обоихъ носилокъ и вскорѣ исчезъ на дорогѣ въ Ананьи. Только Викторинъ съ Іоакимомъ и нѣсколькими служителями остался около своего умиравшаго отца.

— Слушай!—говорилъ Ченчіо.—Онъ простилъ меня, но на меня снизойдетъ миръ Господень, лишь если ты исполнишь обѣтъ, который я нарушилъ: вечеромъ того страшнаго дня я обѣщаль пойти въ святую землю. Я измѣнилъ клятвѣ и съ тѣхъ поръ погрязъ въ преступленіяхъ. Викторинъ, ты немедленно пойдешь ко св. Гробу и поклонишься ему вмѣсто меня.

— Я пойду непременно, отецъ, и твой обѣтъ будетъ исполненъ.

Они дождались въ великомъ молчаніи, пока смерть освободила эту несчастную душу отъ ея земныхъ узъ. Тогда они понесли Ченчіо въ ближайшій монастырь. Шествіе медленно двигалось въ лиловой мглѣ сумерокъ. Монахи дали свою церковь для бдѣнія надъ тѣломъ. Въ полночь они взошли на вѣлирость и пропѣли панихиду по душѣ барона. Настоятель сталъ за аналой и прочелъ „Плачь“. Онъ провозгласилъ на всю церковь скорбныя слова Іереміи, отъ которыхъ Викторинъ содрогнулся:

„Отцы наши прегрѣшили, и нѣтъ ихъ, и мы несемъ на себѣ тяготу беззаконій ихъ“.

Викторинъ и епископъ до утра молились надъ тѣломъ Ченчіо.

Викторинъ пробылъ еще два дня въ монастырѣ со своимъ старымъ другомъ, чтобы воздать отцу почести христіанскаго погребенія. Затѣмъ, они оба продолжали путь свой къ горѣ Кассино, гдѣ остановился Григорій VII.

Папа одобрилъ намѣреніе юноши тотчасъ отправиться въ Палестину. Одна пизанская галера была совсѣмъ готова къ отплытію въ сосѣднемъ гаетскомъ портѣ.

— Ступай, дитя мое; тамъ утолится скорбь твоя. Господь приметъ твои молитвы и слезы о спасеніи души отца твоего. Ты увидишь священный край, куда столько разъ устремлялась въ юности душа моя. Потомъ возвращайся въ Салерно и не забывай, что я не одинъ буду ждать тебя тамъ.

Прощаніе обрученныхъ состоялось вечеромъ на террасѣ дома св. Бенедикта *), въ виду одной изъ прелестнѣйшихъ въ мірѣ картинъ природы. Они говорили мало, но никогда сердца ихъ, полныя скорби о прошломъ и надежды на будущее, не были связаны тѣснѣе, чѣмъ въ эти торжественныя минуты разлуки. Долго еще на каждомъ поворотѣ тропинки, ведущей со святой горы, Викторинъ видѣлъ прислоненную къ стѣнѣ бѣлую фигуру Піи, глядѣвшей на море, которое должно было унести ея возлюбленнаго. Онъ вспомнилъ о ихъ первомъ свиданіи у воротъ св. Лаврентія, о маленькой царикѣ въ горностаевомъ стихарикѣ и съ развѣвающимися волосами, о душистомъ букетѣ флорентійскихъ травъ, который бросило ему смѣющееся дитя, и о бѣломъ видѣніи, удалявшемся въ золотомъ сіяніи заката, подѣ сѣнью тосканскаго знамени съ изображеніемъ флорентійскаго льва и хоругви святого престола съ перекрещенными ключами рая.

VIII.

Бракъ передъ смертію.

— Я вернусь не позже Рождества или Богоявленія, — сказалъ Викторинъ, покидая Пію.

Прошло лѣто, прошла осень. Звѣзда пастуховъ и царей-волхвовъ поднялась на горизонтѣ, а потомъ погасла въ морѣ, не приведя за собою странника.

Каждый разъ, какъ въ Салернской бухтѣ или подѣ утесами Амальфи бросало якорь судно изъ Палестины, Архипелага или Египта, Іоакимъ бѣжалъ освѣдомляться о своемъ ученикѣ, но съ каждымъ разомъ возвращался все болѣе унылый, съ лицомъ серьезнымъ и печальнымъ.

Моряки передавали ему смутныя слухи, за которыми какъ бы скрывалась прискорбная тайна. Толковали о страшныхъ буряхъ, о христіанскихъ галерахъ, потонувшихъ вблизи Канди, о битвахъ съ сарацинскими пиратами и о постоянныхъ побѣдахъ полумѣсяца надъ крестомъ. Греческій императоръ, съ своей стороны, въ послѣдніе мѣсяцы преслѣдовалъ латинянь; онъ забралъ въ плѣнъ нѣсколько венеціанскихъ и пизанскихъ экипажей, и всѣ матросы съ пассажирами попали на каторгу въ Константинополь или Θεσσαλονики. Наконецъ, ужасная чума опустошала берега Сиріи, Іерусалимъ и еван-

*) Бенедиктинскій монастырь на горѣ Кассино.

«міръ вождій», № 6, июнь.

гельскіе города. Однажды передъ Салерно остановился корабль и, не входя въ гавань, сталъ подавать сигналы о бѣдствіи. На его главной мачтѣ развѣвался черный флагъ въ знакъ того, что на немъ чума. Онъ спрашивалъ врача и духовника. Капитанъ закричалъ съ носа норманской баркѣ, откликнувшейся на его призывъ.

— Въ Яффѣ, въ Каирѣ, въ Аерѣ не хватаетъ рукъ для погребенія умершихъ.

Іоакимъ, вопреки очевидности, старался не терять надежды. Онъ скрывалъ отъ Піи зловѣщія рѣчи моряковъ, придумывалъ тысячи причинъ, объяснявшихъ молчаніе Викторина, выкапывалъ изъ самой глубины своей памяти рассказы о пилигримахъ, которые давно считались пропавшими на вѣки, а въ одно прекрасное утро возвращались въ домъ родительскій, неся оливковую вѣтвь, сорванную въ Геосиманскомъ саду. Онъ припоминалъ также чудесное приключеніе одного знатнаго ассизскаго юноши, который, преклонивъ колѣна на могилѣ Спасителя, пришелъ въ такой восторгъ, что цѣлый годъ не пробуждался отъ блаженныхъ грезъ, забывши все земное, и даже собственное имя.

Пія слушала своего стараго друга молча, полузакрывъ глаза, какъ бы застывъ среди мрачныхъ предчувствій. Она не отвѣчала ему, боясь огорчить его своимъ горемъ, но иногда, нѣжно взявъ руку епископа, прижимала ее къ губамъ и орошала слезами, а затѣмъ медленно возвращалась къ открытому окну, выходившему на заливъ, и каждый день цѣлыми часами ждала, не появится ли на лазурной глади бѣлый парусъ.

Въ серединѣ января папа написалъ смирскому епископу собственноручное посланіе, прося брата своего начать развѣдки по всѣмъ монастырямъ восточныхъ странъ, гдѣ только могли быть монахи римской вѣры. По совѣту Іоакима, онъ прибавилъ приписку и къ греческому епископу, въ которой посылалъ, изъ своего изгнанія, свое апостольское благословеніе, во имя Искупителя обѣихъ церквей, тому монаху константинопольскаго исповѣданія, который отыщетъ слѣды Викторина.

Отвѣтъ получился въ Салерно незадолго до Пасхи, въ первыхъ числахъ апрѣля мѣсяца. Никто не встрѣчалъ молодого барона; самое имя его не было извѣстно христіанскому Востоку. На сушѣ и на морѣ великія бѣдствія обрушились на богомольцевъ, монаховъ и купцовъ. Сельджукскіе турки, только-что завладѣвшіе Смирною и надвигавшіеся, какъ бичъ

Божій, на Палестину, угрожали арабамъ, почему послѣдніе и удвоили свою злобу къ христіанамъ. Нивогда не было такъ опасно предпринимать странствіе во Св. Землю. Епископъ, епархія котораго недавно была осквернена турками, просилъ у Григорія молитвъ за души тѣхъ несчастныхъ, которые находили лишь рабство или смерть въ мѣстахъ, освященныхъ стопами Спасителя и апостольскимъ служеніемъ Его первыхъ учениковъ.

Въ это время папа чувствовалъ, что конецъ его очень близокъ. Въ Салерно онъ представлялся себѣ затеряннымъ, заброшеннымъ, точно въ пустынь. Почти всѣ его кардиналы остались въ Римѣ, и нѣкоторые признали Климента III. Правда, онъ облекъ въ пурпуръ нѣсколькихъ городскихъ священниковъ и епископа Ассизскаго, чтобы имѣть у себя въ домѣ хоть иллюзію священной коллегіи; но норманскій соборъ св. Матѳея не могъ замѣнить ему св. Иоанна Латеранскаго, повинутаго навѣкъ. Робертъ Гвискардъ вернулся къ своимъ далекимъ предпріятіямъ въ водахъ Корфу, а потомъ на берегахъ Албаніи. Эгидій, вновь охваченный религіознымъ ужасомъ, преслѣдуемый каждую ночь кровавымъ призракомъ Ченціо, удалился въ салернскія горы, въ Кавскій монастырь, и подвергалъ себя истязаніямъ, чтобы искупить грѣхи, которыхъ не совершалъ. Графиня Матильда была безсильна, лишившись части своихъ владѣній. Иоакимъ, самъ охваченный смертельною тревогою, не могъ служить поддержкою папѣ. А Викторину суждено ли было вернуться? Ребенокъ, на котораго онъ рассчитывалъ, какъ на опору своей старости, женихъ Піи, не определилъ ли его въ смерти на скорбномъ пути въ Іерусалимъ?

Въ великій четвергъ, за обѣдней, спускаясь по алтарнымъ ступенямъ, чтобы омыть ноги своимъ кардиналамъ, онъ сказалъ:

— Пройдетъ еще немного времени, и вы не увидите меня болѣе.

Въ день Пасхи, истощенный за время поста суровымъ воздержаніемъ, онъ упалъ въ обморокъ, читая послѣднее Евангеліе. Клирики унесли его, безчувственного, въ ризницу св. Матѳея, гдѣ наскоро устроили родъ ложа. Когда онъ очнулся, наклонившись надъ нимъ стоялъ Иоакимъ.

— Братъ мой, — сказалъ Григорій, — вотъ Богъ призываетъ меня. Скоро странствіе мое будетъ кончено. Но я ухожу изъ этого міра въ жестокой тревогѣ. Я хотѣлъ бы оставить Пію на попеченіи избраннаго ею супруга.

— Господу не угодно было это, — отвѣтилъ епископъ. —

*

Да будетъ воля Его. И пусть мужество Пii окажется на высотѣ испытанія.

— Но,—продолжалъ папа,—мнѣ слѣдуетъ исполнить мой послѣдній долгъ. Я хочу передъ смертью обезпечить ей спасеніе души.

У Іоакима вырвалось тревожное движеніе.

— Я не могу повинуть ее одинокою сиротою въ этомъ бѣдственномъ мірѣ. Мои враги, враги Божіи, нападутъ на нее, когда меня не станетъ. Душа моя испытаетъ великую скорбь, зная, что она несчастлива.

— Развѣ нѣтъ меня?—перебилъ Іоакимъ.—А Робертъ и Рожеръ развѣ не влялись вамъ въ вѣрности даже и за гробомъ, такъ какъ стали вассалами церкви, которая не можетъ умереть?

— Ты старъ, братъ мой, и дни твои сочтены. У норманскихъ же князей слишкомъ обширные замыслы, чтобы имъ успѣть позаботиться о бѣдной дѣвушкѣ, внукѣ монаха, котораго завтра погребутъ подъ плитами этого храма. Въ скоромъ времени у Пii останется лишь одно убѣжище,—монастырь.

— Монастырь для такой молоденькой дѣвушки, это—могила.

— Это — краткая ночь, предшествующая великому дню воскресенья. Я самъ не разъ жалѣлъ, что повинуть свою келью, чтобы стать въ ряды воинствующей церкви. Вспомни, братъ мой, объ ужасныхъ годахъ, пережитыхъ нами. Какъ Пii остаться одной на этомъ полѣ битвы? Нѣтъ, я завѣщаю ее матери-церкви, и покрывало, которымъ ты накроешь эту бѣлокурую головку, будетъ послѣднимъ знакомъ любви къ ней насъ обоихъ.

Іоакимъ съ печалью на лицѣ выслушалъ слова папы. Онъ мечталъ остаться опекуномъ Пii по смерти ея дѣда и удалиться съ нею подъ защиту Матильды. Теперь онъ чувствовалъ, что дѣвушка будетъ вскорѣ разлучена съ нимъ. Суровая монастырская жизнь казалась ему слишкомъ тяжелымъ испытаніемъ для этой нѣжной души. И самъ добрый епископъ не чувствовалъ себя въ силахъ пережить столько похоронъ.

Григорія поразила печаль его друга. И такъ, онъ причиняетъ горькую скорбь вѣрному товарищу своего изгнанія! Чтобы утѣшить его и въ то же время успокоить смутную тревогу собственной совѣсти, онъ сдѣлалъ Іоакиму ту уступку, что послушничество Пii должно было продлиться столько времени, сколько послѣдній найдетъ нужнымъ.

— Наконецъ, — сказалъ онъ, — Боже меня избави насильствовать призваніе дѣвочки. Я не привязаніе тебѣ отдалъ, а повѣрилъ тебѣ желаніе и надежду дѣда.

И оба старива, одни въ полумракѣ ризницы, шепотомъ согласились сохранить эту бесѣду втайнѣ: Іоакимъ долженъ былъ дожидаться смерти святителя, чтобы испытать сердце его внучки. Можетъ быть, тогда Пія первая пожелаетъ монастырскаго спокойствія.

Въ эту минуту вошла и она въ траурныхъ одеждахъ, которыя надѣла въ день полученія дѣдомъ посланія смирскаго епископа. Въ изгнаніи, при сравнительной простотѣ образа жизни въ Салерно, она стала часто бывать съ Григоріемъ: читала ему дневныя службы, гуляла съ нимъ часъ или два въ тѣсномъ дворцовомъ садикѣ, садилась рядомъ съ нимъ на мраморную скамью, защищенную отъ морского вѣтра. Долго, до самаго конца осени, они говорили о Викторинѣ, тревожась все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ проходили дни. Теперь, сидя рядомъ на зимнемъ солнцѣ, они уже не смѣли упоминать объ отсутствующемъ, о которомъ оба не переставали думать. Они молча глядѣли на лучезарное и тихое море и еще ждали появленія блага паруса на его лазоревой глади.

Она только что узнала объ обморокѣ дѣда и прибѣжала въ большемъ испугѣ.

— Ничего, Пія. Я только усталъ въ эту недѣлю суроваго воздержанія. Но вотъ наступаетъ весна и пора цвѣтовъ; я чувствую, что и я воскресну, какъ Господь Іисусъ.

Стая воробьевъ спустилась съ пронзительнымъ щебетаньемъ на полуотворенное окно, и нѣкоторые изъ нихъ залетѣли въ ризницу, по которой растерянно заметались, а потомъ, совершенно смущенные, кинулись къ солнцу и исчезли. Пія вспомнила реполововъ, своихъ латеранскихъ пріятелей, щебетавшихъ надъ своими гнѣздами, золотыхъ пчелокъ, жужжавшихъ вокругъ головы Викторина, бывшее счастье, которымъ она наслаждалась въ свѣтлые дни. Она сѣла у ногъ дѣда и громко разрыдалась.

Въ тотъ же день Іоакимъ и кардиналъ Альбано отправили гонцовъ къ Роберту Гвискарду, къ аббату Дидьѣ, къ аббату влюнійскому, къ графинѣ тосканской: они предупреждали друзей Григорія VII о близкомъ траурѣ церкви. Пламя, пылавшее въ этой великой душѣ, угасало. Порою оно вдругъ еще вспыхивало очень ярко, и въ пагѣ какъ будто воскресали жизненныя силы и надежды. Тогда онъ возвращался

въ плану, лелѣемому втеченіе десяти мѣсяцевъ, среди тоски изгнанія. Онъ сулилъ своимъ послѣднимъ приверженцамъ походъ на Римъ во главѣ норманскаго войска, усиленнаго добровольцами со всего христіанскаго міра, торжественное возвращеніе въ свою столицу при восторженныхъ вликахъ народа, вселенскій соборъ, который подтвердитъ латеранскую хартію, Dictatus Papae, и развѣнчаетъ одновременно антипапу и императора... Но эти грезы, вскорѣ прерываемыя бредомъ, бывали непродолжительны. Григорій внезапно умолкалъ, и пока влириезъ у его изголовья читалъ нескончаемыя молитвы, онъ слѣдилъ блуждающимъ взоромъ за лучами солнца, проникавшими сквозъ окна въ комнату. Истинно счастливые часы еще доставляла ему Пія.

Когда бывало тепло, онъ приказывалъ выносить себя въ садикъ, въ самшитовую бесѣдку, которую, съ печальной улыбкой, называлъ своимъ папскимъ балдахиномъ, а Пія садилась у ногъ его, открывала требникъ и начинала вечерню. Онъ останавливалъ ее съ первыхъ же словъ.

— Будетъ, — говорилъ онъ. — Господь проститъ мнѣ нынѣшнюю службу. Лучше поговоримъ о прошедшихъ, о давно прошедшихъ временахъ.

И онъ вспоминалъ о своей юности, о своемъ первомъ монастырѣ, первой кельѣ, о старыхъ братьяхъ, умершихъ на его глазахъ, о молодыхъ послушникахъ, его сосѣдяхъ по влиросу, о которыхъ онъ ничего не зналъ болѣе полулѣта и которые, можетъ быть въ этотъ самый часъ, молятся за него передъ престолами своихъ монастырей. Онъ возвращался еще далѣе назадъ, къ своимъ отдаленнѣйшимъ воспоминаніямъ, которыя, онъ зналъ, очень нравились Пии: къ Соанѣ, родному дому, старшей сестрѣ — бабушкѣ Пии и къ вѣчно-свѣжему и сіяющему образу своего дѣтства. Тогда, въ отвѣтъ ему, она говорила о себѣ, и старикъ съ ребенкомъ посѣщали такимъ образомъ мысленно, рука въ руку, покинутый очагъ Гильдебранта.

Потомъ они умолкали, прислушивались къ лепету моря и взглядывали другъ на друга со слезами на глазахъ. И онъ, милый отсутствующій, побывалъ въ Соанѣ молодымъ рыцаремъ первосвятительской свиты, и Григорій помнилъ, что при немъ намекнулъ, за баронскимъ столомъ, на будущаго внука, который, вмѣстѣ съ Пиею, будетъ заботиться о сохранности стараго дома, завѣтнаго имущества его рода. Онъ мечтательно припоминалъ съизнова всѣ тѣ надежды, которыя

возлагалъ на Викторина, когда тотъ вернулся изъ Тосканы: сынъ Ченціо, увѣнчанный славою, прекраснѣйшій и вѣрнѣйшій изъ римскихъ рыцарей, получивши въ награду отъ св. престола какой-нибудь крупный ленъ, вступивши во владѣніе замками своего отца, долженъ былъ стать главою знати, вождемъ своего народа, полководцемъ Латерана, и примирить Римъ съ церковью. Тускулумскіе бароны долгое время держали папство подъ опекою, чтобы безчестить и насилловать его. Для потомства же Григорія VII было бы славою — бодрствовать надъ престоломъ св. Петра, дабы очищать и защищать его. Мечта эта была такъ возвышенна, что папа не могъ отъ нея отказаться; онъ вновь увлекался ею со всѣмъ пыломъ душъ, которымъ предстоитъ скорая разлука съ землею. Мало-по-малу въ немъ возникало ожиданіе чуда, сначала смутное, а потомъ вдругъ совершенно опредѣленное. Его пріятель Петръ Даміанъ рассказывалъ ему когда-то о столькихъ изумительныхъ чудесахъ! А такъ какъ Богъ не утратилъ ни могущества Своего, ни милосердія, то отчего бы кораблю, везущему Викторина, не появиться сейчасъ со своими бѣлыми парусами, со знаменемъ святаго на главной мачтѣ, — вонъ тамъ, у южной оконечности Салернскаго залива?

Тогда, послѣ долгаго молчанія, онъ почти съ радостью говорилъ:

— Я еще жду его. Палестина — очень далеко, и эта страна богата благодѣтельными чудесами. Я все еще жду. Милосердный Господь навѣрно готовитъ намъ радость.

И оба обводили взорами море, жестокое море, покоящееся въ лазурномъ снѣ!

Дворцовые слуги приходили и брали папу на руки. Пія шла слѣдомъ, страдая сильнѣе, чѣмъ наканунѣ, и покорно слушая дѣда, который, поворачивая голову, еще разъ говорилъ дѣвушкамъ:

— Потерпимъ до завтра, Пія. Вѣдь, до Палестины такъ далеко!

25 мая, утромъ, папу нашли безъ памяти, задыхающагося и точно восковаго. Во дворцѣ поднялась тревога. Іоакимъ тотчасъ послалъ за арабскимъ врачомъ, ученикомъ Толедскихъ алхимиковъ, слышавшимъ за колдуна. Арабъ влилъ въ ротъ умирающаго нѣсколько капель эликсира. Силы вдругъ возстановились. Григорій попросилъ Іоакима принять его послѣднюю исповѣдь и принести ему Св. Дары.

— Онъ испуститъ духъ съ наступленіемъ ночи, — ска-

заль врачъ, удаляясь, — и почіетъ безъ страданій въ лонѣ Бога своего.

Въ полдень папа принялъ причастіе въ присутствіи салернскаго духовенства и вельможъ своего двора, затѣмъ приказалъ одѣтъ себя въ рясу св. Бенедикта и уложить на кушетку, у открытаго окна, лицомъ къ Риму.

— Любовь къ Риму и къ церкви Римской не покинетъ меня до послѣдняго вздоха, — сказалъ онъ.

Затѣмъ онъ подумалъ о современныхъ нуждахъ христіанскаго міра и папства и указалъ своего преемника кардиналамъ, которымъ предстояло избрать его.

— Вы выберете аббата Дидье, хотя ему не надолго придется пережить меня. Но я увѣренъ, что онъ вернется въ Римъ, и въ этотъ день душа моя войдетъ впереди его въ мою церковь св. Іоанна Латеранскаго, мать и главу всѣхъ церквей міра.

Онъ снялъ съ руки первосвятительскій перстень и отдалъ его на храненіе кардиналу Альбано, канцлеру Римской церкви, а потомъ сказалъ Іоакиму:

— Возьми мой золотой крестъ, другъ мой. Это — мое единственное богатство. И не медля приведи сюда Пію проститься съ умирающимъ дѣдомъ.

Пія вошла, вслѣдъ за старымъ епископомъ, въ своемъ черномъ вдовьемъ платьѣ. Она сѣла совсѣмъ близко къ Григорію. Послѣдній съ трудомъ положилъ свою бѣлую и холодную правую руку на ея голову, не то лаская, не то благословляя ее.

— Пія, — сказалъ онъ очень слабымъ голосомъ, — часъ насталь.

Она глядѣла на него съ благоговѣніемъ, но сначала не поняла смысла словъ, сказанныхъ такъ просто. Затѣмъ она догадалась, что отецъ покидаетъ ее навсегда и, сложивъ руки, стала умолять его не умирать. Вдругъ, поднявши голову, въ окно, залитое солнечнымъ свѣтомъ, она увидѣла море, лазурное море, улыбавшееся ей.

Тамъ, еще очень далеко, у южной оконечности залива, направлялась къ Салернскому порту галера, подгоняемая африканскимъ вѣтромъ.

Въ эту минуту съ колокольни св. Матѳея раздался протяжный звонъ, и изъ норманскаго собора долетѣли въ комнату умирающаго величавые звуки органа и глухое пѣніе монаховъ.

Начиналось прощаніе церкви съ ея пастыремъ. Кардиналъ Альбано отыскалъ отходную у себя въ требникѣ и сталъ читать:

— „Изыди съ миромъ, душа христіанская!“

На каждый возгласъ папа, не снимая блѣдной руки съ головы Піи, отвѣчалъ: „Аминь“.

Но Пія не слышала ни голоса кардинала, ни похороннаго пѣнія монаховъ, ни стона органа, ни звона на исходъ души. Она видѣла лишь судно, которое шло прямо къ ней въ веселомъ сіяніи майскаго неба.

Это была высокая венеціанская галера, на которой паруса, изорванные бурей, висѣли клочьями, а надъ сломанной главной мачтой развѣвалось на копьѣ красное знамя св. Марка со львомъ, держащимъ въ когтяхъ раскрытую книгу Евангелиста. Она тихо двигалась, благодаря весеннему вѣтерку и послѣднимъ ударамъ своихъ гребцовъ.

Въ свою очередь, Іоакимъ устремилъ взоры на судно. Не плыло ли оно съ Востока и не найдется ли на немъ пилигримма, который слышалъ гдѣ-нибудь въ сирійскомъ монастырѣ или на берегахъ Галилейскаго озера о пропавшемъ женихѣ? И епископъ, охваченный таинственной тревогой, глядѣлъ, какъ шло по морю знамя святаго Марка, качаясь, точно пурпурный цвѣтокъ на синихъ волнахъ.

Кардиналъ закрылъ ребрникъ. Душа христіанская могла теперь свободно устремиться къ Богу.

Въ эту минуту до слуха первосвященника, Піи и Іоакима достигло низкое, мужественное пѣніе, какъ бы выходившее изъ моря, болѣе звучное и рѣзкое, чѣмъ псалмопѣніе монаховъ подъ сводами собора. На палубѣ галеры, собравшись вокругъ знамени Апостола, матросы, богомольцы и вущи, которыхъ покровитель Венеціи спасъ отъ бури, затянули благодарственный гимнъ.

Папа приподнялся на подушкахъ и сталъ глядѣть на священный корабль. Моряки уже бросали якорь противъ святиТЕЛЬСКАГО дворца. И послѣднія слова гимна замирали въ небѣ и надъ водѣми.

— Это — галера отъ береговъ Св. Земли, — сказалъ Іоакимъ. — Я вижу богомольцевъ, которые спѣшатъ пересѣсть въ лодки нашихъ салернскихъ моряковъ. На нѣсколькихъ изъ нихъ — кровавые кресты, которые прикрѣпляютъ къ своей одеждѣ молодые рыцари-богомольцы въ послѣдніе годы.

— Палестина очень далеко, однако вотъ они вернулись! — прошептала Пія.

— Да, — отвѣтилъ Григорій. — Этихъ странниковъ буря носила по свирѣпому морю. Но они вошли въ гавань и те-

перь счастливы, потому что гавань, это—ужь родина. И я, кормчій церкви, былъ разбитъ бурей. Но за то, что я любилъ справедливость и ненавидѣлъ неправду, я умираю въ изгнаніи.

— Это—не изгнаніе, отче,—сказала Пія,—потому что вотъ Господь посѣщаетъ насъ, и молитвы ваши услышаны.

Онъ увидѣлъ, что она встала и вся дрожить, и что въ глазахъ ея сіяетъ надежда.

Послѣдній пилигриммъ сходилъ съ галеры.

Тогда Григорій предугадалъ чудо. Онъ раскрылъ объятія, привлекъ къ себѣ голову молодой дѣвушки и своими блѣдными губами сталъ цѣловать ея бѣлокурые волосы.

— Боже праведный!—воскликнулъ онъ.— Неужели эта дѣвочка проникла въ тайну Твоей благодати? Неужели, умирая, я буду вознагражденъ за всѣ бѣдствія, которыми Ты испытывалъ Твоего старого слугу? Іоакимъ, бѣги на пристань. Я хочу дожить до твоего возвращенія.

Странный шумъ послышался у дверей комнаты. Кто-то хотѣлъ войти, несмотря на норманскаго часового у порога, не смотря на длинную вереницу монаховъ, молившихся въ корридорѣ. И вдругъ показался Викторинъ съ обнаженной головой, въ одеждѣ пилигримма, съ краснымъ вѣстомъ на груди.

Пія громко вскрикнула, Григорій, съ помощью Іоакима, сѣлъ на своемъ ложѣ и протянулъ руки къ молодому рыцарю.

— Наконецъ-то я вступаю,—сказалъ онъ,—въ преддверіе рая.

Викторинъ прижалъ Пію къ сердцу и жаркимъ поцѣлуемъ на глазахъ святителя изгладилъ скорбь столь тяжелой разлуки.

Григорій, подавленный волненіемъ, упалъ опять на подушки. Молодая чета преклонила колѣни предъ его смертнымъ одромъ.

— Викторинъ, мы утратили всякую надежду... Отчего ты такъ замедлил?..

— Мой синьоръ, я былъ схваченъ язычниками на морѣ, закованъ въ цѣпи и принуждаемъ подъ угрозой казни отречься отъ Іисуса Христа ради Магомета. Они потащили меня въ Дамаскъ и продали на городскомъ рынкѣ. Я пробылъ въ рабствѣ восемь мѣсяцевъ, все время оставаясь христіаниномъ. Пія была моею единственною мыслью, моею силою и доблестью. Мнѣ удалось бѣжать, и я пустился по пустынѣ, все направляясь къ Іерусалиму. Я оплакалъ на могилѣ Спасителя грѣхи моего отца. Вчерашнею ночью буря отсрочила мое воз-

вращеніе, застигнувъ насъ у береговъ Сициліи. А теперь вотъ я у вашихъ ногъ и по правую руку Піи.

Папа слабо улыбнулся и нѣсколько минутъ всматривался въ молодыхъ людей съ дѣдовскою благосклонностью, которую выказалъ и въ тотъ день, когда маленькая Пія впервые представилась ему въ торжественномъ засѣданіи Латеранскаго собора.

— Такъ и останься, сынъ мой, близъ меня и рядомъ съ нею. Я умираю. Мое дѣло сдѣлано. Примите, дѣти мои, послѣднее таинство, совершаемое папою Григоріемъ. Это — моя послѣдняя радость и прощаніе со священнослуженіемъ. Пія, подай руку Викторину.

Іоакимъ помогъ ему поднять руки на двѣ свлоненныя голы; а онъ произнесъ съ великою любовью:

— Во имя св. Троицы, Отца, Сына и св. Духа, благословляю вашъ союзъ въ сей жизни и въ будущей.

Затѣмъ онъ сложилъ руки на груди, закрылъ глаза и погрузился въ размышленія о Богѣ.

День близился къ концу. Солнце опускалось въ море и заливало комнату золотымъ сіяніемъ. Погребальныя голоса въ соборѣ постепенно утихли. Слышенъ былъ лишь тихій гимнъ земли и волнъ: крики ласточекъ, утопавшихъ въ ясной лазури неба, плескъ лѣнивыхъ валовъ о песокъ залива, голоса дѣтей, игравшихъ въ сосѣднихъ улицахъ, рыбацкая пѣсня, раздававшаяся съ лодки, которая направлялась къ пристани. Потомъ солнце погрузилось въ пурпуровое море: его послѣдній лучъ окружилъ сіяніемъ лысую голову Григорія VII... Папа испустилъ духъ.

— Святой отче, моли Бога о насъ! — пролепеталъ съ дрожью въ голосѣ старый епископъ Ассизскій.

Норманскіе рыцари вошли робкимъ шагомъ и стали у ложа ночетнымъ карауломъ. Монахи съ зажженными свѣчами въ рукахъ размѣстились вдоль стѣнъ. Всю ночь они въ глубокомъ молчаніи бодрствовали надъ первосвятительскимъ величіемъ. У изголовья усопшаго папы неподвижно сидѣли новобрачные съ Іоакимомъ и тихо молились. Къ утру, когда небо поблѣднѣло, Пія склонила къ Викторину свою прелестную головку и уснула, разсыпавъ свои бѣлокурыя кудри по плечу молодого человѣка, какъ это часто случалось въ Римѣ, въ годы ея дѣтства, во дворцѣ св. Іоанна Латеранскаго...

К О Н Е Ц Ъ.

ОБЩЕСТВЕННО-ИСТОРИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ.

Е. Каутскаго.

(Продолженіе *).

III. Городская демократія въ древности.

При благопріятныхъ обстоятельствахъ общинная жизнь служила основой для новаго подъема демократіи.

Дальнѣйшее развитіе экономическихъ отношеній привело къ возникновенію и укрѣпленію ремеслъ и торговли въ тѣхъ поселеніяхъ, которыя занимали особенно выгодное географическое положеніе или находились въ благопріятныхъ политическихъ условіяхъ. Населеніе и благосостояніе въ нихъ увеличивалось; для большей безопасности и защиты богатствъ, скопившихся въ нихъ, они окружили себя стѣнами и стали *городами*. Города эти при особенно благопріятныхъ условіяхъ достигали большой силы и вліянія. Многимъ изъ нихъ удалось сохранить свою независимость или снова приобрести ее, если она раньше была потеряна. А нѣкоторые достигли того, что даже сами стали властелинами**), подчинили себѣ другія общины, основали государства, которыя по размѣрамъ иногда не уступали монархіямъ, — таково, на примѣръ, Афинское государство. Всѣмъ извѣстно, какое огромное, всемірное государство образовала римская городская община.

Рука объ руку съ этимъ увеличеніемъ силы и богатства шла жестокая борьба внутри самихъ городовъ.

Крестьянскій поселокъ былъ первоначально тождественъ съ сельской общиной. Земли и угодья, не перешедшія еще въ частную собственность, принадлежали общинѣ. Всѣ жители были об-

*) См. «Міръ Вожій», № 5.

**) Напомнимъ, что на русской землѣ одинъ изъ такихъ городовъ (правда, въ позднѣйшія времена), Новгородъ-Великій, даже носилъ титулъ «государя». Онъ такъ и писался: «Государь Великій Новгородъ». П--скій.

щинниками и пользовались общинной землей или сообща, или каждый въ отдѣльности, но согласно съ правилами, устанавливаемыми общиной.

Если въ такую общину являлся чужеземецъ, — что случалось довольно рѣдко, такъ какъ хозяйство привязываетъ земледѣльца къ мѣсту, — и если община принимала его, то онъ становился полноправнымъ общинникомъ. Земли, вѣдь, тогда было больше, чѣмъ нужно.

Порядокъ этотъ перемѣнился сперва въ городахъ. Выгоды, представляемыя ими, были обыкновенно такъ велики, что они сильно привлекали къ себѣ жителей сосѣднихъ и дальнихъ мѣстностей, а иногда даже и иностранцевъ. Число пришельцевъ возрастало. Въ землѣ начинала чувствоваться тѣснота. Земля получила стоимость. Вслѣдствіе этого старые общинники перестали давать землю новымъ пришельцамъ. Община превратилась въ замкнутую организацию, и полноправными общинниками остались только ея старые члены. Такимъ образомъ, въ самомъ городѣ возникалъ антагонизмъ между общинниками, превратившимися въ землевладѣльческую, а часто и торговую аристократію — патриціатъ, и остальными обывателями — плебеями, которые не имѣли права не только на пользованіе общинной землей, но и на участіе въ мірскихъ сходахъ, издававшихъ законодательную, отчасти еще и судебную власть и надзиравшихъ за общественнымъ управленіемъ.

Населеніе, такъ сказать, исключенное изъ общины, сперва спокойно мирилось со своимъ безправіемъ, пока оно было только терпимымъ въ городѣ, пока общинники подавляли его, если и не всегда своей численностью, то своимъ экономическимъ значеніемъ. Но экономическое значеніе патриціевъ постепенно уменьшалось, значеніе же безправныхъ все возрастало вслѣдствіе увеличенія ихъ численности и экономического вліянія. Земледѣліе перестало служить основой городской жизни; на первый планъ выступили торговля и промышленность; экономическій центръ тяжести перешелъ отъ землевладѣльцевъ къ купцамъ и ремесленникамъ. Чѣмъ дальше шло это развитіе, тѣмъ сильнѣе чувствовали себя купцы и ремесленники, тѣмъ тягостнѣе было для нихъ ихъ безправіе и тѣмъ рѣшительнѣе возставали плебеи противъ патриціевъ. Патриціи принуждены были дѣлать уступки. Плебеи получили право участія въ городскомъ управленіи и пользованія общинными землями. Это участіе плебеевъ въ городскомъ управленіи достигало болѣе или менѣе значительныхъ размѣровъ въ зависимости отъ относительной силы различныхъ классовъ. При благоприятныхъ обстоятельствахъ дѣло доходило до того, что державное собраніе, — которое

не только издавало законы, но также избирало должностныхъ лицъ и чинило судъ,—снова, какъ въ прежнія времена, становилось собраніемъ всего народа.

Самымъ блестящимъ примѣромъ такого возрожденія старинной демократіи на новыхъ основахъ служить городъ Аѳины, ставшій центральнымъ пунктомъ большого государства.

Къ чему же привело это непосредственное народное законодательство?

Управленіе большимъ государствомъ—дѣло очень хлопотливое и сложное; аѳинскій народъ показалъ, что онъ вполне способенъ управлять страной. Но онъ долженъ былъ употреблять на дѣла управленія почти все свое время.

Естественнымъ слѣдствіемъ этого было то, что политическая власть фактически перешла въ руки тѣхъ слоевъ, которые могли посвящать все свое время дѣламъ управленія. Но къ этимъ не принадлежали ни крестьяне сосѣднихъ селъ, насколько они обладали правомъ гражданства въ Аѳинахъ, ни городскіе ремесленники. Государственное управленіе, законодательство и верховный судъ попали въ руки лицъ, жившихъ на счетъ другихъ, въ руки паразитствующихъ богачей и паразитствующихъ бѣдняковъ: крупныхъ землевладѣльцевъ, крупныхъ торговцевъ и фабрикантовъ *)—съ одной стороны, и пролетаріевъ—съ другой.

Слой деклассированныхъ **) пролетаріевъ чуждъ всякихъ классовыхъ интересовъ. Политическая власть въ его рукахъ никогда не можетъ стать рычагомъ для того, чтобы вести государственное управленіе въ интересахъ какого-нибудь опредѣленнаго класса, а служить лишь средствомъ для удовлетворенія личныхъ и временныхъ интересовъ его членовъ. Пролетаріатъ пользовался своимъ политическимъ вліяніемъ лишь затѣмъ, чтобы продавать его тому, кто больше дастъ, т. е. богачамъ, покупавшимъ расположеніе неимущихъ посредствомъ подачекъ и празднествъ,—«хлѣба и зрѣлищъ», какъ и въ Римѣ, только зрѣлища здѣсь были иныя. Средства для этого давало рабство.

Отчасти вслѣдствіе стремленія среднихъ классовъ ослабить вліяніе богачей на пролетаріевъ, а отчасти вслѣдствіе стремленія

*) Въ Аѳинахъ было много фабрикъ, Ergasteria, на которыхъ работали рабы. Во время пелопонесской войны однажды бѣжало изъ Аѳинъ въ Деколію, занятую спартацами, не менѣе 20.000 рабовъ: большинство ихъ было—фабричные рабы. Демократическій политикъ Клеонъ «кожевникъ» былъ не ремесленникъ, а владѣлецъ кожевенной фабрики. *Авторъ.*

**) Этимъ словомъ обозначаютъ лицъ, выбитыхъ изъ своей колеи, изъ своего класса и не вошедшихъ ни въ какой другой классъ. *П—скій.*

послѣднихъ извлекать для себя выгоды непосредственно изъ государства, возникли самые разнообразныя виды государственнаго вознагражденія, которые постепенно вводились за участіе въ общественныхъ дѣлахъ: въ судебныхъ собраніяхъ (жалованье геліастовъ), въ народныхъ собраніяхъ (жалованье еклезіастовъ), даже за присутствіе на зрѣлищахъ (theorikon). Откуда же получались средства на эти расходы? Отчасти съ налоговъ на состоятельныхъ, — слѣдовательно, съ труда рабовъ, которые здѣсь снова являются кормильцами державнаго народа аѳинскаго, — а отчасти изъ взносовъ, которые уплачивали подчиненныя общины, «союзники».

Но это еще не все. Со временъ Перикла излюбленнымъ средствомъ аѳинскихъ государственныхъ дѣятелей для пріобрѣтенія популярности стала конфискація земли побѣжденныхъ враговъ и раздача ея аѳинянамъ. Конфискованная земля дѣлилась на участки, клеры (kleroi), и раздавалась частнымъ лицамъ изъ аѳинскихъ гражданъ: получившіе такіе участки назывались вслѣдствіе этого клерухами (владѣльцами участковъ). Если этой мѣрой желали превратить неимущихъ гражданъ въ земледѣльцевъ, то нужно сознаться, что она была совершенно неудачна. Пролетаріямъ было гораздо пріятнѣе безъ всякаго труда веселиться въ Аѳинахъ, чѣмъ въ потѣ лица своего вести однообразную жизнь въ деревнѣ. Они предпочитали оставаться въ городѣ, а землю сдавать въ аренду тѣмъ людямъ, которые равнѣе владѣли ею. Такимъ образомъ, клерухія была, въ сущности, только средствомъ надѣлять пролетаріевъ оброчными крестьянами, которые и работали на нихъ. Это установленіе въ значительной степени объясняетъ чрезмѣрное стремленіе Аѳинъ къ захвату земель, но оно также объясняетъ и ту страшную ненависть къ Аѳинамъ, которая накопилась у подвластныхъ имъ общинъ.

Такія мѣры привели не къ ослабленію вліянія богачей на бѣднѣйшіе и экономически праздные слои народа, а къ тому, что и для среднихъ, трудящихся классовъ явился соблазнъ бросить работу и искать поживы въ политической дѣятельности. Такой порядокъ вещей въ буквальномъ смыслѣ воспитывалъ все новыхъ и новыхъ пролетаріевъ.

До возникновенія *наемнаго* пролетаріата демократія имѣла поддержку только въ трудящихся среднихъ классахъ: крестьянахъ и ремесленникахъ. Пролетаріатъ лишь продавалъ свои права и волиности и никогда не дерзалъ принимать участіе въ серьезной борьбѣ. Поэтому, лишь только *масса* аѳинскаго населенія превратилась въ пролетаріевъ, гибель народной свободы стала неизбѣжной.

Подобное же развитіе, какъ извѣстно, совершалось и въ Римѣ.

И такъ, мы видимъ, что «непосредственное народное законодательство» здѣсь, какъ и во времена варварства, основывалось на трудѣ другихъ людей: въ варварствѣ на трудѣ женщинъ, въ цивилизаціи на трудѣ рабовъ и данниковъ. И какъ первобытная всеобщая свобода пришла къ деспотизму, такъ деспотизмомъ окончился и новый подъемъ демократіи въ городскихъ общинахъ.

IV. Представительная система.

Слѣды представительныхъ учреждений встрѣчаются очень рано, еще въ періодъ варварства. Дѣйствительно, лишь только область нѣкоторыхъ общественныхъ дѣлъ расширилась, лишь только она начала охватывать болѣе значительную сферу, такъ что стало невозможнымъ рѣшать эти дѣла въ собраніи, на которомъ бы присутствовали всѣ заинтересованные, естественнѣе всего было замѣнить собраніе всѣхъ заинтересованныхъ собраніемъ немногихъ лицъ, ихъ представителей.

Такія собранія мы встрѣчаемъ, напр., у ирокезовъ. Однако, между этими собраніями представителей и нынѣшними парламентами есть громадная разница не только по виѣшности, но и по существу. Возьмемъ, напр., федерацію ирокезовъ. Изъ временныхъ соглашеній постепенно возникъ прочный союзъ пяти ирокезскихъ племенъ—собственно для военныхъ цѣлей. Этотъ союзъ былъ слишкомъ великъ для того, чтобы дѣла его могли обсуждаться на общемъ народномъ собраніи. Дѣла его регулировалъ немногочисленное собраніе представителей родовъ всѣхъ пяти племенъ. Но это собраніе не было державнымъ. Оно не имѣло права навязывать свои постановленія меньшинству. Дѣла рѣшались не по числу голосовъ, а по племенамъ, и обязательнымъ было только *единогласное* рѣшеніе. Каждый членъ его былъ представителемъ не интересовъ всего общества, какъ (по крайней мѣрѣ, въ теоріи) членъ современнаго парламента, а только особыхъ интересовъ того племени, которое послало его въ собраніе.

Такого же рода были и представительныя собранія, возникшія въ періодъ цивилизаціи вслѣдствіе соединенія самостоятельныхъ городовъ и общинъ или земель. Напримѣръ, въ швейцарскомъ союзѣ сеймъ *), собраніе представительей отдѣльныхъ кантоновъ, могъ раньше только устраивать соглашенія относительно общихъ дѣлъ, но онъ не имѣлъ права постановлять рѣшенія большинствомъ го-

*) Tagsatzung. Въ половинѣ настоящаго столѣтія это учрежденіе замѣнено двухпалатнымъ парламентомъ, который рѣшаетъ дѣла большинствомъ голосовъ.

люсовъ. Ни одинъ кантовъ не былъ обязанъ подчиняться рѣшенію, котораго онъ не принималъ.

Отъ этого сейма мало чѣмъ отличались и собранія земскихъ чиновъ, получившія въ концѣ среднихъ вѣковъ болѣе или менѣе опредѣленную форму въ монархическихъ государствахъ феодальной Европы. Они были дальнѣйшимъ развитіемъ старинныхъ народныхъ собраній, въ которыя проникали федеративные элементы по мѣрѣ того, какъ исчезало племенное единство и племенное самосознаніе, а отдѣльныя поселенія и общины изолировались другъ отъ друга.

Мы видѣли, какъ погибли старинныя народныя вольности. Общегосударственныя, провинціальныя и земскія собранія, занявшія съ наступленіемъ осѣдлости населенія мѣсто всенародныхъ, племенныхъ и родовыхъ собраній, не были уничтожены. Они по прежнему продолжали созываться для выбора должностныхъ лицъ, рѣшенія общественныхъ дѣлъ, споровъ, но число свободныхъ людей, которые одни только могли принимать участіе въ собраніяхъ, быстро уменьшалось. А среди этихъ свободныхъ людей также быстро уменьшалось число лицъ, которыя имѣли возможность являться на собранія.

Во Франціи каждый свободный и совершеннолѣтній обыватель имѣлъ право участвовать въ общегосударственныхъ собраніяхъ.

«Но фактически на собранія являлись, кромѣ приведенныхъ съ собой королямъ или особо приглашенныхъ духовныхъ и свѣтскихъ сановниковъ, лишь знатные люди, а изъ простыхъ обывателей только тѣ, которые жили близъ мѣста собранія или имѣли какое-нибудь особенное дѣло къ нему» *).

Въ концѣ концовъ, простые люди совершенно перестали являться на собранія. Король, вѣдь, нисколько не интересовался ихъ присутствіемъ; для него важны были лишь тѣ, голосъ которыхъ имѣлъ вѣсъ, отъ которыхъ онъ фактически зависѣлъ, — крупные землевладѣльцы, епископы и аббаты, герцоги и графы.

Государственныя и земскія собранія христіанско-германскихъ странъ все болѣе и болѣе превращались въ дворянскіе съѣзды, устраивавшіеся при дворахъ королей или иныхъ государей. Значеніе ихъ быстро падало. Они потеряли право избирать должностныхъ лицъ, такъ какъ должности стали наследственными, или же ихъ раздавалъ самъ король. Задачи верховнаго суда стали столь сложными, что дворянскія собранія такъ же мало могли упра-

*) F. Dahn. Urgeschichte der germanischen und romanischen Völker. IV т., стр. 48.

виться съ ними, какъ раньше народныя собранія. Судебное дѣло все больше и больше переходило въ руки судей по профессіи.

Но вмѣстѣ съ выполніемъ законовъ къ профессиональнымъ судьямъ въ значительной степени перешло и изданіе новыхъ законовъ. Рѣзкое раздѣленіе судебной и законодательной власти очень недавняго происхожденія; оно еще и теперь не вполнѣ проведено. Раньше судьи рѣшали дѣла въ большинствѣ случаевъ по старинѣ, по традиціямъ. Если же случалось какое-нибудь необычайное, безпримѣрное дѣло; то рѣшеніе судьи имѣло здѣсь силу закона.

Но рядомъ съ традиціями общественныя отношенія регулировались тогда не общими законами, а особыми договорами, которые заключали отдѣльныя общины или индивиды съ другими такими же общинами или индивидами. Поэтому дворянскимъ собраніямъ не было надобности заниматься законодательствомъ.

Если мы, наконецъ, примемъ во вниманіе, что государство или король получали въ тѣ времена свои обычные доходы не съ налоговъ на обывателей, а со своихъ земель, то намъ станеть яснымъ, что правильныя, періодическія, собранія дворянства становились все болѣе и болѣе излишними. Король созывалъ дворянство лишь при чрезвычайныхъ обстоятельствахъ, когда ему нужно было предъявить какія-нибудь особенныя требованія къ «своему народу» и обезпечить за собой его помощь и содѣйствіе.

Новый подъемъ земскихъ собраній вызвало развитіе городовъ со временъ крестовыхъ походовъ. Развилась торговля и промышленность; возникло много городовъ, которые быстро достигли большой силы. Нѣкоторымъ изъ этихъ городовъ удалось стать даже самостоятельными республиками, а иные изъ нихъ не только свергли съ себя постороннюю власть, но и сами, подобно городскимъ республикамъ древняго міра, о которыхъ мы говорили раньше, стали властелинами, иногда даже очень сильными властелинами, владѣтелями большихъ государствъ,—укажемъ для примѣра на Венеціанскую республику. Но и тамъ, гдѣ города не добились такого высокаго положенія,—и тамъ они стали силой, которой нельзя было пренебрегать. Съ теченіемъ времени государи почувствовали необходимость обращаться рядомъ съ дворянствомъ и къ представителямъ городовъ, лишь только случались какія-нибудь особенно важныя дѣла, въ которыхъ король хотѣлъ обезпечить за собой необходимую поддержку.

Теперь въ верховныя собранія вошелъ новый элементъ, или, вѣрнѣе, два новыхъ элемента, потому что духовенство не особенно интересовалось дворянскими собраніями, хотя оно и имѣло право участвовать въ нихъ. У него, помимо дворянскихъ собраній, были

совершенно иныя средства для того, чтобы отстаивать свои интересы въ государствѣ. Теперь же, когда представительныя собранія,—а ихъ теперь дѣйствительно можно назвать представительными,—получили вслѣдствіе участія городскихъ депутатовъ новую силу и новое значеніе, духовенство снова обратило на нихъ большое вниманіе.

Такимъ образомъ, эти представительныя собранія стали собраніями земскихъ чиновъ. Они принимали самыя разнообразныя формы. Иногда дворянство и духовенство соединялось въ одну палату, а городскіе депутаты составляли вторую палату. Иногда же дворянство и духовенство раздѣлялись—тогда было три палаты. Бывало и такъ, что дворянство раздѣлялось на высшее и низшее; иногда случалось, что представители низшаго дворянства засѣдали вмѣстѣ съ представителями мѣщанъ. При благопріятныхъ же обстоятельствахъ и крестьяне успѣли уже стряхнуть съ себя феодальное иго—превратились въ вольныхъ земледѣльцевъ и приобрѣли такое значеніе, что и ихъ нельзя было игнорировать. Въ такихъ случаяхъ и крестьянскіе уполномоченные принимали участіе въ собраніяхъ земскихъ чиновъ: они или засѣдали вмѣстѣ съ представителями мѣщанъ, или составляли особый чинъ,—четвертое сословіе.

Эти сословныя собранія скоро приобрѣли силу и вліяніе, потому что, чѣмъ больше развивались ремесла и торговля, тѣмъ больше и больше доходы съ королевскихъ земель оказывались недостаточными для покрытія государственныхъ расходовъ. Судьи по профессіи, получавшіе жалованье — преимущественно римскіе юристы—становились все многочисленнѣе; рядомъ съ верховнымъ судомъ въ ихъ руки вскорѣ стали переходить также тѣ или иныя отрасли и низшаго суда. Въ тѣ времена — приблизительно въ XIV вѣкѣ — начало распространяться наемное войско. Судъ и война, бывшіе тогда главными задачами государственной власти, становились все дороже и дороже; возрастали также расходы на роскошь, процвѣтавшую при дворахъ государей. Государи стали нуждаться въ деньгахъ, и эта нужда все увеличивалась. Началось «оскудѣвіе» государей Западной Европы.

Они, подобно современнымъ крупнымъ землевладѣльцамъ, употребляли всѣ средства для улучшенія своихъ дѣлъ. Самое простое средство состояло въ томъ, чтобы дѣлать долги; а сверхъ того, они обратились къ мошенническимъ спекуляціямъ, фальсификаціи монеты, обирацію богатыхъ гражданъ, преимущественно богатыхъ евреевъ и т. д.

Но всѣ эти средства фивансовой политики, какъ ни прибыльны они были иногда, оказались недостаточными для покрытія воз-

раставшихъ расходовъ на государство и дворъ. Все настоятельнѣе и настоятельнѣе сказывалась надобность привлечь подданныхъ къ взносамъ въ государственную казну. Тутъ-то и были изобрѣтены денежные налоги.

Но государи получали эти налоги не всегда безъ уступокъ съ своей стороны! Передъ сильными классами, имѣвшими представительство въ сословныхъ собраніяхъ, они должны были часто смиряться. Иногда дѣло доходило до того, что государственное управленіе фактически всецѣло велось комитетомъ, избираемымъ собраніемъ чиновъ, и государь былъ только пассивнымъ орудіемъ въ рукахъ этого комитета.

Эти собранія были предшественниками современныхъ парламентовъ. Но они, въ сущности, стояли еще на той же почвѣ, что и вышеупомянутыя собранія представителей державныхъ государствъ и племенъ.

Каждый отдѣльный членъ собранія чиновъ являлся не представителемъ всей націи (или одного класса данной націи), а представителемъ особой, строго ограниченной, корпораціи и особой территоріи, которая послала его, отчасти потому, что онъ именно для этого избирался (какъ уполномоченный такого-то города или церковной корпораціи), а отчасти въ силу унаслѣдованнаго или пріобрѣтеннаго имъ положенія (какъ свѣтскій или духовный землевладѣлецъ). Обязанности каждой корпораціи или территоріи относительно государства устанавливались особыми договорами и на организацію или землю нельзя было возлагать новыхъ повинностей безъ согласія ея членовъ или господина. Подавленія меньшинства большинствомъ первоначально не было въ собраніяхъ чиновъ; но, конечно, случалось и такъ, что меньшинство силой принуждало присоединиться къ большинству.

Если членъ собранія участвовалъ въ немъ не вслѣдствіе своего социальнаго положенія, а въ качествѣ выборнаго какой-нибудь корпораціи или земли, то его голосъ получалъ иногда силу лишь въ томъ случаѣ, когда его подтверждали лица, посланція выборнаго. Прелаты должны были имѣть согласіе своего конвента или капитула, депутаты отъ городовъ должны были спрашивать согласія городского совѣта или общиннаго собранія.

Для того, чтобы собраніе земскихъ чиновъ могло превратиться въ современный парламентъ, союзное собраніе—въ національное, для этого прежде всего должно было возникнуть единое государство и занять мѣсто конгломерата общинъ и корпорацій, составлявшаго государство среднихъ вѣковъ; затѣмъ, узкій партикуля-

ризмъ этихъ мелкихъ организацій долженъ былъ уступить мѣсто національности.

Это и было совершенно капиталистическимъ способомъ производства.

V. Монархическій и парламентскій абсолютизмъ.

При капиталистическомъ способѣ производства, который начинаетъ развиваться съ XVI столѣтія, приготовленіе товаровъ, производство для продажи получаетъ всеобщее распространеніе. Производство для собственнаго потребленія самихъ производителей и ихъ господъ, у кого есть господа, все болѣе и болѣе исчезаетъ. вмѣстѣ съ нимъ исчезаетъ также самостоятельность и исключительность сельскихъ и городскихъ общинъ, составлявшая отличительную черту среднихъ вѣковъ. Различныя отрасли производства становятся въ зависимость отъ внутренняго рынка, а черезъ его посредство или даже непосредственно—и отъ всемірнаго рынка.

Но внутренній рынокъ есть ничто иное, какъ вся территорія даннаго государства. Государство въ предѣлахъ своей земли защищаетъ производителей товаровъ и торговцевъ, принадлежащихъ къ нему, отъ конкуренціи иностранныхъ производителей и торговцевъ; но оно также стремится къ тому, чтобы сдѣлать возможно болѣе выгодными условія сбыта и на заграничныхъ рынкахъ. Чѣмъ больше государство, чѣмъ сильнѣе государственная власть, тѣмъ больше шансовъ имѣютъ производители товаровъ и торговцы на охрану своихъ интересовъ.

Съ этихъ поръ государства получаютъ прочную экономическую основу. Въ средніе вѣка мы видимъ безпрестанное измѣненіе предѣловъ владѣній различныхъ царствующихъ фамилій—вслѣдствіе завоеваній, наслѣдованій, браковъ, покупки, обмѣна и даже залоговъ *). Такъ какъ каждая община или, по крайности каждая мѣстность представляла собой самодовлѣющее цѣлое, то не было никакой надобности въ томъ, чтобы владѣнія государя находились рядомъ. Габсбурги, напр., имѣли въ XIV вѣкѣ владѣнія не только въ нѣмецко-австрійскихъ областяхъ, но и въ Швейцаріи, Швабіи и Эльзасѣ.

Современныя же государства представляютъ собою экономически сплоченныя области, связь между которыми становится тѣмъ тѣснѣе, чѣмъ дольше существуетъ данное государство, чѣмъ больше экономическая жизнь въ его предѣлахъ проникается капитализмомъ

*) Основаніе монархій Гогенцолерновъ, какъ извѣстно, положено именно такимъ залогомъ.

Авторъ.

и чѣмъ больше производство приспособляется къ условіямъ и потребностямъ внутренняго рынка, находящагося въ его распоряженіи.

Вмѣстѣ съ этимъ расширеніе предѣловъ государства перестаетъ быть дѣломъ только царствующей фамиліи изъ военной касты. Въ такомъ расширеніи становятся заинтересованными и производительные классы. Династическое государство превращается въ государство національное.

Въ концѣ среднихъ вѣковъ для жителей селъ и городовъ могло быть, приблизительно, столь же безразлично, находятся ли подъ властью ихъ государя еще и другія общины, какъ теперь для сельскихъ рабочихъ какого-нибудь помѣщика можетъ безразличнымъ, имѣетъ ли онъ еще и другія помѣстья, или нѣтъ. Для населенія же современнаго государства всякое уменьшеніе государственной территоріи означаетъ стѣсненіе экономической жизни, между тѣмъ какъ расширеніе государства представляетъ расширеніе внутренняго рынка и улучшеніе положенія на всемірномъ рынкѣ.

Чѣмъ сплоченнѣе и сильнѣе становится новое государство, тѣмъ больше теряютъ въ немъ силу и значеніе старинныя политическія и соціальныя организаціи. Функціи ихъ одна за другой переходятъ къ государству, а эти организаціи превращаются въ однѣ лишь руины, стоящія на дорогѣ, которыя необходимо устранить. Общество «атомизируется», отношенія людей другъ къ другу перестаютъ регулироваться взаимными отношеніями корпорацій.

Рука объ руку съ этой «атомизаціей», т. е. разрушеніемъ традиціонныхъ организацій въ самомъ государствѣ, идетъ централизація государства и общества.

Торговля издавна имѣетъ стремленіе къ централизаціи. Она вызываетъ стеченіе товаровъ, а также продавцовъ и покупателей въ опредѣленные пункты, отличающіеся особенно выгоднымъ географическимъ положеніемъ или политическими условіями. При капиталистическомъ способѣ производства, который все производство превращаетъ въ товарное и ставитъ его въ зависимость отъ торговли, — централизація торговли ведетъ къ централизаціи всей экономической жизни. Вся страна въ большей или меньшей степени, прямо или косвенно становится въ экономическую зависимость отъ главнаго города, также какъ и отъ класса капиталистовъ. Главный городъ, центръ торговли, является также сборнымъ пунктомъ прибавочныхъ стоимостей, излишковъ страны; за роскошью слѣдуютъ искусства и науки.

Экономической централизаціи соотвѣтствуетъ централизація политическая и центральный пунктъ торговли становится центральнымъ пунктомъ управленія.

Мы уже указывали на то, что новые классы, живущіе товарнымъ производствомъ или торговлей, нуждаются въ сильной государственной власти, которая могла бы защищать ихъ интересы какъ въ самой странѣ, такъ и за границей.

Король, преемникъ стариннаго вождя племени, былъ и въ средніе вѣка только вождемъ: въ качествѣ военачальника — вождемъ военной касты, въ качествѣ верховнаго судьи — вождемъ касты духовной. Даже если должность его становилась наследственной, что было далеко не вездѣ, онъ все-таки оставался въ зависимости отъ доброй воли своихъ упрямыхъ и самостоятельныхъ вассаловъ и столь же самостоятельной и упрямой іерархіи. Развитие городовъ, какъ мы видѣли, не улучшило его положенія: оно поставило его въ зависимость, вмѣсто двухъ — отъ трехъ классовъ.

Развитіе всемірной торговли и капиталистическаго производства измѣнило положеніе дѣль — въ пользу короля. Оно создало армию неимущихъ, изъ которыхъ, пока промышленность еще недостаточно развилась, — лишь часть могла стать наемными рабочими. Большинство же превращалось въ пролетаріевъ, которые, какъ и пролетаріи древняго Рима, становились опорой деспотизма. Только теперь они продавали государямъ не политическое право голоса, а — собственные кулаки. Наемныя войска на службѣ государевой быстро увеличивались *).

Одновременно съ этимъ исчезали рыцарскія войска, бывшія почти совершенно независимыми отъ государей. Феодальные источники доходовъ уничтожались или, вѣрнѣе, теряли свое значеніе. Не на барщинѣ, не на даняхъ, вносимыхъ сельскохозяйственными продуктами, основывалось теперь вліяніе въ обществѣ, а на деньгахъ. Но, какъ ни обирай крестьянина, денегъ у него не много найдешь. Поэтому землевладѣльцы, дворянство и духовенство, для

---

*) Наемныя войска въ XIV в. были совершенно не таковы, какъ въ XVII в. Первые состояли изъ крестьянъ, имѣвшихъ землю, которые занимались военной службой, какъ побочнымъ отхожимъ промысломъ; улучшеніе земледѣлія и увеличеніе населенія дали тогда въ нѣкоторыхъ мѣстахъ уже избытокъ рабочихъ силъ. Вслѣдствіе этого часть крестьянской молодежи становилась дома ненужной; она уходила на чужбину, но съ намѣреніемъ потомъ снова вернуться домой и сѣсть на отцовскую землю. Военное искусство, приобретенное этими полчищами крестьянъ на службѣ чужихъ государей, служило имъ средствомъ къ тому, чтобы избавиться отъ своихъ собственныхъ владыкъ. На этой основѣ возникла свобода швейцарцевъ и чешскихъ гусситовъ. Наемникъ же XVII в. былъ нищій, и военное ремесло было единственнымъ источникомъ его дохода, дѣломъ всей его жизни. Ему нечего было защищать свободу, — равнѣ лишь свободу грабежа. Все его существованіе зависѣло отъ жалованья.

Авторъ.

полученія денегъ, должны были свои функціи, въ которыхъ они усовершенствовались, превратить въ товары: католическое духовенство продавало исполненіе своихъ пастырскихъ обязанностей, своихъ святыхъ, отпущеніе грѣховъ и реликвіи; дворяне продавали себя на военную службу каждому, кто только давалъ подходящую плату: изъ экономически-самостоятельныхъ вассаловъ они превратились въ наемниковъ, королевскихъ офицеровъ.

Но торговля духовенства священными предметами стала, наконецъ, столь наглою, что противъ нея поднялся народъ. Духовенство, также какъ и дворянство, не могло отстоять своей независимости. Съ этихъ поръ всѣми имуществами и доходами, какія оно еще сохранило или впоследствии получило, — какъ въ католическихъ, такъ и въ протестантскихъ странахъ, — оно было обязано лишь милости государей, за что и должно было служить имъ.

Новый способъ производства, новое государство предъявляли суду и управленію обществомъ такія требованія, что выполненія ихъ оказалось совершенно не по силамъ старымъ организаціямъ, въ которыхъ дворянство и духовенство играли столь важную роль. Въ судѣ съ этихъ поръ стали господствовать ученые правовѣды (во всей Западной Европѣ, кромѣ Англіи, — римскіе юристы), которые назначались и оплачивались королемъ, слѣдовательно, были въ полной зависимости отъ него. Завѣдываніе финансами тоже перешло теперь къ королевской или концессионуемой королемъ бюрократіи. Въ средніе вѣка землевладѣльцы и вольные города сами платили королю подати, взятая ими на себя. *Какъ* землевладѣлецъ собиралъ подати со своихъ крестьянъ, а городъ со своихъ гражданъ и иныхъ обывателей, до этого государственной власти не было рѣшительно никакого дѣла. Теперь же податное обложеніе было отнято отъ землевладѣльцевъ и городскихъ магистратовъ и передано откупщикамъ или особымъ чиновникамъ.

Дворянство и духовенство, какъ таковыя, потеряли всякое значеніе для государственнаго управленія, суда и военнаго дѣла. Эти сословія получаютъ свои привилегіи и богатства уже не вслѣдствіе своихъ общественныхъ функцій, а лишь благодаря милостямъ двора. Ихъ задача состоитъ теперь только въ содѣйствіи королевской власти.

Съ паденіемъ самостоятельности дворянства и духовенства, пали двѣ важныя опоры сословныхъ собраний.

Но въ теченіе XVII и XVIII вѣковъ все болѣе и болѣе падала и третья опора этихъ собраний: города. Правда, капиталистическій способъ производства привелъ къ сильному увеличенію городского населенія — буржуазіи и пролетаріата, но населеніе это концентри-

ровалось въ немногихъ крупныхъ городахъ, которыхъ, въ свою очередь, совершенно затмила своимъ вліяніемъ и богатствомъ столица. Значительное большинство городовъ остановилось въ своемъ развитіи; многіе изъ нихъ опустились до положенія «гнилыхъ мѣстечекъ», какъ ихъ называли въ Англій.

Эти мѣстечки не могли противодѣйствовать силѣ развивающагося абсолютизма.

Понятно, тѣмъ больше значенія приобрѣтала столица въ современныхъ государствахъ съ XVI вѣка. Уже Генрихъ IV зналъ, что Парижъ стоитъ мессы, король подчинился волѣ столицы и перешелъ въ католичество, а какое значеніе въ государственной политикѣ имѣлъ Лондонъ, это Карлъ I испыталъ на самомъ себѣ *).

Но большинство столичныхъ жителей вовсе не было заинтересовано въ сохраненіи вліянія земскихъ чиновъ, потому что это вліяніе означало только господство заолустныхъ дворянъ и флистеровъ. Чего же могла ждать столица отъ этихъ чиновъ? Прежде всего, отказа въ введеніи налоговъ, стремленія къ бережливости. Но это обыкновенно было вовсе не въ интересахъ столичнаго населенія тѣхъ временъ. Значительная часть жителей столицы извлекала средства къ существованію изъ удовлетворенія запросовъ двора. Чѣмъ больше денегъ расходуетъ дворъ, тѣмъ лучше было для столицы. Людей, производившихъ предметы роскоши и торговавшихъ ими, мало смущало то обстоятельство, что придворные не создавали богатствъ, расточаемыхъ ими въ столицѣ.

Элементы, приобрѣтшіе теперь вліяніе на королевскую власть, а черезъ нее и на государство, были не тѣ, которые имѣли представительство въ собраніяхъ чиновъ. Это были новые элементы, дѣйствовавшіе на короля непосредственно своимъ личнымъ вліяніемъ: прежде всего придворное дворянство и духовенство съ арміей чиновниковъ—ихъ орудіемъ была интрига; затѣмъ, столичное населеніе, иногда добивавшееся своего, посредствомъ возмущеній, и, наконецъ, капиталисты, кредитъ которыхъ сталъ главной основой новаго государства.

Дѣйствительно, безъ помощи капиталистовъ королевская власть никогда бы не могла развиваться до абсолютизма. Чтобы выдержать борьбу со своими противниками, чтобы побѣдить или купить ихъ, чтобы платить своимъ сторонникамъ и защитникамъ, чтобы выполнять тѣ функціи, которыя раньше выполнялись общинами и

*) «Можно безъ преувеличенія сказать, что если бы не враждебное настроеніе Сити, Карлъ I никогда не потерпѣлъ бы пораженія, а безъ помощи Сити Карлъ II никогда не вступилъ бы на престолъ». Макколей. Исторія Англій. I, ст. 260 (по нѣм. перев. Дембке). *Асторъ.*

корпораціями или феодальными господами, а теперь перешли къ государству, какъ охрана личной безопасности и путей сообщенія, проведеніе дорогъ и каналовъ, устройство крѣпостей, военныхъ складовъ и т. д.,—для всего этого государямъ нужны были деньги, гораздо больше денегъ, чѣмъ они могли получить отъ своихъ подданныхъ въ видѣ податей, таможенныхъ пошлинъ и т. п. Поэтому они постоянно должны были занимать деньги у богатыхъ купцовъ,—понятно, за соотвѣтствующее вознагражденіе. Съ этихъ поръ и до нашихъ дней кредитъ остался главной опорой государства. Повышенія и паденія биржевыхъ курсовъ рѣшали въ послѣднія два столѣтія судьбу не одного правительства.

Таковы были важнѣйшіе факторы, опредѣлявшіе политику западноевропейскихъ монархій до французской революціи и часто даже послѣ нея, а иногда опредѣляющіе эту политику и по сей день. Ихъ вліяніе было громадно, но неопредѣленно, не урегулировано. Фактически управлялъ не государь, а иныя лица, и кружки заинтересованныхъ лицъ, но они могли управлять только посредствомъ государя. Власть монарха была неограничена: разныя лица и клики пользовались ею въ своихъ интересахъ, но никто во всемъ государствѣ не могъ противостоять ей.

Собранія же земскихъ чиновъ становились все ничтожнѣе и ничтожнѣе. Въ нѣкоторыхъ странахъ они совершенно прекратились, въ другихъ же играли такую роль, какую теперь играютъ рабочіе комитеты на европейскихъ фабрикахъ: они должны были давать свое почтительное согласіе на все, а въ нѣкоторыхъ мелочахъ имъ позволялось оказывать содѣйствіе всемогущей полиціи.

Таковы общія черты политическаго развитія Европы въ XVII и XVIII вѣкахъ.

Но изъ этого правила были и исключенія. Были страны, въ которыхъ королевской власти не удалось управиться съ собраніями земскихъ чиновъ, въ которыхъ, напротивъ, эти послѣднія стали хозяевами въ государствѣ. Самый выдающійся примѣръ такого уклоненія отъ общей тенденціи къ абсолютизму государей представляетъ Англія.

Много было причинъ, вслѣдствіе которыхъ Англія составила исключеніе въ этомъ отношеніи. Важнѣйшими изъ нихъ мы считаемъ слѣдующія. Именно въ концѣ XVII вѣка, когда абсолютизмъ въ Англіи долженъ былъ выдержать послѣднюю, рѣшительную борьбу, англійская королевская власть перешла къ королямъ Шотландіи, экономически-отсталой страны, въ которой еще удержался даже родовой строй и государи находились еще въ полной зависимости отъ чиновъ. Въ теченіе XVII вѣка Шотландія была причиной

слабости королей изъ дома Стюартовъ, стремившихся въ Англіи къ абсолютизму, подобно тому, какъ Венгрія до самаго послѣдняго времени постоянно служила помѣхой самодержавнымъ стремленіямъ Габсбурговъ.

Еще большее значеніе имѣло островное положеніе Англіи. Сила и безопасность ея основывались не на арміи, а на флотѣ. Поэтому, буржуазія, производящая товары и торгующая ими, не имѣла никакихъ основаній поддерживать стремленія монарховъ къ созданію сильной постоянной арміи.

Но островное положеніе Англіи имѣло еще чрезвычайно важное значеніе въ томъ отношеніи, что съ XVI вѣка оно особенно благоприятствовало развитію здѣсь современной, капиталистической буржуазіи,—съ тѣхъ поръ, какъ открытіе Америки и морского пути въ Индію перенесло центръ тяжести европейской торговли съ Средиземнаго моря на берега Атлантическаго океана. Вначалѣ Англія принимала участіе въ цвѣтущей міровой торговлѣ Португаліи, Испаніи, Нидерландовъ посредствомъ грабежа торговыхъ судовъ, отъ котораго особенно сильно страдалъ испанскій флотъ. Но скоро она уже настолько усилилась, что могла придать своимъ грабительскимъ предпріятіямъ законный характеръ: она сама стала завоевывать колоніи и развила обширную морскую торговлю—не только ту, которую теперь называютъ законной торговлей, но, главнымъ образомъ, контрабанду и торговлю рабами. Скоро Лондонъ сталъ центромъ всемірной торговли, затмилъ собою Лиссабонъ и въ концѣ XVII вѣка у него былъ только одинъ соперникъ въ коммерческомъ отношеніи—Амстердамъ. По численности населенія онъ уже тогда сталъ во главѣ всѣхъ европейскихкихъ большихъ городовъ: въ немъ насчитывалось полмилліона жителей и онъ могъ выставить очень солидную городскую милицію. Но при этомъ онъ гораздо меньше былъ породомъ роскоши, чѣмъ Парижъ; богатство его больше зависѣло отъ развитія торговли, чѣмъ отъ расточительности двора и придворныхъ; ему нужно было сильное правительство, но сильное не дома, а за границей. Стюарты же тратили всѣ свои силы на попытки возстановленія абсолютнаго образа правленія и не могли вести энергичной внѣшней политики для охраны и развитія англійской торговли.

Англійская и прежде всего лондонская крупная буржуазія была такъ сильна, такъ смѣла и самоувѣренна, что еще въ первой половинѣ XVII вѣка, она подъ давленіемъ внѣшнихъ обстоятельствъ, рѣшилась вѣстѣ съ частью дворянства, мелкимъ мѣщанствомъ и остатками крестьянъ объявить войну королевской власти, на сторонѣ которой стояла другая часть дворянства и придворное духо-

венство. Изъ этой борьбы буржуазія вышла побѣдительницей, но она сейчасъ же подпала диктатурѣ арміи мѣщанъ и крестьянъ. Тутъ вышло то же самое, что впоследствии подобнымъ образомъ произошло на континентѣ во время французской революціи 1848 г.: испуганная и подавленная диктатурой трудящихся классовъ, буржуазія снова бросилась въ объятія королевской власти и землевладѣльческой аристократіи, пережившей времена французской революціи.

Что крупная буржуазія и крупные землевладѣльцы такъ долго могли идти рука объ руку, это объясняется тѣмъ своеобразнымъ характеромъ, который приняло въ Англіи крупное землевладѣніе. Тридцатилѣтняя война бѣлой и алой розы совершенно истребила высшую аристократію. На развалинахъ ея возникъ новый слой крупныхъ землевладѣльцевъ; его создалъ Генрихъ VII, положившій конецъ гражданской войнѣ, а Генрихъ VIII и Эдуардъ VI увеличили и обогатили на счетъ церкви и гильдій, имущества которыхъ были конфискованы.

Второе обновленіе крупнаго землевладѣнія произвела гражданская война между Карломъ I и парламентомъ. Многіе изъ дворянъ тогда потеряли свои имѣнія—частью вслѣдствіе конфискаціи, а частью вслѣдствіе разоренія. Имѣнія ихъ достались разбогатѣвшимъ буржуа. Восстановленіе Стюартовъ далеко не всѣмъ дворянамъ возвратило утраченныя имѣнія.

Неудивительно, что аристократія въ Англіи имѣла совершенно не такой характеръ, какъ на материкѣ, напр., во Франціи. Французская аристократія настолько сохранила традиціи феодальнаго времени, что она съ презрѣніемъ смотрѣла на производительные и торгующіе классы. Зарабатывать деньги она считала позоромъ. Но доходы, получаемые ею изъ помѣстій, становились все скромнѣе и скромнѣе; стонкое чувство чести мѣшало ей заниматься рациональнымъ земледѣліемъ, но это чувство не препятствовало аристократамъ сокращать свой дефицитъ при помощи попрошайства (у короля), кражъ (у казны) и долговъ (у капиталистовъ). Въ теченіе XVII вѣка французское дворянство стало полнымъ банкротомъ.

Большинство англійскихъ крупныхъ землевладѣльцевъ состояло изъ выскочекъ, уже проникшихся духомъ капитализма. Они заботились о капиталистической эксплуатаціи своихъ имѣній посредствомъ богатыхъ арендаторовъ; они не считали ниже своего достоинства принимать участіе въ торговыхъ предпріятіяхъ и умѣли цѣнить богатую буржуазію. Въ томъ самомъ столѣтіи, въ которомъ французская аристократія пришла къ полному банкротству, аристократія англійская стала денежной силой.

Англійское дворянство, энергичное и предприимчивое, подобно буржуазіи того времени, не только умѣло вести свои частныя дѣла, но и принимало самое живое участіе въ государственной дѣятельности. Вездѣ, гдѣ возможно, оно отстаивало свою роль въ государственномъ управленіи, такъ что бюрократія развилась въ Англии меньше, чѣмъ въ другихъ современныхъ европейскихъ государствахъ. И при управленіи аристократія принимала въ расчетъ интересы крупной буржуазіи, къ которой она стояла такъ близко.

Благодаря своему обновленію въ XV и XVII вѣкахъ, англійская аристократія гораздо дольше сохранила энергію молодости, чѣмъ аристократія какой-либо иной страны, а вмѣстѣ съ тѣмъ, капиталистическая буржуазія Англии развилась особенно рано.

Союзъ этихъ двухъ классовъ, заключенный въ Англии при столь благоприятныхъ обстоятельствахъ, сталъ непреодолимой силой: королевская власть должна была преклониться передъ этими классами и ихъ представительствомъ—парламентомъ.

Въ Англии преобладаніе аристократіи надъ королевскою властью основывалось на томъ, что крупное землевладѣніе примѣнилось къ капиталистическому способу производства и соединилось съ классомъ капиталистовъ. Атомизирующія и централизирующія тенденции современнаго государства дѣйствовали въ Англии совершенно такъ же, какъ и въ остальныхъ монархіяхъ Западной Европы. Здѣсь, также какъ, напр., и во Франціи, онѣ привели къ безусловному господству центральной власти, которая не терпѣла никакого противодѣйствія, никакой критики. Разница между Англіей и Франціей состояла лишь въ томъ, что этой абсолютной властью во Франціи былъ король, а въ Англии—парламентъ *).

По мѣрѣ того, какъ парламентъ въ борьбѣ съ короной укрѣплялъ и увеличивалъ свою власть, а отдѣльные графства и города сливались въ одну націю, характеръ парламента измѣнялся. Каждый членъ его пересталъ чувствовать себя представителемъ отдѣльной территоріи или корпораціи и свое вліяніе производитъ отъ силы и вліянія посланшей его земли или корпораціи. Парламентъ пересталъ быть собраніемъ мелкихъ державцевъ (или представителей державныхъ организацій) и превратился въ единое цѣлое; онъ былъ державецъ во всей своей совокупности и представлялъ собою первоисточникъ всякой власти въ государствѣ. Но господство парламента есть не что иное, какъ господство большинства

*) Всемогущество парламента очень удачно характеризуется англійскою пословицей: «Парламентъ все можетъ,—онъ не можетъ только сдѣлать женщину».

Асторъ.

въ самомъ парламентѣ. вмѣстѣ съ экономической и политической независимостью отъ государства отдѣльныхъ обществъ и земель исчезаетъ также и самостоятельность отдѣльныхъ депутатовъ въ парламентѣ. Парламентское меньшинство должно такъ же безусловно подчиняться большинству, какъ вся страна подчиняется парламенту. Воля большинства въ парламентѣ становится верховнымъ закономъ; оно тоже могло бы сказать о себѣ, какъ Людовикъ XIV: государство—это я! Короли и министры становятся его рабами.

Какъ и всякіе иные рабы, они иногда могли оказывать вліяніе на своихъ господъ (по большей части самими низменными средствами) и пользоваться ими въ своихъ интересахъ. Но если рабу удастся помыкать своимъ господиномъ, то сущность ихъ отношеній отъ этого все-таки не измѣняется.

Большинство и меньшинство парламента превращаются въ XVII столѣтіи въ сплоченныя партіи: виговъ и торіевъ.

Прочныя, сплоченныя партіи были невозможны въ старыхъ сословныхъ собраніяхъ. Вслѣдствіе преобладанія мѣстныхъ и корпоративныхъ интересовъ не только государство, но и партіи, возникшія въ немъ, неизбежно являлись крайне непрочными; партіи постоянно измѣнялись. Современный способъ производства и современное государство должны были предварительно одержать верхъ надъ партикуляризмомъ сословій, цеховъ, общинъ и т. д., раньше чѣмъ члены даннаго класса во всей странѣ могли придти къ сознанію своихъ общихъ классовыхъ интересовъ, раньше чѣмъ могли образоваться національные классы, распространенные по всей странѣ, а на почвѣ національныхъ классовъ и классовыхъ интересовъ—сплоченныя партіи.

Но чѣмъ больше силы и вліянія пріобрѣтаетъ парламентъ, чѣмъ больше онъ подчиняетъ себѣ государственную власть, тѣмъ значительнѣе выгоды, ожидающія ту партію, которой удастся стать большинствомъ въ парламентѣ. Этимъ вызывается стремленіе политиковъ объединить въ одну партію всѣ тѣ элементы, которые сходятся въ главныхъ цѣляхъ, хотя бы они далеко расходились другъ съ другомъ во второстепенныхъ вопросахъ. Этимъ вызывается стремленіе подавить разногласіе взглядовъ въ побочныхъ вопросахъ. Возникаетъ партійная дисциплина, «партійная тиранія»; рядомъ съ парламентскимъ абсолютизмомъ начинаетъ сказываться и абсолютизмъ партійный..

(Окончаніе слѣдуетъ).

АНТРОПОЛОГИЧЕСКІЕ ОЧЕРКИ *).

А. В. Бёклендъ.

Пер. подъ редакціей Д. Коровчевскаго.

V.

Мисологическія птицы.

Птицы служили эмблемами почти всѣхъ древнѣйшихъ божествъ; не смотря на разнообразіе этихъ эмблемъ, среди нихъ мы можемъ выбрать нѣсколько птицъ, составляющихъ принадлежность извѣстныхъ расъ. Такъ, среди туранскихъ расъ мы замѣчаемъ предпочтеніе, отдаваемое гусю или лебедю, ястребу и павлину, у семитическихъ — голубю, а у арійскихъ — орлу; хотя эти птицы часто замѣщаются другими, но все-таки онѣ характерны для указанныхъ расъ.

„Ганза“ или священный браминскій *гусь*, все еще пользующійся поклоненіемъ на Цейлонѣ и въ Бирмѣ, былъ, повидимому, одной изъ первыхъ птицъ, которой воздавались божескія почести. На всѣхъ храмахъ Индіи, въ которыхъ проявляется обожаніе змѣи, гусь также обазывается въ видѣ орнамента или въ какой-либо иной связи съ таинственнымъ поклономъ смертоносному пресмыкающемуся. На буддійскихъ памятникахъ часто можно видѣть фигуру браминскаго гуся, который не былъ уроженцемъ Цейлона, но съ незапамятныхъ временъ служитъ предметомъ почитанія въ различныхъ частяхъ Индіи. Особенное вниманіе буддистовъ „ганза“ привлекалъ своими періодическими переселеніями, которыя, какъ они предполагали, направлялись къ священному озеру Маназъ, въ мисическихъ областяхъ Гималайя. Левъ считался главнымъ среди звѣрей, а „ганза“ — царемъ всего пернатого племени. По словамъ Теннента, „гусь до настоя-

*) См. «Міръ Божій», № 10 1893 г.

шаго времени служить національной эмблемой, помѣщаемой на знаменахъ въ Бирмѣ, и мѣдныя гири, употребляемыя бирманцами и яванцами при взвѣшиваніи, имѣють, обыкновенно, форму этой священной птицы; у египтянъ эти гири были изъ камня, но имѣли ту же форму. Впрочемъ, сэръ Гардинеръ Уильямсонъ высказываетъ мнѣніе, что египтяне не воздавали гусю божескихъ почестей, хотя онъ былъ эмблемой Себа, отца Озириса. Причину, почему эта птица пользовалась такимъ почитаніемъ у древнихъ, видать въ ея любви къ своимъ птенцамъ. Аристотель восхваляетъ ея проникательность; Эліанъ распространяется объ ея храбрости и остроуміи, а также и привязанности къ человѣку; Овидій считаетъ гуся по уму выше собаки; какъ мы знаемъ, эта птица была одною изъ эмблемъ Юноны, и священные гуси, содержавшіеся въ ея храмѣ, спасли Капитолій отъ нападенія галловъ. Весьма странно, что это суевѣрное почитаніе гуся, повидимому, имѣвшее начало на Востокѣ, проникло и въ Британію—Цезарь рассказываетъ, „что древніе бритты считали употребленіе въ пищу гусянаго мяса нечестивымъ“, хотя въ Египтѣ оно употреблялось въ большомъ размѣрѣ, даже въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ поклонялись Себу, которому гусь былъ посвященъ. Лесли, въ своихъ „Древнихъ расахъ Шотландіи“, говоритъ: „Обожаніе гуся на Западѣ не ограничивалось одной только Британіей, которая не заимствовала этого поклоненія отъ классическихъ народовъ Европы, хотя и раздѣляла его съ ними“; по поводу нѣкоторыхъ фигуръ, вырѣзанныхъ на камняхъ въ Шотландіи, онъ прибавляетъ: „На памятникахъ Цейлона, изображающихъ поклоненіе свѣтиламъ, обыкновенно являются слонъ, гусь и серпъ луны; тѣ же эмблемы мы находимъ и на шотландскихъ камняхъ“. Встрѣчая столь характерныя эмблемы въ странахъ, настолько отдаленныхъ одна отъ другой, какъ Цейлонъ и Шотландія, и зная, что въ послѣдней изъ этихъ странъ слоны не существовали, по крайней мѣрѣ, въ историческомъ періодѣ, мы стелбиваемся съ любопытнымъ вопросомъ—какимъ образомъ суевѣрія Азіи могли проложить себѣ путь въ страну неизвѣстную и варварскую, какою должна была быть Шотландія въ томъ періодѣ, когда могли быть поставлены эти шотландскіе камни. Едва ли можно сомнѣваться, что между этими отдаленными странами существовало прямое общеніе, такъ какъ невѣроятно, чтобы тѣ же символы могли возникнуть самостоятельно въ двухъ странахъ, ничѣмъ не связанныхъ между собою, и въ одной изъ которыхъ слонъ былъ совершенно неизвѣстенъ.

Предположеніе, что суевѣрное почитаніе гуся возникло среди какого-либо туранскаго народа, для котораго онъ былъ „тотемомъ“ (покровительствующимъ животнымъ, изображеніе котораго служило племеннымъ знакомъ), получаетъ подтвержденіе, когда мы видимъ, что оно свойственно туранской расѣ въ Азіи. Повидимому, онъ былъ тѣсно связанъ съ змѣинымъ мифомъ и съ ученіемъ о „міровомъ яйцѣ“, но почитаніе гуся не имѣло такого всемірнаго распространенія, какъ почитаніе змѣи. Быть можетъ, гусь былъ тотемомъ какого-нибудь древняго, могущественнаго туранскаго племени, слившагося съ нѣкоторыми „змѣиными“ племенами, но не былъ повсюду необходимымъ дополненіемъ змѣи. Гдѣ бы ни являлась эмблема этой священной птицы, она всегда служитъ эмблемой древнѣйшихъ боговъ, имѣющихъ восточное и до-арійское происхожденіе; такъ, въ Греціи, и впослѣдствіи въ Римѣ, мы находимъ ее среди символовъ Геры и Юноны, богини, всѣ атрибуты которой исходятъ съ Востока и о которой часто говорится, какъ о первородной дочери Кроноса или Сатурна, слѣдовательно, имѣющей старшинство передъ Юпитеромъ.

Муръ указываетъ, что эмблемой Браммы былъ гусь или лебедь; здѣсь мы видимъ арійскій мифъ, привитый къ туранскому стволу. Гусь, безъ сомнѣнія, былъ первоначальнымъ символомъ, какъ это свидѣлствуютъ древніе памятники Индіи, Цейлона и Британіи; но арійцы превратили гуся въ болѣе граціознаго лебедя сѣверныхъ странъ; поэтому гусь исчезаетъ изъ легендъ или становится предметомъ презрѣнія, и всѣ позднѣйшія легенды группируются около лебедя, который становится птицей таинственной и романтической, между тѣмъ какъ гусь является типомъ глупца. Впрочемъ, оригинальный примѣръ переживанія стариннаго вѣрованія мы можемъ видѣть въ легендѣ, будто первые крестоносцы шли въ битву подъ предводительствомъ гуся и козы. Легенды о лебедѣ, по большей части, ведутъ свое начало съ сѣвера, родины лебедя, но существуетъ индійскій мифъ объ Апсарахъ, или двѣхъ-лебедяхъ, которыя считаются олицетвореніемъ кучевыхъ облаковъ.

Сарасвати, супруга Браммы, изображается иногда сидящею на *павлинѣ*, который, на ряду съ гусемъ, играетъ видную роль въ преданіяхъ востока. Павлинъ служитъ въ Индіи эмблемой Картики, индійскаго Марса, втораго сына Браммы и Сарасвати, о которомъ легенда рассказываетъ, что онъ „произошелъ изъ средняго глаза Сивы, чтобы уничтожить испо-

лина Сурапарпму, котораго онъ разрубилъ надвое; разрубанное чудовище приняло форму павлина и пѣтуха; первый долженъ былъ носить на себѣ побѣдителя, а послѣдній служить эмблемой на его знамени. Связь между павлиномъ и гусемъ выражена въ баснѣ; до сихъ поръ рассказываемой на Цейлонѣ. „Царственный ганза собралъ своихъ подданныхъ на обширной равнинѣ, чтобы дочь его могла изъ нихъ выбрать себѣ супруга. Она выбрала павлина, но тщеславная птица возгордилась, распустила свой хвостъ и выказывала его съ такимъ хвастовствомъ, что возбудила отвращеніе въ царѣ, который не согласился выдать за него дочь“.

Покозь, въ своемъ сочиненіи „Индія въ Греціи“, гдѣ указывается связь между индійскими и греческими мѣами, говоритъ, что павлинъ былъ любимой эмблемой воиновъ народа Раджпута въ Индіи; онъ былъ посвященъ ихъ богу войны, также какъ и Юнонѣ, его матери на Западѣ. Павлинье перо до сихъ поръ считается военной эмблемой въ Китаѣ и Японіи, и вѣра изъ павлиньихъ перьевъ носятъ въ процессіяхъ передъ восточными монархами; ихъ носятъ и передъ римскими папами. Герфъ или Юнонѣ были одинаково посвящены и гусь, и павлинъ; это указываетъ не только ея восточное и до-арійское происхожденіе, но и отождествляетъ ее съ Сарасвати, супругой Брами, атрибуты которой въ греческой и римской мѣологии были, повидимому, подѣлены между Юноной и Минервой. Стоглазый Аргусъ, бдительный посолъ Юноны, глаза котораго она перемѣстила на павлина, представляетъ черты близкаго сходства съ индійскимъ Индрой, бдительнымъ стражемъ неба, властителемъ вѣтровъ, который всегда изображается усѣянными глазами. Слѣдуетъ отмѣтить еще, что нѣкоторую связь съ атмосферными явленіями имѣла и Юнона, такъ какъ постоянной спутницей ея была радуга.

Весьма странно, что птицею, посвященною Минервѣ, была сова, которая во всемъ мірѣ считалась зловѣщей птицей; до настоящаго времени въ Индіи, если сова сядетъ на хижину туземца, хижина сжигается или разбирается, какъ оскверненная. Въ индійскомъ зодіакѣ безголовый Рагу, представляющій хвостъ дракона, возсѣдаетъ на бурой совѣ. Она часто изображалась на египетскихъ іероглифахъ, хотя, повидимому, не принадлежала къ числу священныхъ животныхъ. Быть можетъ, птицею, посвященною Минервѣ, первоначально была вукушва, которая имѣетъ постоянную связь съ гаданіями и предвѣщаніями и была одною изъ птицъ, посвященныхъ

Юнонѣ; мы основываемъ это предположеніе на томъ, что Аѳинѣ или Минервѣ приписывается обученіе человѣчества полезнымъ искусствамъ, въ особенности земледѣлію; если наша теорія, изложенная въ статьѣ о происхожденіи обработки металловъ, вѣрна, тогда змѣя, будучи одною изъ эмблемъ Минервы, связываетъ ее съ первобытной „змѣиной“ расой, открывшей обработку металловъ. Мы знаемъ, что, даже въ настоящее время, въ нѣкоторыхъ частяхъ Германіи, крикъ кукушки считается указателемъ мѣстонахожденія руды; о нѣкоторыхъ растеніяхъ, кукушкиныхъ слезкахъ и др., называющихся ея именемъ, существуетъ повѣрье, что онѣ растутъ особенно роскошно на тѣхъ мѣстахъ, подъ которыми въ глубинѣ земли въ изобиліи находятся металлы. Впрочемъ, открытыя д-ромъ Шлиманомъ, на предполагаемомъ мѣстѣ расположенія древней Трои, божества съ совиной головой, могутъ свидѣтельствовать, что птицею Минервы была дѣйствительно сова, которая связывалась съ восходящимъ солнцемъ. Какъ предполагаетъ Бринтонъ (въ своей книгѣ „Міонъ Новаго Свѣта“), совѣ было приписано качество мудрости, потому что она трудится въ то время, когда другіе спятъ.

Одною изъ самыхъ знаменитыхъ міеологическихъ птицъ восточнаго происхожденія былъ *фениксъ*. Филостратъ говорить, что фениксъ прилеталъ изъ Индіи въ Египетъ и что, передъ тѣмъ, какъ сжегъ себя, онъ поетъ предсмертный гимнъ; это напоминаетъ сказаніе о предсмертной пѣснѣ лебедя, который въ нѣкоторыхъ преданіяхъ связывается съ фениксомъ. Слѣды легенды о фениксѣ можно прослѣдить въ Китаѣ, гдѣ онъ называется „фонгъ-гоангъ“ — птицей благополучія и предвѣстникомъ золотого вѣка; но эта легенда наибольшей извѣстностью пользовалась въ Египтѣ. Ингрэмъ слѣдующимъ образомъ излагаетъ ее: „Фениксъ, будучи единственнымъ въ свѣтѣ, прилетаетъ съ Востока чрезъ 651 годъ, причемъ другія птицы сопровождаютъ его. Онъ достигаетъ Геліополиса, города солнца, около времени весенняго равноденствія, и тамъ сжигаетъ себя на крышѣ храма въ огнѣ солнечныхъ лучей, отражающихся отъ золотого щита. Когда онъ уже превратится въ пепель, на этомъ мѣстѣ появляется яйцо; отъ жара, который сжегъ родителя, оно мгновенно оживляется, и изъ него выходитъ тотъ же фениксъ, въ полномъ опереніи, который улетаетъ съ тѣмъ, чтобы вернуться лишь по истеченіи 651 года. Полагаютъ, что этотъ міеъ относится къ прохожденію планеты Меркурій, которая, однажды

втеченіи 651 года вступаетъ въ пламя солнца, приблизительно въ тотъ же день года“ *). Не можетъ быть сомнѣнія, что подъ аллегоріей феникса скрывается каковой-нибудь астрономическій фактъ, но, по нашему мнѣнію, фениксъ скорѣе можетъ быть символомъ вѣрованія древнихъ астрономовъ въ уничтоженіе міра огнемъ и въ воссозданіе его послѣ извѣстныхъ продолжительныхъ періодовъ.

Вѣроятно, самую священною изъ всѣхъ птицъ Египта былъ *ястребъ*, эмблема Ра, солнца, которое часто изображается въ видѣ человѣка съ ястребиной головой, надъ которой находится солнечный шаръ или дискъ. Кнефъ, великій богъ египтянъ, представляется въ видѣ змѣи съ головою ястреба. По словамъ Порфирія, „ястребъ былъ посвященъ солнцу, какъ символъ свѣта и духа, вслѣдствіе быстроты его движеній и способности подниматься въ высшія сферы воздуха. Старинная „Всемирная Исторія“ рассказываетъ, что „ястребъ былъ обожаемъ потому, что одна изъ этихъ птицъ въ древнія времена принесла жрецамъ Оивъ книгу, перевязанную красной ниткой и содержавшую описаніе обрядовъ и церемоній, которые должны быть соблюдаемы при поклоненіи богамъ; вслѣдствіе того священные писцы носили на головѣ красную нитку съ перомъ ястреба“. Въ Персіи ястребъ служилъ эмблемою Ормузда.

Такъ же, какъ ястребъ былъ эмблемою Ра, мужского божества солнца, и Амунъ-ра, являющагося въ египетской мифологіи въ качествѣ царя и отца боговъ, *коршунъ* сдѣлался эмблемою женскихъ божествъ, связанныхъ съ солнцемъ, вѣроятно, вслѣдствіе повѣрья, что всѣ коршуны женскаго пола. Такъ, коршунъ былъ эмблемой прародительницы Маутъ и Нейтъ, египетской Минервы; въ видѣ головного украшенія, его носили царицы, какъ и теперь, подобную птицу носятъ знатныя женщины въ Китаѣ. Коршунъ весьма часто встрѣчается въ египетскихъ іероглифахъ; среди предметовъ, найденныхъ въ курганѣ, въ окрестностяхъ Астрабада, древней Гиркании, въ Парсіи, находилась золотая лампа удлиненной формы, въ 70 унцъ вѣсомъ, очевидно, предназначавшаяся для религиозныхъ обрядовъ, съ изображеніемъ кавказскаго коршуна, игравшаго роль священнаго символа. Коршунъ былъ одною изъ главныхъ птицъ, служившихъ для гаданія этрускамъ, и игралъ такую же роль въ Римѣ; каждый припомнитъ

*) Періодъ появленія феникса измѣняется отъ 800 до 1461 года, согласно различнымъ авторамъ.

рѣшеніе соперничества между Ромуломъ и Ремомъ посредствомъ полета коршуновъ. Ремъ первый замѣтилъ шесть коршуновъ и потребовалъ рѣшенія въ свою пользу, но, тотчасъ же послѣ того, Ромулъ увидалъ двѣнадцать, что было признано побѣдою для него.

Къ числу наиболѣе распространенныхъ миеологическихъ птицъ принадлежитъ *пѣтухъ*. Въ Индіи онъ посвященъ Парвати, супругѣ Сивы. Въ Египтѣ онъ былъ однимъ изъ символовъ Озириса, и мы знаемъ, что древніе почитали его, какъ эмблему храбрости и любви; на щитѣ Идоменея, около храма въ Агригентѣ, пѣтухъ является въ качествѣ символа солнца. Въ Греціи и Римѣ онъ былъ посвященъ Марсу, Аполлону и Эскулапу, а также считался національною эмблемою кельтовъ, какъ и нынѣшнихъ французовъ. Съ удивленіемъ мы видимъ, что пѣтухъ занималъ видное мѣсто среди мексиканскихъ изваяній. Въ Этруріи онъ, повидимому, служилъ погребальной эмблемой, такъ какъ мы находимъ его на многихъ урнахъ. Въ „Древнихъ расахъ Шотландіи“, Лесли указываетъ, что пѣтухъ былъ обычною жертвою, какая приносилась солнцу. Въ Шотландіи сожженіе живого пѣтуха предписывалось, какъ лекарство отъ умственного расстройства; даже въ позднѣйшее время то же лекарство назначалось отъ падучей болѣзни. И вѣдьмы обвинялись, между прочимъ, въ томъ, что приносили въ жертву пѣтуховъ. Ихъ до сихъ поръ приносятъ въ жертву въ Индіи, когда свирѣпствуютъ холера или оспа; парсы, когда человѣкъ умираетъ, приносятъ въ жертву пѣтуха и собаку для того, чтобы первый воспринялъ добрую часть души, а послѣдняя—злую.

Саль, въ своемъ предисловіи къ „Корану“, утверждаетъ, что идолопоклонство арабовъ, предшествовавшее исламу, состояло преимущественно въ поклоненіи неподвижнымъ звѣздамъ и планетамъ, причемъ они приносили въ жертву пѣтуховъ. Лейердъ описываетъ драгоценный камень, найденный въ Вавилонѣ, на которомъ вырѣзана фигура крылатого жреца или божества, стоящаго въ молитвенномъ положеніи передъ пѣтухомъ на алтарѣ, съ серпомъ луны надъ этой группой. Онъ описываетъ также идола іезидовъ, по имени Мелеъ-Таусъ, который былъ грубою фигурою птицы, похожею на пѣтуха, на подставкѣ изъ мѣди.

Почитаніе *голубя*, какъ священной птицы, имѣло свое начало и наибольшее распространеніе у семитическихъ расъ. Мы знаемъ, что ни голуби, ни горлицы не были священными

птицами въ Египтѣ, и не находимъ ихъ изображеній на грубыхъ каменныхъ памятникахъ древнѣйшаго времени, также какъ и среди мексиканскихъ изваяній. Голубь часто является на этрусскихъ гробницахъ; по словамъ Денниса, предполагають не безъ основанія, что души умершихъ иногда символизировались на памятникахъ въ видѣ птицъ, въ особенности голубей. Легенда рассказываетъ о Семирамидѣ, что она была дочерью богини—рыбы, была брошена своею матерью и чудеснымъ образомъ спасена голубями; послѣ долгаго и славнаго царствованія въ Вавилонѣ, она исчезла, улетѣвъ на небо, въ видѣ голубки. Въ этомъ сказаніи мы видимъ связь между душою и птицей, свойственную многимъ расамъ.

Въ предъидущей статьѣ мы уже говорили о міровомъ яйцѣ, появленіе котораго въ индійской мифологіи приписывается Брамѣ. Въ китайскихъ легендахъ земляное яйцо носится по волнамъ, пока не разрастается въ материкъ. Въ Калевалѣ, финскомъ эпосѣ, орелъ, плавая по волнамъ, высидѣлъ землю. Но, гдѣ бы ни встрѣчались эти легенды о міровомъ яйцѣ, ихъ можно прослѣдить до древнихъ туранскихъ сказаній о происхожденіи міра, по которымъ міръ имѣетъ форму яйца и появился изъ воды. Въ древнія времена яйца вѣшались во многихъ храмахъ, а по нѣкоторымъ свидѣтельствамъ и теперь еще вѣшаются въ мечетяхъ. Страусовыя и куриныя яйца попадаютъ въ этрусскихъ гробницахъ, иногда раскрашенныя или рѣзныя, а иногда, въ видѣ подражанія, изъ глины; такимъ образомъ, почитаніе яицъ восходитъ до древнихъ туранскихъ расъ, у которыхъ они считались источникомъ и началомъ всего существующаго.

Переходя къ орлу, царю птицъ, мы уже постепенно выступаемъ изъ мрака мифологіи. Мы видѣли, что ястребъ почитался въ Египтѣ, какъ эмблема Озириса и др. солнечныхъ божествъ; въ Индіи онъ былъ эмблемою Вишну-хранителя. Въ этой послѣдней странѣ мы яснѣе можемъ прослѣдить процессъ, какимъ ястребъ, почитаемый туранскими расами, превратился въ орла, которому арійцы повсюду отдавали предпочтеніе. Гаруда, орелъ Вишну, изображался въ изваяніяхъ и рисункахъ въ видѣ человѣка съ крючковатымъ носомъ и орлиными крыльями и лапами; даже тогда, когда онъ несетъ Вишну на своихъ плечахъ, онъ все еще крылатый человѣкъ. Легко представить себѣ, что арійцы, придя изъ сѣверной страны, гдѣ орлы водились во множествѣ, скоро превратили ястреба, почитавшагося туземцами, въ болѣе зна-

комую имъ и болѣе сильную птицу ихъ родныхъ утесовъ; вслѣдствіе того, носителемъ Кришны, позднѣйшаго воплощенія Вишну, является уже не Гаруда, полу-человѣкъ, полу-птица, а настоящій орелъ. Въ формѣ Гаруды, онъ извѣстенъ, какъ истребитель змѣй; легендарная антипатія орла къ змѣямъ встрѣчается и во многихъ другихъ странахъ, какъ, напр., въ Скандинавіи, гдѣ бѣлка вызываетъ ссору между змѣей, подгрызающей корни дерева Иггдразила, и орломъ, сидящимъ на его вѣтвяхъ. Тотъ же характеръ приписывается орлу въ Мексикѣ: на ея нынѣшнемъ гербѣ изображена эта птица держащей въ клювъ змѣю. Тотъ же широко распространенный мифъ мы встрѣчаемъ въ Греціи и Римѣ, гдѣ Зевсъ или Юпитеръ, специальной эмблемой котораго былъ орелъ, ведетъ побѣдоносную войну съ титонами—змѣиными боже-ствами. Вражда между орломъ и змѣей представлена и въ египетской мифологіи, гдѣ Горусъ пронзаетъ гигантскаго змѣя Апофиса, съ тѣмъ различіемъ, что у Горуса ястребиная голова.

Слѣдя за распространеніемъ этого мифа во всѣхъ странахъ, мы можемъ видѣть въ немъ, какъ намъ кажется, воспроизведеніе завоеванія коренныхъ или туземныхъ племенъ высшими, по большей части, аріійскими расами. Змѣя была несомнѣннымъ символомъ туранскаго или монгольскаго народа и повсюду служила эмблемой мѣстныхъ жителей, сыновъ почвы, какими ихъ считала раса завоевателей, хотя, во многихъ случаяхъ, и они, вѣроятно, были переселенцами, пионерами туранской цивилизаціи. Эта цивилизація, какъ можно заключить изъ всѣхъ существующихъ преданій и памятниковъ, была разнесена большими или малыми группами эмигрантовъ изъ центральной Азіи по обширной части міра. Повсюду, куда они проникали, они вводили поклоненіе солнцу, вмѣстѣ съ поклоненіемъ умершимъ предкамъ, съ сказаніями о змѣѣ и мировомъ яйцѣ, первичными свѣдѣніями по обработкѣ металловъ, астрономіи, первобытной архитектурѣ и построеніи валовъ и кургановъ, изъ которыхъ впоследствии развились пирамиды.

Быть можетъ, болѣе тщательное и глубокое изслѣдованіе этого предмета поможетъ намъ современемъ приблизительно установить эпохи этихъ древнихъ переселеній, происходившихъ, безъ сомнѣнія, въ доисторическія времена, и опредѣлить страны, откуда исходили эти переселенія. Какъ намъ кажется, при такихъ опредѣленіяхъ, языкъ могъ бы послужить лишь весьма невѣрной путеводной нитью; если мы до-

пустимъ, какъ это, вѣроятно, и бывало, что небольшая кучка людей заносилась противъ воли, какими-либо морскими течениями, въ незнамому берегу, то эти люди, попадая къ дикарямъ, могли быть сочтены ими за боговъ въ человѣческой формѣ и могли передать дикарямъ свою высшую цивилизацію; но они никакъ не могли распространить свой языкъ среди нихъ. Напротивъ, они должны были сами усвоить языкъ большинства и, будучи малочисленны, должны были такъ слиться съ туземцами, что отъ пришельцевъ сохранилось только преданіе и несокрушимыя свидѣтельства ихъ связи съ древнимъ азиатскимъ міромъ, какія сохраняются въ памятникахъ, легендахъ и характерныхъ обычаяхъ. Эти ненамѣренныя переселенія могли совершаться множество разъ въ исторіи міра, въ различныя эпохи и изъ различныхъ странъ; ими объясняются нѣкоторыя стороны цивилизаціи Перу, Мексики и др. странъ Америки, которыя, не находясь, повидимому, въ сношеніяхъ между собой, представляютъ, вмѣстѣ съ замѣчательными различіями, и нѣкоторыя сходныя черты.

Взглядъ на карту морскихъ теченій можетъ показать намъ, что утлое судно можетъ быть подхвачено ими отъ береговъ Азіи и перенесено къ американскому берегу, именно въ тѣ мѣста, гдѣ оказываются наиболѣе опредѣленные слѣды азиатской цивилизаціи. Одною изъ многихъ нитей этого изслѣдованія могутъ послужить нѣкоторыя міеологическія птицы, которыя, какъ мы старались показать, составляютъ исключительную принадлежность извѣстныхъ расъ. Вездѣ, гдѣ мы находимъ преданіе о змѣѣ и, вмѣстѣ съ тѣмъ, о первичномъ яйцѣ, мы находимъ обыкновеннаго гуся, лебедя или ястреба, которымъ поклонялись, какъ эмблемѣ главнаго божества; этотъ гусь или ястребъ часто смѣшивается или отождествляется съ фениксомъ, который, повидимому, соединяетъ въ себѣ форму и опереніе ястреба, гуся и павлина, почитавшихся туранскими расами.

Было ли божество съ орлиной головой, часто встрѣчающееся въ ассирійскихъ изваяніяхъ, преобразованнымъ туранскимъ ястребомъ, или оно было первоначальной формой, отъ которой произошелъ арійскій орель, мы опредѣлить не можемъ; мы склонны однако думать, что сперва это былъ ястребъ, превратившійся впоследствии, подъ влияніемъ арійцевъ, въ орла, какъ это было съ Гарудой въ Индіи. Въ Персіи голубь былъ эмблемой Миеры, солнечнаго бога, но мы находимъ, что орель считался тамъ царственной птицей, эмблемой Ормузда.

Признавая орла, по преимуществу, птицей арійцевъ, мы должны отмѣтить двѣ или три особенности въ его исторіи. Прежде всего онъ является всегда эмблемой болѣе юныхъ, но и болѣе могучихъ божествъ, побѣдившихъ или вытѣснившихъ старыхъ боговъ; такъ, въ Индіи онъ былъ эмблемою Кришны, послѣдняго воплощенія Вишну. Въ Греціи и Римѣ онъ былъ главной эмблемой Зевса и Юпитера, болѣе молодыхъ божествъ, низвергнувшихъ Кроноса и Сатурна и воцарившихся на ихъ мѣстѣ. Онъ не стоялъ ни въ какой связи съ великимъ мировымъ яйцомъ, игравшимъ такую видную роль въ туранской мѣологіи; другою, еще болѣе характерной, особенностью этой птицы была его рѣзко выраженная вражда съ змѣей, выступающая въ его индійскомъ имени (нагъ-антика, истребитель змѣй), вражда, которая, по нашему мнѣнію, служитъ символомъ вражды расъ и означаетъ покореніе древнихъ туранскихъ змѣепоклонниковъ арійскими завоевателями.

Относительно феникса, этой загадки древняго міра, Тэйлоръ приводитъ китайскую легенду, разъясняющую, повидимому, происхожденіе этого мѣа. „Одинъ великій мудрецъ отправился однажды на прогулку за предѣлы луны и солнца; онъ увидалъ дерево, а на деревѣ—птицу, которая клевала его, причемъ вылеталъ огонь; изумленный мудрецъ взялъ вѣтвь и получилъ изъ нея огонь“. Фениксъ, безъ сомнѣнія, есть огненная птица. Прилетая съ Востока, онъ приноситъ себя въ жертву, сгорая на храмѣ солнца въ Гелиополисѣ, причемъ изъ его пепла выходитъ яйцо, изъ котораго выползаетъ червякъ, быстро развивающійся въ молодого феникса и т. д. По другому варианту, новорожденный фениксъ беретъ шаръ изъ мирры (смола благовоннаго дерева), равный по вѣсу тѣлу его родителя, выдалбливаетъ этотъ шаръ, кладетъ въ него останки и летитъ съ этимъ мировымъ яйцомъ въ Гелиополисъ, гдѣ сжигаетъ его въ огнѣ. Замѣчательно, что въ этой легендѣ соединяются начала всѣхъ религій, господствовавшихъ въ до-арійскомъ мірѣ. Мы видимъ въ ней поклоненіе солнцу и огненную жертву великому божеству; мы видимъ въ ней яйцо и червя или змѣю, пользовавшуюся столь высокимъ почитаніемъ въ древнемъ мірѣ, и можемъ прослѣдить также почитаніе предковъ, столь характерное для туранскихъ расъ, выступающее въ заботливости, съ какою молодой фениксъ облекаетъ тѣло родителя миррой и переноситъ его въ храмъ солнца. Возможно, что отъ феникса исходитъ Гаруда, изображавшійся на половину человѣкомъ, на по-

ловину птицѣй, иногда съ краснымъ гребнемъ и клювомъ, и въ красной одеждѣ; перья на крыльяхъ и хвостѣ были голубого и зеленаго цвѣта; лицо и лапы также были зелеными. Любопытно, что иногда онъ изображался двуглавымъ. Быть можетъ, фениксъ имѣлъ нѣкоторую связь и съ древнимъ мексиканскимъ божествомъ Кветцалькоатлемъ, имя котораго означаетъ „змѣя съ зелеными перьями“, и который часто изображался въ видѣ человѣка съ зелеными перьями и птичьимъ хвостомъ. Несомнѣнно, что среди египетскихъ изваяній фениксъ иногда представляется въ видѣ крылатаго человѣка съ пучкомъ перьевъ на головѣ.

Повидимому, у арійскихъ народовъ пѣтухъ былъ въ нѣкоторомъ смыслѣ наслѣдникомъ феникса, представителемъ солнечныхъ боговъ Греціи и Рима. Весьма естественно, что птица избиралась представителемъ воздушныхъ явленій; но, когда мы находимъ миѳъ о фениксѣ въ странахъ, отдаленныхъ одна отъ другой, въ связи съ огнемъ, мы невольно склоняемся къ убѣжденію, что эти страны, тѣмъ или инымъ путемъ, получили этотъ древній миѳъ изъ какого-нибудь общаго источника. Намъ думается также, что онъ имѣлъ отношеніе къ древнѣйшему открытію огня, которое, судя по намекамъ китайской легенды, совершилось, благодаря искрамъ, вылетающимъ изъ-подъ клюва птицы, ударявшей имъ по какому-нибудь сухому дереву. Эта птица могла быть однимъ изъ ярко окрашенныхъ дятловъ, котораго впоследствии фантазія превратила въ великолѣпнаго феникса и измѣняла сообразно странѣ, гдѣ появился этотъ миѳъ, то въ гуся, то въ вдрона, то въ орла, и т. п. Измѣняясь въ формѣ, эти птицы сохраняли въ себѣ черты первоначальнаго феникса: ихъ вездѣ связывали съ солнцемъ или съ солнечнымъ богомъ, съ его молніей и громомъ.

VI.

Пути доисторической культуры.

Слѣды торговыхъ сношеній между различными народами Европы и Азіи въ доисторическія времена должны одинаково интересовать и антрополога, и археолога, и этнографа; еслибы возможно было опредѣлить размѣры этой торговли и пути, какими она направлялась, тогда разъяснилось бы для насъ многое, что остается неяснымъ въ написанной исторіи человѣчества; тогда стало бы очевиднымъ, что измѣненія физическаго типа, языка, религіи, нравовъ и обычаевъ, преданій

и искусство во многих случаях произошли отъ продолжительнаго общенія между варварскими и цивилизованными или полудивицизованными расами. За отсутствіемъ писанной исторіи, это общеніе возможно прослѣдить лишь съ помощью легендъ или указаній, открываемыхъ въ гробницахъ, въ кучахъ отбросовъ, въ остаткахъ давно погребенныхъ городовъ, разрушенныхъ рукою времени, внезапнымъ естественнымъ бѣдствіемъ или нашествіемъ непріятелей; при этомъ является знаменательнымъ фактомъ, что, въ большинствѣ случаевъ, остатки, выносимые на поверхность земли заступомъ археологическаго изслѣдователя, въ поразительной степени подтверждаютъ легенды, переходившія изъ устъ въ уста съ незапамятныхъ временъ.

Какъ наглядный примѣръ сказаннаго выше, мы укажемъ три золотыя чаши, изъ которыхъ одна, нѣсколько лѣтъ тому назадъ была открыта въ Корнвалисѣ, другая найдена Шлиманомъ, при раскопкахъ его въ Микенахъ, а третья — въ некрополѣ (усыпальницѣ) древнихъ Тарквиніевъ. Форма корнвалійской чаши запечатлѣлась въ нашей памяти, и мы были весьма удивлены, когда увидѣли почти полное повтореніе ея въ музеѣ Корнето (въ Италіи), гдѣ она находилась въ числѣ предметовъ, найденныхъ на владбищѣ древняго этрусскаго города Тарквиніевъ; даже изогнутая ручка была одинакова у обѣихъ. Третья чаша, найденная Шлиманомъ въ Микенахъ, нѣсколько отличается по формѣ отъ предыдущихъ, но несомнѣнно принадлежитъ къ тому же типу: всѣ онѣ были выдѣланы изъ тонкой золотой пластинки, которая выбивалась по рельефной модели изъ дерева, камня, а можетъ быть, и бронзы; ручка была уже припаяна отдѣльно. Нѣсколько другихъ предметовъ того же стилиа и почти того же узора находятся въ настоящее время въ Британскомъ музеѣ; одинъ изъ нихъ — золотой браслетъ, былъ найденъ въ Линкольншэйрѣ, а другой — золотое шейное украшеніе, въ Флинтшэйрѣ. Френксъ указалъ еще золотыя украшенія, называемыя „луночками“ (lunulae), вслѣдствіе своего сходства съ рогомъ луны, той же работы, какъ и упомянутыя чаша и браслетъ. Большинство этихъ предметовъ, въ формѣ полумѣсяца, были найдены въ Ирландіи; два, подобныхъ имъ — въ Шотландіи, во французской Бретани и въ Даніи; такія же украшенія были извлечены и изъ некрополя Тарквиніевъ. Другія золотыя украшенія, которыя употреблялись, вѣроятно, въ качествѣ пуговицъ или застежекъ, встрѣчаются въ томъ же видѣ въ Ирландіи и, въ уменьшенномъ видѣ, въ музеѣ Корнето.

Въ виду близкаго подобія, иногда даже полнаго тождества между доисторическими предметами изъ золота и бронзы, находимыми съ одной стороны въ Ирландіи и Корнвалисѣ, а съ другой въ Этруріи и Греціи, мы не можемъ признать это часто повторяющееся сходство случайнымъ и становимся лицомъ къ лицу съ любопытнымъ вопросомъ, какимъ образомъ происходило общеніе между названными сѣверными и южными странами? Въ настоящее время принято нѣкоторыя формы орнамента и нѣкоторыя оружія, и каменные, и бронзовые, считать принадлежностью извѣстныхъ ступеней культуры, допуская, что человѣкъ въ первобытное время естественно прибѣгалъ къ извѣстной формѣ каменныхъ орудій, и, что, слѣдовательно, подобные предметы могли быть изобрѣтены независимо во многихъ, если не во всѣхъ странахъ, гдѣ они встрѣчаются. Иногда такъ дѣйствительно и было, въ особенности съ простѣйшими орудіями и орнаментами, но мы полагаемъ, что болѣе сложныя формы оружія и украшеній, при переходѣ культуры отъ дикаго къ земледѣльческому состоянію, отъ употребленія камня къ употребленію металловъ, были результатами общенія, которое совершалось путями, до сихъ поръ намъ неизвѣстными но о которомъ одинаково свидѣльствуютъ и языкъ, и нравы, и обычаи, и измѣненія расоваго типа и, наконецъ, остатки того времени, распространенные на широкомъ пространствѣ, но, очевидно, бывшіе дѣломъ одного и того же народа. Едва ли кому придетъ въ голову, чтобы три золотыя чаши и другіе упомянутые предметы могли быть самостоятельно задуманы въ Греціи, Этруріи, Корнвалисѣ и Ирландіи; поэтому намъ предстоитъ объяснить, какимъ образомъ эти предметы, а вмѣстѣ съ ними и другіе, болѣе хрупкіе и уже разрушенные временемъ, переносились изъ одной страны въ другую. Наибольшее изобиліе нѣкоторыхъ изъ упомянутыхъ предметовъ въ Ирландіи, повидимому, указываетъ, что они выдѣлывались въ этой странѣ и оттуда уже распространялись по другимъ отдаленнымъ странамъ, гдѣ ихъ теперь находятъ; но болѣе вѣроятнымъ будетъ предположеніе, что образцы шли съ береговъ Средиземнаго моря и впоследствии воспроизводились ирландскими мастерами изъ мѣстнаго металла. Возможно, что химическій анализъ укажетъ источникъ происхожденія золота этихъ украшеній, такъ какъ извѣстно, что ирландское золото отличалось особенной чистотой. Но едва ли можетъ быть сомнѣніе, что мастера и образцы имѣли

своей первой родиной берега Средиземнаго моря. Д-ръ Шлиманъ, описывая чашу, о которой сказано выше, говорить, что она была сдѣлана по извѣстному греческому образцу, имѣвшему опредѣленное названіе.

Гладстонъ высказалъ мнѣніе, что украшенія, найденныя въ Микенахъ, имѣли иноземное происхожденіе; несомнѣнно, что украшения, подобныя нѣкоторымъ изъ нихъ, можно найти въ Ассиріи; но греки собирали свои художественные запасы изъ многихъ источниковъ, и если нѣкоторые изъ нихъ можно прослѣдить до Ассиріи, то другіе, съ такою же очевидностью, исходятъ изъ Египта *).

Ассирійскія, греческія и египетскія вліянія вполне замѣтны въ Этруріи, но между всѣми этими странами существовалъ не столько обмѣнъ самыхъ предметовъ, сколько обмѣнъ идей, которыя осуществлялись въ каждой странѣ сообразно духу ея народа. Мы видимъ болѣе сходства, чѣмъ тождества; но въ золотыхъ и бронзовыхъ остаткахъ, найденныхъ въ Этруріи и Ирландіи, во многихъ случаяхъ выступаетъ настоящее тождество; поэтому очевидно, что или сами предметы ввозились изъ одной страны въ другую путемъ торговли, или что въ обѣихъ странахъ обиталъ одинъ и тотъ же народъ.

Къ первому предположенію прибѣгаютъ всего чаще, однако, и послѣднее не можетъ быть оставлено безъ вниманія. Ирландскія легенды всегда выводятъ героевъ своей исторіи и основателей своей націи изъ Греціи или какой-либо страны побережья Средиземнаго моря; за этими легендами признается нѣкоторая доля истины, хотя обыкновенно предполагаютъ, что подъ именемъ „Греціи“ слѣдуетъ разумѣть болѣе близкую страну,—скорѣе всего Испанію. Разсматривая легенды съ точки зрѣнія археологіи, можно считать вѣроятнымъ, что жители побережья Средиземнаго моря, по крайней мѣрѣ, принимали участіе въ различныхъ передвиженіяхъ народовъ, о которыхъ говорятъ преданія. Преданія позволяютъ намъ допустить, что колоніи различнаго происхожденія, въ разныя времена, основывались въ Ирландіи.

---

*) Открытія Флиндерса Петри въ Египтѣ доказываютъ, что ранѣе эпохи Авраама, существовала обширная торговля между названной страной, Греціей и Финикіей; именно, онъ нашелъ въ одной и той же гробницѣ греческія, финикійскія, кипрскія и египетскія гончарныя надѣлія, и, на основаніи сходства ихъ съ такими же надѣліями, найденными Шлиманомъ въ Микенахъ, приблизительною эпоху ихъ изготовленія полагаетъ между 1400 и 1200 гг. до Р. Х.

Иноземцевъ привлекало къ берегамъ этого острова его богатство металлами, золотомъ, оловомъ и мѣдью; не говоря уже о двухъ послѣднихъ металлахъ, извѣстно, что золото отыскивалось въ Ирландіи въ значительныхъ количествахъ. Иноземцами, которые пріѣзжали за нимъ или ради него, могли быть всего скорѣе люди изъ Азіи или Греціи, знакомые съ добываніемъ и обработкой металловъ. Но кто были эти люди? Едва ли можно предположить, чтобы это были какіе-нибудь грубые рудокопы съ Уральскихъ горъ, такъ какъ отъ послѣднихъ нельзя было бы ожидать тонкой работы, выказывающейся въ чашахъ, луночкахъ, браслетахъ и другихъ предметахъ, находимыхъ въ Ирландіи. Въ виду сходства этихъ предметовъ и подобныхъ имъ, находящихся въ музеѣ Корнето, мы считаемъ возможнымъ предположить, что они были дѣломъ этрусковъ, которые образцы ихъ получали отъ грековъ, а послѣдніе—отъ персовъ или, можетъ быть, скивовъ. Это предположеніе поддерживается тѣмъ, что вмѣстѣ съ чашей въ Корнвалисѣ найдены предметы изъ слоновой кости, стеклянныя бусы, глиняныя издѣлія красновато-бураго цвѣта и бронзовый наконечникъ копья, которымъ смѣло можетъ быть приписано этрусское происхожденіе. „Этрусски, — говоритъ д-ръ Берчъ, — были владыками моря и вывозили эмаль изъ Египта, стекло изъ Финикіи, раковины съ Краснаго моря и олово съ береговъ Испаніи или Британіи“. Перевозились ли эти товары исключительно моремъ, или уже въ то отдаленное время существовалъ торговый путь черезъ Европу—рѣшить не легко; но, какъ намъ кажется, тогдашнихъ купцовъ съ ихъ товарами можно прослѣдить въ швейцарскихъ озерныхъ деревняхъ и въ Галліи до береговъ Великобританіи, и оттуда, чрезъ Корнвалисъ и Уэльсъ, до Ирландіи, гдѣ, повидимому, они основывали прочныя поселенія. Во всякомъ случаѣ, суда, огибавшія Испанію и направлявшіяся въ Британію, легко могли быть отнесены бурей или противными вѣтрами къ берегамъ Ирландіи, которые, вслѣдствіе ихъ богатства металлами, потомъ посѣщались вновь и служили мѣстомъ для колоній иноземцевъ, съ цѣлью торговли или эксплуатаціи рудниковъ.

Все сказанное выше ведетъ къ заключенію, что въ доисторическое время существовали торговыя сношенія между жителями береговъ Средиземнаго моря и обитателями Великобританіи и Ирландіи. Мы указываемъ на этрусковъ потому, что обыкновенно доисторическая торговля приписы-

вается финиціанамъ, тогда какъ вліяніе этруссковъ гораздо очевиднѣе вліянія финиціанъ; по крайней мѣрѣ неизвѣстно, чтобы среди предметовъ финиційской торговли находились подобные тѣмъ, какіе мы видѣли одновременно въ Ирландіи и въ некрополѣ Гарвиніевъ. Мы не думаемъ отрицать, что многіе другіе предметы исходили изъ Финиціи, также какъ изъ Греціи и Египта. Вообще, тщательное изученіе доисторической торговли, основанное на сравненіи сходныхъ предметовъ, находимыхъ въ различныхъ странахъ, имѣетъ весьма важное значеніе; оно можетъ освѣтить многіе, пока еще не разрѣшенные, вопросы антропологии и археологии.

Намъ извѣстно теперь, что торговля доисторическаго времени захватывала и Индію. Какъ указалъ Уэльгаузъ, благовонное вещество, называвшееся „olibanum“, исходило изъ Индіи, такъ какъ оно и теперь еще употребляется въ индусскихъ храмахъ. То же доказываютъ отыскиваемые иногда рѣзные аквамарины, которые могутъ исходить только изъ Индіи. Въ европейскихъ музеяхъ можно видѣть весьма древнія рѣзные вещи изъ аквамарина; съ другой стороны, въ южной Индіи, на Малабарскомъ берегу, по близости аквамариновыхъ копей, находятъ римскія вазы; то и другое подтверждаетъ древность сношеній Европы и Индіи.

Начало торговли относится несомнѣнно къ самымъ первымъ временамъ жизни человѣчества; археологи доказываютъ, что уже въ древне-каменномъ вѣкѣ существовали мастерскія для выдѣлки кремневыхъ орудій, которыя, вѣроятно, вымѣнивались ихъ производителями на другіе полезные предметы. Многое заставляетъ насъ думать, что первобытный человѣкъ не былъ лишенъ коммерческихъ инстинктовъ; такъ, онъ предпринималъ далекія странствованія для собиранія предметовъ, имѣвшихъ мѣновую цѣнность, т. е. служившихъ ему денежными знаками; онъ скапливалъ зубы и раковины и изъ послѣднихъ составлялъ ожерелья, между прочимъ, съ цѣлью обмѣна.

Многія украшенія, какъ, напр., янтарь, были въ усиленномъ спросѣ въ самыхъ отдаленныхъ времена. Мы можемъ судить по его качествамъ, изъ какой мѣстности онъ вывозился. Темнокрасный янтарь, встрѣчающійся въ греческихъ и этрусскихъ гробницахъ, вѣроятно, исходитъ изъ Сициліи. Мѣсторожденіе краснаго янтара можно предполагать въ Испаніи и Италіи; но обыкновенный желтый янтарь, употреблявшійся еще въ глубокой древности, могъ получаться только

съ береговъ Балтійскаго моря. Это высокоцѣнившееся вещество, какъ предполагаетъ англійскій археологъ Бойдъ-Даукинсъ, вывозилось съ балтійскихъ береговъ этрусскими. Названный ученый считаетъ возможными для нихъ два пути: 1) по долину Эча, черезъ Бреннерскій проходъ въ долину Инна, съ пересѣченіемъ Дуная у Линца или Пассау, и оттуда, черезъ Богемскія горы, долиною Эльбы, къ янтарнымъ берегамъ Шлезвига и Голштиніи; 2) изъ Триеста чрезъ Лайбахъ, Грацъ и Врукъ, въ Пресбургъ и Бреславль на Нижнюю Вислу и Эльбингъ. Впослѣдствіи тѣми же путями пользовались и римляне. На первомъ изъ этихъ путей видное мѣсто занималъ Гальштадтъ; въ немъ были открыты предметы, сходные съ тѣми, какіе встрѣчаются въ Италіи и какіе этрусски ввозили въ Британію. Бойдъ-Даукинсъ указываетъ и другіе торговые пути, которые проходили черезъ Швейцарію, долину Рейна и различные альпійскіе проходы, а также чрезъ Средиземное море во Францію. Всѣ эти дороги обозначаются, находимыми въ различныхъ мѣстахъ ихъ, украшениями и оружіемъ этрусскаго происхожденія.

Этого мало: археологическія находки позволяютъ намъ предположить, что въ древнѣйшія времена существовали сношенія между восточнымъ и западнымъ полушаріями. Даниэль Уильсонъ допускаетъ возможность переселеній изъ одного полушарія въ другое тремя путями: 1) чрезъ острова Тихаго океана въ Южную Америку, 2) по Атлантическому океану, чрезъ Канарскіе острова, Мадейру и Азорскіе, на Антильскіе острова и въ Среднюю Америку, а также черезъ острова Зеленаго мыса въ Бразилію, и 3) черезъ Беринговъ проливъ и сѣверные Тихоокеанскіе острова къ Мексиканскому плоскогорью. Очевидно, эти переселенія требовали продолжительнаго морскаго путешествія и могли быть предпринимаемы только народами, имѣвшими нѣкоторыя свѣдѣнія въ искусствѣ мореплаванія; поэтому, мы прежде всего должны убѣдиться, насколько туземныя суда Америки могутъ поддержать теорію проф. Уильсона.

Руководясь интересной и поучительной статьей генерала Питтъ-Райверса „О древнѣйшихъ способахъ мореплаванія“, мы находимъ въ Америкѣ прежде всего выдолбленный челнокъ—самое древнее и простое изъ всѣхъ судовъ, распространенное по всему міру и, вѣроятно, игравшее важную роль въ самыхъ раннихъ переселеніяхъ человѣчества, давая ему возможность переправляться черезъ рѣки и не широкія озера;

но въ то же время мы находимъ, что племя вараусовъ въ Гвіанѣ и атовъ въ Сѣверной Америкѣ строятъ свои лодки по образцу бирманскихъ, а жители Огненной земли, занимающіе одну изъ самыхъ низшихъ ступеней лѣстницы цивилизаціи, связываютъ доски ремнями изъ сыромятной кожи также, какъ это дѣлается въ нѣкоторыхъ странахъ Африки и на Полинезійскихъ островахъ. Въ Калифорніи мы видимъ камышевые плоты, напоминающіе египетскіе плоты изъ папируса; но аутригеръ *) столь употребительный на Тихомъ океанѣ, повидимому, не дошелъ до Америки.

Парусныя суда, напоминающія индусскія, были въ употребленіи въ Перу во время завоеванія; одно изъ этихъ судовъ—съ пассажирами обоого пола, съ продовольствіемъ и товарами было встрѣчено испанцами въ открытомъ морѣ, въ великому ихъ удивленію, такъ какъ до тѣхъ поръ они не видали парусныхъ судовъ у береговъ Америки. Изъ этого краткаго очерка мы можемъ видѣть, что искусство мореплаванія сдѣлало нѣкоторые успѣхи въ Америкѣ до испанскаго завоеванія, и что формы судовъ, употреблявшихся тамъ, могутъ быть отнесены къ различнымъ частямъ свѣта.

Обращаясь отъ мореплаванія къ орудіямъ, находившимся въ употребленіи у народовъ Америки до завоеванія, мы опять встрѣчаемся съ фактомъ, что сходственныя съ ними орудія могутъ быть указаны въ различныхъ частяхъ свѣта. Полное перечисленіе ихъ было бы невозможно, но мы остановимся на одномъ или на двухъ орудіяхъ, которыя, благодаря особенностямъ ихъ формы, показались намъ удобными для сравненія. Одно изъ нихъ—топоръ, вѣроятно, металлическій, повидимому, считавшійся священнымъ, такъ какъ въ торжественныхъ случаяхъ онъ находился въ рукахъ царственныхъ лицъ. Онъ назывался „чампи“, имѣлъ длинную рукоятку, и металлическая часть его состояла изъ лезвія на одной сторонѣ и острія на другой. Въ перуанскихъ изваяніяхъ и рисункахъ встрѣчаются фигуры не только съ такимъ топоромъ въ рукахъ, но и съ головнымъ украшеніемъ въ видѣ лезвія сго. Тоже украшеніе мы видимъ у мексиканскаго бога ада. Въ то же время, бронзовые предметы въ Британскомъ музеѣ, называемые „частями ассирійскихъ шлемовъ“, имѣютъ совершенно перуанскую форму, и ту же форму можно видѣть

*) Плавуцій брусокъ, привязываемый съ боку лодки для равновѣсія.
Прим. ред.

на двухъ лошадахъ въ ассирійскихъ изваяніяхъ. Она замѣчается и на нѣкоторыхъ памятникахъ Галикарнасса, находящихся въ Британскомъ музеѣ, и изображена Уилькинсономъ, какъ украшеніе лошадей у персовъ. Топоръ той же формы встрѣчается въ Индіи, и нѣкоторое приближеніе къ ней мы находимъ въ Египтѣ.

Близкое сходство между гончарными издѣліями Перу и такими же издѣліями, открытыми Шлиманомъ въ Гиссарликѣ, поражаютъ каждаго, и часто обращали на себя вниманіе археологовъ; не менѣе странно, что фигура, такъ часто встрѣчающаяся на гиссарликскихъ вазахъ, является въ обратномъ видѣ на рисункахъ мексиканскихъ сосудовъ, считавшихся священными; между тѣмъ, мексиканская форма того же символа оказывается на изваяніяхъ въ скалахъ Шотландіи.

Можно указать не малое число и другихъ примѣровъ тождественности символовъ, бывшихъ въ употребленіи и въ Америкѣ, и въ восточномъ полушаріи. Такъ, въ обоихъ полушаріяхъ одинаково встрѣчается крестъ, и въ простѣйшей, и въ болѣе сложной формѣ. Не говоря уже о символѣ змѣи, повидимому, одинаково часто встрѣчающемся въ Старомъ и Новомъ Свѣтѣ, въ мексиканскихъ изображеніяхъ нерѣдко попадаетъ фигура птицы съ женской головой, близко напоминающая греческую и римскую гарпію. Часто встрѣчается въ обоихъ полушаріяхъ и символъ протянутой руки, пока еще не вполне объясненный.

Переходя отъ формъ и символовъ къ большимъ доисторическимъ памятникамъ Стараго и Новаго Свѣта, мы находимъ еще болѣе поразительныя сходства.

Изъ всѣхъ памятниковъ доисторической Америки, большія земляныя насыпи на берегахъ Огайо и Миссиссипи заслуживаютъ наибольшаго вниманія; гигантскія земляныя постройки, изображающія различныхъ животныхъ, круглыя, четвероугольныя и удлиненныя, вѣроятно, имѣли назначеніе служить какимъ-нибудь мнѳологическимъ цѣлямъ. Ихъ раздѣляли на погребальныя, жертвенныя и наблюдательныя холмы; но, во всякомъ случаѣ, они должны быть дѣломъ солнцепоклонниковъ и имѣютъ несомнѣнное сходство съ сооружениями древнихъ почитателей солнца и змѣи въ Старомъ Свѣтѣ. Очевидно, строители американскихъ кургановъ пришли изъ какихъ-либо южныхъ странъ, потому что курганы иногда изображаютъ животныхъ, не водящихся въ Сѣверной Америкѣ.

При изученіи погребальныхъ обычаевъ американскаго ма-

терика, мы не можем не удивляться ихъ величайшему разнообразію и ихъ тождеству съ обычаями другихъ частей свѣта, — тождеству, распространенному на такія мелкія детали, которыя едва ли могли быть придуманы независимо людьми, раздѣленными такими огромными пространствами. Одну изъ такихъ особенностей мы видимъ въ обычѣ погребать мертвецовъ въ маскахъ, обычѣ, встрѣчающемся, съ одной стороны, на американскомъ материкѣ, а съ другой — въ Египтѣ, Греціи и Этруріи. Другой обычай, заключавшійся въ связываніи трупа такъ, что голова почти пригибалась къ ногамъ, былъ также весьма распространенъ въ глубокой древности; мы видимъ его въ перуанскихъ муміяхъ и на мексиканскихъ рисункахъ, и онъ до сихъ поръ находится въ употребленіи въ Австраліи и на Алеутскихъ островахъ, также какъ и у нѣкоторыхъ племенъ сѣвероамериканскихъ индѣйцевъ.

Можно указать еще два интересныхъ совпаденія, открывающихся въ мѣстахъ погребенія Старога и Новаго Свѣта. Одно изъ нихъ заключается въ четвероугольныхъ отверстіяхъ, продѣланныхъ у основанія нѣкоторыхъ гробницъ. Такое же отверстіе, хотя и круглой формы, встрѣчается не только въ Америкѣ, но и въ Индіи; оно весьма обыкновенно въ доменахъ Великобританіи, Франціи и; быть можетъ, другихъ странъ Европы; въ той же квадратной формѣ, какъ и въ Америкѣ, оно попадаетъ на Кипръ и Сардиніи. Другой странный обычай, вѣроятно, стоящій въ связи съ описаннымъ выше, также былъ распространенъ въ Перу. Онъ состоялъ въ „трепанірованіи“ череповъ, въ продѣлываніи въ нихъ отверстій. Черепа съ вырѣзанными отверстіями встрѣчались не только въ Перу, но и въ вурганахъ Иллинойса. Какъ видно изъ описанія одного изъ череповъ, найденнаго въ названныхъ вурганахъ, на немъ было круглое отверстіе величиной въ небольшую серебрянную монету; отверстіе, очевидно, было сдѣлано еще при жизни, потому что края его уже начинали покрываться рубцами. Это описаніе, заимствованное изъ отчетовъ Смитсоновскаго Института, сходится съ описаніемъ черепа изъ Висконсина, изслѣдованнаго Брока. На темени его замѣчалось круглое вдавленіе около дюйма въ діаметрѣ, безъ всякаго слѣда перелома и безъ соответственнаго утолщенія внутренней части черепа. Это круглое вдавленіе, въ которомъ кость была весьма утончена, можно объяснить только однимъ путемъ, а именно тѣмъ, что оно было сдѣлано задолго до смерти посредствомъ выскабливанія кости, послѣ чего рана

закрылась и выскобленное мѣсто, по своему общему виду, сравнилось съ остальными частями черепа. Повойный Брока показывалъ намъ другой черепъ, въ которомъ онъ видѣлъ такой же примѣръ неполнаго трепанированія и считалъ его остаткомъ прежняго обычая, когда кость прорѣзывалась вполнѣ. Какъ намъ кажется, и прорѣзываніе черепа, и отверстія въ могилахъ имѣли одну и ту же цѣль — доставить душѣ возможность свободнаго выхода. Во всякомъ случаѣ, нельзя не считать крайне важнымъ этнологическимъ фактомъ, что этотъ странный обычай, оставившій свои слѣды на черепахъ новаго каменнаго вѣка въ Европѣ, повторяется и въ Америкѣ.

Подобныя аналогіи между древними и новыми обычаями восточнаго и западнаго полушарія могутъ быть распространены до безконечности, потому что они повсюду попадаются изслѣдователю; но и сказаннаго уже достаточно для допущенія того, что обычай, столь тождественные и встрѣчающіеся на столь обширныхъ пространствахъ, должны были имѣть общее происхожденіе, такъ какъ невозможно предположить, чтобы они могли возникнуть самостоятельно въ столь многихъ и столь различныхъ центрахъ. Американскіе антропологи склоняются по большей части въ пользу мѣстнаго происхожденія американской цивилизаціи; дѣйствительно, памятники Америки достаточно своеобразны, но обширное скопленіе фактовъ невольно ведетъ къ заключенію, что или древніе, доисторическіе культурные народы Америки какимъ-либо таинственнымъ путемъ сообщали свои идеи и обычаи Старому Свѣту, или они должны были получить зародыши этихъ идей и обычаевъ изъ Восточнаго полушарія. Полагаютъ обыкновенно, что доисторическое общеніе совершалось съ Китаемъ или, быть можетъ, съ Индіей, черезъ острова Тихаго океана; развалины обширныхъ древнихъ сооружений, существующія на многихъ изъ этихъ острововъ, очевидно, принадлежавшихъ расѣ, предшествовавшей нынѣшнимъ обитателямъ послѣднихъ, говорятъ въ пользу этой теоріи; но въ тоже время нѣкоторыя обстоятельства, какъ будто, противорѣчатъ ей. Главное опроверженіе ея заключается въ отсутствіи на островахъ Тихаго океана остатковъ глиняныхъ и металлическихъ издѣлій, изготовленіе которыхъ было хорошо знакомо перуанцамъ и мексиканцамъ; впрочемъ, окрестности крупныхъ доисторическихъ построекъ на этихъ островахъ были изслѣдованы слишкомъ недостаточно, чтобы говорить съ твердымъ убѣжденіемъ объ отсутствіи этихъ предметовъ, хотя они и

неизвѣстны ихъ нынѣшнимъ обитателямъ. Возможно, что нѣкоторые изъ обычаевъ и вѣрованій, общихъ для Америки и Азіи, сообщались изъ одной части свѣта въ другую черезъ Тихій океанъ, между тѣмъ какъ искусство обработки металловъ и изготовленіе глиняной посуды проникли въ Америку черезъ Атлантическій океанъ, давая начало многочисленнымъ совпаденіямъ въ религиозныхъ мѣтахъ и погребальныхъ обрядахъ доисторической Европы, Африки и Америки. Тѣмъ не менѣе, не надо забывать, что именно въ Перу, на берегу Тихаго океана гончарное искусство, а также религія и архитектура представляютъ самое близкое сходство съ тѣмъ, что мы видимъ въ древнѣйшихъ странахъ Египта, Западной Азіи, Малой Азіи и Этрурии, а въ другихъ отношеніяхъ они представляютъ большое сродство съ Китаемъ. Мы не будемъ углубляться въ эту трудную и запутанную задачу, но твердо вѣримъ, что дальнѣйшія изслѣдованія принесутъ доказательства того, что въ давнемъ прошломъ, также какъ и въ нынѣшнее время, различные народы появлялись тамъ и здѣсь, иногда въ силу случайнаго переселенія, иногда тѣсными врагами болѣе грубой расы, но всегда перенося съ собою изъ страны въ страну свѣжіе зачатки мысли, которые пересаживались на новую почву и производили растенія, отличавшіяся отъ первоначальныхъ, но всегда сохранявшія „семейное сходство“ съ послѣдними.

НОВЫЯ КНИГИ.

Андерсенъ. Собрание сочиненій, пер. А. и П. Ганзенъ. Т. I, вып. I, II, стр. 256. Спбургъ. 1894 г.

Андерсенъ началъ писать въ концѣ двадцатыхъ годовъ, онъ принадлежитъ къ тѣмъ предвозвѣстникамъ новой эры въ Скандинавіи, которые подготовили ея самостоятельное національное развитіе; вмѣсто прежняго слѣпого подражанія нѣмецкимъ образцамъ, Андерсенъ вмѣстѣ съ Эленшлегеромъ и нѣкоторыми другими обратились къ національнымъ сюжетамъ, выработали сильный, полный жизни и непосредственной поэзіи языкъ, замѣнившій блѣдный стиль подражательнаго періода.

Какъ извѣстно, писательская дѣятельность создала Андерсену большее имя еще до появленія его сказокъ: вышедшіе раньше сборники стиховъ, описанія многочисленныхъ совершенныхъ имъ путешествій по Европѣ, романъ «Импровизаторъ» обратили на себя вниманіе европейской критики и сдѣлались предметомъ самыхъ лестныхъ отзывовъ за границей; только на своей родинѣ Андерсенъ долго страдалъ отъ упорнаго и непонятнаго недоброжелательства своихъ собратій по литературѣ. Необычайный успѣхъ сказокъ, появившихся нѣсколькими отдѣльными сборниками, поборогъ, однако, это враждебное отношеніе и, какъ видно изъ автобіографіи Андерсена («Сказка моей жизни»), онъ провелъ послѣднія тридцать лѣтъ своей жизни тихо и безоблачно, пользуясь вполне заслуженной славой.

Русскій переводчикъ Андерсена началъ полное изданіе произведеній датскаго поэта съ его сказокъ, которыя, дѣйствительно, составляютъ центръ его творчества. Въ области лирической поэзіи и романа Андерсенъ является талантливымъ представителемъ общаго литературнаго движенія, къ которому онъ принадлежалъ; но своими сказками онъ создалъ новый жанръ, въ которомъ не было у него ни предшественниковъ, ни преемниковъ. Наивная форма его рассказовъ послужила поводомъ къ тому, что Андер-

сень зачисленъ былъ въ дѣтскіе писатели — совершенно противъ его желанія; когда выставлены были еще при жизни Андерсена проекты памятника ему, Андерсенъ сильно протестовалъ противъ того, что его изображали окруженнымъ группой дѣтей. Сказка, фантастическое изображеніе человѣческой жизни, была для Андерсена лишь соответствующей его непосредственному наивному темпераменту формой, въ которую отливалась его душевная жизнь, его идеалистическое міросозерцаніе, отгѣненное нѣкоторой грустью, и его поэтическое чутье. Сказки его лишь въ самой незначительной мѣрѣ почерпнуты изъ народныхъ сказаній; онъ не утилизировалъ, подобно Гриму въ Германіи и классическому Перро (Perrault) во Франціи народнаго эпоса, и поэтому онѣ не являются отраженіемъ народной мудрости, такъ неотразимо привлекающей наивное дѣтское воображеніе, напротивъ того, эти, то философски задуманные, то сатирическіе или чисто поэтическіе рассказы, плодъ умственной работы, результатъ цѣлой жизни, проведенной среди размышленій; они проникнуты особымъ созерцательнымъ настроеніемъ, свойственнымъ лишь высоко культурнымъ художникамъ въ противоположность болѣе широкой, но зато менѣе глубокой фантазіи народныхъ сказокъ. У Андерсена привлекательность художественной формы затмила мыслителя, и сказки его славятся болѣе всего своей поэтичностью, богатствомъ фантазіи и юморомъ. А между тѣмъ многія изъ нихъ задуманы настолько глубоко, что сдѣлали бы очень интересной оцѣнку автора съ точки зрѣнія проповѣдуемой имъ жизненной этики, и особенно его пониманія жизни.

Андерсенъ, подобно Лафонтену, далеко не проповѣдникъ отвлеченной, идеальной нравственности. Онъ любитъ природу, любитъ жизнь со всѣми возбуждаемыми ею чувствами и поклоняется практическому идеалу пользованія всѣмъ тѣмъ, что жизнь даетъ, не исключая мелкихъ радостей удовлетвореннаго самолюбія, справедливой гордости и т. п. Это практическое пониманіе счастья, наложившее отпечатокъ сухости на творчество французскаго баснописца, особенно поражаетъ у Андерсена, заставляя его нерѣдко заканчивать довольно пошло и сентиментально тонко задуманныя поэтическія сказки (напр., «Соловей»).

Но значеніе сказокъ Андерсена не въ этой непосредственной морали, вытекающей изъ рассказовъ; оно таится въ его тонкомъ пониманіи отношеній между тѣмъ, что есть прекраснаго въ душѣ человѣка, и формами человѣческаго существованія на землѣ; всѣ его сказки — безконечная вереница печальныхъ отраженій антагонизма души и требованій жизни; каковъ бы ни былъ выводъ, къ которому приходитъ авторъ, его изображеніе самаго антагонизма

поэтическое, глубоко продуманное и полное жизненной правды. Въ фантастической сказкѣ «Русалка» онъ рисуетъ безотраднѣе глупобокато чувства любви, готовности самопожертвованія и беззабѣтной преданности, осужденныхъ самой сущностью жизни на страданіе и смерть; его русалочка съ ея идеальной любовью живетъ среди людей нѣмой и никѣмъ непонятой, не встрѣтивъ нигдѣ сочувствія, и тихо совершаетъ свой подвигъ любви, зная, что награда невозможна, что она чужая среди земной жизни. Тотъ же мотивъ идеальной любви и преданности въ борьбѣ съ царящими вокругъ зломъ повторяется въ «Дикихъ лебедяхъ», съ той только разницей, что авторъ намѣренно удаляется отъ міра дѣйствительности и заканчиваетъ сказку волшебнымъ зрѣлищемъ торжества истины.

Въ вышедшихъ первыхъ двухъ выпускахъ русскаго перевода находятся нѣкоторыя изъ лучшихъ сказокъ Андерсена, характеризующія лиризмъ его творчества, постоянное проявленіе личной душевной жизни въ аллегорическихъ образахъ. Непризнанный окружающей средой мечтатель, страдающій отъ пошлости обстановки, часто является героемъ его сказокъ; это «безобразный утенокъ», котораго до того всѣ увѣрили въ его уродствѣ, что онъ самъ сталъ чувствовать презрѣніе къ себѣ; между тѣмъ все дѣло въ томъ, что онъ родился лебедемъ и «утиное царство» не понимаетъ его порывовъ и желаній. Въ другой сказкѣ тотъ же непризнанный поэтъ олицетворенъ въ соловѣя, скромной лѣсной птичкѣ, пѣнію которой придворный штатъ короля предпочитаетъ механическую музыку искусственнаго соловья, разукрашеннаго драгоценными камнями. Сказка «Соловей» обращаетъ на себя вниманіе, кромѣ того, своимъ блестящимъ юморомъ—описаніе королевскаго двора, сановниковъ, городскихъ толковъ и критическихъ замѣчаній публики при состязаніи истиннаго соловья съ искусственнымъ—все это истинный шедевръ сатирическаго жанра. Тонкимъ юморомъ проникнута также знаменитая сказка «Новое платье короля». Существуетъ предположеніе, что заключающаяся въ ней ѣдкая насмѣшка направлена была Андерсеномъ противъ метафизиковъ, которые сговорились морочить людей своими несуществующими на самомъ дѣлѣ теоріями, и достигаютъ цѣли, клеймя всякаго, кто «не видитъ чудныхъ узоровъ несуществующей ткани», ничего не смыслящимъ глупцомъ. Кромѣ отмѣченныхъ сказокъ, въ первыхъ выпускахъ заключается не мало другихъ, заставляющихъ перечестъ съ большимъ удовольствіемъ извѣстныя всякому съ дѣтства, но едва ли понимаемыя дѣтьми сказки Андерсена. Привѣтствуемъ съ особымъ удовольствіемъ новый ихъ переводъ, имѣющій то большее преимущество, что онъ сдѣланъ прямо съ

датскаго, а не черезъ посредство нѣмецкихъ переводовъ, какъ это дѣлалось у насъ до сихъ поръ. W.

Трудъ въ его психическомъ и воспитательномъ значеніи. Н. Д. Ушинскаго. С.-Петербургъ. 1894 г. Ц. 10 к.

Эта книжка представляетъ отдѣльную статью изъ собранія педагогическихъ сочиненій Ушинскаго, изданнаго, какъ видно изъ предисловія, съ цѣлью популяризаціи сочиненій знаменитаго покойнаго педагога.

Ушинскій признаетъ, за трудомъ благотворное, живительное нравственное вліяніе, считаетъ его непремѣннымъ элементомъ счастья. «Матеріальные плоды трудовъ,—говоритъ авторъ—можно отнять, наслѣдовать, купить, но внутренней, духовной, животворящей силы труда нельзя ни отнять, ни наслѣдовать, ни купить за все золото Калифорніи: она остается у того, кто трудится». Богатство безъ труда является даже вреднымъ, «если общество своимъ нравственнымъ и умственнымъ развитіемъ (обусловливаемымъ трудомъ) не приготовлено еще выдержать натискъ приливающего богатства». «Если бы люди открыли философскій камень, то бѣда была бы еще не велика: золото перестало бы быть монетою, но если бы они нашли сказочный мѣшокъ, изъ котораго выскакивало все, чего душа пожелаетъ, или изобрѣли машину, вполне замѣняющую всякій трудъ человѣка, то самое развитіе человѣчества остановилось бы: развратъ и дикость завладѣли бы обществомъ». Тоже и въ личной жизни—передъ человѣкомъ, лишеннымъ труда, открыты только двѣ дороги: «дорога неутолимаго недовольства жизнью, мрачной апатіи и бездонной скуки (напомнимъ типы Онѣгинныхъ и Печоринныхъ, освобожденныхъ отъ необходимости трудиться существовавшимъ въ ихъ время крѣпостнымъ правомъ), или дорога добровольнаго, незамѣтнаго самоуничтоженія, по которой человѣкъ быстро спускается до дѣтскихъ прихотей или скотскихъ наслажденій» (Обломовъ). Но всякому ли труду принадлежитъ вышеупомянутое благотворное, живительное и нравственное вліяніе? Всякій ли трудъ можетъ принести счастье?—Не философствуй и трудись, дѣлай свое маленькое дѣло, къ которому приставай—такое мнѣніе, которое нерѣдко приходится слышать. Ушинскій совершенно основательно думаетъ иначе. Тотъ трудъ, который оказываетъ вышеупомянутое благотѣтельное вліяніе онъ выдѣляетъ изъ работы вообще. По опредѣленію Ушинскаго благотворность труда обусловливается и его цѣлью, и согласіемъ съ человѣческимъ достоинствомъ, и, наконецъ, условіемъ свободы его. Такимъ образомъ сюда не подходитъ ни работа рабовъ изъ подъ палки, ни работа машины, ни работа животнаго. Мы знаемъ въ

самомъ дѣлѣ, что безмысленный, безцѣльный трудъ не только не можетъ доставить счастья или вліять благотворно, но по справедливости заслуживаетъ названіе каторжнаго. Тяжелый трудъ изъ за куска хлѣба, котораго едва хватаетъ на то, чтобы кормиться, относится къ той же категоріи. М.

Матери великихъ людей. Составилъ М. Блокъ. Переводъ съ французскаго, изд. Ф. Павленкова. Ц. 60 коп.

«Великіе люди походятъ на своихъ матерей».—Это высказывалось не разъ, и для подтвержденія этой истины авторъ вышеупомянутой книжки собралъ до тридцати примѣровъ, почерпнутыхъ изъ древнихъ и новыхъ временъ, доказывающихъ, что всѣ матери, чьи сыновья сдѣлались знаменитыми, всегда выдавались умомъ и характеромъ. Вообще, авторъ исходитъ изъ той мысли, что во всѣхъ тѣхъ случаяхъ, когда ребенокъ впоследствии дѣлался знаменитымъ, на воспитаніе его непременно имѣла благотворное вліяніе женщина, если не мать, то бабушка, тетка, или даже крестная мать; это подтверждается примѣрами Расина, Бернарденъ-де-Сенъ-Пьера, Беранже и англійскаго историка Гиббона.

Указывая на то, что материнское, или вообще женское, вліяніе играетъ огромную роль въ дѣлѣ воспитанія, авторъ приводитъ изреченіе одного англійскаго философа: «чтобы научить ребенка, надо научить мать». Слѣдовательно, вопросъ, касающійся образованія женщинъ, долженъ быть важнѣйшимъ вопросомъ въ каждомъ государствѣ. Чѣмъ образованнѣе, развитѣе и лучше будутъ наши женщины, тѣмъ болѣе данныхъ, что онѣ съумѣютъ воспитать великихъ государственныхъ дѣятелей, героевъ и ученыхъ. Умная, развитая мать рано подмѣтитъ, какія склонности и таланты обнаруживаются въ ея сынѣ, и съумѣетъ дать имъ надлежащее развитіе. Но для этого надо, чтобы она сама стояла на должной высотѣ въ умственномъ и нравственномъ отношеніи, и чтобы сынъ ея могъ получать отъ нея отвѣты на свои запросы. Изъ біографій многихъ выдающихся людей можно видѣть, что весьма часто отецъ не умѣетъ угадать наклонностей своего ребенка и насилуетъ его призваніе, принуждая его быть не тѣмъ, къ чему онъ чувствуетъ влеченіе. Извѣстно, напримѣръ, что отецъ Линнея запрещалъ ему собирать растенія и непременно хотѣлъ сдѣлать изъ него богослова. Однажды онъ даже отдалъ его въ мастеровыя къ сапожнику. Отецъ Мармонтея хотѣлъ сдѣлать изъ него купца и ни за что не хотѣлъ посылать его въ школу. Такихъ примѣровъ можно найти не мало. Во всѣхъ этихъ случаяхъ внимательство матери или какой-либо другой женщины (крестной матери—у Бернарденъ де-Сенъ-Пьера; тетки—у Беранже) помогло мальчику выбраться на

настоящій путь и достигнуть славы. Отличительною чертою всѣхъ выдающихся людей служить именно глубокая привязанность къ матери или той женщинѣ, которая замѣняла имъ мать. Авторъ подтверждаетъ это примѣрами, заимствованными изъ біографіи великихъ людей всѣхъ временъ и самыхъ разнообразныхъ направленій и характера.

Нельзя, конечно, не отнестись сочувственно къ идеѣ автора и къ той тенденціи, которою проникнута его книга. Къ сожалѣнію, только выполненіе оставляетъ желать многого. Желая какъ можно болѣе иллюстрировать свою мысль примѣрами, авторъ скомкалъ біографіи выдающихся людей, и во многихъ случаяхъ въ его рассказахъ совершенно невозможно прослѣдить, какое вліяніе могла имѣть мать на своего ребенка. Личность матери совершенно не выдѣляется, и мы должны вѣрить на слово автору, что она была женщина съ возвышенною душою, умомъ, высокими принципами, образованностью и т. п. качествами. Но, несмотря на этотъ недостатокъ, все-таки нельзя не поставить автору въ заслугу, что онъ затрагиваетъ въ своей книгѣ весьма важный вопросъ и старается иллюстрировать его множествомъ примѣровъ. Поэтому-то мы и считаемъ себя вправѣ рекомендовать эту книгу какъ хорошее и интересное чтеніе для нашего подросткаго поколѣнія. Э.

Черный капитанъ (морская легенда) и другіе морскіе рассказы.
А. Н. Чермный. Ц. 1 р. Изд. А. Суворина.

Рассказы изъ морского быта всегда имѣютъ массу читателей. Особенности и притомъ однообразныя условія морской жизни, вѣчная борьба со стихіями, порою очень тяжелая и опасная, должны, конечно, наложить свой отпечатокъ на характеръ моряковъ и способствовать образованію традиціонныхъ нравовъ и обычаевъ, столь отличающихся отъ нравовъ и обычаевъ береговыхъ жителей. Потому то и описанія быта моряковъ всегда возбуждаютъ интересъ, такъ какъ въ нихъ изображается совершенно особенный, своеобразный міръ со всѣми его привлекательными сторонами и недостатками. Особенно характерны и типичны эти черты морской жизни въ коммерческомъ флотѣ. Матросы на коммерческихъ судахъ большею частью уже съ ранняго дѣтства начинаютъ свою морскую службу и, пожалуй, на морѣ чувствуютъ себя привольнѣе, чѣмъ на сушѣ. Они привыкли не дорожить своею жизнью, всегда быть на готовѣ погибнуть въ борьбѣ съ разъяренной стихіей и не теряться въ минуту опасности. Г. Чермный въ своихъ рассказахъ очень талантливо написанныхъ, рисуетъ намъ быть именно такихъ моряковъ. Но, вѣроятно, вслѣдствіе малата развитія у насъ коммерческаго флота, г. Чермный изображаетъ намъ не русскихъ моря-

вовъ; его рассказы имѣютъ, такъ сказать, международный характеръ, и авторомъ ихъ смѣло могъ быть англичанинъ или американецъ. Хотя объ этомъ не упоминается нигдѣ, но можно догадываться, что авторъ заимствуетъ свои описанія изъ быта англійскаго коммерческаго флота. Описанія эти такъ живы, и притомъ въ нихъ проглядываетъ такое знаніе условій морской жизни, именно на коммерческихъ судахъ, такое знакомство съ нравами и бытомъ моряковъ, что можно съ достовѣрностью предположить въ авторѣ моряка, и притомъ такого, который прошелъ суровую морскую школу и лично знакомъ съ трудностями морской службы на коммерческихъ судахъ и опасностями, которыя описываетъ. Въ книгѣ помѣщено восемь разказовъ. Первый самый большой, — морская легенда. «Черный капитанъ» — это торговецъ «чернымъ товаромъ», т. е. неграми, доставлявшій этотъ товаръ съ береговъ Африки американскимъ рабладѣльцамъ южныхъ штатовъ. Жестокость «Чернаго капитана» сдѣлалась легендарной; онъ былъ самый безчеловѣчный изъ всѣхъ жестокосердыхъ и безчеловѣчныхъ торгашей, основывающихъ свое благополучіе на крови и страданіяхъ своихъ меньшихъ братьевъ. Поэтому до сихъ поръ про его дѣла рассказываютъ старыя и молодыя матросы и поютъ негры, вспоминая тяжелыя времена, тяготѣвшія нѣкогда надъ ихъ расой. И тѣ, и другіе вѣрятъ, что «Черный капитанъ», подобно «блуждающему голландцу», носится на своемъ кораблѣ по южному океану и не можетъ найти успокоенія. Въ слѣдующемъ разказѣ, который называется «Азартная игра», очень живо и талантливо описано приключеніе матроса, попавшаго случайно на службу къ контрабандистамъ на одну ночь и въ эту ночь переиспытавшаго всѣ чувства игрока, ставящаго на карту свою собственную жизнь. Въ концѣ книги, въ маленькомъ разказѣ «Какъ люди тонуть», авторъ, наконецъ, рисуетъ намъ русскихъ моряковъ, героевъ, погибшихъ въ Черномъ морѣ въ сороковыхъ годахъ. Авторъ говоритъ, что всѣ официальные описанія морскихъ крушеній представляютъ собою ничто иное, какъ мертвый перечень фактовъ и поражаютъ своимъ однообразіемъ. Описывается, какъ корабль ударился о камень, какъ начало его заливать и т. д. Для непосвященнаго читателя холодно звучать эти описанія и преобладающія въ нихъ техническія выраженія, но для моряка они ясны и встаютъ передъ его глазами со всѣми ужасающими подробностями. Надо переложить эти трагедіи на простой, «береговой» языкъ, и тогда всѣмъ станетъ ясно, что каждая строка этихъ официальныхъ описаній буквально облита кровью многихъ невѣдомыхъ и скромныхъ героевъ. Вотъ именно такихъ-то героевъ и изображаетъ авторъ въ упомянутомъ разказѣ.

Послѣдніе дни Помпей. Романъ Эдварда Бульвера. Перев. съ англійскаго Л. Гей (въ двухъ томахъ). Новая бібліотека Суворина, 60 коп. каждый томъ.

Каждый знаетъ по опыту, какъ оживаютъ сухіе страницы какого-нибудь учебника исторіи, когда вслѣдъ за ними прочтешь біографію одного изъ лицъ, упомянутыхъ на этихъ страницахъ или историческій очеркъ, романъ, рисующій данную эпоху. Развѣ получилась бы у большинства изъ насъ, не занимающихся спеціально исторіей, какая-нибудь картина жизни старой Англіи, если бы мы удовольствовались однимъ Иловайскомъ и не прочли бы хроникъ Шекспира, романовъ Вальтеръ-Скотта, біографій Кромвеля, Бекона, Мильтона и другихъ сочиненій. Конечно, тогда бы всѣ эти Генрихи и Ричарды, Маріи и Елизаветы остались въ нашей памяти такими же пріятными и нужными воспоминаніями, какъ латинскія исключенія въ стихахъ. А народная жизнь, а борьба классовъ, а постепенный ростъ парламента, а вліяніе литературы и науки на измѣненіе жизни? Объ этомъ въ учебникѣ мы прочли бы двѣ, три страницы, догматически изложенныхъ, и иногда даже не вполне ясныхъ. Дайте намъ живого человѣка, представьте его въ томъ домѣ, гдѣ онъ жигъ, въ его обычной одеждѣ, за обѣденнымъ столомъ, на улицѣ, расскажите про его отношенія къ семьѣ, къ согражданамъ, вообще къ людямъ, пусть разовьетъ онъ передъ нами свои убѣжденія, откроетъ свои затаенныя мысли, обнаружитъ достоинства и недостатки, добродѣтели и пороки... да не одного человѣка намъ дайте, а многихъ—толпу... тогда только поймемъ мы ихъ душу и ихъ время, тогда только намъ станетъ ясно, почему они оставили тотъ формулярный списокъ, что съ такимъ трудомъ, а иногда и съ отвращеніемъ, приходилось намъ заучивать къ экзамену.

Романъ «Послѣдніе дни Помпей» вполне удовлетворяетъ этимъ требованіямъ. Какъ видно уже изъ самого названія, онъ относится къ вполне опредѣленному году—79 по Р. Х., когда изверженіе Везувія погребло подъ потоками лавы и жидкой грязи два цвѣтушіе города—Геркуланумъ и Помпею. Конечно, эта грандіозная драма природы является послѣднимъ актомъ той людской драмы, которая разыгрывается на страницахъ романа. Мы не станемъ передавать содержанія, не смотря на захватывающій его интересъ—не въ этомъ сила романа, а въ томъ, что авторъ сумѣлъ въ живой, блестящей формѣ развернуть почти всю жизнь веселаго полугреческаго, полуримскаго города той эпохи, когда на смѣну античному міру шли уже новые идеалы... Передъ вами проходитъ и тогдашняя золотая молодежь, прожигающая жизнь и

здоровье во всякомъ случаѣ съ большимъ изяществомъ, чѣмъ современная, и богатые купцы-вольноотпущенники, стремящіеся не ударить лицомъ въ грязь передъ первыми, и ловкіе мошенники—жрецы храма Изиды и, превратившіеся въ звѣрей, гладіаторы... все это не движущіяся куклы, а живые люди съ плотью и кровью, не похожіе другъ на друга, съ рѣзко обрисованною индивидуальностью. Авторъ ведетъ васъ и на изящный пиръ аеинянина Главка, домъ и обстановка котораго описаны на основаніи данныхъ, полученныхъ при раскопкахъ Помпеи, и въ уборную красавицы Юліи, дочери богача-вольноотпущенника, и въ комнаты жрецовъ Изиды, гдѣ вы присутствуете при разоблаченіи ихъ ловкихъ обмановъ, и въ загородный кабачекъ, любимое мѣсто гладіаторовъ, которые ждутъ, когда придутъ знатные люди осматривать ихъ, какъ животныхъ, чтобы знать, за кого поставить пари на предстоящихъ побоищахъ въ циркѣ.

Центръ романа—поэтичная любовь Главка и Ионы, лучшихъ, наиболѣе совершенныхъ представителей античной красоты, какъ тѣлесной, такъ и духовной, — но авторъ хотѣлъ подчеркнуть уже начинавшееся тогда разложеніе этой древней гармоніи тѣла и духа, то жадное исканіе новой правды, которое такъ характерно для первыхъ вѣковъ христіанской вѣры... и Главкъ съ Ионой становятся христіанами. Но Главкъ не сталъ мученикомъ: у него для этого было слишкомъ много античной жизнерадостности и слишкомъ мало «неукротимаго усердія» его учителя Оливтія. Въ письмѣ къ другу своему, эпикурейцу Саллюстію, Главкъ пишетъ характерныя для него и для автора, но не для первыхъ вѣковъ страстной борьбы христіанства съ язычествомъ, слѣдующія слова: «Однако, Саллюстій, закваска древняго греческаго духа все еще примѣшивается къ моей новой вѣрѣ. Я не могу раздѣлять рвенія тѣхъ, кто видитъ преступниковъ въ лицѣ людей, не вѣрующихъ подобно имъ. Чужая вѣра не внушаетъ мнѣ негодованія. Я не смѣю проклинать ихъ, я лишь молю Отца Небеснаго, чтобы они обратились на путь истинный. Такое равнодушіе подвергаетъ меня нѣкоторымъ подозрѣніямъ со стороны христіанъ, но я прощаю имъ».

Вообще тамъ, гдѣ просвѣчиваютъ личные идеалы автора, они всегда оказываются симпатичными и возвышенными, и это еще лишній доводъ, который заставляетъ насъ рекомендовать этотъ романъ Бульвера нашимъ читателямъ. Переводъ вполне добросовѣстный.

А.

НОВОСТИ ИНОСТРАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ.

Исторія, народовѣдѣніе, путешествія.

Grosse, dr. Ernst, «Die Anfänge der Kunst». Mit 32 Abbild. in Text und 3 Taf. Freiburg. 1 B. 1894. (Начало искусства). Авторъ поставилъ себѣ задачу изслѣдовать первоначальные источники искусства, т. е. тѣ условія первобытной жизни, при которыхъ зарождалось искусство. Г. Гроссе предлагаетъ критерій для понятія о первобытности, до сихъ поръ еще не вполне установленнаго, а именно формы экономическаго производства, и считаетъ первобытнымъ искусство племенъ, живущихъ охотой и растительными продуктами. Весьма дѣльны замѣчания высказываются авторомъ о ходѣ развитія и переходѣ отъ занятій охотой къ земледѣлю и скотоводству и о соответственныхъ формахъ семьи. Авторъ внимательно изучаетъ всѣ проявленія художественной дѣятельности у охотничьихъ племенъ въ области косметики и орнаментики тѣла и утвари, въ пластическихъ искусствахъ, танцахъ, поэзій и музыкѣ, причемъ авторъ указываетъ на частую практическую, частью религіозную цѣли, которымъ служило искусство. Представителями первобытнаго искусства являются, въ качествѣ живописцевъ, бушмены и австралійцы, а въ качествѣ рѣзчиковъ—троглоиты французскіе и арктическія племена. Главное достоинство всѣхъ памятниковъ первобытнаго искусства какъ въ Австраліи, такъ и въ Африкѣ, въ Дордонѣ и у Сѣвернаго полюса, заключается въ чрезвычайно жизненномъ воспроизведеніи формъ и движеній главнѣйшихъ звѣрей. Авторъ устанавливаетъ слѣдующій законъ: занятіе охотой изощряетъ глазъ и руку стрѣлка и оказываетъ ему помощь и на художественномъ употреблѣніи; съ переходомъ же отъ занятія охотой къ земледѣлю эти преимущества пропадаютъ. Особенно хороша затѣмъ глава, въ которой разсматривается социальная роль тан-

цевъ. Девятая глава посвящена поэзій, причемъ авторъ справедливо возражаетъ Спенсеру, доказывая, что три главныя поэтическія формы, лирическая, драматическая и эпическая, существовали раздѣльно съ самаго начала.

(Literarisches Centralblatt).

«Die Medicin des Naturvölkere». Bartels Max. Leipzig, Th. Grieben, 1894. (Медицина первобытныхъ народовъ). Въ какомъ состояніи находилась медицина у первобытныхъ народовъ? Занявшись этимъ вопросомъ, авторъ собралъ въ своей книгѣ достаточно матеріала для его разрѣшенія и дѣлаетъ обзоръ возрѣній, существовавшихъ въ разныя времена и у разныхъ народовъ на болѣзни и ихъ леченіе. Медицина, какъ наука, вездѣ развивалась эмпирическимъ путемъ. Официальная научная медицина вездѣ развивалась изъ народной медицины, такъ часто осмѣиваемой ложными учеными. Авторъ подробно излагаетъ терапію и діагностику въ такомъ видѣ, въ какомъ она существовала у первобытныхъ народовъ—описываетъ ихъ способы леченія и лекарства. Нѣкоторые медицинскія системы пережили многіе вѣка; сторонникъ леченія массажемъ долженъ, конечно, не мало удивляться, узнавъ, что этотъ способъ леченія нѣкоторыхъ болѣзней существовалъ двѣ тысячи лѣтъ тому назадъ. Гидротерапія также пользовалась большимъ почетомъ въ древности. Многія лекарства, заброшенные нашими предками, снова появились въ современной медицинѣ.

(Revue des Revues).

Band, Silas Tertius, «Legends of Micmacs». New York, Longmans Green and Co. (Легенды микмаковъ). Микмаки—индѣйское племя Сѣверной Америки, вѣтвь алгонквиновъ, народныя традиціи которыхъ уже послужили предметомъ изслѣдованія. Умершій въ 1894 г.

миссіонеръ Силасъ Рандъ, извѣстный своимъ переводомъ библіи на нарѣчіе микмаковъ и изданіемъ англо-микмакского лексикона, въ которомъ заключается 40.000 словъ, записалъ также легенды микмаковъ, во многихъ отношеніяхъ сходныя съ легендами алгонквиновъ. Рукопись миссіонера была напечатана уже послѣ его смерти; въ ней заключается 87 легендъ, представляющихъ рѣдкую смѣсь азіатско-европейскихъ сказочныхъ элементовъ, въ примѣненіи къ быту индѣйцевъ, въ національнымъ обычаямъ, религіознымъ воззрѣніямъ, историческимъ событіямъ и т. п. Между прочимъ, даже въ очень старинныхъ легендахъ встрѣчается упоминаніе о бѣлыхъ. Затѣмъ, въ легендахъ встрѣчаются также общераспространенныя воззрѣнія. На европейское происхождение нѣкоторыхъ легендъ указываютъ сохранившіяся въ нихъ европейскія названія, напримѣръ: медвѣдь, мечный путь.

(Literarisches Centralblatt).

«*The Englishman at Home. His Responsibilities and Privileges. By Edward Porritt.* (Англичанинъ у себя дома). Это очень тщательное и подробное описаніе англійской правительственной системы, во всѣхъ ея развѣтвленіяхъ, и быта англичанъ. Авторъ знакомитъ насъ съ англійскою воспитательною системою, благотворительностью, придворными и парламентскими правами и обычаями и дѣятельностью, положеніемъ церкви и духовенства, положеніемъ земледѣльцевъ, фермеровъ, рабочихъ и т. д. Желашіе поближе ознакомиться съ бытомъ Англій и ея правительственною системою и учрежденіями найдутъ въ книгѣ много интереснаго для себя свѣдѣній.

(Athenaeum).

Stuhlmann, Dr. Franz, «Mit Emin Pascha ins Herz von Afrika. Eine Reisebericht mit Beiträgen von Dr. Emin Pascha in seinem Auftrage geschildert. Mit Karten von Dr. Kiepert und Fr. Stuhlmann, Lichtdrucken und Holz schnitten, 2 Theile in 1 B. Berlin. 1894. (Съ Эминюмъ - пашей въ центрѣ Африки). Превосходное изданіе, снабженное картами и иллюстраціями и богатое содержаніемъ, вполне отвѣчаетъ воззрѣніямъ автора на значеніе повѣствованій объ экспедиціяхъ, предпринятыхъ съ научными цѣлями. «Экспедиція лишь тогда только выполнила свою задачу, — говоритъ Штульманнъ, — когда добытые ею результаты она сдѣлала всеобщимъ достояніемъ. Въ противномъ случаѣ, экспедиція получаетъ сомнительное значеніе нынѣ вошедшихъ въ моду экскур-

сій туристовъ въ Африку». Штульманнъ отправился въ 1890 году, съ поступившимъ на германскую службу Эминюмъ-пашей въ Африку и вернулся черезъ два года. Его книга составляетъ единственный источникъ, который можетъ дать указанія о жизни и стремленіяхъ Эмина-паши за послѣдніе два года его существованія, когда онъ прекратилъ всякую переписку со всеми европейскими друзьями. Кромѣ того, онъ сообщаетъ массу новыхъ фактовъ, относящихся къ географіи и этнографіи центральной Африки. Штульманнъ — тонкій наблюдатель, не упускающій даже мелочей, и его описанія культуры африканскихъ народовъ читаются съ большимъ интересомъ. Начиная отъ племени Вагамба Уго до карликовъ Итури, всѣ народы и даже разновидности племени, встрѣчавшихся экспедиціи Эмина-паши, описаны Штульманномъ очень подробно. Важнѣйшимъ изъ племени онъ посвящаетъ цѣлыя монографіи, изъ которыхъ двѣ написаны подъ диктовку самого Эмина-паши.

(Literarisches Centralblatt).

«*Scrambles in the Alps*» by E. Whymper (Murray). (Карабканіе по альпамъ). Оригинальное названіе книги врядъ ли можетъ дать правильное понятіе о ея содержаніи, такъ какъ «карабканіемъ», конечно, нельзя назвать прекрасно организованна экспедиція, которая описываетъ авторъ. Упомянутая книга — третье изданіе его повѣствованій о восхожденіяхъ на Альпы. Новое изданіе снабжено многими примѣчаніями и прибавленіями, въ которыхъ описываются разнаго рода несчастные случаи въ Альпахъ, преимущественно на Маттергорнѣ. Авторъ описываетъ героическую смерть Жана, Антуана Карреля, одного изъ своихъ спутниковъ, который умеръ отъ истощенія силъ послѣ того, какъ при помощи самыхъ нечеловѣческихъ усилій ему удалось провести благополучно партію туристовъ въ долину во время страшной свѣжной бури на Маттергорнѣ. Кромѣ описанія альпійскихъ экскурсій и различнаго рода приключеній, а также научныхъ изслѣдованій и описаній природы въ Альпахъ, въ книгѣ много практическихъ и полезныхъ совѣтовъ для альпійскихъ туристовъ. Авторъ — одякъ изъ выдающихся членовъ англійскаго альпійскаго клуба и, безъ сомнѣнія, его совѣтамъ англійскіе горные туристы обязаны тѣмъ, что они гораздо рѣже подвергаются несчастіямъ на Альпахъ, нежели всѣ прочіе туристы.

(Athenaeum).

Философія, педагогика.

Stein, Dr. Ludw., Prof., «Friedrich Nietzsches Weltanschauung und ihre Gefahren». Ein kritischer Essay. Berlin. 1893. (Міросозерцаніе Фридриха Ницше и сопряженныя съ нимъ опасности). Въ легко понятной формѣ и доступнымъ, занимательнымъ языкомъ авторъ излагаетъ философскія воззрѣнія Ницше и дѣлаетъ краткій очеркъ его жизни и характера его литературныхъ произведеній, прилагая тутъ же критическую оцѣнку его метафизики, теоріи познаванія, его соціологическихъ и этическихъ выводовъ. Автору удалось представить доводы, указывающіе, что Ницше ни въ какомъ случаѣ не слѣдуетъ считать оригинальнымъ мыслителемъ, какимъ онъ самъ себя считаетъ, и что онъ часто въ своихъ воззрѣніяхъ обнаруживаетъ недостатокъ философской послѣдовательности, противорѣчитъ себѣ самымъ грубымъ образомъ и произвольно извращаетъ и объясняетъ историческія событія. Главную опасность ученія Ницше авторъ однако видитъ не въ этихъ его недостаткахъ, а въ томъ, что онъ всѣ наши нравственные понятія называетъ негѣлыми предразсудками и высшимъ правиломъ жизни объявляетъ: «дѣлайте то, что вамъ нравится!» (Literarisches Centralblatt).

«La contagion du meurtre» etude d'anthropologie criminelle par M. Paul Aubry. Un vol. in 8° de la Bibliothèque de Philosophie criminelle. Paris Alcan. 1894. (Заразительность убійства). Названіе книги указываетъ на ея содержаніе. Авторъ беретъ типическую форму преступленія—убійство и старается выяснитъ ту роль, которую играетъ подражаніе, примѣръ и внушеніе въ распространѣніи этого рода преступленія идей убійства. Конечно, заразительность здѣсь слѣдуетъ понимать въ гораздо болѣе широкомъ смыслѣ, чѣмъ это принято обыкновенно. Какъ заразу порождаетъ инфекция, такъ и окружающая насъ среда тоже выдѣляетъ своего рода инфекцію, заражающую преступность. Организмъ, жизненная сила котораго ослаблена, не можетъ противостоять инфекции, поддается ей и въ свою очередь передаетъ заразу другимъ. Рука объ руку съ эпидеміями болѣзней наблюдаются обыкновенно и эпидеміи самоубійства, и убійства. И тѣ, и другія порождаютъ болѣзненные очаги, изъ которыхъ впоследствии развивается новая зараза. Авторъ послѣдовательно изучаетъ главные факторы заразительно-

сти убійства (заразительность при посредствѣ семьи, обстановки, общества преступниковъ, зрѣлища публичныхъ казней и печати). Въ заключеніе онъ преслѣдуетъ связь, существующую между эпидеміями и преступленіями, и рассматриваетъ вліяніе политики и социальныхъ переворотовъ на распространеніе заразы. Авторъ говоритъ о необходимости нравственной гигиены для борьбы съ зарозой преступности. Такая гигиена можетъ быть создана только введеніемъ воспитательной и образовательной системы, вполне отвѣчающей нуждамъ современнаго общества и требованіямъ современной жизни, но не дѣйствующей исключительно подъ вліяніемъ этихъ требованій. (Revue scientifique).

Schulz, Arth. «Der Mensch und seine natürliche Ausbildung». Wider das allhergebrachte Verfahren in Erziehung und Unterricht. Berlin. 1893. (Человѣкъ и его естественное воспитаніе). Авторъ стремится въ своей книгѣ не болѣе, ни менѣе, какъ къ полнѣйшему преобразованію господствующей системы воспитанія. Онъ пришелъ къ убѣжденію, послѣ основательнаго и добросовѣстнаго изслѣдованія, что главную причину происхожденія дурныхъ социальныхъ условій и всѣхъ золъ, отсюда вытекающихъ, слѣдуетъ искать въ неправильномъ воспитаніи человѣка. Поэтому-то надо совершенно измѣнитъ систему этого воспитанія. Прежде всего: долой изъ душевой, пыльной классной комнаты, на свѣжій воздухъ, на доно природы! Въ этомъ обученіи на открытомъ воздухѣ, которое можетъ примѣняться для всѣхъ дѣтей изъ народа, въ возрастѣ отъ 14 до 16 лѣтъ, лежитъ центръ тяжести предлагаемаго авторомъ преобразованія воспитательной системы. Преподаваніе въ классной комнатѣ должно быть доведено до мннимума. Только такимъ путемъ можно достигнуть полнаго развитія физическихъ силъ человѣка, воспитать его здоровымъ, сильнымъ и красивымъ, нисколько не мѣшая въ то же время развиваться правильнымъ образомъ всѣмъ его органамъ чувствъ. Только такимъ путемъ становится возможнымъ достигнуть глубокаго пониманія природы, выработать чувство прекраснаго и способствовать развитію нравственныхъ качествъ. Приобрѣтенныя путемъ постояннаго общенія съ природою, познанія принесутъ пользу человѣку на всякомъ поприщѣ впоследствии, и служатъ его отъ очень вреднаго вліянія по-

дуобразованія. Въ идеальной школѣ, которую изображаетъ авторъ, каждый учитель завѣдуетъ воспитаніемъ лишь 12 человѣкъ и съ ними изучаетъ, въ теченіе четырехъ лѣтъ, природу, во всякое время года и дня. Къ 10—11 годамъ умственное развитіе дѣтей уже настолько подвинулось, вслѣдствіе нагляднаго изученія природы, что съ ними уже можно перейти къ чтенію, письму и ариметикѣ. Обученіе иностраннымъ языкамъ ни въ какомъ случаѣ не должно быть допущено въ такой школѣ ранѣе 14—15 лѣтъ. Изученіе древней исторіи должно быть также исключено въ дѣтскомъ возрастѣ, «потому что, —говоритъ авторъ,—исторія всегда искажается для цѣлей преподаванія». Авторъ придаетъ особенное значеніе гимнастическимъ упражненіямъ и прогулкамъ подъ руководствомъ учителя. Въ такомъ родѣ написана вся книга. Въ ней заключается не мало несообразностей, но также и много такого, что вполне заслуживаетъ вниманія, особенно замѣчанія автора касательно устарѣвшей системы преподаванія въ нашихъ школахъ.

(Literarisches Centralblatt).

Schönbach Ant. F. «Über Lesen und Bildung. 4, stark erweit. Aufl. Graz. 1894. (О чтеніи и образованіи). Необыкновенный успѣхъ этой книги легко понятенъ. Для любителя чтенія она представляетъ превосходное руководство, которымъ онъ можетъ пользоваться, если смотрѣть на чтеніе не только какъ на приятное развлеченіе, но и какъ на главный путь къ саморазвитію и самообразованію. Въ каждой строкѣ этой книги сквозитъ умъ автора заинтересовать читателя и руководить его вниманіемъ. Авторъ даетъ возможность читателю составить себѣ общее понятіе о современной литературѣ и, незамѣтнымъ для самого читателя образомъ, приводитъ его къ вѣстнымъ выводамъ, заставляя его остановить свое вниманіе на той или другой выдающейся чертѣ современной литературы и ея теченій. За исключеніемъ нѣкоторыхъ неровностей стиля, въ книгѣ нѣтъ крупныхъ недостатковъ. Между прочимъ, въ ней заключается очень точная характеристика Генриха Ибсена.

(Literarisches Centralblatt).

Естественныя науки, прикладное знаніе, біографія и проч.

Bolton, Henry Carrington. «A select bibliography of Chemistry, 1492—1892, Washington. 1893. Smithsonian Inst. (Избранная бібліографія химіи). Желаяще ознакомиться съ литературой химіи найдутъ богатый матеріалъ въ книгѣ Болтона, которая заключаетъ въ себѣ въ высшей степени подробный обзоръ всей научной литературы по химіи. Въ книгѣ собраны 12.000 названій сочиненій по химіи на разныхъ языкахъ; встрѣчаются даже сочиненія на китайскомъ, японскомъ и гуератскомъ (индійское нарѣчіе) языкахъ. Весь бібліографическій матеріалъ распределенъ на семь частей по алфавиту; въ немъ заключаются: химическіе словари, сочиненія по исторіи химіи, біографія химиковъ, чистой и прикладной химіи, алхиміи и химическіе журналы. Въ высшей степени интересны статистическія свѣдѣнія, сообщенныя въ книгѣ. Согласно статистическимъ даннымъ, изъ 12.031 сочиненій по химіи—4.507, слѣдовательно, почти $\frac{2}{3}$ изданы на нѣмецкомъ языкѣ; на французскомъ и англійскомъ языкахъ издано 2.141 и 2.765. Въ англійской и американской литературѣ по химіи преобладаютъ біографіи. Библіографическій матеріалъ обработанъ ав-

торомъ, уже стяжавшимъ себѣ извѣстность въ этомъ отношеніи, очень тщательно и, при все возрастающемъ въ нашемъ обществѣ интересѣ къ точнымъ наукамъ, трудъ автора, конечно, долженъ возбудить вниманіе и заслужить благодарность всѣхъ, кто интересуется усилками химіи.

(Literarisches Centralblatt).

«Life and Stock» A collection of Zoological and Geological Essays. By B. Lydekker B. A. («Knowledge» series). (Жизнь и камень). Въ книгѣ собраны въ высшей степени интересные факты изъ области зоологіи и геологіи, изложенные очень популярно. Любители природы, не получившіе спеціальнаго научнаго образованія, могутъ пользоваться этою книгою, какъ полезнымъ руководствомъ. Названія отдѣльныхъ главъ, напримѣръ: «Вымираніе животныхъ», «Слоны», «Прошедшее и настоящее», «Киты и ихъ предки», «Кусокъ мѣла и чему онъ учитъ», «Искра, вылетающая изъ кремня, и ея исторія» и т. п., достаточно указываютъ на общую идею книги и способъ ея выполненія. Къ книгѣ приложена масса прекрасныхъ иллюстрацій. Чтеніе этой книги, безъ сомнѣнія, должно возбудить въ

читатель интересъ къ природѣ и вызывать въ немъ желаніе систематическаго изученія ея чудесъ.

(The Bookseller).

«*The Electrician at Home. Electro Plating at Home and Electric bells. By George Edwinson (Amateurs Practical Aid series edited by Francis Cnilton Young)* (Электротехникъ у себя дома). Прекрасная карманная книга для юности, которая можетъ служить хорошимъ руководствомъ для занятій электричествомъ. Въ ней заключается очень полное описание искусства гальванопластики и затѣмъ указанія, какъ устроить въ домѣ всевозможныя электрическія приспособленія, электрическіе звонки и т. п. Къ книгѣ приложенъ указатель съ объясненіемъ различныхъ терминовъ, употребительныхъ въ электротехникѣ.

(Bookseller).

«*Darwin: His work and influence. By E. A. Parkin.* (Дарвинъ, его труды и вліяніе). Книга составлена изъ лекцій, организованныхъ обществомъ распространенія университетскихъ знаний (University Extension). Эти лекціи читались авторомъ въ залѣ «*Christ's College*» въ прошломъ году. Авторъ выясняетъ въ нихъ, какимъ путемъ Дарвинъ дошелъ до своей знаменитой теоріи происхожденія видовъ, и указываетъ на огромное значеніе и вліяніе трудовъ Дарвина, а также на связь, существующую, въ широкомъ смыслѣ, между дарвинизмомъ и эволюціей. Какъ способъ изложенія этихъ лекцій, такъ и глубина ихъ содержанія направлены къ тому, чтобы возбудить въ слушателяхъ и читателяхъ работу мысли и любознательность.

(Bookseller).

«*James Gilmour and his boys.* By Richard Lovett. М. А. (Джемсъ Джимльморъ и его сыновья). Авторъ, написавшій біографію Джемса Джимльмора— «апостола Монголіи», дающую самое живое представленіе о герояхъ, само-

отверженіи и подвигахъ миссіонеровъ. составилъ новое повѣствованіе объ его жизни, дѣятельности и приключеніяхъ на основаніи писемъ, которыя Джемсъ Джимльморъ, писалъ своимъ двумъ сыновьямъ въ Англію. Въ этихъ письмахъ рассказываются всѣ событія, ознаменовавшія послѣдніе годы миссіонерской дѣятельности Джимльмора, а также описываются нравы и обычай туземцевъ и т. п. Книга снабжена прекрасными иллюстраціями и можетъ быть рекомендована какъ очень занимательное чтеніе.

(Bookseller).

«*A la mémoire de A. de Quatrefages. 1 vol. in. 8°. Masson. 1893.* (Памяти Катрфажа). Прекрасная книга, украшенная великолѣпнымъ портретомъ знаменитаго ученаго, въ которой подробно рассказывается жизнь Катрфажа, его дѣтство и юность, студенческіе годы въ Страсбургѣ, гдѣ онъ еще семилѣтнимъ юношей, занималъ уже должность ассистента по химіи и лаборанта на медицинскомъ факультетѣ. Двадцати лѣтъ онъ уже занялъ мѣсто президента студенческой ассоціаціи въ Страсбургѣ. Въ томъ же году онъ получилъ степень доктора математическихъ наукъ, а черезъ два года—доктора медицины. Тогда онъ отправился въ Тулузу, гдѣ нѣсколько времени занимался медицинскою практикой, но затѣмъ бросилъ это занятіе и исключительно предался естественнымъ наукамъ. Въ этой біографіи, которой можно поставить въ упрекъ только ея краткость, приведено письмо Катрфажа къ Дарвину и отвѣтъ Дарвина, въ которомъ заключается слѣдующая фраза: «Я предпочитаю быть раскрытываемымъ вами подобнымъ образомъ, нежели быть расхваленнымъ многими другими». Къ біографіи приложенъ указатель всѣхъ работъ Катрфажа, также какъ и всѣ рѣчи, произнесенныя на его похоронахъ. (Revue Scientifique).

С М Ъ С Ъ.

Изъ русской жизни.

Женскій медицинскій институтъ. Вопросъ о возобновленіи женскихъ медицинскихъ курсовъ близокъ къ окончательному разрѣшенію. Интересно прослѣдить вкратцѣ исторію организаціи женскаго медицинскаго образованія въ Россіи.

Въ 1872 году открылось при медико-хирургической академіи особое отдѣленіе для образованія ученыхъ акушеровъ, которыя бы могли въ то же время подавать самостоятельную помощь при женскихъ и дѣтскихъ болѣзняхъ. Курсы ученія распределены были на 4 года и преподаваніе возложено было преимущественно на профессоровъ академіи. Для поступленія на эти курсы нужно было имѣть дипломъ объ окончаніи курса въ институтѣ или гимназіи, но приемъ слушательницъ производился по конкурентному экзамену, программа котораго была значительно полнѣе гимназической подготовки, такъ что желающія поступить на курсы должны были усиленно заниматься для пополненія своего образованія.

За десятилѣтній періодъ существованія женскихъ врачебныхъ курсовъ (1872—1882 гг.) получило медицинское образованіе свыше 600 женщинъ. Какъ велика была эвергія и жажда знанія у учащейся женской молодежи видно изъ того, что изъ подвергавшихся испытаніямъ поступило 75—85%.

Практическая дѣятельность воспитанницъ курсовъ обнаружилась особенно въ восточную войну, въ 1878 г. Еще до наступленія перваго срока выпускныхъ экзаменовъ 25 слушательницъ изъ окончившихъ пятилѣтній курсъ ученія отправились на театръ военныхъ дѣйствій: 20 изъ нихъ въ дѣйствующую армію и 5 въ учрежденія Краснаго Креста, въ тылу арміи. По имѣющимся о курсахъ свѣдѣніямъ, большинство слушательницъ посвятило себя службѣ по земству и, вообще говоря, приобрѣло довѣріе бѣднѣйшихъ слоевъ населенія. Но не смотря на такую полезнаую дѣятельность женщинъ-врачей, не смотря на то, что вообще у насъ въ Россіи такой недостатокъ въ медикахъ, что въ иныхъ мѣстностяхъ на 120.000 чел. населенія приходится всего 1 врачъ, какъ, напр., въ Архангельской губерніи, гдѣ всего 14 врачей,—не смотря на это, волею судебъ медицинскіе курсы были закрыты въ 1881 году.

Русское общество не могло помириться съ потерей этого учрежденія, добытаго цѣною столькихъ усилій, и до послѣдняго дня не прекращались ходатайства какъ отдѣльныхъ лицъ, такъ и многихъ земствъ и

научныхъ съѣздовъ объ открытіи вновь женскихъ медицинскихъ курсовъ. И правительство вняло этимъ ходатайствамъ.

3-го февраля 1883 года съ Высочайшаго соизволенія былъ учрежденъ при Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія, подъ предсѣдательствомъ товарища министра народнаго просвѣщенія князя Волконскаго, особый комитетъ, на который возложена была задача составленія проекта Положенія объ институтѣ ученыхъ акушерокъ. Комитетъ этотъ, какъ пишутъ «Русскія Вѣдомости», первоначально предполагалъ ограничить во многомъ какъ объемъ медицинскаго образованія для женщинъ, такъ и ихъ врачебныя права. Но когда выработанный планъ объ учрежденіи института ученыхъ акушерокъ съ четырехлѣтнимъ курсомъ былъ подвергнутъ обсужденію компетентныхъ экспертовъ, то ихъ замѣчанія, въ связи съ болѣе подробнымъ обсужденіемъ всего дѣла, убѣдили комитетъ въ невозможности ограничиваться первоначальнымъ проектомъ и привели его къ мысли сравнить женское медицинское образованіе съ мужскимъ и по продолжительности, и по составу курса, и по правамъ диплома.

Пока продолжались работы комитета, въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ поступило нѣсколько ходатайствъ земствъ и городовъ о расширеніи правъ женщинъ-врачей, именно о предоставленіи имъ права самостоятельнаго завѣдыванія медицинскими участками и больницами, находящимися въ участкахъ; министерство признало эти ходатайства заслуживающими уваженія, и по докладу министра 2-го августа 1890 г. состоялось соответствующее Высочайшее повелѣніе. По проекту института права женщинъ-врачей въ общемъ сравнены съ правами врачей-мужчинъ.

Министерство Народнаго Просвѣщенія внесло въ проектъ комитета только нѣкоторыя редакціонныя поправки—и въ такомъ видѣ проектъ принялъ видъ «Особаго положенія о с.-петербургскомъ женскомъ медицинскомъ институтѣ». Приводимъ главнѣйшіе пункты этого положенія.

1) С.-петербургскій женскій медицинскій институтъ имѣетъ цѣлью доставлять лицамъ женскаго пола медицинское образованіе, преимущественно приспособленное къ акушерской дѣятельности и къ леченію женскихъ и дѣтскихъ болѣзней.

Примѣчаніе. При институтѣ устраиваются интернатъ или общежитіе преимущественно для иногороднихъ слушательницъ.

2) Институтъ состоитъ въ вѣдомствѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія и въ ближайшемъ вѣдѣніи попечителя С.-Петербургскаго учебнаго округа.

3) Источники содержанія означеннаго учебнаго заведенія составляютъ: 1) проценты съ жертвуемыхъ капиталовъ; 2) единовременныя пожертвованія, поступающія въ теченіе года на расходы по институту, и 3) сборъ платы за ученіе.

5) Директоръ института для непосредственнаго имъ завѣдыванія назначается изъ опытныхъ во врачебныхъ наукахъ профессоровъ и можетъ преподавать какой-либо предметъ въ институтѣ.

7) Непосредственный надзоръ за слушательницами и непосредственное завѣдываніе устраиваемымъ при институтѣ интернатомъ или общежитіемъ возлагается на инспектрису, которая избирается директоромъ и представляется чрезъ попечителя учебнаго округа на утвержденіе ми-

нистра народнаго просвѣщенія. Въ вѣдѣніи инспектриссы состоятъ три помощницы, избираемыя ею съ согласія директора и утверждаемыя попечителемъ учебнаго округа.

8) Обсужденіе всѣхъ вопросовъ, касающихся учебной части, возлагается на совѣтъ преподавателей, созываемый директоромъ и состоящій подъ его предѣдательствомъ.

9) Теоретическое преподаваніе ввѣряется лицамъ, имѣющимъ ученые степени и удовлетворяющимъ другимъ условіямъ, установленнымъ для занятія соответствующихъ должностей въ университетѣ; а для руководства клиническими занятіями могутъ быть избираемы лица, извѣстные своею опытностью, каковы, напр., главные и старшіе врачи больницъ.

10) Въ слушательницы принимаются лица женскаго пола не моложе 20 лѣтъ и не старѣе 35 лѣтъ. Исключенія изъ этого правила допускаются, въ особенно исключительныхъ случаяхъ, съ разрѣшенія каждый разъ попечителя учебнаго округа.

11) Желающія поступить въ число слушательницъ института подаютъ о томъ прошеніе директору, прилагая къ нему:

1) Свидѣтельство о возрастѣ и званіи.

2) Аттестатъ зрѣлости.

3) Полицейское свидѣтельство о благонадежности.

4) Письменное разрѣшеніе своихъ родителей, опекуновъ и вообще лицъ, на попеченіи коихъ находятся, а замужнія—согласіе своихъ мужей.

5) Ручательство институтскаго попечительнаго комитета въ томъ, что просительницы обладаютъ достаточными средствами для безбѣднаго существованія во все продолженіе курса ученія въ институтѣ, или что имъ даны будутъ средства къ тому отъ комитета и

6) Другіе документы, какіе признаны будутъ начальствомъ института.

Примѣчаніе 1. Желающія получить аттестатъ зрѣлости подвергаются испытаніямъ по правиламъ, установленнымъ для поступленія въ студенты университетовъ, въ ближайшихъ къ ихъ жительству мужскихъ гимназіяхъ, а въ томъ городѣ, гдѣ имѣется нѣсколько гимназій, въ одной изъ нихъ, по указанію попечителя учебнаго округа.

12) За право слушанія лекцій въ институтѣ и пользованіе вспомогательными учрежденіями для практическихъ занятій слушательницы вносятъ плату, назначаемую попечительнымъ комитетомъ съ утвержденія министра народнаго просвѣщенія.

14) Курсъ преподаванія въ институтѣ продолжается четыре года и распределяется на 8 полугодій. Учебныя полугодія продолжаются: первое—съ 20-го августа по 20-е декабря, второе—съ 15-го января по 30-е мая. По окончаніи общаго медицинскаго образованія въ институтѣ, слушательницы обязаны, въ продолженіе отъ 1 до 3 лѣтъ, заниматься практикою въ родовспомогательныхъ заведеніяхъ и специальныхъ больницахъ или клиникахъ, женскихъ и дѣтскихъ, подъ руководствомъ опытныхъ врачей.

15) Въ институтѣ полагаются слѣдующія кафедры:

1) Анатомія. 2) Нормальная гистология. 3) Эмбриология. 4) Физиология. 5) Общая патология и врачебная діагностика. 6) Частная патология и терапия. 7) Медицинская химія. 8) Химія органическая и неорганическая. 9) Физика. 10) Минералогія, ботаника и зоология съ сравнительною анатоміей. 11) Фармакогнозія. 12) Фармація съ рецеп-

турой и токсикологія. 13) Фармакологія съ ученіемъ о минеральныхъ водахъ. 14) Патологическая анатомія съ патологическою гистологіей. 15) Акушерство. 16) Женскія болѣзни. 17) Дѣтскія болѣзни. 18) Гигіена. 19) Хирургія съ десмургіей. 20) Оперативное акушерство. 21) Сифилологія и дерматологія. 22) Офтальмологія. 23) Нервные и душевные болѣзни.

18) Удовлетворительно окончившимъ курсъ института выдается дипломъ на званіе «женщина-врачъ», дающій слѣдующія права:

а) право повсемѣстно свободной практики по приглашенію желающихъ пользоваться ихъ совѣтами на основаніи постановленій о вольно-практикующихъ врачахъ;

б) право выпиcывать изъ аптекъ по рецептамъ сильно дѣйствующія средства, съ занесеніемъ ихъ именъ, согласно ст. 128 т. III Уст. врач., въ російскій медицинскій списокъ;

в) право, въ качествѣ специалистовъ по женскимъ и дѣтскимъ болѣзнямъ, повсемѣстно занимать должности врачей, безъ правъ государственной службы, при женскихъ институтахъ, гимназіяхъ, пансіонахъ, школахъ и другихъ женскихъ воспитательныхъ, богоугодныхъ и учебныхъ заведеніяхъ, а равно женскихъ и дѣтскихъ больницахъ и родо-вспомогательныхъ заведеніяхъ.

г) право быть допускаемыми губернскими врачебными управленіями, по ходатайству земскихъ учрежденій, къ завѣдыванію земскими медицинскими участками, а равно находящимися въ этихъ участкахъ сельскими больницами, приемными покоями и всякаго рода лечебными заведеніями.

По послѣднимъ извѣстіямъ, проектъ женскаго медицинскаго института уже внесенъ въ Государственный Совѣтъ. Какъ извѣстно изъ официальныхъ заявленій, пишутъ «Рус. Вѣд.», вся остановка теперь только за средствами для содержанія института, и притомъ средствами сравнительно небольшими. Къ январю нынѣшняго года до необходимой нормы этого капитала не хватало только 333.000 рублей; съ тѣхъ поръ поступило отъ г. фонъ-Дервиза 30.000 и по завѣщанію П. В. Берга, черезъ душеприкащика его г. Шанявекаго, 200.000 р.; такимъ образомъ, теперь недостаетъ всего лишь ста тысячъ р., которые притомъ могутъ быть замѣнены гарантіей въ ежегодномъ взносѣ 6.000 руб. до тѣхъ поръ, пока число слушательницъ не достигнетъ 240. Можно смѣло надѣяться, что дѣло, уже столь близкое къ осуществленію, не можетъ остановиться изъ-за такой небольшой суммы.

Нужды русскихъ ремесленниковъ. Долгое время не обращалось должнаго вниманія на классъ ремесленниковъ, на ихъ бытъ, на ихъ умственную и нравственную жизнь, а между тѣмъ только въ одной Москвѣ ремесленниковъ всѣхъ категорій, мастеровъ, подмастерьевъ и учениковъ, числится свыше 60 тысячъ человекъ.

Теперь этотъ серьезный вопросъ, видимо, назрѣлъ и стоитъ на очереди: въ печати всесторонне разбараются неудовлетворительная организація общественно-ремесленнаго управленія, необходимость кореннаго измѣненія въ положеніи ремесленныхъ учениковъ, съ другой стороны V-ое отдѣленіе (по кустарной и ремесленной промышленности) Общества

для содѣйствія русской промышленности и торговли постановило ознакомиться съ нуждами петербургскихъ ремесленниковъ. Съ этою цѣлью, по словамъ «Русской Мысли», была образована коммиссія, которая выработала программу для изслѣдованія современнаго быта сначала петербургскихъ ремесленниковъ. Работы коммиссія уже окончены. Мѣры, представленныя коммиссіею, для упорядоченія далеко не совершенной организаціи ремесленнаго быта, дѣйствительно проникають въ самую суть дѣла.

Правительство, съ своей стороны, тоже отозвалось на нужды нашихъ ремесленниковъ; недавно опубликовано Высочайше утвержденное положеніе о школахъ ремесленныхъ учениковъ. Эти школы представляютъ новый типъ учебно-ремесленныхъ заведеній, такъ какъ программа преподаванія въ школахъ должна быть приравнена къ нуждамъ даннаго промышленнаго района.

Основаніе школъ новаго типа вызвано крайне неудовлетворительнымъ положеніемъ малолѣтнихъ учениковъ, отдаваемыхъ въ мелкія мастерскія и промышленныя заведенія.

Дѣйствительно, исторія этого ученичества—это исторія дѣтскихъ страданій, физическихъ и нравственныхъ, дѣтскихъ слезъ и стонровъ. «Какъ пагубно вліяетъ ремесленное ученичество на дѣтей въ физическомъ и нравственномъ отношеніяхъ,—говоритъ г. Лорданъ въ своей статьѣ «Дѣти - ремесленники», помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Русской Мысли», краснорѣчивѣе всего свидѣтельствуютъ слѣдующія явленія: 1) по отчетамъ московскаго городского Рукавишниковскаго пріюта для несовершеннолѣтнихъ преступниковъ, въ теченіе періода времени съ 1880 по 1888 г. половину всѣхъ порочныхъ дѣтей, содержащихся въ пріютѣ, составляли ученики ремесленныхъ заведеній, преимущественно сапожныхъ; 2) наибольшій процентъ бракуемыхъ новобранцевъ также падаетъ на населеніе ремесленныхъ мастерскихъ». Диагнозъ—физическое и нравственное вырожденіе.

Новыя школы рассчитаны на учениковъ въ возрастѣ отъ 11 до 17 лѣтъ, т.-е. на то время, которое соотвѣтствуетъ годамъ ученичества; въ нихъ принимаются дѣти, прошедшія курсъ начальной школы. Въ теченіе трехъ лѣтъ дѣти знакомятся съ первоначальными общими приемами тѣхъ отраслей ремесла, которыя соотвѣтствуютъ мѣстнымъ потребностямъ; кромѣ того, дѣти продолжаютъ свое общее образованіе и приобретаютъ спеціальныя свѣдѣнія по технологіи дерева или металла, по техническому черченію и счетоводству. Школа не даетъ ученикамъ званія цеховаго подмастерья; они могутъ получить его, закончивъ свое ремесленное образованіе у мастеровъ.

«Насколько школы ремесленныхъ учениковъ отвѣчаютъ потребностямъ промышленныхъ районовъ, видно изъ того,—говоритъ «Сибирскій Вѣстникъ»—что уже въ настоящее время, спустя нѣсколько недѣль по утвержденіи новаго положенія, въ Министерствѣ Народнаго Просвѣщенія поступаютъ ходатайства объ открытіи такихъ училищъ».

Помощь Комитета грамотности ученикамъ народныхъ школъ. Коммиссія С.-Петербургскаго Комитета грамотности кормитъ теперь 862 бѣднѣйшихъ учащихся въ 53 сельскихъ школахъ мѣстностей, въ кото-

рыхъ въ 1893 г. случился неурожай. На каждого человѣка выдается отъ 30 к. до 1 р. 50 к. въ мѣсяць на горячую пищу или на хлѣбъ, смотря по мѣстной нуждѣ.

Въ большей части Россіи въ 1893 г. былъ хорошій урожай, но не вездѣ. Изъ Новгородской губерніи въ послѣднее время вотъ что пишутъ въ комиссію (приводимъ письма изъ разныхъ угловъ Новгородской губерніи). «Мѣстность наша (Устюженскій уѣздъ) болотистая и озерная; урожай хлѣба большею частью такъ малъ, что нѣкоторымъ не хватаетъ даже для обѣдненія поля на одно или два тягла; поэтому запашки крестьянъ уменьшаются. Рожь, собранная въ августѣ 1892 г. и затѣмъ посѣянная въ томъ же августѣ, оказалась невскожею, отъ нея не показалось никакихъ всходовъ. Поэтому весной 1893 г. половина домохозяевъ пересѣяла озимыя поля яровымъ хлѣбомъ, т.-е. осталась безъ ржаного хлѣба на цѣлый годъ. Урожай ржи въ 1893 г. былъ изъ ряда вонъ—такъ ничтоженъ, что если бы губернское земство не прислало въ г. Устюжну сѣмянную рожь и не продавало бы ее по удешевленной цѣнѣ, то большая часть полей осталась бы незасѣянною. Бѣднѣйшая половина крестьянъ у насъ и въ урожайные годы не пользуется довольствомъ, а въ годы, подобные нынѣшнему, вынуждена голодать въ полномъ смыслѣ этого слова. Съ осени 1893 г. въ закромахъ этихъ крестьянъ не оставалось и зерна ржаного хлѣба, и они стали питаться хлѣбомъ житнымъ (ячменнымъ) и овсянымъ. Не вкусенъ этотъ хлѣбъ, но живущему въ нуждѣ не до вкусовъ. Въ голодѣ бѣднякъ и за овсяный хлѣбъ благодаритъ Бога. А вотъ бѣда въ томъ, что и этотъ невкусный хлѣбъ на исходѣ: не мало такихъ бѣдняковъ, у которыхъ въ амбарѣ къ новому 1894 г. оставалось овса 2—3 мѣрки. И съ такимъ-то запасомъ хлѣба нужно прокормиться крестьянину со своею семьею до августа! Почти единственный заработокъ у насъ—рубка и вояка лѣса, но заработокъ этотъ такъ малъ, что крестьяне поневолѣ посылаютъ дѣтей по міру. Бѣднякамъ несподручно отдавать дѣтей въ школу; въ школу надо дать мальчику хлѣба, а дома-то онъ самъ достанетъ Христовымъ именемъ». «Въ нашемъ приходѣ всѣхъ дѣтей школьнаго возраста обоого пола 358, но изъ нихъ учатся въ школѣ не болѣе 60, потому что остальнымъ приходится ходить по міру». «Изъ 50 учениковъ школы многіе перестали посѣщать ее за неимѣніемъ хлѣба еще до Рождества Христова; да и тѣ, которые теперь ходятъ, приходятъ неаккуратно,—день придетъ, а два нѣтъ; спрашиваешь—почему?—а потому, что хлѣба нѣтъ. Въ каждой школѣ не мало учениковъ изъ дальнихъ деревень за 6—8—12 верстъ,—эти живутъ въ устроенныхъ при школахъ ночлежныхъ приютахъ по цѣлой недѣлѣ отъ праздника до праздника и питаются въ школѣ цѣлую недѣлю исключительно сухимъ овсянымъ хлѣбомъ, часто безъ соли, съ кружкою воды. Но въ концѣ концовъ приходится выбирать что-нибудь одно: или учиться не ѣвши, или ходить по міру,—и конечно, кончается послѣднимъ». «Въ нашей школѣ за ея 15-лѣтнее существованіе ни одинъ ученикъ не слышалъ и не пробовавъ обѣда съ горячею пищею въ учебное время, исключая тѣхъ, дома которыхъ стоятъ при школѣ, а такихъ только два: мой—священника и псаломщика; всѣ же остальные селенія, кромѣ одного—далѣе 3 верстъ отъ школы». Нерѣдко вслѣдствіе дурной пищи ученики заболѣваютъ. Мѣстный врачъ пишетъ, что встрѣчать у школьниковъ

хотя бы слегка розовое личико—приходилось очень рѣдко, всѣ вялы и малокровны. Поэтому предложенное Комитетомъ грамотности кормленіе горячею пищею принято учениками, ихъ родителями и учителями съ восторгомъ. Даже такія дѣти, которыя раньше не ходили въ школу, просятъ принять ихъ въ школу.

Средства комиссіи Комитета грамотности крайне ограничены: пожертвованій, принимаемыхъ предсѣдателями названной комиссіи С.-Петербургскаго Комитета грамотности В. Э. Катрицемъ (Васкова ул., 14) въ нынѣшнюю зиму поступило крайне мало: не болѣе 150 руб. Между тѣмъ, нужда къ веснѣ растетъ. У насъ находятъ средства множество обществъ для помощи учащимся въ среднихъ и высшихъ учебныхъ заведеніяхъ. Неужели не найдется въ обществѣ людей, которые пожалѣли бы столь нуждающихся крестьянскихъ дѣтей и помогли бы имъ?

Обычаи, сохранившіеся въ Новгородской губерніи. Мы сплошь и рядомъ удивляемся всевозможнымъ обычаямъ, которые находятъ путешественники у дикихъ племенъ Африки, и вдругъ оказывается, что подъ бокомъ у насъ, въ Новгородской губерніи, попадаются столь же интересные обычаи. Да и въ одной ли Новгородской губерніи! Въ «Этнографическомъ Обзорѣніи 1894 г., № 1, описаны любопытныя обычаи, сохранившіеся до сихъ въ Череповецкомъ уѣздѣ:

«*Заповѣданіе ягодъ*». Плохіе урожаи хлѣба, вслѣдствіе песчаной почвы и преобладанія болотъ въ южной части уѣзда, заставляютъ крестьянъ обращать большое вниманіе на «лѣсной харчъ», заготовляя его помногу въ прокъ, какъ подспорье къ прочимъ пищевымъ продуктамъ. Грибы солятъ и сушатъ—бѣлыя сушенныя грибы идутъ исключительно въ продажу на крещенской ярмаркѣ въ г. Весьегонскѣ, Тверской губерніи, по цѣнѣ отъ 40 к. до 1 р. за фунтъ, смотря по урожаю. Въ предупрежденіе выбора ягодъ еще не спѣлыми, и для равномернаго распредѣленія ихъ между каждою семьею, ягоды: бруснику, клюкву и верескъ «заповѣдуютъ». Для этого въ началѣ дѣла собирается въ данной деревнѣ сходъ и постановляетъ приговоръ не собирать ягоды до известнаго времени, а еслушникамъ опредѣляется наказаніе въ видѣ денежнаго штрафа. Въ день «заповѣданія» ягодъ отправляются почти поголовно для сбора, и въ урожайные годы брусники набираютъ и затѣмъ намачиваютъ цѣлыя кадки. Клюквы же нѣкоторыя семьи насобираютъ по четверти и болѣе, и почти вся она продается пріѣзжающимъ нарочно для этого скушникамъ. Даже такія невкусныя ягоды, какъ, напр., можжевеловыя (верескъ), заповѣдуются и заготавливаются по нѣскольку мѣрѣ. Впродолженіе зимы изъ нихъ варятъ праздничный напитокъ, подъ названіемъ «вересоваго сусла», который пьется всеми съ удовольствіемъ, за неимѣніемъ ничего лучшаго.

Живой огонь. При сильномъ развитіи въ селеніи какой-нибудь эпидеміи, напр., тифовой горячки, для прекращенія болѣзни и предохраненія другихъ отъ заболѣванія, «вытираютъ живой огонь».

Огонь этотъ считаютъ священнымъ, вѣроятно, потому, что съ нимъ связаны религіозныя обряды, и что много нужно труда положить для полученія его. Добываютъ его, по способу первобытныхъ людей, сильнымъ треніемъ бревна о бревно.

Въ назначенный для исполненія этого суевѣрнаго обряда день за-прещается топить печи, грѣть самовары, курить и вообще доставать огонь какимъ-нибудь инымъ образомъ. Съ восходомъ солнца, собираются жители всего селенія на улицу и приготовленными бревнами начинаютъ треніе по очереди, чтобы всякій могъ потрудиться; къ полудню удается достать огонь. Когда бревна задыматся, то прикладываютъ какіе-нибудь сухіе предметы, раздувая, чтобы вспыхнулъ огонь. Затѣмъ раскладываютъ небольшой костеръ, и сначала всѣ здоровые переходятъ черезъ огонь, потомъ уже переносятъ больныхъ. Этимъ же огнемъ ватапливаютъ всѣ печи въ селеніи. Тутъ же дають обѣщаніе въ ближайшій праздникъ отслужить водосвятный молебенъ, съ крестнымъ ходомъ вокругъ селенія, и затѣмъ этотъ день праздновать ежегодно. Отсюда берутъ начало такъ-называемые «Завѣтные праздники».

«*Вмазываніе въ чело*». Челомъ называютъ начало трубы надъ устьемъ печи. Названный суевѣрный обычай производится особыми анахарами при кражѣ денегъ. Суть дѣла состоитъ въ томъ, что потерпѣвшій обращается за помощью къ анахарю и проситъ «вмазать въ чело».

Для этого берется рублевая бумажка, откалывается часть глины отъ трубы, туда вкладется бумажка и замазывается глиной. По объясненію анахара, какъ бумажка отъ жару во время топки печи будетъ глѣть и сохнуть, такъ и человекъ похитившій деньги, будетъ хворать и худѣть, иногда его корчитъ до того, что онъ падетъ съ повинною, или посылаетъ кого-нибудь къ владѣльцу денегъ съ мольбами простить его и «вынуть изъ чела».

Сельскохозяйственное образованіе женщинъ. Мысль о женскомъ сельскохозяйственномъ образованіи возникла у насъ недавно. Проф. И. А. Стебуть основалъ въ прошломъ году въ Москвѣ «Общество содѣйствія женскому сельскохозяйственному образованію». Развивая свои положенія, почтенный профессоръ основывался главнымъ образомъ на томъ существующемъ порядкѣ вещей, что женщина за послѣднее время сумѣла пробить себѣ дорогу во многія профессіи и зарекомендовала себя съ весьма хорошей стороны во многихъ областяхъ науки и практической дѣятельности; только одна сельскохозяйственная наука, говоритъ профессоръ И. А. Стебуть, до сихъ поръ не обратила на себя вниманія женщины, а между тѣмъ въ этой области отирается обширное поле труда, гдѣ бы женщина могла съ успѣхомъ примѣнять свои способности, свои познанія.

Экономическія бѣдствія послѣднихъ 3—4 лѣтъ заставили вспомнить, что наряду съ тѣми полезными мѣропріятіями, которыя предприняло правительство, наряду съ полезной дѣятельностью нашихъ высшихъ и среднихъ агрономическихъ мужскихъ училищъ, роль агронома-женщины также могла бы быть весьма полезной. И что дѣйствительно она полезна, — въ этомъ едва ли кто-нибудь станетъ теперь сомнѣваться.

«Едва ли есть дѣло болѣе сложное, — говоритъ профессоръ И. А. Стебуть, — чѣмъ веденіе сельскаго хозяйства. Нигдѣ такъ настоятельно не требуется взаимопомощь физическая и нравственная. Вслѣдствіе

этой потребности, уже въ настоящее время нѣкоторыя отрасли сельскаго хозяйства находятся всецѣло въ рукахъ женщины. Таковы молочное хозяйство, птицеводство и т. п. Къ нимъ смѣло можно присоединить теперь же садоводство и счетоводство. Но не въ одномъ умѣломъ веденіи означенныхъ отраслей хозяйства заключается цѣль женскаго сельско-образованія. Въ каждомъ данномъ мѣстѣ крестьянское хозяйство и сосѣднее съ нимъ хозяйство частно-владѣльческое связаны нераазрывными узами. Они представляютъ одно экономическое цѣло. Помѣщику нужны здоровые и знающіе работники, честные арендаторы и хорошіе сосѣди. Онъ заинтересованъ и въ благосостояніи крестьянъ. Съ своей стороны, онъ можетъ служить для нихъ хорошимъ примѣромъ, онъ можетъ явиться ихъ руководителемъ, совѣтникомъ, посредникомъ и т. д. Вотъ въ этой-то области взаимодѣйствія двухъ хозяйствъ и открывается для образованной женщины перспектива широкой и плодотворной дѣятельности. Медицинская помощь, заботы объ образованіи и нравственномъ развитіи крестьянъ, вообще матеріальная и нравственная поддержка могли бы удовлетворить самымъ хорошимъ стремленіямъ женщины и занять ея время, которое теперь она не знаетъ куда дѣвать. («Рус. Вѣд.»).

Александра Викторовна Потанина. Въ «Этнографическомъ Обзорѣніи» (1894 г. № 1) г-номъ Ивановскимъ помѣщенъ некрологъ извѣстной нашей путешественницы, Александры Викторовны Потаниной, скончавшейся 19-го сентября 1893 г., въ глуши Китая, среди дикихъ горъ и пустынныхъ странъ Центральной Азіи.

Александра Викторовна родилась въ бѣдной семьѣ сельскаго священника Нижегородской губерніи, В. Лаврскаго. Воспитывалась она дома и училась у своихъ братьевъ-семинаристовъ. Уже върской дѣвухой она поступила въ качествѣ надирательницы въ Нижегородское епархіальное училище. Здѣсь, почти до 30-ти лѣтъ, жизнь ея шла однообразно и тихо, въ школѣ и за руководѣліями.

По ея собственнымъ воспоминаніямъ, она была чрезвычайно застѣнчивой и замкнутой натурой; но въ ней постоянно жила безпокойная мысль, неопредѣленное стремленіе къ иной жизни и знанію и неудовлетворенность окружающимъ. Но исхода своимъ стремленіямъ она не видѣла и уже начала утрачивать надежду на возможность какой бы то ни было перемены, какъ въ 1874 г. судьба свела ее съ нашимъ извѣстнымъ путешественникомъ Г. Н. Потанинымъ. Встрѣча ихъ произошла при совершенно исключительныхъ обстоятельствахъ, Г. Н. Потанинъ, противъ своей воли, жилъ тогда въ городѣ Никольскѣ, Вологодской губ. Товарищемъ его по судьбѣ въ этомъ же городѣ былъ К. Лаврскій, братъ Александры Викторовны. Александра Викторовна пріѣхала въ Никольскъ посѣтить брата, познакомилась съ Потанинымъ и, спустя полгода, стала его женой. Съ этого времени жизнь ея совершенно измѣнилась: она прилагала всѣ усилія пополнить пробѣлы своего образованія, изучила англійскій и французскій языки, занималась переводами, и въслѣдствіи каждый, встрѣчавшійся съ нею, поражался ея яснымъ, свѣтлымъ умомъ и обширностью свѣдѣній.

Первое свое путешествіе она совершила съ мужемъ въ 1876—1877 г. въ сѣверо-западную Монголію, посѣтивъ Кобдо, Хами, Уля-

сугай, озеро Косоголь, монастырь Уланкомъ. Въ 1879 году она снова предпринимаетъ съ мужемъ путешествіе въ центральную часть сѣверо-западной Монголіи съ цѣлью посѣщенія и изученія тѣхъ мѣстностей, которыя имъ не удалось увидать во время предшествовавшаго путешествія. Въ 1884—1886 гг. Потанины совершаютъ третье путешествіе на китайскую восточную окраину нагорной центральной Азіи, въ долины и подгорья обширной сѣверо-западной Ганьсуйской провинціи Средней имперіи. Наконецъ, въ 1892 г. Потанины отправились въ новую экспедицію въ Монголію, именно въ мало исследованныя мѣстности восточнаго Тибета, но этой экспедиціи не суждено было окончиться такъ же счастливо, какъ тремъ предыдущимъ: разбитая параличемъ, Александра Викторовна проболѣла 10 дней и скончалась въ степи между городами Бао-нин-фу и Чуы-цин-фу.

О научныхъ результатахъ путешествій супруговъ Потаниныхъ мы не будемъ говорить,—они хорошо извѣстны всему образованному міру и давно по достоинству оцѣнены у насъ и за границей; скажемъ только, что Александра Викторовна во всѣхъ этихъ экспедиціяхъ оказывала мужу самую дѣятельную помощь въ метеорологическихъ наблюденіяхъ, веденіи дневниковъ, сборѣ и сохраненіи коллекцій. Но, помимо участія въ трудахъ мужа и его отчетахъ о путешествіяхъ, Александра Викторовна заявила себя въ наукѣ цѣлымъ рядомъ самостоятельныхъ, въ высшей степени цѣнныхъ статей и исследованийъ, посвященныхъ Бятаю, Монголіи, этнографіи нашихъ восточныхъ инородцевъ. Изъ этихъ исследованийъ «Буряты», напечатанные въ книжкахъ «Труда» (1891 г. кн. 4—6), рядомъ съ ея же статьями объ этомъ племени въ другихъ изданіяхъ, по полнотѣ и научной цѣнности свидѣній, занимаютъ въ этнографической литературѣ о бурятахъ, пожалуй, первенствующее мѣсто.

Географическое Отдѣленіе Императорскаго Общества любителей естествознанія, антропологіи и этнографіи, цѣня заслуги покойной путешественницы передъ наукой, которой она беззаветно служила всѣми своими силами, постановило издать отдѣльнымъ сборникомъ всѣ ея статьи, какъ печатныя, такъ и рукописныя, съ приложеніемъ подробной біографіи путешественницы, ея портрета и нѣкоторыхъ этнографическихъ рисунковъ.

Изъ иностранной жизни.

Медицинская профессія въ Англии. Въ «Revue Bleue» былъ напечатанъ рядъ интересныхъ статей Макса Леклерка о различныхъ профессіяхъ въ Англии, причемъ авторъ приходитъ къ заключенію, что въ Англии люди всѣхъ профессій своимъ успѣхомъ скорѣе обязаны практическому опыту и личнымъ усиліямъ, нежели общему образованію и теоретической подготовкѣ; авторъ находитъ, что это особенно отражается въ медицинской профессіи въ Англии. Конечно, въ Англии существуетъ не мало такихъ представителей медицинской науки, имена которыхъ извѣстны всему ученому и читающему міру, но рядомъ съ этимъ тамъ есть врачи, не получившіе почти никакого образованія и имѣющіе самое поверхностное понятіе о разныхъ областяхъ медицинской науки, что не мѣшаетъ имъ, однако, имѣть большую практику. Въ настоящее время, въ англійскомъ обществѣ обнаруживается уже протестъ противъ такого порядка вещей, но все же этотъ порядокъ такъ укоренился, что уничтожить его очень трудно. Еще очень недавно какой-нибудь бѣднякъ, желавшій сдѣлать своего сына докторомъ, поступалъ слѣдующимъ образомъ: лѣтъ тринадцати-четырнадцати онъ отдавалъ его «въ ученье» къ какому-нибудь вольнопрактикующему врачу. Сначала такой ученикъ занимался только мытьемъ пузырьковъ, наклеиваніемъ этикетокъ и т. п. Онъ долженъ былъ, кромѣ того, разносить больнымъ лекарства. Спустя нѣсколько недѣль онъ уже готовилъ лекарства, а черезъ полгода уже помогалъ своему учителю принимать больныхъ и присутствовалъ при родахъ. Черезъ годъ онъ уже считался настолько выучившимся, что ему уже позволяли принимать самостоятельно больныхъ въ отсутствіе учителя, назначать лежарство и діету. Ему дозволялось даже самостоятельно принимать при родахъ, давать хлороформъ и производить небольшія операціи. И все это онъ могъ дѣлать, не имѣя ни малѣйшаго понятія объ анатоміи и физиологіи, даже не познакомившись ни съ одною медицинскою книгою, и при этомъ почти совершенно безъ руководителя. Если врачъ, къ которому мальчикъ поступилъ въ ученье, переносилъ свою дѣятельность почему-либо въ другое мѣсто, то онъ оставлялъ вмѣсто себя «ассистента» т. е. своего ученика, прожившаго у него иногда не болѣе года, причемъ назначалъ ему опредѣленное жалованье, а плату за совѣты и лекарства бралъ себѣ. Ассистентъ долженъ былъ вести правильную запись больнымъ и выданнымъ лекарствамъ, и поэтому врачъ легко могъ его контролировать по этимъ записямъ. У нѣкоторыхъ врачей число такихъ ассистентовъ достигало десяти. Авторъ, между прочимъ, рассказываетъ исторію одного такого «пятнадцатилѣтняго» ассистента, которому приходилось ежедневно принимать 50—60 больныхъ, выдавать имъ лекарства, посѣщать больныхъ ночью, помогать при родахъ, вправлять вывихи, и вообще дѣлать массу мелкихъ операцій. Такое количество работы, конечно, способно утомить и взрослого человека, а между тѣмъ ее производилъ мальчикъ. Положеніе ассистента всегда бываетъ подневольное. Рѣдко, лишь при особенно благоприятныхъ условіяхъ и исключительной энергіи и силѣ воли, ассистенту удается выбиться изъ этого печальнаго положенія и сдѣлаться само-

стоятельнымъ практикомъ. Одинъ изъ такихъ ассистентовъ, съ 14-лѣт-
наго возраста находившійся въ ученіи, не смотря на массу подневоль-
ной работы, съумѣлъ-таки найти время, чтобы обучиться латинскому
языку, знаніе котораго необходимо для поступленія въ медицинскую
школу, куда ему удалось попасть, наконецъ, на двадцать шестомъ году
жизни. Такъ какъ онъ былъ уже въ ученіи, то ему разрѣшено было
пройти четырехлѣтній курсъ школы въ два съ половиною года. На-
конецъ, онъ получалъ желаемую степень доктора медицины, къ чему
такъ упорно стремился! И что же? Будучи докторомъ, онъ не имѣлъ
и десятой доли той практики, которою обладалъ, когда былъ ассистен-
томъ. Нынѣшній лейбъ-медикъ королевы Викторіи тоже былъ нѣкогда
«въ ученіи». Теперь эта система уже начинаетъ исчезать мало-по-
малу. На законномъ основаніи она уже не существуетъ, такъ какъ
медицинскій совѣтъ издалъ недавно постановленіе, по которому «врачъ,
довольный какому-нибудь недипломированному лицу поступать такъ,
какъ будто у него есть дипломъ, подлежитъ лишенію чести и лишенію
права практики». Однако, несмотря на такое постановленіе, прежняя
система все-таки продолжаетъ существовать, такъ какъ она пустила
слишкомъ глубокіе корни въ населеніи Англіи, чтобы сразу исчезнуть.

Вообще, по словамъ Леклерка, медицинское образованіе въ Англіи
оставлено довольно-таки плохо. Англійскіе врачи нѣсколько лѣтъ тому
назадъ возбуждали вопросъ о необходимости общаго образованія для лицъ,
посвящающихъ себя медицинской профессіи. Президентъ высшаго ме-
дицинскаго совѣта еще въ 1889 году обратилъ вниманіе своихъ кол-
легъ на недостаточность размѣровъ общаго образованія, признаваемаго
необходимымъ для лицъ, посвящающаго себя изученію медицины. Въ
огромномъ большинствѣ случаевъ медицинскіе студенты, сдающіе по-
слѣдніе экзамены, не умѣютъ даже правильно писать, и вообще степень
умственного ихъ развитія оставляетъ желать многого. Въ слѣдующемъ
году вопросъ этотъ вторично былъ возбужденъ британской медицинской
ассоціаціей. Многіе члены этого общества указывали на безполезность
знанія древнихъ языковъ для медицинскаго студента и на необходи-
мость болѣе солидной научной подготовки по другимъ отраслямъ. Усту-
пая общимъ требованіямъ, медицинскій совѣтъ расширилъ программу
для поступленія въ медицинскія школы, но все же эта программа оста-
вляетъ желать многого, также какъ и сами медицинскія школы. Меди-
цинскихъ школъ въ Англіи множество, но на ряду съ прекрасно об-
ставленными учрежденіями такого рода, даже въ самомъ Лондонѣ су-
ществуетъ до двадцати школъ, совершенно не соответствующихъ своему
назначенію. Конечно, не каждая изъ этихъ школъ имѣетъ право вы-
давать дипломъ, но все-таки, со свидѣтельствомъ о своихъ занятіяхъ
въ какой угодно медицинской школѣ, студентъ можетъ держать экза-
менъ или въ университетѣ, или въ какомъ-нибудь другомъ учрежденіи,
которое имѣетъ право выдавать дипломы. Однако, и дипломъ не слу-
житъ гарантіею знаній. Далеко не всѣ учрежденія, имѣющія право
выдавать дипломы, обладаютъ достаточно для этого компетантностью.
Напримѣръ: имѣетъ право выдавать дипломы на званіе врача общество
лондонскихъ аптекарей. Это, конечно, болѣе чѣмъ странно. Получить
докторскій дипломъ въ Лондонскомъ университетѣ очень трудно; не
болѣе шести-семи кандидатовъ въ годъ удостоиваются этой степени,

но зато общество лондонскихъ аптекарей не спешитъ на дипломы врачей и рвадаетъ ихъ направо и налево. Такія несообразности, конечно, дѣлаютъ то, что въ Англии медицинская профессія стоитъ въ одно и то же время и очень высоко, и очень низко, и рядомъ съ серьезными врачами, свѣтилками медицинской науки, мы видимъ совершенно несвѣдущихъ шарлатановъ, имѣющихъ тѣмъ не менѣе большую практику. Э.

Дешевыя жилища для бѣдныхъ. Среди новѣйшихъ попытокъ улучшить положеніе трудящагося люда посредствомъ устройства здоровыхъ жилищъ особеннаго вниманія заслуживаетъ попытка городского управленія города Берна построить особый кварталъ на средства и подъ ближайшимъ руководствомъ городскихъ властей. Недалеко отъ города, въ здоровой мѣстности, въ самое короткое время выросъ цѣлый рабочій кварталъ, съ широкими улицами, безъ тѣхъ закоулковъ, въ которыхъ обыкновенно ютятся рабочіе. При каждомъ домѣ имѣется небольшой садикъ, повсюду много свѣта и воздуха, все приспособлено къ нуждамъ небогатыхъ людей. Отсутствіе порядочныхъ жилищъ въ связи съ установившимся въ Бернѣ обычаемъ проводить почти круглый годъ подъ открытымъ небомъ или въ тѣсныхъ углахъ побудило городское управленіе позаботиться объ устройствѣ жилищъ. Исходя отъ возрѣнія, что частная инициатива не въ состояніи выполнить этой задачи, и что нельзя разчитывать на благотворительность въ такомъ серьезномъ дѣлѣ, городъ рѣшилъ создать на городской счетъ образцовыя жилища. Первоначально, въ 1889 году, для этой цѣли былъ открытъ кредитъ въ 85.000 франковъ; на эти деньги было построено 14 домиковъ. Черезъ пять мѣсяцевъ дома были готовы и населены. Каждый домикъ, съ двумя квартирами, съ садикомъ, заборомъ и водопроводомъ, обошелся въ 4.120 фр.; за наемъ дома назначена была арендная плата въ 240 фр. въ годъ, причеиъ предпочтеніе получали многосемейные люди. Въ 1890 г., вопросъ объ устройствѣ здоровыхъ жилищъ былъ поставленъ на болѣе широкую ногу; въ городскомъ управленіи созрѣло убѣжденіе, что прямую обязанность города составляетъ—заботиться о томъ, чтобы немущіе жили въ болѣе гигиеничныхъ условіяхъ, и что для этого недостаточно полицейскихъ предписаній, а необходимо взять на себя инициативу. Въ августѣ 1890 г. былъ ассигнованъ дополнительный кредитъ въ 100.000 фр. на постройку новыхъ 20 жилищъ, а въ декабрѣ того же года постановлено было открыть для этой цѣли кредитъ въ 800.000 фр. съ тѣмъ, чтобы ежегодно расходовать по требованію строительнаго управленія по 150.000 фр. Изъ этой ассигновки въ іюлѣ 1891 г. была построена третья серія жилищъ, всего 32, на сумму въ 120.000 фр.; въ январѣ они были уже готовы, а къ концу 1892 г. были построены еще жилища на 100.000 фр. Первоначально домики строились изъ дерева, потомъ стали строить стѣны изъ бетона; при всѣхъ жилищахъ имѣются погреба, отдѣльныя кухни, ватерклозеты, водопроводъ, хорошія печи, газовое освѣщеніе. Большая часть обитателей страхуютъ отъ огня свою движимость, около половины устроили общее страхованіе. Во всемъ можно видѣть слѣды самой полной заботливости со стороны городского управленія; оно отказалось отъ всякой прибыли на затраченный капиталъ, а довольствуется скромнымъ процентомъ. Квартиры сдаются отъ 18 до 26 франковъ въ мѣсяцъ, въ зависимости отъ размѣра. Затраты города на устройство 100 жилищъ въ 51 домикъ вмѣстѣ съ устройствомъ улицъ составляютъ 414.624 фр., площадь земли въ 239,44 аръ стоитъ 37.228 фр., такъ что каждое жилище обходится въ сред-

немъ въ 4.500 фр. Арендная плата за всѣ сто жилищъ равняется 27.288 фр. въ годъ или 2.274 фр. въ мѣсяцъ, а расходы по содержанию и управленію составляютъ 27.288 фр. и чистаго дохода остается 16.886 фр., что составляетъ 3,7%, на капиталъ въ 451.852 фр. Созданный на городскія средства кварталъ населенъ въ настоящее время 747 лицами, между которыми 185 взрослыхъ членовъ семей, 354 малолѣтнихъ, 78 взрослыхъ дѣтей; 243 человека изъ этой группы имѣютъ опредѣленное занятіе, между ними много рабочихъ на оружейной фабрикѣ, мелкіе служащіе, носильщики, плотники, портные и проч. Заработокъ рабочихъ составляетъ въ среднемъ 5,17 фр. за рабочій день.

Попытка города Верна представляетъ тѣмъ большій интересъ, что мы имѣемъ предъ собою весьма удачную организацію сложнаго дѣла, къ которому городскія управленія обыкновенно относятся съ полнымъ равнодушіемъ. Въ данномъ случаѣ весьма важно отмѣтить, что городское управленіе пришло къ убѣжденію, что созданіе здоровыхъ жилищъ для рабочихъ составляетъ прямую обязанность города и не можетъ быть предоставлено инициативѣ частныхъ лицъ и благотворительныхъ обществъ. Кроме того, городу Верну удалось поставить это дѣло на почву правильнаго финансоваго расчета: онъ даетъ дешевыя и здоровыя жилища, не неся въ сущности для этого никакихъ жертвъ, такъ какъ получаетъ проценты на затраченный капиталъ.

Число женщинъ рабочихъ. Въ статьѣ Б. Ф. Брандта «Современная женщина и ея положеніе въ Западной Европѣ и въ Америкѣ», помѣщенной въ апрѣльской книжкѣ «Рус. Бог.», находятся интересныя цифры, показывающія насколько велико число женщинъ, собственнымъ трудомъ снискивающихъ свое пропитаніе.

	Годы.	Общее кол. жен. населенія.	Число женщинъ, живущихъ собств. трудомъ. %/о.
Италія	1871	13.329	40,5
Австрія	1880	11.325	39,5
Швейцарія	1870	1.364	34,7
Ирландія	1881	2.642	29,3
Франція	1881	18.789	28,6
Англія	1881	13.335	25,5
Шотландія	1881	1.936	25,0
Венгрія	1880	7.939	24,9
Германія	1882	23.071	24,0
Норвегія	1876	930	21,0
Швеція	1870	2.152	19,3
Данія	1880	1.007	19,1

Изъ этой таблицы мы видимъ, что отъ 20% до 40% всего женскаго населенія снискиваетъ свое пропитаніе собственнымъ трудомъ, занимаясь торговлею и промышленностью, трудясь на фабрикахъ, заводахъ, работая на поляхъ или, наконецъ, находясь въ услуженіи. Процентъ этотъ значительно возрастеть, если принять во вниманіе одно только взрослое женское населеніе, составляющее только $\frac{2}{3}$ общаго числа женскаго населенія. Наибольшее число труженицъ приходится на долю обрабатывающей промышленности. Англія, эта фабричная страна по преимуществу, конечно, стоитъ и въ этомъ отношеніи впереди всѣхъ другихъ современныхъ европейскихъ странъ. Изъ общаго числа 3.404.918 работницъ приходится на долю:

	Женщинъ.
Обработывающей промышленности	1.578.189
Сельскаго хозяйства	64.840
Торговли	19.467
Свободныхъ проф. и госуд. службы	196.120
Стирки бѣлья и др. лич. услугъ	287.017
Домашней прислуги	1.230.406

Женщины и университетское образованіе. Въ одной изъ нѣмецкихъ газетъ («Frankfurter Zeitung») появилась недавно любопытная статья авторъ которой, пользующаяся извѣстностью въ Германіи женщина-врачъ, госпожа Адамсъ Вальтеръ, обсуждаетъ вопросъ, почему лишь сравнительно небольшое число женщинъ поступаетъ на медицинскій факультетъ, доходитъ до конца и затѣмъ занимается практикой. По мнѣнію госпожи Адамсъ Вальтеръ, причину такого явленія слѣдуетъ искать въ недостаточной подготовкѣ женщинъ. На это уже обратили должное вниманіе сторонники женскаго образованія и въ Германіи пооткрывались гимназіи для дѣвочекъ. Въ Берлинѣ и Карлсруэ уже открыты классическія гимназіи для женщинъ. Вообще же классицизмъ тутъ не играетъ никакой особенной роли. Женщинѣ нужно добиться равноправности, но, конечно, это можетъ быть достигнуто ею лишь на почвѣ мужскаго образованія. Затѣмъ еще существуютъ другія условія, которыя мѣшаютъ успѣшности гимназической подготовки, даже въ тѣхъ случаяхъ, когда программа женской гимназіи не уступаетъ мужской. Г-жа Адамсъ Вальтеръ указываетъ на то, что физическое развитіе дѣвушекъ еще болѣе заброшено нежели у мальчиковъ; мускульная сила дѣвушки совершенно не упражняется и нервы ея неспособны противодѣйствовать неблагоприятнымъ условіямъ современной жизни. Немаловажную роль играетъ также и то, что дѣвушка почти совершенно не знаетъ товарищества, имѣющаго такое большое значеніе въ развитіи и воспитаніи мальчика. Такъ какъ для приѣма женщинъ въ университетъ необходимо, чтобы они удовлетворяли совершенно тѣмъ же условіямъ, какъ и мужчины, то прежде всего ихъ нужно поставить уже съ самаго начала въ совершенно равныя условія. Такія условія могутъ быть достигнуты лишь въ смѣшанной школѣ, т.-е. въ такой школѣ, въ которой мальчики и дѣвочки воспитываются вмѣстѣ. Только такая школа можетъ служить фундаментомъ для высшаго образованія. Противникамъ этой идеи смѣшаннаго воспитанія госпожа Адамсъ Вальтеръ указываетъ на примѣръ Америки. Въ Европѣ только въ народныхъ школахъ мальчики и дѣвочки сидятъ на одной скамейкѣ, въ Америкѣ же смѣшанное воспитаніе очень распространено и это оказываетъ только хорошее вліяніе на учащихся.

Г-жа Адамсъ Вальтеръ говоритъ, что женщина нуждается въ поднятіи умственнаго уровня, мужчина же— въ поднятіи нравственнаго. Необходимо уничтожить пропасть, лежащую между мыслями и чувствами мужчины и женщины; все дурное, фальшивое и пошрое въ ихъ взаимныхъ отношеніяхъ составляетъ лишь результатъ искусственнаго раздѣленія половъ съ самаго дѣтства. Если мальчикъ и дѣвочка будутъ сидѣть рядомъ на школьной скамьѣ вплоть до самаго университета, то они привыкнутъ видѣть другъ въ другѣ товарища. Вообще, по мнѣнію

госпожи Адамсъ Вальтеръ, ни что не можетъ такъ способствовать развитію этическихъ возрѣній въ обществѣ, какъ именно такого рода совмѣстное воспитаніе мужчинъ и женщинъ.

3.

Копи въ Гренландіи. Все въ этихъ коняхъ выходитъ изъ ряда обыкновеннаго: ихъ открытіе, способъ эксплуатаціи и колонія рабочихъ, занимающихся ихъ разработкою. Въ апрѣлѣ мѣсяцѣ ежегодно можно наблюдать появленіе во фіордѣ Арсукъ, у юго-западнаго берега Мыса Отчаянія въ Гренландіи, маленькой флотиліи судовъ, подобныхъ которымъ, пожалуй, не найдется на всемъ свѣтѣ. Эти суда выстроены необыкновенно прочно, съ очень толстымъ килемъ и носомъ, имѣющимъ двойную желѣзную обшивку. Такія предосторожности необходимы, такъ какъ суда эти пускаются въ очень опасное плаваніе, среди сплошныхъ льдовъ, гдѣ они остаются иногда въ теченіи многихъ мѣсяцевъ, прежде чѣмъ имъ удастся выбраться оттуда. Но, преодолевъ счастливо это затрудненіе, они далеко не избавляются отъ новыхъ опасностей, ожидающихъ ихъ у самыхъ береговъ Гренландіи, гдѣ сильное теченіе увлекаетъ ихъ иногда въ массу плавающихъ льдинъ, не говоря уже о буряхъ, столь опасныхъ въ этихъ мѣстахъ. Однако, ничто не останавливаетъ храбрыхъ моряковъ, большинство которыхъ приходитъ съ судами изъ Филадельфіи. Забравъ грузъ, они пускаются въ обратный путь, на встрѣчу новымъ опасностямъ и бурямъ.

Моряковъ съ ихъ судами привлекаютъ въ эту часть Гренландіи существующія въ ней единственныя въ мірѣ залежи криолита, играющаго такую огромную роль въ промышленности, такъ какъ до недавняго времени этотъ минералъ являлся единственнымъ веществомъ, изъ котораго получали всѣмъ извѣстный металлъ алюминій. Эти залежи были открыты еще въ 1806 году, совершенно случайно. Нѣкто Гизеке, нѣмецкій путешественникъ, высадился въ январѣ 1806 года у мыса Фаруалль въ Гренландіи и прожилъ нѣсколько мѣсяцевъ среди эскимосовъ. Во время своихъ поѣздокъ въ саняхъ по этимъ пустыннымъ мѣстамъ, онъ однажды достигъ фіорда Арсукъ. Тамъ онъ познакомился съ однимъ туземцемъ, обитавшимъ въ этихъ ледяныхъ равнинахъ, и этотъ туземецъ разсказалъ ему, что въ нѣсколькихъ километрахъ отъ того мѣста, гдѣ они находятся, существуетъ очень интересный камень, называемый его соотечественниками «ледь, который не таетъ». Туземцы употребляютъ его для чистки и приготвленія шкуръ пушныхъ звѣрей, не подвергающихся послѣ такой обработки порчѣ. Путешественника очень заинтересовалъ этотъ разсказъ, и онъ отправился въ указанное мѣсто, гдѣ дѣйствительно нашелъ скалистую массу бѣловатаго цвѣта, но довольно мягкой консистенціи, очень напоминавшую своимъ видомъ куски льда, смѣшанные съ наполовину растаявшимъ снѣгомъ. Путешественникъ совершенно не могъ опредѣлить, что это за вещество, такъ какъ оно было ему совсѣмъ неизвѣстно, поэтому онъ и взялъ съ собою большой запасъ этого камня.

Однако, только въ 1860 году датское правительство занялось эксплуатаціей этихъ залежей. Были выстроены домики для рабочихъ вблизи и болѣе комфортабельный домикъ для директора, делегата датскаго правительства. Такимъ образомъ возникло на этомъ мѣстѣ маленькое европейское поселеніе. Разработка залежей производится обык-

*

новеннымъ способомъ ломки камней, и рабочіе работаютъ на открытомъ воздухѣ. Отбивъ глыбу криолита порядочной величины, они передаютъ ее другимъ рабочимъ, которые разламываютъ ее на маленькіе кубики и очищаютъ отъ примѣсей. Кубики прямо сваливаются на наклонную плоскость и по ней скатываются въ вагоны, стоящіе внизу. Эти вагоны доставляютъ грузъ въ склады, откуда его уже забираютъ суда. Пристани для судовъ, приходящихъ за грузомъ, сдѣланы изъ осколковъ, получаемыхъ при выработкѣ криолита. Лѣтомъ рабочей персоналъ колоніи, которая называется «Ивигтуть», состоитъ изъ 130 человѣкъ; зимою остается всего лишь 60 рабочихъ, остальныхъ отвозятъ на родину пароходъ «Fox», хорошо извѣстный въ исторіи полярныхъ экспедицій, такъ какъ онъ былъ отправленъ на поиски за Франклиномъ. Это судно совершаетъ каждое лѣто два-три перехода изъ Копенгагена въ Ивигтуть и обратно, привозя нужные для существованія рабочихъ запасы. Шестьдесятъ человѣкъ, остающихся на зиму, врываютъ скалы и расчищаютъ каменоломни для того, чтобы приготовить все къ лѣтней работѣ и возвращенію своихъ товарищей. Замѣчательно, что датское правительство не допускаетъ пребыванія женщинъ въ колоніи. Только тремъ эскимоскамъ разрѣшено жить въ колоніи для выполненія равныхъ домашнихъ работъ. Одному только директору разрѣшено имѣть при себѣ жену и дѣтей. При колоніи есть эскимось, выполняющій обязанности охотника и снабжающій весь лагерь дичью, которой водится не мало въ окрестностяхъ.

3.

ИЗЪ МІРА НАУКЪ.

Метеорологическая сѣть юго-запада Россіи. Въ статьѣ нашей «IX-й сѣздъ естествоиспытателей и врачей», напечатанной въ февральской книжкѣ «Міра Божьяго», мы указывали на то, какъ назрѣла въ Россіи потребность въ *мѣстныхъ, провинціальныя общества* для изученія родного края; мы приводили тогда изъ исторіи сѣздовъ русскихъ естествоиспытателей различные доводы, подтверждающіе нашу мысль. Но, вѣроятно, наиболѣе высокими и блестящими доказательствомъ полезности, своевременности и полной осуществимости такихъ обществъ служитъ метеорологическая сѣть юго-запада Россіи, основанная извѣстнымъ нашимъ метеорологомъ, профессоромъ Новороссійскаго университета А. Клоссовскимъ въ 1886 году.

«Херсонское губернское земское собраніе, въ сессію 1885 года, по докладу моему,—говоритъ проф. А. Клоссовскій ¹⁾,—рѣшило приступить къ спеціальному изученію климатическихъ особенностей Херсонской губерніи. На очередь былъ поставленъ вопросъ, наиболѣе интересный для сельскаго хозяина юга Россіи, вопросъ о распредѣленіи и количествѣ атмосферныхъ осадковъ. Для рѣшенія намѣченной задачи предположено было устроить рядъ станцій, гдѣ производились бы постоянныя наблюденія надъ осадками (дождь, снѣгъ), грозами и градомъ». Губернское земское собраніе ассигновало на это 1.000 рубл.; заказано было 60 дождежировъ...

Большія дѣла часто начинаются весьма скромно. Что, казалось бы, значить для всего юго-запада Россіи какая-нибудь тысяча рублей?! уѣздный исправникъ больше тратитъ на свою канцелярію. Но тысяча была положена на нужное, жизненное дѣло, и энергія откликнувшихся работниковъ-ислѣдователей удесатерила значеніе этой тысячи. Метеорологическая обсерваторія Новороссійскаго университета при посредствѣ одесскихъ газетъ обратилась въ лицамаъ, имѣющимъ постоянное жительство въ предѣлахъ Херсонской губ., съ приглашеніемъ производить дождевыя и грозовые наблюденія, проф. Клоссовскій напечаталъ нѣсколько пояснительныхъ статей, составилъ и разослалъ инструкціи. На призывъ откликнулись сразу: къ концу 1886 г. функционировало уже 67 станцій, почти исключительно въ Херсонской губ.... Всякое живое дѣло растеть въглубь и въширь: и уже съ 1887 г. началось быстрое распространеніе сѣти—во-первыхъ, она перекинулась черезъ предѣлы Херсонской губ. во-вторыхъ, программа ея изслѣдованій значительно расширилась: кромѣ осадковъ, грозъ и градобитій постепенно были включены наблюденія надъ температурой, облачностью, направлениемъ и силою вѣтра, ливнями, ударами молніи, высотой снѣгового покрова, заносами и мятелями, вскрытиемъ и замерзаніемъ рѣкъ, движеніемъ верхнихъ облаковъ, періодическими явленіями въ мірѣ животныхъ и растений (фенологическія наблюденія), песчаными бурями, землетрясеніями, а

¹⁾ «Опытъ спеціальнаго климатическаго изученія Россіи по районамъ». Одесса. 1893.

съ 1890 г. приступлено и къ изученію сельскохозяйственныхъ явленій въ связи съ ходомъ погоды. Послѣдняя сторона дѣятельности установила, по словамъ проф. Клоссовскаго, «болѣе тѣсную связь обсерваторіи съ дѣйствительною жизнью и тѣмъ самымъ привлекла не мало весьма цѣнныхъ сотрудниковъ въ лицѣ хозяевъ-практиковъ, поставленныхъ въ необходимость зорко присматриваться къ явленіямъ природы». Но подавляющее большинство наблюдателей, число которыхъ доходить въ настоящее время до солидной цифры 2.000 *лицъ*, какъ видно изъ списковъ, приложенныхъ къ V-му выпуску трудовъ метеорологической сѣти юго-запада Россіи,—учителя, врачи, иногда священники; эти лица, конечно, руководятся еще болѣе высокими побужденіями, чѣмъ «необходимость», хотя бы и сознанныя, и эти побужденія—любовь къ природѣ, къ родному краю и увѣренность въ необходимости научныхъ изслѣдованій для его проsvѣщенія.

Всякій новый сотрудникъ юго-западной сѣти становится сначала въ ряды качественныхъ наблюдателей, ведущихъ записи безъ приборовъ, и только послѣ пріобрѣтенія извѣстной опытности, послѣ того, какъ убѣдится въ томъ, что на его наблюденія можно положиться, ему поручаютъ приборы и онъ начинаетъ вести количественныя записи. Но проф. Клоссовскій надѣется, что со временемъ всѣ количественныя записи замѣнятся мало-по-малу количественными, причемъ особенно важнымъ это будетъ для сельскохозяйственной метеорологіи.

Въ настоящее время (по отчету за 1892 г.) юго-западная сѣть имѣетъ 1.648 станцій—въ слѣдующихъ губерніяхъ: Херсонской, Таврической, Бессарабской, Екатеринославской, Обл. Войска Донскаго, Подольской, Кіевской, Полтавской, Волынской, Черниговской, Курской, Харьковской, Гродненской, Кубанской обл., Орловской, Тульской, Минской, Тверской и Рязанской. За 6 лѣтъ своего существованія сѣть изъ одной губерніи раскинулась на 19 губерній и 60 станцій превратились въ 1.648! Успѣхъ поразительный даже и не для Россіи, и, по нашему мнѣнію, можетъ быть объясненъ только жизненностью этого дѣла, привлеченіемъ къ нему общества и неутомимой энергіей и вѣрой въ свое начинаніе инициатора проф. Клоссовскаго, вѣрой, которую онъ сумѣлъ вдохнуть и въ своихъ многочисленныхъ помощниковъ. Проф. Клоссовскій отмѣчаетъ крайнее вниманіе и добросовѣстность этихъ тысячъ наблюдателей, «ихъ заботливое, просто-трогательное отношеніе къ наблюденіямъ, боязнь внести ошибку въ методъ своихъ занятій... при наблюденіяхъ присылаются письма, иной разъ цѣлыя тетради, живо, картинно, съ искрой любви къ природовѣдѣнію, рисующія намъ явленія типично, ярко, какъ сама разнообразная природа».

Понятно, что при такой массѣ тѣхъ добросовѣстныхъ наблюдателей накопляется громадное количество сырого матеріала, который нужно обработать, свести въ таблицы, сдѣлать общіе выводы, начертить различнѣйшія кривыя и т. д. Вся эта работа лежитъ на метеорологической обсерваторіи Новороссійскаго университета, и можно только удивляться той быстротѣ и обстоятельности, съ которой она производится. Передъ нами шесть выпусковъ (отъ 1891 по 1893) «Трудовъ метеорологической сѣти юго-запада Россіи»—это около 500 страницъ *in folio* съ массой таблицъ, картъ и чертежей, кромѣ того до 1891 г. напечатана масса статей и «Матеріалы». Здѣсь обработаны наблюденія о грозахъ, прослѣженъ размѣръ и движеніе грозовыхъ вихрей, изслѣдованъ вопросъ о ливняхъ на юго-западѣ Россіи, впервые «систематизированы количества осадковъ, могущихъ выпадать въ теченіе каждой минуты, во время

кратковременныхъ ливней», что весьма важно знать при составленіи различныхъ расчетовъ канализационныхъ, желѣзнодорожныхъ и въкоторыхъ др. работахъ, изслѣдована зависимость урожайности отъ элементовъ погоды, условия вымерзания озимыхъ хлѣбовъ, метеорологическія условия образованія пыльных буръ и проч. Кроме того, съ 1890 года обсерваторія Новороссійскаго университета составляетъ періодически краткіе обзоры состоянія посѣвовъ на юго-западѣ Россіи. Въ своей брошюрѣ: «Организація спеціальнаго изученія Россіи и задачи сельскохозяйственной метеорологіи», проф. А. Клоссовскій, доказывая необходимость метеорологическаго изученія Россіи *по районамъ*, въ числѣ прочихъ доказательствъ приводитъ и свой «опытъ», какъ скромно онъ называетъ свою 8-лѣтнюю дѣятельность по устройству «метеорологической сѣти юго-запада Россіи»; намъ кажется, что достаточно было бы привести одинъ этотъ доводъ. Но, говоритъ почтенный профессоръ, «задачи метеорологіи не исчерпываются однимъ общимъ климатическимъ изученіемъ страны. Метеорологія должна прийти на помощь дѣйствительной жизни; она должна дать прямые отвѣты на многочисленныя запросы практическихъ дѣятелей и смежныхъ специальностей... И, если отдѣльные *районы* для расширенія и развитія обще-метеорологической сѣти *крайне желательны*, то для организациіи *сельскохозяйственныхъ* метеорологическихъ изслѣдованій, въ строгомъ смыслѣ этого слова, они *безусловно необходимы*», такъ какъ для обнаруженія зависимости, которая существуетъ между элементами погоды и явленіями растительной культуры необходимо будетъ установить непрерывныя метеорологическія и сельскохозяйственныя наблюденія; но такія наблюденія, конечно, могутъ вестись *только по районамъ* и притомъ только при участіи лицъ, прекрасно знающихъ мѣстныя условия. Когда будутъ найдены подобныя зависимости, то метеорологія въ состояніи будетъ дѣлать предсказанія о томъ, или иномъ ходѣ нашихъ посѣвовъ;—но этого мало, рисуетъ свой апофеозъ проф. Клоссовскій, тогда можно будетъ «сдѣлать еще шагъ впередъ и изъ роли наблюдателя перейти къ роли экспериментатора».—можно будетъ ставить рациональные опыты и на основаніи ихъ выработать приемы борьбы съ природой «изъ-за наибольшей производительности почвы» и авторъ даже намѣчаетъ нѣкоторые изъ этихъ опытовъ. Такимъ образомъ, по плану проф. Клоссовскаго, очерчивается слѣдующій составъ метеорологическаго *района*: «ядромъ является метеорологическая обсерваторія, производящая фундаментальныя и непрерывныя наблюденія; около обсерваторіи группируется постоянно расширяющаяся сѣть метеорологическихъ и сельскохозяйственныхъ наблюдательныхъ пунктовъ и, какъ послѣднее звено, вѣнчающее зданіе, опытная сельскохозяйственная станція, которая должна окончательно указать намъ наилучшіе способы обработки земли съ цѣлью увеличенія ея продуктивности». «Отдѣльные районы,—кончаетъ свою брошюру авторъ,—должны, по мѣрѣ ихъ развитія, сдѣлаться центрами, въ которыхъ будутъ группироваться разнообразныя спеціальныя климатическія изслѣдованія, подъ общимъ руководствомъ центральнаго метеорологическаго совѣта Россіи. Но, повторяемъ, на первое время *есть усилія наши должны быть направлены* на спеціальное климатическое изученіе Россіи *для пользы сельскаго хозяйства*. До сихъ поръ земля наша давала то, что хотѣла, а не то, что могла дать. Земледѣлецъ нашъ безсиленъ въ борьбѣ съ стихійными силами. Необходимо приступить систематически къ научной обработкѣ нашихъ нивъ. Пора начинать!».

Да, давно пора! И тѣмъ радостнѣе слышать такія слова, полныя энергіи и вѣры въ свое, и въ то же время общее, дѣло, что они идутъ отъ специалиста-

ученаго, а отъ нихъ мы привыкли слышать обыкновенно проповѣдь о «чистой наукѣ», о работѣ для будущаго... Никто ничего не имѣетъ противъ такой науки—она необходима, но отчего же порой и людямъ чистой науки не вспомнить, что рядомъ съ ними живутъ и страдаютъ люди, отчего не поработать и «для настоящаго»?! Великимъ ученымъ потомство воздвигаетъ памятники, но сознание, что ты сдѣлалъ все возможное для счастья твоихъ современниковъ, намъ кажется, стоитъ славы и храма.

В. Аг.

Кое-что о профессорѣ Гарнерѣ и его опытахъ изученія языка обезьянъ. Профессоръ Гарнеръ вернулся изъ Африки, гдѣ онъ прожилъ 102 дня въ клѣткѣ поставленной среди дѣвственнаго лѣса. Известно, что онъ отправился въ Африку и поселился въ дѣвственномъ лѣсу исключительно съ цѣлью узнать тайны языка гориллъ и шимпанзе. Хотя опыты его до сихъ поръ еще не увѣнчались особенно блестящими результатами, но тѣмъ не менѣе почтенный профессоръ не унываетъ и, съ упорствомъ истиннаго янки, намѣренъ добиваться цѣли. Одна бѣда: денегъ у него мало, и эта-то причина и заставила почтеннаго профессора покинуть временно свое убѣжище въ американскомъ дѣвственномъ лѣсу и вернуться на родину, гдѣ онъ разсчитываетъ, представивъ результаты своей экспедиціи, побѣдить скептическое отношеніе къ его опытамъ ученыхъ американскихъ обществъ, и заставить ихъ раскошелиться и снабдить его нужными средствами для продолженія экспедиціи. Бѣдный профессоръ, обойдя весь заколдованный кругъ ученыхъ обществъ, отправился въ Африку лишь съ скромною суммою въ 2.000 далларовъ, которыя составляли его личные средства.

Возвращаясь назадъ въ Америку Гарнеръ остановился въ Лондонѣ, гдѣ его посѣтилъ одинъ изъ сотрудниковъ «Westminster Gazette», которому Гарнеръ сообщилъ кое-что о своихъ изслѣдованіяхъ. По его словамъ, часть Африки, обитаемая гориллами, занимаетъ пространство, простирающееся отъ сѣвернаго Конго до рѣки Габунъ на югъ и возвышенною площадью на востокъ. Туземцы, утверждающіе, что гориллы водятся по всему берегу, повидимому, ошибаются, принимая бабуновъ за гориллъ. Гарнеръ вывезъ съ собою три образца гориллъ, до сихъ поръ невиданныхъ ни въ Европѣ, ни въ Америкѣ. Какъ известно, Гарнеръ намѣревался при помощи фонографа воспроизвести звуки, издаваемые гориллой, но этого ему не удалось сдѣлать, потому что у него не было съ собою фонографа. Эдиссонъ отнесся такъ же мало сочувственно къ идеѣ американскаго профессора, какъ и ученые общества, и не далъ ему фонографа, купить котораго Гарнеръ не могъ, за неимѣніемъ средствъ. Не смотря на всѣ эти препятствія, Гарнеръ все-таки считаетъ свое пребываніе въ дѣвственномъ лѣсу далеко не бесплоднымъ для науки. «Я научился,—сказалъ онъ англійскому журналисту,—подражать звуку, которымъ мать шимпанзе зоветъ своего дѣтеныша. Этотъ звукъ похожъ на произнесенный нѣсколько разъ подрядъ звукъ engh, engh, engh., только съ постепеннымъ усиленіемъ звучности и повышеніемъ тона; достигнувъ высокаго діапазона, звукъ этотъ внезапно обрывается. Я умѣю различить также звуки, которыми шимпанзе выражаютъ свое дружественное расположеніе; звукъ этотъ напоминаетъ воркованіе. Затѣмъ, я умѣю ясно различить крикъ, которымъ горилла доводитъ до свѣдѣнія своихъ товарищей, что она нашла любимую ими

пищу. Я прекрасно распознаю крикъ самца гориллы и самки и, подражая и перебивая ихъ, могу привести ихъ въ сильнѣйшее раздраженіе. Я распознаю также крикъ, которымъ горилла выражаетъ жажду, и другой, которымъ она требуетъ пищи. Я умѣю подражать крику, которымъ шимпанзе увѣдомляютъ другъ друга объ опасности. Насколько вѣрно я умѣю подражать этому крику, доказывается тѣмъ, что когда я издавалъ его, то шимпанзе немедленно становился въ оборонительное положеніе. Я могу такимъ образомъ увѣдомить ихъ о приближеніи друга или недруга, и они всегда поймутъ меня. Изъ всѣхъ звуковъ, издаваемыхъ обезьянами, ревъ гориллы самый ужасный, какой только существуетъ въ природѣ; отъ него просто кровь стынетъ въ жилахъ. Въ первый разъ я его услышалъ въ одну темную ночь, которую я провелъ въ своей клѣткѣ. Я разбудилъ маленькаго туземца, котораго взялъ себѣ въ спутники наканунѣ. Онъ спалъ крѣпкимъ сномъ, но когда я разбудилъ его и спросилъ, что это за ужасный ревъ, то онъ задрожалъ всѣмъ тѣломъ и, сказавъ, что это горилла, сталъ умолять меня вернуться въ миссію. Однако горилла не подошла близко къ клѣткѣ, и я напрасно прождалъ ее всю ночь, вооружившись револьверомъ. Мой маленькій спутникъ, негръ, категорически отказался на другой день оставаться со мною въ клѣткѣ. Негры слишкомъ боятся гориллы, и этотъ суевѣрный страхъ передъ «лѣснымъ человѣкомъ» не могутъ побѣдить никакіе доводы».

Профессоръ Гарнеръ произвелъ много наблюденій надъ бытомъ обезьянъ, за которыми онъ слѣдилъ, сидя въ своей клѣткѣ. Вотъ на эти-то результаты своего пребыванія въ Африкѣ онъ и рассчитываетъ, какъ на средство возбудить къ своимъ опытамъ интересъ въ ученыхъ обществахъ настолько, чтобы они рѣшились, наконецъ, помочь ему организовать новую экспедицію и снабдить ее всѣмъ необходимымъ.

Психологія неорганизованнаго міра. Преемникъ знаменитаго французскаго ученаго Броунъ Секара въ «Collège de France», г. д'Арсонваль пришелъ къ изумительному заключенію на основаніи нѣкоторыхъ своихъ опытовъ, что способность воспоминаванія и память свойственны не однимъ только живымъ существамъ. Этою способностью обладаютъ, по мнѣнію этого ученаго, даже неорганизованныя тѣла. Извѣстно, что у живыхъ существъ нервныя клѣтки воспринимаютъ вѣншее впечатлѣніе, подобно фотографической пластинкѣ, и сохраняютъ его. Иногда подъ вліяніемъ нашей воли, а иногда и помимо ея, это первичное впечатлѣніе снова какъ бы возрождается, отсюда воспоминаванія, память и т. д. Д'Арсонваль утверждаетъ, что этимъ же свойствомъ запечатлѣвать полученное впечатлѣніе обладаютъ не только органическія клѣтки, но и неорганизованныя тѣла. Конечно, о сознаніи тутъ не можетъ быть рѣчи, потому что его не существуетъ, но молекулы неорганическаго тѣла сохраняютъ слѣды полученнаго извнѣ впечатлѣнія. Говоря проще: всякое тѣло, измѣненное подъ вліяніемъ вѣншей причины, долго сохраняетъ неизгладимые слѣды этого измѣненія. Возвратить такое измѣненное тѣло къ его первичному состоянію не легко, и въ немъ обнаруживается какъ бы сопротивленіе такому возвращенію и стойкость въ сохраненіи полученнаго впечатлѣнія. Свой взглядъ д'Арсонваль подтверждаетъ слѣдующими двумя основными наблюденіями: возьмите ку-

сочекъ мягкаго желѣза и превратите его въ электромагнитъ, пропустивъ черезъ него электрическій токъ. До сихъ поръ было принято думать, что какъ только токъ перестаетъ на него дѣйствовать, то мягкое желѣзо тотчасъ же теряетъ свои магнитныя свойства. Ничуть не бывало! Что бы ни дѣлали, желѣзо все-таки сохраняетъ въ себѣ чуточку магнитныхъ свойствъ. Даже если пропустить черезъ него токъ въ противоположномъ направленіи, эти свойства все-таки не исчезаютъ и сохраняются неопредѣленно долгое время.

Другое наблюденіе слѣдующаго рода: въ своихъ изысканіяхъ, предпринятыхъ съ цѣлью изученія вліянія холода и электричества на микробовъ, д'Арсонваль подвергалъ дѣйствию электрическихъ токовъ разной силы питательный бульонъ, въ которомъ не было еще сдѣлано разводокъ бактерій. Электричество вызывало въ этомъ бульонѣ измѣненія, которыхъ, однако, не могъ бы опредѣлить ни одинъ химикъ и физикъ. Въ составѣ бульона не мѣнялось ничего, но свойства его мѣнялись, такъ какъ разводка однихъ и тѣхъ же бактерій, въ наэлектризованномъ и не наэлектризованномъ бульонѣ, давала совершенно равные результаты, хотя первоначальная причина, по дѣйствовавшая на бульонъ, и была устранена. И такъ, по мнѣнію д'Арсонваля, бульонъ, подвергнутый вліянію электричества и холода, и по устраненіи этого вліянія «помнить» о своемъ предшествующемъ состояніи настолько, что это отражается на развитіи бактерий. Разуздается, такое объясненіе слишкомъ ужъ поэтично, и гораздо проще сказать, что подъ вліяніемъ вѣншей причины въ жидкости произошли перемѣны, которыя дѣйствуютъ тѣмъ или другимъ образомъ на развитіе микробовъ. Но дѣло, конечно, не въ фантастической гипотезѣ г-на д'Арсонваля—ее мы не стали бы и сообщать читателю, еслибы она не послужила поводомъ къ сообщенію весьма интересныхъ наблюденій.

Самый удивительный опытъ, въ данномъ случаѣ, принадлежитъ доктору Люису. Люисъ говоритъ, что это свойство мягкаго желѣза давно уже извѣстно ему и составляетъ для него неоспоримый фактъ. Мягкое желѣзо обладаетъ способностью не только сохранять сообщенныя ему магнитныя вибраціи, но въ состояніи воспринимать черезъ покрывку черепа вибраціи головного мозга и сохранять ихъ болѣе или менѣе долгое время. Для доказательства своихъ словъ докторъ Люисъ произвелъ слѣдующій опытъ въ присутствіи многочисленнаго собранія біологическаго общества. «Видите ли,—сказалъ онъ,—этотъ обручъ изъ намагниченной стали. Годъ назадъ, я надѣвалъ его на голову женщины, страдавшей меланхоліей, идеями преслѣдованія и наклонностью къ самоубійству. Послѣ шести сеансовъ съ такимъ обручемъ въ состояніи этой женщины обнаружилась значительная перемѣна къ лучшему, такъ что я смелъ возможнымъ выпустить ее изъ больницы. Черезъ двѣ недѣли, я совсѣмъ случайно надѣлъ этотъ обручъ на голову мужчины, страдавшаго истеріей и подверженнаго припадкамъ летаргіи. Я загнувогивировалъ его и затѣмъ надѣлъ ему на голову этотъ обручъ. Каково же было мое удивленіе, когда этотъ самый субъектъ, находясь въ состояніи сомнамбулизма, началъ вдругъ выражать тѣ же самыя жалобы, которыя выражала вышеупомянутая больная двѣ недѣли тому назадъ. Любопытнѣе всего, что субъектъ при этомъ говорилъ о себѣ въ женскомъ родѣ и слово въ слово то, что говорила раньше больная, носившая

этотъ обручъ на головѣ; очевидно, черезъ посредство этого обруча его мозговой ткани сообщилось то состояніе, въ которомъ находился мозгъ упомянутой больной». Люисъ прибавилъ, что онъ повторялъ этотъ опытъ нѣсколько разъ и съ разными субъектами и всегда получались одни и тѣ же результаты. Такой же опытъ былъ произведенъ и въ собраніи біологическаго общества съ одинаковымъ результатомъ.

Докторъ Люисъ убѣжденъ, что извѣстныя вибраціонныя состоянія головного мозга, а быть можетъ, и нервной системы, могутъ передаваться намагниченной пластинкѣ и удерживаться въ ней подобно тому, какъ удерживаются магнитныя колебанія въ мягкомъ желѣзѣ, оставляя въ немъ слѣды. Также какъ и въ опытахъ д'Арсонваля, свойство, приобретенное стальнымъ обручемъ, можетъ быть уничтожено только огнемъ; обручъ надо раскалить до красна, чтобы лишить его этихъ свойствъ.

Какъ ни кажутся невѣроятными подобныя явленія, все-таки было бы большою ошибкою относиться къ нимъ съ предвзятою мыслью. Мы такъ еще мало свѣдуши во всемъ томъ, что касается явленій нервной системы, и такъ много намъ еще остается сдѣлать въ этой области. Было бы очень важно изслѣдовать вліяніе неорганическихъ тѣлъ на нервную систему, и обратно.

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ.

Искусственный каучукъ. Способъ приготовленія искусственнаго каучука былъ случайно открытъ однимъ американскимъ живописцемъ, пытавшимся приготовить изъ хлопчатниковаго масла лакъ для покрытія картинъ и, къ удивленію своему, получившимъ при этомъ, вмѣсто лака, вещество, ничѣмъ не отличающееся отъ естественнаго каучука. Техники, которымъ было показано это вещество, признали его за настоящій каучукъ и не хотѣли вѣрить, что продуктъ этотъ полученъ искусственнымъ путемъ. Одинъ крупный фабрикантъ каучуковыхъ издѣлій въ Востонѣ, получивъ свѣдѣнія о новомъ открытіи и оцѣнивъ его надлежащимъ образомъ, тотчасъ же вступилъ въ договоръ съ изобрѣтателемъ и предоставилъ въ распоряженіе этого послѣдняго 30.000 долларовъ для устройства каучуковаго завода. Все это происходило около года тому назадъ. Въ настоящее время заводъ этотъ уже построенъ (въ г. Саваннѣ, шт. Джорджія) и функционируетъ съ полнымъ успѣхомъ. Добываемый на немъ продуктъ, по свидѣтельству специалистовъ, нельзя даже и отличить отъ лучшаго бразильскаго или гвіанскаго каучука. Секретъ фабрикаціи держится въ глубокой тайнѣ... Насколько выгодна эта фабрикація, объ этомъ можно судить по тому, что изъ одной тонны хлопчатниковаго масла, стоющей около 150 долларовъ, каучука получается на сумму въ 5.000 долларовъ. Не лишнимъ считаемъ прибавить къ этому, что въ настоящее время искусственный каучукъ можетъ быть получаемъ еще и другимъ способомъ. Недавнія изслѣдованія химиковъ Тильдена и Бушарда показали, что терпетинное масло или по-просту скипидаръ содержитъ въ себѣ одинъ изъ продуктовъ сухой перегонки каучука, а именно, изопрениъ,—тѣло, послѣ обработки сильными кислотами превращающееся

въ твердую эластическую массу, по своимъ свойствамъ совершенно тождественную съ настоящимъ каучукомъ. Какъ и этотъ послѣдній, терпентиновый каучукъ способенъ комбинироваться съ сѣрою и давать при этомъ «вулканизированный» продуктъ... Какъ читатель видитъ, каучуковой промышленности не придется переживать кривизна вслѣдствіе истребленія каучуковаго дерева на его родинѣ: пока будетъ хлопчатникъ и скипидаръ, не будетъ недостатка и въ каучукѣ... («Рус. Вѣд.»).

Нефть, какъ средство противъ филлоксеры. Французскій ученый де-Мели, путемъ изученія историческихъ данныхъ, нашелъ, что въ древности противъ филлоксеры примѣнялось «каменное масло». Онъ отыскалъ въ сочиненіяхъ греческаго писателя и географа Страбона мѣсто, въ которомъ онъ говоритъ, какъ надо обращаться съ большою виноградною лозою. У Теофраста, жившаго въ IV вѣкѣ до Р. Х., въ сочиненіи о минералахъ, находится упоминаніе объ *Ampelitis*, которая употреблялась для удобренія больныхъ виноградниковъ. Это удобрение — не что иное, какъ земля, содержащая въ себѣ нефть; о ней же говорится и у нѣкоторыхъ писателей средних вѣковъ. Пользуясь этими указаніями, де-Мели началъ производить опыты, о результатахъ ихъ онъ недавно докладывалъ въ парижской академіи наукъ. Онъ поливалъ нефтью землю въ виноградникѣ, пораженномъ филлоксерой, и успѣхъ такого леченія оказался весьма наглядно: ягоды получились здоровыя, и никакого вреднаго вліянія нефти на виноградныя лозы не обнаружено. («Образованіе»).

Распространеніе университетскаго образованія въ Австраліи. Движеніе «распространенія университетскаго образованія» проникло даже въ Австралію. Какъ сообщаетъ «University-Extension Journal», Мельбурнскій университетъ взялъ на себя инициативу распространенія университетскихъ знаній въ народѣ, подобно тому, какъ это дѣлаютъ университеты въ Европѣ и Америкѣ. Въ Австраліи это дѣло сопряжено съ большими трудностями, чѣмъ въ другихъ странахъ — деревенское населеніе тамъ болѣе разбросано и пути сообщенія очень неудобны. Но, съ другой стороны, жители Австраліи (разумеется, рѣчь идетъ, главнымъ образомъ, объ англійскихъ поселенцахъ) въ среднемъ богаче и имѣютъ больше свободнаго времени, чѣмъ, напримѣръ, жители Англій.

Въ настоящее время въ Австраліи устроено уже 19 курсовъ лекцій по исторіи, литературѣ, искусству, антропологіи, философіи, химіи, биологіи и пр. Кромѣ того, будутъ читаться лекціи по исторіи и теоріи музыки, сопровождающіяся исполненіемъ произведеній Бетховена, Шумана и Шуберта.

Странствующие учителя рисованія и черченія. Кустарнымъ отдѣломъ Министерства Государственныхъ Имуществъ вырабатывается проектъ мѣръ для распространенія между кустарями рисованія и черченія. Предполагается командировать въ районы кустарной промышленности, существующіе въ которыхъ промыслы наиболее нуждаются въ помощи рисованія и черченія, странствующихъ учителей рисованія. («Рем. Газ.»).

Число слушательницъ Гельсингфорскаго университета. Въ настоящее время число слушательницъ Гельсингфорскаго университета дости-

гаеть 56. Изъ нихъ 25 на историко-философскомъ факультетѣ, 24—на физико-математическомъ, 4—на медицинскомъ и 3—на юридическомъ. Изъ нихъ двое имѣютъ дипломъ кандидата медицины. Стипендіями пользуются четверо. Старшей изъ слушательницъ 37 лѣтъ, младшей—19.

Женская труппа. «Indépendance Belge» рассказываетъ, что въ Лондонѣ на сценѣ одного театра «Prince of Wales Theatre» имѣла большой успѣхъ труппа, состоящая изъ однихъ только женщинъ. Всѣ мужскія роли исполнялись въ этой труппѣ женщинами. Труппа ставила преимущественно шекспировскія пьесы. Шекспировская комедія «Какъ вамъ угодно» сошла очень хорошо. Въ этой пьесѣ всего лишь три женскія роли, Целія, Феба, Розалинда—послѣдняя опять-таки перодѣтый мужчина, и восемь мужскихъ, не считая множества придворныхъ, охотниковъ, дѣсничихъ и пр. Такое обиліе мужского элемента въ пьесѣ, однако, не поставило въ затрудненіе актрисъ, которыя справились со своею задачею очень удачно. Надо замѣтить, что это представленіе является совершенною противоположностью того, что происходило во времена Шекспира. При королевѣ Елизаветѣ, какъ извѣстно, доступъ на сцену былъ воспрещенъ женщинамъ и комедія «Какъ вамъ угодно» исполнялась исключительно мужчинами. Э.

Пляска глазъ. Среди рабочихъ, занимающихся въ каменноугольныхъ копяхъ въ Западной Европѣ, распространена глазная болѣзнь, извѣстная подъ названіемъ Nystagmus (Нистагмусъ). По словамъ «Горно-Заводскаго Листка» болѣзнь эта находится въ тѣсной связи съ дурнымъ освѣщеніемъ мѣста работы; устраненіе этого зла значительно увеличило бы безопасность шахтъ, подобно тому, какъ посредствомъ вентиляціи избавили рудокоповъ отъ развитія малокровія. Нистагмусъ рудокоповъ можно назвать «пляскою глазъ», которая замѣчается, когда взглядъ рудокопа направленъ вверхъ, или по прямому направленію, или по сторонамъ. Этого болѣзненного припадка не замѣчается, когда рабочій смотритъ внизъ. Движенія глаза при нистагмусѣ слѣдуютъ сверху внизъ, справа налѣво, или же совершается круговращательное движеніе. Количество движеній различно, въ среднемъ около 80 въ минуту. Появленіе припадка пляски глазъ обнаруживается при поднятіи взгляда изъ нормальнаго положенія вверхъ. Болѣзнь сопровождается различными признаками, между которыми главнѣйшіе: пляска окружающихъ предметовъ, головокруженіе, головная боль, двоеніе предметовъ, ночная или куриная слѣпота, близорукость, слѣтболѣзнь, слезы и пр. Работникъ, страдающій пляскою глазъ, принимаетъ особенную осанку: обыкновенно онъ идетъ съ опущенной внизъ головою, для уменьшенія дѣятельности верхнихъ глазныхъ мышцъ. Походка тяжело страдающаго рудокопа въ высшей степени затруднительна; послѣ дневной смѣны онъ чувствуетъ себя настолько оглушеннымъ и обезсиленнымъ, что часто спотыкается, какъ будто пьяный; въ такомъ случаѣ тяжело страдающему нистагмусомъ необходимо воспретить всякую работу. Во многихъ случаяхъ упомянутыя частныя безпокойства не являются. Слабыя движенія глазъ при нистагмусѣ могутъ наступить очень скоро и называются легкимъ, первоначальнымъ или скрытымъ нистагмусомъ. Такого рода видоизмѣненіе наступаетъ нерѣдко при такихъ условіяхъ, что самъ больной этого не замѣчаетъ. Оно образуетъ первую степень болѣзни и распространено въ сѣверномъ бассейнѣ

Франці до 10% между всіма рудокопами. Тяжелая форма этой болѣзни, въ весьма рѣдка. (Р. В.)

Благотворное вліяніе краснаго цвѣта на оспенныхъ больныхъ. Благодаря опытамъ Линдгольма и Фивзене, въ Бергенѣ оказалось, что на оспенныхъ больныхъ благотворно дѣйствуетъ красный цвѣтъ, въ виду этого въ окрестностяхъ Нью-Йорка одинъ изъ павильоновъ госпиталя былъ устроенъ съ красными стеклами. Этотъ павильонъ предоставленъ исключительно оспеннымъ больнымъ. Интересно, что еще въ XIV вѣкѣ европейскіе врачи имѣли обыкновеніе окружать постели оспенныхъ больныхъ красными драпировками, которыя якобы прогоняли болѣзнь. Красный цвѣтъ вліяетъ благотворно тѣмъ, что не пропускаетъ фіолетовыхъ лучей, сильно раздражающихъ кожу.

(«Revue scien.»).

Сравнительная скорость поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ. Предсѣдатель французскаго общества гражданскихъ инженеровъ Дю-Буске въ своей рѣчи, касающейся скорости поѣздовъ желѣзныхъ дорогъ, говорить, что въ этомъ отношеніи первое мѣсто въ Европѣ занимаетъ Англія:

	Въ Англіи.	Во Франціи.
въ 1873 г. средняя скорость доходила...	до 71,6 килом.	62 килом.
> 1883 > > > ... >	79,4 >	69,6 >
> 1889 > > > ... >	82 >	72 >
> 1893 > > > ... >	86 >	82 >

Въ Америкѣ въ 1893 г. скорость доходила до 89 килом. на линіи между Нью-Йоркомъ и Чикаго.

Въ Германіи только на линіи Берлинъ-Гамбургъ средняя скорость опережаетъ Францію. («Revue scient.»).

Самыя маленькія книги на свѣтѣ. Въ Парижѣ у одного любителя существуетъ очень любопытная бібліотека, заключающая въ себѣ 700 томовъ самыхъ маленькыхъ книгъ на свѣтѣ. Самая большая книга въ этой коллекціи,—сочиненія Лафонтена, напечатанныя микроскопическимъ шрифтомъ въ 1850 году. Листъ этой книги имѣетъ 54 миллиметра въ длину и 33 въ ширину. Самая же маленькая—«Божественная комедія» Данте, составляющая томикъ въ 500 страницъ, имѣющихъ 38 миллиметровъ въ длину и 22—въ ширину. Въ коллекціи есть классическіе авторы, Оды Горация, Петрарка, Ларошфуко и т. п., а также историческія и политическія сочиненія; Ветхій и Новый Заветъ съ миниатюрными, мастерски исполненными, гравюрами. Кромѣ того, бібліографическія рѣдкости: нѣмецкій катехизисъ XVII столѣтія, отпечатанный въ Нюрембергѣ въ 1661 году, размѣромъ въ 42 миллиметра въ длину и 25—въ ширину, въ старинномъ кожаномъ переплетѣ. Недавно эту бібліотеку осматривалъ извѣстный французскій ученый Гастонъ Тиссандье, который назвалъ ее «самой курьезной бібліотекой на свѣтѣ».

3.

This book should be returned to
the Library on or before the last date
stamped below.

A fine is incurred by retaining it
beyond the specified time.

Please return promptly.

WID
CANCELLED
BOOK DUE
NOV 24 1987
FEB - 9 1988
2444312

